

ФИЛИП ШАФФ

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

VIII

Современное христианство

Реформация в Швейцарии

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

HISTORY of the CHRISTIAN CHURCH

Philip Schaff

*Christianus sum. Christiani nihil
a me alienum puto*

VOLUME VIII
MODERN CHRISTIANITY
THE SWISS REFORMATION

WM. B. EERDMANS PUBLISHING COMPANY
GRAND RAPIDS MICHIGAN

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

Филип Шафф

*Christianus sum. Christiani nihil
a me alienum puto*

ТОМ VIII СОВРЕМЕННОЕ ХРИСТИАНСТВО

РЕФОРМАЦИЯ В ШВЕЙЦАРИИ

«БИБЛИЯ ДЛЯ ВСЕХ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2012

HISTORY OF THE CHRISTIAN CHURCH

Copyright 1910
by CHARLES SCRIBNER'S SONS

Photolithoprinted by
Eerdmans Printing Company
Grand Rapids, Michigan, U.S.A.

*A reproduction of the third edition, revised
Reprinted, February 1994*

Переводчик Рыбакова О. А.

Редактирование и верстка: Цыганков Ю. А.

Дизайн обложки: Молчанов А. Ю.

*На обложке: Кальвин. Гравюра
из университетской библиотеки Невшателя*

Все замечания и пожелания
просим направлять по адресу:

*195009, Санкт-Петербург, ул. Лебедева 31, 9-Н
Христианское общество «Библия для всех»,
издательский отдел*

Тел. (812) 542-86-61

Эл. почта: bfe@mail.wplus.net

Интернет: <http://www.bible.org.ru>

ISBN 978-5-7454-1274-5

© Русский перевод, оформление, «Библия для всех», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот том содержит историю плодотворного периода Реформации, в котором главными действующими лицами были Лютер, Цвингли и Кальвин. Здесь рассматривается протестантское движение в немецкой, итальянской и французской Швейцарии в конце XVI века.

В прошлом году с большим патриотическим энтузиазмом отмечался юбилей: древнейшей из сохранившихся республик исполнилось шестьсот лет. В первый день августа 1291 г. вольные жители Ури, Швица и Унтервальдена заключили «во имя Господа» «вечный союз» ради совместной защиты своей жизни, имущества и свободы в борьбе с внутренними и внешними врагами. В тот же день в 1891 г. это великое событие отмечалось во всех поселениях Швейцарии звоном колоколов и фейерверками на горах, а на следующий день, в воскресенье, службы благодарения проводились в каждой церкви, католической или протестантской. Основные празднества проходили с 31 июля по 2 августа в городах Швиц и Бруннен. Там присутствовали федеральные власти, власти кантонов, гражданские и военные, и великое множество зрителей. Самой интересной особенностью стало драматическое представление основных событий швейцарской истории: священных клятв Швица, Бруннена и Грютли, поэтической легенды о Вильгельме Телле, героических битв за свободу и независимость от Австрии, Бургундии и Франции, явления почтенного Николая Флюсского в качестве миротворца на рейхстаге в Штансе и главных сцен Реформации, революции и современных преобразований. Говорят, что эта драма, разыгранная под открытым небом на фоне гор, долин и Люцернского озера, по занимательности и таланту исполнения была сравнима со знаменитым представлением о страстях Иисуса в Обераммергау. Похожие празднества состоялись не только во всех городах и деревнях Швейцарии, но и в швейцарских колониях за рубежом, в том числе в Нью-Йорке, 5, 6 и 7 сентября¹.

Швейцария и Соединенные Штаты всегда относились друг к другу с дружеской симпатией. Обе страны стремились создать правительство свободы без вседозволенности и власть без деспотизма, правление закона и порядка без постоянной армии, правление народа, осуществляемое народом и для народа под единой властью Всемогущего Бога.

В период Реформации в Швейцарии было столько же кантонов (13), сколько штатов было в Америке изначально, и швейцарский рейхстаг тогда был свободной конфедерацией, представлявшей только кантоны, но не народ, каким был и американский континентальный Конгресс. После пересмотра конституции в 1848 и 1874 гг. Швейцарская республика, следуя примеру американской консти-

¹ В связи с торжествами был внесен существенный вклад в написание истории Швейцарии, и эти труды следует добавить к списку литературы на стр. 17. Я упомяну W. Oechsli: *Die Anfänge der schweizerischen Eidgenossenschaft*. Zürich, 1891. — Jos. Ig. von An: *Die Bundesbriefe der alten Eidgenossen von 1201 bis 1513*. Einsiedeln, 1891 — Pierre Vaucher: *Les Commencements de la Confédération suisse*. Lausanne, 1891. — Georg von Wyss: *Rede bei der Bundesfeier der Eidgenössischen polytechn. Schule, und der Hochschule Zürich am 25 Juli 1891*. Zürich, 1891. *Denkschrift der historischen u. antiquarischen Gesellschaft zu Basel. Zur Erinnerung an den Bund der Eidgenossen vom 1 Aug. 1291*. Basel, 1891. Второй том Dierauer, *Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft*, Gotha, 1892, — но там описана история только до 1516 г., когда началась Реформация.

туции, из свободной аристократической конфедерации превратилась в централизованное федеральное государство², с представителями как кантонов, так и народа. Современная швейцарская конституция в одном отношении даже более демократична, чем конституция Соединенных Штатов, ибо она позволяет народу выступать инициатором референдумов, предлагающих или отвергающих тот или иной закон.

Но между двумя странами есть узы еще более прочные, чем сходство политических установлений. Цвингли и Кальвин направили Реформацию на запад, во Францию, Голландию, Англию и Шотландию, и оказали, косвенным образом, формирующее влияние на ведущие евангельские церкви Америки. Джордж Банкрофт, американский историк, который сам не был кальвинистом, считал, что республиканские установления Соединенных Штатов порождены кальвинизмом при посредничестве английского пуританства. Писатель более недавнего периода, Дуглас Кэмпбелл, шотландского происхождения, считает, что республиканские установления Америки берут начало в Голландии, которая еще больше подверглась влиянию женевого реформатора, чем Англия. Кальвинизм порождает много мужественных, независимых и искренних личностей, которые боятся Бога, и ничего больше, и выступают за политическую и религиозную свободу. Первые и оказавшие наибольшее влияние поселенцы в Соединенных Штатах — пуритане из Англии, пресвитериане из Шотландии и Ирландии, гугеноты из Франции, реформаты из Голландии и Палатината — были кальвинистами. Они привезли с собой Библию и реформатские вероисповедания. Кальвинизм был основным богословием Новой Англии в течение всего колониального периода, и он в значительной степени продолжает управлять богословием пресвитерианских, конгрегационалистских и баптистских церквей.

При исследовании источников я нашел много ценного в библиотеках Швейцарии, особенно в *Stadtbibliothek* Цюриха, которая содержит бесценную коллекцию Зимлера и все важные труды, касающиеся Реформации в Швейцарии. Я с великим удовольствием выражаю признательность доктору Г. фон Виссу, директору, и доктору Эшеру, библиотекарю, за их внимание и доброту во время моих неоднократных посещений этой библиотеки.

Источники о Реформации во французской Швейцарии сейчас стали более доступны благодаря новому критическому изданию трудов Кальвина, сборнику переписки французскоязычных реформаторов, составленному Герминьярдом (он еще не закончен), и публикациям документов по истории Женевы в период деятельности Кальвина, в том числе регистров совета и консистории.

Я много цитировал труды и письма Кальвина, которые помогают нам лучше понять его мысли и сердце. Я ознакомился также с основными его биографиями — французскими, немецкими и английскими; с его восторженными поклонниками — Безой, Генри, Штагелином, Бунгенером и Мерлем д'Обинье; с его беспощадными противниками — Бользеком, Галиффом и Оденом; и с его беспристрастными критиками — Дайером и Кампшульте. Труд доктора Генри (1844) был первой подобающей биографией великого реформатора и до сих пор остается непревзойденным в плане богатства подлинных материалов, хотя они не так уж хорошо организованы и оценены³. «История Реформации» доктора Мерля

² *Bundesstaat*, как отличный от *Staatenbund*.

³ Первый и второй тома более полной биографии доктора Генри мы иногда цитируем по английскому переводу доктора Стеббинга, но третий том — только по оригиналу, потому что доктор Стеббинг опускает все приложения и почти все оригинальные документы.

д'Обинье заканчивается 1542 г. Томас Х. Дайер, автор «Истории современной Европы» (начиная с падения Константинополя и до 1871 г.), а также других исторических трудов, написал первую талантливую и интересную биографию Кальвина на английском языке, которая основана преимущественно на переписке Кальвина, трудах Рухата, Генри, а в главе о Сервете — Мосгейма и Трешселя. В целом эта биография точна и справедлива, но холодна и лишена симпатии. Восхитительный труд профессора Кампшульте основан на прекрасном знании источников, но, к сожалению, не полон, так как освещает события только до 1542 г. Материалы для написания второго и третьего томов после его смерти (в декабре 1872 г.) попали в руки профессора Корнелия из Мюнхена, который, однако, до сих пор написал только несколько разделов. Его дифирамбы гению и чистоте характера Кальвина (см. пар. 54) являются интересной параллелью красноречивой дани Доллингера Лютеру (цит. в т. VII, пар. 124) и еще более ценны оттого, что он не соглашался с богословием и церковной политикой Кальвина, ибо он был старокатоликом и близким другом Ройша и Доллингера⁴.

Единственной задачей историка должна быть правда, полная правда и ничего, кроме правды.

Я посвятил этот том своим соотечественникам и старейшим из моих друзей в Швейцарии, доктору Георгу фон Виссу из Цюриха и доктору Фредерику Годе из Невшателя. Один из них — представитель немецкой, другой — представитель французской Швейцарии. Оба хорошо известны. Один — историческими, другой — экзегетическими трудами. Они следили за подготовкой этой книги с симпатией и интересом и оказали мне услугу, прочитав рукопись⁵.

⁴Профессор Ройш из Бонна милостиво сообщил мне в письме (от 8 сентября 1891 г.), что Кампшульте сначала учился на священника, был ортодоксом и благочестивым католиком, но выступил против ватиканского декрета о папской непогрешимости в 1870 г., поэтому может считаться практически отлученным. Ройш совершил для него последнее помазание (архиепископу Кельна было запрещено делать это для священника-ультрамонтанина). Благоприятный и подробный отзыв о первом томе труда Кампшульте приводится в издании Ройша, *Literaturblatt* 1869, No. 662. Его автор — доктор Гефеле из Тюбингена. Статья эта написана незадолго до того, как он стал епископом Роттенбурга. Гефеле, как участник Ватиканского собора, был одним из самых ученых оппонентов папской непогрешимости, но позже подчинился решению собора ради сохранения мира. Биографическая заметка о Кампшульте, написанная Корнелием, присутствует в пятнадцатом томе *Allgemeine Deutsche Biographie*.

⁵Я позволил себе процитировать несколько отрывков из недавних писем этих швейцарских ученых, так как их слова могут быть интересны для читателя. Доктор фон Висс пишет: *Ihr Vaterland in Amerika und die englische Sprache geben dem Werke ein Gepräge, welches dasselbe von deutschen ähnlichen Schriften eindrucklich unterscheidet — es liegt ein so unmittelbares Auffassen und Erfassen der Hauptsache, auf die es ankommt, ein so bestimmtes Losgehen auf das Leben, das Praktische, darin — dass mich dieser charakteristische Zug Ihrer gewaltigen Arbeit ungemain anzieht. Wie verschieden sind doch die Anlagen und die Bedürfnisse der Völker! Wer wollte deutsches, französisches, englisches, amerikanisches Blut und Wesen (ich nenne sie nach der historischen Reihenfolge) zusammenschmelzen können! überall ein eigenthümlicher Zug! Jeder werthvoll und lieb, wenn er nicht übertrieben wird! Wer soll die Einheit bilden? Darüber sind wir, mein hochverehrter Freund (ich bin glücklich, so sagen zu dürfen), einig. Aber was wird es einst sein, wenn wir diese Einigung in ihrer vollen Verwirklichung, über dieser Erde, erblicken werden! — Ich lese die Prohebogen allezeit mit dem grössten Vergnügen. Die Klarheit, Bestimmtheit und Genauigkeit Ihrer Darstellung (bis in's Einzelste) und der Geist von dem sie getragen ist, gewähren mir die grösste Befriedigung... Was Zwingli in seiner Expositio Fidei an König Franz I über die Welt jenseits des Grabes sagt, ist mir von allen seinen Aeusserungen stets das Liebste, und in nichts fühle ich mich ihm mehr verwandt als gerade darin, — sowie in der Liebe, die ihn zu Bullinger zog. Доктор Годе (3 декабря 1891): Du scheinst zu fürchten, dass die Druckbogen mir eine Last seien. Im Gegentheil, sie sind mir eine Freude und Belehrung gewesen. Ich habe nie etwas so Befriedigendes über den Gegenstand gelesen. Calvin tritt hervor mit seinem wahren Gesicht und in seiner hehren Gestalt. Ich danke Dir herzlich für diese Mittheilung.* Он же, в более недавнем

Я весьма воодушевлен тем теплым приемом, который моя «История церкви» получила в Америке и за рубежом. Первые три тома были вольно переведены на китайский язык преподобным Д. З. Шеффилдом (миссионером из Американского совета) и на хинди преподобным Робертом Стюартом (из пресвитерианской миссии в Сиалкоте).

Я уже далеко продвинулся в написании пятого тома, который завершит историю Средневековья. Я откладывал работу над ним до очередного визита в Рим и Флоренцию, для более полного изучения эпохи Возрождения, которая предшествовала Реформации. Для того чтобы довести историю до настоящего времени, как я изначально планировал, понадобится еще два или три тома. Но как много дел в мире остаются незавершенными! *Ars longa, vita brevis.*

Июнь 1892 года

Постскрипtum. Это предисловие было уже готово к печати и книга почти закончена, но 15 июля моя работа внезапно была прервана ударом, который меня парализовал, когда я был на озере Мохок (где проводил лето). Сейчас, благодаря благому Божьему провидению, здоровье мое почти восстановилось. О моих переживаниях рассказывает псалом 102, с его благодарениями и восхвалениями.

Я сожалею, что не смог переработать главы XVII и XVIII, особенно то, что там сказано о влиянии Кальвина на реформатские церкви Европы и Америки (§162 и 163), настолько полно, насколько мне хотелось бы. Мой друг, преподобный Сэмюэль Маколей Джексон, был со мной, когда я заболел, и он помог мне с последней главой, о Безе, так как был хорошо знаком с этой темой. Сначала я хотел добавить историю французской Реформации, но тогда том стал бы слишком объемным, и это замедлило бы публикацию. Однако я добавил, в приложении, список литературы, который подготовил какое-то время назад в библиотеке Исторического общества французского протестантизма в Париже, а потом обновил. У меня есть сейчас большая часть книг из этого списка.

Я могу поздравить себя с тем, что, несмотря на серьезное препятствие, я смог выпустить историю Реформации Германии, своей родной страны, до пятидесятого года моей академической деятельности, которая началась в декабре 1842 г. в Берлинском университете, когда мой любимый учитель, Неандер, был в расцвете сил. Год спустя, по рекомендации его и Толука, синод Немецкой реформатской церкви в Соединенных Штатах пригласил меня на работу в США в качестве профессора богословия, и я никогда не жалел, что принял приглашение. Ибо это великая привилегия — смиренно трудиться ради царства Христова в Америке, которая в этом месяце отмечает, вместе со всем цивилизованным миром, четырехсотлетие своего открития.

Благодарный за прошлое и с надеждой смотрящий в будущее,
Филип Шафф, Богословская Семинария Союза
Нью-Йорк, 12 октября 1892 г.

послании, писал: «Молюсь о том, чтобы нам обоим было дано до конца жизни завершить труды, которые мы начали, — тебе твою “Историю”... а мне — мое “Введение в Новый Завет”... Первый том, про послания Павла, будет, как я надеюсь, закончен и напечатан в конце года (1892), если...». Почтенному автору идет сейчас восьмидесятый год.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание (1500 экземпляров) полностью разошлось. Я перечитал книгу и исправил ряд типографских ошибок, в основном во французских словах из последних глав. Других улучшений не потребовалось.

Ф. Ш.
9 августа 1893 года

КНИГА II

**ШВЕЙЦАРСКАЯ
РЕФОРМАЦИЯ**

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

§1. Швейцария до Реформации

ШВЕЙЦАРИЯ принадлежит к числу стран, чье историческое значение обратно пропорционально их размеру. Бог часто избирает малое ради великих целей. Палестина дала миру христианскую веру. Из маленькой Греции произошли философия и искусство. А Швейцария — колыбель реформатских церквей. Эта страна, на территории которой возвышаются покрытые снегом Альпы, породила полноводные реки и реформатскую веру, как Германия была родиной веры лютеранской. Принципы швейцарской Реформации, подобно водам Рейна и Роны, перемещались на запад, вслед за солнцем, во Францию, Голландию, Англию, Шотландию и на новый континент, который Цвингли и Кальвин знали только по имени. Завоевания меча незначительны в сравнении с интеллектуальными и моральными достижениями. Миром правят идеи. А идеи бессмертны.

До XVI века Швейцария не оказывала никакого влияния на дела Европы, если не считать отваги ее обитателей при защите собственной свободы и в иноземных войнах. Но в XVI веке она встала бок о бок с Германией в деле того великого религиозного обновления, которое повлияло на всю современную историю целиком⁶.

Республика Швейцария, которая до сих пор сохраняет свою независимость в окружении монархий, была основана посредством заключения «вечного союза» между тремя «лесными кантонами»: Ури, Швицем и Унтервальденом, 1 августа 1291 г. — и постепенно росла вследствие завоеваний, приобретения земель и добровольного их присоединения. Люцерн (четвертый лесной кантон) присоединился к конфедерации в 1332 г., Цюрих — в 1351 г., Гларус и Цуг — в 1352 г., Берн — в 1353 г., Фрибур (Фрейбург) и Золотурн (Золер) — в 1481 г., Базель и Шафхаузен — в 1501 г., Аппенцелль — в 1513 г. Ко времени Реформации кантонов было тринадцать. С ними были соединены, посредством приобретения, завоевания или добровольного согласия, в качестве общих территорий или свободных округов⁷, прилегающие земли Ааргау, Тургау, Валлиса, Женева, Граубюндена, княжества Невшатель и Валанген и несколько городов (Биль, Мюльхаузен, Ротвейль, Локарно и др.). С 1789 г. количество кантонов возросло до двадцати

⁶ «Деяния Швейцарии, — пишет Галлам (Hallam, *Middle Ages*, II, 108, Am. ed.), — занимают очень мало места в сводной таблице европейской истории, но в некоторых отношениях они более интересны, чем перевороты в могущественнейших монархиях. Нигде больше мы не видим столько поводов для симпатии и не находим такого множества добродетелей, увенчавшихся столь полным успехом... Другие народы могли защищать свои укрепленные города с отчаянной решимостью, однако упорство швейцарцев на поле боя не имеет себе равных, если только не вспоминать о древней Спарте».

⁷ Они назывались *gemeine Herrschaften* или *Vogteien* и *zugewandte Orte*.

двух, и их население составляло почти три миллиона человек (в 1890 г.). Федерация Соединенных Штатов начиналась с тринадцати штатов и тоже выросла посредством приобретения или завоеваний, а также организации и включения новых территорий, но это происходило быстрее и в более крупном масштабе.

Романтическая история Вильгельма Телля, очаровательно изложенная Эгидием Чуди, швейцарским Геродотом⁸, а также Иоганном фон Мюллером, швейцарским Тацитом, и украшенная поэтическим гением Фридриха Шиллера, конечно, относится к области популярных сказок, как и родственные истории из скандинавской и немецкой мифологии, однако содержит долю истины, показывая дух тех смелых горцев, которые любили свободу и независимость больше жизни и изгоняли иноземных захватчиков со своей земли. Слава этого героя принадлежит швейцарскому народу. Священная клятва жителей Грютли на Люцернском озере, у подножья Селисберга (1306 или 1308 г.?), и более определенный договор от 9 декабря 1315 г. в Бруннене были подтверждением заключенного ранее соглашения (1291).⁹

Швейцарцы успешно защищали свою независимость от нападений дома Габсбургов в памятных сражениях при Моргартене («швейцарский марафон», 1315), Семпахе (1386) и Нафельсе (1388); от французского короля Людовика XI — при Базеле («швейцарские Фермопилы», 1444); от герцога Карла Смелого Бургундского — при Грансоне, Муртене (Морате) и Нанси (1476 и 1477).

Природа и история сделали Швейцарию федеративной республикой. Эта республика изначально представляла собой свободную аристократическую конфедерацию независимых кантонов, управляемую рейхстагом, в котором от каждого кантона присутствовало по одинаковому количеству депутатов, так что большинство голосов на рейхстаге было важнее, чем согласие большинства населения. Такая ситуация сохранялась до 1848 г., когда (после поражения *Sonderbund* римско-католических кантонов) конституция была переделана согласно демократическим принципам, по американскому примеру, и законодательной властью были облечены две палаты. Одна (*Ständerath*, или сенат) состояла из сорока четырех депутатов от двадцати двух суверенных кантонов (как старый рейхстаг), другая (*Nationalrath*, или палата представителей) представляла народ в соответствии с его количеством (по человеку на каждые двадцать тысяч душ). Исполнительная же власть была дана совету из семи членов (*Bundesrath*), который избирался на три года обеими палатами законодателей. Таким образом, конфедера-

⁸ Или отцом швейцарской историографии, как его называют. Его *Chronicon Helveticum*, или *Eidgenössische Chronik* (1000 — 1470), был впервые издан профессором Изелином в Базеле (1734 и 1736) в 2 томах. Эгидий Чуди из Гларуса (1505 — 1572) взял легенду о Телле из *Weisse Buch* Сарнена и у Эттерлина Люцернского и приукрасил ее вымыслом и мастерским стилем изложения. Он был учеником Цвингли, но оставался приверженцем старой церкви. В послании к Цвингли от февраля 1517 г. он говорит: *Non cum aliquo docto libentius esse velim, quam tecum* (Zw., *Opera*, VII. 21). Рукопись его «Хроники» хранится в городской библиотеке Цюриха. Она подробно описана, с факсимиле, в *Neujahrsblatt* издания *Stadtbibliothek in Zürich auf das Jahr 1889* (Zürich, Orell Füssli & Co.).

⁹ О происхождении Швейцарской конфедерации и легендах о Телле и Грютли см. исследования: Копп, *Urkunden zur Geschichte der eidgenössischen Bünde*, Luzern, 1835; Wien, 1851, 2 vols. Hisely, *Recherches critiques sur Guillaume Tell*, Lausanne, 1843. Kopp, *Zur Tell-Sage*, Luzern, 1854-1856. Karl Hagen, *Die Politik der Kaiser Rudolf von Habsburg und Albrecht I und die Entstehung der schweizerischen Eidgenossenschaft*, Bern, 1857. G. von Wyse, *Die Gesch. der drei Länder Uri, Schwyz und Unterwalden, 1212 — 1315*, Zürich, 1858; *Zürich am Ausgange des dreizehnten Jahrh.*, Zürich, 1876. A. Rilliet, *Les origines de la confédération suisse, histoire et légende*, 2e ed., Genève, 1869. Dierauer, *Gesch. der Schweiz. Eidgenossenschaft*, Gotha, 1887, vol. I. 81-151.

ция кантонов превратилась в федеральное государство, в котором центральное правительство избиралось народом и действовало непосредственно для народа¹⁰.

Следует помнить о разнице в устройстве центральной власти, чтобы понять, почему Реформация победила в наиболее населенных кантонах, однако потерпела поражение в рейхстаге¹¹. Малые лесные кантоны имели по столько же голосов, что и крупные кантоны Цюрих и Берн, а они не допускали к себе протестантов до 1848 г. Вольный характер немецкого рейхстага и отсутствие централизации объясняет победу протестантизма в Саксонии, Гессене и других государствах и имперских городах, несмотря на враждебную решимость большинства членов рейхстага, которые вновь и вновь требовали исполнения Вормского эдикта.

Христианизация Швейцарии началась в IV или III веке под руководством Рима. Она исходила из Франции и Италии. Женева, на границе Франции и Савойи, была местом, где возникла самая древняя церковь и епископат, основанный двумя епископами Вьенна из Южной Галлии. Епископат Кура, в юго-восточной части страны, впервые упоминается в постановлениях Миланского синода 452 г. Северные и центральные районы были обращены в христианство в VII веке ирландскими миссионерами Колумбаном и Галлом. Последний основал аббатство Санкт-Галлен (Сен-Галлен), ставшее знаменитым центром цивилизации для Алеманнии. Первым и в течение долгого времени единственным швейцарским университетом был университет Базеля (1460), где проводился один из трех реформаторских соборов (1430). В средние века вся страна, как и остальная Европа, была подчинена римскому престолу и в ней были запрещены все религии, кроме римско-католической. Она была разделена на шесть епископатов: Женева, Кур, Констанц, Базель, Лозанна и Сион (Ситтен). У папы в Швейцарии было несколько легатов, которые действовали как политические и военные агенты и относились к маленькой республике как к великой силе. Самым влиятельным епископом был Шиннер из Сиона, оказавший много услуг воинственному Юлию II и Льву X. Он даже получил сан кардинала. Цвингли, который хорошо был с ним знаком, получил бы такой же сан, если бы последовал его примеру.

§2. Швейцарская Реформация

Церковь в Швейцарии была так же развращена и так же нуждалась в реформах, как и церковь в Германии. Жители древних кантонов вокруг Люцернского озера были и остаются по сей день самыми честными и благочестивыми католиками. Но клир был невежественным, суеверным и безнравственным и подавал плохой пример мирянам. Монастыри пришли в упадок и не могли представить ни одного человека, который мог бы сравниться с реформаторами в плане учености и морального влияния. Из-за законов celibата наличие наложниц у священников стало всеобщей и простибельной практикой. Епископ Констанца (Гуго фон Гогенланденберг) прощал виновных священников при условии выплаты штрафа в четыре гульдена за каждого ребенка, который от них рождался. Говорят, что таким образом он заработал семь тысяч пятьсот гульденов за один год (1522). В

¹⁰ *Staatenbund* стал *Bundesstaat*. Та же самая разница существует между американской Конфедерацией времен войны за независимость и Соединенными Штатами после войны, а также между древним германским *Bund* и новой германской *империей*.

¹¹ Количество протестантов после смерти Цвингли, вероятно, составляло почти две трети населения. Соотношение между представителями двух конфессий в Швейцарии существенно не изменилось. В 1888 г. протестантов там было 1.724.257; католиков — 1.190.008, иудеев — 8386.

пастырском послании, незадолго до Реформации, он жаловался на аморальность многих священников, которые открыто содержали наложниц или женщин легкого поведения в своих домах, отказывались расставаться с ними или тайно приводили обратно, играли в азартные игры, сидели с мирянами в тавернах, напивались и богохульствовали¹².

Народ был развращен из-за службы в иноземных армиях (называемой *Reisläufen*), которая прославила доблесть и верность швейцарцев, но повредила их независимости и нравственности¹³. Короли и папы выдвигали свои предложения, чтобы призвать к себе на службу швейцарских солдат, которые нередко должны были сражаться друг против друга на поле боя за границы. С войны они возвращались богатые и развращенные. Цвингли знал об этом зле из личного опыта, когда был священником в итальянских кампаниях, и критиковал его еще до того, как задумался о реформах в церкви. Он продолжал выступать против наемной службы, когда был позван в Цюрих, и принял смерть от руки иноземного наемника.

С другой стороны, кое-что подавало надежду на улучшение. Реформаторские соборы в Констанце и в Базеле еще не были забыты среди образованного люда. Развитие литературы стимулировало свободу мысли и открывало глаза на злоупотребления. Базельский университет стал центром литературной деятельности и просветительского влияния. Здесь Томас Виттенбах из Биля учил богословию между 1505 и 1508 гг. и критиковал индульгенции, мессу и целибат священства. Он, с несколькими другими священниками, вступил в брак в 1524 г. и был смещен с поста проповедника, но не отлучен. Он занимал несколько высоких должностей, но умер в великой бедности в 1526 г. Цвингли посещал его лекции в 1505 г. и многому у него научился. В Базеле Эразм, великое светило либеральной учености, провел несколько наиболее активных лет своей жизни (1514 — 1516 и 1521 — 1529) и выпустил, в типографии друга, Фробения, большую часть своих книг, в том числе Новый Завет на греческом языке. В Базеле были перепечатаны несколько трудов Лютера, для распространения по Швейцарии. Капитон, Гедикон, Пелликан и Эколампаций также учились, учили и проповедовали в этом городе.

Но Реформация исходила из Цюриха, а не из Базеля, и ее возглавил Цвингли, в котором гуманистическая культура Эразма сочеталась со способностями популярного проповедника и практической энергией реформатора церкви.

Швейцарскую Реформацию можно поделить на три акта и периода:

I. Реформация Цвингли в немецких кантонах с 1516 г. до смерти Цвингли и Каппельского мира, 1531.

II. Реформация Кальвина во французской Швейцарии с 1531 г. до смерти Кальвина, 1564.

III. Труды Буллингера в Цюрихе (ум. в 1575) и Безы в Женеве (ум. в 1605), для укрепления дела их старших друзей и предшественников.

Движение Цвингли было почти одновременно немецкой Реформации, и в Марбурге было достигнуто соглашение по четырнадцати из пятнадцати артикулов веры (единственное серьезное разногласие касалось способа присутствия

¹²Schuler, *Huldreich Zwingli*, p. 196; Mörikofer, *Ulrich Zwingli*, vol. I. 67. Цвингли якобы сказал, что на тысячу священников и монахов вряд ли найдется один целомудренный. Egli, *Actensammlung*, p. 62.

¹³*Reisläufen* значит «стремиться на войну» (от *Reis* = *Kriegszug*, война). В память о героической преданности швейцарских воинов при защите иноземных господ в Люцерне поставлена статуя раненого льва работы Торвальдсена.

Христа в евхаристии). Хотя Цвингли умер в расцвете лет, он успел определить все основные особенности реформатских церквей, по крайней мере, в общих чертах.

Но великим богословом, организатором и создателем учения реформатской церкви стал Кальвин. Он сделал ее ближе к лютеранской в учении о вечере Господней, но расширил трещину в том, что касалось вопроса о предопределении.

Цвингли и Буллингер связывают швейцарскую Реформацию с Реформацией в Германии, Венгрии и Богемии, а Кальвин и Беза — с Реформацией во Франции, Голландии, Англии и Шотландии.

§3. Дух швейцарской Реформации в сравнении с немецкой

О разнице между лютеранским и реформатским вероисповеданиями см. GÖBEL, HUNDESHAGEN, SCHNEKENBURGER, SCHWEIZER и т. д. (цит. в SCHAFF, *Creeds of Christendom*, vol. I, 211).

Протестантизм дает больше возможностей для индивидуальной и национальной свободы и разнообразия, чем католичество, которое требует единообразия учения, дисциплины и поклонения. У протестантизма нет видимого центра или главы, и он состоит из ряда отдельных и независимых организаций под невидимым главенством Христа. Это одно стадо, но во многих загонах. Разнообразие в единстве и единство в разнообразии — таков закон Бога в природе и истории. К настоящему моменту протестантизм уже широко воспользовался возможностями разнообразия, но еще не воплотил в жизнь все достоинства христианского единства.

Две оригинальные ветви евангельского христианства — лютеранская и реформатская конфессии. Они так же похожи и так же не похожи, как греческая и римская ветви исторического христианства, основанные на национальном фундаменте философской Греции и политического Рима. Лютеране и реформаты в равной степени являются евангельскими и допускают органичный союз, который, фактически, стал реальностью в Пруссии и других областях Германии после трехсотлетия Реформации в 1817 г. Их отличия скорее богословские, чем религиозные, и касаются интеллектуального восприятия, а не сердца и души благочестия. Единственным серьезным вероучительным разногласием, о котором Лютер и Цвингли спорили в Марбурге, был способ реального присутствия Христа в евхаристии, подобно тому как исхождение Духа от Сына в течение веков было единственным вероучительным разногласием между Греческой и Римской церквями. Но с течением времени развились и другие отличия — в управлении, дисциплине, поклонении и практике, которые затмили богословские проблемы, вызвавшие разделение.

К лютеранам относятся церкви, которые носят имя Лютера и принимают Аугсбургское вероисповедание. К реформатам (если использовать этот термин в его историческом и общем смысле) — церкви, происхождение которых прямо или опосредованно связано с трудами Цвингли и Кальвина¹⁴. В Англии вторая, или пуританская Реформация породила ряд новых деноминаций, которые, после

¹⁴ В Европе и в трудах по истории церкви в определение *реформатской* церкви включены пресвитериане, епископальная церковь, конгрегационалисты и другие нелютеране. Кальвинизм и пуританство — не названия церквей, а школы и группировки внутри реформатской церкви. Англиканская реформатская церковь стоит особняком как община, реформированная под влиянием лютеран и кальвинистов, но занимает позицию между лютеранами и католиками. В современном английском и американском обиходе термин *реформатский* стал более узким по смыслу в связи с другими терминами: голландские реформаты, немецкие реформаты, пресвитерианские реформаты, епископальные реформаты.

Акта о веротерпимости 1689 г., были организованы в отдельные церкви. В XVIII веке началось веслеевское религиозное движение, которое привело к возникновению одной из крупнейших и самых активных церквей в англоязычном мире.

Таким образом, Реформация XVI века является матерью или бабушкой не менее шести семейств евангельских деноминаций, не считая их подразделений. Лютеранство обладало влиянием в Германии и Скандинавии; реформатство — в Великобритании и Северной Америке.

Существуют также разные типы реформатского вероисповедания. Двигаясь на запад вместе с распространением христианства и цивилизации, оно стало более сильным в Голландии, Англии и Шотландии, чем в Швейцарии, но основные характеристики, отличавшие его от лютеранского вероисповедания, были сформированы уже Цвингли и Кальвином.

И швейцарская, и немецкая Реформация выступали против римского католичества, но швейцарцы отошли от Рима дальше. Они ревностно защищали высшую славу Бога и, строго исполняя первую и вторую заповеди, упразднили языческие элементы поклонения творению. Лютер же, устремленный к достоинствам безвозмездной благодати и свободы совести, направил самые решительные атаки против иудейской составляющей — монашеского законничества и веры в собственную праведность. Швейцарские богословы от Божьей благодати шли к потребностям человека, а лютеране — от потребностей человека к Божьей благодати.

И те, и другие согласны с тремя основополагающими принципами протестантизма: абсолютное превосходство Божьего Писания как правила веры и жизни; оправдание безвозмездной благодатью через веру; всеобщее священство верующих. Но в том, что касается первого принципа, реформатская церковь более радикально противопоставляет себя человеческим традициям, *отменяя* всё, что не основано на Библии. Лютер же *оставляет* то, что Библии не противоречит. Что касается оправдания верой, то Лютер сделал его тем положением, на котором стоит церковь; Цвингли же и Кальвин подчинили оправдание верой догмату о вечном предопределении по безвозмездной благодати и больше внимания уделяли добрым делам и строгой дисциплине. И те, и другие выступали против особого священства и иерархического правления, но швейцарские реформаторы придали больший размах участию мирян, учредив принцип конгрегационного и синодального самоуправления и самофинансирования церкви.

И те, и другие ввели новую церковь в тесный контакт с государством, но швейцарские реформаторы контролировали государство в духе республиканской независимости, что в конечном итоге привело к разделению светской и духовной власти, или, другими словами, к свободной церкви в свободном государстве (как во французской Швейцарии и в Соединенных Штатах); в то время как Лютер и Меланхтон, со свойственным им от рождения почтением к монархическим институтам и Германской империи, учили пассивному подчинению в политике и подчинили церковь гражданским властям.

Все евангельские богословы и правители XVI и XVII века отличались непосредственностью по части нетерпимости в теории и на практике, но в конечном итоге Реформация, являвшаяся восстанием против папской тирании и могущественным актом освобождения, привела к триумфу религиозной свободы, которая стала ее законным плодом.

Реформатская церковь не носит имени какого-либо человека и не подчинена авторитету какой-либо одной личности, но приобрела разные облики под влиянием Цвингли и Буллингера в Цюрихе, Эколампадия в Базеле, Галлера в Берне,

Кальвина и Безы в Женеве, Урсуна и Олевiana в Пфальце, Кранмера, Латимера и Ридли в Англии, Нокса в Шотландии. Лютеранская церковь, как видно из самого ее названия, носит на себе неизгладимый отпечаток личности Лютера, хотя более мягкая и либеральная меланхтоновская тенденция также занимает в ней почетное место и проявляется во всех прогрессивных движениях за объединение, как-то: Калликста, Шпенера и умеренных лютеранских школ нашего времени.

На латинскую и англо-саксонскую расы кальвинизм оказал большее впечатление, чем на немецкую. Лютеранство же по своей сути немецкое, и в других странах оно подвергается большому или меньшему количеству изменений.

Кальвин стремился к реформе не только богословия, но и дисциплины и учредил образцовую теократию в Женеве, существовавшую при жизни нескольких поколений. Лютер удовлетворился реформой веры и учения, предоставив времени вершить практические последствия, но горько жаловался на антиномиянский беспорядок и злоупотребления, которые в какой-то момент угрожали его трудам в Саксонии.

Швейцарские реформаторы сделали поклонение чрезвычайно простым и исключительно духовным. Они утверждали, что способность воспламенять веру зависит от личного благочестия и интеллектуальных усилий служителя, а также от достоинства его проповедей и молитв. Лютер, который был поэтом и музыкантом, оставил больше места для эстетического и художественного элемента. В его церкви развилась богатая литургическая и гимнологическая литература, но в обеих деноминациях процветает пение на богослужениях. Англиканская церковь создала лучшую литургию, которая используется по сей день, и ее популярность только возрастает.

Реформатская церковь идет впереди в плане дисциплины, либерализма, энергии и предприимчивости. Она несет Евангелие в языческие страны и новые колонии. Она формирует богобогащенный, мужественный, независимый, героический тип характера, который мы встречаем среди французских гугенотов, английских пуритан, шотландских ковенантеров и вальденсов Пьемонта, так что во времена гонений благородная армия мучеников отправляется за решетку или на костер. Лютеранская же церковь культивирует искреннее, доверчивое, внутреннее и мистическое благочестие, развивает богословскую науку, библейские и исторические исследования, решает важнейшие проблемы философии и религии.

Бог мудро распределил Свои дары, дав множество возможностей использовать их для созидания Его царства.

§4. Литература о швейцарской Реформации

См. также литературу о Реформации в целом (т. VII) и о немецкой Реформации, там же. Литература о Реформации во французской Швейцарии будет приведена в следующей главе.

Крупнейшее собрание литературы о Реформации в немецкой Швейцарии находится в *Stadt-bibliothek* (в *Wasserkirche*) и в *Cantonalbibliothek* Цюриха. В первой есть 200 томов ценного собрания рукописей Зимлера (ум. в 1788) и *Thesaurus Hottingerianus*. Я исследовал эти библиотеки в августе 1886 г. с помощью профессоров О. Ф. Фришце, А. Швейцера, Георга фон Висса и доктора Эшера, а потом еще раз в июле 1890 г.

Список книг по общей истории Швейцарии см. в следующих трудах: GOTTLIEB EMANUEL VON HALLER: *Bibliothek der Schweizer-Geschichte und aller Theile, so dahin Bezug haben* (Bern, 1785-'88, 7 vols.); продолжение — GEROLD MEYER VON KNONAU (1840-'45, Zür., 1850) и LUDWIG VON SINNER (1786-1861, Bern and Zürich, 1851). *Catalog der Stadtbibliothek in Zürich* (Zürich, 1864-'67, 4 Bde, с добавлением многих новых позиций к списку рукописей).

Е. FR. VON MÖLINEN: *Prodromus einer Schweizer Historiographie* (Bern, 1874). Автор обещает выпустить полный словарь швейцарских летописей и т. д., примерно в 4 томах.

I. ИСТОЧНИКИ: ZWINGLI, OECOLAMPADIUS, LEO JUDAE, BULLINGER, WATT (VADIANUS) и труды других реформаторов из швейцарских кантонов.

HERMINJARD: *Correspondance des Reformateurs*. Genève, 1866-'86. 7 vols.

BULLINGER (HEINRICH, преемник Цвингли (ум. в 1575): *Reformationsgeschichte, nach den Autographen herausgeg. von J. J. Hottingen und H. H. Vögeli*. Frauenfeld, 1838-'40, 3 vols. octavo. С 1519 по 1532. На швейцарско-немецком диалекте.

KESSLER (JOHANNES, реформатор Санкт-Галлена): *Sabbata. Chronik der Jahre 1523-'39*. Ed. by E. Götzinger. St. Gallen, 1866-'68. 2 parts. Кесслер был учеником, которого Лютер встретил в Йене, когда возвращался в Виттенберг (см. т. VII).

SIMLER (JOH. JAC.): *Sammlung alter und neuer Urkunden zur Beleuchtung der Kirchengeschichte, vornehmlich des Schweizerlandes*. Zürich, 1757-'63. 2 Bde in 6 Theilen. octavo. Также первые 30 томов его упомянутого выше собрания рукописей, где есть много печатных памфлетов и документов.

Die Eidgenössischen Abschiede. Bd. III. Abth. 2: *Abschiede von 1500-'20, bearbeitet von Segesser* (Luzern, 1869); Bd. IV. I a: *A. D. 1521-'28, bearbeitet von Strickler* (Brugg, 1873); Bd. IV. 1 b: *A. D. 1529-'32* (Zürich, 1876); Bd. IV. 1 c: *A. D. 1533-'40, bearbeitet von Deschwanden* (Luzern, 1878); Bd. IV. 1 d: *A. D. 1541-'48, bearbeitet von Deschwanden* (Luzern, 1882). Публикация официальных постановлений швейцарского рейхстага была начата за счет Конфедерации в 1839 г., она охватывает период с 1245 по 1848 гг.

STRICKLER (JOH.): *Actensammlung zur Schweizerischen Reformationsgeschichte in den Jahren 1521-'32*. Zürich, 1878-'84. 5 vols. octavo. В основном на швейцарско-немецком, отчасти на латыни. Пятый том содержит дополнения, списки и библиографию по истории Реформации до 1533 г.

EGLI (EMIL): *Actensammlung zur Geschichte der Zürcher Reformation von 1519-'33*. Zürich, 1879 (стр. vii и 947).

STÜRLER (M. V.): *Urkunden der Bernischen Kirchenreform*. Bern, 1862. Только до 1528.

О римско-католической стороне: *Archiv für die Schweizer Reformations-Geschichte, herausgeg. auf Veranstaltung des Schweizer Piusvereins*. Solothurn, 1868-'76. 3 больших тома. Том I включает в себя *Chronik der Schweizerischen Reformation* (до 1534), автор HANS SALAT из Люцерна (ум. после 1543), историк и поэт, биография и произведения которого были изданы Бехтольдом в Базеле, 1876. Том II одержит обращение папы к швейцарскому рейхстагу и т. д. В томе III, стр. 7-82, приведена очень полная библиография о Реформации и истории швейцарских кантонов вплоть до 1871 г. Большинство протестантских историков упускает из вида этот труд. Буллингер выступил против Залата в своей книге *Salz zum Salat*.

II. БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

HOTTINGER (JOH. HEINRICH, известный ориенталист, 1620-'67): *Historia Ecclesiasticae Novi Test. Tiguri [Turici]*, 1651-'67. 9 vols. octavo. Последние четыре тома этого весьма ученого, но скучного труда рассказывают о Реформации. Седьмой том содержит главу почти в 600 страниц (24-618) *de Indulgentiis in specie!*

HOTTINGER (JOH. JACOB, 1652 — 1735, третий сын первого автора): *Helvetische Kirchengeschichten*, etc. Zür., 1698-1729. 4 vols. quarto. Новые издания: Wirz and Kirchhofer. См. ниже.

MISCELLANEA TIGURINA *edita, inedita, vetera, nova, theologica, historica*, etc., ed. by J. J. ULRICH. Zür., 1722-'24. 3 vols. octavo. Содержит краткие биографии швейцарских реформаторов и важные документы Буллингера, Леона Юда, Брейтингера, Зимлера и др.

FÜSSLIN (или FÜSSLI, JOH. CONR. F., 1704 — 1775): *Beiträge zur Erläuterung der Kirchenreformationsgeschichten des Schweizerlands*. Zür., 1740-'53. 5 vols. octavo. Содержит важные оригинальные документы и письма.

RUCHAT (АБРАМ., 1680 — 1750): *Histoire de la Réformation de la Suisse, 1516 — 1556*. Genève, 1727, '28. 6 vols. octavo. Новые издания с приложениями: L. VULLIEMIN. Paris and Lausanne, 1835-'38. 7 vols. octavo. В основном важно для изучения истории французских кантонов. Английское сокращенное издание — все четыре тома в одном — J. COLLINSON (каноник Дарема), London, 1845, до конца 1536 г.

- WIRZ (LUDW.) и KIRCHHOFFER (MELCH.): *Helvet. Kirchengeschichte. Aus Joh. Jac. Hottinger's älterem Werke und anderen Quellen neu bearbeitet*. Zürich, 1808-'19. 5 vols. Современная история изложена в т. IV и V. Автор пятого тома — KIRCHHOFFER.
- MERLE D'AUBIGNÉ (профессор истории церкви из Женевы, ум. в 1872): *Histoire de la Réformation du 16 siècle*. Paris, 1838 sqq. *Histoire de la Réformation au temps du Calvin*. Paris, 1863-'78. Оба труда переведены и опубликованы в Англии и Америке, в разных изданиях.
- TRECHSEL (FRIEDR., 1805 — 1885): *Beiträge zur Geschichte der Schweiz. Reformirten Kirche, zunächst derjenigen des Cantons Bern*. Bern, 1841, '42, 4 Hefte.
- GIESELER (ум. в 1854): *Ch. History*. Germ. ed. III. A. 128 sqq.; 277 sqq. Am. ed. vol. IV. 75-99, 209-217. Его повествование очень ценно из-за выдержек из источников.
- BAUR (ум. в Тюбингене, 1860): *Kirchengeschichte*. Bd. IV. 80-96. Посмертное издание, Tübingen, 1863.
- HAGENBACH (KARL RUD., профессор истории церкви в Базеле, ум. в 1874): *Geschichte der Reformation, 1517 — 1555*. Leipzig, 1834, 4th ed. 1870 (т. III его общей *Kirchengeschichte*). Пятое издание, с литературным и критическим приложением, — F. NIPPOLD, Leipzig, 1887. Английский перевод — E. MOORE, Edinburgh and New York, 1878, '79, 2 vols.
- CHASTEL (ÉTIENNE, профессор истории церкви в Женевском университете, ум. в 1885): *Histoire du Christianisme*, tom. IV: Age Moderne (p. 66 sqq.). Paris, 1882.
- BERNER BEITRÄGE ZUR GESCHICHTE DER SCHWEIZERISCHEN REFORMATIONSKIRCHEN. Von BILLETER, FLÜCKIGER, HUBLER, KASSER, MARTHALER, STRASSER. Mit weiteren Beiträgen vermehrt und herausgegeben von FR. NIPPOLD. Bern, 1884. (454 стр.)
- О вероисповеданиях швейцарской Реформации см. SCHAFF: *Creeds of Christendom*, New York, 4th ed. 1884, vol. I. 354 sqq.
- Биографии Цвингли, Эколампадия, Леона Юда, Буллингера, Галлера и т. д. будут перечислены в соответствующих разделах.

III. ОБЩАЯ ИСТОРИЯ ШВЕЙЦАРИИ

- MÜLLER (JOH. VON, классический историк Швейцарии, ум. в 1809): *Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft, fortgesetzt von GLUTZ-BLOTZNEIM* (ум. в 1818) und JOH. JAC. HOTTINGER. Тт. V и VII всего труда. Шедевр в плане гениальности и учености, но вторичен в первой части, где он следует за Чуди и принимает легендарные рассказы о Телле и Грютли. История Реформации: HOTTINGER (род. в 1783, ум. в 1860), она была опубликована также под заглавием *Gesch. der Eidgenossen während der Zeit der Kirchentrennung*. Zürich, 1825 и '29, 2 vols. Она была продолжена: VULLIEMIN в его *Histoire de la confédération suisse dans les XVIIe et XVIIe siècles*. Paris and Lausanne, 1841-'42. 3 vols. Первый из этих трех томов посвящен Реформации во французской Швейцарии, о которой не говорится в немецком труде Готтингера, но позже этот раздел был переведен на немецкий другими лицами и включен в немецкое издание (Zürich, 1786-1853, 15 vols.; периоду Реформации посвящены тт. VI-X). Существует также полное французское издание истории Швейцарии целиком: JOH. VON MÜLLER, GLUTZ-BLOTZNEIM, HOTTINGER, VULLIEMIN, MONNARD (Paris et Genève, 1837-'51, 18 vols. Автором трех томов является Вульлемин, пяти — Моннар, остальные переведенные).
- Другие общие истории Швейцарии: ZSCHOKKE (1822, 8th ed. 1849; англ. перевод Shaw, 1848, новое издание 1875), MEYER VON KNONAU (2 vols.), VÖGELIN (6 vols.), MORIN, ZELLWEGER, VULLIEMIN (немецкое издание 1882), DÄNDLIKER (Zürich, 1883 sqq., 3 vols., illustr.), HUG and RICH. STEAD (London, 1890), DIERAUER (Gotha, 1887 sqq.; 2nd vol., 1892).
- BLUNTSCHLI (J. C., родом из Цюриха, профессор юриспруденции и международного права в Гейдельберге, ум. в 1881): *Geschichte des Schweizerischen Bundesrechts von den ersten ewigen Bünden his auf die Gegenwart*. Stuttgart, 2^d ed. 1875. 2 vols. Важно для понимания отношения между церковью и государством в период Реформации (vol. I. 292 sqq.). L. R. VON SALIS: *Schweizerisches Bundesrecht seit dem 29 Mai 1874*. Bern, 1892. 3 vols. (также на французском и итальянском).
- E. EGLI: *Kirchengeschichte der Schweiz bis auf Karl d. Gr.* Zürich, 1892.
- См. также RUD. STÄHELIN, литература о швейцарской Реформации, 1875 — 1882, в Brieger, «Zeitschrift für Kirchengeschichte», vols. III-VI.

ГЛАВА II

ПОДГОТОВКА ЦВИНГЛИ

§5. Литература о Цвингли

Общий список литературы приведен в §4, особенно см. «Историю» Буллингера и сборник Эгли. В публичных библиотеках и архивах Цюриха хранятся разные издания трудов Цвингли, а также то, что осталось от его собственной библиотеки, с примечаниями на полях; эти книги выставлялись в связи с годовщиной Цвингли в 1884 г. См. *Zwingli-Ausstellung veranstaltet von der Stadtbibliothek in Zürich in Verbindung mit dem Staatsarchiv und der Cantonalbibliothek*. Zürich, 1884. Брошюра в 24 страницы, с описательным каталогом книг и рукописей Цвингли. В аннотациях дается фрагментарный материал для представления о его богословском росте. См. Usteri, *Initia Zwingli*, упоминается ниже.

I. Источники

HULDREICH ZWINGLI: *Opera omnia*, ed. Melchior Schuler (ум. в 1859) и Joh. SCHULTHESS (ум. в 1836). Tiguri, 1828-'42. 8 vols. Тома I и II — произведения на немецком; III-VI — на латыни; VII-VIII — послания. Дополнение в 75 стр. создали G. SCHULTHESS (ум. в 1866) и MARTHALER в 1861, оно содержит послания Цвингли к Ренану и другие. Новое критическое издание весьма необходимо, и комиссия швейцарских ученых собирается создать его для «Corpus Reformatorum». Переписку Цвингли см. также в Herminjard, vols. I and II.

Первое издание трудов Цвингли появилось в Цюрихе в 1545 г., в 4 томах. USTERI and VÖGELIN: *M. H. Zwingli's Schriften im Auszuge*, Zürich, 1819-'20, 2 vols. (Систематическое изложение учения Цвингли на современном немецком). Другой перевод избранных трудов на современный немецкий — R. CHRISTOFFEL, Zür., 1843, 9 небольших томов.

См. также PAUL SCHWEIZER (сотрудник государственного архива Цюриха, сын доктора Александра Швейцера): *Zwingli-Autographen im Staats-Archiv zu Zürich*. 1885. (23 стр.; опубликовано отдельно после выхода в «Theol. Zeitschrift aus der Schweiz.»).

JOANNIS OECOLAMPADII et HULDRICHI ZWINGLI *Epistolarum Libri IV*. Basil. 1536.

HERMINJARD (A. L.): *Correspondance des Reformateurs*. Genève, 1866 sqq. Послания Цвингли в т. I, nos. 82 и 146 (а также 8 писем к нему, nos. 17, 19, 32, etc.), и в т. II, no. 191 (а также девять посланий к нему).

Briefwechsel des BEATUS RHENANUS. Gesammelt u. herausgeg. von Dr. ADELBERT HORAWITZ und Dr. KARL HARTFELDER. Leipzig, 1886. Содержит также переписку между Ренаном и Цвингли. См. Index, p. 700.

II. Биографии Цвингли, в том числе краткие очерки

OSWALD MYCONIUS: *De Vita et Obitu Zw.*, 1536. Перепечатано в *Vitae quatuor Reformatortum*, с предисловием Неандера, 1840. NÜSCHELER, Zürich, 1776. J. CASPAR HESS: *Vie d'Ulrich Zwingli*, Geneva, 1810; немецкое издание чуть ли не в два раза толще благодаря литературному приложению в 372 стр., автор LEONH. USTERI, Zürich, 1811, 2 vols. (английский перевод с французского — AIKEN, Lond., 1812). Rotermond, Bremen, 1818. J. M. SCHULER: *H. Zw. Gesch. seiner Bildung zum Reformator seines Vaterlandes*. Zür., 1818, 2^d ed. 1819. HORNER, Zür., 1818. L. USTERI, в приложении к его изданию трудов Цвингли на немецком, Zür., 1819. Несколько очерков о Цвингли вышло в связи с празднованием юбилея его Реформации в 1819, особенно праздничная речь — J. J. HESS: *Emendationis sacrorum beneficium*, Turici, 1819. J. J. HOTTINGER, Zür., 1842 (перевод Th. C. PORTER: *Life and Times of U. Z.*, Harrisburg, Penn., 1857, 421 p.). ROBBINS, в «Bibliotheca Sacra», Andover, Mass., 1851. L. MAYER, в его «History of the German Ref. Church», vol. I, Philadelphia, 1851. DAN. WISE,

Boston, 1850 и 1882. ROEDER, St. Gallen and Bern, 1855. R. CHRISTOFFEL, Elberfeld, 1857 (английский перевод — JOHN COCHRAN, Edinb., 1858). SALOMON VÖGELIN: *Erinnerungen an Zw. Zür.*, 1865. W. M. BLACKBURN, Philad., 1868. *J. C. MÖRIKOFER, Leipzig, 1867 и '69, 2 vols. Лучшая биография, основанная на первоисточниках. Доктор VOLKMAR: *Vortrag*, Zür., 1870 (30 стр.). G. FINSLER: *U. Zw., 3 Vorträge*, Zür., 1873. G. A. HOFF: *Vie d'Ulr. Zw.*, Paris, 1882 (pp. 305). JEAN GROB, Milwaukee, Wis., 1883, 190 p. (англ. перевод, N. York, 1884). CH. ALPHONSE WITZ: *Ulrich Zwingli, Vorträge*, Gotha, 1884 (pp. 144). GÜDER, в «Herzog's Encycl.», XVIII. 701-706; во втором издании пересмотрена Р. Штагелином, XVII, 584-635. E. COMBE: *U. Z.; le réformateur suisse*. Lausanne, 1884 (pp. 40). H. RÖRICH: *U. Z. Notice biographique*, Genève, 1884 (pp. 40). J. G. HARDY: *U. Zwingli, or Zurich and its Reformer*. Edinb., 1888.

III. О ЖЕНЕ ЦВИНГЛИ

SALOMON HESS: *Anna Reinhard, Gattin und Wittwe von U. Zwingli*. Zürich, 2^d ed. 1820. (Немного правды и много вымысла). GEROLD MEYER VON KNONAU: *Züge aus dem Leben der Anna Reinhard*. Erlangen, 1835. (Достоверный труд).

IV. РЕЧИ НА ПРАЗДНОВАНИИ ЧЕТЫРЕХСОТЛЕТИЯ ЦВИНГЛИ В 1884 Г.

См. также список в *Züricher Taschenbuch auf das Jahr 1885*, pp. 265-268; и FLAIGG, в *Theol. Zeitschrift aus der Schweiz*, 1885, pp. 219 sqq. Некоторые из биографий, перечисленных в п. II, также представляют собой речи, посвященные памятным датам.

*ALEX. SCHWEIZER (ум. в 1888): *Zwingli's Bedeutung neben Luther. Festrede in der Universität-saula, Jan. 6, 1884, weiter ausgeführt*. Zur., 1884 (pp. 89). Также ряд статей Швейцера в «Protestant. Kirchenzeitung», Berlin, 1883, Nos. 16, 17, 18, 23, 24, 26, 27, в защиту Цвингли от обвинений Янсена. JOH. MARTIN USTERI (пастор в Аффольтене, потом профессор в Эрлангене, ум. в 1889): *Ulrich Zwingli, ein Martin Luther ebenbürtiger [?] Zeuge des evang. Glaubens. Festschrift mit Vorrede von H. v. der Goltz*. Zürich, 1883 (144 стр.); *Zwingli und Erasmus*, Zürich, 1885 (39 pp.); *Initia Zwinglii*, в «Studien und Kritiken» 1885 (pp. 607-672), 1886 (pp. 673-737), 1889 (pp. 140-141). RUD. STÄHELIN: *Huldreich Zwingli und sein Reformations-werk. Zum vierhundertjährigen Geburtstag Z.'s dargestellt*. Halle, 1883 (стр. 81). ERNST STÄHELIN: *H. Z.'s Predigt an unser Schweizervolk und unsere Zeit*. Basel, 1884. ERNST MÜLLER: *Ulrich Zw. Ein Bernischer Beitrag zur Zwinglifer*. Bern, 1884. E. DIETZ: *Vie d'U. Z. a l'occasion du 400^e anniversaire de sa naissance*. Paris and Strasbourg, 1884 (pp. 48). HERM. SPÖRRI: *Durch Gottes Gnade allein. Zur Feier des 400 jähr. Geb. tages Zw.'s*. Hamburg, 1884. JOH. (T. DREYDORFF: *U. Zw. Festpredigt*. Leipzig, 1884. SAL. VÖGELIN: *U. Z. Zür.*, 1884. G. FINSLER (двадцать второй преемник Цвингли в качестве антиста Цюриха): *Ulrich Zw. Festschrift zur Feier seines 400 jähr. Geburtstags*. Zür., 3^d ed. 1884 (перевод на ретороманский — DARMS, Coire, 1884). FINSLER and MEYER VON KNONAU: *Festvorträge bei der Feier des 400 jähr. Geburtstags U. Z. Zür.*, 1884 (pp. 24). Финслер произнес также речь на открытии памятника Цвингли, 25 августа 1885 г. OESCHSLI: *Zur Zwingli-Feier*. Zür., 1884. *Die Zwinglifer in Bern*, 6 января, 1884. Несколько выступлений, 80 стр. ALFRED KRAUSS (профессор Страсбурга): *Zwingli*. Strassb., 1884 (pp. 19). AUG. BOUVIER: *Foi, Culture et Patriotisme. Deux discours a l'occasion du quatreième centenaire de Ulrich Zwingli*. Genève and Paris, 1884 (в «Nouvelles Paroles de Foi et de Liberté», а также отдельно). W. GAMPER (реформатский служитель из Дрездена): *U. Z. Festpredigt zur 400 jähr. Gedenkfeier seines Geburtstages*. Dresden, 1884. G. K. VON TOGGENBURG (католик, пишущий под псевдонимом): *Die wahre Union und die Zwinglifer*. St. Gallen and Leipzig, 1884 (pp. 190). *Zwingliana*, в «Theol. Zeitschrift aus der Schweiz.» Zür., 1884, No. II. KAPPELER, GROB und EGG: *Zur Erinnerung. Drei Reden gehalten in Kappel, Jan. 6, 1884*. Affoltern a. A. 1884 (pp. 27). — В Америке также было произнесено и опубликовано несколько речей в связи с памятной датой в 1883 и 1884 гг. Кроме того, было переиздано несколько книг Цвингли, например, Riggenbach, *Hirt* («Пастырь», Basel, 1884); E. Egli, *Lehrbüchlein*, на латыни и немецком (Zür., 1884).

V. О БОГОСЛОВИИ ЦВИНГЛИ

EDW. ZELLER (профессор богословия в Берлине): *Das theologische System Zwingli's*. Tübingen, 1853.

CH. SIGWART: *Ulrich Zwingli. Der Charakter seiner Theologie mit besonderer Rücksicht auf Picus von Mirandola dargestellt*. Stuttg. und Hamb., 1855.

HERM. SPÖRRI (реформатский профессор из Гамбурга): *Zwingli-Studien*. Leipzig, 1886 (pp. 131). Обсуждаются учения Цвингли о церкви, Библии, его отношение к гуманизму и христианскому искусству.

*AUGUST BAUR (доктор богословия, вюртембергский пастор из Вейлимдорфа близ Штутгарта): *Zwingli's Theologie, ihr Werden und ihr System*. Halle, vol. I. 1885 (pp. 543); Vol. II. P. I, 1888 (pp. 400), P. II, 1889. Этот труд для изучения Цвингли все равно что труд Юл. Кестлина для изучения Лютера, а труд А. Геррлингера — для изучения Меланхтона.

ALEX. SCHWEIZER, в своем *Festrede*, рассматривает богословские мнения Цвингли более кратко, но со знанием дела (pp. 60-88).

VI. ОТНОШЕНИЯ ЦВИНГЛИ С ЛЮТЕРОМ И КАЛЬВИНОМ

MERLE D'AUBIGNÉ: *Le Lutheranisme et la Reforme*. Paris, 1844. Английский перевод: *Luther and Calvin*. N. York, 1845.

HUNDESHAGEN: *Charakteristik U. Zwingli's und seines Reformationswerks unter Vergleichung mit Luther und Calvin*, в «Studien und Kritiken», 1862. См. также его *Beiträge zur Kirchenverfassungsgeschichte und Kirchenpolitik*, Bd. I. Wiesbaden, 1864, pp. 136-297. (Важно для понимания церковной политики Цвингли).

G. PLITT (лютеранин): *Gesch. der ev. Kirche bis zum Augsburger Reichstage*. Erlangen, 1867, Pp. 417-488.

A. F. C. VILMAR (лютеранин): *Luther, Melanchthon, Zwingli*. Frankf.-a.-M., 1869.

G. UHLHORN (лютеранин): *Luther and the Swiss*, перевод — G. F. Krotel, Philadelphia, 1876.

ZWINGLI WIRTH (реформат): *Luther und Zwingli*. St. Gallen, 1884 (pp. 37).

VII. ОТДЕЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ ИСТОРИИ И БОГОСЛОВИЯ ЦВИНГЛИ

KRADOLFER: *Zwingli in Marburg*. Berlin, 1870.

EMIL EGLI: *Die Schlacht von Cappel 1531. Mit 2 Plänen und einem Anhang ungedruckter Quellen*. Zür., 1873 (pp. 88). Его же: *Das Religionsgespräch zu Marburg*. Zür., 1884. В «Theol. Zeitschrift aus der Schweiz».

MARTIN LENZ: *Zwingli und Landgraf Philipp*, в Brieger, «Zeitschrift für Kirchengeschichte» 1879 (Bd. III).

H. BAVINCK: *De ethiek van U. Zwingli*. Kampen, 1880.

JUL. WERDER: *Zwingli als politischer Reformator*, в «Basler Beiträge zur vaterländ. Geschichte», Basel, 1882, pp. 263-290.

HERM. ESCHER: *Die Glaubensparteien in der Schweiz. Eidgenossenschaft und ihre Beziehungen zum Auslande von 1527-'31*. Frauenfeld, 1882 (pp. 326). Важно для понимания внутренней и внешней политики Цвингли, а также его взглядов на отношения церкви и государства.

W. OECHSLI: *Die Anfänge des Glaubenskonfliktes zwischen Zürich und den Eidgenossen*. Winterthur, 1883 (pp. 42).

MARTHALER: *Zw.'s Lehre vom Glauben*. Zür., 1884.

AUG. BAUR: *Die erste Züricher Disputation*. Halle, 1883 (pp. 32).

A. ERICHSON: *Zwingli's Tod und dessen Beurtheilung durch Zeitgenossen*, Strassb., 1883 (pp. 43); *U. Zw. und die elsässischen Reformatoren*, Strassb., 1884 (pp. 40).

FLÜCKIGER: *Zwingli's Beziehungen zu Bern*, в «Berner Beiträge». Bern, 1884.

J. MART. USTERI: *Initia Zwinglii*, а также *Zw. and Erasmus*. См. выше.

H. FENNER: *Zw. als Patriot und Politiker*. Frauenfeld, 1884 (pp. 38).

G. HEER: *U. Zw. als Pfarrer von Glarus*. Zürich, 1884 (pp. 42).

GUST. WEBER (музыкальный руководитель и органист в кафедральном соборе Цюриха): *H. Zwingli. Seine Stellung zur Musik und seine Lieder*. Zürich and Leipzig, 1884 (pp. 68).

A. ZAHN: *Zwingli's Verdienste um die biblische Abendmahlslehre*. Stuttgart, 1884.

G. WUNDERLI: *Zürich in der Periode 1519-'31*. Zürich, 1888.

О Цвингли и анабаптистах см. литературу к §24.

VIII. См. также биографии ЭКОЛАМПАДИЯ, БУЛЛИНГЕРА, ЛЕОНА ЮДА, ГАЛЛЕРА и т. д.

Лучшие книги о Цвингли — это биография Мерикофера, Устери — об образовании Цвингли, Баура — о его богословии, Эшера и Эхсли — о его государственной и церковной политике, Швейцера и Штагелина — в целом о его характере и месте в истории.

§6. Рождение и образование Цвингли

FRANZ: *Zwingli's Geburtsort. Beitrag zur reformator. Jubelfeier 1819*. (Автор был пастором в Вильдхаузе.) St. Gallen, 1818. SCHULER: *Huldreich Zwingli. Geschichte seiner Bildung zum Reformator des Vaterlandes*. Zürich, 1819. (404 pp. Очень подробный, но иногда слишком пристрастный труд, нуждающийся в исправлениях).

УЛЬРИХ (или ГУЛЬДРИХ) ЦВИНГЛИ¹⁵ родился 1 января 1484 г., через семь недель после Лютера, в скромном пастушеском домике в Вильдхаузе, в графстве Тоггенбург, которое сейчас относится к кантону Санкт-Галлен.

В этой далекой деревушке его семья занимала видное положение. Его отец, как и его дед, был главой местного магистрата (*Ammann*); его мать — сестрой священника (Иоганна Мейли, позже аббата Фишингена, в Тургау, 1510 — 1523); его дядя с отцовской стороны — деканом часовни в Везене, на озере Валенштадт. У него было семь братьев (он был третьим сыном) и две сестры.

Селение Вильдхауз возвышается над долиной, окруженной альпийскими горами и величественными горами, характерными для северо-восточной Швейцарии. Оттуда видны все семь вершин Курфирстена и покрытый снегом Сентис. Главным занятием населения было скотоводство. Жителей характеризуют как приветливый, живой и энергичный народ. Эти черты мы находим и в Цвингли¹⁶. Реформация проникла сюда в 1523 г. Не так далеко располагаются места, в которых проходила общественная деятельность Цвингли: Гларус, Эйнзидельн и Цюрих.

Цвингли воспитывался в католической религии своими богобоязненными родителями и своим дядей, деканом Везена, который был сторонником нового гуманистического учения. Он рос здоровым и сильным мальчиком. Уже в юном возрасте он был любителем правдивости как «матери всех добродетелей» и, как юный Вашингтон, никогда не обманывал.

Когда Цвингли исполнилось десять лет, его отправили из Везена в латинскую школу в Базеле, и вскоре он преуспел в трех основных предметах, которые там преподавали: латинской грамматике, музыке и диалектике.

В 1498 г. Цвингли поступил в колледж в Берне, возглавлял который Генрих Вольфлин (Лупул), прославившийся как лучший в Швейцарии знаток классических наук и поэт, писавший на латыни; в 1522 г. он поддержал движение за реформы¹⁷.

С 1500 по 1502 г. Цвингли учился в Венском университете, который стал центром классической учености благодаря трудам выдающихся гуманистов Корвина, Цельта и Куспиниана, — под покровительством императора Максимилиана I¹⁸. Он изучал схоластическую философию, астрономию и физику, но в основном древних классиков. Он стал поклонником гуманистов. Он также развивал свои музыкальные таланты. Он играл на нескольких инструментах — лютне, арфе, скрипке, флейте, цимбалах и охотничьем рожке, причем достаточно иску-

¹⁵Его имя часто писали неправильно, как *Zwingel* (Лютер) или как *Zwingle* (английские и американские авторы).

¹⁶Mörikofer (I. 4): *Zwingli erinnert in seinem Wesen immer wieder an seine hohe, helle Heimath; wir haben stets den in frischer Bergluft gestärkten und gestählten Alpensohn vor uns*.

¹⁷Лупул был смещен за то, что женился в 1524 г., но был восстановлен во времена Реформации. *Dass Lupulus eine uneheliche Tochter hatte* (до своего брака), *wurde ihm leicht verziehen*. Mörikofer, I. 7. Он оплакивал раннюю смерть Цвингли и сочинил латинскую эпитафию в стихах.

¹⁸У нас нет сведений о том, чтобы он познакомился в Вене с Экком и Фабером, знаменитыми защитниками папства, а также со своими друзьями Глареаном и Вадрианом. См. Horawitz, *Der Humanismus in Wien*, 1883.

сно. Позже его оппоненты-паписты будут в насмешку называть его «евангельским лютнистом, трубачом и свистуном». Он считал, что эти невинные развлечения помогают ему отдохнуть умственно и смягчить свой нрав. Любовью к поэзии и музыке он напоминает Лютера, хотя и не достиг его известности.

В 1502 г. Цвингли вернулся в Базель, преподавал латынь в школе Св. Мартина, продолжал свои классические исследования и получил степень магистра искусств в 1506 г., за что его обычно называли «мастер Ульрих». Он так и не стал доктором богословия, в отличие от Лютера. В Базеле он познакомился с Леоном Юдом (также называемым «мастер Леон»), который учился вместе с ним и стал его главным соратником в Цюрихе. Оба с большой пользой для себя посещали лекции Томаса Виттенбаха, профессора богословия, с 1505 г. Цвингли называет Виттенбаха своим возлюбленным и верным учителем, который открыл ему глаза на некоторые злоупотребления в церкви, особенно на индульгенции, и учил «не уповать на ключи церкви, но искать отпущения грехов только в смерти Христа и открывать доступ к нему ключом веры»¹⁹.

§7. Цвингли в Гларусе

G. HEER: *Ulrich Zwingli als Pfarrer in Glarus*. Zürich, 1884.

Епископом Констанца Цвингли был рукоположен священником и назначен пастором в Гларусе, столице кантона с тем же названием²⁰. Он вынужден был уплатить более ста гульденов, чтобы победить кандидата-соперника (Гедли из Цюриха), который был в фаворе у папы и получил папскую пенсию. Цвингли произнес свою первую проповедь в Раппершвиле и совершил свою первую мессу в Вильдхаузе. Он проработал в Гларусе десять лет, с 1506 по 1516 гг., посвящая свое время проповедям, обучению, пасторским обязанностям и систематической учебе. Он начал изучать греческий «без учителя»²¹, чтобы иметь возможность читать Новый Завет в оригинале²². Он достаточно хорошо овладел греческим. Еврейский он изучал краткое время в Цюрихе, но без особого рвения и успеха. Он с большим энтузиазмом читал древних греческих и римских философов, поэтов, ораторов и историков. Он говорил о своем восхищении Гомером, Пиндаром, Демосфеном, Цицероном, Ливием, Цезарем, Сенекой, Плинием, Тацитом, Плутархом. Он выучил Валерия Максима на память, чтобы приводить исторические примеры. Он писал комментарии к Лукиану. В возвышенных идеях языческих философов и поэтов он, подобно Иустину Мученику, александрийским отцам церкви и Эразму, видел работу Святого Духа, Который, как он считал, действовал не только в Палестине, но и во всем мире. Он изучал также труды Пико делла Мирандолы (ум. в 1494), которые повлияли на его представления о провидении и предопределении.

¹⁹ *Werke*, I. A. 254; *Opera*, III. 544. Леон Юд, в предисловии к комментариям Цвингли на Новый Завет, сообщает, что Цвингли и он вынесли из лекций Виттенбаха в 1505 г. *quidquid nobis fuit solidae eruditionis*.

²⁰ Церковь, в которой он проповедовал, сейчас совместно занимают католики и протестанты, так как среди местных жителей присутствуют и те, и другие. Старое здание сгорело в 1861 г., но на том же месте было построено новое и хорошее.

²¹ *Absque duce*, — говорит Миконий в послании к Цвингли, 28 октября 1518 г. *Opera*, VII. 51, 52.

²² Цвингли писал Иоахиму Ватту из Гларуса 23 февраля 1513 г. (*Opera*, VII. 9): *Ita enim Graecis studere destinavi ut qui me praeter Deum amoveat, nesciam, on gloriae (quam nullis in rebus quaerere honeste possem), sed sacratissimarum terarum ergo*.

Во время пребывания в Гларусе Цвингли начал переписываться с Эразмом через своего друга Лорети из Гларуса, прозванного Глареаном, — ученого гуманиста и поэта-лауреата, который в то время жил в Базеле и принадлежал к кругу поклонников знаменитого ученого. Он также нанес ему визит весной 1515 г. и описывал его как человека в самом расцвете сил, невысокого и хрупкого, но очень милого и вежливого. Цвингли обращался к нему как к «величайшему философу и богослову», славил его «безграничную ученость» и говорил, что читает его книги каждый вечер перед тем, как ложиться спать. Эразм отвечал на комплименты более сдержанно. Он говорит о письме Цвингли как о «полном остроумия и ученой проницательности». В 1522 г. Цвингли пригласил Эразма переехать в Цюрих, но Эразм отказался, предпочитая быть космополитом. До нас дошло только одно письмо Цвингли к Эразму и шесть писем Эразма к Цвингли²³. Влияние великого ученого на Цвингли было освобождающим и просвещающим. Цвингли не был учеником Эразма в полном смысле слова, но, без сомнения, был согласен с ним в оценке языческих классиков, в выступлении против церковных злоупотреблений, в преданности изучению Писания и, возможно, перенял от него свои умеренные взгляды на первородный грех и вину, а также предположение о фигуральном толковании слов учреждения вечера Господней²⁴. Но он не соглашался с полупелагианством Эразма и твердо верил в предопределение. В период развития Реформации они постепенно отдалились друг от друга, хотя друг с другом не спорили. В послании от 3 сентября 1522 г. Эразм мягко предупреждает Цвингли, чтобы он сражался не только смело, но и *осторожно*, и Христос пошлет ему победу²⁵. Эразм не сожалел о преждевременной смерти Цвингли. Глареан также отвернулся от него и остался в старой церкви. Но Цвингли никогда не терял уважения к Эразму и даже к Гуттену относился с добротой и щедростью после того, как Эразм отверг его²⁶.

При посещении Базеля он познакомился со своим будущим биографом Освальдом Миконием, преемником Эколампадия (не путать с Фридрихом Миконием, другом Лютера).

Цвингли живо интересовался общественными делами. Три раза он сопровождал, по швейцарскому обычаю, рекрутов из своей общины в Италию, в качестве капеллана, на службу папам Юлию II и Льву X, для борьбы с Францией. Он был свидетелем штурма Павии (1512)²⁷, а также, вероятно, и победы при Новаре (1513) и поражения при Мариньяно (1515). Он восхищался храбростью своих соотечественников, но с негодованием и печалью смотрел на деморализующее воздействие службы в иностранных войсках. Он открыто выступал против этого обычая и приобрел много врагов среди французской партии.

Его первая книга, «Лабиринт» (около 1510 г.), — поэма на немецком языке против развращенности его эпохи.²⁸ В ней описана битва Тезея с Минотавром и

²³ *Opera*, vol. VII, pp. 10, 12, 221, 222, 251, 307, 310.

²⁴ Меланхтон писал 12 октября 1529 г.: *Cinglius mihi confessus est, se ex Erasmi scriptis primum hausisse opinionem suam de coena Domini. Corp. Reform.* IV. 970.

²⁵ *Tu pugna, mi Zwingli, non modo fortiter, verum etiam prudenter. Dabit Christus, ut pugnes feliciter. Opera*, VII. 221.

²⁶ См. т. VII, §42. Об отношениях Цвингли и Эразма см. Mörikofer, I. 23 sqq., 176 sqq., а также монографию Usteri, p. 19.

²⁷ Он живо описывает, на латыни, в письме своему другу Вадриану, как швейцарцы сражались с французами в Павии.

²⁸ *Opera (Deutsche Schriften)*, Tom. II. B., pp. 243-247.

дикие звери в лабиринте мира — одноглазый лев (Испания), венценосный орел (император), крылатый лев (Венеция), петух (Франция), бык (Швейцария), медведь (Савойя). Минотавр, получеловек-полубык, представляет, как он говорит, «грехи, пороки, неверие, службу швейцарцев в других странах, которая пожирает сынов народа». Его второй поэтический труд того периода, «Басня о быке и некоторых животных»²⁹, снова образно осуждает военную службу швейцарцев, которые становились рабами иностранных держав, особенно Франции.

Цвингли руководил обучением двух своих братьев и нескольких благороднейших молодых людей Гларуса, таких как Эгидий Чуди (знаменитый историк), Валентин Чуди, Геер, Незен, Элмер, Бруннер, которые были привязаны к нему и благодарны, искали его совета и утешения, как видно из их посланий.

Цвингли стал одним из самых известных и влиятельных общественных деятелей в Швейцарии еще до того, как он покинул Гларус, но тогда он был скорее гуманистом и патриотом, чем богословом и религиозным учителем. Он был поборником интеллектуальной культуры и политической реформы, но не проявлял особого интереса к духовному благополучию церкви. Он не прошел через жестокую борьбу и суровый кризис, в отличие от Лютера, но старательно искал, исследовал и обрел знание истины. Его обращение было постепенным интеллектуальным процессом, а не внезапным разрывом с миром. Но, избрав Писание в качестве своего проводника, он с легкостью отверг традиции Рима, которые никогда не оказывали на него сильного влияния. Этот процесс начался в Гларусе и завершился в Цюрихе.

Его моральный характер в Гларусе и Эйнзидельне был, к сожалению, небезупречен. Ему недоставало благодати воздержания, и, похоже, он с легкостью впал в столь распространенный среди священников грех, на который смотрели сквозь пальцы при условии невызывающего поведения, согласно злосчастной поговорке *si non castem, saltem caute* (пускай не безгрешный, зато осторожный). Мы узнаём об этом факте из его собственного честного признания, и его друзья знали об этом, но это не вредило его положению и влиянию, ибо он имел хорошую репутацию как священник и даже получал папский пенсион. Он решил провести реформы в Гларусе, но в Эйнзидельне попал под влияние дурного примера, к его великому унижению. После вступления в брак в Цюрихе его жизнь была чиста и почетна, так что врагам не в чем было его упрекнуть.

ЗАМЕЧАНИЯ О МОРАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ЦВИНГЛИ

В последнее время стали уделять слишком большое внимание недостаткам, которые были характерны для Цвингли в молодости, когда он еще служил священником Римской церкви. Янссен, историк-ультрамонтанин, не находит ни одного доброго слова в адрес Цвингли, грешит против истины и милосердия, обвиняя его в постоянном блуде и безнравственности, и не понимает, что тем самым он упрекает саму Римскую церковь в непростительно легкомысленном отношении к дисциплине. Цвингли, без сомнения, иногда грешил, но, вероятно, меньше, чем большинство швейцарских священников, которые жили в то время с наложницами, тайно или открыто (см. §2). Однако Цвингли так уважали в Эйнзидельне и Цюрихе, что папа Адриан VI, через своего агента в Швейцарии, даже предложил ему любые почести, кроме папского престола. Мы не оправдываем Цвингли и не сравниваем его случай (как делают некоторые) со случаем святого Августина, ибо Августин, когда жил с наложницей, не был священником и вообще не был крещен, и Августин исповедался перед всем миром с несравненно большим раскаянием, чем Цвингли, который относился к своему греху достаточно легкомысленно. Факты таковы:

1) Буллингер замечает (*Reformationsgesch.* I. 8), что Цвингли подозревали в Гларусе в неподобающей связи с несколькими женщинами (*weil er wegen einiger Weiber verargwohnt war*). Буллингер

²⁹ *Fabelgedicht vom Ochsen und etlichen Thieren*, Op., II. В. 257-269. Бык опять же символизирует Швейцарию. См. примечания редакции, pp. 262 sqq.

был его другом и преемником и не стал бы возводить напраслину. Но он мягко судил о пороке, который был весьма распространен среди священников по причине celibata. Буллингер сам был сыном священника, как и Леон Юд.

2) В конфиденциальном письме к канонику Утингеру в Цюрих из Эйнзидельна от 3 декабря 1518 г. (*Opera*, VII. 54-57) Цвингли возражает против слуха, будто он обольстил дочь влиятельного горожанина Эйнзидельна, но признает, что не целомудрен. Это письмо — очень странная апология, как говорит он сам, — скорее *blateratio*, чем *satisfactio*³⁰. С одной стороны, он утверждает, что никогда не бесчестил замужнюю женщину, или девственницу, или монахиню (*ea ratio nobis perpetuo fuit, nec alienum thorum conscendere, nec virginem vitiare, nec Deo dicatam profanare*), — и об этом забывает упомянуть Янссен. А с другой стороны, он легкомысленно, мы бы даже сказали, фривольно, распространяется о своей связи с грешной дочерью цирюльника, которая была уже обещана, и сожалеет о подобных прегрешениях, совершенных в Гларусе. Это прискорбная часть его письма. Она позволяет увидеть темную сторону его характера в то время. Цвингли также упоминает (р. 57) высказывание Энея Сильвия (папы Пия II): *Non est qui vigesimum annum excessit, nec virginem tetigerit*. Его руководство подавало ему дурной пример. Однако он выражает сожаление и относит к себе написанное во 2 Петра 2:22, а после говорит: *Christus per nos blasphematur*.

3) Цвингли, вместе с десятью другими священниками, обратился к епископу Констанца на латыни (Эйнзидельн, 2 июля 1522 г.) и к швейцарскому рейхстагу на немецком (Цюрих, 13 июля 1522 г.) с просьбой разрешить свободную проповедь Евангелия и брак клира. Он подкрепил просьбу признанием в скандальном образе жизни клира, в том числе его самого (*Werke*, I. 39): *Euer ehrsam Wysheit hat bisher gesehen das unehrbar schandlich Leben, welches wir leider bisher geführt haben (wir wollen allein von uns selbst geredet haben) mit Frauen, damit wir männiglich übel verärgert und verbösert haben*. Но этот документ с одиннадцатью подписями (подпись Цвингли стоит последней) — общее признание в аморальности клира в прошлом и не оправдывает вывода Янссена о том, что Цвингли в тот момент продолжал вести такой же образ жизни. Более того, Янссен (*Ein zweites Wort an meine Kritiker*, р. 47) путает при изучении этой петиции швейцарское слово *rüw* (*Ruhe*, «покой») с *rüwen* (*Reue*, «покаяние») и заявляет, что ее авторы «не каялись», в то время как они «не знали покоя». Документ же, напротив, свидетельствует о решающем прогрессе в области морали в сравнении с неуклюжей апологией в письме к Утингеру и содержит в себе глубокие сожаления в связи с моральным обликом клира. Документ, скорее, делает честь авторам, чем наоборот, и, без сомнения, он написан очень искренне.

4) В письме к своим пяти братьям от 17 сентября 1522 г., которым Цвингли посвятил проповедь о «непорочной Деве Марии, матери Божьей», он признается, что был подвержен *Hoffahrt, Fressen, Unlauterkeit* и другим плотским грехам (*Werke*, I. 86). Это последняя его исповедь, но если мы будем читать ее в контексте всего письма, возникает впечатление, что к тому времени Цвингли изменился в лучшую сторону и поддерживал честные, хотя и тайные, отношения со своей женой. Что же касается умеренности, то Буллингер (I. 305) утверждает, что Цвингли отличался «большой умеренностью в еде и питье».

5) Цвингли открыто женился на Анне Рейнхарт в апреле 1524 г. Она была уважаемой вдовой, матерью нескольких детей и перед этим два года прожила с Цвингли в тайном браке. Но этот факт, который Янссен превращает в обвинение в «грешной связи», был известен его близким друзьям, потому что Миконий в письме от 22 июля 1522 г. приветствует Цвингли и его жену (*Vale cum uxore quam felicissimam et tuis omnibus*, *Opera*, VII. 210; и еще: *Vale cum uxore in Christo*, р. 253). То же самое видно и из письма Буцера, от 14 апреля 1524 г. (р. 335; см. также примечание редакторов). «Подобные случаи, — пишет Мерикофер (I. 211), — были очень часты в то время даже среди лиц высокого положения, и тайные браки скреплялись церковным обрядом через недели и месяцы после их заключения». Для Тридентского собора тайные браки были законными и действительными (*Can. et Decr. Conc. Trid.*, Sess. XXIV, *Decr. de reform. matrimonii*).

Янссен немилосердно критикует характер Цвингли в своих трудах *Geschichte des deutschen Volkes*, III. 83 sq.; *An meine Kritiker* (1883), 127-140; *Ein zweites Wort an meine Kritiker* (1888), 45-48, но его защищают, насколько это позволяет истина, Ebrard, *Janssen und die Reformation* (1882); Usteri, *Ulrich Zwingli* (1883), 34-47; Alex. Schweizer, статьи в «*Protest. Kirchenzeitung*», Berlin, 1883, Nos. 23-27. Янссен ответил Эбрарду, но не Устери и Швейцеру. Основные факты еще до начала этого спора были правильно изложены в Mörkofer, I. 49-53, 128, и кратко также в Hagenbach, and Merle (bk. VIII, ch. 6).

³⁰ {Скорее болтовня, чем извинение. Здесь и далее, как и в предыдущих томах, примечания редактора русского издания отделяются фигурными скобками. — Ю.Ц.}

§8. Цвингли в Эйнзидельне

В 1516 г. Цвингли покинул Гларус из-за интриг французской политической партии, которая пришла к власти после победы французов при Мариньяно (1515), и принял приглашение в Эйнзидельн, но сохранил свой пост и надеялся на возвращение. Община была очень к нему привязана и обещала построить для него новый дом. Он заменил себя викарием и получал зарплату в течение двух лет, но потом был позван в Цюрих и отказался от места.

Эйнзидельн³¹ — это селение с бенедиктинским монастырем, находящееся в католическом кантоне Швиц. Оно было тогда и остается по сей день очень известным местом паломничества к чудотворному черному образу Девы Марии, якобы упавшему с небес. Количество паломников, ежегодно приходящих туда из Швейцарии, Германии, Франции и Италии, превышает сотню тысяч.

Здесь Цвингли был весьма полезен как проповедник. В библиотеке монастыря было много книг, что позволяло ему продолжать ученые занятия.

Цвингли значительно усовершенствовался в познаниях Писания и отцов церкви. Он читал комментарии Эразма и комментарии Оригена, Амвросия, Иеронима и Златоуста. Он делал записи на полях их трудов, которые сейчас хранятся в библиотеках Цюриха. Похоже, он ценил Оригена, Иеронима и Златоуста больше, а Августина меньше, чем Лютер, но на Августина он тоже часто ссылается в своих произведениях³².

У нас есть любопытное доказательство интереса Цвингли к Новому Завету на греческом языке. Эта рукопись хранится в городской библиотеке Цюриха. В 1517 г. Цвингли собственноручно сделал копию почти всех посланий Павла и Послание к евреям. Это была небольшая книжка для ежедневного использования. Текст был взят из первого издания Эразма, которое вышло в марте 1516 г., и Цвингли исправил там несколько опечаток. Текст написан очень четко и ровно. Видно, что Цвингли был опытным переписчиком. На полях присутствуют заметки на латыни из Эразма и из комментариев отцов церкви. Они написаны очень мелко, и их почти невозможно прочитать. На последней странице Цвингли добавил следующую заметку на греческом: «Эти послания были переписаны в Эйнзидельне благословенной Богоматери Гильдрихом Цвингли, швейцарцем из Тоггенбурга, в год одна тысяча пятьсот семнадцатый от Воплощения, в месяце июне»³³. Благополучно завершено³⁴.

В то же время, в Эйнзидельне, Цвингли начал критиковать с кафедры некоторые злоупотребления и торговлю индульгенциями, когда Самсон пересек Альпы в августе 1518 г. Цвингли говорит, что начал проповедовать Евангелие до

³¹ Maria-Einsiedeln, Deiparae Virginis Eremus, Eremitarum Coenobium in Helvetiis, Notre-Dame-des-Eremites.

³² Устери исследовал заметки на полях из книг Цвингли и приводит результаты в своем *Initia Zwinglii*, в «Studien und Kritiken», 1886, p. 681 sq. Библиотека Цвингли была выставлена в Цюрихе 4 — 13 января 1884 г., выпущен каталог выставки.

³³ Скирофорин — двенадцатый аттический месяц, который соответствует концу июня — началу июля. *Σκίροφρια* — праздник, посвященный Афине *Σκίρας*, отмечали в этом месяце. Указание на год (1517) позволяет опровергнуть ошибку некоторых биографов, которые относят рукопись к периоду пребывания в Гларусе. Кроме того, до 1516 г. печатной копии греческого Нового Завета не существовало.

³⁴ Эта надпись (как скопировал ее я, с ее небольшими ошибками, в Вассеркирхе 14 августа 1886 г.), выглядит так: *Ταῦται αἱ Ἐπιστολαὶ [αἱ] γραφεῖσαι Ἐρήμου τῆς μακαρίας θεοτόκου, παρὰ τῷ Ὑλδερικῷ Ζυγγλῷ Δωγγίῳ ἐλβετίῳ, χιλίοστῳ πεντακοσιόστῳ ἑπτὰ καὶ δεκάτῳ ἀπὸ τῆς θεογονίας, μὴδὲς σκίροφοριωνος Εὐτυχῶς [εὐτυχως].*

того, когда имя Лютера стало известно в Швейцарии, но добавляет, что в то время слишком опирался на Иеронима и других отцов церкви, а не на Писание. Он сказал кардиналу Шиннеру в 1517 г., что папство вряд ли основано на Писании. Миконий, Буллингер и Капитон сообщают, по сути соглашаясь друг с другом, что Цвингли проповедовал в Эйнзидельне против злоупотреблений и учил народ поклоняться Христу, а не Деве Марии. Надпись над входом в монастырь, обещающая полное отпущение грехов, была убрана по его просьбе³⁵. Беат Ренан в послании от 9 декабря 1518 г. поддерживает критику Цвингли против Самсона, восстановившего торговлю индульгенциями, и говорит, что Цвингли проповедовал народу чистейшую философию Христа из первоисточника³⁶.

На основании этих свидетельств многие историки считают, что швейцарская Реформация началась в 1516 г., за год до Реформации Лютера, которая началась 31 октября 1517 г. Но проповеди Цвингли в Эйнзидельне не имели таких последствий, как тезисы Лютера. Цвингли еще не созрел для этой задачи и не нашел нужного поля деятельности. Он в то время был просто последователем Эразма или передовым либералом в рядах Римской церкви, стремящимся к высшей образованности, нежели религиозным новатором, и не собирался идти на раскол. Он пользовался полным доверием аббата, епископа Констанца, кардинала Шиннера и даже папы. По рекомендации Шиннера Рим предложил ему ежегодный пенсион в пятьдесят гульденов, чтобы он мог продолжать свои изыскания, и он действительно получал их в течение пяти лет (с 1515 по 1520 г.). Пуччи, папский нунций в Цюрихе, в письме от 24 августа 1518 г. назначал его папским капелланом (*Accolitus Capellanus*), со всеми привилегиями и почестями этого положения, указывая в качестве причины «его великолепные добродетели и заслуги» и обещая еще более высокий сан в будущем³⁷. Пуччи предложил также удвоить его пенсион и дать ему место каноника в Базеле или Куре при том условии, что Цвингли будет продвигать дела папы. Цвингли весьма уместно отказался от капелланства и повышения зарплаты и честно заявил, что никогда не пожертвует даже слогом истины из любви к деньгам. Но он продолжал получать прежний пенсион в пятьдесят гульденов, который был дан ему без всяких условий, тратя его на покупку книг. В 1520 г. он и от этого отказался — хотя должен был бы сделать это раньше³⁸. Франциск Цинк, папский капеллан в Эйнзидельне, который выплачивал пенсион, присутствовал при разговоре Цвингли с Пуччи и говорит, в письме к городским властям Цюриха (1521), что Цвингли не мог прожить без этих денег, но сильно из-за этого переживал и думал о возвращении в Эйнзидельн³⁹. Даже 23 января 1523 г. папа Адриан VI,

³⁵ Надпись была такой: *Hic est plena remissio omnium peccatorum a culpa et a poena*. Но проповедь против поклонения святым, паломничеств и обетов, о которой рассказывает Буллингер (I. 81), была произнесена позже, в 1522 г., в день всех ангелов, во время визита Цвингли в Эйнзидельн. См. Pestalozzi, *Leo Judae*, p. 16, и Gieseler, III. i. p. 138.

³⁶ *Opera*, VII. A. 57: *Risimus abunde veniarum institutorem* [Бернгард Самсон], *quem in litteris tuis graphice depinxisti...* Далее он жалуется, что большинство священников учит языческим и иудейским доктринам, но Цвингли и ему подобные *purissimam Christi philosophiam ex ipsis fontibus populo proponere, non Scoticis et Gabrielicis interpretationibus depravatam; sed ab Augustino, Ambrosio, Cypriano, Hieronymo, germane et sincere expositam*. Ренан противопоставляет отцов церкви схоластам, Дунсу Скоту и Габриэлю Билу.

³⁷ См. письмо Антония Пуччи к Цвингли в *Opera*, VII. A. 48 sq. Документ о назначении, с подписью и печатью папского легата, датирован 1 сентября 1518 г. Он хранится в городской библиотеке Цюриха.

³⁸ Цвингли очень откровенно и с искренним сожалением говорит о своем пенсионе в письме к братьям (1522) и в своем «Пояснении к тезисам» (1523). *Werke*, I. A. 86, 354.

не знакомый с истинным положением вещей, написал Цвингли доброе и уважительное письмо, надеясь обеспечить святому престолу влияние над Цюрихом⁴⁰.

§9. Цвингли и Лютер

См. т. VII, §106.

Подготовка Цвингли сильно отличалась от подготовки Лютера. Эта разница повлияла на их будущую деятельность и отчасти объясняет их столкновения, когда они спорили друг с другом в произведениях, а однажды (в Марбурге) они встретились лицом к лицу и спорили лично. Сопоставления неправомерны, когда они проникнуты духом фанатизма или сектантства, но необходимы, если делать их беспристрастно.

Оба реформатора были скромного происхождения, но есть и отличие. Лютер был крестьянином. Он прошел грубую и тяжелую школу, что оставило отпечаток на его стиле полемики и способствовало его влиянию на простой народ. Цвингли же был сыном члена городского магистрата, племянником декана и аббата и воспитывался под влиянием гуманистов, что повлияло на его манеры. У обоих были благочестивые родители и учителя-католики, но Лютер пустил корни в католичестве глубже, чем Цвингли, и с великим упорством до самого конца держался за некоторые учения католичества, особенно о таинствах. Лютер также сохранил значительную часть римской исключительности и нетерпимости. Он отказался признать Цвингли как брата и терпеть не мог его взгляды на спасение некрещенных детей и благочестивых язычников.

Цвингли обучался в школе Эразма и от языческих классиков перешел прямо к Новому Завету. Он больше, чем кто-либо из реформаторов, кроме Меланхтона, представляет дух Возрождения в гармонии с Реформацией⁴¹. Цвингли был предтечей современного либерального богословия. Лютер же прошел через мистическую школу Таулера и Штаупица, через строгую дисциплину монашества, пока не обрел мир и утешение в учении об оправдании верой. Оба любили поэзию и музыку сильнее всего после богословия, но Лютер лучше использовал ее для общего поклонения и сочинял гимны и мотивы, которые поют по сей день.

Оба были людьми провидения и стали, неосознанно, реформаторами церкви согласно непреодолимой логике событий. Оба черпали силу и авторитет из Слова Божьего. Оба независимо трудились ради одного и того же дела евангельской истины, один в меньшем, другой в более крупном масштабе. Лютер ничем не был обязан Цвингли, а Цвингли ничем, или немногим, был обязан Лютеру. Оба были хорошими учеными, великими богословами, популярными проповедниками и героическими людьми.

³⁹ *Opera*, VII. A. 179: *Ipse arbiter interfui, quum Domino Legato Pucci ingenue fassus est, ipsum pecuniae causa rebus Papae agendis non inserviturum*, и т. д.

⁴⁰ *Opera*, VII. A. 266. Папа обращается к Цвингли как к *Dilecte fili*, славит его *egregia virtus*, утверждает, что верит в него и желает ему всего самого лучшего. В то же время папа писал Франциску Цинку, призывая всеми силами обратить Цвингли на сторону папы. И когда Миконий спросил, что папа предлагает взамен, Цинк ответил: *Omnia usque ad thronum papalem* {«что угодно, кроме папского престола»}. Цвингли пренебрег всем этим. *Ibid.* p. 266, note.

⁴¹ Мартен в своей *Histoire de France* (VIII. 156) делает следующее замечание: «Труды Цвингли можно рассматривать как самую могущественную попытку освятить Возрождение и объединить его с реформами в Иисусе Христе». Он называет Цвингли (p. 168) человеком с самыми ясными мыслями и самым большим сердцем из всех реформаторов (*qui porte en lui la plus large pensée et le plus grand coeur de la Réformation*).

Цвингли легко и быстро порвал с папской системой, а Лютер делал это шаг за шагом и с тяжелой борьбой против совести. Цвингли был более радикален, чем Лютер, но всегда в рамках закона и порядка, без тени фанатизма. Лютер же был более консервативен, однако стал главным защитником свободы во Христе. Цвингли тяготел к рационализму, а Лютер к мистицизму, но оба склонялись перед высшим авторитетом Писания. Цвингли отличался лучшими манерами и лучше владел собой во время спора, а Лютер превзошел его в богатстве и гениальности натуры. Цвингли был республиканцем и стремился к политической и общественной, а не только к церковной реформе. Лютер же был монархистом, далеким от политики и войны, и сосредоточил свои усилия на реформе веры и учения. Цвингли был равен Лютеру в плане ясности и остроты интеллекта и смелости убеждения и превосходил его в плане вежливости, умеренности и терпимости, но уступал в плане оригинальности, глубины и силы. Труды Цвингли и его слава были местными, а труды Лютера — всемирными. Лютер — творец современного немецкого литературного языка. Он дал народу Библию на разговорном языке, ценность которой до сих пор велика. Цвингли писал либо на латыни, либо на неуклюжем местном диалекте. Швейцарский перевод Библии, сделанный его верным другом Леоном Юдом, остался ограничен немецкой Швейцарией, но он более точен и обновлялся в последующих переизданиях по мере прогресса в области экзегетики. Цвингли не вызывает, даже среди его собственных соотечественников, такого энтузиазма, как Лютер вызывает у немцев. Лютер — главный герой Реформации, который стал на поле битвы впереди церкви и мира, пренебрег папской буллой и имперскими запретами и вывел Божий народ из вавилонского плена под евангельским знаменем свободы.

Каждый из них был нужным человеком на нужном месте. Ни один не мог бы сделать дело другого. Лютер был предназначен для Германии, Цвингли для Швейцарии. Цвингли погиб в расцвете лет, за пятнадцать лет до Лютера, но даже если бы и пережил его, он не достиг бы той известности, которая принадлежит одному лишь Лютеру. Лютеранская церковь Германии и реформатская церковь Швейцарии до сих пор хранят в себе свидетельство различий между их в равной степени евангельскими и христианскими делами и характерами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Я добавлю тут сравнительную оценку, которую дают двум реформаторам два выдающихся и в равной мере беспристрастных ученых, один из которых немецкий лютеранин, а другой — швейцарский реформат.

Доктор Баур (основатель тюбингенской школы критической истории) говорит⁴²:

«Когда эти двое встретились в Марбурге, Цвингли представляется более свободным, более лишенным предрассудков, более непосредственным, а также более мягким и склонным к примирению. Лютер же резок и нетерпим. Он отвергает Цвингли, гордо говоря: “У нас не тот дух, что у вас”⁴³. Сравнение их полемических произведений может быть сделано только в пользу Цвингли. Но не может быть сомнений и в том, что по заслугам и влиянию их реформаторской деятельности Лютер стоит намного выше, чем Цвингли. Хотя даже в этом отношении они практически никак не зависят друг от друга. Цвингли не был вдохновлен Лютером. А Лютер встал один на поле битвы, на котором развернулась борьба за дело Реформации. Он — реформатор, прокладывавший путь, и без его трудов

⁴² *Kirchengeschichte*, IV. 87 sq.

⁴³ Мартен, еще один беспристрастный и находящийся в догматическом равновесии автор, также в связи с марбургским диспутом, воздает должное “уважению в споре, логике, умеренности и братскому милосердию” Цвингли (*Hist. de France*, VIII. 114, note). Так же поступает и Дин Стэнли.

Цвингли никогда не смог бы приобрести такое историческое значение, какое приобрел наряду с Лютером»⁴⁴.

Доктор Александр Швейцер (из Цюриха) в своей речи в 1884 г. воздаст должное обоим: «Лютер и Цвингли начали, каждый согласно своей индивидуальности, Реформацию в выродившейся церкви, укрепляя и дополняя друг друга, но во многих отношениях они шли разными путями. Разве можно взвешивать их, возвышать одного и принижать другого, как в случае с Гете и Шиллером? Давайте радоваться, по совету Гете, что у нас есть два таких человека. Пусть те лютеране, которые не хотят союза с реформатами, продолжают представлять Лютера единственным реформатором и, не зная о евангельском благочестии Цвингли, пренебрегать им как простым гуманистическим просветителем. Это не помешает нам ценить величие Лютера и при этом довольствоваться независимым положением нашего Цвингли рядом с первым героем Реформации. О да, на этом празднике в честь Цвингли в Цюрихе, который предшествует празднику в честь Лютера, мы считаем своей благороднейшей задачей признать Лютера главным героем битвы Реформации и выдвинуть его историческое и личное величие на первый план, тем более что сам Цвингли, а потом и Кальвин до нас давали высокую оценку Лютеру»⁴⁵.

Филлипс Брукс (епископ Массачусетса, величайший проповедник протестантской епископальной церкви в Соединенных Штатах, ум. в 1893 г.): «Из всех реформаторов в этом плане [в плане терпимости] Цвингли, который в темные времена был человеком света, — самый благородный и ясный. На Марбургской встрече он представляет благоприятный контраст по сравнению с Лютером в своей готовности примириться ради общего дела, и он был одним из немногих, кто в то время верил, что добрые и искренние язычники могут быть спасены» (*Lectures on Tolerance*, New York, 1887, p. 34.).

Из светских историков Ж. Мишле (*Histoire de France*, X. 310 sq.) справедливо оценивает Цвингли и его последнюю благородную исповедь, адресованную королю Франции. Мишле пишет о Цвингли: «Великий учитель, лучший из патриотов, сильная и простая личность, он явил нам образец швейцарца, его настоящий дух в ревностном устремлении к независимости от Италии, от Германии... Цвингли пишет Франциску I на языке, достойном эпохи Возрождения, и представляет проблему церкви во всем ее величии». Далее Мишле цитирует отрывок о спасении всех истинно искренних и благородных людей, который не способен забыть ни один человек, имеющий сердце.

⁴⁴ *Neben Luther*. Это правильное выражение, которое использует и Швейцер. Устери слишком высоко ставит Цвингли, когда называет его *ein Martin Luther ebenbürtiger Zeuge des evangelischen Glaubens*. Цвингли был независим от Лютера, но не равен ему.

⁴⁵ *Zwingli's Bedeutung neben Luther. Festrede zu Zwingli's 400 jährigem Geburtstag 1 Jan., 1884, gehalten in der Universitätsaula zu Zürich 7 Jan., 1884* (Zürich, 1884), p. 3.

ГЛАВА III

РЕФОРМАЦИЯ В ЦЮРИХЕ.

1519 — 1526

§10. Цвингли приглашен в Цюрих

СЛАВА Цвингли как проповедника и патриота привела к тому, что его пригласили на служение главным пастырем Гроссмюнстера, главной церкви Цюриха, которой суждено было стать Виттенбергом в Швейцарии. Многие жители Цюриха слышали проповеди Цвингли во время паломничеств в Эйнзидельн. Его враги были против его любви к музыке и удовольствиям и обвиняли его в грехе, добавляя к правде клевету. Его друг Миконий, преподаватель в школе при церкви, использовал все свое влияние, чтобы обеспечить ему поддержку. И Цвингли был избран семнадцатью голосами из двадцати четырех 10 декабря 1518 г.

Он прибыл в Цюрих 27 числа того же месяца и был сердечно принят. Он обещал преданно исполнять свои обязанности и начал с разъяснения Евангелия от Матфея, чтобы представить народу всю жизнь Христа. В этом он отошел от обычая, который предписывал проповедовать евангелия и послания в определенном порядке, но его оправдывал пример некоторых отцов церкви, например, Златоуста и Августина, проповедовавших по целым книгам. Впоследствии в реформатской церкви появилась свобода выбора текстов для проповеди, тогда как Лютер сохранил католическую систему перикоп.

Цюрих, самый процветающий город в немецкой Швейцарии, живописно расположенный в амфитеатре плодородных холмов при озере с таким же названием у вытекающей из него реки Лиммат, появился в середине IX века, когда король Людовик Немецкий основал здесь аббатство Фрауэнмюнстер (853). В древнеримские времена это место было известно как стоянка (*Turicum*). Цюрих стал свободным имперским городом, где активно велась торговля между Германией и Италией. Его часто посещали короли и императоры. Гроссмюнстер был построен в XII веке и перешел в руки реформатской общины, как и соборы Базеля, Берна и Лозанны, лучшие церкви Швейцарии.

В 1315 г. Цюрих вступил в Швейцарскую конфедерацию, заключив соглашение с Люцерном, Ури, Швицем и Унтервальденом. Это привело к конфликту с Австрией, который закончился благоприятно для конфедерации⁴⁶.

В начале XVI века в Цюрихе жило семь тысяч человек. Это был центр международных отношений Швейцарии, и тут находились резиденции послов иностранных держав, которые соперничали друг с другом, желая заручиться поддер-

⁴⁶ О древней истории Цюриха см. в Bluntschli, *Geschichte der Republik Zürich*, 2^e ed. 1856; G. v. Wyss, *Zürich am Ausgange des 13ten Jahrh.*, 1876; Dierauer, *Geschichte der Schweiz. Eidgenossenschaft*, vol. I (1887), 171-217.

жкой швейцарских воинов. В результате город был богат и жил в роскоши. Среди горожан существовали разные партии. Все стремились к наживе и власти. Буллингер говорит: «До проповеди Евангелия [Реформации] Цюрих для Швейцарии был тем же, чем Коринф для Греции»⁴⁷.

§11. *Общественная деятельность и частные исследования Цвингли*

Цвингли приступил к выполнению обязанностей в Цюрихе в свой двадцать шестой день рождения (1 января 1519 г.), прочитав проповедь о родословной Христа, и объявил, что уже на следующий день (это было воскресенье) начнет ряд разъяснительных проповедей по первому евангелию. После Матфея он перешел к Деяниям, затем к посланиям Павла и к соборным посланиям {в западных Библиях соборные послания идут после посланий Павла}. Так за четыре года он закончил объяснение всего Нового Завета, кроме Апокалипсиса (который он не считал апостольской книгой). В течение недели Цвингли проповедовал по Псалтири. Он тщательно готовился к проповедям, изучая текст оригинала. Вероятно, в первой проповеди он использовал знаменитые «Гомилии на Матфея» Златоуста. После пребывания в Гларусе он уже знал греческий. Еврейскому он учился от ученика Рейхлина, который прибыл в Цюрих. В его копии *Rudimenta Hebraica* Рейхлина есть много его заметок, сделанных от руки⁴⁸.

Его проповеди, во всяком случае, опубликованные, отличаются, по словам Гагенбаха, «духовной здравостью и мужественной солидностью». Они просты, практичны и впечатляют, несут характер скорее моральный, чем вероучительный.

Цвингли сделал своей главной целью «проповедовать Христа из первоисточника» и «доносить до человеческих сердец чистого Христа»⁴⁹. Он не собирался проповедовать то, что он не мог бы доказать на основании Писания как единственного правила христианской веры и практики. И это чисто реформаторская идея, ибо цель Реформации — заново открыть источник Нового Завета для всего народа и обновить жизнь церкви силой изначального Евангелия. Используя свой метод проповедей по целым книгам, он мог дать своей пастве более полное представление о жизни Христа и о пути спасения, чем если бы ограничивался отдельными стихами из библейских книг. Сначала он не критиковал католичество как таковое, а только грехи человеческого сердца. Заблуждения он опровергал истиной⁵⁰.

Проповеди сделали его весьма популярным в Цюрихе. Народ говорил: «Мы никогда раньше не слышали таких проповедей». Два выдающихся горожанина, которым внушали отвращение полные вымысла речи священников и монахов, заявили, услышав его проповедь: «Это подлинный проповедник истины, Моисей, который освободит народ из плена». Они стали его постоянными слушателями и преданными друзьями.

⁴⁷ Mörkofer (I. 430 sqq.) приводит отвратительный пример того, как грубы и развратны были цюрихцы в то время.

⁴⁸ Он писал Миконию в 1522 г.: *Statui proximis diebus in manus resumere literas Hebraicas; nam futuro Decembri... Psalmos praelegam* (Opera, VII. 145).

⁴⁹ *Christum ex fontibus praedicare, purum Christum animis inserere*. См. также его послание к Миконию (1520), Opera, VII. 142 sqq.

⁵⁰ Свои проповеди по Матфею он не подготовил к публикации, но у нас есть фрагментарные рассказы 1525 г. См. отрывки в Mörkofer I. 57-63.

Цвингли был также добросовестным пастором, приветливым, добрым, гостеприимным и благосклонным. Он интересовался судьбой молодежи и помогал молодым людям получить образование. Он был, как сообщает Буллингер, симпатичным мужчиной, чуть выше среднего роста, со здоровым цветом лица и приятным, мелодичным голосом, который не был громким, но проникал прямо в сердце. У нас нет его прижизненного портрета. Рядом с Цвингли не было Луки Кранаха, как рядом с Лютером. Все его портреты — копии с большой картины маслом Ганса Аспера, которая висит в городской библиотеке Цюриха и была написана после его смерти. Она достаточно груба и неумела⁵¹.

Цвингли продолжал занятия в Цюрихе и расширил библиотеку с помощью своих друзей, Глареана и Беата Ренана, которые посылали ему книги из Базеля — швейцарского литературного центра. Он не пренебрегал своими любимыми классиками и читал, как сообщает Буллингер, Аристотеля, Платона, Фукидида, Гомера, Горация, Саллюстия и Сенеку. Но теперь максимум внимания он уделял Писанию и комментариям отцов церкви.

Тем временем реформы Лютера потрясали всю церковь. Они укрепили и углубили евангельские убеждения Цвингли в целом, хотя формирование взглядов происходило независимо. Некоторые из книг Лютера были переизданы в Базеле в 1519 г., и Ренан послал их Цвингли. Лютеранские идеи витали в воздухе и нашли внимательных слушателей в Швейцарии. Цвингли также не избежал их влияния. Споры о евхаристии привели к отстраненности между ними, но Цвингли не терял большого уважения к Лютеру и к великим заслугам, которые тот оказал церкви⁵².

§12. Цвингли и торговля индульгенциями

Бернардин (Бернгард) Самсон, францисканский монах из Милана, пересек Сен-Готард и прибыл в Швейцарию в августе 1518 г. Он был агентом апостольского престола по продаже индульгенций. Это был швейцарский Тецель, и он не уступал последнему в дерзкой профанации святого, превращая прощение грехов и освобождение от мук чистилища в товар. Он предпочитал богатых, которые готовы были покупать индульгенции на пергаменте, за крону. Бедным он продавал индульгенции на простой бумаге, за несколько медных монет. В Берне он освободил от мук чистилища души всех усопших бернцев. В Бремсгартене Самсон отлучил декана Буллингера (отца Генриха) за то, что тот выступил против его торговли, но в Цюрихе его деятельность была остановлена.

В том, что индульгенции — заблуждение, Цвингли был убежден уже давно, переняв эту позицию от Виттенбаха в Базеле. Он предостерегал от Самсона жителей Эйнзидельна. И он воспользовался своим влиянием, борясь против Самсона в Цюрихе. А городские власти, даже епископ Констанца (епископ предпочитал торговать индульгенциями сам), поддержали его оппозицию. Самсон был вынужден вернуться в Италию со своей «полной золота повозкой, запряженной тремя лошадьми». Рим уже получил урок с тезисами Лютера, а потому в случае с Самсоном повел себя более осторожно и с вниманием к чувствам просвещенных

⁵¹ См. описание портретов Цвингли в Mörikofer, I. 345, а также памфлет *Zwingli-Ausstellung*, Zurich, January, 1884.

⁵² В библиотеке Цвингли есть несколько трудов Лютера, и в них нет замечок (Usteri, l. c., p. 716). Его благодарная дань Лютеру цитируется в этой «Истории», т. VII, §110.

католиков. Лев X в булле от апреля 1519 г. выразил желание наказать Самсона, если тот действительно злоупотребил своими полномочиями⁵³.

Оппозиция торговле индульгенциями стала первой главой в истории немецкой Реформации, но в швейцарской Реформации она была просто эпизодом. Лютер победил в сражении. Цвингли же не вступал в конфликт с Римом по этому вопросу, и его поведение даже одобрил доктор Фабер, генеральный викарий епархии Констанца, который тогда был его другом, а позже стал его врагом.

§13. Цвингли во время чумы

Летом 1519 г. Цвингли отправился на знаменитые воды Пфафферс, в Рагаце, чтобы набраться сил для дальнейшего выполнения своих обязанностей в Цюрихе, но вскоре возникла опасность прихода чумы из Базеля. Когда он узнал, в августе, что в Цюрихе разразилась чума, он поспешил назад, даже не остановившись на пути, чтобы повидать родственников. Несколько недель он, как верный пастырь, день за днем заботился о больных, пока сам не заболел в конце сентября. Его жизнь была в большой опасности, потому что он переутомился. Папский легат послал к нему собственного врача. Чума унесла жизни двух тысяч пятисот человек, то есть больше трети населения Цюриха. Цвингли поправился, но чувствовал, что болезнь наложила отпечаток на его разум и память, и он испытывал слабость во всем теле до конца года. Его друзья дома и за границей, в том числе Фабер, Пиркгеймер и Дюрер в Нюрнберге, поздравляли его с выздоровлением.

Должно быть, этот период всеобщей скорби и личных страданий благотворно повлиял на его духовную жизнь⁵⁴. Мы можем почувствовать это из трех стихотворений о его болезни и выздоровлении, которые он позже положил на музыку. Они проникнуты благочестивым подчинением воле Бога и позволяют нам понять, какой была его религиозная жизнь в то время⁵⁵. Еще одно стихотворение он написал в 1529 г., а также в стихах перевел псалом 68⁵⁶.

Стихотворения, написанные Цвингли во время чумы, с вольным сокращенным переводом

I. *Im Anfang der Krankheit*

*Hilf, Herr Gott, hilf
In dieser Noth;
Ich mein', der Tod
Syg⁵⁷ an der Thür.*

*Stand, Christe, für;
Denn du ihn überwunden hast!
Zu dir ich gilf⁵⁸.
Ist es din Will,*

⁵³ Mörkofer, I. 65 sqq.

⁵⁴ Мерль Д'Обинье преувеличивает значение этой болезни, говоря, что она привела к обращению Цвингли и к тому, что он целиком посвятил себя Богу. В жизни Цвингли не было внезапных перемен, как у Павла или Лютера. Он развивался постепенно.

⁵⁵ Оригинал приведен в *Werke*, II. 269-274, с хорошим современным переложением Фульды; также в Mörkofer, I. 72-74; и Hagenbach, 218 (5th ed. Nippold). Сокращенные переводы в английских изданиях: Merle d'Aubigné, *History of the Reformation*, bk. VIII, ch. 8 («Lo! at my door gaunt death I spy», etc.), и в переводе мисс Мор — Hagenbach, *History of the Reformation* (Edinb., 1878, vol. I, 274). Поэтическая структура стихов очень изысканная, ее трудно воспроизвести при переводе.

⁵⁶ Эти произведения попали в цюрихские сборники гимнов и песен 1560 и 1570 гг., они напечатаны вместе в Wackernagel, *Das Deutsche Kirchenlied*, vol. III. 500-503.

⁵⁷ Sei.

⁵⁸ flehe, schreie.

*Zuch us den Pfyl⁵⁹,
Der mich verwundt,
Nit lass ein Stund
Mich haben weder Rüw⁶⁰ noch Rast!
Willt du dann glych⁶¹
Todt haben mich
Inmitts der Tagen min,
So soll es willig syn.
Thu, wie du willt,*

*Mich nüt befil⁶².
Din Haf⁶³ bin ich,
Mach ganz ald⁶⁴ brich.
Dann nimmst du hin
Den Geiste min
Von dieser Erd,
Thust du's, dass er nit böser werd,
Ald⁶⁵ andern nit
Befleck ihr Leben fromm und Sitt.*

II. Mitten in der Krankheit.

*Tröst, Herr Gott, tröst!
Die Krankheit wachst⁶⁶,
Weh und Angst fasst
Min Seel und Lyb⁶⁷.
Darum dich schyb⁶⁸
Gen mir, einiger Trost, mit Gnad!
Die gwüss erlöst
Ein jeden, der
Sin herzlich B'ger
Und Hoffnung setzt
In dich, verschätzt.
Darzu diss Zyt all Nutz und Schad.
Nun ist es um;*

*Min Zung ist stumm,
Mag sprechen nit ein Wort;
Min Sinn' sind all verdorrt,
Darum ist Zyt⁶⁹,
Dass du min Stryt⁷⁰
Führst fürhin;
So ich nit bin
So stark, dass ich
Mög tapferlich
Thun Widerstand
Des Tüfels Facht⁷¹ und frefner Hand.
Doch wird min Gmüth
Stät bliben dir, wie er auch wüth.*

III. Zur Genesung.

*G'sund, Herr Gott, g'sund!
Ich mein', ich keh
Schon wiedrum her.
Ja, wenn dich dunkt,
Der Sünden Funk'
Werd nit mehr bherrschen mich uf Erd,
So muss min Mund
Din Lob und Lehr
Ussprechen mehr
Denn vormals je,
Wie es auch geh'
Einfältiglich ohn' alle G'fähd.
Wiewohl ich muss*

*Des Todes buss
Erliden zwar einmal
Villicht mit gröss'rer Qual,
Denn jezund wär'
Geschehen, Herr!
So ich sunst bin
Nach⁷² g'fahren hin,
So will ich doch
Den Trutz und Poch⁷³
In dieser Welt
Tragen fröhlich um Widergelt⁷⁴,
Mit Hälfe din,
Ohn' den nüt⁷⁵ mag vollkommen syn.*

⁵⁹ Pfeil.

⁶⁰ Ruh.

⁶¹ doch.

⁶² fehlt.

⁶³ Gefäss.

⁶⁴ oder.

⁶⁵ oder.

⁶⁶ wächst.

⁶⁷ Leib.

⁶⁸ wende.

⁶⁹ Zeit.

⁷⁰ Streit.

⁷¹ Anfechtung.

⁷² beinahe.

⁷³ Ungestüm.

I. В начале болезни

Помоги мне, о Господь,
Моя крепость и скала;
Чу, у двери
Я слышу стук смерти.
Подними Свою руку,
Некогда пронзенную за меня,
Которая побеждает смерть,
И освободи меня.

Да, если Твой голос
Посреди жизни
Позовет мою душу,
Я послушаюсь.
В вере и надежде
Я откажусь от земли,
Уверенный в небесах,
Потому что я — Твой.

II. Во время болезни

Мои муки усиливаются;
Поспеши утешить меня;
Потому что страх и горе
Овладевают моим телом и душой.
Смерть рядом,
Мои чувства слабеют,
Мой язык немеет;
Христос, сделай что-нибудь.

Чу! Сатана старается
Схватить свою жертву;
Я ощущаю его хватку;
Должен ли я уступить?
Он мне не повредит,
Я не боюсь ничего,
Потому что я лежу здесь,
Под Твоим крестом.

III. После выздоровления от болезни

Мой Бог! Мой Господь!
Исцеленный Твоей рукой,
На земле
Вновь я стою.
Пусть грех больше никогда
Не правит мною;
Мои уста будут петь
Только Тебя.

Хотя теперь он отложен,
Мой час придет.
Может быть, он будет окружен
Великим мраком.
Но пусть он придет;
Я радостно восстану
И понесу свое иго
Прямо на небеса.

§14. Открытый разрыв. Спор о постах. 1522

Цвингли прослужил в Цюрихе два года без серьезного противоборства, хотя врагов у него было немало, как религиозных, так и политических. Городские власти Цюриха сначала заняли нейтральную позицию и приказали священникам города и области проповедовать Писание и *обходить стороной* человеческие домысливания (1520). Это первый случай епископального вмешательства городских властей в вопросы веры. Позже такая практика стала общепринятым обычаем в протестантской Швейцарии, с полного согласия Цвингли. Он был назначен каноником кафедрального собора 29 апреля 1521 г., с дополнительным жалованием в семьдесят гульденов, после того как отказался от папской пенсии. Этим скромным доходом он довольствовался до конца своих дней.

Во время великого поста 1522 г. Цвингли произнес проповедь, в которой показал, что запрет на употребление мяса в пост не подкрепляется Писанием. Несколько его друзей, в том числе его издатель, Фрошауэр, воспользовались своей свободой.

Это привело к открытому расколу. Епископ Констанца отправил в Цюрих влиятельную делегацию и призвал к соблюдению церковных постов. Городские

⁷⁴ Vergeltung.

⁷⁵ nichts.

власти запретили нарушать посты и пригрозили наказать преступников (9 апреля 1522 г.).⁷⁶ Цвингли защищался в трактате о свободном употреблении мяса (16 апреля)⁷⁷. Это первая печатная книга Цвингли. По сути, он придерживается позиции Павла, то есть говорит, что в малозначительных вопросах христиане вольны соглашаться или воздерживаться по своему усмотрению, а церковные власти не имеют права нарушать эту свободу. Цвингли ссылается на такие места, как 1 Кор. 8:8; 10:25; Кол. 2:16; 1 Тим. 4:1; Рим. 14:1-3; 15:1,2.

Епископ Констанца выпустил указ, обращенный к гражданским властям (24 мая), и призвал их защищать законы святой церкви⁷⁸. Он призвал каноников, не упоминая Цвингли по имени, предотвратить распространение еретических учений. Он пытался также заручиться поддержкой швейцарского сейма, который заседал тогда в Люцерне, и добился этого.

Положение Цвингли было опасным. Его неоднократно угрожали убить. Но он вел себя смело и был уверен в победе. Он ответил в *Archeteles* («Начало и конец»), надеясь, что этот первый ответ будет и последним⁷⁹. Он протестовал, утверждая, что не сделал ничего плохого, но пытался вести людей к Богу и к Его Сыну Иисусу Христу на простом языке, чтобы все люди понимали его. Он предупредил иерархию, что римские церемонии скоро перестанут существовать, и посоветовал ей последовать примеру Юлия Цезаря, который обернул вокруг себя одежду, чтобы упасть с достоинством. Значение этой книги в решительном утверждении авторитета Писания, противопоставленного авторитету церкви. Эразм был весьма ею недоволен.

§15. Прошение об упразднении celibата клириков. Брак Цвингли

В июле того же года (1522) Цвингли, с еще десятью священниками, послал епископу петицию на латыни, а швейцарскому сейму петицию на немецком с просьбой разрешить свободную проповедь Евангелия и брак клириков как единственное средство от злоупотреблений, вызванных принудительным безбрачием. Он цитирует Писание в доказательство того, что брак был учрежден Богом и праведен, и просит конфедератов позволить то, что санкционировал Сам Бог. Он послал обе петиции к Миконию в Люцерн на подпись. Некоторые священники одобрили их, но боялись подписывать. Другие говорили, что петиция бесполезна и что подобное может разрешить только папа или собор⁸⁰.

Просьба не была удовлетворена. Несколько священников открыто проявили непослушание. Один женился даже на монахине из монастыря в Этенбахе (1523).

⁷⁶ Egli, *Actensammlung*, p. 77 (No. 237). Меригофер (I. 97) приводит неверную дату (19 марта 1521 г.), а издатель Эгли допустил ошибку, исправляя его и процитировав т. II вместо т. I.

⁷⁷ *Von Erliesen und Fryheit der Spysen (De delectu et libero ciborum usu)*. *Werke*, I. B. 1-30; латинский перевод — Gwalter, *Opera Lat.* I. 324-339.

⁷⁸ Egli, p. 85; Strickler, I. 428. Я привожу здесь этот текст как образец полуварварского немецкого языка швейцарских документов того периода. *Dass unser vätterlicher getrüwer rat und früntlich ernstlich pitt ist, ir wöllen die ürgenuss und widerwärtigkeit by üch selbs, den üwern und andern fürkommen und üch obgemeldten der hailigen kirchen ordnungen und guoten gewonhaiten in cristenlicher geainter gehorsami verglychen, die vollziechen und solichs by den üwern zuo gesehe(h)en, sovil an üch, verschaffen. Das halten wir dem Evangelio, der leer Pauli und dem hailigen unserm cristenlichen glauben glychmässig. Ir tuond ouch daran üch und den üwern wolfart, von uns gnädiglich und früntlich zuo erkennen und zuo verdienen.*

⁷⁹ *Opera*, III. 26-76.

⁸⁰ *Werke*, I. A. 30-51; III. 16-25.

Ребли из Витикона вступил в брак 28 апреля 1523 г. Леон Юд — 19 сентября 1523 г.

Сам Цвингли вступил в брак в 1522 г.⁸¹, но по соображениям благоразумия объявил об этом только 5 апреля 1524 г. (то есть больше чем за год до брака Лютера, который состоялся 13 июня 1525 г.). Подобные тайные браки были нередки, но для репутации Цвингли было бы лучше, если бы он, как проповедник и реформатор, воздержался до того времени, когда общественное мнение созреет для перемен.

Его жена, Анна Рейнхарт⁸², была вдовой Ганса Мейера фон Кнонау⁸³, матерью трех детей и жила недалеко от Цвингли. Она была на два года старше его. Его враги распространяли слухи, что он женился из-за ее красоты и богатства, однако она владела только четырьмя сотнями гульденов, если не считать нарядов и драгоценностей. После брака с реформатором она перестала носить драгоценные украшения.

До нас дошло только одно письмо Цвингли к его жене, из Берна, написанное 11 января 1528 г., в котором он обращается к ней как к своей дражайшей хозяйке и супруге⁸⁴. Судя по периодическим выражениям уважения и привязанности к жене, а также по приветам друзей в ее адрес, можно сделать вывод, что его семейная жизнь была счастливой, но ей недоставало поэтического очарования семьи Лютера. Супруга была полезной помощницей Цвингли⁸⁵. Она внесла свой вклад в формирование семейной жизни пасторов, с бесчисленным количеством счастливых семей⁸⁶.

В прекрасной копии греческой Библии Цвингли (изд. Альдуса в Венеции, 1518), которая сохранилась и носит название «Библии Цвингли», он собственной рукой записывал домашнюю хронику, где отражены имена, дни рождения и имена крестных его четырех детей: «Регула Цвингли, родилась 13 июля 1524 г.⁸⁷; Вильгельм Цвингли, родился 29 января 1526 г.⁸⁸; Гульдрих Цвингли, родился 6 января 1528 г.⁸⁹; Анна Цвингли, родилась 4 мая 1530 г.⁹⁰». Его последним потомком мужского пола был внук, Ульрих, профессор богословия, который родился в 1556 г. и умер в 1601 г. Последним потомком женского пола была его

⁸¹ См. послания Микония от 1522 г., где он передает приветы жене Цвингли, цит. в §7.

⁸² Его послание к супруге адресовано *Der Frauen Anna Reinhartin in Zürich, seiner lieben Hausfrau. Opera*, VIII. 134. В других местах ее фамилия написана как *Reinhard*.

⁸³ Военный, отличался разнузданным поведением и принадлежал к одному из древнейших и богатейших семейств Цюриха; умер в 1517 г.

⁸⁴ Он пишет (VIII. 134): *Gnad una Fried von Gott. Liebste Hausfrau, ich sage Gott Dank, dass er dir eine fröliche Geburt verliehen hat; der wolle uns die nach seinem Willen zu erziehen verleihen. Schicke meiner Base ein oder zwei Tüchli [Tüchlein], solcher Mass und Weise, als du sie trägst. Sie kommt ziemlich [sittsam], doch nicht beginlich [i. e. wie eine Nonne, eine Beghine], ist eine Frau von 40 Jahren in alle Weis und Mass, wie sie Meister Jörgen Frau beschrieben hat. Thut mir und uns Allen über die Mass gütlich. Bis [Sei] hiemit Gott befohlen, dir lieb sei. Bitt Gott für mih und uns Alle. Gegeben zu Bern 11 Tag Jänners, Grüsse mir alle deine Kinder. Besonders Margreth tröste in meinem Namen. Huldreich Zwingli, dein Hauswirth.*

⁸⁵ Один из его друзей называет ее *eine Mitarbeiterin am Wort, welche dir, dem Apostel, behülflich ist*. Finsler, U. Zwingli, p. 52 sq.

⁸⁶ См. т. VII, §79.

⁸⁷ Вышла замуж за Рудольфа Гвалтера, приемного сына и наследника Буллингера, первого редактора сборника трудов Цвингли.

⁸⁸ Учился в Страсбурге вместе с Капитоном и умер вместе с ним от чумы в 1541 г.

⁸⁹ Стал пастором Предигеркирхе и женился на старшей дочери Буллингера, Анне.

⁹⁰ Умерла очень молодой, и о ее смерти написано в той же книге.

правнучка Анна Цвингли, которая в 1634 г. подарила его рукописную копию греческих посланий Павла городской библиотеке Цюриха.

Цвингли жил очень просто и не оставил после себя никакого имущества. Его маленький кабинет (*Zwingli-Stübli*), в официальной резиденции диакона Гросс-мюнстера, сохраняется в своем первоначальном состоянии.

§16. Цвингли и Ламберт Авиньонский

В июле 1522 г. в Цюрихе появился монах-францисканец Ламберт из Авиньона, ехавший на осле в монашеской одежде. Он покинул свой монастырь на юге Франции и искал евангельскую веру. Галлер из Берна посоветовал ему обратиться к Цвингли. Ламберт проповедовал на латыни против злоупотреблений Римской церкви, но был сторонником поклонения святым и Деве Марии. Цвингли прервал его замечанием: «Ты заблуждаешься», — и убедил в своей правоте в ходе диспута.

Францисканец поблагодарил Бога и поехал в Виттенберг, где его тепло принял Лютер. На синоде в Гомберге (1526) он выступал за пресвитерианское управление церковью, а на встрече в Марбурге заявил, что принял взгляды Цвингли на вечерю Господню⁹¹.

§17. Шестидесят семь тезисов

О шестидесяти семи тезисах и о трех спорах см.: *Werke*, I. A. 105 sqq.; Bullinger: I. 97 sqq.; Egli: 111, 114, 173 sqq.; Mörikofer: I. 138 sqq., 191 sqq. Текст шестидесяти семи тезисов на швейцарском немецком см. в *Werke*, I. A. 153-157; на современном немецком и на латыни — в Schaff: *Creeds of Christendom*, III. 197-207.

Взгляды Цвингли, в связи с лютеранской Реформацией в Германии, вызвали сильное волнение не только в городе и кантоне Цюриха, но и во всей Швейцарии. По его предложению правительство — то есть бургомистр, а также советы, малый и большой (совет двухсот), — велели устроить публичный спор, на котором противоречия следовало уладить на основании одного лишь Писания.

С этой целью Цвингли выпустил шестидесят семь тезисов, или выводов (*Schlussreden*). Это первое публичное исповедание реформатской веры, но оно так и не приобрело авторитета символа веры и было вытеснено более зрелыми исповеданиями. Тезисы Цвингли напоминают девяносто пять тезисов Лютера против индульгенций, с которых за шесть лет до того начались события немецкой Реформации. Они знаменуют большой шаг вперед в протестантском движении и освещают множество вопросов. В них много говорится о Христе как единственном Спасителе и Ходатае, и они ясно учат превосходству Слова Божьего как единственного правила веры. Они отвергают и критикуют превознесенность папы, мессу, молитвы к святым, человеческие заслуги, посты, паломничества, celibат, чистилище и т. д. как не соответствующие Писанию изобретения человека.

Вот самые важные из этих тезисов:

1. Все, кто говорит, что Евангелие ничего не значит без одобрения церкви, заблуждаются и хулят Бога.
2. Суть Евангелия в том, что наш Господь Иисус Христос, истинный Сын Бога, явил всем нам волю небесного Отца, искупил нас Своей невинностью от вечной смерти и примирил нас с Богом.
3. Следовательно, Христос есть единственный путь к спасению для всех, кто был, есть и будет.

⁹¹ См. т. VII, §107-108. См. также Bullinger, I. 76 sqq.; послание Галлера к Цвингли от 8 июля 1522 г. (*Opera*, VII. 206 sq.).

4. Все, кто ищет или указывает другой путь, заблуждаются — они воистину убийцы душ и разбойники.

7. Христос есть Глава всех верующих, которые суть Его тело, но без Него тело мертво.

8. Все, кто живет в этой Главе, суть Его члены и дети Бога. Это и есть Церковь, общение святых, Невеста Христова, вселенская церковь (*ecclesia catholica*).

15. Все, кто верит в Евангелие, будут спасены; кто не верит, будет осужден. Ибо в Евангелии ясно представлена вся полнота истины.

16. Из Евангелия мы узнаём, что человеческие учения и традиции бесполезны для спасения.

17. Христос — наш вечный Первосвященник. Те, кто претендует на звание первосвященника, противостоят и отвергают честь и достоинство Христа.

18. Христос, Который однажды принес Себя в жертву на кресте, есть достаточная и вечная жертва за грехи всех верующих. Следовательно, месса — это не жертвоприношение, но воспоминание о Его жертве на кресте и запечатление искупления через Христа.

19. Христос — единственный Посредник между Богом и нами.

22. Христос — наша праведность. Отсюда следует, что наши дела благи в той мере, в которой они Христовы, и нехороши в той мере, в которой они наши.

24. Христиане не обязаны делать ничего, чего не велел им Христос. Они могут всегда есть любую пищу.

26. Нет ничего менее угодного Богу, чем лицемерие.

27. Все христиане братья.

28. То, что Бог разрешает и не запрещал, праведно. Следовательно, вступать в брак подобает всем людям.

34. Так называемая духовная [иерархическая] власть не имеет оснований в Священном Писании и учении Христа⁹².

35. При этом светская власть [государства] имеет подтверждение в учении и примере Христа⁹³.

37, 38. Все христиане должны подчиняться городской власти, если то, что она велит, не идет против Бога⁹⁴.

49. Я не знаю большего соблазна, чем запрет законного брака для священников, притом что им позволяется содержать наложниц. Позор⁹⁵!

50. Только Бог прощает грехи, и только через Иисуса Христа, нашего Господа.

57. В Священном Писании ничего не говорится про чистилище.

58, 59. Только Бог знает, спасены ли усопшие, и чем меньше Он открывает нам, тем меньше мы должны притворяться, будто знаем сокрытое.

66. Все служители высшей духовной власти должны без промедления покаяться и превознести крест одного только Христа, иначе они погибнут. Уже и секира при корне деревьев лежит.

§18. Публичный диспут

Первый диспут состоялся в городской ратуше в четверг 29 января 1523 г., на немецком языке, и там присутствовало около шестисот человек, в том числе весь клир и члены большого и малого цюрихских советов. Санкт-Галлен был представлен Вадрианом; Берн — Себастьяном Мейером; Шафхаузен — Себастьяном Гофмейстером. Эколампадий из Базеля не ждал от диспута ничего хорошего и отка-

⁹² Цвингли имеет в виду светскую власть и славу папы и епископов и цитирует, выступая против нее, строки о смирении, Мф. 18:1; 1 Пет. 5:1-3: *Die Höhe nach der die päpst und bishof stryrend, hat keinen Grund*. См. его *Uslegung* или защиту статей в *Werke*, I. 346 sq.

⁹³ Здесь он цитирует Лк. 2:5 и Мф. 22:21.

⁹⁴ В *Uslegung* (I. 352 sq.) он объясняет Рим. 13:1: «Всякая душа да будет покорна высшим властям». «Всякая душа, — говорит он, — то есть всякий человек, в том числе папы, епископы, священники, монахи и монахини. Высшая власть — та, что от Бога; а следовательно, сюда входят и плохие городские власти, с помощью которых Бог наказывает нас за грехи (Ис. 3:4). Мы должны также подчиняться папе, даже плохому, потому что Бог поставил его над нами для наказания. В это я верю твердо, но я также верю, что Бог выведет нас из плена, как Он вывел Израиль из Египта через Своего слугу Моисея».

⁹⁵ *Pfui der Schande*, добавлено в немецком тексте. По-швейцарски: *Pfuch der Schand!* (I. A. 156). В защиту этого тезиса (I. 378 sq.) Цвингли говорит о дурном влиянии распущенности священников на мораль мирян. «Легко, — говорит он, — хвалить целомудрие, но никто не может соблюдать его, если не Божьей благодатью». О его собственном случае см. §7.

зался приехать. Он соглашался с мнением Меланхтона о лейпцигском диспуте Экка с Карлштадтом и Лютером. Однако три года спустя он посетил диспут в Бадене. Епископ Констанца отправил туда своего генерального викария, доктора Фабера, который до сих пор был другом Цвингли, славился своей ученостью и умением вести споры, а также еще троих посланников в качестве советников и судей. Фабер отказался подробно обсуждать богословские вопросы, которые, как он считал, должны были решаться соборами или знаменитыми университетами, такими как Парижский, Кельнский и Лувенский. Цвингли ответил на его возражения и убедил слушателей⁹⁶.

В тот же день городские власти вынесли решение в пользу Цвингли и велели ему «продолжать проповедовать святое Евангелие, как прежде, и провозглашать истинное Божье Писание, пока его не известят о дальнейшем». Всех остальных проповедников и пасторов в городе и области предупредили, чтобы они «не проповедовали ничего, что не подтверждалось бы священным Евангелием и другими Писаниями», а также призвали избегать личных споров и ругани⁹⁷.

Цвингли подготовил длинную и талантливую защиту своих тезисов от обвинений Фабера в июле 1523 г.⁹⁸

Вскоре этот диспут принес свои плоды. Служители стали брать себе жен. Женский монастырь в Этенбахе опустел; обряд крещения проводился на народном языке и без экзорцизма; от мессы и поклонения иконам отказались. Группа горожан под руководством сапожника Клауса Готтингера опрокинула большое деревянное распятие в Штадельгофене, недалеко от города, и совершила другие противозаконные действия⁹⁹.

Цвингли был радикален в оппозиции идолопоклонническим и суеверным церемониям, но не одобрил неупорядоченные методы борьбы и пожелал, чтобы городские власти узаконили необходимые изменения.

Как результат, на 26 октября 1523 г. был назначен второй диспут для решения вопросов с иконами и мессой. Всем служителям города и кантона было велено присутствовать на нем. Двенадцать других кантонов, епископов Констанца, Кура и Базеля, а также Базельский университет настоятельно попросили прислать делегатов. Епископ Констанца ответил (16 октября), что должен слушаться папу и императора и посоветовал городским властям подождать вселенского собора. Епископ Базеля оправдал свою неявку возрастом и болезнями, но тоже упомянул о соборе и предостерег от раскола. Епископ Кура не ответил. Большинство кантонов отказалось посылать делегатов, кроме Шафхаузена и Санкт-Галлена. Унтервальден честно ответил, что у них нет ученых, а только благочестивые священники, которые преданы старой вере христианского мира и предпочитают ее всем новшествам.

Второй диспут состоялся в городской ратуше и продолжался три дня. Присутствовало около девяносто человек, в том числе триста пятьдесят клириков и

⁹⁶ Неофициальный доклад об этом диспуте был опубликован Гегенвальдом 3 марта 1523 г. (*Werke*, I. A. 106-168). Фабер выпустил, 10 марта, ответный доклад. Семь цюрихцев ответили на него в *Das Gyrenrupfen* (*Geyerrupfen*), 1523, и обвинили Фабера во лжи и в том, что он приписывает себе чужие речи. Salat, *Historische Nachricht*, представляет собой *parteiische Verstümmelung und Entstellung* отчета Гегенвальда, а следовательно, не обладает исторической ценностью (Schuler and Schulthess, в их издании Цвингли, I. 109). См. также Aug. Baur, *Die erste Zürcher Disputation*, Halle, 1883.

⁹⁷ Egli, 114 sq.; Bullinger, I. 103.

⁹⁸ *Werke*, I. A. 169-425.

⁹⁹ Füssli, II. 33-39; Egli, 176, 178.

десять докторов. Доктор Вадан из Санкт-Галлена, доктор Гофмейстер из Шафхауэна и доктор Шаппелер из Санкт-Галлена председательствовали. Цвингли и Леон Юд отстаивали протестантскую позицию, и у них было преимущество благодаря лучшему знанию Писания и умению спорить. Римская партия была весьма невежественна, но Мартин Штейнли из Шафхауэна умело защищал мессу. Конрад Шмидт из Кюсснахта был склонен к умеренной позиции и произвел большое впечатление на аудиторию своим красноречием. Он считал, что сначала надо искоренить идолопоклонство в сердце, а уже потом уничтожать физические образы и что надо оставить посох для слабых, пока они не смогут ходить без него и уповать только на Христа¹⁰⁰.

Городской совет не был готов немедленно распорядиться об упразднении мессы и поклонения иконам. Он наказал Готтингера и других «сокрушителей идолов» изгнанием и назначил комиссию из служителей и мирян, в том числе Цвингли, Шмидта и Юда, которая должна была просвещать людей своими проповедями и произведениями. Цвингли приготовил свое «Краткое христианское выступление», которое совет двухсот разослал всем служителям кантона, епископам Констанца, Базеля и Кура, Базельскому университету и двенадцати другим кантонам (17 ноября 1523 г.)¹⁰¹. Этот труд можно сравнить с наставлением Меланхтона для посещения церквей Саксонии (1528).

Третий диспут, более частного характера, состоялся 20 января 1524 г. Защитники мессы были побеждены, и им велели не сопротивляться больше решениям городских властей, хотя и разрешили следовать своей вере.

Во время этого последнего диспута Цвингли произнес проповедь о развращенности клира, которую он, по просьбам, опубликовал в марте 1524 г. под заглавием «Пастырь»¹⁰². Он описывает Христа как Доброго Пастыря и противопоставляет Его эгоистичным наемникам, согласно притче в десятой главе Евангелия от Иоанна. К ложным пастырям он причисляет епископов, которые вообще не проповедуют; тех священников, которые учат своим домыслам вместо Слова Божьего; тех, кто проповедует Слово только для прославления папства; тех, кто опровергает собственные проповеди своим поведением; тех, кто проповедует из жадности; и наконец, всех, кто уводит людей от Творца к творению. Цвингли представляет всех папистов законченными идолопоклонниками и неоднократно осуждает идолопоклонство как корень всех заблуждений и злоупотреблений в церкви.

Летом 1524 г. пришли ответы епископов и рейхстага. И епископы, и рейхстаг были против новшеств. Епископ Констанца, в послании к Цюриху, писал, что посоветовался с несколькими университетами, и аргументировал тем, что месса

¹⁰⁰ Единственный рассказ о втором диспуте, на немецком языке, представлен в *Werke*, I. A. 459-540 (см. также Bullinger, I. 131 sqq.). Он принадлежит перу Людвигу Хетцера, капеллана Ваденштейля, а позже священника в Цюрихе, пылкого сторонника Реформации, который затем стал анабаптистом и был обезглавлен в Констанце. Гвалтер сделал его сокращенный перевод на латынь — в *Zw. Opera*, II. 623-646. Цвингли говорил, что истинно христианская община — лучшая церковь, нежели все епископы и папы, и она имеет такое же право улаживать религиозные споры, как и собор, на котором Слово Божье не позволяют принимать решение. *Ja, Höngg und Küssnacht ist ein gewüssere Kilch denn all züsammen gerottet bishof und päpst. Werke*, I. 472.

¹⁰¹ *Ein kurz christenliche ynleitung, die ein eersamer rat der statt Zürich den soelsorgern und prädicanten... zugesandt habend*, etc. *Werke*, I. A. 541-565. Гвалтер приводит латинский перевод, *Op. I. 264-268*.

¹⁰² *Der Hirt, wie man die waren christenlichen hirtten und widerum die falschen erkennen... solle. Werke*, I. A. 631-668.

и поклонение иконам достаточно прочно основаны на Писании и существовали всегда. Кантон назначил комиссию из клира и мирян для ответа на письмо епископа¹⁰³. Швейцарский рейхстаг, 21 марта 1524 г., выразил сожаление, что Цвингли симпатизирует новой, нехристианской лютеранской религии, и молился о том, чтобы кантон оставался верен старым договорам и обычаям. В таком случае конфедераты с удовольствием помогли бы искоренить все настоящие злоупотребления, такие как постыдная торговля бенефициями, продажа индульгенций и скандальный образ жизни клира.

Таким образом, кантон Цюриха не был поддержан высшими церковными и гражданскими властями, но он действовал на свое усмотрение и провел задуманные реформы.

Эти три диспута — явное продвижение вперед по сравнению с привычными академическими диспутами на латыни. На них присутствовали как клирики, так и миряне, и они велись на народном языке. Религиозные проблемы были вынесены на решение народа и республиканской власти. Как результат, они имели больше практических последствий, чем диспут в Лейпциге. Немецкая Реформация была отдана на волю князей, а швейцарская Реформация — на волю народа, но в обоих случаях между правительством и большинством населения существовало согласие.

§19. Упразднение римско-католического поклонения. 1524

BULLINGER, I. 173 sqq. FÜSSL, I. 142 sqq. EGLI, 234 sqq.

Эти предварительные меры подготовили общественное мнение к публичному применению новых идей. Старые нормы поклонения следовало упразднить, прежде чем вводить новые. Разрушение было радикальным, но упорядоченным. Оно осуществлялось при сотрудничестве проповедников и городских властей, с согласия народа. Началось оно в Пятидесятницу и закончилось 20 июня 1524 г.

В присутствии представителей от властей церкви и государства, сопровождаемых архитекторами, каменщиками и плотниками, церкви города были очищены от картин, реликвий, распятий, алтарей, свечей и всех украшений. Фрески были уничтожены, стены побелены, так что остались лишь голые стены, в которых должна была поклоняться община. Картины были сожжены, статуи разбиты, хотя некоторые были отданы тем, кто желал иметь их у себя, а немного было сохранено как произведения искусства. Мощи святых были похоронены. Даже органы убрали, и пение хора на латыни было упразднено, но, к счастью, потом его заменили общим пением псалмов и гимнов на народном языке (в Базеле это произошло уже в 1526 г., в Санкт-Галлене — в 1527 г., в Цюрихе — в 1598 г.). «За тринадцать дней, — пишет Буллингер, — все церкви города были очищены; дорогие произведения живописи и скульптуры, особенно прекрасное полотно из Водной церкви, были уничтожены. Суеверные люди роптали, а настоящие верующие воспринимали происходящее как великое и радостное поклонение Богу»¹⁰⁴.

¹⁰³ Ответ был написан Цвингли и опубликован 18 августа 1524 г. *Werke*, I. A. 584-630.

¹⁰⁴ I. 175. Буллингер оправдывает упразднение церковной музыки (принятое в Гроссмюнстере с 9 декабря 1527 г.), ссылаясь на возражение святого апостола Павла против непонятной глоссолалии, которая не сопровождается истолкованием (1 Кор. 14:6-9). Он, конечно же, имел в виду пение хора на латыни. И собрание в швейцарских реформатских церквях поет превосходно.

На следующий год городские власти переплавили, продали или раздали богатые сокровища Гроссмюнстера и Фрауэнмюнстера: чаши, распятия и кресты из золота и серебра, драгоценные реликвии, одеяния клира, ковры и другие украшения¹⁰⁵. В 1533 г. в святилище Гроссмюнстера не осталось ничего ценного¹⁰⁶. Цвингли оправдывал вандализм тем, что победившая армия имеет право уничтожать оружие, крепости и запасы врага, чтобы тот не вернулся.

Такие же разрушения были произведены в сельских церквях, но менее упорядоченным образом. Остались только пустые здания, холодные и негостеприимные.

Швейцарские реформаторы продолжали строго соблюдать вторую заповедь так, как ее понимают иудеи и мусульмане. Они считали любое поклонение образам и реликвиям разновидностью идолопоклонства. В основном они выступали против языческих особенностей папства, тогда как Лютер нападал на законнический иудаизм папства и допускал картины как произведения искусства, которые помогают в поклонении. Но к классической литературе Греции и Рима Цвингли испытывал больше уважения, чем Лютер. Следует отметить также, что Цвингли не был против изображений как таковых, как не был и против поэзии и музыки, но возражал против их идолопоклоннического использования в церквях. Отвечая Валентину Компару из Ури (1525), он говорит: «Спор идет не об изображениях, которые никак не оскорбляют веру и честь Бога, а об идолах, которым воздаются божественные почести. Там, где нет опасности идолопоклонства, образы могут оставаться, тогда как идолов терпеть не следует. Все паписты говорят нам, что изображения — это книги для неграмотных. Но где Бог велит нам учиться по таким книгам?» Цвингли полагал, что отсутствие изображений в церквях повысит интерес к Слову Божьему¹⁰⁷.

Швейцарское иконоборчество распространилось на реформатские церкви Франции, Голландии, Шотландии и Северной Америки. В недавнее время имела место реакция — конечно, не в поддержку поклонения образам, которое давно прошло и миновало, а в поддержку христианского искусства, и сейчас больше внимания уделяется достоинству и красоте дома Божьего, а также удобствам для верующих.

§20. Совершение вечери Господней у реформаторов

ZWINGLI, *Werke*, II. B. 233. BULLINGER, I. 263. FÜSSLI, IV. 64.

Мессы больше не было. Ее место заняли проповедь Евангелия и совершение причастия Господня всем собранием, подобное новозаветным вечерам любви.

Первое причастие по реформатскому обычаю состоялось в страстную неделю в апреле 1525 г. в Гроссмюнстере. Там проводилось три богослужения: первое для молодежи, в чистый четверг, потом — для людей среднего возраста, в страстную пятницу, и наконец — для стариков, на Пасху. Церемония была простой, здоровой и торжественной. Причащающиеся сидели за длинными столами, которые заняли место алтаря, мужчины справа, женщины слева. Они почтительно

¹⁰⁵ Egli, p. 269 (No. 614, Jan. 9, 1525); Mörikofer, I. 315 sq. Янссен (III. 84 sq.) тщательно описывает конфискацию и разграбление этих церковных сокровищ, часть которых хранилась еще со времен Карла Великого.

¹⁰⁶ Egli, p. 893 (No. 2004, с. 1533). Утингер заявляет, что между 1524 и 1532 гг. все сокровища были растащены, и никто не знал, что с ними случилось. *Prorsus nihil supererat*.

¹⁰⁷ *Werke*, II. A. 17-59. См. также Mörikofer, I. 269-274.

слушали молитвы, слова учреждения вечери, уроки Писания, взятые из одиннадцатой главы 1 Коринфянам и загадочной речи из шестой главы Иоанна, о духовном принятии тела и крови Христа, а также искреннее увещевание служителей. Потом все встали на колени и приняли священные дары на деревянных тарелках и в деревянных чашах. Всё служение было воспоминанием об искупительной смерти Христа и духовным общением с Ним, согласно взглядам Цвингли.

В литургической же части он сохранил больше католических элементов, чем нам следовало бы ожидать, а именно, первую часть мессы, *Gloria in Excelsis*, символ веры и несколько респонсориюв, но все это было переведено с латыни на швейцарский диалект, с любопытными модификациями. Так, *Gloria in Excelsis*, символ веры и псалом 102 по очереди произносились мужчинами и женщинами, а не служителем и диаконом, как в католическом богослужении, или служителем и собранием, как в лютеранском и епископальном богослужении¹⁰⁸. В большинстве реформатских церквей (кроме англиканской) отклики вышли из употребления, а коленопреклоненная поза при принятии причастия уступила место причащению стоя или сидя.

Причастие должно было совершаться четыре раза в год: на Пасху, на Пятидесятницу, осенью и на Рождество. Ему предшествовали подготовительные богослужения, которые придавали особую торжественность. Месса была запрещена сначала только в городе, а потом и по всей области.

Цвингли также подготовил в 1525 г. сокращенный вариант совершения крещения, на разговорном языке, опустив экзорцизм и все те элементы, подтверждения которым он не нашел в Писании¹⁰⁹.

Цвинглианское и кальвинистическое поклонение производят впечатление в основном благодаря интеллектуальной и духовной силе служителя, который может сделать его либо очень торжественным и волнующим, либо очень холодным и сухим. У англиканской же церкви есть такое преимущество, как восхитительная литургия.

§21. Другие церкви. Богословская школа. Каролиnum. Система богословия

Были сделаны и другие изменения, которые довели Реформацию до конца. Праздник Тела Христова (*Corpus Christi*) был отменен, и христианские праздники были сведены к Рождеству, страстной пятнице, Пасхе и Пятидесятнице. Шествия и паломничества прекратились. Собственность монастырей была конфискована и отдана школам и больницам. Законы о браке были пересмотрены. Была организована забота о бедных. В 1528 г. впервые собрался синод, на который каждая община послала своего служителя и двух делегатов от мирян.

¹⁰⁸ Werke, II. B. 237 sqq. Я приведу фрагмент из *Gloria in Excelsis*:

DER PFARRER: *Eer sye gott in den höhinnen!*

DIE MANN: *Und frid uf erden!*

DIE WYBER: *Den menschen ein recht gmüt!*

DIE MANN: *Wir lobend dich, wir prysend dich.*

DIE WYBER: *Wir betend dich an, wir verehrend dich*, etc.

В более кратких фрагментах, однако, диалог велся между служителем или диаконом и собранием.

¹⁰⁹ Первое крещение на немецком языке Цвингли и Леон Юд провели, похоже, летом 1523 г., а второе — в мае 1525 г.

Богословский колледж, получивший название Каролиnum, был основан на средства Гроссмюнстера и открылся 19 июня 1525 г. Он включал в себя *collegium humanitatis*, для изучения древних языков, философии и математики, и собственно Каролиnum, где изучалось Священное Писание, которое объясняли на ежедневных лекциях, — а пасторы излагали его в доступной форме для блага паствы. Эту часть служения называли пророчеством (1 Кор. 14:1)¹¹⁰. Цвингли написал трактат о христианском образовании (1526)¹¹¹. Он организовал школу пророков и объяснил в ней несколько книг Ветхого Завета, по Септуагинте. Он приглашал на профессорские места выдающихся ученых. Среди первых преподавателей были Цепорин, Пелликан, Миконий, Коллин, Мегандер и Библиандер. Своей богословской и литературной репутацией Цюрих обязан усилиям Цвингли. Каролиnum обеспечивал образование служителей и занимал важное место в развитии богословской науки и литературы до XIX века, когда он был вытеснен полноценным университетом¹¹².

За три с половиной месяца Цвингли написал важный труд об истинной, евангельской вере, противопоставляя ее вере ложной, папистской. Труд был посвящен Франциску I, королю Франции, в тщетной надежде сделать его сторонником Реформации¹¹³. Его богословская оппозиция папству достигла максимума. Это первое систематическое разъяснение реформатской веры, подобно тому как *Loci* Меланхтона были первой системой лютеранского богословия. А позже его затмили «Наставления» Кальвина, адресованные тому же королю, но добившиеся ничуть не большего успеха. Франциск, вероятно, не читал ни то, ни другое, однако посвящение обоих трудов остается связующим звеном между швейцарской и французской Реформацией. Последняя является детищем первой.

§22. Перевод Библии. Леон Юд

METZGER (антист в Шафхаузене): *Geschichte der deutschen Bibelübersetzung der schweizerischen reformierten Kirche*. Basel, 1876. PESTALOZZI: *Leo Judae*. Elberfeld, 1860.

Очень важной частью Реформации был перевод Библии на народные языки. Новый Завет Лютера (1522) был перепечатан в Базеле с глоссарием. В 1524 г. в Цюрихе было напечатано его адаптированное издание на швейцарском диалекте, и он был пересмотрен и улучшен в последующих изданиях. Вся Библия была выпущена на немецком языке Фрошауэром в Цюрихе в 1530 г., за четыре года до того, как Лютер завершил свой перевод (1534)¹¹⁴. Перевод пророков и апокрифов

¹¹⁰ См. также Pestalozzi, *Leo Judae*, p. 76, и Güder, «Prophezei», в Herzog², XII. 288.

¹¹¹ Emil Egli, *U. Zwingli's Lehrbuchlein, oder wie man die Jugend in guten Sitten und christlicher Zucht auferziehen und lehren solle*. Zurich, 1884. С приложением — документами о школе в Цюрихе во времена Цвингли.

¹¹² Профессор Георг фон Висс в своей праздничной речи о Цюрихском университете (*Die Hochschule Zürich in d. Jahren 1833 — 1883*, Zürich, 1883) приводит краткий очерк развития Каролиnuma. Первый богословский факультет университета возглавляли три цюрихца, Гирцель, Шультесс и Саломон Гесс, бывшие профессорами Каролиnuma, и два немца, Реттиг и Хитциг. Помимо них, там было пять приват-доцентов, служителей из Цюриха. См. также Steiner, *Festrede zur 50 jährigen Stiftungsfeier der Züricher Universität*, 1883.

¹¹³ *Commentarius de vera et falsa religione*, March, 1525. Opera, III. 145-325. Леон Юд опубликовал его перевод на немецкий (1526). Когда Эразм получил его книгу, он сказал: *O bone Zwingli, quid scribis, quod ipse prius non scripserim?* Так Цвингли пишет в письме к Вадияну, Opera, VII. 399.

¹¹⁴ До 1534 г. в Цюрихе было выпущено пять полных изданий Библии. Pestalozzi, *Leo Judae*, p. 77.

был подготовлен Конрадом Пелликаном, Леоном Юдом, Теодором Библиандером и другими цюрихскими богословами. Прекрасное издание 1531 г. содержало также новый перевод поэтических книг, со вступлением (вероятно, авторства Цвингли), с подведением итогов и указанием параллельным мест.

Швейцарский перевод не может сравниться с переводом Лютера по силе, красоте и популярности, однако он более литературный, и последующие его переиздания шли в ногу с развитием экзегетики. Он сделал Слово Божье ближе к сердцу и уму швейцарского народа и используется до сих пор, наряду с лютеровским переводом¹¹⁵.

Основная заслуга в этом важном служении принадлежит Леону Юду¹¹⁶. Он родился в 1482 г., был сыном священника из Эльзаса, учился вместе с Цвингли в Базеле и стал его преемником на посту священника Эйнцидельна (1519) и его коллегой и верным помощником в качестве служителя церкви Св. Петра в Цюрихе с 1523 г. Он женился в первый год своего пасторства в Цюрихе. Его отношения с Цвингли можно сравнить с отношениями Меланхтона и Лютера. Он помогал Цвингли во время второго диспута, в споре с анабаптистами и с Лютером, редактировал и перевел несколько произведений Цвингли и преподавал еврейский в Каролинуме. Цвингли называл его «дорогим братом и верным соработником Евангелия Иисуса Христа». Он был призван стать преемником реформатора после беды в Каппеле, но отказался из-за своей непригодности к административной работе и рекомендовал Буллингера, который был на двадцать лет моложе. Он продолжал проповедовать и учить до своей смерти и отказался от нескольких приглашений в Вюртемберг и Базель. Он был сторонником строгой дисциплины и отделения религии от политики. Обладал мелодичным голосом и был певцом, музыкантом и поэтом, но в основном преуспел как переводчик на немецкий и латынь¹¹⁷. Леон Юд написал латинский и два немецких катехизиса и перевел «Подражание Христу» Фомы Кемпийского, *De Spiritu et Litera* Августина, Первое Гельветическое исповедание и другие полезные книги на немецкий, а также части Библии. Он подготовил также весьма ценный перевод Ветхого Завета на латынь, который считается его лучшим трудом. При подготовке перевода он часто советовался со своими коллегами и Микаэлем Адамом, обращенным иудеем. Он не дождался завершения этого перевода и поручил его Библиандеру и Пелликану. Перевод вышел в красивом издании 1543 г., с предисловием Пелликана, и был перепечатан несколько раз¹¹⁸. Он жил на скромную зарплату вместе со своей большой семьей, однако помогал бедным и принимал путников, в чем его поддерживала его трудолюбивая и благочестивая жена, известная в Цюрихе как «мutter Леон». За четыре дня до смерти, 19 июня 1542 г., он позвал к себе своих коллег, говорил о своем служении с великим смирением и благодарностью к Богу и завещал им заботиться о церкви и закончить его латинскую Библию. Буллингер, Кальвин и жители Цюриха оплакивали его смерть как великую утрату¹¹⁹.

¹¹⁵ О разных изданиях см.: Metzger, *l. c.*, 109 sqq., и Fritzsche, в Herzog², XII. 556 sq. Разделение на стихи впервые появилось в издании 1589 г. Первое тщательно пересмотренное издание было подготовлено антистом Брейтингером в 1629 г. Другие пересмотры последовали в 1665, 1724, 1755, 1772, 1817, 1860 и 1868 гг. Последний Фрицше объявляет одним из лучших переводов, основанным на сознательном использовании более поздних экзегетических трудов.

¹¹⁶ Он смущался от своей фамилии, Юд («иудей»), и цюрихцы называли его «мастер Леон». Во всех латинских трудах он использует латинский вариант фамилии, *Judae*.

¹¹⁷ Пелликан говорит о нем: *Utilissima transtulit admodum feliciter*.

¹¹⁸ О его латинской Библии см. Pestalozzi, 76 sqq., 165, и Fritzsche в Herzog², VIII. 463.

§23. Церковь и государство

Реформация в Цюрихе, по сути, завершилась в 1525 г. Она осуществилась как результат сотрудничества светской и духовной власти. Цвингли хотел полностью реформировать религиозную, политическую и общественную жизнь народа на основании и силой Писания¹¹⁹.

Цвингли считал, что быть патриотом, благонамеренным гражданином и христианином — это одно и то же. Он придерживался теократической позиции Ветхого Завета. Проповедник — это пророк. Его обязанность — наставлять, увещевать, утешать, обличать грех среди всех слоев общества и созидать царство Божье. Его оружие — Слово Божье. Обязанность городских властей — подчиняться Евангелию, защищать религию, наказывать грешников. Кальвин занимал ту же позицию в Женеве и реализовал ее более полно, чем Цвингли.

Епископ Констанца, к епархии которого относился Цюрих, был против Реформации. Против нее были и остальные епископы Швейцарии. Как следствие, городские власти взяли на себя права и обязанности епископов, под духовным руководством реформаторов. Сначала они были беспристрастны и велели проповедникам кантона учить Слово Божье, избегая распространения человеческих домыслов (1520). Однако потом они запретили нарушение церковных постов (1522) и, в интересах закона и порядка, наказывали борцов с изображениями (1523). Тем не менее вскоре после этого они открыто поддержали дело Реформации в споре 1523 г., санкционировали упразднение старого поклонения и введение нового (1524 и 1525). Они конфисковали имущество церквей и монастырей и взяли под свой контроль заключение браков, заботу о бедных и образование клира. Церковь приобрела по закону подчиненное положение, хотя на самом деле она была движущей и вдохновляющей государство силой и поддерживалась общественностью. При республиканском правлении управляет большинство, а меньшинство должно подчиняться. Единственными несогласными в Цюрихе было небольшое количество католиков и анабаптистов, и правами их совести пренебрегали так же, как в римско-католических странах пренебрегали правами протестантов, только с меньшей степенью суровости. Реформаторы отказывали другим в праве протестовать, на которое претендовали сами, а городские власти угрожали несчастным анабаптистам смертной казнью.

Примеру Цюриха последовали другие кантоны, в которых победила Реформация. У каждого была своя церковная организация, которая претендовала на духовную власть над всеми гражданами своей территории. Общенациональной реформатской церкви Швейцарии, с единым центром, не существует.

Положение духовных властей здесь такое же, как и в протестантской Германии, но они отличаются, как республика отличается от монархии. В обеих странах епископы, под началом папы, осудили протестантизм и утратили власть над

¹¹⁹ О его трудах см. Pestalozzi, pp. 96-106. Его гимны и стихотворные псалмы есть в Wackernagel, *Das Deutsche Kirchenlied*, vol. III, p. 722 sqq. (Nos. 832-837).

¹²⁰ Bluntschli (*Geschichte des schweizerischen Bundesrechtes*, Stuttgart, 1875, 2^d ed. I. 293 sq.): Zwingli wur von Anfang an und durch sein ganzes Leben hindurch kaum viel weniger darauf bedacht, politisch einzugreifen als die Kirche zu reformiren. Während Luther mit ganzer Seele die Wiederbelebung und Reinigung des christlichen Glaubens anstrebte und sich ausschliesslich dieser Aufgabe widmete, wollte Zwingli nicht bloss Kirchen-, sondern zugleich auch Staatsmann sein. Indem sich Zwingli der kirchlichen Reformation in der Schweiz bemächtigte und diese von Zürich aus über die ganze Schweiz zu verbreiten trachtete, ging er zugleich mit Planen um, die Schweiz politisch umzugestalten.

своей паствой. Реформаторы, которые были простыми пресвитерами, стали ждать, что закон и порядок будут поддерживаться гражданскими властями. В Германии после рейхстага в Шпейере в 1526 г. князья осуществляли епископальный надзор и управляли церковью на своих территориях, иногда на благо, иногда на зло. А народ был пассивен. Он даже не мог избирать себе пасторов. В Швейцарии же, напротив, мы имеем нечто вроде демократического епископата или республиканского цезарепапизма, в котором народ удерживал равновесие сил и назначал и свергал правительство.

В XVI и XVII веках церковь и государство, исповедовавшие одну религию, имели общие интересы и сотрудничали в согласии, однако в наше время по причине смешанного характера, религиозного безразличия или даже враждебности государства эта связь ослабела, и в нескольких кантонах (Женева, Во, Невшатель) возникли свободные церкви, на основании самофинансирования и самоуправления. Государство прежде всего должно быть справедливым и поддерживать либо все религии своих граждан, либо ни одной. Оно обязано защищать по закону всех, в рамках порядка и мира. Но при этом церковь имеет право на самоуправление и должна быть свободна от контроля политиков¹²¹.

Среди служителей периода Реформации Цвингли, а после его смерти — Буллингер были своего рода епископами по факту, если не по форме, а их преемники в кафедральном соборе возглавляли клириков кантона. Подобное положение занимали также антисты Базеля и Шафхаузена. Они соответствуют суперинтендантам лютеранских церквей Германии.

Цвингли первым среди реформаторов организовал регулярное синодическое церковное правление. Он созвал синод, составленный из всех служителей города и кантона, двух мирян-делегатов от каждого прихода, четырех членов малого и четырех членов большого городского совета. Этот смешанный орган представлял как церковь, так и государство, клир и мирян. Он собирался дважды в год, весной и осенью, в городской ратуше Цюриха и решал вопросы учения и морали клириков, а также принимал законы о внутренних делах церкви. Первое заседание состоялось на Пасху 1528 г. Цвингли был председателем, ему помогал Леон Юд. Второе заседание состоялось 19 мая 1528 г. Из протоколов видно, что синод требовал строгой дисциплины от клира и народа и осуждал несдержанность, экстравагантность в одежде, пренебрежение церковными правилами и т. д.¹²²

Но немецкая Швейцария не дошла до такой строгости дисциплины, как Женева под влиянием Кальвина.

§24. Конфликт Цвингли с радикализмом

См. также литературу в т. VII, §102.

I. Источники

В государственном архиве Цюриха хранится около двухсот пятидесяти документов под заглавием *Wiedertäuferacten*, — *Egli: *Actensammlung zur Gesch. der Zürcher Reformation*, Zürich, 1879 (см. Alph. Index, p. 920, sub *Wiedertäufer*). Официальные рапорты принадле-

¹²¹ Правительство нынешних протестантских кантонов Швейцарии сейчас терпит и поддерживает и на кафедре, и в церкви всевозможные заблуждения и ереси, намного худшие, чем те, за которые в XVI веке топили анабаптистов. Например, в 1839 г. городские власти Цюриха призывали на кафедру догматического богословия университета атеиста доктора Штрауса — но в данном случае простой народ заявил о своем праве, одолел власть радикалов и не дал им добиться успеха.

¹²² *Opera*, III. B. 19 sq.; Mörikofer, II. 121 sq.

жат их оппонентам. Книг анабаптистов сохранилось мало. Большое собрание их хранится в Баптистской богословской семинарии в Рочестере, Нью-Йорк. Основные из них — трактаты доктора Гюбмайера (см. т. VII, §102); несколько посланий Гребеля, Гута, Ребли и т. д., а также другие документы, упоминаемые и используемые Корнелием (*Gesch. des Münsterschen Aufruhrs*); хроники моравских, австрийских и других анабаптистов (см. Beck, ниже); и анабаптистские гимны, воспроизведенные в Wackernagel, *Deutsche Kirchenlied*, vols. III и V (см. ниже).

ZWINGLI: *Wer Ursach gebe zu Aufruhr, wer die wahren Aufrührer seien*, etc., 7 декабря 1524 г. Труд в защиту единства христиан и мира, против обольщения (*Werke*, II. A. 376-425). *Vom Touff, vom Wiedertouff, und vom Kindertouff*, 27 мая 1525 г. (в *Werke*, II. A. 280-303). Переиздано на современном немецком — Christoffel, Zürich, 1843. Книга состоит из трех частей: о крещении, повторном крещении и крещении младенцев). Ответ Балтазару Гюбмайеру, 5 ноября 1525 г. (*Werke*, II. A. 337 sqq.). *Elenchus contra Catapaptistas*, 1527 (*Opera*, III. 357 sqq.). Его ответ на 64 тезиса Швенкфельда о крещении (в *Op.* III. 563-583; см. также A. Baur, II. 245-267). OECOLAMPADIUS: *Ein gesprech etlicher predicanen zu Basel gehalten mit etlichen Bekennern des Wiedertouffs*, Basel, 1525. BULLINGER (Heinrich): *Der Wiedertäuferen ursprung, fürgang, Sekten*, etc. Zürich, 1560. (Латинский перевод — J. SIMLER). См. также его *Reformationgeschichte*, vol. I.

II. БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ ОБСУЖДЕНИЯ

OTT (J. H.): *Annales Anabaptistici*. Basel, 1672.

ERBKAM (H. W.): *Geschichte der protestantischen Secten im Zeitalter der Reformation*. Hamburg und Gotha, 1848, pp. 519-583.

HEBERLE: *Die Anfänge des Anabaptismus in der Schweiz*, в «Jahrbücher für deutsche Theologie», 1858.

*CORNELIUS (C. A., либеральный католик): *Geschichte des Münsterschen Aufruhrs*. Leipzig, 1855. *Zweites Buch: Die Wiedertaufe*. 1860. Он рассказывает о швейцарских анабаптистах (р. 15 sqq.) и добавляет исторические документы из многих архивов (р. 240 sqq.). Очень важный труд.

MÜRKOFER: *U. Zwingli*. Zürich, 1867. I. 279-313; II. 69-76. Очень неблагосклонен к анабаптистам.

R. VON LILIENKRON: *Zur Liederdichtung der Wiedertäufer*. München, 1877.

*EGLI (EMIL): *Die Züricher Wiedertäufer zur Reformationszeit. Nach den Quellen des Staatsarchivs*. Zürich, 1878 (104 pp.). Его же: *Die St. Galler Täufer*. Zürich, 1887. Важные документы и изложение внешней истории.

*BURRAGE (HENRY S., американский баптист): *The Anabaptists in Switzerland*. Philadelphia, 1882, 231 pp. Изложение с баптистской точки зрения. См. также его *Baptist Hymn Writers*, Portland, 1888, pp. 1-25.

USTERI (J. M.): *Darstellung der Tauflehre Zwingli's*, в «Studien und Kritiken», 1882, pp. 205-284.

*BECK (JOSEPH): *Die Geschichtsbücher der Wiedertäufer in Oestreich-Ungarn... von 1526 bis 1785*. Wien, 1883. Издано Императорской академией наук Вены.

STRASSER (G.): *Der schweizerische Anabaptismus zur Zeit der Reformation*, в «Berner Beiträge», 1884.

NITSCHKE (RICHARD, католик): *Geschichte der Wiedertäufer in der Schweiz zur Reformationszeit*. Einsiedeln, New York, Cincinnati and St. Louis (Benziger), 1885 (107 pp.). Приводит список литературы, pp. vi-viii.

KELLER (LUDWIG): *Die Reformation und die ältern Reformparteien*. Leipzig, 1885, pp. 364-435. Благоклонен к анабаптистам и связывает их с вальденскими братьями и другими средневековыми сектами посредством оригинальных, но произвольных комбинаций и выводов. Путает простые совпадения с историческими связями.

BAUR (AUG.): *Zwingli's Theologie*, vol. II (1888), 1-267. Подробное обсуждение и защита поведения Цвингли по отношению к радикалам, с обширными выдержками из его произведений, но несправедлив по отношению к баптистам.

Монографии SCHREIBER, *Hübmaier* (1839 и 1840, незаконченная); KEIM, *Ludwig Hützer* (1856); и KELLER, *Hans Denck (Ein Apostel der Wiedertäufer*, 1882) также затрагивают тему анабаптистского движения в Швейцарии. В десятом издании KURTZ, *Kirchengeschichte* (1887), II. 150-164, дан хороший общий обзор анабаптистского движения в Германии, Швейцарии и Голландии, включая меннонитов.

Мы рассмотрели спор Цвингли с Римской Католической церковью, а теперь должны рассмотреть его конфликт с радикализмом, развивавшийся параллельно с первым и воплощающий консервативную и процерковную сторону его Реформации. Радикализм был идентичен анабаптистскому движению, но вопрос о крещении здесь был второстепенным. Радикалисты вели речь о полном переустройстве церкви и общественного порядка. Это означало революцию. Католики со злорадством указывали на революцию как на логичное и неизбежное следствие Реформации, но история доказала разницу между ними. Свобода может существовать без вседозволенности и отличается от вседозволенности так же сильно, как и от деспотизма.

Швейцарская Реформация, как и немецкая, страдала от радикальных эксцессов. Она совершалась между двух огней: католичества и ультрапротестантизма. На нее нападали с фронта и с тыла, снаружи и изнутри — католики на основании традиции, радикалы — на основании Библии. В некоторых отношениях последнее было опаснее. Свободе следует бояться скорее злоупотреблений со стороны своих друзей, чем сопротивления своих врагов. Реформация потерпела бы поражение, если бы превратилась в революцию. Цвингли относил к радикалам слова святого апостола Иоанна о нехристианских учителях: «Они вышли от нас, но не были наши» (1 Ин. 2:19). Он считал спор с папистами детской игрой, когда сравнивал его с борьбой против ультрапротестантизма¹²³.

Реформаторы ставили перед собой задачу преобразовать старую церковь с помощью Библии, а радикалы пытались создать на основе Библии новую церковь. Реформаторы сохраняли историческую преемственность, а радикалы отрывались непосредственно к апостольской эпохе и отвергали промежуточные столетия как отступничество. Реформаторы основали народную церковь-государство, куда входили все граждане вместе с их семьями, тогда как анабаптисты организовывали, на добровольных началах, единичные общины крещенных верующих, отдельных от мира и от государства. Для радикализма и сектантства как нельзя более характерно отсутствие исторического чувства и уважения к прошлому. В своей крайней форме радикализм отвергает даже Библию, как *внешний* авторитет, и уповает на *внутреннее* вдохновение. Именно так произошло с пророками из Цвиккау, которые угрожали подорвать служение Лютера в Виттенберге.

Радикалы обратили против Реформации то самое право протеста, которым реформаторы столь эффективно пользовались в борьбе с папством. Радикалы выступили с протестом против протестантизма. Они обвинили реформаторов в непоследовательности и полупапизме, считая его самой худшей разновидностью папства. Они осудили государство-церковь как обмирщенное и развращенное, а его служителей — как наемников. А протестанты, в свою очередь, обвиняли радикалов в фарисейской гордости, в революционных и социалистических тенденциях. Их жестоко преследовали, сажали в тюрьму, ссылали, пытали, уничтожали огнем и мечом и почти подавили во всех протестантских, а также католических странах. Тогда еще не созрело время для неограниченной религиозной свободы и конгрегационалистского самоуправления. Анабаптисты храбро погибли как мученики совести¹²⁴.

¹²³ Цвингли писал Вадриану 28 мая 1525 г. (*Opera*, VII. 398): *omnes pugnae priores lusus fuerunt prae ista*.

¹²⁴ Лютер называл их мучениками дьявола, однако Леонгард Казер, которому Лютер написал утешительное письмо, считая его образцовым мучеником и противопоставляя еретикам (*Let-*

Цвингли, по сути, проявлял, причем вполне независимо, то же самое отношение к радикалам, что и Лютер в его споре с Карлштадтом, Мюнцером и Гюбмайером¹²⁵. Лютер же, напротив, не понимал Цвингли и путал его с Карлштадтом и радикалами. Цвингли был столь же консервативен и так же защищал церковь, как и саксонский реформатор. Он оберегал государство-церковь, или церковь народа, от небольшой группы сектантов и сепаратистов, которые угрожали ей расколом. Но положение Цвингли было труднее. Он был менее подвержен влиянию традиции и был более далек от католичества. Он сам с самого начала сделал своей целью тщательное практическое очищение церковной жизни и в этом соглашался с радикалами. Более того, он сомневался в какое-то время по поводу необходимости (но не правильности) крещения младенцев и считал, что лучше отложить таинство до того времени, когда дети начнут что-то понимать¹²⁶. Он отвергал римское учение о необходимости крещения для спасения и учение об осуждении некрещенных детей, умирающих в младенчестве. Он понимал текст Марка 16:16 («кто будет веровать и крестится, спасен будет») как относящийся только ко взрослым людям, которые услышали Евангелие и в состоянии поверить, но никак не к детям. После более зрелого размышления его взгляды изменились. Он узнал из личного опыта, что невозможно создать идеальную церковь верующих, и остановился на достижимом. Что касается крещения младенцев, то он убедился в его разумности для христианских семей. Он оправдывал крещение детей аналогией с обрезанием в Ветхом Завете (Кол. 2:11), всеохватностью Нового Завета, который включает в себя целые семьи и народы, и повелением Христа: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне», — из которого он сделал вывод, что отказывающийся крестить детей не позволяет им прийти ко Христу. Он ссылался также на 1 Кор. 7:14, где говорится, что дети верующих родителей — это члены церкви, а также на случаи крещения целых семей в Деян. 16:33; 18:8 и 1 Кор. 1:16.

Радикальное движение началось в Цюрихе в 1523 г. и продолжалось до 1532 г. Его руководителями были Конрад Гребель, представитель одного из первых семейств Цюриха, мирянин, учившийся в университетах Вены и Парижа, которого Цвингли называет корифеем анабаптистов; Феликс Манц, незаконнорожденный сын каноника Гроссмонстера, знаток еврейского; Георг Блаурук, монах из Кура, прозванный за свое красноречие «могущественным Йоргом» или «вторым Павлом»; и Людвиг Хетцер из Тургау, капеллан в Ваденштейле, который, вместе с Гансом Денком, подготовил первый протестантский перевод еврейских пророков¹²⁷, был секретарем на втором цюрихском диспуте и редактировал его постановления. С ними был связан ряд бывших священников и монахов, таких как Вильгельм Ребли, служитель из Витикона, Иоганн Бредли (Паникул) из Цолликона и Симон Штумпф из Генга. Они принимали активное участие в

ters, ed. De Wette, III. 179), не был лютеранином, как полагал Лютер, а был пастором анабаптистской общины в Шердинге. Его сожгли 18 августа 1527 г. по приказу епископа Пассау. См. Cornelius, II. 56.

¹²⁵ О Лютере и радикалах см. т. VII, §102.

¹²⁶ Гагенбах (р. 857), на основании слов Готтингера, утверждает, что совет Цюриха, по рекомендации Цвингли, мандатом от 17 января 1525 г. позволил откладывать крещение детей на восемь лет. Но это, должно быть, ошибка, потому что 18 января совет, после спора с анабаптистами, приказал крестить всех некрещенных детей в течение восьми дней, под угрозой отлучения родителей. Egli, *Actensammlung*, p. 276.

¹²⁷ Их перевод пророков вышел в Вормсе в 1527 г. (после чего часто переиздавался). Он предшествовал цюрихской Библии (1529) и Библии Лютера, которая не была завершена до 1532 г.

Реформации на ее первом этапе, нарушали посты и были в первых рядах сокрушителей образов. Они опередили общественное мнение и упорядоченный метод Цвингли. Они были против десятины, ростовщичества, военной службы и клятв. Они отрицали право гражданских властей вмешиваться в дела религии. Они собирались для молитвы как «братья» и читали Писание в доме «матери Манц» и в окрестностях Цюриха, особенно в Цолликоне.

Немецкие радикалы Карлштадт и Мюнцер действовали в течение короткого времени в Швейцарии и на Рейне, но не крестили повторно и не оказали влияния на швейцарских радикалов, которые не поддерживали бунт против гражданских властей. (Карлштадт постепенно стал более здравым, а Мюнцер разжег крестьянскую войну, взял в руки меч и погиб от меча.) Доктор Гюбмайер из Баварии, самый ученый из анабаптистов и главный их защитник, принял участие в октябрьском диспуте в Цюрихе в 1523 г., но после того как он написал книги против Цвингли (о крещении верующих, 1525, и диалог с Цвингли, 1526), его изгнали из Швейцарии и он организовал процветающие общины в Моравии.

Радикальные мнения распространялись с большой скоростью или даже возникли одновременно в Берне, Базеле, Санкт-Галлене, Аппенцелле, по берегам верхнего Рейна, в Южной Германии и в Австрии. Анабаптистов гнали с места на место. Они странствовали, как беженцы-благовестники. Они проповедовали покаяние и веру, крестили обращенных, организовывали общины и насаждали строгую дисциплину. Они называли себя просто «братьями» или «христианами». Они были искренними и ревностными, отличались самоотречением и героизмом, но были беспокойны и нетерпеливы. Они принимали Новый Завет как единственное правило веры и жизни и в этом были согласны с реформаторами, но они совсем порвали с католической традицией и отвергали лютеровскую теорию оправдания одной лишь верой и реальное присутствие Христа в евхаристии. Они подчеркивали необходимость добрых дел и считали возможным соблюдать закон и достичь совершенства. Они были ортодоксами в большинстве вопросов христианской веры, кроме Хетцера и Денка, которые сомневались в истинности учения о Троице и Божественности Христа.

Первой и основной задачей радикалов была отнюдь не борьба с крещением младенцев, как нередко заявляют, и тем более не сопротивление крещению окроплением или обливанием, а учреждение чистой церкви обращенных верующих в противовес смешанной церкви мира. Но неизбежным следствием стремления образовать чистую церковь был именно отказ от крещения младенцев. Радикалам не хватало разрыва с папством. Они хотели разрыва со всем, что греховно. Они приводили в пример учеников Иерусалиме, которые оставили синагогу и мир, собирались в горнице, продали свое имущество и владели общей собственностью. Сначала радикалы надеялись, что Цвингли их поддержит, но тщетно. Потом они заклеили его как изменника истине и возненавидели больше, чем папу.

Цвингли не мог последовать за анабаптистами, не дискредитировав Реформацию в глазах любителей порядка, не вызвав оппозицию правительства и большинства народа. Он выступил против них, как Августин выступил против раскольников-донатистов. Цвингли призывал к умеренности и терпимости. Апостолы, говорил он, отдалялись только от открытых врагов Евангелия и от дел тьмы, но терпели более слабых братьев. Отчуждение от мира не устранил недостатки внутри церкви. Есть много честных людей, которые, хотя слабы и больны, принадлежат к стаду Христа и будут оскорблены таким сепаратизмом. Он ссылался

на слова Христа: «Кто не против вас, тот за вас», — и на притчу о плевелах и пшенице. Если выдрать все сорняки прямо сейчас, то не останется работы для ангелов в день окончательного разделения.¹²⁸

§25. Спор о крещении

Неприятие смешанной государственной или общенародной церкви, которая пытается объединить в себе всех крещенных людей по признаку соблюдения обряда, логичным образом привело к отказу от крещения младенцев. Новая церковь требовала нового крещения.

Эта проблема стала животрепещущей. Радикалы не могли найти упоминаний о крещении младенцев в Библии и осуждали его как изобретение папы¹²⁹ и дьявола. Крещение, рассуждали они, предполагает наставление, веру и обращение, что невозможно для ребенка¹³⁰. А следовательно, единственное действительное крещение — это добровольное крещение пришедших в возраст и отвечавших за свое решение обратившихся ко Христу людей. Радикалы отрицали, что крещение необходимо для спасения, и утверждали, что все дети спасены или могут быть спасены кровью Христа без крещения водой¹³¹. Но при этом крещение необходимо, чтобы быть членом церкви, — как знак и печать обращения.

Из этого представления о крещении вытекает, как следствие, необходимость повторного крещения тех обращенных, которые желают войти в новую, чистую церковь. Отсюда произошло и название *анабаптисты*, или «перекрещенцы» (*Wiedertäufer*, появившееся как противоположность общераспространенным *педобантистам*, или «детокрещенцам»), но сами анабаптисты так себя не называли, потому что просто не признавали никакого другого крещения, кроме как крещения обращенных.

Требование повторного крещения, по сути, делало некрещеным и нехристианским весь христианский мир и довершило разрыв с исторической церковью. Оно перерезало последнюю связь между прошлым и настоящим.

Первым случаем повторного крещения стало крещение Блаурока Гребелем в феврале 1525 г., вскоре после диспута с Цвингли. На частном религиозном собрании Блаурок попросил Гребеля преподать ему подлинное христианское крещение по исповеданию веры, встал на колени и был крещен. Потом Блаурок крестил остальных присутствующих и разделил с ними вечерю Господню, или, как они это называли, преломил хлеб¹³². Ребли учредил повторное крещение в Вальдшуте на

¹²⁸ {Точнее говоря, ангелам будет видно, где плевелы, а где пшеница, тогда как люди, решившие уничтожить плевелы уже сейчас, неизбежно будут выдергивать вместе с плевелами пшеницу, о чем Христос и предупреждал в Своей притче. Кроме того, именно таким людям посвящены тезисы 58-59 самого Цвингли (§17).}

¹²⁹ Они полагали, что автор этого обычая — папа Николай II, понтификат которого (1059 — 1061) полностью прошел под контролем Гильдебранда, позже Григория VII. Это мнение показывает, как слабо большинство населения знало историю церкви. Крещение младенцев намного древнее, чем папство.

¹³⁰ Гюбмайер, когда был в Вальдшуте, сначала заменил крещение простым благословением детей, но он же и крестил их, если того желали родители. См. Gieseler, III. A. p. 210, note.

¹³¹ Аугсбургское вероисповедание осуждает анабаптистов за то, что они учат: *pueros sine baptismo salvos fieri*.

¹³² Füssli, II. 338. Рассказ из моравской баптистской хроники, цитируемый у Корнелия (II. 26 sq.): *Und es hat sich begeben, dass sie bei einander gewesen sind, bis die Angst auf sie kam und sie in ihren Herzen gedrungen wurden; da haben sie angefangen ihre Kniee zu beugen vor dem höchsten Gott im Himmel, und ihn angerufen, dass er ihnen geben wolle, seinen göttlichen Willen*

Пасху 1525 г., убедил Гюбмайера в его необходимости и крестил его и еще около шестидесяти человек. Сам Гюбмайер повторно крестил около трехсот человек¹³³.

Крещение не ограничивалось какой-то определенной формой, временем, местом или человеком. Любой мог совершить это таинство для кающихся верующих, которые того желали. Сначала это делали в основном дома, посредством окропления и обливания водой, иногда — посредством частичного или полного погружения в реках¹³⁴.

Способ крещения не был предметом споров между анабаптистами и педобaptистами в XVI веке. Католическая церковь считает, что погружение и окропление одинаково действенны. Лютер предпочитал погружение и предписывал именно его на служении крещения¹³⁵. В Англии погружение было *обычным* способом крещения до середины XVII века¹³⁶. Оно было принято английскими и американскими баптистами как *единственный* способ крещения. Ранние же анабаптисты, напротив, крестили посредством окропления и обливания. Мы узнаём это из сообщений о судах над ними в Цюрихе. Блаурук крестил посредством окропления¹³⁷, Манц — обливанием¹³⁸. Первый явный случай крещения погружением среди швейцарских анабаптистов — крещение Вольфганга Улимана

zu vollbringen. Darauf hat Jürg [Blaurock] sich erhoben und um Gottes willen gebeten, dass Conrad [Grebel] ihn taufe mit der rechten wahren christlichen Taufe auf seinen Glauben und seine Erkenntniss; ist wieder auf die Kniee gefallen und von Conrad getauft worden; und alle übrigen Anwesenden haben sich dann von Jörg taufen lassen. Hiernächst hat derselbe, seinem eigenen Bericht zufolge, damit die Brüder des Todes Christi allweg eingedenk wären und sein vergossen Blut nicht vergässen, ihnen den Brauch Christi angezeigt, den er in seinem Nachtmal gehalten hat, und zugleich mit ihnen das Brot gebrochen und den Trank getrunken, damit sie sich erinnerten, dass sie alle durch den einigen Leib Christi erlöst und durch sein einiges Blut abgewaschen seien, auf dass sie alle eins und je einer des anderen Bruder und Schwester in Christo ihrem Herrn wären. Корнелий добавляет к этому сообщению: *Diese Dinge haben sich wenige Tage nach der Disputation des 18. Januar zugetragen, und rasch, noch ehe die Verbannten ihren Abschied genommen hatten, ist, zum Theil mit ihrer Hülfe, der Gebrauch der Taufe und des Herrn Brodes nach Zollikon und über die ganze Genossenschaft verbreitet worden.*

¹³³ Так Гюбмайер сам говорил городским властям Цюриха (Egli, *Actensammlung*, p. 431): *Da käme Wilhelm (Reubli) und taufte ihn (Hübmaier), und liessend sich uf dasselb mal mit ihm bi 60 personen taufen. Darnach habe er die Osterfirtag für und für und ob 300 menschen getauft.* О способе крещения ничего не говорится. Вскоре после этого (5 июля 1525 г.) Гюбмайер выпустил свою книгу *Von dem Christlichen Touff der Gläubigen*, против Цвингли, но не называя его по имени. Цвингли ответил в ноябре 1525 г. См. A. Baur, *Zwingli's Theol.*, II. 137 sq., 141 sqq.

¹³⁴ Nitsche, p. 30: *Wenn über jemand der Geist Gottes kam, beklagte und beweinte er seine Sünden und bat den ersten besten, ihn zu taufen; dieser bespritzte oder überschüttete ihn unter Nennung der drei göttlichen Personen mit Wasser. Einem förmlichen Untertauchen, wie es später wohl vorkommt, begegnen wir zunächst nicht... Meistens wurde die Taufe in irgend einem Hause vollzogen; aber auch im Freien wurde getauft: so Rudolph Breitinger bei Gelegenheit eines Spazierganges am Nesselbach, ein anderer beim Brunnen zu Hirslanden.* Egli, p. 23 sq.: *Wie es scheint, war Blaurock der eigentlich populäre Täufer und wandte den Gebrauch allgemeiner an auf den ersten Besten, der weinend zu ihm kam.*

¹³⁵ См. т. VII {сноска 834}, а также мою книгу *Didache*, p. 41 sqq.

¹³⁶ Эдуард VI и королева Елизавета были крещены посредством погружения, согласно рубрике в Английском молитвеннике. Эразм пишет: «У нас [на континенте], когда крестят детей, их обливают водой; в Англии их погружают в воду».

¹³⁷ На суде над четырнадцатью анабаптистами, 7 февраля 1525 г., Марк Боссгард свидетельствовал, что Ганс Бруггбах из Цумикона, прочитав на собрании место Нового Завета, исповедался и покаялся в своих грехах и попросил, в знак его обращения, чтобы его окропили во имя Отца, Сына и Святого Духа, и Блаурук окропил его. *Darauf habe ihn Blaurock bespritzt.* Egli, *Actensammlung*, p. 282.

¹³⁸ На том же самом суде Йорг Шад сказал: *er habe sich lassen begüssen mit Wasser, und syg [sei] Felix Manz töifer gesin [Täufer gewesen].* Ibid., p. 283.

(бывшего монаха из Кура, в течение некоторого времени помогавшего Кесслеру в Санкт-Галлене). Обращенный Гребелем во время поездки в Шафхаузен и неудовлетворенный тем, что его «просто окропляют с блюда», он «был погружен и опущен под воду в Рейн»¹³⁹. В вербное воскресенье 9 апреля 1525 г. Гребель крестил большое количество людей на Ситтере, реке в нескольких километрах от Санкт-Галлена, которая вытекает из Сантиса, впадает в Тур и достаточно глубока для полного погружения¹⁴⁰.

Вечера Господня совершалась баптистами самым простым образом: простой ужин (в подражание вечере учреждения заповеди и вечерам любви), чтение слов учреждения и раздача хлеба и вина. Они свели обряд к простому воспоминанию.

Эти две идеи — чистая церковь верующих и крещение по вере — были основными пунктами анабаптистского символа веры. В других вопросах наблюдалось широчайшее разнообразие и мешанина мнений. Одни верили в сон души между смертью и воскресением, в тысячелетнее царство Христа на земле и в окончательное всеобщее спасение; другие придерживались коммунистических и социалистических взглядов, что привело к катастрофе в Мюнстере (1534). То и дело совершались дикие преступления против нравственности¹⁴¹.

Но несправедливо обвинять всех радикалов за экстравагантные мечтания и поведение отдельных людей. Швейцарские анабаптисты не имели отношения к крестьянской войне, которая едва затронула границы Швейцарии, и в целом, как и моравские анабаптисты, они отличались простым благочестием и строгими нравами. Буллингер, который был против них, воздавал цюрихским радикалам должное: они отказывались от роскоши, были воздержаны в еде и питье, чуждались различного рода пороков, вели серьезный и духовный образ жизни. Кесслер из Санкт-Галлена, также их противник, рассказывает, сколь радостно они шли на мученичество, и восклицает: «Ах! что скажу я об этих людях? Они вызывают у меня искреннее сострадание, ибо многие из них ревностно преданы Богу, но у них нет знаний». А Залат, современник-католик, пишет, что «с радостными, улыбающимися лицами они желали и просили смерти и шли на нее, распевая псалмы на немецком языке и другие молитвы»¹⁴².

Анабаптисты сочинили много древнейших протестантских гимнов на немецком языке, которые заслуживают внимания историка. Часть этих гимнов попала в ортодоксальные протестантские сборники из-за незнания их настоящих авторов. Блаурук, Манц, Гут, Хетцер, Кох, Вагнер, Лангмантель, Заттлер, Шимер, Глайт, Штейнмец, Бухель и многие другие внесли свой вклад в эту удивительную ветвь великого дерева христианской гимнологии. Анабаптистские псалмы и гимны напоминают гимны Швенкфельда и его последователей. Они говорят о внутренней жизни христианина, о тайнах рождения свыше, освящения и личного союза со Христом. Они проникнуты духом благочестия, преданности и радостной готовности принять страдания и пойти на мученичество. Это гимны просла-

¹³⁹ Kessler, *Sabbata*, I. 266 (in dem Rhin von dem Grebel under getrückt und bedeckt). См. также Barrage, 105.

¹⁴⁰ Burrage, p. 117. Господин Штейгер из Герисау (Аппенцелль) сообщил мне, что современные баптисты в Санкт-Галлене и Аппенцелле крестят посредством погружения в Ситтер, но их количество существенно уменьшилось после смерти Шлаттера.

¹⁴¹ Например, в Санкт-Галлене и Аппенцелле, см. Cornelius, II. 64 sq.

¹⁴² А. Баур, занимавший сторону Цвингли, также вынужден был признать (II. 187), что «большинство швейцарских анабаптистов были спокойными и почтенными людьми, честными горожанами с безупречной репутацией».

вления креста, гимны утешения и воодушевления рассеянных по миру овец Христовых, готовых к закланию в подражание их божественному Пастырю.

ПРИМЕЧАНИЯ

Анабаптистские гимны вышли сборником под заглавием *Aussbund Etlicher schöner Christlicher Geseng wie die in der Gefengniss zu Passau im Schloss von den Schweitzern und auch von anderen rechtgläubigen Christen hin und her gedicht worden* (1583) и потом часто переиздавались. Они также присутствовали в других сборниках XVI века. Они были перепечатаны в Wackernagel, *Das Deutsche Kirchenlied*, vol. III (1870), pp. 440-491, и vol. V (1877), pp. 677-887. Он включает их в монументальный *corpus hymnologicum* вместе со швенкфельдианскими и римско-католическими гимнами XV века, но со сдержанностью, характерной для его лютеранской ортодоксии. Он уже не считает анабаптистов мучениками (как считал в своем предыдущем труде по германской гимнологии) и признает их достоинства (III. 439; *ausserhalb der Wahrheit, ausserhalb der heiligen lutherischen Kirche!*). Гимнология — последнее место, где стоит проявлять дух сектантской исключительности. Она является одним из сильнейших доводов в пользу единства христиан при священном поклонении, когда богословские раздоры забываются в процессе почитания общего Господа и Спасителя. Сам Лютер, как сообщает нам Вакернагель, по неведению включил в свой сборник 1545 г. гимн анабаптиста Грюнвальда и еще один — швенкфельдианина Ройзнера. Вакернагель проявляет благочестивую непоследовательность, замечая (p. 440), что из анабаптистских гимнов можно многому научиться и что благородному сердцу неспроста осуждать этих жертв Рима и дома Габсбургов. Причем в первую очередь он приводит гимны Томаса Мюнцера, которого вряд ли можно вообще назвать анабаптистом и которого не признавали их лучшие представители.

В Burrage, *Baptist Hymn Writers* (Portland, 1888, p. 1 sqq.), приводятся выдержки из анабаптистских гимнов. Следующий отрывок, из гимна Шимера или Шонера, позволяет нам лучше понять состояние и дух этих преследуемых людей:

*Увы, мы как рассеянные овцы,
И пастуха не видно;
Мы далеки от дома и крова,
И, подобно птицам, которые ночью
Прячутся в скалистых утесах,
Мы крепко держимся за свою скалу,
Потому что неподалеку, как и птиц,
Нас поджидает дерзкий охотник.*

§26. Гонения на анабаптистов

Теперь мы переходим к мерам борьбы с сепаратистами. Сначала Цвингли пытался убедить их на частных встречах, но тщетно. Потом последовал публичный диспут, который состоялся по приказу городских властей в городской ратуше 17 января 1525 г. Гребель был против диспута, но пришел, вместе с Манцем и Ребли. Анабаптисты выдвигали обычные доводы против крещения младенцев: младенцы не могут понять Евангелие, не могут покаяться и уверовать. Цвингли отвечал им, ссылаясь в основном на обрезание и 1 Кор. 7:14, где Павел говорит о детях родителей-христиан как о «святых». Позже Цвингли описал свои взгляды в книге «О крещении, повторном крещении и крещении младенцев» (27 мая 1525 г.). Буллингер, который присутствовал на диспуте, сообщает, что анабаптисты не смогли опровергнуть доводы Цвингли и отстоять свою позицию. Другой диспут состоялся в марте, третий — в ноябре, но результаты были не более успешными для анабаптистов. Городские власти выступили против них и выпустили указ о том, что детей следует крестить, как ранее, а родители, которые отказываются крестить своих детей, должны покинуть город и кантон вместе со своей семьей и имуществом.

Анабаптисты отказались подчиняться и осмелились на дерзкие демонстрации. Они устраивали шествия и ходили как проповедники покаяния, одетые в

рубище и препоясанные, по улицам Цюриха, пели, молились, увещевали, оскорбляли старого змея (Цвингли) и его рога, восклицали: «Горе, горе Цюриху!»¹⁴³.

Их вождей арестовали и заперли в одном из помещений августинского монастыря. К ним была послана комиссия служителей и городских властей, чтобы обратить их. Двадцать четыре человека обратились и были освобождены. Четырнадцать мужчин и семь женщин были заперты в Ведьминой башне, но бежали 5 апреля.

Гребель, Манц и Блаурок были арестованы повторно и обвинены в коммунистическом и революционном учении. После еще нескольких эксцессов городские власти пригрозили тем, кто будет упорствовать в своем заблуждении, казнью посредством утопления. По жестокой иронии погружающим в воду предстояло погрузиться в нее самим.

Неизвестно, действительно ли Цвингли был сторонником таких мер, но он уж точно не выступал против них открыто¹⁴⁴.

Всего в Цюрихе между 1527 и 1532 г. состоялось шесть казней. Первой жертвой был Манц. Он был связан, посажен в лодку и выброшен в реку Лиммат недалеко от озера 5 января 1527 г. Он славил Бога за то, что умрет за истину, и громко молился: «В руки Твои, о Господь, предаю дух мой!» Буллингер описывает его героическую смерть. Гребель избежал подобной участи, так как умер раньше, в 1526 г. Последняя казнь состоялась 23 марта 1532 г., когда были утоплены Генрих Карпфис и Ганс Герцог. Иностранцев наказывали высылкой, и они встречали свою смерть на католических землях. Блаурок был высечен, отлучен и сожжен (1529) в Клаузене, Тироле. Хетцер, который впал в плотские грехи, был обезглавлен за прелюбодеяние и двоеженство в Констанце 24 февраля 1529 г. Иоганн Цвик, цвинглианин, говорит, что «в Констанце никогда не видели, чтобы человек умирал более благородно и мужественно». Томас Блаурер подтверждает это свидетельство¹⁴⁵. Гюбмайер, который бежал из Вальдшута в Цюрих в декабре 1525 г., предстал перед судом городского совета, покаялся и был выслан из страны для подтверждения своего раскаяния¹⁴⁶. Он успешно трудился в Моравии и был сожжен на костре в Вене 10 марта 1528 г. Три дня спустя его верную жену, с которой он сочетался в Вальдшуте, утопили в Дунае.

Остальные швейцарские кантоны приняли те же меры против анабаптистов, что и Цюрих. В Цуге 17 августа 1529 г. был утоплен Лоренц Фюрст. В Аппенцелле были обезглавлены Улиман и еще несколько человек, а нескольких женщин утопили. В Базеле Эколампаций провел несколько диспутов с анабаптистами, но безрезультатно, после чего совет изгнал их под угрозой утопления, если они вернуться (13 ноября 1530 г.). Совет Берна прибег к такой же мере.

¹⁴³Zwingli, *Opera*, III. 364.

¹⁴⁴Эгли (Egli, *Die Zürcher Wiedertäufer*, p. 93)) полагает, что если Цвингли и согласился, то неохотно, как Кальвин в случае с Серветом, из чувства долга. Келлер (Keller, *Die Reformation*, p. 407, note) утверждает, опираясь на слова Гюбмайера: Цвингли в 1525 г. проповедовал, что анабаптистов следует обезглавливать «по законам империи», — но у нас нет доказательств этого, и Баур (II. 180) это отрицает. См. переписку Капитона с Цвингли в связи с делом Манца (*Opera*, VIII. 16, 30, 44). Капитон из Страсбурга был обеспокоен казнью Манца, который, как сообщалось, умер героически (*mortem obiisse magnifice*, p. 16); но Цвингли заверил Капитона, что городские власти осудили Манца на смерть неохотно и по необходимости (*quam coacte Senatus iudicis partem tandem usurpavit*). Такое «обоснование», конечно же, неудовлетворительно. В данном случае, как и в случае с Серветом, достаточно строгим наказанием было бы изгнание.

¹⁴⁵Бурраж защищает Хетцера от обвинений в безнравственности (p. 200 sqq.), но Кейм и Корнелий (II. 59) подтверждают их.

¹⁴⁶Baur, II. 173 sq. Письмо Цвингли к Капитону от 1 января 1526 г. опубликовано в Rud. Stähelin, *Briefe aus der Reformationszeit* (Basel, 1887), p. 20.

В Германии и Австрии анабаптисты столкнулись с еще более суровым отношением. Рейхстаг в Шпейере, в апреле 1529 г., объявил, что «каждый анабаптист и повторно крещеный человек любого пола будет подвергнут смерти посредством меча, огня или иначе». Этот указ строго исполнялся везде, кроме Страсбурга и владений Филиппа Гессенского, где к еретикам относились более терпимо. Больше всего крови было пролито в римско-католических странах. В Герце был сожжен дом, в котором анабаптисты собирались для молитвы. «В Тироле и Герце, — говорит Корнелий¹⁴⁷, — количество казней в 1531 г. достигло почти тысячи; в Энсисгейме — шестисот. В Линце семьдесят три человека было убито за шесть недель. Герцог Вильгельм Баварский, превзойдя всех остальных, издал ужасный указ обезглавить тех, кто покаялся, и сжечь тех, кто отказался каяться... Гонения, как дикая охота, свирепствовали в большей части Верхней Германии... Кровь этих несчастных людей лилась как вода, так что они зывали к Господу о помощи... Но сотни людей всех возрастов и обоих полов сносили мучения без ропота, отказывались покупать себе жизнь, покаявшись, и шли на место казни с радостью и пением псалмов».

Кровь мучеников никогда не льется напрасно. Движение анабаптистов потерпело поражение, но не было уничтожено. Оно возродилось среди менонитов, баптистов Англии и Америки, а в недавнее время — в отдельных конгрегациях и в Европе. Церкви баптистов и педобаптистов (общее название всех церквей, в которых допускается крещение детей) по-прежнему спорят о возрасте крещаемых и о способе крещения, но учение о спасенности некрещеных младенцев больше не осуждается как ересь, а принцип религиозной свободы и разделения церкви и государства, ради которого страдали и умирали швейцарские и немецкие анабаптисты, постепенно укрепляет свои права. Германия и Швейцария изменили политику и позволяют теперь баптистам, методистам и другим ответвлениям нон-конформистских церквей пользоваться той свободой совместного поклонения, в которой раньше им было отказано, а государственным церквям получают от этого пользу, поскольку становятся более живыми в силу допускаемого государством несогласия. В Англии баптисты — одно из основных ответвлений несогласных, а в Соединенных Штатах баптисты — самая крупная деноминация после методистов и католиков.

§27. Спор о евхаристии. Цвингли и Лютер

Труды Цвингли о евхаристии: о каноне мессы (1523); о том же, против Эмзера (1524); послание к Матфею Альберу в Ретлинген (1524); семнадцатая глава его комментариев об истинной и ложной религии (на латыни и на немецком, 23 марта 1525 г.); ответ Бугенгагену (1525); послание к Билликану и Урбану Регию (1526); обращение к Осияндеру Нюрнбергскому (1527); «Дружеское толкование», обращенное к Лютеру (20 февраля 1527 г.); ответ Лютеру об истинном смысле слов учреждения вечери Господней (1527); доклад на марбургской встрече (1529). В *Opera*, vol. II, B, III, IV. 173 sqq.

Объяснение учения Цвингли о вечере Господней и его спора с Лютером см. в т. VII, §103, 111; также A. Baur, *Zwingli's Theol.* II. 268 sqq. (очень полное и беспристрастное изложение).

Спор о евхаристии между Цвингли и Лютером мы уже рассматривали, когда говорили о немецкой Реформации, так что здесь упомянем о нем лишь коротко. Он продолжался с 1524 по 1529 г., и кульминацией его стала встреча в Марбурге, на которой два взгляда нашли больше точек для соприкосновения и

¹⁴⁷ L. c., II. 67 sq.

столкновения, чем прежде и потом, и на которой сторонники взглядов ясно и убедительно представили все доводы за и против буквального толкования слов учреждения.

Цвингли и Лютер согласились в том, что касается принципа церкви-государства или общенародной церкви (*Volks-Kirche*), как противопоставленной индивидуализму, сепаратизму и расколу. Оба отстаивали историческую преемственность церкви и не соглашались с революционерами-радикалами, которые хотели построить новую церковь на произвольных принципах. Оба сохраняли крещение младенцев как часть христианской семейной религии, в противовес анабаптистам, которые ввели новое крещение в своей церкви новообращенных. Однако Лютер не придавал значения этому согласию в основных позициях и изначально совершил серьезную ошибку, путая Цвингли с Карлштадтом и радикалами¹⁴⁸.

Но между двумя реформаторами проявлялось отчетливое разногласие в том, что касалось общей теории таинств, и особенно вечера Господней. Цвингли занимал здесь промежуточную позицию между Лютером и анабаптистами. Он считал таинства знаками и внешним запечатлением благодати, которая уже внутренне принята, а не средствами ее передачи. Таинства для него знаменовали и подтверждали, но не создавали означаемое. Цвингли отвергал идею рождения свыше при крещении и телесное присутствие Христа в дарах. Лютер же отстаивал то и другое с чрезвычайным рвением и считал опасной ересью отход от этого взгляда. Теория Цвингли свидетельствует о склонности его разума к духовным и рационалистическим толкованиям, а теория Лютера свидетельствует о его склонности к реализму и мистицизму. Однако оба были искренне преданы Писанию как Слову Божьему и высшему правилу веры и жизни.

Когда они встретились в Марбурге лично — единственный раз — они пришли к согласию по четырнадцати пунктам из пятнадцати, и даже в пятнадцатом были отчасти согласны, а именно, в том, что касается духовного присутствия и плодов тела и крови Христа. Они не согласились лишь в том, что касалось телесного присутствия и буквального поглощения тела Христа, которые один отрицал, а другой поддерживал. Цвингли в этой ситуации проявил свое умение вести споры, отличался большой вежливостью и терпимостью. У Лютера возникло впечатление, что Цвингли — «очень хороший человек»¹⁴⁹, обладающий, тем не менее, «иным духом», а потому Лютер отказался пожать руку, протянутую ему со слезами в знак дружбы. Эти двое обладали разными характерами, получили разное образование, были наделены разными дарами и находились в разных ситуациях. Каждый действовал для своего народа и страны. Но результаты их трудов, как показала история, оказались примерно одинаковыми.

¹⁴⁸ А. Баур (*Zw. Theol.*, II. 811) говорит об этом непонимании так: *Luther warf von Anfang an Zwingli mit Münzer und Karlstadt zusammen. Kein Vorwurf und Vorurtheil gegen Zwingli ist ungerechter, aber auch kein Vorwurf glänzender widerlegt, als dieser, und zwar eben durch die Klarheit und Bestimmtheit, mit welcher Zwingli seine Principien gegen die Wiedertäufer entfaltet. Im Gegentheil; die maasslose Subjectivität die bei Münzer, Karlstadt, bei den Wiedertäufern zum Ausbruch kommt, und die solche Willkühr bleibt, auch wenn sie sich auf den Buchstaben der Schrift beruft, ist das vollständige Gegentheil der Principien Zwingli's.*

¹⁴⁹ Он называл Цвингли *optimus vir* в послании к Буллингеру, написанном девять лет спустя (1538).

§28. Труды Цвингли

Перечень сочинений Цвингли — в издании Schuler and Schulthess, vol. VIII, 696-704; его богословских трудов — в Baur, *Zwingli's Theol.*, II. 834-837.

За те двенадцать кратких лет, что Цвингли действовал публично как реформатор, с 1519 по 1531 г., он с исключительным размахом занимался литературной деятельностью. Он критиковал папистов и радикалов и отвечал на их нападки. Его друзья-реформаторы из всех районов Швейцарии спрашивали у него совета, и он вел обширную переписку. Он писал отчасти на латыни, отчасти на немецко-швейцарском диалекте. Несколько его книг были переведены Леоном Юдом. Немецким он владел лучше, чем его соотечественники, но его слогу не хватало той силы и красоты, которыми обладал немецкий язык Лютера, и вне Швейцарии Цвингли не мог произвести впечатления. Редакторы полного собрания его сочинений (Schuler and Schulthess) приводят, в восьми больших томах ин-октаво, восемьдесят книг и трактатов на немецком и пятьдесят девять — на латыни, а также два тома посланий от Цвингли и к нему.

Сочинения Цвингли можно поделить на семь групп.

1. Реформаторские и полемические труды: а) против папства и папистов (о постах, об иконах, о мессе, против Фабера, против Экка, против Компара, против Эмзера и т. д.); б) связанные со спором против анабаптистов; в) о вечере Господней, против учения Лютера о реальном телесном присутствии Христа в хлебе и вине причастия.

2. Реформаторские и вероучительные труды: пояснение к его 67 тезисам (1524); комментарий о ложной и истинной религии, адресованный королю Франциску I Французскому (1525); трактат о божественном провидении (1530); вероисповедание, обращенное к императору Карлу V и Аугсбургскому рейхстагу (1530); и его последнее вероисповедание, написанное незадолго до его смерти (1531) и опубликованное Буллингером.

3. Практические и литургические труды: «Пастырь»; «Способы крещения и совершения вечери Господней»; «Проповеди» и т. д.

4. Экзегетические труды: отрывки из лекций по Бытию, Исходу, Псалтири, Исаии и Иеремии, четырем евангелиям, а также по большинству посланий, редактировавшиеся Леоном Юдом, Мегандером и другими.

5. Патриотические и политические труды: «Против военной службы за границей»; обращения к конфедератам и собору в Цюрихе; о христианском образовании; о мире и войне и т. д.

6. Поэтические труды: «Лабиринт» и «Басня» (его первые произведения); три стихотворения на немецком, написанные во время чумы; стихотворение 1529 г. и псалом в стихах (Пс. 68).

7. Послания. Они свидетельствуют о масштабе его влияния. Тут есть послания к Цвингли от Эразма, Пуччи, папы Адриана VI, Фабера, Вадияна, Глареана, Микония, Эколампадия, Галлера, Мегандера, Беата Ренана, Урбана Регия, Буцера, Гедиона, Капитона, Блаурера, Фареля, Командера, Буллингера, Фагия, Пиркгеймера, Цазия, Фробения, Ульриха фон Гуттена, Филиппа Гессенского, герцога Ульриха Вюртембергского и других выдающихся личностей.

§29. Богословие Цвингли

I. ZWINGLI: *Commentarius de Vera et Falsa Religione*, 1525 (перевод на немецкий сделал Леон Юд); *Fidei Ratio ad Carolum V*, 1530; *Christianae Fidei brevis et clara Expositio*, 1531; *De Providentia*, 1530 (расширенная редакция проповеди, произнесенной в Марбурге и посвященной Филиппу Гессенскому).

II. Богословие Цвингли обсуждается в ZELLER, SIGWART, SPÖRRI, SCHWEIZER, а наиболее полно и емко — A. BAUR. См. литературу в §5. См. также SCHAFF, *Creeds of Christendom*, I. 369 sqq, и *Church History*, том VII, §122.

Догматические труды Цвингли содержат евангельское реформатское богословие в зародыше, отличное как от католического, так и от лютеранского, однако в нем есть и несколько оригинальных особенностей, отличающих его систему от кальвинистской. Цвингли, как и все реформаторы, принимает вселенские символы веры и ортодоксальное учение о Троице, а также о богочеловеческой личности Христа. Он отвергает схоластические добавления средних веков вместе с Лютером, но уже дальше отстоит от традиционного богословия в учении о таинствах и реальном присутствии. Он был менее логичен и суров, чем Кальвин, который превзошел его в плане конструктивного гения, классического стиля и риторического совершенства. Его богословие было основано на Новом Завете и гуманистической культуре эразмианского типа. Любовью к классикам объясняются отличающие его от всех остальных реформаторов либеральные взгляды о том, на кого распространяется спасение. Эти взгляды могли бы сделать его ближе к Меланхтону, но Меланхтон находился под сильным влиянием Лютера и относился к Цвингли с предубеждением. Цвингли был свободен от уз традиции и в нескольких отношениях опередил свое время.

Богословие Цвингли — это система рационального, скорее, ясного, нежели глубокого супернатурализма, который лишен мистицизма, прост, здрав и практичен. Его богословие было преимущественно сотериологическим, то есть представляло собой учение о способе спасения, основанное на следующих фундаментальных принципах: Библия — единственный надежный проводник на пути спасения (человеческое предание исключается или подчиняется ей); Христос — единственный Спаситель и Посредник между Богом и человеком (этим исключаются люди-посредники и поклонение святым); Христос — единственный Глава Церкви, видимой и невидимой (исключаются притязания папы); воздействие Святого Духа и спасительной благодати не ограничивается видимой церковью (отвергается принцип исключительности).

1. Цвингли провозглашает Божье Слово Библии, в первую очередь Новый Завет, единственным правилом христианской веры и жизни. Именно таков объективный принцип, на который опирается всё протестантское богословие. Цвингли первым ясно и четко сформулировал его в своих «Выводах» (1523) и поставил на первое место в своей системе. Лютер же ставил в основание богословия учение об оправдании верой, или субъективный принцип, и на нем выстраивал систему церкви. Но для обоих реформаторов оба эти принципа сами опирались на один принцип — принцип Христа как единственного и достаточного Источника спасительной истины и спасительной благодати, не нуждающейся в человеческом предании и человеческих делах. Христос был раньше Библии. Он — начало и конец Библии. Евангельские христиане верят в Библию, потому что они верят во Христа, а не наоборот. Католики же верят в Библию, потому что они верят в церковь как хранителя и непогрешимого толкователя Библии.

Что касается состава Библии и количества богодухновенных книг, то Цвингли признавал католический канон, за исключением Книги Откровение, которую он не считал апостольским произведением и никогда не использовал для вероучительных целей¹⁵⁰. Кальвин сомневался в подлинности Второго послания Петра и в том, что Павел написал Послание к евреям. Оба судили о каноне по внутреннему свидетельству Святого Духа, а не по внешнему авторитету церкви. Лютер, с одной стороны, настаивал в споре о евхаристии на самом буквальном понимании слов учреждения, вопреки доводам грамматики и разума; с другой же стороны, он с самой дерзкой субъективной критикой отвергал несколько книг Ветхого и Нового Завета, особенно Послание Иакова и Послание к евреям, ибо не сумел согласовать их со своим пониманием учения Павла об оправдании. Таким образом, он стал предтечей «высокой», или литературной критики, которая заявляет о праве протестантов самым подробным образом исследовать всё, что касается происхождения, истории и ценности Писания. Реформатские церкви, особенно англоязычные, более осторожны и консервативны в этом отношении. Они уделяют больше внимания объективному откровению Бога, нежели субъективному опыту человека, и больше опираются на исторические свидетельства, чем на выводы критики.

2. Учение о вечном предызбрании и провидении. Цвингли подчеркивает идею Божьего избрания как основного источника спасения. Он развивает этот взгляд в проповеди, или в богословской речи, на латыни, «О Божьем провидении», которая была произнесена во время Марбургской встречи в октябре 1529 г., а потом в расширенном виде издана в Цюрихе (20 августа 1530 г.) по просьбе Филиппа Гессенского¹⁵¹. Лютер выслушал эту речь и не возражал, хотя ему не понравились цитаты на греческом и еврейском, неуместные, по его мнению, на кафедре. Кальвин в известном письме к Буллингеру справедливо называет эту речь парадоксальной и неумеренной. Без сомнения, она скорее парадоксальна, чем ортодоксальна, и содержит несколько необдуманных выражений и сомнительных примеров. Однако она не выходит за рамки книги Лютера о «Рабстве человеческой воли» и первого издания *Loci* Меланхтона или более зрелых и осторожных утверждений Кальвина. Все реформаторы изначально были склонны к августиновскому предопределению и отрицали свободу человеческой воли. Августин и Лютер исходили из антропологических предпосылок, а именно, полной греховности человека, и учение о предопределении было логичным выводом из этой предпосылки. Но они уделяли большее внимание спасительной благодати. Цвингли же, предвосхищая Кальвина, исходил из богословского принципа абсолютной власти Бога и тождественности предведения и предопределения. Его доводы из Писания в основном взяты из девятой главы Римлянам, где действительно говорится о свободе избрания¹⁵², но ее не следует рассматривать в отрыве от десятой главы, где не менее ясно говорится о человеческой ответственности, и от

¹⁵⁰ Он не видел в этой книге ни стиля, ни духа святого Иоанна. *Non sapit os et ingenium Joannis*. Цвингли и Лютер оба были неправы в своем неблагоприятном суждении об Откровении «сына грома».

¹⁵¹ *Ad illustrissimum Cattorum Principem Philippum Sermonis de Providentia Dei anamnema*. В *Opera*, vol. IV. 79-144. Леон Юд выпустил немецкий перевод в 1531 г.

¹⁵² Р. 114: *Nos cum Paulo in hac sententia sumus, ut praedestinatio libera sit, citra omnem respectum bene aut male factorum*. В основном он ссылается на слова Павла о том, что Бог ожесточил сердце фараона, а также возненавидел Исава и возлюбил Иакова еще до их рождения. Однако там речь шла о положении в истории, а не о вечном спасении или гибели этих людей.

одиннадцатой, которая пророчествует о будущем обращении языческих народов и народа Израиля.

Цвингли не пугала бездна супралапсарианства. Бог, учит он, — высшее и единственное благо, всемогущая причина всего. Он правит миром по Своему вечному и неизменному провидению, в котором нет места для случайностей. Даже грехопадение Адама, со всеми его последствиями, входило в Его вечную волю и вечное знание. Следовательно, грех необходим, но только как средство на пути к искуплению. Божьи деяния по отношению ко греху безгрешны, потому что Он не подчинен закону, у Него нет грешных побуждений или чувств¹⁵³. Избрание свободно и независимо. Оно не обусловлено верой, но включает в себя веру¹⁵⁴. Спасение возможно без крещения, но не без Христа. Мы избраны для того, чтобы мы могли поверить во Христа и принести плод святости. Только те, кто слышит Евангелие и отвергает его в неверии, предопределены к вечной каре. Все дети христианских родителей, которые умирают во младенчестве, включены в число избранных, крещены они или нет, и их ранняя смерть до того, как они успели согрешить, — верное доказательство их избрания¹⁵⁵. О тех, кто вне церкви, мы судить не можем, но можем хранить милосердную надежду, ибо Божья благодать ничем не ограничена. В этом плане Цвингли был более либерален, чем все остальные реформаторы, и открыл новый путь. Святой Августин смягчал суровость учения о предопределении учением о рождении свыше при крещении и гипотезой о будущем очищении. Цвингли же смягчал эту суровость, распространяя действие Божьего откровения и Святого Духа за пределы видимой церкви и обычных средств благодати.

Критикам очень легко сначала создать карикатуру на учение о предопределении, а потом опровергать его с помощью очевидных возражений о том, будто оно учит необходимости греха, ведет к фатализму и пантеизму, отвергает необходимость личных усилий для возрастания в благодати и поощряет плотскую самоуверенность. Но все, кто знает историю, знают также, что те, кто больше всего верил в предопределение, были среди самых искренних и активных христиан. Трудно было бы найти более чистых и святых людей, чем святой Августин и Кальвин, главные защитники той самой системы, которая носит их имя. Личная уверенность в избрании поддерживала реформаторов, гугенотов, пуритан и ковенантеров в борьбе с сомнением и отчаянием в моменты испытаний и искушений. И в плане такого личного применения реформатское учение о предопределении идет впереди августиновского. Более того, всякий, кто понимает, сколь трудно

¹⁵³ *De Providentia Dei* (p. 113): *Impulit Deus [latronem] ut occideret; sed aequae impellit iudicem, ut percussorem iustitiae mactet. Et qui impellit, agit sine omni criminis suspitione; non enim est sub lege. Qui vero impellitur, tam abest ut sit alienus a crimine, ut nullam fere rem gerat sine aliqua labis aspergine, quia sub lege est.* Цвингли отстаивает это мнение, приводя в пример власти, которые казнят преступников. Воин убивает врага в сражении, не совершая убийства. Меланхтон (1521) объяснял прелюбодеяние и убийство, совершенные Давидом, а также предательство Иуды Божьим побуждением, но впоследствии (1535) отрекся от этой «стоической фикции фатализма».

¹⁵⁴ P. 121: *Fides iis datur, qui ad vitam eternam electi et ordinati sunt; sic tamen ut electio antecedit, et fides velut symbolum electionem sequatur. Sic enim habet Paulus, Rom. 8:29.*

¹⁵⁵ Цвингли рассуждает так: ничто, кроме греха, не отделяет нас от Бога; дети не грешили фактически; Христос искупил первородный грех; следовательно, дети христианских родителей, которым дано явное обетование, без сомнения, относятся к избранным, если Бог забрал их в детстве. *Defungi in illis electionis signum est perinde ac fides in adultis. Et qui reprobi sunt et a Deo repudiati, in hoc statu innocentiae non moriuntur, sed divina providentia servantur ut repudiatio illorum criminosa vita notetur* (p. 127.)

метафизически примирить факт греха с мудростью и святостью Бога и согласовать требования логики и совести, не станет строго судить искренние попытки разрешить кажущееся противоречие между высшей властью Бога и ответственностью человека.

Однако мы должны сказать, что реформаторы, направившись вслед за великим гиппонским святым, дошли до односторонней крайности. Меланхтон чувствовал это и предлагал систему синергизма, родственную полупелагианской и арминианской теориям. Эколампадий держался в рамках христианского опыта и выразил свое мнение в здравых словах: *Salus nostra ex Deo, perditio nostra ex nobis* {наше спасение от Бога, а наша гибель от нас самих}. Мы всегда должны помнить как о Божьем, так и о человеческом, как о теоретическом, так и о практическом аспекте этой вековой проблемы. Иначе говоря, мы должны сочетать Божью власть и человеческую ответственность как взаимодополняющие истины. Существует и моральная логика, а не только интеллектуальная, — логика сердца и совести, а не только логика ума. Первая должна сдерживать вторую и спасать ее от впадения в супралапсарианство, а в конечном итоге — в фатализм и пантеизм, которые так же плохи, как и пелагианство.

3. Первородный грех и вина. Тут Цвингли отошел от августинианской и католической системы и подготовил путь для арминианского и социнианского учений. Он был далек от того, чтобы отрицать ужасное проклятие грехопадения и факт первородного греха, но считал первородный грех бедствием, болезнью, природным недостатком, в котором человек не может быть виноват лично, а потому человека нельзя наказывать за первородный грех, пока первородный грех не приведет его к фактическому прегрешению. Однако первородный грех является плодотворным зародышем фактического греха, как присущая волку кровожадность заставляет его рано или поздно убивать овец¹⁵⁶.

4. Учение о таинствах, особенно о вечере Господней, — наиболее характерная особенность цвинглианства, отличающая его от лютеровского богословия. Теория Кальвина стоит между этими двумя и пытается сочетать лютеровский реализм с духовным пониманием Цвингли. Эта тема уже подробно была изложена в предыдущих главах¹⁵⁷.

5. Эсхатология. Здесь Цвингли опять отошел от Августина и средневекового богословия дальше, чем любой из реформаторов, и предвосхитил современные взгляды. Он верил (как и анабаптисты) в спасение умирающих во младенчестве детей, даже если они не были крещены. Он верил также в спасение тех язычников, которые любили истину и правду при жизни и были, так сказать, неосознанно христианами, или христианами до христианства. Это мнение тесно связано с гуманистическим либерализмом Цвингли и его любовью к древним классикам. Он восхищался мудростью и добродетелью греков и римлян и ожидал встретить на небесах не только ветхозаветных святых, от Адама до Иоанна Крестителя, но и таких людей, как Сократ, Платон, Пиндар, Аристид, Нума Помпилий, Катон, Сципион, Сенека, и даже мифических героев, таких как Геракл и Тесей. Все

¹⁵⁶ Цвингли описывает первородный грех на латыни как *defectus naturalis* и *conditio misera*, а на немецком — как *Brest* или *Gebrechen*, т. е. «болезнь». Он сравнивает первородный грех с несчастьем человека, родившегося рабом. Более подробно он объясняет свои взгляды в трактате *De peccato originali ad Urbanum Rhegium*, 1526 (*Opera*, III. 627-645), и в вероисповедании, написанном для Карла V.

¹⁵⁷ §27; том VII, §111, а также *Creeds of Christendom*, I. 372-377.

добрые и святые люди, все верные души, от начала и до конца существования мира, узрят Бога в Его славе, говорит он¹⁵⁸.

Цвингли объяснял спасение исключительно высшей благодатью Бога, Который может спасти кого, где и как пожелает и Который не ограничен видимыми средствами. Но Цвингли не собирался учить спасению без Христа и Его искупления, как часто ошибочно понимают его теорию. «Христос, — говорит он (в третьем из своих тезисов), — это единственная мудрость, праведность, искупление и удовлетворение за грехи всего мира. Следовательно, когда мы говорим о другом основании для спасения или удовлетворения, мы отрицаем Христа». Он не говорит (и не знает), где, когда и как Христос открывается некрещеным субъектам Его спасительной благодати. Это скрыто от глаз смертных, однако у нас нет права ограничивать безграничную мудрость и любовь Бога.

Римская католическая церковь учит необходимости крещения для спасения и отправляет всех язычников в ад, а всех некрещеных детей — в *limbus infantum* (пограничную область ада, одинаково удаленную от адских мук и небесного блаженства). Лютеранские богословы, которые исповедуют те же взгляды о крещении, должны, из требований последовательности, считать некрещеных лишеными блаженства или предоставлять их безусловной милости Бога. Цвингли и Кальвин считали спасение зависящим от вечного избрания, которое может быть неограниченно распространено за пределы видимой церкви и таинств. Шотландское пресвитерианское вероисповедание осуждает «ужасную догму» папства об осуждении некрещеных младенцев. Вестминстерское вероисповедание учит, что «избранные дети, умирающие в младенчестве», а также и все «другие избранные, которые не могут быть внешне призваны служением слова, спасаются Христом через Духа, Который действует, когда, где и как пожелает»¹⁵⁹.

Старая протестантская эсхатология неполноценна. Она отвергает папскую догму о чистилище, но ничего не предлагает взамен. Она путает гадес с адом (в авторизованных переводах Библии¹⁶⁰) и стирает разграничение между промежуточным состоянием до воскресения и окончательным состоянием после него. Католическое чистилище дает облегчение в том, что касается судьбы несовершенных христиан, но не дает никакой надежды огромному количеству некрещеных детей и взрослых, которые никогда при жизни не слышали о Христе. Цвингли осмелился предложить решение загадочной проблемы, которое более милосердно, более полно надежды и более соответствует беспристрастной справедливости и безграничной милости Бога.

¹⁵⁸ Он часто высказывался на эту тему в своих посланиях, комментариях, трактатах о провидении и, в более конфиденциальном тоне, в конце своего разъяснения христианской веры, адресованного королю Франции. См. отрывки в Schaff, *Creeds of Christendom*, I, 382, и A. Baur, *l. c.*, II, 772. См. также Zeller, *l. c.*, p. 163; Alex. Schweizer, *Die Prot. Centraldogmen*, I, 94 sqq., и *Reform. Glaubenslehre*, II, 10 sq.; Dorner, *Gesch. der protest. Theol.*, p. 284 (он с присущей ему искренностью оправдывает Цвингли, опровергая неверные толкования).

¹⁵⁹ Глава X. 3. Однако самим фактом упоминания об «избранных» детях в строго кальвинистской системе предполагается существование и «осужденных» детей, которые обречены на погибель. Эта негативная сторона избрания позже была опущена. См. на эту тему Schaff, *Creeds of Christendom*, I, 378-384, и его же *Creed Revision in the Presbyterian Churches*, New York, 1890, p. 17 sqq.

¹⁶⁰ Эта серьезная ошибка была исправлена в Пересмотренном английском переводе 1881 г. Это анахронизм, когда ученый XIX века отрицает разницу между гадесом, или шеолом (т.е. миром духов, или царством мертвых) и геенной (т.е. адом, или местом, куда в конце концов попадают обреченные на погибель).

Его милосердная надежда на спасение детей, умирающих во младенчестве, а также надежда на спасение неопределенного количества язычников представляют собой обновленный и расширенный вариант взгляда древних греческих отцов церкви (Иустина Мученика, Климента Александрийского, Оригена, Григория Нисского). Этот взгляд был принят баптистами, арминианами, квакерами и методистами, а сейчас его придерживается большинство протестантских богословов всех деноминаций.

ГЛАВА IV

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕФОРМАЦИИ В ШВЕЙЦАРИИ

§30. Швейцарский рейхстаг и Баденская встреча. 1526

THOMAS MURNER: *Die Disputacion vor den XII Orten einer löblichen Eidgenossenschaft... zu Baden gehalten*. Luzern, 1527. Это официальный католический доклад, который соответствует четырем другим протоколам, сохранившимся в Цюрихе (Müller-Hottinger, VII. 84.). Мурнер опубликовал также латинскую редакцию, *Causa Helvetica orthodoxae fidei*, etc. Lucernae, 1528. Bullinger, I. 331 sqq. Произведения Цвингли, связанные с диспутом в Бадене, в его *Opera*, vol. II. B. 396-522.

HOTTINGER: *Geschichte der Eidgenossen während der Zeit der Kirchentrennung*, pp. 77-96. MÖRIKOFER: *Zw.*, II. 34-43. MERLE: *Reform.*, bk. XI, ch. 13. HERZOG: *Oekolampad*, vol. II, ch. 1. HAGENBACH: *Oekolampad*, pp. 90-98. A. BAUR: *Zw.'s Theol.*, I. 501-518.

ШВЕЙЦАРСКИЙ рейхстаг занял такую же позицию против Реформации Цвингли, как рейхстаг Германской империи против лютеранского движения. Оба рейхстага были представлены только одной палатой, то есть наследной знатью и аристократией. Представителей народа не было. Большинство голосовавших были консерваторами и выступали за старую веру, тогда как большинство народа в целом и наиболее процветающие кантоны, а также вольные имперские города были на стороне реформ и в конечном итоге победили.

Проблема Реформации неоднократно представлялась на швейцарском рейхстаге, и там звучало немало либеральных голосов за упразднение определенных вопиющих злоупотреблений, но большинство кантонов, особенно древние лесные кантоны вокруг Люцернского озера, сопротивлялись любым новшествам. Берну хотелось сохранить свое политическое превосходство, и он колебался. Цвингли нажил много врагов, поскольку выступал против военной службы швейцарцев за границей и против принятия его соотечественниками иноземных пенсионов. Доктор Фабер, генеральный викарий епархии Констанца, после поездки в Рим открыто выступил против своего бывшего друга и делал все, чтобы объединить интересы аристократии с интересами иерархии. «Теперь, — сказал он, — нападают на священников, а следующей на очереди окажется знать»¹⁶¹.

Наконец рейхстаг решил уладить спор, устроив публичный диспут. Доктор Экк, который известен нам по диспуту в Лейпциге как человек ученый, способный, тщеславный и самонадеянный¹⁶², предложил рейхстагу свои услуги в лстыном письме от 13 августа 1524 г. Тогда он только что вернулся из третьей поездки в Рим и был уверен, что сумеет сокрушить протестантскую ересь в Швейцарии с той же легкостью, что и в Германии. Он с презрением отзывался о Цвингли как о челове-

¹⁶¹ *Jetztst geht's über die Geistlichen, dann kommt es an die Junker.*

¹⁶² См. т. VII. §37.

ке, который «наверняка передоил больше коров, чем прочитал книг». Примерно в то же время под руководством Баварии и Австрии на соборе в Регенсбурге (июнь 1524 г.) начала формироваться католическая контрреформация.

Диспут открылся в католическом городе Бадене, в Ааргау, 21 мая 1526 г., и продолжался восемнадцать дней, до 8 июня. Кантоны и четыре епископа послали своих депутатов. Присутствовало также много иностранных богословов. Протестантов была горстка. Их презрительно клеймили как «нищий и несчастный сброд». Цвингли, который предвидел политические цели и результаты диспута, остался дома, по просьбе совета Цюриха, утверждавшего, что его жизни угрожает опасность. Но он оказывал влияние на заседания, каждый день отправляя в Баден письма с тайными посланниками. Нельзя усомниться в его смелости, которую он не раз проявлял перед лицом великой опасности — например, когда отправился в Марбург через вражескую территорию и на поле битвы в Кашпеле. Однако некоторые из его друзей были весьма разочарованы его отсутствием. Он смог бы противостоять Экку в споре и превосходил его в знании Библии. На диспут был приглашен Эразм, но он вежливо отказался под предлогом болезни.

Организация диспута и местные симпатии были в пользу папской партии. Каждое утро в пять часов проводилась месса и произносилась проповедь. Помпезность обряда отразилась в торжественных шествиях. Председательствовавшие и главные секретари были католиками. Никому, кроме них, не разрешалось вести записи¹⁶³. Спор шел о реальном присутствии Христа, о жертвоприношении мессы, о молитвах к Деве Марии и святым, об образах, о чистилище и о первородном грехе. Доктор Экк был защитником католической веры и вел себя с тем же полемическим умением и в той же высокомерной и надменной манере, что в Лейпциге. Он одевался в шелка и бархат, носил золотое кольцо, цепь и крест, был окружен толпами схоластов и отцов церкви, приводил много цитат и доводов, относился к своим оппонентам с гордым пренебрежением и заставлял их замолчать громовым голосом и ссылками на авторитет Рима. Иногда он произносил клятву: *Potz Marter*. Поэт того времени Николас Мануэль так описал его поведение:

*Экк топает ногами и хлопает руками,
Бушует, клянется и насмехается.
Он восклицает: «Я делаю то, что велит папа,
И учу тому, что он утверждает»¹⁶⁴.*

Эколампадий из Базеля и Галлер из Берна, оба простые и скромные, но талантливые ученые и искренние люди, отстаивали мнение реформаторов. Эколампадий заявил с самого начала, что не признаёт другого закона, кроме Слова Божьего. Он не хуже Экка знал труды отцов церкви и умел приводить здравые доводы. Его друзья говорили: «Эколампадий уступал не в силе доводов, а в умении кричать»¹⁶⁵. Даже один из католиков заметил: «Жаль, что этот бледный человек не на нашей стороне!» Его хозяйка сделала вывод, что он должен быть очень благочестивым еретиком, потому что постоянно видела его занятым изы-

¹⁶³ Однако два юных сторонника Реформации выпустили отчет по памяти.

¹⁶⁴ В *Eck's und Faber's Badenfahrt*:

*Eck zappelt mit Füßen und Händen,
Fing an zu schelten und schänden.
Er sprach: Ich blib by dem Verstand,
Den Papst, Cardinal, und Bischof hand.*

¹⁶⁵ *Nicht überdisputirt, aber überschrien ist er.*

сканиями и молитвой. Экк же ходил на роскошные обеды и пил дорогие вина, так что даже возникла поговорка: «Экк в Бадене принимает ванны, но только винные»¹⁶⁶.

Папская партия хвалилась полной победой. Все новшества были запрещены, Цвингли был отлучен от церкви, Базель призвали лишить Эколампадия пасторской должности. Фабер, не удовлетворившийся сожжением еретических книг, хотел также сжечь протестантские переводы Библии. Томас Мурнер, францисканский монах и поэт-сатирик, который присутствовал в Бадене, называл Цвингли и его сторонников тиранами, лжецами, прелюбодеями, грабителями церкви, пригодными только для виселицы! Раньше (1519) он критиковал пороки священников и монахов, но яростно набросился на саксонского реформатора и заслужил прозвище «бича Лютера» (*Lutheromastix*). Потом он стал читать лекции во францисканском монастыре в Люцерне, и ему поручили издать акты баденского диспута¹⁶⁷.

Результатом баденского диспута стала временная победа Рима, но в конечном итоге, как и лейпцигский диспут 1519 г., он оказался на руку Реформации. Сторонники беспристрастного суда пришли к выводу, что протестантов заставили замолчать криками, интригами и деспотическими мерами, а не опровергли с помощью здравых и веских доводов из Писания. После временной реакции несколько кантонов, которые прежде колебались между старой и новой верой, стали поддерживать реформы.

§31. Реформация в Берне

I. Акты диспута в Берне были опубликованы в 1528 г. в Цюрихе и Страсбурге, потом еще раз в Берне. Они включены, вместе с двумя проповедями Цвингли, в ZWINGLI, *Werke*, II. A. 63-229. VALERIUS ANSHELM: *Berner Chronik*, новое издание — Stierlin and Wyss, Bern, 1884, '86, 2 vols. STÜRLER: *Urkunden der Bernischen Kirchenreform*. Bern, 1862. STRICKLER: *Aktensammlung*, etc. Zurich, 1878 (I. 1).

II. KUHN: *Die Reformatoren Berns*. Bern, 1828. SAM. FISCHER: *Geschichte der Disputation zu Bern*. Zürich, 1828. MELCH. KIRCHHOFFER: *Berthold Haller oder die Reformation zu Bern*. Zürich, 1828. C. PESTALOZZI: *B. Haller, nach handschriftl. und gleichzeitigen Quellen*. Elberfeld, 1861. Монографии о Niclaus Manuel: GRÜNEISEN, Stuttgart, 1837, и BÄCHTHOLD, Frauenfeld, 1878. HUNDSEHAGEN: *Die Conflicte des Zwinglianismus, Lutherthums und Calvinismus in der Bernischen Landeskirche von 1532-58*. Bern, 1842. F. TRECHSEL: статьи *Berner Disputation* и *Berner Synodus*, также Haller, в Herzog², II. 313-324, и V. 556-561. *Berner Beiträge*, etc.,

¹⁶⁶ В другой остроумной поэме, цитируемой Буллингером (I. 357 sq.), два участника спора противопоставлены так:

*Also fing an die Disputaz:
Hans Eck empfieng da manchen Kratz,
Das that ihn übel schmerzen,
Denn alles, was er fürherbracht,
That ihm Hans Husschyn [Oekolampadius] kürzen.*

*Herr Doctor Husschyn hochgelehrt
Hat sich gen Ecken tapfer gwehrt,
Oft gnommen Schwert und Stangen.
Eck floh dann zu dem röm'schen Stuhl
Und auch all sin Anhangen.*

¹⁶⁷ Он издал также, в 1527 г., альманах с сатирическими карикатурами на еретиков, где Цвингли представлен как висящий на виселице и прозван *Kirchendieb*, *Feigenfresser*, *Geiger des heil. Evangeliums und Lautenschläger des Alten und Neuen Testaments* и т. д. Kessler, *Sabbata*, Schaffhausen, 1865, Hagenbach, p. 372.

1884, цит. на стр. 15. См. также список литературы Ниппольда в его приложении к HAGENBACH, *Reform. Gesch.*, p. 695 sq.

- III. KARL LUDWIG VON HALLER (выдающийся житель Берна, обращенный в католичество и изгнанный из протестантского совета Берна, 1820; ум. в 1854): *Geschichte der kirchlichen Revolution oder protestantischen Reform des Kantons Bern und umliegender Gegenden*. Luzern, 1836 (346 стр.). Перевод на французский, *Histoire de la revolution religieuse dans la Swiss occidentale*. Paris, 1839. Это реакционное повествование, основанное на протестантских источниках и представляющее швейцарскую Реформацию как мать революции 1789 г. На французский перевод этой книги ссылается архиепископ Спалдинг из Балтимора (об оригинале он не упоминает) и признается, что «обязан ему большим количеством фактов» в своей главе о швейцарской Реформации, которую он называет удавшейся посредством одних только «интриг, софистики, гонений и открытого насилия!» *Hist. of the Prot. Ref. in Germany and Switzerland*, I. 181, 186 (8th ed., Baltimore, 1875).

Берн, самый крупный, самый консервативный и самый аристократический из швейцарских кантонов, в котором находилась политическая столица конфедерации, первым последовал за Цюрихом, после немалых колебаний. Это событие имело решающее значение.

Реформацию в городе и кантоне подготовили три служителя: Себастьян Мейер, Бертольд Галлер и Франциск Кольб, а также выдающийся мирянин Николас Мануэль, все — друзья Цвингли. Мейер, францисканский монах, объяснял в монастыре послания Павла, а с кафедры — апостольский символ веры. Галлер, родом из Вюртемберга, друг и соученик Меланхтона, назидательный проповедник и осторожный реформатор, тяготевший к умеренности и мягкости, поселился в Берне в качестве учителя в 1518 г., был избран главным пастором собора в 1521 г. и трудился там преданно до самой смерти (1536). Ему часто угрожала опасность, и он хотел уйти на покой, но Цвингли призывал его оставаться на этом ответственном посту. У него не было блестящих талантов или великой учености, но он доказал полезность своим кротким благочестием и преданностью обязанностям. Мануэль, поэт, художник, воин и государственный деятель, помог делу Реформации своими сатирическими драмами, которые разыгрывались на улицах, своим обличением Экка и Фабера после баденского диспута и своим влиянием на городской совет (ум. в 1530). Услуги, оказанные им Цвингли, похожи на те, что Гуттен оказал Лютеру. Большой совет двухсот защищал служителей, проповедовавших истинное Евангелие.

Крестьянская война в Германии и крайности радикалов в Швейцарии вызвали временную реакцию в пользу католичества. Правительство запретило религиозные споры, отправило в изгнание Мейера и приказало Галлеру, по возвращении с баденского диспута, вновь начать совершение римской мессы, но он отказался и заявил, что скорее отречется от своего поста, потому что предпочитает Слово Божье хлебу насущному. Выборы 1527 г. обернулись в пользу сторонников реформ. Римские традиции были снова отменены, и на 6 января 1528 г. был назначен диспут в Берне.

Диспут в Берне продолжался девятнадцать дней (с 6 по 26 января). Он являлся протестантским ответом на диспут в Бадене по части состава, организации и результата. Для Берна он имел то же значение, что диспуты 1528 г. для Цюриха. Приглашали всех, но католические кантоны и четыре епископа отказались приехать, так как считали решение баденского диспута окончательным. Делегатов прислал только епископ Лозанны. Реформатская партия была представлена делегатами из Цюриха, Базеля и Санкт-Галлена, а также из нескольких городов Южной Германии. Цюрих послал около ста служителей и мирян, с сильной охраной. Главными выступающими со стороны Реформации были Цвингли, Галлер, Кольб, Эколампадий, Капитон и Буцер из Страсбурга. С католической сто-

роны — Граб, Гутер, Трегер, Кристен и Бургауэр. Председательствовал Иоахим фон Ватт из Санкт-Галлена. Во время диспута Блаурер из Констанца, Цвингли, Буцер, Эколампаций, Мегандер и другие читали проповеди для народа.

Реформаторы одержали легкую и полную победу и добились отмены решений, принятых в Бадене. Десять тезисов или выводов, составленных Галлером и одобренных Цвингли, были полностью обсуждены и приняты как нечто вроде вероисповедания реформатской церкви Берна. Они гласят:

1. Святая христианская церковь, единственный Глава которой — Христос, рождена от Слова Божьего, пребывает в нем и не слушает чужого голоса.

2. Церковь Христа не принимает законов и заповедей вне Слова Божьего. Следовательно, человеческое предание имеет над нами власть лишь в той мере, в которой оно основано на Слове Божьем.

3. Христос — единственная мудрость, праведность, искупление и выкуп за грехи всего мира. Следовательно, если мы исповедуем другое основание спасения и удовлетворения, мы отвергаем Христа.

4. Сущностное и телесное присутствие тела и крови Христа не могут быть доказаны на основании Священного Писания.

5. Месса в том виде, как ее ныне принято проводить, когда Христа предлагают в жертву Богу Отцу за грехи живых и мертвых, противоречит Писанию, является хулой на святейшую Жертву, страдания, смерть Христа и, из-за этих злоупотреблений, скверной перед Богом.

6. Христос один умер за нас, так что мы должны поклоняться Ему как единственному Посреднику и Ходатаю перед Богом Отцом за всех верующих. Следовательно, предлагать других посредников и молиться им идет против Слова Божьего.

7. В Писании ничего не сказано о чистилище после этой жизни. А потому все мессы и другие службы за покойных¹⁶⁸ бесполезны.

8. Поклонение образам противоречит Писанию. Поэтому образы следует убрать оттуда, куда они помещены как объекты поклонения.

9. Брак не запрещен в Писании никому, блуд же и нецеломудрие запретны для всех.

10. Следовательно, согласно Писанию, тот, кто блудит открыто, должен быть отлучен, и нечистое и грешное безбрачие более вредно для клира, чем для любого другого рода людей.

Всё во славу Бога и Его святого Слова.

Цвингли проповедовал дважды во время этого диспута¹⁶⁹. Он был воодушевлен, находился на пике своей известности и общественной полезности. В первой проповеди он объяснил Апостольский символ веры и произвел на слушателей впечатление несколькими греческими и еврейскими выражениями. Во второй проповеди он призвал бернцев следовать примеру Моисея и героев веры. «Только устояние может сделать победу окончательной. (*Ferendo vincitur fortuna*). Смотрите на этих идолов, побежденных, немых, рассеянных перед вами. Золото, которое вы тратили на них, теперь будет посвящено благу живых образов Бога, живущих в нищете. Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, — сказал он в заключение (Гал. 5:1). — Вы знаете, сколько мы страдали в своей совести, как шли от одного ложного утешения к другому, от одной заповеди к другой, но они лишь обременяли нашу совесть и не давали нам покоя. Но теперь мы нашли свободу и мир в знании об Иисусе Христе и вере в Него. Этой свободы ничто нас не лишит. Но чтобы ее держаться, нужна великая сила. Вы знаете, как наши предки, благодаря Богу, сражались за нашу телесную свободу, ничуть не сомне-

¹⁶⁸ *All todtendienst, als vigil, seelmess, seelgrät, sibend, dryssgest, jarzyt, kerzen, und derglychen.*

¹⁶⁹ Проповеди приводятся в *Werke*, II. В. 203-229.

ваясь, что Бог, Который просветил и привлек нас, в должное время привлечет и наших дорогих ближних и собратьев-конфедератов, чтобы мы жили вместе в истинной дружбе. Пусть же Бог, Который сотворил и искупил всех нас, дарует это и нам, и им. Аминь».

Реформаторским эдиктом совета от 7 февраля 1528 г. были узаконены десять тезисов, отменена юрисдикция епископов, произведены обязательные изменения в поклонении и дисциплине в соответствии с более полным светом от Слова Божьего. Начиная с 13 февраля в приходы города и кантона рассылались посланники для индивидуального наставления, и подавляющее большинство народа приняло реформы, за исключением горцев, где этот процесс шел более медленно.

После трагедии в Капелле Реформация консолидировалась на так называемом «Бернском синоде», который собрался 9 — 14 января 1532 г. Туда были приглашены все служители кантона (всего двести двадцать). Капитон, реформатор из Страсбурга, произвел сильное впечатление своими речами. Синод принял книгу церковной политики и дисциплины. Большой совет подтвердил ее и постановил, чтобы синоды собирались ежегодно. Гундесгаген заявляет, что эта конституция — «подлинный шедевр даже для нашего времени», а Трешсель описывает ее как проникнутую апостольским помазанием, теплом, простотой и практической мудростью¹⁷⁰.

С того времени Базель оставался верен реформатской церкви. В 1828 г. кантон по решению правительства отмечал триста лет Реформации.

§32. Реформация в Базеле. Эколампадий

- I. Источники в основном хранятся в *Bibliotheca Antistitii* и в библиотеке Базельского университета, а также в городской библиотеке Цюриха; послания Эколампадия к Цвингли, в *Bibliander, Epistola Joh. Oecolampadii et Huldr. Zwinglii* (Basel, 1536, fol.); в *Zwingli, Opera*, vols. VII-VIII; и в *Herminjard, Correspondance des Réformateurs*, passim. Несколько писем ЭРАЗМА, и его *Consilium Senatui Basiliensi in negotio Lutherano anno 1525 exhibitum. Antiquitates Gernlerianae*, тт. I — II. Важный сборник писем и документов, подготовленный под руководством антиста ЛУКАСА ГЕРНЛЕРА из Базеля (1625 — 1675), который участвовал в составлении Гельветической формулы согласия. *Athenae Rauricae sive Catalogus Professorum Academics Basiliensis*, Herzog, Basel, 1778. *Basler Chroniken*, опубликованные Историческим обществом Базеля, с комментариями В. Вишера (сына), Leipz. 1872.
- II. ПЕТ. ОХНС: *Geschichte der Stadt und Landschaft Basel*. Berlin and Leipzig, 1786 — 1822. 8 vols. Реформация рассматривается в тт. V-VI, но без симпатии. ЯК. БУРСКНАРТ: *Kurze Geschichte der Reformation in Basel*. Basel, 1819. R. R. HAGENBACH: *Kirchliche Denkwürdigkeiten zur Geschichte Basels seit der Reformation*. Basel, 1827 (стр. 268). Первая часть также выходила под заглавием: *Kritische Geschichte und Schicksale der ersten Basler Confession*. Его же: *Die Theologische Schule Basels und ihrer Lehrer von Stiftung der Hochschule 1460 bis zu De Wette's Tod 1849* (стр. 75). ЖАРКЕ (католик): *Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformation Schaffhausen* (Hurter), 1846 (стр. 576). ФРИД. ФИШЕР: *Der Bildersturm in der Schweiz und in Basel insbesondere*. В «*Basler Jahrbuch*», 1850. W. VISCNER: *Actenstücke zur Geschichte der Reformation in Basel*. В «*Basler Beiträge zur vaterländischen Geschichte*», 1854. Его же: *Geschichte der Universität Basel von der Gründung 1460 bis zur Reformation 1529*. Basel, 1860. BOOS: *Geschichte der Stadt Basel*. Basel, 1877 sqq. Первый том освещает период до 1501 г., второй том еще не вышел.
- III. Биографии. S. HESS: *Lebensgeschichte Joh. Oecolampads*. Zürich, 1798 (в основном по цюрихским источникам, есть в коллекции Зимлера). J. J. HERZOG (редактор известной «*Encyclopaedia*», ум. в 1882): *Das Leben Joh. Oecolampads und die Reformation der Kirche zu*

¹⁷⁰ Конституция была издана в Базеле в том же году и неоднократно переиздавалась. Трешсель приводит ее краткое содержание в Herzog², II. 320 sqq.

Basel. Basel, 1843. 2 vols. См. его статью в HERZOG², vol. X. 708-724. K. R. HAGENBACH: *Johann Oekolampad und Oswald Myconius, die Reformatoren Basels. Leben und ausgewählte Schriften*. Elberfeld, 1859. Его *Reformatiionsgesch.*, 5th ed., Nippold, Leipzig, 1887, p. 386 sqq. О связи Эколампадия со спором о евхаристии и о его участии в марбургском споре см. SCHAFF, т. VII, §106-108.

Примеру Берна последовал Базель — богатейший и самый образованный город Швейцарии, епископский приход с середины VIII века, место, где проходил реформаторский собор 1430 — 1448 г., где с 1460 г. был университет, где сформировался центр швейцарской книготорговли. Город занимал благоприятное для торговли расположение на берегах Рейна и на границе с Германией и Францией. Почву для Реформации подготовили такие ученые, как Виттенбах и Эразм, а также проповедники-евангелисты, такие как Капитон и Гедион. Если бы Эразм столь же ревностно относился к религии, как к литературе, он возглавил бы этот процесс, но он все больше и больше удалялся от Реформации, хотя и продолжал жить в Базеле до 1529 г. и вернулся туда умирать (1536)¹⁷¹.

В основном здесь потрудились Эколампадий (1482 — 1531). Он — второй по рангу и важности среди реформаторов немецкой Швейцарии. Его отношения с Цвингли похожи на те, что были между Меланхтоном и Лютером или между Безой и Кальвином, — отчасти он был подчинен Цвингли, а отчасти дополнял его. Он уступал Цвингли в плане оригинальности, силы и талантов, но превосходил в схоластической эрудиции и был более кроткого нрава. Как и Меланхтон, он был скорее мыслитель, чем человек действия, но обстоятельства вынудили его оставить тихий кабинет и выйти на общественную сцену.

Иоганн Эколампадий¹⁷² родился в Вейнсберге, на территории нынешнего Вюртембергского княжества, в 1482 г. Изучал право в Болонье, филологию, схоластическую философию и богословие в Гейдельберге и Тюбингене, с небывалым успехом. Он был гениальным ребенком, как и Меланхтон. На двенадцатом году жизни он уже сочинял (по словам Капитона) поэмы на латыни. В 1501 г. он стал бакалавром, а вскоре после этого магистром искусств. В основном он посвятил себя изучению греческого и еврейского Писания. Эразм говорил, что Эколампадий — лучший знаток еврейского языка (после Рейхлина). В Тюбингене подружился с Меланхтоном, который был младше его на пятнадцать лет, и продолжал оставаться в хороших отношениях с ним, несмотря на разницу мнений о евхаристии. Произнес в Вейнсберге ряд проповедей о семи словах Христа на кресте (опубликованы Цазием в 1512 г. и помогли ему приобрести репутацию выдающегося проповедника Евангелия).

В 1515 г., по предложению Капитона, Кристоф фон Утенгейм, епископ Базеля (с 1502 г.), пригласил Эколампадия на кафедру собора этого города. На следующий год Эколампадий получил степень лиценциата, а позже — доктора богословия. Кристоф фон Утенгейм принадлежал к лучшему типу прелатов. Он желал провести реформы внутри церкви, но после Вормского рейхстага отступил и умер в Дельсберге в 1522 г. Его девиз был: «Крест Христов — моя надежда; ищу милости, а не дел»¹⁷³.

¹⁷¹ Об Эразме и его отношениях с Реформацией см. выше, §7, а особенно т. VII, §72.

¹⁷² Таков перевод немецкого *Hausschein* или *Husschyn*, «домашний светильник», на греческий язык, но в университетском регистре в Гейдельберге он зафиксирован под исходной фамилией *Hussgen* или *Heussgen*, то есть «маленький дом». Его мать была родом из древнего базельского семейства Пфистеров, поэтому в предисловии к своему Комментарию на Исаию он говорит: *Basilea mihi ab avo patria*. См. Hagenbach, *Oekol.*, p. 3 sq.

Эколампадий облизился с Эразмом, жившим в то время в Базеле, и оказал ему важные услуги при написании его комментариев к Новому Завету, а также по подготовке второго издания Нового Завета на греческом языке (по части цитат из Септуагинты и еврейского текста). Позже их дружба стала менее близкой из-за разного отношения к вопросу реформ.

В 1518 г. Эколампадий проявил моральную строгость и желание реформ на кафедре, критикуя распространенный обычай развлекать народ в пасхальный период разного рода шутками. «Что делать проповеднику покаяния, — спрашивал он, — с этими забавами и смехом? Обязательно ли мы должны поддаваться побуждению природы? Если бы мы могли бороться со своими грехами с помощью смеха, то какой смысл был бы каяться в рубище и посыпать голову пеплом? Какой смысл был бы в слезах и возгласах скорби?.. Никто не знает, смеялся ли Иисус, но все знают, что Он плакал. Апостолы сеяли семя с плачем. Хотя пророки совершали много символических действий, никому из них не нравилось быть актером. Смех и пение были для них отвратительны. Они жили праведно перед Господом, радуясь, но и трепеща, и видели так же ясно, как солнце в полдень, что всё суета под солнцем. Они видели, что повсюду расставлены сети и что близок приход судьи мира сего»¹⁷⁴.

После краткого пребывания в Вейнсберге и Аугсбурге Эколампадий удивил своих друзей тем, что вступил в монастырь в 1520 г., но покинул его в 1522 г. и краткое время был капелланом Франца фон Зикингена в Эбернбурге, близ Кройцнаха, где начал использовать немецкий язык во время мессы.

Читая произведения Лютера, он все больше и больше проникался евангельскими убеждениями, осторожно критиковал пресуществление, культ Марии и злоупотребления исповедью и тем самым привлек благосклонное внимание Лютера, который писал к Шпалатину (10 июня 1521 г.): «Я удивлен его духом, и не потому, что он затрагивает те же темы, что и я, а потому, что он проявил себя как такой либеральный и осторожный христианин. Да поможет ему Бог расти». В июне 1523 г. Лютер выразил большое удовлетворение лекциями Эколампадия об Исаии, несмотря на неудовольствие Эразма, которому, вероятно, как и Моисею, суждено было умереть в земле Моав. «Эразм сделал свое дело, — говорит Лютер, — разоблачая дурное; а показать хорошее и ввести в землю обетованную ему не по силам». Лютер и Эколампадий встретились лично в Марбурге в 1529 г., но как противники во взглядах на учение о вечере Господней, поскольку Эколампадий был на стороне Цвингли.

17 ноября 1522 г. Эколампадий постоянно обосновался в Базеле и служил там проповедником в церкви Св. Мартина, а также профессором богословия в университете до самой смерти. Теперь он начал проповедовать в церкви Базеля реформы по образцу Цюриха. Он искал дружбы с Цвингли, послав ему письмо, полное восхищенных выражений, 10 декабря 1522 г.¹⁷⁵ Они продолжали сотрудничать в братском согласии до конца своей жизни.

Эколампадий проповедовал по воскресеньям и в будни, объяснял книги Библии целиком, по примеру Цвингли, и привлекал толпы народа. С согласия совета он постепенно уничтожил вопиющие злоупотребления, позволял мирянам причащаться чашей, а в 1526 г. опубликовал литургию на немецком, которая в пер-

¹⁷³ *Spes mea crux Christi; gratiam, non opera quaero*. Это девиз Жерсона и многих мистиков.

¹⁷⁴ *De Risu Paschali* напечатано Фробением в Базеле, 1518.

¹⁷⁵ *Opera Zwinglii*, VII. 251, и ответ Цвингли — р. 261. Гагенбах приводит перевод этих писем на немецкий, р. 26 sq., 38.

вых изданиях сохранила несколько отчетливо католических особенностей, таких как отпущение грехов священником и использование свечей на алтаре.

В 1525 г. он начал принимать активное участие в злосчастном споре о евхаристии, отстаивая образное толкование слов учреждения: «Сие есть Тело Мое» — в том смысле, что это «образ Тела Моего». В основном он опирался на произведения отцов церкви, с которыми он был очень хорошо знаком¹⁷⁶. По сути он соглашался с Цвингли, но отличался от него в том, что считал метафорой именную часть сказуемого {«Тело»}, а не глагол, который просто указывал на связь подлежащего со сказуемым, реальным или образным, и который Господь, говоривший на арамейском языке, вообще не использовал. Он нашел ключ к толкованию Иоанна 6:63 и был убежден в том, что Христос был и остается тем самым истинным хлебом для *души*, который мы должны принимать *в вере*. На встрече в Марбурге (1529) он был, после Цвингли, главным участником со стороны реформатской церкви. Этим он оттолкнул от себя своих старых друзей — Бренция, Пиркгеймера, Билликана и Лютера. Даже Меланхтон в письме к нему (1529) жаловался на то, что *horribilis dissensio de Coena Domini* помешала им наслаждаться дружбой, хотя и не повредила его доброму отношению (*benevolentiam erga te neam*). После чего он решил «быть зрителем, а не участником трагедии».

Эколампадий также имел много неприятностей с анабаптистами и занял по отношению к ним ту же консервативную и неприступную позицию, что Лютер в Виттенберге и Цвингли в Цюрихе. Он сделал несколько бесплодных попыток переубедить их в их заблуждениях посредством публичных диспутов¹⁷⁷.

Гражданские власти Базеля в течение какого-то времени занимали промежуточную позицию, но диспут в Бадене, на котором Эколампадий был защитником реформатского учения¹⁷⁸, вызвал кризис. Теперь Эколампадий был более решительно настроен против Рима и критиковал то, что он воспринимал как идолопоклонство мессы. Победа Реформации в Берне в 1528 г. была последним толчком.

9 февраля 1529 г. произошла бескровная революция. Возмущенные интригами проримской партии, горожане-протестанты количеством две тысячи человек собрались, разбили оставшиеся образы и вынудил реакционный совет везде ввести такие богослужения, какие практиковались в Цюрихе.

Эразм, который был сторонником умеренности и спокойного ожидания вселенского собора, не был доволен насильственными мерами, которые описывал в письме к Пиркгеймеру в Нюрнберг 9 мая 1529 г. «Кузнецы и рабочие, — говорит он, — убрали изображения из церквей, и при этом так оскорбляли образы святых и само распятие, что просто удивительно, как не случилось чуда, ведь многие из них ранее возмущались, когда этих святых хотя бы слегка оскорбляли. В церквях, при входе в них, в притворах и в монастырях не осталось ни одной статуи. Фрески были замазаны побелкой. Всё, что может гореть, было брошено в огонь, остальное разбито на куски. Ничего не пощадили ни из любви, ни ради денег. Вскоре месса была полностью упразднена, так что было запрещено даже проводить ее в собственном доме или посещать в соседних селениях»¹⁷⁹.

¹⁷⁶ *De genuina verborum Domini, «hoc est corpus meum» juxta vetustissimos auctores expositione* (Strassburg), сентябрь 1525. См. также т. VII, §111.

¹⁷⁷ См. выше, §24, а также выдержки из его споров с анабаптистами в Hagenbach, p. 108 sqq.; Herzog, I. 299 sqq., II. 75 sqq.

¹⁷⁸ См. выше.

¹⁷⁹ Современное пробуждение археологического и художественного вкуса в Швейцарии привело

Великий ученый, который многое сделал для подготовки Реформации, оставился на полпути и не хотел примыкать ни к одной партии. Он неохотно покинул Базель (13 апреля 1529 г.), пожелав городу процветания, и шесть лет жил во Фрейбурге, в Бадене, как больной, впечатлительный и недовольный старик. Он стал одним из профессоров университета, но лекции не читал. Он вернулся в Базель в августе 1535 г. и умер на семидесятом году жизни, 12 июля 1536 г., без священника и таинства, но зывая к милости Христа, повторяя вновь и вновь: «Господь Иисус, помилуй меня!» Был похоронен в соборе Базеля.

Глареан и Беат Ренан, гуманисты, друзья Цвингли и Эразма, также удалились из Базеля в этот критический момент. Почти все профессора университета эмигрировали. Они боялись, что наука и образование пострадают из-за богословских споров и разрыва с иерархией.

Упразднение мессы и разрушение образов, уничтожение власти папы и монашеских институтов стало бы великим бедствием, если бы за ним не последовало созидательное служение евангельской веры, которая была движущей силой и которая одна только могла создать новую церковь на руинах старой. Слово Божье проповедовалось по его истокам. Христос и Евангелие заняли место католической церкви и предания. Богослужения на немецком языке, с пением собрания и причастием, заменили латинскую мессу. Богословский факультет был обновлен: туда пришли Симон Гринаус, Себастьян Мюнстер, Освальд Миконий и другие способные и благочестивые ученые.

Эколампадий стал главным проповедником собора и антистом, или суперинтендантом, клира Базеля.

1 апреля 1529 г. советом был опубликован устав литургического богослужения и церковной дисциплины, что дало прочную опору реформатской церкви в городе Базеле и окружающих селениях¹⁸⁰. Этот документ проникнут духом энтузиазма в связи с пробуждением апостольского христианства и нацелен на реформу веры и морали. Он содержит основные статьи, которые позже вошли в Базельское вероисповедание (1534), и требует соответствующей дисциплины. В нем сохранены некоторые католические обычаи, такие как утренняя и вечерняя служба, еженедельное причастие в одной из городских церквей, соблюдение великих праздников, в том числе посвященных Деве Марии, апостолам и святым.

Чтобы подкрепить эти законы, в 1530 г. были учреждены советы из благочестивых, честных и мужественных мирян на каждый из четырех приходов города; двое членов церковного совета должны были избираться городским советом, а один собранием. Эти миряне, при поддержке клира, должны были следить за нравственностью и наказывать преступников, если понадобится, вплоть до отлучения от церкви. Согласно теократической идее отношений между церковью и государством, опасные ереси, отрицавшие любой из двенадцати артикулов Апостольского символа веры, а также хула на Бога и на таинства пресекались гражданскими наказаниями, такими как конфискация имущества, изгнание и даже смерть. Было сказано, что «по мере своей вины будут наказаны телесно, жизнью или имуществом те, кто презирает, хулит и относится с пренебрежением к вечной, чистой, избранной царице благословенной Деве Марии или к другим возлюбленным святым Бога, которые теперь живут со Христом в вечном блаженст-

к восстановлению древних фресок и скульптур прекрасного собора и монастыря в Базеле, а также в комнате, где проводились заседания совета.

¹⁸⁰Ochs, *l. c.*, V. 686 sq.; Bullinger, II. 82 sqq.

ве; — те, кто, например, говорит, что мать Бога — это всего лишь женщина, такая же, как другие, что у нее были другие дети, кроме Христа, Сына Божьего, что она не была девой до или после Его рождения», и т. д. Такие строгие меры давно отменены. Смещение гражданских и церковных наказаний привело к немалым неприятностям. Эколампадий был против власти государства над церковью. Он председательствовал на первых синодах.

После победы Реформации Эколампадий продолжал, до конца своей жизни, неустанно учить, проповедовать и издавать ценные комментарии (в основном на пророков). Он живо интересовался судьбой французских протестантов-беженцев и сблизил вальденсов, которые послали к нему делегацию, с реформатскими церквями¹⁸¹. Он был скромным и смиренным человеком, хрупкого сложения и аскетических привычек, похожим по облику на отцов церкви. Он жил со своей матерью, но после ее смерти, в 1528 г., женился, в возрасте сорока пяти лет, на Виллибранде Розенблатт, вдове Целлария (Келлера), которая потом по очереди выходила еще за двух реформаторов (Капитона и Буцера) и пережила четырех мужей. В связи с этим Эразм назвал ее симпатичной девушкой и фривольно пошутил в письме от 21 марта 1528 г.: «Полагаю, он собирается заняться умерщвлением своей плоти. Некоторые говорят о лютеранстве как о трагедии, но мне оно кажется скорее комедией, потому что у них дело всегда заканчивается свадьбой». Позже он извинился перед Эколампадием и заявил, что не собирался злорадоваться. У Эколампадия было трое детей, которых он назвал Евсевий, Алетея и Ирина (Благость, Истина и Мир), указывая, что таковы столпы богословия и его дома. Его последние дни были омрачены известиями о смерти Цвингли и о заключении мира, неблагоприятного для реформатских церквей. Цюрих звал его занять место Цвингли, но он отказался. Несколько недель спустя, 24 ноября 1531 г., он почил в мире и полноте веры, приняв священное причастие вместе со своей семьей и призвав своих коллег преданно продолжать дело Реформации. Он был похоронен позади собора¹⁸².

Сборника его трудов никогда не издавалось. Они представляют лишь исторический интерес. Это комментарии, проповеди, экзегетические и политические трактаты, переводы из Златоуста, Феодорита и Кирилла Александрийского¹⁸³.

Базель стал одним из оплотов реформатской церкви Швейцарии, наряду с Цюрихом, Женевой и Берном. Церковь прошла через изменения немецкого протестантизма и пробуждение XIX века. Она воспитывает служителей благовестия, вносит щедрый вклад в христианскую благотворительность и распространение Евангелия и (с 1816 г.) является резиденцией крупнейшего протестантского миссионерского института на континенте, куда на ежегодные праздники собираются друзья миссий из Швейцарии, Вюртемберга и Бадена. В соседней Кришоне находится школа для подготовки немецких служителей для эмигрантов в Америке.

¹⁸¹ Herzog, II. 239 sqq.; Hagenbach, 150 sqq.

¹⁸² Враги распространили слух, что он покончил с собой или был унесен дьяволом. См. Hagenbach, p. 181. Похожие слухи распространялись и после смерти Лютера, они возродились в наши дни благодаря Majunke, *Luther's Lebensende*, 4th ed. Mainz, 1890; их опровергают Кольде и Кавергау.

¹⁸³ Гесс (pp. 413-430) приводит хронологический список его трудов, который дополнен Герцогом (II. 255 sqq.). В биографии Гагенбаха (p. 191 sqq.) приводятся отрывки из его проповедей и катехетических произведений.

§33. Реформация в Гларусе. Чуди. Глареан

VALENTIN TSCHUDI: *Chronik der Reformationsjahre 1521 — 1533. Mit Glossar und Commentar von Dr. Joh. Strickler*. Glarus, 1888 (pp. 258). Опубликовано в «Jahrbuch des historischen Vereins des Kantons Glarus», Heft XXIV, также издавалось отдельно. Первое издание *Chronik (Beschryb oder Erzellung, etc.)* выпустил доктор J. J. Blumer, в vol. IX, «Archiv für schweizerische Geschichte», 1853, pp. 332-447, но не в оригинальном написании и без комментариев.

BLUMER and HEER: *Der Kanton Glarus, historisch, geographisch und topographisch beschrieben*. St. Gallen, 1846. J. J. BLUMER: *Die Reformation im Lande Glarus*. В «Jahrbuch des historischen Vereins des Kantons Glarus». Zürich and Glarus, 1873 и 1875 (Heft IX. 9-48; XI. 3-26). H. G. SULZBERGER: *Die Reformation des Kant. Glarus und des St. Gallischen Bezirks Werdenberg*. Heiden, 1875 (pp. 44).

HEINRICH SCHREIBER: *Heinrich Loriti Glareanus, gekrönter Dichter, Philolog und Mathematiker aus dem 16ten Jahrhundert*. Freiburg, 1837.

OTTO FRIDOLIN FRITZSCHE (профессор истории церкви из Цюриха): *Glarean, sein Leben und seine Schriften*. Frauenfeld, 1890 (pp. 136). См. также GEIGER: *Renaissance und Humanismus* (1882), pp. 420-423, где дается положительная оценка Глареану как гуманисту.

Кантон Гларус со столицей с тем же названием находится в узкой долине Линттал, окруженной высокими горами, и граничит с территорией протестантского Цюриха и католического Швица. Он долго колебался между двумя противоборствующими партиями и старался выступать в роли миротворца. Возглавлявший правительство Ганс Аэбли из Гларуса, друг Цвингли и противник военной службы швейцарцев за рубежом, предотвратил кровавое столкновение конфедератов во время первой каппельской войны. Такая позиция характерна для данного кантона.

В Гларусе совершались первые публичные деяния Цвингли, с 1506 по 1516 гг.¹⁸⁴ Там он приобрел большое влияние как знаток классики, популярный проповедник и ревностный патриот, но там он нажил также и врагов среди сторонников службы швейцарцев за границей, отрицательные стороны которой он наблюдал во время итальянских кампаний. Цвингли учредил школы латыни и преподавал мальчикам из лучших семей, в том числе из семейства Чуди, которое прослеживало свою родословную до IX века. Трое из них были связаны с Реформацией: Эгидий, Петер и их кузен Валентин.

Эгидий (Гильг) Чуди, самый известный член семьи, швейцарский Геродот (1505 — 1572), сначала учился вместе с Цвингли, а потом вместе с Глареаном в Базеле и Париже и занимал важные общественные посты, как делегат на рейхстаге в Эйнзидельне (1529), глава Сарганса, глава магистрата Гларуса (1558), делегат Швейцарии на Аугсбургском рейхстаге. Некоторое время он также был офицером во французской армии. Оставался верен старой вере, но благодаря своей умеренности пользовался доверием обеих партий. Он выражает величайшее уважение к Цвингли в письме от февраля 1517 г.¹⁸⁵ Его «Швейцарская хроника» освещает период с 1000 по 1470 гг., и это основной источник знаний о периоде до Реформации. Он ничего не придумывает, но приукрашивает романтическую историю о Телле и Грютли. Современные критики считают это невинным поэтическим вымыслом¹⁸⁶. Чуди написал также беспристрастный рассказ о Каппельской войне 1531 г.¹⁸⁷

¹⁸⁴ См. выше, §7.

¹⁸⁵ В Zwingli, *Opera*, VII. 20 sq. См. выше, §1.

¹⁸⁶ Полный заголовок его истории: AEGIDI TSCHUDI *gewesenen Landammanns zu Glarus Chronicon Helveticum oder gründliche Beschreibung der merkwürdigsten Begegnungen löblicher Eidgenossenschaft*,

Его старший брат, Петер, был верным последователем Цвингли, но умер рано, в Куре, в 1532 г.¹⁸⁸

Валентин Чуди также примкнул к Реформации, но проявил ту же умеренность по отношению к католикам, что и его кузен Эгидий по отношению к протестантам. Он несколько лет учился у Цвингли, а в 1516 г., вместе с двумя кузенами, отправился в классическую школу Глареана в Базель и последовал за Эгидием в Париж. Из этого города 15 ноября 1520 г. он написал Цвингли послание на греческом языке, которое сохранилось и из которого виден его прогресс в учебе¹⁸⁹. По рекомендации Цвингли был избран его преемником на посту пастора Гларуса и был введен им в должность 12 октября 1522 г. Цвингли сказал собранию, что раньше учил многим римским традициям, а теперь просит их держаться только Слова Божьего.

Валентин Чуди избрал средний путь, и в этом нашел поддержку у его диакона, Якоба Геера. Он удовлетворял обе партии, читая рано утром мессу для верующих по старинке, а потом произнося евангельскую проповедь для протестантов. Он — первый пример «латитудинария», или человека с широким взглядом на церковь. В 1530 г. он женился и перестал читать мессу, но продолжал проповедовать для обеих партий и сохранял уважение католиков благодаря своей образованности и склонности к примирению до самой смерти (1555). Он защищает свою умеренность и сдержанность в длинном письме к Цвингли на латыни от 15 марта 1530 г.¹⁹⁰ Он говорит, что разногласия возникли из-за внешних обрядов и не затронули скалу веры, которую исповедуют как католики, так и протестанты, а потому считает своей обязанностью вести свое стадо согласно совету Павла в Римлянам (гл. 14) и проявлять терпимость ко всем, так как они верят в одного Господа. Единство Духа — лучший наставник. Он боялся, что крайние меры принесут больше вреда, чем пользы, и что свобода может превратиться во вседозволенность, в отсутствие веры и в пренебрежение властями. Он просит Цвингли использовать свое влияние, чтобы восстановить порядок и мир, и подписывается: «Навеки твой» (*semper futurus tuus*). Тот же дух умеренности характерен для его

первое издание — Basel, 1734, '36, в двух больших томах. Продолжение, 1470 — 1564 гг., хранится в виде рукописи в библиотеке монастыря в Энгельберге. Его яркое повествование о Телле, воспроизведенное Иоганном фон Мюллером и драматизированное Шиллером, хотя современная критика и не считает его подлинным, будет вечно жить в истории и песне. Мы можем вспомнить строки Шиллера:

*Alles wiederholt sich nur im Leben,
Ewig jung ist nur die Phantasie:
Was sich nie und nirgends hat begeben,
Das allein weraltet nie.*

См. Jakob Vogel: *Egid. Tschudi als Staatsmann und Geschichtschreiber. Mit dessen Bildniss*. Zürich, 1856. Blumer: *Tschudi als Geschichtschreiber*, 1874 («Jahrbuch des Hist. Vereins des Kant. Glarus», pp. 81-100). Georg von Wyss: *Die eigenhändige Handschrift der eidgenöss. Chronik des Aeg. Tschudi in der Stadt-Bibl. in Zürich* («Neujahrblatt» городской библиотеки Цюриха за 1889 г.). Блumer и фон Висс дают наилучшую оценку Чуди. Гете говорит, что история Швейцарии Чуди и история Баварии Авентина вполне достаточны для того, чтобы воспитать полезного общественного деятеля, даже если он не прочтает больше ни одной книги.

¹⁸⁷ Опубликовано по рукописи в «Helvetica», ed. Jos. Ant. Balthasar, vol. II. Aarau and Berne, 1826 (pp. 165 sqq.).

¹⁸⁸ См. его письма к Цвингли от 27 декабря 1529 г. и 15 декабря 1530 г., из Кура, в Zwingli, *Opera*, VIII. 386, 562.

¹⁸⁹ В Zwingli, *Opera*, VII-VIII, есть девять его писем.

¹⁹⁰ В издании его *Chronik* Стриклером, pp. 241-244, и в Zwingli, *Opera*, VIII. 433-436.

«Хроники» периода Реформации, и из этого беспристрастного и неинтересного повествования трудно понять, к какой из партий он принадлежал.

Примечательно, что влияние примера Чуди ощущается в наше время в мирном совместном существовании католиков и протестантов в церкви Гларуса, где священник приносит у алтаря жертву мессы, а реформатский пастор читает с кафедры проповедь в одно и то же утро¹⁹¹.

Еще одна выдающаяся личность из Гларуса и друг Цвингли в начале его служения — Генрих Лорити, или Лорети, известный как Глареан, получивший такое имя по обычаю гуманистов той эпохи¹⁹². Он родился в Моллисе, небольшом селении этого кантона, в 1488 г., учился в Кельне и Базеле, был на стороне Рейхлина в споре с доминиканскими обскурантистами¹⁹³, много путешествовал, был увенчан как придворный поэт-лауреат императором Максимилианом (1512), преподавал и читал лекции в Базеле (1514), Париже (1517), снова в Базеле (1522) и Фрейбурге (после 1529 г.). Приобрел большую известность как филолог, поэт, географ, математик, музыкант и преподаватель. Эразм называл Глареана в письме к Цвингли (1514)¹⁹⁴ князем и защитником швейцарских гуманистов, а в других последних хвалил его как человека чистого и целомудренного в моральном отношении, приятного в общении, подкованного в истории, математике и музыке, чуть меньше в греческом, противника схоластических тонкостей, склонного к изучению Христа по первоисточникам и чрезвычайно трудолюбивого. Глареан был остроумен и обладал чувством юмора, но при этом был тщеславным, уверенным в успехе, раздражительным, подозрительным и саркастичным. Глареан познакомился с Цвингли в 1510 г. и продолжал переписываться с ним до 1523 г.¹⁹⁵ Покупал для него книги в Базеле (например, издания Лактанция и Тертуллиана, выпущенные Альдином) и искал место каноника в Цюрихе. В последнем письме он называет Цвингли «истинно христианским богословом, епископом церкви Цюриха, своим дражайшим другом»¹⁹⁶. Он три раза с энтузиазмом прочел книгу Лютера о «вавилонском плене». Но когда Эразм порвал с Цвингли и Лютером, он тоже отошел от Реформации и даже критиковал Цвингли и Эколампадия.

Он покинул Базель 20 февраля 1529 г. и отправился в католический Фрейбург, а вскоре за ним последовали Эразм и Амербах. Здесь он трудился как уважаемый профессор поэзии и плодовитый автор до своей смерти (1563). Он был окружен швейцарскими и немецкими студентами. Переписывался теперь с Эгидием Чуди столь же конфиденциально, как раньше с Цвингли, и сотрудничал с ним, удерживая некоторых своих соотечественников в католической вере¹⁹⁷. Вы-

¹⁹¹ Старая церковь в Гларусе, в которой проповедовали Цвингли и Чуди, сгорела в 1861 г., но те же самые обычаи сохранились в новой церкви в романском стиле, к удовлетворению обеих партий. Так мне сообщил ее нынешний пастор, доктор Бусс, в 1890 г.

¹⁹² От названия его родного кантона, Гларуса (*Glareana*, также *Glarona* или *Clarona*; а его жители назывались *Glareanus* или *Glaronensis*). Другой вариант этимологии см. в Fritzsche, *l. c.*, p. 8.

¹⁹³ Он упоминается в *Epistolae Virorum Obscurorum* как ужасный еретик.

¹⁹⁴ Zwingli, *Opera*, VII. 10.

¹⁹⁵ До нас дошло двадцать восемь его писем к Цвингли, написанных с 13 июля 1510 г. по 16 февраля 1523 г. (в Zwingli, *Opera*, VII-VIII). Они приводятся по оригиналам из Государственного архива Цюриха. Письма Цвингли к Глареану утрачены; вероятно, они были уничтожены после его разрыва с реформатором.

¹⁹⁶ *Theologo vere Christiano, Ecclesiae Tigurinae episcopo, amico nostro summo*. Zwingli, *Opera*, VII. 274.

¹⁹⁷ Сохранилось тридцать восемь писем Глареана к Чуди, с 1533 по 1561 г. Они хранятся в городской библиотеке Цюриха; копии есть в библиотеке кантона Гларус.

ражал свою неприязнь к протестантизму, однако жаловался на недостатки Римской церкви, на греховность и безнравственность священников, которые больше беспокоились о делах Венеры, чем о служении Христу¹⁹⁸. Ужасное обвинение. Он встретил студента-протестанта из Цюриха резкими словами: «Вы — один из тех, кто несет Евангелие на устах и дьявола в сердце», — но когда ему указали на невежливость этого высказывания, он оправдался своим преклонным возрастом и отнесся к молодому человеку с величайшей почтительностью. Он стал пессимистом и ждал скорого конца света. Его дружба с Эразмом продолжалась, время от времени прерываясь, но в конечном итоге потерпела крах. Однажды он обвинил Эразма в плагиате, и Эразм не упомянул его в своем завещании¹⁹⁹. Печально, что оба они не смогли понять дух времени и остались в стороне. Тридцать произведений Глареана (22 из них написаны во Фрейбурге) в основном филологические или музыкальные и к богословию не относятся²⁰⁰. Однако они были помещены в Индекс запрещенных книг папой Павлом IV в 1559 г. Он жаловался на эту несправедливость, вызванную невежеством или интригами, и с помощью Чуди делал все, что мог, чтобы его имя удалили из Индекса. Это было сделано, когда все семь католических кантонов подтвердили, что Глареан — добрый христианин²⁰¹.

Сначала Реформация развивалась в Гларусе, не встречая сопротивления. Фридолин Бруннер, пастор Моллиса, писал Цвингли 15 января 1527 г., что Евангелие укрепляет свои позиции во всех церквях кантона. Иоганн Шиндлер с большим успехом проповедовал в Швандене. Общины предпочитали реформатских проповедников, кроме как в Нафельсе. События в Каппеле в 1531 г. вызвали реакцию и привели к некоторым потерям, но реформатская церковь до сих пор удерживает большинство населения и за счет этого превосходит католическую в плане образованности, предприимчивости, богатства и процветания, хотя в процентном соотношении количество католиков в последнее время увеличивается за счет эмиграции протестантов в Америку и иммиграции католиков-рабочих, привлекаемых крупными промышленными городами (как и в случае с Цюрихом, Базелем и Женевой)²⁰².

¹⁹⁸ 21 ноября 1556 г.: *Omnes clerici ad Venerem magis quam ad Christum inclinant*.

¹⁹⁹ Но доктор Бонифаций Амербах, главный из наследников, послал Глареану серебряный кубок Эразма. См. *Inventarium über die Hinterlassenschaft des Erasmus vom 22 Juli, 1536*, p. 13. Этот любопытный документ из 19 страниц был опубликован в 1889 г. доктором Людвигом Зибером, библиотекарем Базельского университета. Он опубликовал также *Das Testament des Erasmus vom 22 Jan. 1527*, Basel, 1890.

²⁰⁰ Самое важное из них — «Додекахордон» (*Dodekachordon*, Basel, 1547), открывший новую эпоху в истории музыки. «Теория Глареана о двенадцати церковных ладах, параллельных древнегреческим ладам, навеки обеспечит ему место среди авторов, писавших о теории музыки» (Glover, *Dictionary of Music and Musicians*, 1889, vol. I. 598). {И Глареан отвел особое место двум главным современным ладам — мажорному и минорному}. Музыка была для него священным искусством. Его издания греческих и латинских классиков с критическими примечаниями, особенно Ливия, ценятся и используются современными филологами. Фрицше приводит полный обзор его трудов, pp. 83-127.

²⁰¹ Его имени нет в изданиях Индекса XVI века после 1559 г., но странным образом оно вновь появляется в *Index Matriti*, 1667, p. 485. Fritzsche, p. 74.

²⁰² В 1850 г. протестантов в Гларусе было 26.281 человек; католиков — 3932. В 1888 г. их было, соответственно, 25.935 и 7790. См. Fritzsche, p. 53.

§34. Реформация в Санкт-Галлене, Тоггенбурге и Аппенцелле. Ватт и Кесслер

Источники и литература хранятся в городской библиотеке Санкт-Галлена, которая носит имя Вадияна (Ватта) и содержит его рукописи и печатные труды.

- I. Исторические труды Вадияна — в первую очередь его *Хроника аббатов Санкт-Галлена* с 1200 по 1540 г. и его «Дневник» 1629 — 1633 гг., в изд. E. Goetzingen, St. Gallen, 1875-'79, 3 vols. — *Joachimi Vadiani Vita per Joannem Kesslerum conscripta*. Издано по рукописи доктором Гетцингером для исторического общества Санкт-Галлена, 1865. — JOHANNES KESSLER, *Sabbata. Chronik der Jahre 1523 — 1539. Herausgegeben von Dr. Ernst Goetzingen*. St. Gallen, 1866. В «Mittheilungen zur vaterländischen Geschichte» исторического общества Санкт-Галлена, vols. V-VI. Рукопись в 532 страницы, написанная собственноручно Кесслером на швейцарском диалекте, хранится в Вадиянской библиотеке.
- II. J. V. ARX (католик, ум. в 1833): *Geschichte des Kant. St. Gallen*. St. Gallen, 1810-'13, 3 vols. — J. M. FELS: *Denkmal Schweizerischer Reformatoren*. St. Gallen, 1819. — JOH. FR. FRANZ: *Die schwärmerischen Gräuelszenen der St. Galler Wiedertäufer zu Anfang der Reformation*. Ebnat in Toggenberg, 1824. — JOH. JAKOB BERNET: *Johann Kessler, genannt Ahenarius, Bürger und Reformator zu Sankt Gallen*. St. Gallen, 1826. — K. WEGELIN: *Geschichte der Grafschaft Toggenburg*. St. Gallen, 1830-'33, 2 parts. — FR. WEIDMANN: *Geschichte der Stiftsbibliothek St. Gallens*. 1841. — A. NÄF: *Chronik oder Denkwürdigkeiten der Stadt und Landschaft St. Gallen*. Zürich, 1851. — J. K. BÜCHLER: *Die Reformation im Lande Appenzell*. Trogen, 1860. В «Appenzellische Jahrbücher». — G. JAK. BAUMGARTNER: *Geschichte des Schweizerischen Freistaates und Kantons St. Gallen*. Zürich, 1868, 2 vols. — H. G. SULZBERGER: *Geschichte der Reformation in Toggenburg; in St. Gallen; im Rheinthal; in den eidgenössischen Herrschaften Sargans und Gaster, sowie in Rapperschwil; in Hohensax-Forstegg; in Appenzell*. Несколько памфлетов, перепечатанных из «Appenzeller Sonntagabblatt», 1872 sqq.
- III. THEOD. PRESSEL: *Joachim Vadian*. В девятом томе «Leben und ausgewählte Schriften der Väter und Begründer der reformirten Kirche». Elberfeld, 1861 (pp. 103). — RUD. STÄHELIN: *Die reformatorische Wirksamkeit des St. Galler Humanisten Vadian*, в «Beiträge zur vaterländischen Geschichte», Basel, 1882, pp. 193-262; и его статья «Watt» в Herzog², XVI (1885), pp. 663-668. См. также MEYER VON KNONAU, «St. Gallen», в Herzog², IV. 725-735.

Реформация в северо-восточных областях Швейцарии — Санкт-Галлене, Тоггенбурге, Шафхаузене, Аппенцелле, Тургау, Ааргау — следовала курсу Цюриха, Берна и Базеля. Это вариации на ту же тему, как в негативных аспектах (уничтожение папской и епископской власти, упразднение мессы, суеверных обрядов и церемоний, разрушение образов и реликвий как символов идолопоклонства, роспуск монастырей и конфискация церковного имущества, браки священников, монахов и монахинь), так и в позитивных (введение более простого и более духовного богослужения, со множеством проповедей и наставлений из Библии на разговорном языке, восстановление священного причастия как хлебом, так и вином для всего собрания, непосредственный доступ ко Христу без посредничества священников, обретение мирянами привилегий всеобщего священства верующих, забота о начальном и высшем образовании). Эти изменения были сделаны гражданскими властями, которые взяли на себя власть и функции епископов, но действовали по инициативе клира и с согласия большинства народа, который обладал в конечном итоге властью в демократической Швейцарии. Служителей возглавляли антисты, заменявшие епископов или суперинтендантов. Законодательством и администрацией занимался синод. Общины выбирали и содержали своих пасторов.

Санкт-Галлен, названный так по имени святого Галла, ирландского миссионера и ученика Колумбана, который вместе с несколькими отшельниками поселился в диком лесу на Стейнахе около 613 г., был центром христианизации и цивилизации Алеманнии и Восточной Швейцарии. Монастырь был основан около 720 г.

святым Отмаром и стал королевским аббатством, свободным от власти епископа. Он получал очень богатый доход от своих земельных владений в Швейцарии, Швабии и Ломбардии, и в нем хранилось множество рукописей классических и церковных авторов. Церковная поэзия, музыка, архитектура, скульптура и живопись процветали там в IX и X веке. Ноткер Бальбул, монах из Санкт-Галлена (ум. ок. 912), является автором секвенций или гимнов в ритмической прозе (*prosa*). Утверждают, будто ему принадлежит скорбное размышление о смерти (*Media vita in morte sumus*), которое до сих пор используется, однако оно возникло позже и происхождение его неизвестно. Когда богатства аббатства увеличились, дисциплина стала приходить в упадок, началось обмирщение. Миссионерское и литературное рвение иссякло. Епископ Констанца завидовал независимости и власти аббата. А город Санкт-Галлен процветал и жаждал освободиться от контроля монахов. Клир нуждался в реформе, как и монашество. Многие священнослужители открыто жили с наложницами, и немногие были способны прочитать проповедь. Религиозные праздники осквернялись низменными народными развлечениями. Осуществлялась бесконтрольная торговля индульгенциями.

Реформацию в городе и области Санкт-Галлена начали Иоахим фон Ватт, мирянин (1484 — 1551), и Иоганн Кесслер, служитель (1502 — 1574). Сотрудничество мирян и клира характерно для духа протестантизма, который освободил церковь от иерархического контроля.

Иоахим фон Ватт, больше известный под своим латинским именем Вадан, прославился как гуманист, поэт, историк, врач, государственный деятель и реформатор. Он был родом из древней благородной семьи, был сыном богатого торговца и изучал гуманитарные науки в Венском университете (1502)²⁰³, который был тогда на вершине процветания, под руководством Целта и Куспиниана, двух известных гуманистов и поэтов, писавших на латыни. Ватт также хорошо знал философию, богословие, право и медицину. Путешествовал по Польше, Венгрии и Италии, потом вернулся в Вену и преподавал классическую литературу и ораторское искусство. Он был увенчан как поэт и оратор Максимилианом (12 марта 1514 г.) и избран ректором университета в 1516 г. Опубликовал труды некоторых классических авторов, а также латинские стихотворения, речи и очерки. Вел дружескую переписку с Рейхлином, Гуттенмом, Гессом, Эразмом и другими вождями новой учености, а также с Цвингли²⁰⁴.

В 1518 г. Ватт вернулся в Санкт-Галлен и работал там врачом до самой смерти, но в то же время принимал активное участие во всех общественных делах церкви и государства. Его неоднократно избирали бургомистром. Он был верным соратником Цвингли в деле реформ. Цвингли называл его «врачом тела и души, душой города Санкт-Галлена и всей конфедерации» и говорил: «Я не знаю швейцарца, который сравнился бы с ним». Кальвин и Беза признавали его «человеком редкого благочестия и столь же редкой учености». Ватт приглашал в Санкт-Галлен евангельских служителей и учителей. Он принимал участие в религиозных диспутах в Цюрихе (1523 — 1525) и председательствовал на диспуте в Берне (1528).

²⁰³ Приехал в Вену осенью 1502 г., вскоре после того, как Цвингли покинул этот университет. См. Stähelin, *l. c.*, который ссылается на Эгли, Ашбаха и Горавица. Обычно считают, что Вадан и Цвингли (а также Глареан) учились вместе и подружились в Вене. Так пишет, в частности, Pressel, *l. c.*, p. 11.

²⁰⁴ Его опубликованная переписка с Цвингли начинается с письма из Вены от 9 апреля 1511 г. и включает в себя четыре письма Вадана и тридцать восемь писем Цвингли, в Zwingli, *Opera*, vols. VII-VIII.

Санкт-Галлен был первым городом, который под руководством Ватта последовал примеру Цюриха. Изображения были убраны из церквей и публично сожжены в 1526 и 1528 гг. Были сохранены только орган и мощи святого Отмара (первый аббат) и Ноткера. Евангельский церковный порядок был введен в 1527 г. Как раз в то время анабаптисты угрожали Реформации странными и фанатичными эксцессами. Ватт не возражал серьезно против их учения и был другом и шурином Гребеля, их вождя, но выступал против них во имя мира и порядка.

Смерть аббата, 21 марта 1529 г., предоставила возможность, по совету Цюриха и Цвингли, закрыть аббатство и конфисковать его богатое имущество, с согласия большинства горожан, но с полным пренебрежением к закону. Это было большой ошибкой и актом несправедливости.

Катастрофа в Каппеле вызвала реакцию, и часть кантона вернулась к старой церкви. Был выбран новый аббат, Дительм Блаурер. Он потребовал вернуть имущество монастыря и возместить ущерб в шестьдесят тысяч гульденов за то, что было уничтожено и продано. Городу пришлось уступить. Блаурер торжественно въехал в монастырь. Он присутствовал на последнем заседании Тридентского собора и был одним из главных сторонников контрреформации.

В этот критический период Ватт проявил смелость и умеренность. Он сохранил доверие своих сограждан, которые девять раз избирали его на высочайшую из гражданских должностей. Он делал что мог в сотрудничестве с Кесслером и Буллингером, чтобы спасти и укрепить реформатскую церковь в течение всех оставшихся лет своей жизни. Он был представительным, симпатичным и полным достоинства человеком и написал ряд географических, исторических и богословских трудов²⁰⁵.

Иоганн Кесслер (Кесселлий или Аэнарий), сын поденщика из Санкт-Галлена, изучал богословие в Базеле и Виттенберге. Он был одним из тех двух студентов, которые участвовали в интересной беседе с доктором Лютером в гостинице «Черный медведь» в Йене в марте 1522 г., когда Лютер возвращался, подобно рыцарю Георгу, из Вартбурга²⁰⁶. Это было единственной дружеской встречей Лютера со швейцарцем. Если бы Лютер так же по-доброму отнесся к Цвингли в Марбурге, дело Реформации оказалось бы только в выигрыше.

Кесслер зарабатывал на жизнь, работая седельным мастером, и проповедовал в городе и окрестных селах. Он был также главным учителем в латинской школе. В 1571 г., за год до смерти, был избран антистом, или главой клира Санкт-Галлена. У него была жена и одиннадцать детей, девять из которых пережили его. Он был благочестивым, любезным, бескорыстным и полезным человеком, защитником евангельской веры. Его портрет маслом украшает городскую библиотеку Санкт-Галлена.

Графство Тоггенбург, родина Цвингли, было подчинено аббату Санкт-Галлена с 1468 г., но радостно приняло реформатских проповедников под влиянием Цвингли, его родственников и друзей. В 1524 г. совет общины велел служителям не учить ничему, чего они не могли бы подтвердить Священным Писанием. Народ сопротивлялся вмешательству аббата, епископа Констанца и кантона Швиц. В 1528 г. Реформация постепенно была введена в города области. С помощью

²⁰⁵ Pressel, pp. 100-103, приводит названия двадцать семи его произведений, в основном на латыни, опубликованных между 1510 и 1548 гг.

²⁰⁶ Он с милой наивностью рассказывает об этом в своей *Sabbata*, pp. 145-151, на швейцарском диалекте: *Wie mir M. Luther uff der strass [Reise] gen Wittenberg begegnet ist*. Товарищем Кесслера был Иоганн Шпенглер. См. рассказ об их беседе в т. VII, §67.

Цюриха и Гларуса Тоггенбург приобрел свободу от аббата Санкт-Галлена, выкупив ее за тысячу пятьсот гульденов в 1530 г., но снова был подчинен его власти в 1536 г. Графство было включено в кантон Санкт-Галлен в 1803 г. Большинство его населения — протестанты.

Кантон Аппенцелль принял первых протестантских проповедников — Иоганна Шуртаннера из Тойфена, Иоганна Дорига из Герисау и Вальтера Кларера из Гундвилья — из соседнего Санкт-Галлена, под влиянием Ватта. Реформация была узаконена голосованием народа 26 августа 1523 г. Конгрегации освободились от юрисдикции аббата Санкт-Галлена и избрали собственных пасторов. Анабаптистские волнения вызвали католическую реакцию. Население поделилось почти поровну: Иннергоден, вместе с городом Аппенцелль, остался католическим; Ауссергоден, с Герисау, Трогоном и Гайсом, стал реформатским. Сейчас он отличается большим трудолюбием и более процветает.

Реформация в Тургау и Ааргау не представляет особого интереса²⁰⁷.

§35. Реформация в Шафхаузене. Гофмейстер

MELCHIOR KIRCHHOFFER: *Schaffhauserische Jahrbücher von 1519 — 1539, oder Geschichte der Reformation der Stadt und Landschaft Schaffhausen*. Schaffhausen, 1819; 2^d ed. Frauenfeld, 1838 (pp. 152). Его же: *Sebastian Wagner, genannt Hofmeister*. Zürich, 1808. — Edw. IM-THURM und HANS W. HARDER: *Chronik der Stadt Schaffhausen* (до 1790). Schaffhausen, 1844. — H. G. SULZBERGER: *Geschichte der Reformation des Kant. Schaffhausen*. Schaffhausen, 1876 (pp. 47).

Шафхаузен на Рейне и на границе с Вюртембергом и Баденом последовал примеру соседнего кантона, Цюриха, под руководством Себастьяна Гофмейстера (1476 — 1533), францисканского монаха, доктора и профессора богословия в Констанце, где жил епископ. Гофмейстер обращался к Цвингли в 1520 г. как к «твердому проповеднику веры» и выражал желание стать его помощником в исцелении болезней швейцарской церкви²⁰⁸. Он проповедовал в своем родном городе Шафхаузене против ошибок и злоупотреблений Рима и был делегатом на религиозных диспутах в Цюрихе (в январе и октябре 1523 г.), где склонился на сторону протестантизма.

Ему помогал Себастьян Мейер, брат-францисканец, прибывший из Берна, и Риттер, священник, который сначала выступал против него.

Когда из Цюриха сюда пришли анабаптисты со своими радикальными взглядами, в обществе начался разлад. Городские власти сочли Гофмейстера и Мейера ответственными за всё и изгнали их из кантона. Последовала реакция, но Реформация победила в 1529 г. Примеру города последовала провинция. Некоторые знатные семьи остались верны старой вере и эмигрировали.

Шафхаузену повезло: в нем были способные и преданные служители, а также там родилось несколько выдающихся историков²⁰⁹.

²⁰⁷ См. Oelhafen, *Chronik der Stadt Aarau*, 1840; Sulzberger, *Reformation im Kanton Aargau*, 1881; Pupikofer, *Geschichte des Thurgau's*, 1828-'30, 2 vols.; 2nd ed. 1889-'90; Sulzberger, *Die Reformation im Kanton Thurgau*, 1872.

²⁰⁸ См. письма Гофмейстера в Zwingli, *Opera*, VII. 146, 289; II. 166, 348. Он подписывался *Sebastianus Oeconomus seu Hofmeister*. Его последнее послание написано в Цофингене (1529), и в нем он очень сурово отзывался о произведениях Лютера в связи со спором о таинствах.

²⁰⁹ Иоганнес фон Мюллер, называемый немецким Тацитом (1752 — 1809); Мельхиор Кирхгофер (1775 — 1853), который написал ценные биографии деятелей Реформации второго ранга (Гофмейстера, Галлера, Микония и Фареля), а также пятый том Wirz, *Helvetische Kirchengeschichte*;

§36. Граубюнден (Гриджони)

У полковника и главы магистрата Теофила Шпрехера из Бернегга в Майенфельде, Граубюнден, есть обширная библиотека по истории кантона, в том числе рукописи Кампелла и Де Порты. Мне было позволено пользоваться ею для написания этого и следующих двух разделов под его гостеприимным кровом в июне 1890 г. Я также исследовал *Kantons-Bibliothek* Граубюндена в *Raetische Museum* в Куре, где много (католической) литературы о Граубюндене.

- I. ULRICI CAMPELLI *Raetiae Alpestris Topographica Descriptio*, ed. CHR. J. KIND, Basel (Schneider), 1884, pp. 448, и *Historia Raetica*, ed. PLAC. PLATTNER, Basel, tom. I, 1877, pp. 724, and tom. II, 1890, pp. 781. Эти два труда образуют тома VII, VIII и IX в *Quellen zur Schweizer-Geschichte*, выпущенном Генеральным историческим обществом Швейцарии. Они составляют основу топографии и истории Граубюндена XVI века. Кампелл был реформатским пастором в Сюце, в Нижнем Энгадине, его называют «отцом историков Реции». Де Порта говорит, что все историки Реции работали с его группой. Сокращенный немецкий перевод латинских рукописей был опубликован Конрадином фон Мором: ULR. CAMPPELL, *Zwei Bücher rätorischer Geschichte*, Chur (Hitz), 1849, 1851, 2 vols., pp. 236, 566.
- R. AMBROSIIUS EICHORN (пресвитер Congregationis S. Blasii, в Шварцвальде): *Episcopatus Curiensis in Rhaetia sub metropoli Moguntina chronologice et diplomatische illustratus*. Typis San-Blasianis, 1797 (pp. 368, 40). Сюда следует добавить *Codex Probationum ad Episcopatum Curiensem ex proecipuis documentis omnibus ferme ineditis collectus*, 204 pp. Период Реформации описан, начиная со стр. 139. Эйхгорн был католическим священником, и он приводит документы, связанные с епископством Кура, с 766 по 1787 г. О «Zwinglianism in Raetia» см. pp. 142, 146, 248. (Я изучил копию из Епископской библиотеки в Куре).
- II. Общие труды по истории Граубюндена. JOH. GULER (ум. в 1637), FORTUNATUS SPRECHER A BERNEGG (ум. в 1647), FORTUNATUS JUVALTA (ум. в 1654). TH. VON MOHR AND CONRADIN VON MOHR (или MOOR): *Archiv für die Geschichte der Republik Graubünden*. Chur, 1848-'86. 9 vols. Сборник исторических трудов о Граубюндене, в том числе *Codex diplomaticus, Sammlung der Urkunden zur Geschichte Chur-Rhätien und der Republik Graubünden*. *Codex* продолжил JECKLIN, 1883-'86. CONRADIN VON MOOR: *Bündnerische Geschichtschreiber und Chronisten*. Chur, 1862-77. 10 parts. Его же: *Geschichte von Currätien und der Republ. Graubünden*. Chur, 1869. — JOH. ANDR. VON SPRECHER: *Geschichte der Republik der drei Bünde im 18ten Jahrh.* Chur, 1873-'75. 2 vols. — Хорошее популярное изложение: *Graubündnerische Geschichten erzählt für die reformirten Volksschulen* (P. KAISER). Chur, 1852 (pp. 281). Также J. K. VON TSCHARNER: *Der Kanton Graubünden, historisch, statistisch, geographisch dargestellt*. Chur, 1842.

Реформатскую литературу см. в §37.

III. Основные труды по истории Валтеллины, Кьявенны и Бормио, которые до 1797 г. находились под властью Граубюндена.

- FR. SAV. QUADRIO: *Dissertazioni critico-storiche intorno alla Rezia di qua dalle Alpi, oggi detta Valtellina*. Milano, 1755. 2 vols., особенно второй том, в котором рассматривается история церкви. — ULYSSES VON SALIS: *Staats-Gesch. des Thals Veltlin und der Grafschaften Clefen und Worms*. 1792. 4 vols. — LAVIZARI: *Storia della Valtellina*. Capolago, 1838. 2 vols. ROMEGIALLI: *Storia della Valtellina e delle già contee di Bormio e Chiavenna*. Sondrio, 1834-'39. 4 vols. — WIEZEL: *Veltliner Krieg*, ed. Hartmann. Strassburg, 1887.

Кантон Граубюнден²¹⁰ был во время Реформации независимой демократической республикой, которая состояла в дружественном союзе со Швейцарской конфедерацией. Сохранял свою независимость до 1803 г., когда был включен в нее в качестве кантона. Его история оказала мало влияния на другие страны, но отразила в себе конфликты, которые происходили в Швейцарии, с некоторыми особенностями. Среди них — романские и итальянские завоевания протестантизма,

и Фридрих фон Гуртер (1787 — 1865), автор лучшей истории папы Иннокентия III (1834 — 1842, 4 тома). Гуртер раньше был антистом реформатской церкви Шафхаузена, но стал (отчасти из-за изучения вполне благополучного периода средневековой истории) католиком в 1844 г. и был назначен императорским советником и историографом Австрии (1845).

²¹⁰ *Repubblica Grisonum; I Grigioni; Les Grisons.*

а также очень раннее признание принципа религиозной свободы. Каждая община обладала правом выбирать между двумя соперничающими церквями исходя из желания большинства, и этим были предотвращены гражданские и религиозные войны, по крайней мере, в XVI веке²¹¹.

Граубюнден, по своей природе, как и по истории, — это Швейцария в миниатюре. Он расположен на крайнем юго-востоке республики, между Австрией и Италией, и занимает большую часть древнеримской провинции Реция²¹². Он образует раздел между севером и югом, но одновременно сочетает и север, и юг, вмещая в себя сеть гор и долин, где лежит вечный снег, и солнечные равнины с виноградниками, смоквами и лимонами. По площади это самый крупный кантон. Он отличается разнообразием и красотой ландшафта и здоровым климатом. Тут берут начало Рейн и Инн. Энгадин — самая высокая обитаемая долина Швейцарии, несравненное сочетание красот для любителей природы и искателей здоровья. Она славится самым здоровым климатом: девять месяцев сухой, бодрящей прохлады и три месяца приятной холодной погоды.

Населяют Граубюнден жители трех национальностей, которые говорят на трех языках — немецком, итальянском и ретороманском — и сохраняют много особенностей более ранних эпох. Немецкий язык преобладает в Куре, вдоль берегов Рейна, и в Праттигау; он более чистый, чем в других кантонах. На итальянском языке говорят на юге Альп, в долинах Поскьяво и Брегалья (а также в соседнем кантоне Тичино). Ретороманский язык — замечательная реликвия доисторических времен, независимый брат итальянского языка. На нем говорят в Верхнем и Нижнем Энгадине, в долине Мюнстера и в Оберланде. На нем написано немало литературных трудов, в основном религиозных, которые привлекают внимание специалистов по сравнительному языкознанию²¹³.

Жители Граубюндена — здравомыслящий, трудолюбивый и героический народ. Они сохраняли свою независимость, борясь с армиями Испании, Австрии и Франции. У них есть потребность и склонность эмигрировать в более богатые страны в поисках удачи и снова возвращаться в свои дома в горах. Они живут во всех столицах Европы и Америки как торговцы, владельцы гостиниц, конфекционеры, учителя и воины.

²¹¹ В общих историях церкви про Граубюнден говорится мало или совсем ничего. Даже Гагенбах, который был швейцарцем, посвящает ему менее двух страниц (*Geschichte der Reformation*, p. 366, 5th ed. Nippold, 1887). Более полный рассказ (единственный удовлетворительный на английском языке) есть у доктора Мак-Кри, шотландского пресвитерианина, в его *History of the Reformation in Italy*, ch. VI. Так как сейчас в Швейцарию, особенно в Энгадин, ездит все больше английских и американских туристов, возник интерес к его истории, и этим оправдывается то внимание, которое мы здесь ему уделяем.

²¹² *Raetia*, или *Rhaetia*, «сеть», от *Rhaetus*, мифического вождя древнейших иммигрантов из Этрурии; или же от кельтского *rhin*, Рейн, «река»; этот корень сохранился в названиях *Realta*, *Rhätziens* и *Reambs* — то есть *Raetia alta, una* и *ampla*. При Августе, в 14 г. до Р. X., ее покорил Друз (пасынок Августа), и ею управлял губернатор, живший в Куре, или *Curia Rhaetorum*, примерно до 400 г. Увитый плющом епископский дворец в Куре — римского происхождения и называется *Marsoel*, то есть *Mars in oculis* {«со взглядом Марса»}.

²¹³ Ретороманский язык (в отличие от остальных романских языков) имеет два диалекта, ладинский — в долинах Энгадина, Альбула и Мюнстер; и руманшский — в Оберланде, Иланце, Дисентисе, Обергальштейне и т. д. На нем говорит около 37.000 человек. Всё население кантона в 1890 г. составляло 94.879 человек — 53.168 протестантов и 41.711 католиков. Наибольшее количество книг на ретороманском языке хранится в библиотеке кантона в Куре, а также в коллекции Бемера в библиотеке Страсбургского университета. Полковник фон Шпрехер в Майенфельде также владеет примерно четырьмя сотнями томов.

Государственные структуры кантона весьма демократичны и являются примером положительных и отрицательных сторон власти народа²¹⁴. Древняя поговорка Энгадина гласит: «Самый бедный человек — самый главный магистрат после Бога и солнца». По сей день в Граубюндене живет много знатных семейств, которые отчасти ведут происхождение от средневековых вождей разбойников и деспотов, чьи разрушенные замки до сих пор стоят на вершинах гор и скал, а отчасти — от выдающихся офицеров и дипломатов на иноземной службе. Однако теперь их влияние зависит только от личных заслуг. В официальных документах запрещено упоминать титулы знати²¹⁵.

Мы сделаем краткий обзор светской истории кантона, прежде чем говорить о Реформации.

Граубюнден был сформирован из вольно связанных между собой конфедераций или лиг, то есть добровольных ассоциаций свободных людей, которые в XV веке по примеру своих швейцарских соседей объединились ради совместной обороны и защиты от местных и иноземных тиранов²¹⁶. Эти три лиги объединились в 1471 г. в Ватцероле, заключив вечный союз (который был подтвержден в 1524 г.) и пообещав друг другу под клятвой оказывать взаимопомощь в мире и войне. Три лиги послали делегатов на рейхстаг, который собирался по очереди в Куре, Иланце и Давосе.

В конце XV века две лиги Граубюндена вступили в оборонительный союз с семью древними кантонами Швейцарии. Третья лига последовала их примеру²¹⁷.

В начале XVI века жители Граубюндена отвоевали у Миланского герцогства несколько красивых и плодородных областей к югу от Альп, прилегающих к территориям Милана и Венеции, — Валтеллину и графства Бормио (Вормс) и Кьявенну (Клевен), и аннексировали их в качестве областей, управляемых бейлифами. Хотя было бы мудрее принять их как четвертую лигу с равными правами и привилегиями. Эти итальянские владения вовлекли Граубюнден в конфликт, с одной стороны, с Австрией и Испанией, которые желали сохранить проезд через эти области, а с другой стороны — с Францией и Венецией, которые

²¹⁴ «Ни у одного народа, древнего или современного, — говорит доктор Мак-Кри (р. 293), — принципы демократии не доведены до такой крайности, как в республике Граубюнден».

²¹⁵ Самые известные и уважаемые благородные семейства — Салис (один из его представителей — выдающийся лирический поэт), Планта, Бавьер, Шпрехер, Альбертини, Чарнер, Иувальта, Мор, Буоль. См. *Sammlung rhätischer Geschlechter*. Chur, 1847.

²¹⁶ Три лиги, или *Bünde* (от которых происходит название кантона, Graubünden), — это:

1) *Gotteshausbund (Lia de Ca Dé)*, «Лига дома Божьего». Она возникла в 1396 г., и с 1419 г. ее центром был Кур, столица кантона.

2) *Obere Bund*, или *Graue Bund (Lia Grischa)*. «Серая лига» (отсюда термины *Graue*, *Grisons*, *Grays*, Гриджони). Она была основана под вязом в Трунсе в 1424 г., и центром ее было аббатство Дисентис.

3) *Zehngerichtenbund (Lia dellas desch dretturas)*, «Лига десяти юрисдикций». Она возникла в 1436 г. в Давосе и в долине Праттигау.

После середины XV века эти лиги упоминаются в документах под названием *Gemeine drei Bünde* или *Freistaat der drei Bünde in Hohenrhätien*. Современный историк пишет: *Frei und selbstherrlich sind viele Völker geworden, aber wenige auf so rechtliche und ruhige Weise als das Bündner Volk*. См. документы в Tschudi, I. 593; II. 153; см. также Müller, *Schweizergeschichte*, III. 283, 394, и Bluntschli, *Geschichte des schweizerischen Bundesrechts*, I. 196 sqq. (2^d ed. Stuttgart, 1875).

²¹⁷ Этот союз был заключен двумя старшими лигами по отдельности, в 1497 и 1498 гг. Лига десяти юрисдикций не была допущена семью кантонами, потому что там имел владения дом Австрии, однако в 1590 г. она заключила постоянный договор с Цюрихом и Гларусом, в 1600 г. с Валлисом, а в 1602 г. с Берном. См. Bluntschli, *l. c.*, I. 198 sq., и документы из архивов Цюриха в vol. II. 99-107.

хотели, наоборот, закрыть их, чтобы обезопасить себя от политических соперников. Поэтому Валтеллину называли Еленой новой Троянской войны. Во время Тридцатилетней войны в Граубюнден вторглись австро-испанская и французская армии. После разных перипетий Граубюнден потерял итальянские провинции при Наполеоне, который одним росчерком пера 10 октября 1797 г. аннексировал Валтеллину, Бормио и Кьявенну, включив их в состав новой Цизальпинской республики. Венский конгресс передал их Австрии в 1814 г., а после 1859 г. они принадлежат Объединенному королевству Италии.

§37. Реформация в Граубюндене. Командер. Галлиций.

Кампелл

Труд КАМПЕЛЛА упоминается в §36.

BARTHOLOMÄUS ANHORN: *Heilige Wiedergeburt der evang. Kirche in den gemeinen drei Bündten der freien hohen Rhätien, oder Beschreibung ihrer Reformation und Religionsverbesserung*, etc. Brugg, 1680 (pp. 246). Новое издание — St. Gallen, 1860 (pp. 144, octavo). Его же: *Püntner Aufruhr im Jahr 1607*, по рукописи Конрадина фон Мора, Chur, 1862; и его *Graw-Püntner [Graubündner]-Krieg, 1603 — 1629*, ed. Congr. von Mohr, Chur, 1873.

*PETRUS DOMINICUS ROSIUS DE PORTA (реформатский служитель из Шамффа, или Сканфса, в Верхнем Энгадине): *Historia Reformationis Ecclesiarum Raeticarum, ex genuinis fontibus et adhuc maximam partem numquam impressis sine partium studio deducta, etc. Curiae Raetorum*. Tom. I, 1771 (pp. 658, quarto); tom. II, 1777 (pp. 668); tom. III, Como, 1786. До 1642 г. Следующий после Кампелла по значению, стандартный и авторитетный источник для более поздних трудов.

LEONHARD TRUOG (реформатский пастор из Туэ): *Reformations-Geschichte von Graubünden aus zuverlässigen Quellen sorgfältig geschöpft. Denkmal der dritten Sekular-Jubelfeier der Bündnerischen Reformation*. Chur (Otto), 1819 (pp. 132). — *Reformationsbüchlein. Ein Denkmal des im Jahr 1819 in der Stadt Chur gefeierten Jubelfestes*. Chur (Otto), 1819. (pp. 304).

*CHRISTIAN IMMANUEL KIND (Pfarrer und Cancellarius der evang. rhätischen Synode, позже Stats-Archivarius Граубюндена, умер 23 мая 1884 г.): *Die Reformation in den Bisthümern Chur und Como. Dargestellt nach den besten älteren und neueren Hilfsmitteln*. Chur, 1858 (Grubenmann), pp. 310, octavo. Популярное повествование, основанное на тщательном изучении источников. Его же: *Die Stadt Chur in ihrer ältesten Geschichte*, Chur, 1859; *Philipp Gallicius*, 1868; *Georg Jenatsch*, в «Allg. Deutsche Biogr.», Bd. XIII. GEORG LEONHARDI (пастор в Брузио, Поськьяво): *Philipp Gallicius, Reformator Graubündens*. Bern, 1865 (pp. 103). То же на ретороманском — H. G. SULZBERGER (из Севелена, Санкт-Галлен, ум. в 1888): *Geschichte der Reformation im Kanton Graubünden*. Chur, 1880, pp. 90 (пересмотрено Киндом). — FLORIAN PEER: *L'église de Rhétie au XVIme et XVIIme siècles*. Genève, 1888. — HEROLD: *J. Komander*, в Meili, *Zeitschrift*, Zurich, 1891.

Христианизация Граубюндена восходит к преданию о святом Люции, князе королевской крови из Британии, и Эмерите, его сестре, во второй половине II века²¹⁸. На горе над Куром стоит часовня в память о нем. Епископ Кура (Азимо) впервые упоминается в 452 г., как подписавший, через своего посланника, Халкидонский символ веры²¹⁹. Епископы Кура приобрели большие владения и стали

²¹⁸Его отождествляют, в традиции Уэльса, с королем Люцием, который ввел христианство в Британию и построил первую церковь в Лландаффе в 180 г. См. Alois Lütolf, *Die Glaubensboten der Schweiz vor St. Gallus*, Luzern, 1871, pp. 95-125. Он ссылается на древние рукописи *Vita S. Lucii Confessoris* (pp. 115-121).

²¹⁹Святой Азимо не был сам в Халкидоне, но поручил Абунданцию, епископу Комо, согласиться с халкидонской христологией на соборе, который проходил в Милане в 452 г., что видно из следующего документа: *Ego Abundantius episcopus ecclesiae Comensis in omnia supra scripta pro me ac pro absente sancto fratre meo, Asimone, episcopo ecclesiae Curiensis primae Rhaetiae, subscripsi, anathemaicens his qui de incarnationis Dominicae sacramento impie sen serunt*. Цит. в Eichhorn, l. c., pp. 1, 2.

светскими князьями²²⁰. Весь Граубюнден находился в подчинении епископов Кура и Комо.

Состояние веры и потребность в реформах были такими же, как и в других кантонах Швейцарии.

Первый импульс Реформации пришел из Цюриха, с которым Кур был тесно связан. Цвингли выпустил обращение к «трем лигам Реции», в котором выражал особую заинтересованность в них как бывший подчиненный епископа Кура, призывал их реформировать церковь в союзе с Цюрихом и рекомендовал своего друга Командера (16 июня 1525 г.)²²¹. Некоторые из его учеников проповедовали во Флаше, Малансе, Майенфельде, Куре и других местах уже в 1524 г. После его смерти Буллингер также проявлял интерес к Граубюндену. Реформация столкнулась с теми же трудностями, что и везде, — сначала вызванными Римской церковью, а потом анабаптистами, унитариями и последователями мистика Швенкфельда, которые все рано или поздно добрались до этого отдаленного уголка мира. Один из ведущих анабаптистов Цюриха, Георг Блаурок — бывший монах из Кура, и за красноречие его прозвали «могущественным Йоргом» или «вторым Павлом». Он был изгнан из Цюриха и сожжен католиками в Тироле (1529).

Реформаторы упразднили индульгенции, жертвоприношение мессы, поклонение образам, celibат священников и их сожительство с наложницами, а также ряд противоречащих Писанию и суеверных церемоний и ввели вместо этого Библию и проповедь Библии в церкви и школе, святое причастие под обоими видами, семейную жизнь клира и простое евангельское благочестие, воодушевляемое ревностной верой во Христа как единственного Спасителя и Посредника. Там, где отсутствует такая вера, богослужение в бесплодных церквях сухо и холодно.

Главными реформаторами Граубюндена были Командер, Галлиций, Кампелл и Вергерий, после них — Александр Саландроний (Зальцманн), Блазий и Иоганн Траверс. Последний был образованным и влиятельным мирянином из Энгадина. Командер работал в немецкой, Галлиций и Кампелл — в ретороманской, а Вергерий — в итальянской части Граубюндена. Они были цвинглианцами в плане богословия²²² и вводили изменения как в Цюрихе и Базеле. Хотя среди реформаторов они занимали второстепенное место, это были нужные люди на нужном месте, верные, самоотверженные труженики в бедной стране среди честного, трудолюбивого, любящего свободу, но бережливого народа. С небольшими средствами они добивались больших и длительных результатов.

ИОГАНН КОМАНДЕР (ДОРФМАНН), бывший католический священник, происхождение которого неизвестно, проповедовал реформатское учение в церкви Св. Мартина в Куре с 1524 г. Позже он выучил еврейский, в ущерб своему зрению, чтобы иметь возможность читать Ветхий Завет в оригинале. Цвингли посылал ему Библии и комментарии. Граждане защищали его от насилия и провожали до церкви и обратно. Епископ Кура обвинил его в ереси перед рейхстагом трех конфедераций в 1525 г.

²²⁰ Фридрих Барбаросса даровал епископу титул *princeps* около 1170 г.

²²¹ Рукопись этого обращения хранится в архиве Цюриха и впервые была напечатана в Joh. Jak. Simler, *Sammlung alter und neuer Urkunden zur Beleuchtung der Kirchengeschichte* (1759), vol. I. 108-114.

²²² За исключением Вергерия, который колебался между кальвинизмом и лютеранством. См. ниже §38.

Рейхстаг, несмотря на обвинения епископа, постановил устроить публичный диспут в Иланце, главном из городов на Рейне. Диспут начался в воскресенье после праздника богоявления, 7 января 1526 г. Председательствовали гражданские власти, и продолжался он несколько дней. Он напоминал диспут в Цюрихе и завершился важной победой Реформации. Консервативная партия была представлена епископским викарием, аббатом монастыря Св. Люция, деканами и несколькими священниками и монахами; а прогрессивная партия — несколькими молодыми проповедниками, Командером, Галлицием, Блазием, Понтизеллой, Фабрицием и Гартманном. Себастьян Гофмейстер из Шафхаузена присутствовал как слушатель и описал их речи²²³.

Командер составил для этого случая восемнадцать тезисов — сокращенный вариант шестидесяти семи тезисов Цвингли. Первый тезис был таким: «Христианская церковь рождена от Слова Божьего и должна пребывать в нем и не слушать чуждые голоса» (Ин. 10:4,5). Командер подтверждал свое мнение большим количеством доводов из Библии, которые сторонники Рима не смогли опровергнуть. Были также дебаты по поводу отрывка о скале в Мф. 16:18, по поводу мессы, чистилища и celibата клира. Католикам пришлось резко прервать диспут.

Летом того же года (26 июня 1526 г.) рейхстаг в Иланце объявил религиозную свободу, то есть право всех жителей Граубюндена, независимо от пола, положения и ранга, выбирать между католической и реформатской верой. Еретики, которые после увещевания продолжали держаться своих убеждений, отлучались и изгонялись (но их не казнили). Этот замечательный закон был шагом вперед в сравнении с нетерпимостью того времени. Это хартия религиозной свободы Граубюндена²²⁴.

Рейхстаг в Иланце повелел служителям не проповедовать ничего не подтверждающегося Писанием и усердно изучать его. Политическая власть епископа Кура была ограничена. Было запрещено обращаться к нему с просьбой решать гражданские проблемы. Приходы получили право выбирать и смещать своих священников или пасторов²²⁵.

Так была отменена епископская монархия и была введена свобода общины, но без того разграничения, которое сделали английские и американские конгрега-

²²³ Его отчет и выводы Командера есть в Füsslin, *Beiträge zur Kirchen — und Reformationsgesch. des Schweizlandes*, 1741, vol. I. 337-382. Более полный отчет см. в Campell, *Rätische Geschichte*, II. 287-308 (издание на немецком, Мора).

²²⁴ Campell, II. 309: *Die Disputation* [в Иланце] *blieb nicht ohne alle Frucht. Sie hatte wenigstens die Folge, dass ein Gesetz erlassen wurde, wonach es in den drei Bünden Jedermann, wess Standes oder Geschlechts er auch war, freigestellt wurde, nach Gutdünken zu einer der beiden Confessionem, der katholischen oder evangelischen, sich zu bekennen und an ihr festzuhalten. Hiebei wurde, unter Androhung einer angemessenen Strafe, Jedem streng untersagt, irgend Jemanden um seines Glaubens willen zu schmähen oder, sei es öffentlich oder heimlich, zu verfolgen, wie diess von der andern Partei schon oft genug geschehen war. Bei dieser Gelegenheit wurde ein altes Landesgesetz den Geistlichen aufs Neue eingeschärft, wonach selbe durchaus keine andere, als die in der h. Schrift enthaltene Lehre dem Volke vortragen sollten.* [Далее следует список основных государственных деятелей: Иоганн Траверс, Иоганн Гулер и т. д., которые способствовали достижению этого результата]. *Mit dem nämlichen Gesetz über freie Ausübung des evangelischen Glaubens wurde die ganze Kezerei der Wiedertaufe streng untersagt und alle ihre Anhänger mit Verbannung bedroht. Die strenge Ueberwachung der erstern dieser zwei Verordnungen hatte in Bezug auf öffentliche Ruhe und Frieden zwischen beiden Confessionen äusserst wohlthätige Folgen, indem beide Theile sich lange Zeit hindurch der grössten Mässigung beflissen, hiserst in den letzten Jahren bei den katholischen Geistlichen sich abermals eine feindselige Stimmung gegen die evangelischen Prediger in Schmähungen aller Art kund gab, worüber mannigfache Klagen vor dem Beitag laut wurden.* — См. также Bullinger, I. 315; De Porta, I. 146.

²²⁵ В Campell, II. 310 sqq., приводится суть Двенадцати статей Иланцкого рейхстага.

ционалисты, — между собственно церковью, или телом обращенных верующих, и сообществом присутствующих, то есть номинальными христианами.

Законы были приняты с помощью либеральных мирян-католиков, таких как Иоганн Траверс и Иоганн Гулер, в то время еще не примкнувших к Реформации. Строгие католики были недовольны, но им пришлось подчиниться. В 1553 г. папа послал в Кур делегацию и потребовал учредить там инквизицию, но Командер, Буллингер и французский посол смогли воспрепятствовать этому.

Командер, с помощью своего младшего коллеги Блазия, а позже — Галлиция, продолжал поддерживать реформатскую веру в борьбе против папистов, против анабаптистов, а также против швейцарцев, получавших иностранные пенсии и располагавшихся со своей штаб-квартирой в Куре, — а те, в свою очередь, в наказание за его оппозицию урезали его скудное жалование в сто двадцать гульденов. Сначала у него возникло искушение прекратить борьбу, но Буллингер призвал его держаться²²⁶. Он возглавлял реформатский синод до своей смерти в 1557 г.

Его преемником стал Фабриций, который умер от чумы в 1566 г.

Филипп Галлиций (Салуц) развил самую активную деятельность. Он является реформатором Энгадина, но служил также как пастор и проповедник в Домлешге, Лангвизе и Куре. Он родился на восточной границе Граубюндена в 1504 г. и начал проповедовать уже в 1520 г. Отличался неотразимым красноречием и даром убеждения. Когда он выступал, на ретороманском языке, народ отовсюду стекался послушать его. Он был основным выступающим на двух диспутах в Зюсе, городе в Нижнем Энгадине, против папистов (1537) и против анабаптистов (1544)²²⁷. Он также ввел Реформацию в Цузе, в Нижнем Энгадине, в 1554 г., с помощью Иоганна Траверса, выдающегося патриота, государственно-го деятеля, воина и мирянина-проповедника, которого называли «стальным рыцарем на службе Господу».

Галлиций сильно страдал от гонений и бедности, но оставался кротким, терпеливым и верным до конца. Когда он проповедовал в Домлешге, у него не было даже хлеба, чтобы прокормить его большую семью, и он неделями жил на овощах и соли. Однако он воспитал своего сына, который стал служителем в Базеле, и отговорил его от другого, более прибыльного занятия. Он делал всё, что мог, для итальянских беженцев. Он умер от чумы, вместе со своей женой и тремя сыновьями, в Куре в 1566 г.

Он перевел на ретороманский язык молитву Господню, Апостольский символ веры и Десять заповедей, а также несколько глав Библии, тем самым заложив основы ретороманской литературы. Он также написал катехизис и латинскую грамматику, которые были напечатаны в Куре. В 1552 г. он подготовил вероисповедание Реции, которое позже было вытеснено вероисповеданием Буллингера (1566).

Ульрих Кампелл (родился ок. 1510, умер в 1582) был пастором в Куре и Зюсе и следующим, после Галлиция, реформатором Энгадина. Он также был первым историком Реции и одним из основателей религиозной литературы ретороманской Реции. Его история написана на хорошей латыни и основана на личных наблюдениях, рассказах древних римлян, исследованиях Чуди и сообщениях

²²⁶ См. его письма к Буллингеру и Вадриану в De Porta, I. 67, 179 sqq.; II. 278.

²²⁷ Подробный рассказ о первом диспуте есть в Campell, II. 842-366.

Буллингера и Вадияна. Она начинается с 100 г. по Р. Х. и заканчивается примерно 1582 г.

Литература на ретороманском языке возникла и начала развиваться именно в период Реформации²²⁸. Галлиций, Кампелл и Биверони (Бифрун) были ее основателями. Кампелл выполнил метрический перевод Псалтири, а также сочинил оригинальные гимны и составил катехизис (1562). Якоб Биверони, юрист из Самадена, выпустил перевод катехизиса Командера, который был напечатан в Поскьяво в 1552 г., и — с помощью Галлиция и Кампелла — всего Нового Завета, который появился впервые в 1560 г. в Базеле и стал главным средством распространения евангельской веры в этих областях. По словам современника, народ, который знал только ретороманский язык, «был в восторге, как древние израильтяне при виде манны».

Вследствие трудов реформаторов и их успеха в Граубюндене евангельская церковь прочно утвердилась там и охватила почти две трети населения, а одна треть осталась католиками. Это количественное соотношение сохранилось по сей день, с некоторым увеличением числа католиков, но не посредством обращения, а вследствие эмиграции и иммиграции. Две церкви мирно сосуществуют. Проблема религии решается каждой общиной через голосование, подобно политическим и общественным вопросам. Из принципа экономии средств нередко принималось решение отказаться от служения либо католического священника, либо реформатского проповедника²²⁹. Некоторые общины остались без служителей, чтобы избавиться от всех обязательств, или же нанимали то священника, то проповедника, на время. Галлиций жаловался Буллингеру на эту независимость, которая вела к беззаконию под видом свободы. Нередко общины вводились в заблуждение пришлыми искателями приключений, которые называли себя пасторами.

Демократическая автономия объясняет любопытное явление смешения религий в Граубюндене. За несколько часов путешественник может посетить ряд деревень с самыми разными символами веры. Сам город Кур — реформатский, а католики с их епископом образуют отдельный город на холме, называемый «Двором» (епископа).

В Граубюндене нет ни государственной церкви, ни свободной церкви, а есть только народная церковь²³⁰. Все жители крещены, проходят конфирмацию и являются членами церкви. Каждая община независима, сама избирает и содержит своего пастора. В 1537 г. был учрежден синод, который ежегодно собирается в июне. Он состоит из всех служителей и трех представителей правительства, рассматривает и назначает кандидатов, решает обычные административные проблемы. Гражданское правительство следит за сохранением собственности церкви и препятствует столкновениям церковного и гражданского законодательства, но управление церковным имуществом находится в руках поместных общин или приходов. Второе Гельветическое исповедание Буллингера было формально принято как символ веры церкви в 1566 г., но позже вышло из употребления. От служителей требуется только учить тому, что сказано в Библии, не противореча

²²⁸ *Erst die Reformation*, — пишет Леонгарди (*Philipp Gallicius*, p. 87), — *hat eine rhäto-romanische Literatur geschaffen. Die Mönche und Priester behaupteten, der Engadiner Dialect sei so verdorben, dass er keines schriftlichen Ausdruckes fähig sei.*

²²⁹ Из тех же самых соображений экономии в наше время некоторые католические общины предпочитают монаха-капуцина обычному священнику. Так мне сообщил архивариус епископа Кура в июне 1890 г.

²³⁰ *Volkskirche* или *Gemeindekirche*, которая включает в себя всех граждан.

общему учению реформатской церкви. Пасторы вольны пользоваться любым катехизисом, каким захотят. Богослужения очень просты, в церквях нет украшений. Среди народа преобладают благочестивые обычаи. В Куре в 1542 г. открылся протестантский коллеж, и Понтизелла, уроженец Брегалли, стал его первым ректором; он бесплатно обучался в Цюрихе с помощью Буллингера. С коллежем связана богословская семинария для подготовки служителей. Она была упразднена в 1843 г.²³¹, когда были выделены фонды на обучение кандидатов, которые теперь учатся в Базеле и Цюрихе или же в немецких университетах. В 1850 г. реформатский коллеж в Куре и католический коллеж в Санкт-Люции объединились в одно учебное заведение (*Cantonsschule*), располагающееся на холме над Куром, рядом с двором епископа.

В XVI — XVII веках реформатский клир был ортодоксальным, то есть умеренными кальвинистами. В XVIII веке пиетисты и моравские братья оказали существенное влияние на пробуждение духовной жизни²³². В наш век примерно половина клира попала под влияние немецкого рационализма и проповедует христианскую мораль без сверхъестественных догм и чудес.

Протестантское движение в итальянских долинах Граубюндена началось в середине XVI века, но в связи с таким соседством его возникновение было вполне предсказуемым.

§38. Реформация в итальянских долинах Граубюндена. Вергерий

- I. P. DOM. ROSIUS DE PORTA: *Dissertatio historico-ecclesiastica qua ecclesiarum colloquio Vallis Praegalliae et Comitatus Clavennae olim comprehensarum Reformatio et status... exponitur*. Curiae, 1787 (pp. 56, quarto). Его же *Historia Reformationis Eccles. Rhaeticarum*, bk. II, ch. v, pp. 139-179 (о Веперии). — DAN. GERDES (ученый историк из реформатской церкви, 1698 — 1765): *Specimen Italiae Reformatae*. L. Batav. 1765. — *THOMAS MCCRIE (1772 — 1835, автор *Life of John Knox* и т. д.): *History of the Progress and Suppression of the Reformation in Italy*. Edinburgh, 1827. 2^a ed. 1833. Переиздано Пресвитерианским издательским советом, Philadelphia, 1842. В гл. VI, стр. 291 и далее, говорится об итальянских церквях за пределами Италии и о Реформации в Граубюндене. — F. TRECHSEL: *Die protest. Antitrinitarier*, Heidelberg, 1844, vol. II. 64 sqq. — G. LEONHARDI: *Ritter Johannes Guler von Weineck, Lebensbild eines Rhätiers aus dem 17ten Jahrh.* Bern, 1863. Его же: *Puschlaver Mord. Veltiner Mord. Die Ausrottung des Protestantismus im Misoxerthal*. В «Zeitschrift der Wahren Protestant», Basel, 1852-’54. — B. REBER: *Georg Jenatsch, Graubündens Pfarrer und Held während des dreissigjährigen Kriegs*. В «Beitäge zur vaterländischen Geschichte», Basel, 1860. — E. LECHNER: *Das Thal Bergell (Bregaglia) in Graubünden, Natur, Sagen, Geschichte, Volk, Sprache*, etc. Leipzig, 1865 (pp. 140). — Y. F. FETZ (католик): *Geschichte der kirchenpolitischen Wirren im Freistaat der drei Bünde vom Anfang des 17ten Jahrh. bis auf die Gegenwart*. Chur, 1875 (pp. 367). — *KARL BENRATH: *Bernardino Ochino von Siena*. Leipzig, 1875 (английский перевод с предисловием — William Arthur, London, 1876). См. также его *Ueber die Quellen der italienischen Reformationsgeschichte*. Bonn, 1876. — *JON. KASPAR MÖRIKOFER: *Geschichte der evangelischen Flüchtlinge in der Schweiz*. Zürich, 1876. — JOHN STOUGHTON: *Footprints of Italian Reformers*. London, 1881 (pp. 235, 267 sqq.). — ЕМ. СОМБА (профессор истории церкви в Вальденском богословском коллеже во Флоренции): *Storia della Riforma in Italia*. Firenze, 1881 (пока вышел только первый том). *Biblioteca della Riforma Italiana Sec. XVI*. Firenze, 1883-’86. 6 vols. *Visita ai Grigioni Riformati*

²³¹ Последними профессорами богословия в ней были антист Кинд (мой пастор) и доктор Ширкс, оба — талантливые и благочестивые люди.

²³² Об этом движении см.: Munz, *Die Brüdergemeinde in Bünden*, в «Der Kirchenfreund», Basel, Nos. 19-21, 1886. Иоганн Баптист фон Альбертини (ум. в 1831), один из епископов и авторов гимнов моравских братьев, друг Шлейермахера, был родом из Граубюндена.

Italiani. Firenze, 1885. *Vera Narrazione del Massacro di Valtellina*. Zürich, 1621. Переиздание — Florence, 1886. См. список литературы в §36.

- II. Литература о Вергерии. Трудов Вергерия, на латыни и на итальянском, сохранилось очень мало. Ницерон приводит список из пятидесяти пяти названий, Сикст (pp. 595-601) из восьмидесяти девяти. Он начал собирать его *Opera adversus Papatum*, из которой вышел только первый том, Tübingen, 1563. Недавно Эмиль Комба издал *Trattacelli e sua storia di Francesco Spiera* в первых двух томах своей «Biblioteca della Riforma Italiana», Firenze, 1883, и *Parafraasi sopra l'Epistola ai Romani*, 1886. Сикст опубликовал найденные в архивах Кенигсберга сорок четыре послания Вергерия к Альберту, герцогу Пруссии (pp. 533 sqq.), а Каузлер и Шотт (библиотекарь из Штуттгарта) — его переписку с Кристофером, герцогом Вюртембергским (*Briefwechsel zwischen Christoph Herzog von Würt. und P. P. Vergerius*, Tübingen, 1875). — WALTER FRIEDENSBURG: *Die Nunciaturen des Vergerio*, 1533-'36. Gotha, 1892 (615 pp.). Из папских архивов.

CHH. H. SIXT: *Petrus Paulus Vergerius, päpstlicher Nuntius, katholischer Bischof und Vorkämpfer des Evangeliums*. Braunschweig, 1855 (pp. 601). С портретом Вергерия. 2^d (title) ed. 1871. Его деятельность в Граубюндене описана в гл. III. 181 sqq. — Отдельные упоминания о Вергерии есть в Sleidan, Seckendorf, De Porta, Sarpi, Pallavicini, Raynaldus, Maimburg, Bayle, Nicéron, Schelhorn, Salig, Meyer (в его монографии о Локарно, I. 36, 51; II. 236-255). Хорошая статья Шотта в *Herzog*², XVI. 351-357. (Он не так хвалит Вергерия, как Сикст).

Евангельская Реформация распространилась и на итальянские области Граубюндена, а именно, в долины Прегелля (Брегалыи²³³) и Поскьяво (Пушлав), которые по-прежнему принадлежат кантону, а также в земли Валтеллины (Вельтлин), Бормио (Вормс) и Кьявенны (Клевен), которые управлялись губернаторами (подобно территориям Соединенных Штатов), но были утрачены Граубюнденом в 1797 г. Валтеллина славится своей обильной растительностью, качественным вином и шелководством. Протестантская община была также организована в Локарно, в кантоне Тичино (Тессин), который тогда был подчинен Швейцарской конфедерации. Итальянская глава из истории швейцарского протестантизма тесно связана с развитием и подавлением Реформации в Италии и с эмиграцией многих протестантских исповедников, которые, как французские гугеноты в более поздний период, были изгнаны из родной страны и обогатили своим трудолюбием и добродетелью другие страны, в которых нашли гостеприимный дом.

Первый импульс Реформации в итальянском Граубюндене исходил от Галличия и Кампелла, которые трудились в соседнем Энгадине и знали итальянский, как и ретороманский. Главными участниками были протестантские беженцы, которые спасались от инквизиции в Северной Италии и нашли защиту у правительства Граубюндена. Многие из них обосновались там постоянно, другие отправились в Цюрих, Базель и Женеву. В 1550 г. количество итальянских беженцев составляло около двухсот. К 1559 г. их количество возросло до восьмисот. Одна четвертая или пятая из них были образованными людьми. Некоторые склонялись к унитаристским или анабаптистским взглядам и подготовили путь для социннианства. Среди последних можно упомянуть Франческо Калабрезе (в Энгадине), Тириано (в Куре), Камилло Ренато, предтечу социннианства (в Тирано, в Валтеллине), Окино, знаменитого капуцина-оратора (который потом побывал в Женеве, Англии и Цюрихе), Лелия Социна (который умер в Цюрихе, 1562) и его более знаменитого племянника Фауста Социна (1539 — 1604), который стал основателем социннианства и закончил свою жизнь в Польше.

Самым выдающимся из итальянских проповедников в Граубюндене был Петр Павел Вергерий (1498 — 1565)²³⁴. Он трудился там четыре года (1549 — 1553) и

²³³ Это итальянское название; по латыни *Praegallia*; на немецком *Bergell*.

²³⁴ Пьерпаоло Верджеро, называемый также Младшим, чтобы отличить его от старшего члена

оставил непреходящие следы своего влияния. Он относится к реформаторам второго эшелона. Это интересная, но неоднозначная и не во всем положительная личность, служение которой претерпевало существенные изменения. Вергерий занимал одну из высших должностей при папском дворе и стал одним из самых решительных противников папства.

Вергерий сначала был выдающимся юристом в Венеции. После смерти жены (Дианы Контарини) он стал служителем церкви и вскоре, благодаря своим талантам, возвысился до высоких постов. Климент VII послал его, вместе с Кампедджи и Пимпинелли, на Аугсбургский рейхстаг 1530 г., где он общался с Фабером, Экком и Кохлеем и проявил большое рвение и талант в подавлении протестантской ереси. Он стал папским секретарем и домашним капелланом в 1532 г. Павел III снова послал его в Германию (1535) — вести переговоры с немецкими князьями по поводу планируемого общецерковного собора в Мантуе. Он лично общался с Лютером в Виттенберге (7 ноября) и был оскорблен его плохой латынью, косноязычием и плебейскими манерами. Как Вергерий официально докладывал папскому секретарю (12 ноября), — непонятно, одержим немецкий «зверь» бесом или нет, но он явно воплощает в себе высокомерие, коварство и безумие²³⁵. А позже Вергерий назовет Лютера «человеком, достойным священной памяти», и «великим орудием Бога» и будет хвалить его в стихах, сочиненных при посещении Эйслебена в 1559 г. По возвращении в Италию он получил в награду за выполненную миссию архиепископство в Капо д'Истрия, на своей родине (недалеко от Триеста). Он стремился стать кардиналом. Он присутствовал — мы не знаем точно, в каком качестве, от имени ли папы или Франциска I Французского, — на обсуждениях в Вормсе и Регенсбурге в 1540 и 1541 гг., где встречался с Меланхтоном и Кальвином. Меланхтон подарил ему тогда копию Аугсбургского вероисповедания и апологию²³⁶. Тогда он был, по его собственному признанию, все еще слеп и нечестив, как Савл. В обращении *De Unitate et Pace Ecclesiae*, с которым он выступил в Вормсе 1 января 1541 г. и которое является, скорее, дипломатическим, чем богословским²³⁷, он говорил о необходимости созвать общецерковный собор для восстановления единства и мира в церкви на традиционной основе.

Его обращение в протестантизм происходило постепенно, под влиянием нескольких причин: чтения протестантских книг, которые он изучал, чтобы опровергнуть, личного общения с лютеранскими богословами и князьями в Германии, нетерпимости его римских оппонентов и ужасной смерти Спьеры. Он приобрел на опыте знание евангельского учения об оправдании верой, которое в то время было принято даже некоторыми высокопоставленными католическими богословами, такими как кардинал Контарини и Реджинальд Поул, которое защищали Палеарио Сиенский и некий ученик Вальдеса в анонимном трактате на итальянском, «О благой смерти Христа»²³⁸. Он начал проповедовать евангель-

его известной семьи. Де Порта так начинает свой рассказ о нем: *Inter exsules, qui ob Evangelii confessionem Italiae profugi in Rhaetia consederunt, haud ullus sive generis nobilitatem, sive dignitatem, sive vitae acta rationem spectes, maiorem meretur attentionem quam P. P. Vergerius.*

²³⁵ Сикст приводит (pp. 35–45), на основании свидетельств Зекендорфа, Сарпи и Паллавичини, полный рассказ об этой характерной беседе, которая относится к истории лютеранской и католической церкви. Официальный доклад был опубликован Фриденсбургом.

²³⁶ С письмом, которое есть в его *Opera, Corp. Reform.* IV. 22, и в Sixt, 94.

²³⁷ Перевод с латинского — в Sixt, 75–94. Эта речь была напечатана и стала распространяться сразу после ее произнесения, но экземпляров сохранилось очень мало.

ские учения и бороться со злоупотреблениями. Его брат, епископ Полы, полностью его поддерживал. Он вызвал подозрение курии и инквизиции. Он отправился в Тридент в феврале 1546 г., чтобы оправдаться перед собором, но его не допустили туда и запретили возвращаться в его епархию. Тогда он удалился в Риву на озере Гарда, недалеко от Тридента.

В 1548 г. он нанес визит в Падую, чтобы отвезти нескольких своих племянников в коллеж. Город был взволнован из-за ужасной трагедии Франческо Спьеры, юриста, обращенного в протестантизм, который отрекся от евангельской веры из страха перед инквизицией и стал терзаться муками совести, потому что считал, что совершил непростительный грех, отвергнув истину. Каждый день в течение нескольких недель Вергерий, как и многие другие, был свидетелем мучений несчастнейшего из отступников и безрезультатно пытался утешить его. Вергерий считал, что ни один грешник не лишен надежды, даже если бы он совершил преступления Каина и Иуды. Он готовился к посещениям, молясь и изучая утешительные обетования Писания. Но Спьера утратил всякую веру, всякую надежду, был безутешен; он настаивал на том, что совершил грех против Святого Духа, который не может быть прощен ни в этом мире, ни в грядущем. Его терзали воспоминания о грехах его юности, вина отступничества, перспектива вечной кары, которую он уже ощущал, и умер он в предельном отчаянии, с сердцем, полным ненависти и хулы. Его смерть была воспринята как Божий суд, как пример-предупреждение и как довод в защиту евангельского учения²³⁹.

Вергерий был потрясен этим эпизодом и принял окончательное решение. Он написал апологию, в которой рассказывал свою печальную историю и отрекался от своей связи с Римом, несмотря на риск гонений, пыток и смерти. Он послал апологию суффрагану-епископу Падуи 13 декабря 1548 г.

²³⁸ *Trattato utilissimo del beneficio di Giesù Christo crucifisso, verso i Christiani*. Venet. 1540. За шесть лет разошлось более сорока тысяч экземпляров этой книги, она была переведена на несколько языков и переиздана, с перевода на английский (который был сделан с французского), 4th ed., London, 1638, Лондонским обществом религиозных трактатов, со вступлением Джона Эйера, и опять — в Бостоне, 1860 (Gould & Lincoln, pp. 160, с факсимиле титульной страницы). Итальянский оригинал был найден в Кембридже в 1855 г. Вергерий писал в 1558 г., что в его время не было книги, по меньшей мере, на итальянском языке, «столь приятной, столь благочестивой, столь простой и столь подходящей для наставления слабых в вопросе оправдания» (Sixt, p. 103). Этот трактат раньше приписывали (Тирабоски, Гердес, Мак-Кри, Жюль Бонне, миссис Янг и другие) Аонио Палеарио, профессору классической литературы из Сиены, однако он был написан учеником испанского аристократа Хуана де Вальдеса в Неаполе и пересмотрен Фламинио. Ранке нашел в актах инквизиции запись: «Автором этой книги о благе Христа был один монах из Сансеверино в Неаполе, ученик Вальдеса, а редактировал ее Фламинио, причем она была напечатана много раз», и т. д. *Die Römischen Päpste*, vol. I, pp. 90-92 (8th ed., 1883). Венрат нашел имя автора, дон Бенедетто де Мантова, «*Zeitschrift für Kirchengesch.*», I. 575-596 (1877). См. его статью *Paleario*, в Herzog², XI. 165, note, и E. Böhmer о Вальдесе, *ibid.* XVI. 276 sqq. Бемер говорит, что две итальянские копии трактата есть в императорской библиотеке в Вене.

²³⁹ Я подробно рассказываю об этой трагедии в приложении к моей книге (на немецком) «Грех против Святого Духа» (Halle, 1841), pp. 173-210, на основании редкой публикации в 191 страницу (когда я изучал ее, она принадлежала доктору Генгштенбергу из Берлина): *Francisci Spierae, qui, quod susceptam semel evangelicae veritatis professionem abnegasset damnassetque, in horrendam incidit desperationem, Historia, a quatuor summis viris summa fide conscripta, cum clariss. virorum praefationibus. Cölui S. C. et Io. Calvinii et Petri Pauli Vergerii Apologia: in quibus multa hoc tempore scitu digna gravissime tradantur...* Basil. 1550. Она была переиздана в Тюбингене в 1558 г. Вергерий впервые опубликовал рассказ в своей «Апологии», 1548 (не 1549), которая содержится в этой книге, и сообщил об этом Кальвину в письме. Сикст приводит выдержки из него, pp. 125-160. См. Comba, *Francesco Spiera*, Firenze, 1883.

Вергерий был смещен и отлучен папой 3 июля 1549 г. и бежал в Граубюнден через Бергамо. Он оставался там до 1553 г., иногда совершая путешествия в Валтеллину, Кьявенну, Цюрих, Берн и Базель. Его принимали гостеприимно, он весьма активно проповедовал и писал. Вокруг него собирались люди всех слоев общества. На них производили впечатление его властное поведение и красноречие. Он основал типографию в Поскьяво в 1549 г. и издавал труды против папства. Проповедовал в Понтрезине и Самадене в Верхнем Энгадине, выступал за упразднение мессы и образов. Три года (1550 — 1553) проработал пастором в Викосопрано в Брегалье. объехал большую часть Швейцарии, познакомился с Буллингером, Кальвином и Безой.

Но скромный Граубюнден не удовлетворял его амбиций. Вергерий чувствовал себя здесь изолированным от мира и жаловался на его негостеприимные долины. Ему не нравились демократические установления. Он ссорился со старшими реформаторами, Командером и Галлицием. Он старался подчинить своему контролю весь синод Граубюндена, а когда ему это не удалось, решил организовать свой синод для итальянских общин. Потом ему захотелось занять более выдающееся положение в Цюрихе, Женеве или Берне, но Буллингер и Кальвин не доверяли ему.

В ноябре 1553 г. он радостно принял приглашение в Вюртемберг в качестве советника герцога Кристофера, одного из лучших князей XVI века, и оставшиеся двенадцать лет жизни провел на службе у этого герцога. Он жил в Тюбингене, но не был официально связан с университетом. Он продолжал писать трактаты против папства, способствовал южно-славянскому переводу Библии и ее распространению, вел обширную переписку и выполнял разные дипломатические и евангельские миссии перед императором Максимилианом в Вене, королями Богемии и Польши. Во время первого путешествия в Польшу он лично познакомился с Альбертом, герцогом Пруссии, который весьма ценил его и поддерживал материально. Он переписывался с королевой Елизаветой в тщетной надежде на то, что его пригласят в Англию. Он хотел поехать делегатом на религиозную конференцию в Пуасси во Франции (1561), но его снова ждало разочарование. Он нанёс четыре визита в Граубюнден (в ноябре 1561, в марте 1562, в мае 1563 и в апреле 1564 г.), чтобы противодействовать интригам испанской и папской партии и способствовать согласию швейцарской церкви с церковью Вюртемберга. Во время второго визита он доехал до Валтеллины. Он получил неформальное приглашение на Тридентский собор в 1561 г. от Дельфино, папского нунция, сделанное в надежде, что его можно будет уговорить покаяться; он был готов прибыть в Тридент, даже помня о постигшей Гуса участи в Констанце, но при условии получения охранной грамоты, в которой ему было отказано²⁴⁰. Сначала он хотел объединиться с богемскими братьями, которыми он восхищался из-за строгой дисциплины и чистого учения. Он перевел и издал их вероисповедание. Он постоянно нуждался в деньгах, и его многочисленные письма к герцогам Вюртемберга и Пруссии с соответствующими просьбами производят тягостное впечатление. Однако мы должны учесть и то, что он тратил много средств на печатание книг, на частые путешествия и на содержание трех племянников и племянницы. На пятьдесят девятом году жизни он решил вступить в брак и попросил герцога

²⁴⁰ См. его письма к герцогу Альберту Прусскому и доклад Паллавичини, XV. 10; также Sixt, 485 sqq., 490 sqq.

удвоить его жалование в двести гульденов, но его просьбу не удовлетворили, и он отказался от женитьбы²⁴¹.

Он умер 4 октября 1565 г. в Тюбингене и был там похоронен. Доктор Андреа, главный автор лютеранской Формулы согласия, произнес погребальную проповедь, а ученый Крузий записал ее на греческом языке. Герцог Кристофер поставил в честь него памятник с хвалебной надписью²⁴².

Многочисленные труды и трактаты Вергерия на латыни в основном содержат полемику против римской иерархии, к которой он сам так долго принадлежал²⁴³. Он изобличал, с несдержанным рвением прозелита, «скандальную хронику» папства, в том числе мифическую женщину-папессу Иоанну (Иоанн VIII), которая, как тогда все полагали, действительно существовала²⁴⁴. Он соглашался с Лютером, что папство — изобретение дьявола; что папа — сам антихрист, сидящий в храме Божьем, как предсказано Даниилом (11:36) и Павлом (2 Фес. 2:3 и далее), и зверь Апокалипсиса; и что он скоро будет уничтожен Божиим судом. Он нападал на всех пап своего времени, кроме Адриана VI, которого он уважал за честность и искренность. Он особенно был строг к «Савлу IV» (Павлу IV), который, будучи кардиналом Карафой, отпустил несколько мудрых и смелых высказываний о развращенности клира, но после того как занял «престол отступника, развращающий всякого, кто поднимается на него», стал вождем контрреформации, с применением насильственных и кровавых мер. Вергерий говорит, что папы — чудовища. Один противоречит другому, однако все они непогрешимы и требуют полного повиновения. Лучше умереть тысячу раз, чем, общаясь с папством, отпасть от Христа, Сына Божьего, Который был распят за нас и воскрес из мертвых. Папство и Евангелие несовместимы, как тьма и свет, Велиал и Христос. Компромисс между ними невозможен. Вергерий был не менее строг к кардиналам и епископам, хотя и признавал, в виде исключения, что среди них попадаются честные люди. Он критиковал и высмеивал Тридентский собор, который тогда заседал, и пытался доказать, что этот собор никакой не вселенский, не свободный и не христианский. Вергерий использовал те же доводы, которые старокатолики выдвигали против Ватиканского собора 1870 г. Он не признавал себя виновным в ереси и возвращал это обвинение своим бывшим соратникам по вере. Протестанты, которые следуют за Словом Божиим, — ортодоксы, а католики, которые следуют человеческой традиции, — еретики.

Антипапские произведения Вергерия жадно читали его современники, но сейчас они забыты. Буллингеру они не нравились, он считал их необоснованными, полными фразивных насмешек и оскорблений.

В том, что касается разногласий между протестантами, Вергерий был непосредователен. Сначала он придерживался кальвинистической теории о вечере Гос-

²⁴¹ Sixt, 510 sqq.

²⁴² В этой эпитафии, из восемнадцати гексаметров, обыгрывается его имя: *Petr*, который отрекся от Господа, а после обращения пас Его овец; *Павел*, который сначала преследовал, а потом создал церковь; и *Вергерий*, *vergens ad orcum* и *vergens ad astra poli*. Этот памятник в Георгенкирхе был разрушен иезуитами в 1636 и восстановлен в 1672 г., но потом исчез, по свидетельству Шотта (Herzog², XVI. 357), которое (вопреки тому, что говорит Сикст, 527) подтверждается доктором Вейцсакером (в частном письме от 5 января 1891 г.).

²⁴³ Многие из них выходили анонимно или под ложными именами, такими как Афанасий, Фра Джованни, Ламберт де Нигромонте, Валерий Филарх и др.

²⁴⁴ Этот средневековый вымысел, вероятно, был римской сатирой на чудовищное влияние женщин с дурной репутацией на папство в X веке. Первым ее историчность опроверг Давид Блондель. См. т. IV, §59.

подней и выразил ее в своем катехизисе²⁴⁵, в письме Буллингеру от 16 января 1554 г. и позже, в июне 1556 г., в Вюртемберге, где он встретил Меланхтона и Вебера. Но в Вюртемберге он должен был подписать Аугсбургское вероисповедание, и в письме к герцогу Вюртембергскому 23 октября 1557 г. он исповедовал теорию Лютера. Он также перевел катехизис Бренца и Вюртембергское вероисповедание на итальянский, тем самым оскорбив швейцарских цвинглиан, но сообщил им, что выступал просто в роли переводчика. Он никогда не придавал большого значения спору о евхаристии и держался от него в стороне²⁴⁶. Он не был серьезным богословом, а лишь церковным политиком и дипломатом как до, так и после обращения.

Вергерий покинул Католическую церковь достаточно поздно, когда контрреформация уже начала крушить протестантизм в Италии. Он умел произвести впечатление, был достаточно учен и красноречив, остроумен и ироничен, умел вести споры и обладал дипломатическим опытом, но при этом был беспокоен, тщеславен и амбициозен. У него было преувеличенное представление о собственной значимости. Он не мог забыть о своей былой власти и претензиях епископа и о высоком положении представителя папы. Ему хотелось быть кем-то вроде представителя протестантизма при всех дворах Европы или стать посредником между реформатской и лютеранской церковью. Паллавичини, иезуит, исследователь Тридентского собора, описывает его как живого и смелого человека, который не мог жить без дела и думал, что без него дело не пойдет. Кальвин находил в нем много похвальных черт, но боялся, что его бурная деятельность не имеет под собой прочного основания. Галлиций писал Буллингеру: «Хотел бы я, чтобы Вергерий был поспокойнее и убедил бы себя, что небеса не упадут, если он, второй Атлас, перестанет их поддерживать». Но Вергерий занял важное место в истории своего времени. Он заслужил уважение лютеранских князей и богословов, и его с благодарностью вспоминают за миссионерское служение в двух итальянских долинах Граубюндена, которые остались верны евангельской вере по сей день.

§39. Протестантизм в Кьявенне и Валтеллине и его подавление. Бойня в Валтеллине. Георг Йенач

См. список литературы в §§36 и 38.

Теперь мы переходим к итальянским областям, зависевшим от Граубюндена, где протестантизм был введен только на время.

В Кьявенне реформатское поклонение было введено в 1544 г. бывшим монахом из Пьемонта Агостино Майнарди, под протекцией Геркулеса фон Салиса, губернатора провинции. Его преемником стал Иероним Дзанки (1516 — 1590), монах-августинец, который обратился, читая труды реформаторов, под руководством Вермилы в Лукке, и стал одним из самых ученых и решительных защитников кальвинистской системы. Он бежал в Граубюнден в 1551 г. и проповедовал в Кьявенне. Два года спустя он принял приглашение на пост профессора еврейского языка в Страсбурге. Потом он спорил с Марбахом по вопросу предопределения, которое отстаивал с помощью логических доводов²⁴⁷. В 1563 г. он вернул-

²⁴⁵ *Fondamento della religione christiana per uso della Valtellina* (1553).

²⁴⁶ Его взгляды на евхаристию рассматриваются в Sixt, 208, 214, 497 sqq.

²⁴⁷ Schweizer, *Centraldogmen der Ref. Kirche*, I. 422 sqq.

ся в Кьявенну в качестве пастора. У него было много проблем с беспокойными итальянскими беженцами и с зарождающейся ересью сочиниянства. В 1568 г. он уехал в Гейдельберг, преподавать богословие на основании катехизиса Палатината, который был введен в 1563 г. при благочестивом электоре Фридрихе III. Он подготовил почву для кальвинистической схоластики. Полное издание его трудов вышло в Женеве в 1619 г., в трех томах.

В Кьявенне было еще несколько способных пасторов: Симоне Флорилло, Сципион Лентуло из Неаполя, Оттавиано Мейо из Лукки.

Небольшие протестантские общины были организованы в Валтеллине, в Каспане (1546), в Сондрио (место заседания правительства), в Тельо, Тирано и других городах. Доктор Мак-Кри пишет: «В целом протестантских церквей к югу от Альп было более двадцати, во всех велись богослужения и все они существовали до конца XVI века, в основном для изгнанников из Италии».

Но протестантизм в Кьявенне, Бормио и Валтеллине был в конечном итоге уничтожен. Здесь мы предвосхитим кровавую страницу истории XVII века.

Есть несколько причин уничтожения протестантизма в Северной Италии. Католические народы никогда не относились дружелюбно к еретикам-беженцам, которые селились среди них, и называли их *banditi*, что означает «изгнанники» или «изгой». Эти народы упрекали Граубюнден за то, что там принимают тех, кто был изгнан из других христианских стран. Эти народы жили в состоянии политического подчинения, вместо того чтобы получить равные права с тремя лигами. Провинциальные губернаторы часто были угнетателями, продавали должности и обогащались за счет населения. Протестанты же были заняты внутренними распрями. Римская контрреформация началась в Северной Италии и Швейцарии, с великим рвением и энергией, благочестивым кардиналом Карлом Борромео, архиепископом Миланским. Иезуиты и капуцины разжигали в невежественном и суеверном народе ненависть к еретикам-протестантам. В самом Граубюндене за власть боролись католическая партия, под руководством семейства Планта, и протестанты, под руководством семейства Салис. Первые хотели подавления Реформации в лигах и подчиненных областях, и их подозревали в предательском сговоре с Испанией и Австрией. Протестантская партия провела заседание (*Strafgericht*, нечто вроде суда инквизиции) в Тузисе в 1618 г., где присутствовало девять проповедников, и осудила заговорщиков. Пожилой Замбра, который под пыткой признал сговор с Испанией, был обезглавлен; Николаус Руска, уважаемый священник, защитник испанских интересов в Валтеллине, прозванный молотом еретиков, был жестоко замучен до смерти; епископ Иоганн Флуги был смещен и объявлен вне закона; братья Рудольф и Помпей Планта, рыцарь Якоб Робустелли и другие влиятельные католики были объявлены вне закона, а имущество Планта конфисковано.

Такое самоуправство привело ко всеобщему негодованию. Изгнанники замыслили отомстить и были уверены в помощи Испании. Робустелли вернулся, после ссылки, в Валтеллину и собрал отряд примерно в триста отчаянных бандитов с венецианской и миланской территории, намеревавшихся свергнуть власть Граубюндена и уничтожить протестантизм.

В июле 1620 г. произошла печально известная «бойня в Валтеллине» (*Veltliner Mord*). Ее можно назвать подражанием Сицилийской вечере или Варфоломеевской ночи. В ней проявилась жестокость религиозного фанатизма в сочетании с политическими разногласиями. Трагедия началась тихой ночью, с 18 на 19 июля, с убийства шестидесяти беззащитных взрослых протестантов в Тирано;

подеста Эндерлин был застрелен на улице, его тело изувечили и выбросили в Адду; Антон фон Салис укрылся в доме друга-католика, но его выследили и убили; глава протестантских служителей Антон Басса из Поскьяво был повешен на церковной кафедре. Убийцы отправились в Тельо и перестреляли еще примерно столько же человек в церкви, в том числе служителя, который был ранен на кафедре и уговаривал слушателей не отрекаться от своей веры; группа женщин и детей, которые укрылись в башне церкви, была сожжена. Священник Тельо принял участие в кровопролитии. В левой руке он держал крест, а в правой меч. В Сондрио бойня продолжалась три дня. Семидесяти одному протестанту, благодаря их решительному сопротивлению, удалось бежать в Энгадин, но сто сорок человек пали жертвами бандитов. Один мясник хвалился, что убил восемнадцать человек. Не щадили и мертвые тела; их выкапывали из могил, сжигали, бросали в реки и отдавали на растерзание зверям. Паула Баретта, благородная венецианская дама 80 лет, которая оставила монастырь из-за религиозных убеждений, была подвергнута унижениям, передана миланской инквизиции и год спустя погибла на костре. Анна из Либо бежала, держа на руках двухлетнего ребенка; ее схватили и обещали отпустить, если она отречется от своей веры. Она отказалась, сказав: «Вы можете убить тело, но не душу». Потом она прижала ребенка к груди и приняла смертельный удар. Когда люди видели потоки крови на рыночной площади перед главной церковью, они восклицали: «Вот отмщение за убийство нашего священника Руска!» Потом его почитали как святого мученика. В Морбеньо католики повели себя достойно и помогали протестантам бежать. Беглецы были тепло приняты в Граубюндене и других областях Швейцарии. Из Валтеллины Робустелли отправился в Поскьяво, сжег город Брузио и продолжал убивать протестантов, пока его не остановили²⁴⁸.

Валтеллина объявила себя независимой и выбрала рыцаря Робустелли военным вождем. Каноны Тридентского собора были объявлены обязательными. Были введены папские индульгенции. Евангельские церкви и кладбища были вновь освящены для католического использования. Тела протестантов выкапывали, сжигали и бросали в реку. Были посланы обращения к папе и королям Испании и Франции, в которых безумные деяния бунтовщиков объяснялись и оправдывались как спасение католической веры и обретение политической свободы от невыносимой тирании.

Начались долгие и кровавые конфликты для обретения утраченной провинции, в которых приняло участие несколько иностранных держав. Проблема Валтеллины (как мусульманская проблема в наше время) стала общеевропейской и привела к Тридцатилетней войне. Испания, которой принадлежал Милан, хотела открыть себе доступ к Австрии через альпийские перевалы Граубюндена, а Франция и Венеция имели политические причины держать их закрытыми. Австрийские и испанские войска оккупировали Валтеллину и три лиги, изгнали протестантских проповедников и навлекли на народ неопишущие несчастья.

²⁴⁸ Умеренные католические историки не осмеливаются оправдывать эту бойню, как и Варфоломеевскую ночь, но считают ее ужасным отмщением и отчаянной самозащитой против угнетения со стороны представителей Граубюндена. Так делает Фец, который говорит (*l. c.*, p. 113): *Die besonnenen Katholiken haben diese schauerliche Selbsthilfe, wodurch viele Unschuldige als Opfer der Rache gefallen, niemals gebilligt, andererseits konnten und können billig denkende Protestanten das arge Treiben der Prädicanten und reformirten Machthaber im Veltlin und Umgebung ebensowenig gutheissen, denn dieses arge Treiben war die erste und letzte Ursache der verzweifelten Selbsthilfe.* Но итальянские католические авторы (такие, как Канту) называют эту бойню священной (*sacro macello*)!

Франция, не менее католическая страна под руководством кардинала Ришелье, но тяготевшая к дому Габсбургов, поддержала протестантов Граубюндена, как и шведов на севере, и послала армию под командованием благородного гугенота герцога Анри де Рогана, который победил австрийцев и испанцев и захватил Валтеллину (1635).

Граубюнден, с поддержкой Франции, восстановил права над Валтеллиной по договору в Кьявенне (1636), который гарантировал трем лигам все права власти, но при условии, что они не будут терпеть в провинции другой веры, кроме римской католической. Роган, который желал Граубюндену блага, пытался отстаивать интересы протестантов, но католическая Франция не согласилась с ним. Он умер в 1638 г. и был похоронен в Женеве.

Валтеллина продолжала управляться бейлифами до 1797 г. Сейчас она входит в состав Итальянского королевства и наслаждается религиозной свободой, гарантированной в конституции 1848 г.²⁴⁹

В этом безумном эпизоде Тридцатилетней войны выдающуюся роль романтического героя сыграл один протестантский проповедник, полковник Георг Йенач. Он родился в Самадене, в Верхнем Энгадине, в 1590 г., учился на протестантского служителя в Цюрихе, нес служение в общинах Шаранса и Бербенно в Валтеллине и едва спасся во время бойни в Сондрио, бежав через опасные горные перевалы. Он был красноречивым оратором, пылким патриотом, проникательным политиком и храбрым воином, но был амбициозен, склонен к насилию и крайностям, лишен совести и принципов. Он принял участие в жестоком решении совета в Тузисе (1618) и убил Помпея Планту топором (1621). Он был наставником и советником герцога Рогана, и его знания, напор и энергия помогли герцогу победить Австрию. Разочарованный в удовлетворении своих амбиций, он изменил Франции, присоединился к австрийской партии и Римской церкви (1635), но своих детей воспитывал в протестантской вере. Он был убит на пиру в Куре (1639) неизвестным, мстившим за убийством Помпея Планты. Похоронен в католической церкви, рядом с дворцом епископа. Погребальную проповедь произносил монах-капуцин²⁵⁰.

§40. Община Локарно

FERDINAND MEYER: *Die evangelische Gemeinde von Locarno, ihre Auswanderung nach Zürich und ihre weiteren Schicksale*. Zürich, 1836. 2 vols. Подробнейшая монография, основанная на рукописных источниках, в основном посвященная истории итальянской общины в Цюрихе, куда эмигрировали ведущие протестантские семейства Локарно.

Локарно, прекрасный город на северном берегу Лаго Мадджоре, был подчинен Швейцарской конфедерации и управлялся бейлифами²⁵¹. В середине XVI ве-

²⁴⁹ *Statuto fondamentale* Сардинии, действие которого в 1870 г. было распространено на всю Италию, гласит, что римская католическая вера является государственной, но провозглашает терпимое отношение ко всем другим религиям. Вальденсы недавно открыли свои центры проповедей в Кьявенне и других местах Северной Италии.

²⁵⁰ Он стал героем драмы Арнольда фон Салиса и классического романа швейцарского поэта Конрада Фердинанда Мейера (*Jürg Jenatsch*. Leipzig. 3^e ed. 1882). Доктор Э. Гаффер обещает написать подробную биографию Йенача.

²⁵¹ Изначально он принадлежал герцогству Миланскому и был отдан Швейцарии в 1512 г. вместе с Лугано и Домодоссолой. В 1803 г. он стал, вместе с Лугано и Беллинзоной, одной из трех столиц итальянского кантона Тичино. В 1878 г. Беллинзона была объявлена единственной столицей.

ка там была протестантская община из почти двухсот членов²⁵². Главными из них были Беккария, Таддео Дуно, Лодовико Ронко и Мартино Муральто. В 1549 г. там состоялся религиозный диспут об авторитете папы, о заслуге добрых дел, об оправдании, об исповеди перед священником и о чистилище²⁵³. Он завершился беспорядками. Вирц, председательствовавший бейлиф, который не знал ни латыни, ни итальянского, принял решение в пользу римской партии. Беккария отказался подчиниться, бежал и отправился в Цюрих, где был тепло принят Буллингером. Позже он стал членом синода Граубюндена и был послан благовестником в Мизокко, но вернулся в Цюрих.

Верные протестанты Локарно, которые предпочитали эмигрировать, но не подчиниться, вместе с женами и детьми отправились в 1556 г. пешком и верхом, по снегу и льду, в Граубюнден и Цюрих. Половина из них осталась в Граубюндене и смешалась и тамошними евангельскими общинами. Остальные организовали итальянскую общину в Цюрихе, под попечительством Буллингера. В течение краткого времени там нес служение Вергерий, который прибыл для этого из Тюбингена, а потом — Бернардино Окино, который бежал из Англии в Базель после восшествия на престол королевы Марии. Окино был умнейшим и красноречивейшим проповедником. В то время ему было уже почти шестьдесят восемь лет, но он оскорблял верующих своими арианскими и другими еретическими мнениями, и они потребовали его отстранения в 1563 г. Он отправился в Базель, Страсбург, Нюрнберг, Краков, был изгнан из Польши 6 августа 1564 г. и умер в нищете в Моравии (1565) как жертва своих тонких рассуждений и нетерпимости своего времени. Он написал для общины Локарно катехизис на итальянском языке, в форме диалога (1561).

Самым значительным из служителей для беженцев был Пьетро Мартири Вермильи, который также бежал из Англии, сначала в Страсбург (1553), потом в Цюрих (1555). Он был принят в совет Локарно, получил гражданство Цюриха и был избран профессором еврейского языка вместо Конрада Пелликана (который умер в 1556 г.). Он трудился там до своей смерти в 1562 г., дружил и был в полном согласии с Буллингером, все его уважали и любили. Он был одним из самых выдающихся и полезных итальянских обращенных и, как и Дзанки, ортодоксальным кальвинистом.

Итальянская община увеличилась за счет новых беженцев из Локарно и продолжала существовать до конца XVI века. Ведущие семьи — Дуно, Муральто, Орелли, Песталотци и другие — приняли гражданство и заняли выдающееся место в истории Цюриха, внося вклад в его процветание своим трудолюбием, подобно изгнанникам-гугенотам в Бранденбурге, Голландии, Англии и Северной Америке²⁵⁴.

§41. Цвинглианство в Германии

Принципы Гельветической республики в какой-то степени распространились и в Германии, но в видоизмененной форме, и подготовили основание для умеренного (меланхтоновского) характера немецкой реформатской церкви. Хотя влия-

²⁵² Мейер приводит полный список членов по архивам Цюриха, а также перечисляет тех, кто эмигрировал в Цюрих (vol. I, 511-515, 521-525).

²⁵³ О нем рассказывает Дуно в письме к Буллингеру, а также в книге *De persecutione*. См. Meyer, I. 190 sqq.

²⁵⁴ О трудолюбии итальянцев в Цюрихе см. Meyer, II. 375-391.

ние Лютера на Германию превосходило влияние всех остальных, у Цвингли также были там свои друзья и почитатели, особенно ландграф Филипп Гессенский, который очень усердно, хотя и безуспешно, трудился для объединения лютеран и реформатов. Буцер и Капитон в Страсбурге, Целларий в Аугсбурге, Блаурер в Констанце, Германн в Рейтлингене и Сомий в Ульме весьма симпатизировали духу и тенденциям цюрихского реформатора²⁵⁵. Его влияние особенно ощущалось в тех вольных городах Южной Германии, где преобладал демократический элемент.

Четыре из этих городов, Страсбург, Констанц, Мемминген и Линдау, отправили Аугсбургскому рейхстагу 11 июля 1530 г. особое вероисповедание (Тетраполитанское исповедание, *Confessio Tetrapolitana*, исповедание четырех городов), составленное Буцером, с помощью Гедиона, на которое ответили католические богословы Фабер, Экк и Кохлей. Это был первый символ веры немецкой реформатской церкви (произведения Цвингли никогда не приобретали силы символа веры), но он был вытеснен Гейдельбергским катехизисом (1563) и Вторым Гельветическим вероисповеданием (1566). В нем избирался средний путь между Аугсбургским вероисповеданием Меланхтона и личным вероисповеданием Цвингли, посланным тому же рейхстагу; в нем предвосхищаются взгляды Кальвина на вечерю Господню как на реальное восуществление истинного тела и крови Христа, принимаемых, однако, не через рот, физически, а в вере, для питания души к вечной жизни²⁵⁶.

Цвинглианская Реформация была ограничена и почти уничтожена в Германии из-за совместной оппозиции католичества и лютеранства. Четыре города не смогли оставаться в изоляции и подписали Аугсбургское вероисповедание по политическим причинам, чтобы присоединиться к Шмалькальденской лиге. Реформатская церковь начала всё сначала в Палатинате, под совместным влиянием Цвингли, Меланхтона и Кальвина (1563), укрепилась при согласии правящей династии Пруссии (с 1614 г.) и в конечном итоге приобрела равные права с католической и лютеранской церквями в Германской империи после Вестфальского договора (1648).

²⁵⁵ См. переписку Цвингли в его *Opera*, vols. VII-VIII.

²⁵⁶ См. т. VII, §121.

ГЛАВА V

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА МЕЖДУ КАТОЛИЧЕСКИМИ И РЕФОРМАТСКИМИ КАНТОНАМИ

См. труды ESCHER, OECHSLI и FENNER из списка в §5; MÖRIKOFER, *Zwingli*, II. 346-452; и BLUNTSCHLI, *Geschichte des schweizerischen Bundesrechtes von den ewigen Bünden bis auf die Gegenwart*. Stuttgart. 2^d ed. 1875, 2 vols.

§42. Первая Каппельская война. 1529

Год 1530-й ознаменовался расцветом цвинглианской Реформации. Она прочно укрепилась в ведущих городах и кантонах Цюриха, Берна и Базеля. Она привлекала на свою сторону большинство населения Северной и Восточной Швейцарии и Граубюндена. Она надеялась в будущем победить во всей конфедерации, но ее дальнейшее развитие было неожиданно остановлено катастрофой в Каппеле и смертью Цвингли.

У двух партий не было представления о терпимости (кроме как в Гларусе и Граубюндене). Обе хотели господства и вытесняли одна другую везде, где им удавалось прийти к власти. Они вступали в открытый конфликт на общих территориях или в свободных областях, силой стараясь ввести новую религию или помешать ее введению. Протестанты, под руководством Цвингли, были агрессорами, особенно при конфискации имущества богатого аббатства Санкт-Галлен. На их стороне было право прогресса и большинство населения. Но на стороне католиков была традиция прошлого, буква закона, большинство кантонов и голосов в рейхстаге, в котором не было непосредственных представителей народа. Католики строго запрещали читать протестантские проповеди в тех местах, где обладали властью, и даже начали кровавые гонения. Якоб Кайзер (или Шлоссер), служитель из Цюриха, был схвачен во время проповеди и публично сожжен на костре в городе Швиц в мае 1529 г.²⁵⁷ Его мученичество стало сигналом для начала войны. Протестанты боялись, и не без причины, что этот случай приведет к череде всеобщих гонений.

С религиозной оппозицией был тесно связан политический и социальный вопрос военной службы швейцарцев за границей²⁵⁸, против которой Цвингли решительно выступал в интересах патриотизма, тогда как католики защищали ее в интересах богатства и славы. Это была очень серьезная проблема, как можно видеть из того факта, что, по словам французского посла, его король отправил с 1512 по 1531 гг. не менее 1.133.547 золотых крон в Швейцарию, — и эту сумму

²⁵⁷ См. подробности в Mürikofer, II. 146 sqq., и Christoffel, I. 376 sq.

²⁵⁸ *Reislaufen*, или «отправление на войну»; *reisig*, на древненемецком, значит «готовый к войне» (*kriegsrüstig*).

надо умножить на четыре, чтобы получить ее современный эквивалент. Пенсии были иудовой платой иноземных правителей, которая давалась влиятельным швейцарцам за измену своей стране. Выступая против этого злоупотребления, Цвингли, без сомнения, был прав, и его дело победило, хотя и через много лет после его смерти²⁵⁹.

Обе партии подготовились к войне, которая разразилась в 1529 г. и закончилась поражением протестантов в 1531 г. Шестнадцать лет спустя лютеранские князья потерпели такое же поражение в Шмалькальденской войне против императора (1547). Пять лесных кантонов — Ури, Швиц, Унтервальден, Люцерн и Цуг — образовали оборонительную и наступательную лигу (ноябрь 1528 г.; подготовка началась в 1527 г.) и даже вступили сначала в тайный, а потом и в открытый союз с герцогом Фердинандом Австрийским и королями Богемии и Венгрии (апрель 1529 г.). Этот союз со старым врагом Швейцарии, которому их предки наносили поражение в славных битвах, был предательством и шагом к расколу конфедерации на два враждебных лагеря (что повторилось в 1846 г.). Король Фердинанд был политически и религиозно заинтересован в расколе Швейцарии и способствовал ему. Фрейбург, Валлис и Золотурн выступили на стороне католических кантонов и обещали им помощь в случае войны. Протестантские кантоны, возглавляемые Цюрихом (который сделал первый шаг в этом направлении), образовали протестантскую лигу под названием «Христианское согражданство» (*Burgrecht*), с городами Констанцем (25 декабря 1527 г.), Билем и Мюльхаузенем (1529) и Страсбургом (9 января 1530)²⁶⁰.

Цвингли, спровоцированный сожжением Кайзера и видящий, что вокруг собираются тучи, был склонен к незамедлительным действиям, которые обычно помогают обеспечить большее преимущество в критический момент. Он верил в необходимость войны. Лютер же верил только в Слово Божье, хотя и разжигал воинственные чувства своими произведениями и сам обладал смелостью мученика, готового взойти на костер. Цвингли был вольным республиканцем, а Лютер — верным монархистом. Цвингли принадлежал к людям типа Кромвеля, которые «верят в Бога, но держат порох сухим». В нем реформатор, государственный деятель и патриот были едины. Он ссылаясь на примеры Иисуса Навина и Гedeона, забывая о разнице между Ветхим и Новым Заветом. «Будем тверды, — писал он своим миролюбивым друзьям в Берн 30 мая 1529 г., — и не побоимся взяться за оружие. Этот мир, которого многие так желают, — не мир, но война; война же, к которой призываем мы, — не война, а мир. Мы не жаждем крови людей, но хотим перерезать жилы олигархии. А если мы будем избегать этого, то истина Евангелия и жизни служителей никогда не будут в безопасности среди нас»²⁶¹.

Цюрих первым подготовился к борьбе и послал четыре тысячи вооруженных солдат в Каппель, селение с цистерцианским монастырем, на территории Цюри-

²⁵⁹ Christoffel, I. 382. См. также §7.

²⁶⁰ Документы об этих лигах приведены в Bullinger, Hottinger и Bluntschli, *l. c.*, I. 303-305, 318 sq.; II. 238-255.

²⁶¹ *Quod hactenus ad vos scripsi, iterum atque iterum facio, ut constantes sitis, neque bellum metuatis. Nam ista pax, quam quidam tantopere urgent, bellum est, non pax; et bellum, cui nos instamus, pax est, non bellum. Non enim sitimus cujusquam sanguinem, neque etiam per tumultum haurimus, sed in hoc sumus, ut oligarchiae nervi succidantur. Id nisi fiat, neque Evangelii veritas, neque illius ministri apud nos in tuto erunt. Nihil crudele cogitamus: sed quicquid agimus, amicum et paternum est. Opera, VIII. 294.*

ха, на границе с кантоном Цуг²⁶³. Менее крупные отряды расположились в Бремгартене и на границе Швица, Базеля и Санкт-Галлена. Мюльхаузен выделил вспомогательные силы. Берн послал пять тысяч человек, но приказал им только защищаться.

Цвингли сопровождал основные силы в Каппель. «Когда мои братья рискуют жизнью, — сказал он бургомистру, который хотел удержать его, — я не могу оставаться дома. Армии требуется бдительный надзор». Он взял алебарду, которую носил, когда был капелланом в Мариньяно, и сел верхом, готовый победить или умереть для Бога и своей родины²⁶⁴.

Он подготовил прекрасные инструкции для воинов и план кампании, которая должна была оказаться короткой, решительной, решающей и по возможности бескровной.

Цюрих объявил войну 9 июня 1529 г. Но перед тем как войска пересекли границы лесных кантонов, ландман Эбли из Гларуса, где католики и протестанты поклонялись в одной церкви, посетил вражескую армию в качестве миротворца и предотвратил кровавое столкновение. Он был другом Цвингли, противником наемной службы, все уважали его как истинного патриота. Буллингер сообщает, что он, со слезами на глазах, уговаривал цюрихцев отложить нападение хотя бы на несколько часов в надежде заключить почетный мир. «Дорогие господа из Цюриха, ради Бога, не допустите раскола и гибели конфедерации!» Цвингли ответил ему: «Мой дорогой друг²⁶⁵, ты ответишь перед Богом за этот совет. Пока враги в нашей власти, они говорят добрые слова, а как только они будут готовы воевать, они нас не пощадят». Цвингли предвидел то, что действительно произошло после его смерти. Эбли ответил: «Я верю в Бога и в то, что все будет хорошо. Пусть каждый из нас делает то, что считает правильным». И удалился.

Сам Цвингли был не против мира, но только на четырех условиях, которые через день после призыва Эбли он послал в меморандуме Цюрихскому совету (11 июня): 1) Слово Божье должно проповедоваться свободно по всей конфедерации, но никого не будут заставлять упразднять мессу, изображения и другие церемонии, которые попадут под влияние проповеди Писания; 2) все иностранные военные пенсионеры должны быть упразднены; 3) те, кто выступает за иностранные пенсии и распространяет их, должны быть наказаны, пока армия еще в поле; 4) лесные кантоны должны возместить ущерб подготовки к войне и Швиц должен выплатить тысячу гульденов на содержание сирот Кайзера (Шлоссера), который недавно был сожжен там как еретик.

²⁶³ Каппель стал известен благодаря сражению 1531 г. и смерти Цвингли. Он находится в 10 км от города Цуг. Поле битвы и памятник Цвингли находятся примерно в десяти минутах ходьбы от Каппеля. Там есть хорошо сохранившаяся древняя церковь, которая недавно была отреставрирована. См. *Annales Coenobii Capelloni per H. Bullingerum et P. Simlerum*, в Simler, *Sammlung alter und neuer Urkunden* (Zürich, 1760), II. 397; и Pestalozzi, *Bullinger*, p. 20.

²⁶⁴ Буллингер говорит, и все обычно предполагают, что Цвингли отправился туда только в качестве капеллана, как Конрад Шмидт и Франц Цинг, также проповедовавшие в армии. То, что он вооружился, могло означать, что он собирался воевать, как полагает Гагенбах (p. 405), но не обязательно. У нас нет сведений о том, что Цвингли действительно сражался на поле боя. А. Баур (*Zwingli's Theologie*, II. 759) пишет, что он отправился на войну просто как патриот и капеллан, а не как политик и военачальник. Но трудно разделить в нем эти черты. Доспехи Цвингли — сбруя, шлем и меч — хранились в арсенале Люцерна до 1848 г., в *Sonderbundskrieg*, а потом были перевезены в Цюрих.

²⁶⁵ Они называли друг друга *Gevatter*, крестный, что указывает на отношения крестных. Когда Цвингли был пастором в Гларусе, он был крестным отцом у детей Эбли.

В лагере цюрихцев была поразительная дисциплина, которая напоминает нам пуританскую армию Кромвеля. Цвингли или один из его коллег ежедневно читал проповедь; перед приемом пищи молились; в палатках звучали псалмы, гимны и народные песни; азартные игры и клятвы были запрещены; женщин легкого поведения в лагере не было; единственными развлечениями были борьба, метание камней и военные тренировки. Почти нет сомнений, что если бы цюрихцы сразу напали на католиков, согласно плану Цвингли, они одержали бы полную победу и диктовали бы условия мира. Как долго продолжался бы этот мир — другой вопрос, ибо за лесными кантонами стояла Австрия, которая в любой момент могла изменить ситуацию.

Но советы миротворцев победили. Берн был против нападения и заявил, что если цюрихцы нападут, им придется остаться в одиночестве. Сами цюрихцы не были согласны между собой, и их военные вожди (Бергер и Эшер) склонялись к миру.

Католики, уверенные, что им не надо бояться нападения со стороныерна, осмелели и получили подкрепления из Валлиса и итальянских округов. Теперь у них было почти двадцать тысяч вооруженных мужчин.

Армии противников стояли друг перед другом в Каппеле и Бааре, но колебались и не наступали. Часовые-католики пересекали границу, чтобы попасть в плен к цюрихцам, у которых было много провианта и которые отправляли их обратно сытыми и одетыми. Или же они ставили на границе бочонки молока и просили у цюрихцев хлеба, которые щедро делились им. Иногда обе стороны мирно ели вместе, и когда кто-то принимал от врага кусок хлеба, его просили не пересекать линию фронта. Воины помнили, что все они — члены швейцарской конфедерации. Многие сражались ранее бок о бок на иноземных полях сражения²⁶⁶. «Мы не будем воевать, — говорили они, — и молим Бога о том, чтобы буря прошла, не причинив нам вреда». Якоб Штурм, бургомистр Страсбурга, который присутствовал там как посредник, был поражен проявлениями личного согласия и дружбы посреди организованного конфликта. «Вы исключительные люди, — сказал он, — даже среди раздоров вы едины».

§43. Первый Каппельский мир. Июнь 1529 г.

После нескольких переговоров 25 июня 1529 г. был заключен мирный договор между Цюрихом, Берном, Базелем, Санкт-Галленом и городами Мюльхаузен и Биль, с одной стороны, и пятью католическими кантонами, с другой. Депутаты Гларуса, Золотурна, Шафхаузена, Аппенцелля, Граубюндена, Сарганса, Страсбурга и Констанца выступали как посредники.

Договор был не таким, какого хотел Цвингли, особенно в отношении упразднения иностранных пенсioenов и наказания их инициаторов (в этом Берн его не поддержал), но в целом был благоприятен для дела Реформации.

Первая и самая важная из восемнадцати статей договора признаёт, впервые в Европе, принцип юридического равенства католической и протестантской церкви — принцип, который двадцать шесть лет спустя был признан также в Германии (*Augsburger Religionsfriede*, 1555), но окончательно утвердился там только после кровавого крещения Тридцатилетней войны и Вестфальского договора (1648), против которого напрасно протестовал папа Римский. Эта статья гаранти-

²⁶⁶ Похожие эпизоды дружеского отношения случались и во время Гражданской войны в Соединенных Штатах между войнами союза и конфедератов.

рует реформатским и католическим кантонам религиозную свободу в виде взаимной терпимости и дает округам право решать большинством голосов, останутся ли они католическими или станут протестантскими²⁶⁷. Договор предполагал также выплату пятью кантонами военных расходов и материальную поддержку семье мученика Кайзера. Упразднение иноземных пенсioenов от католических кантонов не требовалось, но рекомендовалось. Союз с Австрией был расторгнут. Документ предательского договора был порван Эбли на кусочки в присутствии Цвингли и армии Цюриха²⁶⁸.

Католики вернулись домой недовольные. Цюрихцы имели причины радоваться. Еще больше были довольны жители Берна, чья политика умеренности победила.

Цвингли колебался между надеждой и страхом перед будущим, но уповал на Бога. Он писал (30 июня) Конраду Сому, служителю в Ульме: «Мы заключили мир, который, как я надеюсь, весьма почетен, ибо мы не пролили кровь²⁶⁹. Мы победили врагов без боя. Их договор с Австрией был разорван у меня на глазах в лагере ландманом Гларуса 26 июня в 11 часов утра... Бог снова показал власть имущим, что они не могут выступать против Него и что мы можем одержать победу, не сделав ни удара, если опираемся на Него»²⁷⁰.

Он выразил свои противоречивые чувства в стихотворении, которое сочинил в лагере (во время мирных переговоров), вместе с музыкой, и которое стало в Швейцарии почти так же популярно, как произведение Лютера того же периода, «Твердыня наша — вечный Бог», — гимн, который, впрочем, сильнее и более знаменит в Германии до сих пор. Стихотворение Цвингли проникнуто тем же духом веры в Бога²⁷¹.

²⁶⁷ Текст первого *Landsfriede* Каппеля на швейцарском немецком гласит (Bluntschli, II. 257): *Des ersten von wägen des göttlichen worts, diewyl und nieman zum glauben bezwungen sol werden, das dann die fünf ort und die iren, des selben ouch nitt genötiget. Aber die zügewandten und vogthien, wo man mitt einandern zü beherschen hat, belangend, wo die selben die mess abgestellt und die bilder verbrant oder abgethan, das die selben an lib eer und güet, nitt gestraaft söllind werden. Wo aber die mess and ander ceremonien noch vorhanden, die söllind nitt gezwungen, ouch inen keine predicanten, so es nitt durch den meertheil erkendt wirt, geschickt, uffgestellt oder gegäben werden, sunder was under inen den kylchgenossen die uff oder abzühünd, dessglichen mitt der Spys, die Gott nitt verboten zü essen, gemeret wird, daby sol es biss uff der kylchgenossen gefallen blyben; und dhein teyl dem andern sinen glauben, weder smehen noch straaften.*

Блунтшли (великий авторитет в области швейцарского, а также международного права) так объясняет смысл этой статьи (I. 324): *In ihm ist bereits das Princip der Parität, d.h. der staatlichen Gleichberechtigung, beider christlichen Confessionen enthalten. Es ist anerkannt, dass kein Ort [кантон] den andern, dass auch die Eidgenossenschaft nicht einzelne Orte zur Beibehaltung oder zur Abänderung ihres christlichen Glaubens zwingen dürfe. Die katholischen Stände verzichteten somit hierin den reformirten gegenüber ausdrücklich auf die Festhaltung des alten Rechtes des Mittelalters, wornach jede energische Abweichung von dem katholischen Glauben als ein Verbrechen behandelt und der Krieg gegen die Ketzler als Pflicht angesehen ward. Sie erkannten das Princip der Glaubensfreiheit, welches von den Reformirten zuerst verkündigt worden war, nun den Reformirten Orten gegenüber an, nahmen es aber gleichzeitig auch für sich selber in Anspruch. Und hin wieder gestanden die Reformirten Stände die Folgerichtigkeit dieses Schlusses zu, und verzichteten darauf, die Orte zur Annahme der Reformation zu nöthigen.* См. также договор в Иланце, §37.

²⁶⁸ Мирный договор приведен в Bullinger, II. 185 sqq., 212, Escher and Hottinger, в «Archiv für schweizerische Geschichte und Landeskunde», Zürich, 1827, vol. I; и Bluntschli, l. c., II. 255-269 (см. также I. 323-331).

²⁶⁹ *Denn wir uff blutvergiessen nit uszogen.*

²⁷⁰ *Opera*, VIII. 310 sq.

²⁷¹ Буллингер сообщает: *Dieses Lied wurde hernach weit und breit, auch an der Fürsten Höfen und in den Städten von Musicis gesungen und geblasen.* О других стихотворениях Цвингли см. выше, §13.

*Ты направляешь Свою колесницу, Господь,
И управляешь всем Своей волей;
Без Твоей помощи наша сила тщетна
И все наши умения бесполезны.
Посмотри на Своих униженных святых
И даруй им победу над врагом.*

*Возлюбленный Пастырь, Который спас
Наши души от смерти и греха,
Возвысь Свой голос, пробуди Своих овец,
Которые спят, расположившись
В своем загоне, и подави Своей десницей
Злобу свирепствующей армии сатаны.*

*Пошли нам Свой мир, устрани раздоры,
Пусть ожесточение прекратится;
Возроди дух прошлого
В сердце каждого швейцарца;
И тогда Твоя церковь будет вечно петь
Хвалу Своему небесному Царю²⁷².*

§44. Между войнами. Политические планы Цвингли

Влияние Первого Каппельского мира было благоприятным для дела Реформации. Теперь она была признана по закону и распространялась в кантонах и на общих территориях. Но этот мир не продлился долго. Прогресс сделал протестантов дерзкими, а католиков ожесточил.

Последние два года жизни Цвингли были полны тревог, а не только важных дел. Он думал о политической реконструкции Швейцарии и о создании обширной европейской лиги, чтобы защитить и развить достижения протестантов.

Он посетил богословскую беседу в Марбурге (с 29 сентября по 3 октября 1529 г.) в надежде объединиться с немецкими лютеранами против общего врага,

²⁷² Это вольный перевод Х. Уайта (по Мерлю д'Обинье), с некоторыми необходимыми изменениями. Оригинал, на швейцарском немецком, пели на праздниках в честь Цвингли в 1884 г. и, весьма эффектно, на открытии памятника Цвингли в августе 1885 г. Он таков:

*Herr, nun heb den Wagen selbst!
Schelb [schieß] wird sust [sonst]
All unser Fahrt.
Das brächt Lust
Der Widerpart,
Die dich
Veracht so freventlich.*

*Gott, erhoch den Namen dyn
In der Straf
Der bösen Böck!
Dyne Schaaß
Wiedrum erweck,
Die dich
Lieb haben inniglich!*

*Hilf, dass alle Bitterkeit
Scheide feer [fern],
Und alte Treu
Wiederkeer
Unde werde neu:
Dass wir
Ewig tobsingen Dir.*

Рима. Но Лютер отказался протянуть руку дружбы и не стал принимать теорию о вечере Господней, которую считал опасной ересью²⁷³.

В Марбурге Цвингли лично познакомился с ландграфом Филиппом Гессенским и беженцем герцогом Ульрихом Вюртембергским, которые им восхищались и симпатизировали его богословию, насколько понимали его, но все-таки больше заботились о своих личных и политических интересах. Он вместе с ними выдвинул смелую идею политическо-церковного союза протестантских государств и городов для защиты религиозной свободы в борьбе с общими врагами, папством и империей, которые угрожали этой свободе. Карл V заключил 29 июня 1529 г. мир с Климентом VII и пересек Альпы в мае 1530 г., по пути на Аугсбургский рейхстаг, одной рукой предлагая протестантам хлеб, а в другой пряча камень. Цвингли вел тайную переписку с Филиппом Гессенским с 22 апреля 1529 г. до 10 сентября 1531 г.²⁷⁴ Он видел в Римской империи естественного союзника римского папства и не жалел бы о ее падении²⁷⁵. Будучи швейцарцем-республиканцем, он не разделял верного и почтительного отношения монархистов-немцев к их императору. Но он мог думать только о том, как бы уменьшить опасную власть императора, укрепив союз протестантов. Дальше он бы не пошел²⁷⁶.

Цвингли пытался вовлечь в этот союз Венецианскую республику и Французское королевство, но не преуспел. Эти государства ревновали к дому Габсбургов, но не симпатизировали евангельским реформам. Франциск I преследовал протестантов в своей собственной стране в это время.

Крайне опасно перемешивать веру с заключением политических союзов. Христос и апостолы держались в стороне от светских проблем и ограничивались тем, что учили необходимости *мудрого отношения* к политике. Цвингли же, пускай и из лучших намерений, переступил границу своего призвания, а потому был обречен на горькое разочарование. Даже Филипп Гессенский, который сам и вовлек Цвингли в эти политические игры, охладил к нему и присоединился к лютеранской Шмалькальденской лиге (1530), которая не желала иметь ничего общего с протестантами Швейцарии.

§45. Последние богословские труды Цвингли.

Его вероисповедание

Во время этих бесплодных политических переговоров Цвингли не забывал о своем духовном призвании. Он неустанно проповедовал и писал. Он помогал реформам во всех направлениях. Он посетил синоды во Фрауэнфельде (май 1530 г.), Санкт-Галлене (декабрь 1530 г.) и Тоггенбурге (апрель 1531 г.). Он занимался организацией и дисциплиной протестантских церквей, развивал активную деятельность как писатель. Некоторые из самых важных богословских трудов Цвинг-

²⁷³ См. т. VII, §107-108.

²⁷⁴ См. т. VII, и Max Lenz, *Zwingli und Landgraf Philipp*, три статьи в Brieger, «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1879.

²⁷⁵ *Quid Germaniae cum Roma?* — писал он Конраду Сому из Ульма в 1529 г. (*Opera*, VIII. 388). Он напомнил ему немецкие стихи:

*Papstthum und Kaiserthum
Die sind beide von Rom.*

²⁷⁶ *Von irgend einem Anschlag gegen den Kaiser*, — пишет Мерикофер, II. 299, — *war auch gar nie und von keiner Seite die Rede*. Янсен, *Geschichte des deutschen Volkes*, III. 218 sq., и несправедливо обвиняет Цвингли и Цюрих в проповеди открытого бунта против императора и в попытках заменить императора амбициозным ландграфом Гессенским.

ли — комментарии на пророчества Исаии и Иеремии, трактат о Божьем провидении и два вероисповедания — приходятся на последние два года его жизни.

Цвингли воспользовался возможностью, предложенной Аугсбургским рейхстагом, и послал напечатанное вероисповедание Карлу V 8 июля 1530 г.²⁷⁷ Но к нему отнеслись с пренебрежением и даже не представили рейхстагу. Доктор Экк написал поспешный ответ и осудил Цвингли как человека, который изо всех сил старается погубить веру в Швейцарии и подстрекает народ к бунту²⁷⁸. Лютеране стремились помириться с императором и отказывались идти на контакт с Цвингли и анабаптистами²⁷⁹.

За несколько месяцев до смерти (июль 1531 г.) Цвингли написал, по просьбе своего друга Мэгре, французского посла в Цюрихе, похожее вероисповедание, адресованное королю Франциску I, которому он ранее посвятил свой «Комментарий на истинную и ложную религию» (1524)²⁸⁰. В своем вероисповедании он обсуждает некоторые вопросы, вызывавшие разногласия: Бога и поклонение Ему, личность Христа, чистилище, реальное присутствие Христа в евхаристии, действительность таинств, гражданскую власть, отпущение греха, веру и добрые дела, вечную жизнь — и добавляет приложение о евхаристии и мессе. Он объясняет, апологетически и полемически, свои доктринальные отличия от католиков, лютеран и анабаптистов. Он начинает с Бога как главного основания веры и единственного объекта поклонения, а в завершение призывает короля дать его королевству свободное Евангелие. В разделе о вечной жизни он более решительно, чем когда-либо, выражает свою веру в то, что на небесах он встретит не только святых Ветхого и Нового заветов, от Адама до апостолов, но также добрых, честных и благородных людей всех народов и поколений²⁸¹.

Хотя такое столь свободное распространение царства Христова и спасения Христова за пределы видимой церкви и противоречило традиционным веровани-

²⁷⁷ *Ratio Fidei*, etc., в его *Opera*, vol. IV. 3-18, и в Niemeyer, *Collectio Confessionum* (1840), pp. 16-35. Анализ см. в т. VII, §122, и в A. Baur, *Zwingli's Theologie*, II. 643 sqq.

²⁷⁸ Цвингли послал ответ на это немецким князьям, собравшимся в Аугсбурге, датированный 27 августа 1530 г. *Opera*, IV. 19-41.

²⁷⁹ Анабаптисты осуждаются (*damnant*) в статье IX, цвинглианам выражается неодобрение (*improbant*) в статье X Аугсбургского вероисповедания. См. Melancthon, *Judicium de Zwinglii doctrina*, написано в Аугсбурге 25 июля 1530 г., в «Corpus Reform.», II. 222 sq.

²⁸⁰ *Christianae Fidei brevis et clara Expositio*, в Zwingli, *Opera*, vol. IV, 42-78, и в Niemeyer, *Collectio*, pp. 36-77. Краткое содержание см. в Schaff, *Creeds of Christendom*, I. 368 sq., и в Baur, *l. c.*, II. 754-776.

²⁸¹ *Deinde sperandum est fore ut videas sanctorum, prudentium, fidelium, constantium, fortium virtuosorum omnium, quicunque a condito mundo fuerunt, sodalitatem, coetum et contubernium. Hic duos Adamos, redemptum ac redemptorem: hic Abelum, Enochum, Noachum, Abrahamum, Isaacum, Judam, Moysen, Iosueam, Gedeonem, Samuelem, Pineam, Eliam, Elisaeum, Iesaiam ac deiparam Virginem de qua ille praecinuit, Davidem, Ezekiam, Josiam, Baptistam, Petrum, Paulum: hic Herculem, Theseum, Socratem, Aristidem, Antigonom, Numam, Camillum, Catones, Scipiones: hic Ludovicum pium antecessoresque tuos, Ludovicos, Philippos, Pipinos, et quotquot in fide hinc migrarunt maiores tuos videbis. Denique non fuit vir bonus, non erit mens sancta, non est fidelis anima, ab ipso mundi exordio usque ad eius consummationem, quem non sis isthic cum deo visurus. Quo spectaculo quid laetius, quid amoenius, quid denique honorificentius vel cogitari poterit? Aut quo iustius omnes animi vires intendimus quam ad huiusmodi vitae lucrum?* (*Opera*, IV. 65). Конечно, к составлению этого списка можно было бы отнести более тщательно или вообще его опустить. Именно он задел церковные чувства Лютера настолько, что он назвал Цвингли язычником. *Werke*, XXXII. 399 sq. «Боссюз, — по словам Мишле (X. 311), — цитирует этот отрывок, чтобы просто посмеяться над Цвингли. Но человек, у которого есть сердце, навсегда его запоминает». И немногие протестантские богословы откажутся согласиться с Цвингли в том, что касается спасения некрещеных младенцев и благочестивых язычников.

ям о необходимости водного крещения для спасения, но оно не было новым. Иустин Мученик, Ориген и другие греческие отцы церкви считали истину, рассеянную по трудам языческих поэтов и философов, следами дохристианского откровения Логоса, а в греческой философии они усматривали учителя, который подводил их ко Христу. Гуманисты школы Эразма признавали богодухновенность второстепенного характера в классических трудах, и у них возникало искушение просить святого Сократа помолиться за них: *Sancte Socrates, ora pro nobis*. Цвингли был гуманистом, но не симпатизировал пелагианству. Напротив, как мы уже говорили, он объяснял спасение действием высшей Божьей благодати, которая не зависит от обычных средств, и он первым четко провел границу между видимой и невидимой церковью. Он не собирался, как часто неправильно считают, утверждать возможность спасения вне Христа. «Пусть никто не думает, — писал он к Урбану Регию (проповеднику из Аугсбурга), — что я принижаю значение Христа; ибо всякий, кто приходит к Богу, приходит к Нему через Христа... Слова: “Верующий в Него не судится”, — относятся только к тем, кто слышит Евангелие, но не к детям и не к язычникам... Я открыто исповедую, что все дети спасены во Христе, ибо благодать распространяется не менее широко, чем грех. Всякий, кто родился, спасен Христом от проклятия первородного греха. Если же он приходит к познанию закона и исполняет дела закона (Рим. 2:14,26), он свидетельствует о своем избрании. У нас, как у христиан, есть великое преимущество от знания Евангелия». Цвингли ссылается на случай Корнилия, который был благочестив до крещения, и на учение Павла, который считал обрезание сердца, а не обрезание плоти признаком истинного израильянина (Рим. 2:28,29)²⁸².

Вероисповедание, адресованное Франциску I, — последний труд Цвингли. Оно было написано за три месяца до его смерти и опубликовано пять лет спустя (1536) Буллингером, который называет его «лебединой песней». Рукопись хранится в Национальной библиотеке Парижа, но у нас есть сомнения, видел ли ее вообще когда-либо король Франции. Кальвин посвятил Франциску свои «Наставления», с самым красноречивым предисловием, но также без успеха. Карл V и Франциск I были столь же глухи к подобным обращениям, как императоры языческого Рима — к апологиям Иустина Мученика и Тертуллиана. Если бы Франциск прислушался к швейцарским реформаторам, история Франции могла бы развиваться по-другому.

§46. Вторая Каппельская война. 1531

EGLI: *Die Schlacht von Cappel*, 1531. Zürich, 1873. См. список в §42.

Политическая ситуация в Швейцарии становилась все более и более критической. Мирный договор понимали по-разному. Лесные кантоны не собирались терпеть протестантизм на своей территории и оскорбляли реформатских проповедников. Они не собирались разрешать местным общинам округов (Санкт-Галлена, Тоггенбурга, Тургау и Рейнской области) вводить Реформацию большинством голосов. Цюрихцы же настаивали на том и другом, но запрещали проводить мессу в своем городе и регионе. Католические кантоны снова стали вести переговоры с Австрией и послали делегацию к Карлу V в Аугсбург, где она была с почетом принята. Беглый аббат Санкт-Галлена также стал просить у короля о

²⁸² См. замечания в §29, а также Schweizer, *Centraldogmen*, I. 94 sqq., 131 sq.

помощи, чтобы вернуться на свой пост. Цюрихцы были виноваты и в том, что искали иностранной помощи у Гессена, Венеции и Франции. На собраниях Швейцарского рейхстага выдвигались ожесточенные обвинения и контробвинения²⁸³.

Кризис усугубляли международные трудности, Граубюнден послал делегатов просить рейхстаг о помощи в борьбе с кастеляном Муссо и с вторжением испанских войск в Валтеллину. Реформатские кантоны были за сотрудничество, а католические отказывались от него. Посольство увенчалось успехом. Замок Муссо был разрушен, а Граубюнден завладел Валтеллиной (1530 — 1532).

Цвингли не видел другого решения проблемы, кроме как честная, открытая война или разделение областей между кантонами в соответствии с количеством населения, причем Цюрих и Берн претендовали на две трети. Как мы уже замечали, эти области были основным предметом раздора. Но Берн, вместо войны, выступал за блокаду лесных кантонов. Это казалось более мягким решением, хотя на самом деле оно было более жестким. Горцам в своих домах предстояло оказаться отрезанными от поставок зерна, вина, соли, железа и стали, в которых они зависели от более богатых протестантских соседей²⁸⁴. Цвингли протестовал. «Если у вас есть право, — говорил он с кафедры, — обречь пять кантонов на голодную смерть, то у вас тем более есть право и открыто напасть на них. Тогда они нападут на вас со всей отвагой, которую порождает отчаяние». Он предвидел губительные последствия, но его протест был напрасен. Цюрих уступил совету Берна, проголосовавшего протестантскими депутатами 15 мая 1531 г.

Решение о блокаде было передано лесным кантонам и тщательно выполнялось, под особым контролем Цюриха. Все поставки продовольствия из Цюриха и Берна и даже из областей Санкт-Галлена, Тоггенбурга, Сарганса и Рейнской области были остановлены. Предыдущий год был неурожайным, случались эпидемии («потная болезнь»). А теперь начался настоящий голод. Старики, невинные женщины и дети страдали вместе с виновными. Скоту не хватало соли. Лесные кантоны были доведены до отчаяния. Собственная конфедерация отказывала им в хлебе насущном, забывая о христианской заповеди: «Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его; ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим. 12:20,21).

²⁸³ Блунтшли (протестант из Цюриха) считает, что Цвингли и цюрихцы были более виноваты, чем их противники. Он пишет, l. c., I. 334: *Zwar hatte darin Zwingli ein richtiges politisches Princip ausgesprochen, dass im wirklichen ernstesten Conflict zwischen der innern Berechtigung und dem äussern, formellen Recht am Ende dieses jener weichen müsse. Aber er hatte dieses Princip weder richtig angewendet; denn ein solcher Widerspruch lag in dem eidgenössischen Bundesrecht denn doch nicht oder lange nicht in dem angegebenen Masse vor, noch waren die Mittel, welche er vorschlug, um ein vermeintlich besseres, weil natürlicheres Recht herzustellen, zu rechtfertigen. Und musste ein gerechter Mann zugeben, dass die Fünf Orte auch ihre Stellung nicht rein erhielten von Missbrauch, so war doch nicht zu läugnen, dass damals auf Seite der Städte und insbesondere Zürichs der Missbrauch ihrer Stellung in eidgenössischen Dingen grösser war, dass somit die Städte sich durchaus nicht eigneten, als Vertreter der 'göttlichen Gerechtigkeit und Strafe' die Fünf Orte von ihren hergebrachten Rechten zu entsetzen. Auch in der auswärtigen Politik verliess Zwingli nun die Grundsätze des eidgenössischen Rechtes, die er selber vorher mit Nachdruck vertheidigt hatte. Er ging in reformatorischem Eifer Verbindungen ein und nahm an politischen Plänen Theil, welche den Frieden und selbst die Existenz der Eidgenossenschaft gefährden mussten.*

²⁸⁴ Берн обвинял Цюрих в излишней страстности, а Цюрих обвинял Берн в излишней осторожности. Как говорил Цвингли,

*Bern klagt: Zürich ist zu hitzig,
Zürich klagt: Bern ist zu witzig.*

Цвингли последние месяцы перед смертью провел в тревоге и страхе. Его совет был отвергнут, однако именно его обвиняли во всех неприятностях. У него было немало врагов в Цюрихе, которые подрывали его влияние и все больше и больше склоняли город к пассивной политике Берна. В таких обстоятельствах он решил уйти с общественного служения. 26 июля он предстал перед большим советом и заявил: «Одиннадцать лет я проповедовал вам Евангелие и преданно предостерегал от опасностей, которые угрожают конфедерации, если пять кантонов, — то есть те, кто ненавидит Евангелие и живет на иноземные пенсии, — смогут одержать победу. Но вы не слушаете меня и продолжаете выбирать членов, которые симпатизируют врагам Евангелия. И меня обвиняют во всех этих несчастях. Итак, теперь я ухожу и буду искать поддержку в другом месте».

Цвингли покинул зал со слезами на глазах. Его отставку не приняли. Через три дня он опять появился перед советом и заявил, что так как они обещали исправиться, он останется с ними до смерти и сделает все, что может, с Божьей помощью. Он попытался убедить бернских делегатов на встрече в Бремгартене в доме его друга, Генриха Буллингера, приступить к энергичным действиям, но напрасно. «Да хранит тебя Бог, дорогой Генрих; оставайся верен Господу Иисусу Христу и Его церкви!»

Это были последние слова, которые Цвингли сказал своему достойному преемнику. Когда он уходил, вдруг появилась какая-то загадочная личность, одетая в белое, напугала стражу у входа, погрузилась в воду и исчезла. Цвингли предчувствовал грядущее бедствие и не ждал, что переживет его. Комета Галлея, которая появляется каждые семьдесят шесть лет, была видна с середины августа по 3 сентября. Она пылала, как огонь в печи, и указывала на юг своим огромным бледно-желтым хвостом. Цвингли видел в этом предзнаменование войны и собственной смерти. Он сказал одному другу на кладбище собора (10 августа), глядя на зловещую звезду: «Это будет стоить жизни многим честным людям и мне самому. Истина и церковь пострадают, но Христос никогда нас не покинет»²⁸⁵ Вадриан из Санкт-Галлена также считал комету признаком Божьего гнева, а знаменитый Теофраст, который в то время был в Санкт-Галлене, объявил, что она предвещает великое кровопролитие и смерть известных людей. Таково было всеобщее мнение. Его разделяли также Лютер и Меланхтон: кометы, метеоры и затмения — это знамения скорого Божьего гнева. Фанатичная женщина недалеко от Цюриха видела, как из земли вокруг нее брызжет кровь, и бросилась бежать по улицам города, крича: «Убийство, убийство!» Атмосфера была проникнута ожиданием войны и кровопролития. Блокада продолжалась, а все попытки пойти на компромисс не удались.

Лесным кантонам оставался один лишь выход. Закон самосохранения толкал их на открытую войну. Она стала их долгом. Возмущенные политикой своих врагов и воодушевленные любовью к своим семьям, лесные кантоны быстро собрали армию в восемь тысяч человек и подошли к границе Цюриха между Цугом и Каппелем 9 октября 1531 г.

Эта новость расстроила и испугала цюрихцев. Они утратили свое преимущество. Недовольство и несогласия мешали им активно действовать. Пугающие

²⁸⁵ Bullinger, III. 46 (см. также 137): *Min Jürg* [аббат Георг Мюллер из Веттингена], *mich und mengen eeren man* [manchen Ehrenmann] *wirt es kosten, und wirt die wahrheit und Kylich* [Kirche] *nodt tyden; doch von Christus werdent wir nit verlassen*. Другой современник рассказывает про беседу доктора Иоахима фон Батта и нескольких его друзей о смысле появления кометы. Этот рассказ опубликован в «Schweizerische Museum», II. 335.

предзнаменования ослабляли народ. Цюрих, который два года назад легко мог собрать армию в пять тысяч, теперь с трудом набрал тысячу пятьсот человек против втрое превосходящих сил врага, который имел еще и преимущество в том, что сражался за свою жизнь и свои семьи.

Цвингли не собирался покидать паству в момент крайней опасности. Он сел верхом, чтобы сопровождать небольшую армию на поле боя, с чувством, что никогда не вернется. Его лошадь пятилась, как лошадь Наполеона, когда тот собирался пересечь Неман. Многие посчитали это дурным предзнаменованием, но Цвингли укротил животное, прищипорил его и отправился в Каппель, решив жить или умереть ради дела Реформации.

Жаркая битва длилась несколько часов после полудня 11 октября. Ее участники сражались с помощью оружия и камней, по манере швейцарцев, с большой храбростью с обеих сторон. После упорного сопротивления цюрихцы были побеждены и потеряли своих лучших граждан, более пятисот человек, в том числе семерых членов малого совета, девятнадцать членов из большого совета двухсот, а также нескольких пасторов, которые шли во главе своей паствы²⁸⁶.

§47. Смерть Цвингли

MÖRIKOFER, II. 414-420. — EGLI. — A. ERICHSON: *Zwingli's Tod und dessen Beurtheilung durch Zeitgenossen*. Strassburg, 1883.

Сам Цвингли погиб на поле боя — в расцвете лет, в возрасте сорока семи лет, девяти месяцев и одиннадцати дней, а вместе с ним погибли его шурин, его приемный сын, его зять и его лучшие друзья. Он не воспользовался оружием, но подбадривал воинов²⁸⁷. «Храбрецы! — восклицал он (по свидетельству Буллингера). — Не бойтесь! Даже если мы пострадаем, наше дело правое. Вверьте свои души Богу: Он позаботится о нас и о наших близких. Да будет воля Его!»

Вскоре после начала битвы Цвингли наклонился, чтобы утешить умирающего воина, когда камень, выпущенный одним из представителей лесных кантонов, попал ему в голову, и он упал. Поднимаясь, он получил еще несколько ударов и был пронзен копьем. Он снова поднял голову и, глядя на кровь, текущую из его ран, воскликнул: «Что значит это несчастье? Они могут убить тело, но не могут убить душу». Это были его последние слова²⁸⁸.

Некоторое время он лежал на спине под грушевым деревом (которое называют *Zwingli-Baum*) на лугу, с руками, сложенными для молитвы, и не отрывая взгляда от небес²⁸⁹.

²⁸⁶ Bullinger, III. 130, приводит их имена. Всего убитых и смертельно раненных цюрихцев было пятьсот четырнадцать, тогда как пять кантонов потеряли только около восьмидесяти человек. Вожди армии, Георг Гелдли и Лаватер, бежали и были обвинены, первый — в измене, а второй — в некомпетентности.

²⁸⁷ *Zwingli blieb in nächster Nähe bei den Kämpfenden stehen, machte aber nach dem Zeugnis von Freund und Feind von seinen Waffen keinen Gebrauch*. Mörikofer, II. 417.

²⁸⁸ Согласно Освальду Миконию (*Vita H. Zwingli*, ch. 12), который приводит рассказ очевидца: *Prostratum, ajebat, prementium multitudine jam tertio, sed in pedes semper restitisse: quarto fixum cuspidem sub mento et in genua prolapsus dixisse: 'Ecquid hoc infortunii? Age, corpus quidem occidere possunt, animam non possunt.'* Atque his dictis mox obdormivisse in Domino.

²⁸⁹ Bullinger, III. 136: *und verharett mitt sinem Gesicht zu stunen am hymel*. По словам Чуди, он лежал лицом вниз. Залат также говорит («Archiv», etc., I. 310): *Zwingli ward funden ligend uf*

Победители, как голодные стервятники, накинудись на раненых и умирающих. Двое из них предложили Цвингли исповедоваться перед священником или призвать дражайших святых угодников для ходатайства. Но Цвингли дважды покачал головой и продолжал смотреть на небеса. Тогда капитан Фокингер из Унтервальдена, один из наемников, против которых реформатор так часто выступал, узнал его при свете факела и убил мечом, восклицая: «Умри, упрямый еретик!»²⁹⁰

Его тело пролежало там всю ночь. На следующее утро люди стали подсчитывать убитых и осознали размах своей победы. Все хотели видеть Цвингли. Капитан Стокер из Цуга, который хорошо его знал, заметил, что на лице его было то же живое и решительное выражение, как тогда, когда он воспламенял своих слушателей красноречивой проповедью. Ганс Шенбруннер, бывший каноник Фрауэнмюнстера в Цюрихе, проходя мимо тела реформатора вместе с капелланом Стокером, прослезился и сказал: «Какой бы ни была твоя вера, ты был честным патриотом. Да простит Бог твои грехи!»²⁹¹ Он выразил чувства лучших представителей католиков.

Но фанатики и наемники не щадили даже мертвых. Они решили четвертовать тело Цвингли за измену, а потом сжечь за ересь, согласно католическому и имперскому закону. Начальник полиции Люцерна исполнил этот варварский приговор. Прах Цвингли был смешан с прахом свиньи и развеян по ветру²⁹².

Весть о несчастье в Каппеле привела жителей Цюриха в ужас. «Тогда, — говорит Буллингер, — начались громкие и ужасные жалобы и роптания, слезы и стоны».

Тягчайший удар постиг невинную вдову Цвингли. Она в один день потеряла мужа, сына, брата, зятя, шурина и самых близких друзей. Она осталась одна со своими маленькими плачущими детьми и благочестиво подчинилась неисповедимой Божьей воле. История умалчивает о ее скорби, но Мартин Устери живо и трогательно описал ее в поэме, созданной в честь трехсотлетнего юбилея Реформации в Цюрихе (1819)²⁹³.

sim angesicht. Но это не обязательно противоречие, так как умирающий человек может поменять свое положение.

²⁹⁰ Залат говорит, что человек, который совершил это трусливое действие, был *ein redlicher alter Christ*, но не называет имени Фокинтера (которого также называют Фукингером или Фугтингером).

²⁹¹ Mörikofer, II. 418.

²⁹² Согласно недостоверному и маловероятному преданию, его сердце чудесным образом было сохранено и привезено в Цюрих, но его бросили в реку, чтобы предотвратить идолопоклонство. Миконий (*Vita Zw.*, с. 12) сообщает: *Hostibus digressis, post diem tertium accedunt amantes Zwinglii, si quid reliquiarum eius offenderent, et ecce cor (mirabile dictu) se offert e mediis cineribus integrum et illaesum... Venit non multo postea vir mihi notissimus, sed et familiarissimus [Thomas Plater?], rogans an portionem cordis cupiam videre Zwingliani, quod secum ferat in loco: quia propter sermonem hunc inopinatum horror quidam totum corpus pervaserat, negaram, alioquin et huius rei possem esse testis oculatus*.

²⁹³ *Der armen Frow Zwinglin Klag*, опубликовано в «Alpenrosen», Bern, 1820, p. 273; в Zwingli, *Werke*, II. B. 281; также в Christoffel, I. 413, и Mörikofer, II. 517. После выражения своей скорби Анна Цвингли прибегает к Библии, которая была утешением ее мужа, а теперь стала и ее утешением. Я выбрал первую и последнюю из четырнадцати строф поэмы, которую Мерикофер причисляет к «нетленным памятникам великому человеку».

1. O Herre Gott, wie heftig shluog
 Mich dynes Zornes Ruthen!
 Du armes Herz, ist's nit genuog,
 Kannst du noch nicht verbluoten?
 Ich ring die Hand:
 Käm' doch myn End!

Буллингера, преемник Цвингли, взял скорбящую вдову к себе домой и относился к ней как к члену семьи. Она пережила своего мужа на семь лет и умерла в мире.

В нескольких шагах от грушевого дерева, под которым Цвингли испустил дух, на небольшой возвышенности перед древней церковью и Каппельским аббатством, с видом на Риги, Пилат и более далекие заснеженные вершины Альп, стоит простой гранитный памятник, воздвигнутый в 1838 г., в основном усилиями пастора Эсслингера, с соответствующими надписями на латыни и на немецком²⁹⁴.

Через несколько недель после Цвингли в своем доме в Базеле мирно умер его друг Эколампаций (24 ноября 1531 г.). Враги распространили слух, что он покончил с собой. Они считали невозможным, чтобы такой еретик мог умереть мирно²⁹⁵.

§48. Размышления о катастрофе в Каппеле

Не стоит удивляться тому, что религиозные и политические враги Цвингли истолковали катастрофу в Каппеле как показательный Божий суд и наказание за ересь. Во все века суеверные люди склонны были связывать неудачи с грехами. Однако столь немилосердное понимание провидения со всей очевидностью опровергается примером Иова и судьбами пророков, апостолов и мучеников. Вспомните также о словах нашего Спасителя, сказанных про человека, который родился слепым (Ин. 9:31). Тем не менее такое отношение часто встречается среди христиан. Печально вспоминать о том, что Лютер, великий защитник свободы совести, под влиянием средневекового воспитания и забывая о поговорке «о мертвых или хорошо, или ничего» (*de mortuis nihil nisi bonum*), превзошел даже самых ярких католиков с оскорблениями Цвингли после его смерти. Печально, но приходится признать узость мышления и нетерпимость реформатора в этом случае²⁹⁶.

*Wer nag myn Elendfassen?
Wer misst die Not?
Myn Gott, Myn Gott,
Hast du mich gar verlassen?*

14. *Komm du, o Buoch du warst syn Hort,
Syn Trost in allem Uebel.
Ward er verfolgt mit That und Wort,
So griff er nach der Bibel,
Fand Hilf bei ihr.
Herr, zeige mir
Die Hilf in Jesu Namen!
Gib Muoth und Stärk
Zum schweren Werk
Dem schwachen Wybe! Amen.*

²⁹⁴ Госпожа Мета Гойссер (ум. в 1876), одаренная швейцарская поэтесса, которая жила в нескольких милях от Каппеля, написала два прекрасных стихотворения на открытие памятника, 11 октября 1838 г. (изданы в первой серии ее *Lieder*, pp. 189 sqq.). Я процитирую первую строфу второго стихотворения:

*Die Stätte, wo ein Heldenauge brach
Ist theuer nach den späten Enkelsöhnen;
Es schweigt der Todtenklage banges Ach,
Verschlungen von des Sieges Jubeltönen.*

²⁹⁵ См. выше, §31, а также примечание в §48.

²⁹⁶ В письме к Альберту Прусскому в апреле 1532 г. (в Wette, IV. 348-355) Лютер выражает

Верные друзья евангельской свободы и прогресса в Швейцарии почитали Цвингли как мученика и считали поражение в Каппеле полезным наказанием или скрытым благословением. Буллингер выражал такие чувства. «Победа правды, — писал он после смерти своего друга и учителя, — зависит только от силы и воли Бога. Она не зависит от людей и времени. Христос был распят, и Его враги воображали, что победили. Но сорок лет спустя победа Христа проявилась в разрушении Иерусалима. Истина побеждает через скорби и испытания. Сила христиан проявляется в их слабости. Следовательно, возлюбленные братья в Германии, не огорчайтесь нашему поражению, но оставайтесь в Слове Божьем, которое всегда побеждало, хотя святые пророки, апостолы и мученики страдали от гонений и умирали. Блаженны умирающие в Господе. Победа последует со временем. Тысяча лет в глазах Господа — как один день. Побеждает тот, кто страдает и умирает ради истины»²⁹⁷.

Нет смысла рассуждать, что было бы, если бы... Но более чем вероятно, что победа протестантов в то время в конечном итоге оказалась бы более губительной для их дела, чем поражение. Цюрихцы насильно бы ввели Реформацию в лесных кантонах и во всех округах и вызвали бы реакцию, которая, с помощью Австрии, Испании и контрреформации папства, могла бы привести к гибели протестантизма, что, собственно, и произошло в итальянских владениях Швейцарии и Граубюндена, Италии, Испании и Богемии.

Очевидно, воля providения была на то, чтобы в Швейцарии, как и в Германии, обе церкви, католическая и евангельская, сосуществовали и жили во взаимной терпимости и полезном соперничестве в течение долгого времени.

Мы должны судить о событиях прошлого в свете последующих событий и конечных результатов. «По плодам их узнаете их».

Смерть Цвингли — это героическая трагедия. Он умер за Бога и за свою страну. Он был мучеником религиозной свободы и независимости Швейцарии. Он был прав в своем стремлении обеспечить свободу проповеди во всех кантонах и

сомнение в спасенности Цвингли (в связи с тем, что Цвингли отрицал телесное присутствие Христа в евхаристии). Лютер насмехается над представлением о том, что Цвингли стал мучеником; он сожалеет о том, что католические кантоны не довершили свою победу, подавив цвинглианскую ересь, и предостерегает герцога Пруссии, чтобы тот не терпел ее в своих владениях. В яростном полемическом трактате, «Краткое вероисповедание о святом таинстве», написанном в 1545 г., за год до смерти (*Werke*, Erlangen ed., vol. XXXII. 399-401, 410), Лютер говорит, что «Zwingel» (он всегда неправильно писал это имя) и Эколампаций «погибли в своих грехах»; что Цвингли умер «в великих и многочисленных грехах и богохульстве» (*in grossen und vielen Sünden und Gotteslästerung*), поскольку выражал надежду на спасение таких *gottlose Heiden*, как Сократ, Аристид и *greuliche Numa*; что Цвингли сам стал язычником; и что он погиб от меча, потому что взялся за меч. И Лютер добавляет: «пусть лучше меня разорвут на части и сожгут тысячу раз, чем быть одного мнения и намерения со Штенкфельдом, [Швенкфельдом], Цвингелем, Карлштадтом, Эколампадом и всеми прочими...». *O sancta simplicitas!* Какой контраст с поведением и суждением Цвингли, который в Марбурге, со слезами на глазах, предлагал руку дружбы своему великому антагонисту и говорил о нем в самый разгар спора о евхаристии: «Лютер — прекрасный воин Божий. Он исследует Писание с такой великой искренностью, как никто на земле не делал три тысячи лет. Никто не может сравниться с ним в его мужественном, непоколебимом духе, с которым он нападает на папу Римского. Он был воистину Давидом, которого Господь Сам призвал убить Голиафа. Он метал камни, взятые из небесного источника, так умело, что гигант упал на землю. Саул убил тысячи, а Давид — десятки тысяч. Он был Геркулесом, который всегда устремлялся в битве в самые опасные места... Поэтому мы будем правы, если поблагодарим Бога за то, что Он возвысил такое орудие в Свою честь, и сделаем это с удовольствием».

²⁹⁷ Christoffel, I. 409. См. также прекрасное предисловие Цвингли к истории страстей, в котором он выражает свою готовность умереть за Христа (цит. в Mörikofer, II. 415).

областях и упразднить военные пенсии, которые подчиняли Швейцарию иноземным правителям. Но он не имел права ни принуждать католиков, ни братья за меч. Он неправильно выбрал средства и поспешил. Понадобилось еще почти триста лет, чтобы произошли желаемые преобразования.

В 1847 г. гражданская война в Швейцарии возобновилась в новой форме и при других обстоятельствах. Те же самые лесные кантоны, которые были против Реформации, которые выступали за военные пенсии и которые просили помощи у Австрии, образовали конфедерацию внутри конфедерации (*Sonderbund*) против современного политического либерализма и снова вступили в союз с Австрией. Но на этот раз федеральные войска под мудрым командованием генерала Дюфура из Женевы победили, с очень небольшим количеством жертв²⁹⁸. В 1848 г., когда в других странах свирепствовала революция, швейцарский рейхстаг быстро переделал конституцию и преобразовал вольную конфедерацию независимых кантонов в федеральный союз, по образцу Соединенных Штатов, с представителем народа (*Nationalrath*) и централизованным управлением, непосредственно действующим на народ. Федеральная конституция 1848 г. гарантировала «свободное совершение богослужений признанными конфессиями» (то есть католической и реформатской); пересмотренная конституция 1847 г. распространяет эту свободу, в рамках морали и общественной безопасности, на все прочие деноминации; из сферы действия этого закона был исключен один только орден иезуитов, по политическим причинам.

Такая свобода идет намного дальше, чем в планах Цвингли, который не предусматривал никаких прав для еретических сект. Сейчас существуют, с одной стороны, протестантские церкви в Люцерне, Бааре, Брунне, в самом сердце пяти кантонов (не говоря о многочисленных англиканских епископальных, шотландских пресвитерианских и прочих богослужениях на швейцарских летних курортах); а с другой стороны — католические церкви в Цюрихе, Берне, Базеле, Женеве, где раньше месса была строго запрещена.

В том, что касается военной службы швейцарцев за границей, которая угрожала им утратой национальной независимости, теория Цвингли победила. Единственный пережиток этого обычая — сотня швейцарских гвардейцев, которые, в живописной средневековой форме, охраняют папу и Ватикан. В основном это уроженцы пяти кантонов.

Таким образом, история объясняет и оправдывает сама себя, а также выполняет свои обещания.

ПРИМЕЧАНИЯ

Наблюдается удивительное сходство между конституцией старого швейцарского рейхстага и конституцией старой американской конфедерации, а также между современной швейцарской конституцией и конституцией Соединенных Штатов. Похоже, швейцарский рейхстаг подал пример для американской конфедерации, а Конгресс Соединенных Штатов стал примером для швейцарского рейхстага 1848 г. Законодательная власть в Швейцарии отдана ассамблее конфедерации (*Bundesversammlung*), или Конгрессу, который состоит из Национального совета (*Nationalrath*), или Палаты представителей, избираемой народом (один человек на каждые двадцать тысяч населения), и Совета

²⁹⁸ Швейцарская *Sonderbunds-Krieg* была предвосхищением, в меньшем масштабе, Гражданской войны в Соединенных Штатах, хотя их причины были разными. В обоих случаях конфедераты взбунтовались против федерального правительства и искали помощи давнего врага: швейцарцы из католических лесных кантонов искали помощи у Австрии, а американцы из рабовладельческих южных штатов — у Англии. Внятное описание *Sonderbunds-Krieg* см. в Vuillemin, *Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft* (1882), pp. 517-537.

кантонов (*Ständerath*), или Сената, состоящего из сорока четырех делегатов от двадцати двух кантонов (по двое от каждого) и соответствующего старому рейхстагу. Исполнительная власть осуществляется Советом конфедерации (*Bundesrath*), который состоит из семи членов и переизбирается раз в три года обеими палатами законодателей, один из которых действует как президент (*Bundespräsident*) в течение одного года (в то время как президента Соединенных Штатов выбирает народ на четыре года, и он сам выбирает себе кабинет; как следствие, глава Швейцарской конфедерации немного может сделать и мало известен). Верховному суду Соединенных Штатов соответствует *Bundesgericht*, который состоит из одиннадцати судей, избираемых законодательной властью на три года. Он решает споры между кантонами. См. Bluntschli, *Geschichte des Schweizerischen Bundesrechts*, 1875; Rüttimann, *Das nordamerikanische Bundesstaatsrecht verglichen mit den politischen Einrichtungen der Schweiz*, Zürich, 1867-72, 2 vols.; также Francis O. Adams and C. D. Cunningham, *The Swiss Confederation*, перевод на французский, с примечаниями и дополнениями, — G. Loumyer, предисловие L. Ruchonnet, Geneva, 1890.

Федеральная конституция Швейцарии от 29 мая 1874 г. по поводу религии говорит следующее:

Абсchnitt I. Art. 49. *Die Glaubens und Gewissensfreiheit ist unverletzlich Niemand darf zur Theilnahme an einer Religionsgenossenschaft, oder an einem religiösen Unterricht, oder zur Vornahme einer religiösen Handlung gezwungen, oder wegen Glaubensansichten mit Strafen irgend welcher Art belegt werden...*

Art. 50. *Die freie Ausübung gottesdienstlicher Handlungen ist innerhalb der Schranken der Sittlichkeit und der öffentlichen Ordnung gewährleistet...*

Art. 51. *Der Orden der Jesuiten und die ihm affiliirten Gesellschaften dürfen in keinem Theile der Schweiz Aufnahme finden, und es ist ihren Gliedern jede Wirksamkeit in Kirche und Schule untersagt.*

Эта же конституция запрещает гражданским и военным должностным лицам конфедерации получать плату, титулы или награды от любого иностранного правительства.

I. Art. 12. *Die Mitglieder der Bundesbehörden, die eidgenössischen Civilund Militärbeamten und die eidgenössischen Repräsentanten oder Kommissariendürfen von auswärtigen Regierungen weder Pensionen oder Gehalte, noch Titel, Geschenke oder Orden annehmen.*

§49. Второй Каппельский мир. Ноябрь 1531 г.

Помимо трудов, которые мы уже цитировали, см. WERNER BIEL, рассказ о непосредственных последствиях войны в Каппеле в «Archiv für Schweizerische Reformationsgeschichte» (католический), vol. III. 641-680. Он был в то время секретарем города Цюриха. Статьи о мире есть в HOTTINGER, *Schweizergeschichte*, VII. 497 sqq., и в BLUNTSCHLI, *l. c.*, II. 269-276 (см. также I. 332 sqq.).

Немногие великие битвы так влияли на ход истории, как небольшое сражение под Каппелем. Оно навсегда остановило распространение Реформации в немецкой Швейцарии и задержало развитие протестантизма в Германии. Оно воодушевило римско-католическую реакцию, которая вскоре после него приняла характер полноценной контрреформации. Но хотя распространение протестантизма было приостановлено на его родине, оно началось во французской Швейцарии, во Франции, в Голландии и на Британских островах.

Король Фердинанд Австрийский дал пятьдесят гильденов вестнику, который принес ему новость о победе в Каппеле, и сообщил своему брату Карлу V в Брюссель о падении «великого еретика Цвингли», считая это благоприятнейшим событием для католической веры. Император поспешил поздравить лесные кантоны с победой и пообещать им собственную помощь, помощь папы, своего брата и католических князей, если протестанты будут упорствовать в сопротивлении. Папа уже послал людей и средства для поддержки своей партии.

Катастрофа в Каппеле была прелюдией к несчастью в Мюльберге на Эльбе, где Карл V одержал победу над Шмалькальденской лигой лютеранских князей 24 апреля 1547 г. Лютер спасся от унижения. Победоносный император побывал на его могиле в Виттенберге, но не стал воевать с мертвыми, выкапывая и сжигая их кости, как ему советовали сделать испанские генералы.

Война в Каппеле продолжалась несколько недель. Цюрих собрал столько сил, сколько смог. Берн, Базель и Шафхаузен послали войска, но неохотно, и поддались деморализующему влиянию поражения. В протестантском лагере не хватало согласия и способных руководителей. Лесные кантоны одержали еще одну победу на Губеле (24 октября), разграбили и опустошили территорию Цюриха. Но приближалась зима, они не получили обещанной помощи от Австрии, а потому были склонны к заключению мира. Берн выступил в роли посредника.

Второй религиозный мир (так называемый *Zweite Lands-friede*) был подписан 20 ноября 1531 г.²⁹⁹ между пятью лесными кантонами и цюрихцами на лугах Тейникона, близ Баара, на территории Цуга, и подтвержден 24 ноября в Аарау с согласия Берна, Гларуса, Фрейбурга и Аппенцелля. Он обеспечивал взаимную терпимость, но с явным преимуществом католиков.

Главные постановления касательно религии в его восьми статьях были такими:

1. Пять кантонов и их союзников следует оставить в покое в их «истинной, несомненной, христианской вере»; цюрихцы и их союзники могут также сохранить свою «веру», но за исключением Бремгартена, Меллингена, Раппершвиля, Тоггенбурга, Гастера и Везена. Терпимость и равенство, таким образом, были признаны, но так, что мельчайший упрек со стороны реформатов рассматривался как отход от истины. Контробвинения были опять запрещены, как и в 1529 г.³⁰⁰

²⁹⁹ Он был заключен 16 ноября, но датирован 20 ноября.

³⁰⁰ Вот текст первой статьи на швейцарско-немецком (Bluntschli, II. 271), который можно сравнить с первой статьей договора 1529 г. (см. выше, §43): *Zum ersten sollent und wollent Wir, die von Zürich, unsre getruwe liebe Eydgenossen von den V Orten* [то есть пять лесных кантонов древней конфедерации], *dessgleichen auch ihr lieb Mitbürger und Landlüt von Wallis und alle ihre Mithaften, si syegent geistlich oder weltlich, by ihrem waaren ungezwiffleten, christenlichen Glauben jetzt und hernach in ihren eignen Städten, Landen, Gebieten und Herrlichkeiten gänzlich ungeargürt und ungedisputirt blyben lassen, all böss Fünd, Uszß, Gefährd und Arglis vermieden und hintangesetzt. — Hinwiderum so wöllent Wir, von den V Orten, unser Eydgnossen von Zürich und ihre eigne Mitverwandten by ihrem Glauben auch blyben lassen. Wir von den V Orten behaltend uns in diesem Frieden luter vor alle, die uns sampt und sonders mit Burg und Landrecht, auch in ander Wäg verwandt sind, auch all die, so uns Hilf, Rath, Bystand und Zuzug bewiesen und gethan, also dass die harin luter mit uns begriffen und verfasst syn söllent. — Hinwiderum so behaltent Wir von Zürich uns vor, das die, so uns Hilf, Rath, Bystand und Zuzug gethan vor und in disem Krieg es sye in Abschlagung der Profiant oder in ander Weg, dass die auch in diesem Frieden vergriffen syn söllent. — Wyter so behaltend Wir, von den V Orten uns vor und durgent luter us, die us den fryen Aemptern im Ergöuw, Bremgarten, und Mellingen, so sich denen von Bern anhängig gemacht, ihnen zuzogen, und, uns zu überziehen, Vorschub gethan, dessglychen sie die Berner noch ufenthaltend, desshalben ihnen viellichter der Frieden nit annehmlich syn, zudem unsrer Nothdurft zu Usführung des Kriegs gegen den Berneren will erfordern, dass man dosselbst Durchzug haben möcht, desshalb wir sie jetzmalen zu diesem Frieden nit begriffen lassent. Dessglychen behaltend Wir auch luter vor, die von Rapperschwyl, Toggenburg, Gastern und die von Wesen, so unsrer Eydgnossen von Zürich nutzit angahnt noch verwandt sind, dass die in disem Frieden auch usgeschlossen und nit begriffen syn söllent, doch dass nach Gnaden und in Ziemlichkeit mit ihnen gehandelt werd, mit Straf oder mit Recht.*

Блунтшли (I. 337) так комментирует эту статью: *Auch jetzt wieder musste zunächst das Princip, dass beide Confessionen Geltung haben, das Princip der Parität, den verschiedenen eidgenössischen Ständen gegenüber anerkannt werden. Aber die Form, wie das geschah, war verletzend für die Reformirten. Es lag darin offenbar ein Hohn gegen diese, dass sie zu einem Verträge ihre Zustimmung geben mussten, in welchem der katholische Glaube als der 'reine, unbezweifelte, christliche Glaube', die Confession der Reformirten dagegen nur als 'ein Glaube', schlechthin bezeichnet ward; ein Spott, der immerhin von ungleicher Würdigung der beiden Confessionen ausging und insofern dem wahren Geiste des paritätischen Staatsprincips widersprach. Diese Herabsetzung und Demüthigung der Reformirten lag zwar nur in dem Ausdruck, nicht in dem Inhalt dieser Bestimmung. Aber gerade darum war sie um so weniger zu rechtfertigen. Sie reizte und erbitterte bloss den einen Theil, und kitzelte nur den Hochmuth des andern Theils. Wollte man ernstlich und auf die Dauer Frieden, so durfte man nicht solcher Gehässigkeiten Lauf lassen.*

2. Обе партии сохранили свои права и свободы в общих округах: те, кто принял новую веру, мог сохранить ее; но те, кто предпочитал старую веру, имел право вернуться к ней, восстановить мессу и изображения. В смешанных общинах церковную собственность полагалось разделить в зависимости от количества приверженцев той или иной веры.

От Цюриха потребовали отказаться от союзов с иностранными городами, подобно тому как Пять кантонов в 1529 г. были вынуждены нарушить свой союз с Австрией. Таким образом, все союзы с иностранными державами, папистскими или протестантскими, были запрещены в Швейцарии как непатриотические. Цюрих должен был возместить ущерб на военные расходы, в двести пятьдесят крон, и вернуть сто крон, которые лесные кантоны уплатили семье Кайзера в 1529 г. Берн согласился, кроме этого, уплатить три тысячи крон за ущерб, нанесенный территории Цуга.

Два мирных договора едины в том, что касается принципа терпимости (понимаемого по разумению того времени и навязанного двум сторонам силой обстоятельств), но отличаются решением о нейтральных территориях, на которых католическое меньшинство было защищено от дальнейших нападков. Договор 1529 г. означал терпимость в основном в интересах и на благо протестантизма, а договор 1531 г. — в интересах католицизма.

§50. Католическая реакция

Теперь католики пожали урожай своей победы. Их больше не беспокоили наступательные действия протестантских проповедников, и они вернули себе много территорий, утраченных в свободных округах.

Католичество было восстановлено в Раппершвиле и Гастере. Аббат Санкт-Галлена вернул свой монастырь и получил компенсацию от города. Тоггенбург вынужден был признать его власть, но часть народа осталась в реформатской церкви. Тургау и Рейнская область вынуждены были восстановить монастыри. Бремгартену и Меллингену пришлось вернуть мессу и изображения. В Гларусе католическое меньшинство приобрело несколько церквей и стало оказывать влияние на общественные дела в кантоне. В Золотурне Реформация была подавлена, несмотря на то, что на ее стороне было большинство населения, и около семидесяти семейств были вынуждены эмигрировать. В рейхстаге католические кантоны имели большинство голосов.

Жители лесных кантонов, полные благодарности, совершали паломничества к святой Марии в Эйнзидельн, где Цвингли делал копии посланий апостола Павла с первого печатного издания Нового Завета на греческом языке в 1516 г. и где он с Леоном Юдом и Миконием успешно трудились, борясь со злоупотреблениями, с согласия Дипольда фон Герольдсека. Этот монастырь с тех пор стал оплотом католического благочестия и суеверия в Швейцарии. Он привлекает много верующих паломников своей святыней — «черной Мадонной». Здесь находится одна из крупнейших типографий, которая изготавливает молитвенники, служебники, бревиарии, изображения, кресты и распятия для всего немецкоязычного католического мира³⁰¹.

³⁰¹ Фирма называется «Братья Бензигер, печатники апостольского престола». У них есть филиалы в Эйнзидельне, Нью-Йорке, Цинциннати и Чикаго. Иллюстрированные каталоги этой фирмы позволяют получить представление о размахе ее деятельности.

Буллингера, который стал преемником Цвингли, завершает свою монографию об истории Реформации на скорбной ноте, но не без надежды. «Тирания и контр-роль, — говорит он, — восстановлены и укрепляются. Тлетворная сила трудится ради гибели конфедерации. Но чуден промысел Господа. Он все делает на благо. Слава Ему и хвала! Аминь».

ПРИМЕЧАНИЕ О МОНАСТЫРЕ В ЭЙНЗИДЕЛЬНЕ

(См. §8).

Посетив Эйзидельн 12 июня 1890 г., я видел в церкви паломников, стоящих на коленях перед чудотворной статуей «черной Мадонны». Статуя хранится в специальной часовне. Она черна как уголь, облачена в серебряные одежды, увенчана золотой короной, окружена позолоченными украшениями и держит Христа-Младенца на руках. Некоторые объясняют ее черный цвет дымом от пожаров, которые неоднократно случались в церкви, а статуя якобы чудесным образом не сгорала; но библиотекарь (господин Мейер) сказал мне, что причина черного цвета — чад от свечей и что лицо Девы сейчас окрашено масляной краской.

Библиотека аббатства содержит 40.000 томов (в том числе 900 инкунабул). Среди них несколько копий первого издания «Комментария на истинную и ложную религию» Цвингли и другие его книги. В картинной галерее есть портреты, в натуральный рост, короля Фридриха Вильгельма IV Прусского, его брата, князя Пруссии (позже императора Вильгельма I Германского), Наполеона III и Евгении, императора Франца Иосифа Австрийского и его супруги, их несчастного сына, который покончил с собой в 1889 г., и папы Пия IX. Эти портреты были подарены монастырю в связи с его тысячелетием в 1861 г. Монастырь был основан святым Майнардом, отшельником, в IX веке или же, что более вероятно, святым Бенно, который умер там в 940 г. В аббатстве сейчас живет почти 100 монахов-бенедиктинцев. Тут есть гимназия для 260 учеников в возрасте от двенадцати до двадцати лет, богословская семинария. У аббатства есть два филиала, в Индиане и Арканзасе. Церковь — впечатляющее строение, по образцу собора Св. Петра в Риме, окруженное колоннадами. Дорогая люстра была подарена Наполеоном III в 1865 г.

Современное пробуждение католицизма и железная дорога из Ваденшвейля, открытая в 1877 г., существенно увеличили приток паломников. Гете пишет об Эйзидельне: *Es muss ernste Betrachtungen erregen, dass ein einzelner Funke von Sittlichkeit und Gottesfurcht hier ein immerbrennendes und leuchtendes Flämmchen angezündet, zu welchem gläubige Seelen mit grosser Beschwerlichkeit heranpilgern, um an dieser heiligen Flamme auch ihr Kerzlein anzuzünden. Wie dem auch sei, so deutet es auf ein grenzenloses Bedürfniss der Menschheit nach gleichem Lichte, gleicher Wärme, wie es jener Erste im tiefsten Gefühle und sicherster Ueberzeugung gehegt und genossen.*

Историю Эйзидельна см. в *Beschreibung des Klosters und der Wallfahrt Maria-Einsiedeln*. Einsiedeln. Benziger & Co. 122 pp.

Таков прекрасный образец богатого средневекового аббатства, с церковью, жилищами для монахов, библиотекой, школой и садом. Эйзидельн расположен в пустынном и бесплодном районе, и его единственная достопримечательность — интересное аббатство.

§51. Сравнение сил среди конфессий Швейцарии

Мы можем кратко подвести итоги Реформации в Швейцарии следующим образом.

Семь кантонов — Люцерн, Ури, Швиц, Унтервальден, Цуг, Фрейбург и Золотурн (Золер) — остались верны вере своих предков. Четыре кантона, в том числе два сильнейших — Цюрих, Берн, Базель и Шафхаузен — приняли реформатскую веру. Пять кантонов — Гларус, Санкт-Галлен, Аппенцель, Тургау и Ааргау — почти поровну разделились между двумя конфессиями. Из двадцати трех подчиненных городов и областей только Морат и Грансон стали полностью протестантскими, шестнадцать сохранили прежнюю религию, а пять поделились между двумя. В Граубюндене почти две трети населения приняли Реформацию Цвингли, однако достижения протестантов в Валтеллине и Кьявенне были утрачены в XVIII веке. Тичино и Валлис — католические области. Во французских

кантонах — Женеве, кантоне де Во и Невшателе — Реформация одержала полную победу, в основном благодаря усилиям Кальвина.

С середины XVI века численное соотношение между представителями двух церквей практически не изменилось. Протестантизм по-прежнему исповедует большинство — примерно полмиллиона из населения менее трех миллионов. Количество католиков существенно возросло за счет иммиграции из Савойской области и из Франции, но и несколько сократилось после уступок старокатоликов в 1870 г., под руководством епископа Герцога. Методисты и баптисты в основном добиваются успеха в тех областях, где растет неверие и равнодушие.

Каждый кантон сохраняет связь с той или другой из двух церквей и обладает собственной церковной организацией, но узы постепенно ослабевают и религиозные свободы распространяются на несогласных — методистов, баптистов, ирвингиан и старокатоликов. Прежней исключительности больше нет. Принцип равенства религии перед законом признается всеми кантонами.

При беспристрастном сравнении римско-католических и реформатских кантонов выявляется та же разница, что и между Южной и Северной Ирландией, Восточной и Западной Канадой и другими частями света, где сосуществуют две церкви. Римско-католические кантоны сохранили больше исторической веры и суеверий, церковных привычек и обычаев, а протестантские кантоны отличаются большей образованностью и интеллигентностью, богатством и мирским процветанием. В том, что касается морали, они почти равны.

§52. Возрождение Цвингли

Последние слова умирающего Цвингли: «Они могут убить тело, но не могут убить душу», — подтвердились в его случае. Его тело было похоронено вместе с его ошибками и недостатками, а его дух по-прежнему жив, и его либеральные взгляды на спасение детей и на распространение Божьей благодати за пределы видимой церкви, которые казались такими оскорбительными в его время даже реформаторам, стали почти что артикулами веры в евангельском христианском мире.

Ульрих Цвингли, после Мартина Лютера и Джона Нокса, — самый популярный среди реформаторов³⁰². Он сочувствовал простым людям. Он говорил и писал на их языке. Он принимал участие в общественных делах. Он был преданным пастором стариков и молодежи, сопереживал им, в то время как Эразм, Меланхтон, Эколампаций, Кальвин, Беза и Кранмер были далеки от масс. Он был человеком народа и для народа — типичным швейцарцем, как Лютер был типичным немцем. Оба представляют добродетели и недостатки своих народов. Обоих сильно ненавидели и любили в их время, в зависимости от веры их соотечественников.

Мартина Лютера и Ульриха Цвингли почтили в связи с четырехсотлетием со дня их рождения — первого в 1883, второго — в 1884 г. Это почти беспрецедентные почести, по крайней мере, в истории богословия³⁰³.

Праздник в честь Цвингли был не только эхом праздника в честь Лютера. Он отмечался всеми реформатскими церквями Европы и Америки с большим энту-

³⁰² Немецкое слово *volkstümlich* передает эту мысль лучше, чем «популярный».

³⁰³ Я сказал «почти». В 1880 г., когда исполнилось пятьсот лет с момента появления английской Библии Викифа, его вспоминали англоязычные протестанты пяти континентов. Шестьсот лет с рождения Данте в 1865 г. отмечали во Флоренции и во всей Италии. Последним богословом, столетие которого отмечалось, был Неандер, историк церкви. В связи с этим следует отметить красноречивое выступление его преемника, доктора Гарнака, в зале Берлинского университета 17 января 1889 г.

зиязмом, в связи с ним было написано много трудов. В соответствии с христианским великодушием, которое швейцарский реформатор проявил по отношению к немецкому реформатору в Марбурге, многие реформатские церкви Швейцарии, как и везде, от души участвовали в предшествовавшем юбилее Лютера, забыв об ожесточенных спорах XVI века и с благодарностью вспоминая великие заслуги Лютера перед делом истины и свободы³⁰⁴.

В следующем году (25 августа 1885 г.) бронзовая статуя Цвингли была поставлена в Цюрихе перед Вассеркирхе и городской библиотекой, рядом с собором, где он проповедовал. Реформатор представлен как мужественный человек, с верой смотрящий на небеса, с Библией в одной руке и мечом в другой — сочетание исторически достоверное. Доктор Александр Швейцер, один из самых способных швейцарских богословов (ум. 3 июля 1888 г.), чьим последним публичным выступлением была речь о Цвингли в университете 7 января 1884 г., протестовал против меча и покинул комитет, отвечавший за проект памятника. Доктор Конрад Фердинанд Мейер, воспевающий эти события прошлого поэт, с поэтической непосредственностью поменял меч Цвингли на меч Фокингера, которым Цвингли был убит³⁰⁵. Антист Финслер в своей речи придал мечу двойной смысл, как и в случае с Павлом, которого также изображают с мечом, а именно: меч, которым он был убит, и меч духа, которым он до сих пор сражается. В то же время Финслер отделяет Цвингли от Лютера и свидетельствует о том, что Цвингли был патриотом и государственным деятелем.

Праздник в целом — не выходящий за рамки порядка энтузиазм народа, праздничные речи представителей церкви и государства, иллюминация в городе и селениях вокруг прекрасного озера — красноречиво свидетельствует о том факте, что образ Цвингли неизгладимо запечатлелся в сознании немецкой Швейцарии. Хотя его потомки в настоящее время почти поровну распределились между ортодоксальными консерваторами и рационалистами-«реформаторами» (как они себя называют), в тот день они забыли о раздорах и сердечно объединились, чтобы воздать дань вечным заслугам того, кто, какими бы ни были его ошибки, освободил большую часть Швейцарии от тирании папства и привел ее к живому источнику учения и примера Христа³⁰⁶.

³⁰⁴ См. литературу о юбилее Цвингли в §5 и литературу о юбилее Лютера в т. VII, §17.

³⁰⁵

*Hier das Schwert in meiner Hand
Ist das Schwert, das mich erschlug.*

³⁰⁶ См. рассказ об этом памятном празднике (на котором я лично не присутствовал) в *Erinnerungsblätter zur Einweihung des Zwingli-Denkmal in Zürich. Herausgegeben vom Denkmal-Komitee*. 2 parts, Zürich, 1885. Главный доклад был сделан антистом Финслером, двадцать вторым по счету преемником Цвингли. Частью праздника стали драматическое представление о смерти Цвингли (историческая трагедия Шарлотты Вирш-Пфайффер) и банкет в городской ратуше, на котором произносили речи делегаты от разных кантонов. Собрание весьма воодушевленно спело гимн Цвингли *Herr, nun heb den Wagen selbst*. Швейцарский поэт доктор Мейер написал *Festcantate*. Статуя была выполнена Наттером, католическим скульптором из Вены, который присутствовал при ее открытии. Немаловажный факт.

ГЛАВА VI

ПЕРИОД КОНСОЛИДАЦИИ

§53. Литература

Дополнение к списку литературы в §4.

- I. Рукописные источники, сохранившиеся в городской библиотеке Цюриха, которая была основана в 1629 г. и содержит ок. 132.000 печатных томов и 3500 рукописей. См. SALOMON VÖGELIN: *Geschichte der Wasserkirche und der Stadtbibliothek in Zürich*. Zürich, 1848 (pp. 110, 123). Вассеркирхе (*capella aquatica*) была построена при Карле Великом. Там есть также остатки озерных строений. Бронзовая статуя Цвингли стоит напротив нее. THESAURUS HOTTINGERIANUS, сборник переписки, составленный богословом (*J. H. Hottinger*, 55 томов), включает в себя всю переписку Буллингера, которая активно использовалась, но никогда не издавалась. — SIMLER COLLECTION, 196 томов, плюс двойной указатель на 62 тома, содержит переписку, прокламации, памфлеты, официальные документы и прочее, в хронологическом порядке, очень хорошо читается, на качественной бумаге. Иоганн Якоб Зимлер (1716 — 1788), профессор и инспектор богословского колледжа, проводил свободное время всю свою жизнь, собирая бумаги и документы по истории Швейцарии, особенно Реформации. Эта уникальная коллекция была приобретена правительством и подарена городской библиотеке в 1792 г. Она часто использовалась и, хотя несколько устарела, благодаря недавним находкам остается кладезем информации. Переписка Буллингера присутствует в томах 1531 — 1575 гг. по Р. X. — ACTA ECCLESIASTICA *intermixtis politicis et politico-ecclesiasticis MANUSCRIPTA ex ipsis fontibus hausta in variis fol. Tomis chronologice pro administratione ANTISTITI TURICENSIS in ordinem redacta*. 33 vols. fol. Прекрасно написано. До управления антиста И. Я. Гесса (1795 — 1798). Том I освещает 1519 — 1531 гг.; том II содержит биографию Буллингера, его изображение и акты, принятые в период его администрации. — Государственные архивы города и кантона Цюриха.
- II. Печатные труды. JON. CONR. FÜSSLIN: *Beyträge zur Erläuterung der KirchenReformationsgeschichten des Schweitzerlandes*. Zürich, 1741 — 1753. 5 parts. Содержит важные документы о Реформации в Цюрихе и анабаптистах, о диспуте в Иланце и т. д. — SIMLER, *Sammlung alter und neuer Urkunden*. Zürich, 1760. 2 vols. — JON. JAK. HOTTINGER (профессор богословия и каноник Гроссмюнстера): *Helvetische Kirchengeschichten vorstellend der Helvetiern ehemaliges Heidenthum, und durch die Gnade Gottes gefolgt Christenthum*, etc. Zürich, 1698 — 1729. 4 Theile quarto, 2^d ed. 1737. Очень тщательный труд, возражение на католический труд Каспара (Einsiedeln, 1692). Третий том освещает период с 1616 по 1700 г., четвертый — до 1728 г. Можно заменить Вирцем. — LUDWIG WIRZ: *Helvetische Kirchengeschichte. Aus Joh. Jak. Hottingers älterem Werke und anderen Quellen neu bearbeitet*. Zürich, 1808 — 1819. 6 vols. Автор пятого тома — MELCHIOR KIRCHHOFFER, который приводит историю Цвингли с 1625 г. и рассказывает о Реформации в других кантонах. — JON. JAK. HOTTINGER: *Geschichte der Eidgenossen während der Zeiten der Kirchentrennung*. Zürich, 1825, 1829. 2 vols. Этот труд образует шестой и седьмой тома труда JON. VON MÜLLER and ROBERT GLUTZ BLOTZHEIM, *Geschichten Schweizerischer Eidgenossenschaft*. Второй том (p. 446 sqq.) рассказывает о периоде Буллингера, отчасти он основан на собрании книг Зимлера и на архивах Цюриха. Перевод на французский — L. VULLIEMIN: *Histoire des Suisses a l'époque de la Réformation*. Paris et Zurich, 1833. 2 vols. G. R. ZIMMERMANN (пастор Фрауэнмюнстера и декан): *Die Zürcher Kirche von der Reformation bis zum dritten Reformationsjubiläum (1519 — 1819) nach der Reihenfolge der Zürcherischen Antistes*. Zürich,

1878 (pp. 414). О Буллингере см. стр. 36-73. Основано на *Acta Ecclesiastica*, упомянутых выше. — Жон. STRICKLER, *Actensammlung*, упомянутый раньше (§4), только до 1532 г.

С католической стороны см. *Archiv für die Schweiz. Reformationsgesch.*, упомянутый выше (§4). Первый том (1868) содержит *Chronik* Залата, до 1534 г.; второй (1872) — 135 папских обращений к швейцарскому рейхстагу, в основном XVI века (от Мартина V до Климента VIII, документы о 1531 г., римские и венецианские источники о швейцарской Реформации, и т. д.; том третий (1876) — каталог книг об истории Швейцарии (7-98) и ряд документов из архивов Люцерна и других городов, в том числе три послания короля Франциска I к католическим кантонам и рассказ о непосредственных последствиях Каппельской войны, сделанный Вернером Бейелем, в то время — секретарем города Цюриха (pp. 641-680).

§54. Генрих Буллингер

I. Источники. BULLINGER, напечатанные труды (в Scheuchzer, «*Bibliotheca Helvetica*», Zürich, 1733, сказано, что их 150). Его рукописные послания (в основном на латыни) в «*Thesaurus Hottingerianus*» и «*Simler Collection*» городской библиотеки Цюриха. — Второй том *Acta Ecclesiastica*, упоминаемых в §53. — *The Zürich Letters or the Correspondence of several English Bishops and others with some of the Helvetian Reformers, chiefly from the Archives Of Zurich*, переведено и издано для «*Parker Society*», Dr. Robinson, Cambridge (University Press), 2^d ed. 1846 (pp. 576).

II. SALOMON HESS: *Leben Bullinger's*. Zürich, 1828-'29, 2 vols. Не очень точный труд. — *CARL PESTALOZZI: *Heinrich Bullinger. Leben und ausgewählte Schriften. Nach handschriftlichen und gleichzeitigen Quellen*. Elberfeld, 1858. Выдержки из его произведений (pp. 505-622). Песталоцци тщательно использовал письменные и печатные источники из Государственной библиотеки и архивов Цюриха. R. CHRISTOFFEL: *H. Bullinger und seine Gattin*. 1875. — JUSTUS HEER: *Bullinger*, в HERZOG², II. 779-794. Хорошее подведение итогов.

Более старые биографические очерки: LUDWIG LAVATER (1576), JOSIAS SIMLER (1575), W. STUCKI (1575) и т. д. Отдельная информация о Буллингере есть у Гагенбаха и в других трудах о швейцарской Реформации, а также в MEYER, *Die Gemeinde von Locarno*, 1836, особенно I. 98-216.

После продуктивного периода цвинглианской Реформации, который продолжался пятнадцать лет, с 1516 по 1531 г., последовал период сохранения и укрепления достигнутого в трудных обстоятельствах. Нужен был человек с прочной верой, смелый, умеренный, терпеливый и стойкий. Провидение послало такого человека в лице Генриха Буллингера (1504 — 1575), ученика, друга и преемника Цвингли, второго антиста Цюриха. Буллингер доказал, что Реформация — дело Бога, а следовательно, она должна пережить кажущееся поражение в Каппеле.

Буллингер родился 18 июля 1504 г. в Бремгартене, в Ааргау, и был младшим из пяти сыновей декана Буллингера, жившего, как и многие священники его времени, в незаконном браке, к которому, однако, относились с попустительством³⁰⁷. Отец был против торговли индульгенциями Самсоном в 1518 г. и, уже в своем преклонном возрасте, исповедовал с кафедры учения Реформации (1529). Вследствие этого он утратил свое место. Юный Генрих учился в школе братьев общинной жизни в Эммерихе и в Кельнском университете. Он изучал схоластическое и патристическое богословие. Труды Лютера и *Loci* Меланхтона привели его к изучению Библии и подготовили к переменам.

Он вернулся в Швейцарию магистром искусств, преподавал в школе при цистерцианском монастыре в Каппеле с 1523 по 1529 г. и провел в монастыре реформы, с согласия аббата Вольфганга Йонера. В то время он познакомился с

³⁰⁷ Епископ Констанца разрешал священникам иметь наложниц за ежегодную плату в четыре рейнских гульдена (это называлось *Hurensold*). См. Christoffel, *Zwingli*, II. 337, и Pestalozzi, p. 5.

Цвингли, посетил встречу с анабаптистами в Цюрихе в 1525 г. и диспут в Берне в 1528 г. Он женился на Анне Адлишвейлер, бывшей монахине, в 1529 г., и она оказалась прекрасной женой и помощницей. Он принял приглашение в Бремгартен в качестве преемника своего отца.

После катастрофы в Каппеле он переехал в Цюрих и был единогласно избран советом и горожанами проповедником Гроссмюнстера 9 декабря 1531 г. Ходил слух, что сам Цвингли, предчувствуя смерть, назначил его своим преемником. Лучшего человека было невозможно выбрать. Для швейцарской церкви было жизненно важно, чтобы место великого реформатора занял человек в том же духе, но более умеренный и сдержанный³⁰⁸.

Теперь Буллингер взялся за дело спасения, очищения и укрепления труда жизни Цвингли и выполнял это дело верно и успешно. Когда он поднялся на кафедру Гроссмюнстера 23 декабря 1531 г., многие слушатели подумали, что Цвингли воскрес из мертвых³⁰⁹. Он решительно поддерживал Реформацию, которая была в опасности, потому что робкие члены совета могли от нее отказаться. Он был свободен от политики, вмешательство в которую оказалось губительно для Цвингли. Он установил более независимые, хотя и дружественные отношения между церковью и государством. Сам он ограничился ролью собственно проповедника и учителя.

В первые годы он проповедовал шесть или семь раз в неделю, а после 1542 г. только дважды, по воскресеньям и пятницам. Он следовал плану Цвингли, объясняя целые книги Писания с кафедры. Его проповеди были простыми, ясными и практичными. Они стали образцом для молодых проповедников.

Буллингер был самым преданным пастором, давал всем советы и утешения, даже рисковал своей жизнью во время чумы, которая несколько раз случалась в Цюрихе. Его дом был открыт с утра до ночи для всех, кому была нужна его помощь. Из своего скромного дохода и из пожертвований от друзей он бесплатно раздавал пищу, одежду и деньги вдовам и сиротам, странникам и изгнанникам, в том числе лицам другой веры. Он обеспечил достойную пенсию вдове Цвингли и воспитал его двоих детей как своих собственных. Он неделями и месяцами содержал гонимых братьев в собственном доме или находил для них место жительства и средства для путешествия³¹⁰.

Он уделял большое внимание образованию, как суперинтендант школ Цюриха. Он пригласил на места профессоров в Каролинуме способных богословов, таких как Пелликан, Библиандер, Пьетро Мартири. Он готовил образованных служителей. Он составил, вместе с Леоном Юдом, книгу законов церковной организации, которая была принята синодом 22 октября 1532 г., одобрена бургомистром, большим и малым советами и оставалась в силе почти триста лет. В ней приводятся правила экзаменации, избрания и обязанности служителей (*Predicanten*) и деканов (*Decani*), регламент полугодовых собраний синода с представителями клира и мирян и законы дисциплины. Законы были поделены на восемь глав³¹¹.

³⁰⁸ Pestalozzi, p. 25: *Zwingli und Bullinger — welche Verschiedenheit! Zwingli's rasches, feuriges Temperament, Bullinger's Ruhe und Gelassenheit; Zwingli's schneidender, stechender Witz, Bullinger's einlässliche Gründlichkeit; daher auch Zwingli's Kürze, Bullinger's Ausführlichkeit in den meisten seiner Arbeiten. Wie geeignet zur gegenseitigen Ergänzung!*

³⁰⁹ *Talem concionem detonavit, — писал Миконий Шенку, — ut multi putarent Zwinglium non defunctum, sed ad Phoenicis modum renatum esse.* Hottinger, *Helv. K. Gesch.* III. 28.

³¹⁰ См. прекрасное описание в Pestalozzi, pp. 153 sqq.

Деятельность Буллингера распространялась далеко за пределы Цюриха. Он отличался истинно католическим духом и переписывался со всеми реформатскими церквями. Беза называет его «общим пастырем всех христианских церквей», Пелликан — «человеком Божьим, наделенным богатыми дарами небес во славу Бога и для спасения душ». Буллингер принимал беглых протестантов из Италии, Франции, Англии и Германии с распростертыми объятьями и сделал Цюрих убежищем религиозной свободы. Так он защитил Целия Секунда Курионе, Бернардино Окино и Пьетро Мартири, а также иммигрантов из Локарно и помог организовать в Цюрихе итальянскую общину³¹². Следуя примеру Цвингли и Кальвина, он дважды обращался к королю Франции, прося его о терпимом отношении к гугенотам. Он посвятил Генриху II свою книгу «О христианском совершенстве» (1551), а Франциску II — свои «Наставления о христианской вере» (1559). Он посылал делегации к французскому двору для защиты вальденсов и реформатской общины в Париже.

Поразителен размах переписки Буллингера. Ему писали все выдающиеся протестантские богословы того времени, такие как Кальвин, Меланхтон, Буцер, Беза, Ласки, Кранмер, Хупер, Джуэлл. С ним советовались коронованные особы, такие как Генрих VIII, Эдуард VI Английские, королева Елизавета, Генрих II Французский, король Дании Христиан, Филипп Гессенский и электор Фридрих из Палатината.

Буллингер поддерживал контакт с английской Реформацией со времен Генриха VIII и до времен королевы Елизаветы, особенно в период кровавого правления королевы Марии, когда многие выдающиеся изгнанники бежали в Цюрих и нашли братский прием под его гостеприимным кровом. Переписка Хупера, Джуэлла, Сэндиса, Гриндала, Паркхерста, Фокса, Кокса и других церковных деятелей с Буллингером, Гвалтером, Гесснером, Зимлером и Пьетро Мартири — благородный памятник духовного согласия между реформатскими церквями Швейцарии и Англии в эдуардовскую и елизаветинскую эпоху. Архиепископ Кранмер пригласил Буллингера, вместе с Меланхтоном, Кальвином и Буцером, на конференцию в Лондоне с целью принятия единого евангельского символа веры. Кальвин ответил, что ради такого дела он готов был бы переплыть семь морей. Леди Джейн Грей, которая была обезглавлена в 1554 г., читала труды Буллингера, перевела его книгу о браке на греческий язык, советовалась с ним по поводу еврейского языка и писала ему с дочерней привязанностью и благодарностью. Ее три письма к нему до сих пор хранятся в Цюрихе. Епископ Хупер из Глостера, который пользовался его гостеприимством в 1547 г., обращался к нему незадолго до своего мученичества в 1554 г. как к «уважаемому отцу и наставнику» и лучшему другу, какого он когда-либо имел, и доверял его заботе свою жену и двоих детей. Епископ Джуэлл в послании от 22 мая 1559 г. называет его «отцом и весьма уважаемым учителем во Христе», благодарит за «вежливость и доброту», которую Джуэлл и его друзья имели счастье наблюдать в течение всего периода своего изгнания, и сообщает, что восстановление реформатской веры при Елизавете произошло в значительной степени благодаря «письмам и рекомендациям» Буллингера; он добавляет, что королева не хочет, чтобы ее называли главой

³¹¹ В городской библиотеке Цюриха есть копии нескольких изданий книги (1532, 1535, 1563 г. и т. д.). Она также есть в Simler, *Sammlung alter und neuer Urkunden*, I. 25-73.

³¹² См. выше, §38, а также труды Мейера и Мериофера, упоминаемые здесь.

церкви Англии, считая, что такая честь принадлежит одному лишь Христу, а не человеку. Смерть Буллингера оплакивали в Англии как общее бедствие³¹³.

Буллинггер верно хранил учение и порядок в реформатской церкви, защищая ее от католиков и лютеран с умеренностью и достоинством. Он никогда не отвечал на оскорбления фанатиков, и когда в 1548 г. лютеранские проповедники временным указом были изгнаны из швабских городов, он встречал их гостеприимно, даже тех, кто осуждал с кафедры реформатские учения. Буллинггер представляет немецко-швейцарский тип реформатской веры и по сути соглашается с умеренным кальвинизмом. Он полностью изложил свои богословские взгляды во Втором Гельветическом исповедании.

Его теория о таинствах была более возвышенной, чем у Цвингли. Он больше внимания уделял объективной ценности этого установления. Мы признаем, писал он Фаберу, тайну вечери Господней. Хлеб — это не просто хлеб, но чтимый и священный хлеб таинства, залог реального духовного присутствия Христа для тех, кто верит. Как солнце находится на небе, а на земле присутствует его свет и тепло, так Христос восседает на небесах, однако плодотворно действует в сердцах всех верующих. Когда Лютер, после смерти Цвингли, предостерегал герцога Альберта Прусского и жителей Франкфурта не терпеть цвинглианство, Буллинггер ответил, послав герцогу перевод трактата Ратрамна, *De corpore et sanguine Domini*, с предисловием. Он отверг Виттенбергское согласие 1536 г., потому что в нем содержалось лютеранское учение. Он ответил на яростную атаку Лютера на цвинглиан (1545) ясным, сильным и сдержанным заявлением, но Лютер умер вскоре после этого (1546), не взяв назад своих обвинений. Когда Вестфаль возобновил злосчастный спор (1552), Буллинггер поддерживал Кальвина в защите реформатского учения, но советовал проявлять умеренность³¹⁴. Он и Кальвин полностью согласились по поводу вопроса о таинствах в *Consensus Tigurinus*, принятом в 1549 г. в Цюрихе в присутствии нескольких членов совета и позже одобренным другими швейцарскими реформатскими церквями³¹⁵.

По поводу учения о предопределении Буллинггер не зашел так далеко, как Цвингли и Кальвин, и остался в рамках инфралапсарианской схемы. Он избегал разговоров о предопределении грехопадения Адама, потому что ему трудно было согласовать это со справедливостью наказания за грех³¹⁶. *Consensus Genevensis* (1552), содержащее строгие взгляды Кальвина, не было подписано пасторами Цюриха. Теодор Библиандер, отец библейской экзегетики в Швейцарии и предтеча арминиянства, выступал против них. Он склонялся к полупелагианству Эразма, спорил с Пьетро Мартири, который был строгим кальвинистом и преподавал в Цюрихе с 1556 г. Библиандер в конечном итоге оставил пост профессора богословия (8 февраля 1560 г.), но получал жалование до самой смерти (26 ноября 1564 г.)³¹⁷.

³¹³ См. письма Барлоу к Зимлеру (зятю Буллингера) и епископа Кокса к Гвалтеру, в *Zürich Letters*, pp. 494, 496.

³¹⁴ *Apologetica Defensio*, etc., февраль 1556.

³¹⁵ Schaff, *Creeds of Christendom*, I. 471 sqq., и упоминаемая там литература.

³¹⁶ Во Втором Гельветическом исповедании, гл. VIII, он отвергает вопросы любопытствующих — «хотел ли Бог грехопадения Адама?», «вынул ли Он его согрешить?», «почему Он не помешал его грехопадению?» и тому подобные — и говорит, что достаточно знать одно: Бог запретил нашим прародителям есть плод и наказал их за непослушание.

³¹⁷ Более подробно см. в Schaff, *Creeds*, I. 474 sqq., и особенно Schweizer, *Central-dogmen*, I. 139, 258-292.

По вопросу терпимости и наказания еретиков Буллингер соглашался с преобладавшей теорией, но благоприятно отличался в области практики. Он выступал против анабаптистов в своих трудах, как и Цвингли, и, как Меланхтон, одобрил прискорбную казнь Сервета, но сам никого не преследовал. Он терпел Лелия Социна, который мирно умер в Цюрихе (1562), и Бернардино Окино, который проповедовал какое-то время перед итальянской общиной этого города, но был смещен, без каких бы то ни было дополнительных наказаний, за то, что учил унитаристским взглядам и защищал многоженство. В книге против католика Фабера Буллингер выражает христианские и гуманные чувства, говоря, что несогласные не должны подвергаться насилию и что вера — безвозмездный дар от Бога, а потому ее невозможно навязывать или запрещать. Он соглашался с Цвингли в том, что спасение распространяется на всех детей, умирающих во младенчестве, а также на избранных язычников; во всяком случае, он нигде не выражал несогласия с этими реформаторскими взглядами и с одобрением опубликовал последний труд Цвингли, где они выражены наиболее решительно³¹⁸.

Дом Буллингера был счастливым христианским домом. Ему нравилось играть с многочисленными детьми и внуками и писать для них стихи на Рождество, как Лютеру³¹⁹.

Когда сын Буллингера Генрих в 1553 г. отправился в Страсбург, Виттенберг и Вену, чтобы продолжить изучение богословия, он написал для него несколько мудрых правил поведения, из которых наиболее важны следующие: 1) бойся Бога всегда и помни, что страх Божий — начало мудрости; 2) смирись перед Богом и молись только Ему, через Христа, нашего единственного Посредника и Ходатая; 3) твердо верь, что Бог сделал все для нашего спасения через Своего Сына; 4) молись прежде всего о крепкой вере, действующей любовью; 5) молись о том, чтобы Бог защитил твоё доброе имя и уберёг тебя от греха, болезни и дурной компании; 6) молись о родине, о своих дорогих родителях, о благодетелях, друзьях и всех людях, о распространении Слова Божьего; всегда завершай прошения Молитвой Господней и также пой прекрасный гимн, *Te Deum laudamus* [который он приписывал Амвросию и Августину]; 7) будь сдержанным, всегда больше слушай, чем говори, и не вмешивайся в то, чего ты не понимаешь; 8) прилежно изучай еврейский и греческий языки, а также латынь, историю, философию и науки, но особенно Новый Завет и читай ежедневно по три главы из Библии начиная с Книги Бытия; 9) храни своё тело чистым и неоскверненным, одевайся аккуратно и избегай всякой несдержанности в еде и питье; 10) пусть твои речи будут достойны, приветливы, умеренны и свободны от всего немилосердного³²⁰. Буллингер рекомендовал сына Меланхтону и следил за его учебой, посылая письма, полные отеческой заботы и любви³²¹. Он заботился о своих родителях до самой их смерти, о вдове Цвингли (умерла в 1538 г.) и о двух его детях, которых он воспитал как своих собственных. Несмотря на свой скромный доход, он отказывался от всех подарков или посылал их больницам. Весь народ уважал этого почтенного служителя с благородными чертами лица и белой бородой патриарха.

³¹⁸ См. выше, §45.

³¹⁹ Некоторые из этих стихов до сих пор помнят в Швейцарии. Примеры можно найти в Pestalozzi, 315 sqq.

³²⁰ Pestalozzi, 588 sqq.

³²¹ Эти письма, pp. 695-617, весьма интересны. Генрих стал пастором Цолликона, а потом в церкви Св. Петра в Цюрихе. Он женился на дочери Гвалтера, которая была внучкой Цвингли.

Его последние дни были беспокойными, как и у многих верных слуг Бога. Чрезмерные труды и заботы подорвали его здоровье. В 1562 г. он писал Фабрицию в Кур: «Я почти изнемогаю под грузом дел и забот и чувствую себя таким уставшим, что хотел бы просить Господа послать мне отдых, если только это не будет против Его воли». Чума 1564 и 1565 гг. довела его до края могилы, унесла его жену, трех дочерей и шурина. Он вынес этот тяжкий удар с самоотверженностью настоящего христианина. В те же два роковых года он потерял своих самых дорогих друзей: Кальвина, Блаурера, Гесснера, Фрошауэра, Библиандера, Фабриция, Фареля. Он выздоровел, и ему было позволено еще несколько лет провести в служении Христу. Его младшая дочь, Доротея, преданно и нежно заботилась о его здоровье. Он чувствовал себя одиноким и тосковал, но продолжал проповедовать и писать с помощью пастора Лаватера, своего коллеги и зятя. Он произнес последнюю проповедь в Пятидесятницу 1575 г., а 26 августа собрал всех городских пасторов и профессоров богословия вокруг своего смертного одра, заверил их в своем устоянии в истинном апостольском и ортодоксальном учении, прочитал Апостольский символ веры и призвал их к чистой жизни, к согласию друг с другом и к повиновению городским властям. Он предостерег их против несдержанности, зависти и ненависти, поблагодарил за их доброту, заверил в своей любви и завершил молитвой благодарения и несколькими стихами из гимна Пруденция. Потом он взял каждого за руку и попрощался со слезами, как Павел со старейшинами Эфеса. Несколько недель спустя он умер, прочитав ряд псалмов (50, 15 и 41), Молитву Господню и другие молитвы, в мире, в присутствии своей семьи, 17 сентября 1575 г. Он был похоронен в Гросс-мюнстере, рядом со своей любимой женой и дорогим другом Пьетро Мартири. По его желанию его преемником единогласно был избран Рудольф Гвалтер, зять Цвингли и его приемный сын. Четверо его преемников были воспитаны им и трудились в его духе.

Произведений Буллингера очень много. В основном они вероучительные и практические, актуальные в то время, но не имеющие большой ценности сейчас. Шойхцер упоминает сто пятьдесят его печатных книг. В городской библиотеке Цюриха хранится около сотни, не считая переводов и переизданий. Многие остались только в виде рукописи. Он написал комментарии к Новому Завету на латыни (кроме Апокалипсиса), многочисленные проповеди по Исаии, Иеремии, Даниилу, Апокалипсису. Его «Декады» (пять серий из десяти проповедей каждая по Десятикнижию, Апостольскому символу веры и таинствам) очень ценились и использовались в Голландии и Англии. Его труды об оправдании Божьей благодатью весьма ценил Меланхтон. «История швейцарской Реформации» Буллингера, написанная его собственной рукой, в двух томах, была опубликована в 1838 — 1840 гг., в трех томах. Его самый важный доктринальный труд, Второе Гельветическое вероисповедание, приобрело авторитет символа веры³²².

§55. Антист Брейтингер

В том же году, когда умер Буллингер, родился Иоганн Якоб Брейтингер (1575 — 1645), ставший его достойным преемником на посту антиста Цюриха (1613 — 1645)³²³. Брейтингер называл Буллингера святым и последовал его примеру. Он

³²²Отрывки из трудов Буллингера приведены в Pestalozzi, 505-622.

³²³Непосредственными преемниками Буллингера стали Гвалтер, зять Цвингли (1575 — 1586), Лаватер (1585 — 1586), Штумпф (1582 — 1592), Лееман (1592 — 1613).

был одним из самых выдающихся реформатских богословов той эпохи. Получил прекрасное образование в университетах Герборна, Марбурга, Франекера, Гейдельберга и Базеля и заслужил уважение и любовь своих сограждан как учитель, проповедник и преданный пастор. Во время ужасной чумы 1611 г. он навещал больных с утра до вечера, рискуя жизнью.

Посетил Дортский синод в качестве одного из делегатов Швейцарии (1618 и 1619). На него произвели сильное впечатление ученость, мудрость и благочестие этого совета, и он полностью согласился с его несправедливым и нетерпимым отношением к арминианам³²⁴. По возвращении (21 мая 1619 г.) его приветствовало шестьдесят четыре цюрихца, которые доехали до границы, чтобы встретить его. Однако, со всей твердостью убеждения, он был против межконфессиональной полемики в тот полемический век и восхищался положительными чертами других церквей и сект, даже иезуитов. В нем строгая ортодоксия сочеталась с приветливым нравом, великодушным сердцем и ревностным благочестием. Он прислушивался к голосу бедняков и многочисленных страдальцев после убийств в Валтеллине (1620) и во время Тридцатилетней войны. По его просьбе создавались больницы и сиротские приюты, производились сборы средств, сумма которых в одном лишь Гроссмюнстере за восемь лет (1618 — 1628) превысила пятьдесят тысяч фунтов. Он был во всех отношениях образцовым пастором, образцовым прихожанином и образцовым государственным деятелем. Хотя он возвышался над своими коллегами, он обезоруживал всякую ревность и зависть своей добротой и христианским смирением. Он стоит после Цвингли и Буллингера как самый влиятельный и полезный антист реформатской церкви Цюриха³²⁵.

§56. Освальд Миконий, антист Базеля

I. Переписка Микония и Цвингли в Zwingli, *Opera*, vols. VII — VIII. (28 писем первого и 20 второго). — Переписка с Буллингером в собрании Зимлера. *Antiqu. Gernl.*, I. Хроника, автор FRIDOLIN RYFF, ed. W. Vischer (сын), в *Basler Chroniken* (vol. I, Leipzig, 1872), с 1514 по 1541.

II. MELCHIOR KIRCHHOFFER (из Шафхаузена): *Oswald Myconius, Antistes der Baslerischen Kirche*. Zürich, 1813 (pp. 387). До сих пор очень полезный труд. — R. HAGENBACH: *Joh. Oecolampad und Oswald Myronius, die Reformatoren Basels*. Elberfeld, 1859 (pp. 309-462). Также его *Geschichte der ersten Basler Confession*. Basel, 1828. — B. RIGGENBACH, в Herzog², X. 403-405.

Освальд Миконий (1488 — 1552)³²⁶, родом из Люцерна, близкий друг Цвингли и преемник Эколампадия, был для церкви Базеля тем же, чем Буллингер для церкви Цюриха, — преданным хранителем реформатской веры, но его положение было менее сложным, а сфера полезности более ограниченной. Ранние годы жизни он провел как учитель классических наук в Базеле, Цюрихе, Люцерне, Эйнзидельне и снова в Цюрихе. Ученик Микония Томас Платер с уважением отзывался о его способностях учителя и успехах. Эразм почтил Микония своей дружбой перед тем, как Миконий перешел на сторону Реформации³²⁷.

³²⁴ См. Schweizer, *Centraldogmen*, II. 26, 116 sq., 140 sq., 143.

³²⁵ J. C. Mörikofer (автор *Life of Zwingli*), *Johann Jakob Breitingen*. Leipzig, 1873. Karl Meyer, в Herzog², II. 597.

³²⁶ Его фамилия была Гейсшюклер. Его следует отличать от Фридриха Микония (Мекума), друга Лютера и суперинтенданта Готы (ум. в 1546).

³²⁷ В письме от 5 октября 1532 г. Эразм называет его *homo ineptus et quondam ludimagister frigidus*. Epist. 1233. См. Hagenbach. *Oekol. und Mycon.*, p. 329 sq., 339, где он замечает: *Und doch*

После смерти Цвингли и Эколампадия Миконий перебрался в Базель в качестве пастора в церкви Св. Альбана (22 декабря 1531 г.) и был избран антистом, или главным пастором церкви этого города, а также профессором по экзегетике Нового Завета в университете (август 1532). Он не был рукоположен и не имел ученой степени — отказываясь получать ее, потому что Христос запретил Своим ученикам называться учителями (Мф. 23:8)³²⁸. Он придерживался взглядов Эколампадия на дисциплину и сохранял независимость церкви в ее отношениях с государством и университетом. Ему пришлось страдать от оппозиции со стороны Карлштадта, который, по его рекомендации, стал профессором богословия в Базеле (1534) и закончил там свою беспокойную жизнь (1541). Миконий особо интересовался начальной и высшей школой. Он проявлял гостеприимство к многочисленным протестантам из Франции, которые, как Фарель и Кальвин, искали временного убежища в Базеле. Английский мартиролог Джон Фокс бежал от гонений Марии в Базель, где завершил и опубликовал первое издание своей «Книги мучеников» (1554).

В вопросе о евхаристии Миконий, как Кальвин после него, занимал промежуточное положение между Цвингли и Лютером. Он помогал Буцеру в движении за объединение, которое привело к принятию Виттенбергского соглашения и временному примирению Лютера со швейцарцами (1536). Цюрихцы подозревали его в том, что он слишком склоняется на лютеранскую сторону, но он никогда не признавал телесного присутствия Христа в дарах евхаристии и поглощения тела и крови Христа через рот. Он просто больше, чем Цвингли, подчеркивал реальность духовного присутствия и плода тела и крови Христовых. Он полагал, что Лютер и Цвингли не поняли друг друга³²⁹.

Миконий написал, на основании наброска Эколампадия, Первое Базельское вероисповедание, которое было принято городскими властями 21 января 1534 г., а также соседним городом Мюльхаузен³³⁰. Оно очень простое и состоит из двенадцати статей, о Боге (Троице), человеке, провидении, Христе, церкви и таинствах, вечере Господней, отлучении, гражданских властях, вере и добрых делах, страшном суде, праздниках, постах и celibate, а также об анабаптистах (осуждение их взглядов на крещение младенцев, клятву и гражданское прави-

hatte Erasmus diesen Einfaltspinsel von Schulmeister früher seines Umgangs gewürdigt und ihn vor Vielen ausgezeichnet! Aber der grämliche Mann war jetzt gegen alles erbittert, was mit der von ihm verkannten und gehassten Reformation in Verbindung stand und glaubte sich, vom alten Ruhme seines Namens zehrend, berechtigt, seinem Unwillen jeden beliebigen Ausdruck zu geben.

³²⁸ Hagenbach (341): *Myconius hatte keine kirchliche Ordination erhalten, noch viel weniger etwas von dem was man einen akademischen Grad nennt. Er war weder Baccalaureus, noch Licentiat, noch Magister, noch Doctor geworden.* Лютер гордился тем, что был доктором богословия, но Меланхтон и Цвингли удовлетворялись своим званием магистра. Кальвин, как и Миконий, никогда не был рукоположен, насколько нам известно, хотя был предназначен для роли священника.

³²⁹ Hagenbach (359): *Was Zwingli verneint hatte, das verneinte auch er [Myconius] fortwährend. Nie hätte er zugegeben, dass Leib und Blut Christi ihrer leiblichen Substanz nach in den Elementen des Abendmahls vorhanden seien; nie zugegeben, dass sie auch von den Ungläubigen genossen werden. Was dagegen Zwingli mehr zugegeben, als in den Vordergrund gestellt hatte, den geistlichen Genuss durch den Glauben, das hob er mit Nachdruck hervor. Mit gutem Gewissen glaubte er in den Fusstapfen seines Meisters fortzuwandeln, der so redlich und tapfer in Marburg die Hand zum Frieden geboten hatte.*

³³⁰ *Bekanntnuss unseres heyl. christenlichen Gloubens, wie es die Kylch von Basel haldt*; также называемое *Confessio Mühthusana*. В Niemeyer, *Collectio Confess.*, 78-84; и в Hagenbach, биография, в конце, pp. 465-476. См. также его историю этого вероисповедания и Schaff, *Creeeds*, I. 387 sq.

тельство). Оно написано на швейцарском немецком, со ссылками на Писание и с примечаниями на полях. Оно не претендует на непогрешимость или всеобщую авторитетность и завершается словами: «Мы предоставляем это наше вероисповедание на суд Божьего Писания и всегда готовы, если лучше узнаем его, с благодарностью подчиниться Богу и Его святому Слову».

Это вероисповедание было вытеснено более зрелыми формулировками реформатской веры, но сохранило авторитет почти что символа веры в церкви Базеля, как уважаемый исторический документ.

Миконий написал первую биографию Цвингли в двенадцати кратких главах (1532)³³¹. Его остальные труды не имеют большого значения³³².

Одним из наиболее влиятельных его преемников был Лукас Гернлер, который был антистом церкви Базеля с 1656 по 1675 г. Гернлер сформулировал схоластическую систему кальвинизма со множеством тонких определений и различий в Программе из 588 тезисов. Вместе с Иоганном Генрихом Хайдеггером из Цюриха и старшим Турретеном из Женевы он подготовил Гельветическую формулу согласия, самый последний и самый строгий из кальвинистических символов веры (1675). Он был последним представителем строгой кальвинистической ортодоксии в Базеле. Нетерпимость к отклонениям от символа веры сочеталась в нем с благосклонным сердцем, и он побудил городские власти Базеля открыть сиротский приют. Знаменитые знатоки еврейского языка и Талмуда Иоганн Буксторф (1564 — 1629), его сын Иоганн (1599 — 1664) и его внук Иоганн Якоб (1645 — 1704), которые были украшением Базельского университета в XVII веке, полностью соглашались с вероучительной позицией Гернлера и даже отстаивали раввинистическое предание о буквальной богодухновенности масоретского текста, против Луи Каппеля, который с большой ученостью опровергал ее (1650)³³³.

§57. Гельветические вероисповедания

NIEMEYER: *Collectio Confess.* (Hall. 1840), pp. 105-122 (Conf. Helv. prior, на немецком и латыни), и 462-536 (Conf. Helv. posterior). — SCHAFF: *Creeks of Christendom* (New York, 6th ed. 1890), vol. I. 388-420 (история); III. 211-307 (Первое и Второе Гельветические вероисповедания), 831-909 (Второе Гельветическое вероисповедание на английском). Остальная литература цитируется в Schaff, I. 385, 399.

Буллингер и Миконий авторитетно сформулировали учения реформатских церквей в Швейцарии и придали им ярко выраженный евангельский характер, без схоластических тонкостей последующего периода.

Шестьдесят семь выводов и два частных вероисповедания Цвингли (для Карла V и Франциска I) не создавались как общие символы веры и никогда не были санкционированы церковью. Десять Бернских тезисов (1528), Первое Базельское вероисповедание (1534), Цюрихское согласие (1549) и Женевское согласие (1552) были официальными документами, но имели влияние только в тех городах, где возникли. А вот Первое и Второе Гельветическое вероисповедание были приняты швейцарской и другими церквями и заняли свое место среди символов веры почти на триста лет. Они представляют цвинглианский тип учения, видоизме-

³³¹ Она была переиздана в Базеле в 1841 г., в *Vitae Quatuor Reformatorum*, с предисловием Неандера.

³³² См. выдержки в биографии Гагенбаха, pp. 387-462.

³³³ См. Schaff, *Creeks of Christendom*, I. 477 sqq.

ненный и более зрелый. Они приближаются к кальвинистической системе, но лишены ее логической строгости.

I. ПЕРВОЕ ГЕЛЬВЕТИЧЕСКОЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ (1536). Его также называют Вторым Базельским вероисповеданием, чтобы отличить от Первого Базельского вероисповедания 1534 г. Оно было составлено в Базеле, но не только для Базеля. Отчасти оно обязано своим происхождением возобновлению попыток страсбургских реформаторов, Буцера и Капитона, объединить лютеран и цвинглиан, а отчасти — папским обещаниям созвать вселенский собор. Городские власти Цюриха, Берна, Базеля, Шафхаузена, Санкт-Галлена, Мюльхаузена и Биля направили своих богословов на встречу, которая состоялась в августинском монастыре в Базеле 30 января 1536 г. Буцер и Капитон также явились туда, от имени Страсбурга. Буллингер, Миконий, Гриней, Леон Юд и Мегандер были избраны как комиссия, чтобы составить вероисповедание гельветических церквей, которое должно было использоваться на предполагаемом общецерковном соборе. Оно было изучено и подписано всеми делегатами, клириками и мирянами в феврале 1536 г. и впервые издано на латыни. Леон Юд подготовил перевод вероисповедания на немецкий язык — более полный, чем латинский текст, и равный ему по авторитетности.

Лютер, которому передали копию через Буцера, неожиданно выразил, в двух примечательных письмах³³⁴, свое удовлетворение искренним христианским характером документа и обещал сделать все, что он сможет, чтобы способствовать союзу и согласию со Швейцарией. Тогда он находился под вселяющим надежды впечатлением Виттенбергского согласия, которого Буцер добился благодаря своей гибкости и дипломатичности в мае 1536 г., но которое в конечном итоге оказалось пустым местом и не могло быть искренне подписано швейцарцами. Да и Лютер совершил новое и самое несдержанное нападение на цвинглиан (1545) за год до своей смерти.

Первое Гельветическое вероисповедание — самый первый реформатский символ веры, добившийся всенародного авторитета. Он состоит из 27 статей и более полон, чем Первое Базельское вероисповедание, но не так полон, как Второе Гельветическое вероисповедание, которым он был впоследствии вытеснен. Учение о таинствах и вечере Господней, по сути, цвинглианское, однако в нем подчеркивается важность знаков таинства и реального духовного присутствия Христа, Который отдает Свое тело и кровь — то есть Себя — верующим, чтобы Он всё более и более полно жил в них, а они — в Нем.

Буллингер и Леон Юд хотели добавить предостережение против восприятия этого или какого-либо другого вероисповедания как истины в конечной инстанции в ущерб высшему авторитету Слова Божьего и христианской свободы. Они правильно чувствовали разницу между вероисповеданием, которое может быть улучшено со временем по мере развития религиозных знаний, и правилом веры, которое остается неизменным. Вероисповедание церкви имеет относительную власть, как *norma normata*, и власть эта зависит от его согласованности со Священным Писанием, которое обладает абсолютным авторитетом как *norma normans*.

II. ВТОРОЕ ГЕЛЬВЕТИЧЕСКОЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ (1566). Оно намного важнее, чем первое, и приобрело авторитет за границами Швейцарии. В промежуточные тридцать лет Кальвин разработал свою богословскую систему, а Тридентский

³³⁴ Одно к Якобу Мейеру, бургомистру Базеля, от 17 февраля 1537 г., другое — к швейцарским реформатским кантонам, от 1 декабря 1537 г., в De Wette, vol. V. 54 sqq. and 83 sqq.

собор сформулировал современный символ веры Рима. Буллингер подготовил это вероисповедание в 1562 г. для частного использования, как свидетельство о вере, в которой он жил и собирался умереть. Два года спустя, во время эпидемии чумы, он разработал его более полно, каждый день ожидая смерти, и добавил его к своему завещанию, которое следовало доставить городским властям Цюриха после его смерти.

Но события в Германии придали этому частному символу веры общественный характер. Благочестивый электор Палатината Фридрих III, которому лютеране угрожали расторжением мирного договора из-за его перехода в реформатскую церковь и публикации Гейдельбергского катехизиса (1563), попросил Буллингера в 1565 г. подготовить полное и ясное объяснение реформатской веры, которое ответило бы на обвинения в ереси и расколе, постоянно выдвигавшиеся против нее. Буллингер послал ему рукописную копию своего исповедания. Электору оно так понравилось, что он пожелал перевести его и представить на латыни и немецком языке перед императорским рейхстагом, который должен был собраться в Аугсбурге в 1566 г., чтобы разбирать дело о его предполагаемом отступничестве.

Тем временем швейцарцы почувствовали необходимость такого вероисповедания и для создания более тесного единства. Первое Гельветическое вероисповедание было слишком коротко, а Цюрихское согласие 1549 г. и Женевское согласие 1552 г. рассматривали только два вопроса, как-то: вечерю Господню и предопределение. Были проведены соответствующие обсуждения, и Беза лично прибыл в Цюрих, чтобы принять участие в работе. Буллингер согласился на несколько изменений и подготовил также текст на немецком. Женева, Берн, Шафхаузен, Биль, Граубюнден, Санкт-Галлен и Мюльхаузен выразили свое согласие с исповеданием. Только Базель, у которого уже было свое вероисповедание, долгое время отказывался от присоединения, но в конечном итоге уступил.

Новое вероисповедание было опубликовано в Цюрихе 12 марта 1566 г. на обоих языках за общественные средства и было переслано электору Палатината и Филиппу Гессенскому. Французский перевод появился вскоре в Женеве, выпущенный под руководством Безы.

В том же году электор Фридрих так мужественно и благородно отстаивал свою веру перед рейхстагом в Аугсбурге, что даже его лютеранские оппоненты прониклись восхищением перед его благочестием и перестали упрекать его в ереси.

Это Гельветическое вероисповедание широко признано и стало самым авторитетным из реформатских символов веры континентальной Европы, если не считать Гейдельбергского катехизиса. Оно было санкционировано в Цюрихе и Палатинате (1566), в Невшателе (1568), реформатскими церквями Франции (на синоде в Ла-Рошели, 1571), Венгрии (на синоде в Дебрецине, 1567) и Польши (1571 и 1578). Оно было благосклонно принято в Голландии, Англии и Шотландии как здравая формулировка реформатской веры. Оно было переведено не только на немецкий, французский и английский, но также на голландский, венгерский, польский, итальянский, арабский и турецкий языки. В Австрии и Богемии реформаты, или кальвинисты, официально именуются «церковью Гельветического вероисповедания», а лютеране — «церковью Аугсбургского вероисповедания».

КНИГА III

**РЕФОРМАЦИЯ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ,
ИЛИ КАЛЬВИНИСТИЧЕСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ**

ГЛАВА VII

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ РАБОТА.
1526 — 1536§58. Литература о Кальвине и Реформации во французской
Швейцарии

Важные документы по Реформации во французской Швейцарии содержатся в архивах Женевы и Берна. Многие документы недавно были опубликованы учеными женевскими исследователями, такими как Галиффы, отец и сын, Греню, Ревильо, Э. Малле, Шапонньер, Фик и Женевское общество истории и археологии.

Лучшие кальвинистические библиотеки находятся в Женевском университете, где рукописи Кальвина хранятся в превосходном порядке, а также в Санкт-Томасшпифте, в Страсбурге. Последняя собиралась профессорами Баумом, Куницем и Ройссом, редакторами трудов Кальвина, в течение полувека и содержит 274 публикации реформатора (среди них — 36 латинских и 18 французских изданий «Наставлений»), множество редких трудов той эпохи и 700 современных книг о Кальвине и его Реформации. В Париже Общество истории французского протестантизма (54 rue des Saints Pères) владеет большим собранием печатных трудов.

I. ПЕРЕПИСКА ШВЕЙЦАРСКИХ РЕФОРМАТОРОВ И ИХ ДРУЗЕЙ

Письма в значительной степени заменяли современные газеты и памфлеты, поэтому их много, и в этом их важность.

*A. S. HERMINJARD: *Correspondance des réformateurs dans les pays de langue française*, etc. Genève et Paris (Fischbacher, 33 rue de Seine), 1866-'86, 7 vols. Продолжение следует. Самое полное собрание посланий реформаторов французской Швейцарии и их друзей, с историческими и биографическими примечаниями. Редактор выказывает поразительное знание истории французской и швейцарской Реформации. Первые три тома охватывают период с 1512 по 1536 гг.; тома IV — VII — с 1536 по 1642, или с публикации «Наставлений» Кальвина до принятия церковных законов Женевы. Из последующих лет до смерти Кальвина (1564) у нас есть переписка в издании трудов Кальвина в Страсбурге-Брюнсвике, vols. X-XX. См. ниже.

II. ИСТОРИЯ ЖЕНЕВЫ ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ РЕФОРМАЦИИ

JAC. SPON: *Histoire de la ville et de l'état de Genève*. Lyon, 1680, 2 vols.: пересмотренное и расширенное издание — J. A. Gautier, Genève, 1730, 2 vols.

J. P. BÉRENGER: *Histoire de Genève jusqu'en 1761*. Genève, 1772, 6 vols.

(GRÉNUS) *Fragments biographiques et historiques extraits des registres de Genève*. Genève, 1815. MÉMOIRES et DOCUMENTS publiés par la Société d'histoire et d'archéologie de Genève. 1840 sqq., vol.

I — XIV.

FRANÇOIS BONIVARD: *Les chroniques de Genève*. Publiés par G. Revilliod. Genève, 1867, 2 vols.

*AMÉDÉE ROGÉ (профессор Женевского университета, ум. 29 сентября 1883 г.): *Histoire du peuple de Genève depuis la réforme jusqu'à l'escalade*. Genève, 1870-'83. 7 vols. С 1536 по 1567. Автор собирался продолжить историю до 1602 г., но этому помешала его смерть. Беспристрастное изложение. Лучшая история Женевы в период Реформации. Автор не хвалит и не принижает Кальвина. Его же: *L'église et l'état à Genève du vivant de Calvin*. Genève, 1867 (pp. 91).

JACQ. AUG. GALIFFE: *Matériaux pour l'histoire de Genève*. Genève, 1829-'30, 2 vols. octavo; *Notices généalogiques sur les familles genevoises*, Genève, 1829, 4 vols. — J. B. G. GALIFFE

(сын предыдущего, профессор Женевской академии): *Besançon Hugues, libérateur de Genève. Historique de la fondation de l'indépendance Genevoise*, Genève, 1859 (pp. 330); *Genève historique et archéol.*, Genève, 1869; *Quelques pages d'histoire exacte, soit les procès criminels intentés en 1547, pour haute trahison contre noble Ami Perrin, ancien syndic, conseiller et capitaine-général de la république, et contre son accusateur noble Laurent Meigret dit le Magnifique*, Genève, 1862 (135 pp. quarto); *Nouvelles pages d'histoire exacte soit le procès de Pierre Ameaux*, Genève, 1863 (116 pp. quarto). Отец и сын Галиффы происходят из древнего женевского рода, протестанты, но очень враждебно относятся к Кальвину и его наставлениям, в основном по политическим соображениям. Они утверждают, на основании фамильных документов и актов криминальных процессов, что Женева была свободной и независимой до Кальвина, а он ввел деспотическую систему. «Большая часть фактов, рассказанных лионским врачом (Бользеком), — говорит старший Галифф (*Notices généalogiques*, III. 547), — верна лишь отчасти». Он судит Кальвина на основании современных представлений о терпимости, каковых Кальвин и Беза, как и все в их время, не знали. «Настоящие женевские протестанты, — говорит Галифф, — это те, кто хотел, чтобы каждый был волен думать то, что подсказывает ему его разум, и делать только то, что он одобряет; и чтобы при этом никто не позволял себе нападать на веру своего ближнего, насмехаться над его убеждениями, оскорблять его коварными демонстрациями и фанфаронадами превосходства, которые не доказывают ничего, кроме смешной напыщенности тех, кто называет себя “избранными”». Галиффы симпатизируют Ами Перрену, Франсуа Фавру, Жану Филиппу, Жану Люллину, Пьеру Ванделю, Мигелю Сервету и всем прочим, кто выступал против Кальвина. Справедливую критику трудов Галиффов см. в *La France Protestante*, II. 767 sqq., 2^d ed.

III. РЕФОРМАТОРЫ ДО КАЛЬВИНА

**Le Chroniqueur. Recueil historique, et journal de l'Helvetie romande, en l'an 1535 et en l'an 1536*. Ed. L. Vulliemin, 1835. Lausanne (Marc Duclos), 326 pp. quarto. Описания и репринты документов, касающихся религиозной ситуации в те два года, в форме дневника современника.

MELCHIOR KIRSCHNER (из Шафхаузена, 1773 — 1853). *Das Leben Wilhelm Farel's aus den Quellen bearbeitet*. Zürich, 1831-'33, 2 vols. (pp. 251, 190, без указателя). Очень хороший труд для того времени. Он написал также биографии Галлера, Гофмейстера и Микония.

C. CHENEVIÈRE: *Farel, Froment, Viret, réformateurs relig.* Genève, 1835.

H. JAQUEMOT: *Viret, réformateur de Lausanne*. Strassburg, 1856.

F. GODET (профессор и пастор из Невшателя): *Histoire de la réformation et du refuge dans le pays de Neuchâtel*. Neuchâtel, 1859 (209 pp.). В основном посвящено трудам французских беженцев после отмены Нантского эдикта.

C. SCHMIDT (из Страсбурга): *Wilhelm Farel und Peter Viret. Nach handschriftlichen und gleichzeitigen Quellen*. Elberfeld, 1860. (в vol. IX труда «*Leben und ausgewählte Schriften der Väter der reform. Kirche*»).

T. CART: *Pierre Viret, le réformateur vaudois*. Lausanne, 1864.

C. JUNOD: *Farel, réformateur de la Suisse romande et réformateur de l'église de Neuchâtel*. Neuchâtel et Paris, 1865.

IV. ТРУДЫ И ПЕРЕПИСКА ЖАНА КАЛЬВИНА

JOH. CALVINI: *Opera quae supersunt omnia*, ed. G. Baum, E. Cunitz, E. Reuss, *theologi Argentoratenses*. Brunsvigae, 1863 sqq. (в *Corp. Reform.*). Пока (на 1892 г.) 48 vols. quarto. Самое полное и критическое издание. Три редактора умерли до завершения работ, но оставили материал для последующих томов (vols. 45 sqq.), которые редактировал *Alf. Erichson*.

Более старое латинское издание, Geneva, 1617, 7 vols. folio, и Amstelod., 1667-'71, 9 vols. folio. Отдельные латинские издания «Наставлений», Tholuck (Berlin, 1834-'46), и комментариев на Бытие, Hengstenberg (Berlin, 1838), на Псалтирь (Berlin, 1830-'34) и на Новый Завет, кроме Апокалипсиса (1833-'38, 7 vols.), Tholuck. Те же книги были отдельно изданы на французском.

Английское издание трудов Кальвина, усилиями «Calvin Translation Society», Edinburgh, 1843-'53, 52 vols. «Наставления» перевел Allen (London, 1813, часто переиздаются Пресвитерианским советом по печати в Филадельфии), также Henry Beveridge (Edinburgh, 1846). Немецкий перевод его «Наставлений», Fr. Ad. Krummacker (1834) и B. Spiess

(первое издание 1536, Wiesbaden, 1887), и части его комментариев, С. F. L. Matthieu (1859 sqq.).

Обширная переписка Кальвина была впервые издана Безой и Жонвийером (секретарь Кальвина), Geneva, 1575, также другие издания; позже BRETSCHNEIDER (письма из Готы), Lips. 1835; A. CROTTET, Genève, 1850; намного более полно — JULES BONNET, *Lettres Françaises*, Paris, 1854, 2 vols.; английский перевод (с французского и латыни) — D. CONSTABLE and M. R. GILCHRIST, Edinburgh and Philadelphia (Presbyterian Board of Publication), 1855 sqq., 4 vols. (четвертый с указателем), послания приведены в хронологическом порядке (до 1558). Последнее и лучшее издание подготовлено профессорами из Страсбурга в *Calvini Opera*, vol. X. Part II — vol. XX, с обширным *Prolegomena* о разных изданиях переписки Кальвина и рукописных источниках. Его письма до 1542 г. также приведены в Herminjard, vols. VI-VII, см. выше.

V. БИОГРАФИИ КАЛЬВИНА

*THEODOR BEZA (ум. в 1605): *Johannis Calvini Vita*. Впервые опубликовано с посмертным изданием комментария Кальвина на Иисуса Навина, в год его смерти. Переиздавалось во всех изданиях трудов Кальвина, а также в издании Толука комментариев Кальвина к Евангелиям. В том же году Беза выпустил французский вариант под заглавием *L'Histoire de la vie et mort de Maistre Jean Calvin avec le testament et dernière volonté dudit Calvin: et le catalogue des livres par luy composez*. Genève, 1564; второе французское издание, расширенное и улучшенное его другом и коллегой Николя Колладоном, 1565; лучшее издание — Geneva 1657 (очень редкое, 204 pp.), которое было тщательно переиздано по копии из Мазаринской библиотеки, с введением и примечаниями Альфреда Франклина, Paris, 1869 (pp. lxi, 294). Рекомендуем консультироваться с этим изданием. Три биографии Безы (две на французском и одна на латыни) воспроизведены в брюнсовикском издании *Opera* Кальвина с *notice littéraire*, tom. XXI, pp. 6-172, к которому добавлена *Epitaphia in Io. Calvinum scripta* (на еврейском, греческом, латыни и французском). Есть также переводы этой биографии на немецкий, английский и итальянский. Английский перевод сделал Francis Sibson из Trinity College, Dublin, он переиздан (Philadelphia, 1836); еще один — Beveridge, Edinburgh, 1843.

Биография Безы была расширена Колладоном, местами в слишком хвалебном тоне; для составления биографии использовались послания и труды Кальвина, а также письма друзей, которые лучше всех его знали.

HIÉROISME HERMES BOLSEC: *Histoire de la vie, moeurs, actes, doctrine, constance et mort de Jean Calvin, jadis ministre de Genève, dédié au Reverendissime archevesque, conte de l'église de Lyon, et Primat de France*, Lyon, 1577 (26 chs., 143 pp.); переиздание — Paris, 1582; с введением и примечаниями L. Fr. Chastel, Lyon, 1875 (pp. xxxi, 328). Я использовал издание Шастеля. Латинский перевод, *De J. Calvini magni quondam Genevensium ministri vita, moribus, rebus gestis, studiis ac denique morte*, вышел в Париже, 1577, также в Кельне, 1580; немецкий перевод в Кельне, 1581. Бользек был монахом-кармелитом, потом врачом в Женеве, был изгнан из-за пелагианских взглядов и оппозиции Кальвину в 1551 г.; потом вернулся в Римскую церковь, умер в Аннеси около 1584 г. Его сочинение — подлая и недобросовестная книжонка, воодушевленная чувством ненависти и мести, но некоторые из фактов точны, правдивы и подтверждены документами, которые опубликовал Галифф. Бользек написал похожую биографию Безы: *Histoire de la vie, moeurs, doctrine et déportments de Th. de Beze dit le Spectacle*, 1582. Один французский автор пишет: «Эти биографии — нагромождение клеветы, однако ни один серьезный историк, даже П. Мембур, не осмелился признать это; только недавно М. Минье дал им справедливую оценку» (A. Réville в Lichtenberger, «Encycl.», II. 343). См. также статью «Bolsec» в *La France Protestante*, 2^d ed. (1879), II. 745-776.

Antibolseccus. Cleve, 1622. От этой книги я сумел найти только заглавие.

JACQUES LE VASSEUR (каноник и декан церкви Нуайона): *Annales de l'église cathédrale de Noyon*. Paris, 1633, 2 vols. quarto. Содержит информацию о рождении и родственниках Кальвина.

JACQUES DESMAY (католик): *Remarques sur la vie de J. Calvin hérésiarque tirées des Registres de Noyon*. Rouen, 1621, 1657.

CHARLES DRELINCOURT (пастор в Шапантоне): *La défense de Calvin contre l'outrage fait a sa mémoire*. Genève, 1667; на немецком — Hanau, 1671. Опровержение хулы Бользека и посмертной книги кардинала Ришелье о самом простом и верном методе обращения тех,

- кто отошел от Римской церкви. Бейль приводит его краткое содержание в своем *Dictionnaire*.
- MELCHIOR ADAM: *Vita Calvini*, в его *Vitae Theologorum*, etc. 3^d ed. Francof., 1705 (part II, *Decades duae*, etc., pp. 32-55). В основном по материалам Безы.
- ELIJAH WATERMAN (пастор пресвитерианской церкви в Бриджпорте, Коннектикут): *Memoirs of the Life and Writings of John Calvin: together with a selection of Letters written by him and other distinguished Reformers*. Hartford, 1813.
- VINCENT AUDIN (католик, 1793 — 1851): *Histoire de la vie, des ouvrages et des doctrines de Calvin*. Paris, 1841, 2 vols.; 5th ed. 1851; 6th ed. 1873. Английский перевод — John McGill; немецкий перевод — 1843. Написано как роман, смесь вымысла и правды. Автор — просто воскресший Бользек. Оден говорит, что сначала он отбросил в сторону книгу Бользека «как позорную книжонку. Все свидетельствовали против Бользека. Католики и протестанты в один голос осуждали его. Однако тщательное изучение жизни реформатора просто убеждает нас признать, что отчасти врач из Лиона был прав. Время подтвердило правоту Бользека. Каждый день делаются открытия, показывающие, что апологеты Кальвина лгут». Оден хвалится, что изучил более тысячи трудов о Кальвине, но выдает свою полемическую необъективность, когда признается, что «хотел доказать, что этот беженец из Нуайона стал губителем цивилизации, искусства, гражданской и религиозной свободы». Оден в том же духе написал историю Лютера (1839, 3 vols.), Генриха VIII (1847) и Льва X (1851). Его труд не принимают и, по сути, опровергают честные католики, такие как Кампшulte, Корнелий и Функ.
- *PAUL HENRY, доктор богословия (пастор французской реформатской церкви в Берлине): *Das Leben Johann Calvins des grossen Reformators*, etc. (посвящено Неандеру). Hamburg, 1835-44, 3 vols. Английский перевод (но без примечаний и приложений и отличающийся от авторского в том, что касается дела Сервета) — Henry Stebbing, London and New York, 1851, 2 vols. Эта большая работа знаменует начало новой эпохи. В ней трудолюбиво собраны разные материалы, но всё плохо обработано и написано с чрезмерным преклонением перед Кальвином. Анри написал также, против Одена и Галиффа, сокращенную *Leben Johann Calvin's. Ein Zeugnis für die Wahrheit*. Hamburg and Gotha, 1846 (pp. 498).
- THOMAS SMYTH, доктор богословия: *Calvin and his Enemies*. 1843; новое издание — Philadelphia (Presbyterian Board of Publication), 1856, 1881. Апологетический труд.
- THOMAS H. DYER: *The Life of John Calvin*. London (John Murray), 1850, pp. 560 (переиздание New York, 1851). Живой и беспристрастный труд, основанный на переписке Кальвина, Анри и Трешеля (*Antitrinitarier*).
- FELIX BUNGENER: *Calvin, sa vie, son oeuvre, et ses écrits*. Paris, 2^d ed. 1863 (pp. 468). Английский перевод — Edinburgh, 1863.
- *E. STÄHELIN (реформатский служитель в Базеле): *Johannes Calvin; Leben und ausgewählte Schriften*. Elberfeld, 1863, 2 vols. (в «Väter und Begründer der reform. Kirche», vol. IV в 2 частях). Одна из лучших биографий, хотя не такая полная, как у Анри, и нуждается в модификациях и дополнениях из более недавних исследований.
- PAUL PRESSSEL (лютеранин): *Johann Calvin. Ein evangelisches Lebensbild*. Elberfeld, 1864 (pp. 263). О трехсотлети со дня смерти Кальвина (27 мая 1864 г.). Основано на Штагелине, Анри, Минье и издании писем Кальвина под редакцией Бонне.
- ALBERT RILLIET: *Bibliographie de la vie de Calvin*. «Correspond. littéraire». Paris, 1864. *La premier séjour de Calvin a Genève*. Gen. 1878.
- *GUIZOT (великий историк и государственный деятель, потомок гугенотов, умер в Валь-Ришере 12 сентября 1874 г.): *St. Louis and Calvin*. London, 1868. См. также его очерк в *Musée des protestants célèbres*.
- *F. W. KAMPFSCHULTE (либеральный католик, профессор истории в Бонне, умер в старокатолической вере, 1872): *Joh. Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf*. Leipzig, 1869, vol. I (тома II и III так и не вышли). Самый способный, критичный и, для католического, самый замечательно справедливый и либеральный труд, отчасти основанный на неопубликованных источниках. — В том же беспристрастном духе начал писать статью о Кальвине профессор Функ из Тюбингена, во втором издании Wetzzer and Welte, *Kirchenlexicon* (католический), II. 1727-1744.
- THOMAS M'CRIE, доктор богословия: *The Early Years of John Calvin. A Fragment, 1509 — 1536*. Посмертно изданный труд, под редакцией Вильяма Фергюсона. Edinburgh, 1880 (pp. 199). В своей области ценный.
- Статья «Calvin» в *La France Protestante*, Paris, 2^d ed., vol. III (1881), 508-639.

ABEL LEFRANC: *La jeunesse de Calvin*. Paris, 1888 (pp. 229). Автор проливает свет на новые факты о протестантском движении в Нуайоне. — См. также его *Histoire de la Ville de Noyon et de ses institutions*. Paris, 1888.

Annales Calviniani, под редакцией авторов брюнсовикского издания *Opera* Кальвина. Том. XXI. 183-1818. С 1509 по 1572 гг. Бесценно как справочник.

VI. БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С КАЛЬВИНОМ

FR. AUG. ALEX. MIGNET (выдающийся французский историк и академик, 1796 — 1884): *Mémoire sur l'établissement de la réforme et sur la constitution du Calvinisme a Genève*. Paris, 1834. То же на немецком, Leipzig, 1843.

G. WEBER: *Geschichtliche Darstellung des Calvinismus im Verhältniss zum Staat in Genf und Frankreich bis zur Aufhebung des Edikts von Nantes*. Heidelberg, 1836 (pp. 372).

*J. J. HERZOG: *Joh. Calvin*, Basel, 1843; также в его *Real-Encyclop.* 2 vol. III. 77-106.

*JULES BONNET: *Lettres de Jean Calvin*, 1854; *Calvin au val d'Aoste*, 1861. *Idelette de Bure, femme de Calvin* (в «Bulletin de la société de l'histoire du Protest. français», 1856, Nos. 11-12); *Récits du seizième siècle*, Paris, 1864; *Nouveaux récits*, 1870; *Derniers récits*, 1876.

E. RENAN: *Jean Calvin*, в *Études d'histoire religieuse*, 5th ed. Paris, 1862; английский перевод О. В. Frothingham, *Studies of Religious History and Criticism*, New York, 1864, pp. 285-297).

J. H. ALBERT RILLIET: *Lettre a M. Merle D'Aubigné sur deux points obscurs de la vie de Calvin*, Genève, 1864. *Le premier séjour de Calvin a Genève*, в его с Дюфуром издании Французского катехизиса Кальвина, Genève, 1878.

MÖNKEBERG: *Joachim Westphal and Joh. Calvin*. Hamburg, 1866.

J. KÖSTLIN: *Calvin's Institutio nach Form und Inhalt*.

EDMOND STERN: *La théorie du culte d'après Calvin*. Strassburg, 1869.

JAMES ANTHONY FROUDE: *Calvinism, an Address delivered to the Students of St. Andrews*, 17 марта 1871 г. (в его *Short Studies on Great Subjects*, Second Series, New York, 1873, pp. 9-53).

WILLIAM CUNNINGHAM (свободная церковь Шотландии, ум. в 1861): *The Reformers and the Theology of the Reformers*. Edinburgh, 1862.

JOHN TULLOCH (из церкви Шотландии, ум. в 1885): *Leaders of the Reformation*. Edinburgh, 1859; 3^d ed. 1883.

PHILIP SCHAFF: *John Calvin*, в «Bibliotheca Sacra», Andover, 1857, pp. 125-146, и в *Creeds of Christendom* (New York, 1877), I. 421-471.

A. A. HODGE (ум. в Принстоне, 1885): *Calvinism*, в Johnson, «Universal Cyclopaedia» (New York, 1875 sqq.), vol. I, pp. 727-734; новое издание 1886, vol. I, 676-683.

LYMAN H. ATWATER: *Calvinism in Doctrine and Life*, в «Presbyterian Quarterly and Princeton Review», New York, January, 1875, pp. 73-106.

DARDIER and JUNDT: *Calvin*, в Lichtenberger, «Encyclopédie des sciences religieuses». Том. II, 529-557 (Paris, 1877).

P. LOBSTEIN: *Die Ethik Calvins in ihren Grundzügen*. Strassburg, 1877.

W. LINDSAY ALEXANDER: *Calvin*, в «Encycl. Brit.», 9th ed., vol. IV, 714 sqq.

PIERRE VAUCHER: *Calvin et les Genevois*. Gen. 1880.

A. PIERSON: *Studien over Joh. Kalvijn*. Haarlem, 1881-'83.

J. M. USTERI: *Calvin's Sacraments und Tauflehre*. 1884.

B. FONTANA: *Documenti dell' archivio Vaticano e dell' Estense, circa il soggiorno di Calv. a Ferrara*. Rom. 1885. E. Comba в «Revisita Christ.», 1885, IV-VII.

C. A. CORNELIUS (либеральный католик): *Die Verbannung Calvins aus Genf. im J. 1536*. München, 1886. *Die Rückkehr Calvins nach Genf. I. Die Guillermins* (pp. 62); *II. Die Artichauds*; *III. Die Berufung* (pp. 102). München, 1888, 1889. Отдельное издание «Abhandlungen der K. bayer. Akademie der Wissenschaften», XIX. Bd. II. Аббат Корнелий, друг Доллингера, соглашается в высокой оценке Кальвина с Кампшulte, но в основном говорит о политических проблемах Женевы в отсутствие Кальвина (и приводит обширные цитаты из собрания переписки Герминьярда. Он останавливается на возвращении Кальвина в сентябре 1540 г.

CHARLES W. SHIELDS: *Calvin's Doctrine on Infant Salvation*, в «Presb. and Ref. Review», New York, 1890, pp. 634-651. Пытается доказать, что Кальвин учил всеобщему спасению детей (?).

ED. STRICKER: *Johann Calvin als erster Pfarrer der reformirten Gemeinde zu Strassburg. Nach urkundlichen Quellen*. Strassburg, 1890 (vi, 66 pp.). — В связи с пребыванием Кальвина в

Страсбурге можно также посмотреть R. REUSS: *Histoire de l'église de Strassbourg*, 1880; и A. ERICHSON: *L'église française de Strassbourg au XVIme siècle*, 1886.

Е. DOUMERGUE (профессор истории церкви из Монтобана): *Essai sur l'histoire du culte réformé principalement au XVIe et au XIXe siècle*. Paris, 1890. Первая часть, стр. 1-116, рассказывает о литургиях Кальвина и его трудах в области церковной поэзии и музыки.

Литература о Сервете будет приведена ниже, в разделе о Кальвине и Сервете.

VII. ИСТОРИИ РЕФОРМАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ

ABR. RUCHAT (профессор богословия в академии Лозанны, ум. в 1750): *Histoire de la réformation de la Suisse*. Genève, 1727 sq., 6 vols.; новое издание с приложениями — L. Vulliemin, Nyon, 1835-'38, 7 vols. До 1566 г. Ярко выраженного антиримского характера. Автор предан Берну. Слог путаный и неизящный, но приводится много информации, «выдержек из ученых диссертаций, из документов» (Dardier, в Lichtenberger, «Encyclop.», XI. 345). — Сокращенное издание на английском в одном томе — J. Collinson: *History of the Reformation in Switzerland by Ruchat*. London, 1845. До 1537 г.

DAN. GERDE (1698 — 1767): *Introductio in Historiam Evangelii seculo XVI passim per Europam renovati doctrinaeque Reformatae; accedunt varia monumenta pietatis atque rei literariae*. Groningae, 1744-'52, 4 vols. Содержит портреты реформаторов и интересные документы. В тт. I, II и IV есть разделы о швейцарской Реформации.

C. B. HUNDESHAGEN (профессор в Берне, позже в Гейдельберге и Бонне, ум. в 1872): *Die Conflicte des Zwinglianismus, Lutherthums und Calvinismus in der Bernischen Landeskirche von 1532 — 1558. Nach meist ungedruckten Quellen*. Bern, 1842.

*J. GABEREL (бывший пастор): *Histoire de l'église de Genève depuis le commencement de la réforme jusqu'en 1815*. Genève, 1855-63, 3 vols.

P. CHARPENNE: *Histoire de la réformation et des réformateurs de Genève*. Paris, 1861.

FLEURY: *Histoire de l'église de Genève*. Genève, 1880. 2 vols.

Труды AMAD. ROGET, см. пункт II.

*MERLE D'AUBIGNÉ (профессор истории церкви в Свободной церковной богословской семинарии Женевы): *Histoire de la réformation en Europe au temps du Calvin*. Paris, 1863-'78. Английский перевод в нескольких изданиях, лучшее — Longmans, Green & Co., London, 1863-'78, 8 vols.; американское издание — Carter, New York, 1870-'79, 8 vols. Второй раздел труда Мерля о Реформации. Последние три тома были изданы после его смерти (21 октября 1872 г.), Duchemin and Binder, перевод William L. R. Cates. Здесь история Реформации в Женеве изложена до 1542 г., других реформатских церквей — до середины XVI века. Таким образом, труд не полон, но это самая подробная, красноречивая и драматическая история Реформации, созданная ее сторонником, ревностным поклонником Кальвина, полным энтузиазма, поддерживающим его позицию и веру, за исключением единства церкви и государства и гонений на еретиков. Первый раздел, который посвящен лютеранской Реформации до 1530 г., невероятно популярен в Англии и Америке. Ранке с его спокойным, вдумчивым темпераментом удивлялся, что такая книга могла быть написана в XIX веке. (См. предисловие к т. VII, p. vi, note).

ÉTIENNE CHASTEL (профессор истории церкви в Женевском университете, ум. в 1882): *Histoire du Christianisme*. Paris, 1882, 5 vols. Том IV (66 sqq.) рассказывает о швейцарской Реформации.

G. P. FISHER: *The Reformation*. New York, 1873, ch. VII, pp. 192-241.

PHILIPPE GODET (сын комментатора Фредерика): *Histoire littéraire de la Suisse française*. Neuchâtel and Paris, 1890. Гл. II, 51-112, рассказывает о реформаторах (Фареле, Вире, Фромане, Кальвине и Безе).

VIRGILE ROSSEL: *Histoire littéraire de la Suisse romande*. Genève (H. Georg), 1890, 2 vols. Первый том, *Des origines jusqu'au XVIIIme siècle*.

В историях Реформации во Франции также обычно говорится о трудах Фареля, Кальвина и Безы; например, в первом томе GOTTLOF VON POLENZ: *Geschichte des französischen Calvinismus* (Gotha, 1857 sqq.).

§59. Положение французской Швейцарии до Реформации

Потери Реформации в немецкой Швейцарии были более чем возмещены победами в Швейцарии французской — то есть в трех кантонах — Во, Невшателе и Женеве³³⁵. Протестантизм начал продвигаться на запад. Кальвин продолжил,

улучшил и дополнил работу Цвингли и придал ей более широкое значение. Женева заняла место Цюриха и превзошла по влиянию город Цвингли и город Лютера. Она превратилась в «протестантский Рим», из которого исходили идеи и импульсы к реформатским церквям Франции, Голландии, Англии и Шотландии. Конечно, город Кальвина давно отошел от своего строгого символа веры и теократической дисциплины и никогда к ним не вернется, но евангельская вера до сих пор живет в нем с новой силой, и среди городов того же размера нет ни одного, который занимал бы более важное и влиятельное место в богословской и религиозной деятельности, а также в литературной и общественной культуре и был бы таким удобным центром для решения международных вопросов, как Женева.

Реформацию во французской Швейцарии нельзя отделить от Реформации во Франции. Жители двух этих стран относятся к одной и той же кельтской или галльской расе, с примесью германской (франкской и бургундской) крови. Первыми благовестниками западной Швейцарии были французы, которым пришлось бежать из родной страны. И они же стали в свою очередь, через своих учеников, основателями реформатской церкви во Франции. Реформатские церкви двух стран едины по духу. После отмены Нантского эдикта многие гугеноты нашли убежище в Женеве, Во и Невшателе. Французская Швейцария сочетает в себе лучшие особенности французского характера со швейцарской солидностью и свободолюбием. Она всегда готова протянуть руку помощи братьям из-за границы и образует связующее звено между Францией и протестантами немецкоязычных стран. Их превосходные учебные заведения привлекают студентов из-за рубежа и готовят учителей для других стран.

Территория французских кантонов, которая занимает 4312 кв. км, находилась в XVI веке под защитой Швейцарской конфедерации.

Во был отнят Берном у герцогства Савойского и управлялся бейлифами до 1798 г.³³⁶

Княжество Невшатель и Валанген заключили содружество с Фрейбургом (1290), Берном (1307) и Золотурном (1324). В 1707 г. княжество перешло к королю Фридриху I Прусскому, который подтвердил права и свободы страны и ее древний союз со Швейцарией. Связь с Пруссией продолжалась до 1857 г., когда она разорвалась по взаимному согласию³³⁷.

Женева изначально управлялась епископом и графом, которые делили между собой духовное и светское правление. Герцог Карл III Савойский попытался подчинить себе город с помощью недостойного и раболепного епископа Пьера де ла Бомы, которого он назначил из членов своей собственной семьи, с согласия папы Льва X³³⁸. Но патриотическая партия, под руководством Филибера Бертелье, Бе-

³³⁵ *La Suisse française* или *la Suisse romande*. Во имеет площадь 1244 квадратные мили (3222 кв. км), Невшатель — 312 (808 кв. км); Женева — 109 (282 кв. км). Первый кантон насчитывал в 1889 г. 251.000 жителей; второй — 109.000; третий — 107.000.

³³⁶ См. Vulliemin, *Le canton de Vaud*, Lausanne, 3^d ed., 1885. Verdeil, *Histoire du canton de Vaud*, Lausanne, 1854-57, 4 vols.

³³⁷ См. исторические труды по Невшателю: Chambrier, Matile, Boyve, Majer, Benort.

³³⁸ Пьер де ла Бом был епископом Женевы с 1523 по 1536 г., стал епископом Безансона в 1542 г. и умер в 1544 г. Бонивар (цит. из Одена, который хвалит епископов Женевы) говорит о нем: «Он был великим мотом и считал высшей добродетелью прелата иметь стол, полный блюд с мясом и разных сортов вина; пиршеству он предавался с таким упоением, что поглощал тридцать одно блюдо за один раз». А Оден добавляет (р. 116): «Эти слова могли бы произвести больший эффект, если бы Бонивар сам не сидел и не пил за тем столом гораздо неумереннее того, что подобало бы приору в Сен-Викторе».

зансона Гюга и Франсуа Бонивара («Шильонский узник» Байрона), выступила против этой попытки и начала борьбу за независимость, которая продолжалась несколько лет и напоминает, в меньшем масштабе, героическую борьбу Швейцарии против иноземного угнетения. Поскольку патриоты были в союзе со Швейцарией, их называли *Eidgenossen* — немецкое слово для обозначения (швейцарских) *конфедератов*, которое из-за неправильного произношения превратилось в *Eignots* и в *Huguenots*, а позже перешло из Женевы во Францию как прозвище протестантов³³⁹. Партия герцога Савойского и епископа была прозвана *мамелюками* или «рабами». Патриоты одержали победу с помощью немецкой Швейцарии. 20 февраля 1526 г. Берн и Фрейбург заключили союз с Женевой и обещали ей военную помощь для защиты ее независимости. Граждане Женевы ратифицировали союз со Швейцарией большинством голосов, восклицая: «Швейцарцы и свобода!» Епископ тщетно взывал к папе и императору и уехал из Женевы в Сен-Клод. Ему пришлось смириться с положением вещей, и он правил еще десять лет (до 1536 г.)³⁴⁰.

Это политическое движение, главным героем которого стал Бертелье, не было связано с Реформацией, но подготовило для нее путь. За ним последовали евангельские труды Фареля и Вире и организация реформатской церкви при Кальвине. Во время войны за освобождение усилилась оппозиция Римской церкви и клиру Женевы, занявшим сторону Савойи и весьма развращенным, даже по свидетельству римско-католических авторов, таких как епископ Антуан Шампион, Бонивар, сестра Де Жюсси и Франциск Сальский. Вести о лютеранской и цвинглианской Реформации укрепляли эту оппозицию. Фрейбург остался римско-католическим³⁴¹ и расторг союз с Женевой, а Берн укрепил союз и обеспечил Женеве политическую свободу от Савойи и религиозную свободу от Рима.

ПРИМЕЧАНИЯ

Для понимания географии и истории Швейцарской конфедерации полезно изучить следующие факты, сверяясь с при этом картой.

1. Изначальная конфедерация, состоявшая из трех лесных кантонов (*Urcantone, Waldstätte*), Ури, Швица и Унтервальдена, существовала с 1 августа 1291 г. (это дата возобновления более древнего соглашения, от 1244 г.) по 1332 г. Победа при Моргартене над герцогом Леопольдом Австрийским была одержана 15 ноября 1315 г. (После 1352 г. лесных кантонов было *пять*, включая Люцерн и Цуг).

2. Конфедерация восьми кантонов (*Orte*) с 1353 по 1481 гг.

³³⁹ Мерль д'Обинье, I. 119: «До периода после Реформации это прозвище имело чисто политическое значение, а не религиозное и обозначало просто сторонников независимости. Много лет спустя враги называли так французских протестантов, желая их заклеймить и указать на их иностранное, республиканское и еретическое происхождение. Такова подлинная этимология этого термина». Но существует еще как минимум два варианта этимологии. И, по одному из предположений, слово «гугеноты» произошло от Гуго Капета, потомком которого был Генрих IV, политический и военный вождь гугенотов.

³⁴⁰ Подробности этой политической борьбы, которая не представляет большого интереса для истории церкви, можно прочесть в Merle D'Aubigné, I. 1-426; в историях Женевы, а также в Am. Roget, *Les Suisses et Genève, ou l'émancipation de la communauté genevoise au XVIe siècle*, Genève, 1864, 2 vols. Также Kampschulte, I. c., I. 3-90.

³⁴¹ Он знаменит своим органом в церкви Св. Николая, подвесным мостом и католическим университетом. Там находится резиденция епископа Лозанны, и его не следует путать с Фрейбургом-на-Брезгау, в великом герцогстве Баден, который также является оплотом католичества.

Люцерн присоединился к лесным кантонам в 1332 г. (с тех пор конфедерация стала называться *Bund der Vier Waldstätte*, а в 1352 г. к ней добавился Цуг, как *пятый лесной кантон*, отсюда *Fünf Orte*, или *пять кантонов*).

Цюрих присоединился в 1351 г., Цуг — в 1352 г., Гларус — в 1352 г., Берн — в 1353 г.

Победы над австрийцами в Семпахе 9 июля 1386 г. (Арнольд фон Винкелрид) и в Нафельсе, 9 апреля 1388 г. Битва с французским дофином (Людовиком XI) 26 августа 1444 г. в Санкт-Якобе близ Базеля (швейцарские Фермопилы) и победы над Карлом Смелым Бургундским в Грансоне 22 июня 1476 г. и в Нанси 5 января 1477 г.

3. Конфедерация тринадцати кантонов, 1513 — 1798.

Фрейбург присоединился в 1481 г., Золотурн в 1481 г., Базель в 1501 г., Шафхаузен в 1501 г., Аппенцель в 1513 г.

4. Конфедерация при Французской Директории, 1798 — 1802. Во, с помощью Франции, стал независимым от Берна (1798). Валтеллина, Кьявенна и Борми отняты у Граубюндена и присоединены к Цизальпинской республике Наполеоном (1797). Невшатель отделился от Швейцарии.

5. Конфедерация девятнадцати кантонов в 1803 — 1813 гг., под влиянием Наполеона как «посредника».

6. Современная Швейцария из двадцати двух кантонов, с Венского конгресса 1815 г. по сей день.

Новые кантоны таковы: Тичино, Вале, Санкт-Галлен, Ааргау, Тургау, Граубюнден, Женева, Во, Невшатель. Ранее они зависели от тринадцати кантонов, защищались ими или находились с ними в свободном союзе.

§60. Гильом Фарель

Письма Фареля и к Фарелю см. в HERMINJARD, начиная с vol. I, 193, и в стразбургском издании переписки Кальвина, *Opera*, X-XX.

Биографии: BEZA (*Icones*, 1580, с портретом); MELCHIOR ADAM (*Decades duae*, 57-61); *KIRCHHOFFER (1833, 2 vols.); VERHEIDEN (*Imagines et Elogia*, 1725, p. 86 sq., с портретом); CHENEVIÈRE (1835); JUNOD (1865). MERLE D'AUBIGNÉ приводит очень тщательный, но неполный рассказ о первых трудах Фареля, особенно в Женеве (vols. III, IV, V, books 5, 6, 9). См. также RUSCHAT, F. GODET и другие труды, упомянутые в §58, также статью «Farel» в *La France Protestante*, tome VI. 886-416 (1888).

Через два года после политической эмансипации Женевы от савойского ига Берн принял протестантскую Реформацию (1528) и тут же использовал свое политическое и моральное влияние, чтобы ввести новую веру в соседних французских территориях, над которыми он получил контроль. Три благовестника были готовы к этой работе: один — родом из Во, а двое — беглые французы. Город Фрейбург, герцог Савойский, Карл V и папа пытались помешать распространению ереси, но тщетно.

Пионер протестантизма в западной Швейцарии — Гильом Фарель (1489 — 1565). Он был странствующим благовестником, всегда в движении, неустанно трудился, был полон веры и огня, так же смел и бесстрашен, как Лютер, но гораздо более радикален и лишен его гения. Фареля называли Илией французской Реформации, «бичом священников». Когда-то он был пылким папистом, а потом стал пылким протестантом, после чего видел уже только мрачную сторону папства, только преобладавший в католичестве разврат и злоупотребления. Он ненавидел папу как истинного антихриста, мессу — как идолопоклонство, изображения и реликвии — как языческих идолов, которых следует уничтожить, подобно идолам хананеев. Фарель не был рукоположен, но считал, что призван Богом, как пророки в древности, чтобы сокрушить идолопоклонство и расчистить путь для духовного поклонения Богу в соответствии с Его явленным Словом. Фарель был прирожденным борцом. Он пришел для того, чтобы принести не мир, но меч. Ему приходилось сталкиваться со священниками, которые носили под сутаной дубинки и огнестрельное оружие, а он сражался с ними мечом слова и духа. Однажды в него выстрелили, но ружье взорвалось. Он обернулся и ска-

зал: «Мне не страшны ваши выстрелы». Он никогда сам не прибегал к насилию — только к словесному. Он обладал неукротимой волей и стойкостью. Гонения и насилие лишь побуждали его действовать активнее. Внешность его не производила впечатления: он был мал и слаб, с бледной от природы, но загорелой кожей, узким лбом, рыжей всклокоченной бородой, горящим взглядом и выразительным ртом.

Фарель отличался некоторыми из лучших качеств оратора: звучным и громким голосом, уместными жестами, беглой речью и искренностью, которая всегда привлекает внимание и часто убеждает. Его современники отмечали его громогласное красноречие и его захватывающие молитвы. *Tua illa fulgura*, — писал Кальвин. *Nemo tonuit fortius*, — говорит Беза. Его проповеди были импровизированными. До нас они не дошли. Их сила заключалась в устной подаче. Мы можем сравнить его с Уайтфилдом, который был также странствующим благовестником, наделенным харизмой оратора. По мнению Безы, Кальвин был самым ученым, Фарель — самым убедительным, Вире — самым кротким проповедником того времени³⁴².

Главным недостатком Фареля было отсутствие умеренности и сдержанности. Он был иконоборцем. Его неистовость порождала чрезмерный отпор и нередко приносила больше вреда, чем пользы. Эколампадий хвалил его рвение, но просил быть более спокойным и кротким. «Твоя миссия, — писал он Фарелю, — благовествовать, а не проклинать. Докажи, что ты благовестник, а не тиран-законник. Люди хотят, чтобы их вели, а не гнали». Цвингли, незадолго до смерти, просил его не быть грубым, но сдерживаться, ради лучшего служения Господу.

Труды Фареля были скорее разрушительными, чем созидательными. Он умел ломать, но не строить. Он был завоевателем, но не обустроителем завоеванного; человеком действия, а не писателем; бесстрашным проповедником, а не богословом. Он знал о своих недостатках и доверял дальнейшую работу могучему гению своего младшего друга, Жана Кальвина. В духе подлинного смирения и самоотречения он был готов умалиться, чтобы Кальвин мог расти. Это лучшая из черт его характера³⁴³.

Гильом Фарель, старший из семи детей из бедной, но благородной семьи, родился в 1489 г. (через пять лет после Лютера и Цвингли, за двадцать лет до Кальвина) в Гапе, маленьком городке в предгорьях Дофине, на юго-востоке

³⁴² Беза в своих *Icones* так описывает лучшие качества Фареля: *Hic enim ille est qui nullis difficultatibus fractus, nullis minis, convitiis, verberibus denique inflictis territus, Mombelgardenses, Neocomenses, Lausanenses, Aquileienses, Genevenses denique Christo lucrificet. Fuit enim in hoc homine praeter pietatem, doctrinam, vitae innocentiam, eximiamque modestiam, singularis quaedam animi praesentia, ingenium acre, sermo vehementiae plenus, ut tonare potius quam loqui videretur: ardorque denique tantus in precando, ut audientes quasi in coelum usque subveheret.* Он сравнивает Кальвина, Фареля и Вире в таких стихах (в 1568 г.):

*Gallica mirata est Calvinum ecclesia nuper,
Quo nemo docuit doctius.
Est quoque te nuper mirata, Farelle, tonantem,
Quo nemo tonuit fortius.
Et miratur adhuc funden tem mella Viretum,
Quo nemo fatur dulcius.
Scilicet aut tribus his servabere testibus olim,
Aut interibis Gallia.*

³⁴³ «Этот человек с юга [Фарель] был создан для того, чтобы завоевать. А человек с севера [Кальвин] — для того, чтобы сохранить и обустроить завоеванное. Фарель обладал таким замечательным чутьем, что мгновенно уступил Кальвину в тот же день, когда своей громогласной речью убедил его поселиться в Женеве, которая нуждалась в его гении». Philippe Godet, *Hist. litter. de la Suisse française*, p. 51.

Франции, где некогда были широко распространены религиозные взгляды вальденсов. Фарель унаследовал слепую веру своих родителей и ни в чем не сомневался. Он совершил вместе с ними, как вспоминал в старости, паломничество к чудотворному кресту, который считали сделанным из креста нашего Господа. Он разделял суеверное преклонение перед изображениями и реликвиями и склонялся перед авторитетом монахов и священников. Он говорил, что был более папистом, чем сам папа.

В то же время он жаждал знаний и был послан учиться в Париж. Там он изучал древние языки (даже еврейский), философию и богословие. Его главный учитель, Жак Лефевр д'Этапль (Фабер Стапуленсис, 1455 — 1536), пионер Реформации во Франции и переводчик Писания, познакомил его с посланиями Павла и с учением об оправдании верой, а также пророчески предсказал ему, уже в 1512 году: «Сын мой, Бог обновит мир, и ты увидишь это»³⁴⁴. Фарель получил степень магистра искусств (в январе 1517 г.) и стал учителем в коллеже кардинала Лемуэна.

Влияние Лефевра и изучение Библии постепенно привели Фареля к убеждению, что спасение можно обрести только во Христе, что Слово Божье — единственное правило веры, а римская традиция и обряды — изобретения человека. Он был поражен тем, что в Новом Завете не нашлось ни одного упоминания о папе, об иерархии, об индульгенциях, о чистилище, о мессе, о семи таинствах, о celibате священников, о поклонении Марии и святым. Лефевр, обвиненный в ереси Сорбонной, удалился в 1521 г. к своему другу Гильому Брисонне, епископу Мо, который был убежден в необходимости реформ внутри Католической церкви, без отделения от Рима³⁴⁵. Там он перевел Новый Завет на французский язык (опубликован в 1523 г. без его имени, почти одновременно с немецким Новым Заветом Лютера). Несколько учеников Лефевра — Фарель, Жерар, Руссель, Мишель д'Аранд — последовали за ним в Мо, и Брисонне разрешил им проповедовать в своей епархии. Маргарита Валуа, сестра короля Франциска I (тогда герцогиня Алансона, позже королева Наварры), покровительствовала реформаторам и вольнодумцам. Но Фарель был слишком радикален даже для мягкого епископа, и ему запретили проповедовать 12 апреля 1523 г. Он отправился в Гап и обратил в свои взгляды несколько человек, в том числе четырех своих братьев, но народ считал его учение «очень странным» и изгнал его. Во Франции для него нигде не нашлось бы безопасного места. А скоро там начались серьезные гонения на протестантов.

Фарель бежал в Базель и был гостеприимно принят Эколампадием, по предложению которого он провел публичный диспут на латыни, по трем вопросам. В ходе диспута он доказывал совершенство Писания, христианскую свободу, обязанность пасторов проповедовать Евангелие и осуждал образы, посты, celibат и иудейскую обрядовость в церкви (23 февраля 1524 г.)³⁴⁶. Диспут прошел успешно и привел к обращению францисканского монаха Пелликана, выдающегося зна-

³⁴⁴ *Mon fils, Dieu renouvellera le monde et tu en seras le témoin.* Herminjard, I. 5, note. Ср. с цитируемым там отрывком из труда Лефевра об апостоле Павле.

³⁴⁵ Herminjard (I. 3) начинает свою *Correspondance des Réf.* с послания Лефевра к Брисонне от 15 декабря 1512 г., в котором он посвящает ему свой комментарий на послания Павла.

³⁴⁶ Herminjard (I. 193195) приводит эти тезисы на основании архивов Цюриха. Первый из них наиболее характерен: *Absolutissimam nobis praescripsit Christus vivendi regulam, cui nec addere licet, nec detrudere.* Эколампадий выступал в роли переводчика, так как французское произношение, с которым Фарель говорил на латыни, затрудняло понимание его речи.

тока греческого и еврейского языков, который позже станет профессором в Цюрихе. Эколампадий писал Лютеру, что Фарель подходит для Сорбонны³⁴⁷. Эразм, которого Фарель неосторожно обвинил в трусости и назвал Валаамом, счел его опасным возмутителем спокойствия³⁴⁸, и городской совет (вероятно, по совету Эразма) изгнал Фареля из города.

Фарель провел около года в Страсбурге, с Буцером и Капитоном. Перед этим он совершил краткий визит в Цюрих, Шафхаузен и Констанц, познакомился с Цвингли, Миконием и Гребелем. У него было рекомендательное письмо к Лютеру от Эколампадия, но, скорее всего, в Виттенберг он не ездил, потому что об этом нет упоминаний в письмах ни его, ни Лютера. По просьбе Ульриха, герцога Юртембергского, он проповедовал в Мемпельгарде (Монбельяре) и вызвал яростный отпор, который вынудил его вскоре вернуться в Страсбург. Здесь он встретил Лефевра и других друзей из Мо, которых гонения вынудили бежать.

В 1526 г. Фарель был опять в Швейцарии и по совету Галлера на время обосновался как школьный учитель под именем Гильома Урсина (имя происходит от Берна, «города медведей») в Эгле (Aelen)³⁴⁹, в Пэи-де-Во, на границах Вале, области, подчиненной Берну.

В январе 1528 г. Фарель присутствовал на синоде в Берне, который ознаменовал победу Реформации, и получил поручение от этого города проповедовать во всех подчиненных ему областях (8 марта 1528 г.). Соответственно, он работал своего рода миссионером в Мюра (Муртене), Лозанне, Невшателе, Валангене, Ивердене, Биле (Биенне), в долине Мюнстера, Орбе, Аванше, Сен-Блезе, Грансоне и других местах. Он превращал каждый камень и пень в кафедру, а каждый дом, улицу и рыночную площадь — в церковь. Он вызывал гнев монахов, священников и фанатичек. Его оскорбляли, обзывали «еретиком» и «дьяволом», на него плевали, не раз угрожали смертью. Везде, куда бы он ни отправился, он вызывал бурную реакцию народа и заставлял людей выступить или за, или против нового Евангелия.

Прибытие Фареля в Невшатель (в декабре 1529 г.) знаменует начало новой эпохи в его истории. Несмотря на яростное сопротивление, ему удалось ввести Реформацию в городе и соседних селениях. Потом он вернулся в Невшатель, завершая свой путь³⁵⁰. Робер Оливетан, кузен Кальвина, опубликовал первое издание его французского перевода Библии в Невшателе в 1535 г. Фарель просил Оливетана об издании, и этот перевод составляет основу многочисленных французских переводов Библии, сделанных с тех пор.

В 1532 г. Фарель со своим другом Соньером посетил вальденсов в Пьемонте, по просьбе Георга Мореля и Петра Массона, двух вальденских проповедников, которые возвращались после посещения Страсбурга и реформатских церквей Швейцарии. Фарель побывал на синоде, который собрался в Шанфоране, в долине Ангронь, 12 сентября 1532 г. и постановил принять учение Реформации. Фарель посоветовал им открыть школы. Позже он собрал для них средства и послал

³⁴⁷ *Nimirum instructus ad totam Sorbonicam affligendam, si non et perdendam*. Письмо от 15 мая 1524 г., в Herminjard, I. 215.

³⁴⁸ Эразм писал о нем в послании к властям Безансона, 1524: *Nihil vidi unquam mendacius, virulentius aut seditiosius*. Весьма естественная для него реакция. У этих двоих людей были совершенно несовместимые характеры.

³⁴⁹ В августе 1526 г. Буцер называл его *Ursinus, Aelae episcopus*. Herminjard, I. 461.

³⁵⁰ Подробно о его трудах в Невшателе см. в Vuillemin, *Le Chroniqueur*, pp. 86 sqq., и F. Godet, *Histoire de la réformation et du refuge dans le pays de Neuchâtel* (1859), pp. 69-190.

учителей, одним из которых стал Робер Оливетан, в то время частный преподаватель в Женеве. Это стало началом братских, продолжающихся по сей день отношений между вальденсами и реформатскими церквями.

§61. Фарель в Женеве. Первый акт Реформации. 1535

Вернувшись из Пьемонта, Фарель и Соньер остановились в Женеве 2 октября 1532 г. Цвингли уже обращал внимание Фареля на этот город как важное поле деятельности для реформаторов. Оливетан был там и принял их.

На следующий день после прибытия, благовестников посетил ряд выдающихся горожан из партии гугенотов, среди которых был Ами Перрен, один из самых пылких сторонников Реформации, а позже — один из главных оппонентов Кальвина. Благовестники, открыв Библию, объяснили пришедшим протестантское учение, которое должно было дополнить и укрепить недавно обретенную горожанами политическую свободу. Однако результатом стали великие волнения. Совет был в тревоге и приказал им покинуть город. Фарель заявил, что не обольщает, но проповедует истину, за которую готов умереть. Он показал рекомендательные грамоты из Берна, которые произвели впечатление. Он был также призван на совет епископа в дом аббата де Бомона, генерального викария епархии. С ним обошлись высокомерно. «Иди сюда, грязный дьявол, — сказал ему один из каноников, — ты вообще крещен? Кто позвал тебя сюда? Кто дал тебе право проповедовать?» Фарель ответил с достоинством: «Я был крещен во имя Отца, Сына и Святого Духа, и я не дьявол. Я проповедую Христа, Который умер за наши грехи и воскрес ради нашего оправдания. Всякий, кто верит в Него, спасется. А неверующие погибнут. Я послан Богом как вестник Христа, и я обязан проповедовать Его всем, кто слушает меня. Я готов спорить с вами и дать отчет в своей вере и служении. Илия сказал царю Ахаву: “Не я смущаю Израиля, а ты”. Так и я говорю. Это вы возмущаете мир своими традициями, своими человеческими изобретениями, своей ложью». Но священники не собирались вступать в спор. Они знали и признавали простую истину: если они начнут спорить, их дело проиграно. Один из каноников воскликнул: «Он богохульствует! Нам не надо других доказательств. Он заслуживает смерти». Фарель ответил: «Говори словами Бога, а не Каиафы». Тогда всё собрание воскликнуло: «Бросить его в Рону! Убить лютеранского пса!» Фареля оскорбляли, били, в него стреляли. Один из синдиков вмешался, защищая его. Епископский совет велел ему покинуть Женеву в течение трех часов.

Фарель с трудом бежал от гнева священников, которые преследовали его с дубинками. Он был весь оплеван и в синяках. Несколько гугенотов пришло на его защиту. Они сопровождали его и Соньера в лодке до другого берега озера, в некое место между Моржем и Лозанной. В Орбе Фарель встретил Антуана Фромана, родом из Дофине, и убедил его идти в Женеву в качестве благовестника и учителя детей (ноябрь 1532 г.), но и оттуда пришлось бежать.

В такой критической ситуации римская партия, поддерживаемая Фрейбургом, призвала себе на помощь Ги Фюрбити, ученого доминиканского доктора из Сорбонны. Он проповедовал в рождественский пост 1533 г. против протестантской ереси с невероятной злобой. А 1 января 1534 г. епископ запретил любые проповеди без его разрешения.

Фарель вернулся, под защитой Берна, и провел публичный диспут с Фюрбити 29 января 1534 г. в присутствии большого и малого советов и делегатов Берна.

Он не смог ответить на все возражения, но отрицал право церкви навязывать обряды, о которых ничего не сказано в Писании, и отстаивал положение Христа как единственного Главы церкви. Он воспользовался случаем, чтобы изложить протестантские учения и критиковать римскую иерархию. Христос и Святой Дух, сказал он, — не с папой, а с теми, кого папа преследует. Диспут продолжался несколько дней и закончился частичной победой Фареля. Неспособный доказать свои взгляды Писанием, Фюрбити признался: «То, что я проповедовал, не может быть доказано с помощью Библии. Я проповедовал на основании “Суммы” святого Фомы», — и на кафедре собора Св. Петра он повторил свои обвинения против еретиков 15 февраля, но был посажен в тюрьму на несколько лет.

Фарель же продолжил проповедовать в частных домах. 1 марта, когда монах Франсуа Кутельер стал критиковать Реформацию, Фарель поднялся на кафедру, чтобы опровергнуть монаха. Это была первая его публичная проповедь в Женеве. Фрейбуржцы протестовали против этого и отказали Женеве в дружбе (12 апреля). Епископ объявил городу анафему (30 апреля); герцог Савойский угрожал войной. Но Берн поддерживал Женеву и, под его мощной защитой, Фарель, Вире и Фроман решительно продвигали Реформацию, хотя и встречали ожесточенное сопротивление.

Священники, монахи и монахини постепенно покинули город, а епископ переместил свою резиденцию в Аннеси — убежище, подготовленное герцогом Савойским. Сестра Жанна де Жюсси, одна из монахинь монастыря Св. Клары, оставила живой и наивный рассказ о переезде в Аннеси. «Печально было, — говорит она, — видеть это святое сообщество с такой беде, настолько переполненным усталостью и горем, что некоторые теряли сознание по дороге. Лил дождь, и всем пришлось идти по грязным дорогам, кроме четырех несчастных инвалидов, которых везли на повозке. Там было шесть несчастных пожилых женщин, которые приняли обет более шестнадцати лет назад. Двое из них, которым было уже больше шестидесяти шести и которые никогда не выходили в мир, постоянно падали в обморок. Они не могли выносить ветра. Когда они видели скот на полях, то принимали коров за медведей, а долгошерстных овец за волков. Те, кто видел их, был так переполнен состраданием, что не мог выговорить ни слова. И хотя наша мать, викаресса, дала им всем хорошую обувь, чтобы уберечь их ноги, большая часть не могла идти в этих туфлях, но вешала их на пояс. И так они шли с пяти часов утра, когда покинули Женеву, почти до полуночи, когда прибыли в Сен-Жюльен, на расстоянии всего лишь лиги от нее». Монахиням понадобилось пятнадцать часов, чтобы пройти всего лигу пути {ок. 5 км}. На следующий день (29 августа) они добрались до Аннеси, под звон колоколов всего города, и нашли приют в монастыре Святого Креста. Добрая сестра Жюсси видела в Реформации справедливое наказание за неверность клира. «Ах, — говорит она, — прелаты и деятели церкви не исполняли свои обеты, но бездумно растрачивали собственность церкви, жили с женщинами в прелюбодеянии и блуде и пробудили гнев Бога, Который послал на них Свой суд!»³⁵¹

³⁵¹ *Le commencement de l'hérésie en Genève*. Grénus, *Fragments historiques*, pp. 199-208; *Le Chroniqueur*, 147-150. Ruchat (III. 383, ed. Vulliemin) сомневается в чистосердечии этих добрых сестер и подозревает их в связях с францисканцами, к которым они ходили по подземным ходам: «Однако у нас есть причины сомневаться, были ли эти набожные женщины так просты, как хотела заставить нас поверить сестра Жюсси. Подземные ходы, которые были обнаружены под их монастырем (и которые ведут к монастырю францисканцев неподалеку от него), заставляют нас подозревать, что они время от времени принимали у себя этих добрых братьев, то есть не были такими уж неискушенными в мирских делах».

27 августа 1535 г. большой совет двухсот выпустил указ о Реформации, за которым последовал и другой, 21 мая 1536 г. Месса была упразднена и запрещена, а изображения и реликвии убраны из церквей. Горожане поклялись жить в соответствии с заветами Писания. Была учреждена школа для начального религиозного образования молодежи при монастыре Де Рив, под руководством Соньера. Позже она превратилась в коллеж и академию Кальвина. В Сен-Клере была создана больница. Ей были переданы средства старых католических больниц. Дворец епископа был превращен в тюрьму. Четырем служителям и двум диаконам была выделена постоянная зарплата из доходов церкви. В Сен-Пьере и Сен-Жерве были введены ежедневные проповеди. Причастие, в простой и торжественной манере, характерной для Цюриха, проводилось четыре раза в год. Крещение могло совершаться в любой день, но только в церкви и проводиться только служителем. В воскресенье все магазины не должны были работать. Начала вводиться строгая дисциплина, которая распространялась даже на прически невест.

Таков был первый акт истории Реформации в Женеве. Он был делом рук Фареля, но стал только подготовкой к более важным деяниям Кальвина. Народу не терпелось избавиться от правления Савойи и епископа, но у него не было представления о евангельской религии, и он не хотел подчиняться дисциплине. Жители принимали свободу за вседозволенность. Им угрожала опасность впасть в противоположную крайность — беспорядки и разброд.

Таким было положение вещей, когда Кальвин прибыл в Женеву летом 1536 г. и Фарель призвал его взяться за великую задачу созидания новой церкви на руинах старой. Хотя Фарель был старше на двадцать лет, он охотно принял подчиненное положение. В течение какого-то времени он трудился рядом с Кальвином и был изгнан вместе с ним из Женевы, потому что они требовали подчинения исповеданию веры и строгой дисциплине. Кальвин отправился в Страсбург. Фарель принял приглашение на место пастора в Невшателе (июль 1538 г.) — городе, в котором он уже работал раньше.

§62. Последние труды Фареля

Оставшиеся двадцать семь лет своей жизни Фарель был главным пастором Невшателя и создал там протестантскую церковь вместе с Фабри, своим коллегой. Он попытался ввести строгую дисциплину, чем оскорбил многих новообращенных и даже своих друзей в Берне, тогда как Фабри был склонен к более мягкому курсу.

Из Невшателя Фарель, следуя своему миссионерскому порыву, совершал поездки в качестве проповедника в Женеву, Страсбург и Мец, в Лотарингии. В Меце он проповедовал на кладбище доминиканцев, а монахи звонили в колокола, чтобы заглушить его голос. Он сопровождал Кальвина в Цюрих, чтобы заключить Цюрихское согласие (*Consensus Tigurinus*) с цвинглианами (1549). Он шел за Серветом к костру (27 октября 1553 г.) и тщетно уговаривал его отречься от своих заблуждений. Он собирал средства для беженцев Локарно и посылал утешительные письма своим гонимым братьям во Франции. Он нанес два визита в Германию (1557), чтобы просить немецких князей активно ходатайствовать за вальденсов и французских протестантов, но безуспешно. В декабре 1558 г., когда ему уже было шестьдесят девять лет, он женился, вопреки советам своих друзей, на бедной девушке, которая бежала со своей вдовствующей матерью из Франции в Невшатель³⁵². Кальвин был весьма недоволен таким нескромным поведением,

но просил проповедников города с терпением относиться к безумствам старого ученого.

Брак не остудил рвения Фареля. В 1559 г. он посетил французских беженцев в Эльзасе и Лотарингии. В ноябре 1561 г. он принял приглашение в Гап, где родился, и осмелился проповедовать публично, несмотря на королевский запрет, перед большим количеством сограждан, которые стали протестантами.

Незадолго до смерти (2 мая 1564 г.) Кальвин сообщил Фарелю о своей болезни в письме, написанном им собственноручно: «Прощай, мой лучший и самый верный брат! Так как Богу угодно, чтобы ты пережил меня в этом мире, помни о нашей дружбе, плоды которой ждут нас на небесах, ибо она была полезна для церкви Божьей. Молись неустанно обо мне. Мне трудно дышать, и каждое мгновение может быть последним. Достаточно того, что я живу и умираю для Христа, Который есть награда Своих последователей в жизни и в смерти. Еще раз прощай, ты и братья»³⁵³. Фарель, несмотря на старческие немощи, поехал в Женеву и нанес своему другу трогательный прощальный визит, но вернулся домой до его смерти. Он написал Фабри: «Если бы я мог умереть вместо него! Какую прекрасную жизнь он прожил! Бог даровал, чтобы мы могли закончить наше дело по благодати, нам дарованной».

Последнее путешествие Фареля было прощальным визитом к протестантам Меца, которые приняли его с распростертыми объятиями и были весьма утешены его присутствием (май 1565). Он проповедовал здесь так же пылко, как в юности. Вскоре после возвращения в Невшатель он мирно умер 13 сентября 1565 г. в возрасте семидесяти шести лет. На друзей, которые навещали Фареля в последние дни, произвела сильное впечатление его героическая стойкость и надежда. Он был беден и бескорыстен, как все реформаторы³⁵⁴. 4 мая 1876 г. ему был поставлен памятник в Невшателе.

Произведения Фареля — это полемические и практические трактаты, актуальные для той эпохи, в основном на французском языке.

§63. Пьер Вире и Реформация в Лозанне

Биографии Вире см. в BEZA, *Icones*, в VERHEIDEN, *Imagines et Elogia* (со списком его трудов, pp. 88-90), CHENEVIÈRE (1835), JAQUEMOT (1856), C. SCHMIDT (1860). Ссылки на него есть в RUCHAT, LE CHRONIQUEUR, GABEREL, MERLE D'AUBIGNÉ, и т. д.

Фарелю в его попытках благовестия весьма помогали Вире и Фроман, которые соглашались с его взглядами, но не использовали его неистовые методы.

Пьер Вире, реформатор Лозанны, был единственным швейцарцем из пионеров протестантизма в западной Швейцарии. Все остальные были беглыми французами. Он родился в 1511 г. в Орбе, в Пэи-де-Во, и учился на священника в Париже. Приобрел достаточно хорошее классическое и богословское образова-

³⁵² Шесть лет спустя он стал отцом сына, его единственного ребенка, который пережил его на три года. Джон Нокс превзошел его в этом отношении: будучи вдовцом пятидесяти восьми лет, он женился на шестнадцатилетней шотландке с королевской кровью и именем (Маргарет Стюарт), которая родила ему трех дочерей, а через два года после его смерти (1572) вышла замуж повторно. Если бы Эразм был жив тогда, он мог бы указать на эти примеры как на подтверждение своих саркастических замечаний о браках Лютера и Эколампация.

³⁵³ Calvin, *Opera*, XX. 302, где это послание названо *ultima omnium et valedictoria*.

³⁵⁴ *La France Prot.*, VI. 409: «Всё его наследство составило 120 ливров, что доказывает его полное бескорыстие». Godet, *l. c.*, p. 185: «Кальвин после смерти оставил 125 экю своим наследникам. Наследство Фареля после смерти составило 120 ливров».

ние, что видно из его произведений. Как Лютер и Фарель, прошел через жестокую умственную и моральную борьбу за истину и мир совести. Отказался от романизма, не успев получить рукоположение, и вернулся в Швейцарию. Фарель призвал его проповедовать в Орбе в 1531 г. Он начал делать это весьма успешно, но столкнулся и с большими трудностями, и с оппозицией священников и народа. Обратил в Орбе своих родителей и около двухсот человек и преподавал им святое причастие в 1532 г. Помогал Фарелю и Фроману в Женеве. Когда была совершена попытка отравить их, он один попробовал отравленное блюдо, но выздоровел, хотя это навсегда повредило его здоровью.

Его главное служение проходило в Лозанне, где он трудился как пастор, учитель и писатель в течение двадцати двух лет. По приказу правительства Берна с 1 по 10 октября 1536 г. проводился публичный диспут³⁵⁵. Вире, Фарель, Кальвин, Фабри, Маркур и Кароли были позваны защищать реформатские учения. Присутствовало несколько священников и монахов, такие как Дроги, Мимар, Мишо, Луа, Берильи и французский врач Клод Бланшроз. Председательствовал депутат из Берна. Диспут проводился на французском языке. Фарель подготовил десять тезисов, в которых утверждал превосходство Библии, оправдание одной лишь верой, первосвященство и ходатайство Христа, духовное поклонение без обрядов и изображений, священство брака, свободу христианина соблюдать или не соблюдать незначительные правила, такие как посты и праздники. Фарель и Вире были главными выступающими. Результатом стало введение Реформации 1 ноября того же года. Вире и Пьер Кароли были назначены проповедниками. Вире в то же время преподавал в академии, основанной в Берне в 1540 г.

Кароли оставался там лишь краткое время. Родом из Франции, он был доктором Сорбонны и номинально стал протестантом, но завидовал Вире из-за его популярности, не любил его проповеди и напрасно обвинял его, Фареля и Кальвина в арианстве. Он был смещен за его хулу и вернулся потом в Католическую церковь³⁵⁶.

В 1549 г. Беза был назначен вторым профессором богословия академии, что весьма помогло Вире. Пять молодых французов, подготовленные ими к служению, вернулись на родину проповедовать Евангелие, но были схвачены в Лионе и сожжены 16 мая 1553 г., несмотря на просьбы реформатских кантонов, обращенные к королю Генриху II.

Вире попытался ввести строгую дисциплину с отлучением, но встретил столько же сопротивления, сколько Кальвин в Женеве, а Фарель в Невшателе. Берн не одобрил отлучения, как и проповедей строгого учения о предопределении. Беза был разочарован и принял приглашение в Женеву (в сентябре 1558 г.). Вире был смещен (20 января 1559 г.). Профессора академии и ряд проповедников уступили. Вире отправился в Женеву и стал проповедником там (2 марта 1559 г.). Его проповеди были более популярны и производили большее впечатление, чем проповеди Кальвина, и на них ходило больше народа.

С разрешения Женевы он в течение какого-то времени весьма успешно трудился благовестником в Ниме, Монпелье и Лионе. Он председательствовал как модератор на четвертом национальном синоде гугенотов в августе 1563 г. Он принял приглашение от Жанны д'Альбре в академию в Ортеце (Беарн), которую она

³⁵⁵ Акты этого диспута есть в Vulliemin, *Chroniqueur en l'an 1536*, No. 17, pp. 315-326. Каноники Лозанны протестовали, pp. 316, 325.

³⁵⁶ См. его покаянное письмо папе Павлу III, июнь 1537 г., в Herminjard, IV. 248 sqq.

основала в 1566 г. Там в 1571 г. он и умер, последний из триумвирата основателей реформатской церкви во французской Швейцарии. Он был женат дважды, в первый раз на женщине из Орба (1538), во второй — на жительнице Женевы (1546). Он был невысоким, болезненным, но обладал пылким духом и неустанно работал.

Вире был способным и плодовитым автором. Он являет необыкновенное знание классической и богословской литературы. Он написал, в основном в форме диалогов, разъяснения Апостольского символа веры, Десяти заповедей, Молитвы Господней, общих положений христианского учения, полемические книги против Тридентского собора, мессы и других учений католичества и трактаты о провидении, таинствах и практической вере. Самый важный из них — «Христианское наставление в учении Евангелия и закона, а также в истинной философии и богословии, естественном и сверхъестественном» (Женева, 1564, 3 тома). Его произведения очень редки³⁵⁷.

§64. Антуан Фроман

A. FROMENT: *Les actes et gestes merveilleux de la cité de Genève, nouvellement convertie a l'Evangile*. Ed. G. Revilliod, Genève, 1854. Хроника с 1532 по 1536 гг., свежая и живая, но пристрастная и часто неточная. Весьма активно используется Мерлем д'Обинье. Переписка в Herminjard, Tom. IV.

Не существует специальной монографии по Фроману, и о нем ничего не сказано в BEZA, *Icones*, и в VERHEIDEN, *Imagines et Elogia* (Hagae, 1725), вероятно, из-за безупречности его характера. Очерки в *La France Protest.*, VI. 723-733, и замечания в ROGET, MERLE D'AUBIGNÉ, GABEREL, POLENZ. Хорошая статья Тн. ШОТТ в *Herzog*², IV. 677-699, и ROGET в *Lichtenberger*, «Encycl.», V. 342-344. О его литературных заслугах см. PHIL. GODET, *Histoire littéraire de la Suisse Romande*, 82 sqq.

Антуан Фроман родился в 1509 г. в Мансе, в Дофине, и был одним из первых учеников Фареля, его соотечественника. Он сопровождал Фареля в благовестнических поездках по Швейцарии, делил с ним горести, гонения и успехи. В 1532 г. он впервые попал в Женеву и открыл там начальную школу, в которой преподавал религию. Он рекламировал свою школу с помощью таких плакатов: «Приехал человек, который за один месяц научит всякого, большого или малого, мужчину или женщину, читать и писать по-французски, — а тот, кто не научится за это время, может ничего не платить. Он также лечит бесплатно от многих болезней». Народ потек к нему рекой. Он был способным учителем и превращал свои уроки в речи и проповеди.

В новогодний день 1533 г. он произнес свою первую проповедь в общественном месте, в Моларе, критиковал папу, священников и монахов как лжепророков (Мф. 7:15 и далее), но был остановлен вооруженными священниками и был вынужден бежать и скрываться. Он покинул город февральской ночью, но возвращался снова и снова, помогал Фарелю, Вире и Кальвину.

К сожалению, он не остался верен своему призванию. Он пренебрегал своими пасторскими обязанностями, открыл магазин и в конце концов отказался от служения. Его коллеги, особенно Кальвин, горько жаловались на него³⁵⁸. В декабре 1549 г. Бонивар, официальный историк республики, попросил Фромана помогать ему в написании «Хроники», которую Фроман завершил в 1552 г. Потом

³⁵⁷ К. Шмидт в своей монографии о Вире (pp. 56-71) приводит их список с выдержками. См. также Phil. Godet, *l. c.*, 70 sqq.

³⁵⁸ Фарель писал: «Фроман выродился в пьяницу».

Фроман стал нотариусом Женевы (1553). У него были проблемы в семье. Вскоре после смерти его первой жены, бывшей аббатисы монастыря, он женился во второй раз (1561), но совершил прелюбодеяние со служанкой, был смещен, посажен в тюрьму и изгнан (1562).

Его неудача, похоже, оказалась для него благотворной. В 1572 г. ему было позволено вернуться в Женеву ввиду его прошлых заслуг, а в 1574 г. он был восстановлен в должности нотариуса. Он умер в 1581(?) г. Жители Женевы чтят его память как одного из четырех реформаторов их города, пускай даже наименее важного и наименее достойного. Его главным трудом стали вышеупомянутые хроники, которыми были дополнены хроники Бонивара и сестры Жанны де Жюсси³⁵⁹.

---

³⁵⁹ Мишле пишет: «Нет более забавной книги, чем хроника Фромана, смелого распространителя благодати, наивного и ехидного, которого верующие Женевы, им разоблаченные, пытались бросить в Рону» (*Hist. de France*, XI. 91).

ГЛАВА VIII

ЖАН КАЛЬВИН И ЕГО ТРУДЫ

Литература в §58.

*§65. Жан Кальвин в сравнении с реформаторами
старшего поколения*

СЕЙЧАС настал черед поговорить о жизни и сочинениях Жана Кальвина, который трудился больше, чем Фарель, Вире и Фроман. Кальвин был главным основателем и устройтелем в реформатской церкви Франции и французской Швейцарии и оказал влияние на все реформатские церкви Европы и Америки.

За революцией следует обустройство и закрепление достигнутого. Для этой задачи Кальвин и был предназначен. Он обладал необходимыми талантами, образованием и был помещен в нужные обстоятельства.

Кальвин не смог бы совершать дело Фареля, поскольку не был миссионером или популярным проповедником. А Фарель был еще менее пригоден для того, чтобы совершать дело Кальвина, потому что не был ни богословом, ни государственным деятелем. Кальвин, француз, был бы так же неуместен в Цюрихе или Виттенберге, как швейцарец Цвингли и немец Лютер были бы неуместны и непопулярны во французскоязычной Женеве. Каждый из них остается непревзойденным в выполнении своей конкретной миссии и на своем поле деятельности.

Общественное служение Лютера как реформатора охватывает период в двадцать девять лет, с 1517 по 1546 г.; Цвингли — только в двенадцать лет, с 1519 по 1531 г. (если считать не от его проповедей в Эйзидельне в 1516 г.); Кальвина — двадцать восемь лет, с 1536 по 1564 г. Первый дожил до шестидесяти двух лет; второй — до сорока семи; третий — до пятидесяти четырех. Кальвин был на двадцать пять лет моложе, чем Лютер и Цвингли, и у него было большое преимущество в том, что он строил на их фундаменте. Он был менее гениален, но более талантлив. Он уступал им как человек действия, но превосходил их как мыслитель и организатор. Они тесали камень в каменоломнях, а он полировал его в мастерской. Они порождали новые идеи, а он оформлял их в систему. Это был труд скорее Аполлоса, чем Павла. Он скорее орошал, чем насаждал, а урожай посылал Бог.

Личность Кальвина менее притягательна, а жизнь менее драматична, чем у Лютера или Цвингли, но он оставил свою церковь в гораздо лучшем состоянии. Ему не хватало чувства юмора и шутливости. Он был христианским стойком — суровым, строгим, непреклонным, однако под этой мраморной поверхностью скрывались страсть и любовь. Его имя никогда не вызывало народного энтузиазма, в отличие от имен Лютера и Цвингли, как при праздновании четырехсотлетия со дня их рождения. В память о нем не ставили памятников из мрамора и бронзы. Даже местонахождение его могилы на кладбище Женевы неизвестно³⁶⁰. Но Кальвин превзошел их в плане последовательности и самообладания, а также

в своих экзегетических, вероучительных и полемических трудах, посредством которых он оказывал и продолжает оказывать на протестантские церкви латинской и англосаксонской расы больше влияния, чем любой другой реформатор. Благодаря ему маленькая Женева в течение ста лет была протестантским Римом и самой дисциплинированной церковью христианского мира. В истории нет более поразительного примера человека, который при столь незначительной личной популярности оказал бы столь большое влияние на народ и который при такой скромности и врожденной застенчивости обладал бы такой силой интеллекта и характера и такой властью над своим и будущими поколениями. По природе и пристрастиям он был ученый, предпочитающий уединение, однако providение сделало его организатором и руководителем церквей.

Три ведущих реформатора были людьми разных национальностей и образования. Лютер, сын немецкого крестьянина, воспитывался в школе монашества и мистицизма под влиянием святого Августина, Таулера и Штаупица и сохранил устойчивые церковные убеждения и предрассудки. Цвингли, сын швейцарского члена городского совета, республиканец и патриот, преклоняющийся перед древними классиками и Эразмом, пришел к Реформации от Возрождения и почти полностью порвал со средневековьем. Кальвин, француз, патриций по образованию и вкусам, изучал право, а не только богословие, и его склад ума судьи и законодателя прекрасно подходил для строительства нового христианского государства.

Цвингли и Лютер однажды встретились лично в Марбурге, но не поняли друг друга. Швейцарец, несмотря на разные мнения о способе присутствия Христа в евхаристии, протянул немцу руку дружбы, но Лютер не принял ее, принуждаемый к этому своей более узкодогматической совестью. Кальвин же не встречался ни с тем, ни с другим, но был близок с Меланхтоном, которого встречал в Вормсе и Регенсбурге и с которым продолжал переписываться до самой смерти. Кальвин справедливо считал, что немецкий реформатор в плане гения и влияния выше швейцарского, и великодушно говорил, что даже если Лютер назовет его дьяволом, он все равно будет уважать Лютера как самого выдающегося слугу Бога. Вероятно, Лютер видел только две книги Кальвина — его ответ Садолету и его трактат о вечере Господней. Первую он прочитал, как он говорит, с редким удовольствием (*cum singulari voluptate*). Насколько больше понравились бы ему «Наставления» или «Комментарии»! Он послал уважительный привет через Меланхтона, который сообщил Кальвину, что виттенбергский ученый относится к нему весьма благосклонно.

Кальвин в своем богословии занимает промежуточное положение между Цвингли и Лютером. А Меланхтон был посредником между Лютером и Кальвином. Меланхтон был другом обоих, хотя не был похож ни на одного из них по складу характера и темпераменту и был миротворцем между двумя воинственными личностями. Переписка Кальвина с Меланхтоном, в которой отражено их несогласие по вопросам предопределения и свободы воли, в очень благоприятном свете представляет их умы и сердца и доказывает, что богословские разногласия не обязательно должны мешать религиозному согласию и личной дружбе.

Сотрудничество и дружба между Лютером и Меланхтоном, между Цвингли и Эколампадием, между Фарелем и Кальвином, между Кальвином, Безой и Бул-

³⁶⁰ Путешественникам показывают простой камень с буквами «J. C.» на кладбище Плен-Пале недалеко от города, но неизвестно, на каком основании он считается могилой Кальвина. Сам Кальвин говорил, что на его могиле не надо ставить памятников.

линггером — одна из лучших глав в истории Реформации и указывает на руку Бога в этом движении.

Хотя реформаторы сильно отличались друг от друга в плане талантов, темперамента и отношения к сложным вопросам учения и дисциплины, они были великими и благочестивыми людьми, в равной мере честными и искренними, бескорыстными и далекими от мира, храбрыми и бесстрашными, готовыми в любой момент взойти на костер за свои убеждения. Они трудились ради одной цели — обновления Католической церкви посредством возвращения ее к чистому и вечному источнику совершенного учения и примера Христа.

§66. Место Кальвина в истории

1. Кальвин был прежде всего богословом. Он с легкостью занял ведущее место среди систематических разъяснителей реформатской ветви христианского учения. Он вряд ли сильно уступает Августину среди отцов церкви или Фоме Аквинату среди схоластов и более методичен и точен, чем любой из них. Меланхтон, который сам был князем лютеранских богословов и «наставником Германии», называл его с симпатией просто «Богословом»³⁶¹.

Богословие Кальвина основано на тщательном знании Писания. Он был самым способным экзегетом среди реформаторов, и его комментарии считаются одними из лучших в сравнении как с древними, так и с современными. Его богословие — скорее библейское, чем схоластическое. Оно обладает всей живостью ревностной преданности Слову Божьему. В то же время Кальвин был замечательным логиком и диалектиком. Он выстроил систему учения, которая названа в его честь и которая приобрела авторитет символа веры среди ведущих реформатских конфессий.

Кальвинизм — одна из великих догматических систем церкви. Он более логичен, чем лютеранство и арминиянство, и так же логичен, как римское католичество. Однако ни кальвинизм, ни римский католицизм не обладают абсолютной логичностью. И тот, и другой, к счастью, нелогичны или непоследовательны, как минимум, по одному из важных вопросов: первая система отрицает, что Бог — творец греха, а этим ограничивается господство и высшая власть Бога; вторая система утверждает, что благодать крещения (т.е. рождения свыше или спасения) существует вне Римской церкви — чем нарушается притязание на исключительность³⁶².

Кальвинистическая система обычно (хотя и не вполне правильно) отождествляется с августиновской системой и разделяет ее заслуги в плане серьезного объяснения учений Павла о грехе и благодати. Но она обладает также существенным недостатком, поскольку ограничивает действие спасительной благодати Бога и искупительных деяний Христа небольшим кругом избранных, не обращая

³⁶¹ С этим мнением соглашаются авторы страсбургского издания его трудов. Они называют Кальвина *theologorum principem et antesignanum* (Opera, I. IX.). Скалигер говорит: «Кальвин стоит особняком среди богословов. Ни один древний не может с ним сравниться». Термин *ὁ θεολόγος* как особый титул впервые был применен к апостолу Иоанну, а после к Григорию Назианзину. В обоих случаях речь шла о защите Божественности Христа (*θεότης τοῦ λόγου*). Кальвин заслужил этот титул в более общем смысле, как относящийся ко всей области экзегетического, догматического и полемического богословия.

³⁶² Отраженную в формулировке Киприана: *extra ecclesiam [Romanam] nulla salus*. Киприан был прав логически, но не был прав богословски, когда, споря с Римским епископом, отрицал действительность крещения у еретиков или схизматиков.

внимания на всеобщую любовь Бога ко всему человечеству (Ин. 3:16). Она — богословие Божьего всемогущества, а не Божьей любви, тогда как любовь Бога во Христе — единственно истинный ключ к пониманию Его характера и деяний, и только она одна предлагает единственное удовлетворительное объяснение мрачной тайны греха. Арминиянство — это реакция против схоластического кальвинизма, подобно тому как рационализм — (более радикальная) реакция против схоластического лютеранства³⁶³.

Кальвин не рос перед публикой, как Лютер и Меланхтон, которые прошли через много вероучительных перемен и противоречий. Он придерживался религиозных взглядов своей юности до конца своих дней³⁶⁴. Его «Наставления» вышли как Минерва во всеоружии из головы Юпитера. Эта книга была сильно расширена и улучшена по форме, но по сути оставалась той же в нескольких изданиях (последнее переиздание было в 1559 г.). Она затмила предыдущие протестантские богословские системы — такие как *Loci* Меланхтона и «Комментарий об истинной и ложной религии» Цвингли, — и вряд ли кто-то превзошел ее с тех пор. Как классическое произведение богословского гения, она стоит на одном уровне с *De Principiis* Оригена, *De Civitate Dei* Августина, *Summa Theologiae* Фомы Аквината и *Der Christliche Glaube* Шлейермахера.

2. Во вторую очередь Кальвин — законодатель и учредитель дисциплины. Им был установлен новый порядок организации церкви, который укрепил разобщенные силы протестантизма и позволил ему удержаться в борьбе с мощной организацией Римской церкви, с одной стороны, и с деструктивными тенденциями сектантства и неверия, с другой.

В этом отношении мы можем сравнить Кальвина с папой Гильдебрандом, но только есть одна большая разница: Гильдебранд, железный человек, реформировал папство своего времени на основании аскетических принципов и разработал средневековую теократию на иерархической основе исключительного и неженатого священства. Кальвин же произвел реформу церкви на общественных принципах и основал теократию на демократической основе всеобщего священства верующих. Первый утверждал превосходство церкви над государством, а второй — превосходство Христа над церковью и государством. Кальвин объединил духовную и светскую власть как две руки Бога на основе подчинения государства закону Христа. Последняя форма такого рода теократии или христократии была учреждена пуританами в Новой Англии в 1620 г. и продолжала существовать при жизни нескольких поколений. В XIX веке, когда государство приняло смешанно-религиозный и нерелигиозный характер и все больше и больше освобождается от законов какой бы то ни было церкви или символа веры, Кальвин, как его современные последователи во французской Швейцарии, Шотландии и Америке, без сомнения, был бы защитником свободы и независимости церкви и ее отделения от государства.

Кальвин нашел общество Женевы в состоянии развращенности на грани анархии, а оставил его после себя упорядоченным настолько, что Джон Нокс, рефор-

³⁶³ Гарнак исключает кальвинизм и арминиянство из своей *Dogmengeschichte*, в то время как социнианству, которое далеко не так важно, уделяет не менее тридцати восьми страниц (III. 653-691). Довольно странное опущение для такого значительного труда, завершенного в 1890 г. Гарнак объясняет это опущение (в частном письме ко мне от 3 марта 1891 г.) тем, что кальвинизм и арминиянство он включил в *Entwicklungsgeschichte des Protestantismus* и не хотел повторяться в *Dogmengeschichte*.

³⁶⁴ Беза говорит: «Кальвин упорно держался до конца того же учения, которое излагал с самого начала, и почти не сделал никаких изменений».

матор Шотландии, на основании личных наблюдений объявил его «самой совершенной школой Христа из всех, когда-либо существовавших на земле со времен апостолов», а Валентин Андреа, светоч лютеранской церкви, также на основании личных наблюдений, через полвека после смерти Кальвина приводил его в пример для подражания церквям Германии³⁶⁵.

Моральная дисциплина, которую ввел Кальвин, отражает строгость его богословия, и она больше соответствует духу Ветхого Завета, чем Нового. Как система, она давно прекратила существовать, но ее лучшие результаты сохраняются в виде чистой, строгой и возвышенной морали, отличающей кальвинистские и пуританские общины.

Благодаря сочетанию строгого символа веры со строгой дисциплиной Кальвин стал отцом героических духовных племен — французских гугенотов, голландских бургеров, английских пуритан, шотландских ковенантеров и пилигримов Новой Англии, которые готовы были пожертвовать всем миром ради свободы совести. Немецкий историк Гауссер говорит: «Небольшая часть мировой истории разворачивалась в Женеве, но это — одна из частей, вызывающих наибольшую гордость в XVI — XVII веках. Ряд самых выдающихся людей во Франции, в Нидерландах и Великобритании исповедовали эту веру. Это были решительные и мрачные характеры, цельные, состоящие из сплава римско-католического, немецкого, средневекового и современного материала. Национальные и политические следствия новой веры были реализованы ими с предельной строгостью и последовательностью»³⁶⁶. Выдающийся шотландский богослов (Таллох) вторит этому суждению³⁶⁷: «Именно дух дисциплины Кальвина, распространившись на Францию, Голландию и Шотландию, одной лишь своей силой поддерживал дело свободного протестантизма в этих странах. Тот же самый дух вдохновлял первых и жил среди более поздних пуритан. Он вооружил Парламент Англии против Карла I и направил великую душу Кромвеля к ее величайшим победам. Он питает все источники политической свободы в Старом Свете и пылает неугасимым огнем в величественном сообществе отцов-пилигримов “Мэйфлауэра”, которые первыми посеяли семя цивилизации на великом западном континенте»³⁶⁸.

Кальвин не терпел несогласий, как папских, так и еретических, и его первые последователи в Европе и Америке выступали против религиозной терпимости (т.е. равнодушного отношения) как губительного заблуждения. Однако в кон-

³⁶⁵ Эти и другие примечательные суждения более полно цитируются в §110.

³⁶⁶ *The Period of the Reformation*, ed. Oncken, transl. by Mrs. Sturgis (New York, 1874), p. 255.

³⁶⁷ *Luther and Other Leaders of the Reformation*, p. 264 sq. (3^d ed. 1883).

³⁶⁸ Джордж Банкрофт, занимающийся историей Соединенных Штатов, считает, что свободные институты Америки произошли из кальвинизма через пуританство. Нет сомнений в том, что в колониальный период кальвинизм был самым мощным фактором в богословии и религиозной жизни Америки, но после XVIII века арминианский методизм разделял с ним поле деятельности и в настоящее время является самой сильной в количественном отношении деноминацией Соединенных Штатов. Баптисты, которые занимают второе место по количеству, пресвитериане, конгрегационалисты и голландские и немецкие реформаты занимают сторону кальвинизма, а протестантская епископальная церковь и лютеране в основном на арминианской стороне. Тем не менее епископальная церковь оставляет место для умеренного кальвинизма Тридцати девяти статей (ст. 17), высокого кальвинизма Ламбетских статей и Ирландских статей, а также полукатолических тенденций молитвенного служебника. Лютеранская формула согласия является кальвинистической в плане учения о безусловном избрании верующих и о рабстве человеческой воли, арминианской в плане учения о всеобщем искуплении и всеобщем призвании и полукатолической в плане учения о таинствах (рождение свыше при крещении и присутствие Христа в евхаристии).

фликтах с реакционным романизмом и политическим деспотизмом они были первыми сторонниками гражданской и религиозной свободы, основанной на уважении к Божьему закону и властям. Разрешение этого кажущегося противоречия состоит в том факте, что кальвинисты боятся Бога, и ничего больше. Страх Божий делает их бесстрашными перед земными деспотами. Он смиряет человека перед Богом и возвышает его перед другими людьми. Страх Божий — основа морального самообладания, а самообладание — основа подлинной свободы³⁶⁹.

3. Влияние Кальвина не ограничено религиозной и моральной сферой. Оно распространяется на интеллектуальное и литературное развитие Франции. Кальвин занимает выдающееся место в истории французского языка — как Лютер, только еще в большей степени, в истории языка немецкого. Лютер дал немцам, на их собственном разговорном языке, перевод Библии, катехизис и сборник гимнов. Кальвин не переводил Писание (хотя на основании его комментариев можно сделать почти полный перевод), а его катехизис и несколько стихотворных псалмов не стали популярными. Но он писал на классическом французском языке, как и на классической латыни, и превзошел своих современников в том и другом. Он был знатоком Возрождения, но вместо того, чтобы впасть в педантичное цicerонианство Бембо, он подчинил старый католический язык христианской мысли и возвысил французский язык до достоинства одного из основных органов современной цивилизации, выдающегося по своей прямоте, ясности, точности, живости и элегантности.

Современный французский язык и литература восходят к Кальвину и его современнику Франсуа Рабле (1483 — 1553). Эти два человека, совершенно разные, отражают противоположности французского характера. Кальвин был самым религиозным, Рабле — самым остроумным из людей своего поколения. Один был великим богословом, другой — великим юмористом Франции. Один — христианским стоиком, другой — языческим эпикурейцем. Один представлял дисциплину на грани тирании, другой — свободу на грани вседозволенности. Кальвин создал богословский и полемический французский стиль — стиль, который подходит для серьезных обсуждений и нацелен на наставление и убеждение. Рабле создал светский стиль, который нацелен на развлечение и доставление удовольствия³⁷⁰.

Кальвин наточил оружие, с помощью которого Боссюэ и великие римско-католические богословы XVII века нападали на протестантизм, с помощью которого Руссо и философы XVIII века нападали на христианство и с помощью которого Адольф Моно и Эжен Берсьер в XIX веке проповедовали простое Евангелие Нового Завета³⁷¹.

³⁶⁹ Гете дает нам классическое выражение этой истины в строках:
*In der Beschränkung erst zeigt sich der Meister,
 Und das Gesetz nur kann uns Freiheit geben.*

³⁷⁰ Кальвин однажды (в письме от 1553 г.) упоминает «Пантаргюэля» Рабле и осуждает как развратную книгу.

³⁷¹ Боссюэ (в своей *Histoire des Variations*) говорит: «Ничто не прославляет Кальвина так, как его умение хорошо писать. Так что воздадим ему должное: он писал лучше всех в свою эпоху... Его перо, особенно в латыни, было более верным, чем перо Лютера, а его стиль, более простой, был в то же время более понятным и более отточенным. Они превосходили один другого в умении говорить на языке родной страны». Мартен в своей *Histoire de France* (Tom. VIII. 186 sq.) обсуждает достаточно подробно заслуги Кальвина в развитии французской прозы и называет его первым автором XVI века «в том, что касается длительности влияния его языка и стиля». Пьер Ларусс в своем *Grand Dictionnaire* (Tom. III. 186) называет Кальвина «основателем французской Реформации и одним из родоначальников нашего языка». Столь же благоприятны отзывы Сэйу, Лакруа, Низара и Марка-Моннье.

§67. Литературные труды Кальвина

Лучшее издание *Opera* Кальвина страсбургскими профессорами: BAUM, CUNITZ и REUSS (сейчас все они уже мертвы); в настоящий момент в нем 48 томов (1863 — 1892); остальные тома были подготовлены к публикации доктором Ройссом до его смерти (1891). Он написал мне из Нойгофа, под Страсбургом, 11 июля 1887 г.: *Alles ist zum Druck vorbereitet und ganz fertig mit Prolegomenis, etc. Es bleibt nichts mehr zu thun übrig als die Correctur und die Fortsetzung des immer a jour gehaltenen Index rerum et nominum, et locorum S. S., was ein anderer nach meinem Tode besorgen kann. Denn ich werde die Vollendung nicht erleben. Für den Schluss habe ich sogar noch ein Supplement ausgearbeitet, nämlich eine französische Bibel, extrahiert aus den französischen Commentaren und Predigten, nebst allen Varianten der zu Calvin's Zeiten in Genf gedruckten Bibeln*. Vol. 45 sqq. изданы под редакцией Эрихсона.

Более старые издания выходили в Женеве (1617) в 7 томах, в 15 томах, и в Амстердаме, 1667 — 1671, в 9 томах. Английский перевод — Edinburgh, 1843 — 1854, 62 vols. octavo. Некоторые труды были опубликованы отдельно на латинском, французском, немецком, голландском, английском и других языках. См. хронологический список в HENRY: *Das Leben Joh. Calvins*, vol. III. Beilagen, 175-252, и в *La France Prot.* III. 545-636 (2^d ed.).

Если обращать внимание на количество и значение трудов, то в плане литературной деятельности Кальвина не превзошел ни один церковный автор, древний или современный, и она вызывает особое восхищение, если мы подумаем, как коротка была его жизнь, каким слабым было его здоровье и как велики были его труды учителя, проповедника, руководителя церкви и человека, ведущего обширную переписку. Августин среди отцов церкви, Фома Аквинат среди схоластов, Лютер и Меланхтон среди реформаторов были не менее плодовиты, но они жили дольше, за исключением Фомы Аквината. Кроме того, Кальвин одинаково ясно, сильно и изящно писал на двух языках. Августин же и Фома Аквинат писали только на латыни. Лютер мастерски владел немецким. Меланхтон писал на латыни и греческом, а его немецкий был таким же неказистым, как латынь Лютера.

Труды Кальвина можно разделить на десять категорий.

1. ЭКЗЕГЕТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ. Комментарии к Пятикнижию и Иисусу Навину, Псалтири, Большим и Малым пророкам; гомилии по 1 Царств и Иову; комментарии ко всем книгам Нового Завета, кроме Апокалипсиса. Они образуют большую часть его произведений³⁷².

2. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ. «Наставления» (на латинском и французском), первое издание в Базеле, 1536; второе — в Страсбурге, 1539; пятое латинское издание — Женева, 1559³⁷³.

Менее значительные доктринальные труды: три катехизиса, 1537, 1542 и 1545; «О вечере Господней» (на латыни и французском), 1541; *Consensus Tigurinus*, 1549 и 1551 (на обоих языках); *Consensus Genevensis* (на латыни и французском), 1552; Галликанское вероисповедание (на латыни и французском), 1559 и 1562³⁷⁴.

³⁷² *Opera*, vols. XXIII-XLIV, содержит комментарии к Ветхому Завету. Комментарии к Новому Завету были отдельно изданы на латыни, Tholuck, 1833-'38, 7 vols. octavo.

³⁷³ *Ibid.* vols. I-IV (1863-'66). На латыни и на французском. Есть три английских издания «Наставлений»: Thomas Norton (London, 1561, etc.), John Allen (London, 1813, 3^d ed. 1844, 2 vols.), Henry Beveridge (Edinburgh, 1845-'46, 3 vols.). Этот труд переведен также на итальянский, испанский, голландский, немецкий, венгерский, греческий и другие языки. Новое французское издание — Fr. Baumgartner, Gen., 1888.

³⁷⁴ *Tractatus theologici minores*, в *Opera*, vol. V, etc.

3. ПОЛЕМИЧЕСКИЕ И АПОЛОГЕТИЧЕСКИЕ³⁷⁵.

а) Против Римской церкви: ответ кардиналу Садолету, 1539; против Пигия, о свободе воли, 1543; о поклонении реликвиям, 1543; против преподавателей Сорбонны, 1544; о необходимости Реформации, 1544; против Тридентского собора, 1547.

б) Против анабаптистов: «О сне души» (психопаннихия), 1534; «Краткие наставления против заблуждений секты анабаптистов», 1544.

в) Против либертинов: *Adversus fanaticam et furiosam sectam Libertinorum qui se Spirituales vocant* (также на французском), 1545.

г) Против антитринитариев: *Defensio orthodoxae fidei S. Trinitatis adversus prodigiosos errores Serveti*, 1554; *Responsum ad Quaestiones G. Blandatrae*, 1558; *Adversus Valentinum Gentilem*, 1561; *Responsum ad nobiles Fratres Polonos (социниане) de controversia Mediatoris*, 1561; *Brevis admonitio ad Fratres Polonos ne triplicem in Deo essentiam pro tribus personis imaginando tres sibi Deos fabricent*, 1563.

д) Защита учения о предопределении против Бользека и Кастеллиона, 1554 и 1557.

е) Защита учения о вечере Господней против хулы Иоахима Вестфалия, лютеранского фанатика (две *Defensiones* и *Admonitio ultima*), 1555, 1556, 1557 и трактат на ту же тему против Гесса (*ad discutiendas Heshusii nebulas*), 1561.

4. ЦЕРКОВНЫЕ И ЛИТУРГИЧЕСКИЕ. Законы женеvской церкви, 1537; проект церковного устройства, 1541; формула клятвы служителей, 1542; правила заключения брака, 1545; о посещении церквей в стране, 1546; правила крещения, 1551; академические законы, 1559; церковные постановления и академические законы, 1561; литургические молитвы³⁷⁶.

5. ПРОПОВЕДИ И ГОМИЛИИ. Их очень много, и в основном их записывали слушатели³⁷⁷.

6. МАЛЫЕ ТРАКТАТЫ. Его академическая речь для Копа в Париже, 1533; «Против астрологии», 1549; «О некоторых распрях», 1550 и т. д.

7. CONSILIA о разных доктринальных и полемических вопросах.

8. ПИСЬМА. Переписка Кальвина очень обширна, она заполняет десять томов последнего издания его трудов³⁷⁸.

9. ПОЭТИЧЕСКИЕ. Гимн Христу, вольные метрические переложения нескольких псалмов и поэма (*Epinicion Christo cantatum*, 1541)³⁷⁹.

10. Кальвин издал Сенеку, *De Clementia*, с примечаниями, 1532. Он сделал французский перевод Меланхтона, *Loci*, с предисловием, 1546; также написал предисловие к французской Библии Оливетана, 1535, и т. д.

³⁷⁵ Vols. V-IX.

³⁷⁶ Vol. X, pars I (1871), pp. 5-146, и vol. VI. 161-210.

³⁷⁷ Анри (II. 198) говорит, что в женеvской библиотеке есть сорок четыре рукописных тома проповедей Кальвина; но библиотекарь Диодати сообщил ему позже (III. Preface, p. viii), что осталось только девять томов, а именно, проповеди 1549-'51, 1555-'56, 1560-'61. Проповеди по Десятословию, Второзаконию, Иову, жертве Авраама и многие другие были опубликованы при его жизни.

³⁷⁸ Vols. X-XX. В страсбургском издании приводится 4271 письмо от Кальвина и к нему. Герминьярд пока опубликовал переписку до 1542 г. (седьмой том вышел в 1886 г.).

³⁷⁹ Vols. V. 423-428, VI. 212-224. Французский метрический перевод *Epinicion* вышел в Париже в 1555 г. под заглавием *Chant de Victoire chanté a Jesus Christ*, etc.

Прощальное обращение к малому совету и служителям Женевы, произнесенное на его смертном одре в 1564 г., стало достойным завершением литературной деятельности этого выдающегося учителя.

§68. *День памяти Кальвину*

См. большое собрание *Opinions and Testimonies respecting the Writings of Calvin*, в последнем томе английского издания его трудов, выпущенном Кальвинистическим обществом переводов (Edinburgh, 1854, pp. 376-464). Я позаимствовал из него несколько древних свидетельств.

Ни одно имя в истории церкви — даже имена Гильдебранда, Лютера или Лойолы — не вызывало столько любви и ненависти, восхищения и отвращения, так не восхвалялось и не обвинялось, не благословлялось и не проклиналось, как имя Жана Кальвина. Он жил в век яростной полемики и стоял на страже реформатского движения в Западной Европе, поэтому его видели все и нападали на него со всех сторон. Религиозные и сектантские страсти — самые глубокие и сильные. Меланхтон молился об избавлении от «злости богословов». Римские католики боялись Кальвина как самого опасного врага, хотя немало из них достойным образом восхищались его добродетелями. Протестанты не все соглашались с его символом веры и предрассудками. Некоторые считали его первым среди реформаторов и самым близким к Павлу, а другие ненавидели его любимое учение о предопределении. Даже его участие в сожжении Сервета оправдывали как справедливое в XVI — XVII веках, но сейчас все сожалеют о нем и осуждают его³⁸⁰.

В целом, история вынесла вердикт в пользу Кальвина. Чем больше мы знакомимся с ним, тем лучше становится наше мнение о нем. И кто лучше его знает, тот больше его уважает. Плоды его трудов велики, особенно в англоязычном мире, и составляют самый благородный его памятник. Хуле и обвинениям Бользека, которому слабо вторит Оден, больше никто не верит. Все беспристрастные авторы признают если не святость его характера, то честность и цельность, а также его абсолютную свободу от любви к выгоде и славе. Один из самых выдающихся скептических историков Франции даже объявляет его «самым христианским» человеком той эпохи. Немногие из светил церкви Божьей вызывали столько восхищения и похвал у способных и компетентных судей.

Следующая подборка свидетельств может считаться справедливым описанием того влияния, которое этот необыкновенный человек оказал на людей разных эпох, национальностей и символов веры вплоть до нашего времени, скромно занимаясь в своем кабинете на юго-западной границе Швейцарии.

³⁸⁰ *La France Protestante par MM. Eugène et Émile Haag*, Paris, 2^d ed. Tom. III (1881), p. 508: «Три религиозные партии, разлученные враждой, которую время еще не успокоило, оставили нам документы о жизни этого известного человека. Одни, от отступника Бользека до неокатолического романтика Одена, от лютеранского фанатика Вестфала до “старых женевцев” Галиффов, отца и сына, внимали лишь голосу неутолимой ненависти или яростной зависти и изображали его как некоего преступника, оскверненного самыми постыдными пороками, как деспота, запятнанного кровью. А другие, от его коллеги Теодора Безы до пастора Поля Анри из Берлина, его ревностного ученика, поддаются влиянию всепрощающей дружбы или несколько преувеличенного восхищения и рисуют его как воплощение совершенной добродетели. Третьи же, особенно в недавнее время, поднимаются выше узких догматических предрассудков и судят эту великую историческую фигуру не как сектанты, но как философы, с беспристрастностью, которой требует история. Они видят в Кальвине не основателя секты, но один из тех возвышенных умов, которые оказывают влияние на всю эпоху и отбрасывают свет своего величия на самые значительные её события».

ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННИКОВ (XVI век)

МАРТИН ЛЮТЕР (1483 — 1546)

Из письма к Буцеру, 14 октября 1539 г.

«Передай мой почтительный привет Штурму и Кальвину [тогда они были в Страсбурге], книги которого я читал с необыкновенным удовольствием (*quorum libellos singulari cum voluptate legi*)».

МАРТИН БУЦЕР (1491 — 1551)

«Кальвин воистину ученый и на редкость красноречивый человек (*vere doctus mireque Facundus vir*), славный восстановитель более чистого христианства (*purioris Christianismi instaurator eximius*)».

ТЕОДОР БЕЗА (1519 — 1605)

Из его *Vita Calvini* (на латыни), в конце (*Opera*, XXI. 172).

«Я был свидетелем жизни Кальвина шестнадцать лет, и я думаю, что вполне могу сказать: этот человек подал самый прекрасный пример жизни и смерти христианина (*longe pulcherrimum vere christianae tum vita tum mortis exemplum*), которого легко хулить, но которому трудно подражать».

См. также заключительные замечания в его биографии на французском, vol. XXI. 46 (19 августа 1564 г.).

ИОГАНН ШТУРМ из Страсбурга (1507 — 1589)

«Жан Кальвин был наделен самым острым умом, прекрасно образован и обладал замечательной памятью. Как автор, он выделялся разнообразием, обилием и чистотой произведений, что, например, видно из его “Наставлений в христианской вере”... Я не знаю труда, более пригодного для обучения вере, для наставления в морали и для устранения заблуждений».

ИЕРОНИМ ДЗАНКИ (1516 — 1590)

Итальянец, обращенный в протестантизм. Профессор в Страсбурге и Гейдельберге.

Из письма к ландграфу Гессенскому.

«Кальвин, память которого чтят, по свидетельству всей Европы, был чрезвычайно уважаем не только из-за своего выдающегося благочестия и высочайшей учености (*praestanti pietate et maxima eruditione*), но также благодаря исключительно ясным суждениям по всем вопросам (*singulari in rebus omnibus iudicio clarissimus*)».

Епископ ДЖУЭЛЛ (1522 — 1571)

«Кальвин, досточтимый отец, достойное украшение Церкви Божьей».

ИОСИФ СКАЛИГЕР (1540 — 1609)

«Кальвин — ученый богослов и наставник, обладавший большей чистотой и изяществом стиля, чем можно было бы ожидать от богослова. Два самых выдающихся богослова нашего времени — Жан Кальвин и Пьетро Мартири; и первый из них относился к здравому знанию так, как к нему следует относиться, — с истиной, чистотой и простотой, без схоластической изощренности. Наделенный божественным гением, он проникал во многие вещи, которые лежали за пределами постижения тех, кто не так хорошо знал еврейский язык, хотя он и сам не был лучшим знатоком еврейского».

Как же хорошо Кальвин постигает значение пророков! Никто не делает это лучше... Какая прекрасная книга — его “Наставления”!.. Кальвин стоит особняком среди богословов (*Solus inter theologos Calvinus*)».

Такое суждение величайшего ученого той эпохи, который знал тринадцать языков и был учителем филологии, истории, хронологии, философии и богословия, особенно весомо еще и потому, что он был одним из самых строгих критиков Кальвина.

ФЛОРИМОН ДЕ РЕМОН (1540 — 1602)

Советник короля при Парламенте в Бордо. Католик.

Из его *L'histoire de la naissance, progres, et decadence de l'herésie de ce siècle, divisé en huit livres, dedié a nôtre saint Père le Pape Paul cinquième*. Paris, 1605, bk. VII, ch. 10.

«Кальвин отличался более уравновешенным и спокойным нравом, чем Н., и с ранней юности решил, что не позволит себе увлекаться чувственными радостями (*plaisirs de la chair et du ventre*)... Тело его было сухим и стройным, а интеллект живым и мощным, готовым реагировать, смелым в атаке; даже в юности он часто постился — либо по причине здоровья и для успокоения головных болей, от которых он постоянно страдал, либо чтобы ум его был более свободен для письма, исследований и развития памяти. Кальвин мало говорил; но когда он говорил, это было нечто серьезное и внушительное (*et n'estoit que propos sérieux et qui portoient coup*). Он никогда не появлялся в компаниях и всегда вел уединенный образ жизни. Вряд ли мог найти равный ему, ибо в течение двадцати трех лет, когда он был епископом (*l'evesché*) Женевы, он проповедовал каждый день, а по воскресеньям часто и по два раза. Он читал лекции по богословию три раза в неделю, и каждую пятницу он участвовал в беседе, которую устраивал в своей общине. Остальное время он занимался сочинением трудов и ответами на письма, которые он, словно верховный понтифик, получал из всех краев еретического христианского мира (*qui arrivoyent a luy de toute la Chrétienté heretique, comme au Souveraine Pontife*)...

Кальвин обладал блестящим духом, тонким суждением, чудесной памятью, выдающейся эрудицией и ораторским умением... Ни один из его предшественников не превосходил его в плане стиля, и немногие после него обладали такой красотой и легкостью слога».

ЭТЬЕН ПАСКЬЕ (1528 — 1615)

Католик. Советник и генеральный адвокат короля в Счетной палате Парижа.

Из *Les Recherches de la France*, p. 769. Paris, 1633.

«...Он [Кальвин] одинаково хорошо писал на латыни и по-французски, и последний язык весьма обязан ему, потому что он обогатил его бесконечным количеством прекрасных выражений (*enrichie d'une infinité de beaux traits*), однако я хотел бы, чтобы он писал на другие темы. Короче говоря, этот человек был замечательно начитан и предан книгам Священного Писания, и, как таковой, если бы он мыслил в верном направлении, он мог бы стать одним из самых выдающихся учителей церкви».

ЖАК ОГЮСТ ДЕ ТУ (ТУАН, 1553 — 1617)

Президент Парижского парламента. Католик-либерал, один из составителей Нантского эдикта.

Из тридцать шестой книги его *Historia sui Temporis* (1543 — 1607).

«Жан Кальвин, из Нуайона в Пикардии, человек с живым характером и великим красноречием (*d'un esprit vif et d'une grande eloquence*)³⁸¹, а также богослов, весьма ценящийся среди протестантов, умер от астмы 20 [27] мая 1564 г. в Женеве, где он учил двадцать три года, в возрасте почти пятидесяти шести лет. Хотя он семь лет страдал от различных болезней, это не сделало его менее усердным и никогда не мешало ему писать».

Де Ту не может сказать о Кальвине ничего отрицательного.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ БОЛЕЕ ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА

ШАРЛЬ ДРЕЛИНКУР (1595 — 1669)

«В этом великом множестве книг, написанных Кальвином, нет лишних слов. Вероятно, со времен пророков и апостолов не было человека, который мог бы передать так много разных понятий в нескольких словах в таких уместных и хорошо подобранных выражениях (*en des mots si propres et si bien choisis*)... Никогда жизнь Кальвина не казалась мне такой чистой и невинной, как после тщательного изучения той дьявольской хулы, которой пытались опорочить его характер, и после рассмотрения всех похвал, которыми его величайшие враги вынуждены были почтить его память».

³⁸¹ Или по другому изданию, страсбургских редакторов (XXI. 11), *personnage d'un grand esprit et merveilleusement eloquent (admirabili facundia praeditus)*. Французский перевод *Historia* появился в 1734 г.

МОЗЕ АМИРО (1596 — 1645)

«...Этот несравненный Кальвин, которому в основном, после Бога, церковь обязана Реформацией не только во Франции, но и во многих других частях Европы».

Епископ ЖАК БЕНИНЬ БОССЮЭ (1627 — 1704)

Из его *Histoire des Variations des Eglises Protestantes* (1688), величайшего полемического труда на французском языке против Реформации.

«Я не знаю, подходит ли гений Кальвина для того, чтобы пробуждать воображение и будоражить население так, как гений Лютера, но после начала движения он стал популярен больше, чем сам Лютер, во многих странах, а особенно во Франции, и сделался главой партии, которая вряд ли уступит лютеранской. Своим проницательным интеллектом и смелыми решениями он повлиял на всех, кто пытался в этом веке учредить новую церковь, и дал новый поворот предполагаемым реформам.

Только из слабости нам хочется искать нечто исключительное в смерти подобных людей. Бог не всегда дает нам такие примеры. Так как Он допускает ересь для испытания Своего народа, неудивительно, что для довершения испытания Он позволяет духу оболочения преобладать в них до конца, скрытому за честной наружностью. И, не зная больше ничего о жизни и смерти Кальвина, нам достаточно знать, что он разжег в своей стране такое пламя, которое не смогла угасить вся пролитая ради него кровь, и что он отправился на Божий суд, не испытывая ни малейшего сожаления в содеянном преступлении...

Давайте же воздадим ему, как он того заслуживает, славу человека, писавшего лучше, чем кто-либо в его время; давайте даже поместим его, если хотите, выше Лютера; потому что хотя последний в некоторых отношениях более оригинален и жив, Кальвин, уступающий ему в плане гения, превзошел его в учености. Лютер победил как оратор, но слог Кальвина более правилен, особенно на латыни, а его стиль, пускай и строгий, более последователен и чист. Они в равной мере прекрасно изъяснялись на языке своих стран и оба — с невероятной силой. Каждый благодаря своим талантам приобрел много учеников и поклонников. Каждый, опьяненный своим успехом, воображал, что поднялся выше отцов церкви. Ни один не мог терпеть противоречий, и их красноречие ярче всего проявилось в яростных оскорблениях».

РИШАР СИМОН (1638 — 1712)

Один из величайших критиков и исследователей Библии в Римской Католической церкви.

Из его «Критической истории Ветхого Завета» (на латыни и французском).

«Так как Кальвин был наделен возвышенным гением, мы постоянно встречаем в его комментариях нечто доставляющее наслаждение уму (*quo animus rapitur*); а так как он был близко и в совершенстве знаком с человеческой натурой, его этика поистине прелестна, когда он изо всех сил старается согласовать ее со священным текстом. Если бы он менее находился под властью предрассудка и не так стремился быть вождем и знаменосцем ереси, он мог бы создать труд, весьма полезный для Католической церкви».

Тот же самый отрывок, с добавлениями, есть во французском тексте. Симон говорит, что ни один автор «лучше не знал о полной несостоятельности человеческого сердца» и что Кальвин «слишком большое внимание уделяет этой несостоятельности», «не упуская ни одной возможности опорочить Римскую церковь», — а потому эта часть его комментариев — «бесполезные декламации» (*déclamations inutiles*). «Кальвин в своих трудах демонстрирует больше ума и суждения, чем Лютер; он более осторожен и старается не выдвигать слабых доказательств, которыми могли бы воспользоваться его противники. Он чрезвычайно тонок в своих рассуждениях, и его комментарии полны умелых ссылок на текст — а это влияет на умы тех читателей, которые недостаточно хорошо знакомы с религией».

Симон сильно недооценивает знание Кальвином еврейского языка, когда говорит, что он знал всего лишь еврейский алфавит. Доктор Дистель (*Geschichte des Alten Test. in der christl. Kirche*, 1869, p. 267) справедливо заявляет, что это хула, которую легко можно опровергнуть любой страницей комментариев Кальвина. Он заявляет, что Кальвин знал еврейский очень хорошо: *ausgewählt mit einer sehr tüchtigen hebräischen Sprachkenntniss*.

ПЬЕР БЕЙЛЬ (1647 — 1706)

Сын реформатского служителя, воспитывавшийся у иезуитов в Тулузе, обращенный в католичество, вернувшийся в протестантизм, скептик, автор *Dictionnaire historique et critique*.

«Этот человек, приобретший такую репутацию и такую большую власть, получал только сто крон жалования, не хотел большего и, прожив пятьдесят пять лет во всевозможных лишениях, оставил наследство стоимостью всего триста крон, включая библиотеку. Это настолько героическое обстоятельство, что одного его достаточно, чтобы восхищаться им. Это одна из наиболее исключительных побед добродетели и величия души над природой даже среди служителей Евангелия. У Кальвина есть подражатели в том, что касается деятельности, рвения и привязанности интересам партии. Они используют все свое красноречие, свои перья, свои старания, свои увещевания для распространения царства Божьего. Но они не забывают о себе, хотя в целом служат примером истинности того высказывания, что церковь — добрая мать, служа которой вы ничего не теряете.

Католики наконец-то были вынуждены отвергнуть как вымысел ту жестокую клевету (*les calomnies atroces*), которую они высказывали о моральных качествах Кальвина. Их лучшие авторы теперь ограничиваются лишь утверждением, что Кальвин, свободный от телесных пороков, не был свободен от пороков умственных, таких как гордость, страсть и хула. Я знаю, что кардинал Ришелье или тот умелый автор, который под его именем выпустил «Метод обращения», повторяет нелепости Бользека. Но в целом уважающие себя авторы больше о них не говорят. Толпа же никогда от них не отречется. Эту клевету мы встречаем также в *Systema decretorum dogmaticorum*, опубликованной в Авиньоне в 1693 г. Франсуа Портером. Так что труд Бользека будут цитировать, пока у кальвинистов остаются соперники, но достаточно навеки заклеить его как клевету, чтобы определенное количество серьезных авторов среди католиков уже больше не верило его басням».

ЖАН АЛЬФОНС ТУРРЕТЕН (1617 — 1737)

Профессор богословия в Женеве и представитель умеренного кальвинизма. Самый выдающийся из богословов с этой фамилией, также называемый Турретеном-младшим, чтобы отличать его от его отца, Франсуа.

«Жан Кальвин был человеком, память которого будет благословенна до последнего (*vir benedictae in omne oevum memoriae*)... Его обширные труды наставили и украсили не только церковь Женевы, но и весь реформатский мир, а потому реформатские церкви в целом часто называют его именем».

МОНТЕСКЬЕ (1689 — 1755)

Автор *De l'esprit des lois* (пророчества сторонников умеренной свободы).

«Женевцы должны благословлять день рождения Кальвина».

ВОЛЬТЕР (1694 — 1778)

Essai sur les mœurs et l'esprit des nations.

«Знаменитый Кальвин, которого мы считаем женевским апостолом, поднялся до уровня протестантского папы (*s'érigea en pape des Protestants*). Он знал латынь и греческий, а также дурную философию того времени. Он писал лучше, чем Лютер, а говорил хуже. Оба были трудолюбивы и суровы, но грубы и склонны к насилию (*durs et emportés*)... Кальвинизм соответствует республиканскому духу, однако Кальвин был по духу тираном... Он требовал терпимости, которая нужна была ему во Франции, но пылал нетерпимостью в Женеве... Строгость Кальвина сочеталась с величайшим бескорыстием (*au plus grand désintéressement*)».

ЖАН-ЖАК РУССО (1712 — 1778)

Уроженец Женевы. Апостол Французской революции, подобно тому как Кальвин был апостолом Французской Реформации.

Из *Lettres écrites de la montagne*.

«Был ли когда-либо кто из людей более выдающимся, более властным, более решительным и более божественно непогрешимым в собственных глазах, чем Кальвин, для которого малейшая оппозиция... всегда была делом рук сатаны и преступлением, достойным костра!»

Д'АЛАМБЕР (1717 — 1783)

«Кальвин по справедливости приобрел репутацию великого человека — прежде всего писателя первого ранга (*homme de lettre du premier ordre*) — пишущего на латыни настолько хорошо, насколько это вообще можно делать на мертвом языке, и изъяснявшегося по-французски с редкой для того времени чистотой (*avec une pureté singulière pour son temps*). Эта чистота, которой наши ученые

филологи восхищаются даже сейчас, ставит его произведения намного выше почти всех трудов той эпохи, подобно тому как труды писателей Пор-Рояля отличаются даже в наше время, по той же причине, от варварских рапсодий их оппонентов и современников».

ФРЕДЕРИК АНСИЙОН (1767 — 1837)

Tableau des Révolutions du Système Politique de l'Europe.

«Кальвин был не только глубоким богословом, но также и способным законодателем. Доля, которую он внес в формирование гражданских и религиозных законов и которая в течение нескольких веков составляла счастье Женевской республики, возможно, принесет ему больше славы, чем его богословские труды. И эта республика, повсюду известная, несмотря на свои малые размеры, умеющая сочетать нравственность с интеллектом, богатство с простотой, простоту со вкусом, а свободу с порядком, ставшая средоточием талантов и добродетелей, доказала, что Кальвин знал людей и умел ими управлять».

Ф. ПЬЕР ГИЛЬОМ ГИЗО (1787 — 1874)

Известный французский историк и государственный деятель, из гугенотов.

St. Louis et Calvin, pp. 361 sqq.

«Кальвин велик по причине его чудесных способностей, его непреходящих трудов, моральной возвышенности и чистоты характера... Он искренне верил, был чист в побуждениях, строг в образе жизни и могуч в трудах. Кальвин — один из тех, кто заслужил свою великую славу. Три века отделяют нас от него, но невозможно изучать его характер и историю, не испытывая если не любовь и симпатию, то, как минимум, глубокое уважение и восхищение одним из великих реформаторов Европы и великих христиан Франции».

Из *Musée des protestants célèbres*.

«Лютер побеждал, чтобы разрушать, а Кальвин — чтобы строить. То и другое было в равной мере необходимо, но они были разными... Кальвин был человеком второй эпохи великих общественных преобразований, и, захватив посредством военных действий территории, им принадлежащие, они трудились, чтобы установить там мир по тем принципам и в той форме, которые соответствовали их природе... Распространенное представление, которым руководствовался Кальвин, отправляя Сервета на костер, принадлежало его веку, и мы не должны обвинять Кальвина за это».

ФРАНСУА ОГУСТ МАРИ МИНЬЕ (1796 — 1884)

Известный французский историк и академик. Из его *Mémoire sur l'établissement de la Réforme à Genève*.

«В протестантизме Кальвин был после Лютера как следствие из предпосылки, а в Швейцарии он был порядком после революции... Кальвин не имел ни таланта изобретателя, ни качеств завоевателя. Он не был революционером, как Лютер, или миссионером, как Фарель, но обладал силой логики, которая должна была развить реформы первого, и организаторскими способностями, которые должны были довершить дело второго. Вот так он обновил облик протестантизма и создал Женеву».

ЖЮЛЬ МИШЛЕ (1798 — 1874)

Histoire de France, vol. XI (*Les Guerres de Religion*), Paris, 1884, pp. 88, 89, 92.

«Это был отчаянный труженик, со страдальческим видом, телосложения хрупкого и слабого. Он не щадил себя и работал, не отличая дня от ночи...»

Язык его был неслыханным, это был новый французский. Через двадцать лет после Комина и за тридцать лет до Монтеня это был уже язык Руссо... Его самое несомненное качество — та пронзительная ясность, серебряный или, скорее, стальной блеск сверкающего лезвия, которое пронзает. Чувствуется, что свет этот исходит изнутри, из глубин совести, из сердца предельно убежденного, которое питается логикой...

По сути этот великий и мощный богослов был законодателем. Он был законодателем по воспитанию, по духу, по характеру. Он отличался двумя склонностями: с одной стороны, он призывал к справедливости, к истине, к необходимости правосудия; с другой — он обладал духом твердым, абсолютным, судейским и внес этот дух в богословие... На практике же такое предназначение Кальвина обернулось появлением механизма, умножавшего число мучеников».

БОН ЛУИ АНРИ МАРТЕН (1810 — 1883)

Histoire de France depuis les temps les plus reculés jusqu'en 1789, tom. VIII, p. 325, 4th ed., Paris, 1860. Премия Французской академии.

Мартен, в своем классическом труде, так описывает влияние Кальвина на город Женеву: «Кальвин не только спасает ее, но придает этому маленькому городу величие, невероятную моральную мощь. Он делает ее столицей Реформации (если только у Реформации может быть столица), столицей половины протестантского мира, обладающей огромным влиянием, которое признает или которому даже подчиняется другая половина. Женева — ничто в плане населения, вооружения и территории. Но она — всё в плане духа. Единственное ее материальное преимущество гарантирует ей все моральные преимущества: ее замечательное положение, которое делает ее Францией в миниатюре, республиканской и протестантской, независимой от католической монархии Франции и защищенной от поглощения монархией и католицизмом. Протестантская Швейцария, обязательный союзник французских королей в борьбе против императора, защищает от императора Женеву благодаря политическим соглашениям с королем и силой шпаги обеспечивает ей свободу от домов Австрии и Савойи».

ЭРНЕСТ РЕНАН (1823 — 1892)

Ренан, член Французской академии, блестящий ум, один из первых историков Франции, учился на католического священника, но стал скептиком. Это делает его поразительный отзыв еще более важным.

Из статьи о Жане Кальвине в его *Études d'histoire religieuse*, 7th ed. Paris, 1880, pp. 337-367.

«Кальвин был одним из тех абсолютных людей, целиком отлитых в одной форме, которые воспринимаются сразу, с первого взгляда: чтобы о них судить, достаточно одного письма, одного действия. В этой непреклонной душе не было складок. Она не знала сомнений и колебаний... Он не думал о богатстве, титулах, почестях, был равнодушен к помпе, скромнен в жизни, явно кроток, жертвовал всем из желания сделать других такими же, как он сам, и я вряд ли знаю человека, кроме Игнатия Лойолы, который мог бы сравниться с ним в этих поразительных чертах... Просто удивительно, каким образом человек, который при изучении его биографии и трудов кажется нам столь непривлекательным, мог стать центром грандиозного движения своего поколения и как этот резкий и суровый тон мог оказывать такое влияние на умы его современников. Как могло, например, случиться, что одна из самых выдающихся женщин того времени, герцогиня Рене Французская в своем дворе в Ферраре, окруженная цветом европейских умов, увлеклась этим суровым учителем и из-за него ступила на путь, обильно усыпанный терниями? Такое строгое обольщение может исходить только от человека, который руководствуется настоящими убеждениями. Не отличаясь ни тем ярким, глубоким, страстным пылом, который был одним из секретов успеха Лютера, ни обаянием и опасной, томной нежностью Франциска Сальского, Кальвин преуспел больше, чем они, в тот век и в той стране, которые требовали возвращения к христианству, и так вышло просто потому, что он был самым христианским человеком своей эпохи (*l'homme le plus chrétien de son siècle*, p. 342)».

ФЕЛИКС БУНГЕНЕР (1814 — 1874)

Пастор Национальной церкви Женевы, автор нескольких исторических трудов.

Из *Calvin, sa vie, son oeuvre et ses écrits*, Paris, 1862; английский перевод, Edinburgh, 1863, pp. 338, 349.

«Давайте не будем воздавать ему хвалу, которой он не принял бы. Творит только Бог, а человек велик лишь потому, что Богу угодно бывает совершать великие дела через него. И ни один великий человек не понимал этого лучше, чем Кальвин. Ему нетрудно было воздавать за всё славу Богу, и ничто не указывает, чтобы у него когда-либо возникало искушение присвоить себе хоть часть этой славы. Лютер, во многих местах, выражает довольство тем, что “мелкий монах”, как он говорит, сумел заставить папу дрожать и потряс весь мир. Кальвин никогда не говорит подобного. Похоже, он не думает об этом даже в глубине своего сердца. В нем вы всегда чувствуете человека, который во всем — от малого до великого — считает творцом происходящего Бога. Прочтите снова, с этой точки зрения, те страницы, которые заставляют вас считать его высокомерным деспотом, и вы увидите, что даже там он — всего лишь труженик, искренне доверяющий всё своему господину... Но этот человек, несмотря на все свои ошибки, оставался человеком искренней веры, искреннего благочестия, преданности и смелости. Среди современной распущенности нет характера, за которым было бы более полезно наблюдать, ибо нет человека, о котором можно было бы с большей справедливостью сказать словами апостола: “он, как бы видя Невидимого, был тверд”».

ГОЛЛАНДСКИЕ УЧЕНЫЕ

ЯКОВ АРМИНИЙ (1560 — 1609)

Основатель арминианства.

«После исследования Писания, к которому я искренне призываю, я прошу моих учеников изучать “Комментарии” Кальвина, которые я прославляю в еще более возвышенных выражениях, чем самого Гельмиха [голландский богослов, 1551 — 1608]; ибо я утверждаю, что Кальвин непревзойден, вне всякого сравнения (*incomparabilem esse*), в толковании Писания и что его комментарии следует ценить более высоко, чем всё, что у нас в библиотеке дошло от отцов церкви. Я считаю, что он больше, чем большинство других людей, и даже больше, чем все другие люди, обладает тем, что можно назвать выдающимся духом пророчества (*spiritum aliquem prophetiae eximium*). Его “Наставления” следует изучать после [Гейдельбергского] катехизиса, ибо они содержат более полное объяснение, — но, разумеется, вдумчиво (*cum delectu*), как подобает в отношении всех человеческих сочинений».

Д. ГЕРДЕС (1698 — 1767)

Historia Evangelii Renovati, IV. 41 sq. Groningae, 1752.

«Труды Кальвина были столь полезны для церкви Христовой, что трудно найти в христианском мире область, которая не была бы затронута ими, — вряд ли существует ересь, с которой он успешно не боролся бы обоюдоострым мечом Слова Божьего, или фрагмент христианского учения, который он прекрасно не объяснил бы. Без сомнения, его комментарии к Ветхому и Новому Заветам — всё, чего можно желать. Все его проповеди полны помазания Духа. Его “Наставления” предельно полны и совершенны. Его вероучительные трактаты отличаются весомостью. Его критические труды — пылом и рвением. Его практические произведения — добродетелью и благочестием. Его послания — кротостью, благоразумием, солидностью и мудростью».

СУЖДЕНИЯ НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ

ИОГАНН ЛОРЕНС МОСГЕЙМ (1695 — 1755)

Из английского перевода его *Institutes of Ecclesiastical History*, автор JAMES MURDOCK, доктор богословия, New York, 1854, vol. III, p. 163, 167, 192.

«Кальвина уважали даже его враги — за его гений, ученость, красноречие и другие дары, а больше всего уважал его друг, Меланхтон.

Немногие представители той эпохи могли бы сравниться с Кальвином в плане терпеливого трудолюбия, решительности, ненависти к римским суевериям, красноречия и гения. Он обладал самым способным умом и старался не только укрепить и благословить свою любимую Женеву с помощью лучших законов и наставлений, но также сделать ее матерью, источником света и влияния для всей реформатской церкви — тем же, чем стал для лютеранского сообщества Виттенберг.

Жан Кальвин по заслугам занимает место в первом ряду толкователей Библии того времени. Он попытался объяснить почти все священные книги.

Его “Наставления” написаны ясным и изящным стилем. В его доводах и способе рассуждения нет ничего промоздкого и трудного для понимания».

ИОГАНН ФОН МЮЛЛЕР (1752 — 1809)

Великий историк Швейцарии, называемый «немецким Тацитом».

Allgemeine Geschichte, bk. III.

«Жан Кальвин обладал духом древнего законодателя, и отчасти это дало ему несомненные преимущества, а недостатки его были лишь следствием его чрезмерных добродетелей, с помощью которых он осуществлял свои задачи. Он также, как и прочие реформаторы, был неутомимо трудолюбив, упорно стремился к определенной цели, был непоколебим в принципах и чувстве долга всю свою жизнь, а перед смертью явил отвагу и достоинство древнеримского цензора. Он внес огромный вклад в развитие и распространение человеческого интеллекта, причем более, чем предполагал он сам. Ибо именно среди женецев и во Франции принцип свободного исследования, на котором он прежде всего был обязан основать свою систему и который затем он сам же тщетно пытался подавить, стал впоследствии более плодотворен, чем среди других народов, менее пытливых, чем женеццы, и менее дерзновенных, чем французы. Из этого источника постепенно появились философские идеи, кото-

рые хотя и не были достаточно очищены от страстей и взглядов своих основателей, но уничтожили массу мрачных и опасных предрассудков и открыли нам путь чистой практической мудрости и большего успеха в будущем».

Ф. АВГУСТ ТОЛУК (1799 — 1877)

Commentary on the Epistle to the Romans, 3^d ed., 1831, p. 19.

«В его [Кальвина] комментарии на Послание к римлянам объединены прекрасная латинская ученость, здравый метод изложения и толкования, основанный на принципах грамматической науки и исторического знания, глубокая проницательность ума и жизненная добродетель».

Доктор ТВЕСТЕН (1789 — 1876)

Преемник Шлейермахера на кафедре систематического богословия в Берлине, ортодоксальный юлианец из Единой евангельской церкви Пруссии.

Из его *Dogmatik der evangelisch Lutherischen Kirche*, I. 216, 4th ed., Hamburg, 1838.

Весьма возвышенно и справедливо отзывавшись о Меланхтоне и Иоганне Герхарде, Твестен так характеризует «Наставления» Кальвина:

Mehr aus einem Gusz, als Melancthon's Loci, die reife Frucht eines tief religiösen und ächt wissenschaftlichen Geistes, mit grosser Klarheit, Kraft und Schönheit der Darstellung geschrieben, einfach in der Anlage, reich und gründlich in der Ausführung, verdient es neben jenen auch in unserer Kirche als eins der vorzüglichsten Werke auf dem Gebiete der dogmatischen Literatur überhaupt studirt zu werden.

ПОЛЬ АНРИ

Доктор богословия и пастор французской реформатской церкви в Берлине, автор двух ученых биографий Кальвина: более крупной, в 3 томах (1833 — 1844), которая обычно ценится как сборник документов, и популярной, в одном томе.

Из *Das Leben Johann Calvins*. Hamburg and Gotha, 1846, pp. 443 sqq.

«В целом склонности Кальвина были практические; ученость занимала подчиненное положение; главным для него было спасение мира и истина. Его духовные склонности были не философскими, но его диалектический склад ума побуждал доводить принципы до предела последствий. Он замечал малейшие детали. Изучение права подготовило его к этому занятию... Он был стражем всей церкви... Все его богословские труды очень проницательны, диалектичны, проникнуты теплотой убеждения. Он был очень красноречив, но пренебрегал искусством риторики... Днем и ночью он занимался делом Господа. Он не обращал внимания на ежедневные просьбы коллег позволить себе немного отдохнуть. Он продолжал трудиться до своей последней болезни и перестал диктовать только за неделю до смерти, когда ему отказал голос... Все искали его совета, ибо Бог наделил его таким духом мудрости, что никто не жалел, если следовал его советам. Как велика была его эрудиция! Как прекрасны были его суждения! Как необыкновенна была его доброта, которая приходила на помощь даже самым малым и униженным, при необходимости, и его кротость и терпение несовершенств других!»

Доктор Л. ШТАГЕЛИН

Johannes Calvin. Leben und ausgewählte Schriften. Elberfeld, 1863. Vol. II, pp. 365-393.

Это описание характера Кальвина как человека и как христианина точно и в плане восхвалений, и в плане упреков, но слишком многословно, чтобы приводить его здесь. Доктор Штагелин подчеркивает логику интеллекта Кальвина и его совести, его твердую уверенность в вечном избрании, его постоянное ощущение близости Бога, «величие» его характера, преобладание ветхозаветных черт, его сходство с Моисеем и еврейскими пророками, его раздражительность, гнев и склонность к негодованию, смягченные искренней кротостью перед Богом, его верность друзьям, его постоянные молитвы, его полное бескорыстие и посвященность Богу. Штагелин также цитирует примечательное свидетельство Ренана о том, что Кальвин был «самым христианским человеком в христианском мире».

Доктор ФРИДРИХ ТРЕШСЕЛЬ (1805 — 1885)

Die Protestantischen Antitrinitarier. Heidelberg, 1839 — 1844. I. 177.

«Люди нередко считали, что оскорбляют память Кальвина, называя его папой протестантизма! Но Кальвин был именно папой, в самом благородном смысле слова, благодаря духовному и мораль-

ному превосходству, которым Господь всей Церкви наделил его ради ее избавления, — благодаря его неустанному и неизбежному желанию воздать почести Богу, благодаря его мудрой заботе о созидании царства Христова — одним словом, благодаря всему тому истинному и почетному, что только может быть включено в представления о папстве».

ЛЮДВИГ ГАУССЕР (1818 — 1867)

Профессор истории в Гейдельберге.

The Period of the Reformation, ed. Oncken. 1868, 2^d ed. 1880, tr. Mrs. Sturge, New York, 1874, pp. 241, 244.

«Как немецкая Реформация связана с Мартином Лютером, а швейцарская — с Ульрихом Цвингли, так Реформация романских и западно-европейских народов связана с Жаном Кальвином, самым замечательным человеком того времени. Он не был равен ни Лютеру, ни Цвингли в плане общего таланта, умственной силы или спокойствия духа, но в плане логической остроты ума и таланта организатора он не уступал им обоим, если не превосходил. Он заложил основу развития многих государств и церквей. Он придал форму Реформации в тех странах, в которых сам никогда не бывал. Французы отсчитывают от него начало развития своей литературы, и его влияние не ограничивалось религиозной сферой, но охватывало интеллектуальную жизнь в целом. Никто не оказал столь длительного влияния на дух и форму письменного языка, как он.

В то время, когда Европа не могла продемонстрировать прочных результатов реформ, маленькое государство Женева стало великой силой. Год за годом оно посылало в мир апостолов, которые проповедовали повсюду ее учение, и стала самым опасным соперником Рима, когда у Рима больше не осталось бастионов для защиты. Миссионеры из этой маленькой общины отличались возвышенным и бесстрашным духом, который проистекает из стойческого воспитания и образования. Они несли на себе отпечаток самоотверженного героизма, который в других местах был подавлен богословской узостью. Они были народом мощным и сильным, для которого не было ничего сложного, и придали новое направление протестантизму, заставив его порвать со старой традиционной монархической властью и приняв Евангелие демократии как часть своего символа веры. Они создали могучий противовес отчаянным попыткам, которые древняя церковь и монархическая власть предпринимали в намерении сокрушить дух Реформации.

Невозможно было победить Караффу, Филиппа II и Стюартов с помощью пассивного сопротивления Лютера. Нужны были люди, готовые воевать, и именно такой была кальвинистическая школа. Она повсюду принимала вызов. Во всей борьбе за политическую и религиозную свободу вплоть до момента первой эмиграции в Америку — во Франции, в Нидерландах, в Англии, в Шотландии мы узнаем женевскую школу».

Доктор КАРЛ РУДОЛЬФ ГАГЕНБАХ (1801 — 1874)

Швейцарский реформат, из Базеля.

Geschichte des Reformations, 5th ed., edited by Nippold, Leipzig, 1887, p. 605.

Calvin hatte so zu sagen kein irdisches Vaterland, dessen Freiheit er, wie Zwingli, zu wahren sich bewegen fand. Das himmlische Vaterland, die Stadt Gottes war es, in welche er alle zu sammeln sich berufen sah. Ihm galt nicht G्रीее, nicht Skythe, nicht Franzose, nicht Deutscher, nicht Eidgenos, sondern einzig und allein die neue Kreatur in Christo. Es wäre thöricht, ihm solches zum Vorwurf zu machen. Es ist vielmehr richtig bemerkt worden, wie Calvin, obgleich er nicht die Grösze Genfs als solche gesucht, dennoch dieser Stadt zu einer weltgeschichtlichen Grösze verholfen, die sie ohne ihn niemals erreicht haben würde. Aber so viel ist richtig, dasz das Reinmenschliche, das im Familien — und Volksleben seine Wurzel hat, und das durch das Christenthum nicht verdrängt, aber wohl veredelt werden soll, bei Calvin weniger zur Entwicklung kam. Männer des strengen Gedankens und einer rigiden Gesetzlichkeit werden geneigt sein, Calvin über Luther und Zwingli zu erheben. Und er hat auch seine unbestreitbaren Vorzüge. Poetisch angelegte Gemütsmenschen aber werden anfänglich Calvin und seiner vom Naturboden losgelösten, abstrakten Frömmigkeit gegenüber sich eines gewissen Fröstelns nicht erwehren können und einige Zeit brauchen, bis sie es überwunden haben; während sie sich zu dem herzugewinnenden Luther sogleich und auch dann noch hingezogen fühlen, wenn er schäumt und vor Zorn uebersprudelt.

Доктор И. ДОРНЕР (1809 — 1884)

Geschichte der Protestantischen Theologie. München, 1867, pp. 374, 376.

«Кальвин был в равной мере велик в плане интеллекта и характера, любезен в общественной жизни, полон нежной симпатии и верности к друзьям, уступал и прощал личные оскорбления, но был непреклонно суров, когда считал, что кто-то упорно и коварно покушается на честь Бога. В нем

французский пыл и практический здравый смысл сочетались с немецкой глубиной и здравостью. Он так же свободно владел миром идей, как и делом христианского управления. Он был архитектурный гений в науке и практической жизни и всегда помнил о святости и величии Бога» (сокращенный перевод).

Доктор КАХНИС, лютеранин (1814 — 1888)

Die Lutherische Dogmatik. Leipzig, 1861, vol. II, p. 490 sq.

«Страх Божий был душой его благочестия, уверенность в предызбрании до сотворения мира была его силой, исполнение воли Бога было его единственной целью, к которой он стремился с трепетом... Ни один другой реформатор так полно не демонстрировал истину слов Христа о том, что в царстве Божьем власть есть служение. Никто другой не обладал такой энергией самопожертвования, такой непреклонной совестью как в великом, так и в малом, такой силой дисциплины. Этот человек, умирающее тело которого держалось только на воле, пылающей в его взгляде, обладал величием характера, которое заставляло его современников склоняться перед ним в почтении».

Ф. В. КАМШУЛЬТЕ (1831 — 1872)

Католик, профессор истории в Боннском университете с 1860 по 1872 гг., автор талантливого и беспристрастного труда о Кальвине, который не был описан из-за смерти. Тома II и III так и не вышли. Он протестовал против ватиканских постановлений 1870 г.

Johann Calvin. Seine Kirche und sein Staat in Genf. Erster Band, Leipzig, 1869, p. 274 sq.

Calvin's Lehrbuch der christlichen Religion ist ohne Frage das hervorragendste und bedeutendste Erzeugniss, welches die reformatorische Literatur des sechszehnten Jahrhunderts auf dem Gebiete der Dogmatik aufzuweisen hat. Schon ein oberflächlicher Vergleich lässt uns den gewaltigen Fortschritt erkennen, den es gegenüber den bisherigen Leistungen auf diesem Gebiete bezeichnet. Statt der unvollkommenen, nach der einen oder andern Seite unzulänglichen Versuche Melancthon's, Zwingli's, Farel's erhalten wir aus Calvin's Hand das Kunstwerk eines, wenn auch nicht harmonisch in sich abgeschlossenen, so doch wohlgegliederten, durchgebildeten Systems, das in allen seinen Theilen die leitenden Grundgedanken widerspiegelt und von vollständiger Beherrschung des Stoffes zeugt. Es hatte eine unverkennbare Berechtigung, wenn man den Verfasser der Institution als den Aristoteles der Reformation bezeichnete. Die ausserordentliche Belesenheit in der biblischen und patristischen Literatur, wie sie schon in den früheren Ausgaben des Werkes hervortritt, setzt in Erstaunen. Die Methode ist lichtvoll und klar, der Gedankengang streng logisch, überall durchsichtig, die Eintheilung und Ordnung des Stoffes dem leitenden Grundgedanken entsprechend; die Darstellung schreitet ernst und gemessen vor und nimmt, obschon in den späteren Ausgaben mehr gelehrt als anziehend, mehr auf den Verstand als auf das Gemüth berechnet, doch zuweilen einen höheren Schwung an. Calvin's Institution enthält Abschnitte, die dem Schönsten, was von Pascal und Bossuet geschrieben worden ist, an die Seite gestellt werden können: Stellen, wie jene fiber die Erhabenheit der heiligen Schrift, aber das Elend des gefallenen Menschen, über die Bedeutung des Gebetes, werden nie verfehlen, auf den Leser einen tiefen Eindruck zu machen. Auch von den katholischen Gegnern Calvin's sind diese Vorzüge anerkannt und manche Abschnitte seines Werkes sogar benutzt worden. Man begreift es vollkommen, wenn er selbst mit dem Gefühl der Befriedigung und des Stolzes auf sein Werk blickt und in seinen übrigen Schriften gern auf das 'Lehrbuch' zurückverweist.

Und doch beschleicht uns, trotz aller Bewunderung, zu der uns der Verfasser nöthigt, bei dem Durchlesen seines Werkes ein unheimliches Gefühl. Ein System, das von dem furchtbaren Gedanken der doppelten Praedestination ausgeht, welches die Menschen ohne jede Rücksicht auf das eigene Verhalten in Erwählte und Verworfenen scheidet und die Einen wie die Anderen zu blossen Werkzeugen zur Verherrlichung der göttlichen Majestät macht... ein solches System kann unmöglich dem denkenden, Belehrung und Trost suchenden Menschengestalt innere Ruhe und Befriedigung gewähren.

БАУМ, КУНИЦ и РОЙСС

JOH. CALVINI Opera, vol. I, p. ix.

Страсбургские издатели трудов Кальвина принадлежат к современной либеральной школе богословия.

Si Lutherum virum maximum, si Zwinglium civem Christianum nulli secundum, si Melancthonem praeceptorem doctissimum merito appellaris, Calvinum jure vocaris THEOLOGORUM PRINCIPEM ET ANTESIGNANUM. In hoc enim quis linguarum et literarum praesidia, quis disciplinarum fere omnium non miretur orbem? De cujus copia doctrinae, rerumque dispositionis aptissime concinnata, et argumentorum vi ac validitate in dogmaticis; de ingenii acumine et subtilitate, atque nunc festiva nunc mordaci salsedine in

polemicis, de felicissima perspicuitate, sobrietate ac sagacitate in exegeticis, de nervosa eloquentia et libertate in paraeneticis; de prudentia sapientiaque legislativa in ecclesiis constituendis, ordinandis ac regendis incomparabile, inter omnes viros doctos et de rebus evangelicis libere sentientes jam abunde constat. Imo inter ipsos adversarios romanos nullus hodie est, vel mediocri harum rerum cognitione imbutus vel tantilla iudicii praeditus aequitate, qui argumentorum et sententiarum ubertatem, proprietatem verborum sermonemque castigatum, stili denique, tam latini quam gallici, gravitatem et luciditatem non admiretur. Quae cuncta quum in singulis fere scriptis, tum praecipue relucet in immortali illa Institutione religionis Christianae, quae omnes ejusdem generis expositiones inde ab apostolorum temporibus conscriptas, adeoque ipsos Melanthonis Locos theologicos, absque omni controversia longe antecellit atque eruditum et ingenium lectorem, etiamsi alicubi secus senserit, hodieque quasi vinctum trahit et vel invitum rapit in admirationem.

АНГЛИЙСКИЕ АВТОРЫ (В ОСНОВНОМ ИЗ ЕПИСКОПАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ)

РИЧАРД ХУКЕР (1553 — 1600)

Из его предисловия к *Ecclesiastical Polity*. Keble ed., vol. I, p. 158.

«Лично я считал его [Кальвина] без всякого сравнения мудрейшим человеком, которым обладала французская церковь с того момента, как в ней появился он. Он учился гражданскому праву. Знания о Боге он получал не столько слушая или читая, сколько обучая других. Ибо хотя тысячи людей были обязаны ему, соприкоснувшись с его знаниями, он не был обязан никому, кроме Бога, сотворившего самый благословенный источник, Книгу Жизни, и тем поразительным умственным способностям, а также помощи учености, которая его наставляла. — Мы оскорбили бы саму добродетель, если бы не воздали должное тем, кто прославился благодаря своему трудолюбию. Важны две вещи, которые заслуженно сделали его уважаемым человеком: его усердие при подготовке «Наставлений в христианской вере» и, с другой стороны, его не менее неустанные труды по разъяснению Священного Писания, согласно тем же самым «Наставлениям»...

Чем был магистр сентенций [Петр Ломбардский] для Римской церкви, тем, и даже большим, был Кальвин среди проповедников церкви реформатской, так что самыми искусными богословами в ней считались те, кто лучше всего знал труды Кальвина. Его книги стали почти что каноном для суждения об учении и дисциплине».

Епископ ЛАНСЕЛОТ ЭНДРИУС (1555 — 1626)

«Кальвин был замечательным человеком, и всегда, когда о нем упоминают, ему воздают высшие почести».

Доктор ДЖОН ДОНН (1573 — 1631)

Королевский капеллан и декан собора Св. Павла в Лондоне; прославился как поэт и богослов.

«Святой Августин благодаря своей острой проницательности и здравому суждению в разъяснении мест Писания, которое он всегда делает таким прозрачным и доходчивым, вряд ли имел себе равных среди авторов церкви Божьей. Такую честь можно оказать разве что Кальвину, к которому, как я видел (когда речь не идет о спорных моментах), даже иезуиты относятся с величайшим уважением, хотя и не осмеливаются при этом называть его имя».

Епископ ХОЛЛ (1574 — 1656)

Works, III. 516.

«...Почтенный Кальвин, суждение которого я так уважаю, что считаю его одним из лучших толкователей Писания с тех пор, как апостолы покинули землю».

Епископ САНДЕРСОН (1587 — 1663)

«Когда я начал изучать богословие всерьез, мне посоветовали «Наставления» Кальвина, которые обычно советовали в то время всем начинающим богословам как лучшую и самую совершенную богословскую систему, подходящую для того, чтобы заложить основание знакомства с профессией. И действительно, мои ожидания оправдались, когда я изучал «Наставления»».

РИЧАРД БАКСТЕР (1615 — 1691)

«Я не знаю, со времен апостолов, человека, которого я ценил бы и уважал больше, чем Кальвина, и суждение которого обо всех вещах я больше чтил бы и принимал».

Епископ УИЛЬСОН из Калькутты

Из проповеди на смерть преподобного Бэзила Вуда.

«По истечении трех веков комментарии Кальвина остаются несравненными в плане силы ума, точности объяснения и практического взгляда на христианство».

Архиепископ ЛОРЕНС

Из его бэмптоновских лекций.

«Кальвин был одновременно мудрым и добрым человеком. Он ни одному из современников не уступал в плане способностей и почти всех превосходил в искусстве, а также изяществе композиции, обилии и организации идей, структуре фраз, учености изречений».

Архидиакон ДЖУЛИУС ЧАРЛЬЗ ХЭЕР (1795 — 1855)

Из всех англичан он лучше всего знал и больше всего ценил Лютера.

Из его *Mission of the Comforter*, II. 449.

«Комментарии Кальвина, хотя они почти полностью доктринальны и практичны и в них мало говорится о критических и философских вопросах, намного ближе к тексту [чем у Лютера]. Значение выводится из самих слов Писания, с полнотой и точностью. Это делается в них великолепно. Истина мастерски украшена словами мудрости и знания. Это образцовый союз строго мужского понимания с глубоким проникновением в духовные глубины Писания, и они особо полезны для противостояния ошибочным тенденциям века, когда мы, похоже, увлечены всем фантастическим и иррациональным в экзегетическом мистицизме отцов церкви и склонны усматривать Божье могущество в аллегорических хитросплетениях и небесную жизнь в искусственных цветах. Я не хочу сказать, что принимаю и одобряю все взгляды Кальвина, доктринальные и по другим вопросам, но мы в любом случае должны относиться с благодарностью и любовью, с признанием великих интеллектуальных заслуг к тем, кто, по нашему мнению, в каких-то вещах ошибался».

ТОМАС Х. ДАЙЕР

The Life of John Calvin. London, 1850, p. 533 sq.

«То, что Кальвин был в некоторых отношениях воистину великим человеком и что красноречивый панегирик его друга и ученика Безы содержит много правды, вряд ли возможно отрицать. Его чудесные способности и великая ученость в любом случае сделали бы его светочем среди учителей Реформации. Его случайный или, как сказали бы его друзья и последователи, providенческий и предопределенный приезд в Женеву сделал его главой многочисленной и влиятельной общины. Кальвину от природы не хватало той смелости, которая так выделялась в характере Лютера, побуждая сталкиваться лицом к лицу с королями и императорами, но Кальвин прибыл в Женеву в тот момент, когда грубая первоначальная задача Реформации была уже выполнена его более смелым и активным другом Фарелем. Свообразные черты политических условий в этом месте благоприятствовали распространению его взглядов, которые, похоже, сформировались сразу же после прибытия...»

В предыдущем повествовании мы уже показали, как, с этого момента и до его смерти, его заботы и труды постоянно были направлены на укрепление его власти и на развитие его схемы церковной политики. В достижении этих задач он был столь успешен, что можно с уверенностью утверждать: ни один из реформаторов, даже сам Лютер, не добился столь абсолютного и масштабного влияния».

Архидиакон ФРЕДЕРИК У. ФАРРАР, доктор богословия

History of Interpretation. London, 1886, pp. 342-344.

«Величайшим толкователем и богословом Реформации был, без сомнения, Кальвин. Это не очень привлекательная личность в истории великого движения. Масса людей восстает против безжалостной логической строгости его “ужасного промысла”. Им не хочется в него верить, и они восклицают: “Нет!” — с естественным ужасом. Им не нравится тирания богословского священства [?], которая установилась в Женеве. Однако комментарии Кальвина, почти единственные в ту эпоху,

продолжают обладать живой силой. Они гораздо более глубоки, чем у Цвингли, более тщательны и научны, даже если и менее оригинальны и духовны, чем у Лютера. Несмотря на его многочисленные недостатки — на разное качество трудов, на учительское высокомерие тона, на непоследовательные и нередко слишком реакционные взгляды касательно богодухновенности, на манеру, в которой он отвергает все места, идущие вразрез с его догматическими предпосылками, — а также несмотря на его “резкие выражения и оскорбительные замечания”, — он остается одним из величайших толкователей Писания, когда-либо живших на земле. Он обязан этим положением сочетанию заслуг. Он обладал мощным интеллектом, бесстрашным духом, логическим складом мышления, быстрой сообразительностью, прекрасным знанием человеческого сердца, богатым и разнообразным опытом, но прежде всего — мужественным и мощным ощущением величия Бога. Точность, краткость и ясность его стиля, его классическое образование и обширные знания, его методическая тщательность описания, его мужественная независимость, избегание ненужной гомилетики и общих мест, его глубокое религиозное чувство, его пристальное внимание к задаче и контексту каждого отрывка и тот факт, что он прокомментировал почти всю Библию, помогают ему возвыситься над подавляющим большинством тех, кто комментировал Священное Писание. Не может быть большего контраста со множеством беспомощных комментариев и с кучей разномастных аннотаций, наваленных в груды без определенной цели, чем четкие и веские замечания великого швейцарского богослова.

...Характерная особенность экзегетики Кальвина — его нелюбовь к пустой ортодоксии. Он считал ее печальным оскорблением Бога истины. Он не придерживался теории дословного надиктовывания Писания. Он никогда не отстаивает и не пытается логически увязывать то, что считает просто упущениями или ошибками авторов священных текстов. Он смеется над попыткой подтверждать благое дело нелогичными доводами... Но самая характерная и оригинальная особенность его комментариев в том, что он предвосхищает современную критику в отношении мессианских пророчеств. Он понимал, что слова псалмопевцев и пророков не только допускают, но и требуют их восприятия “в развитии”, однако в первую очередь относятся к событиям и обстоятельствам их собственного времени».

ШОТЛАНДСКИЕ АВТОРЫ

В Шотландии, стране Джона Нокса, который был учеником Кальвина, его принципы весьма уважаемы и получили полное развитие.

Сэр УИЛЬЯМ ГАМИЛЬТОН (1788 — 1856)

«Если смотреть только на ученость и способности, то Кальвин превосходил всех современных, а может, и древних богословов. В последующие века равного ему, точно, не появилось. Чтобы найти равного ему, мы должны обратиться, по крайней мере, к Аквинату или Августину».

Доктор УИЛЬЯМ КАННИНГЕМ (1805 — 1861)

Директор Нового колледжа и профессор истории церкви в Эдинбурге. Пресвитерианин из Свободной церкви.

Reformers, and the Theology of the Reformation. Edinburgh, 1866, pp. 292, 294, 299.

«Жан Кальвин был явно величайшим из реформаторов по части талантов, которыми он обладал, по влиянию, которое он оказывал, и по заслугам, состоящим в утверждении и распространении важной истины...

Систематизация божественной истины и полная организация христианской церкви согласно Слову Божьему — вот великие и отличительные достижения Кальвина. Для этого Бог наделил его выдающимися талантами, дал ему величайшие дары природы и благодати, так что он смог выполнить свою задачу с огромной и длительной выгодой для церкви Христовой, а мы можем хвалить и благодарить его во все последующие века...

Кальвин, без сомнения, не был свободен от недостатков, которые всегда присутствуют, в некоторой степени, даже в лучших из людей. В частности, иногда он был груб и нетерпелив, если встречал противоречия и оппозицию. А иногда нападал на оппонентов истины и дела Божьего с насилием и оскорблениями, которые невозможно оправдывать и которым, конечно же, не стоит подражать. Он не был свободен от ошибок, и его толкование Писания, как и его объяснение учения, нельзя принимать безоговорочно. Однако посмотрим ли мы на те способности и таланты, которыми наградил его Бог, или на то, как он их использовал, или на результаты его трудов, или же на христианскую мудрость, великодушные и преданность, отличавшие его характер и в основном управлявшие его поведением, — среди сынов человеческих, вероятно, не найдется ни одного (кроме чудом получавших от Бога откровение через Его Духа), кто был бы достоин большего почитания и благодарности».

В другом месте, на которое я не могу сослаться, Каннингем, преемник Чалмерса, говорит: «Кальвин — это человек, который сделал больше всего доброго человечеству после апостола Павла».

Доктор ДЖОН ТАЛЛОЧ (1823 — 1886)

Директор колледжа Св. Марии в университете Сент-Эндрюс, из Государственной церкви Шотландии. *Luther and other Leaders of the Reformation*. Edinburgh and London, 3^d ed., 1883, pp. 234-237, 243, 245.

«Так жил и умер Кальвин, великий, сильный и энергичный характер, который больше, чем кто-либо в ту великую эпоху, оставил свой отпечаток на истории протестантизма. Вероятно, ничто не поражает нас больше, чем контраст между цельной и чистой энергией его личности, а также тем, что стало символизировать его имя, — и великими делами, которые были ею порождены. Вряд ли где-либо еще мы можем наблюдать такую мощностъ интеллектуального и морального влияния, протекающего из столь узкого центра.

Женевский и виттенбергский реформаторы во всех отношениях были не похожи друг на друга. В личной, моральной и интеллектуальной области они противоположны: Лютер был полным, с большим лицом и глубоким меланхоличным взглядом, а Кальвин — умеренного телосложения, бледный, с горящим взглядом, который сиял до самого момента его смерти (Beza: *Vita Calv.*). Лютер был общительным и веселым, любил пить пиво и устраивал семейные обеды с женой и детьми, а Кальвин был сдержанным и необщительным, на протяжении многих лет ел только раз в день и почти не нуждался во сне. В первом мы видим богатую, сложную, жизнерадостную и привязчивую личность, во всех отношениях человеческую, а в другом — суровую и жесткую цельность морального характера. Оба были склонны от природы к гордости и несдержанности, но в Лютере эти вспышки были пылкими и шумными, а в Кальвине колючими и злыми. Меланхтон говорил, что попасть Лютеру под руку в момент бури было очень неприятно, однако когда буря проходила, он от всего сердца извинялся за свою несдержанность. А если кто становился объектом недовольства и гнева Кальвина, он был в ужасе не только в тот самый момент, но даже намного позже и на большом расстоянии, что почувствовал несчастный Каstellioniоn, когда собирал сплавляемые бревна на берегах Рейна в Базеле.

В плане интеллекта Лютер, подобно его физическим качествам, также был велик, массивен и силен, обладал глубоким пониманием и чувством, острой, иногда даже слишком дальноручкой пронзительностью и увлекающим красноречием. Но по части интеллекта и Кальвин был не менее велик и силен, с его весомостью формулировок, ясностью и правильностью суждения, силой и последовательностью мысли. Их обоих будут чтить за услугу, которую они оказали своим родным языкам, — за ту емкость, гибкость и яркость выражения, которыми эти двое наделили их. Латинские труды Кальвина намного лучше в плане элегантности стиля, точности метода и уравновешенности доводов. Он сохраняет академическую возвышенность тона, даже когда гневается. Лютер же, как говорит об этом господин Галлам, иногда опускается до «мычания на плохой латыни». Но в возвышенности Кальвина, в его правильных и уравновешенных фразах чувствуется холодность, так что у нас возникает желание поменять их на грубые парадоксы Лютера. Ум немца был богаче и разнообразнее, а ум женева — прочнее, гибче и устойчивее. Беза говорит, что даже после нескольких часов перерыва в диктовке Кальвин начинал с того самого места, на котором остановился, и, несмотря на множество дел, он никогда ни о чем не забывал.

Как проповедник, Кальвин, похоже, имел не меньше успеха, чем Лютер, но это был успех другого характера. Один вдохновлял и будоражил, «бушуя во всех направлениях», а другой наставлял, доказывал и успокаивал среди разгула страстей (Beza: *Vita Calv.*). Лютер выплескивал свои чувства наружу мгновенно. Он никогда не мог составить упорядоченной проповеди, но приступал сразу к главной теме и сосредотачивал внимание на ней. Кальвин же тщательно готовил свои проповеди, как и всё остальное. Один гремел и метал молнии, наполняя сердца слушателей сумрачным благоговением и энергичным светом духовного возбуждения, а другой, как дневной свет, наполнял их равномерной, хотя и менее будоражащей ясностью...

Когда мы говорим о Кальвине, мы чувствуем его величие, но нас наполняет и печаль. Он был велик, и мы им восхищаемся. Мир нуждался в нем, и мы чтим его. Но мы не можем его любить. Он угадывал наши чувства, но не требует нашего восхищения. И хотя мы признаем его ценность и божественную необходимость его жизни и деяний, мы рады возможности созерцать его на почтительном расстоянии и верить, что существуют и другие пути Божьего управления миром, распространения царства правды и истины.

В сравнении с влиянием Лютера личное влияние Кальвина ограничено. Он меньше значил как человек в то время великого кризиса в развитии человечества, но он сильно возвышается над Лютером в плане общего влияния на мир мысли и на ход истории благодаря своему мощному интеллекту, непоколебимым убеждениям и созидательному гению».

УИЛЬЯМ ЛИНДСЕЙ АЛЕКСАНДЕР, доктор богословия (1808 — 1884)

Профессор богословия, один из составителей Пересмотренной Библии. Конгрегационалист. Из *Encyclopaedia Britannica*, 9th ed., vol. IV, 1878, p. 721.

«Кальвин был среднего роста. Лицо у него было бледное. Взгляд, до последнего ясный и сияющий, говорит об остроте его гения. Он скромно питался и просто одевался. Он мало спал и был способен на невероятные подвиги трудолюбия. У него была прекрасная память, но он пользовался ею, только подчиняя ее другим своим качествам. Редко кто мог сравниться с ним в разумности рассуждений. Его здоровое и пронизательное мнение было таким, что придавало его выводам в практических вопросах почти что вид предсказаний и побуждало всех его друзей верить в мудрость его советов. Как богослова, его превосшел только Августин. А в том, что касается умения объяснять Писание, сжатого и изящного стиля, он обладал преимуществами, которых у Августина не было. Его частное поведение не противоречило его общественной репутации и положению. Он был несколько суров и раздражителен, но в то же время скрупулезно справедлив, правдив и упорен. Он никогда не оставлял друзей и не пользовался преимуществом над врагами. Иногда, с близкими, он мог быть приветлив и даже шутив».

АМЕРИКАНСКИЕ АВТОРЫ

Доктор ГЕНРИ Б. СМИТ (1815 — 1877)

Профессор богословия в Богословской семинарии Союза, Нью-Йорк. Пресвитерианин.

Из речи перед Генеральной ассамблеей пресвитерианской церкви, Сент-Луис, 1855, произнесенной по просьбе Пресвитерианского исторического общества. См. *Faith and Philosophy*, pp. 98-99.

«Хотя Реформация, по воле Бога, началась с Лютера силой его веры, она была продолжена Кальвином с его великой энергией, с более созидательным гением как в области богословия, так и в области церковной политики, и более широко. Лютеранское движение в основном затронуло центр и север Европы. Реформатские же церкви были основаны на западе Европы, по берегу океана, на Британских островах, и само их географическое положение способствовало тому, что они сыграли свою самую важную роль — вышли за пределы Старого Света и колонизировали американские берега.

В общем обзоре истории реформатских церквей ничто не поражает больше, чем разнообразие стран, в которые проник их характерный дух, в учении и в политике. В Швейцарии это было всеобщим народным движением. Прежде всего там был Цвингли, герой из Цюриха, который уже в 1516 г. проповедовал против идолопоклоннического культа Марии. Это человек великой культуры и бесстрашного духа, который погиб на поле боя. В Базеле мы встречаем Эколампадия, а также Буллингера [в Цюрихе], хронолога швейцарских реформ. Фарель своим вдохновляющим красноречием подтолкнул Женеву на иконоборчество.

Затем, в 1536 г., из Франции, которая его не пожелала, приходит Кальвин, могущественный законодатель, великий проповедник, толкователь, учитель и правитель. Он был холоден внешне, но внутри него пылал огонь. Он в двадцать шесть лет создал свои несравненные «Наставления», а в тридцать пять превратил Женеву, под почти что теократическим правительством, в образцовый город Европы с вдохновенным девизом *post tenebras lux* [свет после мрака]. Его боялись вольнодумцы того времени и выступали против него. То же самое происходит и сейчас. Его заблуждения принадлежали его эпохе. Его величие — на все времена. Хукер называет его «мудрейшим человеком французской церкви, не имеющим себе равных». Он сравнивает его с «магистром сентенций» и говорит, что «хотя тысячи людей были обязаны ему, соприкоснувшись с его знаниями, он не был обязан никому, кроме Бога». Монтескье объявляет, что всякий женевец должен вечно благословлять день рождения Кальвина. Джуэлл называет его «достойным отцом, достойным украшением Церкви Божьей». «Тот, кто не чтит память Кальвина, — говорит мистер Банкрофт, — мало знает о происхождении американской свободы». Под его влиянием Женева стала «сеятелем» реформ по всей Европе. Вместе с Цюрихом и Страсбургом она была убежищем для угнетенных с Британских островов, благодаря чему Англия и мы прониклись ее духом».

Из статьи доктора Смита в *American Cyclopaedia* Эпплтона.

«Система учения и политики Кальвина повлияла на большее количество умов и народов, чем деятельность какого-либо другого реформатора. Она побудила людей всех стран бороться против попыток вмешательства светской власти в дела христиан. Она укрепила гугенотов, она сформировала богословие Палатината, она подготовила голландцев к героической защите своих национальных

прав, она управляла Шотландией до настоящего времени, она сформировала английское пуританство, она стала основой характера Новой Англии, и повсюду она возглавляла практические реформы. Его богословие принимало разный вид в разных странах, в которые проникло, но сохраняло свои основные черты».

Доктор ДЖОРДЖ П. ФИШЕР (род. в 1827)

Профессор церковной истории в Йельской школе богословия. Конгрегационалист.

Из его *History of the Reformation*. New York, 1873, pp. 206, 238.

«Когда мы видим его необыкновенный интеллект, его культуру — которую вынуждены хвалить даже его противники, такие как Боссюэ, — непоколебимую энергию, которая побуждала его с более чем стоическим терпением сносить телесные немощи, которые победили бы большинство людей, и выполнять, несмотря на них, невероятное количество умственных трудов, когда мы видим его, ученого, от природы склонного к уединению, физически робкого, избегающего известности и раздоров, предпочитающего заниматься любимым делом, но устремляющегося, с решимостью, бескорыстным рвением и неукротимой волей, на жестокую и длительную борьбу, — когда мы следуем по его стопам и видим, что он совершил, мы не можем отрицать его величия...

Его последние дни были такими же, как и вся его жизнь. Вине сравнивал его биографию с ростом побегов дерева или с цепочкой логических рассуждений. Он был наделен чудесным даром понимания, хотя воображение и чувства были меньше в нем развиты. Его систематический дух сделал его способным выстроить фундаментальную систему мысли. В этом плане его можно сравнить с Аквинатом. Его правильно называли Аристотелем Реформации. Это был исключительно честный человек. Он подчинял свою волю вечному закону истины, насколько он мог ее обнаружить. Его побуждения были искренними. Он чувствовал, что Бог с ним, и жертвовал всем, чтобы подчиниться зову провидения. Страх Божий руководил его душой. Это был не рабопепный страх, но принцип, который воодушевлял пророков Ветхого Завета. Сочетание этих качеств было таким, что он не мог не вызывать глубокое восхищение и почтение одних людей — и чрезвычайную неприязнь других. Ни об одном реформаторе в наше время не говорят с такой страстью, будь то уважение или отвращение. Но кто изучает его жизнь и произведения, особенно те немногие отрывки, в которых он искренне говорит о себе и пробуждает наши симпатии, — тот всё больше и больше понимает его интеллектуальное и моральное величие и прощает ему его ошибки».

Дж. Дж. ХЕРРИК, доктор богословия

Служитель-конгрегационалист церкви Маунт-Вернон, Бостон.

Из *Some Heretics of Yesterday*. Boston, 1890, pp. 210 sqq.

«Кальвин собрал духовные и интеллектуальные силы, которые были приведены в действие движением Реформации, направил и систематизировал их и связал их в единство мастерством своей логической мысли, как река вбирает в себя дожди и ручьи, талые воды и росу и направляет всё это в одно русло силой и прямою своего мощного течения. Деятельность Лютера была импульсивной, магнетической, популярной, взывала к чувствам и ощущениям, а деятельность Кальвина — логичной и конструктивной, взывала к пониманию и разуму. Он был систематизатором Реформации...

Труды Кальвина имели национальное значение, но не только. Он дал Реформации всеобщность, не уступающую всеобщности той гигантской системы, с которой они [реформаторы] воевали. Кальвин больше, чем кто-либо из живших на земле, заслуживает звания папы протестантизма. Уже при его жизни с его мнением считались короли и прелаты, и даже после его смерти его враги признают его власть. Паписты называют его «Наставления» «Кораном» еретиков... Он противопоставил авторитет авторитету. Он сохранил и продолжил то, о чем заявил с присущей его умственным убеждениям ясностью, энергией и силой. Авторитет Римского папы был основан на почтенной традиции прошлого, которая крепла веками, а авторитет протестантского папы — на логической структуре, которую он сам выстроил в камне, взятом из библейских утверждений, истолкованных правоммерным способом...

Сам этот человек — одно из чудес всех времен, и его дело достойно восхищения. Оно выше всех похвал, какие я мог бы произнести. Хотя сам он не терпел других богословских мнений и хотел бы всякое рассуждение сковать цепью своей собственной логики, XIX век так же обязан ему, как и Лютеру. Его труды были важным шагом человеческого бытия по направлению к демократической свободе. Они помещали отдельного человека в присутствие живого Бога и заставляли любую душу, будь она принцем или нищим, чувствовать собственную ответственность и зависимость от Того, Кто один от вечности постановил, полетит птица или упадет. Из этого логического взгляда на равенство

всех людей в присутствии Яхве он сделал вывод о подлинно республиканском характере церкви и положил начало теории, которой все американцы, особенно в Новой Англии, обязаны своим богатым наследством. Он дал миру то, чего не было раньше, — величественное и последовательное представление о царстве Божьем, управляющем делами людей, о красоте и блаженстве истинного христианского государства, о возможности существования града Божьего — всеобщего подчинения человеческих душ Божьей власти...»

Свидетельства о системе дисциплины Кальвина см. ниже, §110.

ГЛАВА IX

ИЗ ФРАНЦИИ В ШВЕЙЦАРИЮ

§69. Юность и воспитание Кальвина

CALVINI *Opera*, vol. XXI (1879). — О Нуайоне и семье Кальвина, JACQUES LE VASSEUR (доктор богословия, каноник и декан собора Нуайона): *Annales de l'église cathédrale de Noyon*. Paris, 1633, 2 vols. quarto. — JACQUES DESMAY (доктор Сорбонны, генеральный викарий епархии Руана): *Remarques sur la vie de Jean Calvin tirées des Registres de Noyon, lieu de sa naissance*. Rouen, 1621.

THOMAS M'CRIC (ум. в 1835): *The Early Years of Calvin. A Fragment*. 1509 — 1536. Ed. William Ferguson. Edinburgh, 1880 (199 pp.). Посмертный труд ученого автора биографий Нокса и Мелвилла.

ABEL LEFRANC: *La Jeunesse de Calvin*. Paris (33 rue de Seine), 228 pp.

См. также биографии Кальвина: HENRY, полный труд, vol. I, chs. I-VIII (сокращенное издание 1846, pp. 12-29); DYER (1850), pp. 4-10; STÄHELIN (1862) I. 3-12; *KAMPSCHULTE (1869), I. 221-225.

«Как Давид был взят из пастухов и вознесен к высшей власти, так Бог вывел меня из моего темного и неизвестного положения и счел меня достойным того, чтобы облечь почетной должностью проповедника и служителя Евангелия. Когда я был еще очень мал, мой отец хотел отправить меня изучать богословие. Однако затем, когда он посчитал, что профессия юриста обычно обогащает тех, кто занимается ею, такая перспектива вынудила его неожиданно поменять решение. И случилось так, что я перестал изучать философию и начал изучать право. Я усердно занимался этим, покорный воле своего отца, но Бог, тайно ведший меня Своим провидением, в конце концов направил мои стопы иначе. Поскольку я следовал суевериям папства слишком упорно, чтобы с легкостью выбраться из столь глубокой трясины, Бог сначала, внезапным обращением, подчинил мой разум, привел его в обучаемое состояние, так что я больше обеспокоился вопросами, интереса к которым вряд ли можно было ожидать от молодого человека. А вкусив истинного благочестия и познав его, я тут же воспламенился таким сильным желанием преуспеть в нем, что хотя и не оставлял прочих занятий, но стал заниматься ими с меньшим усердием»³⁸².

Это скупой рассказ самого Кальвина о юности и обращении в предисловии к его комментарию на Псалтирь, когда он говорит о жизни Давида, с которой перекликается его собственный духовный опыт. Только однажды он еще раз упоминает, очень кратко, о перемене своих религиозных взглядов. В ответе кардиналу Садолегу он заверяет, что, оставив папскую партию, не думал о собственных мирских интересах. «Я мог бы, — говорит он, — без труда достичь предела своих желаний, а именно, наслаждаться работой литератора, вольным и почетным положением»³⁸³.

³⁸² *Opera*, XXXI. 21 (на латыни и французском).

Лютер более пространно вспоминал о своей трудной юности, о своей монашеской жизни и о том, как он открыл для себя учение об оправдании одной лишь верой, которое умиротворило и успокоило его встревоженную совесть.

Жан Кальвин³⁸⁴ родился 10 июля 1509 г. — через двадцать пять лет после Лютера и Цвингли — в Нуайоне, древнем кафедральном городе, называемом *Noyon-la-Sainte*, так как в нем было много церквей, монастырей, священников и монахов, в северной провинции Пикардии, где родился также монах-крестоносец Петр Амьенский, вожди французской Реформации и контрреформации (лиги) и многие революционеры и реакционеры³⁸⁵.

Его отец, Жерар Ковен, человек с жестким и суровым характером, занимал важное положение как секретарь епископа Нуайона, проктор капитула епархии и фискальный прокуратор графства. Он был близок к самым известным семействам города³⁸⁶. Его мать, Жанна Лефранк, из Камбре, славилась своей красотой и благочестием, но умерла совсем молодой и не упоминается в его письмах. Отец женился во второй раз. У него начались финансовые затруднения, и он был отлучен, вероятно, по подозрению в ереси. Он умер 26 (или 25) мая 1531 г. после продолжительной болезни и был бы похоронен в неосвященной земле, если бы не вмешательство его сына Шарля, который обязался выплатить долги своего отца³⁸⁷.

У Кальвина было четыре брата и две сестры³⁸⁸. Двое братьев умерли молодыми, другие двое получили образование клириков и быстро удостоились бенефициев благодаря влиянию отца.

Шарль, старший брат, стал капелланом собора в 1518 г. и кюре в Рупи, но прослыл еретиком или неверующим, был отлучен в 1531 г. и умер 1 октября 1537 г., отказавшись от таинства на смертном одре. Он был похоронен ночью между четырьмя столбами виселицы³⁸⁹.

Его младший брат, Антуан, был капелланом в Турнеролле, недалеко от Траверси, но принял евангельскую веру и, вместе со своей сестрой Мари, последовал за реформатором в Женеву в 1536 г. Антуан держал там книжную лавку, получил гражданство благодаря заслугам своего брата (1546), был избран членом совета двухсот (1558) и совета шестидесяти (1570), а также одним из директоров больницы и умер в 1573 г. Он был женат три раза и развелся со своей второй

³⁸³ *Opera*, V. 388 sqq.

³⁸⁴ Латинизированная форма от *Cauvin* или *Chauvin*. *Alcuin*, одно из его предполагаемых имен, — это анаграмма от *Calvin*. См. *La France Protest.*, III. 518, note. Он принял имя *Calvinus* в своей книге о Сенеке, 1532 г.

³⁸⁵ Мишле (*Histoire de France*, XI. 88) называет Пикардию «страной, плодотворной на революционеров, пылких друзей человечества». Лефранк пишет (р. 24): «Два противоположных движения, французская Реформация и лига, которая наиболее ожесточенно с ней боролась, родились в одной и той же области». Нуайон находится в 108 км на север-северо-восток от Парижа. Окружен садами. В нем есть большой древний собор, дворец епископа, больница, семинария, несколько общественных фонтанов, фабрики льна, тюли, оливкового масла, кожи. Ведется оживленная торговля. Население составляет около 6000 человек. Из Lippincott, *Gazetteer*, p. 1620.

³⁸⁶ «Должность секретаря епископа была его первой должностью, потом он стал секретарем капитула, секретарем суда, фискальным прокуратором графства. В каком-то смысле он был секретарем всего клира в Нуайоне». Lefranc, p. 2.

³⁸⁷ Lefranc, pp. 17, 199. Herminjard, II. 394. Бользек в своей *Histoire de Calvin* называет Жерара Ковена «презренным богохульником». Вероятно, он путает Жерара с его старшим сыном, Шарлем.

³⁸⁸ См. родословную в Henry, vol. III; Beilage, 16, p. 174.

³⁸⁹ *Carolus ejus frater et presbyter Novioduni mortuus noctu et clam sepultus est inter quatuor columnas furcae publicae quia Eucharistiam sumere noluerat*. Papire Masson, *Vita Calv.*; Lefranc, pp. 18-21, 210.

женой, дочь беженца, из-за ее доказанного прелюбодеяния (1557). Кальвин вынужден был невинно пострадать из-за этого скандала, но сделал Антуана и его пятерых детей главными наследниками своего незначительного имущества³⁹⁰.

Другая сестра Кальвина вышла замуж в Нуайоне и, похоже, осталась в лоне Римской Католической церкви.

Родственник и соотечественник Кальвина Пьер Робер, прозванный Оливетаном, принял протестантизм за несколько лет до него и изучал греческий и еврейский языки с Буцером в Страсбурге в 1528 г.³⁹¹ Он присоединился к Фарелю в Невшателе и выпустил там свой перевод Библии на французский язык в 1535 г.

Больше чем через сто лет после смерти Кальвина другой представитель этой семьи, Элуа Ковен, монах-бенедиктинец, перебрался из Нуайона в Женеву и принял реформатскую веру (13 июня 1667 г.)³⁹².

Эти и другие факты показывают, сколь сильны были антипапские настроения в семействе Ковенов. В 1561 г. большое количество выдающихся жителей Нуайона подозревались в ереси, а в 1562 г. капитул Нуайона выпустил вероисповедание против учений Кальвина³⁹³.

После смерти Кальвина протестантизм был полностью искоренен в его родном городе.

Начальное образование Кальвин получил вместе с детьми благородного семейства де Моммор (не Монмор), к которому он был с благодарностью привязан. Он учился быстро, приобрел изящные манеры и отчасти аристократический вид, отличавший его от Лютера и Цвингли. Один сын де Моммора сопровождал его в Париж, а затем последовал за ним в Женеву.

Его амбициозный отец сначала предназначил его для профессии клирика и даже обеспечил для него, на двенадцатом году жизни (1521), часть дохода капеллана при соборе Нуайона³⁹⁴. На восемнадцатом году Кальвин получил вдобавок место каноника в Сен-Мартен-де-Мартвиль (27 сентября 1527 г.), хотя не достиг еще канонического возраста и только что получил тонзуру.

Такие шокирующие нарушения правил были частыми в то время. Совмещение многих служений и отсутствие клириков на месте служения были вопиющими, но распространенными злоупотреблениями в церкви, хотя очень часто осуждались и запрещались на соборах. Шарль де Анжест, епископ Нуайона, в возрас-

³⁹⁰ Беза в конце его латинской *Vita Calv.* (в Calvin, *Opera*, XXI. 171), и Lefranc, *l. c.*, p. 184.

³⁹¹ Письмо Буцера к Фарелю от 1 мая 1528 г. в Herminjard, II, no. 232, и *Opera*, X. Pt. I, p. 1. *Juvenis Noviodunensis*, упоминаемый там, — не Кальвин, как думает Кампшulte (I. 231), а, вероятно, Оливетан. У нас нет сведений о таком раннем визите Кальвина в Страсбург.

³⁹² *La France Prot.* III. 639.

³⁹³ См. список фамилий и профессий в Lefranc, 216 sqq. Однако он заходит слишком далеко, когда утверждает (p. x sq.): «Если внимательно изучить факты, становится видно, что Кальвин уже из родного города вышел протестантом. Именно там родились его идеи. Там он нашел самую твердую поддержку, самых пылких друзей и самых преданных последователей. В определенный момент половина населения выступила на его стороне. Примечательно, что существенное количество его соотечественников, в том числе известных в городе лиц, последовало за ним в Женеву. В течение всей своей жизни Кальвин активно поддерживал отношения со своим родным городом и теми верующими, которые остались там». Кальвин обратился только в 1532 г. См. §72.

³⁹⁴ Дезме (на основании летописи Нуайона, см. *Op.* XXI. 189) пишет: «Жан Кальвин получил долю дохода от часовни Девы Богородицы при соборе Нуайона». В Нуайоне было четыре капеллана. Первые двое по очереди читали утреннюю мессу. Жан Кальвин не был рукоположен, поэтому ему надо было платить священнику, который делал бы это за него (Lefranc, p. 10). Цвингли получал от папы жалование даже после того, как начал дело Реформации. См. выше, §8. Конечно, это было неправильно, но в то время считали по-другому.

те пятнадцать лет получил от папы право «занимать любые должности, сочетаемые и несочетаемые, светские и церковные, *etiam tria curata*», а его племянник и преемник Жан де Анжест был избран епископом в девятнадцать лет. Оде де Шатильон, брат знаменитого Колиньи, стал кардиналом на шестнадцатом году жизни. Папа Лев X принял тонзуру мальчиком семи лет, стал архиепископом на восьмом году и кардиналом-диаконом на тринадцатом году жизни (с тем ограничением, что он не будет носить регалии своего сана и выполнять обязанности до шестнадцати лет), — не говоря уже о том, что он был каноником трех соборов, ректором шести приходов, приором трех монастырей, аббатом тринадцати аббатств и епископом Амальфи и от всего этого получал доход!

Кальвин отказался от капелланства в пользу своего младшего брата 30 апреля 1529 г. Он обменял Сен-Мартен на приход в Понт-л'Евеке (место рождения его отца) 5 июля 1529 г., но отказался и от него 4 мая 1534 г., перед тем как покинуть Францию. В последнем приходе он иногда проповедовал, но никогда не отправлял таинства, так как не был рукоположен священником³⁹⁵.

Доход от должности капеллана позволил ему продолжить обучение в Париже вместе с его благородными товарищами. Он поступил в коллеж Де-ла-Марш в августе 1523 г., на четырнадцатом году жизни³⁹⁶. Он обучался грамматике и риторике у опытного и знаменитого учителя Матурена Кордьера (Кордата). Он научился у него думать и писать по-латыни и посвятил ему, в благодарную память, свой комментарий на Первое послание к фессалоникийцам (1550). Кордьер потом стал протестантом и директором Коллежа Женевы, где и умер в возрасте восьмидесяти пяти лет, в том же году, что и Кальвин (1564)³⁹⁷.

Из коллежа Де-ла-Марш Кальвин был переведен в строго церковный коллеж Де-Монтань, где преподавали философию и богословие под руководством одного ученого испанца. В феврале 1528 г. Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов, поступил в этот же коллеж и учился у того же преподавателя. Вожди двух противоположных течений в религиозном движении XVI века жили под одной крышей и сидели за одним столом.

В этот ранний период жизни Кальвин уже проявил выдающиеся черты своего характера. Он был добросовестным, усердным, молчаливым, замкнутым, с чувством долга и чрезвычайно религиозным³⁹⁸. Предание, в достоверности которого мы не уверены, гласит, что соученики называли его «аккузативом» (обвинителем), потому что он всех упрекал³⁹⁹.

³⁹⁵ Беза говорит: *Quo loco [Pons Episcopi] constat Calvinum, antequam Gallia excederet, nullis alioqui pontificis ordinibus (unquam) initiatum, aliquot ad populum conciones habuisse. Op. XXI. 121. Unquam* нет в тексте, но оно добавлено в примечаниях. Во французской биографии Колладона написано: «В котором кюре потом иногда проповедовал, пока не удалился из Франции». *Ibid.* 54.

³⁹⁶ Эту дату приводят Kampschulte (I. 223), Lefranc (p. 14) и другие. Согласно *Opera*, XXI. 189, Кальвин был *Corderii discipulus in Collegio de la Marche Lutetice* в 1529 г., но в этом году он был студентом университета. Есть некоторая путаница в датах, связанных с периодом его обучения в Париже.

³⁹⁷ Кордьера называли *linguae, morum vitaeque magister*. Он был Ролленом XVI века. Он написал *Rudimenta grammaticae; Le miroir de la jeunesse; Commentarius puerorum* и т. д. См. Lefranc, p. 62, и «Bulletin de la Soc. de l'hist. du Protest. français», XVII. 449.

³⁹⁸ Beza-Colladon (XXI. 54): «Что касается его нравов, то он был очень сознательным, врагом порока и более предназначенным для служения Богу, чем для занятий правом, — настолько, что сердце его всецело было предано богословию и отец его решил, что он должен им заниматься». В *Vita* на латыни Беза говорит, что Кальвин был *tenera aetate mirum in modum religiosus*. С этим совпадает свидетельство католика Флоримона де Ремона, цитируемое выше.

ПРИМЕЧАНИЕ. КЛЕВЕТНИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ ЮНОСТИ КАЛЬВИНА

Через тринадцать лет после смерти Кальвина Бользек, его злейший враг, некогда католик, потом протестант, а потом опять католик, написал клеветническую историю его жизни (*Histoire de la vie, moeurs, actes, doctrine, constance, et mort de Jean Calvin*, Lyon, 1577, переизд. Louis-François Chastel, Magistrat, Lyon, 1875, pp. 323, со вступлением в 31 стр.). Он представляет Кальвина как «человека амбициозного, несдержанного, высокомерного, жестокого, коварного, мстительного и невежественного (!) более, чем кто-либо в этом мире» (p. 12).

Помимо прочих невероятных историй, Бользек сообщает, что Кальвин в молодости был заклеимен (*fleur-de-lys*, клеймо с национальным цветком французской лилии) в Нуайоне за ужасное преступление и бежал из Франции в позоре. «Кальвин, — говорит он (p. 28 sq.), — получив место кюре и капеллана, был пойман и осужден за содомский грех, за который его могли сжечь, как обычно было принято; но епископ этого города [Нуайона] из сострадания велел смягчить наказание и заклеить его цветком лилии на плече. Кальвин, скрываясь от такого позора, отказался от двух своих бенефициев в пользу кюре Нуайона, от которого получил некоторую сумму денег, и отправился в Германию и Италию. Ища приключений, он проезжал через город Феррару, где получил пособие от госпожи герцогини». Бользек ссылается на господина Бертелье, секретаря Женевского совета, который, как он говорит, был послан в Нуайон, чтобы провести расследование о юных годах Кальвина и видел документ о его позоре. Но больше никто не видел такого документа, и если бы он существовал, враги использовали бы его против Кальвина. Этой истории противоречит всё, что мы знаем о Кальвине из первоисточников, и ее прекрасно опроверг Дрелинкур, а в недавнее время — Лефранк (p. 48 sqq., 176-182). Кампшulte (I. 224, note 2) объявляет ее недостойной серьезного опровержения. Однако католики часто ссылаются на нее, вплоть до Одена.

Эта история — либо коварная ухала, либо она возникла вследствие путаницы между реформатором и более молодым человеком с тем же именем (Jean Cauvin), капелланом той же самой церкви в Нуайоне, который, похоже, был наказан за грех другого характера («за то, что держал в своем доме женщину легкого поведения») в 1550 г., то есть примерно двадцать лет спустя, и который не был еретиком, но умер как «добрый католик» (сообщает Левассер в *Annales de Noyon*, p. 1170, цит. в Lefranc, p. 182). Б. К. Галифф, враг Кальвина, склоняется к последнему мнению (*Quelques pages d'histoire exacte*, p. 118).

О реформаторе ходили и другие мифы. Например, что он был сыном наложницы священника, что он был неумерен в еде, что он украл в Орлеане серебряную чашу и т. д. См. Lefranc, pp. 52 sqq.

Подобные вымыслы распространяются о многих великих людях. Синедрион, который распял Господа, распространял слух о том, что ученики украли Его тело и обманывают всех. Еретик-евийниты говорили, что обращение Павла было вызвано разочарованием и местью за предполагаемое оскорбление со стороны первосвященника, который отказался дать ему в жены свою дочь. Давно забытый миф о самоубийстве Лютера был возрожден в нашем веке (1890) католическими священниками (Majunke и Honef) в интересах ожившего ультрамонтанства, и тысячи людей верят ему, несмотря на неоднократные опровержения.

§70. Кальвин как студент французских университетов.

1528 — 1533

Послания Кальвина с 1530 по 1532 гг., в основном адресованные его соученику Франсуа Даниэлю из Орлеана, в JULES BONNET, эдинбургское издание Calvin, *Letters*, I. 3 sqq.; HERMINJARD, II. 278 sqq.; *Opera*, X. Part II. 3 sqq. Его первое письмо к Даниэлю датировано *Melliani, 8 Idus Septembr.*, и Герминьярд с Ройссом относят его к 1530 (а не к 1529) г. *Mellianum* — это Мельян, к югу от Буржа (и его не следует путать с Мо, как произошло в эдинбургском издании).

См. также BEZA-COLLADON, в *Op.* XXI. 54 sqq., 121 sqq. L. BONNET: *Études sur Calvin*, в «Revue Chrétienne», 1855. — KAMPSCHULTE, I. 226-240; M'CRUE, 12-28; LEFRANC, 72-108.

Кальвин получил лучшее образование — в области гуманитарных наук, права, философии и богословия, — какое могла тогда дать Франция. Он обучался по очереди в трех ведущих университетах — Орлеана, Буржа и Парижа с 1528 по 1533 гг., сначала на священника, потом, по желанию своего отца, на юриста,

³⁹⁹ Le Vasseur, p. 1158. Беза подтверждает эти сведения, говоря, что Кальвин был *severus omnium in suis sodalibus censor*.

что обещало более удачную карьеру. После смерти отца он опять, с удвоенным рвением, вернулся к изучению гуманитарных наук и в конце концов богословия.

Он учился так хорошо, что иногда заменял профессоров. Его считали скорее учителем, чем студентом⁴⁰⁰. Память о том, как Кальвин ночами занимался допоздна, сохранилась в Орлеане и Бурже на долгие годы. Благодаря чрезвычайно трудолюбию он наполнил свою память ценной информацией, но подорвал здоровье и страдал от головной боли, расстройств пищеварения и бессонницы, что будет продолжаться, в большей или меньшей степени, всю его последующую жизнь⁴⁰¹.

Хотя он избегал шумных развлечений студенческой жизни, в свободное время он наслаждался общением со студентами, которые были похожи на него по характеру. Среди них было три молодых юриста, Дюшмен, Коннан и Франсуа Даниэль, которые чувствовали необходимость реформ и были сторонниками прогресса, но остались в лоне старой церкви. Его послания этого периода короткие и сжатые. Из них видна любовь к порядку и пунктуальности, сознательное внимание как к великим вещам, так и к малым, но нет ни следа возражений против традиционной веры.

Его основным учителем греческого и еврейского был Мельхиор Фольмар, немецкий гуманист из Ротвейля, ученик Лефевра, преподававший в университетах Орлеана и Буржа, а потом в Тюбингене, где он и умер в 1561 г. Он открыто симпатизировал лютеранской Реформации и, возможно, оказал какое-то влияние в этом духе на своего ученика, но подлинной информации об этом у нас нет⁴⁰². Кальвин был очень близок с ним и не мог не обсуждать религиозные проблемы, которые тогда потрясали Европу. С благодарностью вспоминая о нем, он посвятил ему свой комментарий на Второе послание к коринфянам (1 августа 1546 г.)⁴⁰³.

Его учителями права были два великих юриста того времени, Пьер д'Этуаль (Петр Стелла) из Орлеана, который был консерватором и стал президентом Парижского парламента, и Андреа Альчати из Буржа, родом из Милана, который был сторонником прогресса и продолжил свою академическую карьеру в Болонье и Падуе. Кальвину интересен был спор этих соперников, и он написал небольшое предисловие к *Antapologia* своего друга, Николя Дюшмена, в поддержку Этуала⁴⁰⁴. Он получил степень лиценциата, или бакалавра права, в Орлеане 14 февраля 1531 (1532) г.⁴⁰⁵ Когда он покидал университет, ему предложили степень док-

⁴⁰⁰ *Doctor potius quam auditor*, — пишет Беза, который учился в тех же университетах несколько лет спустя и жил в Орлеане в доме или пансионе Дюшмена, друга Кальвина.

⁴⁰¹ Беза (XXI. 122): *Quibus continuatis vigiliis ille quidem solidam eruditionem et excellentissimam memoriam est consequutus, sed etiam vicissim, ut verissimum est, ventriculi imbecillitatem contraxit, quae varios ipsi morbos et tandem etiam intempestivam mortem attulit*.

⁴⁰² Флоримон де Ремон (склонный дискредитировать французскую Реформацию, объявляя ее происходящей из иноземного, немецкого источника) утверждает, что Фольмар первым внес ересь в разум Кальвина и посоветовал ему поменять кодекс Юстиниана на Евангелие Христа. Но Кальвин и Беза (*Op.* XXI. 122) хотя и с уважением отзываются о Вольмаре как учителе и друге, но ничего не говорят о его религиозном влиянии.

⁴⁰³ *Opera*, XII, no. 814. Он извиняется за свое долгое молчание. Переписка с Фольмаром утрачена, но, может быть, ее еще найдут.

⁴⁰⁴ 6 марта 1531 г. Herminjard, II, 314 sq., no. 328; Lefranc, 79 sq.

⁴⁰⁵ В *Op.* XXI. 190 написано про 1532 г. «Актом сего дня [14 февраля] мэтр Жан Кальвин объявляется лиценциатом права». В документе, связанном с наследством покойного Жерара Ковена, который Лефранк (р. 202) цитирует по Левассеру (*Annal.*, p. 1169) и относит к 14 февраля 1531 г., Кальвин упомянут как *licentié ès loix*.

тора юриспруденции бесплатно, с единогласного согласия профессоров⁴⁰⁶. С ним советовались по поводу развода Генриха VIII, когда эту проблему решали все университеты и ученые континента. Он высказал мнение, что незаконно жениться на вдове брата⁴⁰⁷.

Изучение юриспруденции обострило его ум, обогатило знание человеческой природы и было очень полезно для организации и администрации в церкви Жене-вы, но, может быть, также усилило его внимание к букве закона и чрезмерную веру в логические доказательства.

Летом 1531 г., после посещения Нуайона, где он повидался со смертельно больным отцом, Кальвин опять отправился в Париж, в сопровождении своего младшего брата Антуана. Он встретил здесь несколько своих товарищей по Орлеану и Буржу. Один из них предложил ему дом своих родителей, но он отказался и поселился в коллеже Форте, где мы вновь встречаем его в 1533 г. Часть этого года он провел в Орлеане.

Теперь, когда он сам мог распоряжаться своей судьбой, он снова обратил внимание на классические науки. Он посещал лекции Пьера Дане, эллиниста, человека энциклопедической учености и прекрасной репутации⁴⁰⁸.

Он еще не был в оппозиции к Католической церкви. В его переписке говорится о дружбе и о делах, но не упоминается религиозных вопросов. Когда Даниэль попросил его представить его сестру настоятельнице женского монастыря в Париже, в который она хотела поступить, он выполнил просьбу и не пытался ее отговорить. Он только попросил ее не надеяться на собственные силы, но полностью уповать на Бога. Это, по крайней мере, показывает, что он потерял веру в заслуги обетов и добрые дела и приближался к сути евангельской системы⁴⁰⁹.

Он много общался с богатым и достойным торговцем Этьеном де ла Форжем, который позже был сожжен за благовестие (1535).

Похоже, в Париже он сильно страдал от денежных затруднений. Доходы от его бенефициев были нерегулярными, ему надо было платить за печатание своей первой книги. В конце 1531 г. он занял две кроны у своего друга Дюшмена. Он выразил надежду, что скоро отдаст свой долг, но всегда останется должником в том, что касается дружеской помощи.

Стоит отметить, что даже те из друзей, кто не захотел последовать его религиозным реформам, остались ему верны. Этим прекрасно опровергается обвинение в холодности, которое против Кальвина часто выдвигают. Франсуа Даниэль из Орлеана возобновил переписку с ним в 1559 г. и доверил ему обучение своего сына Пьера, который позже стал адвокатом и бейлифом Сен-Бенуа близ Орлеана⁴¹⁰.

⁴⁰⁶ *Absque ullo precio, summo docentium omnium consensu*, — говорит Беза (Op. XXI. 122). Колла-дон (f. 54) утверждает, что Кальвин отказался от предложения (*ce que toutesfois il refusa*), но непонятно, имеет он в виду освобождение от платы или саму степень; вероятно, первое.

⁴⁰⁷ Gerdes, IV. 201; M'Crie, 63; Dyer, *Life of Calvin*, p. 8. Burnet, в своей *Hist. of the Ref. of the Ch. of England* (part I, bk. II), упоминает письмо Кальвина на эту тему, которого я не смог найти у Герминьярда.

⁴⁰⁸ Лефранк (p. 89) называет его «одним из самых глубоких и мощных умов этого Возрождения, в котором действовало множество разносторонних гениев», и цитирует двустийшие:
*Magnus Budaeus ille,
Argivos norat, iste etiam Deliquos.*

⁴⁰⁹ *Nolui eam deducere a sententia... sed paucis admonui, ne suis se viribus efferret, ne quid sibi de se temere promitteret, sed omnia reponeret in Dei virtute, in quo sumus et vivimus*. Herminjard, II. 347.

§71. Кальвин как гуманист. Комментарий к Сенеке

L. Annei Senecae, Romani Senatoris, ac philosophi clarissimi, libri duo de Clementia, ad Neronem Caesarem: Joannis Caluini Nouiodunaei commentariis illustrati... Parisiis... 1532. Quarto. Репринты в 1576, 1597, 1612, и, по *ed. princeps*, в *Opera*, vol. V (1866), pp. 5-162. Комментарию предшествует письмо с посвящением, очерк о жизни Сенеки.

Н. LECOULTRE: *Calvin d'après son commentaire sur le «De Clementia» de Sénèque* (1532). Lausanne, 1891 (pp. 29).

В апреле 1532 г. Кальвин, на двадцать третьем году жизни, осмелился представить публике свой первый труд, который был напечатан за его собственный счет и свидетельствует о его литературных вкусах и его образовании. Это комментарий на книгу Сенеки «О милосердии». Кальвин объявляет о выходе комментария Даниэлю словами: *Tandem jacta est alea*. Кальвин послал экземпляр Эразму, который опубликовал труды Сенеки в 1515 и 1529 гг. Он называет его «честью и наслаждением в мире литературы»⁴¹¹. Труд посвящен Клоду де Анжесту, его бывшему соученику из семейства Момморов, в то время бывшему аббатом Сен-Элуа в Нуайоне.

Эта книга принадлежит к области классической филологии и моральной философии. Она показывает характерную для Кальвина любовь к лучшему типу стоицизма, прекрасное знание греческой и римской литературы⁴¹², мастерское владение латынью, редкие эзегетические навыки, здоровое и ясное мышление, проницательное восприятие зол деспотизма и недостатков правосудия, но о христианстве в ней ничего нет.

Это труд чисто гуманистический, а не труд апологета и не труд реформатора. У нас нет свидетельств того, что этот труд следует рассматривать как иносказательную просьбу о терпимости и милосердии к гонимым протестантам. Автор не обращается к королю Франции, а предполагаемое сравнение Франциска с Нероном в случайном упоминании о гонениях Нерона сделало бы такое обращение бесполезным⁴¹³.

Кальвин, подобно Меланхтону и Цвингли, начал как гуманист. И, как они, он поставил лингвистическую и литературную культуру Возрождения на службу Реформации. Все они восхищались Эразмом, пока тот не выступил против Реформации, для подготовки которой он столько сделал. Они смело пошли вперед там, где он робко отступил. Они любили религию больше, чем литературу. Они восхищались языческими классиками, но последовали за апостолами и евангелистами, как наставниками в высшей Божьей мудрости.

⁴¹⁰ См. последние три письма от Кальвина к Даниэлю (1559 и 1560) в *Opera*, vol. XVII. 584, 680; XVIII. 16. Лефранк говорит (р. 77): «Нет ничего трогательнее этой переписки, где суровый реформатор демонстрирует терпимость и приветливое добродушие, которые не были для него характерны... Эта переписка позволяет нам увидеть Кальвина любящего и деликатного, который обычно нам незнаком благодаря рвению Бользеков и Оденов». Существует монография на немецком: *Pierre Daniel d'Orleans*, автор — Гаген из Берна, переведена на французский Полем де Фелисом, Orleans, 1876.

⁴¹¹ *Litterarum alterum decus ac primae deliciae*. В письме-посвящении к Клоду де Анжесту от 4 апреля 1532 г., которое опубликовано также в Herminjard, II. p. 411.

⁴¹² Он свободно цитирует Аристотеля, Плутарха, Вергилия, Ливия, Овидия, Горация, Плиния, Квинтилиана, Курция, Макробия, Теренция, Диогена Лаэрта и особенно своего любимого Цицерона, которого в течение какого-то времени он имел обыкновение перечитывать раз в год. Лекультр в приложении приводит перечень трудов, которые цитирует Кальвин. Он полагает, что в душе Кальвин уже тогда был протестантом.

⁴¹³ *Quum Nero diris supplicii impotenter saeviret in Christianos*. Op. V. 10. Анри, Герцог, Дорнер и Гизо предполагают апологетическую задачу труда, а Штагелин и Кампшulte отрицают ее.

§72. Обращение Кальвина. 1532

Предисловие к его комментарию на Псалтирь (*Opera*, XXXI. 21, 22, латинский и французский текст в параллельных колонках), также его ответ Садолету (*Opera*, V. 389). См. выше, §69.

HENRY, I, ch. II. STÄHELIN, I. 16-28. KAMPSCHULTE, I. 230. LEFRANC, 96 sqq.

Перед Кальвином открывалась блестящая карьера гуманиста, юриста или церковного деятеля, когда он внезапно встал на сторону Реформации и связал свою судьбу с гонимой сектой.

Идеи Реформации витали в воздухе, и образованные люди не могли избежать их влияния. Семя, посеянное Лефевром, дало ростки во Франции. Влияния из Германии и Швейцарии ощущались все больше и больше. Клир был против новых мнений, но образованные люди поддерживали их. Даже при дворе возник раскол: король Франциск I преследовал протестантов, а его сестра, Маргарита Ангулемская, королева Наваррская, защищала их. Как мог молодой ученый с таким не по годам развитым умом и такой усердный в занятиях, как Кальвин, остаться равнодушным к религиозным проблемам, волновавшим университеты Орлеана, Буржа и Парижа? Должно быть, он долго и тщательно штудировал Писание, чтобы приобрести такое знание его, какое он демонстрирует уже в первых своих богословских трудах.

Он говорит о своем обращении как о внезапном (*subita conversio*), но это не исключает предыдущей подготовки, как и в случае апостола Павла⁴¹⁴. Город может быть взят одним приступом, но после долгой осады. Кальвин не был неверующим и развратником. Напротив, он был преданным католиком с безупречным характером. Его обращение, следовательно, было переходом от католичества к протестантизму, от папистских суеверий к евангельской вере, от схоластической традиции к библейской простоте. Он не упоминает людей, которые подтолкнули его к этому, — даже Фольмара, Оливетана или Лефевра. «Сам Бог, — говорит он, — совершил эту перемену. Он вдруг принудил мое сердце к послушанию». Абсолютное подчинение его интеллекта слову Бога, а его воли — воле Бога. Вот какой была суть его веры. Он напрасно старался достичь покоя совести механическими методами романизма и только все сильнее ощущал свою греховность и вину. «Единственная гавань спасения, — говорит он, — открыта для наших душ, и это — милость Бога во Христе. Мы спасены благодатью — не своими заслугами, не своими делами». Почтение к церкви в течение некоторого времени удерживало его, пока он не научился отличать истинную, незримую, божественную суть церкви от ее внешней, человеческой формы и организации. Тогда знание истины, как яркий свет с небес, просияло в его сознании с такой силой, что ему осталось только подчиниться небесному голосу. Он не советовался с плотью и кровью и сжег за собой мосты.

Точное время и место, а также обстоятельства этой великой перемены неизвестны. Он очень мало рассказывал о себе. Вероятно, случилось это в Орлеане или Париже в конце 1532 г.⁴¹⁵ В письме от октября 1533 г. к Франсуа Даниэлю он впервые

⁴¹⁴*Quum superstitionibus papatus magis pertinaciter addictus essem, quam ut facile esset e tam profundo luto me extrahi, animum meum, qui pro aetate nimis obduruerat, subita conversione (par une conversion subite) ad docilitatem subegit.* *Opera*, XXXI. 21. Лефранк (р. 40) ослабляет значение этого важного отрывка.

⁴¹⁵Так считают Кампшulte (I. 242), Лефранк (р. 98, «во второй половине 1532 г.») и, очевидно, авторы страсбургского издания, vol. XXI, 191. Беза, похоже, относит обращение Кальвина к

говорит о Реформации в Париже, о ярости Сорбонны и о сатирической комедии против королевы Наваррской⁴¹⁶. В ноябре того же года он публично выступил против Сорбонны. В известном письме к Буцеру в Страсбург, написанном в Нуайоне 4 сентября (вероятно, в 1534 г.), он рекомендует ему одного французского беженца, ложно обвиненного в поддержке мнений анабаптистов, и говорит: «Я прошу тебя, мастер Буцер, если мои молитвы и мои слезы приносят какую-то пользу, чтобы ты посочувствовал ему и помог в его несчастье. Бедняки находятся на твоём попечении; ты — помощник сирот... Прощай, ученейший господин; всею душою твоей»⁴¹⁷.

Никогда не было перемены убеждений более чистосердечной, более радикальной, более плодотворной и более постоянной по результатам. Она поразительно похожа на еще более великое событие близ Дамаска, которое превратило фанатичного фарисея в апостола Иисуса Христа. Воистину, Кальвин был похож на апостола Павла по интеллектуальному и моральному складу характера, и у апостола высшей благодати и евангельской свободы не было более сочувственных толкователей, чем Лютер и Кальвин⁴¹⁸.

Без какого-либо намерения и усилий со своей стороны Кальвин стал главой евангельской партии менее чем через год после обращения. Искатели истины стекались к нему со всех сторон. Он напрасно пытался спрятаться от них. Каждое уединенное место превращалось в школу. Он утешал и укреплял робких братьев на тайных молитвенных собраниях. Он старался не демонстрировать свою ученость, но, как сообщает древняя хроника французской реформатской церкви, знания его были так глубоки, а речи так искренни, что никто не мог выслушать его и не оказаться под впечатлением. Обычно он начинал и завершал свои увещевания словами Павла: «Если Бог с нами, то кто против нас?» Такова основная идея его богословия и благочестия.

Кальвин оставался пока в Римско-католической церкви. Его задачей были реформы церкви изнутри, а не снаружи, но обстоятельства вынудили покинуть ее.

§73. Призвание Кальвина

Как и в случае с Павлом, призвание Кальвина к делу его жизни совпало с его обращением и подтвердилось его трудами. «По плодам их узнаете их».

Мы должны различать естественное (ординарное) и чудесным образом получаемое (экстраординарное) призвание — или призвание на служение Евангелию

более раннему времени (1528 или 1527 г.) и объясняет обращение влиянием Оливетана, как и Анри, и Мерль д'Обинье (I. 635). Штагелин (I. 21) относит его к 1533 г. Большую часть 1532 — 1533 гг. Кальвин провел в Орлеане. *Op.* xxi. 191.

⁴¹⁶ *Ep.* 19 в *Op.* X. Part II. 27. Bonnet, I. 12. Herminjard, III. 106. Lefranc, 109 sqq.

⁴¹⁷ *Tuus ex animo.* *Op.* X. Part II. 24. Bonnet, *Letters*, I. 9-11. Herminjard, III. 201, относит это письмо к 1534 г., но, скорее всего, оно относится к 1532 г. Письмо предполагает, что Кальвин уже был знаком с Буцером. Знакомство могло состояться, как говорит Кампшульте (I. 231), в 1528 г., если именно Кальвин был тем неназванным *poviodunensis juvenis*, которого Буцер, в письме к Фарелю от 1 мая 1528 г., упоминает как бежавшего в Страсбург от гонений в Орлеане для изучения греческого и еврейского языков; но, вероятно, Буцер все-таки имеет в виду Пьера Робера Оливетана, который также был из Нуайона и был родственником и другом Кальвина. Может быть, Оливетан и свел Кальвина с Буцером. Herminjard, II. 132 (note 5), считает, что этим молодым человеком был Фроман. Но Фроман был родом из Дофине, а не из Нуайона. См. *Op.* X. Part II. 1; xxi. 191.

⁴¹⁸ Оден, следуя по стопам Бользека, объясняет обращение Кальвина неудовлетворенными амбициями, тем самым являя, как справедливо замечает Кампшульте (I. 242), полное незнание и непонимание характера Кальвина, единственной амбицией которого было служение Богу.

и призвание к реформам в церкви. Естественное призвание необходимо для жизни, а чудесным образом получаемое призвание необходимо для благополучия церкви. Первое соответствует священству иудеев и продолжается посредством нерушимой преемственности, а второе напоминает миссию пророков и дается от случая к случаю, при необходимости. Служение реформаторов имеет много общего со служением апостолов. Есть основатели вселенской церкви, такие как Петр и Павел. А есть основатели отдельных церквей, такие как Лютер, Цвингли, Кальвин, Нокс, Цинцендорф, Весли. Но ни один из реформаторов не был непогрешимым.

1. Все реформаторы родились, крестились, прошли конфирмацию и воспитывались в исторической Католической церкви, которая отвергла их. И апостолы были обрезаны и учились в синагоге, которая тоже их отвергла. Реформаторы никогда не сомневались в значении католических таинств и отвергали мысль о повторном крещении. Кальвин, различая божественную сущность и человеческие дополнения, говорил о крещении: «Я отказываюсь от елєя, но сохраняю крещение»⁴¹⁹.

Реформаторы были также рукоположенными священниками Римской церкви, кроме Меланхтона и Кальвина — величайших богословов из всех них. Примечательное исключение. Меланхтон оставался мирянином всю свою жизнь, однако его авторитет как учителя несомненен. Кальвин стал служителем, но каким образом?

Он был, как мы видели, подготовлен и воспитан, чтобы стать католическим священником, и рано принял свою церковную tonsуру⁴²⁰. У него было два бенефиция, и иногда он проповедовал в Понт-л'Евеке, а также в Линьере, небольшом городке близ Буржа, где у слушателей создавалось впечатление, что «он проповедует лучше, чем монахи»⁴²¹.

Но он никогда не совершал мессы и никогда не получал так называемых высших чинов.

Когда он оставил Римскую церковь, во Франции не нашлось епископа евангельской церкви, который мог бы рукоположить его. Епископы пока оставались верны старой церкви, кроме двух или трех в Восточной Пруссии и Швеции. Если бы ценность христианского служения зависела от нерушимой преемственности епископов, которую, опять же, еще требуется доказать исторически, трудно было бы отстаивать Реформацию и возражать против притязаний Рима. Но реформаторы основывались на обещании Христа, вечно присутствующего с нами Главы церкви, Который одинаково близок сердцам людей всех времен. Они отвергали римско-католическое представление о рукоположении как божественно учрежденном таинстве, которое может совершаться только епископами и которое одно

⁴¹⁹ *Je renonce le cresseme, et retient mon Baptisme*. Colladon, в *Op.* XXI. 53.

⁴²⁰ Значение tonsуры оценивалось по-разному, но ее носители еще не принадлежали к нижнему рангу клира. Кальвин пишет (*Inst.*, IV, ch. 19, §22): «Некоторые представляют tonsуру клириков как нижнюю ступень, а епископство — как верхнюю; другие считают, что носители tonsуры еще не входят в клир и помещают над всеми архиепископа». Петр Ломбардский различал семь степеней священства, соответствующих семи дарам Святого Духа (Ис. 11:2,3) — церковные служки, чтецы, экзорцисты, аколумы, иподиаконы, диаконы, священники. Он считал епископов не отдельным *ordo*, а саном с четырьмя градациями — патриарх, архиепископ, митрополит, епископ. Некоторые ученые и канонисты насчитывают восемь или девять уровней иерархии, в том числе епископов и архиепископов. Тридентский собор определил три *ordines maiores* — епископы, священники (пресвитеры) и диаконы.

⁴²¹ Колладон, *Op.* XXI. 56: «Он проповедовал [когда учился в Бурже] иногда в маленьком городке в Берри, под названием Линьер, и был вхож в дом местного сеньора, который... говорил... что ему кажется, будто Жан Кальвин проповедует лучше, чем монахи». Его проповеди в Понт-л'Евеке упоминаются у Колладона, *ibid.* fol. 64, и у Безы, fol. 121. См. выше, §69.

дает священнику право приносить жертву евхаристии и отпускать грехи. Реформаторы учили всеобщему священству верующих и уповали на внутреннее призвание Святого Духа и внешнее призвание христианского народа. Лютер, в своих ранних трудах, вручал власть над ключами общине и отождествлял рукоположение с призванием. «Тот, кто призван, — говорил он, — тот рукоположен, и должен проповедовать: это посвящение Господа нашего и истинное помазание». Он даже посвятил, со смелым пренебрежением правилами, своего друга Амсдорфа в суперинтенданты Наумбурга, чтобы показать, что может быть епископом не хуже папы и без освященного елея.

Кальвин был законным образом выбран пастором и учителем богословия в Женеве в 1526 г. — пресвитерами и советом, с согласия всего народа⁴²².

Это народное избрание было возрождением первоначальных обычаев. Величайшие епископы ранней церкви — такие, как Киприан, Амвросий и Августин, — избирались голосованием народа, которому подчинялись как гласу Бога.

Мы не знаем, вступил ли Кальвин в должность с торжественной молитвой и возложением на него рук пресвитерами (такими, как Фарель и Вире), по апостольскому обычаю (1 Тим. 4:14), который соблюдается в реформатских церквях. Он не считал рукоположение обязательным, но считал его давним обрядом, санкционированным практикой апостолов и имевшим силу повеления⁴²³. Он даже приписывал ему характер полутаинства. «Возложение рук, — говорит он, — которое используется при введении в должность истинных пресвитеров и служителей церкви, я без возражений могу считать таинством, потому что, в первую очередь, это таинство основано на Писании, а во-вторую, Павел не говорил, что оно не нужно или бесполезно, но объявлял его знаком духовной благодати (1 Тим. 4:14). Я не объявил его третьим таинством, потому что оно касается не всех верующих. Это особый обряд для лиц особого служения. Однако столь почетное христианское служение не должно становиться причиной для гордости католических священников, ибо Христос велел рукополагать служителей для распространения Его Евангелия и Его тайн, а не для того, чтобы священники могли приносить жертвы. Он велел им проповедовать Евангелие и кормить Его стадо, а не приносить жертвы»⁴²⁴.

Евангельское служение в неепископальных церквях было обязательно пресвитериальным, то есть исходило от пресвитериата, который изначально был идентичен епископату. Даже Церковь Англии, во время ее формирования в правления Эдуарда VI и Елизаветы, признавала действительность рукоположения пресвитериатом не только в лютеранских и реформатских церквях континента, но и в ее собственной юрисдикции, как в случае Пьетро Мартири, профессора богословия в Оксфорде; Буцера, Фагия и Картрайта — профессоров в Кембридже; Джона Ласко, пастора в Лондоне; декана Уиттингема в Дареме и многих других⁴²⁵.

⁴²² Beza, *Vita C.* (XXI. 125 sq.): *Suffragiis presbyterii et magistratus, accedente plebis consensu, delectus non concionator tantum (hoc autem primum recuserat), sed etiam sacrarum literarum doctor, quod unum admittebat, est designatus anno Domini MDXXXVI mense Augusto*. См. также Colladon, *ibid.* fol. 58 sq.: «Объявлен пастором и учителем этой церкви [Женевской] посредством законного избрания и одобрения».

⁴²³ *Inst.* IV, ch. III. §16.

⁴²⁴ *Institutes*, IV, ch. XIX. §28 (Tholuck ed. II. 470).

⁴²⁵ Кебл говорит во вступлении к Hooker, *Ecclesiastical Polity*: «Еще до того времени, когда писал Хукер (1594), многие были допущены к служению в Церкви Англии через рукоположение пресвитериатом».

2. Но откуда взялось право Кальвина и других реформаторов проводить реформы в древней Католической церкви и основывать новые церкви? Тут мы должны обратиться к теме особого Божьего призвания и даров. Реформаторы не принадлежали к регулярному чину священников. Они были пророками, которых Бог призвал непосредственно через Своего Духа от сохи, пастушеского посоха или из кабинета ученого. Бог воспитывает людей и наделяет их редким даром поэзии, или искусства, или науки, или изобретений и открытий. Все благие дары исходят от Бога. И дар гения исключителен. Он не может быть порожден самим человеком. Божественные исключения из правил существуют точно так же, как и сами божественные правила. Бог может писать историю и прямо, и извилисто. Даже Павел был призван неожиданным образом и не искал рукоположения у Петра или другого апостола, но получил свой авторитет непосредственно от Христа и доказал его своими многочисленными трудами.

В апостольскую эпоху существовали как апостолы, пророки и благовестники всей церкви в целом — так и пресвитеры-епископы и диаконы отдельных общин. Первые несли исключительное служение. Но они существуют и сейчас, как существуют гении в других областях жизни. Они возникают там, где нужны, и тогда, когда нужны.

Мы ограничены обычными средствами благодати, но Бог свободен, и Его Дух работает когда, где и как пожелает. Бог призывает обычных людей для обычного, ординарного служения обычными способами, и Он же призывает необычных людей для исключительного, экстраординарного служения необычными способами. Он делал так в прошлом и будет делать так до последних времен⁴²⁶.

Хукер, самый «благоразумный» из английских богословов, говорит о Кальвине: «Хотя тысячи людей были обязаны ему, соприкоснувшись с его знаниями, он не был обязан никому, кроме Бога».

§74. Открытый разрыв. Академическая речь. 1533

CALV. *Opera*, X. P. I. 30; XXI. 123, 129, 192. Очень яркий рассказ в Merle D'Aubigné, bk. II, ch. xxx (vol. II. 264-284).

На какое-то время показалось, что ситуация благоприятна для реформ. Реакционное поведение Сорбонны и оскорбление ею королевы Маргариты, посредством осуждения ее «Зеркала грешной души» — болезненных и заунывных мистических грез⁴²⁷, — оскорбили ее брата и либеральных членов университета. Нескольким проповедникам, которые симпатизировали умеренной реформации, Жерару Русселю и августинианам Берто и Куро, было разрешено выйти на кафедру в Париже⁴²⁸. Сам король, который был против немецкого императора и дружил с Генрихом VIII, подозревался в помощи делу ереси и схизмы. Он пытался, по политическим причинам и из уважения к сестре, примирить консервативную

⁴²⁶ И в наш век случалось подобное. Можно упомянуть Дуайта Лаймана Моуди. Он простой, нерукоположенный мирянин, но при этом истинный, обученный Богом благовестник. Вероятно, он обратил в христианство больше людей, чем какой-либо клирик или ученый профессор богословия того времени, и его дом в Нортфилде стал Иерусалимом для исследователей Библии со всех концов страны, и даже из-за океана.

⁴²⁷ *Le miroir de l'âme pécheresse* (1533). Эту книгу осудили на основании чисто негативных доказательств. То, что в ней ничего не сказано о чистилище и о заступничестве святых, было воспринято как отрицание данных учений.

⁴²⁸ Эли Куро (Courault, Coraud, Couraud, Coraldus) бежал в Базель в 1534 г. и стал коллегой Фареля и Кальвина в Женеве в 1536 г. См. Herminjard, IV. 114, note 9.

и прогрессивную партии. Он даже хотел пригласить Меланхтона в Париж в качестве советника, но Меланхтон благодушно отказался.

Николя Коп, сын выдающегося королевского врача (Вильгельма Копы из Базеля) и друг Кальвина, был избран ректором университета 10 октября 1533 г. и произнес традиционную инаугурационную речь в день всех святых, 1 ноября, перед большим собранием в церкви Матуренов⁴²⁹.

Эта речь, по просьбе нового ректора, была подготовлена Кальвином. В ней говорилось о необходимости реформ на основании Нового Завета и содержалось нападение на богословов-схоластов того времени, которые были представлены как секта софистов, не знающих Евангелия. Кальвин говорит: «Они не учат ничему о вере, ничему о любви Бога, ничему о прощении грехов, ничему о благодати, ничему об оправдании; а если они и делают это, они извращают и подрывают всё своими законами и софистикой. Я прошу вас, присутствующих здесь, не терпеть больше эти ереси и злоупотребления»⁴³⁰.

Сорбонна и Парламент восприняли эту академическую речь как объявление войны католичеству и осудили ее на сожжение. Копы предупредили, и он бежал к своим родственникам в Базель⁴³¹. Кальвин, настоящий автор речи, как рассказывают, выбрался из окна с помощью простыней и бежал из Парижа, переодевшись виноградарем, с мотыгой на плече. Его комнаты обыскали, его книги и бумаги были изъяты полицией⁴³².

§75. Гонения на протестантов в Париже. 1534

BEZA в *Vita Calv.*, vol. XXI. 124. — JEAN CRESPIN: *Livre des Martyrs*, Genève, 1570. — Сообщение *Bourgeois de Paris*. — GERDESUS, IV. Mon. 11. — HENRY, I. 74; II. 333. — DYER, I. 29. — POLENZ, I. 282. — KAMPSCHULTE, I. 243. — «Bulletin de la Soc. de l'hist. du Prot. franç.», X. 34; XI. 253.

Эта буря могла пронестись, не причинив никакого вреда. Но на следующий год реакция заметно усилилась благодаря знаменитым листовкам, из-за чего сам этот год прозвали «годом листовок». В ночь на 18 октября 1534 г. чрезмерно ревностный и фанатичный протестант по имени Фере, слуга королевского аптекаря, развесил трактат «об ужасном, великом, неприемлемом злоупотреблении папской мессы» по всему Парижу и даже на двери королевских покоев в Фонтенбло, где жил тогда король. В этой листовке месса описывалась как богохульственное отрицание единой и достаточной жертвы Христа, а папа вместе со всей его сворой (*toute sa vermine*) кардиналов, епископов, священников и монахов осуждалась как лицемеры и слуги антихриста⁴³³.

⁴²⁹ Bulaeus, *Historia Universitatis Parisiensis*, VI. 238, и в *Catalogus illustrium Academicorum Univ. Parisiensis*, в конце того же тома. О Копе см. в Herminjard, III. 129 sq. note 3.

⁴³⁰ Неполный черновик этой речи был найден Ж. Бонне среди рукописей Женевской библиотеки, а полный текст — Ройссом и Кунцем в библиотеке Св. Фомы в Страсбурге. Он напечатан в *Opera*, X. Pars II. 30-36 (и более краткий набросок, IX. 873-876). См. также Herminjard, III. 117, note, 418 sqq.

⁴³¹ За его поимку, живым или мертвым, предлагалось триста крон. Так писал Буцер Блауреру 13 января 1534 г., в Herminjard, III. 130. Коп сообщил Буцеру 5 апреля 1534 г., что некоего немца сожгли в Париже за отрицание пресуществления. *Ibid.* III. 159.

⁴³² По словам Безы (XXI. 123), королева Маргарита защитила Кальвина и с почетом приняла его при дворе, но, без сомнения, он вскоре покинул Париж. Колладон ничего не говорит о вмешательстве Маргариты. История о бегстве Кальвина рассказывается Папирием Массоном и Дезде. См. M'Crie, p. 100, note 59. Это бегство сравнивали с бегством Павла из Дамаска, Деян. 9:25.

Все умеренные протестанты сожалели об этой несвоевременной вспышке радикализма. Она замедлила и почти остановила распространение Реформации во Франции. Лучшему из дел можно повредить, если доводить его до крайности.

Король был очень возмущен, и справедливо. Он приказал посадить в тюрьму всех подозреваемых. Скоро тюрьмы были переполнены. Чтобы очистить город от скверны, которая запятнала его через столь суровое оскорбление святой мессы и иерархии, 29 января 1535 г. было устроено торжественное шествие от Лувра до Нотр-Дама. По улицам несли образ святой Женевьевы, покровительницы Парижа. Архиепископ, с гостией на великолепном помосте, король со своими тремя сыновьями, с непокрытыми головами, пешком, с горящими свечами в руках, возглавили процессию. За ними следовали князья, кардиналы, епископы, священники, послы и высокопоставленные лица государства и университета. Они шли парами, в полном молчании, с зажженными факелами. В соборе состоялась торжественная месса. Потом король обедал с прелатами и сановниками и объявил, что не поколеблется обезглавить любого из собственных детей, если узнает, что они виновны в этой новой, проклятой ереси, и готов принести их в жертву Божьему правосудию.

Кульминацией этого зловещего и торжественного дня стало ужасное аутодафе шести протестантов: их подвесили на веревке и опускали в огонь, после чего снова вынимали оттуда, а в конце окончательно предали пламени. Они умерли как герои. Самым образованным из них вырвали языки. Двадцать четыре ни в чем не повинных протестанта были сожжены живьем в общественных местах города с 10 ноября 1534 г. по 5 мая 1535 г. Среди них был Этьен де ла Форж (Стефан Форгей), близкий друг Кальвина. Многих других обложили штрафами, посадили в тюрьму и пытали. Многие, в том числе Кальвин и дю Тилле, бежали в Страсбург⁴³⁴.

Этим жестокостям приводили оправдание — виновность в ереси, аморальности и измене, со ссылкой на крайности фанатиков-анабаптистов в Мюнстере, проявившиеся в том же году⁴³⁵. Но гугеноты были тогда — и всегда были, как и их потомки, — самыми разумными, нравственными и порядочными гражданами Франции⁴³⁶.

⁴³³ Все они без разбора названы «лжепророками, преступными обманщиками, отступниками, волками, ложными пастырями, лжецами, богохульниками, убийцами душ, отрекшимися от Иисуса Христа, порочащими честь Бога, самыми презренными бесами». Фареля, который был тогда в Швейцарии, подозревали в пособничестве при подготовке этого подстрекательского произведения, но без доказательств. Куро, который был тогда в заключении, советовал не публиковать эту бумагу, «потому что она вызовет общее волнение в умах народа и посеет ненависть в рядах верующих». *Hist. Martyr.*, fol. 64, цитируется в M'Crie, p. 102.

⁴³⁴ Беза (XXI. 124) кратко рассказывает о гонениях: *Eousque inflammata fascinati Francisci Regis ira ob schedas quosdam adversus missam per urbem sparsas ipsiusque regii cubiculi foribus ad fixas, ut publica decreta supplicatione, cui una cum liberis suis tribus nudo capite ardentem facem quasi expiationis causa gestans interfuit, quatuor urbis celebrioribus locis octonos martyres vivos ustulari juberet, atque adeo solemniter jure jurando testaretur, se ne liberis quidem suis parsurum, si forte teterrimis illis, ut vocabat, haeresibus essent infecti*. Протестантские сведения подтверждает католик, *Bourgeois de Paris*, который следил за сожжениями с удовольствием, как за зрелищем, весьма угодным Богу, и перечислил даты и места казней (а именно, 10 ноября, 18 ноября, 19 ноября, 4 декабря 1534 г.; 21 января, 22 января, 16 февраля, 19 февраля, 26 февраля, 3 марта, 5 мая 1535 г.), а также род занятий жертв, большинство которых были рабочими, один — богатым торговцем. Этот рассказ опубликован в 1854 г. и переиздан в Мишле, *Histoire de France* (vol. X. 340 sq.).

⁴³⁵ «Чтобы оправдаться в глазах князей-протестантов, гонения у которых тоже шли вразрез с Евангелием». Colladon (XXI. 57).

Сорбонна призвала короля прекратить книгопечатание (13 января 1535 г.). Король согласился на временное его прекращение (26 февраля). Потом были назначены цензоры, сначала Парламентом, потом клиром (1542). Книгопечатание стимулировало свободную мысль и, в свою очередь, стимулировалось ею. До 1500 г. было напечатано четыре миллиона книг (в основном ин-фолио). С 1500 по 1536 г. — семнадцать миллионов. А после этого их количество уже невозможно было сосчитать⁴³⁷. Книгопечатание необходимо для свободы, как дыхание для здоровья. Есть воздух полезный, есть вредный. Но, тот или иной, он необходим для жизни.

Эти гонения стали непосредственным поводом для создания «Наставлений» Кальвина и предвестием ряда гонений, кульминация которых наступила в правление Людовика XIV и превратила реформатскую церковь Франции в церковь мучеников.

§76. Кальвин как странствующий благовестник. 1533 — 1536

Почти три года Кальвин путешествовал как странствующий благовестник под вымышленными именами⁴³⁸ с места на место в Южной Франции, Швейцарии, Италии, пока не попал в Женеву, ставшую его пунктом назначения. Невозможно точно определить все факты и даты этого периода.

Он отказался от церковных бенефициев в Нуайоне и Понт-л'Евеке 4 мая 1534 г. и порвал окончательно с Римской церковью⁴³⁹. Этот год примечателен тем, что на Монмартре был основан орден иезуитов (15 августа), который возглавил контрреформацию; был избран папа Павел III (Александр Фарнезе, 13 октября), который разрешил данный орден, отлучил от церкви Генриха VIII и учредил в Италии инквизицию; а в Париже состоялись кровавые гонения на протестантов, описанные в предыдущем параграфе⁴⁴⁰.

Римская контрреформация начала действовать по-настоящему, и надо было консолидировать силы протестантов.

Кальвин провел большую часть 1533 года вплоть до 1534 года под защитой королевы Маргариты Наваррской в ее родном городе Ангюлеме. Эта одаренная женщина (1492 — 1549), сестра короля Франциска I, бабушка Генриха IV, написавшая много книг в стихах и в прозе, странным образом сочетала в своем характере благочестие и либерализм, идеализм и сенсуализм. Она покровительствовала Реформации и Возрождению, Кальвину и Рабле. Она написала «Зеркало грешной души», а также «Гептамерон», в подражание «Декамерону» Боккаччо. Однако она была целомудренна и начинала и завершала свой день с религиозных размышлений и молитвы. После смерти своего коронованного брата (1547) она удалилась в монастырь в качестве аббатисы, а на смертном одре, после елеосвя-

⁴³⁶ Мишле (X. 339) говорит: «Нет ничего более святого и чистого, чем происхождение французского протестантизма. И нет ничего более далекого от кровавой оргии Мюнстера».

⁴³⁷ Michelet, *l. c.*, 342 sq.

⁴³⁸ Такими как Шарль д'Эпевиль, Марциан Луканий, Карол Пасселий, Алкуин, Деперсан, Кальпурин. Существует монография об этих псевдонимах, *Diatribes de Pseudonymia Calvinii*, автор Liebe, Amsterdam, 1723. В нее включено несколько важных писем. Так утверждает Kampshulte, I. 245.

⁴³⁹ Le Vasseur, 1161. Herminjard, V. 104. Op. XXI. 193.

⁴⁴⁰ Беза называет 1534 г. *horrenda in multos pios saevitia insignia* (Calv. Op. XXI. 124).

щения, заявила, что защищала реформаторов из чистого сострадания и не хочет отходить от веры своих предков⁴⁴¹.

Кальвин жил в Ангулеме со своим богатым другом, Луи дю Тилле, который был каноником собора и кюре Кло, и в своих путешествиях собрал редкую библиотеку в три или четыре тысячи томов⁴⁴². Он обучал дю Тилле греческому языку и продолжал свои богословские изыскания. Он общался с известными литераторами и был весьма ими уважаем⁴⁴³. Тогда он начал готовить свои «Наставления»⁴⁴⁴. Он также помогал Оливетану в его пересмотре и завершении перевода Библии на французский язык, который вышел в Невшателе в июне 1535 г., с предисловием Кальвина⁴⁴⁵.

Из Ангулема Кальвин совершал поездки в Нерак, Пуатье, Орлеан и Париж. В Нераке (Беарн), маленькой столице королевы Маргариты, он лично познакомился с Лефевром д'Этаплем (Фабер Стапуленсис), восьмидесятилетним патриархом французского гуманизма и протестантизма. Лефевр, с его пророческим видением, разглядел в молодом ученом будущего реформатора французской церкви⁴⁴⁶. Возможно, он также предложил ему брать пример с Меланхтона⁴⁴⁷. Руссель, капеллан и исповедник Маргариты, советовал ему очистить дом Божий, но не уничтожать его.

В Пуатье Кальвин склонил на сторону Реформации нескольких влиятельных людей. Согласно преданию, достоверность которого не доказана, он с несколькими друзьями впервые провел вечерю Господню на реформатский манер недалеко от города в пещере (*grotte de Croutelles*), которую долго потом называли «пещерой Кальвина»⁴⁴⁸.

В конце 1534 г. он осмелился посетить Париж. Там он впервые встретил испанского врача Мигеля Сервета, который недавно выпустил свою еретическую книгу «О заблуждениях Троицы» и который вызвал его на диспут. Кальвин принял вызов, хотя рисковал своей безопасностью, и ждал его в доме на улице Сен-Антуан, но Сервет не явился. Двадцать лет спустя он напомнил Сервету об этом разговоре: «Ты знаешь, что тогда я был готов сделать для тебя что угодно и даже не дорожил своей жизнью, чтобы отговорить тебя от твоих заблуждений». Если бы он преуспел тогда, ему уже никогда больше не пришлось бы сталкиваться с этим несчастным еретиком.

⁴⁴¹ Дайер (*Life of Calvin*, p. 18) говорит: «Божественная платоническая — и земная любовь никогда так не сочетались в человеке, как в ней», — и цитирует замечание М. Женена, издателя ее переписки: «В характере Маргариты примечательно то, что всю свою жизнь она сочетала религиозные идеи с помыслами о мирской любви».

⁴⁴² Ер. 20, *Op. X. Pt. I. 37*. Флоримон де Ремон (p. 883) утверждает, что Кальвин прожил в Ангулеме три года, что явно ошибка.

⁴⁴³ Флоримон де Ремон: «Его уважали, у него была прекрасная репутация, его любили все, кто любил литературу».

⁴⁴⁴ По словам того же католического историка.

⁴⁴⁵ Ер. 29 в *Op. X. Pars I. 51*: предисловие в vol. IX. 787-790. Беза (а за ним Stähelin, I. 88) говорит о его участии и в первом издании, которое вышло в 1534 г. и содержало только Новый Завет. Но, похоже, это ошибка. См. Reuss, «*Révue de Théologie*», 1866, No. III. 318; Kampschulte, I. 247; Herminjard, III. 349, note 8.

⁴⁴⁶ Беза (XXI, 123): *Excepit juvenem [Calvinum] bonus senex et libenter vidit, futurum augurans insigne coelestis in Gallia instaurandi regni instrumentum*.

⁴⁴⁷ По словам Флоримона де Ремона.

⁴⁴⁸ Bayle, статья *Calvin and La Place*. Crottet, *Petite Chronique Protestante de France*, 96 sqq. Stähelin, I. 32. Lefranc, 120. Herminjard, III. 202, note 4.

§77. «Сон души». 1534

Psychopannychia. Aureliae, 1534; второе, пересмотренное издание — Basel, 1536; 3^d ed. Strasburg, 1542; французский перевод — Paris, 1558; переиздано в *Opera*, vol. V. 165-232. — См. также анализ в STÄHELIN, I. 36-40, и *La France Prot.* III. 549. Английский перевод в *Calvin's Tracts*, III. 413-490.

Прежде чем покинуть Францию, Кальвин написал в Орлеане в 1534 г. свою первую богословскую книгу под названием *Psychopannychia*, или «Сон души». Он опровергает в ней гипотезу, которой придерживались некоторые анабаптисты, — о сне души между смертью и воскресением, и доказывает непрерывное и сознательное общение верующих со Христом, их живым Главой. Кальвин больше не опирается на философию и классиков, как в своей ранней книге о Сенеке, но только на Писание, как на единственное правило веры. Разум не может ничего сказать нам о грядущем мире, который лежит за пределами нашего опыта.

С помощью этой книги Кальвин желал защитить евангельских протестантов от обвинения в ереси. Их часто путали с анабаптистами, которые в том же году вызвали гнев немецких князей из-за крайностей радикальной и фанатичной секты в Мюнстере.

§78. Кальвин в Базеле. 1535 — 1536

Начало кровавых гонений в октябре 1534 г. побудило Кальвина оставить родную страну и искать безопасности в Швейцарии. Его сопровождал его друг и ученик Луи дю Тилле, который последовал за ним до Женевы и оставался с ним до конца августа 1537 г., когда вернулся во Францию и в Католическую церковь⁴⁴⁹.

Путешественники пересекли Лотарингию. На границе с Германией, близ Меца, их ограбил неверный слуга. Они прибыли в Страсбург совершенно без средств. Тогда этот город был убежищем французских протестантов. Бундэр тепло принял их и помог им.

После нескольких дней отдыха они направились в Базель, их пункт назначения. Там Фарель нашел гостеприимное пристанище в 1524 г., а Коп и Куро десять лет спустя. Кальвин хотел обосноваться в спокойном месте, чтобы исследовать Евангелие и способствовать его распространению своим пером. Он поселился вместе с другом в доме Катарины Клейн (Петиты), которая тридцать лет спустя приютит другого знаменитого беженца, философа Петра Рама, и будет с энтузиазмом рассказывать ему о молодом Кальвине, «светоче Франции»⁴⁵⁰.

Его сердечно приняли Симон Гриней и Вольфганг Капитон, руководители университета. Вместе с Гринеем Кальвин продолжил изучение еврейского. Он посвятил ему с благодарностью комментарий на Послание к римлянам (1539). Он познакомился также с Буллингером из Цюриха, который посетил встречу реформатских богословов для подготовки Первого Гельветического исповедания (1536)⁴⁵¹.

⁴⁴⁹ M. Crottet, *Correspondance de Calvin avec L. du Tillet*, 1850.

⁴⁵⁰ *Lumen Galliae*. См. *Reminiscences of Basel*, Petrus Ramus (1572), цит. в *Op.* XXI. 194. Ch. Waddington, *Ramus, sa vie, ses écrits et ses opinions*, Paris, 1855. Stähelin, I. 41 sqq. Kampshulte, I. 250.

⁴⁵¹ См. выше, §57. Ер. 2634, в *Op.* XXI. 196.

По одному католическому преданию, Кальвин, в компании с Буцером, общался с Эразмом, которому за три года до того послал копию своего комментария на Сенеку с прославлениями его учености. И, как утверждает это предание, старый гуманист сказал в тот раз Буцеру: «Великое бедствие — поднимать церковь против церкви»⁴⁵². Но Эразм был слишком вежлив, чтобы оскорблять незнакомого человека. Более того, он жил тогда во Фрейбурге, в Германии, и порвал всякую связь с протестантами. А когда он вернулся в Базель в июле 1536 г., по пути в Нидерланды, он был болен и умер. Но тогда Кальвин был в Италии. Так что этот рассказ — праздный вымысел⁴⁵³.

Кальвин избегал публичности и жил в уединении ученого. Он провел в Базеле год и несколько месяцев, с января 1535 г. примерно по март 1536 г.

§79. «Наставления в христианской вере»

Полное заглавие первого издания — *CHRISTIANAE RELIGIONIS INSTITUTIO totam fere pietatis summam et quic quid est in doctrina salutis cognitu necessarium, complectens: omnibus pietatis studiosis lectu dignissimum opus, ac recens editum. PRAEFATIO AD CHRISTIANISSIMUM REGEM FRANCAE, qua hic et liber pro confessione fidei offertur. JOANNE CALVINO Nouiodunensi authore. BASILEAE, M. D. XXXVI*. Предисловие датировано X. *Calendas Septembres* (т. е. 23 августа), без указания года, но в конце книги как дата публикации указан март 1536 г. Первые два французских издания (1541 и 1545) правильно дополняют даты предисловия: *De Basle le vingt-troisiesme d'Avoust mil cinq cent trente cinq*. Следовательно, рукопись была завершена в августе 1535 г., но для того, чтобы напечатать ее, понадобился почти год.

2. Последнее улучшенное издание, выпущенное автором (пятое латинское) — очень внимательный пересмотр. Оно озаглавлено: *INSTITUTIO CHRISTIANAE RELIGIONIS, in libros quatuor nunc primum digesta, certisque distincta capitibus, ad aptissimam methodum: aucta et iam tam magna accessione ut propemodum opus novum haberi possit. JOANNE CALVINO AUTHORE. OLIVA ROBERTI STERNANI. Genevae. M. D. LIX*. Последующие латинские издания — репринты издания 1559 г., с указателем Николя Колладона, еще одно подготовил Марлора. Лейденское издание Эльзевира (1654) особо ценилось из-за его красоты и точности. Удобное современное издание — Tholuck (Berlin, 1834, 2^a ed. 1846).
3. Первое французское издание появилось без названия типографии и указания на место (вероятно, это была типография Мишеля дю Буа в Женеве), под заглавием: *Institution de la religion chrestienne en laquelle est comprinse une somme de piété... composée en latin par J. Calvin et translatée par luy mesme. Avec la préface adressée au tres chrestien Roy de France, François premier de ce nom: par laquelle ce présent livre luy est offert pour confession de Foy. M. D. XLI. 822 pp. octavo, 2e ed. Genève, Jean Girard, 1545; 3e ed. 1551; 4th ed. 1553; 5th ed. 1554; 6th ed. 1557; 7th ed. 1560, in fol.; 8th ed. 1561, octavo; 9th ed. 1561, quarto; 10th ed. 1562, etc.; 15th ed. Geneva, 1564. Elzevir ed., Leyden, 1654.*
4. В страсбургском издании первые четыре тома посвящены разным изданиям «Наставлений» на обоих языках. Том I содержит *editio princeps latina* (Базель, 1536, pp. 10-247) и указывает на разницу в шести изданиях между первыми и последними, а именно, страсбургскими изданиями 1539, 1543, 1545 гг. и женевскими изданиями 1550, 1553, 1554 гг. (pp. 253-1152); том II — *editio postrema* 1559 г. (pp. 1-1118); тома III-IV — последнее издание французского перевода или, скорее, вольного переложения (1560), с отличиями от предыдущих изданий.
5. Проблема приоритета латинского или французского текста уже решена в пользу первого. См. JULES BONNET, в *Bulletin de la Société de l'histoire du protestantisme français*, 1858, vol. VI, p. 137 sqq., Stähelin, vol. I, p. 55, и страсбургских издателей *Opera*, в обширных

⁴⁵² *Video magnam pestem oriri in Ecclesia contra Ecclesiam.*

⁴⁵³ Он основан только на свидетельстве Флоримона де Ремона (р. 890). Флоримон относит этот визит к 1534 г., когда Кальвин был еще во Франции и не мог сопровождать Буцера. Беза и Колладон ничего не знают об этой беседе. Бейль сомневается в том, что она была. Мерль д'Обинье (английский перевод, III. 183-185), однако, принимает и приукрашивает ее, как если бы лично присутствовал там и слышал разговор трех ученых.

Prolegomena к томам I и III. Сам Кальвин неоднозначно заявлял (в предисловии к французскому изданию 1541 г.), что сначала написал свои «Наставления» на латыни (*premièrement l'ay mis en latin*), для читателей всех стран, а потом перевел или, скорее, воспроизвел их специально для французов (*l'ay aussi traduit en notre langage*). В письме к своему другу Франсуа Даниэлю, написанному в Лозанне 13 октября 1536 г., он говорит, что начал французский перевод вскоре после выхода латинского варианта (*Letters*, ed. Bonnet, vol. I, p. 21), но вышел он только в 1541 г. под заглавием, приведенным выше. Ошибочное предположение о том, что французский текст является оригинальным, столь часто повторяемое (Bayle, Maimbourg, Basnage, в недавнее время — Henry, vol. I, p. 104; III. p. 177; Dorner, *Gesch. der protest. Theol.*, p. 375; также Guizot, H. B. Smith, Dyer), возникло при сопоставлении данных предисловия французского издания (23 августа 1535 г.) с более поздней датой публикации (март 1536 г.). Но вполне возможно, что посвящение Франциску I было сначала написано на французском, и это естественным образом объясняет более раннюю дату во французских изданиях.

6. По поводу разницы между несколькими изданиями см.: J. THOMAS: *Histoire de l'institut chrétienne de J. Calv.* Strasbourg, 1859. ALEX. SCHWEIZER: *Centraldogmen*, I. 150 sqq. (Zürich, 1854). KÖSTLIN: *Calvin's Institutio nach Form und Inhalt*, в «Studien und Kritiken», 1868.
7. О многочисленных переводах см. выше, §58, 66; HENRY, vol. III. *Beilagen*, 178-189; и *La France Prot.*, III. 553.

В древнем и почтенном городе Базеле, на границе Швейцарии, Франции и Германии — в резиденции Эразма и Эколампация, там, где в 1430 г. собрался католический реформаторский собор и где в 1516 г. на основании рукописей университетской библиотеки был напечатан первый Новый Завет на греческом языке, Жан Кальвин, тогда молодой человек двадцати шести лет, изгнанный с родины, написал и опубликовал, через двадцать лет после первой публикации Нового Завета на греческом языке, свои «Наставления в христианской вере», которые поразили мир и сразу заняли ведущее место среди литературных апологий евангельской веры.

Эта книга — шедевр не по годам развитого гения. Она обладает интеллектуальной и духовной глубиной и силой. Это одно из немногих действительно классических произведений в истории богословия, и автор его заслужил двойное звание — и Аристотеля, и Фомы Аквината реформатской церкви⁴⁵⁴.

Католики сразу же поняли смысл *Institutio* и прозвали его «Кораном» и «Талмудом ереси»⁴⁵⁵. Труд был сожжен по приказу парижской Сорбонны и в других местах. Его преследовали более яростно и упорно, чем любую другую книгу XVI века. Но мы должны добавить, что она нашла великих читателей и среди католиков, которые, не соглашаясь с ее философской системой и антипапским настроением, признавали ее великие заслуги в неполемических частях⁴⁵⁶.

Евангельские христиане приветствовали *Institutio* с энтузиазмом и хвалили как самую ясную, сильную, логичную и убедительную защиту христианского учения со времен апостолов. Через несколько недель после публикации Буцер писал автору: «Очевидно, Господь избрал тебя как Свой орган, чтобы даровать Своей церкви богатейшее благословение»⁴⁵⁷.

⁴⁵⁴ Кампшюльте, католический историк, и другие называют его «Аристотелем», а Мартен, либеральный французский историк, — в числе многих других и более уместно — называет Кальвина «Фомой Аквинатом» протестантизма.

⁴⁵⁵ Флоримон де Ремон: *l'Alcoran ou plutôt le Talmud de l'hérésie*.

⁴⁵⁶ См. свидетельства Боссюэ и особенно Кампшюльте, цитируемые в §68.

⁴⁵⁷ *Videmur nobis agnoscere, dominum instituisse tui ustum ecclesiis suis uberrimum conc edere, eisque tuo ministerio latissime commodare*. Herminjard, IV. 118.

Восхищались этим трудом не только ортодоксальные протестанты. Доктор Баур, основатель тюбингенской школы исторической критики, заявляет, что книга Кальвина — «во всех отношениях воистину классический труд, отличающийся большой оригинальностью, остротой восприятия, систематической последовательностью и ясным, понятным методом изложения»⁴⁵⁸. А доктор Газе называет его «величайшим научным оправданием августинианства, полным религиозной глубины и неистощимой последовательности мысли»⁴⁵⁹.

«Наставления» — не книга для народа. Она не обладает такой будоражащей силой, как для немцев — обращение Лютера к немецкой знати и его трактат о христианской свободе. Но это книга для ученых всех народов, и она оказала на них более сильное и долговременное влияние, чем любой другой труд реформаторов. Издание следовало за изданием, книга была переведена практически на все европейские языки⁴⁶⁰.

Кальвин систематическим образом обосновывает христианскую веру в целом и оправдывает евангельскую веру в частности — с апологетической и практической целью, чтобы защитить протестантских верующих от хулы и гонений, которым они подвергались, особенно во Франции. Он пишет под вдохновением героической веры, которая готова пойти на костер, и с пылким энтузиазмом по отношению к чистому Евангелию Христа, которое было затуманено и ослаблено человеческими традициями, но теперь поднялось из всего этого сора к новой жизни и силе. Догматика и этика образуют у него органичное единство.

Он твердо опирается на непоколебимую скалу Слова Божьего, как единственный надежный проводник в вопросах веры и долга. На каждой странице мы видим его тщательное и продуманное знание Писания, которое поразительно. Он не просто цитирует тексты для доказательства — механическим образом, как делали схоласты-догматики XVII века, но рассматривает текст как органичное целое и вплетает его в свою систему. Он основывает авторитет Писания на присутствии ему превосходстве и свидетельстве Святого Духа, говорящего с верующими через Писание. Он вдумчиво и критически использует высказывания отцов церкви, особенно святого Августина, — не как судей, но как свидетелей истины — и воздерживается от тех пренебрежительных замечаний, которые иногда делал в их адрес Лютер, когда, вместо своего любимого учения об оправдании верой, находил у них монашеский аскетизм и прославление человеческих заслуг. Кальвин говорит в предисловии: «Они поднимают бессмысленную шумиху, обвиняя нас за то, что мы якобы враги и хулители отцов церкви. Но если бы это входило в мой теперешний замысел, я с легкостью мог бы с помощью высказываний отцов церкви подтвердить большую часть того, во что мы верим. Мы используем их труды, но всегда помним, что “всё — наше” для того, чтобы служить нам, а не для того, чтобы владеть нами, и что “мы — Христовы” (1 Кор. 3:21-23) и обязаны подчиняться только Ему. Тот, кто не понимает этой разницы, ничего не понимает в религии, ведь эти святые люди многого не знали, часто противоречили друг другу и иногда даже сами себе». Он полностью признает необходимость разума для понимания и защиты истины и для опровержения заблуждений и использует превосходные и строгие логические доводы. В то же время он свободен от

⁴⁵⁸ *Dogmengeschichte*, vol. III. 27.

⁴⁵⁹ *Kirchengeschichte*, p. 405 (11th ed.).

⁴⁶⁰ Во многих изданиях в качестве эпиграфа используется двустишие венгра Павла Турия:
Praeter apostolicas post Christi temporachartas,
Huic peperere libro saecula nulla parem.

схоластической сухости и педантизма. Но разум и традицию он подчиняет высшему авторитету Писания, как он его понимает.

Стиль его ясен и полон энергии. Кальвин прекрасно владел величественным, достойным и изящным латинским языком. Его мысль развивается плавно и мелодично, как река, текущая среди зеленых лугов и высоких гор. Весь труд соразмерен. Он проникнут предельной искренностью и бесстрашной последовательностью, которая вызывает уважение даже тогда, когда не убеждают его аргументы, или же когда нас оскорбляет презрительный тон его полемики, или же когда мы вздрагиваем от его *decretum horribile*.

Система учения Кальвина соответствует вселенским символам веры в плане богословия и христологии; августианизму — в плане антропологии и сотериологии; но она не совпадает со средневековым преданием в том, что касается учений о церкви, таинствах и эсхатологии. Мы обсудим отличительные черты этой системы в главе о богословии Кальвина.

Institutio посвящена королю Франциску I Французскому (1494 — 1547), который в то время жестоко преследовал своих протестантских подданных. Как Иустин Мученик и другие древние апологеты обращались к римским императорам, пытаясь защитить презираемую и гонимую секту христиан, возражая на неразумные обвинения их в безбожии, в безнравственности и во враждебности к кесарю и прося о терпимости, так Кальвин обращался к французскому монарху, защищая протестантских соотечественников, которые тогда были небольшой сектой, не менее презираемой, хулимой, гонимой и столь же высокоморальной и невиновной, как христиане древней Римской империи, — причем делал это с мужественным достоинством, открытостью и энтузиазмом, которые не были превзойдены ни до, ни после. Кальвин последовал примеру Цвингли, который в вероисповедании, написанном перед смертью, обратился к тому же правителю (1531). Эти обращения, как и апологии доникийской эпохи, не достигли престола или не повлияли на него, но сформировали общественное мнение, которое могут превзойти, но не заменить престолы, и остаются живой силой до сих пор.

Предисловие к *Institutio* считается одним из трех бессмертных предисловий в литературе. Другие два — это предисловие президента французского парламента Де Ту к его «Истории моего времени» и предисловие Казобона к «Полибию». Предисловие Кальвина превосходит их по важности и интересу. Приводим в качестве образца его начало и конец⁴⁶¹.

Когда я начал этот труд, Сир, мне и в голову не приходило написать книгу, которая потом будет представлена Вашему Величеству. В мои намерения входило только изложить несколько элементарных принципов, с помощью которых исследователи темы религии могли бы понять природу подлинного благочестия. Я предпринял этот труд в основном ради моих соотечественников, французов, среди которых, как я знаю, многие алчут и жаждут Христа, но очень немногие обладают реальными знаниями о Нем. Таков был мой замысел, и сама книга доказывает это своим простым методом и неприукрашенной композицией. Но когда я понял, что злоба некоторых грешников в Вашем королевстве достигла такой силы, что в стране нет места для здравого учения, я подумал, что сделал бы полезное дело, если бы в том же труде дал наставления им и представил свое вероисповедание Вам, чтобы Вы знали природу того учения, на которое обрушилась такая несдержанная ярость безумцев, будоражащих сейчас страну огнем и мечом. Ибо я не боюсь признать, что этот трактат содержит итоги того самого учения, которое, по их заявлениям, заслуживает наказания в виде заключения, изгнания и костра и должно быть стерто с лица земли. Я прекрасно знаю, сколь отвратительной клеветой они наполнили Ваш слух, чтобы выставить наше дело как можно более непривлекательным. Но Ваша милость подскажет Вам, что если бы все эти обвинения были правдивыми, это означало бы конец всякой невинности в словах и поступках.

⁴⁶¹ Я использовал точный перевод Джона Аллена и сравнивал его с латинским оригиналом.

* * *

Однако я возвращаюсь к Вам, Сир. Пусть Ваше Величество не слушает те беспочвенные обвинения, которыми наши противники стараются Вас утратить. Например, что единственная цель и желание этого нового Евангелия, как они его называют, — стать предлогом обольщения и безнаказанно совершать преступления. «Но Бог не есть Бог неустойчивости, но мира», а Сын Божий пришел уничтожить дела дьявола, служителя греха. Несправедливо обвинять нас в таких помыслах и желаниях, в которых мы никогда не давали повода себя заподозрить. Может ли быть, что мы хотим государственных переворотов? Мы, от которых никогда не было слышно ни одного ведущего к расколу слова, и чья жизнь всегда была мирной и честной, когда мы жили под Вашим правлением, и кто даже сейчас, находясь в изгнании, не перестает молиться о процветании Вашем и Вашего королевства! Может ли быть, что мы боремся за право творить преступления безнаказанно? Ведь даже если нас и можно обвинить в каких-то вещах, мы не давали повода к упрекам в столь суровом грехе. Божьей благодатью мы приняли Евангелие для того, чтобы наша жизнь была примером целомудрия, щедрости, милосердия, умеренности, терпения, скромности и всех прочих добродетелей. Невозможно отрицать, что мы искренне боимся Бога и поклоняемся Ему, что мы хотим освятить Его имя своей жизнью и своей смертью, и сама зависть вынуждена свидетельствовать о невинности и гражданской честности некоторых из нас, подвергнутых смертной казни как раз за то, за что следовало бы больше остальных хвалить. Даже если бы благовестие и было предлогом к восстаниям, чего еще не случалось в Вашем королевстве, и даже если бы какие-то люди сделали свободу безвозмездной Божьей благодати оправданием для разнузданных пороков, чего мне еще не встречалось, то существуют законы и законные наказания, согласно которым каждый получает то, что заслуживает. Но не будем упрекать Божье Евангелие в преступлениях грешных людей. Теперь, Сир, подлость наших клеветников проявилась в достаточном количестве случаев, чтобы Вы не воспринимали их обвинения так же легковерно, как до сих пор.

Я боюсь, что слишком сильно вдавался в подробности и потому предисловие уже достигло размера целой апологии, хотя я как раз хотел в нем не оправдываться, а только подготовить Ваш разум к ходатайству за наше дело. И даже если сейчас Вы не принимаете нас, отчуждены от нас и настроены против нас, мы надеемся вернуть себе Вашу милость, если Вы хотя бы раз спокойно и внимательно прочитаете это наше вероисповедание, которое было задумано как наша защита перед Вашим Величеством! Если же, напротив, Ваш слух так внимает нашептываниям злодеев, что у Вас нет возможности позволить обвиняемым говорить за себя, и если эти свирепые недоброжелатели, с Вашего согласия, продолжают нас преследовать тюрьмой, бичами, пытками, конфискациями и кострами, мы воистину, как овцы, предназначенные для заклания, окажемся в крайне трудном положении. Но мы будем терпеливо хранить свою душу и ждать, когда подействует рука Господа, Который, без сомнения, явится в должное время и вооружится для избавления несчастных от их скорбей и для наказания их хулителей, которые сейчас радуются своей совершенной безопасности.

Да укрепит Господь, Царь царей, Ваш престол истиной, а Ваше королевство равенством.

Первое издание «Наставлений» было кратким учебником, содержавшим, в шести главах, объяснение: 1) Десяти заповедей; 2) Апостольского символа веры; 3) Молитвы Господней; 4) крещения и вечера Господней; 5) других так называемых таинств; 6) христианской свободы, христианского управления и дисциплины. Во втором издании было уже семнадцать, а в третьем — двадцать одна глава. Последнее авторское издание, 1559 г., выросло в сравнении с первоначальным в четыре — пять раз и было поделено на четыре книги. Каждая книга состояла из глав (от семнадцати до двадцати пяти), а каждая глава — из разделов. Оно, как и всякий хороший катехизис, следует порядку Апостольского символа веры, то есть порядку откровения Бога как Отца, Сына и Святого Духа. В первой книге говорится о познании Бога Творца (о собственно богословии, как знании о Боге); во второй — о познании Бога Искупителя (о христологии); в третьей — о Святом Духе и о применении спасительного служения Христа (о сотериологии); в четвертой — о средствах наделения благодатью, а именно, о церкви и таинствах⁴⁶².

⁴⁶² Сам Кальвин так рассказывает в предисловии к последнему изданию об улучшениях своего труда: «В первом издании этой книги, не ожидая успеха, который Господь, в Своей безграничной благодати, послал мне, я излагал предмет по большей части поверхностно, как принято в подобных трактатах. Но когда я понял, что почти все благочестивые люди так благосклонно

Хотя труд был существенным образом улучшен рукой автора в плане объема и полноты изложения, но уже первое его издание содержало все существенные особенности системы Кальвина. *Ex ungue leonem* {лев узнаётся уже по когтям}. Однако учение Кальвина о предопределении изложено здесь в более простой и менее вызывающей возражения форме. Он говорит о светлой и утешительной стороне этого учения, а именно, о вечном предызбрании по безвозмездной Божьей благодати во Христе, и не упоминает о мрачной тайне осуждения и предопределения к гибели⁴⁶³. Он представляет свет без тени, истину без заблуждения. Он избегает парадоксов Лютера и Цвингли и держится в рамках разумной умеренности. Более полное логическое развитие его взглядов на предопределение и церковь относится к его пребыванию в Страсбурге, где он подготовил второе издание своих «Наставлений» и комментариев на Послание к римлянам.

Следующие разделы последнего издания о некоторых главных учениях дают ясное представление о духе и методе его труда.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ЗНАНИЕМ БОГА И ЗНАНИЕМ СЕБЯ

(Книга I, гл. 1, §§1, 2.)

1. Истинная и существенная мудрость состоит в основном из двух частей — знания Бога и знания себя. Но хотя эти две части знания очень тесно связаны, непросто понять, какая из них предшествует другой и порождает другую. Ибо, во-первых, ни один человек не может посмотреть на себя со стороны, но должен непосредственно обратиться к созерцанию Бога, Которым он «живет и движется и существует» (Деян. 17:28), поскольку очевидно, что таланты, которыми мы обладаем, происходят не от нас и что само наше существование есть всего лишь подсуществование в одном только Боге. Эти обильные блага, которые изливаются на нас с небес, образуют множество потоков, которые ведут нас к первоисточнику. Наша нищета помогает лучше понять безграничную полноту Бога. И особенно несчастье гибели, в которое мы погрузились из-за измены первого человека, вынуждает нас поднимать взгляд к небесам не только как жаждущим и оголодавшим, ища удовлетворения наших потребностей, но и как полным страха, чтобы научиться кротости.

Ибо поскольку человек живет в этом несчастном мире и его божественный облик запятнан, это печальное обстоятельство приводит к большому количеству скверны. Следовательно, всякий должен оказаться под таким впечатлением собственного несчастья, чтобы прийти к некоторому знанию Бога. Таким образом, ощущение нашей собственной несчастья, суетности, нищеты, немощи, скверны и греха ведет нас к восприятию и признанию того, что в одном лишь Господе можно найти истинную мудрость, твердую силу, совершенную благодать и безупречную праведность, то есть наши несовершенства ведут нас к мыслям о совершенствах Бога. И мы не можем по-настоящему стремиться к Нему, пока не станем недовольны собой. Ибо кто же не успокоится, если он доволен собой? И разве человек не будет благодушно любоваться собой, если он не знаком со своим подлинным поло-

приняли мой труд, чего я никогда не желал и на что не надеялся, когда я осознал, что получил больше внимания, чем заслуживал, я посчитал, что было бы с моей стороны великой благодарностью хотя бы не попытаться, в соответствии с моими скромными способностями, воздать должное вниманию ко мне — вниманию, которое само по себе подогрело мое трудолюбие. И я пытался сделать это не только во втором издании, а каждое последующее издание улучшалось и расширялось. Хотя я не сожалел о том, что столько трудился, я не был удовлетворен, пока труд не стал таким, каким я его публикую сейчас. И я верю, что представил своим читателям вещь, которую они единодушно одобряют. Я могу доказать, что проявлял усердие, выполняя это дело для церкви Божьей. Прошлой зимой, когда я уже думал, что перемежающаяся лихорадка станет причиной моей смерти, я работал тем больше, чем хуже мне становилось, пока не закончил эту книгу, чтобы оставить ее после себя в качестве благодарного ответа на столь доброе отношение верующих читателей. Конечно, я предпочел бы, чтобы это было сделано раньше, но главное, я успел. Я буду считать, что она появилась в должное время, когда она еще больше, чем раньше, окажется полезной для церкви Божьей. Именно таково мое единственное желание».

⁴⁶³См. цитаты об этом учении в Schweizer, *Centraldogmen*, I. 150-152, и в Stähelin, I. 66-68.

жением, если он доволен своими дарованиями и не знает или забывает о своем несчастье? Следовательно, знание себя не только побуждает нас искать Его, но и помогает нам Его найти.

2. С другой стороны, ясно, что ни один человек не может по-настоящему узнать себя, не размыслив сначала о Божьем характере и не начав потом рассматривать свой. Ибо природная гордость всех нас такова, что мы неизбежно считаем себя праведными, невинными, мудрыми и святыми, пока не получаем ясных доказательств своей несправедливости, низости, безумия и нечистоты. Но мы никогда не убедимся в этом, если будем смотреть только на себя, а не на Господа, Который есть единственный образец, позволяющий нам составить верное суждение о себе...

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВЕРЫ В ПИСАНИЕ

(Книга I, гл. 8, §§1, 2.)

1. Без этой уверенности [т. е. без свидетельства Святого Духа], которая лучше и сильнее любого человеческого суждения, напрасно было бы приводить доводы в пользу авторитета Писания, говорить о всеобщем согласии церкви или о других доказательствах. Ведь если не заложить основание, вопрос навсегда останется подвешенным. И напротив, если рассматривать его с другой точки зрения, отличающейся от обыденной, мы сразу обнаруживаем в Писании все достоинства его превосходства и обретаем великое содействие в тех вопросах, которые не смогли бы с уверенностью решить силой собственного ума. Поразительно, какую уверенность внушает нам подробное изучение порядка и расположения божественной мудрости, которая содержится в Писании, небесной природы его учения, в котором нет ничего земного, прекрасной согласованности его частей между собой и других подобных качеств, вызывающих уважение к любому произведению. Но наши сердца убеждаются еще сильнее, когда мы сознаём, что Писание гораздо более восхитительно достоинством темы, нежели красотой языка. И даже этого не наблюдалось бы без особого Божьего провидения — поскольку возвышенные тайны небесного царства по большей части передавались низким и простым слогом, а если бы они излагались с большим великолепием красноречия, то нечестивые могли бы сказать, что именно в этом причина их успеха. Теперь же, когда необразованная и почти грубая простота вызывает даже больше почтения, чем все изящества риторики, какое еще мнение может у нас сложиться, если не то, что истина Священного Писания слишком могущественна, чтобы нуждаться в помощи словесных искусств? Итак, апостол справедливо утверждает, что вера коринфян была основана не на «убедительных словах человеческой мудрости», а на «явлении духа и силы», каковым была его проповедь перед ними (1 Кор. 2:4). Ибо истина освобождается от всех сомнений, когда может поддерживать себя сама, без посторонней помощи. То, что такова особенность Писания, видно из неполноты всех человеческих сочинений: сколь бы изысканно они ни были отполированы, они все же не могут произвести такое же впечатление на наши умы. Почитайте Демосфена или Цицерона, почитайте Платона, Аристотеля или любого другого автора из этой когорты, — и я гарантирую, что вам понравится. Вы будете в восторге, тронуты и увлечены ими поразительным образом. Но, прочитав их, вы вернетесь к священной книге, хотите вы того или нет, и она произведет на вас такое мощное действие, так проникнет в ваше сердце, так запечатлится в вашем сознании, что, в сравнении с ее мощным влиянием, все красоты ораторов и философов будут почти забыты, ибо в Священном Писании легко уловить то божественное, которое намного превосходит лучшие достижения и украшения человеческого трудолюбия.

2. Я согласен, действительно, слог некоторых пророков точен, изыщен и даже великолепен, так что по красноречию они не уступают языческим авторам. Этими примерами Святому Духу угодно было показать, что Ему присуще красноречие, даже если в других местах Его стиль был грубым и простым. Но читаем ли мы Давида, Исаию и других подобных им по своему нежному и приятному течению слов — или же Амоса, пастуха, Иеремию и Захарию, чей грубый слог отдает сельской местностью, величие Духа, о котором я упомянул, видно везде... Хотя некоторые люди и стараются придирается к разным отрывкам, Священное Писание явно изобилует изречениями, превосходящими способности человеческого восприятия. Изучите всех пророков — и вы не найдете среди них ни одного, кто не превзошел бы намного человеческие способности. А если кому их учение безразлично, это объясняется лишенностью всяческого истинного вкуса...

11. Если мы обратимся к Новому Завету, то чем подкрепляется его истинность? Три евангелиста рассказывают свои истории низменным и простым языком. Многим гордым людям неприятна эта простота, потому что они не понимают основных положений учения; но здесь легко увидеть, что речь идет о небесных тайнах, которые выше человеческих способностей. Те, кто обладает искрой истинной скромности, без сомнения, будут пристыжены, если пролистают первую главу Луки. А речи Христа, четко обобщающие всё, что присутствует в трех евангелиях, не позволяют презрительно отзываться об этих произведениях. Иоанн же, мощный в своей превознесенности, как удар грома, обращает в пыль упрямство тех, кто не хочет повиноваться в вере. Пусть все эти критики, высшее удовольствие которых состоит в изгнании любых ссылок на Писание из собственных сердец и сердец

других людей, выйдут на всеобщее обозрение. Пусть они прочитают Евангелие от Иоанна. Хотя бы этого или нет, они найдут там множество мест, которые, по меньшей мере, вызовут у них беспокойство и даже внушат им ужас, который пресечет их насмешки. Таков же метод Павла и Петра, в трудах которых, хотя они по большей части и туманны, присутствует небесная высота, привлекающая всеобщее внимание. Их учение возвышается над миром в силу уже одного того обстоятельства, что Матфей, который посвящал себя денежному ремеслу, и Петр с Иоанном, которые занимались рыбацкими лодками, все были простыми, неграмотными людьми и ни в одной человеческой школе не могли научиться ничему из того, что они поведали другим. А Павел, который был не только заклятым, но жестоким и кровожадным врагом, обратился в нового человека и своим внезапным и неожиданным обращением доказывает, что он был вынужден по повелению небес защищать то самое учение, с которым раньше боролся. Пусть противники Писания отрицают, что на апостолов сошел Святой Дух, и пусть они спорят о достоверности этой истории, но сами факты громко провозглашают, что апостолов научил Дух, в результате чего они, ранее презираемые как последние из людей, вдруг начали в столь величественной манере говорить о небесных тайнах...

13. Следовательно, Писание только тогда будет эффективно порождать спасительное знание о Боге, когда уверенность в нем будет основана на внутреннем убеждении Святого Духа. Только тогда те человеческие свидетельства, которые подтверждают его, не будут бесполезны, когда они будут следовать за первым и основным доказательством, как второстепенные подспорья в нашей глупости. Но безумны те люди, которые хотят логически доказать неверующим, что Писание есть Слово Божье, ибо этого нельзя узнать без веры. И Августин справедливо замечает, что человек может понять что-то в этих великих вопросах, лишь когда в нем уже присутствуют благочестие и спокойствие ума.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ

(Книга III, гл. 9, §§1, 3, 6.)

1. От каких бы скорбей мы ни страдали, мы всегда должны помнить о конце — приучая себя презирать эту жизнь, чтобы возвыситься до размышления о той жизни, которая грядет. Ибо Господь, прекрасно зная о нашем природном желании грубой любви к миру, использует самый превосходный метод, пытаясь вернуть нас к Себе и пробудить от нашей бесчувственности, чтобы мы не цеплялись так упорно за эту нелепую привязанность. Нет среди нас такого, кто не желал бы прожить всю свою жизнь целиком, кто не мечтал бы и не стремился бы к небесному бессмертию. Ибо мы стыдимся того, что ни в чем не превосходим грубый скот, положение которого было бы ничем не хуже нашего, если бы у нас не оставалось надежды на вечность после смерти. Однако если вы изучите желания, цели и поступки каждого человека, вы не найдете в них ничего, кроме земного. Отсюда та глупость, из-за которой умственный взор, ослепленный пустым сиянием богатств, власти и почестей, не видит далеко. Сердце тоже занято и подавлено жадностью, амбициями и другими беспорядочными желаниями и не может возвыситься. Одним словом, вся душа, очарованная плотскими радостями, ищет счастья на земле.

Чтобы противостоять этому злу, Господь, посредством постоянных уроков несчастья, учит Своих детей суетности текущей жизни. Чтобы они не уповали на глубокий и безопасный мир в ней, Он допускает у них частые тревоги, войны или бунты, грабеж или другие неприятности. Чтобы они не слишком жаждали преходящих и непостоянных богатств и не зависели от того, что имеют, — иногда посредством изгнания, иногда посредством бесплодия земли, иногда посредством наводнения, а иногда другими средствами — Он обрекает их на нищету или, по крайней мере, ограничивает средним доходом. Чтобы они слишком беспечно не радовались благословениям супружества, Он либо огорчает их греховностью жен, либо смиряет с помощью грешного потомства, либо огорчает отсутствием или потерей детей. Но если Он и делает всё это с ними, то затем, чтобы они не гордились напрасно и не были слишком самоуверенны. С помощью болезней и опасностей Он показывает им нестойкий и преходящий характер всех земных благословений. Итак, мы воистину получаем пользу из наказания креста, если узнаём, что эта жизнь, рассматриваемая сама по себе, беспокойна, тревожна, несчастна во многих отношениях, ни в чем не исполнена счастья, а все ее так называемые благословения сомнительны, преходящи, тщетны и к ним примешано множество зол. В результате Бог подсаживает нам вывод, что на земле нельзя найти ни ожидать ничего, кроме борьбы, и в помышлениях о венце полезнее поднимать глаза к небу. Ибо следует признать, что ум никогда серьезно не желает будущей жизни и не размышляет о ней, если предварительно не проникся презрением к жизни текущей...

3. Но верующие должны примириться с таким пренебрежением этой жизнью, чтобы в них не возникло ненависти к жизни или неблагодарности к самому Богу. Ибо хотя эта жизнь и полна бесчисленных несчастий, она заслуженно считается одним из Божьих благословений, которым не следует пренебрегать. Поэтому если мы не видим в ней Божьей благодати, мы уже виновны в немалой

неблагодарности по отношению к Самому Богу. А для верующих она особенно должна быть свидетельством Божьего благоволения, потому что вся она предназначена для приближения их спасения. Ибо прежде чем открыть нам наследство вечной славы, Бог хочет явить нам Себя как нашего Отца в менее значительных вещах; и таковы блага, которые Он ежедневно дарует нам. Так как эта жизнь должна быть подчинена познанию Божьей благодати, должны ли мы насмехаться над нею, как если бы в ней не было ничего благого? Следовательно, мы можем обладать таким чувством и привязанностью, чтобы причислять ее к избытию Божьей доброты, которое нельзя отвергать. И даже если бы отсутствовали свидетельства Писания об этом — которых очень много и которые очень ясны, — то уже сама природа призывает нас благодарить Господа за то, что Он дал нам свет жизни, позволил нам пользоваться им и оказал всю необходимую помощь для устояния. И у нас возникает еще больше причин для благодарности, если вспомнить, что мы здесь в той или иной степени готовимся к славе небесного царства. Ибо Господь усмотрел, чтобы те, кто впоследствии будет увенчан на небесах, сначала претерпели страдания на земле и чтобы они пришли к славе, перенесши сначала трудности борьбы и одержав победу. Еще одна причина для благодарности в том, что мы уже здесь начинаем, в разных благословениях, вкушать сладость Божьей благодати, а в результате устремляем свою надежду и желание к ее наиболее полному изъяснению. Когда же мы приходим к выводу, что наша жизнь в этом мире — дар Божьей милости, которой мы обязаны только Ему, и потому должны благодарить за нее, тогда для нас наступает самое время снизойти до мыслей о своем несчастном состоянии, чтобы избавиться от непомерного вожделения, к которому, как уже говорилось, мы склонны от природы...

6. Нет никаких сомнений в том, что вся семья верующих, пока они живут на земле, должна считаться «овцами, обреченными на заклание» (Рим. 8:36), чтобы соответствовать Христу, своему Главе. Поэтому их состояние особенно плачевно, если они не возносят свои мысли к небесам, не поднимаются над всем подлунным миром и не всматриваются в будущее (1 Кор. 15:19). И напротив, когда они уже подняли свои головы над этим миром — то даже если они видят, как нечестивые процветают в богатствах и почестях и наслаждаются самым полным спокойствием, даже если они видят, как эти нечестивые хвалятся своим великолепием и роскошью, даже если они видят этих нечестивых погруженными в удовольствия и даже если эти нечестивые донимают их своей греховностью, оскорбляют своей гордостью, душат своей жадностью и подвергают прочим незаконным соблазнам, — им все равно нетрудно будет устоять даже перед лицом таких испытаний, потому что они помнят о том дне, когда Господь примет Своих верных слуг в Свое мирное царство, утрит все слезы с их глаз (Ис. 25:8; Отк. 7:17), облачит их в одежды радости, украсит их венцами славы, будет ублажать Своими вечными наслаждениями, возвысит до общения с Собой, — одним словом, почтит участием в Своем счастье. А нечестивых, которые были великими в этом мире, Он низведет до крайнего бесчестия. Он превратит их наслаждения в мучения, их смех и мирт — в плач и скрежет зубов. Он нарушит их спокойствие ужасными муками совести и накажет их неугасимым огнем. Он даже подчинит их благочестивым, чьим терпением они злоупотребляли. Ибо, согласно Павлу, у Бога считается праведностью воздать скорбью тем, кто доставлял беспокойство святым, и дать покой тем, кто пребывает в мучении, когда Господь Иисус явится с небес (2 Фес. 1:6,7). Таково наше единственное утешение, и без него мы должны были бы обязательно впасть в отчаяние или обречь себя на погибель, предаваясь пустым развлечениям мира. Ибо даже псалмопевец признается, что впадал в сомнения, когда слишком много смотрел на текущее процветание нечестивых, и что утвердиться он смог, только войдя в святилище Бога и обратив свой взор на окончательную судьбу благочестивых и грешников (Пс. 120:2 и т. д.).

Одним словом, крест Христов одерживает в сердце верующего победу над дьяволом и плотью, над грехом и над нечестивыми людьми, лишь когда его взор обращен на силу воскресения.

ХРИСТИАНСКАЯ СВОБОДА

(Книга III, гл. 19, §9.)

1. Следует отметить, что христианская свобода — во всех отношениях духовная вещь, и вся ее добродетель состоит в успокоении устрашающей пред Богом совести, — тревожит ее вопрос отпущения грехов, или она хочет знать, угодны ли Богу ее труды, которые несовершенны и смешаны с плотской скверной, или же ее волнуют вещи, по поводу которых нет четких указаний. А потому виновны в извращении ее значения те, кто либо делает ее предлогом для удовлетворения своих желаний, злоупотребляя Божьими благословениями ради чувственности, либо полагает, что никакой свободы нет, кроме человеческой, то есть ею надо пользоваться, не обращая внимания на своих более слабых братьев.

2. Первый из этих грехов более распространен в наше время. Вряд ли тот, кому его богатство позволяет роскошествовать, не радуется избыточному великолепию своих развлечений, одежды и зданий, не желает превосходить других в излишествах всякого рода и не льстит сам себе своей

изысканностью. И такой грешник находит оправдание себе в христианской свободе. Он утверждает, что всё это — «незначительные» вопросы. Но когда он этого так пылко желает, так гордо этим хвалится, придает этому столько значения, даже если вещи и действительно сами по себе незначительны, то он становится полностью осквернен этими пороками. В отрывке из Павла прекрасно показано, что именно не имеет значения: «Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть» (Тит. 1:15). Ибо почему объявляется проклятие богатым, которые «получили свое утешение», которые «пресыщенные», «смеющиеся ныне» «лежат на ложах из слоновой кости», «едят лучших оводов из стада», «поют под звуки гуслей» и «пьют из чаш вино» (Лк. 6:24,25; Ам. 6:1; Ис. 5:8)? Да, слоновая кость, золото и богатства всякого рода — это, без сомнения, благословения Божьего провидения. Они не только разрешены, но и специально созданы для людей. Нигде не запрещено ни смеяться, ни есть, ни умножать владения своих предков, ни наслаждаться музыкальными аккордами, ни пить вино. Да, это так. Но желание погружаться в чувственные удовольствия среди изобилия вещей, насыщать сердце и ум текущими радостями и постоянно желать новых очень далеко отстоит от правомерного использования Божьих благословений. А потому давайте избегать неумеренного веселья, чрезмерной расточительности, суетности и высокомерия и с чистой совестью, правильно пользоваться дарами Бога. Когда наши сердца привыкнут к такой трезвости, они смогут по праву наслаждаться благами. И напротив, без этой умеренности даже обычные радости простых людей становятся крайностями. Ибо правильно замечено, что гордое сердце часто скрывается под лохмотьями, а простота и кротость иногда оказываются спрятаны под пурпуром и льном.

3. Пусть все люди, в каком бы положении они ни находились — бедны они, среднего достатка или живут в изобилии, — помнят о той истине, что Бог дает Свои благословения для поддержания жизни, а не для роскоши, и пусть они считают это утверждение законом христианской свободы, смысл которой — преподавать урок, который усвоил Павел, когда сказал: «Я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке» (Флп. 4:11-12).

УЧЕНИЕ ОБ ИЗБРАНИИ

(Книга III, гл. 21, §1.)

1. Ничто иное [кроме избрания безвозмездной благодатью] не производит в нас достаточного смирения и не позволяет нам должным образом осознать, скольким мы обязаны Богу. Нет и другого основания для прочной веры, даже в словах Христа, Который, чтобы избавить нас от всякого страха и сделать непобедимыми среди стольких опасностей, ловушек и смертельной борьбы, обещает сохранить в безопасности всех, кого Отец вверил Его заботе... Обсуждение предопределения — темы, которая сама по себе весьма запутанна, — стало очень сложным и опасным из-за человеческого любопытства, поскольку никакие барьеры не могут удерживать его от погружения в запретные лабиринты и от выхода за пределы его компетенции в желании не оставить неизученной и неисследованной ни одной Божьей тайны... Те тайны, которые Бог счел необходимым явить нам, Он открыл в Своем Слове, и Он сделал так, считая, что именно эти открытые Им тайны должны нас интересовать и пойти нам на пользу...

2. Давайте помнить, что желание иного знания о предопределении, нежели то, которое открыто в Слове Божьем, — это великое безумие. Это стремление идти непроходимыми путями или видеть в темноте. А потому не стоит стыдиться того, что мы остаемся невежественными в некоторых вопросах предопределения, ибо это ученое невежество (*aliqua docta ignorantia*)...

3. Другие, желая исправить это зло, вообще избегают упоминаний о предопределении, как если бы его не было... Их умеренность похвальна, ибо подобные тайны должны рассматриваться с великой здравостью, однако, опускаясь так низко, они не воздействуют на ум человека, который отказывается подчиниться не обоснованным разумно ограничениям... Писание — это школа Святого Духа, которая не обходит стороной ничего нужного и полезного и не учит знанию, которое не приносило бы пользы. ...Позволим христианину открыть свое сердце и слух для всех речей, с которыми обращается к нему Бог, с тем лишь ограничением, что когда Господь Сам затворяет Свои священные уста, это значит, что Он не желает и дальнейших исследований... «Скрытое, — сказал Моисей (Вт. 29:29), — принадлежит Господу Богу нашему, а открытое — нам и сынам нашим до века, чтобы мы исполняли все слова закона сего».

5. Предопределение, посредством которого Бог одних усыновляет к упованию жизни, а других обрекает на вечную смерть, никто из стремящихся к благочестию отрицать не смеет... Предопределением мы называем вечный промысел Бога, посредством которого Он в Себе решил, что будет с каждым человеком. Ибо не все сотворены для одинаковой судьбы, но для одних предопределена вечная жизнь, а для других — вечное проклятие. Следовательно, каждый человек сотворен с одной из этих целей — мы сказали бы, что он предопределен к жизни или к смерти. Бог не только открыл

вает нам это на примере отдельных людей, но дал нам в пример всё потомство Авраама, явно показывая: будущее каждого народа зависит от Его выбора (Вт. 32:8-9).

§80. Из Базеля в Феррару. Герцогиня Рене

Вскоре после публикации этого великого труда, если не до нее, в марте 1536 г. Кальвин в компании Луи дю Тилле пересек Альпы и отправился в Италию, на классическую почву литературного и художественного Возрождения. Он надеялся помочь делу Возрождения религиозного. Он отправился в Италию как благовестник, а не как монах, в отличие от Лютера, который в Риме своими глазами увидел, как осуществляется папское руководство на деле.

Несколько месяцев Кальвин провел в Ферраре, при блестящем дворе герцогини Рене, или Ренаты (1511 — 1575), второй дочери Людовика XII Французского, и произвел на нее сильное и стойкое впечатление. Вероятно, она слышала о нем от королевы Маргариты и пригласила его в гости. Она была невысокой и уродливой, но благородной, благочестивой и одаренной женщиной, как и ее подруги, королева Маргарита и Виттория Колонна. Она собрала вокруг себя самые яркие умы Возрождения из Италии и Франции, но еще больше симпатизировала духу Реформации и была явно увлечена Кальвином. Она избрала его наставником своей совести и позже советовалась с ним как с духовным отцом до конца его жизни⁴⁶⁴. Он выполнял эти обязанности с искренностью и верностью христианского пастыря. Нет ничего более достойного и мужественного, чем его письма к ней. Гизо утверждает, со всей компетентностью, что «великие католические епископы, которые в XVII веке управляли умами величайших людей Европы, выполняли эту трудную задачу с меньшей христианской твердостью, разумной справедливостью и знанием мира, чем Кальвин проявил в общении с герцогиней Феррары»⁴⁶⁵.

Ренан удивляется тому, что столь строгий моралист мог оказывать длительное влияние на такую даму, и объясняет это силой его убеждения. Но узы между ними были прочнее. Она увидела в Кальвине человека, который удовлетворит ее духовные потребности, и он действительно дал ей силу и утешение в битвах этой жизни, помог противостоять опасностям инквизиции, пережить заключение, а после смерти мужа и возвращения во Францию (1559) открыто исповедовать и сохранять евангельскую веру в самых сложных обстоятельствах, когда ее собственный зять, герцог Де Гиз, вел войну за уничтожение протестантов. Она продолжала открыто переписываться с Кальвином, и его последнее письмо на французском, написанное за двадцать три дня до его смерти, адресовано ей. Она была в Париже во время ужасной Варфоломеевской ночи, и ей удалось спасти жизнь несколькими выдающимися гугенотам⁴⁶⁶.

⁴⁶⁴ Беза (xxi. 123): *Illam [Ferrariensem Ducissam] in vero pietatis studio confirmavit, ut eum postea vivum semper dilexerit, ac nunc quoque superstes gratiae in defunctum memoriae specimen edat luculentum*. Колладон (53) также говорит, что герцогиня, которая была тогда еще жива, уважала Кальвина до и после его смерти. Бользек в своей книжке (гл. v. 30) упоминает о визите в Феррару, но предполагает, что мотивом Кальвина была жажда наживы. «Кальвин, — говорит он, — отправился в Германию и Италию в поисках приключений. Он проехал через город Феррару, где получил вспоможение от госпожи герцогини».

⁴⁶⁵ *St. Louis and Calvin*, p. 207. Он добавляет: «И герцогиня была не единственной, по отношению к кому он выполнял обязанности христианского пастыря. По его переписке видно, что он оказывал подобное влияние в духе равно возвышенном и пронизательном на совесть многих протестантов».

⁴⁶⁶ См. переписку у Бонне и в страсбургско-брауншвейгском издании. О Рене и ее отношениях с

Столкнувшись с угрозой инквизиции, которая начала сокрушать и Возрождение, и Реформацию как двух опасных гадюк, Кальвин направился, вероятно, через Аосту (место рождения Ансельма Кентерберийского) и Сен-Бернар, в Швейцарию.

Предание, достоверность которого сомнительна, связывает с этим путешествием преследования и бегство Кальвина в долине Аосты, которые были увековечены пять лет спустя (1541) мемориальным крестом с надписью *Calvini Fuga*⁴⁶⁷.

В Базеле он расстался с дю Тилле и нанес последний визит в свой родной город, чтобы окончательно уладить семейные дела⁴⁶⁸.

Затем он покинул Францию вместе со своим младшим братом Антуаном и своей сестрой Мари навсегда, надеясь обосноваться в Базеле или Страсбурге, чтобы вести спокойную жизнь ученого и писателя. Из-за войны между Карлом V и Франциском I короткий путь через Лотарингию был закрыт, а потому он отправился в объезд, через Женеву.

Кальвином см. в Henry, I. 159, 450-454; III. Beilage 142-153; в кратком труде — 62-69; 478-483; Stähelin, I. 94-108; Sophia W. Weitzel, *Renée of France, Duchess of Ferrara*, New York, 1883; Theod. Schott, в Herzog², XII. 693-701.

⁴⁶⁷ В городе Аоста, недалеко от Круа-де-Вилля, стоит колонна высотой 2,4 м, увенчанная каменным крестом, со следующей надписью:

HANC CALVINI FUGA EREXIT ANNO MDXLI RELIGIONIS CONSTANTIA REPARAVIT ANNO MDCCXLI.

Надпись была обновлена в 1841 г., и к ней было сделано следующее добавление (по словам Мерля д'Обинье, который видел ее лично, vol. V, 531):

CIVIVM MUNIFICENTIA RENOVAVIT ET ADORNAVIT.

ANNO MDCCCXLI.

Religionis constantia, должно быть, обозначает римскую веру, которая изгнала Кальвина и его ересь. Доктор Мерль д'Обинье считает бегство Кальвина историческим фактом просто на основании наличия данного монумента, но молчание на сей счет Кальвина, Безы и Колладона заставляет в нем усомниться. См. J. Bonnet, *Calvin au Val d'Aosta*, 1861; A. Rilliet, *Lettre Mr. Merle d'Aubigné sur deux points obscure de la vie de Calvin*, 1864; Stähelin, I. 110; Kampschulte, I. 280 (note); *La France Prot.*, III. 520; Thomas M'Crie, *The Early Years of Calvin*, pp. 95, 104. FONTANA: *Documenti del archivio vaticano e dell' Estenso circa soggiorno di Calvino a Ferrara*, 1885. Сомба в «*Rivista christiana*», 1885; SANDOVINI в «*Rivista stor. italiana*», 1887.

⁴⁶⁸ Визит в Нуайон упоминается у Безы в латинской биографии. Он добавляет, что тогда Кальвин забрал с собой в Женеву единственного оставшегося в живых брата, Антуана (XXI. 125). Колладон (58) соглашается с этим и сообщает нам, что Кальвин оставил в Базеле дю Тилле, направившегося оттуда в Невшаталь. Во французской биографии Кальвина Беза не упоминает о путешествии во Францию: «По возвращении из Италии... он в добрый час прибыл в город Женеву».

ГЛАВА X

ПЕРВОЕ ПРЕБЫВАНИЕ И ТРУДЫ КАЛЬВИНА В ЖЕНЕВЕ. 1536 — 1538

О 1536 г., а особенно о 1541 г. у нас есть, помимо трудов и посланий Кальвина, его корреспондентов и других современников, такие важные источники информации:

1. *Registres du Conseil de Genève*, 1536 — 1564. Tomes 29-58.
  2. *Registres des actes de baptême et de mariage*, хранятся в архивах города Женевы.
  3. *Registres des actes du Consistoire de Genève*, постоянным членом которой был Кальвин.
  4. *Registres de la Vénérable Compagnie*, или Министрии Женевы.
  5. Архивы Берна, Цюриха и Базеля того периода, особенно Берна, который был в близких отношениях с Женевой и осуществлял нечто вроде протектората над ее церковью и правительством.
- На основании этих источников страсбургские издатели трудов Кальвина составили *Annales Calviniani*, в vol. XXI (или vol. XII *Thesaurus Epistolicus Calvinianus*), 185-818 (опубликован в 1879 г.). Этот же том содержит биографии Кальвина, написанные Безой (на французском и латыни) и Колладоном (на французском), эпитафию и *Notice littéraire*, 1-178.
- J. H. ALBERT RILLIET: *Le premier séjour de Calvin à Genève*. В издании французского катехизиса Кальвина им и Дюфуром. Geneva, 1878. — HENRY, vol. I, chs. VIII-IX. — DYER, ch. III. — STÄHELIN, I. 122 sqq. KAMPSCHULTE, I. 278-320. — MERLE D'AUBIGNÉ, bk. XI, chs. I-XIV.

§81. Приезд и пребывание Кальвина в Женеве

Кальвин прибыл в Женеву в конце июля 1536 г.⁴⁶⁹, через два месяца после публичного учреждения Реформации (21 мая).

Он сам говорит, что собирался в Женеве только переночевать, но провидение распорядилось иначе. Это был решающий момент его жизни, когда спокойный ученый превратился в активного реформатора.

Фарель узнал о его присутствии благодаря неумолимому рвению дню Тилле, который прибыл из Базеля через Невшатель и оставался в Женеве больше года. Фарель инстинктивно почувствовал, что провидение послало этого человека, чтобы дополнить и сохранить Реформацию в Женеве. Он сразу же позвал Кальвина и удерживал его, как по Божьему велению. Кальвин протестовал, ссылаясь на свою молодость, неопытность, необходимость дальнейших исследований, природную робость и скромность, которые делали его непригодным для общественной деятельности. Но всё было напрасно. Фарель, «который пылал от ревностного желания распространять Евангелие», угрожал Кальвину проклятием Всемогущего Бога, если он предпочтет свои исследования делу Господа и собственные интересы — делу Христа. Кальвин был испуган и потрясен этими словами бес-

⁴⁶⁹ Не в августе (как говорит Беза, *Annal.*, 126, 203, и большинство биографов). Он на две недели отправился в Базель (4 — 19 августа) и вернулся в Женеву, как обещал, примерно в середине августа, чтобы поселиться там. См. его письмо к Даниэлю от 13 октября 1536 г. в Herminjard, IV. 87; также note 77; также Rilliet and Roget.

страшного благовестника и испытал ощущение, «словно Бог свыше протянул к нему Свою руку». Он послушался и принял призвание на служение в качестве учителя и пастыря евангельской церкви Женевы⁴⁷⁰.

Это был акт послушания, жертвование собственными желаниями ради долга и собственной волей ради воли Бога.

Фарель дал Женеве Реформацию и Кальвина — два дара, которыми он увенчал свои деяния и обессмертил свое имя как одного из величайших благодетелей этого города и реформатского христианства.

Кальвин был предназначен для Женевы, а Женева для Кальвина. Оба «определили свое призвание и избрание».

В городе на озере Леман Кальвин нашел «неустойчивую республику, колеблющуюся веру, нарождающуюся церковь», а оставил его после себя Гибралтаром протестантизма, школой народов и церквей⁴⁷¹.

В городе тогда было всего около двенадцати тысяч жителей, но благодаря своему расположению на границе Франции и Швейцарии, недавнему освобождению от политического и религиозного деспотизма и редкому опыту республиканского самоуправления Женева предоставляла исключительные возможности для решения великих общественных и религиозных проблем, волновавших Европу.

Первые труды Кальвина в этом городе явно не увенчались успехом. Женевцы не были еще готовы и изгнали его, но через несколько лет позвали обратно. Они могли бы изгнать его опять и навсегда, ибо он был бедным, слабым и незащищенным. Но постепенно они поддались формирующей силе его гения и характера. Те, кто называет его «женевским папой», невольно делают ему величайший комплимент. Его успех был достигнут моральными и духовными средствами. Это почти что уникальный случай в истории.

§82. Первые труды и испытания

Кальвин начал свои труды 5 сентября 1536 г. с курса разъяснительных лекций о посланиях Павла и других книгах Нового Завета. Он читал их днем в церкви Св. Петра. Его слушали со всё большим вниманием. Он обладал редким учительским даром, а люди жаждали религиозных наставлений.

Вскоре он принял также должность пастора, от которой сначала отказался.

Фарель попросил у совета выделить жалование новому служителю, но члены совета не торопились это делать — они даже не догадывались, что Кальвин станет самым выдающимся гражданином Женевы, и называли его просто «француз»⁴⁷². Он не получал или почти не получал платы до 13 февраля 1537 г., когда совет выделил ему жалование в шесть золотых крон⁴⁷³.

⁴⁷⁰ Beza (Vita, XXI. 125): *At ego tibi, inquit [Farellus], studia tua praetextenti denuncio omnipotentis Dei nomine futurum ut, nisi in opus istud Domini nobiscum incumbas, tibi non tam Christum quam te ipsum quaerenti Dominus maledicat. Hac terribili denunciatione territus, Calvinus sese presbyterii et magistratus voluntati permisit, quorum suffragiis, accedente plebis consensu, delectus non concionator tantum (hoc autem primum recusarat), sed etiam sacrarum literarum doctor, quod unum admittebat, est designatus anno Domini MDXXXVI mense Augusto.* С этим следует сравнить собственный рассказ Кальвина, в предисловии к его комментариям на Псалтирь, и в *Ann. Calv.*, 203 sq. Мерль д'Обинье, в конце т. V, 534-550, драматически описывает прибытие Кальвина и беседу с Фарелем в Женеве, но описание несколько приукрашено его воображением.

⁴⁷¹ Мишле красноречиво рассказывает о том, как Кальвин преобразил Женеву, сделал ее из города удовольствий и торговли «фабрикой святых и мучеников», «поразительным городом, в котором всё было пламенем и молитвой — лекции, труды, строгость» (XI. 96).

Кальвин сопровождал Фареля в октябре на диспут в Лозанну (результатом которого стала Реформация в кантоне Во), но почти не принимал в нем участия и выступал только дважды. Фарель был старшим пастором и на двадцать лет старше. Он был главным. Но очень скоро Фарель с редким смирением и простотой уступил место своему более гениальному младшему другу. Он удовлетворился тем, что завоевал территорию для обновленного Евангелия, и предоставил другому право возвращать это Евангелие и наводить порядок в обстановке политического и церковного хаоса. Он с готовностью умаялся, чтобы Кальвин мог расти. А Кальвин, со своей стороны, всегда относился к Фарелю с радушием и благодарностью. Между ними не было и тени зависти или ревности.

Третьим реформатским проповедником был Куро, бывший монах-августинец, который, как и Кальвин, бежал из Франции в Базель в 1534 г. и был призван в Женеву, чтобы заменить Вире. Хотя он был очень стар и почти слеп, он проявлял не меньше рвения и энергии, чем его младшие коллеги. Соньер, ректор школы, активно симпатизировал Реформации, а вскоре после этого руководить школой стал Кордьер, любимый учитель Кальвина, который эффективно помогал служителям в их трудах. Вире иногда приезжал из соседней Лозанны. Брат Кальвина и его родственник Оливетан, который присоединился к ним в Женеве, укреплял его влияние.

У новорожденной церкви Женевы возникли проблемы с анабаптистами. Два анабаптистских проповедника прибыли из Голландии и приобрели некоторое влияние, но после бесплодного диспута они были изгнаны большим советом с территории города уже в марте 1537 г.⁴⁷⁴

Более серьезные проблемы создал Петер Кароли, доктор из Сорбонны, беспринципный, суетный и склонный к ссорам искатель приключений от богословия, который несколько раз менял свою веру, вел беспорядочный образ жизни и в конечном итоге помирился с папой и освободился от своей наложницы, которую называл женой. Он бежал из Парижа в Женеву в 1535 г., стал пастором в Невшателе, где женился, а потом в Лозанне. На синоде в Лозанне в мае 1537 г.⁴⁷⁵ он обвинил Фареля и Кальвина в арианстве, потому что в вероисповедании они избегали метафизических терминов *Троица* и *ипостась* (хотя Кальвин использует их в своих «Наставлениях» и катехизисе), а также потому, что они отказались, по просьбе Кароли, подписать Афанасьевский символ веры с его проклятиями, несправедливыми и немилосердными. Кальвин был возмущен его высокомерным и склочным поведением и обвинил его в безбожии. Он говорил: «Кароли ссорится с нами по вопросам природы Бога и различия ипостасей, но я пойду дальше и спрошу его, верит ли он вообще в Бога? Потому что я утверждаю перед Богом и людьми, что он верит в Слово Божье не более, чем пес или свинья, попирающие ногами святыни» (Мф. 7:6). Это первое проявление его

⁴⁷² *Ille Gallus. Annal. Calv. XXI. 204.*

⁴⁷³ В *Registres du Cons.* за эту дату написано: «Говорили также о Кальвинусе, что он еще ничего не получил, и было решено выделить ему шесть экю золотом» (*Annal.*, 208).

⁴⁷⁴ *Ann. 208-210. Conseil des Deux-cents (Lundi 19 Mars). Fuit propositum negotium illorum Katabaptistarum sur lesquelz a esté advisé que iceulx et tous aultres de leur secte soyent perpetuellement bannys de ceste citcet terres dicelle sus poenne de la vye.* Их попросили покаяться, но они ответили, что совесть им этого не позволяет, после чего они были «изгнаны навсегда».

⁴⁷⁵ Проблемы с Кароли начались в январе 1537 г.; синод был созван 13 мая. *Opera*, X. 82, sqq.; письмо к Фарелю, с. 102, к Кальвину, 107; *Annal.*, 207, 211. Kampschulte (I. 296) приводит неправильную дату (март).

гневного темперамента и презрительного тона, характерных для его полемических произведений. Он составил вместе со своими коллегами вероисповедание о Троице⁴⁷⁶. Синод, рассмотрев вопрос, был удовлетворен их защитой собственной ортодоксии и объявил Кароли виновным в клевете и недостойным служения. Он умер в больнице в Риме⁴⁷⁷.

§83. Реформаторы вводят порядок и дисциплину

Confession de la Foy laquelle tous les bourgeois et habitans de Genève et subjectz du pays doyvent jurer de garder et tenir; extraicte de l'instruction dont on use en l'église de la dicte ville, 1537. Confessio Fidei in quam jurare cives omnes Genevenses et qui sub civitatis ejus ditione agunt, jussi sunt. Французский вариант в *Opera*, vol. IX, 693-700 (и в Rilliet-Dufour, см. ниже); латинский — в vol. V, 355-362. См. также vol. XXII, 5 sqq. (опубликован в 1880 г.).

Le Catéchisme de l'Eglise de Genève, c'est à dire le Formulaire d'instruire les enfans la Chretiené fait en manière de dialogue ou le ministre interroge et l'enfant respond. Первое издание 1537 г. не поделено на вопросы и ответы и называется *Instruction et Confession de Foy dont on use en l'Eglise de Genève*. Экземпляр его был обнаружен (H. BORDIER) в Париже и опубликован (Th. DUFOUR) вместе с первым изданием *Confession de la Foy*, Geneva, 1878 (см. ниже). Экземпляр латинского издания 1545 г. был найден раньше в Герцогской библиотеке в Готе.

Catechismus sive Christianae religionis institutio, communibus renatae nuper in evangelio Genevensis ecclesiae suffragiis recepta et vulgari quidem prius idiomate, nunc vero Latine etiam in lucem edita, JOANNE CALVINO auctore. Первый набросок, или *Catechismus prior*, вышел в Базеле в 1538 г. (с латинским переводом вероисповедания 1537 г.). Перепечатан в *Opera* на обоих языках, vol. V, 313-364. Второй, или Большой катехизис вышел на французском в 1541 г., на латыни в 1545 г. и т. д.; оба переизданы в параллельных колонках в *Opera*, vol. VI, 1-160.

(NIEMEYER в своем *Coll. Conf.* приводит латинский текст Большого катехизиса вместе с молитвами и литургическими формами; см. его Proleg. XXXVII-XLI. Бёскел в своем *Bekentniss-Schriften der evang. Reform. Kirche* приводит перевод Большого катехизиса на немецкий, 127-172. Английский перевод был подготовлен маринскими беженцами в Женеве в 1556 г. и переиздан в DUNLOP, *Confessions*, II. 139-272.)

У Кальвина была под рукой практически все французские и гельветические вероисповедания того времени. См. *Opera*, IX. 693-772.

*ALBERT RILLIET and THÉOPHILE DUFOUR: *Le Catéchisme français de Calvin publié en 1537, réimprimé pour la première fois d'après un exemplaire nouvellement retrouvé, et suivi de la plus ancienne Confession de Foi de l'église de Genève (avec un notice sur le premier séjour de Calvin à Genève, par ALBERT RILLIET, et une notice bibliographique sur le Catéchisme et la Confession de Foi de Calvin, par THÉOPHILE DUFOUR)*, Genève (H. Georg.), и Paris (Fischbacher), 1878, 16°, pp. CCLXXXVIII и 146; репринт в *Opera*, XXII.

SCHAFF: *Creeds of Christendom*, I. 467 sqq. STÄHELIN, I. 124 sqq. KAMPSCHULTE, I. 284 sqq. MERLE D'AUBIGNÉ, VI. 328-357.

Женева больше всего остального нуждалась в сильном моральном правительстве, основанном на учении евангельской Реформации. Женевцы были легкомысленным и разгульным народом. Они любили развлечения, танцы, пение, маскарады и пирушки. Бездумные азартные игры, пьянство, прелюбодеяние, богохульство и прочие пороки встречались там в изобилии. Проституция была разрешена государством. Ею руководила женщина, которую называли «Царицей борделя». Народ был невежественным. Священники не старались обучать его и сами

⁴⁷⁶ *Confessio de Trinitate propter calumnias P. Caroli* (подписано Фарелем, Кальвином и Вире и одобрено Капитоном, Буцером, Миконием и Гринеем), *Opera*, IX. 703-710.

⁴⁷⁷ О спорах с Кароли см. Beza, *Vita*, Op. XXI. 126 sq.; Letters, nos. 638, 640, 644, 645, 665 (Herminjard, vol. 4); Ruchat, vol. V; Henry, I. 253; II. 37, 182; III. Beil., 209; Merle d'Aubigné, VI. 362 sqq.

подавали дурной пример. Чтобы бороться с этим злом, были подготовлены вероисповедание и популярный катехизис, первое — Фарелем, как старшим пастором, с помощью Кальвина⁴⁷⁸; второй — Кальвином. И оба были приняты и одобрены советом в ноябре 1536 г.⁴⁷⁹

Вероисповедание состоит из двадцати одной статьи, в которых кратко и ясно, понятно для народа, изложены основные учения евангельской веры. Оно начинается провозглашением Слова Божьего правилом веры и жизни и заканчивается утверждением о долге перед гражданскими властями. Учения о предопределении и осуждении тут нет, но ясно сказано, что человек спасается безвозмездной благодатью Бога без заслуг (ст. 10). Утверждается необходимость дисциплины посредством увещания и отлучения ради обращения грешника (ст. 19). Эта тема вызвала много неприятностей в Женеве и других швейцарских церквях. Вероисповедание подготовило путь для более полных реформатских вероисповеданий, таких как Галликанское, Бельгийское и Второе Гельветическое. Оно было напечатано и распространено в апреле 1537 г., и каждое воскресение его читали с кафедры, чтобы подготовить горожан к его принятию⁴⁸⁰.

Катехизис Кальвина, который предшествовал вероисповеданию, является поддержкой из его «Наставлений», но прошел несколько доработок. По возвращении из Страсбурга Кальвин расширил его до большего объема, в форме вопросов и ответов, как диалог между учителем и учеником. Катехизис долгое время использовался в реформатских церквях и школах, распространяя разумное благочестие и добродетель посредством систематического обучения Библии. Он включает в себя объяснение символа веры, Десяти заповедей и Молитвы Господней. Он более полон, чем у Лютера, но менее пригоден для детей. Беза говорит, что катехизис был переведен на немецкий, английский, шотландский, бельгийский, испанский языки, на еврейский язык Э. Тремеллием и, «самым изящным образом», на греческий Г. Стефаном. Катехизис составляет базу и материал для ряда похожих трудов, особенно англиканского катехизиса (Ноуэлла), Палатинатского (Гейдельбергского) и Вестминстерского катехизисов, которые постепенно вытеснили его.

Кальвина называли отцом народного образования и изобретателем бесплатной школы⁴⁸¹, но он должен разделить эту честь с Лютером и Цвингли.

Помимо вероисповедания и катехизиса, реформатские пасторы (т.е. Фарель, Кальвин и Куро) представили совету памятку о будущей организации и дисциплине церкви Женевы, в которой советовали часто и торжественно совершать вечерю Господню, как минимум раз в месяц, по очереди в одной из трех главных

⁴⁷⁸ Беза считает вероисповедание трудом Кальвина, но в страсбургском издании отстается авторство Фареля. *Opera*, XXII. Suppl. col. 11-18. Беза говорит (XXI. 126): *Tunc* [то есть после диспута в Лозанне, 1536] *edita est a Calvino Christianae doctrinae quaedam veluti formula, vixdum emergentis papatus sordibus Genevensi ecclesiae accomodata. Addidit etiam Catechismus, non illum in quaestiones et responsiones distributum, quem nunc habemus, sed alium multo breviorum praecipua religionis capita complexum*. Но катехизис вышел за два месяца до вероисповедания. *Iam vero confessionem non sine ratione adjungendam curavimus*. Calv., *Opera*, V. 319. Rilliet, *l. c.*, p. IX: «Вероисповедание появилось только несколько месяцев спустя». Вероисповедание — это выдержка из катехизиса, как видно из заглавия. Мерль д'Обинье (VI. 337) считает вероисповедание совместным трудом Кальвина и Фареля.

⁴⁷⁹ *Annal.*: «10 ноября. Вероисповедание принято. Примерно в то же время вышло первое издание катехизиса».

⁴⁸⁰ *Reg. du Cons.* 17 и 27 апреля 1537 г. Предварительно оно было изучено и принято в рукописи.

⁴⁸¹ В частности, George Bancroft, *Lit. and Hist. Miscellanies*, p. 406: «Кальвин был отцом народного образования, изобретателем системы бесплатных школ».

церквей, петь псалмы, давать молодежи регулярное образование, упразднить папские законы о браке, поддерживать общественный порядок и не допускать недостойных к причастию⁴⁸². Они считали апостольский обычай отлучения обязательным для сохранения чистоты церкви, но поскольку папские епископы злоупотребляли им, они просили совет выбрать некоторое количество надежных, благочестивых и безупречных горожан для морального надзора за разными районами и для осуществления дисциплины, вместе со служителями, посредством частного и публичного увещевания, а в случае упорного непослушания — и для отлучения от привилегий членства в церкви.

16 января 1537 г. большой совет двухсот издал ряд законов, запрещающих разврат, фривольные песни, азартные игры, осквернение дня Господня, крещение повитухами, а также приказал сжечь оставшиеся идолопоклоннические изображения, но об отлучении там ничего не было сказано⁴⁸³. Эта тема стала причиной споров между пасторами и горожанами, а также причиной изгнания реформаторов. Городские власти, избранные 5 февраля, были благосклонны к ним.

Служители неустанно проповедовали, обучали и посещали людей всех слоев общества. Каждое воскресенье произносилось пять проповедей, каждый будний день — по две, и народа приходило много. Школы процветали, общественная нравственность укреплялась. Соньер, в выступлении в школе, хвалил благочестивый город Женеву, и ее благочестие добавляло к ее природным преимуществам, прекрасным видам, плодородным полям, красивому озеру, чистым улицам и площадям венец славы чистого учения Евангелия. Городские власти были готовы заняться поддержанием дисциплины. Игроков в азартные игры сажали в колодки с цепью на шее. Трех женщин посадили в тюрьму за неподобающие прически. Даже Франсуа Бонивару, знаменитому патриоту и шильонскому узнику, часто выносили предупреждения за его безнравственность. Наказывали за любое открытое проявление симпатий к папству: употребление четок, поклонение реликвиям, празднование дней святых. Слава Женевы распространилась за ее пределы и стала привлекать ученых и беженцев. Еще до конца 1537 г. в Женеву стали приезжать английские протестанты, чтобы «посмотреть на Кальвина и Фареля»⁴⁸⁴.

29 июля 1537 г. совет двухсот приказал всем горожанам, мужчинам и женщинам, принять вероисповедание церкви Св. Петра⁴⁸⁵. Большая часть населения так и сделала. 12 ноября совет даже велел отлучать всех, кто не принесет клятву⁴⁸⁶.

⁴⁸² *Memoire de Calvin et Farel sur l'organisation de l'église de Genève*. В записях совета она названа «статьями, которые представили господин Ж. Фарель и другие проповедники». Недавно этот документ был обнаружен Габерелем (*Histoire de l'église de Genève*, 1858, том. I, 102). Он есть также в *Opera*, vol. X, part I, 5-14. Краткое содержание его изложено в Merle d'Aubigné, VI. 340 sqq.

⁴⁸³ *Annal. Calv.* 206 sq.

⁴⁸⁴ Письмо Буллингера к Фарелю и Кальвину, 1 ноября 1537 г. (в цюрихской коллекции Зимлера) и в *Op.* X, pt. I, 128, также в Herminjard, IV. 309. Буллингер хвалит трех достойных английских исследователей Библии «Элиотта, Баттлера и Партриджа», которые провели какое-то время в Цюрихе. Буллингер познакомился с Фарелем на диспуте в Берне в январе 1528 г., а с Кальвином — в Базеле в феврале 1536 г.

⁴⁸⁵ *Annal.* 213: «О вероисповедании: чтобы был отдан приказ всем горожанам со своими супругами прийти в церковь Св. Петра, и чтобы им были прочитаны статьи вероисповедания, и чтобы их спросили, согласны ли они его принять, и чтобы так весь город поклялся в верности».

⁴⁸⁶ *Annal.* 216 из *Reg. du Cons.* Том. 31, fol. 90. Но этот приказ не мог быть выполнен. Никто с рю Дез-Аллеман не хотел подписывать вероисповедание. Даже Соньер был против такого принуждения.

Итак, вероисповедание должно было стать законом церкви и государства. Это первый случай, когда целый народ должен был формально присягать символу веры.

Была проявлена вопиющая непоследовательность в том, что люди, только что сбросившие иго папства как невыносимое бремя, тут же подчинили свою совесть и разум человеческому символу веры. Иначе говоря, они заменили старое римское папство современным, протестантским. Конечно, они искренне верили, что на их стороне непогрешимое Слово Божье, но они не могли претендовать на безошибочность своего толкования. Та же непоследовательность и нетерпимость проявились сто лет спустя в более крупном масштабе — как «Торжественная лига и завет» шотландских пресвитериан и английских пуритан против папства и прелатов, санкционированные в 1643 г. Вестминстерской ассамблеей богословов, безуспешно попытавшихся навязать трем народам символ веры, церковную политику и правила поклонения. Но в те дни ни у протестантов, ни у католиков не было никакого представления о религиозной терпимости, а тем более о свободе веры как неотъемлемом праве человека. «Сила гражданской власти заканчивается там, где начинается сфера совести». Только Бог есть Господь совести.

Кальвинистские церкви в наше время по-прежнему требуют подписывать Вестминстерское вероисповедание, но только от служителей и только в профессиональном плане — как суть учения. Члены же церкви просто должны исповедовать веру во Христа как своего Господа и Спасителя⁴⁸⁷.

§84. Изгнание реформаторов. 1538

Переписка Кальвина с 1537 по 1538 г., в *Op.*, vol. X, pt. II, 137 sqq. HERMINJARD, vols. IV-V. — *Annal. Calv.*, *Op.* XXI, fol. 215-235.

HENRY, I, ch. IX. — DYER, 78sqq. — STÄHELIN, I. 151 sqq. — KAMPSCHULTE, I. 296-319. MERLE D'AUBIGNÉ, bk. XI, chs. XI-XIV (vol. VI, 469 sqq.).

C. A. CORNELIUS: *Die Verbannung Calvins aus Genf. i. J. 1538*. München, 1886.

Подчинение жителей Женевы такой строгой дисциплине было лишь временным. Многие не стали принимать вероисповедание, несмотря на угрозу наказания, и среди них были самые влиятельные граждане республики⁴⁸⁸. Другие заявляли, что сделали это под принуждением. Невозможность добиться исполнения закона поставила совет в неловкое положение. Ами Порраль, вождь клерикальной партии в совете, был обвинен в самоуправстве и пренебрежении правами народа. Патриоты и либертины, которые приветствовали Реформацию в интересах политической независимости от ига Савойи и епископа, не собирались становиться рабами Фареля и ревновали к засилью чужеземцев. Обнаружение заговора, призванного присоединить Женеву к королевству Франции, усилило подозрения. Патриоты организовались в политическую партию и старались низвергнуть клерикальный режим. Им отчасти помогал Берн, который был против угроз отлучения и против радикализма реформаторов.

⁴⁸⁷ Церкви конгрегационалистов, или индепендентов, и баптисты, однако, хотя и не признают высшей авторитетности общецерковных символов веры и придерживаются принципа добровольности, обычно имеют поместные и деноминационные символы веры и заветы, обязательные для своих членов. В этом отношении пресвитериане — самые либеральные.

⁴⁸⁸ См. свидетельство Клода Розе, государственного секретаря. Он сам не принял вероисповедание, хотя прочел его публично и принимал клятвы горожан в соборе Св. Петра 29 июля 1537 г.

Была и другая причина для недовольства, даже среди самых умеренных, которая привела к кризису. Фарель в своем иконоборческом рвении, до прибытия Кальвина, упразднил все праздники, кроме воскресенья, крестильные купели и пресный хлеб причастия, а реформатская церковь Берна все это сохранила⁴⁸⁹. Синод в Лозанне, под влиянием Берна, посоветовал восстановить старые бернские обычаи, как их называли. Совет согласился с этим решением. Сам Кальвин считал такие вопросы не имеющими значения, но не собирался оставлять своих коллег.

Бурные споры разгорелись на общем собрании горожан 15 ноября 1537 г. На народных выборах 3 февраля 1538 г. антиклерикальной партии удалось добиться избрания из ее рядов четырех синдигов и большинства членов совета⁴⁹⁰.

Новые правители действовали осторожно. Они назначили новых проповедников для областей, которые очень нуждалась в них. Они запретили недостойные песни и ссоры на улицах и прогулки по ночам после девяти. За образец для подражания они взяли Берн. Они утвердили решение совета в Лозанне о церковных праздниках и о крестильных купелях.

Однако проповедники Реформации были готовы умереть, но не отступать ни на шаг. Они продолжали изобличать народные пороки и упрекали совет в недостаточно энергичной борьбе с грехом. В результате их предупредили, чтобы они не вмешивались в политику (12 марта)⁴⁹¹. Куро, который пылом превосходил даже Фареля, было запрещено проповедовать, однако он снова поднялся на кафедру 7 апреля, чтобы в грубой и оскорбительной манере осудить Женеву и ее жителей⁴⁹², и был отправлен в тюрьму, а шесть дней спустя изгнан, несмотря на энергичные протесты Кальвина и Фареля. Старик удалился в Тонон, на Женевском озере, был избран служителем в Орбе и умер там 4 октября того же года.

Кальвин и Фарель стали вести себя более дерзко после столь жестокого обращения с их коллегой. Они начали критиковать совет с кафедры. Даже Кальвин зашел настолько далеко, что назвал его «дьявольским советом». Против проповедников выпускали брошюры. Часто поздним вечером они слышали крик: «В Рону предателей!» — а по ночам их будили яростным стуком в двери их дома.

На Пасху, которая приближалась, им было приказано провести причастие по бернскому обычаю, но они отказались делать это среди преобладавшего разврата и неподчинения. И совет не смог найти им замену. В пасхальное воскресенье 21 апреля Кальвин поднялся все-таки на кафедру собора Св. Петра, а Фарель — на кафедру Св. Гервасия. Они проповедовали перед большой аудиторией, но объявили, что не могут причащать непокорный город, чтобы не осквернить таинства. И действительно, в сложившихся обстоятельствах совершение Христовой вечери любви стало бы насмешкой. Многие слушатели были вооружены. Они вытащили мечи из ножен и криками заглушили голос проповедников, которые покинули церковь и отправились домой под защитой своих друзей. Кальвин

⁴⁸⁹ Беза, в *Opera*, XXI. 128.

⁴⁹⁰ Новые синдики, Клод Ришарде, Жан Филипп, Жан Люллен и Ами де Шапоруж, были заклятыми врагами Фареля и Вире. Ами Порраль не был избран. Гриней из Базеля написал несколько утешительных и одобряющих писем Фарелю и Кальвину — 13 февраля, 4 марта, 12 марта 1538 г. В *Herminjard*, IV. 361, 379, 401.

⁴⁹¹ *Ann.* 222, *de point se mesler du magistrat*.

⁴⁹² Он сравнил государство Женевы с царством лягушек, а женеццев с крысами. *Merle d'Aubigné*, VI. 455.

проповедовал также вечером в церкви Св. Франциска в Риве, в нижней части города, где ему угрожали насилием.

После утренней службы, в великом волнении, собрался малый совет и созвал большой совет. В следующие два дня, 22 и 23 апреля, большой совет двухсот, собиравшийся в помещениях Св. Петра, сместил Фареля и Кальвина без разбирательства и приказал им покинуть город в три дня⁴⁹³.

Они приняли это известие с большим достоинством. «Очень хорошо, — сказал Кальвин. — Лучше служить Богу, нежели человеку. Если бы мы старались угодить людям, мы вряд ли получили бы награду, но мы служим высшему Господину, и награда нам обеспечена»⁴⁹⁴. Кальвин даже радовался этому больше, чем полагалось бы.

Народ ликовал, празднуя крушение клерикального режима. Постановления синода в Лозанне читались под звуки труб. Купели были восстановлены. На следующее воскресенье было проведено причастие с опресноками.

Смещенные служители отправились в Берн, но там к ним отнеслись без симпатии. Потом они отправились в Цюрих, где состоялся общий синод и их приняли тепло. Они признали, что были слишком строги, и согласились на восстановление купелей, опресноков (если они будут преломляться) и четырех церковных праздников, отмечаемых в Берне, но настаивали на ведении дисциплины, на делении церкви на приходы, на более частом совершении причастия, на пении псалмов при публичном поклонении и на контроле за дисциплиной совместными комитетами из мирян и служителей⁴⁹⁵.

Буллинггер постарался привести Берн и Женеву к компромиссу, но женевцы, на общей ассамблее 26 мая, подтвердили свое решение об изгнании проповедников.

С мрачными прогнозами на будущее, но веря в Бога, Который всё обращает на благо, изгнанные служители верхом, в ненастную погоду, отправились в Базель. Когда они перебирались через поток, вышедший из берегов из-за дождей, их чуть не унесло течение. В Базеле их тепло приняли сочувствующие друзья, особенно Гриней. Здесь они и решили ждать призыва Провидения. Фарель, несколько недель спустя, в июле, получил и принял приглашение в Невшатель, на его прежнее место работы, при том условии, что ему будет дана свобода ввести его систему дисциплины. Кальвин, два месяца спустя, уехал из Базеля в Страсбург.

Во время этого кризиса друг и товарищ Кальвина по странствиям Луи дю Тилле, который, похоже, был мирным и тихим, потерял веру в успех Реформации. Он покинул Женеву в августе 1537 г., поехал в Страсбург и Париж и вернулся в Римскую Католическую церковь. У него были высокопоставленные знакомые, которые влияли на него. Его брат, Жан дю Тилле, был знаменитым секретарем Парижского парламента, а другой брат стал епископом Сент-Брие, а впоследствии Мо⁴⁹⁶. Он объяснил Кальвину свои угрызения совести и причины

⁴⁹³ Тот же самый совет сместил и Клода Розе, государственного секретаря, который, как официальное лицо, принимал клятву от народа о соблюдении вероисповедания 29 июля 1537 г. *Registers* от 23 апреля 1538 г. Rozet, *Chron. MS. de Genève*, bk. IV, ch. 18 (цит. в Merle d'Aubigné, VI. 485).

⁴⁹⁴ Беза, Розе и хронисты передают этот ответ с некоторыми разночтениями. Фарель ответил вестникам так: «Хорошо и прекрасно; это от Бога».

⁴⁹⁵ См. 14 статей Кальвина и Фареля в Henry, I. Beilage, 8; *Op. X*, part II, 190-192, и в Herminjard, V. 3-6.

⁴⁹⁶ Herminjard, V. 107 (note 11); p. 163.

такой перемены. Кальвин считал эти причины недостаточно вескими и увещевал его, искренне, но по-доброму и вежливо. Разлука была для обоих очень болезненной, однако они не перестали уважать друг друга. Дю Тилле даже предложил помочь Кальвину в его затруднительном положении после изгнания, но Кальвин с благодарностью отказался от помощи. Он писал из Страсбурга 20 октября 1538 г.: «Ты сделал мне предложение, за которое я даже не знаю, как тебя благодарить. Я не так груб и невежлив, чтобы не понимать твоей безграничной доброты, и, даже отказываясь принять предложение, я никогда не смогу выразить, как я тебе обязан». А что до разницы в их мнениях, то он взывает к суду Бога, Который решит, кто настоящий раскольник, и завершает письмо молитвой: «Да поддержит тебя наш Господь и да хранит под Своей святой защитой, пусть Он направляет тебя, чтобы ты не сошел с Его пути»⁴⁹⁷.

---

⁴⁹⁷ См. переписку в Herminjard, IV. 354-359, 384-400; V. 103-109; 161, 162; 186-200. Дю Тилле пишет, под своим *nom seigneurial* Де Отмон, к Шарлю Деспевиллю (Кальвин). Его последнее письмо из Парижа датировано 1 декабря 1538 г. и завершается пожеланием остаться «всегда его другом и братом во Христе». Есть также ответ Буцера к дю Тилле из Страсбурга от 8 октября 1539 г. (в Herminjard, VI. 61-70), где он опровергает четыре возражения дю Тилле против протестантов, а именно: 1) что они отошли от церкви Христовой; 2) что они отвергли добрые обычаи и практику церкви; 3) что они портили имущество церкви; 4) что они отрицают многие истинные учения и вводят ложные.

ГЛАВА XI

КАЛЬВИН В ГЕРМАНИИ.
1538 — 1541

§85. Кальвин в Страсбурге

- I. Переписка Кальвина, 1538 — 1541 гг., в *Opera*, vols. X-XI; HERMINJARD, vols. V-VI; BONNET-CONSTABLE, vol. I, 63 sqq. BEZA: *Vita Calv.*, в *Op.* XXI. 128 sq. — *Ann. Calv.*, *Op.* XXI. 226-285. Содержит отрывки из *Archives du chapitre de St. Thomas de Strasbourg*.
- II. ALF. ERICHSON: *L'église française de Strasbourg au XVIe siècle, d'après des documents inédits*. Strasb., 1885. См. также другие его труды по истории Реформации в Эльзасе. — С. А. CORNELIUS: *Die Rückkehr Calvin's nach Genf*. München, 1889. — E. DOUMERGUE (профессор протестантского факультета в Монтбане): *Essai sur l'histoire du Culte Réformé principalement au XIXe Siècle*. Paris, 1890. Ch. I, *Calvin à Strasbourg*, рассказывает о поклонении в первой французской реформатской церкви, образце для церквей во Франции. — EDUARD STRICKER: *Johannes Calvin als erster Pfarrer der reformierten Gemeinde zu Strassburg. Nach urkundlichen Quellen*. Strassburg (Heitz & Mündel), 1890 (65 pp.). В память о столетии со дня сооружения здания французской реформатской церкви (построена в 1790 г.), написано ее нынешним пастором.
- III. HENRY, I, ch. X. — STÄHELIN, I. 168-283. — KAMPSCHULTE, I. 320-368. — MERLE D'AUBIGNÉ, bk. XI, chs. XV-XVII (vol. VI, 543-609).

Кальвин был так обескуражен пережитым, что не хотел больше заниматься общественным служением, и Куро одобрял его намерения. Поэтому Кальвин отказался от первого приглашения Буцера в Страсбург, тем более что его друга Фареля туда не приглашали. Но в конце концов он поддался неоднократным уговорам, помня о примере пророка Ионы. Фарель от души согласился с его решением.

Страсбург⁴⁹⁸ с 1254 г. был свободным имперским городом Германии. Он славился одним из самых прекрасных готических соборов, активной торговлей и книгопечатанием. Некоторые первые издания Библии были напечатаны именно здесь. Благодаря своему географическому положению, в нескольких километрах к западу от верховий Рейна, он образовывал связующее звено между Германией, Францией и Швейцарией, а также между лютеранством и цвинглианством. Он гостеприимно принимал гонимых протестантов из Франции, которые называли Страсбург Новым Иерусалимом. Его граждане приняли Реформацию в 1523 г., в духе евангельского союза между двумя ведущими типами протестантизма. Буцер, Капитон, Гедион, Нигер, Маттиас Целл, Штурм и другие трудились тут в согласии. Страсбург был Виттенбергом юго-западной Германии. Он состоял в дружеском союзе с Цюрихом и Женевой.

Главный реформатор города Мартин Буцер был воплощением великодушной и понимающей соборности. Он выразил ее в вероисповедании Четырех Городов,

⁴⁹⁸ Во времена Августа это была военная римская стоянка *Argentoratum*.

которое было представлено на Аугсбургском рейхстаге в 1530 г.⁴⁹⁹ Позже он, в том же миротворческом духе, участвовал в составлении Виттенбергского соглашения (1536), чтобы примирить лютеранские и цвинглианские теории о вечере Господней, но слишком уступил Лютеру (даже в том, что недостойные причащающиеся также принимают тело и кровь Христа), а потому Виттенбергское согласие было отвергнуто Буллингером и швейцарскими церквями. Он писал в Берн в июне 1540 г., что после Виттенберга в Германии нет города, который бы так любил Евангелие и был бы таким великодушным, как Страсбург. Он завершил свое служение в англиканской церкви — как профессор богословия в Кембриджском университете, в 1551 г. Через шесть лет после его смерти, при королеве Марии, его тело выкопали, приковали к столбу и сожгли, но его могила была восстановлена, и память о нем чтити при королеве Елизавете. Его коллегу Фагия постигла та же участь.

Цюрихцы в письме к Кальвину называют Страсбург «Антиохией Реформации», Капитон — «убежищем сосланных братьев», а римско-католический историк Флоримон де Ремон — «убежищем и местом встречи лютеран и цвинглиан под контролем Буцера, приютом всех тех, кого изгнали из Франции».⁵⁰⁰ Среди выдающихся ранних беженцев из Франции были Франциск Ламберт, Фарель, Лефевр, Руссель и Мишель Д'Аранд. К сожалению, Страсбург недолго занимал такую благородную позицию и превратился в поле ожесточенной сектантской борьбы, хотя на какое-то время и был приютом узколютеранской ортодоксии. Город был захвачен Людовиком XIV и присоединен к католической Франции в 1681 г. в ущерб его протестантскому характеру, но был снова отнят императором Вильгельмом I и вошел в состав единой Германии как столица Эльзаса и Лотарингии в 1870 г. Университет был организован заново и стал еще лучше, чем прежде⁵⁰¹.

Кальвин прибыл в Страсбург в начале сентября 1538 г.⁵⁰² Он провел там три года в полезных трудах. Его с распростертыми объятиями приняли Буцер, Капитон, Гедион, Штурм и Нигер, ведущие служители церкви, и совет назначил его профессором богословия, со скромным жалованием. Вскоре он уже чувствовал себя как дома, на следующее лето купил гражданство и вступил в гильдию портных⁵⁰³.

Пребывание Кальвина в этом городе было плодотворным эпизодом в жизни и подготовило его к более успешным трудам в Женеве. Его взгляды стали шире и глубже. Он приобрел ценный опыт. Он вступил в контакт с лютеранской церковью и ее руководителями. Он научился понимать и ценить их, но на него произвело неблагоприятное впечатление отсутствие дисциплины и рабская зависимость клира от светских правителей. Он неустанно и успешно трудился как про-

⁴⁹⁹ См. т. VII, пар. 121.

⁵⁰⁰ *C'était le réceptacle des bannis de la France. Hist. de la naissance de l'herésie*, p. 838.

⁵⁰¹ Понадобится время, прежде чем будет решена проблема языка и национальности. Когда я в последний раз был в Страсбурге, я первым делом спросил у владельца одного магазина, говорит большинство жителей по-французски или по-немецки, и получил быстрый и эмфатический ответ: *On parle toujours français a Strasbourg*. Следующий человек на тот же вопрос ответил: *Man spricht mehr deutsch*. Женщина на рынке сказала так: *Man spricht dietsch*. Эльзасский диалект преобладает в домах, французский — в обществе, литературный немецкий — в университете, в правительстве и в армии.

⁵⁰² Не в конце сентября, как пишет Штагелин. См. Stricker, p. 11, note, где сказано, что Кальвин произнес свою первую проповедь в Страсбурге 8 сентября.

⁵⁰³ 30 июля 1539 г. Некоторые историки ошибочно утверждают, что гражданство ему подарили. См. Stricker, 44, и *Annal.* XXI, fol. 250: *Uff den 30 tag Julij Anno 39 ist Johannes Calvinus uff unser Herren der statt Straszburg Saal erschinnen, und sich angeben lut der Ordnung und will dienen mit den schnyndern*.

фессор, пастор и автор. Он сообщил Фарелю (20 апреля 1539 г.), что к моменту, когда посыльный зашел за экземпляром его книги (второго издания «Наставлений»), ему пришлось прочитать пятьдесят страниц, потом учить и проповедовать, написать четыре письма, решить несколько споров, и более десяти раз его прерывали посетители⁵⁰⁴.

Не случайно именно три ученых профессора из университета Страсбурга, жившие и при французской, и при немецкой власти и одинаково знакомые с языком и богословием обоих народов, дали миру последнее и лучшее издание трудов Кальвина.

Экономическое положение Кальвина в эти три года было очень скромным. Позор общине и гражданскому правительству, допустившим, чтобы такой человек боролся за свой хлеб насущный. Первые пять месяцев он вообще не получал платы, а только бесплатно проживал в доме друга. Его соотечественники были бедны, но могли хоть что-нибудь сделать. Он сообщил Фарелю в апреле 1539 г., что из его многочисленных друзей во Франции никто не предложил ему и гроша, кроме Луи дю Тилле, который надеялся убедить его вернуться, а потому он отказался от предложения⁵⁰⁵. Город платил ему весьма скудное жалование в пятьдесят два гульдена (около двухсот марок, за выполнение им профессиональных обязанностей, с мая 1539 г.⁵⁰⁶ Его книги не приносили дохода. Когда швейцарцы узнали о его затруднениях, они пожелали помочь ему, и Фабри послал Фарелю десять дукатов для Кальвина⁵⁰⁷. Но Кальвин предпочел продать свое величайшее сокровище — библиотеку, которую оставил в Женеве, и принимать студентов на пенсион (*pensionnaires*). Он верил, что Бог позаботится о нем⁵⁰⁸.

При всей своей бедности он был рад собственной независимости, общению с друзьями и широкому полю деятельности.

§86. Церковь беженцев в Страсбурге

Кальвин сочетал должности пастора и профессора богословия в Страсбурге, как он делал и в Женеве. Благодаря первой он поддерживал контакт со своими

⁵⁰⁴ Herminjard, V. 286 sq.; *Opera*, X, pars II, 337.

⁵⁰⁵ *Cum innumeros aliquando amicos in Gallia habuerim, nemo fuit qui assent mihi obtulerit; et tamen si fecissent, poterant frui gratuita beneficentiae jactantia: nihil enim illis constisset offerre quod acceptassem. Exciderat mihi Ludovicus [дю Тилле]; ille unus fuit qui obtulit; sed ipse quoque suam largitionem nimis magno venditabat: siquidem me tantum non ad recantandum hortabatur.* Herminjard, V. 291 sq. См. письмо из Парижа от 20 октября 1538 г., в котором дю Тилле предлагает «предоставить ему все необходимое» (*ibid.*, p. 107).

⁵⁰⁶ 1 мая 1539 г.: *Joannes Calvinus so ein gelährter frommer Gesell sein soll und zu Zeiten auch in Theologia lese, zudem auch zu den Reuueern französisch predige, haben die Herren... ist beschlossen dasz man demselben nuhn fürter ein Jar lang die 52 fl. alsz ein zuhelffer geben und soll prima Maij angehen.* Из Thomas-Archiv, в *Annal.* fol. 246.

⁵⁰⁷ *Decem coronatos.* Либерте (Кристоф Фабри) Фарелю, 8 мая 1539 г., в Herminjard, V. 307.

⁵⁰⁸ «Мне очень приятно, — писал он Фарелю, который сообщил коллегам о нужде Кальвина. — Признаюсь, что братья мои так ко мне внимательны, что готовы отдать собственные средства для удовлетворения моих нужд. Меня не может не радовать такое проявление любви с их стороны (*quin tali amoris testimonio delecter*). Но я решил не пользоваться твоей и их добротой, если меня не вынудит к тому крайняя нужда. Венделин [Венделин Ригель], печатник, которому я доверил свою книгу [второе издание «Наставлений»], даст мне достаточно для трат. Средств от продажи моих книг, которые остались в Женеве, хватит, чтобы удовлетворить моего домовладельца до следующей зимы. Что же касается будущего, Господь позаботится обо мне» (Herminjard, *l. c.*).

соотечественниками-французами, а вторая распространила его влияние на ученых Германии.

Он организовал первую протестантскую общину французских беженцев, которая послужила образцом для реформатских церквей Женевы и Франции.

Количество беженцев составляло к тому моменту около четырех сотен человек⁵⁰⁹. Большинство из них принадлежало к «малой французской церкви»⁵¹⁰. Первая проповедь Кальвина прозвучала в церкви Св. Николая. На ней присутствовало много французов и немцев⁵¹¹. Он проповедовал четыре раза в неделю (дважды в воскресенье) и проводил библейские уроки. Он подготовил диаконов, которые ему помогали, особенно заботился о бедных, нужды которых он принимал близко к сердцу. Первых двух диаконов звали Никола Паран, который позже стал пастором в Невшателе, и Клод Дефер, или Фере (Клавдий Ферей), французский эллинист, который бежал в Страсбург, преподавал греческий и умер от чумы в 1541 г., к великому горю Кальвина.

Он ввел свою любимую дисциплину, а так как городские власти не мешали ему, добился большего успеха, чем во время первого пребывания в Женеве. «Как семья и общество не могут существовать без порядка и дисциплины, — говорил он, — так и церковь». Он уделял ей столько же внимания, сколько Лютер уделял учению, и считал ее лучшей защитой здравого учения и христианского образа жизни. Он запретил причащаться студенту, который в течение месяца не ходил на богослужения и впал в грех, и не допускал его к причастию, пока тот не покался⁵¹².

Многие молодые члены церкви, однако, возражали против отлучения, считая его папским установлением. Но Кальвин различал иго Христа и тиранию папы. Он был настойчив и преуспел. «Мне приходится бороться, — писал он Фарелю, — и это жестокая борьба, но для меня она — хорошая школа».

Он обратил многих анабаптистов, которых на территории Страсбурга мудро терпели, и они приводили к нему из города и прилегающих областей своих детей для крещения. Он сознательно относился к пасторским обязанностям и с добротой интересовался каждым членом своей паствы. За краткое время он создал процветающую церковь, которая вызывала уважение и восхищение у жителей Страсбурга⁵¹³.

К сожалению, эта церковь беженцев просуществовала только около двадцати пяти лет и была уничтожена огнем сектантского фанатизма — хотя и после того, как с этого образца было сделано много копий. В Страсбурге победило нетерпимое лютеранство, под руководством Марбаха, и кальвинистов стали восприни-

⁵⁰⁹ Перепись населения Страсбурга, проведенная 18 октября 1553 г., показывает, что в городе было сто французов, бывших гражданами, тридцать пять без гражданства и шестнадцать воинов (всего 151 мужчина), не считая женщин, детей и слуг. Отсюда Штрикер (р. 6) делает вывод, что всего их было около четырехсот. Думерг (*l. c.*, р. 3) говорит о цифре 500 — 600. Шпеклин (1536 — 1589), автор Страсбургской хроники (изданной Р. Ройссом в Страсбурге, 1890 г.), приводит гораздо более весомую цифру, а именно — полторы тысячи, но он не вполне точен, и лучше верить официальной переписи.

⁵¹⁰ *Ecclesiola Gallicana*, как называл ее Кальвин.

⁵¹¹ Позже он проповедовал в *Klosterkirche der Reuerinnen*, теперь называемой *Magdalenen Kirche*.

⁵¹² Кальвин — Фарелю, в Herminjard, V. 291.

⁵¹³ Кампшульте (I. 324) так подводит итоги пасторской деятельности Кальвина в Страсбурге: *Strassburg hatte in Kurzem eine blühende wohlgeordnete französische Flüchtlingsgemeinde mit Predigt und Bibelstunden, mit regelmässiger Abendmahlsfeier und Psalmengesang, insbesondere aber mit einer streng gehandhabten Disciplin, und nicht ohne Staunen erzählten die deutschen Pastoren bald einander von den Einrichtungen und dem merkwürdigen Eifer der neuen Emigrantenkirche in Strassburg.*

мать как опасных еретиков. Когда Кальвин проезжал через этот город по пути во Франкфурт в августе 1556 г., он был с почетом принят Иоганном Штурмом и студентами, которые встали в его присутствии, но ему не разрешили проповедовать перед его собственной общиной, так как он не верил в учение о пресуществлении. Несколько лет спустя реформатское поклонение вообще было запрещено приказом совета (19 августа 1563 г.)⁵¹⁴.

§87. Литургия Кальвина

- I. *La forme des prieres et chantz ecclesiastiques, avec la maniere d'administrer les sacre mens et consacrer le mariage, selon la coutume de l'Eglise ancienne*, A. D. 1542. В *Opera*, VI. 161-210 (с копии из Штутгарта; заглавие приведено в старом написании, без надстрочных знаков). В последующих изданиях (1543, 1545, 1562 и т. д.) добавлено: *la visitation des malades et comme on l'observe Genève*. Более раннее издание восемнадцати псалмов вышло в Страсбурге в 1539 г. (См. DOUEN, *Clément Marot*, I. 300 sqq.) Издание литургии с псалмами было напечатано в Страсбурге 15 февраля 1542 г. (См. DOUEN, *l. c.*, 305, 342 sqq.) Копия расширенного страсбургского издания 1545 г., под заглавием *La forme des prieres et chantz ecclesiastiques*, хранилась в Публичной библиотеке Страсбурга до 24 августа 1870 г., когда сгорела в ходе осады города во время франко-немецкой войны (DOUEN, I. 451 sq.).
- II. СМ. D'HÉRICAULT: *Ouvres de Marot*. Paris, 1867. — FELIX BOVET: *Histoire du psautier des églises réformées*. Neuchâtel, 1872. — O. DOUEN: *Clément Marot et le Psautier Huguenot. Étude historique, littéraire, musicale et bibliographique; contenant les mélodies primitives des Psaumes, etc.* Paris (*a l'imprimerie nationale*), 1878 sq. 2 vols., royal 8vo. Великолепный труд, выпущенный за счет Французской республики по рекомендации Института. Второй том содержит гармонии Гудимеля.

В 1533 г. Фарель напечатал в Невшателе, а в 1537 г. ввел в Женеве первую французскую реформатскую литургию, которая включает в себя, в составе регулярного воскресного богослужения, общую молитву, Молитву Господню (перед проповедью), Десять заповедей, исповедание грехов, повторение Молитвы Господней, Апостольский символ веры, заключительное увещание и благословение⁵¹⁵. Она напоминает немецкую литургию Берна, которая была опубликована в 1529 г. и которую Кальвин попросил перевести на французский своего друга Морле⁵¹⁶. От литургии Фареля осталась лишь форма бракосочетания. Все остальное было переделано и улучшено Кальвином в литургии, которую он впервые ввел в Страсбурге, а после возвращения в Женеву — и там, с некоторыми видоизменениями.

Литургия Кальвина была опубликована в 1542 г. дважды. Она была введена в Лозанне в том же году и постепенно распространилась на другие реформатские церкви.

Кальвин построил свое поклонение на основании, заложенном Цвингли и Фарелем, а также богослужениями, которые уже проводились в швейцарских реформат-

⁵¹⁴ Stricker, pp. 11, 12, 64; Erichson, p. 65; Doumergue, p. 4; письмо Кальвина к Буллингеру от 12 сентября 1563 г. (*Opera*, X. 151). При французском правительстве в Страсбурге была снова организована реформатская церковь.

⁵¹⁵ Переиздана Баумом в Страсбурге, 1859. Douen, *l. c.*, I. 346.

⁵¹⁶ В письме к Гаспару Мегандеру, влиятельному служителю из Берна (вероятно, от 20 февраля 1537 г.), Кальвин пишет: *Libellum tuum ceremoniale a Mauro* [Маурус Музей, Морле де Мюзон], *rogatu nostro, versum, cum nostro contulimus, a quo nihil penitus nisi brevitate differt*. Herminjard (vol. IV, 191) добавляет следующее примечание: «Литургия, которая использовалась в женевской церкви, была, судя по всему, той, которую Фарель опубликовал в Невшателе 29 августа 1533 г., под следующим заглавием: "La Manière et Fasson qu'on tient en baillant le saint baptême... es lieux que Dieu de sa grâce a visites". Мы заметили, что бернская литургия весьма похожа на "La Manière et Fasson" и отличается от нее только краткостью».

ских церквях. Как и его предшественники, он не одобрял католические церемонии, которые были перегружены традициями и суевериями, не подтвержденными Писанием. Мы добавили бы, что он был равнодушен к художественному и символическому, ко всем украшениям богослужения. Он отвергал мессу, все таинства, кроме двух, праздники святых, почти все церковные праздники, кроме воскресенья, изображения, реликвии, крестные ходы, всю помпезность и все те элементы поклонения, которые вызвали к чувствам и воображению, а не к интеллекту и совести и развлекали умы внешней показухой вместо того, чтобы способствовать размышлениям о спасающей истине Евангелия.

Он заменил всё это простым и духовным поклонением, которое вполне разумно, когда оживлено присутствием и силой Божьего Духа, но становится сухим, бесплодным, холодным и формальным, если эта сила отсутствует. Он сделал проповедь центральной частью богослужения и заменил мессу на латыни наставлениями и назиданиями на народном языке. Он возвысил кафедру, как престол проповедника, над алтарем приносящего жертву священника. Он открыл неистощимый источник свободной молитвы в совместном поклонении с ее безграничными возможностями применения при разных обстоятельствах и к разным нуждам. Он вернул церкви, как и Лютер, неоценимое благословение совместного пения, которое есть истинная народная литургия и более эффективно, чем чтение написанных молитв.

Порядок церковного поклонения в страсбургской общине Кальвина был следующим.

Богослужение начиналось с обращения к Богу⁵¹⁷, с исповедания грехов и краткого их отпущения⁵¹⁸. Потом следовало чтение Писания, пение и молитва в свободной форме. Всё собрание, мужчины и женщины, вместе пели псалмы, то есть принимали активное участие в совместном поклонении, в котором раньше они были лишь пассивными слушателями или зрителями. Такой порядок соответствовал протестантскому учению о всеобщем священстве верующих⁵¹⁹. Потом

⁵¹⁷ «Да поможет нам Бог, сотворивший небо и землю. Аминь». *Opera*, VI. 173.

⁵¹⁸ Это исповедание до сих пор используется, и сравнение его с англиканской литургией говорит в его пользу. Оно гласит: «Братья мои, пусть каждый из нас предстанет перед лицом Господа, с исповедью своих ошибок и прегрешений, от всего сердца внимая моим словам. Господи Боже, вечный и всемогущий Отец, мы исповедуемся [и признаем], без колебаний, перед Твоей Святостью, что мы — несчастные грешники, зачатые и рожденные в скверне и тлене, склонные к злодеяниям, не способные ни к чему доброму, и, из-за нашей порочности, мы бесконечно грешим, не перестаем нарушать Твои святые заповеди. А поступая так, мы навлекаем на себя, посредством Твоего справедливого суда, погибель и смерть. Однако, Господь, мы раскаиваемся в том, что оскорбили Тебя, и осуждаем себя и свои пороки, с искренним раскаянием, желая Твоей милости [и помощи], чтобы Ты призрел на наше бедствие. Помилуй же нас, Боже, благословенный Отец, полный сострадания, во имя Сына Твоего Иисуса Христа, Господа нашего. Изгладь наши грехи и пороки, укрепляй нас изо дня в день в благодати Твоего Святого Духа, чтобы, признавая от всего сердца нашу неправедность, мы испытывали отвлечение к ней, которое порождало бы в нас праведное покаяние; чтобы наше покаяние в грехах порождало в нас плоды истины и невинности, угодные Иисусу Христу. Аминь». После этого в страсбургской литургии добавляется нечто вроде отпущения грехов, которое позже стали пропускать: «Здесь служитель произносит несколько слов из Писания, чтобы успокоить совесть кающихся, и дает отпущение грехов таким образом: “Каждый из вас признает себя воистину грешником, смиряется перед Богом и верит, что небесный Отец посылает ему спасение через Иисуса Христа. Всем, кто таким образом кается и ищет Иисуса Христа ради своего здоровья, я отпускаю грехи во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь”».

⁵¹⁹ В этом плане Кальвин следовал примеру лютеранских церквей. Жерар Руссель, который был одним из первых беженцев в Страсбурге, сообщал Брисонне, епископу Мо, что пение псалмов, переведенных с еврейского, было отличительной чертой поклонения и что «пение женщин,

следовала проповедь, а после нее длинная общая молитва и Молитва Господня. Богослужение завершалось пением и благословением⁵²⁰.

Тому же порядку, по сути, следуют и во французских реформатских церквях. Кальвин подготовил также литургические формы крещения и причастия. Формы для бракосочетания и посещения больных были подготовлены ранее, Фарелем. Сочетание литургических и импровизированных моментов продолжает существовать в реформатских церквях европейского континента. В пресвитерианских церквях Шотландии и в большинстве диссентерских церквей Англии, а также среди их потомков в Америке литургический элемент был постепенно вытеснен свободной молитвой, тогда как англиканская церковь следовала в противоположном направлении.

Крещение всегда совершалось перед собранием в конце богослужения и самым простым образом — согласно установлению Христа, без традиционной церемонии экзорцизма и использования соли, без плевков и зажженных свечей, ибо этого нет в Писании и оно лишь подпитывало суеверия и переводило внимание от духовной сути таинства к внешним проявлениям. Кальвин считал погружение в воду изначальной формой крещения, но полагал, что окропление и обливание так же действенны⁵²¹.

Причастие проводилось раз в месяц, простым, но торжественным образом, всем собранием. Кальвин требовал, чтобы причащающиеся заранее заявляли о своем намерении, чтобы получить наставления, предостережения или утешения, в зависимости от необходимости. Недостойные к причастию не допускались.

Введение Псалтири на разговорном языке было самой важной особенностью и началом долгой и героической главы в истории поклонения и христианской жизни. Псалтирь занимает в реформатской церкви такое же важное место, как сборник гимнов — в лютеранской. Она была источником утешения и сил для гугенотской «церкви в пустыне» и для пресвитерианских ковенантеров Шотландии, в дни тяжких испытаний и гонений. Сам Кальвин сделал стихотворные переводы псалмов 24, 35, 42, 45⁵²², 90, 112, 119, 137, 141, а также стихотворный перевод песни Симеона и Десяти заповедей⁵²³. Позже он использовал более совершенный перевод Клемана Маро, величайшего французского поэта той эпохи, который

которые вторили мужчинам, производило поразительный эффект». Herminjard, I. 404-408. В другом письме он упоминает также пение собранием Апостольского символа веры и *Kyrie Eleison* при причастии. *Ibid.* I. 411-413. Doumergue, pp. 8, 9.

⁵²⁰ Интересное описание реформатского богослужения в Страсбурге, сделанное французским студентом в 1545 г., было впервые опубликовано в 1885 г. Эрихсоном (с. 7) и приводится в Doumergue, I. c., p. 15 sq. Он говорит о ежедневных проповедях и пении псалмов всем собранием («как мужчинами, так и женщинами, в прекрасном согласии»), с помощью сборника песен (*un livre de musique*), который каждый молящийся держал в руках.

⁵²¹ Он говорит (*Instit.*, IV, ch. XV, par. 19): «Полностью ли погружается в воду крестьянин и трижды или один раз или же его только поливают или окропляют водой, — не важно. Церкви должны быть свободны в этом отношении и действовать в зависимости от обстоятельств в данной стране. Само слово *крестить*, однако, в переводе значит *погружать*, и нет сомнений, что древняя церковь практиковала крещение именно посредством погружения в воду».

⁵²² На этом же псалме основан бессмертный гимн Лютера, *Ein feste Burg ist unser Gott*. Перевод Кальвина начинается так:

*Nostre Dieu est ferme appuy,
Vertue, forteresse et seur confort,
Auquel aurons en notre ennuy,
Présent refuge et très bon port.*

⁵²³ Они были напечатаны в Страсбурге в 1539 г. и переизданы, вместе с оригинальным гимном (*Salutation a Jesus-Christ*), по изданию 1545 г. в *Opera*, VI. 212-224.

был придворным поэтом и псалмепевцем церкви (1497 — 1544). Кальвин впервые встретился с ним при дворе герцогини Феррарской (1536), откуда бежал, а потом в Женеве (1542), где призвал его продолжить стихотворные переводы псалмов. Псалтирь Маро впервые вышла в Париже в 1541 г. и содержала тридцать псалмов, а также стихотворные переводы Молитвы Господней, ангельского приветствия, символа веры и Десяти заповедей. Несколько изданий, с пятьюдесятью псалмами, вышло в Женеве в 1543 г., одно — в Страсбурге в 1545 г. Более поздние издания были дополнены переводами Безы. Популярность и полезность его с Безой Псалтири существенно повысились благодаря чудесным мелодиям Клода Гудимеля (1510 — 1572), который вступил в реформатскую церковь в 1562 г. и погиб как мученик в Лионе в Варфоломеевскую ночь. Он посвятил Реформации свой музыкальный гений. Его мелодии отчасти были основаны на народных песнях. Они проникнуты простым и искренним духом реформатского поклонения. Некоторые из них попали в сборники лютеранской церкви.

§88. Кальвин как учитель богословия и автор

Реформаторы Страсбурга, которым помогали ведущие миряне, такие как Якоб и Иоганн Штурмы, заботились о развитии начального и высшего образования. Они основали школы, которые привлекали учеников из Франции еще в 1525 г. Жерар Руссель, один из первых беженцев, очень уважительно отзываясь о них в письме к епископу Мо⁵²⁴. Протестантский коллеж (гимназия), с богословским отделением, был учрежден 22 марта 1538 г., и его директором стал Иоганн Штурм, один из самых способных педагогов того времени. Это было ядро университета, который оставался немецким до Французской революции, когда наполовину офранцузился, а теперь снова стал немецким в плане языка и методов обучения. Первыми учителями коллежа были Буцер (преподавал Новый Завет), Капитон (Ветхий Завет), Гедион (история и богословие), Эрлен (математика), Якоб Бедрот или Педрот (греческий)⁵²⁵. Обращенный иудей преподавал там еврейский язык.

Кальвин был назначен ассистентом профессора богословия в январе 1539 г.⁵²⁶ Он читал лекции по Евангелию от Иоанна, по Посланию к римлянам и по другим книгам Библии. Чтобы послушать его, из Швейцарии и Франции приезжали студенты, которые возвращались домой благовестниками. Он с удовлетворением отзываясь в своей переписке о нескольких студентах, а некоторыми был разочарован. Он председательствовал на общественных диспутах. В 1539 г. он опроверг некоего Роберта Мосгама, декана из Пассау, в диспуте о заслуге добрых дел, и эта победа доставила большую радость ученым города⁵²⁷.

⁵²⁴ Herminjard, I. 407; см. также письмо Фареля к Миконию от 4 июня 1526 г., *ibid.* 433 sq. О школах в Страсбурге см. Roehrich, *Geschichte der Reformation im Elsass*, I. 253, 261-264; A. G. Strobel, *Histoire du Gymnase protestant de Strasbourg*, Strassb. 1838; Charles Schmidt, *La vie et les travaux de Jean Sturm*, Strassb. 1855 (цитируется в Herminjard); R. Zöpffel, *Johann Sturm, der erste Rektor der Strassburger Akademie*, Strassburg, 1887.

⁵²⁵ Педрот (Падрут), имя которого часто упоминается в письмах Кальвина, был родом из Плуденца в Форарльберге. Он знаменит как издатель и толкователь древних классиков, поэтому его называли также *Jacobus Graecus*. Капитон очень хвалит его в послании к Блауреру (26 ноября 1525 г., в Herminjard, I. 440, note 16). Он умер от чумы в Страсбурге в 1541 г.

⁵²⁶ Кальвин — Фарелю, январь 1539 г. (Herminjard, V. 230): *Nuper ad publicam professionem invitatus a Capitone protractus sum. Ita quotidie aut lego aut concionor*. Он проповедовал по четыре раза и читал по три лекции. Жалование в 52 гульдена за год ему начали давать с 1 мая. Об этом упоминается в *Annal.* 246; Herminjard, V. 231, note 19; Stricker, 22.

Но был у него и неприятный диспут с богословским перебежчиком Петром Кароли, который появился в Страсбурге в октябре 1539 г., подобно «смущающему Израиля», — чем Кароли уже занимался в Лозанне. Он пытался даже Буцера и Капитона настроить против Кальвина в вопросе о Троице⁵²⁸.

При всех своих профессорских обязанностях Кальвин находил время для литературных трудов, которые были прерваны в Женеве. Он тщательно пересмотрел свои «Наставления» и написал комментарий на Послание к римлянам, которым было положено начало череде его бесценных экзегетических трудов. Обе книги были выпущены в Страсбурге известным печатником Венделином Ригелем в 1539 г. Комментарии на Римлян до Кальвина писали Меланхтон, Буцер и Буллингер, но он с легкостью превзошел их всех. Он написал также, на французском языке, популярный трактат о вечере Господней, в котором указал на средний путь между реализмом Лютера и духовным пониманием Цвингли. Обе партии, говорит он в конце, отошли от истины в своем страстном рвении, но это не повод забывать о том великом благе, которое Бог даровал человечеству через Лютера и Цвингли. Чтобы не быть неблагодарными и не забывать о том, чем мы им обязаны, мы должны простить им это и многое другое, не обвиняя их. Мы должны надеяться на примирение двух сторон.

На рейхстаге в Регенсбурге в 1541 г. он должен был, вместе с другими протестантскими делегатами, подписать Аугсбургское вероисповедание. И он мог сделать это искренне, понимая его, о чем он ясно заявил как автор, который, за год до того, выпустил пересмотренное издание с важным изменением десятой статьи (про учение о вечере Господней)⁵²⁹.

О его мастерском ответе Садолету мы поговорим отдельно.

Многочисленные письма этого периода показывают, что он всегда был верен друзьям и внимателен к обязательствам перед ними. Из его писем к Фарелю видно его сердце. Он разделяет тревоги и радости Фареля, знает обо всех общественных и частных событиях его жизни до мелочей. Фарель не мог вынести долгой разлуки и нанес ему два кратких визита, в 1539 и 1540 гг.

§89. Кальвин на встречах во Франкфурте, в Вормсе и Регенсбурге

CALVIN: письма из Вормса, Регенсбурга и Страсбурга, в *Opera*, XI, и HERMINJARD, vols. VI-VII. Его доклад на рейхстаге в Регенсбурге (*Les Actes de la journée impériale en la cité de Regenspourg*), в *Opera*, V. 509-684. — MELANCHTHON: доклад на встрече в Вормсе, на латинском, и акты встречи в Регенсбурге, на немецком, 1542.

См. его *Epistolae*, ed. Bretschneider, IV. 33-78, pp. 728 sqq. — STURM: *Antipappus*. — SLEIDAN: *De Statu Eccles. et Reipublicae Carolo V Caesare*, Lib. XIII.

HENRY, vol. I, ch. XVII. — DYER, pp. 105 sqq. — STÄHELIN, I. 229-254. — KAMPSCHULTE, I. 328-342. — STRICKER, pp. 27 sqq. — LUDWIG PASTOR (католик): *Die kirchlichen Reunionsbestrebungen während der Regierung Karls V. Aus den Quellen dargestellt*. Freiburg-i.-B., 1879 (507 pp.). Он отмечает влияние Кальвина, pp. 194, 196, 212, 230, 245, 258, 266, 484, но,

⁵²⁷ Он опять победил его в Вормсе в присутствии Меланхтона. Jacob Sturm, *Antipappi*, цит. в Herminjard, VII. 20, note 6.

⁵²⁸ *Ter desertor, ter transfuga, ter proditor utriusque partes*, — называл его Кальвин. См. об этом незначительном эпизоде в Stricker, pp. 30-39.

⁵²⁹ Письмо Кальвина к Мартину Шаллингу, служителю из Регенсбурга, март 1557 г., в *Opera*, XVI. 430: *Nec vero Augustanam Confessionem repudio, cui pridem volens ac libens subscripsi sicut eam autor ipse interpretatus est*. Его коллеги, Буцер и Капитон, восприняли Аугсбургское вероисповедание в том же миротворческом духе.

очевидно, не читал его переписку, которая является одним из главных источников; он ссылается только на Кампшulte.

Кальвин, вместе с Буцером, Капитоном и Штурмом, был послан городом и церковью Страсбурга на несколько встреч, которые состоялись во время его пребывания в Германии с целью устранения раскола, вызванного Реформацией. Императора Карла V, по политическим причинам, беспокоила проблема примирения протестантских князей с Римской церковью и обеспечение их помощи в борьбе с турками. Ведущими богословами на этих встречах были Меланхтон с лютеранской стороны и Юлий Пфлуг с католической. Они пытались обеспечить воссоединение церкви посредством взаимных уступок по незначительным вопросам учения и дисциплины. Но встречи не увенчались успехом, как это обычно и бывает с компромиссами. Лютер и Кальвин не хотели уступать папе, а самые решительные сторонники папской партии, такие как Экк, не хотели делать уступок протестантизму. Более подробное изложение вопроса читатель может найти в истории немецкой церкви.

Кальвин, который был иностранцем и французом и не знал немецкого языка, играл тут второстепенную роль, хотя и вызвал уважение обеих сторон своими способностями и ученостью, в которых никому не уступал. Он не верил ни в компромиссы, ни в искренность императора и, скорее, способствовал провалу этих мирных переговоров. Он был сторонником союза между лютеранскими князьями Шмалькальденской лиги с Франциском I, который, как соперник Карла V, склонялся к такому союзу. Кальвина поддерживала в этом и королева Маргарита, которая переписывалась с ним в то время через его друга, Слейдана, государственного деятеля и историка⁵³⁰. Ему удалось добиться, после неоднократных попыток, петиции от лютеранских князей, собравшихся в Регенсбурге, к французскому королю, в которой они просили за гонимых протестантов Франции (23 мая 1541 г.)⁵³¹. Но во Франциска I он верил не больше, чем в Карла V. «Король, — писал он Фарелю (сентябрь 1540 г.), — и император, соперничая в жестоких преследованиях благочестивых людей, оба пытаются приобрести расположение римского идола»⁵³². Он верил в Бога и в тесный союз лютеранских князей друг с другом и с протестантами Франции и Швейцарии.

Он пристально наблюдал за религиозными и политическими движениями, справедливо судил о ситуации и основных действующих лицах. Ничто не избегало его внимания. Он информировал Фареля в Невшателе даже о малейших происшествиях.

Кальвин посетил первую встречу во Франкфурте в феврале 1539 г. в качестве частного лица, с целью лично познакомиться с Меланхтоном и просить того поддержать гонимых братьев во Франции, которые были ему ближе, чем вся германская политика.

Переговоры продолжились в Гагенау в июне 1540 г., но дело не пошло дальше предварительных заседаний.

⁵³⁰ Herminjard, VII, 198 sqq.; *Opera*, XI. 62 sqq.

⁵³¹ Herminjard, VII. 126-128; *Opera*, XI. Ep. 311, p. 220. См. также Ep. 302, 307, 309. Кальвин не был доволен результатом. *Quantum ad fratres attinet*, — писал он Фарелю (6 июля 1541 г.), — *qui ob evangelium laborant, non feci quod volui*. Меланхтон навлек на себя недовольство императора, потому что поддерживал французских протестантов. Herminjard, VII. 179, note 16.

⁵³² *Nihil hic novi audimus, nisi quod Rex et Caesar, certatim in pios saeviendo, idolum Romanum sibi demereri student*. Herminjard, VI. 316, см. также note 8.

Самая важная из встреч состоялась в Вормсе в ноябре того же года. В этом древнем городе Лютер сделал свое знаменитое заявление в поддержку свободы совести, и оно, несмотря на протест папы, оказало сильнейшее воздействие. Кальвин на сей раз был представителем Страсбурга и герцогов Лютнебурга. Он отправился туда неохотно, потому что плохо себя чувствовал и считал себя неспособным справиться с поставленной задачей. Но на месте он собрал свои силы и воодушевился смелостью Меланхтона, который, в качестве оратора от лютеранских богословов, был менее склонен уступать, чем в предыдущие разы. Он принял активное участие в дискуссии. Он опроверг декана Роберта Мосгама из Пассау в ходе второго диспута и заслужил от Меланхтона и других лютеранских богословов, которые присутствовали там, почетный титул «Богослова»⁵³³.

Он также написал в Вормсе, для себя лично, а не для публикации, эпическую поэму, состоявшую из шестидесяти одного двустихия (сто двадцать две строки), прославляющую победу Христа над его врагами (Экком, Кохлеем, Нозеем, Пелларгом) после их кажущейся и временной победы⁵³⁴. Он не был прирожденным поэтом, но работа помогла ему преодолеть природные ограничения⁵³⁵.

Встреча в Вормсе, едва начавшись, была прервана в январе 1541 г., чтобы возобновиться на приближавшемся рейхстаге в Регенсбурге (Ратисбоне) в присутствии императора, по его возвращении.

Рейхстаг в Регенсбурге начался 5 апреля 1541 г. Кальвин опять явился как делегат Страсбурга, по особой просьбе Меланхтона, но неохотно и без надежды на успех. Он чувствовал, что не годится для такого дела и лишь понапрасну тратит время⁵³⁶. После долгих и утомительных отсрочек богословский colloquium был открыт. Вели его, с римско-католической стороны, доктор Иоганн Экк, профессор Ингольштадта (который дискутировал с Лютером в Лейпциге и был сторонником папской буллы об отлучении), Юлий Пфлуг, каноник Майнца (позже

⁵³³ Beza (*Opera*, vol. XXI. 130): *Calvinus... Domino Philippo Melancthoni et Gasperi Crucigero beatae memoriae imprimis gratus, adeo ut eum ille saepe 'Theologum' cognominaverit, hic vero privatum de coena cum eo colloquium habuerit eiusque cognitam sententiam diserte comprobavit*. В *Strasburger Kirchenordnung*, II. 140, цитируемом в Stricker (p. 28, note), сказано: *Auff welchem Colloquio auch Philippus [Меланхтон], Cruciger und andere furneme Theologi Kundtschafft mit Calvino gemacht, dass sie ihn, per Excellentiam, 'den Theologum' genannt*. Папир Массон (в *Vita Calv.*, цитируется в Herminjard, VII. 26): *Wormatiam missus a civibus excercuit excellentis ingenii vires tanto applausu theologorum Germania, ut iudicio Melancthonis et reliquorum singulari privilegio THEOLOGI cognomen adeptus sit*. А прозываться «Богословом» в тот век, когда богословию уделялось такое внимание, значило несравненно больше, чем быть доктором богословия в наше время.

⁵³⁴ *Epinicion ad Christum*, в *Opera*, V. 423-428. Dyer (p. 106), Kampschulte (I. 333), Henry (I, ch. XVIII) и даже Merle d'Aubigné (VII. 23) ошибаются в том, что называют «Песнь о победе» единственной поэмой Кальвина (I. 333). Он написал также метрические переложения ряда псалмов и лирический гимн во славу Христа. См. *Opera*, VI. 212-224.

⁵³⁵ Как он сам говорит в заключительных строках,
Quod natura negat, studii pius efficit ardor,
Ut coner laudes, Christe, sonare tuas.

Рукопись он дал нескольким друзьям, но настоятельно не позволял печатать ее, пока, наконец, при дворе Тулузы, четыре года спустя, эта поэма не была помещена в список запрещенных книг, и с этим было связано много разбирательств. В противном случае о ней могли бы просто забыть. См. его предисловие в *Opera*, V. 422.

⁵³⁶ *Invitissimus*, — писал он Фарелю (19 февраля 1541 г., в Herminjard, VII. 26), — *Ratisponam trahor: tum quia ipsam profectionem mihi molestissimam prospicio fore: tum quod valde timeo ne diuturna mora futura sit, ut solent saepe numero comitia ad decimum mensem producere: tum quod minime idoneus mihi ad tales actiones videor, quidquid alii iudicent. Sed Deum sequar, qui novit cur mihi hanc necessitatem imponat*.

епископ Наумбурга), и Иоганн Гроппер, каноник и профессор канонического права Кельна; с протестантской стороны — Меланхтон из Виттенберга, Буцер из Страсбурга и Писторий из Нидды в Гессене. Гранвелла председательствовал от имени императора; кардинал Контарини, просвещенный и разумный прелат, который был благосклонен к евангельским взглядам и выступал за умеренные реформы, присутствовал как легат папы Павла III, который, однако, в то же время послал туда и нетерпимого епископа Мороне в качестве особого нунция. Кальвин же не видел разницы между двумя легатами, кроме той, что Мороне был склонен подавлять протестантов, проливая кровь, а Контарини — без кровопролития. Его призывали поговорить с Контарини, но он отказался. Он благосклонно отзывался о Пфлуге и Гроппере, но с презрением об Экке, громогласном ораторе папской стороны, которого он считал высокомерным болтуном и пустым софистом⁵³⁷. Французского короля представлял Дювель, которого Кальвин назвал «суетливым болваном». Присутствовало также много епископов, князей германских государств и делегатов от имперских городов. Император, в искренней речи, призвал богословов, через переводчика, отказаться от личностей и искать только истины, славы Божьей, блага церкви и мира империи.

Беседа слегка затронула учения о первородном грехе и о порабощенности человеческой воли, в которых протестанты опирались на авторитет святого Августина. Католики согласились с евангельским взглядом на оправдание верой (без лютеранского *sola*) и уступили чашу евхаристии мирянам, но по вопросу об авторитете церкви и о реальном присутствии возник раскол. С Кальвином в особенности консультировались на последнюю тему, и он решительно высказался, на латыни, против пресуществления, которое отвергал как схоластический вымысел, и против поклонения облатке, как идолопоклонства⁵³⁸. Ему не понравилась уступчивость Меланхтона и Буцера, хотя он и не сомневался в искренности их побуждений. Он любил истину и последовательность больше, чем мир и единство. «Филипп, — писал он Фарелю (12 мая 1541 г.)⁵³⁹, — и Буцер составили двусмысленные и расплывчатые формулировки по поводу пресуществления, чтобы попытаться удовлетворить противника, ничего ему не дав⁵⁴⁰. Я не могу согласиться с этой уловкой, хотя у них есть разумные причины так поступать; они надеются, что в ближайшее время более ясно увидят, может ли быть оставлен открытым этот момент учения; а пока они хотят избежать дискуссий и не боятся такой двусмысленности, которая не может не быть вредной. Но я уверяю тебя, что оба действуют из наилучших побуждений и хотят только послужить царству Христа; однако в своих методах они слишком согласуются с веком сим... Я жа-

⁵³⁷ См. его суждение об этих людях в письме к Фарелю от 24 апреля 1541 г., в Herminjard, VII. 89. Об Экке он говорит: *Nemini dubium est quin Davus ille* [речь идет о непокорном рабе в античной драме] *sua importunitate sit omnia turbaturus*. В письме от 12 мая он сообщает, что Экка поразил апоплексический удар (10 мая), но он оправился, и добавляет: *Nondum meretur mundus ista bestia liberari* (Herminjard, VII. 116 sq.). Экк умер 16 февраля 1543 г. Франц Буркхард, саксонский канцлер, в письме к Понтану от 22 апреля 1541 г., дает похожую оценку Пфлуга, Гроппера и Экка и называет последнего *ebrius sophista, qui pluris facit Bacchum quam ullam religionem* (Mel. *Epist.* IV. 185). Мозеллан описывает Экка, по впечатлениям на диспуте в Лейпциге, как «крупного, широкоплечего, жестокосердного и высокомерного человека, который был больше похож на глашатая, чем на богослова». Меланхтон считал, что «ни один благочестивый человек не сможет слушать без отвращения софизмы и пустые измышления этого болтуна».

⁵³⁸ Кальвин к Фарелю, 11 мая 1541 г., в Herminjard, VII. 111 sq.

⁵³⁹ Herminjard, VII. 115.

⁵⁴⁰ Эти формулировки напечатаны в Melanchthon, *Epistolae*, IV. 262-264.

лююсь на это тебе частным образом, мой дорогой Фарель; так что постарайся не сообщать об этом широкой публике. Я благодарен за то, что никто не сражается с богом-облаткой⁵⁴¹, как он это называет, более ревностно, чем Бренц»⁵⁴².

Все переговоры в конечном итоге оказались неудачными из-за несогласия приверженцев крайних взглядов в обеих партиях⁵⁴³.

Император закрыл рейхстаг 28 июля и обещал использовать свое влияние на папу, чтобы созвать вселенский собор для решения всех богословских проблем⁵⁴⁴.

Кальвин покинул Регенсбург, как только представилась возможность, около середины июня, к великому сожалению Буцера и Меланхтона, которые хотели удерживать его⁵⁴⁵.

Пребывание там было омрачено чумой, которая свирепствовала в Страсбурге и унесла его любимого диакона, Клода Фере (Ферея), его друзей Бедрота и Капитона, одного из его жильцов, Луи де Ришбур (ученика Клода), и сыновей Эко-лампадия, Цвингли и Гедиона. Кальвин впал в состояние крайней тревоги и депрессии и писал об этом Фарелю в грустном письме от 29 марта 1541 г.⁵⁴⁶: «Мой дорогой друг Клод, которого я чрезвычайно ценил, был унесен чумой. Луи (де Ришбур) последовал за ним три дня спустя. Мой дом пребывал в состоянии мрачного запустения. Мой брат (Антуан) вместе с Шарлем (де Ришбуром) перебрался в соседнее селение; моя жена уехала с братом; младший из учеников Клода [вероятно, Малерб из Нормандии] лежит больной в постели. К горечи потери добавляется тревога о тех, кто еще жив. День и ночь я думаю о своей жене, о том, что ей нужен совет, что она далека от своего мужа...⁵⁴⁷ Эти события так огорчили меня, что, кажется, они полностью занимают мои мысли и подавляют дух. Ты не можешь поверить, как я горюю в связи со смертью моего дорогого друга Клода». Далее он трогательно отзывается о Фере, который жил в его доме и был для него ближе брата. Но самый драгоценный плод этой скорби — его утешительное письмо к скорбящему отцу Луи де Ришбур, которое мы процитируем в другом месте⁵⁴⁸.

§90. Кальвин и Меланхтон

Переписка между Кальвином (14 писем) и Меланхтоном (8 писем), а также несколько писем от Кальвина к Фарелю из Страсбурга и Регенсбурга.

HENRY, vol. I, chs. XII, XVII, — STÄHELIN, I. 237-254. — MERLE D'AUBIGNÉ, bk. XI, ch. XIX (vol. VII, 18-22, перевод Cates).

⁵⁴¹ Или «богом-в-хлебе», *impanatus Deus* {лат. «импанация», буквально — «превращение в хлеб»}.

⁵⁴² Ведущий лютеранский богослов из Вюртемберга, который был участником встречи.

⁵⁴³ Остроумное народное высказывание так подводило итоги colloquiuma: *Sie pflügen* (Пфлуг), *eggen* (Экк), *graben* (Гроппер), *putzen* (Буцер) *und backen* (Писторий, немецкое имя которого было Бекер), *und richten nichts aus* {пахать, боронить, копать, чистить, печь, но все без толку}. *Corp. Reform.* IV. 335.

⁵⁴⁴ Кальвин писал Вире из Страсбурга 13 августа 1541 г. (Herminjard, VII. 218): *Finis comitiorum talis fuit qualem ego fore semper divinaui. Tota enim pacificationis actio in fumum abiit, cum ad concilium universale rejecta est, vel saltem nationale, si illud brevi obtineri nequeat. Quid enim hoc aliud est quam frustrari?*

⁵⁴⁵ Письмо к Фарелю из Страсбурга, начало июля 1541 г., в Herminjard, VII. 176. В этом письме он рассказывает о более поздних диспутах в Регенсбурге по вопросам об исповеди и отпущении грехов, о молитвах к святым и о власти папы.

⁵⁴⁶ Herminjard, VII. 65 sqq.; *Opera*, XI. 174 sqq.

⁵⁴⁷ *Mihi dies ac noctes animo obversatur uxor, consilii inops, quia capite suo caret.*

⁵⁴⁸ См. далее, §92.

Одним из благ для Кальвина и евангельской церкви, порожденных пребыванием в Страсбурге, стала его дружба с Меланхтоном. Она была важна для отношений между лютеранской и реформатской конфессиями, а потому заслуживает особого рассмотрения.

Впервые они познакомились по переписке, через Буцера, в октябре 1538 г. Меланхтон сразу же свел Кальвина с Лютером, который с большим удовольствием прочитал ответ Кальвина Садолету (возможно, также его «Наставления») и передавал ему привет в Страсбурге⁵⁴⁹.

Лютер никогда не видел Кальвина и, вероятно, мало знал или ничего не знал о Реформации в Женеве. Его собственный труд тогда был уже почти завершен, и он жаждал отдыха. Впрочем, хорошо, что, в то время как он был непреодолимо враждебен Цвингли и Цюриху, в конфликт с Кальвином и Женевой он не вступал, но перед тем, как отойти от дел, передал Кальвину братский привет с уважительного расстояния. Его поведением предвосхищается отношение лютеранской церкви и богословия к Кальвину, который очень уважал Лютера и, в свою очередь, был ценим лютеранскими богословами, насколько они его знали.

Меланхтон был на двадцать лет старше Кальвина, а Лютер на тринадцать лет старше Меланхтона. Следовательно, Кальвин мог бы быть учеником Меланхтона. Он искал его дружбы и всегда относился к нему с почтительной привязанностью⁵⁵⁰. В посвящении своего комментария на Даниила он описывает Меланхтона как «человека, который благодаря несравненным умениям в самых важных областях знаний, благочестию и прочим добродетелям достоин восхищения во все века». Но если Меланхтон находился под влиянием личности Лютера, то женевский реформатор был совершенно независим от Меланхтона и мог общаться с ним на равных. Меланхтон, в искреннем смирении и при полном отсутствии зависти, даже признавал превосходство своего младшего друга как богослова и ученого и называл его просто «Богословом».

У них было много точек соприкосновения. Оба обладали умом, развитым не по годам; оба возвышались над своими современниками в плане гуманистической культуры и отточенности стиля; оба посвятили свою ученость обновлению церкви; оба были совестливы и бескорыстны; оба были благочестивы и соглашались в том, что касается основных учений; оба сожалели о расколах в рядах протестантов и искренне желали единства и согласия, подобающего приверженцам истины.

Но они были и очень разными. Меланхтон был скромным, кротким, чувствительным, женственным, мирным, гибким, неторопливым, всегда открытым для нового. Кальвин же хотя от рождения и был скромн, застенчив и раздражителен, но в том, что касается принципов и убеждений, был тверд, неуступчив, не боялся последствий и выступал против всяческих компромиссов. Они не соглашались в

⁵⁴⁹ В письме к Буцеру, 14 октября 1539 г.: *Salutabis Dn. Joannem Sturmium et Joannem Calvinum reverenter, quorum libellos cum singulari voluptate legi. Sadoletto optarem ut crederet Deum esse creatorem hominum extra Italiam.* De Wette, V. 211; Herminjard, VI. 73 (см. также note 6). Кальвин упоминает этот комплимент в письме к Фарелю от 20 ноября 1539 г. (в Herminjard, VI. 130). Он цитирует также потерянное письмо Меланхтона: *Lutherus et Pomeranus* [Бугенгаген] *Calvinum et Sturmium jusserunt salutari. Calvinus magnam gratiam iniit.* (*Ibid.*, p. 131.) Говорят, Лютер благосклонно отзывался также о трактате Кальвина о вечере Господней, опубликованном в Страсбурге (1541) на французском языке. См. т. VII, §109.

⁵⁵⁰ В письме 11 Cal. Maii, 1544 (*Opera*, XI. 698) он называет его *ornatissime vir, fidelissime Christi minister, et amice mihi semper honorande. Dominus te semper spiritu suo regat, diuque nobis et ecclesiae suae incolumem conservet.*

незначительных вопросах учения и дисциплины. Меланхтон, из сознательной любви к истине и миру и из уважения к требованиям практического здравого смысла, независимо изменил свои взгляды на два важных учения. Он отказался от лютеранской догмы телесного и вездесущего присутствия Христа в евхаристии и приблизился к теории Кальвина; также он заменил свои более ранние фаталистские взгляды на Божье предопределение зла, как и добра, синергической схемой, в которой обращение объяснялось сотрудничеством трех сил: Духа Божьего, Слова Божьего и воли человека. Он считал, что человек свободен либо принять, либо отвергнуть Евангелие спасения, но не считал заслугой принятие безвозмездного дара. В этом вопросе он отходил от более строгой и логичной системы Кальвина⁵⁵¹.

Таким образом, искренняя и долгая дружба двух этих великих и благих людей еще более примечательна и ценна как свидетельство того, что глубокое духовное единение и согласие может существовать независимо от богословских разногласий⁵⁵².

Кальвин и Меланхтон встречались во Франкфурте, Вормсе и Регенсбурге, в непростых обстоятельствах. Меланхтон был разочарован в перспективах протестантизма. Он жаловался на путаницу, которая последовала за отменой епископского надзора, на недостаток дисциплины, на жадность князей и на фанатизм богословов. Он позволил себе, вместе с Лютером и Буцером, дать согласие на скандальное двоеженство Филиппа Гессенского (май 1540 г.), которое было самым мрачным пятном на истории немецкой Реформации — еще худшим, чем последующее многоженство Генриха VIII. Его совесть была так обеспокоена этой слабостью, что в Веймаре, по пути на встречу в Гагенау и Вормсе, он почувствовал себя на краю могилы и умер бы, если бы Лютер не вымолил его из когтей князя ужасов. Какой контраст между Меланхтоном в Вормсе в 1540 г. и Лютером в Вормсе в 1521 г.! На рейхстаге в Регенсбурге, в 1541 г., Меланхтон чувствовал себя не лучше. Его сын был болен, и ему приснилось, что он умер. Звезды предвещали несчастья и войну. Его письма к близким друзьям полны печали и тревожных предчувствий. «Меня одолевает желание лучшей жизни», — писал он одному из них. Его угнетало чувство ответственности, которая довела над ним как над глашатаем и вождем Реформации в последние годы жизни Лютера, который прежде вдохновлял и укреплял его. Естественно, что в таком состоянии он искал новой поддержки, и он нашел ее в лице Кальвина. Мы без труда понимаем его желание умереть на руках у Кальвина. Но сам Кальвин, хотя и более спокойный и сдержанный в общественных делах, был, как мы уже видели, сильно расстроен в Регенсбурге из-за новостей о чуме и о своих друзьях в Страсбурге, а также из-за многочисленных просьб вернуться в Женеву. Эти тревоги и горести сделали их еще ближе друг к другу.

Встретившись впервые лично во Франкфурте-на-Майне в феврале 1539 г., они сразу же стали близки и свободно обсуждали животрепещущие проблемы того времени, связанные с учением, дисциплиной и поклонением⁵⁵³.

⁵⁵¹ Об этих переменах мнения см. в биографиях Меланхтона: Galle, Carl Schmidt, Herrlinger; Gieseler, *Church History*; Schaff, *Creeds of Christendom*, I. 261 sqq.

⁵⁵² Мерль д'Обинье (VII. 19) полагает, что «со стороны Меланхтона тут было больше уважения, а со стороны Кальвина больше привязанности»; что «с одной стороны дружба была больше основана на размышлениях (*réfléchi*), а с другой — более спонтанна», но «с обеих сторон она была порождением благородных и прекрасных качеств».

⁵⁵³ Кальвин писал Фарелю после возвращения в Страсбург, в конце марта 1539 г.: *Cum Philippo fuit mihi multis de rebus colloquium*.

В том, что касается учения, Кальвин предварительно выслал Меланхтону краткое изложение, в двенадцати статьях, своих взглядов на важный вопрос реального присутствия Христа в евхаристии. Меланхтон согласился с ними без споров⁵⁵⁴, но признался, что не надеется удовлетворить тех, кто упорно настаивал на присутствии более грубом и осязаемом⁵⁵⁵. Однако он желал сохранения текущего согласия, пока Господь не наставит обе стороны в единой истине. Без сомнения, это было причиной, по которой сам он не хотел полно и однозначно определить собственный взгляд, что могло бы привести к разрыву с лютеранской церковью. Он даже объявил, что благоразумно было бы изменить десятую статью Аугсбургского вероисповедания и опустить антицвинглианское высказывание (1540).

Что касается церковной дисциплины, то Меланхтон жаловался на ее недостатки в Германии, но не видел способа ее улучшить, пока народ не сможет отличать иго Христа от папской тирании.

В вопросах поклонения Кальвин открыто выступал против многих обрядов, которые касались ему слишком близкими к иудаизму⁵⁵⁶. Он был против пения на латыни, против изображений и свечей в церквях, против экзорцизма при крещении и тому подобного. Меланхтон не хотел обсуждать эту тему, но признал, что многие ненужные католические обряды были сохранены, несмотря на мнение канонистов, и выразил надежду, что некоторые из них будут отменены постановлениями.

После встречи в Регенсбурге два реформатора больше не виделись, но продолжали вести переписку, насколько им позволяло время и многочисленные обязанности. Эта дружеская переписка становилась менее регулярной по мере того, как участники старели и у них прибавлялось забот. Сохранилось несколько писем, и они производят самое благоприятное впечатление об обеих сторонах⁵⁵⁷.

Первое письмо Кальвина после Регенсбурга датировано 16 февраля 1543 г. Это длинный ответ на послание Меланхтона⁵⁵⁸.

Ты уже понял, — пишет он, — какому ленивому парню ты доверил свое письмо. Прошло четыре месяца, прежде чем он доставил его мне, к тому же потертое и измятое от небрежного обращения. Но хотя оно дошло до меня поздно, я очень ценю это приобретение... Хотелось бы, как ты справедливо замечаешь, чтобы мы могли чаще общаться посредством писем. Для тебя в этом не было бы никаких преимуществ, но для меня в мире нет ничего более желанного, чем получить утешение от

⁵⁵⁴ *Sine controversia ipse assentitur*. Кальвин добавляет: *de ipso (Mel.) nihil dubita, quin penitus nobiscum sentiat*. Herminjard, V. 269. В предыдущем письме к Фарелю, от октября 1538 г. (в Herminjard, V. 146, note 24), он сообщает, что послал двенадцать статей вместе с письмом к Меланхтону из Страсбурга. Статьи утрачены, но, может быть, их еще найдут.

⁵⁵⁵ *Sed fatetur, esse in illa parte nonnullos qui crassius aliquid requirant: atque id tanta perverbia, ne dicam tyrannide, ut diu in periculo fuerit, quod eum videbant a suo sensu nonnihil alienum*. Herminjard, V. 269. Эти люди, которые хотели пережеглотать самого Лютера, не удовлетворялись словами учреждения, *simpliciter*, но требовали схоластических терминов, таких как *substantialiter, essentialiter, corporaliter, quantitative, ubiquitaliter, carnaliter*. Когда Матфей Целл, проповедник собора Страсбурга, сказал Меланхтону (в 1536 г.), что ненавидит эти термины как дьявольские добавления, Меланхтон согласился. См. Roehrich, *Mittheilungen aus der Geschichte der evang. Kirche des Elsasses*, III. 133, цит. в Stähelin, I. 169.

⁵⁵⁶ Письмо к Фарелю, апрель 1539 г. (Herminjard, V. 292): *Nuper Philippo in faciem non dissimulavi, quin mihi admodum illa ceremoniarum copia displiceret. Videri enim mihi formam quam tenent non procul esse a Judaismo*.

⁵⁵⁷ В *Opera* Кальвина есть четырнадцать писем, адресованных Меланхтону.

⁵⁵⁸ *Letters of John Calvin by Dr. Jules Bonnet, translated from the original Latin and French by Constable, vol. I, 349. В Calvin, Opera, XI. 515. Оригинал хранится в коллекции Зимлера, в городской библиотеке Цюриха.*

кроткого и мягкого духа твоих посланий. Ты не поверишь, сколько у меня здесь дел, как я постоянно спешу; но среди них меня главным образом беспокоят две вещи. Прежде всего я сожалею, что труды приносят не столько плодов, сколько хотелось бы; во-вторых, я так далек от тебя и нескольких других людей, лишен того утешения и поддержки, которые так бы мне помогли.

Но выбирать не приходится. Каждый из нас должен возделывать, служа Христу, свой участок виноградника, и мы должны оставаться на том посту, который Он нам доверил. По крайней мере, мы можем утешаться тем, что не разлучимся более, — я имею в виду, что эта дружба освящена собственной кровью Христа, скреплена и подтверждена Его благословенным Духом в наших сердцах, — и пока мы живем на земле, мы должны радовать друг друга той благословенной надеждой, к которой призывает меня твое послание; и на небесах мы вечно будем ликовать в любви и постоянстве нашей дружбы⁵⁵⁹.

Не может быть более благородного выражения христианской дружбы.

В том же письме Кальвин сообщает Меланхтону, что посвятил ему свою «Защиту ортодоксального учения о рабстве и избавлении человеческой воли против хулы Альберта Пигия», которую Меланхтон призвал Кальвина написать и которая вышла в феврале 1543 г.⁵⁶⁰ После скромного рассказа о своих трудах в Женеве и вдумчивых рассуждений о положении церкви в Германии он завершает письмо так:

Прощай, о муж достославных свершений, которого я всегда буду помнить и чтить в Господе! Да хранит тебя Господь в безопасности, во славу Своего имени и ради созидания церкви. Не понимаю, по какой причине ты держишь дома своего «Даниила»⁵⁶¹. И я не могу тихо страдать и не жаловаться на то, что лишен возможности пользоваться им. Я прошу тебя передать доктору Мартину мой почтительный привет. Сейчас здесь с нами Бернардино из Сиены, выдающийся и превосходный человек, который вызвал немалые волнения в Италии. Он попросил меня передать тебе от него привет. Еще раз прощай, привет и твоей семье, и да хранит ее Господь.

11 мая Меланхтон поблагодарил Кальвина за посвящение, со словами⁵⁶²: «На меня сильное впечатление произвела твоя доброта, и я благодарю тебя за то, что тебе угодно было явить свою любовь ко мне перед всем миром, поместив мое имя в начале твоей прекрасной книги, где весь мир видит его». Он совершенно справедливо хвалит силу и красноречие, с которыми Кальвин опровергает Пигия, и, признавая собственное несовершенство как писателя, призывает его продолжать использовать свои чудесные таланты для созидания и укрепления церкви. Он уступал Кальвину в плане логики и полемики, однако лучше понимал тайну предопределения и свободы воли, хотя и не мог решить эту проблему. Он мягко намекает своему другу, что тот слишком большое внимание уделяет лишь одной из сторон Божьей власти и человеческой свободы, и говорит на эту тему:

Что же касается вопроса, рассматриваемого в твоей книге, вопроса о предопределении, то у меня в Тюбингене есть ученый друг, Франциск Стадиан, который имел обыкновение говорить: я считаю, что все случается по Божьему предопределению, однако согласно собственным законам, хотя он и не мог согласовать то и другое. Я считаю, что Бог не является творцом греха, то есть не может желать его. Давид по

⁵⁵⁹ *Hoc saltem nobis nullo regionum longinquitas eripiet, quin hac conjunctione, quam Christus sanguine suo consecratam Spiritu quoque suo in cordibus nostris sanxit, contenti, dum vivimus in terra sustineamur beato illa spe, ad quam nos literae tum revocant: in coelis nos simul perpetuo victuros, ubi amore amicitiaeque nostra fruamur.*

⁵⁶⁰ *Defensio sanae et orthodoxae doctrinae de servitute et liberatione humani arbitrii adversus calumnias Alberti Pighii Campensis. Opera*, VI. 225-404.

⁵⁶¹ Комментарий Меланхтона на Даниила вышел в том же году в Виттенберге и Лейпциге.

⁵⁶² *Opera*, vol. XI, 539-542. Также в *Corp. Reform.* V. 107.

собственной воле согрешил⁵⁶⁴. Он мог бы удержать Святого Духа. В этом конфликте есть место для свободы воли... Давайте же обвинять собственную волю, если мы грешим, и не искать причины в Боге. Он поможет и помогает тем, кто искренне борется. *Mόνον θέλησον*, — говорит Василий, — *καὶ θεός προαπαλλά*. Бог обещает и дает помощь тем, кто хочет принять ее. Так сказано в Слове Божьем, и давайте уповать на него. Я далек от того, чтобы учить тебя, самого ученого и опытного человека во всем, что касается благочестия. Я знаю, что в целом ты согласен с моими взглядами. Я только предлагаю тебе выражения, более пригодные для практического использования⁵⁶⁵.

В письме к Камерарию (1552) Меланхтон выражает свое недовольство тем, сколь сильно Кальвин подчеркивал учение о предопределении и как пытался навязать швейцарским церквям его в Женевском согласии⁵⁶⁶.

Кальвин совершил в 1554 г. еще одну попытку завоевать Меланхтона на свою сторону, но напрасно⁵⁶⁷. С одним моментом, однако, Меланхтон в некоторой мере был согласен, ибо он ставил акцент на спонтанности воли и отвергал парадоксы Лютера, как и его сравнение природного человека с мертвой статуей.

К чести Кальвина следует отметить, что, несмотря на чувствительность и нетерпимость, проявлявшуюся к оппонентам его любимой догмы, он уважал суждение самого выдающегося лютеранского богослова и доказал это, опубликовав французский перевод улучшенного издания «Богословских общих мест» Меланхтона в 1546 г. с хвалебным предисловием собственного сочинения⁵⁶⁸, где он говорит, что эта книга представляет собой краткое изложение всего, что необходимо знать христианину на пути спасения, сформулированное самым простым образом чрезвычайно ученым автором. Кальвин не скрывает, что у них разные взгляды на вопрос о свободе воли, и говорит, что Меланхтон, похоже, считает человека участвующим в деле спасения, но таким образом, что это не умаляет благодати Божьей и не дает нам повода хвалиться.

Таков единственный пример того, чтобы один реформатор переиздавал и хвалил труд другого реформатора, причем соперничающий с его собственным главным трудом на ту же тему («Наставления») и расходящийся с ним в нескольких вопросах⁵⁶⁹.

Возобновление печально известных споров о евхаристии Лютером в 1545 г. и не менее печальный спор из-за императорского интерима в 1548 г. стали испытанием для дружбы реформаторов. Кальвин с уважением, но честно выразил свое сожаление по поводу нерешительности и робости, проявленных Меланхтоном из страха перед Лютером и из жажды мира.

Когда за год до смерти Лютер выпустил свою самую яростную и полную оскорблений книгу против «сакраментариев»⁵⁷⁰, которая сильно огорчила Мелан-

⁵⁶⁴ Это прямое противоречие его словам в первом издании его *Loci* (1521) и в его комментарии на Римлян (1524) — что Бог совершает всё не *permissive*, а *potenter* и что Он предопределил и предначертал прелюбодеяние Давида и предательство Иуды, так же как и призвание Павла. Так Меланхтон понимал Послание к римлянам. В декабре 1525 г. Лютер высказывал те же взгляды в своей книге против Эразма, и он никогда не отказывался от нее, но, напротив, называл одной из лучших своих книг (1537).

⁵⁶⁵ *Ad usum accommodata*.

⁵⁶⁶ Mel. *Opera*, в *Corpus Reformatorum*, VII. 390.

⁵⁶⁷ *Opera*, XV. 215-217. Датировано 6 Calendas Septembris.

⁵⁶⁸ В его *Opera*, vol. IX, 847-850.

⁵⁶⁹ Анри справедливо замечает (I. 376): «Эти редкие люди были настолько лишены амбиций, любви к славе и мелочности духа, что думали лишь о спасении мира. Кальвин хотел, чтобы Франция полюбила Меланхтона, как и он, и обратилась ко Христу с его помощью». См. также Stähelin, I. 244.

хтона и вызвала праведное негодование цвинглиан, Кальвин писал Меланхтону (28 июня 1545 г.)⁵⁷¹:

Я хотел бы, чтобы те дружеские чувства, которые побуждают меня соболезновать тебе и сочувствовать в твоей печали, помогли бы тебе в какой-то степени и облегчили твою скорбь. Если дела обстоят так, как говорят цюрихцы, у них есть право писать то, что они пишут... Твой Перикл позволяет себе переходить все возможные границы из любви к громам, особенно видя, что его собственное дело — не лучшее из двух... Мы все признаем, скольким мы обязаны ему. Но в церкви мы всегда должны остерегаться, чтобы не возвеличивать слишком какого-либо человека. Когда кто-то один имеет больше власти, чем все остальные, это конец для церкви... Когда кругом столько несогласий и раздоров, как сейчас, непросто успокоить волнующиеся воды и всех привести в согласие... Ты скажешь, что он [Лютер] пылок и порывист от природы и этот пыл проявляется все более яростно, несмотря на то, что все терпимы к нему и никто не чинит ему препятствий. Если такая тирания расцвела уже в самом начале пробуждения церкви, чего нам ждать в будущем, когда она разовьется? Давай же оплакивать бедствие церкви и не страдать в тишине, но смело требовать свободы... Ты усердно старался, своими добрыми наставлениями, отговорить людей от раздоров и ссор. Я хвалю твою осторожность и умеренность. Но когда ты стараешься не вмешиваться в эту проблему, чтобы никого не оскорбить, ты оставляешь в недоумении и тревоге многих людей, которые ждут от тебя чего-то более определенного, на что они могли бы положиться... Может быть, сейчас есть воля Бога на то, чтобы ты полностью открыл твои собственные взгляды, чтобы те, кто уважает тебя, не оставались в постоянных сомнениях и раздумьях...

Тем временем давай проходить свое поприще со смелостью. Я благодарю тебя за твой ответ и чрезвычайную доброту, с которой ты отнесся к Клоду, как он мне сообщает⁵⁷². Я могу сделать вывод, что ты был бы так же добр и со мной, раз ты оказал такой добрый и вежливый прием моему другу. Я не перестаю благодарить Бога, Который послал нам согласие во мнениях по данному вопросу [о реальном присутствии]; ибо, хотя мы расходимся в незначительных деталях, мы вполне согласны по поводу проблемы в целом.

Когда после поражения протестантов в Шмалькальденской войне Меланхтон принял лейпцигский интерим вместе с униженным условием соответствия римскому обряду, которое навязал им немецкий император, Кальвин был еще больше недоволен старым другом. В данном случае он был на стороне лютеранских неконформистов, которые, под руководством Матфея Флация, сопротивлялись принятию интерима и были изгнаны из империи. Он написал Меланхтону 18 июня 1550 г. следующее письмо с упреками⁵⁷³:

Древний сатирик [Ювенал, I. 79] сказал однажды:

Si natura negat, facit indignatio versum.

В данном случае со мной все наоборот. Моя нынешняя скорбь совсем не помогает мне говорить, а, напротив, оставляет меня без слов... Я думаю, ты и ждешь, что я скорее буду стонать, чем говорить. Прекрасно известно, судя по их шуткам и насмешкам, как враги Христа радовались твоим спорам с богословами Магдебурга⁵⁷⁴... Хотя тебя в данной ситуации не в чем обвинять, мой дорогой Филипп, осторожность и справедливость требуют как-то исцелить или, по крайней мере, смягчить зло. Прости меня, если я не считаю тебя совершенно невиновным... Открыто увещевая тебя, я выполняю обязанности истинного друга, и если я более суров, чем обычно, не думай, что моя древняя привязанность к тебе и мое уважение ослабели... Я знаю, ничто не доставляет тебе большего удовольствия, чем искреннее рвение... Такова

⁵⁷⁰ Еро «Краткое вероисповедание о вечере Господней», см. т. VII, §109.

⁵⁷¹ Bonnet-Constable, I. 442-444; *Opera*, XII. 98-100.

⁵⁷² Клод де Сенарклей, друг Кальвина, вернулся из Виттенберга с альбомом, полным благочестивых записей ведущих лютеранских богословов; альбом хранится в Городской библиотеке Женева. Bonnet, I. c., I. 444.

⁵⁷³ *Opera*, XIII. 593 sqq.

⁵⁷⁴ Ревностные лютеране Магдебурга, которые выдержали долгую осаду армии электора Морица.

суть твоей защиты: если чистота учения сохранена, во внешних вопросах можно уступить... Но ты слишком широко понимаешь внешнее. Ты знаешь, что паписты осквернили поклонение Богу множеством способов. Некоторые из тех вещей, которые ты считаешь незначительными, явно противоречат Слову Божьему... Ты не должен был делать таких больших уступок папистам... Разве не знаешь ты, что Павел, когда обрезание было еще законным, не соглашался проводить с верующими обряд, некогда учрежденный Богом, потому что искусные и коварные обманщики ставили сети на верующих, ограничивая их свободу? Он хвалится тем, что не уступил им, чтобы правда Божья осталась неприкосновенной среди язычников (Гал. 2:5)... Я напомним тебе о том, что однажды сказал тебе: мы слишком дорого ценим свои чернила, если колеблемся и не пишем о тех вещах, за которые многие из нашего стада каждый день проливают кровь... Колебания генерала более постыдны, чем бегство целого войска простых солдат... Один лишь ты, немного уступив, вызовешь больше жалоб и вздохов, чем открытое бегство сотни простых людей. И хотя я полностью убежден, что страх перед смертью никогда не заставлял тебя свернуть с истинного пути, есть другие виды страха, слишком сильные, чтобы твоя смелость могла преодолеть их. Ибо я знаю, как пугает тебя обвинение в суровости. Но мы должны помнить, что рабы Христа не должны думать о своей репутации, как и о своей жизни. Мы не лучше Павла, который бесстрашно оставался на своем пути, хорошо о нем отзывались или плохо... Ты знаешь, почему я так страстен. Я предпочел бы умереть вместе с тобой сотню раз, чем видеть, как ты уступаешь в вопросах учения...

Прости меня, если я заставил тебя исторгать из своей груди печальные, хотя и бесполезные стоны. Прощай, достославный господин, всегда достойный моего великого уважения. Да продолжит Бог наставлять тебя в Своем Духе, да укрепит Он тебя Своей силой. Да хранит Он тебя. Аминь.

Здесь мы видим повторение разногласий между Павлом и Петром в Антиохии в связи с обрядом обрезания. И хотя мы восхищаемся честностью и смелостью Павла и Кальвина, упрекающих старшего брата и отстаивающих принцип, мы можем восхищаться также кротостью и смирением Петра и Меланхтона, принимающих критику.

После краткого перерыва Меланхтон, в том же дружеском духе, сам возобновил переписку во время войны между электором Морицем и императором Карлом, которая положила конец адиафористическому спору {первому спору о «второстепенных» элементах поклонения — *adiaphora*, 1576}.

Насколько чаще, — писал Меланхтон 1 октября 1552 г.⁵⁷⁵, — я обращался бы к тебе, уважаемый господин и дражайший брат, если бы мог найти более доверенных письмомосцев. Ибо мне хотелось бы побеседовать с тобой о многих самых важных вещах, ведь я очень ценю твое суждение и знаю о рвении и чистоте твоей души⁵⁷⁶. Сейчас я живу в осином гнезде⁵⁷⁷, но, может быть, скоро от этой смертной жизни меня призовут к более светлому обществу, на небеса. Если же мне придется жить дальше, следует ожидать новой ссылки; в таком случае я намерен обратиться к тебе. Исследования прерваны из-за чумы и войны. Как часто я скорблю и вздыхаю из-за неистовости князей.

В длинном и интересном ответе Кальвин пишет⁵⁷⁸: «Ничто не могло быть для меня сейчас таким своевременным, как твое письмо, которое я получил через два месяца после отправления»⁵⁷⁹. Он заверяет его, что для него, в его испытаниях в Женеве, немалое утешение — знать о сохранении привязанности Меланхтона, за которую он боялся из-за письма с упреками, цитированного выше. «Я с радостью узнал, что дружба наша продолжается, так как, без сомнения, она основана на страстной любви к благочестию, то есть навеки священна и нерушима».

⁵⁷⁵ *Opera*, XIV. 368; *Corp. Ref.*, VII. 1085.

⁵⁷⁶ *Quia et iudicium tuum magni facio, et scio integritatem animi et candorem in te summum esse.*

⁵⁷⁷ ὡς περ ὄνος ἐν σφηκίαις.

⁵⁷⁸ Bonnet-Constable, II. *Opera*, XIV. 416-418.

⁵⁷⁹ Сейчас письмо дошло бы из Виттенберга в Женеву меньше чем за два дня.

В печально известной истории с Серветом Меланхтон полностью одобрял поведение Кальвина (1554)⁵⁸⁰. Но во время споров о евхаристии, вызванных Вестфалем, он хранил злобещее молчание, что породило холодность между ними. В письме Меланхтону от 3 августа 1557 г. Кальвин жалуется, что три года не получал вестей, но выражает удовлетворение тем, что испытывает к Меланхтону прежнюю привязанность, и завершает пожеланием «насладиться на земле самой приятной беседой с тобой и почувствовать некоторое облегчение во время плача над тем злом, которое мы не в силах исправить»⁵⁸¹.

Это желание не исполнилось. В письме от 19 ноября 1558 г.⁵⁸² Кальвин, страдающий от квартаны, перемежающейся лихорадки, подробно рассказывает Меланхтону о своей болезни, о том, как его лечат врачи, о примечательной коалиции королей Франции и Испании против Женевы, и завершает словами:

Давай же будем искренне хранить братскую привязанность друг к другу, узы которой никогда не разорвутся от происков дьявола... Разум мой никогда не откажется от той святой дружбы и уважения, в которых я тебе поклялся... Прощай, славный светоч и выдающийся учитель церкви. Да управляет тобой Господь в Духе Его, да хранит тебя в безопасности, да умножает твои благословения. Ты же, в свою очередь, помолись о нас Богу, ибо мы попали в волчьи челюсти. Мои соратники и бесчисленное множество благочестивых передают тебе привет.

19 апреля 1560 г. Меланхтон избавился от «злости богословов» и от всех своих проблем. Через год после его смерти Кальвин, которому предстояло бороться за веру еще четыре года, во время возобновившихся с новым ожесточением споров о евхаристии против фанатика Гесгузия трогательно обращается к своему святому другу на небесах:

О Филипп Меланхтон! Я обращаюсь к тебе, живущему теперь со Христом в лоне Божьем и ждущему, когда мы окажемся вместе с тобой в блаженном покое. Сто раз, утомленный от трудов и угнетенный множеством тревог, ты клал мне голову на грудь и говорил: «Хотел бы я умереть на твоей груди!» Я тысячу раз желал, чтобы нам было дано жить вместе, потому что так у нас было бы больше смелости для неизбежных состязаний, проще было бы пренебрегать завистью и не обращать внимания на обвинения. Так было бы сдержано коварство многих, которые называли твою слабость и потому отваживались на нападения»⁵⁸³.

Видя такую дружбу, которая была сильнее смерти, кто обвинит Кальвина в неспособности к сердечной привязанности?

§91. Кальвин и Садолет. Оправдание Реформации

SADOLETI: *Epistola ad Genevenses* (Cal. Apr., i. e. 18 марта 1539). — CALVINI: *Responsio ad Sadoletum* (1 сентября 1539 г.), *Argentorati ap. Wendelinum Richelium excusa*. В CALV. *Opera*, vol. V, 385-416. Кальвин перевел этот труд на французский, 1540 (переиздан в Женеве, 1860). Английский перевод — HENRY BEVERIDGE в JOHN CALVIN, *Tracts relate to the Reformation*, Edinburgh (Calvin Translation Society), 1844, pp. 3-68. — BEZA, *Vita C., Opera*, XXI. 129.

HENRY, vol. I, ch. XI. — DYER, 102 sq. — STÄHELIN, I. 291-304. — KAMPSCHULTE, I. 354 sq. (краткое, но важное замечание). — MERLE D'AUBIGNÉ, bk. XI, ch. XVI, vol. VI, 570-594.

«Другое зло, более опасного характера, возникло в 1539 г. и было тут же уничтожено благодаря усердию Кальвина. Епископом Карпантры в то время был

⁵⁸⁰ См. ниже, §139.

⁵⁸¹ *Opera*, XVI. 556-558.

⁵⁸² *Opera*, XVII. 384-386.

⁵⁸³ *Opera*, IX. 461.

Иаков Садолет (Иакопо Садолето), человек великого красноречия, но использовал он его в основном, чтобы исказить свет истины. Он был сделан кардиналом лишь для того, чтобы своим вызывающим уважение моральным обликом придать глянца ложной религии. Увидев в обстоятельствах возможность для себя и полагая, что он с легкостью может обмануть стадо, лишенное своих пастырей, Садолет послал, под предлогом соседства (потому что город Карпантра находится в Дофине, у границы Савойи), письмо так называемым “возлюбленному сенату, совету и народу Женевы”, не упуская ничего, что могло бы привлечь их в лапы римской блудницы⁵⁸⁴. В то время в Женеве не было никого, кто был бы способен написать ответ, а потому, если бы письмо не было написано на иностранном языке (латыни), при сложившемся положении вещей оно вполне могло бы причинить городу большой вред. Но Кальвин, прочитав его в Страсбурге, забыл обо всех своих обидах и ответил на него с такой правдивостью и красноречием, что Садолет тут же отказался от всей своей затеи как невозможной».

Так Беза рассказывает об этом важном и интересном споре, имевшем место в немецкий период жизни Кальвина и оставившем неизгладимый след в истории.

Междоусобица в Женеве предоставила прекрасные возможности Пьеру де ла Бому, который стал кардиналом и вернул себе утраченное епископство. В этом плане он лишь последовал примеру низложенных князей. Он провел, с помощью папы, совет епископов из соседних районов — Лиона, Вьенны, Лозанны, Безансона, Турина, Лангра и Карпантры. Собрание состоялось в Лионе, под председательством кардинала Турнона, впоследствии архиепископа Лионского, прославившегося фанатичными гонениями на вальденсов. Жан Филипп, главный инициатор изгнания Кальвина, помогал в осуществлении замысла. Исполнительным лицом был избран епископ Карпантры, города на границе Савойи. Лучшего выбора невозможно было сделать.

Якопо Садолето (род. в Модене в 1477 г., ум. в Риме в 1547 г.) был одним из секретарей папы Льва X, епископом Карпантры в Дофине с 1517 г., секретарем Климента VII в 1523 г. и кардиналом после 1536 г. Он часто участвовал в дипломатических переговорах папы с королем Франции и императором Германии. Он прославился как ученый, поэт, джентльмен безупречного характера и сильного благочестия. Он был прекрасным представителем итальянского Возрождения, тяготевшего к умеренной полуевангельской реформе в Католической церкви. Он был поклонником Эразма и Меланхтона, одним из основателей Оратории в Риме, с целью взаимного просвещения. Он, как и Контарини, действовал в роли посредника между римской и протестантской партиями, но не удовлетворял ни одну из них. В своем комментарии на Послание к римлянам он выражал мнение о Божьей благодати и свободе воли, которое показалось оскорбительным Риму и Испании. Его коллега, кардинал Бембо, предостерегал его от изучения сочинений Павла, чтобы он не испортил свой классический стиль. Садолет мешал распространению кальвинизма в своей епархии, но был против яростных гонений. Он милосердно принимал беглых вальденсов после ужасной бойни в Мериндоле и Кабриере в 1545 г. и просил Франциска I о помиловании для них. Ему не нравился nepотизм папы Павла III, и он отказался председательствовать на Тридентском соборе в качестве папского делегата, объясняя это своей бедностью.

⁵⁸⁴ *In Romanae illius meretricis gremium* — частое полемическое определение Римской церкви, основанное на неверном толковании образа блудницы из Откровения, которая символизирует языческий Рим (Отк. 17:5).

Этот весьма уважаемый представитель папской иерархии предпринял умелые и искренние попытки вернуть заблудшую церковь Женевы в римский загон. Так он невольно вступил в литературный конфликт с Кальвином, в котором потерпел полное поражение. Посетив папу, он обратился с посланием в двадцать или более страниц ин-октаво «к своим возлюбленным братьям, городским властям, сенату и гражданам Женевы». Оно написано на изящном латинском, с убедительным красноречием, которым он владел в совершенстве.

Он пользуется своим авторитетом кардинала и папского легата и начинает с апостольского приветствия: «Дражайшие братья во Христе, мир вам и с нами, то есть с Католической церковью, матерью всех, нас и вас, любовь и согласие от Бога, Отца Всемогущего, и от Его Сына Иисуса Христа, Господа нашего, вместе со Святым Духом, совершенным единством в Троице; слава и власть Ему во веки веков». Он льстит женецам, хваля их благородный город, порядок, республиканскую форму их правления, достоинство горожан, а особенно «гостеприимство по отношению к странникам и иноземцам», но пытается вызвать подозрения в отношении характера и мотивов реформаторов. Эти немилосердные и недостойные рассуждения лишили его обращение красоты и достоинства. Они ослабили его влияние на жителей Женевы, которые, какими бы ни были их религиозные взгляды, не сомневались в искренности и честности Фареля, Вире и Кальвина.

После этого вступления Садолет весьма умело объясняет принцип католического учения, но не обращает внимания на Библию. Он допускает, что человек спасается одной лишь верой, но добавляет необходимость добрых дел. Затем он просит женецев решить, «что более уместно для их спасения — верить и следовать за тем, что Католическая церковь одобряла с общего согласия более полутора тысяч лет, или же за изменениями, проведенными в последние двадцать пять лет хитрыми людьми». Далее он говорит о древности, всеобщности, единстве и непогрешимости церкви и о том, что уже произошедшим расколом протестантов на разные секты явно доказывается ложность их учения. Ибо «истина, — говорит он, — всегда одна, а заблуждений много, и они различны; то, что правильно, — просто, а то, что извращено, разнообразно. Неужели кому-то из исповедующих Христа может быть неясно, что такое учение о святой церкви — дело сатаны, а не Бога? Чего Бог требует от нас? К чему призывает Христос? Чтобы мы были едины в Нем».

Он завершает послание искренним увещанием и заверяет женецев: «Я сделаю все, что могу, хоть я и могу немного, но все свои таланты, умения, авторитет и трудолюбие я предлагаю вам, в ваших интересах, и буду считать великой честью, если смогу пожать плоды своих трудов и помощи, в человеческом и божественном».

Совет Женевы вежливо поблагодарил кардинала за комплименты, сделанные женецам, и обещал подробно ответить ему в должное время. Это было 27 марта. На следующий день ряд горожан, под руководством Франсуа Шамуа, выдвинул протест против принятия вероисповедания 29 июля 1537 г. и попросил освободить их от клятвы. Сторонники Римской церкви осмелели. В Женеве не было никого, кто мог бы ответить на письмо кардинала, а молчание было бы воспринято как знак согласия.

Кальвин получил копию этого обращения через Шульцера, служителя из Берна, написал ответ, почти вдвое длиннее, за шесть дней, и передал его в Женеву вовремя, чтобы нейтрализовать противодействие (1 сентября). Хотя кардинал и не упоминал его по имени, но косвенным образом критиковал как главного

среди тех, кого осуждал как лжеучителей и возмутителей спокойствия Женева. Поэтому Кальвин посчитал своим долгом выступить в защиту Реформации.

Он начинает с того, что воздаст дань кардиналу, его «превосходной учености и достойному восхищения красноречию», ставящему его в ряд с главными учеными того времени. Он оценивает и побуждения кардинала. «Я воздаю вам должное, — пишет он, — ибо вы писали женецам с чистыми намерениями, подобающими вашей учености, осторожности и серьезности, и искренне советовали им выбрать тот путь, который, как вы полагаете, ведет к их безопасности». Следовательно, он не имел желания выступать против кардинала и делал это только из чувства долга. Мы позволим ему самому говорить за себя⁵⁸⁵.

Я признаюсь, что я — один из тех, кого, с такой враждебностью, вы осуждаете и клеймите. Ибо хотя вера была уже утверждена и форма церкви исправлена до того, как меня пригласили в Женеву, я не только одобрил, но и старался сохранить и закрепить то, что сделали Фарель и Вире, и не могу отделить свое дело от них. Если бы вы критиковали лично меня, я с легкостью мог бы простить эти нападки, принимая во внимание вашу ученость и уважаемый характер. Но когда я вижу, что нападают на мое служение, которое, как я уверен, поддерживается и санкционируется Божиим призванием, молчать с моей стороны было бы вероломством, а не смирением.

В этой церкви я занимал должность сначала учителя, потом пастора. Я с уверенностью заявляю, что был призван, когда занимал эти должности. Не буду подробно рассказывать, насколько преданно и верно я работал. Я не стал бы хвалиться своим усердием, эрудицией, осмотрительностью, способностями и даже трудолюбием, но я, без сомнения, трудился искренне, что и подобает, когда делаешь дело Господа, и я сознательно могу призывать себе в свидетели Христа, моего Судью, и всех Его ангелов, а также всех добрых людей. Следовательно, это служение было от Бога (а вы поймете, что это так, внимательно изучив ситуацию). Так могу ли я молчать, позволяя вам хулить и порочить его? И кто бы не осудил такое молчание как предательство? Итак, теперь всякий видит, что мой долг — обязанность, которой я не могу пренебречь, — вынуждает меня ответить на ваши обвинения, чтобы не оставить и не предать то дело, которое Господь мне доверил. Хотя в настоящее время я не работаю в церкви Женева, это обстоятельство не мешает мне относиться к ней с отеческой привязанностью. Когда Бог поручил мне ее, Он велел мне вечно быть верным ей.

Кальвин со скромным достоинством опровергает огульное обвинение в том, что принял сторону Реформации по причине разочарованных амбиций.

Я не хочу говорить о себе, но так как вы не разрешаете мне вообще молчать, я скажу, что могу, не противореча скромности. Если бы я хотел преследовать собственные интересы, я никогда не оставил бы вашей партии. Я не стану хвалиться тем, что передо мной лежала укатанная дорога. Я никогда не хотел этого и никогда не собирался ступить на этот путь, хотя я, без сомнения, знаю немало представителей нашего времени, которые добились известности — и некоторым из них я мог бы быть равным, а некоторых и превзойти. Удовлетворюсь лишь тем, что скажу: мне несложно было бы достичь вершины моих желаний, то есть наслаждаться литературными трудами, занимая свободную и почетную должность. Так что я не боюсь обвинений в том, что я, вне царства папы, искал личной выгоды, которой не мог получить в другом месте.

Реформатор шаг за шагом опровергает письмо кардинала. Он отвечает на его слова фактами и доводами. Он уничтожает, как паутину, его прекрасную картину идеального католицизма, описывая реальное папство того времени с его злоупотреблениями и коррупцией, ставшими истинной причиной Реформации. Он рисует очень мрачную картину, но она полностью подтверждается тем, что допо-

⁵⁸⁵ В следующих выдержках я использовал перевод Генри Бевериджа, с несколькими незначительными изменениями.

длинно известно о жизни таких пап, как Александр VI и Лев X, из обличений Савонаролы, из наблюдений Эразма и Лютера во время их пребывания в Риме, из таких беспристрастных свидетелей, как Макиавелли, который говорит, что религия в Италии была почти уничтожена из-за дурного примера, подаваемого папами, и даже из свидетельства такого чрезвычайно благочестивого папы, как Адриан VI, который, при всей его ненависти к лютеранской ереси, официально признал абсолютную необходимость моральной реформы главы и членов иерархии.

Мы не отрицаем, — говорит Кальвин, — что те, кем вы руководите, есть церкви Христовы, но мы утверждаем, что римский понтифик со всем его стадом лжеепископов, захвативших папские должности, — это алчные волки, которые стараются только рассеять и погрязнуть в царстве Христа, наполнить его погибелью и опустошением. И мы не первые, кто жалуется на это. Разве Бернар не обличал Евгения и всех епископов своего времени с такой пылкостью? И разве не было положение тогда намного более терпимым, чем сейчас?

Ибо скверна достигла размаха, и теперь эти призрачные прелаты, которыми, как вы считаете, держится церковь и которые, как считаем мы, калечат и ранят ее, довели ее до самой грани погибели и не могут ни жить со своими грехами, ни исцелиться от них. Церковь была бы уничтожена, если бы Бог, в Его благодати, не вмешался. Ибо везде, где преобладает тирания римского понтифика, вы с трудом увидите лишь жалкие останки полупогребенной церкви. И вам не должно казаться это странным, ведь Павел говорит, что антихрист восседает не где-нибудь, а посреди Божьего святилища (2 Фес. 2:4)...

Но каким бы ни был характер этих людей, вы ссылаетесь на написанное: «Делайте, что они говорят вам». Без сомнения, так, если они занимают место Моисея. Но когда, с престола истины, они опьяняют людей безумием, об этом написано: «Берегитесь закваски фарисейской» (Мф. 16:6)...

Пусть ваш понтифик хвалится, что он преемник Петра. Даже если бы он мог это доказать, это означало бы лишь, что христианский народ должен слушаться его до тех пор, пока понтифик сам хранит верность Христу и не отходит от чистого Евангелия... Пророка должна судить община (1 Кор. 14:29). А тот, кто освобождает себя от этой ответственности, стирает свое имя из списка пророков...

Что же до вашего утверждения, будто наша единственная задача — свергнуть тиранию и освободиться для разнузданной вседозволенности (упаси Боже!), отбросив все мысли о будущей жизни, то сравните свое поведение с нашим. Да, у нас много заблуждений. Слишком часто мы грешим и оступаемся. Однако пусть истина позволит мне, хотя того и не позволяет скромность, похвалиться тем, сколь мы превосходим вас во всех отношениях, в то время как Рим, знаменитое святое место, порвавшее узы священной дисциплины, попирает всякую честь и столь переполнился разнообразной скверной, что вряд ли такая скверна наблюдалась прежде.

В конце своего письма Садолет говорил о реформаторах как о преступниках перед Божьим престолом суда и о воображаемой исповеди, в которой они признавались, что действовали из гордости и разочарованных амбиций, когда напали на святую церковь и на наместника Христа, — то есть были виновны в «великих обольщениях и схизмах».

Кальвин отвечает на это встречной исповедью, которая вскрывает саму суть великой религиозной борьбы XVI века и, возможно, является самой умелой защитой Реформации в полемической литературе того времени. Он основывает это движение на Слове Божьем, противопоставляя его заповедям людей, и оправдывает протестами еврейских пророков против преступлений левитского священства и бесстрашными осуждениями Христом фарисеев и саддукеев, которые распяли Спасителя. Эта же исповедь содержит беглые упоминания о духовном опыте и об обращении автора, который рассказывает о себе и о своих соратниках. Мы приведем ее полностью.

Теперь подумайте, какой серьезный отчет вы должны дать за себя и за свою партию. Наше дело, которое подкреплено Божьей истиной, без труда может найти себе защиту. Я говорю не о нас как людях. Наша безопасность как людей — не в защите, но в смиренной исповеди и мольбе. А что касается нашего служения, то среди нас нет ни одного, кто не мог бы сказать следующее:

«О Господь, воистину, я понял, как трудно и печально терпеть обвинения завистников, обвинения, которые беспокоили меня на земле; но с той же уверенностью, с которой тогда я зывал к Твоему суду, я теперь стою перед Тобой, потому что я знаю: на Твоем суде всегда правит истина, истина, которая поддерживала меня, когда я впервые осмелился попытаться и с помощью которой я смог добиться того, чего добился в Твоей церкви.

Они обвинили меня в двух худших преступлениях — ереси и схизме. Ересь состояла в том, что я осмелился протестовать против учений, которые они переняли. Но что я мог сделать? Я слышал из Твоих уст, что нет другого света истины, направляющего наши души на путь жизни, нежели тот, что сияет в Твоем Слове. Я слышал: всё, что человеческие умы сами по себе могут придумать о Твоем величии, о поклонении Твоей божественности и о тайнах Твоей религии, есть суета. Я слышал, что они вводили в церкви, вместо Твоего Слова, учения, порожденные человеческим умом, с богоульственным самомнением.

Но когда я обратил свой взор к людям, я увидел, что там преобладают самые разные принципы. Те, кто считался вождями веры, не понимали Твое Слово и не беспокоились о нем. Они только сбивали несчастных людей с толку странными учениями и обольщали их всякими безумиями. Сам народ хотя и чтит Твое Слово, но делал это на расстоянии, считая его чем-то недоступным и уклоняясь от его исследования.

Из-за этих недостатков пастырей и глупости народа повсюду было полно опасных заблуждений, лжи и суеверий. Воистину, они называли Тебя единственным Богом, но переносили на других славу, которая подобает только Твоему величию. Они придумали и сделали для себя столько же богов, сколько у них было святых, которым они предпочли поклоняться. Твоему Христу действительно поклонялись как Богу и называли Его Спасителем, но там, где Его следовало почитать, Его оставляли без почестей. Ибо, лишенный Своей добродетели, Он был незаметен в толпе святых, был последним из них. Никто должным образом не чтит Его жертвы, принесенной на кресте, посредством которой Он примирил нас с Тобой; никто даже не думал о Его вечном священстве и ходатайстве; никто не верил в одну только Его праведность. Та уверенность в спасении, которая основана на Твоем Слове и подкрепляется им, почти исчезла. Нет, она принималась как некое заклинание, в нелепом высокомерии, и они полагают, что человек, просто верящий в Твою благость и праведность Твоего Сына, уже получает несомненную и неизбежную надежду на спасение.

Возникло немало мнений, подрывающих корни основных принципов учения, которые Ты дал нам в Своем Слове. Истинное значение крещения и вечери Господней также было искажено большим количеством лжи. Все, оскорбляя Твое милосердие, стали верить в добрые дела, когда добрыми делами они старались заслужить Твою милость и оправдание, искупить свои грехи и удовлетворить Твое правосудие (а всё это умаляло и принижало значение креста Христова), — но при этом совершенно не понимали, в чем заключаются добрые дела. Ибо, не зная праведность Твоего закона, они понапридумывали для себя много бесполезных правил, способ добиться Твоей милости, и так поднатерли в этом, что эти правила почти затмили нормы праведности, явленные в Твоем законе, — и человеческие желания, выйдя на первый план, умалили если не веру в Твои предписания, то, по крайней мере, их авторитет.

О Господь, чтобы я мог видеть всё это, Ты пролил на меня свет Твоего Духа; чтобы я понимал, сколь нечестивыми и вредными они были, Ты озарил мой путь факелом Твоего Слова; чтобы я ненавидел их, как они заслуживают, Ты тронул мою душу.

Когда я излагаю свое учение, Ты видишь (заявляю об этом от чистой совести), что у меня не было намерений выходить за границы, установленные для всех Твоих слуг. Когда я был уверен, что узнал нечто из Твоих уст, я хотел передать это церкви. Без сомнения, прежде всего я трудился, стремясь прославить Твою благость и справедливость, рассеяв туман, который скрыл их, чтобы они воссияли ярко, чтобы добродетель и благословения Твоего Христа (затмевающие всё остальное) явились во всей

полноте. Ибо я считаю нечестивым оставлять во тьме вещи, над которыми мы должны размышлять. Я думаю также, что истины, величие которых невозможно описать словами, не должны провозглашаться коварно или ложно.

Я без колебаний больше внимания уделял тем вопросам, от которых зависело спасение моих слушателей. Ибо никогда не обманывает пророчество (Ин. 17:3): “Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа”.

Что касается выдвинутого против меня обвинения в том, будто я покинул церковь, моя совесть меня в этом не упрекает, если не следует считать дезертиром того, кто, видя испуг и бегство воинов, покидающих свои посты, поднимает флаг и созывает их обратно. О Господь, все Твои слуги рассеялись, так что не слушали Твоей команды и почти забыли о своем вожде, своем служении и своей военной клятве. Чтобы собрать их вместе, тогда рассеянных, я поднял не чужое знамя, а Твое благородное знамя, за которым мы должны следовать, если хотим быть причислены к Твоему народу. И тогда на меня стали нападать те, кто должен был удерживать остальных в рядах, но позволил им сбиться с пути, а когда я не пожелал сдаться, применил ко мне насилие. Начались волнения, это привело к расколу.

Кто виноват во всем этом, решать Тебе, о Господь. Всегда, словом и делом, я выступал за единство. Но это должно быть единство церкви, которое начинается в Тебе и заканчивается в Тебе. Ибо хотя Ты и выступал за мир и согласие, в то же время Ты показывал, что единственное, на чем они должны держаться, — Ты Сам.

Но если бы я пожелал быть в мире с хвалящими тем, что они — главы церкви и столпы веры, мне пришлось бы приобретать этот мир, отрекаясь от Твоей истины. А я прибег бы к такому выходу в последнюю очередь. Ибо Твой Помазанный Сам сказал, что небеса и земля прейдут, а Слово Твое будет стоять вечно (Мф. 24:35).

Я не считал, что отошел от Твоей церкви, когда воевал с этими вождями; ибо Ты предупреждал меня, через Своего Сына и через апостолов, что эти посты могут занимать люди, с которыми я никоим образом не должен соглашаться. Христос предостерегал не от незнакомцев, но от людей, которые будут выдавать себя за пастырей, — что это будут хищные волки и лжепророки, и в то же время Он предупреждал меня, чтобы я остерегался их. Если Христос предупреждал меня остерегаться их, должен ли был я помогать им? И апостолы говорили, что у Твоей церкви не будет врагов более опасных, чем те, которые будут скрываться под именем пастырей (Мф. 7:15; Деян. 20:29; 2 Пет. 2:1; 1 Ин. 2:18).

Так почему я не должен был удаляться от тех, на кого мне указывали как на врагов? У меня перед глазами был пример Твоих пророков, которые жили в такой же борьбе со священниками и лжепророками своего времени, хотя те и были, без сомнения, вождями церкви израильского народа. Но Твои пророки не были раскольниками, потому что они хотели возродить веру, которая пришла в упадок, и не сдавались, хотя и встречали яростное сопротивление. Они оставались в церкви, хотя грешные священники обрекали их на гибель и считали их недостойными занимать место среди людей, не говоря уже о святых.

Укрепляемый их примером, я тоже упорствовал. Хотя меня осуждали как покинувшего церковь, хотя мне угрожали, я не сдавался и не переставал твердо и смело выступать против тех, кто, под видом пастырей, подвергал Твою церковь самой нечестивой тирании. Моя совесть говорила мне, что та пылкая жажда единства Твоей церкви, которая горела во мне, — это жажда согласия, но при условии, что это согласие скрепляется истиной. Так как последовавшие волнения не были вызваны мною, нет оснований обвинять в них меня. Ты, Господь, знаешь, и сам этот факт — свидетельство для всех людей, что я всегда просил лишь о том, чтобы споры разрешались с помощью Твоего Слова, чтобы обе стороны пришли к согласию для учреждения Твоего царства; и я не отказался бы восстановить мир в церкви ценой своей головы, если бы оказалось, что я — причина ненужных беспорядков.

Но что сделали наши противники? Разве они не прибегли сразу же, как безумные, к огню, мечу и дубинам? Разве они не решили, что их безопасность — в оружии и жестокости? Разве они не стали всех подстрекать к такому же безумию? Разве они не отвергли все попытки примирения? По этой причине проблемы, которые могли быть улажены по-дружески, привели к таким раздорам. Но хотя среди смятения суждения людей и были различны, я свободен от страха, потому что теперь мы стоим перед Твоим судом, где справедливость и истина решат в пользу невинных».

Такова, Садолет, наша молитва — не вымышленная, с помощью которой мы хотели усугубить наши проблемы, но та, совершенная истинностью которой известна уже сейчас и которая будет явлена всем в последние времена. Те, кто следовал нашим проповедям и перешел на сторону нашего дела, тоже найдут что сказать о себе, и у каждого готова будет такая защита:

«Я, о Господь, с детства воспитывался в христианской вере. Но сначала единственным основанием моей веры было лишь то, что эта вера преобладала повсеместно. Твое Слово, которое должно было бы светить Твоему народу, как светильник, было отнято или, по меньшей мере, затемнено для нас. И для того, чтобы никто не желал большего света, нам всем внушали, что исследование скрытой небесной философии — удел немногих, с которыми другие должны советоваться как с оракулами, а наивысшее знание, доступное плебейским умам, — это подчинение церкви. Начатки моего воспитания были таковы, что никто не мог правильно обучить меня поклонению Тебе, проложить для меня дорогу уверенности в спасении, объяснить мне обязанности христианина. Да, я научился поклоняться Тебе как единственному Богу, но так как истинный способ поклонения был мне совершенно неведом, я споткнулся на самом пороге. Я верил, как меня учили, что я искуплен смертью Твоего Сына от вечной смерти, но благодать того искупления, о котором я помышлял, не могла достигнуть меня. Я предвосхищал будущее воскресение, но боялся даже помыслить о нем, считая его ужасным событием. И это чувство овладевало не только мною одним. Оно было основано на том учении, которое тогда всем людям внушали их христианские учителя.

Да, они проповедовали Твое милосердие к людям, но ограничивали его теми, кто окажется его достоин. Более того, они связывали это достоинство с праведными делами, так что Твоей милости мог удостоиться лишь тот, кто примирился с Тобой своими делами. Конечно, они не скрывали того, что мы — несчастные грешники, что мы часто оступаемся вследствие немощи плоти и что Твоя милость — общая гавань спасения. Но способ ее достижения, говорили они, — это искупление преступлений перед Тобой. И прежде всего речь у них шла об исповедании всех наших грехов перед священником, о прощении простить и отпустить грехи; во-вторых, надо было делать добро, чтобы изгладить из Твоей памяти наши прегрешения. И наконец, чтобы дополнить недостающее, мы должны были приносить жертвы и участвовать в торжественных обрядах. Так как Ты был суровым Судьей и строго наказывал за скверну, они показывали, как ужасно может быть Твое присутствие. Поэтому они призвали нас сначала обращаться к святым, чтобы посредством их ходатайства наши молитвы были услышаны и принесли нам пользу.

Когда я делал всё это, я всё же был далек от истинного мира совести, хотя иногда меня и осенял покой; ибо, думал ли я о себе или возвышался в мыслях к Тебе, меня охватывал крайний ужас — ужас, который не исцелить никакими исповеданиями или жертвами. И чем лучше я узнавал себя, тем сильнее уязвляла меня моя совесть, так что единственным утешением, которое мне оставалось, было искать забвения. Так как мне не предлагали ничего лучшего, я продолжал тот путь, который начал, когда — вот! — появилось совершенно новое учение, которое не уведило нас от христианской веры, но возвращало к ее первоисточнику, удаляло все наносное и возвращало его первоизданную чистоту.

Сначала я неохотно прислушивался к этому новшеству и, признаюсь, упорно и страстно сопротивлялся ему, ибо (а подобное упорство и сопротивление естественно для людей, которые стремятся продолжать тот путь, на который некогда ступили) мне очень трудно было признать, что всю жизнь я пребывал в невежестве и заблуждении. В частности, меня отвращало от новых учителей мое почтение к церкви.

Но когда мой слух открылся и я позволил учить себя, я понял, что мой страх повредить величии церкви был необоснованным. Мне напомнили, какая разница между уходом от церкви и исследованием заблуждений, оскверняющих ее. Эти люди с уважением отзывались о церкви и выражали искреннее желание хранить ее единство. Чтобы не показалось, что они относятся к церкви неуважительно, они доказали, что антихристы не раз занимали места пастырей. Они приводили множество примеров подобного отступничества, из которых стало видно, что их задача — не что иное, как созидание церкви, и в этом отношении они ничем не отличались от многих слуг Христовых, которых мы причисляем к святым.

Свои выступления против римского понтифика, который считался наместником Христа, преемником Петра и главой церкви, они объясняли таким образом: подобные титулы — пустые, и взор благочестивых людей не должен быть ослеплен ими. Мы должны взирать на реальность. Папа приобрел такое значение именно тогда, когда мир был повергнут в невежество и сон, и ни один из пап не был назначен главой церкви по Слову Божьему или по законному решению церкви, а они сами избирали себя по одной только собственной воле. Более того, тиранию, которой папа подвергал Божий народ, не следует терпеть, если мы хотим, чтобы царство Божье пребывало среди нас в безопасности.

И они могли подтвердить все свои положения самыми вескими доводами. Во-первых, они четко возражали на все аргументы, которыми обычно подкреплялось превосходство папы. Опровергнув всё это, они также, с помощью Слова Божьего, низвергли папу с его высот. В целом они ясно и понятно заявили, для образованных и необразованных, что правильного устройства церкви больше нет, — что ключи, управляющие дисциплиной в церкви, только развращают ее; что христианская свобода уничтожена, — короче говоря, что царство Христово было низвергнуто, когда возникло папство. Более того, они сообщили мне, будоража мою совесть, что я не могу не обращать внимания на эти вещи, как если бы они меня не касались; ведь Ты не поощряешь добровольные заблуждения, а потому даже тот, кто сбил кого-то с истинного пути по причине собственного невежества, не останется безнаказанным. Это они доказали свидетельством Твоего Сына (Мф. 15:14): «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму».

Теперь мой разум был готов внимать серьезно, и я, наконец, понял, как будто передо мной просиял свет, в каком заблуждении я прозябал, сколько скверны и нечистоты впитал. Встревоженный тем жалким состоянием, в которое я впал, и еще более — тем, что угрожало мне в виде вечной гибели, я, как и был обязан, поставился ступить на Твой путь, осудив свою прошлую жизнь, со стенаниями и слезами.

И теперь, о Господь, что остается для такого несчастного, как я? Только, не оправдываясь, искренне молить Тебя не судить меня за этот отход от Слова Твоего, от чего Ты, в Своей чудесной благодати, наконец меня избавил.

А теперь, Садолет, если угодно, сравни это с молитвой, которую ты вложил в уста своего персонажа. Было бы странно, если бы ты колебался, какую из них предпочесть. Ибо на волоске висит безопасность того человека, который уповает лишь на то, что он преданно держался веры, доставшейся ему от его праотцев. Ведь в таком случае иудеев, турков и сарацин, твердо держащихся за свою веру, тоже не постигнет Божий суд.

Так откажемся же от пустых разглагольствований на суде, который состоится не для того, чтобы одобрить авторитет людей, но чтобы осудить всю плотскую тщету и ложь и оправдать единственно истину Божью.

Кальвин с праведным негодованием опровергает необоснованное обвинение в жадности, которое Садолет не постеснялся выдвинуть против реформаторов, с легкостью имевших возможность обрести почести и богатства епископов и кардиналов, но предпочитавших жить и умирать в бедности ради своих священных убеждений:

Разве не было бы самой короткой дорогой к богатствам и почестям, — спрашивает он, — принять те условия, которые предлагались изначально? Сколько заплатил бы ваш понтифик многим за их молчание? Сколько заплатит он за него и сейчас? Если бы они действовали из жадности, зачем терять всякую надежду на улучшение своего благосостояния и предпочитать жить в постоянной нищете, вместо того чтобы без труда и быстро обогащаться?

Но амбиции им не свойственны! Я не понимаю, какие у вас основания для такого оскорбления, ведь те, кто первым посвятил себя этому делу, могли ожидать только упреков от всего мира, и те, кто потом начал им заниматься, сознательно и добровольно подвергли себя бесконечным оскорблениям и хуле со всех сторон.

Далее Кальвин отвечает на «самое серьезное обвинение из всех»: будто реформаторы «расчленили невесту Христову», в то время как на самом деле они пытались «представить ее непорочной девой Христовой» и, «видя, как ее оскверняют подлые обольстители, вернуть ее к супружеской верности» от осквернения идо-

лопоклонством, культом изображений и многочисленными суевериями. Мир и единство могут быть найдены только во Христе и Его истине. Завершает он таким пожеланием:

Садолет, да дарует Господь тебе и твоей стороне возможность понять, наконец, что единственные узы единства церкви — это Христос Господь, Который примирил нас с Богом Отцом и выведет нас из нашего нынешнего рассеяния в общение Своего тела, чтобы через Его единое Слово и Дух мы могли возрасть вместе, с единым сердцем и душой.

Такова суть этого замечательного ответа — шедевра достойной и вежливой богословской полемики. Вряд ли ему найдутся равные в литературе того времени, полной немилосердных оскорблений и грубой ругани. Меланхтон мог бы сравниться с Кальвином в плане вежливости и хорошего вкуса, но не в прямоте и силе. Неудивительно, что старый лев из Виттенберга был в восторге от этого триумфального оправдания евангельской Реформации молодым французом, которому предстояло продолжить борьбу, начатую за двадцать лет до того с тезисов и героического выступления на Вормском рейхстаге. «Этот ответ, — сказал Лютер Круцигеру, который виделся с Кальвином на встречах в Вормсе и Регенсбурге, — полноценен, и я рад тому, что Бог возвышает людей, которые нанесут последний удар папству и закончат войну против антихриста, начатую мною»⁵⁸⁶.

Ответ произвел сильное и длительное впечатление. Его активно распространяли, вместе с посланием Садолета, в виде рукописей. Он был напечатан на латыни, сначала в Страсбурге, переведен на французский и опубликован на обоих языках советом Женевы за счет города (1540). Прелаты, собравшиеся в Лионе, утратили смелость; папская партия в Женеве отказалась от надежды вернуть себе народные массы. А три года спустя умер кардинал Пьер де ла Бом, последний епископ Женевы.

§92. Брак Кальвина и его семейная жизнь

Письма Кальвина к Фарелю и Вире, см. ниже.

JULES BONNET: *Idelette de Bure, femme de Calvin*. В «Bulletin de la Société de l'histoire du protestantisme français». Quatrième année. Paris, 1856, pp. 636-646. — D. LENOIR, *ibid.* 1860. p. 26 (краткий очерк).

HENRY, I. 407 sqq. — DYER, 99 sqq. — STÄHELIN, I. 272 sqq. — MERLE D'AUBIGNÉ, bk. XI, ch. XVII (vol. VI, 601-608). — STRICKER, I. c., 42-50. (KAMPSCHULTE ничего на эту тему не говорит).

Самым важным событием в частной жизни Кальвина в период пребывания в Германии стал его брак, который был заключен в начале августа 1540 г.⁵⁸⁷ Он

⁵⁸⁶ См. т. VII, §109. Стоит процитировать беспристрастный отзыв Кампшulte об ответе Садолету (I. 354): *Es ist in Wahrheit eine der glänzendsten Streitschriften, die je aus seiner Feder geflossen, und auch wer seine Anschauungen nicht theilt, wird ihm in diesem Streite die Palme zuerkennen müssen... Er entwickelt in der Vortheidigung des neuen Glaubenssystems eine Kraft der Rede, eine Gewandtheit der Beweisführung und eine Fülle der Gedanken, welche die rhetorischen, sentimentalen, oft auch inhaltsarmen Phrasen des Gegners um so mehr in ihrer Schwäche zeigen. Den Glanzpunkt der Schrift Calvin's bildet aber vielleicht seine eigene Vertheidigung. Mit Recht durfte er den versteckten Angriffen des Cardinals gegenüber auf sein vergangenes Leben hinweisen, um den Beweis zu liefern, dass nicht die Aussicht auf irdischen Gewinn oder äussere Ehren, sondern seine ernste Ueberzeugung seine Schritte geleitet, dass er erst nach schweren Kämpfen von der katholischen Kirche sich losgesagt. Diese Schrift war es, welche auch Luther's Herz für den wälschen Rivalen erwärmte. Damals konnte Melancthon nach Strassburg melden, dass Calvin in Wittenberg 'hoch in Gnaden stehe.*

⁵⁸⁷ Точная дата неизвестна. 17 августа Кальвин был уже женат и получал поздравления от Либерте (*Opera*, XI. Ep. 234, fol. 77). Мерль д'Обинье ошибочно пишет, что он женился в конце августа; Бонне и Штагелин — в сентябре.

выражает свои взгляды на брак в комментарии на Ефесян 5:28-33. «Противоестественно, — пишет он, — не любить свою жену, ибо Бог предопределил брак, чтобы двое могли стать одним, — результат, к которому не приводит ни один другой вид союза. Когда Моисей говорит, что мужчина должен оставить отца и мать и прилепиться к своей жене, он показывает, что мужчина должен предпочитать брак всем прочим союзам, как самый святой из них. В нем отражается наш союз со Христом, Который наделяет нас собственной жизнью; ибо мы есть плоть от Его плоти и кость от Его кости. Это великая тайна, величие которой нельзя описать словами».

Сам он не спешил жениться и откладывал этот момент, пока ему не исполнилось тридцать. Он предпочитал хвалиться: никто не сможет обвинить его в том, будто он повел атаку на Рим ради женщины, подобно тому как греки осаждали Трою. Прежде всего он начал думать о браке из-за одиночества и необходимости, чтобы кто-то о нем заботился, ведь тогда он лучше мог бы служить церкви. У него была домработница, женщина с ребенком, со сварливым нравом, и она часто испытывала его терпение. Однажды она так оскорбила его брата, что тот покинул дом, и тогда она убежала, оставив своего сына. От этих волнений Кальвин почувствовал себя плохо⁵⁸⁸.

Его друг Фарель часто призывал его жениться, чтобы наслаждаться уютом ухоженного дома (сам Фарель вступил в брак только в старости); призывал его к этому и Буцер. Впервые Кальвин затрагивает тему брака в письме к Фарелю из Страсбурга от 19 мая 1539 г. и говорит: «Я не отношусь к числу тех безумных влюбленных, которые, увидев хорошенькое женское личико, готовы простить все ошибки. Единственный тип красоты, которая меня прельщает, — это женщина целомудренная, обязательная, не навязчивая, экономная, терпеливая и заботящаяся о моем здоровье⁵⁸⁹. Поэтому, если ты не против, выезжай немедленно, чтобы другой [Буцер?] не опередил тебя. Если же ты против, забудем об этом». Похоже, Фарель не мог найти женщину, которая сочетала бы в себе все эти качества, и решение проблемы было на несколько месяцев отложено.

6 февраля 1540 г. Кальвин, в письме к тому же другу, снова затрагивает тему брака, но лишь вскользь, как если бы это был второстепенный вопрос. Сообщив ему о неприятностях с Кароли, о споре с Германном, анабаптистом, о взаимопонимании между Карлом V и Франциском I и о волнениях протестантских князей в Германии, он пишет далее: «Однако, среди всех этих забот я чувствую себя так комфортно, что подумываю о женитьбе. Мне предложили одну благородную девицу⁵⁹⁰, и состояние у нее лучше, чем мое. Два соображения удерживают меня от такого решения: она не понимает нашего языка, и я боюсь, что она слишком большое внимание уделяет своему происхождению и воспитанию»⁵⁹¹.

Он послал своего брата за другой женщиной, которую ему очень рекомендовали. Он собирался жениться 10 марта и пригласил Фареля на свадьбу. Но этот

⁵⁸⁸ Он рассказывает эту историю Фарелю в сентябре 1540 г., вскоре после женитьбы. *Opera*, XI. Ep. 238 (fol. 83 sq.); Herminjard, VI. 313.

⁵⁸⁹ *Haec sola est quae me illectat pulchritudo, si pudica est, si morigera, si non fastuosa, si parca, si patiens, si spes est de mea valetudine fore sollicitam*. Herminjard, V. 314.

⁵⁹⁰ Вероятно, Буцер. Она была из семейства патрициев Страсбурга, и ее брат был большим поклонником Кальвина и сторонником этого брака.

⁵⁹¹ Herminjard, VI. 167 sq. Представляется, что женщина не собиралась учить французский и просила времени на размышления.

проект также не увенчался успехом, и он уже хотел отказаться от дальнейших попыток.

Наконец, он женился на своей прихожанке, Иделетт де Бюр, вдове Жана Стордера из Льежа⁵⁹², выдающегося анабаптиста, которого он обратил в ортодоксальную веру⁵⁹³ и который умер от чумы в предыдущем феврале. Вероятно, она была дочерью Ламбера де Бюра, который, вместе с шестью своими согражданами, был лишен имущества и навеки изгнан после официального обвинения в ереси в 1533 г.⁵⁹⁴ У нее было несколько детей, она была бедна и слаба здоровьем. Она жила в уединении, занималась воспитанием своих детей, и друзья уважали ее за ум и доброе сердце. Кальвин часто посещал ее как пастор, и его привлек ее спокойный, скромный, кроткий характер. Он нашел в ней то, что хотел найти: твердую веру, преданную любовь и умение вести домашнее хозяйство. Он называет ее «своей превосходной подружкой жизни», «всегда преданной помощницей в служении», «редкой женщиной»⁵⁹⁵. Беза отзывается о ней как об «основательной и почтенной даме»⁵⁹⁶.

Кальвин жил в браке счастливо, но только в течение девяти лет. Его жена умерла в Женеве после продолжительной болезни в начале апреля 1549 г. Он сильно скорбел об этой утрате и находил утешение только в работе. От гроба жены он вернулся в свой кабинет и вновь принялся за выполнение обязанностей со спокойным самоотречением, словно ничего не случилось. Он оставался вдовцом все оставшиеся пятнадцать лет своей жизни. «Моя жена, женщина редких качеств, — писал он, — умерла полтора года назад, и теперь я предпочитаю жить в одиночестве».

О семейной жизни Кальвина мы знаем меньше, чем о семейной жизни Лютера. Он всегда был сдержан, говоря о себе и своих личных делах, а Лютер был очень откровенен. При выборе жен ни один из реформаторов не думал о красоте и богатстве, привлекающих большинство мужчин, и даже об интеллектуальных дарованиях; они искали лишь морального достоинства и домашней добродетели. Лютер женился в возрасте сорока одного года, Кальвин — тридцати одного. Женой Лютера стала бывшая католическая монахиня, после того как он тщетно рекомендовал ее своему другу Амсдорфу, от которого она гордо отказалась, ища более высокого положения. Лютер женился под действием внезапного порыва, к огорчению друзей, среди волнений Крестьянской войны, чтобы доставить удовольствие своему отцу, подразнить папу и посрамить дьявола. Кальвин, как и Цвингли, женился на протестантской вдове с несколькими детьми; женился он скорее из уважения, чем по любви, после размышлений и советов друзей.

Катарина Лютер предстает как важная фигура в личной истории ее мужа и его переписке. Она на несколько лет пережила его и провела эти годы в бедности и печали. Иделетт де Бюр жила в скромном уединении и умерла в мире за пятнадцать лет до Кальвина. Лютер, как «послушный раб», подчинялся правлению

⁵⁹² А не из «маленького городка в Гельдере», как утверждает Бонне (*l. c.*, p. 639). Беза называет его «Storder Leodinensis».

⁵⁹³ Флоримон де Ремон: «Кальвин женился на вдове Жана Лестордера, родом из Льежа, по вере анабаптиста; он изменил свое мнение; ее звали Иделетт де Бюр».

⁵⁹⁴ По свидетельству Ленуара из Льежа, «Bulletin», etc., 1860, p. 26.

⁵⁹⁵ *Optima socio vitae, fida ministerii me iadjutrix* (письмо к Вире от 7 апреля 1549 г.); *singularis exempli femina* и т. д.

⁵⁹⁶ *Vita Calv. (Opera, XXI. 130): Viduam Idelletam nomine, gravem honestamque feminam, Calvinus ex Bucerii consilio uxorem duxit.*

своей «госпожи Кати», но нежно любил ее, играл с детьми с детской простотой, обращался к ней в своих последних письмах и выразил свое отношение к семейному счастью в таких прекрасных словах: «Величайший дар Бога мужчине — это благочестивая, добрая, богобоязненная, домашняя жена»⁵⁹⁷.

Семейная жизнь Лютера была расцвечена и украшена юмором, поэзией и песней. Жизнь Кальвина была здоровой, спокойной, управляемой страхом Божьим и чувством долга, однако не менее счастливой. Нет ничего более несправедливого, чем обвинение Кальвина в холодности и отсутствии чувств⁵⁹⁸.

Его переписка доказывает обратное. Его письма к близким друзьям после смерти жены показывают, с какой нежностью и любовью он к ней относился. Фарелю он писал 2 апреля 1549 г.⁵⁹⁹:

Должно быть, ты уже получил известие о смерти моей жены. Я стараюсь, как могу, не поддаваться скорби. Мои друзья также делают все возможное, чтобы облегчить мои умственные страдания. Когда твой брат уехал, надежды на ее выздоровление уже не было. Когда братья собрались во вторник, они решили, что лучше нам помолиться вместе. Так и сделали. Когда Авель, от имени остальных, призвал ее к вере и терпению, она кратко (потому что была уже в изнеможении) описала свое состояние. Позже я добавил увещевание, которое показалось мне уместным. Затем, так как она не упоминала о своих детях, я, боясь, что из скромности она может не говорить о том, что причиняет ей больше страданий, чем сама болезнь, объявил в присутствии братьев, что буду заботиться о них, как о своих собственных. Она ответила: «Я уже вверила их заботе Господа». Когда я сказал, что это не помешает мне исполнять свои обязанности, она тут же ответила: «Если Господь позаботится о них, я знаю, что Он поручит их тебе». Ее благодушие было так велико, что, казалось, она уже покинула этот мир. Около шести часов дня, в который она отдала свою душу Господу, наш брат Бургуин обратился к ней с несколькими благочестивыми словами, и она заговорила так, что мы поняли: она уже не принадлежала этому миру. Ибо вот что она сказала: «О славное воскресение! О Бог Авраама и всех наших отцов, в Тебя мы верили много веков, и не напрасно. Я тоже буду надеяться». Она скорее выдохнула эти краткие фразы, чем произнесла их отчетливо. Ей никто не подсказывал этих слов. Они были основаны на ее размышлениях, так что из этих нескольких слов стало ясно, о чем она думает. В шесть часов мне пришлось уйти. После семи ее перенесли в другую комнату, и она тут же начала угасать. Когда голос стал изменять ей, она сказала: «Давайте молиться; давайте молиться. Все молитесь обо мне». Я вернулся. Она не могла говорить и казалась взволнованной. Я сказал ей несколько слов о любви Христа, надежде вечной жизни, нашей семейной жизни и ее уходе, а потом помолился. Она, в сознании, слушала молитву. Еще не было восьми, как она испустила дух, так спокойно, что присутствующие едва заметили ее переход от жизни к смерти. Я стараюсь не поддаваться скорби, чтобы она не мешала мне выполнять мои обязанности. Но тем временем Господь послал мне новые испытания. Прощай, брат мой и замечательный друг. Да укрепит тебя Господь Иисус в Своем Духе; да поддержит Он и меня в великой скорби, которая, без сомнения, сокрушила бы меня, если бы Он, поднимающий упавших, укрепляющий слабых и дающий

⁵⁹⁷ *Die Welt hat nach Gottes Wort keinen lieblicheren Schatz auf Erden, denn den heiligen Ehestand. Gottes höchste Gabe ist ein fromm, freundlich, gottesfürchtig und häuslich Gemahl haben, mit der du friedlich lebest, der du darfst alle dein Gut, ja dein Leib und Leben vertrauen, mit der du Kinderlein zeugest.* См. Köstlin, *Luther's Leben*, p. 578; Шафф, «История церкви», т. VII, §§77-78.

⁵⁹⁸ «Кальвин, — пишет Ж. Бонне в своем очерке про Иделетт де Бюр (*l. c.*, p. 637), — был великим, но не переставал быть добрым; в нем качества сердца сочетались с качествами ума; он был настоящим другом и внушал людям искреннюю дружбу; наконец, он познал семейное счастье в браке слишком коротком, тайна которого, лишь отчасти явленная в его переписке, отбрасывает на его жизнь отблеск грустный и нежный». — «Кальвину был свойствен, — говорит Мерль д'Обинье (VI. 602), — возвышенный ум, великий гений, но также и любовь к ближним, сердечная привязанность, которая необходима для великого человека».

⁵⁹⁹ *Opera*, Ep. 1171 (fol. 228). Это письмо ошибочно датируется 11 апреля у Анри и Бонне (II. 203), которые приняли римскую цифру II за 11.

отдохновение уставшим, не простер ко мне руку с небес. Передавай привет всем братьям и всей твоей семье.

К Вире он писал несколько дней спустя, 7 апреля 1549 г.:

Хотя смерть моей жены оказалась для меня мучительна, я сдерживаю свою скорбь, как могу. Друзья также помогают мне. Вряд ли они могли бы помочь мне больше, чем о себе. Так как я боялся, что эти заботы могут тревожить ее, за три дня до смерти я сказал ей, что не буду пренебрегать своими обязанностями по отношению к ее детям. Она тут же ответила: «Я уже вверила их Богу». Когда я сказал, что это не помешает мне заботиться о них, она ответила: «Я знаю, что ты не сможешь пренебрегать тем, что вверено Богу». Позже, когда одна женщина стала настаивать, что она должна поговорить об этом со мной, я, впервые, услышал от нее такой краткий ответ: «Главное — чтобы они жили благочестиво и свято. Моего мужа не надо просить, чтобы он наставлял их в религиозном знании и страхе Божьем. Если они будут благочестивы, я уверена, что он с радостью будет им отцом; если же нет, они не заслуживают того, чтобы я о них просила». Такое благородство значит для меня больше, чем сотня похвал. Благодарю тебя за дружеское утешение.

Она никогда не создавала мне даже малейших препятствий. Она никогда не создавала проблем в течение всей своей болезни; она больше беспокоилась о своих детях, чем о себе. Так как я боялся, что эти заботы могут тревожить ее, за три дня до смерти я сказал ей, что не буду пренебрегать своими обязанностями по отношению к ее детям. Она тут же ответила: «Я уже вверила их Богу». Когда я сказал, что это не помешает мне заботиться о них, она ответила: «Я знаю, что ты не сможешь пренебрегать тем, что вверено Богу». Позже, когда одна женщина стала настаивать, что она должна поговорить об этом со мной, я, впервые, услышал от нее такой краткий ответ: «Главное — чтобы они жили благочестиво и свято. Моего мужа не надо просить, чтобы он наставлял их в религиозном знании и страхе Божьем. Если они будут благочестивы, я уверена, что он с радостью будет им отцом; если же нет, они не заслуживают того, чтобы я о них просила». Такое благородство значит для меня больше, чем сотня похвал. Благодарю тебя за дружеское утешение.

Прощай, мой прекрасный и искренний брат. Да хранит тебя Господь Иисус, да наставляет тебя и твою жену. Передай мои лучшие пожелания ей и братьям.

В ответ на это письмо Вире писал Кальвину, 10 апреля 1549 г.:

Я утешился чудесным и невероятным образом, когда услышал не только одни лишь пустые слухи, но и когда многочисленные вестники сообщили мне, что ты, хотя сердце твое разбито и страждет, выполняешь все свои обязанности еще лучше, чем ранее... и прежде всего тем, что когда боль еще так сильна, когда терпеть ее труднее всего, она не подчинила себе твой разум. Продолжай в том же духе... и я искренне молю Бога, чтобы Он помог тебе в этом, чтобы с каждым днем ты получал все больше утешения и укреплялся.

Характер Кальвина предстает в том же благоприятном свете, когда мы читаем, как он потерял единственного сына, умершего во младенчестве (1542). Кальвин благодарит Вире и его жену (он всегда передает приветы жене и дочери Вире) за их нежное сочувствие в этой горе и говорит, что Иделетт написала бы им сама, если бы не скорбь. «Господь, — говорит он, — нанес нам жестокий удар, отняв нашего маленького сына; но Он — наш Отец, и Он знает, что лучше для Его детей»⁶⁰¹. Но отсутствие у него природного потомства было восполнено множеством его духовных детей. «Бог послал мне маленького сына и отнял его; но у меня есть миллионы детей во всем христианском мире»⁶⁰².

⁶⁰⁰ *Quae si quid accidisset durius, non exilii tantum ac inopiae voluntaria comes, sed mortis quoque futura erat. Opera*, VIII. Ep. 1173 (fol. 230).

⁶⁰¹ 19 августа 1542 г., в конце. *Opera*, XI. 430.

⁶⁰² *Dederat mihi Deus filiolum, abstulit; hoc quoque recenset* [Болдуин или Бодуэн, юрисконсульт] *inter probra liberis me carere. Atqui mihi filiorum sunt myriades in toto orbe Christia no. (Responsio ad Balduini Convitia*, Geneva, 1561). Римские авторы говорят об отсутствии детей у Кальвина как о своего рода наказании свыше. Оден поправляет их, но добавляет (гл. XIX), что Кальвин «не проливал слез», потеряв сына, и что «Бог не позволил ему стать отцом во второй раз!» Бонне утверждает (l. c., 643), что у Кальвина было еще двое детей, дочь и сын, которые тоже умерли в младенчестве, и ссылается на письмо Кальвина к Вире от 1544 г.; но это ошибка, потому что Кальвин, и через много лет после смерти жены, говорит только об одном сыне (*filiolus*), а Колладон, в своей биографии, говорит (*Opera*, XXI. 61), что у Иделетт де Бюр был только один сын от него (*elle eut un fils de lui*).

О привязанности Кальвина к его друзьям говорит частная переписка, которая не предназначалась для публикации. Это лучшее доказательство его чрезвычайной верности как пастыря. Когда он был в Ратисбоне, чума унесла, помимо прочих друзей, Луи де Ришбура, который вместе со своим старшим братом Шарлем жил в доме Кальвина в Страсбурге в качестве студента и *pensionnaire*, под надзором Клода Фере, любимого помощника Кальвина. Узнав эту печальную новость, в начале апреля 1541 г., Кальвин писал отцу молодого человека — господину из Нормандии, вероятно, лорду селения Ришбур, между Руаном и Бове, о котором мы знаем только из данного эпизода. Это длинное письмо с соболезнованиями и утешениями, из которого мы приведем следующие отрывки⁶⁰³:

Ратисбон (месяц апрель), 1541

Когда я впервые узнал о смерти Клода и вашего сына Луи, я был в таком смятении чувств (*tout esperdu et confus en mon esprit*), что много дней мог только плакать; и хотя перед Господом я еще как-то держался за счет тех средств, которыми Он укрепляет в скорби наши души, перед людьми я не мог ничего сделать; я был так же непригоден к исполнению своих обязанностей, как если бы наполовину умер (*un homme demi-mort*). С одной стороны, я был сильно огорчен тем, что такой чудесный и верный друг [Клод Фере] у меня отнят, — друг, к которому я так привык, что никто не мог быть мне ближе, чем он; с другой стороны, я скорбел потому, что молодой человек, ваш сын, умер во цвете лет, а ведь он подавал столько обещаний, я любил его как сына, а он относился ко мне с уважением и привязанностью, как ко второму отцу.

К этой тяжелой скорби добавлялась не менее тяжкая и волнующая тревога о тех, кто по воле Господа остался в живых. Я узнал, что вся семья рассеялась кто куда. Опасность, угрожавшая Малербу⁶⁰⁴, очень огорчила меня, как и ее причина, и заставила меня беспокоиться об остальных. Я подумал, что жена моя должна быть в тревоге. Уверю вас, что я постоянно думал и о вашем Шарле⁶⁰⁵, ибо, при его добром характере, который он всегда проявлял по отношению к своему брату и наставнику, я не сомневался, что он погружен в скорбь и обливается слезами. Меня успокаивало лишь то, что мой брат был рядом с ним и, как я надеялся, утешает его в этом бедствии; но и на это я не мог рассчитывать, потому что обоим угрожала опасность. Так что, пока я не получил письмо о том, что Малерб вне опасности и что Шарль и мой брат, вместе с моей женой и другими, спасены⁶⁰⁶, я находился бы в подавленном состоянии духа, если бы сердце мое не поддерживала молитва и размышления над Его Словом...

Сын, которого Господь послал вам на время, был Им взят. Но мы не должны предаваться неразумным и греховным сетованиям глупцов: «О слепая смерть! О тяжкая судьба! О непримиримые парки! О жестокий рок!» Господь послал его в этот мир ненадолго и забрал обратно. Мы должны понимать, что сделанное Господом не поспешно, не случайно, не определено внешними обстоятельствами, но соответствует Его воле, которую Он предопределяет и осуществляет и которая сама по себе праведна и справедлива, а для нас — блага и полезна. Когда правят справедливость и благо, было бы нечестиво роптать. Так как Он, по благости Своей, посылает нам то, что лучше для нас, сколь велика была бы наша неблагодарность, если бы мы не принимали, спокойно и рассудительно, всё, чего желает наш Отец...

Бог пожелал вернуть Себе вашего сына, которого вверил вам для воспитания, при том условии, что он всегда будет принадлежать Ему. И Он взял его, потому что лучше

⁶⁰³ Письмо было написано на французском языке и переведено на латынь Безой в его издании *Calvini Epistolae*, Genevae, 1575, p. 280 (с неверной датой, 1540 г.). См. *Opera*, XI. 188 sqq.; Herminjard, VII. 66-73; Bonnet-Constable, I. 222-229. Я использовал перевод Констебла, сравнив его с французским оригиналом. Заключительная часть, впрочем, сохранилась только в латинском переводе Безы.

⁶⁰⁴ Вероятно, младший из учеников Фере, родом из Нормандии. Herminjard, VII. 55, note 6.

⁶⁰⁵ Старший сын господина де Ришбура.

⁶⁰⁶ *Charles et mon frère, avec ma femme et les autres se portoyent bien*. Это объясняет, почему Кальвин не поспешил в Страсбург раньше.

было для него покинуть этот мир, а также потому, что скорбь должна была смирить вас или испытать ваше терпение. Если вы не понимаете, какая в этом польза, то прежде всего, без промедления, отложите все прочие заботы и спросите у Бога, что Он хочет вам показать. Может быть, Его провидение обращено на то, чтобы еще испытать вас, скрывая от вас смысл происходящего, побуждая подчиниться Его воле, чтобы вы стали мудрее и поняли то, чего никогда не поняли бы собственным слабым умом.

В том, что касается вашего сына, если вы подумаете, как в наше трудное время тяжело идти всю жизнь по истинному пути, вы поймете, что благословен тот, кто, еще не встретившись со множеством опасностей, его подстерегающих, угрожающих в его время его поколению, так быстро избавился от всех них. Он подобен тому, кто отправился в плавание по бурному морю и, еще не добравшись до глубин, уже оказался в безопасной гавани. Воистину, долгая жизнь считается Божиим даром, однако в ней мы можем утратить всё, тогда как в случае смерти после недолгих лет — уже переходим к лучшей жизни. Так как Сам Господь, Отец всех нас, пожелал сделать Луи Своим сыном, Он даровал и вам, среди множества прочих благословений, возможность пожать прекрасный плод того воспитания, которое вы успели дать ему; знайте, что есть и ваша доля в благословениях, которые вам даны: «Я буду твоим Богом и Богом потомства твоего».

С юных лет, как только он достиг обучаемого возраста, Луи получал прекрасное образование и явил такие успехи, что мы возлагали большие надежды на его будущее. Его манеры и поведение одобряли все благочестивые люди. Если когда-нибудь он ошибался, он терпеливо слушал увещевания и упреки, был обучаем и послушен, всегда был готов выслушать совет... Но больше всего мы ценили в нем то, что он был проникнут принципами благочестия и не просто правильно и верно понимал суть веры, но остро ощущал страх Божий и трепет перед Богом.

Изобильная благодать Бога, даровавшего вам потомство, должна помочь вам преодолеть горечь утраты, ибо она сильнее смерти, огорчающей вас.

Что касается моих собственных чувств, то если бы ваши сыновья не прибыли сюда, я сейчас не горевал бы по поводу смерти Клода и Луи. Эта сокрушительная скорбь, от которой я страдаю из-за их обоих, заставляет меня с болью вспоминать о том моменте, когда рука Бога, а не их собственные помыслы, привела их сюда с определенной целью, так что началась наша дружба, которая день ото дня росла и крепла. Какого бы образования они ни искали, я был рад тому, что они жили под одной крышей со мной. И раз уж им было суждено умереть, я рад также, что они умерли под моей крышей, где могли отдать Богу души более спокойно, в большем умиротворении, нежели в тех местах, где окружающие беспокоили бы их больше, чем сама смерть. Эти святые души устремились из общины братьев в лоно Христа среди благочестивых молитв, призывая имя Господа. Но я нисколько не хотел бы избавиться от всей своей скорби, если бы для этого понадобилось, чтобы я никогда их не знал. Память о них будет свята для меня до конца моих дней, и я убежден, что она будет также утешать и умиротворять меня.

Какой же смысл, скажете вы, иметь такого многообещающего сына, если он отнят у меня в расцвете юности? Но ведь и Сам Христос, смертью Своей, заслужил власть над живыми и мертвыми! И если мы принадлежим Ему (а мы должны Ему принадлежать), то почему бы Ему не иметь власти и над нашей жизнью и смертью? Какой бы краткой ни была, по моему или вашему мнению, жизнь молодого человека, мы должны быть довольны тем, что он прошел путь, отпущенный ему Господом.

Более того, не надо считать, что человек погиб во цвете лет, если он уже созрел для жатвы в глазах Господа. Ибо я считаю, что все, кого призывает смерть, уже достигли зрелости; в противном случае мы обвиняли бы Его в том, что Он кого-то забирает раньше срока. Это касается всех, но по отношению к Луи это еще более верно по несомненным причинам. Ибо он достиг того возраста, когда, по явным признакам, мог считать себя членом Тела Христова: он принес плод и был пересажен от нас. Вместо преходящего и суетного подобия жизни он получил подлинное бессмертие.

Вы не должны думать, будто лишились человека, если он получил блаженное воскресение в царстве Божьем. Оба они так жили и умерли, что я не сомневаюсь: теперь они с Господом. А потому давайте стремиться к той цели, которой они уже достигли. Не может быть сомнений, что Христос присоединил их к тому нерушимо-му обществу, которое разделяет с Ним Его вечную славу. И не будем оплакивать

вашего сына как утраченного, ведь вы же знаете, что он храним Господом, что он останется вашим навеки, что Бог, для удовлетворения собственной воли, одолжил его вам на земле лишь на время...

При всем этом я совсем не хочу сказать, что вы не должны плакать. Философия, которой мы учимся в школе Христа, не требует, чтобы мы отказывались от человеческой природы, которой Бог наделил нас, и превращались в камни⁶⁰⁷. Я хочу лишь сказать, что вы должны соразмерять границами и сдерживать свою подобающую случаю скорбь, чтобы не предаваться бессмысленному роптанию, проливая слезы, которые естественны для любящего отца. И я говорю так не потому, что не доверяю вашей сдержанности, твердости или возвышенности духа, а из желания до конца выполнить свой долг по отношению к вам.

Я попросил Меланхтона и Буцера, чтобы они также написали вам, потому что, надеюсь, они также могут засвидетельствовать вам свое расположение.

Прощайте, выдающийся и уважаемый в Господе. Да хранит Господь Христос вас и вашу семью и да наставляет вас в Своем Духе, пока вы не окажетесь там, куда уже отправились Луи и Клод.

---

⁶⁰⁷ *Neque hanc philosophiam discimus in schola Christi, ut eam quam nobis indidit humanitatem exuendo, ex hominibus lapides fiamus.* Отсюда видно, что Кальвин был далек от языческого стоицизма.

ГЛАВА XII

ВТОРОЕ ПРЕБЫВАНИЕ И ТРУДЫ КАЛЬВИНА В ЖЕНЕВЕ. 1541 — 1564

Литературу для этой и следующих глав см. в §81.

§93. Женева после изгнания реформаторов

- I. Переписка в *Opera*, vols. X-XI, также HERMINJARD, vols. V, VI, VII. — *Annal. Calv.*, XXI. 235-282. — Хроники ROSET и BONIVARD; истории — SPON, GABEREL, ROGET и т. д.
 II. HENRY, I, ch. XIX. — STÄHELIN, I. 283-299. — DYER, 113-123. — KAMPSCHULTE, I. 342 sqq. — MERLE D'AUBIGNÉ, bk. XI, chs. XVIII (vol. VI, 610 sqq.), XIX (vol. VII, 1 sqq.).
 C. A. CORNELIUS (католик): *Die Rückkehr Calvins nach Genf*. München, 1889. Продолжение его очерка, *Die Verbannung Calvins aus Genf*. München, 1886. То и другое — в Докладах Баварской Академии наук.

Ответ Садолету стал одним из средств, избавивших Женеву от лап папства, и он расположил к Кальвину всех защитников свободы. Но были и другие причины, которые требовали возвращения Кальвина. После его изгнания начались внутренние беспорядки, которые привели маленькую республику почти что на грань краха.

Кальвин был прав, когда предсказывал: правление его врагов будет коротким. Меньше чем за год они были деморализованы и раскололись на фракции. На место изгнанных реформаторов были избраны два местных проповедника и двое из Берна, по бернскому обычаю, но способности их были средними, и для кризисных условий они не годились. Гегемония государства сохранилась. Иностранцы, которые не могли доказать свое пребывание в городе практическими причинами, изгонялись. Среди них оказались даже Соньер и Кордьер, ректоры школ, которые были верны Реформации.

В Женеве существовали три основные партии, с их ответвлениями.

1. Правительственной партией руководили синдики 1538 г. и другие враги реформаторов. Их называли *артикулянтами*, а в народе — *artichauds*⁶⁰⁸, из-за двадцати одного артикула в договоре с Берном, который после переговоров был подписан тремя советниками и депутатами города: Ами де Шапоружем, Жаном Люлленом и Монатоном. Правительство подчинило церковь государству, его защищал Берн, но оно не могло сохранить порядок. На улицах умножались беспорядки и мятежи. Школы закрывались из-за изгнания лучших учителей. Пасторскими обязанностями пренебрегали. Порок и разврат усиливались. Вновь распространились прежняя распущенность и фривольность, танцы, азартные игры,

⁶⁰⁸ Dyer, p. 113, ошибочно называет их «артишоками», поскольку, как домысливает он, «они избрали это растение в качестве своего символа».

пьянство, маскарады, недостойные песни, прелюбодеяния. Люди бегали нагие по улицам под звуки барабанов и дудок.

Более того, договор с Берном, когда о нем стало известно, вообще не пользовался популярностью, потому что Берну уступались права власти. Совет двухсот не хотел подчиняться этому договору, потому что, сделав так, женефцы пожертвовали бы своей свободой и обычаями. Но судьи из Берна решили, что женефцы должны подписать договор и заплатить по счетам. Это вызвало сильное волнение. Народ кричал: «Измена!» — и требовал ареста трех депутатов, которых перехитрили бернские дипломаты, но депутаты бежали. Тогда их приговорили к смерти как мошенников и бунтовщиков. Недовольство распространилось на пасторов, которые были выбраны на место Фареля и Кальвина.

Через два года после изгнания реформаторов четыре синдика, которые постановили изгнать их, уже не существовали. Жан Филипп, капитан-генерал города и самый влиятельный вождь артикулянтов, человек неукротимого нрава, был обезглавлен за убийство и подстрекательство к бунту 10 июня 1540 г. Двое других, Шапоруш и Люллен, были приговорены к смерти как мошенники и бунтовщики. А четвертый, Ришарде, умер от ран, полученных при попытке к бегству от правосудия. Всё это было воспринято как возмездие Провидения и нанесло смертельный удар антиреформатской партии.

2. Партия римских католиков после изгнания реформаторов подняла голову и в течение какого-то времени находила большую поддержку в изгнанном епископе Пьере де ла Боме, которого Павел III сделал кардиналом, а также в послании кардинала Садолета. Ряд священников и монахов вернулся из Франции и Савойи, но ответ Кальвина разрушил все надежды и чаяния романистов, да и правительство не было к ним благосклонно.

3. Третья партия поддерживала реформаторов. Она пожала все выгоды от просчетов и неудач двух других партий и обратила их к лучшему. Оппоненты называли ее членов *гиллерменами*, по имени учителя Гильома (Фареля). Их возглавляли Перрен, Порраль, Пертам и Септ. Они были едиными, более активными, у них была определенная задача — возрождение Реформации. Они переписывались с изгнанными реформаторами, особенно с Фарелем в Невшателе, который давал им советы и ободрял их. Их подозревали в симпатии к Франции и в отсутствии патриотизма, но в ответ они обвиняли правительство в подчинении Берну. Они были склонны к крайним мерам. Кальвин призывал их быть терпеливыми, умеренными и прощать.

По мере того как артикулянты приходили в упадок, гиллермены начали укреплять влияние на народ. Вакантные места в городских органах власти заполнялись их представителями. Новая власть приняла тон смелой независимости по отношению к Берну и настаивала на древних свободах Женевы. Любопытно, что ее поощрял в письме император Карл V, неосознанно выступивший в поддержку Кальвина⁶⁰⁹.

Теперь всё было готово для возвращения Кальвина. Лучшие люди Женевы считали его спасителем своего города. Его имя символизировало порядок, мир, реформы церкви и государства.

Даже артикулянты, под влиянием общественного мнения, предложили на общем собрании граждан 17 июня 1540 г. вернуть городу прежний статус и вы-

⁶⁰⁹ *Es macht einen eigenthümlichen Eindruck, — говорит Кампшulte (I. 365), — Karl V hier für den Sieg eines Mannes mithätig zu sehen, dessen Wirksamkeit, wie kaum eine andere, dazu beigetragen hat, die Grundlagen seiner Macht zu untergraben.*

ступили против папства. Двое новых проповедников, Маркур и Морлан, 10 августа отказались от должностей и уехали в Берн. Остальные двое, Анри де ла Мар и Жак Бернар, смиренно просили Кальвина вернуться. Поразительная дань уважения со стороны соперников и врагов⁶¹⁰!

§94. Призвание Кальвина в Женеву

Литература в §93, особенно переписка и хроники.

Кальвин не забыл Женеву. Он доказал интерес к ее благополучию своим ответом Садолету. Но он не хотел возвращаться, и склонить его к этому могли только безошибочные свидетельства того, что такова воля Провидения.

Он был весьма полезен в Страсбурге, где он мог выступать как посредник между Германией и Францией, на благо обеим странам. На его воскресные проповеди ходили толпы. Его богословские лекции посещали студенты из Франции и других стран. Он вступил в брак и наслаждался счастливой семейной жизнью. Правительство Страсбурга все больше и больше ценило его, и его коллеги хотели его удерживать. Меланхтон считал, что на встречах в Вормсе и Ратисбоне Кальвин был полезнее, чем кто бы то ни было. А по прошлому опыту, вспоминая Женеву, он мог ожидать там лишь жестоких и суровых испытаний. Он писал к Вире: «В мире нет места, которого я боялся бы больше, — не потому, что оно мне ненавистно, но потому, что я чувствую себя неспособным справиться с трудностями, которые меня там ждут»⁶¹¹. Он называет Женеву пропастью, которой он опасается еще больше, чем в 1536 г. И он, в самом деле, не ошибся в своих опасениях, потому что последующая его жизнь была непрерывной борьбой. Неудивительно, что он отказывался от приглашений и просил Фареля и Вире не увлекать его туда⁶¹².

В то же время он был готов исполнять волю Бога, как только ему станет ясно, что этого хочет Провидение. «Когда я вспоминаю, — писал он Фарелю, — что не владею собой в таких вещах, я приношу свое сердце в жертву и предлагаю его Господу»⁶¹³. Весьма характерное высказывание, которое показывает суть его благочестия. На печати Кальвина начертан этот девиз и изображена рука, протягивающая сердце Богу. Семнадцать лет спустя, когда он вспоминал этот критический период своей жизни, он высказывал те же взгляды. «Хотя благополучие этой церк-

⁶¹⁰ Бернар написал Кальвину письмо 6 февраля 1541 г. (Herminjard, VII. 23), в котором говорит: *Veni ergo, venerande mi pater in Christo: noster es perfectio. Te enim nobis donavit Dominus Deus. Suspirant etiam post te omnes... Faxit Dominus Jesus, ut velox adventus tuus sit ad nos! Vale, ecclesiaeque digneris succurrere nostrae. Alioqui requireret de manu tua sanguinem nostrum Dominus Deus. Dedit enim te speculatorem domui Israel quae apud nos est.* Кальвин ответил 1 марта 1541 г., что ему очень не хочется возвращаться в Женеву, но он повинует голосу церкви. Herminjard, VII. 38-40.

⁶¹¹ 1 марта 1541 г. (из Ульма по пути в Ратисбон): *Non aliter respondeo quam quod semper solitus sum: Nullum esse locum sub caelo quem magis reformidem, non quia oderim, sed quoniam tot difficultates illic mihi propositas video, quibus superandis sentio me longe esse impari. Quoties superiorum temporum subit recordatio, facere nequeo quin toto pectore exhorrescam, si cogar me iterum antiquis illis certaminibus objicere. Si mihi cum ecclesia illa tantum esset negotium, animo essem quietiore; certe minus terrerer. Sed vicinos [имеется в виду Берн] cogita, qui mihi olim tantum molestiae exhibuerunt. Opera, XI. 167; Herminjard, VII. 43.*

⁶¹² Дайер (р. 121) и Кампшulte (I. 370) полагают, без всякой причины, что Кальвин, неоднократно отказываясь, был движим недостойными побуждениями и пытался сломить гордость женевцев. Но что еще могли они сделать, как не атаковать его просьбами и депутациями? И они делали это не один месяц, прежде чем он принял приглашение.

⁶¹³ *Cor meum velut mactatum Domino in sacrificium offero.* 24 октября 1540 г. *Opera*, XI. 100; Herminjard, VI.

ви было мне так дорого, что я без труда мог пожертвовать для нее свою жизнь, — писал он, — моя робость подсказывала мне множество причин для отказа от такого тяжкого бремени. Но чувство долга победило, и я вернулся к той пастве, от которой был оторван. Я сделал это с печалью, со слезами, с великой тревогой и в расстроенных чувствах, Господь тому свидетель, и многие благочестивые с радостью избавили бы меня от этой боли, если бы тот же самый страх не заграждал им уста»⁶¹⁴. Он, в частности, упоминает Мартина Буцера, «прекрасного слугу Христова», который угрожал ему примером Ионы, подобно тому как Фарель во время первого визита Кальвина в Женеву угрожал ему гневом Божиим.

Его друзья в Женеве, совет и народ были убеждены, что только Кальвин может спасти город от анархии, и они делали все, чтобы обеспечить его возвращение. Всерьез его приглашение обсуждалось советом еще в 1539 г., потом опять, в феврале 1540 г., и окончательное решение было принято 21 сентября 1540 г. Подготовительные шаги были сделаны, чтобы обеспечить сотрудничество Берна, Базеля, Цюриха и Страсбурга. 13 октября большой совет направил к Кальвину Мишеля дю Буа, его старого друга, с письмом, которое предписывалось подкрепить устным приглашением. Но, не дожидаясь ответа, были отправлены и другие письма и делегаты. 19 октября совет двухсот решил добиваться цели любыми средствами. Ами Перрен и Луи Дюфур были посланы (21 и 22 октября) делегатами, с глашатаем, в Страсбург, «чтобы привезти учителя Кальвина». И 27 октября им было выделено на расходы двадцать золотых экю⁶¹⁵. В регистрах заседаний совета за этот месяц есть множество упоминаний о мерах по возвращению «ученого и благочестивого господина Кальвина». Более полную победу дела Реформации невозможно было представить.

Просили помощи и у Фареля. С непревзойденным самоотречением он простил женецам неблагодарность, проявившуюся в том, что его они не приглашали, и старался обеспечить возвращение своего младшего друга, которого первый убедил обосноваться в Женеве. Фарель засыпал Кальвина письмами. Он даже поехал из Невшателя в Страсбург и провел там два дня, убеждая его лично и стараясь внушить ему, как делали и Капитон с Буцером, что его возвращение в Женеву совершенно необходимо и что это, по его мнению, самое важное место в мире.

Дюфур прибыл в Страсбург в ноябре, обратился к сенату, последовал за Кальвином в Вормс, где тот посещал коллоквиум, и доставил формальное послание с приглашением, датированное 22 октября и подписанное синдиками и советом Женевы. Оно заканчивалось так: «От имени нашего малого, большого и общего советов (которые все решительно призывали нас предпринять этот шаг) мы очень убедительно просим вас, чтобы вы соизволили приехать к нам и вернуться на свою прежнюю должность и к служению. Мы надеемся, что, с Божьей помощью, это будет весьма на благо для распространения святого Евангелия, потому что наш народ очень хочет видеть вас, и мы постараемся, чтобы вы были довольны». Письмо было скреплено печатью с девизом: *Post tenebras spero lucem*.

Таким образом, Кальвина срочно и с большим уважением призывали совместно совет, служители и народ города, который несправедливо изгнал его три года назад.

⁶¹⁴ Предисловие к его комментарию на Псалтирь (написан в 1557 г.), *Opera*, XXXI. 27.

⁶¹⁵ *Annal.* 266 sqq.; Herminjard, VI. 331-335.

Кальвин был тронут до слез этим вниманием и доверием и начал колебаться. Но депутаты Страсбурга в Вормсе, согласно тайным наставлениям правительства, протестовали против его отъезда. Буцер, Капитон, Штурм и Гриней, когда Кальвин попросил у них совета, сказали, что Кальвин нужен Страсбургу как глава французской церкви, представлявшей протестантскую Францию; как учитель богословия, который привлекал из Германии, Франции и Италии студентов, отправлявшихся обратно в эти страны уже благовестниками; и как помощник в превращении церкви Страсбурга в семинарию служителей Евангелия. Никто, кроме Меланхтона, не может с ним сравниться. Женева действительно важное место, ворота во Францию и Италию, но она ненадежна. И там снова могут начаться политические осложнения, которые уничтожат евангельский труд Кальвина. Пасторы и сенаторы Страсбурга, поддерживаемые церквями Цюриха и Базеля, наконец, согласились на то, чтобы Кальвин, после встречи в Вормсе, вернулся в Женеву, но только на время. Они надеялись, что вскоре он постоянно поселится в их городе, на благо всей церкви⁶¹⁶.

Эти два города — мы даже могли бы сказать, два народа — спорили за обладание «Богословом». Вся его последующая жизнь и даже существенная часть церковной истории зависели от его выбора. В таких обстоятельствах он не мог давать окончательных обещаний, а обещал только, что после завершения встречи нанесет визит в Женеву, с согласия Страсбурга и Берна. Он выдвинул также, как генерал победившей армии, условия капитуляции — восстановление церковной дисциплины.

Ранее он советовал уже позвать Вире из Лозанны. Это было сделано 31 декабря 1540 г., с разрешения Берна, но только на полгода. Вире прибыл в Женеву 17 января 1541 г. На его убедительные проповеди приходило много народа, и городские власти проявили уважение к Слову Божьему. Но он столкнулся с таким количеством трудных вопросов в церкви и школе, в больницах и приютах, что призывал Кальвина приезжать скорее, иначе сам он удалится от служения или умрет.

1 мая 1541 г. всеобщий совет отменил, формальным образом, приговор об изгнании от 23 апреля 1538 г. и торжественно заявил, что все граждане должны с уважением относиться к Кальвину, Фарелю и Соньеру как к истинным слугам Бога⁶¹⁷. 26 мая сенат отправил еще одну настоятельную просьбу в Страсбург, Цюрих и Базель, чтобы те помогли Женеве обеспечить возвращение Кальвина⁶¹⁸.

Просто поразительно, какой интерес к возвращению Кальвина проявлялся по всей Швейцарии и Германии. Все чувствовали, что судьба Женевы зависит от Кальвина, а судьба евангельской веры во Франции и Италии зависит от Женевы. Приходили письма от частных лиц и организаций. Фарель продолжал уговаривать Кальвина и упрекал Страсбург за то, что тот его удерживает. Он негодовал из-за промедлений Кальвина. «Чего ты ждешь? — писал он ему. — Когда камни начнут звать тебя?»

⁶¹⁶ См. письма, подписанные Капитоном, Гедионом, Буцером, Штурмом, Бедротом, Гринеем (вероятно, написано Буцером), от октября и ноября 1540 г., в Herminjard, VI. 335, 356 sqq., а также письмо от совета Страсбурга к совету Женевы от 1 сентября 1541 г., vol. VII, 227.

⁶¹⁷ *Pour gens de bien et de Dieu. Annal.* 278.

⁶¹⁸ См. послания совета Женевы к пасторам Цюриха в *Opera*, XI. 220 sqq., и в Herminjard, VII. 129 sqq.

§95. Возвращение Кальвина в Женеву. 1541

В середине июня Кальвин покинул Регенсбург, до окончания встречи и к великому сожалению Меланхтона. Он уладил свои дела в Страсбурге и отправился в Швейцарию. Женевцы послали сопровождать его Евстахия Винсента, конного глашатая, и выделили тридцать шесть экю на расходы (26 августа).

Жители Страсбурга просили его сохранить гражданство и ежегодные доходы от пребанды, которую они выделили ему в качестве платы за его богословские труды. «Он с радостью принял первый знак уважения, — говорит Беза, — но не стал принимать второй, потому что заботы о богатстве волновали его меньше всего».

Бупер, от имени пасторов Страсбурга, вручил ему послание к синдикам и совету Женевы (1 сентября 1541 г.), в котором говорилось: «И вот наконец приезжает он, Кальвин, избранное и бесподобное орудие Бога, с которым никто не может сравниться в наше время, да и вообще не может возникнуть мысли сравнивать кого-то с ним». Он добавил, что Страсбург мог уступить такого человека лишь на время, при условии его обязательного возвращения обратно⁶¹⁹. Совет Страсбурга в тот же день написал совету Женевы, выражая надежду, что Кальвин скоро вернется к ним ради блага вселенской церкви⁶²⁰. Сенат Женевы, в письме с благодарностями (17 сентября 1541 г.), выражает решимость удержать Кальвина в своем городе навсегда, ибо там он может быть столь же полезен для вселенской церкви, как и в Страсбурге⁶²¹.

Кальвин навестил своих друзей в Базеле, которые страстно хвалили его перед Берном и Женевой (4 сентября)⁶²². Берн не очень благосклонно относился к Кальвину и к обретенной женеvским клиром самостоятельности, но дал ему пропуск для безопасного проезда через свои территории.

В Золере (Золотурне) он узнал, что Фарель смещен, без разбирательства, городскими властями Невшателя за то, что критиковал с кафедры скандальное поведение высокопоставленного гражданина. Поэтому он отклонился от прямого пути и провел несколько дней со своим другом, стараясь поддержать его в трудный момент. Кальвину не сразу удалось добиться своего, но его поддержали Цюрих, Страсбург, Базель и Берн; так что в конце концов власти Невшателя решили оставить Фареля на должности, и он трудился там до самой смерти⁶²³.

Кальвин написал к совету Женевы из Невшателя 7 сентября, объясняя причину своей задержки⁶²⁴. На следующий день он отправился в Берн и доставил туда письма из Страсбурга и Базеля.

В Женеве его ждали 9 сентября, но, похоже, прибыл он не раньше 13-го. Ему хотелось избежать шумного приема. Он не любил подобные вещи⁶²⁵. Но, без сомнения, его прибытие вызвало всеобщее ликование среди народа⁶²⁶.

⁶¹⁹ Это послание на латыни, с переводом на французский, есть в Viret, *Opera*, X. 271. Herminjard, VII. 231-233. *Venit tandem ad vos Calvinus, eximium profecto el rarissimum, cui vix secundum, si tamen secundum ultum, organum Christi hodie extat... Venit ergo, dimissus ratione ea quam noster senatus perscribit, ut nimirum redeat.*

⁶²⁰ Herminjard, VII. 227-230, на латыни и на французском.

⁶²¹ Herminjard, VII. 253-255; *Opera*, XI. 208.

⁶²² *Opera*, XI. 274.

⁶²³ См. переписку в Herminjard, VII. 242 sqq.

⁶²⁴ Herminjard, VII. 239. Письмо пришло в Женеву 12 сентября. См. Herminjard, note 6, p. 240.

⁶²⁵ Он говорит в предисловии к своему комментарию на Псалтирь: «Я не люблю выставлять себя напоказ и создавать шумиху». Кампшульте выходит за рамки известных нам сведений, когда

Совет предоставил реформатору дом с садом на рю де Шануан, недалеко от церкви Св. Петра⁶²⁷, и обещал ему (4 октября), из уважения к его великой учености и гостеприимству к странникам, фиксированное жалование в пятьдесят золотых экю, или пятьсот флоринов, а также двенадцать мер пшеницы и две фляги вина⁶²⁸. Ему также выделили ткань для одежды и меха на зиму. Все это было щедрым для того времени, но едва хватило, чтобы обеспечить расходы реформатора и его гостеприимство. Поэтому совет делал ему также дополнительные подарки, но он отказывался от этих подарков, когда мог без них обойтись. Он жил в великой простоте, соответствовавшей его положению. В церкви Св. Петра для него приготовили кафедру на широком и невысоком постаменте, чтобы собранию было лучше его слышно.

Совет выделил три лошади и повозку, чтобы привести жену и имущество Кальвина. Понадобилось двадцать два дня, чтобы проделать путь от Женевы до Страсбурга и обратно (с 17 сентября по 8 октября)⁶²⁹.

13 сентября Кальвин предстал перед синдиками и советом в городской ратуше, вручил им письма от сенаторов и пасторов Страсбурга и Базеля и извинился за задержку. Он не жаловался и не требовал наказания своих врагов, но попросил назначить комиссию для подготовки письменных законов церковного управления и дисциплины. Совет согласился выполнить эту просьбу и решил удерживать его в городе, сообщив сенату Страсбурга о своем решении. Шесть выдающихся мирян, четыре члена малого совета и два члена большого совета — Пертам, Перрен, Розе, Ламберт, Гулаз и Порраль — должны были составить церковные правила (ордонансы) вместе со служителями⁶³⁰.

утверждает (I. 380, 381): *Für den Empfang eines Fürsten hätte nicht mehr Theilnahme bewiesen werden können... Am 13ten Sept. hielt er unter dem Jubel der Bevölkerung seinen feierlichen Einzug in Genf.* Возможно, здесь он вторит Штагелину, который пишет (I. 316): *Mit unglaublicher Begeisterung, wie im Triumphe, wurde er von dem Volk und dem Magistrate empfangen.* У нас нет сведений о таком триумфальном въезде. См. Безу и Колладона, в следующем примечании. Роже и Мерль д'Обинье (VII. 62 sq.) отрицают факт народной овации.

⁶²⁶ Беза (XXI. 131): *Calvinus XIII Septembris anno Domini MDXLI Genevam regressus est, summa cum universi populi ac senatus inprimis singulare Dei erga se beneficium serio tum agnoscentis congratulatione.* Колладон (XXI. 64): «Эти несчастные, признающие свою ошибку и жаждущие видеть своего пастыря, так страстно выражали привязанность к нему, что эти изъявления чувств с трудом удалось остановить».

⁶²⁷ Это был дом господина де Френевиля, между домами Бонивара на западе и аббата де Бонмона на востоке, где Кальвин жил с 1543 г. до своей смерти. Но дом этот не был готов к его приезду, и в течение какого-то времени он проживал в соседнем доме, восстановленном в 1708 г. (рю де Шануан 13, сейчас рю де Кальвин) и перешедшем в собственность Адриана Навиля, президента Евангельского общества. Второй дом (номер 11) оставался местом жительства реформатских пасторов до 1700 г.; в 1834 г. он был приобретен римско-католическим клиром, которые отдали его сестрам милосердия Винсента де Пола, а теперь им владеет государство. См. Th. Neyer, *De la maison de Calvin*, в «Mémoires d'Archéologie», IX. 391-408. Я консультировался с господами Э. Навилем и Э. Фавром из Женевы, которые подтвердили сказанное выше.

⁶²⁸ *Cinq cens florins, douze coppes de froment et deux bossot de vin.* *Annal.* 284. Пятьсот женевских флоринов равны примерно четырём тысячам франков в современной валюте. Так подсчитали Франклин и Мерль д'Обинье, VII. 69. Галифф (*Quelq. pages d'Hist.*, p. 89, цит. в Kampschulte, I. 388, note 3) утверждает, что ежегодный доход Кальвина составлял от 9 до 10 тысяч франков на наши деньги (2000 долларов). Синдик в то время получал только 100, а советник — 25 франков, по тем же подсчетам.

⁶²⁹ Herminjard, VII. 289, note: «Эмозу Дэзу, кучеру, заплатили за 22 дня 7 флоринов и 4 су».

⁶³⁰ *Reg. du Conseil*, vol. XXXV, 324, цит. в *Annal.* 282 и в Herminjard; письмо Кальвина к Фарелю от 16 сентября 1541 г. — в *Opera*, XI. 281, и Herminjard, VII. 249-250.

16 сентября Кальвин писал Фарелю: «Твое желание исполнилось, меня удерживают тут. Да благословит все это Бог»⁶³¹.

Он хотел сохранить Вире и вызвать Фареля в качестве постоянных сотрудников, но тут его ждало разочарование: Вире был нужен в Лозанне, а Фарель в Невшателе. Но Вире, с особого разрешения Берна, смог оставаться с ним до июля следующего года. Другие коллеги были «скорее препятствие, чем помощь» для него: «Им не хватает рвения и учености... я не могу им доверять». Бремя восстановления церкви в Женеве почти полностью легло на его плечи. Это была гигантская работа.

Никогда и никого так громко не призывали правительство и народ, никогда человек не принимал этот призыв более неохотно и никогда не исполнял свои обязанности более преданно и плодотворно, чем Жан Кальвин, когда, повиновавшись голосу Бога, во второй раз поселился в Женеве, чтобы жить и умереть там на своем посту.

«Из всех людей мира, — говорит один из лучших его биографов и величайших почитателей⁶³², — Кальвин больше всех трудился, писал, действовал и молился ради дела, которым был занят. Сосуществование высшей власти Бога и свободы человека — это воистину тайна, но Кальвин никогда не считал, что если Бог делает всё, то сам он может ничего не делать. Он, фактически, указывает на двусторонность этого процесса, зависящего и от Бога, и от человека. “Бог, — говорит он, — безвозмездно даровал нам Свою благодать, но требует и от нас ее принятия. Когда Он сказал Аврааму: ‘Я Бог Всемогущий’, — это было безвозмездное предложение; но в то же время Бог добавил, чего ждет от Авраама: ‘Ходи предо Мною и будь непорочен’. Это условие по умолчанию связано со всеми Его обетованиями. Оно должно подгонять нас, побуждать нас провозглашать славу Богу”. В другом месте он говорит: “Это учение должно вдохнуть новую силу во все ваши члены, чтобы вы были готовы и бдительны, чтобы у вас были силы и умения следовать призыванию Бога”»⁶³³.

§96. Первый год после возвращения

Кальвин сразу принялся за свои труды и продолжал их без перерыва в течение двадцати трех лет — до своей смерти 27 мая 1564 г.

Первые годы были полны забот и испытаний, как он и ожидал. Его обязанности были более многочисленными и ответственными, чем в период первого пребывания. Тогда он поддерживал более старшего Фареля, а теперь возглавлял церковь Женевы, хотя был еще молодым человеком тридцати двух лет. Он должен был реорганизовать церковь, ввести устав и порядок поклонения, обучать, решать споры, примирять соперничающие стороны, заботиться об образовании молодежи, давать советы даже в чисто светских делах. Неудивительно, что часто он чувствовал себя отчаявшимся и изнемогающим, но верил в Бога, и чувство долга помогало ему продолжать работу.

Вире был ему весьма полезен, но его отозвали обратно в Лозанну в июле 1542 г. Прочие его коллеги — Жак Бернар, Анри де ла Мар и Эме Шамперо —

⁶³¹ *Quod bene vertat Deus, hic retentus sum, ut volebas. Superest ut Viretum quoque mecum retineam, quem a me avelli nullo modo patiar. Tuae quoque omni unique fratrum partes me hic adjuvare, nisi vultis me frustra excruciar, ac sine commodo esse miserrimum.* Herminjard, VII. 249.

⁶³² Merle d'Aubigné, VII. 70.

⁶³³ Комментарий к 2 Кор. 7:1; Быт. 17:1.

были не такими способными и надежными. В 1542 г. были назначены четыре новых пастора: Пьер Бланше, Маттиас де Гренестон, Луи Трапперо и Филипп Озиа (Озеа). В 1544 г. в Женевской республике было двенадцать пасторов, шесть из них работали в сельских церквях. Постепенно Кальвин воспитал коллектив благовестников, полных энтузиазма. Фарель и Вире посещали Женеву в связи с важными событиями. В последние годы самым способным и ученым коллегой Кальвина был его друг Теодор Беза.

Кальвин избрал мудрый и ориентированный на примирение курс, и мы еще больше уважаем его за это, когда вспоминаем о суровости его характера и созданной системы. Он проявил воистину христианское терпение по отношению к бывшим врагам и к слабостям своих коллег⁶³⁴.

Я попытаюсь, — писал он Буцеру в длинном письме от 15 октября 1541 г., — выработать хорошее понимание и согласие с моими ближними, а также братскую доброту (если они мне это позволяют), со всей преданностью и усердием, на какие я способен. Насколько это зависит от меня, я не стану давать никому повода для ссор... Если в чем-то я не оправдываю твои ожидания, ты знаешь, что я в твоей власти и подчиняюсь тебе. Увещевай меня, наказывай меня, проявляй власть отца по отношению к сыну. Прости мою поспешность... У меня здесь столько дел, что я ничего не успеваю⁶³⁵.

Миконию в Базель он писал 14 марта 1542 г.:

Я ценю общественное спокойствие и согласие так сильно, что ограничиваю себя; и даже мои соперники вынуждены хвалить меня за это⁶³⁶. Это чувство преобладает настолько, что день ото дня те, которые когда-то были моими явными врагами, становятся друзьями; других я примиряю с помощью вежливости и чувствую, что в какой-то степени преуспел, хотя и не везде и не всегда.

По прибытии я мог одержать полную победу над врагами, ополчившись против всех, кто причинил мне зло. Но я воздержался от этого. Если бы я хотел, я мог бы каждый день сурово упрекать их не только с разрешения, но и с одобрения многих. Я терплю. Я тщательно избегаю чего-либо подобного, чтобы не произносить ни единого слова, из которого показалось бы, что я кого-то преследую. Да укрепит меня Господь в этом намерении⁶³⁷.

Сначала он встретил не оппозицию, а сердечное сотрудничество народа. Примерно через две недели после прибытия он представил малому совету свое положение о порядке в церкви. Некоторые возражали против ежемесячного совершения вечери Господней, вместо того чтобы проводить ее четыре раза в год, как было принято. Кальвин, который решительно выступал за более частое совершение вечери, уступил, «принимая во внимание слабость эпохи» и ради согласия. Малый совет принял положение, с этим изменением, 27 октября; большой совет подтвердил решение 9 ноября. Общее собрание горожан ратифицировало его подавляющим большинством голосов в соборе Св. Петра 20 ноября 1541 г. Но меньшинство, в том числе некоторые из ведущих граждан, были против церковной дисциплины. Статьи, с некоторыми дополнениями и изменениями, были окончательно утверждены тремя советами 2 января 1542 г.⁶³⁸

⁶³⁴ *Diese milde, versöhnliche Haltung nach seiner Rückkehr bildet eines derschönsten Blätter in der Geschichte Calvin's.* Так говорит Кампшульте (I. 390), но он несправедливо умаляет свою похвалу, добавляя: *Noch höher würde die Nachwelt sein Verdienst anschlagen, wenn er sich selbst desselben weniger bewusst gewesen wäre.* Как он мог не понять намерения Кальвина? Он говорил о них не с похвалой, а скромно, подобно Павлу.

⁶³⁵ Herminjard, VII. 293; *Opera*, XI. 299; Bonnet-Constable, I. 269.

⁶³⁶ *Tanti enim mihi est publica pax et concordia, ut manum mihi injiciam: atque hanc laudem mihi adversarii ipsi tribuere coquantur.*

⁶³⁷ Herminjard, VII. 439; Bonnet-Constable, I. 291.

Это было большой победой. Церковные постановления, которые мы рассмотрим позже, заложили прочный фундамент для сильной и упорядоченной евангельской церкви.

Кальвин проповедовал в соборе Св. Петра, Вире — в соборе Св. Гervasия. Первые богослужения имели покаянный характер, и их торжественность усиливалась, так как в соседних городах свирепствовала чума. Немедленное совершение вечери Господней в первое воскресенье ноября и в еженедельный день смирения и молитвы должны были призвать милость Бога на Женеvu и на церковь целиком.

Второй год после возвращения был очень тяжелым. Чума, которая в 1541 г. свирепствовала в Страсбурге и вдоль Рейна, проникла в Швейцарию, сократила население Базеля и Цюриха и достигла Женеvy осенью 1542 г. Чуме сопутствовал голод, как часто бывает. Ситуация становилась еще более сложной, так как множество иноземцев, привлеченных проповедями Кальвина, искали под его кровом убежища от преследований. Чумные бараки за городом были переполнены. Кальвин и Пьер Бланше помогали больным, а остальные служители держались от них подальше⁶³⁹. Совет не хотел пускать туда Кальвина, потому что он был нужен церкви⁶⁴⁰. Бланше рисковал жизнью и пал жертвой своей филантропии через восемь или девять месяцев. Кальвин, в письме от октября 1542 г., так рассказывает обо всем Вире, который в июле уехал в Лозанну⁶⁴¹:

Чума начинает свирепствовать здесь с большей яростью, и немногим удастся ее избежать. Один из наших коллег был выделен для помощи больным. Так как Пьер [Бланше] предложил свои услуги, все с готовностью на это согласилось. Боюсь, что если с ним что-нибудь случится, мне придется riskнуть самому, ведь, как ты понимаешь, мы обязаны друг другу и не должны избегать тех, кто больше всего нуждается в нашем служении. Я не считаю, что, занимаясь родной группой людей, мы должны пренебрегать телом церкви в целом. Но пока мы несем служение, я не вижу повода, чтобы, несмотря на страх заражения, не выполнять свои обязанности тогда, когда наша помощь больше всего нужна.

Фарель, в похожей ситуации, навещал больных каждый день, богатых и бедных, друзей и врагов, не делая разграничений⁶⁴². Мы должны судить о Кальвине исходя из его духа и намерений. Без сомнения, он обладал духом мученика, но считал своей обязанностью слушаться властей и беречь свою жизнь до необходимого момента. Мы можем сослаться на пример Киприана, который бежал во время гонений Деция, но героически погиб как мученик при гонениях Валериана.

В 1545 г. в Женеve опять разразилась чума, которую принесли из Франции несколько швейцарских воинов. Ужас ситуации усугублялся из-за дьявольского заговора злодеев, среди которых было несколько женщин, связанных с чумными бараками. Они распространяли болезнь специально, чтобы грабить мертвых. За-

⁶³⁸ *Registers*, 25 и 27 октября, 9 и 20 ноября 1541 г.; 2 января 1542 г. *Opera*, X. 15; XI. 379; XXI. 287, 289, 290. В *Régisters du Conseil* от 2 января 1542 г. (vol. XXXV, f. 449) говорится: *Ordonnances sus l'église: lesquelles hont esté passé par petit grand et général conseil touteffoys hont estes corrigés, et avant quil soient mys a limprymerie Resoluz que en ung conseil extraordinaire lesdictes ordonnances soient vehues [vues] affin que telle quest passe par le général ne soit changé. Annal.*, XXI. 289 sq.

⁶³⁹ Они говорили, что скорее отправятся *au diable*, чем в чумной барак.

⁶⁴⁰ О том, что Кальвин туда стремился, свидетельствует не только Беза (XXXI. 134), но также Розе и Савьон. См. Bonnet, I. 334, note. Кастеллион, который не был служителем, хотя и хотел им стать, также предлагал свои услуги, но передумал, когда жребий пал на него.

⁶⁴¹ Bonnet-Constable, I. 334.

⁶⁴² Kirchhofer, *Leben Farel's*, II. 33.

говорщики снимали заразную одежду с тех, кто умер от болезни, и протирали ею запоры в домах. Одна женщина призналась под пыткой, что убила восемнадцать человек своими дьявольскими происками. Урон был велик. Население Женевы сократилось. Две тысячи человек из менее чем двадцати тысяч ее жителей умерли. Семеро мужчин и двадцать одна женщина были сожжены заживо за участие в этом преступлении. Врача из лазарета и двух его помощников четвертовали.

Кальвин скромно оценивал свои труды в первые годы, что видно из его писем. Он писал Миконию, первому служителю Базеля, 14 марта 1542 г.⁶⁴³:

Сообщаю тебе в нескольких словах текущее положение дел. В первый месяц после возобновления служения у меня было столько работы и столько беспокойств, что я чуть не изнемог. Но именно столько трудов и требовалось, чтобы восстановить рухнувшее здание (*collapsum edificium instaurare*). Хотя, без сомнения, Вире уже успешно восстанавливал его, он воздерживался до моего прибытия от восстановления порядка и дисциплины, которые необходимо было созидать заново. Справившись с этими делами, я подумал, что теперь смогу передохнуть — и что же? Появились новые заботы, не проще, чем предыдущие. Но меня несколько утешает и радует то, что мы трудимся не напрасно. Есть некоторые плоды. Хотя они и не так многочисленны, как хотелось бы, они и не так малы. Есть перемены к лучшему. Будущее представлялось бы мне более радужным, если бы Вире был со мной. Я хочу также выразить тебе свою признательность, потому что ты разделяешь мою тревогу, что бернцы могут не позвать его. Когда я думаю о его уходе, я слабею и теряю остатки смелости... Прочие наши коллеги для меня скорее препятствие, чем помощь. Они грубы и полны самомнения, им не хватает рвения и учености. Но хуже всего то, что я не могу им доверять, хотя мне очень бы этого хотелось; ибо есть много свидетельств их отчуждения от нас, и я не вижу, чтобы они были искренне ко мне расположены. Однако я терплю их с великой кротостью, и я не хочу отходить от такого курса, даже если они будут плохо себя вести. Но если, в конечном итоге, понадобится строгость, я и тогда буду стараться, используя все возможные методы, не нарушать мира церкви нашими ссорами, ибо я боюсь расколов, которые почти неизбежно возникают при несогласии служителей. В первое пребывание здесь я бы прогнал их, если бы захотел, и сейчас это в моей власти. Но я никогда не стану жалеть об умеренности, с которой веду себя, потому что никто не может с достаточными основаниями пожаловаться на мою излишнюю строгость. Я упоминаю тебе об этом бегло, чтобы ты лучше понимал, как я буду несчастен, если у меня отнимут Вире.

Месяц спустя (17 апреля 1542 г.) он писал Миконию⁶⁴⁴:

Что касается внутреннего состояния данной церкви, то каким-то образом я, с помощью Вире, удерживаю ее бремя. Если Вире отнимут у меня, мое положение будет столь плачевным, что я просто не могу этого описать, но даже если он останется, существует опасность, что мы немногого добьемся в условиях такой тайной вражды [между Женевой и Берном]. Однако не буду терзать себя заранее, потому что Господь обо всем позаботится и даст мне кого-нибудь, на кого я смогу возложить эти заботы.

В феврале 1543 г. он писал Меланхтону:

Что касается наших дел, то я могу написать многое, но единственная причина, которая побуждает меня молчать, — та, что я не вижу им конца. Я тружусь тут изо всех сил, но достижения скромны. Однако все удивлены, что я добился такого успеха среди такого количества препятствий, большая часть которых исходит от самих служителей. Мое состояние облегчает то, что не только данная церковь, но и все соседние получают пользу от моего присутствия. Кроме того, нечто уходит отсюда во Францию и даже распространяется до Италии⁶⁴⁵.

⁶⁴³ Herminjard, VII. 437 sq.; *Opera*, XI. 376 sq.; Bonnet-Constable, I. 289 sq.

⁶⁴⁴ Herminjard, VII. 453; *Opera*, XI. 384; Bonnet-Constable, I. 297.

⁶⁴⁵ Bonnet-Constable, I. 351; *Opera*, XI. 516. Последние слова, про Италию, подтверждаются благодарственным письмом евангельских верующих Венеции, Виченцы и Тревизо «к святым церкви Божьей в Женеве», датированным 8 декабря 1542 г., из Венеции. См. *Opera*, XI. 472-474.

§97. Обзор деятельности Кальвина

Кальвин сочетал должность профессора богословия, проповедника, пастора, руководителя церкви, директора школ. Он выполнял и другие, не менее, а то и более важные дела, писал книги, вел переписку, руководил распространяющимся движением Реформации в Западной Европе. Он участвовал в серьезных спорах о дисциплине и богословии, против либертинов, романистов, пелагиан, антиритинитариев и лютеран. Помогали ему только один или несколько молодых людей, живших в его доме и выполнявших функции секретарей. Когда он болел, он диктовал, лежа в постели. Он отличался поразительной работоспособностью, несмотря на слабое здоровье. Когда он прерывал диктовку, то после перерыва сразу же мог возобновить ее с того места, на котором остановился⁶⁴⁶. Он почти не отдыхал, только после еды четверть часа или полчаса прогуливался по своей комнате или саду, а иногда играл, бросая кольца в цель, или в *le clef* с близкими друзьями. Он позволял себе спать очень немного и в последние десять лет жизни принимал пищу только один раз в день по причине плохого пищеварения⁶⁴⁷. Неудивительно, что он испортил себе здоровье и страдал от головной боли, лихорадки, диспепсии и прочих телесных немощей, приведших к его преждевременной смерти.

Лютер и Цвингли были такими же неутомимыми тружениками, как Кальвин, но они были крепче, полнокровнее и отличались лучшим здоровьем. Лютер любил играть со своими детьми и развлекать друзей веселыми застольными беседами. Цвингли находил отдых в поэзии и музыке и играл на разных инструментах.

За несколько лет до смерти Кальвин был вынужден, в одном из трудов, выступить в свою защиту против хулы неблагодарного студента Франсуа Бодуэна, родом из Арраса, который бежал, прихватив с собой бумаги Кальвина, перешел в католичество и публично оскорбил своего благодетеля. «Я не стану, — говорит Кальвин, — перечислять те удовольствия, удобства и богатства, от которых я отказался ради Христа. Скажу только, что если бы у меня были склонности Бодуэна, мне не очень трудно было бы получить все то, чего он всегда напрасно искал и что теперь так жадно поглощает. Пусть будет так. Я всегда был доволен своим скромным состоянием и никогда никого не обременял. Я спокоен в своем положении и даже отдал часть своего скромного жалования, вместо того чтобы просить о его повышении. Я отдаю все свои заботы, труды и исследования не только служению этой церкви, с которой я особо связан, но и помощи всем церквям, насколько это в моих силах. Я так выполняю свои обязанности учителя, чтобы в моей преданности и усердии не было никаких амбиций. Мне приходится сталкиваться с огорчениями и грубостью многих, но никто не ограничивает мою свободу. Я не пытаюсь льстить великим. Я не боюсь никого оскорбить. Благосостояние меня не прельщало. Я бестрепетно встречал самые жестокие бури и только милостью Божьей вышел из них невредимым. Я живу в добрых отношениях с ближними и стараюсь хранить дружбу»⁶⁴⁸.

⁶⁴⁶ Беза (XXI. 169): *Ut... inter dictandum saepe aliquot horas interturbatus statim ad dictata nullo commonefaciente rediret.*

⁶⁴⁷ Беза (XXI. 160): *Per decem minimum annos prandio abstinuit, ut nullum omnino cibum extra statam coenae horam sumeret, ut eum mirum sit phthisim effugere tam diu potuisse.* Далее (fol. 169) Беза говорит о Кальвине: *Victu sic temperato, ut a sordibus et ab omni luxu longissime abesset: cibi parvissimi, ut per multos annos semel quotidie cibum sumpserit, ventriculi imbecillitatem causatus.* Иногда он не ел по тридцать шесть часов. По совету врача в полдень он съедал яйцо и выпивал стакан вина.

Беза, сопровождавший Кальвина изо дня в день, так описывает его «обычные труды»: «В течение недели он проповедовал через день и читал лекции раз в три дня; в четверг он председательствовал на собрании пресвитеров (консистории); а в пятницу объяснял Писание на собрании, которое мы называли “конгрегацией”». Он подготовил к изданию несколько книг Писания с самыми учеными комментариями, отвечал на нападки врагов веры, а также вел обширную переписку по делам великой важности. Всякий, кто внимательно прочитает ее, поразится, как один человечек (*unicus homunculus*) мог совершить столько великих дел. Ему помогали Фарель и Вире⁶⁴⁹, но в то же время и он оказывал им большую поддержку. Их дружба и близость была ненавистна грешникам и радовала благочестивых. В самом деле, было чрезвычайно приятно видеть и слышать, как эти три выдающихся человека с такими разнообразными дарованиями делали дело Бога в церкви в таком согласии. Фарель отличался возвышенностью ума, так что никто не мог слышать его громогласных обличений, не испытывая дрожи, а его пылких молитв — не возносясь к небесам. Вире отличался таким утонченным красноречием, что слушателям хотелось прильнуть к его устам. А Кальвин наполнял умы слушателей многими весомыми мыслями, когда говорил. Я часто думал, что проповедник, который сочетал бы в себе дары этих троих людей, был бы совершенством. Помимо перечисленных занятий, у Кальвина было и много других, в связи с обстоятельствами внутренними и внешними. Господь так благословил его служение, что люди стекались к нему со всех концов христианского мира. Одни искали его совета в вопросах религии, другие хотели послушать его. Поэтому у нас в Женеве была итальянская, английская и даже испанская церковь и казалось, что город едва вмещает такое количество гостей. Но хотя Кальвина у нас любили благочестивые и боялись грешники, хотя он так чудесно всё организовал, были и люди, которые доставляли ему немало хлопот. Мы расскажем об этих спорах отдельно, чтобы потомство получило удивительный пример твердости, которой каждый может подражать в меру своих способностей»⁶⁵⁰.

Далее мы подробно рассмотрим поразительную деятельность Кальвина как реформатора: его церковную политику, его богословскую систему, его споры и его отношения и влияние на церкви других стран.

⁶⁴⁸ *Responsio ad Balduini Convicia* (Geneva, 1562), в *Opera*, vol. IX, 561-580. Бодуэн был способным юристом, но перебежчиком в области религии. Он умер в 1573 г. Об этом споре, в частности, см. *Responsio*, etc., *Opera*, VIII. 321 A, и Henry, vol. III, 549 sqq. У Лютера был похожий случай с Иоганном Агриколой (Айслебеном), его учеником и доверенным другом, который публично выступил против него и разжег антиномианский спор.

⁶⁴⁹ Они иногда приезжали в Женеву, один из Невшателя, другой из Лозанны.

⁶⁵⁰ *Vita Calv.* в *Opera*, XXI. 132.

ГЛАВА XIII

КОНСТИТУЦИЯ И ДИСЦИПЛИНА В ЖЕНЕВСКОЙ ЦЕРКВИ

§98. Литература

- I. CALVIN, *Institutio Christ. Religionis*, четвертая книга, где речь идет о церкви и таинствах. — *Les ordinances ecclésiastiques de l'église de Genève. Item l'ordre des escoles de la dite cité*. Gen., 1541. 92 pp. quarto; другое издание 1562, 110 pp. Репринт в *Opera*, X, fol. 15-30. (*Projet d'ordinances ecclésiastiques*, 1541). В том же томе есть также *L'ordre du College de Genève; Leges academicae* (1559), fol. 65-90; и *Les ordinances ecclésiastiques de 1561*, fol. 91-124. См. также *Prolegomena*, IX sq., и более ранний документ об организации и поклонении в церкви Женевы, 1537, fol. 5-14.
- II. ДОКТОР GEORG WEBER: *Geschichtliche Darstellung des Calvinismus im Verhältniss zum Staat in Genf und Frankreich bis zur Aufhebung des Edikts von Nantes*, Heidelberg, 1836 (pp. 872). Только две первые главы (pp. 1-32) посвящены Кальвину и Женеве; большая часть книги — это история французской Реформации до 1685 г. — С. В. HUNDESHAGEN: *Ueber den Einfluss des Calvinismus auf die Ideen von Staat, und staats-bürgerlicher Freiheit*, Bern, 1842. — *AMÉDÉE ROGET: *L'église et l'état à Genève du vivant de Calvin. Étude d'histoire politico-ecclésiastique, Genève, 1867* (pp. 92). См. также его *Histoire du peuple de Genève depuis la réforme jusqu'à l'escalade* (1536 — 1602), 1870 — 1883, 7 vols.
- III. HENRY, part II, chs. III-VI. См. его краткую биографию, pp. 165-196. — DYER, ch. III. — STÄHELIN, bk. IV (vol. I, 319 sqq.). — KAMPSCHULTE, I. 385-480. Это конец труда; vols. II-III не вышли из-за его преждевременной смерти (3 декабря 1872 г.), и их издание было поручено профессору Корнелию из Мюнхена (другу и коллеге покойного доктора Доллингера), но до сих пор он опубликовал только несколько фрагментов на конкретные темы, в издании Мюнхенской академии. См. стр. 230. MERLE D'AUBIGNÉ, bk. XI, chs. XXII-XXIV (vol. VII, 73 sqq.). Это его последние главы о Кальвине, до февраля 1542 г.; продолжению помешала его смерть в 1872 г.

§99. Представления Кальвина о Святой Католической церкви

Во время пребывания Кальвина в Страсбурге его взгляды на церковь и таинства созрели, и он воплотил их в четвертой книге второго издания своих «Наставлений», которое вышло в том же году, что и его «Комментарий на Послание к римлянам» (1539). Его идеал был возвышенным и емким. Он намного превышал то, что Кальвин мог реализовать на небольшой территории Женевы. «Может быть, ни в каком другом отношении, — говорит выдающийся шотландский ученый-пресвитерианин⁶⁵¹, — «Наставления» не замечательны так, как в определенной всеохватности и католичности тона, что может многим показаться странным, когда мы говорим о Кальвине. Но Кальвин был слишком просвещенным, чтобы не признавать величие католической идеи, которая прошла через столько веков.

⁶⁵¹Tulloch в *Luther and other Leaders of the Reformation*, p. 203 (3^d ed., 1883).

Эта идея действительно обладала особой привлекательностью для такого ума, как его, и он в своей собственной системе пытался придать той же самой идее новую и более возвышенную форму. Узость и нетерпимость его церковного правления проистекает не столько из общих принципов, изложенных в его «Наставлениях», сколько из его частного толкования и применения этих принципов».

Когда Павел был в заключении в Риме, прикованный к солдату-язычнику, а христианство представляло собой скромную группу верующих, рассеянных по враждебному миру, этот апостол возвещал ефесянам свое возвышенное представление о церкви как о мистическом «теле Христа, полноте Наполняющего всё во всём». Однако в этом же и других посланиях Павел считает нужным предостерегать членов того же самого святого братства верующих от таких вульгарных пороков, как воровство, несдержанность и блуд. Противоречие здесь только кажущееся. Оно исчезает, когда мы вспоминаем о разнице между идеальным и реальным, сущностным и феноменальным, церковью, какой ее задумал Христос, и церковью как сообществом людей, называющих себя христианами.

То же самое кажущееся противоречие мы находим и у Кальвина, Лютера и других реформаторов. Они с глубочайшим уважением относились к Святой Католической Церкви Христа, однако считали своей обязанностью протестовать со всей силой против злоупотреблений и развращенности реальной церкви своего времени, особенно против папской иерархии, которая правила ею деспотически. Мы можем здесь вспомнить и о протесте ветхозаветных пророков против развращенных священников. Сам Христос, Который признавал, что Бог руководил историей Израиля, и Который пришел, чтобы исполнить Закон и Пророков, очень сурово выступал против лицемерия и превознесения собственной праведности у книжников и фарисеев, которые заняли место Моисея. И Он был осужден первосвященником и иудейской иерархией на смерть на кресте. Эти прецеденты в Писании весьма помогают нам понять и оправдать курс реформаторов.

Ничто не может быть более католическим, чем описание исторической церкви у Кальвина. Оно напоминает лучшие фрагменты из святого Киприана или блаженного Августина. Объяснив смысл утверждений Апостольского символа веры о Святой Католической церкви как включающей в себя не только видимую церковь, но и всех избранных Богом, живых и усопших, Кальвин так говорит о видимой, или исторической, Католической церкви⁶⁵²:

Мы намерены сейчас поговорить о видимой церкви, и нам становится ясно даже из ее титула *матери*, сколь полезно и даже необходимо нам знать ее, так как нет другого способа вступить в жизнь, если мы не будем ею зачаты, рождены от нее, вскормлены ее грудью и постоянно хранимы ее заботой и попечением, пока мы не лишимся этой смертной плоти и не станем «как Ангелы» (Мф. 22:30). Ибо наша слабость не допускает освобождения из ее школы; мы должны продолжать слушать ее наставления и принимать ее воспитание до конца своей жизни. Следует также отметить, что без ее груди не может быть надежды на отпущение грехов, или же на спасение, согласно свидетельству Исаии (37:32) и Иоилия (2:32); это подтверждает и Иезекииль (13:9), когда осуждает тех, кого Бог отлучает от небесной жизни, чтобы не причислять к Своему народу. Напротив же, те, кто посвящает себя служению Богу, как сказано, видят свои имена начертанными в списке граждан Иерусалима. Вот почему псалмопевец говорит: «Вспомни о мне, Господи, в благоволении к народу Твоему; посети меня спасением Твоим, дабы мне видеть благоденствие избранных Твоих, веселиться веселием народа Твоего, хвалиться с наследием Твоим» (Пс. 105:4,5). В этих словах отеческая забота Бога и особое свидетельство духовной жизни

⁶⁵² Inst. IV, ch. I, §4; см. также §2 и 3.

ограничиваются Его стадом — чтобы мы усвоили, что всегда смертельно опасно отделяться от церкви⁶⁵⁴.

Притязания видимой церкви на нас так сильны, что даже ее повсеместная развращенность не может оправдать ухода из нее. Выступая против анабаптистов и других радикалов, которые попытались создать новую церковь обращенных непосредственно на основании Библии, без внимания к посредничеству исторической церкви, он говорит⁶⁵⁵:

Ужасны описания, в которых Исаия, Иеремия, Иоиль, Аввакум и другие оплакивают беспорядки в церкви Иерусалима. Всеобщая и крайняя развращенность народа, городских властей и священников была такова, что Исаия без колебаний сравнил Иерусалим с Содомом и Гоморрой. Религией отчасти пренебрегали, а отчасти она была извращена. Население страдало от воровства, грабежей, предательств, убийств и тому подобных преступлений.

Однако в связи с этим пророки никогда не создавали новые церкви и не строили новые жертвенники, чтобы приносить жертвы отдельно. Каким бы ни было поведение народа, они считали, что Бог поместил Свое Слово среди этого народа и учредил обряды для поклонения Себе, а потому воздымали к Нему чистые руки даже среди собраний нечестивых. Если бы они думали, что как-то осквернятся от этих богослужений, то, конечно же, они предпочли бы умереть сто раз, чем позволить себе участвовать в них. Им ничего не мешало туда не ходить, однако они хотели сохранить единство церкви.

Но если святые пророки из чувства долга не покидали церковь, несмотря на многочисленные и великие преступления, которые в ней творились, причем совершаемые не отдельными лицами, а почти всем народом, для нас было бы крайним высокомерием, если бы мы немедленно решили удалиться из церковной общины, поведение всех членов которой неприемлемо с нашей точки зрения и с точки зрения христианской веры.

А что творилось в век Христа и Его апостолов? Но ни предельная нечестивость фарисеев, ни распушенная жизнь народа не мешали им использовать те же жертвы и собираться в том же храме, что и другие, для совместного поклонения. И они поступали так в уверенности, что не могут оскверниться тем, что сообщество грешников участвует вместе с ними в одних и тех же обрядах.

Если на кого-то не действует авторитет пророков и апостолов, пусть обратят внимание на авторитет Христа. Киприан прекрасно заметил: «Хотя в церкви встречаются плевелы и нечистые сосуды, это не причина, по которой мы должны удаляться из нее. Это лишь побуждает нас трудиться, чтобы быть пшеницей, и использовать все свои достижения и силы, чтобы быть сосудами из золота или серебра. Разбивать глиняные сосуды — дело одного лишь Господа, Которому также вручен железный жезл. Пусть никто не присваивает себе в высокомерии прав Сына Божьего, не пытается просеивать муку, убирать солому и отделять все плевелы человеческим суждением. Это гордое упрямство и святотатственное высокомерие, которым порождается нечестивое рвение».

Давайте же остановимся на двух этих положениях как на принятых: во-первых, нет оправдания тому, кто добровольно покинет внешнее общение церкви, где проповедуется Слово Божье и отправляются таинства; во-вторых, ошибки ни нескольких человек, ни многих не являются препятствием для должного исповедания нашей веры в ходе обрядов, учрежденных Богом, поскольку благочестивая совесть не страдает от недостойности кого-то другого, будь то пастор или частное лицо, и таинства не становятся менее чистыми и благотворными для святого и праведного человека от того, что одновременно с ним их принимает неправедный.

Как же Кальвин, с такими возвышенными представлениями о церкви, мог оправдывать свое отделение от Римской церкви, в которой он родился и воспитывался? Он оправдывал свою позицию в ответе Садолету, большие фрагменты

⁶⁵⁴ *Ut semper exitialis sit ab ecclesia discessio.*

⁶⁵⁵ *Ibid.* IV, гл. 1, §§18, 19.

из которого мы приводили⁶⁵⁷. Более полно он сделал это в своем мастерском труде «О необходимости реформы в церкви», который, «от имени всех, кто желает правления Христа», он посвятил императору Карлу V и рейхстагу, который должен был собраться в Шпейере в феврале 1544 г. Там много веских доводов и точных знаний, и вообще это одна из самых талантливых полемических книг той эпохи⁶⁵⁸. Вот отрывок на данную тему⁶⁵⁹:

Последнее и основное обвинение, которое они выдвигают против нас, состоит в том, что мы устроили раскол в церкви. И они яростно отстаивают ту мысль, что ни по какой причине не законно нарушать единство церкви. О том, что они к нам несправедливы, свидетельствуют книги наших авторов. Однако пусть они получают этот краткий ответ: мы вовсе не несогласны с церковью и не отстраняемся от общения с нею. Но сколь бы они, используя драгоценное имя церкви, ни пускали пыль в глаза людей благочестивых и праведных сердцем, я прошу Ваше Императорское Величество и вас, светлейшие князья, во-первых, освободиться от всяких предрассудков и беспристрастно выслушать нашу защиту; а во-вторых, не пугаться сразу же, услышав имя церкви, но вспомнить, что и пророки, и апостолы имели, в церкви своего времени, споры, подобные тем, что происходят у нас в наше время с римским понтификом и всей его свитой. Когда пророки и апостолы, по повелению Бога, выступали против идолопоклонства, суеверия и обмирщения храма и его священных обрядов, против беспечности и летаргии священников и против общей жадности, жестокости и разврата, они постоянно сталкивались с возражением, которое на устах и у наших оппонентов, — что будто бы самим своим несогласием с общим мнением они нарушают единство церкви. Тогда церковью управляли священники. Не они сами присвоили себе высокомерно это руководство, но Бог доверил им его согласно Своему закону. Потребовалось бы слишком много времени, чтобы перечислить все примеры, но давайте удовлетворимся одним, случаем Иеремии.

Иеремиа вынужден был столкнуться со всей совокупностью священников, и оружие, с которым они выступили против него, было таким: «Придите, составим замысел против Иеремии; ибо не исчез же закон у священника и совет у мудрого, и слово у пророка; придите, сразим его языком и не будем внимать словам его» (Иер. 18:18). Среди них был и первосвященник, отвергать суд которого было тяжким преступлением, и у них был весь орден, которому Сам Бог доверил управление иудейской церковью. Если единство церкви действительно нарушается человеком, который, руководствуясь исключительно Божьей истиной, выступает против властей, тогда пророк и правда был раскольников, потому что он, не боясь угроз, упорно продолжал бороться с грехами священников.

Мы готовы доказать, что вечная истина Бога, которую проповедовали пророки и апостолы, на нашей стороне, и воистину всякий с легкостью поймет это. Но на нас нападают с тараном, заявляя: «Ничто не оправдывает ухода из церкви». А мы вновь и вновь отрицаем, что так делаем. Что они возражают нам? Что им принадлежит управление церковью. Но разве враги Иеремии не имели право использовать этот аргумент? Они были законными священниками, которых поставил Бог, так что их призвание было несомненно. А те, кто в настоящее время носит имя прелатов, не могут доказать свое призвание никакими законами, человеческими или божественными. Даже если бы они, выступая против нас с драгоценным титулом церкви, могли это доказать, они все равно ничего не докажут, если прежде не заявят, что святой пророк Божий был раскольников.

Итак, я привел в пример одного пророка. Но все другие сообщают, что выдерживали такие же битвы — грешные священники пытались подавить их, используя

⁶⁵⁷ См. §91.

⁶⁵⁸ *Supplex exhortatio ad Caesarem Carolum V de necessitate reformandae Ecclesiae*, 1543, в *Opera*, VI. 453-534. Английский перевод — Henry Beveridge, *Calvin's Tracts*, I. Страсбургские издатели называют книгу *libellus et ab argumenti gravitate et a stili elegantia prae caeteris commendandus, hodieque lectu dignissimus. Proleg.*, p. xxviii. Кальвин написал эту книгу по просьбе Бупера, который говорит ему об этом в письме от 25 октября 1543 г. Она вышла и на французском языке.

⁶⁵⁹ *Opera*, VI. 518 sqq.; Beveridge, *l. c.*, 211 sqq. См. также *Institutes*, IV, ch. II, §6-12.

слово «церковь». И как поступали апостолы? Разве для них не было необходимо объявить войну синагоге, чтобы быть слугами Христа? Да, необходимо, но от этого не исчезли ни должность, ни сан священников. И правильно будет сказать, что пророки и апостолы хотя и не соглашались с грешными священниками в плане учения, однако продолжали общаться с ними в жертвоприношениях и молитвах. Я согласен, что они поступали так, если такое не оборачивалось идолопоклонством. Но читали ли мы, чтобы кто-то из пророков приносил когда-либо жертвы в Вефиле? А кто из верных участвовал в нечистых жертвоприношениях, когда храм был осквернен Антиохом и в нем отправлялись языческие ритуалы?

В целом мы делаем вывод, что слуги Божьи никогда не внимали возражениям, опирающимся на титул церкви, если эти возражения использовались для укрепления царства греха. Недостаточно просто произнести имя церкви. Надо еще с помощью разума убедиться, что это истинная церковь и какова природа ее единства. И здесь прежде всего не следует путать церковь со Христом, ее Главой. Когда я говорю о Христе, я включаю сюда и учение о Его Благой Вести, скрепленной Его кровью. Итак, если наши противники хотят убедить нас, что они — истинные христиане, они прежде всего должны показать, что с ними — истинное учение о Боге; и таков смысл того, что мы часто повторяем, а именно, что единство упорядоченной церкви состоит в проповеди здорового учения и в чистом отправлении таинств. Ибо Павел говорит (Еф. 2:20), что церковь «утверждена на основании Апостолов и пророков», и отсюда обязательно следует, что всякая церковь, которая не покоится на этом основании, немедленно упадет.

Теперь я перехожу к нашим оппонентам.

Они, без сомнения, в возвышенных выражениях хвалятся тем, что Христос на их стороне. Когда это будет видно из их слов, мы поверим в это, но не раньше. Они также настаивают на термине «церковь». Но где у них, спрашиваем мы, то учение, которое Павел объявил единственным основанием церкви? Без сомнения, Ваше Императорское Величество теперь видит, что есть большая разница между обоснованным обличением нас и нападками на нас с одним лишь именем церкви. Мы, как и они, готовы признать, что люди, покидающие церковь, общую мать верующих, «столп и утверждение истины», отказываются и от Христа; но мы имеем в виду церковь, которая, из нетленного семени, порождает детей для бессмертия, а застав их, питает духовной пищей (это семя и пища — Слово Божье) и которая своим служением сохраняет всю ту истину, которую Бог поместил в ее лоно. Это качество, несомненное и безошибочное, — знак того, что Сам Бог запечатлен в Своей Церкви, так что ее можно без труда узнать. Если же речь идет только о ее имени, то нам остается лишь процитировать известное место из Иеремии: «Не надейтесь на обманчивые слова: “здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень”» (Иер. 7:4). «Не соделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Мое? Вот, Я видел это, говорит Господь» (Иер. 7:11).

Подобным же образом для нас священно единство церкви, как описывает его Павел, и мы объявляем анафему всем, кто каким-то образом нарушает его. Принцип, на котором Павел основывает единство, — «один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех», Который призвал нас к единому упованию (Еф. 4:4-6). Следовательно, мы — одно тело и один дух, и мы едины, если принадлежим только Богу, то есть связаны друг с другом узами веры. Более того, мы должны помнить о том, что сказано в другом месте: «Вера от слова Божия». Так что между нами обязательно должно существовать святое единство, чтобы мы, соглашаясь с чистым учением, были объединены во Христе. Воистину, если бы согласия только в каком-то одном из учений было бы достаточно, то как церковь Бога отличалась бы от нечестивых сект грешников? Поэтому апостол далее добавляет, что служение было учреждено «для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения, но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос» (Еф. 4:12-15). Мог ли апостол более ясно объять все единство церкви в святом согласии с истинным учением, нежели призывая нас обратно ко Христу и к вере, включающей в себя знание о Нем и послушание Его истине? Никакое более длинное доказательство этого не нужно тем, кто верит, что церковь — это стадо, Пастырь которого — Христос, где слышен

только Его голос, отличный от голоса чужаков. И это подтверждает Павел, когда молится о римлянах: «Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Иисуса Христа, дабы вы единодушно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа» (Рим. 15:5,6).

Пусть же наши оппоненты прежде всего приблизятся ко Христу, а потом пусть убеждают нас в расколе, когда мы осмеливаемся не соглашаться с их учением. Но так как я ясно объяснил, что Христа в их обществе нет и учения Его Евангелия тоже, то и их обвинения против нас просто означают, что мы служим Христу, а не они. Ибо какой человек поверит, что те, кто не разрешает уводить себя от Христа и Его истины в подчинение людям, превращаются в раскольников и покидают сообщество церкви?

Я, конечно, признаю, что священников следует уважать и что очень опасно выступать против властей. Если бы они говорили, что мы не имеем права сопротивляться властям, мы охотно согласились бы с ними. Мы не настолько бесчувственны, чтобы не видеть, какие беспорядки могут возникнуть, если правителей не уважают. Поэтому пусть к пастырям относятся с должным уважением — но это уважение никоим образом не умаляет высшей власти Христа, Которому подобает подчиняться им и всем людям. Ибо Бог заявляет через Малахию, что правление церковью Израйля было поручено священникам при том условии, что они будут преданно выполнять завет, с ними заключенный, то есть «уста» их «должны хранить ведение», а значит, разъяснять народу закон (Мал. 2:7). Если священники не выполняли это условие, завет становился напрасным. Пастыри ошибаются, считая, что им поручено управление церковью на каких-то других условиях, кроме как на условиях служения и свидетельства о Божьей истине. И пока они, вопреки закону и природе собственного служения, ведут войну с Божьей истиной, пусть они не пытаются использовать ту власть, которую Бог не давал ни ранее священникам, ни сейчас епископам ни на каких других условиях, кроме упомянутых выше.

Когда сторонники Рима требовали от реформаторов чудес в доказательство истинности их нововведений, Кальвин отвечал, что это «неразумно, ибо мы не создаем нового евангелия, но сохраняем то же, истина которого была подтверждена чудесами Христа и апостолов. Оппоненты выдвигают против нас тот довод, что они подтверждают свою веру постоянными чудесами, вплоть до наших дней. Но эти якобы чудеса скорее будоражат умы, чем укрепляют их. Они поверхностны и смешны или пусты и ложны. Да будь они и сверхъестественны, они не перевешивают истину Божью, так как имя Бога свято во всех местах и во все времена, будь то в чудесных явлениях или в общих законах природы»⁶⁶⁰.

Лютеру было свойственно такое же отношение к Католической церкви, и он выступал в своих произведениях против радикализма. В послании к маркграфу Бранденбургскому и герцогу Прусскому (1532) он говорит: «Опасно слышать или верить чему-либо, что выступает против единодушного свидетельства всей христианской церкви, которого от начала придерживались вот уже более полутора тысяч лет во всем мире»⁶⁶¹. Однако он защищал свободу совести и частного суждения на Вормском рейхстаге, против пап и соборов, потому что полагал «небезопасным поступать против совести, которая опирается на Слово Божье».

⁶⁶⁰ В посвящении «Наставлений» Франциску I.

⁶⁶¹ *Briefe*, De Wett's ed. IV. 354. Еще более поразительно суждение Лютера о Римской церкви (в его книге против анабаптистов): *Ich sage, dass unter dem Papst die wahre Christenheit ist; ja der rechte Ausbund der Christenheit, und viel frommer grosser Heiligen* (Werke, XXVI. 257, Erlangen ed.). Мелер (в своей *Symbolik*, pp. 421, 437) находит в этих фразах столько самокритики в адрес отделения реформаторов от Католической церкви, что даже забывает о простом факте: их выгнали оттуда с проклятиями и анафемами.

§100. Видимая и невидимая церковь

См. т. VII, §85 и упомянутую там литературу.

Различие между реальным и номинальным христианством так же старо, как церковь, и никогда не отрицалось. «Много званых, но мало избранных». Мы можем знать всех, кто призван, но только Бог знает, кто на самом деле избран. Притчи о плеведах и неводе показывают, что в царстве небесном есть хорошие и плохие люди из этого мира и что окончательное их разделение произойдет только в судный день⁶⁶². Павел отличает внешнее обрезание плоти и внутреннее обрезание сердца, плотской Израиль и духовный Израиль. О язычниках же он говорит: даже если они и не знают письменный закон, но «по природе законное делают», то они оказываются в состоянии осудить «преступников закона при Писании и обрезании» (Рим. 2:26-27). Как следствие, он утверждает, что Божья милость не ограничивается пределами видимой церкви⁶⁶³.

Августин различает истинное тело Христа, которое состоит из избранных детей Бога от начала, и смешанное тело Христа, которое включает в себя всех крещеных⁶⁶⁴. В средние века церковь отождествлялась с владениями папства, и постулат Киприана: *extra ecclesiam nulla salus* {«вне церкви никакого спасения»} сузился до *extra ecclesiam Romanam nulla salus* {«вне Католической церкви никакого спасения»}, что исключало не только любые еретические секты, но и Греческую Православную церковь. Виклиф и Гус, выступавшие против злоупотреблений папской церкви, обновили разграничение Августина, но с иным, и менее удачным делением на собрание предопределенных, или избранных, и на собрание тех, кто был только предузнан⁶⁶⁵.

Реформаторы ввели термины «видимая» и «невидимая» церковь. И они имели в виду не две разных и отдельных церкви, а, скорее, два класса христиан в одной и той же общине. Невидимая церковь находится в видимой, как душа в теле или зерно в оболочке, но только Бог с точностью знает, кто принадлежит к невидимой церкви и будет спасен. В этом смысле Его истинные дети незримы, то есть людям непросто узнать и увидеть, кто именно спасен. Мы можем спорить с терминологией, но это разграничение реально и важно.

Лютер, который открыто поддерживал взгляды Гуса, высказанные на диспуте в Лейпциге, первым применил термин «невидимый» к истинной церкви, о которой говорится в Апостольском символе веры⁶⁶⁶. В Аугсбургском исповедании церковь определена как «собрание святых (или верующих), в котором учат чистому Евангелию и правильно отправляют таинства». Это определение слишком узко для невидимой церкви и не касается баптистов и квакеров⁶⁶⁷.

Реформатское учение распространяет область невидимой (или истинной) церкви и саму возможность спасения сверх границ видимой церкви и утверждает,

⁶⁶² Мф. 13:24-30, 47-49.

⁶⁶³ Рим. 2:14, 15, 28, 29; Кол. 2:11.

⁶⁶⁴ *Corpus Christi merum* и *corpus Christi mixtum*. De Doctr. Christ., III. 32; De Baptismo contra Donatistas, IV. 5. Донатист Тихоний использовал менее подходящее определение — «двухчастное тело Христа» (*corpus Christi bipartitum*).

⁶⁶⁵ См. трактат Виклифа *De Ecclesia*, Loserth, 1886. Гус в своем трактате на ту же тему повторяет взгляды Виклифа.

⁶⁶⁶ Он говорит об *ecclesia invisibilis* в своем втором комментарии на Галатов (vol. III, 38, Erlangen ed.). В лютеранских символах веры не используется этот термин, но есть это учение.

⁶⁶⁷ В девятой статье Аугсбургского исповедания явно осуждаются анабаптисты, отвергающие крещение младенцев и утверждающие, что некрещеные дети спасены.

что Божий Дух не связан обычными средствами благодати, но может действовать и спасать «когда, где и как пожелает»⁶⁶⁸. Цвингли первым вводит в обиход совместное использование обоих терминов. Он подразумевает под «видимой» церковью сообщество всех, кто называет себя христианами, а под «невидимой» — совокупность истинных верующих всех времен⁶⁶⁹. Он включал в невидимую церковь всех благочестивых язычников и всех младенцев, умерших в раннем возрасте, независимо от того, были они крещены или нет. Но таких либеральных взглядов, предвосхищавших современные мнения, в то время придерживался почти что он один⁶⁷⁰.

Кальвин проводит более четкое разграничение, более полное, чем кто-либо из реформаторов, и его взгляды были отражены во Втором Гельветическом, Шотландском, Вестминстерском и других реформатских исповеданиях.

Слово «церковь», — говорит он⁶⁷¹, — используется в Священном Писании в двух смыслах. Иногда «церковь» — это та, которая действительно является таковой в глазах Бога (*quae revera est coram Deo*) и в которую не принимается никто, кроме тех, кто посредством усыновления и благодати есть дети Божьи, а через освящение Духа — истинные члены Христа. И в таком случае она включает в себя не только святых, живущих на земле в одно время, а всех избранных, живших от сотворения мира.

Но слово «церковь» часто используется в Писании, чтобы обозначить и всё множество людей, рассеянных по миру, которые исповедуют поклонение единому Богу и Иисусу Христу, которые посвящены в эту веру посредством крещения, которые присоединяют себя к истинному учению и делам милосердия через участие в вечере Господней, которые соглашаются со Словом Господа и несут служение, предусмотренное Христом, чтобы распространялось Его учение. В такой церкви есть много лицемеров, у которых от Христа есть только Его имя и видимость, и много людей амбициозных, жадных, завистливых, богохульных, распущенных, которых такая церковь терпит какое-то время либо потому, что они не могут быть обличены в их греховности, либо потому, что дисциплина не всегда достаточно строга.

А поскольку, как мы полагаем, невидимая церковь, которую не видим мы, известна одному лишь Богу, то нам и велено чтить видимую церковь, которую видят люди, и общаться с нею.

Кальвин не заходит так далеко, как Цвингли, и не расширяет количество избранных, но в его принципах ничто не мешает такому расширению. Он утверждает, что спасение зависит от Божьей благодати, а не от видимых средств ее передачи. Он включает в невидимую церковь «всех избранных, которые жили от сотворения мира», в том числе тех, кто исторически не имел знания о Христе. Он

⁶⁶⁸ См. Вестминстерское исповедание, гл. X. 3.

⁶⁶⁹ *Expos. Christ. Fidei* (написано в 1531 г. и издано Буллингером в 1536 г.): *Credimus et unam sanctam esse, h. e. universalem ecclesiam. Eam autem esse aut visibilem aut invisibilem. Invisibilis est, juxta Pauli verbum, quae coelo descendit, hoc est, qua Spiritu Sancto illustrante Deum cognoscit et amplectitur. De ista ecclesia sunt quotquot per universum orbem credunt. Vocatur autem invisibilis non quasi qui credunt sint invisibiles, sed quod humanis oculis non patet quinam credant; sunt enim fideles soli Deo et sibi perspecti. Visibilis autem ecclesia non est Pontifex Romanus cum reliquis cidarim gestantibus, sed quotquot per universum orbem Christo nomen dederunt* (*Opera*, IV. 58. Niemeyer, *Coll. Confess.*, p. 53). Цвингли учит такому же различию, но без использования этих терминов, в своем более раннем вероисповедании, посвященном Карлу V. См. Niemeyer, p. 22.

⁶⁷⁰ См. выше, §29, 45, 54. Буллингер, вероятно, соглашался с либеральными взглядами своего уважаемого учителя и друга, как мы можем понять из его неумелой похвалы в адрес последнего вероисповедания Цвингли, где тот подчеркивает идею спасения благочестивых язычников. Буллингер опубликовал его через пять лет после смерти Цвингли и говорит в предисловии, что в этой книге Цвингли превзошел самого себя (*hoc libello sese superans de vera fide nescio quid cygneum vicina morte cantavi*).

⁶⁷¹ *Inst.*, bk. IV, ch. I, §7.

говорит, соглашаясь с Августином: «Согласно тайному Божьему предопределению, *есть много овец вне загона церкви* и много волков внутри него. Ибо Бог знает и запечатлевает тех, кто не знает ни Его, ни себя. А среди тех, кто внешне носит Его печать, только Его взор может распознать святых, которые устоят до конца, до полноты спасения». Но в продолжение он говорит, что мы, в милосердии, должны признавать членами церкви «всех тех, кто исповедует веру, живет образцовой жизнью и участвует в таинствах, поклоняясь тому же Богу и Христу, что и мы»⁶⁷².

§101. Гражданское управление

О гражданском управлении см. *Institutes*, IV, ch. XX, *De politica administratione* (в Tholuck ed. II. 475-496).

Кальвин обсуждает природу и функции гражданского управления в последней главе своих «Наставлений» подробно, проявляя талант и мудрость государственного деятеля.

Он утверждает, что церковь может сосуществовать с любой формой правления и с любыми социальными условиями, в том числе с рабством (1 Кор. 7:21). Правительство любого рода необходимо человечеству в этом мире, как хлеб и вода, свет и воздух; и хорошо, когда оно защищает жизнь и собственность, поддерживает закон и порядок, позволяет людям мирно жить вместе и добиваться своих целей.

Что касается разных форм правления, то Кальвин обсуждает достоинства монархии, аристократии и демократии. Все они совместимы с христианством и требуют нашего послушания. С каждой из систем связаны свои преимущества и опасности. Монархия легко вырождается в деспотизм, аристократия — в олигархию или возвышение немногих, демократия — во власть толпы и бунт. Кальвин предпочитает смесь аристократии и демократии. Он привнес более аристократический дух в демократическую республику Женевы и видел прецедент в правительстве Моисея с семьюдесятью старейшинами, выбранными из самых мудрых и лучших представителей народа. Он полагает более безопасным, когда правление находится в руках многих, нежели одного, потому что эти многие могут помогать друг другу, сдерживать высокомерие и амбиции.

Гражданское правительство имеет божественное происхождение. «Существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1). «Мною цари царствуют и повелители узаконяют правду» (Пр. 8:15). Городские власти названы «богами» (Пс. 81:1,6, и это место использовал Христос, Ин. 10:35), потому что Бог облек этих людей властью и сделал Своими заместителями. «Городские власти не только святы и законны. Это самое святое и уважаемое в человеческой жизни». Подчинение законному правительству — обязанность каждого гражданина. Сопротивляться правительству — значит пренебрегать Божьими законами (Рим. 13:3,4; см. также Тит. 3:1; 1 Пет. 2:13,14). Павел призывает Тимофея на совместных собраниях «совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2:1,2). Мы должны подчиняться даже плохим правителям и молиться за них, в терпении и кротости снося все, пока Бог не совершит Свой суд. Наказание преступников —

⁶⁷² *Inst.*, IV, ch. I, §10.

дело исключительно Бога и властей. Иногда Бог наказывает народ, посылая ему грешных правителей, а потом наказывает и их. Мы, как личности, должны терпеть, а не бунтовать. Мы должны не подчиняться только в одном случае — если гражданское правительство требует от нас того, что противоречит воле Бога и нашей совести. Тогда мы должны «повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5:29)⁶⁷³.

Кальвин, таким образом, решительно поддерживал власть государства. Он не одобрял и не поощрял активное сопротивление гугенотов в начале гражданских войн во Франции, хотя и не выступал против него.

Кальвин распространял авторитет и обязанности гражданского правительства на обе скрижали закона. Он утверждает, что в христианском обществе правительство обязано «хранить и поддерживать поклонение Богу, хранить истинное религиозное учение, защищать законы церкви и управлять нашей жизнью так, как того требует общественное благополучие». Он подкрепляет это мнение строками Ветхого Завета и цитирует отрывок из Ис. 49:23 о том, что цари должны быть «питателями», а царицы — «кормилицами» церкви. Он ссылается на примеры Моисея, Иисуса Навина и судей, Давида, Иосии и Езекии.

И такими взглядами оправдываются религиозные гонения со стороны государства, поскольку преступления против церкви есть преступления против государства, и наоборот. А потому преступления против церкви должны наказываться штрафами, тюремным заключением, изгнанием, а если необходимо, то и смертью. На этом основании казнь Сервета и других еретиков была оправдана всеми, кто придерживался той же теории. К счастью, такая теория не подкрепляется нигде в Новом Завете и прямо противоречит духу Евангелия.

Женева, после освобождения от власти епископа и герцога Савойского, была самоуправляемой республикой под протекцией Берна и Швейцарской конфедерации. Гражданское правительство обладало епископской властью и было сначала за Реформацию, потом против нее, а в конце стало постоянно ее поддерживать.

Республика состояла из граждан всех возрастов, которые собирались ежегодно на общей ассамблее (*conseil général*), обычно в соборе Св. Петра, под звук колоколов и труб, для ратификации законов и выбора должностных лиц. Административная власть находилась в руках четырех мэров, законодательная — в руках двух советов, совета шестидесяти и совета двухсот. Первый совет существовал с 1457 г., второй был учрежден в 1526 г., после союза с Фрейбургом и Берном, в подражание конституции этих и других швейцарских городов. Члены совета шестидесяти были и членами совета двухсот. В 1530 г. совет двухсот приобрел право выбирать малый совет, из двадцати пяти человек, который был частью двух других советов и ранее избирался мэрами. Реальной властью обладали мэры и малый совет двадцати пяти. Это была олигархия с законодательными, исполнительными и судебными функциями.

Кальвин не менял сложившиеся правительственные формы республики, но внес в них христианский и дисциплинарный дух и улучшил законодательство. Ему, вместе с мэрами Розе, Порралем и Баларом, было поручено составить новый

⁶⁷³ Он завершает свои «Наставления» следующим утверждением: «Так как небесный глашатай Петр возвестил, что “должно повиноваться больше Богу, нежели человекам”, давайте утешать себя той мыслью, что мы воистину проявляем послушание, которого требует от нас Бог, когда страдаем, чтобы не отойти от благочестия. И чтобы наши сердца не подвели нас, Павел вдохновляет нас такой мыслью: Христос искупил нас, заплатив на нас настолько безграничную цену, что мы не должны подчиняться грешным желаниям людей и тем более становиться рабами их бесчестия» (1 Кор. 7:23).

свод законов уже 1 ноября 1541 г.⁶⁷⁴ Он посвятил этой работе много времени и обращал внимание на мельчайшие детали отправления правосудия, службы городской полиции, организации военных сил, пожарных, стражи на башнях и т. д.⁶⁷⁵

Город выразил благодарность, подарив ему «бочонок древнего вина» за эти услуги⁶⁷⁶.

Многие из законов Кальвина оставались в силе до XVIII века.

С Кальвином советовались насчет всех важных государственных дел и обычно прислушивались к его словам, но он никогда не занимал никакого политического или гражданского поста. Он даже не был гражданином Женевы до 1559 г. (через восемнадцать лет после его второго приезда) и никогда не появлялся на советах, если там не велись споры о каком-то церковном вопросе или если к нему не обращались за помощью. Так что называть его главой республики ошибочно, если не понимать это главенство в чисто интеллектуальном и моральном смысле.

Свод законов был пересмотрен, с помощью Кальвина, его другом Жерменом Колладоном (1510 — 1594), выдающимся юрисконсультom и представителем известного семейства французских беженцев, осевших в Женеве. Пересмотр законов был начат в 1560 г., новый закон был обнародован в 1568 г.⁶⁷⁷

Среди законов Женевы мы упомянем закон о печати, древнейший в Швейцарии, датированный 15 февраля 1560 г. Законы, ограничивавшие свободу печати, существовали и раньше, особенно в Испании. Александр IV, испанец, в 1501 г. выпустил буллу, в которой велел немецким прелатам более тщательно следить за деятельностью печатников. Фердинанд и Изабелла Католики учредили цензуру, которая запрещала, под страхом строгого наказания, печатание, ввоз и продажу книг, которые не проходили предварительную проверку и не были разрешены. Рим перенял эту практику. Другие страны, как протестантские, так и католические, последовали его примеру. В России до сих пор существуют строжайшие ограничения свободы печати.

Закон о печати в Женеве был сравнительно умеренным. Надзор за нею должны были осуществлять три осмотрительных и опытных человека, назначенных правительством. Эти люди имели право назначать способных и достойных доверия печатников, изучать все книги перед их печатанием, предотвращать появление папистских, еретических и неверных трудов, защищать права печатников от пиратства. Но Библии, катехизисы, сборники молитв и псалмов могли печатать все. Издание новых переводов Писания поощрялось⁶⁷⁸.

⁶⁷⁴ *Reg. du Conseil*, в *Annal.*, vol. XXI. 287. См. также vol. X, pars I, 125.

⁶⁷⁵ В Большой герцогской библиотеке в Готе хранится несколько черновиков Кальвина, написанных им собственноручно, о разных вопросах гражданского управления, особенно о реформе судебных заседаний. Они опубликованы в *Opera*, X, pars I. 125-146. *Nicht ohne Bewunderung*, — пишет Кампшюльте (I. 416), — *sehen wir in ihnen den gelehrten Verfasser der Institution selbst den untergeordneten Fragen der städtischen Verwaltung und Polizei seine Aufmerksamkeit zuwenden. Da finden wir ausführliche Instructionen für den Bauaufseher, Anordnungen für den Fall einer Feuersbrunst, Anweisungen für den Aufseher des städtischen Geschützwesens, Verhaltensregeln sogar für den Nachtwächter, für die Ketten-, Thor-, und Thurmhüter.*

⁶⁷⁶ *Resoluz quil luy soyt donncung bossot de vin vieux de celluy de l'hospital. Registre du Conseil*, 17 ноября 1542 г., цит. в *Annal.*, vol. XXI, 305, и в *Opera*, X. P. 1. 125.

⁶⁷⁷ О семействе Колладонов см. *La France Protestante*, IV. 510 sqq. (2^d ed. Bordier). Другим выдающимся представителем этой семьи был Никола Колладон, который опубликовал жизнеописание Кальвина в 1565 г. и стал его преемником на кафедре богословия в 1566 г.

⁶⁷⁸ Испанская цензура применялась к переводам Библии на народные языки, к трудам Эразма, ко всем протестантским книгам, к мистикам и иллюминатам, к молинистам и квиетистам. Естественным следствием этой тирании был упадок интеллектуальной и литературной дея-

Цензура печати просуществовала в Женеве до XVIII века. В 1600 г. совет запретил печатать очерки Монтеня, а в 1763 г. был приговорен к сожжению «Эмиль» Руссо.

Однако следует отметить, что под влиянием Кальвина Женева стала одним из важнейших центров книгопечатания. Знаменитый Робер Стефан (Этьен, 1503 — 1559), которого отвергла парижская Сорбонна, обосновался в Женеве после смерти своего отца Анри, как убежденный протестант, и выпустил здесь два издания еврейской Библии и одно издание греческого Нового Завета, а также Вульгату и переводы Эразма в 1551 г., в которых впервые используется разбиение текста на стихи, какое мы привыкли видеть сегодня. Ему мы обязаны существованием *Thesaurus Linguae Latinae* (3-е издание, 1543, в 4 томах), а его сыну Анри — существованием *Thesaurus Linguae Graecae* (1572, 4 тома). Беза выпустил несколько изданий своего греческого Нового Завета в Женеве (1565 — 1598), которые в основном использовались создателями Перевода короля Иакова. В этом же городе появился на свет перевод Нового Завета на английский язык Уиттингема (1557), а потом и перевод всей Библии (1560). Это так называемая Женевская Библия (она же — «бриджевская Библия», по переводу Быт. 3:7 {где вместо «опоясания» стояло слово «бриджи»}), которая в течение долгого времени была самым популярным переводом на английский язык и с 1560 по 1630 г. выдержала около двухсот изданий⁶⁷⁹. Женева сохранила свою репутацию литературного города по сей день.

§102. Отличительные особенности церковной политики Кальвина

Кальвин был законодателем и основателем новой системы церковной политики и дисциплины. У него было юридическое образование, которое оказалось весьма полезно для организации реформатской церкви Женевы. Если бы он жил в средние века, он мог бы стать Гильдебрандом или Иннокентием III. Но дух Реформации требовал реконструкции церковного управления на евангельской и народной основе.

Кальвин уделял большое внимание внешней организации и порядку в церкви, но в подчинении здравому учению и внутренней духовной жизни. Он сравнивает внешнюю организацию и порядок с телом, в то время как учение, которое управляет поклонением Богу и указывает путь к спасению, есть душа, которая оживляет тело, делает его активным⁶⁸⁰.

Кальвинистическая система церковной политики основана на следующих принципах, которые оказали большое влияние на развитие протестантизма.

1. Автономия церкви, или ее право на самоуправление при единовластии Христа.

тельности. См. H. C. Lea, *Chapters from the Religious History of Spain connected with the Inquisition*, Philadelphia, 1890.

⁶⁷⁹ *The Bibles in the Caxton Exhibition*, London, 1878, p. 95.

⁶⁸⁰ *De necessitate reformandae Ecclesiae* (Opera, VI. 459 sq.): *Regimen in ecclesia, munus pastorale, et reliquus ordo, una cum sacramentis, instar corporis sunt, doctrina autem illa, quae rite colendi Dei regulam praescribit, et ubi salutis fiduciam debeant hominum conscientiae ostendit, anima est, quae corpus ipsum inspirat, vividum et actuosum reddit; facit denique, ne sit mortuum et inutile cadaver.*

Римская Католическая церковь также претендует на автономию, но в иерархическом смысле и под контролем папы, который, как зримый наместник Христа, требует пассивного подчинения от священников и народа. Кальвин передает право самоуправления христианской общине и считает всех служителей Евангелия, в их официальном качестве, вестниками и представителями Христа. «Только Христос, — говорит он, — должен править и царить в церкви и обладать высшим положением в ней, и правление в церкви должно осуществляться и руководиться исключительно Его Словом. Однако, поскольку Он зримо не присутствует среди нас, чтобы объявлять нам о Своей воле, Он использует служение людей, которых назначает Своими делегатами, — но не передавая им Свое право и честь, а только совершая Свое дело их устами, подобно тому как ремесленник использует орудие труда для выполнения работы»⁶⁸¹.

Однако на практике автономия как римско-католической иерархии, так и протестантских церквей более или менее ограничивается и контролируется гражданским правительством, если церковь и государство едины и если государство поддерживает церковь. Ибо для самоуправления необходимо самофинансирование. Кальвин хотел учредить синоды и сделать клир независимым от патронажа государства, но не преуспел в этом.

Лютеранские реформаторы подчинили церковь светским правителям и сделали из церкви послушную служанку государства, но сильно жаловались на эгоистичное и деспотическое правление князей. Конгрегации большинства лютеранских стран Европы не имеют права голоса при выборе собственных пасторов. Реформаторы немецкой Швейцарии дали больше власти народу в демократической республике и ввели синоды, но тоже отдали верховную власть в руки гражданского правительства нескольких кантонов. В монархической Англии управление церковью узурпировал и осуществлял Генрих VIII и, в более мягкой форме, королева Елизавета и ее наследники, а епископы молчаливо соглашались с этим. Церкви под влиянием Кальвина всегда сохраняли, по крайней мере теоретически, независимость церкви в духовных вопросах и право отдельных общин избирать собственных пасторов. Кальвин подтверждает это право греческим глаголом, который используется там, где Павел и Варнава назначали пресвитеров на основании требований или голосования народа⁶⁸². «Эти два апостола, — говорит он, — рукоположили пресвитеров, но весь народ, по обычаю, принятому у греков, объявил посредством поднятия рук, кого они выбирают... Представляется невероятным, чтобы Павел дал Тимофею и Титу больше власти (1 Тим. 5:22; Тит. 1:5), чем он имел сам». Прочитав в подтверждение два отрывка из Киприана, Кальвин приходит к выводу, что самый апостольский и лучший способ выбора пасторов — с согласия всего народа; однако другие пасторы должны руководить избранием, «чтобы не дать толпе сделать неправильный выбор из-за непосредственности, интриг и путаницы»⁶⁸³.

Пресвитерианская церковь Шотландии боролась и страдала за принцип единого главенства Христа больше, чем любая другая протестантская церковь, — сначала выступал против папства, потом против прелатов, и наконец, против патронажа. В Северной Америке этот принцип почти повсеместно признается.

⁶⁸¹ *Inst.*, IV, ch. III, §1.

⁶⁸² Деян. 14:23, *χειροτονήσαντες*, голосование посредством поднятия руки.

⁶⁸³ *Inst.*, IV, ch. III, §15; см. также ch. IV, §11 sqq., где он цитирует старое правило: «Пусть тот, кто председательствует, будет избран всеми».

2. Равенство клириков, в отличие от *jure divino* иерархии, будь она папской или прелатской.

Кальвин утверждал, вслед за Иеронимом, изначальное тождество епископов (блюстителей) и пресвитеров (старейшин). В этом его поддерживают современные толкователи и историки⁶⁸⁴.

Но на этом основании Кальвин не отрицал все различия между служителями, основанные на человеческом праве и законах исторического развития, и не отрицал необходимости приспособлять устройство церкви к меняющимся условиям и обстоятельствам. Он не был сторонником исключительности или фанатичным пресвитерианином. Он не возражал против существования епископата в более крупных странах, таких как Польша и Англия, если там будет проповедоваться евангельское учение⁶⁸⁵. В своей переписке с архиепископом Кранмером и протектором Сомерсетом он предлагает различные улучшения, но не выступает против епископата. В длинном письме к королю Сигизмунду Августу Польскому он даже одобряет епископат в данном королевстве⁶⁸⁶.

Но пресвитерианство и конгрегационализм больше соответствуют духу кальвинизма, чем прелатство. В конфликте с англиканским прелатством в XVII веке кальвинистские церкви стали исключительно пресвитерианскими в Шотландии или индипендентскими в Англии и Новой Англии. В тот же период, в противовес насильственному введению англиканской литургии, пресвитериане и конгрега-

⁶⁸⁴ В своем комментарии на Флп. 1:1 он делает правильный вывод из формы множественного числа ἐπίσκοποι, что *nomen episcopi omnibus Verbi ministris esse commune, quum plures uni ecclesiae Episcopos attribuat. Sunt igitur synonyma Episcopus et Pastor. Atque hic locus ex iis unus est, quos Hieronymus ad illud probandum citat, in Epistola ad Evagrium, et in expositione Epistolae ad Titum*. В своем комментарии на Деян. 20:28 (ср. со ст. 17) он говорит: *Omnes Ephesinos Presbyteros indifferentur a Paulo sic [episcopi] vocantur, unde colligimus secundum Scripturae usum nihil a Presbyteris differre Episcopos, sed vitio et corruptela factum esse, ut qui primas tenebant in singulis civitatibus Episcopi vocari coeperint*. См. также его комментарии на соответствующие отрывки пасторских посланий, а также *Inst.*, IV, ch. III, §8, ch. IV, §2, где он подробно цитирует Иеронима. Лютеранские символы веры также учат тождеству епископов и пресвитеров (см. второе приложение к Шмалькальденским статьям (р. 341, ed. J. T. Müller); но в лютеранских церквях Германии есть суперинтенданты и генеральные суперинтенданты (называемые «епископами» в Пруссии и «прелатами» в Вюртемберге). Швеция, Норвегия и Дания сохранили или заново ввели епископство (*jure humano*, а не *jure divino*). Церковное управление лютеранских церквей в Америке представляет собой компромисс между пресвитерианской и синодальной системой и конгрегационалистской независимостью.

⁶⁸⁵ Меланхтон в данном отношении пошел намного дальше и был готов подчиниться папству, если папа будет терпеть свободную проповедь Евангелия. Он подписал Шмалькальденские статьи с таким ограничением: *De pontifice statuo, si evangelium admitteret, posse ei propter pacem et communem tranquillitatem Christianorum... superioritatem in episcopos... jure humano etiam a nobis permitti*.

⁶⁸⁶ Он говорит в этом послании, написанном в Женеве 5 декабря 1554 г.: «Древняя церковь действительно учредила патриархаты и в разных провинциях учредила разных примасов, чтобы посредством этих уз епископы оставались едины между собой. Так и в настоящее время один архиепископ мог бы обладать определенным превосходством в главном королевстве Польши, не для того, чтобы господствовать над другими или высокомерно присваивать себе права, насильственно лишая права других, но ради порядка, чтобы председательствовать в синодах и способствовать священному единству среди своих коллег и братьев. Тогда усилия епископов в провинциях или городах могли бы целиком направляться на поддержание порядка. Но одно дело обладать некоторой степенью власти, которая не противоречит способностям человека, а совсем другое — подчинить весь мир одному правительству. То, что католики требуют всеобщего подчинения одному главе, совершенно бессмысленно, потому что ни священные заповеди Бога, ни обычаи церкви не говорят о единстве данного главы со Христом, Которого одного Отец Небесный поставил Главой над всем» (Bonnet-Constable, III. 104. См. также *Inst.* IV, ch. IV, §§1-4; Henry II. 68, 375; III. 427 sqq.; Dyer, 283 sqq.; 456 sq).

ционалисты отказались от литургического поклонения, в то время как Кальвин и реформатские церкви на континенте одобряли эти формы поклонения при наличии свободы молитвы на общих богослужениях.

3. Участие верующих мирян в управлении церковью и ее дисциплине. Это очень важная особенность.

В Римской церкви миряне пассивны, они не участвуют в составлении законов. Их задача — слушаться священников. Лютер первым эффективно провозгласил учение о всеобщем священстве мирян, но Кальвин облек его в организованную форму и сделал мирян активной силой поместной общины, а также синодов и советов церкви. Его взгляды распространились и на другие деноминации. Они почти повсеместно признаны в Соединенных Штатах. Даже Протестантская Епископальная церковь дает мирянам в нижних палатах своих приходских и общих конвенций равные права с клиром.

4. Строгая дисциплина, за которой должны совместно следить служители и миряне-старейшины, с согласия всей общины.

Здесь Кальвин пошел дальше реформаторов старшего поколения и добился больших успехов, о чем мы поговорим позже.

5. Союз церкви и государства на теократической основе, если это возможно, или их разделение, если оно необходимо для сохранения чистоты и самоуправления церкви. Этот принцип требует более подробного объяснения.

§103. Церковь и государство

Обычно церковную политику Кальвина называют теократией, причем друзья хвалят ее, а враги критикуют⁶⁸⁷. Это была действительно теократия, но следует уточнить значение термина. Кальвин говорил о единовластном правлении Христа и Его Слова в церкви и государстве, но без смешения и взаимопроникновения. Эти две силы были почти в равновесии в Женеве. Ранние пуританские колонии в Новой Англии были подражанием женевскому образцу.

В теории Кальвин разграничивал духовные и светские власти более четко, чем было принято в его время, когда они были переплетены и перепутаны друг с другом. Он сравнивает церковь с душой, а государство с телом. Церковь занимается духовным и вечным благополучием человека, а государство — делами текущей, брэнной жизни⁶⁸⁸. Оба независимы и обладают властью в своей сфере. Он был против вмешательства гражданского правительства во внутренние дела и дисциплину церкви. Ему не нравилось подчиненное положение клира в Германии и Берне, и он часто жаловался (даже на смертном одре) на вмешательство Берна в дела церкви Женевы. Но он был также против контроля клириков в гражданских и политических делах и ограничивал власть церкви духовным мечом. Он никогда не занимал гражданской должности. Служители не выбирались в городские власти и советы.

⁶⁸⁷ Вебер, Генри, Штагелин и многие другие; также Кампшульте, который замечает (I. 471): *Der Grundgedanke, von dem der Gesetzgeber Genfs ausgeht, ist die Theokratie. Er will in Genf den Gottesstaat herstellen*. Но Амеде Роже (*L'église et l'état Genève du vivant de Calvin*) и Мерль Д'Обинье (vol. VII, 120) не соглашаются с этим мнением и указывают на ограничения церковной власти в Женеве. Мерль Д'Обинье говорит: «Кальвин не был теократом, если не понимать этот термин в чисто духовном смысле».

⁶⁸⁸ *Inst.*, IV, ch. XX, §1. *Volui*, — писал он другу, — *sicut aequum est, spiritualem potestatem ac civili judicio distingui. Epp. et Resp.* 263.

Однако он не пошел достаточно далеко, чтобы разделить две эти силы. Напротив, он объединял их так тесно, как только позволяли сделать их разные функции. Его основной идеей была следующая: Бог — единственный Господь на земле, как и на небесах, и Он должен править церковью и государством. В этом смысле Кальвин был теократом или христократом. Бог использует церковь и государство как две руки, которые помогают друг другу в созидании царства Христова. Закон для обоих — воля Бога, явленная в Священном Писании. Церковь оказывает моральную поддержку государству, а государство поддерживает церковь в вопросах этой жизни.

Идеал христианского общества у Кальвина напоминает тот, что был характерен для Гильдебранда, но отличается от него в следующих важных моментах.

1. Теория Кальвина основана на Писании как единственном законе веры и практики, а папская теократия подкрепляется в основном преданием и каноническим правом.

Однако доводы Кальвина взяты исключительно из Ветхого Завета. Кальвинистическая теократия, как и папская, основана, скорее, на законе Моисея, чем на Евангелии Христа. Апостольская церковь никак не была связана с государством, а только подчинялась его законным требованиям. И правление Христа описано в самых мудрых словах, какие когда-либо произносились на эту тему: «Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21).

2. Кальвин признавал только незримое главенство Христа и отвергал притязания папы на власть над миром как антихристианскую узурпацию.

3. Для Кальвина было характерно более возвышенное представление о государстве, чем для пап. Он считал государство не менее божественным по происхождению и власти, чем церковь, и полностью независимым во всех земных делах. Папская же иерархия в средние века часто подавляла государство авторитетом церкви. Гильдебранд сравнивал церковь с солнцем, а государство — с луной, которая заимствует свет у солнца. Гильдебранд заявлял о своем праве смещать королей, освобождать подданных от клятв верности и пользовался этим правом. Бонифаций VIII сформулировал эти притязания в форме известной теории о двух мечях.

4. Теократия Кальвина была основана на власти христианского народа и всеобщем священстве верующих, а папская теократия была исключительным правом священства.

На практике в Женеве эти две силы были не так разграничены, как в теории. Часто они смешивались друг с другом. Служители с кафедры критиковали действия городских властей, а городские власти просили от служителей отчета за их проповеди. Дисциплина была общим делом, и консистория была смешанным органом из клириков и мирян. Правительство определяло и выдавало зарплаты пасторов, одобряло их назначение и передавало приходы от одного другому. Никто не мог долгое время отсутствовать в городе и не потерять права участия в совете. Большой совет проголосовал за принятие вероисповедания и устава дисциплины и придал им силу закона.

Одним словом, реформатская церковь Женевы была государственной церковью и продолжает быть ею по сей день, хотя уже не в исключительном смысле, но с предоставлением свобод несогласным, будь то католики или протестанты, количество которых возросло вследствие иммиграции.

Союз церкви и государства либо признается по умолчанию, либо непосредственно утверждается почти во всех протестантских вероисповеданиях, поэтому

обязанностью гражданского правительства становится поддерживать религию, защищать ортодоксию и наказывать ересь⁶⁸⁹.

В наше время характер государства и его отношение к церкви существенно изменились как в Швейцарии, так и в других странах. Государство больше не отождествляется с какой-то конкретной церковью. Оно стало либо равнодушным, либо враждебным, либо терпимым. Оно состоит из представителей разных вероисповеданий и должно, во имя справедливости, поддерживать все их или ни одного, в любом случае даруя всем полную свободу, насколько это позволяют требования всеобщего мира.

В таких обстоятельствах церкви приходится выбирать либо свободу и самостоятельность — либо зависимость при поддержке государства. Если бы Кальвин жил в наше время, он, без сомнения, предпочел бы первое. Кальвинисты и пресвитериане возглавили борьбу церкви за независимость против эрастиан и рационалистов, стремящихся к гражданской власти. Свободные церкви были организованы во Французской Швейцарии (Женева, Во, Невшатель), во Франции, Голландии, особенно в пресвитерианской Шотландии. Героические жертвы Свободной церкви Шотландии, которая отошла от официальной церкви и полностью заботится о себе с помощью добровольных пожертвований, — одна из ярчайших страниц в истории протестантизма. Несогласные в Англии всегда сохраняли принцип добровольности с того момента, как он был принят в Акте о веротерпимости в 1689 г. В Британских провинциях и в Северной Америке все деноминации равны перед законом и пользуются, под защитой правительства, полной свободой самоуправления, но при этом они обязаны сами о себе заботиться. Условия современного общества требуют либо мирного разделения церкви и государства, либо свободной церкви и свободного государства.

§104. Церковные правила

См. §83 и §86. Кальвин обсуждает обязанности служителей в третьей главе четвертой книги своих «Наставлений».

Рассмотрев общие принципы церковного управления Кальвина, мы перейдем к их введению и применению в маленькой Женевской республике.

Мы видели, что во время первой встречи с синдиками и советом после возвращения, 13 сентября 1541 г., Кальвин настаивал на введении церковного устава (ордонансов) и дисциплины, в соответствии со Словом Божиим и обычаями ранней церкви⁶⁹⁰. Совет согласился с его пожеланиями и доверил работу пяти пасторам (Кальвин, Вире, Жак Бернар, Анри де ла Мар и Эме Шамперо) и шести советникам (решительным гиллерменам), к которым присоединился Жан Балар в качестве советника. Документ был подготовлен под руководством Кальвина, передан советам, слегка изменен и торжественно ратифицирован на общем собрании горожан (*Conseil général*) 2 января 1542 г. как основной церковный закон

⁶⁸⁹ *Conf. Helvetica*, II, ch. XXX; *Conf. Gallicana*, ch. XXXIX («Бог вложил меч в руки городских властей, чтобы наказывать преступления как *против первой*, так и против второй скрижали Его заповедей»); *Conf. Belgica*, ch. XXXVI; *Conf. Scotica*, art. XXIV; *Тридцать девять статей*, art. XXXVII (изменено в американской редакции); *Westminster Conf.*, ch. XXIII (изменено в американской редакции).

⁶⁹⁰ Он писал Фарелю 16 сентября 1541 г. (в *Opera*, XI. 281; Herminjard, VII. 249): *Exposui (Sennatui), non posse consistere ecclesiam, nisi certum regimen constitueretur, quale ex Verbo Dei nobis praescriptum est, et in veteri Ecclesia fuit observatum*.

Женевской республики⁶⁹¹. Его основные положения перешли в конституции и уставы большинства реформатских и пресвитерианских церквей Европы и Америки.

Официальный текст устава хранится в регистрах совета достопочтенных и начинается он со следующего вступления:

«Во имя Всемогущего Бога мы, синдики, малый и большой советы и наш народ, собрались под звуки труб и бой курантов, по древним обычаям, и решили, что достойное дело — хранить учение святого Евангелия нашего Господа в его чистоте, защищать христианскую церковь, правильно наставлять молодежь и содержать пристанище для подобающей заботы о бедных, — и всё это не может быть сделано без определенного закона и правила, из которого всякий мог бы узнать о своих обязанностях. По этой причине мы посчитали мудрым придать духовному управлению, какое явил и установил наш Господь в Своем Слове, подобающую форму, которую мы бы знали и соблюдали. Поэтому мы решили и постановили учредить и сохранять в нашем городе и его землях следующую церковную политику, взятую из Евангелия Иисуса Христа»⁶⁹².

Этот документ проникнут возвышенным представлением о достоинстве и ответственности служителей Евангелия, которое мы наблюдаем в посланиях Павла к коринфянам и ефессянам. «Можно с уверенностью утверждать, — говорит католический историк⁶⁹³, — что ни в одном религиозном обществе христианской Европы клир не занимал положения такого достойного, выдающегося и влиятельного, как в церкви, которую Кальвин создал в Женеве».

В своих «Наставлениях» Кальвин выделяет в церкви три *экстраординарных* служения — апостолов, пророков и евангелистов, и четыре *ординарных*: пасторов (епископов), учителей, старцев (мирян-старейшин) и диаконов⁶⁹⁴.

К чрезвычайному служению Господь призывал в начале Своего царства. Такие служения появляются, когда возникает «потребность эпохи». И реформаторы должны считаться апостолами, пророками и благовестниками второй волны. Сам Кальвин намекает на такую параллель, когда говорит⁶⁹⁵: «Я не отрицаю, что и после того [апостольского] периода Бог иногда призывал апостолов и благовестников, как Он сделал и в наше время. Ибо такие люди были нужны, чтобы спасти церковь из пут антихриста. Однако я называю эти служения экстраординарными, так как в хорошо организованной церкви для них нет места»⁶⁹⁶.

Экстраординарное служение не может регулироваться законом. Так что в Уставе даются правила только для ординарных служений в церкви.

1. ПАСТОРЫ⁶⁹⁷, или служители Евангелия, как Кальвину нравится называть их, должны «проповедовать Слово Божье, наставлять, увещевать, упрекать пуб-

⁶⁹¹ См. выше, §96.

⁶⁹² Французский текст — в *Opera*, X. 16, note a.

⁶⁹³ Kampschulte, I. 396.

⁶⁹⁴ В Уставе они названы *Pasteurs, Docteurs, Anciens, Diares*.

⁶⁹⁵ *Inst.*, IV, ch. III, §4.

⁶⁹⁶ Здесь подтверждается то, что я говорю об экстраординарном призвании Кальвина (§73). В письме к Садолету он выражает твердую убежденность в том, что его служение — от Бога (см. §91). Лютер был убежден в том же относительно собственной миссии и по возвращении из Вартбурга в Виттенберг писал электору Фридриху Саксонскому, что его Евангелие — не от людей, но с небес и что он — благовестник Христа.

⁶⁹⁷ *ποιμένες, pastores*, Еф. 4:11. То же, что епископы и пресвитеры. «Называя тех, кто руководит церквями, “епископами”, “пресвитерами” и “пасторами”, без разграничения этих терминов, я следую обычаю Писания». *Inst.*, IV, ch. III, §8. Далее он цитирует Флп. 1:1; Тит. 1:5,7; Деян. 20:17,28. См. выше, §102.

лично и частным образом, отправлять таинства и, вместе со старейшинами, следить за дисциплиной»⁶⁹⁸.

Никто не может быть пастором, если он не призван, не прошел экзамена, не рукоположен и не утвержден в должности. Во время экзамена кандидат должен доказать, что знает Писание, придерживается здравого учения, что его мотивы чисты, а характер честен. Если он доказал, что достоин должности, совет представляет его общине. Если он не выдержал экзамена, он должен ждать следующего призвания и пройти его снова. Лучший способ введения в должность — молитва и возложение рук, как делали апостолы и ранняя церковь; но делать это следует без суеверий.

Все служители должны еженедельно собираться для взаимного наставления, ободрения, исправления и укрепления. Никто не должен отсутствовать, если у него нет уважительной причины. Эта обязанность касалась также пасторов областных приходов. Если возникают доктринальные споры, служители должны улаживать их посредством дискуссии; если они не могут прийти к согласию, дело передается городским властям.

От служителей требуется строгое соблюдение дисциплины; перечислен ряд грехов и пороков, которые неприемлемы для них, такие как ересь, схизма, бунт против церковного порядка, богохульство, нечистота, ложь, ложные клятвы, ростовщичество, жадность, танцы, пренебрежение изучением Писания.

Устав предписывал, чтобы в воскресенье проводилась утренняя служба, затем катехизис — то есть обучение маленьких детей — в полдень, вторая служба — днем, около трех часов. Проповеди должны были читаться в течение недели: в понедельник, вторник и пятницу. В городских богослужениях должны были участвовать пять постоянных служителей и три помощника.

В «Наставлениях» Кальвин описывает обязанности пасторов как совпадающие с обязанностями апостолов (отличается только область их действия и степень власти). Они все — посланники Христа, служители Божьих тайн (1 Кор. 4:1). То, что Павел говорит о себе, относится ко всем им: «Горе мне, если не благовествую!» (1 Кор. 9:16).

2. Обязанность учителей⁶⁹⁹ — наставлять верующих в здравом учении, чтобы чистота Евангелия не искажалась из-за невежества или ложных мнений.

Кальвин основывал различие между учителями и пасторами на Ефесецам 4:11. По его мнению, разница состояла в том, что «учителя официально не отвечают за дисциплину, не отправляют таинства, не увещевают и не наказывают, но только истолковывают Писание, в то время как в обязанности пасторов входит все перечисленное»⁷⁰⁰. Он говорит также, что учителя похожи на древних пророков, как пасторы — на апостолов. Сам он обладал пророческим даром ясного и убедительного наставления, в редкой степени. Профессора богословия занимают высшее положение среди учителей.

3. Старцы (старосты), или миряне-старейшины, следят за поведением народа. Они должны быть богобоязненны и мудры, выше подозрений. Их надо было выбирать в количестве двенадцати человек: двух из малого совета, четырех из совета шестидесяти, шестерых — из совета двухсот. Каждому отдавался в ведение определенный район города.

⁶⁹⁸ *Faire les corrections fraternelles.*

⁶⁹⁹ *διδάσκαλοι, doctores*, Еф. 4:11.

⁷⁰⁰ *Inst.* IV, ch. III, §4.

Это очень важная должность в пресвитерианских церквях. В «Наставлениях» Кальвин пишет о даре управления⁷⁰¹. «С самого начала, — говорит он⁷⁰², — каждая церковь имела свой сенат или совет, состоящий из благочестивых, серьезных и святых людей, которые имели право исправлять пороки... Эта должность необходима во все века». Он разграничивает два класса старейшин — правящих и обучающихся, на основании 1 Тимофею 5:17: «Достоин начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении»⁷⁰³. Экзегетические основания для такого разграничения слабы, но управляющие миряне-старейшины оказались очень полезным институтом и весьма помогали служению обучения.

4. Диаконы должны заботиться о бедных и больных, надзирать за больницами. Они должны бороться с попрошайничеством, которое мешает установлению порядка⁷⁰⁴. Различается два класса диаконов — одни раздают милостыню, другие посвящают себя бедным и больным⁷⁰⁵.

5. Крещение должно осуществляться в церкви только служителями и их помощниками. Имена детей и их родителей должны вноситься в церковные списки.

6. Вечера Господня должна отправляться каждый месяц в одной из церквей, а также на Пасху, Пятидесятницу и Рождество. Дары должны почтительно раздаваться служителями и диаконами. К причастию не допускался тот, кто ранее не получил катехетического обучения и не заявил о своей вере.

Дальнейшие правила говорят о браке, похоронах, посещении больных и заключенных.

Служители и старейшины должны собираться раз в неделю по четвергам, чтобы обсуждать состояние церкви и вопросы дисциплины. Задача наказания — вернуть грешника обратно к Господу⁷⁰⁶.

Устав церкви 1541 г. (*Ордонансы*) был пересмотрен и расширен Кальвином и принят малым и большим советами 13 ноября 1561 г. В этом издании присутствуют также клятвы, которые должны были приносить служители, пасторы, учителя, старейшины, диаконы и члены консистории, а также более полные правила по поводу отправления таинств, брака, посещения больных и заключенных, избрания членов консистории и отлучения⁷⁰⁷.

Следующее пересмотренное издание Устава было принято общим советом 3 июня 1576 г.

⁷⁰¹ κυβερνήσεις, 1 Кор. 12:28; см. также Рим. 12:8.

⁷⁰² *Inst.* IV, ch. III, §8.

⁷⁰³ Его комментарий к этому отрывку. См. также *Inst.*, IV, ch. III, §8: *Gubernatores fuisse existimo seniores ex plebe delectos qui censurae morum et exercendae disciplinae una cum episcopis praesent.* Это разграничение было впервые сделано Кальвином, ему следовали многие пресвитерианские и некоторые лютеранские богословы, но некоторые из лучших современных толкователей отрицают его правомерность. Павел требует, чтобы все пресвитеры были способны обучать, 1 Тим. 3:2; 2 Тим. 2:2; 2:24. См. Schaff, *History of the Apostolic Church*, p. 529 sq.

⁷⁰⁴ Деян. 6:1-3; Флп. 1:1; 1 Тим. 3:8 и далее; 5:9,10.

⁷⁰⁵ См. *Inst.*, IV, ch. III, 9.

⁷⁰⁶ *Les corrections ne soient sinon medicines pour reduyre les pecheurs a nostre Seigneur.*

⁷⁰⁷ *Opera*, X. Pars I. 91-124.

§105. Совет достопочтенных и консистория

Церковь Женевы включала в себя всех крещеных и исповедующих веру христиан, подчиняющихся ее дисциплине. Во времена Кальвина у нее был единый символ веры; католики и сектанты в нее не входили. Ее представителями и управлением были совет достопочтенных и консистория.

1. СОВЕТ ДОСТОПОЧТЕННЫХ (*venerable company*) был чисто клерикальным органом, включавшим в себя всех пасторов города и земель Женевы. Он не имел политической власти. Ему было доверено общее руководство всеми чисто церковными делами, особенно образованием, оценкой служителей, рукоположением и введением в должность. Но для принятия окончательного решения необходимо было согласие гражданского правительства и общины. Таким образом, пасторы и народ должны были сотрудничать.

2. Консистория была смешанным органом из клириков и мирян. Она была многочисленнее и более влиятельной, чем совет достопочтенных. Она представляла союз церкви и государства. Во времена Кальвина в нее входили пять городских пасторов и двенадцать старейшин-мирян, двое из которых избирались из совета шестидесяти и десять — из совета двухсот. Миряне, таким образом, были в большинстве, но клерикальный элемент был сравнительно постоянным, а старейшины избирались каждый год, под влиянием клира. Синдик был формальным главой консистории⁷⁰⁸. Кальвин никогда не председательствовал официально, но руководил процессом в силу своего высшего интеллекта и уважения к своему мнению⁷⁰⁹.

Консистория начала действовать практически сразу после принятия Устава и собиралась каждый четверг. Записи начали вестись с десятого собрания, которое состоялось в четверг 16 февраля 1542 г.⁷¹⁰

Обязанность консистории — поддерживать дисциплину. Служители и старейшины раз в год посещали каждый дом в республике. Чтобы облегчить работу этой системы, город был поделен на три прихода: святого Петра, Магдалины и святого Гервасия. Кальвин нес служение в приходе святого Петра.

Суд консистории осуществлял контроль над церковью Женевы. Часто его функции понимают неправильно: как нечто вроде инквизиции или звездной палаты. Но он имел право использовать только духовный меч и не имел ничего общего с гражданскими и светскими наказаниями, которые осуществлял только совет. Имена Грюэ, Бользека и Сервета даже не упоминаются в его записях⁷¹¹.

⁷⁰⁸ В пересмотренном Уставе 1561 г. (*Opera*, X. P. I, 121) сказано, что «один из четырех синдигов председательствует в консистории, держа свой жезл (*avec son bâton*), который обозначает гражданскую, а не духовную власть, “чтобы сохранять разницу, которая нам явлена в Священном Писании, между мечом и властью гражданской — и надзором за церковью”». Этим правилом Кальвина опровергается заявление Дайера (р. 142) о том, что «Кальвин узурпировал постоянное председательство в консистории» и «хотел, чтобы его преемником на этом посту стал Беза».

⁷⁰⁹ «Хотя он не председательствовал на совете, мы вполне можем сказать, что он был его душой». Merle d'Aubigné (VII. 120). См. также Cramer, Roget и др.

⁷¹⁰ *Annal.*, XXI. 291, sub Février 16, 1542: «Десятое заседание консистории, первое, от которого сохранились записи, где упоминается, помимо прочего, присутствие Кальвина и Вире. Другими членами консистории были Бернар, Анри и Шамперо. Вире в последний раз упоминается 18 июля. Кальвин регулярно присутствует на заседаниях в 1542 — 1543 гг.; его не было там только пять раз».

⁷¹¹ A. Roget, *l. c.*, p. 31: «Консистория не могла никак наказывать и, что примечательно, не имела никакой предписанной доктрины. Бывший синдик Крамер, в прекрасном предисловии, которым он предваряет выдержки из актов консистории, замечает, что Грюэ, Бользек и Сервет

Кальвин писал служителям Цюриха 26 ноября 1553 г.: «Консистория не обладает гражданской властью, но только правом наказывать по Слову Божьему, и самое суровое ее наказание — отлучение»⁷¹². Он мудро позаботился о преобладании светского элемента.

Сначала совет, по примеру Базеля и Берна, не давал консистории права отлучать⁷¹³. Те, кого не допускали к причастию, обычно обращались к совету, который часто ходатайствовал за них или приказывал принести извинения консистории. Существовали также разные мнения о последствиях отлучения. Консистория требовала, чтобы лица, отлученные от церкви из-за тяжких преступлений и скандального образа жизни, изгонялись из государства на год или пока не раскаются, но совет на это не соглашался. Кальвин не всегда мог добиться победы своего мнения и терпел то, чего не мог уничтожить⁷¹⁴. Только после окончательной победы над либертинами в 1555 г. совет уступил консистории неоспоримое право отлучения⁷¹⁵.

Из этих фактов мы можем понять, почему Кальвина так часто называли «женевским папой» — как правило, упрекая его⁷¹⁶. Это определение лишь отчасти истинно и является невольной данью его гению и характеру, ибо у него не было материальной поддержки и он никогда не использовал свое влияние ради выгоды и в личных целях. Женевцы хорошо его знали и добровольно ему подчинялись.

§106. Теория Кальвина о дисциплине

Дисциплина — столь важная составляющая церковной политики Кальвина, что ее следует изучить подробно. По соображениям дисциплины Кальвина изгнали из Женевы. Дисциплина была основой процветания французской общины Страсбурга. Она стала главной причиной возвращения Кальвина, условием, при котором он согласился вернуться, борьбой и триумфом его жизни и секретом его морального влияния по сей день. Его строгий дисциплиной, основанной на его

даже не упоминались в документах, которые она рассматривала; когда осуждалось какое-то учение, суд выносился советом, по предварительному соглашению с пасторами».

⁷¹² *Opera*, XIV. 675: *Nulla in Consistorio civilis jurisdictio, sed tantum reprehensiones ex Verbo Domini: ultima vero poena, excommunicatio*.

⁷¹³ 19 марта 1543 г. совет шестидесяти решил, что «консистория не имеет права и власти осуществлять наказания, а должна только докладывать о преступлениях совету, чтобы городские власти наказали преступников по заслугам». *Reg.*, в Roget, p. 37. За месяц до того правительство Берна категорически отказало в праве отлучения служителям Лозанны. Ruchat, V. 211.

⁷¹⁴ *Tolero quod tollere non licet*, — говорит он в одном из своих посланий {«терпел то, чего не подобало терпеть»}.

⁷¹⁵ Роже (р. 67): «Позиция Кальвина в вопросе об отлучении в конечном итоге победила и, с 1555 г., мы видим, что консистория обладала неоспоримым правом допускать человека к таинствам или не допускать. Однако совет и служители не вполне соглашались насчет последствий отлучения».

⁷¹⁶ Роже (р. 83 sq.) собрал несколько преувеличенных суждений французских авторов и опровергает их. Флоримон де Ремон говорит: «Кальвин стал учителем, епископом, господином, он управлял религией, государством, городом, правительством, полицией, как ему было угодно». Дюруи: «Кальвин с 1541 г. и до своей смерти обладал абсолютной властью. Он организовал правительство Женевы так, как было выгодно служителям реформатского культа». Капфиг: «Кальвин держал в своих руках все бразды высшей власти». Поль Жане: «Кальвин был высшей властью демократии». Росссе Сент-Илер: «Любая крайность вызывает противоположную реакцию: Кальвин подчинил государство церкви». Сэссе: «Государство стало теократией, граждане Женевы были лишь подданными небольшого количества служителей, которые, в свою очередь, были подчинены Кальвину, правившему тремя советами с помощью консистории и казавшемуся одновременно королем и верховным понтификом города».

строгом символе веры, руководствовались героические французские, голландские, английские, шотландские и американские пуритане (мы используем это слово в широком плане, для обозначения строгих кальвинистов). Она укрепляла их среди испытаний и гонений и сделала их распространителями гражданской и религиозной свободы.

Ныне эта система уже далеко не так строга — даже в Германии, Шотландии и Новой Англии, — но следствия ее проявляются в силе самоуправления, в способной организации, в порядке и практической эффективности, характерных для реформатских церквей Европы и Америки.

Кальвин поставил великую задачу — сделать церковь настолько чистой и святой, насколько позволит человеческая слабость. Он постоянно помнил об идеале — «Церкви, не имеющей пятна, или порока, или чего-либо подобного». Этот идеал был описан Павлом в Послании к ефесянам (5:27). Он хотел, чтобы каждый христианин соответствовал этому идеалу, демонстрировал свою веру в добрых делах и старался быть совершенным, как совершенен Отец наш небесный. Кальвин был единственным из реформаторов, кто попытался и в некоторой мере сумел распространить эту возвышенную идею на всю общину.

Лютер считал, что сама проповедь Евангелия приведет ко всем необходимым переменам, однако в конце жизни ему было суждено жаловаться на распущенность своих студентов и жителей Виттенберга, и он серьезно подумывал о том, чтобы с отвращением покинуть этот город⁷¹⁷.

Кальвин достаточно хорошо знал, что идеал в этом мире может быть реализован не до конца, но тем не менее считал, что наша обязанность — стремиться к совершенству. Он часто цитирует возражения Августина донатистам, которые мечтали о воображаемой чистоте церкви, подобно анабаптистам, полагающим, как он замечает, «что ни одна община не принадлежит Христу, если она во всех отношениях не ангельски совершенна, и препятствующим, под предлогом рвения, всякому созиданию». Он соглашается с замечанием Августина о том, что «все замыслы об отделенности губительны и святотатственны, потому что исходят из гордости и нечестивости и больше беспокоят тех добрых людей, которые слабы, нежели исправляют грешников, которые смелы». Комментируя притчу о сети, в которую попали разные виды рыбы (Мф. 13:47), он говорит: «Церковь, пока она на земле, — это смесь хорошего и плохого, и она никогда не будет свободна от нечистоты... Хотя Бог, Который есть Бог порядка, велит нам наводить дисциплину, Он позволяет лицемерам в течение какого-то времени находиться среди верующих, пока Он в последние времена не учредит Свое царство во всем его совершенстве. Что касается нас, мы должны бороться с пороком и очищать церковь от нечистоты, хотя она не будет свободна от всякого пятна и порока, пока Христос не отделит козлов от овец»⁷¹⁸.

Кальвин обсуждает тему дисциплины в двенадцатой главе четвертой книги своих «Наставлений». Его взгляды здравы и соответствуют Писанию. «Никакое

⁷¹⁷ Фридрих Юлий Шталь, обращенный иудей, очень способный юрист и государственный деятель, один из главных защитников современного лютеранства «высокой церкви», девиз которого гласил: «Авторитет, а не большинство» (хотя жена его была реформаткой и сам он говорил, что обратил его реформат, профессор Краффт из Эрлангена), пишет в своей книге *Die Lutherische Kirche und die Union* (1860), что Кальвин ввел новый принцип в протестантизм, а именно — прославление Бога посредством полной власти Его Слова над жизнью христианского мира (*die Verherrlichung Gottes durch die wirkliche volle Herrschaft seines Wortes im Leben der Christenheit*).

⁷¹⁸ Calvin, *Harmony of the Gospels*, Tholuck ed., I. P. II. 21.

общество, — говорит он в самом начале, — никакой дом не может пребывать в подобающем ему состоянии без дисциплины. Церковь должна быть самым упорядоченным обществом из всех. Как спасительное учение о Христе есть душа церкви, так дисциплина образует нервы и суставы, которыми объединяются члены и которыми каждый удерживается на подобающем ему месте. Нужна узда, чтобы сдерживать тех, кто сопротивляется учению Христа; или же шпоры, чтобы подгонять бездействующих; а иногда и отеческая палка, чтобы наказывать, милосердно, с кротостью, в духе Христа, тех, кто, к сожалению, отпал. Это единственное средство от печального упадка церкви».

Одним из главных его возражений против Римской церкви того времени было отсутствие дисциплины и постоянное нарушение канонов. Он заявляет, не боясь противоречий, что «вряд ли существует хоть один (католический) епископ и хоть один из священников на сотню, который, если бы его поведение судили по древним канонам, не был бы отлучен или, по меньшей мере, смещен с должности»⁷¹⁹.

Он различал дисциплину для народа и дисциплину для клира⁷²⁰.

1. Дисциплина для членов церкви делилась на три степени: частное увещевание; второе увещевание в присутствии свидетелей или перед церковью; и, в случае упорного непослушания, отлучение от вечери Господней. Это соответствует правилам, установленным Христом (Мф. 18:15-17). Задача дисциплины состоит из трех частей: защитить тело церкви от осквернения и профанации; защитить отдельных членов церкви от губительного влияния грешников; и привести грешника к покаянию, чтобы он мог быть спасен и возвращен в общение верующих. Отлучение и последующее возвращение к церкви рекомендовал Павел в случае с коринфским грешником, и так поступала церковь в дни своей чистоты. Даже император Феодосий был отлучен от причастия епископом Амвросием Медиоланским, когда по приказу Феодосия состоялась бойня в Фессалонике⁷²¹.

Отлучение следует практиковать только в случае серьезных преступлений, которые порочат христианскую церковь; таких как прелюбодеяние, блуд, воровство, грабеж, обман, ложные клятвы, пренебрежение Богом и Его властью. Принимать решение об отлучении должен не один епископ или пастор, но все старейшины, и, как указывал Павел, «с ведома и одобрения общины; так, чтобы большинство народа не руководило процессом, но наблюдало за ним как свидетели и следило за тем, чтобы меньшинство ничего не сделало из неправильных побуждений». Более того, «строгость церкви должна уравниваться духом кротости. Потому что всегда нужно быть очень осторожными, как говорил Павел о

⁷¹⁹ Inst. IV, ch. V, §14. В той же главе (§1) он говорит о епископах своего времени, что большинство из них не знает Писания, пьет, предается блуду, играет в азартные игры или охотится. «Величайшая нелепость заключается в том, что даже мальчики, которым едва исполнилось десять лет, могут, с разрешения папы, становиться епископами». Папа Лев X сам стал архиепископом на восьмом, а кардиналом-диаконом — на тринадцатом году жизни. Римская церковь в то время терпела практически всё, кроме ереси и неповиновения папе, которые в ее глазах были хуже, чем самое тяжкое преступление против нравственности.

⁷²⁰ Он возражает против слова «клир» как возникшего по ошибке, потому что Петр (1 Пет. 5:3) называет всю церковь Божиим *κλήρος*, то есть *имуществом, собственностью*; но он использовал его для удобства.

⁷²¹ Кальвин упоминает также знаменитое предупреждение Златоуста против осквернения таинства, когда его отправляет недостойный священник: «Кровь будет у тебя на руках. Давайте не будем бояться ни скипетров, ни диадем, ни императорских одежд; у нас есть власть побольше. Что касается меня, то я скорее приму смерть и позволю пролить свою кровь, чем стану принимать эту скверну». Между Кальвином и Златоустом существует заметное сходство. Оба были комментаторами и бесстрашными защитниками дисциплины.

наказуемых, “дабы они не были поглощены чрезмерной печалью” (2 Кор. 2:7); ибо в таком случае лекарство может превратиться в яд».

Если грешник явно кается, его следует возвращать в церковь. Кальвин выступает против «чрезмерной строгости древних», которые отказывались вновь принимать к себе оступившихся. Он одобряет совет Киприана, который говорит: «Наше терпение и доброта и нежность ждут всех приходящих; я хотел бы, чтобы все вернулись в церковь; я хочу, чтобы все наши соратники собрались в лагере Христа, чтобы все наши братья были приняты в доме Бога, нашего Отца. Я прощаю всё; я не замечаю многого. С искренней привязанностью я обнимаю всех, кто возвращается в покаянии». Кальвин добавляет: «Мы можем отлучить кого-то от церкви, но не можем исключить их из числа избранных или считать их окончательно погибшими. Мы можем считать их чужими для церкви, а следовательно, и для Христа, но только пока они остаются отлученными. И даже тогда давайте надеяться на лучшее в их будущем и не прекращать молиться Богу о них. Давайте не осуждать на вечную погибель грешника и не устанавливать законов для Божьего милосердия, которое худшего из людей может изменить к лучшему». Он разграничивает отлучение и анафему; в первом случае речь идет о наказании, ведущем к преображению и восстановлению, а во втором прощение исключается и человек обречен на вечную погибель. К анафеме не следует прибегать никогда, или же очень редко. Члены церкви должны всеми силами добиваться преобразования отлученного и увещевать его не как врага, но как брата (2 Кор. 2:8). «Если отдельные члены церкви и вся церковь целиком не будут вести себя с подобной кротостью, наша дисциплина быстро выродится в жестокость».

2. Что касается дисциплины клира, то Кальвин выступает против освобождения служителей от гражданского суда и хочет, чтобы они подвергались тем же наказаниям, что и миряне. Они более виновны, потому что должны подавать хороший пример. Он с одобрением цитирует древние каноны, которыми так постыдно пренебрегала Римская церковь его времени, против охоты, азартных игр, пирушек, ростовщичества, торговли и светских развлечений. Он рекомендует ежегодные посещения каждого прихода и синоды для наставления и наказания оступившихся клириков.

Запрет на брак священников он отвергает как «акт нечестивой тирании, противоречащий Слову Божьему и всем принципам справедливости. Нет необходимости говорить, что блуд безнаказанно свирепствует среди них [папского клира]; осмелевшие в своем оскверненном celibате, они ожесточились и готовы на любое преступление... Павел считает удачный брак одной из добродетелей епископа; люди же учат, будто это порок, неприемлемый для клира... Христос почтил институт брака, объявив его символом Своего священного союза с Церковью. Можно ли более похвалить достоинства брака? Как можно называть скверной и нечистой то, что является символом духовной благодати Христа?.. Брак почетен для всех; блудников же и прелюбодеев будет судить Бог (Евр. 13:4). Сами апостолы доказали собственным примером, что брак не нарушает святости служения; Павел свидетельствует, что они не только не отказались от своих жен, но и брали их с собой (1 Кор. 9:5)».

§107. Дисциплина в Женеве

Кальвин преуспел, укоренив в женевской церкви свои взгляды на дисциплину после яростной борьбы. Консистория и совет соперничали друг с другом, вдохновляемые им, в пуританском рвении борясь с безнравственностью; иногда это рвение переходило границы мудрости и умеренности. Союз церкви и государства покоится на ложном предположении о том, что все граждане государства одновременно являются членами церкви и должны быть подчинены церковной дисциплине.

Танцы, азартные игры, пьянство, посещение таверн, мирские интересы, роскошь, излишества в общественных развлечениях, экстравагантность и нескромность в одежде, развратные или безбожные песни были запрещены и наказывались штрафом или тюремным заключением. Даже количество блюд при приеме пищи было определено законом. Пьяницы платили штраф в один су каждый раз, когда были пойманы. Игроков сажали в колодки с веревкой на шее. Чтение безнравственных книг и аморальных романов также было запрещено. Популярного «Амадиса Галльского» было приказано уничтожать (1559). Пьеса «Деяния апостолов», сыгранная несколько раз и посещавшаяся даже членами совета, была запрещена. Родителей предупреждали, чтобы они не называли своих детей в честь католических святых, с которыми были связаны определенные суеверия. Получили распространение имена Авраам, Моисей, Давид, Даниил, Захария, Иеремия, Неемия. (Пуритане Англии и Новой Англии сохранили предпочтение к ветхозаветным именам.) За ересь, идолопоклонство и богохульство карали смертной казнью. Был сохранен и варварский обычай пыток. Прелюбодеяние, совершенное повторно, также каралось смертью.

Эти запреты и законы были призваны предотвратить безнравственность и безбожие и наказать за них.

Но совет ввел также и принудительные законы, противные природе веры, порождавшие лицемерие или неверие. Посещение общих богослужений было обязательным, иначе требовалось уплатить штраф в три су⁷²². Когда один беженец из Лиона однажды с благодарностью воскликнул: «Какой славной свободой мы наслаждаемся здесь!» — одна женщина с горечью ответила: «Раньше мы действительно могли свободно ходить на мессу, а теперь слушаем проповедь по принуждению». Были назначены лица, которые наблюдали за тем, ходят ли люди в церковь. Члены консистории посещали каждый дом раз в год, чтобы проверить, какова вера и нравы данной семьи. Обо всех неподобающих высказываниях и поступках на улицах докладывали, и преступников призывали на суд консистории для увещевания и предупреждения или передавали совету для строгого наказания. Не принимались во внимание ни положение, ни ранг, ни пол. Практиковалось строжайшее нелицеприятие, и представители самых древних и выдающихся семейств, как мужчины, так и женщины, отвечали за свои поступки с той же строгостью, что и бедные и никому не известные люди.

Расскажем о самых поразительных случаях применения дисциплины. Несколько женщин, в том числе жена Ами Перрена, капитана-генерала, были посажены в тюрьму за участие в танцах (которые обычно сопровождались прочими

⁷²² *Les ministres ont prié que ton advise de fere venir les gens aut sermon et specialement les dimanches et le iour des prieres affin de prier Dieu qui nous assiste, voyeant le trouble quest en leglise de Dieu et la machination dressé contre les fidelles. ARRÊTÉ QUI IMPOSE UNE AMENDE DE 3 SOLZ A CEUX QUI NE VIENDRAIENT PAS (Reg. du Conseil.). B Annal., 394 sub Jan. 17, 1547.*

эксцессами). Бонивар, герой политической свободы и друг Кальвина, предстал перед консисторией, потому что играл в кости с Клеманом Маро, поэтом, на кварту вина⁷²³. Один мужчина был изгнан из города на три месяца, потому что, услышав рев осла, сказал в шутку: «Какой красивый псалом он поет!»⁷²⁴ Одного молодого человека наказали за то, что он подарил своей невесте поваренную книгу со словами: «Вот лучшая из Псалтирей». Дама из Феррары была изгнана из города за проявление симпатии к либертинам, а также за критику Кальвина и консистории. Трое мужчин, которые смеялись во время проповеди, были посажены в тюрьму на три дня. Еще один мужчина должен был публично покаяться, потому что не пришел на причастие в Пятидесятницу. Трое детей были наказаны за то, что во время проповеди оставались вне церкви и ели пироги. Мужчину, который поклялся «телом и кровью Христа», был оштрафован и осужден час стоять на столбе на площади. Ребенка высекли за то, что он назвал свою мать воровкой и «чертовкой» (*diabless*). Из желания подчеркнуть важность пятой заповеди было решено обезглавить девочку за то, что она ударила своих родителей. Банкира казнили за неоднократное прелюбодеяние, но перед смертью он покался и прославил Бога за победу правосудия. Некто по имени Шапюи просидел в тюрьме четыре дня, потому что упорно хотел назвать своего ребенка Клодом (именем католического святого), а не Авраамом, как хотел служитель, и говорил, что лучше не будет его крестить до пятнадцати лет⁷²⁵. Большек, Джентиле и Кастеллион были изгнаны из республики за еретические мнения. Мужчин и женщин сжигали за колдовство. Грюэ обезглавили за подстрекательство к бунту и безбожие. Сервета сожгли за ересь и богохульство. Последний случай был самым вопиющим. Из-за него имя Кальвина оскорбляли и хулили больше, чем из-за всех остальных вместе взятых, но здесь можно вспомнить и то, что Кальвин хотел заменить сожжение более гуманной казнью, мечом, и по крайней мере в этом опережал общественное мнение и распространенную в тот век практику⁷²⁶.

Официальные акты женевского совета за 1541 — 1559 гг. — это мрачное повествование о цензуре, штрафах, заключениях и казнях. Во время чумы 1545 г. более двадцати мужчин и женщин были сожжены живьем за колдовство и коварный заговор по распространению ужасной болезни⁷²⁷. С 1542 по 1546 гг. пятьдесят восемь человек было приговорено к смерти и семьдесят шесть — к изгнанию⁷²⁸. В 1558 и 1559 гг. количество случаев наказания за разного рода преступления достигло четырехсот четырнадцати — это очень много для населения в 20.000 человек.

⁷²³ Roget, *Peuple de Genève*, II. 29, цит. в Merle D'Aubigné, VII. 124.

⁷²⁴ *Il chante un beau psaume*.

⁷²⁵ *Registers* за 27 апреля 1546 г. Henry II. 429.

⁷²⁶ Подробнее о Сервете см. в главе XVI.

⁷²⁷ Сам Кальвин упоминает этот факт в письме к Миконию в Базель от 27 марта 1545 г. (*Opera*, XII. 55; Bonnet, I. 428), где пишет: «Недавно обнаружен был заговор мужчин и женщин, которые, на протяжении трех лет, распространяли по городу чуму, уж не знаю, с помощью каких коварных уловок. После того как пятнадцать женщин были сожжены, некоторые мужчины были наказаны более сурово, некоторые покончили с собой в тюрьме, а двадцать пять еще находятся в заключении. Но заговорщики не прекращают, несмотря на все это, смазывать засовы домов своим ядовитым маслом. Видишь, среди каких опасностей мы находимся. Господь до сих пор сохранял наш дом, хотя на него не раз покушались. Хорошо знать, что Он заботится о нас».

⁷²⁸ Согласно Галиффу, цит. в Kampschulte, I. 425.

Враги Кальвина — Бользек, Оден, Галиффы (отец и сын) — активно используют эти факты и, не обращая внимания на всё совершенное им благо, осуждают великого реформатора как бессердечного и жестокого тирана⁷²⁹.

Невозможно отрицать, что такого рода законодательство больше проникнуто суровостью древнего языческого Рима и левитского закона, чем Евангелием Христа, и что реальное применение дисциплины часто было мелочным, педантичным и без нужды суровым. Кальвин, как он сам признавал, тоже не был свободен от нетерпимости, страсти и гнева, которые усиливались из-за его физической немощи; но он руководствовался искренним рвением к чистоте церкви, а не личными чувствами. Когда Перрен и семейство Фавров угрожало ему вторым изгнанием, он писал Перрену: «Такие угрозы не производят на меня впечатления. Я вернулся в Женеву не для отдыха и выгоды и покину ее снова без сожаления. Я вернулся ради благополучия и безопасности церкви и государства»⁷³⁰. О нем следует судить по стандартам его века, а не нашего. Самые жестокие из его законов — против колдовства, ереси и богохульства — были унаследованы от католического средневековья и продолжали действовать во всех странах Европы, как протестантских, так и католических, до конца XVII века. Терпимость — это современная добродетель. Мы снова вернемся к этой теме в главе о Сервете.

§108. Борьба Кальвина с патриотами и либертинами

Contre la secte phantastique et furieuse des Libertins qui se nomment Spirituelz. Geneva, 1545; 2^d ed. 1547. Репринт в *Opera*, vol. VII. 145-252. Латинский перевод — Nic. des Gallars, 1546. ФАРЕЛЬ также написал книгу на французском против либертинов, Geneva, 1550.

J. A. GALIFFE и J. B. G. GALIFFE о семействах Женевы и криминальных процессах Перрена, Амо, Бертелье и т. д., цитируемые выше, §58. Враждебны к Кальвину. AUDIN, chs. XXXV, XXXVI, XLIII. Также враждебны.

F. TRECHSEL: *Libertiner*, в первом издании Herzog, *Encykl.*, VIII. 375-380 (опущено во втором издании), и его *Antitrinitarier*, I. 177 sqq. — HENRY II. 402 sqq. — HUNDESHAGEN в «*Studien und Kritiken*», 1845, pp. 866 sqq. — DYER, 177, 198, 368, 390 sqq. — STÄHELIN, I. 382 sqq.; 457 sqq. На стороне Кальвина.

CHARLES SCHMIDT: *Les Libertins spirituels*, Bâle, 1876 (pp. xiv, 251). По рукописи некоего J. F., адепта секты, написанной между 1547 и 1550 г. Выдержка в *La France Protest.* III. 590 sq.

Конфликты продолжались десять лет, прежде чем Кальвину удалось утвердить свою систему дисциплины. Оппозиция начала проявляться в 1545 г., во время чумы; ее кульминацией стал суд над Серветом в 1553 г., и сломлена она была в 1555 г.

Кальвин сравнивает себя в этом споре с Давидом, который сражался с филистимлянами. «Если бы мне пришлось описывать, — говорит он в предисловии к своему комментарию на Псалтирь (1557)⁷³¹, — ход моей борьбы, посредством которой Господь наставлял меня в настоящее время, это была бы длинная исто-

⁷²⁹ Приведем, например, следующую риторическую карикатуру на Кальвина и политико-религиозный свод законов Колладона от Одена (*Life of Calvin*, ch. XXXVI, 354, Am. ed.): «Кругом говорили и писали лишь одно слово: *смерть*. Смерть всякому виновному в преступлении против Бога; смерть всякому виновному в преступлении против государства; смерть сыну, который бьет или прокликает своего отца; смерть прелюбодею; смерть еретикам... В течение двадцати лет, начиная с возвращения Кальвина, история Женевы — это кровавая драма, при созерцании которой душу охватывают жалость, ужас, страх, негодование и скорбь. На каждом шагу мы встречаем цепи, тернии, костры, щипцы, кипящую смолу, огонь и серу. И кругом кровь. Мы словно оказываемся в Дантовом “Аду”, где постоянно звучат вздохи, стоны и плач».

⁷³⁰ Это письмо к Перрену не датировано, но, вероятно, оно написано в апреле 1546 г. См. *Opera*, XII. 338 sq. и Bonnet, II. 42 sq.

⁷³¹ *Opera*, vol. XXXI, 27

рия, но достаточно будет краткого упоминания. Меня немало утешает то, что Давид до меня вел эту борьбу. Потому что, как филистимляне и другие иноземные враги постоянно беспокоили святого царя, воюя с ним, как грех и предательство неверных из его собственной семьи огорчали его еще больше, так и на меня нападают со всех сторон, и мне с трудом удастся найти минуту отдыха от внешней или внутренней борьбы. Но когда сатана предпринимает столько усилий, чтобы уничтожить нашу церковь, мне, каким бы невоинственным и робким я ни был⁷³², приходится подвергаться убийственным нападениям и отражать их. Пять долгих лет мне пришлось непрестанно сражаться ради поддержания дисциплины, ибо эти злодеи были слишком сильны, чтобы их легко можно было преодолеть, и часть народа, развращенная ими, желала только разнузданной свободы. Для этих недостойных людей, презирающих святой закон, гибель церкви была незначительным вопросом. Они хотели лишь получить ту свободу, которой желали. Многие были движимы нуждой и голодом, некоторые — амбициями или постыдной жадностью выгоды, когда стремились к перевороту и готовы были рисковать собственной жизнью и жизнью других, лишь бы не подчиняться законам. Мне кажется, они испробовали все средства в течение того долгого периода, когда мы и не подозревали, что именно готовится в мастерской сатаны. Их грешные замыслы закончились постыдным поражением. Передо мной предстала печальная драма; они заслужили всяческих наказаний, но я бы радовался, если бы они жили в мире и уважении; так и было бы, если бы они не отвергали все разумные увещания».

В какой-то момент он почти не верил в успех. Он писал Фарелю 14 декабря 1547 г.: «Всё так запутано, что я отчаялся сохранять церковь и далее, по крайней мере, своими собственными силами. Да услышит Господь твои неустанные молитвы обо мне». Вире же он писал 17 декабря 1547 г.: «Грех достиг здесь такого размаха, что я почти не надеюсь сохранить церковь, по крайней мере силами моего служения. Поверь мне, мои силы иссякли, если Бог не протянет ко мне Свою руку»⁷³³.

Противниками Кальвина были, за небольшими исключениями, те же, кто изгнал его в 1538 г. И они не переставали сожалеть о его возвращении. На время они уступили давлению общественного мнения и политической необходимости, но когда Кальвин стал насаждать дисциплину гораздо более строгую, чем они ожидали, они проявили свою прежнюю враждебность и критиковали все акты консистории и совета, какие могли. Они возненавидели его больше, чем папу⁷³⁴. Им было ненавистно само слово «дисциплина». Они прибегали к личным нападениям и угрозам; они прозвали Кальвина «Каином» и называли его именем уличных собак; они оскорбляли его по дороге в лекционный зал; однажды ночью они сделали пятьдесят выстрелов перед окнами его спальни; они угрожали ему на кафедре; они приходили к причастию и пытались вырвать у него священные дары, но он не дал осквернить таинство. Он ходил среди возбужденной толпы и

⁷³² *Qui imbellis sum et meticulosus*; во французском издании — *tout foible et craintif que je suis*. Он не раз ссылается на свою природную робость; однако несколько раз он рисковал жизнью.

⁷³³ Bonnet, II. 133 sq., 135; *Opera*, XII. 632 sqq. Письмо к Вире написано 17 декабря, а не 14-го, как сказано у Бонне.

⁷³⁴ Возможно, именно он принадлежит высказывание: «Лучше быть с Безой в аду, чем с Кальвином на небесах». (Однако Беза был полностью согласен с Кальвином в плане дисциплины и учения.) Об этом сообщает Папирий Массон: *Genevenses inter jocos dicebant, malle se apud inferos cum Beza quam apud superos esse cum Calvino*. Audin, p. 487.

подставлял грудь кинжалам. 15 октября 1554 г. он писал старому другу: «Псы лают на меня со всех сторон. Везде меня называют еретиком, на меня обрушивают всевозможные проклятия; одним словом, враги из моей собственной паствы нападают на меня более ожесточенно, чем враги из папистов»⁷³⁵.

Однако среди всех этих волнений он продолжал выполнять свои обязанности и нашел время для написания некоторых из самых важных своих трудов.

Кажется невероятным, что человек такого хрупкого сложения и природной робости смог победить такое решительное и яростное сопротивление. Это объясняется справедливостью его дела, моральной чистотой и величием его характера, которые произвели сильное впечатление на женевцев.

Мы должны различать две партии среди врагов Кальвина: патриотов, которые выступали против него по политическим причинам, и либертинов, которые ненавидели его религию. Но они объединились для свержения Кальвина и его ненавистной системы дисциплины. У них было много последователей среди недовольной разнузданной толпы, которая всегда есть в большом городе и всегда готова к революциям, которой нечего терять и нечего приобретать.

1. ПАТРИОТЫ, или ДЕТИ ЖЕНЕВЫ (*Enfants de Genève*), как они себя называли, принадлежали к некоторым древнейшим и самым влиятельным семействам Женевы: Фавр (или Фабри), Перрен, Вандель, Бертелье, Амо⁷³⁶. Они или их отцы принимали активное участие в достижении политической независимости и даже в начале Реформации, видя в ней средство защиты этой независимости. Но их не интересовало учение Реформации. Они хотели свободы без закона. Они сопротивлялись всяким ограничениям своей личной свободы и любви к развлечениям. Они ненавидели евангельскую дисциплину еще больше, чем иго Савойи.

Они также невзлюбили Кальвина как иностранца, который даже не натурализовался до 1559 г. В своей гордости и национальных предубеждениях они осуждали беженцев, пожертвовавших своими домами и состоянием ради религиозных убеждений, как авантюристов, искателей приключений, банкротов и шпионов реформатора. «Из-за этих псов-французов, — говорили они, — мы стали рабами, мы должны кланяться Кальвину и исповедоваться в своих грехах. Пусть проповедники и их свора отправляются в...». Они не разрешали беженцам носить оружие, были против наделения их гражданскими правами, так как существовала опасность, что их будет слишком много и что они вытеснят местное население. Кальвин в 1559 г. большинством голосов совета за один раз добился принятия трехсот беженцев, в основном французов.

Патриотам не нравился также протекторатерна, хотя Берн никогда не подерживал строгого богословия и дисциплины Кальвина.

2. ЛИБЕРТИНЫ⁷³⁷ или СПИРИТУАЛЫ, как они себя называли, были гораздо хуже патриотов. Они склонялись к крайности, противоположной дисциплине Кальвина. Он заявляет, что они — самая опасная из всех сект, какие появлялись со времен древних гностиков и манихеев, и что они соответствуют пророческому описанию во Втором послании Петра и Послании Иуды. Он прослеживает их происхождение до Коппина из Иссея и Квентина из Геннегау, в Нидерландах, и бывшего священника Поке или Пока, который провел некоторое время в Же-

⁷³⁵ *Opera*, XV. 271.

⁷³⁶ Галиффы справедливо описывают враждебность этих древних семейств к Кальвину, но преувеличивают литературные и моральные достоинства их предков, которыми те обязаны влиянию Реформации.

⁷³⁷ Синагога либертинцев в Иерусалиме была против Стефана, предтечи Павла, Деян. 6:9.

неве и хотел получить место в церкви от Кальвина; но Кальвин был пронизателен и отказал ему. Они возродили антиномианские учения средневековой секты «братьев и сестер вольного Духа» — ответвления бегардов, центром которых был Кельн и низовья Рейна и которые считали себя свободными не только от церкви, но и от законов нравственности⁷³⁸.

Либертины, которых описывал Кальвин, были антиномианскими пантеистами. Они путали истину и заблуждение, правильное и неправильное. Под предлогом свободы духа они выступали за неукротимую разнузданность плоти. Их спиритуализм приводил к плотскому материализму. Они учили, что существует только один дух, Дух Божий, Который живет во всех существах, и они — ничто без Него. «Всё, что мы с вами делаем, — говорил Квентин, — сделано Богом, и что делает Бог, то делаем мы; ибо Он в нас». Грех — это лишь отрицание или недостаток, праздная иллюзия, которая исчезает, если ее познать и отвергнуть. Спасение — это избавление от призрака греха. Нет ни сатаны, ни ангелов, добрых или злых. Они отрицали истинность истории Евангелия. В распятии и воскресении Христа они находили лишь символическое значение, цель которого — показать нам, что греха для нас уже не существует.

Либертины учили общности имущества и женщин и ставили духовный брак выше законного, который является плотским и ни к чему не обязывает. Жена Амо оправдывала свою распущенность учением об общении святых и первой заповедью, которую Бог дал человеку: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт. 1:28).

Либертины отвергали Писание как мертвую букву или же прибегали к странным аллегорическим толкованиям, чтобы подтвердить свои вымыслы. Каждому из апостолов они дали ироническое прозвище⁷³⁹. А некоторые довели свою систему до откровенного атеизма и антихристианской хулы.

Они использовали особый жаргон, как цыгане, и искажали обычные слова, придавая им тайное значение. Они умело притворялись и оправдывали «благочестивый» обман притчами Христа. Они приспосабливались к католикам или протестантам, в зависимости от обстоятельств, и скрывали от непосвященных свои настоящие взгляды.

Эта секта распространилась среди высших слоев общества во Франции. Они обратили около четырех тысяч человек. Квентин и Поке добились милости у королевы Маргариты Наваррской, которая защищала и поддерживала их при своем маленьком дворе в Нераке, хотя и не переняла их мнений и практик⁷⁴⁰. Она была оскорблена суровыми высказываниями Кальвина против них. Кальвин оправдывал свое поведение в ответе от 28 апреля 1545 г., который отличается вежливостью, искренностью и достоинством. Кальвин заверил королеву, которая и его тоже когда-то защищала от преследователей, что он не хотел нападать на ее честь или проявлять неуважение к ее королевскому величеству, а просто испол-

⁷³⁸ Гизелер связывает эти секты (vol. III, part I, 385); ср. II, part III, 266. Страйп говорит о существовании подобной секты в Англии в более поздний период, *Annals*, vol. II, part II, 287 sqq. (цит. в Dyeg, p. 177).

⁷³⁹ Святого Матфея, мытаря, они называли «ростовщиком» (*usurier*); святого Павла — «разбитым сосудом» (*pot-cassé*); святого Петра, который отрекся от Христа, — «отвергшим Бога» (*renon-cœur de Dieu*); святого Иоанна — «ребячливым юнцом» (*jouvenceau et follet*), и т. д.

⁷⁴⁰ Бонне, в примечании о письме Кальвина к королеве (I. 429), говорит о ней: «В конце жизни [она умерла в 1549 г.] ее благочестие постепенно выродилось в некий созерцательный мистицизм, основной особенностью которого было равнодушие к внешнему и объединение внешних требований Римской церкви с внутренней жадью более чистой веры». См. выше, §76.

нял свой долг служителя. «Даже собака лает, когда видит, что на ее хозяина нападают. Как могу я молчать, если нападают на Божью истину⁷⁴¹?.. Вы говорите, что не хотите иметь такого слугу, как я, и я признаюсь, что не способен послужить вам, да вам и не нужна моя служба... Однако я привязан к вам, и ваше презрение не помешает мне быть в глубине души вашим скромным слугой. Что до остального, те, кто знает меня, прекрасно понимают, что я никогда не стремился попасть ко дворам князей и не искал мирских почестей⁷⁴². Ибо у меня есть причины удовлетворяться служением доброму Господину, Который принял меня и дал мне почетную должность, и я занимаю ее, какой бы презренной она ни была в глазах мира. Воистину, я был бы неблагодарным сверх меры, если бы не предпочитал это положение богатствам и почестям мира»⁷⁴³.

Беза говорит: «Благодаря Кальвину эта ужасная секта, в которой возродились все самые чудовищные ереси древних времен, не пересекла границ Голландии и прилегающих областей».

Во время суда над Серветом либертины от политики и религии совместно пытались свергнуть Кальвина в Женеве, но потерпели окончательное поражение после попытки восстания в мае 1555 г.

§109. Вожди либертинов и их наказание: Грюэ, Перрен, Амо, Вандель, Бертелье

Теперь мы рисуем портреты главных патриотов и либертинов, а также расскажем об их ссорах с Кальвином и его системой дисциплины. Еретики-оппоненты — Бользек, Кастеллион и Сервет — будут рассмотрены в отдельной главе о доктринальных спорах.

1. Жак Грюэ был первой жертвой дисциплины Кальвина, которая приняла смерть за подстрекательство к бунту и богохульство. Его случай — самый известный после случая Сервета. Грюэ⁷⁴⁴ был либертином наихудшего вида в политическом и религиозном отношении и был бы осужден на смерть в любой другой стране в те времена. Это был патриот, происходивший из древней и уважаемой семьи, бывший каноник. Его подозревали в попытке отравить Вире в 1535 г. Он писал против Кальвина и беженцев стихи, в которых (по словам Одена) было «больше злобы, чем поэзии». Он регулярно посещал таверны и был против всех законов церкви и государства, которые мешали его личной свободе. В церкви он дерзко и с презрением смотрел в лицо проповедника. Он первым перенял бернскую моду носить штаны с косичками на коленях и открыто пренебрегал запретом консистории на такую одежду. Кальвин называл его подлецом и неблагоприятно отзывался о его моральном и религиозном характере, что вполне подтверждают факты.

⁷⁴¹ *Un chien abaye, sil voyt quon assaille son maistre; ie serois bien lasche, si en voyant la verite de dieu ainsi assallye, ie faisois du muet sans sonner mot?*

⁷⁴² *Au reste, ceulx qui me cognoissent, savent bien que nay iamais aspire davoit entree aux courtz des princes, dautant que ie nestois pas tenté de parvenir aux estatx (honorum studio titillatus).*

⁷⁴³ Французский оригинал в Henry, П. Beilage, 14, p. 112 sqq.; также в Bonnet и в Opera, XII. 64-68. В латинских изданиях вместо 28 апреля письмо датировано 20-м числом.

⁷⁴⁴ Сын Юмбера Грюэ, нотариуса Женевы; не следует путать его с каноником Клодом Грюэ. См. Opera, XII. 546, note 9; Bonnet, Letters fr. I. 212; Henry, П. 440.

27 июня 1547 г., через несколько дней после того, как жена Перрена послушалась консистории⁷⁴⁵, на кафедру Кальвина в церкви Св. Петра подложили следующую листовку, написанную на савойском разговорном языке:

Великий лицемер (*Gros panfar*), ты и твои друзья немногого добьетесь. Если вы не спасетесь бегством, никто не помешает свергнуть вас, и ты проклянешь тот час, когда перестал быть монахом. Нас уже предупреждали, что дьявол и его священники-ренегаты придут сюда, чтобы все погубить. Но теперь народ долго страдал и отомстит за себя. Остерегайся, чтобы с тобой не обошлись как с господином Верлем из Фрейбурга⁷⁴⁶. Мы не потерпим столько господ. Хорошо запомни мои слова⁷⁴⁷.

Совет арестовал Жака Грюэ, который, как было известно, за несколько дней до того угрожал Кальвину и писал нечестивые и аморальные стихи и письма. В его доме нашли копию труда Кальвина против либертинов с заметкой на полях, *Toutes folies*, а также несколько бумаг и писем, в которых Кальвин был заклеен как высокомерный, амбициозный и упрямый лицемер, желающий, чтобы его обожали, и готовый украсть у папы его почести. Нашли также две страницы на латыни, написанные рукой Грюэ, в которых высмеивалось Писание, присутствовала хула на Христа, а греховность души называлась сном и басней.

Грюэ пытался каждый день в течение месяца, по немилосердному обычаю того времени⁷⁴⁸. Он признался, что подложил листовку и что бумаги, найденные у него в доме, принадлежат ему, но отказался назвать своих сообщников. Его осудили за религиозные, моральные и политические преступления, объявили виновным в презрительном отношении к религии, в провозглашении того, что законы, человеческие и божественные, — это человеческая прихоть и что блуд — не преступление, если он совершается по согласию обеих сторон; а также в том, что он угрожал клиру и самому совету⁷⁴⁹.

Он был обезглавлен 26 июля 1547 г. Казнь не устрасила либертинов, а еще больше раззадорила их. Три дня спустя совету сообщили, что более двадцати молодых людей устроили заговор, чтобы бросить Кальвина и его коллег в Рону. Когда он ходил по улицам, его оскорбляли, ему угрожали.

Через два или три года после смерти Грюэ был обнаружен его трактат, полный ужасной хулы на Христа, на деву Марию, пророков и апостолов, на Писание и религию вообще. Он хотел доказать, что основатели иудаизма и христианства были преступниками и что Христа распяли справедливо. Некоторые путают этот трактат с книгой *De tribus Impostoribus*, которая относится к эпохе императора Фридриха II и в которой Моисей, Христос и Мухаммед объявлены мошенниками от религии.

⁷⁴⁵ По поводу даты см. *Opera*, XII. 546, note 7, и *Annal.* XXI. 407, sub Lundi Juin 27: «*Un écrit violent contre Calvin et ses collègues est trouvé dans la chaire d'un des temples*. Письмо Кальвина к Вире, 2 июля 1547 г.: *Postridie reperitur charta in suggestu qua mortem nobis minantur*.

⁷⁴⁶ Петра Вернли, каноника Св. Петра, протестанты убили в сражении, когда он попытался бежать, 4 мая 1533 г.

⁷⁴⁷ *Nota bin mon dire*. См. оригинал в *Opera*, XII. 546, note 8. Габерель и Руша приводят текст на современном французском. Издатели *Opera* относят *panfar* к Авелю Пупену (*Panfar ventrosum dicit Poupinum*).

⁷⁴⁸ Но в случае с Джентиле и Серветом пытки не упоминаются.

⁷⁴⁹ Приговор гласил (*Opera*, XII. 667): *Par iceste nostre diffinitive sentence, laquelle donnons icy par escript, toy Jaque Gruet condamnons a debvoir estre mene au lieu de Champel et illect debvoyer avoyer tranche la teste de dessus les espaulles, et ton corps attache aut gibet et la teste cloye en jelluy et ainsy finiras tes jours pour donner exemple aux aultres qui tel cas voudroyent commestre*. Его обвиняли в хуле на Бога, в оскорблении гражданских властей, в угрозах слушателям Божиим и в *crime de leze majeste meritant pugnition corporelle*.

Пасквиль Грюэ был, по совету Кальвина, публично сожжен палачом напротив дома Грюэ 22 мая 1550 г.⁷⁵⁰

2. Ами ПЕРРЕН (Ами Пьер), военачальник (капитан-генерал) республики, был самым популярным и влиятельным из вождей партии патриотов. Он был одним из первых сторонников Реформации, хотя скорее по политическим, чем по религиозным соображениям; он защищал Фареля от насилия священников и был назначен делегатом в Страсбург, чтобы вернуть Кальвина в Женеvu⁷⁵¹. Он был одним из шести мирян, которые вместе со служителями составляли церковный устав в 1542 г., и в течение некоторого времени поддерживал Кальвина и его реформы. Он владел мечом, но не пером. Он был тщеславным, амбициозным, претенциозным и театральным. Кальвин называл его, в насмешку, императором со сцены, который играет то *Caesar comicus*, то *Caesar tragicus*⁷⁵².

Жена Перрена, Франческа, была дочерью Франсуа Фавра, который играл важную роль в политической борьбе против Савойи, но принимал вседозволенность за свободу и ненавидел Кальвина как тирана и лицемера. Вся его семья разделяла эту ненависть. Франческа была очень склонна к танцам и кутежам, обладала неукротимым нравом и была несдержанна на язык. Кальвин называл ее «Пентесилеей» (царица амазонок, которая воевала с греками и была убита Ахиллом) и «чудовищной фурией»⁷⁵³.

Он слишком поздно обнаружил, как неразумно и опасно ссориться с женщиной. Он забыл об отношении Христа к женщине, взятой в прелюбодеянии, и к Марии Магдалине.

Вследствие безобразной сцены, которая разыгралась во время свадьбы в доме вдовы Балтазара в Бель-Рив, семейство Фавр, присутствовавшее там, было осуждено консисторией и наказано советом. В апреле 1546 г. Перрен, его жена и ее отец были на несколько недель посажены в тюрьму. Фавр отказался исповедоваться и отправился в тюрьму, восклицая: «Свобода! Свобода! Я отдал бы тысячу

⁷⁵⁰ Источники по делу Грюэ — это акты уголовного процесса и приговор, в *Opera*, XII. 563-568 (на французском); письма Кальвина к Вире от 2 и 24 июля 1547 г. (*Opera*, XII. 545, 559; Bonnet II. 108, 114); доклад Кальвина о богохульственном пасквиле Грюэ, в *Opera*, XIII. 568-572 (на французском, также в Henry, II. 120, и в Jules Bonnet, French ed., I. 311; English ed., II. 254); *Reg. du Conseil*, 25 июля 1547 г., 22 мая 1550 г., в *Annal.* 409, 465. — Из современных авторов см. Henry, (II. 410, 439, 441 sqq.; сокращенный вариант в переводе Стеббинга, II. 64 sqq.); Audin, ch. XXXVI (pp. 396 sqq. в англ. перев.); Dyer, 213 sqq.; Stähelin, I. 399 sqq.

⁷⁵¹ 21 октября 1541 г. Но день спустя совет назначил вместо него Дюфура. *Annal.* 267. См. выше, §94.

⁷⁵² Беза называет его *vanissimus, sed audax et ambitiosus* (XXI. 138). Оден, защитник всех врагов Кальвина, описывает Перрена как «человека благородной природы, который носил меч с великим изяществом, одевался со вкусом и с легкостью вел беседу, но хвастался за столом и перед советом, где заглушал всех своим хвастливым красноречием, своими приступами самолюбия и своим театральным поведением... Что касается прочего, то, как все люди подобного рода, он обладал прекрасным сердцем, был преданным другом, храбрцом и патриотом до крайности. За столом ему нравилось передразнивать реформатора, строить вытянутое лицо, моргать и принимать вид отшельника из Фиваиды» (р. 390). Главный защитник Перрена — младший Галифп.

⁷⁵³ *Prodigiosa furia*. Письмо к Фарелю от 1 сентября 1546 г. (в *Opera*, XII. 377 sq., также Bonnet, II. 56). В том же письме он говорит: «Она бесстыдно защищает всякие преступления». Она не щадила жену Кальвина и заявляла своим друзьям, что Иделетт была блудницей, поскольку Кальвин признавался при крещении своего ребенка, что она и ее бывший муж были анабаптистами. Так Кальвин сообщает Фарелю 21 августа 1547 г. (в *Opera*, XII. 580 sq.; Bonnet, II. 124). Оден оправдывает Франческу как «одну из тех женщин, которых наш старик Корнель сделал бы героинями; страстную, холерическую, любящую удовольствия, влюбленную в танцы и ненавидящую Кальвина, как Лютер ненавидел монахов» (р. 390).

крон за созыв общецерковного собора!»⁷⁵⁴ Перрен смиренно извинился перед консисторией. Кальвин заявил семейству Фавров, что пока они живут в Женеве, они должны подчиняться законам Женевы, даже если бы носили корону⁷⁵⁵.

С этого момента Перрен возглавил оппозицию Кальвину. Он открыто клеймил консисторию как папский суд. Он обладал влиянием на совет, и в результате в марте 1547 г. большинство проголосовало за то, чтобы взять контроль над церковной дисциплиной в свои руки. Но Кальвин так решительно сопротивлялся, что было решено оставить принятый устав⁷⁵⁶.

Перрен был отправлен послом в Париж (26 апреля 1547 г.) и был принят там с почестями. Кардинал Дю Белле расспрашивал его, могут ли французские войска под его командованием прийти в Женеву, чтобы помешать враждебным замыслам немецкого императора против Швейцарии. Он дал согласие. А отсюда возникли подозрения в его верности.

В его отсутствие госпожа Перрен и ее отец опять предстали перед консисторией, обвиняемые за участие в вакханалии (23 июня 1547 г.). Фавр отказался явиться. Франческа заявила, что суд не имеет права расследовать ее личную жизнь. Когда ее начали увещевать, она вышла из себя и назвала проповедника, Авеля Пупена, «клеветником, оскорбившим ее отца, грубым свинопасом, подлым лжецом». Она опять была посажена в тюрьму, но бежала с одним из своих сыновей. Встретив Авеля Пупена у ворот города, она снова оскорбляла его, «еще более позорно, чем раньше»⁷⁵⁷.

27 июня 1547 г. была подброшена угрожающая листовка Грюэ⁷⁵⁸. Ходили слухи, что Кальвин убит. Он получал письма из Бургундии и Лиона о том, что «дети Женевы» предлагали за его голову пятьсот крон⁷⁵⁹.

Вернувшись из Парижа, Перрен был обвинен в измене и в том, что он намеревался ввести в Женеву двести французских всадников под своим командованием. Он оправдывался, заявляя, что принял командование над этими войсками с одобрения правительства Женевы. Бонивар, старый воин свободы и шильонский узник, выступил против Перрена. Послы из Берна попытались перевести гнев от Перрена на французского посла Мэгре Великолепного. Перрен был изгнан из совета и лишен должности капитана-генерала, но из тюрьмы его освободили, вместе с женой и тестем, только 29 ноября 1547 г.⁷⁶⁰

⁷⁵⁴ Кальвин напомнил Франческе в связи с этим случаем, что «ее отец уже раз был изобличен в прелюбодеянии [в 1531 г.] и что доказательство другого не за горами, а слухи ходят и о третьем». «...Я сказал, что ее брата открыто осуждают и что над ним смеется как совет, так и служители» (письмо к Фарелю, апрель 1546 г.). А она ответила: «Презренный, вы хотите пить кровь нашей семьи, но вы покинете Женеву раньше нас». См. примечания в *Opera*, XII. 334.

⁷⁵⁵ См. письма Кальвина к Фарелю, апрель 1546 г. и 1 сентября 1546 г. (*Opera*, XII. 334 sqq., 377 sq., Bonnet II. 38, 56), а также выдержки из записей консистории и совета в *Annal.* 377 sqq. См. также Duer, 208 sq.; Audin, 391 sq. Оден живо описывает свадьбу, танцы в Бель-Рив и заседание консистории.

⁷⁵⁶ См. выдержки из *Rég. du Conseil* от марта и апреля 1547 г. в *Annal.* 399-406.

⁷⁵⁷ Кальвин к Вире, 2 июля 1547 г. (*Opera*, XII. 545, Bonnet, II. 108). См. также *Annal.* 407 sq.; Gaberel, I. 387; Roget, II. 284. Бонивар, а вслед за ним Габерель утверждают, что Франческа направила своего коня на Авеля и пыталась его задавить и что он с трудом избежал серьезной травмы. См. примечание 6 в *Opera*, XII. 546.

⁷⁵⁸ См. выше.

⁷⁵⁹ Кальвин Фарелю, 21 августа 1547 г. (*Opera*, XII. 580; Bonnet, II. 123, note); *Reg. of the Consistory*, 1 сентября 1547 г.

⁷⁶⁰ *Reg. du Conseil: Perrin est relâché vu sa long detention et crie merci. Annal.* 417. Франсуа Фавр

Либертины копили силы для ответного удара. Они созвали заседание совета двухсот, от которого ожидали больше поддержки. Бурная сцена разыгралась 16 декабря 1547 г. в здании сената, когда Кальвин, безоружный и рискующий жизнью, появился среди вооруженной толпы и призвал, если они хотят проливать кровь, начать с него. Ему удалось, благодаря своей смелости и красноречию, успокоить бурю и предотвратить бойню. Это была великая победа разума над страстями и моральной силы над физической⁷⁶¹.

Самые способные критики Кальвина не могут не воздать дань ему и правдивости этой истории. Вот драматический рассказ.

«Совет двухсот собрался. Никогда не было более беспокойного заседания; партии, устав говорить, взялись за оружие. Народ услышал этот призыв. Появляется Кальвин, которого не ждали; в нижней части зала ему, крича, угрожают смертью. Он складывает руки на груди и твердо смотрит смутьянам в лицо. Никто не осмеливается ударить его. Потом он проходит на середину, с неприкрытой грудью; «если вы хотите крови, — говорит он, — вот тут несколько капель; бейте же!» Ни одна рука не поднялась. Тогда Кальвин медленно поднимается по лестнице к совету двухсот. Зал вот-вот должен был наполниться кровью; мечи сверкали. Когда все увидели реформатора, то опустили оружие, и нескольких слов хватило, чтобы всех успокоить. Кальвин, взяв за руку одного из советников, спустился с лестницы и сказал народу, что хотел бы к ним обратиться. Он говорит с такой силой и чувством, что слезы льются у них из глаз. Они обнимают друг друга, толпа удаляется в молчании. Патриоты проиграли. С этого момента легко было предсказать победу реформатора. Либертины, которые были такими смелыми, когда вопрос шел о разрушении фасада католического здания, о низвержении статуи святого или о сокрушении старого деревянного креста, подточенного временем, дрожали, как женщины, перед человеком, который в данном случае проявил поистине героизм персонажей Гомера»⁷⁶².

Несмотря на эту победу, Кальвин не доверял своим врагам и в письмах к Фарелю и Вире выражал даже страх, что не сможет дальше удерживать свои позиции, если Бог не протянет ему руку помощи⁷⁶³.

Между соперничающими партиями установилось нечто вроде перемирия. «Наш Цезарь (*hesternus noster Caesar*), — писал Кальвин Фарелю 28 декабря 1547 г., — отрицает, что держит на меня зло, и я сразу же пошел ему навстречу и приступил к делу. В серьезной и сдержанной речи я, правда, использовал несколько резких упреков (*punctiones acutas*), но не таких, чтобы ранить; однако, хотя он пожал мне руку, обещая исправиться, я все же боюсь, что говорил с глухим»⁷⁶⁴.

был уже лишен прав гражданства (5 октября), потому что призывал выступить против французских беженцев и называл Кальвина *le grand diable*. *Ibid.*, 413 sq.

⁷⁶¹ 16 декабря (а не 16 сентября) — дата, приведенная в актах совета достопочтенных, цит. в *Annal.* 418. Беза кратко намекает на эту сцену; Кальвин рассказывает о ней в письме к Вире от 17 декабря 1547 г., через день после события (*Opera*, XII. 632 sq.). Неправильная дата (14 декабря) стоит в Бонне (II. 134, очевидно, опечатка), 17 сентября — в Henry (II. 434) и в Dyer (p. 219). Последняя ошибка просочилась в латинские издания, вопреки рукописям, в которых говорится о 17 декабря. Начало письма не сохранилось, впервые оно было опубликовано Безой. Галифф не обращает на него внимания. См. примечания страсбургских издателей, XII. 633.

⁷⁶² Audin, *Life of Calvin*, p. 394.

⁷⁶³ См. отрывки в §108.

⁷⁶⁴ *Opera*, XII. 642 sq.: *Tametsi resipiscentiam manu in manum implicita promisit, vereor, ne frustra*

На следующий год совет упрекнул Кальвина в том, что тот написал в частном письме Вире, которое было перехвачено, что жене́вцы «хотят править без Христа под видом христианства» и что ему приходится бороться с их «лицемерием». Кальвин призвал к себе на помощь Вире и Фареля, чтобы выразить нечто вроде извинения⁷⁶⁵.

Перрен вел себя тихо и воспользовался этим случаем. Он восстановил свое место в совете и должность капитан-генерала (которая была упразднена). Он даже был избран первым синдиком в феврале 1549 г. Он сохранял это положение и во время суда над Серветом и выступал против смертного приговора в совете (1553 г.).

Вскоре после казни Сервета либертины выступили против Фареля, который прибыл в Женеву и произнес очень суровую проповедь против них (1 ноября 1553 г.)⁷⁶⁶. Филибер Бертелье и его брат Франсуа Даниэль, которые управляли монетным двором, подстрекали работников бросить Фареля в Рону. Но его друзья охраняли его, а его защита перед советом убедила слушателей в его невиновности. Было решено забыть всю вражду и устроить пир. Перрен, главный синдик, чувствуя свою слабость или под действием лучших чувств, попросил у Фареля прощения и заявил, что будет считать его своим духовным отцом и наставником⁷⁶⁷.

После этого друзья Кальвина стали пользоваться большим весом в совете. Множество религиозных беженцев получило право гражданства.

Перрен, теперь член малого совета, и его друзья Пьер Вандель и Филибер Бертелье решили получить власть или погибнуть и устроили отчаянный и обреченный на провал заговор, который довершил их поражение. Они предложили убить всех иностранцев, которые прибыли в Женеву из-за религиозных преследований, а также всех жене́вцев, которые им симпатизировали, в воскресенье, когда народ будет в церкви. Но, к счастью, заговор был раскрыт до того, как его участники подготовились его исполнить. Когда бунтовщиков судили перед советом двухсот, у Перрена и нескольких других зачинщиков хватило дерзости занять свои места судей, но когда он увидел, что граждане серьезно склоняются к защите закона и порядка, он бежал из Женевы вместе с Ванделем и Бертелье. Глашатай призывал их, но они отказались явиться. В день суда пятеро беглецов были приговорены к смерти; Перрену к тому же должны были отрубить правую руку, так как он во время бунта выхватил у синдика его жезл. Приговор был приведен в исполнение символически в июне 1555 г.⁷⁶⁸

Их имущество было конфисковано, их жены изгнаны из Женевы. Должность капитан-генерала опять была упразднена, чтобы избежать опасности военной диктатуры.

---

surdo cecinerim fabulam. Дюер (р. 221) неверно датирует это письмо 2 декабря (вероятно, опечатка).

⁷⁶⁵ Акты совета за октябрь 1548 г., в *Annal.* 436-438. Примерно в то же время жена брата Кальвина, Антуана, была посажена в тюрьму по обвинению в прелюбодеянии. *Ibid.*, 441.

⁷⁶⁶ Его обвиняли в том, что он заявил: «Молодежь этого города хуже разбойников, убийц, воров, развратников и атеистов». 3 ноября 1553 г., в *Annal.* 559.

⁷⁶⁷ См. акты совета от 13 ноября в *Annal.* 561, 562.

⁷⁶⁸ *Rég. du Conseil*, 3 июня 1555 г., в *Annal.* 608: *Perrin est condamné par contumace quil ayt le poing du bras droit duquel il a attenté aux bastons sindicalz copé: et tous tans ledit Perrin que Belthesard, Chabod, Verna, et Michalet la teste copé: les testes et ledit poing cloués au gibet et les corps mis en quartier iouxte la coustume et condamnez a tous despens dampns et interestz.*

Но правительство Берна защитило беглецов и позволило им нападать на жевских граждан в пределах их досягаемости и обрушивать на Кальвина и Женеу всевозможные упреки и хулу.

Таким образом, «комический Цезарь» закончил как «трагический Цезарь». Беспристрастный биограф Кальвина называет последнюю главу биографии Перрена «карикатурой на заговор Катилины»⁷⁶⁹.

3. Случай ПЬЕРА АМО указывает на тесную связь между политическими и религиозными либертинами. Он был членом совета двухсот. Он добивался и добился развода с женой, которая была осуждена на пожизненное заключение за защиту и практику свободы в ее худшем проявлении. На ужине в собственном доме он напивался и обвинял Кальвина, как лжеучителя и очень плохого человека, считая его не более чем мошенником⁷⁷⁰.

За это оскорбление Амо был посажен советом в тюрьму на два месяца и уплатил штраф в шестьдесят эю. Он извинился и взял свои слова обратно. Но Кальвин не был удовлетворен и потребовал второго заседания. Совет приговорил Амо к унижительному наказанию под названием *amende honorable*: он должен был пройти по улицам города в рубашке, с непокрытой головой и горящим факелом в руке, а потом на коленях просить прощения у Бога, совета и Кальвина. Этот жестокий приговор вызвал бунт в квартале Святого Гервасия, но совет отправился туда, велел закрыть винные магазины и соорудить виселицу, намереваясь запугать толпу. Приговор над Амо был приведен в исполнение 5 апреля 1546 г. Два проповедника, Анри де ла Мар и Эме Мэгре, которые принимали участие в попойке, были смещены. Первый из них сказал перед советом, что Кальвин «хороший и добродетельный человек, и очень умен, но иногда руководствуется своими страстями, нетерпелив, полон ненависти и мстителен». Второй совершил более серьезные преступления⁷⁷¹.

4. ПЬЕР ВАНДЕЛЬ был симпатичным, блестящим и фривольным кавалером, он любил окружать себя слугами и приближенными, носил кольца на пальцах и золотую цепь на груди. Он активно участвовал в изгнании Кальвина и выступал против него после возвращения. Он был посажен в тюрьму за свои кутежи и высокомерное поведение перед консисторией. Он был синдиком в 1548 г., играл важную роль в заговоре Перрена и разделил с ним осуждение и изгнание⁷⁷².

5. ФИЛИБЕР БЕРТЕЛЬЕ, недостойный сын выдающегося патриота, обезглавленного в 1519 г. за участие в войне за независимость, был одним из самых коварных врагов Кальвина. Он отправился в Нуайон, если верить Бользеку, чтобы вернуться со скандальными известиями о юности реформатора, которые Бользек опубликовал через тринадцать лет после смерти Кальвина, но без доказательств⁷⁷³. Если бы у либертинов была такая информация, они бы ею воспользовались. Бертелье описан Безой как «человек крайне высокомерный» и «винов-

⁷⁶⁹ Dyer, p. 397.

⁷⁷⁰ Он сказал, согласно записям совета, 27 января 1546 г., *que M. Calvin estoit meschant homme et nestoit que un picard et preschoyt faulce doctrine*, и т. д. См. о его деле в *Annal.* 368, 370, 371. Оден называет Амо «пьяницей со злым языком и слабой волей» (р. 386). Он довольно забавно описывает попойку.

⁷⁷¹ *Annal.* 378, 380. Служители ходатайствовали за де ла Мар, и совет выделил ему шесть эю. Мэгре был признан виновным в пренебрежении своими обязанностями и в посещении домов с дурной славой.

⁷⁷² *Annal.* 411, 611 sq.; *Opera*, XII. 547, note 14, со ссылками на Галиффа, Бонивара и Роже.

⁷⁷³ См. выше, §69. Отвратительная клевета о содомии, которую отвергает даже Галифф, но Оден и Спалдинг не стесняются повторять.

ный во многих преступлениях». Он был отлучен консисторией в 1551 г. за оскорбление Кальвина, непосещение церкви и другие преступления и отказался каяться. Кальвина на этих заседаниях не было по причине болезни. Бертелье апеллировал к совету, секретарем которого он был. Совет сначала подтвердил решение консистории, но потом освободил его, когда синдиком был Перрен и в период суда над Серветом, и дал ему письма отпущения, скрепленные печатью республики (1553 г.).⁷⁷⁴

Таким образом, Кальвин вступил в прямой конфликт с советом и был вынужден либо подчиниться, либо не подчиниться; в последнем случае он рисковал быть изгнанным во второй и последний раз. Но он был не тем человеком, чтобы уступать в такой ситуации. Он решил пойти против совета со своим непреклонным *non possumus*.

В воскресенье после прощения Бертелье должно было состояться сентябрьское причастие. Кальвин, как обычно, проповедовал в церкви Св. Петра и в конце проповеди заявил, что не осквернит таинство, подавая его отлученному человеку. Потом, возвысив голос и подняв руки, он произнес слова святого Златоуста: «Я бы отдал свою жизнь, чтобы из этих рук священные дары Бога не попали к тем, кто презирает их».

Это было еще одним проявлением возвышенного христианского героизма.

На Перрена, который все же уважал религию и характер Кальвина, это торжественное предупреждение произвело такое впечатление, что он тайно приказал Бертелье не подходить к причастию. Причастие прошло, как сообщает Беза, «в глубоком молчании, со священным трепетом, как будто Сам Бог зримо присутствовал среди них»⁷⁷⁵.

Днем Кальвин, в последний раз, проповедовал о прощальном обращении Павла к ефесским старейшинам (Деян. 20:31); он призвал собрание пребывать в учении Христа и заявил о своей готовности служить церкви и каждому из ее членов, а в заключение добавил: «Положение вещей таково, что, может быть, это моя последняя проповедь для вас, ибо те, кто у власти, вынуждают меня делать то, чего Бог не допускает. Поэтому я должен, возлюбленные, как Павел, вверить вас Богу и Слову Его благодати»⁷⁷⁶.

Эти слова произвели сильное впечатление и на злейших его врагов. На следующий день Кальвин, вместе с коллегами и пресвитерами, попросил у совета аудиенции в присутствии народа, так как нарушался закон, который был санкционирован всеобщей ассамблеей. Совет отказал ему, но решил отложить принятие постановления, согласно которому совет наделялся правом отлучения.

Среди всех этих волнений продолжался суд над Серветом, который закончился его смертью на костре 27 октября. Несколько дней спустя (3 ноября) Бертелье снова попросил допустить его к причастию — человека, который пренебрегал религией. Совет, осудивший еретика, не хотел подчиняться Кальвину как законодателю и хотел сохранить за собой власть отлучения. Но чтобы избежать разрыва со служителями, которые не хотели идти на компромисс, совет решил узнать мнение четырех швейцарских кантонов по этому вопросу⁷⁷⁷.

⁷⁷⁴ См. выдержки из регистров за март и апрель 1551 г., а также за сентябрь 1553 г., *Annal.* XXI. 475-479, 551 sq.

⁷⁷⁵ См. акты совета и совета достопочтенных, 2 сентября 1553 г., в *Annal.* 551.

⁷⁷⁶ Проповедь была записана стенографом и переведена Безой на латынь.

⁷⁷⁷ *Rég. du Conseil*, 7, 9, 23, 28 ноября 1553, в *Annal.* 559-562.

Буллинггер, от имени церкви и городских властей Цюриха, ответил в декабре, по сути одобряя взгляды Кальвина, хотя частным образом отговаривал его от чрезмерной суровости. Власти Берна ответили, что у них в церкви нет отлучений. Ответы двух других кантонов утрачены, но, похоже, они поддержали Кальвина.

Тем временем ситуация становилась более обнадеживающей. 1 января 1554 г., во время пира, данного советом и судьями, в присутствии Кальвина, было выражено желание всеобщего мира. 2 февраля совет двухсот поклялся, с поднятыми руками, слушаться учения Реформации, забыть прошлое, отказаться от ненависти и вражды и жить в единстве.

Кальвин считал это лишь перемирием и ждал дальнейших неприятностей. Он заявил перед советом, что готов простить всех своих врагов, но не согласен жертвовать правами консистории и предпочитает покинуть Женеву. Волнения продолжались до 1554 г. Оппозиция проявилась вновь в заговоре против иностранцев и совета, который мы уже описывали. Заговор не увенчался успехом. Бертелье, вместе с Перреном, был приговорен к смерти, но бежал вместе с ним⁷⁷⁸.

Это было концом либертинства в Женеве.

§110. Возрожденная Женева. Свидетельства древние и новые

Конечные результаты этого долгого конфликта с либертинством — лучшее оправдание Кальвина. Женева стала обновленным городом, ее моральное и духовное процветание отличало ее от всех прочих христианских городов в течение жизни нескольких поколений. Например, просто поразительным был контраст между нею и Римом, городом наместника Христа и его кардиналов, каким он предстает в описаниях католических авторов XVI века! Если когда-либо в этом грешном мире и существовал идеал христианского общества, реализованный в гражданской общине со смешанным населением, это была Женева с середины XVI до середины XVIII века, когда революционный и атеистический гений Руссо (уроженца Женевы) и Вольтера (который двадцать лет прожил по-соседству, в своем имении в Ферне) начал губить влияние реформатора.

После окончательного краха либертинской партии в 1555 г. серьезных нарушений спокойствия больше не наблюдалось и дело Кальвина развивалось беспрепятственно. Власти государства столь же ревностно относились к чести церкви и к славе Христа, как и служители Евангелия. Церкви были наполнены. Слово Божье проповедовалось ежедневно. Семейное поклонение было правилом. Молитва и пение псалмов не прекращались. Казалось, весь город представлял общину искренних и пылких христиан, которые вели себя в соответствии с тем, во что верили. Каждую пятницу в церкви Св. Петра проводилась духовная беседа и собрание, называемое «конгрегацией», по образцу собраний «пророчествующих», которые были введены в Цюрихе и Берне. Петр Павел Вергерий, бывший папский нунций, который недолгое время провел в Женеве, был особенно поражен этими собраниями. «Все служители»⁷⁷⁹, — говорит он, — и многие жители посещают эти собрания. Один из проповедников читает и кратко объясняет текст Писания. Другой высказывает свое мнение на эту тему, а потом каждый член

⁷⁷⁸ *Reg. du Conseil*, 6 августа 1555 г. (в *Annal.* 611 sq.): *Philibert Bertellier, P. Vandel, et J. B. Sept condamnés mort par contumace, Michael Sept au banissement perpétuel, sans peine de mort; six autres la même peine; deux dix ans de banissement, et tous aux dépens.*

⁷⁷⁹ Письмо из цюрихской библиотеки, цит. в Gaberel, I. 612, и Stähelin, I. 864.

вносит свой вклад, если хочет. Это подражание обычаю коринфской церкви, о котором говорит Павел, и я получил большую пользу от публичных обсуждений».

Материальным процветанием города также не пренебрегали. Он стал чище, ибо не зря говорится, что опрятность сродни благочестию. И чистота действительно поддерживалась. Кальвин настоял на том, чтобы убрать мусор из домов и с узких и извилистых улиц. Он приказал властям следить за рынками и пресекать торговлю нездоровой пищей, которую следовало выбрасывать в Рону. Низкопробные таверны и пивные были закрыты, неумеренность в питье сократилась. Попрошайничество на улицах было запрещено. О больнице и ночлежке для бедных заботились, они были в хорошем состоянии. Власти старались найти подходящее занятие для всякого работоспособного человека. 29 декабря 1544 г. Кальвин в длинной речи призвал совет открыть производство ткани и шелка, а два месяца спустя представил подробный план, по которому синдик Жан-Ами Кюрте следовало выделить из общественной казны достаточную сумму для начала этого предприятия. Были основаны фабрики, и вскоре они достигли высшей степени процветания. Ткани и шелка из Женевы высоко ценились в Швейцарии и Франции, торговля ими стала основой светского благополучия города. А когда Лион, под покровительством французской короны, превзошел маленькую республику в производстве шелка, Женева начала возмещать утраты уже за счет производства часов и оставалась на первом месте в этом полезном производстве, пока американцы, с помощью своих станков, не стали ее серьезными соперниками⁷⁸⁰.

В целом Женева обязана Реформации и дисциплине Кальвина своим моральным и светским процветанием, своей интеллектуальной и литературной деятельностью, своим общественным совершенством и своей всемирной славой. Кальвин создал возвышенный и благородный образец современного общества. И действительно, невозможно представить себе его идеальную церковь в более крупном государстве, даже при условии, что она опирается на поддержку гражданского правительства. Пуритане попытались осуществить этот идеал в Англии и Новой Англии, но преуспели лишь отчасти и только на краткое время. Однако ничто не должно мешать пастору стремиться к его осуществлению в собственной общине, на добровольных основаниях. Иногда мы встречаем параллели этому идеалу в малых общинах под руководством исключительно одаренных и преданных пасторов, таких как Оберлин в Штейнтале, Хармс в Германнсбурге и Леге в Нойдетельшау, вдохновляющее влияние которых распространилось далеко за пределы их прихода.

Давайте послушаем свидетельства гостей, которые собственными глазами видели перемены, произошедшие в Женеве под влиянием Кальвина.

Гильом Фарель, который лучше, чем кто бы то ни было, знал о положении Женевы в римско-католические времена и на ранних этапах реформ до прибытия Кальвина, посетил город вновь в 1557 г. и писал Амвросию Блаутеру, что с радостью будет слушать и учиться вместе с кротчайшими из людей и «предпочитает быть последним в Женеве, чем первым где-либо еще»⁷⁸¹.

Джон Нокс, реформатор Шотландии, который несколько лет учился в Женеве у Кальвина (хотя был старше его на пять лет) и был пастором английской общи-

⁷⁸⁰ Gaberel, I. 524; Stähelin, I. 372. И сегодня швейцарские часы (из Женевы и Невшателя) считаются лучшими из тех, что делаются полностью или преимущественно вручную.

⁷⁸¹ Kirchhofer, *Farel's Leben*, II. 125.

ны, писал своему другу Локку в 1556 г.: «В своем сердце я желал бы, и более того, просто не могу не желать, чтобы Богу угодно было привести тебя в это место, которое, не побоюсь и не постесняюсь сказать, *является самой совершенной школой Христа из всех, когда-либо существовавших на земле со времен апостолов*. Я признаю, что Христа искренне проповедуют в других местах, но здесь поведение и вера преобразились столь серьезно, что такого я не видел больше нигде»⁷⁸².

Доктор Валентин Андреа (1586 — 1654), блестящий и выдающийся светоч лютеранской церкви Вюртемберга (внук Якоба Андреа, одного из основных авторов лютеранской Формулы согласия), человек, исполненный пылкой любви ко Христу, посетил Женеву в 1610 г., почти через пятьдесят лет после смерти Кальвина, со всеми своими предубеждениями ортодоксального лютеранина против кальвинизма, и был поражен, когда увидел состояние города, приближенное к его идеалу христократии больше, чем состояние какого-либо другого общества, которое он встречал в своих многочисленных путешествиях, и даже его немецкой родины.

«Когда я был в Женеве, — пишет он, — я видел нечто великое, и я буду помнить об этом и желать этого, пока я жив. В этом месте мы наблюдаем не только совершенный институт совершенной республики, но, в качестве особого украшения, моральную дисциплину, которая позволяет ежедневно следить за поведением, и даже самые незначительные прегрешения горожан сначала исследуются районными инспекторами, потом старейшинами, и наконец, городскими властями, в зависимости от природы преступления и ожесточенности преступника. Клятвы и ругательства, азартные игры, излишества, раздоры, ненависть, обман и т. п. запрещены; о более тяжких грехах вообще не слышно. Какое славное украшение христианской веры — такая чистота нравов! Мы должны со слезами жаловаться, что у нас такого нет, что мы полностью пренебрегаем дисциплиной. Если бы не разница в вере, я хотел бы навеки быть привязан к этому месту, так как согласен с его моралью, и мне хотелось бы попытаться ввести нечто подобное в наших церквях. Не менее выдающимся, чем эта общественная дисциплина, была домашняя дисциплина моего господина, Скаррона, с ежедневными молитвами, чтением Писания, страхом Божиим на словах и в делах, с умеренностью в еде, в питье и в одежде. Я не встречал большей чистоты нравов даже в доме моего отца»⁷⁸³.

Более веское и беспристрастное свидетельство о сильном и длительном влиянии дисциплины Кальвина через много лет после его смерти трудно себе представить.

ПРИМЕЧАНИЕ. СОВРЕМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Осуждение дисциплины Кальвина и его отношения к либертинам было принесено в Америку двумя представителями Римской церкви: доктором Джоном Мак-Гиллом, епископом Ричмонда, переводчиком «Биографии Кальвина» Одена (Louisville, n. d.), и доктором М. С. Спалдингом, архиепископом Балтимора (между 1864 и 1872 гг.), в его *History of the Protestant Reformation* (Louisville,

⁷⁸² Thomas M'Crie, *Life of John Knox*, p. 129 (Philadelphia ed., 1845). Я уже цитировал фразу из этого письма в §66, но тут не могу не упомянуть о нем.

⁷⁸³ См. его автобиографию, написанную в 1642 г., и его *Respublica Christianopolitana*, или *Christianopolis*, 1619, — описание образцового христианского общества, посвященное Иоганну Арьдту, автору «Истинного христианства». См. также Hossbach, *Das Leben Val. Andreae*, p. 10; Henry, p. 196 (краткая биография); Tholuck, ст. в Herzog, I. 388 sqq.; Schaff, *Creeds*, I. 460 (где приводится немецкий оригинал). Великий Гердер напомнил нам об Андреа. Шпенер сказал: «Если бы я хотел воскресить кого-либо из мертвых ради блага церкви, это был бы Андреа».

1860; 8th ed., Baltimore, 1875). Эта книга — не история, а скандальная хроника Реформации, недостойная христианского ученого. Доктор Спалдинг посвящает Кальвину двадцать две страницы (vol. I, 370-392), а также приложение об отношениях Рима и Женевы и письмо, адресованное Мерлю д'Обинье и Бунгенеру (pp. 495-530). Он не обращает внимания на комментарии и «Наставления», которые вызывали восхищение даже у выдающихся католических богословов, а просто повторяет, с некоторыми оригинальными ошибками и описками, хулу Бользека и Одена, которая давно уже была опровергнута.

«Кальвин, — говорит он, — уничтожил свободу народа во имя свободы. Иностранец, он проник в Женеву и, как змея, вполз в самую сердцевину республики, которая дала ему гостеприимный кров. Потом он стал жалить ту самую грудь, что пригрела его. Он был бдителен, как тигр, готовый наброситься на добычу, и он был предателем... Его правление в Женеве было воистину правлением террора. Он сочетал жестокость Дантона и Робеспьера с красноречием Марата и Мирабо... Он был хуже, чем “женевский халиф”, как называет его Оден, — он был настоящим Нероном!.. Это было нечестивое и скверное чудовище. История о том, что он был виновен в неопишемом преступлении в Нуайоне, хотя ее и отрицают его друзья, основана на очень веских свидетельствах. Бользек, автор того времени, считает ее несомненной... Он закончил свою жизнь в отчаянии, от самой позорной и отвратительной болезни, какой Бог угрожает непокорным и виновным отступникам... Ранние кальвинисты были лицемерами, их хваленая строгость была поверхностной, если не скрывала под собой чудовищные пороки. Они являли пример своего любимого учения о полной греховности человечества на практике!» Архиепископ, однако, достаточно добр, чтобы добавить в заключение (p. 391): «Это не следует понимать как осуждение характера или поведения нынешних приверженцев кальвинистического учения, многие из которых весьма уважаемы за свои гражданские добродетели».

Лучший ответ на такую карикатуру, превращающую правду в ложь, — факты, представленные в этой главе. Даже боги не достигают успеха в своей борьбе с невежеством и предрассудками. Но здесь уместно будет вспомнить и суждения беспристрастных историков, которые исследовали источники и которых нельзя обвинить в предрасположенности к кальвинизму. См. другие свидетельства в §68.

ГИЗЕЛЕР, один из самых спокойных и наименее ограниченных догмами историков церкви, говорит (К. Г. III. P. I, p. 389): *Durch Calvin's eiserne Festigkeit wurden Genf's Sitten ganz umgewandelt: so dankte die Stadt der Reformation ihre Freiheit, ihre Ordnung, und ihren aufblühenden Wohlstand.*

Из статьи про Кальвина в *La France Protestante* (III. 530): «Сегодня мы уже не видим такой организации, такой власти над людьми, такого авторитета, но при религиозном пыле XVI века подобное могло существовать. Консистерия добилась той цели, которую предложил Кальвин. Меньше чем за жизнь трех поколений нравы Женевы полностью преобразились. Природный, мирской образ жизни сменился суровостью и серьезностью, которые в последующие века были характерны для учеников реформатора. История сохранила примеры лишь двух людей, которые оказали на окружающих такое влияние: Ликург и Кальвин, двое великих, которым нет больше равных. И давайте не будем отпускать плоских шуток о характере женевцев! Женеве стала очагом света и интеллектуального освобождения даже для тех, кто не принимал ее».

МАРК-МОННЬЕ

Марк-Моннье родился во Флоренции в семье французов в 1829 г. Он был выдающимся поэтом и историком, профессором литературы в Женевском университете. Умер в 1885 г. Его *La Renaissance de Dante a Luther* (1884) заслужил приз Французской академии.

Из *La Réforme, de Luther à Shakespeare* (Paris, 1885), pp. 70-72.

«...Кальвин принадлежал своей эпохе, как папы, императоры, короли, и тот же Франциск I, который жег еретиков; но те, кто видит в Кальвине только убийцу Сервета, не знают его. Он обладал убеждением, разумом и силой, поразительными даже для этого великого века. Чтобы судить его по заслугам, надо класть на весы не только наши привязанности и сожаления. Надо видеть человека целиком, таким, каким он был: “хрупким и слабым телесно, трезвым до предела”, изнемогающим от болезней и слабостей, которые должны были преждевременно свести его в могилу, но страстно привязанным к своему делу, “неспособным жить без работы и трудящимся для того, чтобы учредить царство Божье на земле”; преданным этому делу настолько, чтобы пожертвовать всем: отдыхом, здоровьем, жизнью, более того, — любимыми исследованиями, причем с неутомимостью, которая пугала его противников, когда он переходил в наступление, используя религию, мораль, политику, законодательство, литературу, образование, проповеди, памфлеты, научные труды, обширную переписку с королем и королевой Наваррской, герцогиней Феррары, королем Франциском I, другими князьями, реформаторами, богословами, гуманистами, усердными и небезразличными душами, несчастными узниками Парижа. Он писал всей Европе; две тысячи церквей были организованы в соответствии с его идеями и идеями его друзей; миссионеры, вдохновленные им, отправлялись в

Англию, Шотландию, Нидерланды, “благодаря Бога и распевая псалмы”. В то же время один этот человек, слабый и больной, подчинил себе в Женеве народ — веселый, дерзкий, недисциплинированный, — держал его в руках и вынуждал повиноваться. Он не был членом городского совета и даже гражданином (он стал им лишь в последние годы своей жизни), у него не было официальной должности или титула, его власть заключалась только в самом его имени и нестигаемой воле, однако он управлял совестью, руководил домами, навязывал себя и множество беженцев, стекавшихся отовсюду, населению, которое никогда не любило иностранцев и господ; овладевал национальными обычаями, традициями и предрассудками, уничтожая их. Он влиял не только на совесть и мнения, но и на нравы, был против излишеств и всего роскошного, украшений, шелка и бархата, длинных волос, завивок, веселья, всяческих удовольствий и развлечений; однако, несмотря на недовольство и гнев, вызываемый таким моральным давлением, “слабый телом, но с высоко поднятой головой”, он достаточно долго правил женевицами, чтобы авторитет его характера продолжил влиять на весь народ и после его смерти. Можно смеяться над таким человеком, но сначала надо его узнать.

Кальвин преобразил Женеву по своему образу, и после всех революций она остается преобразенной по сей день, когда у самых границ Франции существует этот город строгих нравов и добрых манер, “град Кальвина”.

Такова примечательная дань Кальвину от ученого, который не был ни богословом, ни церковным деятелем, но хорошо знал историю, литературу, манеры и общество Женевы. Марк-Моннье очень высоко оценивает заслуги Кальвина как французского классика и с одобрением цитирует мнение Поля Лакруа (в своем издании *Oeuvres françaises de J. Calvin*): «Стиль Кальвина — один из лучших в XVI веке: простой, правильный, изящный, ясный, искренний, воодушевленный, разнообразный по форме и тону. Он начал формирование французского языка прозы, как Клеман Маро начал формирование стихотворного языка».

ДЖОРДЖ БАНКРОФТ

Джордж Банкрофт, американский историк и государственный деятель, родился в Ворчестере, Массачусетс (1800), умер в Вашингтоне (1891). Был военно-морским министром, послом в Лондоне и Берлине. Весьма уважаемый человек.

«Слово о Кальвине, реформаторе». Из его *Literary and Historical Miscellanies* (New York, 1855), pp. 405 sqq.

«Только из нетерпимости можно ограничить восхваление Кальвина пределами одной секты или отказываться уважать его добродетели и сожалеть о его недостатках. Он жил в то время, когда народы были потрясены Реформацией, когда поля Голландии и Франции были залиты кровью преследований, когда мстительные монархи угрожали всем протестантам изгнанием и смертью, а Ватикан проклинал их и жаждал крови. Распространившееся в то время влияние древнего, давнего заблуждения, с которым мало кто спорил, постоянные угрозы положению, страстное желание укрепить единство противников папства и растущее осознание того, что это — борьба за освобождение христианского мира, побудили великого реформатора использовать меч, чтобы искоренить ересь. Мы можем упрекать его и жаловаться на то, что он был склонен к жестокому учению, которое в течение веков по умолчанию принимал весь христианский мир, однако, как республиканцы, мы должны помнить, что Кальвин был не только основателем секты, но прежде всего одним из самых успешных современных республиканских законодателей. Более благосклонный к человечеству, чем Солон, более самоотверженный, чем Ликург, гений Кальвина учредил в Женеве институты, сохранившиеся до сих пор, и сделал ее для современного мира неприступным оплотом свободы народа, плодородным рассадником демократии.

Мы хвалимся своими народными школами, а Кальвин был родоначальником народного образования, изобретателем системы бесплатных школ. Мы гордимся свободными Штатами на побережье Атлантики, а пилигримы из Плимута были кальвинистами, и лучшие тенденции в Южной Каролине произошли от кальвинистов из Франции. Вильям Пенн был учеником гугенотов. Корабли из Голландии, которые впервые привезли колонистов на Манхэттен, были полны кальвинистов. Тот, кто не чтит память и не уважает влияние Кальвина, мало знает о происхождении американской свободы.

Если же мы будем говорить о личных достоинствах, то никто не заслуживает нашей симпатии и восхищения больше, чем Кальвин, молодой изгнанник из Франции, который достиг бессмертной славы, прежде чем ему исполнилось двадцать восемь. Он дерзновенно излагает королю Франции принципы религиозной свободы, осмеливается нести новые учения в самое сердце Италии, как апостол истины, и едва избегает папских преследований. Способнейший из авторов, проницательнейший диалектик своего века, он доводил свободное исследование до конца, однако ценил его лишь как средство достижения определенных выводов. Свет его гения рассеял тьму, которой на протяжении веков суеверие окутывало веру. Его способности были несомненны, а его мораль безупречна. Его

единственное счастье состояло в том, чтобы трудиться “во славу и на благо”. В личной жизни ему часто приходилось скорбеть. Он был изгнан из собственной страны. На какое-то время его изгнали и из его изгнания. Как муж, он был обречен оплакивать преждевременную утрату жены, а как отец, похоронил единственного ребенка. Одиноким в мире, одиноким в чужой стране, он делал свое дело со спокойной самоотверженностью и непоколебимой твердостью. Он не испытывал любви к отдыху, которая мешала бы ему бодрствовать. Он не боялся опасности, и ничто не мешало ему быть красноречивым. Телесные немощи не препятствовали невероятной активности его ума, так что он продолжал идти вперед, год за годом, одиноким и слабый, но трудящийся для человечества, пока не завершил славную жизнь, завещав своим наследникам книги, мебель и средства, стоимость которых не превышала двухсот долларов, а миру — чистую реформацию и республиканский дух в религии с родственными им принципами республиканской свободы».

ГЛАВА XIV

БОГОСЛОВИЕ КАЛЬВИНА

§111. Комментарии Кальвина

- I. CALVIN, комментарии на Ветхий Завет в *Opera*, vols. XXIII-XLIV, на Новый Завет — vols. XLV sqq. (еще не завершено). Отдельное латинское издание комментариев на Новый Завет: Tholuck, Berlin, и Halle, 1831, 1836, etc., 7 vols.; также на Бытие (Hengstenberg, Berlin, 1838) и на Псалтирь (Tholuck, 1836, 2 vols.). Переводы на французский (J. Girard, 1650, и другие), английский (разные авторы, 1570 sqq.), а также другие языки. Лучшее английское издание — «Calvin Translation Soc.», Edinburgh, 1843-55 (30 томов посвящено Ветхому Завету, 13 — Новому). См. список в Darling, *Cyclopaedia Bibliographica*, sub «Calvin».
- II. A. THOLUCK: *Die Verdienste Calvin's als Schriftausleger*, в его «Lit. Anzeiger», 1831, репринт в его «Vermischte Schriften» (Hamburg, 1839), vol. II, 330-360, также перевод Wm. Pringle (добавлено к комментариям на Иисуса Навина в эдинбургском издании: 1854, pp. 345-375). — G. W. MEYER: *Geschichte der Schrifterklaerung*, II. 448-475. — D. G. ESCHER.: *De Calvino interprete*, Traj., 1840. — Ed. REUSS: *Calvin considéré comme exegète*, в «Revue», VI. 223. — A. VESSON: *Calvin exegète*, Montaub., 1855. — E. STÄHELIN: *Calvin*, I. 182-198. — SCHAFF: *Creeds of Christendom*, I. 457-460. — MERX: *Joel*, Halle, 1879, pp. 428-444. — FRED. W. FARRAR: *History of Interpretation* (London, 1886), pp. 342-354.

КАЛЬВИН был экзегетическим гением первого ранга. Его комментарии отличаются непревзойденной оригинальностью, глубиной, проницательностью, здравостью. Они ценны на все времена. Период Реформации оказался очень плодovit в плане переводов и толкований Писания. Если Лютер был князем переводчиков, то Кальвин был князем комментаторов. Пул в предисловии к своему *Synopsis* извиняется за то, что не упоминает Кальвина чаще, и объясняет: все остальные комментаторы столько позаимствовали у Кальвина, что цитировать их — значит цитировать его. Ройсс, главный редактор трудов Кальвина и сам выдающийся исследователь Библии, говорит, что Кальвин, «без сомнения, был величайшим толкователем XVI века»⁷⁸⁴. Архидиакон Фаррар дословно вторит ему⁷⁸⁵. Дистель, лучший историк ветхозаветной экзегетики, называет Кальвина «создателем подлинного толкования»⁷⁸⁶. Немногие экзегетические труды переживают свое вре-

⁷⁸⁴ *Ohne alle Frage der groesste Exeget des (sechszehnten) Jahrhunderts. Geschichte der heil. Schriften des Neuen Test.* p. 618 (6th ed. 1887).

⁷⁸⁵ «Величайший толкователь и богослов Реформации, — это, без сомнения, Кальвин». *History of Interpretation*, London, 1886, p. 342. Фаррар цитирует по Кеблу рукописные замечания Хукера, который говорит, что «смысл Писания в изложении Кальвина» считался (в англиканской церкви) более веским, чем «в изложении десяти тысяч Августинов, Иеронимов, Златоустов и Киприанов».

⁷⁸⁶ *Der Schoepfer der aechten Exegese*. Дистель добавляет: *Johannes Calvin ragt ebensowohl durch den Umfang seiner exegetischen Arbeiten wie durch eine seltene Genialitat in der Auslegung hervor; unuebertroffen in seinem Jahrhundert, bieten seine Exegesen fuer alle folgenden Zeiten noch bis heute einen reichen Stoff der Schriftkenntniss dar. Geschichte des Alten Testaments in der christl. Kirche*, Jena, 1869, p. 267. Доктор А. Меркс из Гейдельберга, другой знаток библей-

мя, но труды Кальвина вряд ли уже будут чем-либо вытеснены, как и «Гомилии» Златоуста из области красноречия отцов церкви, или как «Гномон» Бенгеля с его емкими и вдохновляющими замечаниями, или как «Разъяснение» Мэтью Генри, ценное для поклонения и содержащее советы для проповедников⁷⁸⁷.

Кальвин начал серию своих комментариев в Страсбурге с Послания к римлянам, на котором в основном и построено его богословие. В Базеле, 18 октября 1539 г., в посвящении своему другу Гринею, преподавателю еврейского языка, он уже предлагает лучший способ толкования, а именно: емкую краткость, предельную ясность и пристальное внимание к духу и букве автора. Постепенно он откомментировал самые важные книги Ветхого Завета, Пятикнижие, Псалтирь и пророков, а также все книги Нового Завета, кроме Апокалипсиса, который он с его рассудительностью не стал трогать. Некоторые его толкования, такие как комментарий на малых пророков, были составлены на основании записей, ведшихся слушателями его лекций и проповедей. Его последним литературным трудом был комментарий на Иисуса Навина, который он начал, будучи уже тяжело больным, и закончил незадолго до смерти и вступления в землю обетованную.

Он любил объяснять Слово Божье с кафедры, поэтому его богословие более библейское, чем схоластическое. Комментарии к Псалтири и к посланиям Павла считаются лучшими. Он глубоко симпатизировал Давиду и Павлу и видел в их истории собственную духовную биографию. Он называет Псалтирь (в предисловии) «анатомией всех частей души; ибо нет такого чувства, которое может осознать человек, что не было бы здесь представлено, как в зеркале. Или же, скорее, Святой Дух осенил здесь жизнь с ее печалью, скорбями, слезами, сомнениями, надеждами, заботами, трудностями — короче, со всеми отвлекающими чувствами, которые волнуют человеческие умы». Он добавляет, что его собственные испытания и борения весьма помогли ему яснее понять это божественное сочинение.

В Кальвине в редком сочетании проявились все основные качества толкователя: знание грамматики, духовная проницательность, острота восприятия, здравое суждение и практическое чутье. Он проникся духом Библии. Он ставил себя на место авторов и воспроизводил и адаптировал их мысли на благо своего века.

Толук упоминает следующие четыре качества как основные заслуги Кальвина-комментатора: вероучительную беспристрастность, экзегетический такт, разностороннюю ученость и искреннее христианское благочестие. Вайнер хвалит его «воистину чудесную мудрость восприятия и ясность объяснения того, о чем писал апостол»⁷⁸⁸.

1. Давайте сначала рассмотрим филологические достижения Кальвина. Меланхтон правильно говорит: «Писание нельзя понять богословски, пока ты не понял его правильно грамматически»⁷⁸⁹. Меланхтон прошел через школу Возро-

ской филологии, полностью соглашается с ним: *Calvin ist der groesste Exeget seiner Zeit... der Schoepfer der aechten Exegese* (на Июля, стр. 428), и говорит, что он, помимо обязательного образования, в том числе знания еврейского, обладал мудростью понимания и истолкования целого на основании частного и частного на основании целого.

⁷⁸⁷ Г. Воленберг, лютеранский богослов, начинает примечание к новому изданию комментариев Кальвина на Новый Завет (в Luthardt, «Theol. Lit.-blatt», Oct. 9, 1891) со следующего замечания: *Calvin's Commentare zum N. T. gehoeren zu den nie veraltenden Werken. Und so gut wie Bengel's 'Gnomon' immer wieder gedruckt und gelesen werden wird, so lange es eine gesunde und fromme Schrifterklaerung giebt, so werden auch Calvin's Commentare nie vergessen werden.*

⁷⁸⁸ *Calvinus miram in pervidenda apostoli mente subtilitatem, in exponenda prespicuita tem probavit.* В третьем издании его комментария на Послание к галатам.

⁷⁸⁹ *Ignavus in grammatica est ignavus in theologia.* Postill. IV. 428.

ждения, обладал редким знанием греческого, думал по-гречески и не мог не вставлять греческие слова в письма к ученым друзьям. Меланхтон оказал Лютеру, с его переводом Библии, бесценную помощь, но его комментарии — скорее догматические, чем грамматические, и очень скудны, если сравнить их с комментариями Лютера и Кальвина по глубине и силе⁷⁹⁰.

Лютер превзошел всех остальных реформаторов оригинальностью, свежестью, духовной пронизательностью, смелыми выводами, периодическими всплесками гения. Его комментарий на Послание к галатам, который он называл «своей женой», — шедевр страстного объяснения и решительного применения основной идеи евангельской свободы к проблемам того времени. Но Лютер не был толкователем в полном смысле слова. У него не было метода и дисциплины. Он осуждал аллегоризацию как «обезьянничанье» (*Affenspiel*), однако часто прибегал к ней в комментариях на Иова, Псалтирь и Песнь песней. Он комментировал прежде всего на духовном уровне и, в противовес Цвингли, был склонен к рабско-буквальному толкованию. Он редко придерживался текста, но использовал его просто как отправную точку для популярной проповеди или для полемических нападок на папистов и сектантов. Он не заботился о мнении отцов церкви. Он использовал частное суждение в толковании с предельной свободой и судил о каноничности и авторитете нескольких книг Библии на основании догматического и субъективного правила — своего любимого учения об оправдании одной лишь верой. А поскольку он не мог найти это учение у Иакова, то без уважения называл его послание «соломенным». Он предвосхитил современную критику, но его критика была основана на вере во Христа и в Слово Божье, а не на скептицизме. Его лучшим трудом был перевод Библии, а после него — его малый катехизис для детей.

Цвингли изучал греческий в Гларусе и Эйнзидельне, чтобы быть способным «извлекать учение Христово из источника»⁷⁹¹. Он изучал еврейский после того, как его призвали в Цюрих. Изучал он и отцов церкви и, как Эразм, больше склонялся к Иерониму, чем к Августину. Его объяснения Писания понятны, просты и естественны, но несколько поверхностны. Прочие швейцарские реформаторы и толкователи — Эколападий, Гриней, Буллингер, Пелликан и Библиандер — получили хорошую филологическую подготовку. Пелликан, ученый-самоучка (ум. в 1556 г.), который был призван Цвингли в Цюрих в 1525 г., написал небольшую грамматику еврейского языка еще до Рейхлина⁷⁹² и опубликовал в Цюрихе комментарии ко всей Библии⁷⁹³. Библиандер (ум. в 1564 г.) также был профессором еврейского языка в Цюрихе и был знаком с другими семитскими языками, однако он был больше эразмианцем, чем кальвинистом, и выступал против учения об абсолютном Божьем промысле.

Эти ученые пользовались следующими изданиями еврейской Библии: Библией Даниила Бомберга (Венеция, 1518 — 1545); Комплутенской полиглоттой, в которой, помимо еврейского текста, приводился текст Септуагинты, Вульгаты и

⁷⁹⁰ Сам Кальвин признаёт экзегетические заслуги Меланхтона, Буллингера и Буцера с их комментариями на Римлян, но скромно намекает на их недостатки, в защиту собственного комментария, который намного лучше. См. его интересное посвящение Гриней, написанное в 1539 г.

⁷⁹¹ Он писал в 1523 г., что за десять лет до того (когда он был священником в Гларусе) *operam dedi Graecianis literis, ut ex fontibus doctrinam Christi haurire possem*.

⁷⁹² *De Modo legendi et intelligendi Hebraeum*, написана в Тюбингене или Базеле в 1501 г., впервые опубликована в *Margarita philosophica* в Страсбурге в 1504 г. (за год или два до выхода *Rudimenta Linguae Hebr.* Рейхлина); недавно обнаружена и переиздана: Nestle, Tübingen, 1877.

⁷⁹³ *Commentaria Bibliorum*, Zürich, 1632-39, 7 vols. См. Diestel, *l. c.*, 272 sq., и Strack в Herzog² XI. 432 sqq.

еврейский словарь (Алькала, печаталось в 1514 — 1517; опубликовано в 1520 г. и далее); также изданиями Себастьяна Мюнстера (Базель, 1536) и Робера Стефана (Этьена, Париж, 1539 — 1546). Что касается греческого Нового Завета, то существовали издания: Эразм (Базель, пять изданий 1516 — 1535), Комплутенская полиглотта (1520), Колиней (Париж, 1534), Стефан (Париж и Женева, 1546 — 1551). Через год после смерти Кальвина Беза начал публиковать свои популярные издания греческого Нового Завета с переводом на латынь (Женева, 1565 — 1604).

Текстовая критика еще не родилась, да и не могла появиться до того, как был собран необходимый текстовый материал из рукописей, древних переводов и цитат из отцов церкви. Так что в этом отношении все комментарии периода Реформации бесплодны и бесполезны. А появившуюся также впоследствии литературную критику стимулировал протестантский дух исследования по отношению к иудейским апокрифам и некоторым *Antilegomena* Нового Завета, но она вскоре была подавлена догматизмом.

Кальвин не только владел латынью и французским. Он очень хорошо знал и языки Библии. Он учился греческому у Фольмара в Бурже, еврейскому — у Гриней во время пребывания в Базеле и усердно продолжал изучать оба языка⁷⁹⁴. Он был знаком с классической древностью. Его первой книгой был комментарий на Сенеку (*De Clementia*), и он периодически упоминает Платона, Аристотеля, Плутарха, Полибия, Цицерона, Сенеку, Вергилия, Горация, Овидия, Теренция, Ливия, Плиния, Квинтиллиана, Диогена Лаэрта, Аула Геллия и т. д. Из цитаты Эпименида у Павла (Тит. 1:12) он делает вывод, «что суеверны люди, не осмеливающиеся цитировать мирских авторов. Так как вся истина — от Бога, то даже если нечестивый человек сказал что-то умело и правдиво, не стоит отвергать это, ведь это исходит от Бога. А так как всё от Бога, почему мы не можем обращаться во славу Его всё, что можем использовать для этой цели?» По поводу 1 Кор. 8:1 он замечает: «Науку не стоит обвинять в том, что ученые надмеваются, подобно тому как нельзя обвинять и меч, попадающий в руки безумца». Но он никогда не хвалится своей ученостью, а использует ее только для того, чтобы уяснить смысл Писания. Он переписывается с образованными светскими людьми, а не только с учеными, но воздерживается от дотошных разборок и критики; тем не менее он призывал Безу опубликовать комментарий на Новый Завет, в котором филологическая ученость более очевидна.

Кальвин был также знаком с комментариями отцов церкви и уважал их больше, чем Лютер. Он ценил филологические знания и такт Иеронима, духовную глубину Августина и гомилетические богатства Златоуста, но использовал их труды с независимым суждением и критическим вниманием⁷⁹⁵.

⁷⁹⁴ Католик Ришар Симон несправедлив, когда пренебрежительно отзывается о его знании еврейского. А доктор Дистель, самый компетентный судья, утверждает, что Кальвин «очень неплохо знал еврейский». См. выше, §§68, 111. Толук в своем очерке, цитируемом выше, также утверждает, что «одного взгляда на комментарии Кальвина к Ветхому Завету достаточно, чтобы увидеть: он не только понимал еврейский, но очень хорошо знал этот язык». Толук упоминает в качестве примера ряд трудных еврейских и греческих слов, которые Кальвин правильно объясняет. Он отрицает зависимость Кальвина от заметок Пелликана, на которую необоснованно намекнул Землер.

⁷⁹⁵ Он выражает уважение к отцам церкви в предисловии к своим «Наставлениям»: «Еще одна хула — они обвиняют нас в том, будто мы выступаем против отцов церкви; я имею в виду авторов более ранних и чистых эпох, словно бы эти авторы поддерживали их скверну. Но если бы кто-то сравнил степень уважения к авторитету отцов, то даже при самых скромных оценках победа была бы на нашей стороне. Однако, хотя произведения этих отцов церкви содержат много мудрого и превосходного, в некотором отношении их постигла судьба всего человечест-

2. Кальвин постоянно помнил о первой и основной задаче толкователя, а именно — пролить свет на истинное значение, которое вкладывали в текст авторы Библии, согласно законам мышления и речи⁷⁹⁶. Он пытался проникнуться их мышлением и средой, отождествить себя с ними и понять, что они на самом деле сказали, а не что могли и хотели бы сказать в соответствии с нашими желаниями или представлениями. Он замечательно преуспел в использовании этого метода, кроме нескольких случаев, когда не был беспристрастен из-за своего любимого учения о двойном предопределении и антагонизма Риму. Но и там он был более умерен и точен, чем его современники, которые впадали в беспорядочные и неуместные обвинения в адрес папства и монашества. Так, он правильно относился «камень» в Мф. 16:18 к личности Петра, как представителя всех верующих⁷⁹⁷. Он придерживался текста. Он не любил пустословие и отступления от темы. Он не был педантом. Он никогда не избегал трудностей, но честно рассматривал их и пытался разрешить. Он тщательно изучал контекст. Его суждения всегда ясны, вески и здравы. Его комментарии обычно сухи, кратки и беспристрастны, а объяснения просты. Это непрерывный поток изложений и применений на изящной эразмианской латыни. Воистину, на смертном одре он мог с полным правом говорить, что никогда намеренно не искажал и не истолковывал превратно ни одного места Писания, что он всегда добивался простоты и сопротивлялся искушению проявлять остроумие и оригинальность.

Он не сделал полного перевода Библии, но сделал перевод на латынь и французский тех частей, к которым писал комментарии, на том или ином языке, и отредактировал французский перевод своего кузена, Пьера Робера Оливетана, который впервые вышел в 1535 г., для изданий 1545 и 1551 гг.⁷⁹⁸

3. Кальвин — основатель современной грамматико-исторической экзегетики. Он отстаивал здравый и основополагающий герменевтический принцип: авторы Библии, как и все сознательные авторы, хотели передать своим читателям определенные идеи в словах, которые те могли понять. Отрывок может иметь буквальное или переносное значение, но не два значения одновременно. Слово Божье неистощимо

ва: те, кто из чувства долга чтит их, чтят только их заблуждения и ошибки, а на их превосходства они либо не обращают внимания, либо скрывают, либо извращают их, так что воистину можно сказать: их исследования — сбор примесей среди золота. А потом они набрасываются на нас со своими бессмысленными обвинениями, словно мы презираем отцов церкви и являемся их врагами. Но мы вовсе не относимся к отцам церкви с таким презрением; если бы позволяли мои нынешние намерения, я с легкостью доказал бы на многих примерах, каких чувств придерживается большинство из нас. Да, мы используем их труды, но мы всегда помним, что вещи должны служить нам, а не властвовать над нами и мы принадлежим только Христу и Ему одному должны подчиняться. Тот, кто не понимает этой разницы, ничего не понимает в религии, потому что эти святые люди не знали многих вещей, часто расходились во мнениях друг с другом, а иногда и противоречили сами себе». В предисловии к комментарию на Римлян он хвалит отцов церкви за их *pietas, eruditio et sanctimonia* и добавляет, что они обладают таким авторитетом по причине своей древности, *ut nihil quod ab ipsis profectum sit, contemnere debeamus*. Сравните с этим суждением более дерзкие и резкие высказывания Лютера об отцах церкви, цитируемые в т. VII, §85.

⁷⁹⁶ В предисловии к комментарию на Римлян он напоминает своему другу Гринею о беседе, которая состоялась тремя годами ранее и касалась лучшего способа толкования, когда они согласились, что главная добродетель толкователя — это *perspicua brevitatis*. И прибавляет: *Et sane quum hoc sit prope unicum illius officium, mentem scriptores, quem explicandum sumpsit, patefacere: quantum ab ea lectores abducit, tantundem a scopo suo aberrat, vel certe a suis finibus quodammodo evagatur.*

⁷⁹⁷ *Harmon.* II. 107.

⁷⁹⁸ См. Reuss, *Gesch. des N. T.* §474 (p. 639, 6th ed.). Ройсс подготовил, на основании французских комментариев Кальвина, французский перевод для своего издания *Opera*.

и применимо ко всем временам, однако есть разница между толкованием и применением, и применение должно соответствовать толкованию.

Кальвин отошел от аллегорического метода Средневековья, согласно которому в Библии насчитывалось не менее четырех уровней смысла⁷⁹⁹, и заменил благочестивые измышления честным объяснением. Он говорит о «детских» и «натянутых» аллегориях и утверждает, что воздерживается от них, потому что в них нет ничего «прочного и серьезного». Это почти что святотатственная дерзость — искажать Писание подобным образом в соответствии со своими прихотями⁸⁰⁰. Комментируя аллгорию о Саре и Агари (Гал. 4:22-26), он осуждает Оригена, который предавался произвольным рассуждениям, как будто бы простой исторический смысл Библии был слишком беден и скуден. «Я признаю, — говорит он, — что Писание — богатейший и неистощимый источник всякой мудрости, но не считаю, что его богатство состоит в различных значениях, которые любой человек, в свое удовольствие, может в него вкладывать. Давайте помнить, что настоящее значение Писания естественно и очевидно; давайте примем его и будем твердо пребывать в нем. Давайте не только пренебрегать как сомнительным, но и смело отвергать как опасный метод толкования тех, кто уводит нас от естественного значения». Он с одобрением цитирует Златоуста, который говорит, что слово «аллегория» в данном отрывке используется в косвенном значении⁸⁰¹. Он был против вымученных попыток согласовать между собой трудные места. Свое согласование Евангелий он составляет из трех синоптических, а Иоанна объясняет отдельно.

4. Кальвин освободил экзегетику от рабства догматизма. Он был замечательным образом свободен от традиционных ортодоксальных предпосылок и предрассудков и был убежден, что истины христианства не зависят от ряда *dicta probantia*. Он не видел доказательство учения о Троице ни во множественном числе *Elohim*⁸⁰², ни в трех ангелах, посетивших Авраама (18:2), ни в «Трисвятом» (Ис. 6:3)⁸⁰³, ни в Божественности Святого Духа в Пс. 32:6⁸⁰⁴.

⁷⁹⁹ О которых говорится в следующих строках:

*Litera gesta docet; quid credas, Allegoria;
Moralis, quid agas; quo tendas, Anagogia.*

⁸⁰⁰ *Pref. ad Romanos: Affinis sacrilegio audacia est Scripturas temere huc illuc versare et quasi in re lusoria lascivire: quod a multis jam olim factitatum est.*

⁸⁰¹ *Et certe Chrysostomus in vocabulo Allegoriae fatetur esse catechesin (κατάχρησις): quod verissimum est.*

⁸⁰² *Ad Gen. 1:1 (Opera, XXIII. 15): Habetur apud Moses עֶלֹהִים, nomen pluralis numeri. Unde colligere solent, hic in Deo notari tres personas; sed quia parum solida mihi videtur tantae rei probatio, ego in voce non insistam. Quin potius monendi sunt lectores ut sibi a violentis ejusmodi glossis caveant. Putant illi se testimonium habere adversus Arianos ad probandam Filii et Spiritus divinitatem, interea se involvunt in errorem Sabellii.* Но в словах «сотворим человека», Быт. 1:26, он признает, отвергнув раввинистические вымыслы, намека на множественность ипостасей Бога: *Christiani apposite plures subesse in Deo personas ex hoc testimonio contendunt. Neminem extraneum advocat Deus: hinc colligimus, intus eum aliquid distinctum invenire ut certe aeterna eius sapientia et virtus in ipso resident. (Ib. 25.)*

⁸⁰³ По поводу этого отрывка он замечает: *Veteres hoc testimonio usi sunt, quum vellent adversus Arianos tres personas in una Dei essentia probare. Quorum ego sententiam non improbo; sed si mihi res cum haereticis esset, mallet firmioribus testimoniis uti.*

⁸⁰⁴ Лютеранские богословы предыдущего периода (даже Walch, *Biblioth. Theol.*, IV. 413) обвиняли его в иудействующем и даже социнианском толковании ветхозаветных текстов, доказывающих существование Троицы и Божественность Мессии. Эгидий Гунний в своем *Calvinus Judaizans* (Wittenberg, 1693) говорит, что Кальвина полагается жечь за отвратительное искажение Писания. Д. Парей из Гейдельберга отстаивал Кальвина в своем *Orthodoxus Calvinus*. Современные лютеранские толкователи полностью поддерживают его.

5. Он подготовил путь для правильного исторического понимания пророчества. Он полностью принимал пророчества о Мессии, которые составляют самую суть веры и упования Израиля, но прежде всего усматривал, что первостепенное значение и практическое применение они имели в свое собственное время, при том что находили конечное исполнение во Христе, — то есть их можно использовать в настоящем и будущем. Так, он объяснял псалмы 2, 8, 15, 21, 39, 44, 67, 109 как символически и косвенно мессианские. С другой стороны, он слишком много говорил о символических значениях, особенно в своих проповедях, и не только в Давиде, но и в каждом из царей Иерусалима видел «символ Христа». Объясняя протоевангелие, Быт. 3:15, он правильно говорит, что «семя женщины» — это человечество в целом, постоянно находящееся в конфликте с сатаной, и кульминацией этого конфликта будет победа Христа, Главы человечества⁸⁰⁵. Он расширяет значение формулы: «Да будет так» (*ὅσα πληρωθῇ*) до указания на аналогию или даже соответствие между ветхозаветным и новозаветным событием. Пророчество Ос. 11:1, которое Матфей упоминает как относящееся к возвращению Младенца Христа из Египта, соответственно, должно «не быть ограничено Христом», но «умело отнесено к текущей ситуации»⁸⁰⁶. Подобным образом Павел, в Рим. 10:6, адаптирует слова Моисея к рассматриваемому им случаю⁸⁰⁷.

6. Он относился к Писанию с величайшим уважением, как к Слову живого Бога, единственному непогрешимому и достаточному правилу веры и долга, но не был приверженцем учения о дословной богодухновенности. Да, он никогда не одобрил бы неосмотрительные замечания Лютера о Иакове, Иуде, Евреям и Апокалипсисе⁸⁰⁸, но без колебания признавал случайные ошибки, которые не касались важных вопросов веры. Он говорит о Мф. 27:9: «Признаюсь, я не понимаю, как сюда попало имя Иеремии, но и не беспокоюсь об этом серьезно. Должно быть, имя Иеремии было использовано вместо Захарии по ошибке, потому что таких слов у Иеремии нет»⁸⁰⁹. Касательно разночтений между речью Стефана в Деяниях 7 и рассказом Книги Бытия он предполагает, что Стефан или Лука опирались на древние предания, а не на Моисея и «сделали ошибку в имени Авраама»⁸¹⁰.

Он был далек от педантизма пуристов XVII века, которые заявляли о классической чистоте новозаветного греческого языка на том основании, что Святой Дух не мог употреблять просторечные выражения или хоть сколько-нибудь нарушать правила грамматики, но при этом забывали, что апостолы и евангелисты несли небесное сокровище истины в глиняных сосудах, чтобы сила и благодать

⁸⁰⁵ *Ad Gen. 3:15 (Opera, XXIII. 71): Generaliter semen interpreter de posteris. Sed quum experientia doceat, multum abesse quin supra diabolum victores emergant omnes filii Adae, ad caput unum venire necesse est, ut reperiamus ad quem pertineat victoria. Sic Paulus a semine Abrahae ad Christum nos deducit... Quare sensus est (meo iudicio), humanum genus, quod opprimere conatus erat Satan, fore tandem superius.*

⁸⁰⁶ *Harm. I. 80. Tholuck ed. По поводу ст. 23 той же главы Кальвин говорит (р. 83): Non deducit Matthaeus Nazaraeum a Nazareth: quasi sit haec propria et certa etymologia, sed tantum est allusio, и т. д.*

⁸⁰⁷ См. его замечания о Быт. 3:15; Ис. 4:2; 6:3; Пс. 32:6; Мф. 2:15; 8:17; 11:11; Ин. 1:51; 2:17; 5:31 и далее; 2 Кор. 12:7; 1 Пет. 3:19; Евр. 2:6-8; 4:3; 11:21.

⁸⁰⁸ См. суждения Лютера в т. VII, §9.

⁸⁰⁹ *Harm. II. 349 (Tholuck ed.): Quomodo Jeremiae nomen obrepserit, me nescire fateor, nec anxie laboro: certe Jeremiae nomen errore positum esse pro Zacharia (13:7), res ipsa ostendit: quia nihil tale apud Jeremiam legitur, vel etiam quod accedat.*

⁸¹⁰ *Ad Acta 7:16 (Деян. 7:16): In nomine Abrahae erratum esse palam est... Quare hic locus corrigendus est. Согласно Быт. 50:13, Авраам купил пещеру Махпела в Хевроне, и Иаков был похоронен там, а не в Сихеме.*

Бога были более явными, и что сам Павел признается в грубости своих речей, но не знаний. Кальвин справедливо замечает, в особенности подразумевая Павла, что исключительной волей Божьего провидения высшие тайны были доверены нам *sub contemptibili verborum humilitate*, что наша вера должна быть основана не на человеческом красноречии, а исключительно на воздействии Божьего Духа; однако он полностью признавал силу и пыл, величие и весомость стиля Павла, который он сравнивает со вспышками молнии⁸¹¹.

Кальвинисты-схоласты, как и лютеране-схоласты XVII века, отошли от либеральных взглядов реформаторов и стали придерживаться механической теории, в которой вдохновение путается с надиктовыванием и не принимается во внимание человеческий элемент Библии, а авторы Священного Писания превращаются в секретарей Святого Духа. Эта теория губительна для научного толкования. Она нашла символическое отражение, но лишь на краткий период, в Гельветической формуле согласия 1675 г., где, вопреки историческим фактам, говорится о богодухновенности масоретских огласовок. Но, несмотря на это ограничение, кальвинисты-толкователи ближе придерживались естественного грамматического и исторического смысла Писания, чем их лютеранские и католические современники⁸¹².

7. Кальвин признавал традиционный канон Нового Завета, но со свободой доникейской церкви решал вопрос о происхождении некоторых книг. Он считал, что Павел не является автором Послания к евреям по причине разницы в стиле и в способе наставления (*ratio docendi*), но восхищался апостольским духом и ценностью этого послания. Он сомневался в подлинности Второго послания Петра и был склонен приписывать его ученику апостолов, но не видел в нем ничего такого, что было бы недостойно Петра. Он подготовил путь для разграничения между авторами и редакторами Пятикнижия и Псалтири.

Он отошел от традиционного мнения о том, что Писание опирается на авторитет церкви. Он основывает его авторитет, скорее, на внутренних, чем на внешних свидетельствах, на авторитете Бога, а не человека. Он обсуждает эту тему в своих «Наставлениях»⁸¹³ и так говорит об этом:

В целом преобладало самое губительное заблуждение, что Писание имеет вес постольку, поскольку его считает таковым церковь, как будто бы вечная и нерушимая Божья истина зависела от произвола человека⁸¹⁴... Ибо, как один лишь Бог может свидетельствовать о Себе в Своем собственном Слове, так и Слово не приобре-

⁸¹¹ См. его замечательные комментарии к 1 Кор. 1:17 и далее; ко 2 Кор. 11:6, где он упоминает о *majestas, altitudo, pondus* и *vis* слов Павла и говорит: *Fulmina sunt, non verba. An non dilucidius Spiritus Sancti efficacia apparet in nuda verborum rusticitate (ut ita loquar) quam in elegantiae et nitoris larva?*

⁸¹² Ф. Турретен, строгий кальвинист-схоласт, один из авторов Гельветической формулы согласия, был против аллегорического метода и отстаивал здравый принцип одного значения (в его *Inst. Theol. Elencticae*, quaest. XIX, vol. I, 135): *Nos ita sentimus, Scripturae S. unicum tantum competere verum et genuinum sensum, sed sensum illum duplicem posse esse, vel SIMPLICEM, vel COMPOSITUM. SIMPLEX et historicus est, qui unius rei declarationem continet, absque ullius alterius significatione, qui vel praecepta, vel dogmata, vel historias spectat. Et hic rursus duplex, vel PROPRIUS et GRAMMATICALIS, vel FIGURATUS et TROPICUS. PROPRIUS qui ex verbis propriis oritur; TROPICUS qui ex verbis figuratis. SENSUS COMPOSITUS seu mixtus est in oraculis typi rationem habentibus, cujus pars est in typo, pars in antitypo; quae non constituunt duos sensus, sed duos partes unius ejusdemque sensus intenti a Spiritu Sancto, qui cum litera mysterium respexit, ut in isto Oraculo, 'Os non confringetis ei', Exo. 12:46, plenus non potest haberi sensus, nisi cum veritate typi, seu Agni Paschalis, conjungatur veritas Antitypi seu Christi ex Jo. 19:36.*

⁸¹³ Bk. I, ch. VII-VIII.

⁸¹⁴ Лютер говорил, по сути, то же самое в своем споре с Экком: «Церковь не может придать Писанию больше авторитета или власти, чем те, которые оно имеет само по себе. Собор не может сделать Писание тем, чем оно не является по собственной природе».

тает веса в сердцах людей, пока не подтверждается внутренним свидетельством Духа. Следовательно, необходимо, чтобы этот самый Дух, говоривший устами пророков, проник в наши сердца, чтобы убедить нас, что пророчества, врученные нам Богом, являются истинными... Давайте же считать неоспоримой истиной, что те, кого внутренне научил Дух, приобретают понимание Писания. Писание само себя подтверждает, неся в себе доказательства собственной истинности, и не должно становиться материалом для доказательств и рассуждений разума. Оно обретает достоверность благодаря свидетельству Духа. Ибо, хотя присущее Писанию величие требует от нас уважения, оно не влияет на нас серьезно, пока не подтверждается Духом в наших сердцах. Следовательно, мы, будучи просвещены Им, теперь верим в божественное происхождение Писания не из-за собственного нашего суждения или суждения других людей, но мы не сомневаемся в том, что получили его из собственных уст Бога через служение людей, чтобы оно превосходило всяческое человеческое суждение и было тождественно нашему интуитивному восприятию Самого Бога, Который в нем... Без этой уверенности, которая лучше и сильнее, чем любое человеческое суждение, бессмысленно отстаивать авторитет Писания с помощью аргументов или авторитета церкви или подкреплять его какими-либо другими доказательствами, потому что если фундамент не заложен, то любые наши доводы останутся шаткими»⁸¹⁵.

Это учение о присущем Писанию внутреннем достоинстве и его способности самостоятельно доказывать свой авторитет всем, кто просвещен Святым Духом, перешло в Галликанское, Бельгийское, Второе Гельветическое, Вестминстерское и другие реформатские вероисповедания. Об объективном или формальном принципе протестантизма — а именно, об абсолютном превосходстве Слова Божьего как непогрешимого правила веры и практики — в них говорится более полно, чем в лютеранских символах веры, в которых наибольшее внимание уделяется субъективному или материальному принципу оправдания верой⁸¹⁶.

В то же время церковная традиция также обладает большой ценностью как свидетельство в пользу человеческого авторства и каноничности нескольких книг, и современные исследователи Библии, которые спорят с деструктивной критикой, признают это больше, чем признавали в дни спора с католичеством. Внутреннее свидетельство Святого Духа и внешнее свидетельство церкви вместе помогают установить божественный авторитет Писания.

§112. Система кальвинизма

См. также §78 и изложение августинианской системы и пелагианского спора в т. III, §§146-158. DORNER: *Geschichte der protestantischen Theologie*, pp. 374-404. — LOOFS: *Dogmengeschichte*, 2^d ed., pp. 390-401.

В богословии Кальвин остается живой силой, как Августин и Фома Аквинат. Ни один исследователь догматики не может игнорировать «Наставления», как ни один толкователь — его комментарии. Кальвинизм воплотился в нескольких конфессиях реформатской церкви и преобладает, с большей или меньшей строгостью, в значительной части протестантского христианского мира, особенно в Великобритании и Северной Америке. Кальвинизм — не название церкви, а название богословской школы в реформатских церквях. Лютер — единственный из реформаторов, чье имя было дано основанной им церкви. Реформатские же церкви не зависят от личного авторитета, но более основаны на учении Библии.

Обычно кальвинизм отождествляют с августинианством в том, что касается антропологии и сотериологии, в противовес пелагианству и полупелагианству. Августин и Кальвин были весьма религиозны, ощущали абсолютную зависи-

⁸¹⁵ *Inst.*, I. VII. §1, 4, 5; VIII. §1.

⁸¹⁶ См. т. VII, §9.

мость от Бога и были полностью поглощены созерцанием Его величия и славы. Для них Бог был всем, а человек — всего лишь тенью. Блаженны избранные, которым Бог дарует все Свои поразительные милости, и горе осужденным, которым Он не дает их. Августин и Кальвин уделяли одинаковое внимание учениям о грехе и благодати, о бессилии человека и о всемогуществе Бога, о порочности греха и о высшей власти возрождающей благодати. В христологию же они не внесли ничего нового. Их богословие похоже, скорее, на богословие Павла, чем Иоанна. Они прошли через одинаковые борения с грехом и одержали победу силой Божьей благодати, как и великий апостол язычников. Их духовный опыт отразился в их богословии. Но Кальвин не оставил такого волнующего рассказа о своих переживаниях, как Августин в своей «Исповеди». Он лишь вскользь упоминает о своем обращении в предисловии к комментарию на Псалтирь и в ответе Садолету.

Глубокая симпатия Кальвина к Августину проявляется в том интересном факте, что он цитирует его чаще, чем всех остальных греческих и латинских отцов церкви вместе взятых, причем почти всегда делает это с полным одобрением⁸¹⁷.

Но в некоторых отношениях Августин и Кальвин сильно отличались. Августин девять лет блуждал в лабиринте манихейской ереси и наконец обрел покой и мир в ортодоксальной Католической церкви своего времени, которая была лучше любой философской школы или еретической секты, хотя и не намного чище, чем в XVI веке. Он стал главным архитектором схоластического и мистического богословия, правившего в средние века, и до сих пор имеет больше веса в римско-католических общинах, чем любой из древних отцов церкви. Кальвин же воспитывался в лоне Католической церкви, но бежал от царившего там разврата в крепость Священного Писания и стал самым выдающимся врагом папства. Если бы Августин жил в XVI веке, он, может быть, пошел бы навстречу реформаторам, но, судя по тому, как высоко он ценил единство видимой церкви и как отнесся к схизматикам-донатистам, более вероятно, что он возглавил бы евангельскую школу католицизма внутри Римской церкви.

Разница между двумя великими учителями может быть кратко сформулирована в двух фразах, которые кажутся противоречивыми на поверхности, но в глубине могут быть согласованы между собой. Августин провозглашает: «Я не поверил бы в Евангелие, если бы не церковь»⁸¹⁸. Кальвин же провозглашает (хотя формально он таких слов он не произносил): «Я не поверил бы в церковь, если бы не Евангелие». Примирить эти взгляды можно с помощью высшего принципа: «Я верю во Христа, а следовательно, верю в Евангелие и Церковь, которые совместно свидетельствуют о Нем».

Что касается учений о грехопадении, о полной греховности человека, о порабощении человеческой воли и о высшей власти спасительной благодати, то гип-

⁸¹⁷ Согласно указателю авторов, цитируемых в «Наставлениях» Кальвина (прилагается к переводу Бевериджа, Edinburgh, 1856, vol. III, 626-663), количество цитат из основных отцов церкви у Кальвина такое: 228 из Августина; 39 из папы Григория I; 27 из Златоуста; 23 из Бернарда; 18 из Амвросия; 14 из Киприана; 12 из Иеронима; 11 из Илария; 7 из Тертуллиана. Из классических авторов в «Наставлениях» встречаются: 7 цитат из Платона; 5 из Аристотеля; 9 из Цицерона; 3 из Сенеки; 2 из Плутарха и т. д. Index theologicus in *Opera*, XXII. 136-143, содержит 7 колонок цитат из Августина. Сюда не включены комментарии.

⁸¹⁸ *Contra Ep. Manichaei quam vocant Fundamenti*, c. 5: *Ego evangelio non crederem nisi me moveret ecclesiae auctoritas*. Этот знаменитый антиманихейский отрывок часто цитируется католиками против протестантов. Кальвин подробно обсуждает его в своих «Наставлениях» (кн. I, гл. VII, §3) и старается лишить антипротестантской направленности, однако признаёт, что «авторитет церкви подготавливает нас к вере в Евангелие».

понский епископ и женеvский пастор по сути согласны; Августину принадлежит заслуга первенства и оригинальности, а Кальвину — более ясного, впечатляющего, логичного и строгого изложения и более четкого разъяснения.

Их взгляды в основном были взяты из Послания к римлянам, как они его понимали, и могут быть сформулированы в виде следующих тезисов: Бог от вечности предопределил всё, что должно произойти, с целью явить Свою славу; Он сотворил человека чистым и святым, обладающим свободой выбора; Адам был искушаем, ослушался, утратил свою свободу и стал рабом греха; всё человечество пало вместе с ним и справедливо осуждено в Адаме на вечную смерть; но Бог в Своей высшей милости избирает часть этой «массы погибели» к вечной жизни вне зависимости от моральных заслуг, обращает этих избранных путем Своей непреодолимой благодати, оправдывает, освящает и делает совершенными, тем самым являя в них богатство Своей благодати; остальных же людей Он, согласно Своему непостижимому, однако справедливому и достойному поклонения промыслу, оставляет в унаследованном ими состоянии осуждения, являя в вечном наказании грешников славу Своего внушающего трепет правосудия.

Лютеранская система представляет собой компромисс между августинианством и полупелагианством. Сам Лютер был полностью согласен с Августином по поводу полной греховности человечества и предопределения и сформулировал учение о рабстве человеческой воли даже более сильно и парадоксально, чем Августин или Кальвин⁸¹⁹. Но лютеранская церковь не последовала за ним до конца. В Формуле согласия (1577) его учение о полной греховности сформулировано в самых решительных выражениях, тогда как учение о предопределенности к осуждению не принимается. Формула согласия представляет природного человека как духовно мертвого, подобного «камню», и учит частному и безусловному избранию, но также всеобщему призванию ко спасению⁸²⁰.

Августиновская система была неизвестна в доникейскую эпоху и никогда не признавалась Восточной церковью. Это веский исторический довод против нее. Сам Августин разработал ее только во время пелагианского спора; в более же ранних трудах он учил свободе человеческой воли в противовес фатализму манихеев⁸²¹. В Латинской церкви августиновская система победила пелагианство и полупелагианство, которые были мягко осуждены Оранжевским синодом (529), однако учение Августина об абсолютном предопределении, которое является единственно правомерным логическим выводом из его антропологических предпосылок, было косвенным образом осуждено Католической церковью в ходе спора с Готтшальком (853) и янсенистского спора (1653), хотя имя и авторитет великого учителя и святого остались неприкосновенными.

⁸¹⁹ *De Servo Arbitrio*, против Эразма (1525). Он никогда не брал своих слов обратно и много лет спустя объявлял эту книгу одной из лучших своих книг. Ему вторили Амсдорф, Флаций, Виганд и Бренц. См. т. VII, §73; Koestlin, *Luther's Theologie*, I. 773 sqq.; Luthardt, *Dogmatik*, p. 120 (6th ed.), его же *Lehre vom freien Willen*; Harnack, *Dogmengeschichte*, III. 714 sq.; и Loofs, *Leitfaden zum Studium der Dogmengeschichte*, 2^d ed. Halle, 1890, pp. 322-324, 317-350.

⁸²⁰ См. Schaff, *Creeds of Christendom*, I. 313 sqq.; также труды о *Formula Concordiae*.

⁸²¹ Кальвин прекрасно знал об изменении мнения Августина на этот счет. «Ориген, Амвросий и Иероним, — говорит он, — верили, что Бог распределяет Свою благодать среди людей в соответствии со Своим предуждением благого использования ее человеческой волей. Августин когда-то тоже так считал, но когда он лучше познакомился с Писанием, он не только передумал, но и решительно опровергал свою предыдущую точку зрения». Далее Кальвин цитирует в доказательство ряд отрывков. *Inst.*, III, ch. XXII, §8.

Кальвинистская система была принята большей частью реформатской церкви, и до сих пор у нее есть способные и искренние защитники. Самого Кальвина сейчас понимают лучше, и ученые (французские и немецкие) уважают его больше, чем прежде; но против его системы предопределения убедительно возражали арминиане, квакеры и методисты, и она подверглась серьезному пересмотру в пресвитерианских и кальвинистских церквях Европы и Америки.

Августинианская, лютеранская и кальвинистическая системы основаны на одной и той же антропологии. Они должны либо устоять, либо пасть вместе с учением о всеобщей осужденности человечества по причине одного только греха Адама, в том числе осужденности младенцев и даже целых народов и поколений, никогда не слышавших об Адаме, которые не могли пребывать в нем осознанно и подотчетно⁸²². Этим системам также приходится отвечать на вопрос, как вообще согласуется такое учение со справедливостью и милосердием Бога. Они в равной мере дуалистичны и ограничены. Они построены на руинах павшего человечества, а не на скале человечества искупленного. Они разрушают фундамент моральной ответственности, уча рабству человеческой воли. Они превращают высшую власть Бога в обыкновенный произвол, а Его правосудие — в обыкновенную пристрастность. Они ограничивают спасительную благодать Бога определенной группой людей. В рамках этого избранного и святого круга всё светло, как солнце, тогда как вне его всё мрачно, как полночь. Эти системы послужили и до сих пор служат великой цели. Они соответствуют практическим потребностям ревностных христиан, которых не беспокоят ни богословские, ни философские проблемы, однако они никогда не смогут удовлетворить подавляющее большинство христиан.

Воистину, мы рождаемся в мире греха и смерти, и мы не можем преувеличить вину греха, особенно своего собственного. Будучи представителями человечества, мы должны ощущать нестерпимый груз греха и вины всего человечества, какой ощущал Спаситель, когда умер на кресте. Но как христиане, мы также рождены в праведности и жизни и не можем недооценивать спасительную благодать Бога, превосходящую всякое понимание. Когда мы вступаем в мир, мы получаем приглашение: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне». Искупление человечества — такой же совершившийся факт, как и грехопадение человечества, и одного этого достаточно для ответа на вопрос, почему Бог допустил грехопадение или вызвал его. Там, где изобилует грех, благодать изобилует еще больше, а не меньше.

Кальвинизм обладает преимуществом логической компактности, последовательности и полноты. Если допустить его предпосылки, трудно избежать его выводов. Одну систему можно опровергнуть только с помощью другой. Нужен богословский гений уровня Августина и Кальвина, который возвысился бы над противоречием между Божьей высшей властью и человеческой свободой и привел бы нас к системе, основанной на скале исторического Христа и от начала до конца проникнутой любовью Бога ко всему человечеству.

⁸²² Августин основывал свое мнение на предсуществовании всего человечества в лоне Адама исходя из ошибочного толкования Рим. 5:12, ἐν ᾧ, вслед за переводом Вульгаты *in quo*, «в котором {все согрешили}», с указанием на Адама; на самом же деле это сочетание значит «потому что {все согрешили}» (ἐπὶ τοῦτο ὅτι = διότι) или «при условии, что» (ἐπὶ τοῦτο ὥστε, *ea ratione ut*). Это средний род, а не мужской. О толковании этого знаменитого отрывка и о доктринальных спорах, с ним связанных, см. мои примечания в Lange, *Comm. on Romans*, pp. 172 sqq.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АМЕРИКАНСКОМ КАЛЬВИНИЗМЕ

1. Кальвинизм был введен и натурализован в Америке пуританами после 1620 г. и преобладал в богословии и церковной жизни Новой Англии в колониальный период. Он нашел своего самого способного защитника в лице Джонатана Эдвардса, великого богослова-метафизика, проповедника пробуждения, которого можно было бы назвать американским Кальвином. Кальвинизм до сих пор царствует над ортодоксальной конгрегационалистской и баптистской церквями. Но в Новой Англии он вызвал к жизни унитаризм (как и в Англии) и подвергся различным видоизменениям. Сейчас он постепенно уступает более либеральному и всеохватному типу кальвинизма. Новый конгрегационалистский символ веры 1883 г. — абсолютно евангельский, и в нем сглажены все острые углы кальвинизма.

2. Пресвитерианский кальвинизм лучше всего представлен богословской системой Чарльза Ходжа, У. Дж. Т. Шедда и Генри Б. Смита. Первый — самый мягкий, второй — самый строгий, третий — самый широкий защитник современного американского кальвинизма. Все они наглядно демонстрируют совместимость логического кальвинизма с кротким и мягким христианским нравом, но отходят от взглядов Кальвина своим инфралапсарианством, а также своей верой в спасение детей, умирающих во младенчестве, и в большее количество спасенных.

Генри Б. Смит, под влиянием современного немецкого богословия, сделал шаг вперед, к переходу от старого кальвинизма к христологическому богословию, но умер, не успев сформировать его. Он говорит в вышедшем посмертно труде (*System of Christian Theology*, New York, p. 341, 4th ed., 1890): «Центральный догмат, с которым должны быть связаны все части богословия и посредством которого система становится системой, или создается, — это то, что мы назвали христологической, или посреднической идеей, а именно, что Бог во Христе примирил с Собою мир. Эта идея центральна не в том смысле, что все остальные части богословия логически выводятся из нее, а, скорее, в том, что они сходятся к ней. Идея в том, что *воплощение совершилось ради искупления*. Это центральная идея христианства, отличающая его и отличная от других религий и от всех форм философии. С помощью нее, и никакой другой, мы можем выстроить всю систему христианской веры на правильном основании. Эта идея — подобающий центр единства всей христианской системы, как душа есть центр единства тела и как Северный полюс влечет к себе стрелки компасов. Это настолько истинный центр единства, что когда мы анализируем, понимаем и применяем его, мы обнаруживаем в нем всё христианское богословие». К этому замечательному отрывку следует добавить заметку, которую доктор Джордж Л. Прентисс, его самый близкий друг, нашел среди последних бумаг доктора Смита, — заметку, которую можно назвать его богословским завещанием: «Реформатское богословие должно *христологизировать* предопределение и промысел, возрождение и освящение, учение о церкви и *всю эсхатологию*».

3. Движение за пересмотр Вестминстерского вероисповедания в последние несколько лет с невероятной силой охватило пресвитерианские церкви Англии, Шотландии и Северной Америки. Оно вдохновляется кардинальной истиной о любви Бога ко всему человечеству (Ин. 3:16), а следовательно, обязанностью церкви проповедовать Евангелие всем существам, в соответствии с повелением Христа (Мк. 16:15; Мф. 28:19,20). Единая пресвитерианская церковь (1879) и Свободная церковь Шотландии (1891) выражают свое несогласие с вестминстерскими стандартами в пояснительной записке, где они говорят о своей вере в любовь Бога ко всем людям, в моральную ответственность человека и в религиозную свободу — а всё это несовместимо со строгим пониманием данных стандартов. Английская Пресвитерианская церковь приняла новый символ веры, вместе с заявлением (1890). На общей ассамблее Пресвитерианской церкви Соединенных Штатов было решено (в 1889 г.) пересмотреть Вестминстерское вероисповедание, что сейчас и происходит; в то же время ведется подготовка нового, краткого и доступного символа веры, в котором была бы отражена живая вера современной церкви и который не служил бы для раскола и расширения сектантской борьбы, а выступал бы как узы согласия с другими евангельскими церквями и помогал бы, а не мешал воссоединению христианского мира. См. Schaff, *Creed Revision in the Presbyterian Churches*, 1890.

§113. Предопределение

1. *Inst.*, bk. III, chs. XXI — XXIV. *Articuli de Praedestinatione*, впервые опубликовано по рукописи Кальвина в Страсбурге, в *Opera*, IX. 713. *Consensus Genevensis* (1552), *Opera*, VIII. 249-366. Полемические труды Кальвина против Пигия (1543), vol. VI. 224-404; Бользека (1551), vol. VIII, 85-140; и Кастеллиона (1557-58), vol. IX, 253-318. Он рассматривает эту тему также в нескольких своих проповедях, например, по 1 и 2 Тимофею.
2. ALEX. SCHWEIZER: *Die Protestantischen Centraldogmen* (Zuerich, 1854), vol. I, 150-179. — STAEBELIN, I. 271 sqq. — DORNER: *Geschichte der protest. Theol.*, 386-395. — PHILIP SCHAFF: *Creeks of Christendom*, I. 451-455.

Лютер и Кальвин

Догмат о двойном предопределении — краеугольный камень кальвинистской системы и требует отдельного рассмотрения.

Источником силы и мира посреди жизненных сражений, основой устояния или падения церкви Кальвин делал избранность Богом в вечности, а Лютер — оправдание верой во времени. Они соглашались в том, что учили спасению посредством безвозмездной благодати и личной убежденности в спасении посредством живой веры во Христа и Его Евангелие. Но первый искал основу всего в неизменном постановлении Бога, существовавшем до сотворения мира, а второй находил практическое средство спасительной благодати в индивидуальной совести. Оба уделяли слишком большое внимание своим любимым догматам, борясь с католичеством, которое ослабляло силу Божьей благодати, возвышало человеческие заслуги и отрицало личную уверенность в спасении. Оба хотели уничтожить всякое основание для человеческой гордости и похвальбы, вырвать с корнем фарисейство и заложить прочный фундамент смирения, благодарности и утешения. Это был великий шаг вперед в сравнении со средневековой сотериологией.

Но существуют и более возвышенные позиции, которых достигло современное богословие. Учение Кальвина о предопределении и учение Лютера об оправдании одной лишь верой должны уступить место или быть подчинены христоцентрической схеме. Мы должны вернуться к исповеданию веры Петром, в котором есть только одно положение, но самое важное и самое древнее в христианстве. Центральное место в христианской системе принадлежит Личности Богочеловека и деяниям Христа. Это нерушимая Скала Церкви, над которой не властны врата ада и в которой объединяются символы веры христианского мира (Мф. 16:16-18; см. также 1 Кор. 2:2; 3:11; Рим. 4:25; 1 Ин. 4:2,3). Апостольский и Никейский символы веры христоцентричны и ориентированы на Троицу.

Все реформаторы были предестинариями

Все реформаторы XVI века, вслед за Августином и апостолом Павлом — как они его понимали, — руководствовались признанием человеческой греховности и спасительной благодати в противовес формальной вере в собственную праведность человека и принимали учение о двойном предопределении, которое решает судьбу всех людей в вечности⁸²³. С логической точки зрения, избежать такого вывода не представляется возможным, если мы допустим две предпосылки римско-католической и евангельской ортодоксии, а именно: всеобщее осуждение всех людей в Адаме и ограничение спасительной благодати этой жизнью. Все ортодоксальные конфессии отрицают всеобщее спасение и учат, что некоторые люди спасаются, а другие погибают, притом что после смерти спасение получить невозможно. Предестинарии утверждают, что такой двойной результат — следствие соответствующего постановления Самого Бога, а история лишь должна приспособливаться к Божьей воле и не может преодолеть ее. Они идут в своих логических рассуждениях от следствия к причине, от конца к началу.

⁸²³ Согласие реформаторов по части учений о свободе воли и о предопределении доказано учеными разных школ, как-то: Jul. Mueller (*Lutheri doctrina de praedestinatione et libero arbitrio*), а также его *Dogmatische Abhandlungen*, pp. 169-179), Hundeshagen (*Conflicte des Zwinglianismus, Lutherthums, und Calvinismus in der Bernischen Landeskirche von 1532 — 1558*), Baur (*Der Gegensatz des Katholicismus und Protestantismus* и его *Dogmengeschichte*), Schweizer (*Central-dogmen*), Gieseler, Hagenbach, Dörner, Luthardt, Loofs и другие.

Однако есть и кое-какие существенные различия во взглядах ведущих реформаторов на этот вопрос. Лютер, как и Августин, исходил из полной моральной неспособности человека, или *servum arbitrium*; Цвингли — из идеи правящего всем *providentia*; а Кальвин — из вечного *decretum absolutum*.

Августиновское и лютеранское предопределение руководствуются принципом рождения свыше при крещении, который связан с церковью и таинствами. Кальвинистское предопределение ограничивает эффективность таинства избранными и превращает крещение тех, кто не избран, в пустую формальность; но, с другой стороны, оно открывает дверь для распространения избирающей благодати за границы видимой церкви. Позиция Цвингли была своеобразной: с одной стороны, он зашел так далеко в своем супралапсарианстве, что сделал Бога безгрешным творцом греха (подобно властям, которые приговаривают к смерти, или подобно воину на поле боя — они совершают убийство, но не несут вины); с другой стороны, он подрывал саму основу августиновской системы, а именно, отрицал догмат об осужденности всего человечества за одно прегрешение одного человека; он признавал наследственный грех, но отрицал наследственную вину, и он включал всех детей и благочестивых язычников в царство небесное. Этот взгляд вызвал всеобщее осуждение и был заклеен как опасный и еретический⁸²⁴.

Меланхтон после исследований и раздумий отступил на полупелагианские позиции и подготовил путь для арминианства, которое возникло независимо в самом сердце кальвинизма в начале XVII века. Он отказался от своего более раннего взгляда, охарактеризовав его как стоический фатализм и предложив синергическую систему, которая является компромиссом между августинианством и полупелагианством. В ней человеческая воля сотрудничает с предваряющей Божьей благодатью, но отрицается человеческая заслуга⁸²⁵.

Формула согласия (1577) отвергла как кальвинизм, так и синергизм, однако, ценой своей логической непоследовательности, возвещала полную неспособность человека и безусловное избрание, а также то, что все люди призваны ко спасению.

Теория Кальвина

Кальвин развил учение о предопределении с большей тщательностью и точно, чем его предшественники, и избежал «парадоксов», как он называл некоторые экстравагантные и необдуманные заявления Лютера и Цвингли. С другой стороны, он уделял больше внимания самому догмату и отвел ему важное место в своей богословской системе. Он был, по стоическому темпераменту и как поклонник Сенеки, склонен к предестинарианству и нашел его в учении Павла, своего любимого апостола. Но его интересовала прежде всего религиозная, а не метафизическая сторона учения. Он нашел в нем самый сильный аргумент в поддержку своей веры. Он связал с ним уверенность в спасении, которая есть привилегия и утешение всякого верующего. В этом важном моменте он отличался от Августина, который

⁸²⁴ Кальвин писал Буллингеру в конфиденциальном письме от января 1552 г. о своем недовольстве в связи с парадоксальными выражениями в трактате Цвингли *De Providentia*. *Zwinglii libellus*, — пишет он, — *ut familiariter inter nos loquamur, tam duris paradoxis refertus est, ut longissime ab ea quam adhibui moderatione distet*. Но Буллингер никогда не возражал против либеральных мнений своего учителя и друга и верил в способы спасения помимо крещения, *sine externo ministerio, quo et quando velit (Deus), et quod ejus potentiae est (Second Helv. Conf. I. 7)*.

⁸²⁵ Более подробно о синергизме Меланхтона см. в монографии Геррлингера; Frank, *Theologie der Concordienformel*; Dorner, *Geschichte der Protest. Theologie*, pp. 361-374, его же *System der christl. Glaubenslehre*, II. 706 sq. и 716 sq.; Schweizer, *Centraldogmen*, I. 380 sqq.; Schaff, *Creeds of Christendom*, I. 262 sq.; Loofs, *Dogmengeschichte*, pp. 403 sq. (2^d ed.).

учил католическим взглядам о субъективной неуверенности в спасении⁸²⁶. Кальвин сделал стимулом для рвения и святости уверенность, подобно тому как Августин делал стимулом для рвения и святости неуверенность.

Кальвин прекрасно сознавал непопулярность этого учения. «Многие, — говорит он, — думают, что нет ничего более неразумного, чем считать, будто некая масса людей предопределена ко спасению, а другие — к гибели... Когда человеческий ум слышит подобное, его раздражение выходит за всякие пределы, он испытывает неистовое и яростное возбуждение, словно при звуке военной трубы». Но Кальвин полагал, что невозможно «прийти к ясной убежденности в нашем спасении, пока мы не познакомимся с вечным Божьим избранием, которое являет нам Его благодать через следующее противопоставление: Бог предназначает к надежде спасения не всех без разбора, но дает ее одним и отказывает другим». А следовательно, уверенность в спасении и единственное веское утешение основаны не на любви Бога ко всему человечеству, но на Его милости к избранным, которым, исключительно одним, это утешение и доступно. И причиной такого предпочтения является одна только непостижимая воля Бога, которая есть высший закон вселенной. Что же касается остальных людей, то мы, в нашем милосердии, можем предположить, что и они тоже принадлежат к избранным, потому что не существует других явных признаков осуждения, кроме упорного нежелания каяться до самой смерти.

Согласно Кальвину, предопределение — это вечный и неизменный закон Бога, которым Он, ради Своей славы и ради явления Своих качеств милосердия и справедливости, предопределил часть человечества, безотносительно к их собственным заслугам, к вечному спасению, а оставшуюся часть, в справедливое наказание их грехов, — к вечному осуждению. Кальвин говорит: «Мы называем предопределение вечным Божьим законом, в котором Он решил для Себя судьбу каждого человека. Ибо люди не все сотворены в одинаковом положении, но для одних предопределена вечная жизнь, а для других вечная гибель. Следовательно, каждый человек, сотворенный для одной или другой судьбы, предопределен, как мы сказали бы, к жизни или к смерти»⁸²⁷.

Такое деление относится не только к отдельным лицам, но и к целым народам. Бог избрал народ Израиля как Свое собственное наследие и отверг язычников. Он возлюбил Иакова и его потомство и возненавидел Исава и его потомство. «В том, что касается избрания, промысел Божий основан на Его безвозмездной милости, совершенно не зависящей от человеческих заслуг; но для тех, кого Он предназначает на осуждение, врата жизни закрыты посредством справедливого и безупречного, хотя и непостижимого суда»⁸²⁸. Божья воля — высший закон правосудия⁸²⁹, а в результате «то, чего Он желает, следует считать справедливым уже потому, что Он желает этого. Следовательно, когда вы спрашиваете, почему Господь сделал это, ответ должен быть: потому что так захотел. Но если вы пойдете дальше и спросите, почему Он так захотел, то вы начнете искать чего-то высшего и более великого, чем воля Бога, и найти это нельзя. А потому пусть

⁸²⁶ *De Dono Persev.*, ch. XXXIII.

⁸²⁷ *Praedestinationem vocamus aeternum Dei decretum, quo apud se constitutum habuit, quid de unoquoque homine fieri vellet. Non enim pari conditione creantur omnes; sed aliis vita aeterna, aliis damnatio aeterna praeordinatur. Itaque, prout in alterutrum finem quisque conditus est, ita vel ad vitam, vel ad mortem praeordinatum dicimus (Inst., III, ch. XXI, §5. Opera, vol. II, pp. 682, 683).*

⁸²⁸ *Ibid.*, III, ch. XXI, §7.

⁸²⁹ *Summa iustitiae regula est Dei voluntas.*

человек в своем безрассудстве не ищет того, чего нет, чтобы эти поиски не помешали ему найти то, что есть. Следует с разумной сдержанностью и почтением относиться к тайнам Бога»⁸³⁰. Из стиха «кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает» (Рим. 9:18) Кальвин делает вывод, что Павел то и другое приписывает «исключительно воле Бога. То есть: если мы можем объяснить, почему Бог милует Свой народ, лишь тем, что Ему так было угодно, то мы не найдем другого ответа и на вопрос, почему Он осуждает других. Ибо когда говорится, что Бог милует или ожесточает кого Ему угодно, эта фраза учит людей не искать причин Его воли»⁸³¹.

Как результат, предопределение делится на две части: предопределение *избранных* к святости и спасению и предопределение *осужденных* к смерти за грех и вину. Кальвин воспринимал эти части как неразрывно связанные между собой. Он говорит: «Воистину, многие, словно желая освободить Бога от всяких упреков, представляют избрание таким образом, что отрицают осуждение кого-либо. Но это детский и нелепый выход, потому что избрание может существовать только в противовес осуждению... Кого Бог не избирает, Он осуждает (*Quos Deus praeterit, reprobat*), и этому нет другой причины, кроме Его желания исключить их из наследства, которое Он предназначил Своим детям»⁸³².

Бог дарует осужденным все обычные милости повседневной жизни так же, как и избранным, но лишает их Своей милости спасения. Евангелие также предлагается им, но от этого только увеличивается их ответственность и усугубляется их осуждение, как от проповеди Христа по отношению к неверующим иудеям (Ис. 6:9,10; Мф. 13:13-15). Однако в таком случае можно ли примирить подобное кальвинистское понимание с представлением об искренности Божьего предложения?

Инфралапсарианство и супралапсарианство

Внутри кальвинистской системы в Голландии во время арминианского спора возникли две школы, инфралапсарианство (также называемое сублапсарианством) и супралапсарианство, которые придерживались разных взглядов на порядок Божьих постановлений и их отношение к грехопадению (*lapsus*). Инфралапсариане приспособливают вечный промысел Бога к грехопадению человека во времени и предполагают, что Бог сначала предопределил сотворить человека в святости, потом допустил грехопадение согласно свободной воле человека, затем решил спасти определенное количество людей из грешной массы, и наконец, оставил остальных во грехе и предопределил их к вечной каре⁸³³. Супралапсари-

⁸³⁰ *Inst.*, III, ch. XXII, §1.

⁸³¹ *Ibid.*, III, ch. XXII, §11. Определение Божьей справедливости у Кальвина противоречит общему пониманию человеческой справедливости, которая должна быть отражением справедливости Божьей.

⁸³² *Ibid.*, III, ch. XXIII, §1. Кальвинисты-схоласты выделяли в осуждении негативный элемент, *praeteritio* {«миновать» в Своей благодати}, или *indebitae gratiae negatio*, и позитивный, *praedamnatio* {«воздать» за вину} или *debitae poenae destinatio*. См. определения в Wolleb, Keckermann, Heidegger, etc., в Нерре, *Dogmatik der evang. reform. Kirche* (1861), p. 132. В Вестминстерском исповедании (гл. III, 7) используется термин «обойти стороной», то есть речь идет об исключении; в Галликанском исповедании (гл. XII) и Бельгийском исповедании (гл. XVI) используется более мягкий термин *laisser, relinquer*, то есть «оставить» в естественном, природном состоянии осуждения и гибели. Шедд (*Syst. Theol.*, I. 433) говорит: «Осуждение предполагает поущение и собственно осуждение как приговор», — и прослеживает три различия между ними. 1) Поущение — акт Божьей воли; осуждение — судебный акт. 2) Причина поущения неизвестна; причина осуждения — грех. 3) Поущением Бог терпит (скорее бездействует, чем действует); а при осуждении воля Бога действительна и позитивна. Шедд доказывает это на основании Як. 17:34: «Один возьмется, а другой оставится».

⁸³³ Таков порядок, описанный в *Formula Consensus Helvetica*, canon IV (в Niemeyer, p. 731): *Ita*

ане же считают, что порядок был обратным, то есть постановление об избрании и осуждении предшествует постановлению о сотворении; другими словами, еще не сотворенный, и тем более до грехопадения (то есть *non-ens*), человек уже оказался объектом Божьего двойного предопределения. Кроме того, инфралапсариане проводят различие между действенным, или активным, и попускающим, или пассивным, промыслом Бога, и исключают грехопадение Адама из действенного промысла. Иначе говоря, они утверждают, что Бог никоим образом не творец грехопадения, но Он просто попустил, чтобы это случилось, ради высшей цели. Он не вызвал его, но и не стал ему мешать. Супралапсариане, более логически, включают само грехопадение в действенный и утверждающий промысел, однако так же полно, как инфралапсариане, хотя уже и менее логично, отрицают, что Бог — творец греха. Инфралапсариане приписывают Адаму до грехопадения дар свободы выбора, который был утрачен после грехопадения; а некоторые супралапсариане отрицают это. Учения об испытании (за исключением единственного случая, Адама) нет в кальвинистической системе, оно по сути арминианское⁸³⁴, и оно совершенно неприменимо к детям, умирающим во младенчестве.

Разница между супралапсарианством и инфралапсарианством на практике не имеет значения. Из этих теоретических расхождений видно лишь безумие человека, который пытается открыть тайны вечного Божьего промысла. Это чистая метафизическая абстракция, потому что для вечного Бога не существует последовательности времени, нет ни «до», ни «после»⁸³⁵.

Обе школы ссылались на Кальвина. Но Кальвина следует отнести скорее к супралапсарианам, как и Безу, Гомара, Твисса и Эммонса. Кальвин считал непоследовательным мнение, что Божье предопределение не касалось самого важного события в истории, которое навлекло гибель на все человечество. «Не будет абсурдным, — говорит он, — утверждать, что Бог не только предвидел, но и предопределил грехопадение Адама и гибель его потомства». Кальвин явно отвергает разграничение между попусцием (*permissio*) и волей (*voluntas*) Бога, Который просто не может допустить того, чего не желает. «По какой причине, — спрашивает он, —

Deus gloriam suam illustrare constituit, ut decreverit, primo quidem hominem integrum CREARE, tum ejusdem lapsum PERMITTERE, ac demum ex lapsis quorundam misereri, adeoque eosdem ELIGERE, alios vero in corrupta massa RELINQUERE, aeternoque tandem exitio devovere. Это понимание не выходит за границы августинианства. Ван Остерзее ошибается, когда говорит (*Christian Dogmatics*, vol. I, p. 452), что Form. Cons. Helv. провозглашает супралапсарианский взгляд.

⁸³⁴ {Учение об испытании (probation) предполагает, что люди, которые не отвергли Христа сознательно во время своей земной жизни, получают предложение принять Его после смерти. Указанным условием эта теория отграничивается от общераспространенных представлений о принятии спасения в земной жизни, от представлений о всеобщем спасении, от представлений о возможности «второго шанса» (спасение предлагается лишь однажды), от католических представлений о чистилище, а также от представлений о том, что испытание (период принятия Христа) распространится и на жизнь в новом мире. — Ю.Ц. (по энциклопедии Шаффа-Герцога).}

⁸³⁵ Об этом различии см. Beza, *Summa totius Christianismi (Opera)*, I. 170); Limborch, *Theol. Christ.* IV. 2; Нерре, *Dogmatik der evang. reform. Kirche*, pp. 108 sqq., см. также любопытный порядок, приводимый Безой, как если бы Божий промысел был математической задачей. {Впоследствии различия между супралапсарианством и инфралапсарианством начали рассматриваться уже не столько как относящиеся к последовательности во времени, сколько как отражающие большую или меньшую важность предопределения: Бог либо хотел явить Свою славу в двойном предопределении (супралапсариане), либо это предопределение просто выступало средством достижения других Его целей (инфралапсариане). — Ю.Ц.} Инфралапсарианский взгляд более мягок и был перенят большинством кальвинистических вероисповеданий. Вестминстерское исповедание является компромиссом между двумя школами, оно помещает грехопадение Адама в область попусцием (гл. V, 4), однако не чистых, а включенных в замысел Бога, Который предопределил это Себе во славу (VI, 1).

должны мы считать, что Бог допускает гибель нечестивых, если это не Его воля? Маловероятно, чтобы человек навлек на себя погибель чисто из попущения, без Божьего предопределения. Как будто Бог не предопределил, каким будет состояние главного из Его творений! Следовательно, я без колебаний скажу вместе с Августином, “что воля Божья необходима для всех вещей и то, чего Он пожелал, обязательно случится, как обязательно случится то, что Он предвидел”⁸³⁶.

Но хотя непререкаемая логика Кальвина указывала на эту пропасть, его моральные и религиозные чувства содрогались от логической необходимости сделать Бога творцом греха. Это было бы богохульством и абсурдом — если Бог ненавидит и считает справедливым наказывать за то, что Он Сам же и сотворил. Кальвин говорит, что Адам обладал свободой выбора и мог выбрать вечную жизнь, но сознательно ослушался⁸³⁷. Отсюда важная фраза: «Человек совершает грехопадение, потому что так назначило Божье провидение, но он делает это по собственной вине»⁸³⁸. Здесь супралапсарианская логика сочетается с логикой этической. Однако он добавляет, что мы не знаем, почему провидение так предопределило, и что лучше нам думать о вине человека, нежели искать причины тайного Божьего предопределения. «Существует, — говорит он, — “ученое невежество”, обязывающее нас отказываться от познания вещей, которые нам не позволено и не положено знать, и жажда знаний в данном случае — это безумие».

⁸³⁶ *Inst.*, III, XXIII, 7 и 8. Цитируемый отрывок из Августина — это *De Gen. ad lit.*, I, VI, с. 15. В *Inst.*, III, XXIV, 12, Кальвин использует сильные супралапсарианские выражения: «Тем, кого Бог сотворил для жизни в позоре и смерти (*quos in vitae contumeliam et mortis exitium creavit*), чтобы они могли стать орудиями Его гнева и доказательствами Его строгости, Он позволяет дойти до назначенного конца; иногда Он лишает их возможности услышать Слово, а иногда проповедь его только усиливает их слепоту и глупость». Далее Кальвин приводит примеры, в основном фараона и притчи Христа (Мф. 13:11; Ин. 12:39,40). В *Consensus Genevensis* (Nie-meier, p. 251) он говорит, что грехопадение было предопределено удивительным Божьим промыслом (*admirabili Dei consilio fuisse ordinatum*). И Беза правильно понимал Кальвина.

⁸³⁷ Он описывает свои взгляды на состояние человека до грехопадения в *Inst.*, I, ch. XV, §8: «Бог дал душе человека разум, способный отличать добро от зла и справедливое от несправедливого, и обнаруживать, светом разума, к чему следует стремиться, а чего избегать. Философы называют эту направляющую способность *τὸ ἡγεμονικόν*, главной или руководящей частью. К этой части Бог добавил волю, от которой зависит выбор. В первоначальном состоянии человек был облагорожен всеми этими присущими ему качествами; он обладал разумом, пониманием, проницательностью и суждением не только для управления жизнью на земле — они позволяли ему возвыситься до Бога и вечного счастья. Сюда добавился выбор, направляющий желания и регулирующий все органические движения, так что воля была полностью согласована с управлением разума. Человек, обладавший такой целостностью, был наделен свободной волей, согласно которой он мог бы обрести вечную жизнь, если бы выбрал ее. И тогда был бы неуместен вопрос о тайном предопределении Бога, потому что мы говорим не о том, что могло бы случиться, а о том, какова была реальная природа человека. Следовательно, Адам мог бы устоять, если бы хотел, так как пал исключительно по собственной воле; но так как его воля тянулась к божьим возможностям и он не был наделен упорством устояния, он пал с легкостью. Однако его выбор добра или зла был свободным; более того, его ум и воля были настроены правильно, и его органические члены были предрасположены к послушанию, пока, погубив себя, он не испортил свои превосходные качества».

⁸³⁸ *Lapsus est enim primus homo, quia Dominus ita expedire censuerat; cur censuerit, nos latet. Certum tamen est non aliter censuisse, nisi quia videbat, nominis sui gloriam inde merit o illustrari. Unde mentionem gloriae Dei audis, illic iustitiam cogita. Justum enim esse oportet quod laudem meretur. CADIT Igitur homo, dei providentia sic ordinante, sed suo vitio cadit... Propria ergo malitia, quam acceperat a Domino pnam naturam corruptit; sua ruina totam posteritatem in exitum secum attraxit* (*Inst.*, III, ch. XXIII, §8. Vol. II, p. 705). В своем ответе Кастеллиону (*Opera*, IX. 294) он говорит: *Praevidebat Deus lapsum Adae: penes ipsum facultas erat prohibendi: noluit. Cur noluerit, alia non potest afferri ratio nisi quia alio tendebat ejus voluntas.*

Здесь, несмотря на осторожность, наступает момент, где строгая логика Кальвина и Августина дает трещину, или где моральная логика одерживает победу над рациональной. Допустить, что Бог — творец греха, противоречило бы Его святости и ниспровергло бы все основы морали и религии. Это был бы уже не кальвинизм, а фатализм и пантеизм. Самый строгий предестинарий вынужден выбирать между логикой и моралью. Августин и Кальвин ни мгновения не колебались. Снова и снова Кальвин называет богохульством делать Бога творцом греха, а он ненавидел грех как мало кто из людей. Доказано, что самые строгие кальвинисты всегда были самыми строгими моралистами⁸³⁹.

Спасение и осуждение детей

Осуждены ли все дети, умирающие во младенчестве? Это еще один сложный момент в системе Августина и камень преткновения для него.

Святой Августин явно утверждал, что все дети, умирающие во младенчестве, осуждены на вечное проклятие по причине первородного греха, унаследованного от Адама. Правда, он смягчает их наказание и сводит его к лишению блаженства, отличному от собственно страданий⁸⁴⁰. Это делает честь его чувствам, но не устраняет проблемы, ибо *damnatio*, пусть *levissima* и *mitissima*, все равно остается *damnatio*.

Богословы-схоласты отмечали разницу между *poena damni* {наказание проклятия}, которое не предполагает активных страданий, и *poena sensus* {наказание ощущения}, и говорили, что дети, умершие без крещения, обречены на первое, но не на второе. Они изобрели даже специальное отделение для детей в будущем мире, а именно, *Limbus Infantum*, на границе ада, в некотором удалении от огня и серы. Данте характеризует состояние детей как «скорбь без мучений»⁸⁴¹. Римские богословы обычно описывали состояние детей как невозможность видеть Бога. Римская церковь говорит о необходимости крещения для спасения, но допускает крещение кровью (мученичество) и крещение намерения как эквивалент реального крещения. Однако эти исключения не касаются детей, если не считать достаточной заменой желание родителей-христиан.

Кальвин предлагает решение ужасной проблемы осуждения детей, отрицая необходимость водного крещения для спасения и делая спасение зависящим исключительно от высшего избрания, которое может привести к рождению свыше без крещения, как в случае с ветхозаветными святыми и с разбойником на кресте. Мы становимся детьми Бога верой, а не крещением, которое является только признанием факта. Кальвин говорит, что все *избранные* дети спасены, крещены они или нет. Это большой шаг вперед. Чтобы распространить избрание за пределы зримых средств принятия благодати, он отошел от патристического и схоластического толкования Иоанна 3:5, в котором «вода» означала таинство крещения как необходимое условие для вступления в Царство Божье. Он полагает, что ссылка на христианское крещение до того, как оно было учреждено, была бы

⁸³⁹ Сравните его решительные выступления против злоупотребления учением об избрании в III, гл. XXIII, 12 sqq.

⁸⁴⁰ См. т. III. Августина называли *durus infantum pater*. Но его взгляд был единственным логически оправданным выводом из учения о необходимости крещения для спасения. Это учение существовало задолго до него и опиралось на Ин. 3:8 и Мк. 16:16. Даже Пелагий говорил, что некрещенные дети не попадут в царство небесное, хотя и будут иметь жизнь вечную (он говорил о промежуточном состоянии полублаженства).

⁸⁴¹ *Inferno*, IV. 28, *duol senza martiri*, т.е. умственные, а не физические страдания.

несвоевременной и непонятной для Никодима. Как результат, он связывает воду и Дух в одну идею очищения и возрождения Духом⁸⁴².

Каким бы ни было значение «воды», Христос здесь не может иметь в виду младенцев или таких взрослых, которые находятся за пределами действия крещения. Он сказал о детях как о классе, без упоминания о крещении или обрезании: «Таковых есть Царствие Божие». Невероятное утешение для скорбящих родителей! И более того, Он сказал: «Нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Мф. 18:14). Слова нашего Спасителя, которые должны решить проблему, похоже, означают, что *все* дети, умирающие до того, как успели согрешить, избраны. Они рождены во спасение, и их безвременная смерть может рассматриваться как знак избрания благодати.

Однако Кальвин не пошел так далеко. Напротив, он вполне ясно заявляет, что существуют *осужденные* дети, а не только осужденные взрослые. Он говорит, что «некоторые из детей», возрожденные Святым Духом, «без сомнения, спасены», но нигде не говорит, что спасаются *все* дети⁸⁴³. В своих комментариях на Римлян 5:17 Кальвин ограничивает спасение детей детьми *благочестивых* (избранных) родителей, а судьба прочих детей остается более чем сомнительной⁸⁴⁴. Споря с католиками, защитниками свободы воли, которые вместе с тем признавали и проклятие некрещенных детей, он просит их объяснить чем-то иным, кроме как непознаваемой волей Бога, тот ужасный факт, «что грехопадение Адама, вне зависимости от каких-либо способов спасения, навлекло на столь *много народов вместе с их младенцами* вечную смерть», и далее пишет: «Здесь они, красноречивые во всех остальных вопросах, должны будут умолкнуть»⁸⁴⁵.

⁸⁴² *Aqua nihil aliud est quam interior Spiritus Sancti purgatio et vegetatio*. См. также *in loco*. Он воспринимает *καὶ* эпизеугетически, как предварение к уточнению смысла, и ставит акцент на *πνεῦμα*, Который один упоминается в следующих стихах, 6 и 8. См. также у Гроция: *Spiritus aquaeus, i. e. aquae instar emundans*. Но в исходном смысле здесь все равно делается ссылка на воду крещения как символ очищения и отпущения грехов. См. Ин. 1:33; Тит. 3:5; Еф. 5:26. Разные толкования подробно обсуждаются в моем издании Lange, *Comm. on John*, pp. 126 ff.

⁸⁴³ *Inst.* Bk. IV, ch. XVI, 17: *Infantes, qui servandi sint — ut certe ex ea aetate omnino aliqui servantur — antea a Domino regenerari minime obscurum est*. Таким было учение вестминстерских богословов. Оно отражено в Вестминстерском исповедании, гл. 3: «Избранные дети, умирающие во младенчестве, рождены свыше и спасены Христом через Духа, Который действует когда, где и как пожелает». Хотя формально этот текст и допускает возможность либерального толкования, он по своему замыслу, подтверждаемому личными мнениями создателей вероисповедания, почти несомненно провозглашает существование неизбранных детей и их осуждение. Поэтому когда пресвитериане пересматривали это исповедание, они, желая избежать данного логического вывода, предложили вычеркнуть слово «избранные» или заменить его на «все» (как сделали в своем исповедании пресвитериане Кумберленда). Это изменение будет внесено на Генеральной ассамблее в мае 1892 г.

⁸⁴⁴ *De piorum liberis loquor, ad quos promissio gratiae dirigitur; nam alii a communi sorte nequaquam eximuntur*.

⁸⁴⁵ *Tot gentes una cum liberis eorum infantibus*. *Inst.*, III, ch. XXIII. §7. Сюда следует добавить и обращение к Кастеллиону: «Теперь можешь ополчиться на Бога, Который невинных младенцев от груди матери отправляет на вечную смерть». Кальвин здесь спорит *e concessis*. Смысл этого отрывка часто искажали. Мы приводим его на латыни, в соответствующем контексте (*Opera*, IX. 289): *Negas Deo licere nisi propter facinus damnare quenquam mortalium. Tolluntur e vita innumerati adhuc infantes. Exsere nunc tuam virulentiam contra Deum, qui innoxios foetus a matrum uberibus avulsos in aeternam mortem praecipitat. Hanc blasphemiam, ubi palam detecta est, quisquis non detestabitur, mihi pro sua libidine maledicat*. Он также призывает Кастеллиона (fol. 289) объяснить общепризнанный факт: Бог допускает, чтобы невинных детей пожирали тигры, львы, медведи или волки (*qui fit ut Deus parvulos infantes a tigribus vel ursis vel leonibus vel lupis laniari vorarique sineat*). Попытка доктора Шилдса из Принстона доказать, что Кальвин верил в спасение *всех* детей, совершенно неудачна («The Presbyt. and Ref. Review», October, 1890).

В этой связи он добавляет важные слова: «Я согласен, это *ужасное постановление*, но никто не может отрицать, что Бог знал будущее и окончательную судьбу человека до того, как сотворил его, и Он знал это заранее потому, что назначил так по Своей собственной воле»⁸⁴⁶.

Наши лучшие чувства, которые Сам Бог поместил в наши сердца, инстинктивно восстают против мысли о том, что Бог безграничной любви и справедливости сотворил миллионы бессмертных существ по Своему образу — вероятно, больше половины человечества — для того, чтобы из чрева матери направить их в могилу, а из могилы — на вечную погибель! И не за их собственные грехи, а за преступление Адама, о котором они никогда не слышали и которое Сам Бог не просто допустил, но и предопределил. Воистину, если бы всё было именно так, это было бы *decretum horribile*.

Кальвин, используя это выражение, фактически осудил собственное учение. Это выражение часто повторяют, критикуя Кальвина, но оно делает честь его уму и сердцу и недостаточно полно учитывается при оценке его характера. Он осмелился выражать свои человеческие чувства намного более решительно, чем святой Августин. Если Кальвин и принял это ужасное постановление, то лишь пожертвовав своим разумом и сердцем в угоду строгим законам логики и букве Писания, как он его понимал. Мы должны уважать его послушание, но он не претендовал на непогрешимость своего толкования, и мы вполне можем не соглашаться с ним.

Цвингли, как мы уже замечали, был первым и единственным реформатором, который осмелился выразить милосердную надежду и веру во всеобщее спасение младенцев через искупление Христа, Который умер за всех. Анабаптисты придерживались такого же мнения, но их преследовали как еретиков и протестанты, и католики, и они были осуждены девятым артикулом Аугсбургского исповедания⁸⁴⁷. Второе Шотландское исповедание 1590 г. было первым и единственным протестантским исповеданием периода Реформации, в котором говорилось об отвратительности и вреде жестокого папистского учения о проклятии детей⁸⁴⁸.

Но постепенно учение о всеобщем спасении младенцев стало распространяться среди арминиян, квакеров, баптистов, веслиан, пресвитериан, а сейчас оно принято почти всеми протестантскими богословами, и особенно кальвинистами, которым не мешает теория о возрождении через крещение⁸⁴⁹.

⁸⁴⁶ *Decretum quidem horribile fateor*. Это знаменитое выражение часто по невежеству относят к учению о предопределении в целом, в то время как Кальвин здесь говорит только об осуждении. Предопределение избрания славно и более утешительно. Но нет необходимости смягчать термин *horribile*, «ужасный». На французском он называет его *ce décret qui nous doit espouvanter*, «постановление, которое должно ужаснуть нас». Газе (*Kirchengeschichte*, III. I. 196) пишет: *Calvin ist ein dogmatischer Dante: dieselbe grauenvolle Lust, die Majestät Gottes auch in der Hölle anzuerkennen und zu preisen, diese grauenvolle Macht, welche fühlende Wesen geschaffen hat zu ewiger Qual*.

⁸⁴⁷ «Они осуждают анабаптистов, которые не одобряют крещение детей и утверждают, что *дети спасены без крещения*». В издании 1540 г. после завершающего слова «крещение» добавлено: *et extra ecclesiam Christi* {«и вне церкви Христа»}, что должно обозначать детей язычников. В немецком тексте эта фраза опущена, и анабаптисты осуждаются только за то, что отвергают крещение детей. Это показывает, что Меланхтон сомневался по поводу проклятия, ждущего некрещеных детей.

⁸⁴⁸ *Abhorremus et detestamur... crudele iudicium contra infantes sine baptismo morientes*.

⁸⁴⁹ Среди английских кальвинистов, которые учат всеобщему спасению детей, — Доддридж, Томас Скотт, Джон Ньютон, Топлейди, Роберт С. Кэндлиш; среди американских кальвинистов — доктора Чарльз Ходж, Э. Э. Ходж и Б. Б. Уорфилд из Принстона и доктора Х. Б. Смит, Дж. Л. Прентисс и Шедд из Семинарии Союза, Нью-Йорк. См. об этом в Schaff, *Creeds of*

Цвингли, как мы уже говорили, опережал свое время и в отношении к спасению благочестивых язычников, которые умирают готовыми принять Евангелие; этот его взгляд также проник в современное сознание протестантов⁸⁵⁰.

Защита учения о предопределении

Кальвин защищал идею предопределения в своих «Наставлениях» и полемических трудах против Пигия, Бользека и Кастеллиона, умело отвергая все возражения и, можно сказать, исчерпав все возможные аргументы. Его доводы в основном были взяты из Писания, особенно из девятой главы Послания к римлянам, но он неправомерно превращает отрывки, относящиеся к исторической судьбе людей и народов в этом мире, в заявления об их судьбе в вечности, в мире ином, и недооценивает силу мест с противоположным смыслом (таких как Иез. 33:11; 18:23, 32; Ин. 1:29; 3:16; 1 Ин. 2:2; 4:14; 1 Тим. 2:4; 2 Пет. 3:9), вводя различие между тайной и явленной волей Бога (*voluntas arcani* и *voluntas beneplaciti*) и таким образом внося в Божью волю неприемлемый дуализм и противоречие.

Он завершает весь диспут такой сентенцией: «Теперь, когда от обеих сторон было высказано столько аргументов, давайте встанем в изумлении рядом с Павлом при виде столь великой тайны и, среди шума неумолчных языков, давайте не постесняемся воскликнуть вместе с ним: “А ты кто, человек, что споришь с Богом?” Ибо, как справедливо замечает Августин, великое извращение — измерять Божью справедливость мерками человеческой справедливости».

Это очень правильно. Но как вообще мы можем судить о Божьей справедливости, если не на основании нашего собственного чувства справедливости, исходящего от Бога? И как может быть справедливым для Бога то, что несправедливо для человека и что Сам Бог осуждает как несправедливость? Основа справедливости — беспристрастность и равенство.

Практическое значение

Цель и задача этого учения была не спекулятивной, а практической. Оно было оплотом безвозмездной благодати, средством против пелагианства и человеческой гордости, побуждением к кротости и благодарности, источником утешения и мира среди испытаний и невзгод. Обвинение в оправдании безнравственности и плотской уверенности всегда с негодованием отвергалось кальвинистами как хула с помощью Павлового «Никак» и опровергалось на практике. Тот, кто верит во Христа как своего Господа и Спасителя, может иметь разумную уверенность в том, что принадлежит к избранным, и эта вера будет побуждать его следовать за Христом и стоять до конца. Те, кто верит в устояние святых, скорее всего устоят. Неверие в настоящий момент не может быть несомненным признаком осуждения, пока существует возможность покаяния и обращения.

Кальвин противопоставляет абсолютную власть Бога и непогрешимость Библии предполагаемой власти и непогрешимости папы. Он боялся Бога и не боялся людей. Ощущение всемогущества Бога укрепляло его последователей в борьбе с тиранией мирских правителей и делало защитниками и глашатаями гражданской и политической свободы во Франции, Голландии, Англии и Шотландии.

Christendom, I. 378, 381, 794, 898; Prentiss, в «Presbyterian Review», 1883; Benjamin B. Warfield, *The Development of the Doctrine of Infant Salvation*, New York (Christ. Lit. Co.), 1891, pp. 61; Chas. P. Krauth (лютеранин), *Infant Baptism and Infant Salvation*, Philadelphia (Lutheran Book Store), 1874, pp. 83.

⁸⁵⁰ См. §29.

Одобрение вероисповеданиями

Учение о предопределении было официально признано пасторами Женевы, которые подписали *Consensus Genevensis*, подготовленный Кальвином (1552)⁸⁵¹. В более мягкой, инфралапсарианской форме оно вошло во Французское исповедание (1559), в Бельгийское исповедание (1561) и в Шотландское исповедание (1560). Более логично оно было сформулировано в Ламбетских статьях (1595), в Ирландских статьях (1615), в Дортском каноне (1619), в Вестминстерском исповедании и в «Большом катехизисе» (1647) и Гельветической Формуле согласия (1675). С другой стороны, Первое Гельветическое исповедание (1536), Гейдельбергский катехизис (1563), Второе Гельветическое исповедание (1566) и Англиканские статьи (1571, ст. XVII) говорят только о позитивной стороне избрания верующих и мудро умалчивают о предопределении к осуждению и гибели. Они оставляют это право богословской науке и частному суждению⁸⁵². В некоторых менее значительных реформатских исповеданиях, например Бранденбургском, явно говорится, что Бог искренне желает спасения *всех* людей и не является творцом греха и осуждения.

ПРИМЕЧАНИЕ

**АВТОРИТЕТНЫЕ ФОРМУЛИРОВКИ КАЛЬВИНИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ
О ДВОЙНОМ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИИ**

I. Articuli de praedestinatione Кальвина

Кальвин сжато изложил свою систему в следующих статьях, которые впервые были опубликованы в Страсбурге в 1870 г. на основании рукописи из библиотеки Женевского университета.

[*Ex autographo Calvini Bibl. Genev., Cod. 145, fol. 100.*]

Ante creatum primum hominem statuerat Deus aeterno consilio quid de toto genere humano fieri vellet.

Hoc arcano Dei consilio factum est ut Adam ab integro naturae suae statu deficeret ac su a defectione traheret omnes suos posteros in reatum aeternae mortis.

Ab hoc eodem decreto pendet discrimen inter electos et reprobos: quia alios sibi adoptavit in salutem, alios aeterno exitio destinavit.

Tametsi iustae Dei vindictae vasa sunt reprobi, rursum electi vasa misericordiae, causa tamen discriminis non alia in Deo quaerenda est quam mera eius voluntas, quae summa est iustitiae regula.

Tametsi electi fide percipiunt adoptionis gratiam, non tamen pendet electio a fide, sed tempore et ordine prior est.

Sicut initium et perseverantia fidei a gratuita Dei electione fluit, ita non alii vere illuminantur in fidem, nec alii spiritu regenerationis donantur, nisi quos Deus elegit: reprobos vero vel in sua caecitate manere necesse est, vel excidere a parte fidei, si qua in illis fuerit.

Tametsi in Christo eligimur, ordine tamen illud prius est ut nos Dominus in suis censeat, quam ut faciat Christi membra.

Tametsi Dei voluntas summa et prima est rerum omnium causa, et Deus diabolum et impios omnes suo arbitrio subiectos habet, Deus tamen neque peccati causa vocari potest, neque mali aut or, neque ulli culpae obnoxius est.

⁸⁵¹ *Consensus Genevensis* появился из-за споров с Пигием и Бользеком, но не приобрел авторитета вне Женевы. Попытка заручиться поддержкой этой догмы в Цюрихе, Берне и Базеле привела к беспорядкам и оппозиции. См. Schaff, *Creeds*, etc., I. 474 sqq.

⁸⁵² Во Втором Гельветическом исповедании (гл. VIII и IX) используется термин «осужденный» (*ἀδόκιμος, reprobus*), но ничего не говорится о предопределении осуждения. Это прилагательное морального характера, оно значит *негодный, непотребный* (Рим. 1:28; 1 Кор. 9:27; 2 Кор. 13:5-7; 2 Тим. 3:8; Тит. 1:16). Форма множественного числа во 2 Кор. 13:6,7 и во 2 Тим. 3:8 (*reprobates* = «негодные») в старой редакции английского Перевода короля Иакова — неточный перевод, которым предполагается существование целого класса негодных ко спасению людей. В греческом же языке используется прилагательное, а не существительное {синод. «то, чем быть должны» = греч. «не негодные»}.

Tametsi Deus peccato vere infensus est et damnat quicquid est iniustitiae in hominibus, quia illi displicet, non tamen nuda eius permissione tantum, sed nutu quoque et arcano decreto gubernantur omnia hominum facta.

Tametsi diabolus et reprobis Dei ministri sunt et organa, et arcana eius iudicia exsequuntur, Deus tamen incomprehensibili modo sic in illis et per illos operatur ut nihil ex eorum vitio labis contrahat, quia illorum malitia iuste recteque utitur in bonum finem, licet modus saepe nobis sit absconditus.

Inscite vel calumniose faciunt qui Deum fieri dicunt autorem peccati, si omnia eo volent te et ordinante fiant: quia inter manifestam hominum pravitatem et arcana Dei iudicia non distinguunt.

II. Ламбетские статьи

Полное согласие с Кальвином выражено в Ламбетских статьях, 1595. Они были составлены как обязательное дополнение к Тридцати девяти статьям, в которых (ст. XVII) изложена только позитивная сторона учения о предопределении и ничего не говорится об осуждении. Они были подготовлены доктором Уайтейкером, профессором богословия из Кембриджа, и одобрены доктором Уиттифтом, архиепископом Кентерберийским, доктором Хаттоном, архиепископом Йоркским и рядом прелатов, собравшихся в Ламбетском дворце в Лондоне; одобрил их и Хукер (с незначительными изменениями; см. Hooker, *Works*, ed. Keble, II. 752 sq.). Но они не были санкционированы ни королевой Елизаветой, которой не понравилось, что Ламбетский синод был созван без ее согласия, ни Иаковом I и постепенно утратили свое влияние во время арминьянской реакции при Стюартах. Они гласят:

1. Бог от вечности предопределил некоторых людей к жизни; а некоторых людей Он лишил спасения.
2. Движущей или действительной причиной предопределения к жизни является не предвидение веры, или устояния, или добрых дел, или чего-либо, что есть в предопределенном человеке, но исключительно благоволение и желание Бога.
3. Предопределенных существует твердое количество, которое не может быть ни увеличено, ни уменьшено.
4. Те, кто не предопределен к спасению, неизбежно будут осуждены за свои грехи.
5. Истинная, живая и оправдывающая вера и оправдывающий [освящающий] Божий Дух не покидают нас и не уходят; Он не покидает избранных до самого конца и нинасколько.
6. Человек воистину верный, то есть тот, кто наделен такой оправдывающей верой, может быть уверен, во всей полноте, в том, что ему отпущены грехи и даровано вечное спасение во Христе.
7. Спасительная благодать дается, даруется и передается не всем людям, чтобы они могли спастись ею, если бы пожелали.
8. Ни один человек не приходит ко Христу, если ему этого не дано и если Отец не привлекает его; и не всех людей привлекает Отец, чтобы они могли прийти к Сыну.
9. Не в воле и не в силе всякого — быть спасенным.

Ламбетские статьи были приняты на соборе в Дублине, 1615 г., и включены в Ирландские статьи, вероятно, составленные ученым архиепископом Ашером (в то время профессором богословия в коллеже Троицы, Дублин); они образуют связующее звено между Тридцатью девятью статьями и Вестминстерским исповеданием. Некоторые из самых решительных заявлений Ирландских статей буквально были перенесены в Вестминстерское исповедание. Ирландские статьи есть в Schaff, *Creeds of Christendom*, III. 526-544.

III. Вестминстерское вероисповедание

Гл. III. О вечном промысле Бога

Вестминстерское исповедание, подготовленное Вестминстерской ассамблеей в 1647 г., было принято Парламентом, Шотландской церковью и пресвитерианскими церквями Америки. В нем приводится самое ясное и четкое изложение данного учения. Ему уделяется больше внимания, чем святой Троице, личности Христа или искуплению.

1. Бог от вечности, по наимудрейшему и святому желанию собственной воли, свободно и неизменно установил то, что произойдет; но при этом Бог не является творцом греха, не навязывает принуждение воле Своих творений и не устраняет свободу или возможность вторичных причин, а, скорее, поощряет их.

2. Хотя Бог знает всё, что может произойти при всех данных условиях, Он предопределил что-либо не потому, что предвидел это в будущем, и не потому, что оно могло бы произойти в таких условиях.

3. Согласно Божьему промыслу, ради явления Его славы, некоторые люди и ангелы предназначены к вечной жизни, а другие предназначены к вечной смерти.

4. Эти ангелы и люди, таким способом предопределенные и предназначенные, устроены особым и неизменным образом; их количество точно и определено, оно не может быть ни увеличено, ни уменьшено.

5. Тех представителей человечества, которые предопределены к жизни, Бог, до того, как были заложены основания мира, согласно Своему вечному и неизменному замыслу, а также тайному промыслу и желанию Своей воли, избрал во Христе к вечной славе по исключительной безвозмездной благодати и любви без какого-либо предведения веры или добрых дел, или устояния в том или другом, или чего-либо еще в творении в качестве условий или причин, которые побуждали бы Его к этому; все это во славу Его чудесной благодати.

6. Как Бог предопределил избранных к славе, так Он, посредством вечного и свободного замысла Своей воли, предусмотрел и все средства для этого. Так что те, которые были избраны, павшие в Адаме, искуплены во Христе и призваны к вере во Христа Его Духом, воздействующим в должное время; они оправданы, усыновлены, освящены и хранимы Его силой, через веру во спасение. И никто иной больше не искуплен Христом, не призван действительно, не оправдан, не усыновлен, не освящен и не спасен, а только эти избранные.

7. Остальное же человечество Богу было угодно, согласно непостижимому промыслу Его собственной воли, посредством которой Он оказывает милость тем, кому Сам захочет, во славу Своей высшей власти над Своим творением, обойти стороной и предопределить к бесчестию и гневу за их грех, в похвалу Его славной праведности.

8. Учение об этой возвышенной тайне предопределения следует возвещать с особой осторожностью и вниманием, чтобы люди, ищущие воли Бога, явленной в Его Слове, и слушающиеся его, могли, с уверенностью в своем вечном призвании, верить в свое вечное избрание. Так это учение приведет к восхвалению, почитанию и поклонению Богу, а также к смирению и усердию и даст обильное утешение всем тем, кто искренне подчиняется Евангелию.

IV. Методизм и кальвинизм

Вестминстерский кальвинизм был строжайшим образом осужден Джоном Весли, самым апостольским служителем из всех, которых произвела на свет англосаксонская раса. Он принял арминианский символ веры и при помощи него обращал людей ко Христу. Он славил безвозмездную Божию благодать, как кальвинисты, но распространял ее действие на всех людей. В проповеди о безвозмездной благодати, произнесенной в Бристолье (*Sermons*, vol. I, 482 sqq.), Весли обвиняет учение о предопределении за то, что оно «делает напрасной всякую проповедь, губит святость, утешение религии и рвение в добрых делах, да и всё христианское откровение, внося в него роковые противоречия». Он даже называет его «учением, полным богохульства», потому что оно «представляет нашего благословенного Господа лицемером, обманщиком людей, лишенным элементарной искренности, насмехающимся над беспомощными созданиями, предлагающим то, чего Он не собирается давать, говорящим одно, а имеющим в виду другое». Это учение губит «все достоинства Бога, Его справедливость, милосердие и истину, представляет святейшего Бога как личность еще более худшую, нежели дьявол, более лживую, более жестокую и более несправедливую». В своей резкости его слова несправедливы, как и все, что Пигий, Бользек, Кастеллион и Сервет говорили о Кальвине. Однако Весли сотрудничал какое-то время с Джорджем Уайтфилдом, великим кальвинистом, проповедником пробуждения, и произнес проповедь на его похороны (Тоттенхем-Корт-Роуд, 18 ноября 1770 г.) на текст Чисел 23:10, в которой самым возвышенным образом отзывался о личном благочестии и великой полезности Уайтфилда (*Sermons*, I. 470-480). «Читали ли мы или слышали, — спрашивал он, — о каком-либо человеке после апостолов, который свидетельствовал бы о Евангелии Божьей благодати столь же широко и в столь же большой части обитаемого света? Читали ли мы или слышали о человеке, который призвал бы к покаянию столько же тысяч, такие же множества грешников? И самое главное: читали ли мы или слышали о ком-то, кто был бы столь же благословенным орудием в руке Бога и привел бы столько же грешников из тьмы в свет, из власти сатаны к Богу?» Таков поразительный пример того, насколько глубоко великие и благочестивые люди могут не соглашаться в вопросах богословия и при этом быть близкими в вере.

Чарльз Весли был полностью согласен с арминианством своего брата Джона и злоупотреблял своим поэтическим даром, выступая против кальвинизма⁸⁵³. Он ожесточенно спорил на эту тему с Топлейди, который был убежденным кальвинистом. Но богословский спор их мертв и похоронен, а их гимны восхваления все еще живы. И кальвинисты, и методисты от души поют гимн «О Спаситель, благодать...», написанный Весли, и гимн «Благодатная скала мне спасение дает», написанный Топлейди.

⁸⁵³ Вот образец:

*O Horrible Decree,
Worthy of whence it came!
Forgive their hellish blasphemy,
Who charge it on the Lamb!*

V. Современный кальвинизм

Современный кальвинизм сохраняет учение о провидении, которое управляет всем сущим, и о спасительной благодати, но отрицает лишенность спасения и исключение из благодати или же отводит этим представлениям удел в области метафизического богословия. Он также ставит акцент на моральной ответственности человеческой воли на обязанности предлагать Евангелие совершенно искренне всем людям, в соответствии с современным духом миссионерства. Это, по меньшей мере, преобладающая и растущая тенденция среди пресвитерианских церквей в Европе и Америке, судя по недавним волнениям в связи с пересмотром Вестминстерского исповедания. Новый символ веры Пресвитерианской церкви Англии, который был принят в 1890 г., избегает всех сомнительных черт старого кальвинизма и заменяет восемь разделов третьей главы Вестминстерского исповедания следующими двумя статьями, которые содержат всё, что необходимо для публичного исповедания:

Ст. IV. О Провидении

Мы верим, что Бог Творец держит всё словом Своего могущества, храня все творения и заботясь о них, согласно законам их бытия; и что Он, через присутствие и силу Своего Духа в природе и истории, располагает и управляет всеми событиями по Своему возвышенному замыслу; однако Он никоим образом не творец греха и не одобряет его, при том что свобода и ответственность остаются за человеком и не налагается никаких уз, которые ограничивали бы высшую свободу Того, Кто действует когда, где и как пожелает.

Ст. XII. Об избрании и рождении свыше

Мы смиренно полагаем и верим, что Богу Отцу в Его высшей благодати было угодно еще до сотворения мира избрать для Себя во Христе народ, который Он вверил Сыну и который получает духовную жизнь от Святого Духа, тайно и чудесно действующего Своей силой, использующего в качестве Своих ординарных средств истину Божьего Слова путями, подходящими для природы человека, когда человек достигает разумного возраста, так что рожденные свыше люди становятся детьми Бога, сотворенными во Христе Иисусе для добрых дел.

§114. Исследование кальвинизма

Мы не можем закончить разговор на эту важную тему, не исследовав кальвинистическую систему предопределения в свете христианского опыта, разума и учения Библии.

Кальвинизм, как мы уже видели, исходит из двойного и абсолютного предопределения, которое предшествует сотворению и является Божьим планом человеческой истории. Этот план включает в себя последовательные стадии сотворения человека, всеобщего грехопадения и осуждения человечества, частичного искупления и спасения и частичного осуждения и гибели, — и всё это во славу Бога и ради проявления Его качеств милосердия и справедливости. История — это лишь выполнение изначального Божьего замысла. Погрешностей здесь быть не может. От начала и до конца неизменный Божий план и события мировой истории должны совпадать.

Мы должны помнить с самого начала, что здесь мы имеем дело с проблемой всего мира, и мы должны подходить к ней с почтением и смиренным осознанием ограниченности наших умственных способностей. Мы стоим перед горой, вершина которой теряется в облаках. Многие осмеливались карабкаться по ней, но снег ослеплял их зрение. Данте, глубочайший из мыслителей среди поэтов, считает тайну предопределения слишком далекой от смертных, «не видящих причину целиком», и непостижимой даже для святых в раю, которые обладают благословенным зрением, но «не знают всех избранных» и удовлетворяются тем, что желают лишь того же, что и Бог⁸⁵⁴. Сам Кальвин признаёт, что «предопределение

⁸⁵⁴ Данте Алигьери, *Божественная комедия* (перевод М.Лозинского). Рай, XX, 130-138. Вот что

Божье — это лабиринт, из которого человеческий ум не может выбраться самостоятельно»⁸⁵⁵.

Единственный выход из лабиринта — нить Ариадны, любовь Бога во Христе, и это — еще более великая и более благословенная тайна, которой мы скорее восхищаемся, чем понимаем.

Факты опыта

Мы находим повсюду в мире следы явленного Бога и скрытого Бога — явленного достаточно, чтобы укрепить нашу веру, и скрытого достаточно, чтобы испытать ее.

Мы окружены тайнами. В царстве природы мы наблюдаем контраст света и тьмы, дня и ночи, жара и холода, лета и зимы, жизни и смерти, цветущих долин и бесплодных пустынь, поющих птиц и ядовитых змей, полезных животных и хищных зверей, борьбы за существование и выживания сильнейших. Если обратиться к человеческой жизни, мы видим, что один человек рождается для процветания, другой — для нищеты; один — царь, другой — нищий; один — силен и здоров, другой — беспомощный калека; один — гений, другой — идиот; один — склонен к добродетели, другой — к пороку; один — сын святого, другой — преступника; один — пребывает во тьме язычества, другой — в свете христианства. Лучшие люди так же, как и худшие, подвержены роковым несчастным случаям, и целые народы, вместе с их невинным потомством, страдают от войн, болезней и голода.

Кто отвечает за эти и за тысячи других, не менее сложных проблем? Они неподвластны человеческой воле и должны объясняться волей Бога, пути Которого неисповедимы.

Сюда же относятся предопределение и, очевидно, двустороннее предопределение к добру или злу, к счастью или несчастью.

Грех и смерть — универсальные факты, которые не может отрицать ни один человек. Они составляют проблему проблем. И единственное практическое решение этой проблемы — факт искупления. «А когда умножился грех, стала преизобиловать благодать, дабы, как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим» (Рим. 5:20,21).

Если бы искупление было таким же всеобщим, как и грех, это было бы самое удовлетворительное и самое славное решение. Но искупление лишь отчасти явлено в этом мире, и остается серьезный вопрос: что случится с подавляющим большинством людей, которые рождаются и умирают без Бога и без надежды в этом мире? Следует ли объяснять этот ужасный факт вечным промыслом Бога

пишет там Данте:

О предопределение, в каком
Скрыт недре корень твой от глаз туманных,
Не видящих причину целиком!

Ваш суд есть слово судей самозванных,
О смертные! И мы, хоть Бога зрим,
Еще не знаем сами всех избранных.

Мы счастливы неведением своим;
Всех наших благ превыше это благо —
Что то, что хочет Бог, и мы хотим.

⁸⁵⁵ Комментарий на Рим. 9:14: *Est praedestinatio Dei vere labyrinthus, unde hominis ingenium nullo modo se explicare queat.*

или свободной волей человека? Тут августинианство и кальвинизм спорят с пелагианством, полупелагианством, синергизмом и арминианством.

Кальвинистская система содержит в себе положительную истину: избрание к вечной жизни через безвозмездную благодать — и негативный вывод из нее: осуждение на вечную смерть через правосудие. Первое — это сила системы, второе — ее слабость. Первое признается практически всеми истинными верующими, а второе всегда отвергалось и будет отвергаться подавляющим большинством христиан.

Учение об избрании благодати преподано в Новом Завете так же ясно, как любое другое учение. Посмотрите такие места, как Мф. 25:34; Ин. 6:37,44,65; 10:28; 15:16; 17:12; 18:9; Деян. 13:48; Рим. 8:28-39; Гал. 1:4; Еф. 1:4-11; 2:8-10; 1 Фес. 1:4; 2 Фес. 2:13,14; 2 Тим. 1:9; 1 Пет. 1:2. Учение подтверждается опытом. Христиане объясняют все свои мирские и духовные благословения, свою жизнь, здоровье и силы, свое рождение свыше и обращение, каждую добрую мысль и доброе дело незаслуженной милостью Бога и надеются спастись исключительно заслугами Христа, «благодатью через веру», а не собственными делами. Чем более они преуспевают в духовной жизни, тем больше благодарности испытывают к Богу и тем менее склонны претендовать на заслугу. Величайшие из святых — также и самые кроткие. В их богословии отражаются молитвенный дух и отношение, основанное на убеждении в том, что Бог безвозмездно дает нам все благие и совершенные дары и что без Бога мы ничто. Перед престолом благодати всех христиан можно назвать августинианцами и кальвинистами.

Великая заслуга Кальвина заключается в том, что он учил о спасении безвозмездной благодатью более решительно и ясно, чем кто-либо из богословов со времен Августина. Эта тема остается популярной и действенной у великих проповедников и авторов-кальвинистов в Европе и Америке по сей день. Хоув, Оуэн, Бакстер, Буньян, Саут, Уайтфилд, Джонатан Эдвардс, Роберт Холл, Чалмерс, Сперджен были кальвинистами по своим убеждениям, хотя и принадлежали к разным деноминациям — конгрегационалистам, пресвитерианам, епископалам, баптистам, — и на кафедре им не было равных по влиянию и силе. Сперджен был самым популярным и плодоносным проповедником XIX века. Он неделю за неделей обращался к пяти тысячам слушателей в своей лондонской Скинии, и миллионы людей читали его проповеди, напечатанные на многих языках. Не будем забывать и о том, что некоторые из самых верных римских католиков были августинианцами или янсенистами.

С другой стороны, человек спасается не механически или насильно, а через веру, добровольно принимая Божий дар. Это предполагает, что у него существует возможность и отвергнуть дар. В принятии нет заслуги, но в отказе есть неблагодарность и вина. Все проповедники-кальвинисты говорят об ответственности человека. Они молятся так, будто все зависит от Бога, однако они проповедуют и работают так, будто все зависит от человека. И церковь получила повеление нести Евангелие всем. Мы молимся о спасении всех людей и не хотим погибели ни единого человека. Христос ходатайствовал на кресте даже за Своих убийц.

Таким образом, здесь присутствует практическая трудность. Предопределение осуждения не может становиться предметом молитвы или проповеди, и это довод против него. опытом подтверждается избрание по предопределению, но отвергается осуждение по предопределению.

Логический аргумент

Логический аргумент в пользу осуждения по предопределению состоит в том, что нет утверждения без отрицания. Невозможно избрание одних без осуждения других. Но это правильно для дедуктивной, а не для индуктивной логики. Существуют ступени и этапы избрания. В истории спасения должен быть хронологический порядок. Все призваны раньше или позже — кто-то в шестой, кто-то в девятый, кто-то в одиннадцатый час, согласно Божьему провидению. Те, кто принимает призвание и стоек в вере, находятся среди избранных (1 Пет. 1:1; 2:9). Те, кто отвергает призвание, становятся осужденными по собственному неверию, против желания и воли Бога. Не существует предшествующего постановления об осуждении, а есть только *судебный* акт осуждения как следствие человеческого греха.

Логика — обоюдоострый меч. От предпосылки предопределения она может привести к выводу, что Бог — творец греха, но сам Кальвин отвергает этот вывод и объявляет его отвратительным богохульством. Та же самая логика может также вести к фатализму, пантеизму или универсализму. Мы должны где-то остановиться в процессе рассуждений — или пожертвовать частью истины. И логика, следует помнить, касается только ограниченных категорий и не может постичь безграничную истину. Христианство — не логическая и не математическая проблема. Его нельзя сводить к ограничениям человеческой системы. Оно выше конкретных систем и включает в себя истину всех систем. Оно выше логики, однако не алогично — подобно тому как откровение выше разума, но не противоречит разуму.

Мы не можем представлять себе Бога иначе, как всеведущую и всемогущую сущность, которая от вечности предугадала и, неким образом, также предопределила всё, что должно происходить в Его вселенной. Бог предугадал то, что предопределил, и предопределил то, что предугадал. Его предведение и предопределение, Его разум и воля одинаково вечны и должны существовать в согласии. Для вечного Бога не существует временной последовательности, у Него нет «до» и нет «после». Грехопадение первого человека, а также его воздействие на все будущие поколения не могло быть несчастным случаем, который Бог, как пассивный или нейтральный наблюдатель, просто допустил, в то время как с легкостью мог предотвратить. Он должен был каким-то образом предопределить его, как средство для достижения высшей цели, как отрицательное условие для более великого блага. До сих пор рассуждения, основанные на вере в Личность Бога, вполне соответствуют кальвинистскому супралапсарианству и даже идут дальше, доходя до грани универсализма. Если мы откажемся от идеи Бога как личности, Которая осознаёт Сама Себя, разум вынудит нас впасть в фатализм или пантеизм.

Но существует не только метафизическая, но и этическая логика. Бог не только всемогущ и всеведущ. Он также свят, а потому не может быть творцом греха. Человек — не только интеллектуальное, но и моральное творение, и требования его морального устройства так же важны, как требования его интеллектуального устройства. Совесть — такой же мощный фактор, как и разум. Человек, свято верующий в высшую власть Бога, если он христианин, просто не может освободиться от чувства личной ответственности, когда не может примирить одно с другим. Гармония же заключается в Боге и в моральном устройстве человека. Это дополняющие друг друга грани одной истины. Павел объединяет их в одной фразе: «Со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению» (Флп. 2:12-13). Но

проблема может быть разрешена, если мы будем различать высшую власть Бога как нечто Ему присущее — и осуществление этой власти. Бог может ограничивать применение Своей власти, чтобы дать Своему творению возможность свободы действий. Человек имеет свободу именно по Его высшему постановлению. Без такого самоограничения Бог не мог бы призывать человека покаяться и уверовать. Здесь опять кальвинистическая логика должна либо уступить, либо сломаваться. Ведь если строго ей следовать, она превращает призыв Бога к грешнику в издевательство и жестокую иронию.

Аргумент Писания

Хотя Кальвин был талантливейшим логиком, он меньше заботился о логике, чем о Библии, и именно послушание Слову Божьему побудило его принять *decretum horribile* против желания и воли. Его суждение чрезвычайно ценно, потому что никто не превзошел его, а может, и не достиг его уровня в тщательном и систематическом знании Библии и в экзегетической проницательности.

Здесь мы должны признать, что немало мест, особенно в Ветхом Завете, подкрепляют идею двустороннего промысла вплоть до крайнего супралапсарианства. Некоторые тексты идут даже далее кальвинистической системы, и на их основании может показаться, что Сам Бог является творцом греха и зла. См. Исх. 4:21; 7:13 (где неоднократно говорится, что Бог ожесточил сердце фараона); Ис. 6:9,10; 44:18; Иер. 6:21; Ам. 3:6 («Бывает ли в городе бедствие, которого Господь не попустил бы?»); Пр. 16:4; Мф. 11:25; 13:14,15; Ин. 12:40; Рим. 9:10-23; 11:7,8; 1 Кор. 14:3; 2 Фес. 2:11; 1 Пет. 2:8; Иуд. 1:4 («издревле предназначенные к сему осуждению»)⁸⁵⁶.

Основание теории об осуждении — девятая глава Римлян. Не случайно Кальвин разработал и опубликовал второе издание своих «Наставлений» одновременно с Комментарием на Римлян в Страсбурге в 1539 г.

В девятой главе Римлян стоит особо выделить три стиха, которые в буквальном переводе подкрепляют крайний кальвинизм и именно таким образом истолковываются некоторыми из наиболее серьезных комментаторов-грамматистов современности (например, Мейером и Вейссом).

а) 9:13: «Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел», цитата из Мал. 1:2,3. Но данное место, если воспринимать его в буквальном или антропатическом смысле, имеет отношение не к судьбе Иакова и Исава в вечности, а только к их положению в истории теократии. Этим устраняется главная трудность. Исава получил временное благословение от своего отца (Быт. 27:39,40) и проявил доброту и щедрость к своему брату (33:4); вероятно, он раскаялся в безумии своей юности, из-за которого продал первородство⁸⁵⁷, и вполне может быть среди спасенных, как и Адам с Евой — первые среди падших и первые среди спасенных.

Более того, ненависть в строгом значении слова вряд ли возможна в данном случае, потому что это противоречило бы всему, что мы знаем из Библии о качествах Бога. Бог любви, Который велит нам любить всех людей, даже наших врагов, не может возненавидеть ребенка до его рождения, как и какое-либо дру-

⁸⁵⁶ Последний текст часто цитируется в поддержку идеи промысла осуждения, однако перевод глагола *προϋεγραμμένον* как «предназначенный» неверен. *Προῤῥαφον* — «написанный раньше» и относится к предыдущему Писанию, то есть к Ветхому Завету. Кальвин правильно переводит этот текст как *praescriptum in hoc iudicium*, но относит не к Писанию, а, метафорически, к книге Божьего промысла: *aeternum Dei consilium liber vocatur*.

⁸⁵⁷ Это можно вывести из Евр. 12:17, относим мы *μετάνοια* к более позднему раскаянию Исава (Кальвин, Блик) или к изменению хода мыслей Исаака (Беза, Вейсс).

гое из созданий, сотворенных по Его образу. «Забудет ли женщина грудное дитя свое, — говорит Господь, — чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, Я не забуду тебя» (Ис. 49:15). Так пророк представлял себе милосердие Бога. Разве не еще яснее оно выражено в Новом Завете? Следовательно, слово «возненавидеть» надо понимать просто как преувеличенное еврейское выражение, означающее «любить меньше»; как в Быт. 29:31, где в оригинале сказано, что «Лия была нелюбима» {букв. «ненавидима»}, то есть Иаков любил ее меньше, чем Рахиль (см. ст. 30). Когда наш Спаситель говорит, Лк. 14:26: «Если кто... не *возненавидит* отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником», — Он не имеет в виду, что Его ученики должны нарушить пятую заповедь и Его собственные наставления: «Любите врагов ваших... молитесь за обижающих вас» (Мф. 5:44). Речь идет просто о том, что мы должны любить Его больше всего на свете, даже больше самой жизни, и жертвовать всем, что противоречит этой любви к Нему. Такой смысл подкрепляется параллельным местом, Мф. 10:37: «Кто *любит* отца и мать более, нежели Меня, не достоин Меня».

б) 9:17. Павел объясняет ожесточение сердца фараона воздействием Бога, то есть делает Бога ответственным за грех. Но это судебный акт наказания греха грехом, потому что сначала фараон сам ожесточил свое сердце (Исх. 8:15,32; 9:34). Более того, в этом отрывке не говорится о будущей судьбе фараона, как и в отрывке с Исавом, а речь идет только о его месте в истории Израиля.

в) В 9:22 и 23 апостол говорит о «сосудах гнева, *готовых к гибели*» (κατηρτισμένα εἰς ἀπώλειαν) и «сосудах милосердия, которые Он *приготовил к славе*» (ἃ προητοίμασεν εἰς δόξαν). Но разница глаголов и разница между пассивным залогом (медиопассивом) в первом случае и активным залогом во втором случае весьма существенна. Она показывает, что Бог не активен при разрушении сосудов гнева, которое вызвано ими самими. Перфектное причастие указывает на результат постепенного процесса и на состоянии зрелости для гибели, а не о Божьем замысле. Кальвин был слишком хорошим толкователем, чтобы не обратить внимания на это отличие, и он признает его значение, хотя и старается умалить его.

«Они заявляют, — говорит он о своих оппонентах, — что не случайно сказано: сосуды гнева созрели для гибели, но Бог подготовил сосуды милосердия, и Павел, выражаясь так, приписывает Богу заслугу спасения и обвиняет в гибели тех, кто сам выбрал ее для себя. Но хотя я согласен, что *Павел смягчает жесткость первого выражения, используя другую формулировку*, было бы непоследовательно объяснять созревание к гибели чем-либо, кроме тайного промысла Бога, о котором говорится и в контексте: Бог возвысил фараона и ожесточил его. Получается, что причина ожесточения — тайный замысел Бога. Однако я утверждаю, как говорил Августин, что когда Бог превращает волков в овец, Он обновляет их могущественной благодатью, чтобы победить их упрямство; а следовательно, упрямые остаются не обращены только лишь потому, что Бог не применяет к ним более мощной благодати, которую мог бы проявить, если бы пожелал»⁸⁵⁸.

⁸⁵⁸ Inst., III, ch. XXII, 1. В своем комментарии на Рим. 9:22,23 он не обращает внимания на эту разницу и объясняет *κατηρτισμένα* как «отданные на гибель и для нее предназначенные, сотворенные и созданные с этой целью» (*devota et destinata exitio: sunt enim vasa irae, id est in hoc facta et formata, ut documenta sint vindictae et furoris Dei*). Это крайне супралапсарианское толкование. Но другие толкователи Реформации признавали разницу формулировок. На ней настаивали те представители Вестминстерской ассамблеи, которые симпатизировали гипотетическому универсализму школы Сомюра у Камерона и Амиро. «Неизбранные, — говорит

Учение Павла о масштабе искупления

Как бы мы ни относились к этим непростым отрывкам, мы должны помнить, что девятая глава Римлян — лишь часть философии истории, описанной Павлом в главах 9 — 11. В девятой главе подчеркивается идея высшей власти Бога, десятая глава говорит об ответственности человека, а одиннадцатая — о будущем решении неясной проблемы, а именно, об обращении всех язычников и о спасении всего Израиля (11:25). И обсуждение завершается прекрасной фразой: «Всех заключил Бог в непослушание, чтобы *всех* помиловать» (32). Это ключ к пониманию не только данного раздела, но и всего Послания к римлянам⁸⁵⁹.

Такое понимание соответствует духу и цели послания в целом. Этим выводом уместнее подкреплять систему обусловленного универсализма, чем систему дуалистического партикуляризма. Сама тема, 1:16, гласит, что Евангелие — это сила Божия для спасения не частного, особого класса людей, а «всякого», кто уверует. Проводя параллель между первым и последним Адамом (5:12-21), Павел представляет воздействие второго как равное по масштабу и более сильное по интенсивности, нежели воздействие первого; а в кальвинистической системе оно выступает как меньшее. У нас нет права по своему произволу суживать значение «многих» (οἱ πολλοί) и «всех» (πάντες) в одной фразе и воспринимать их значение буквально в другой. «Ибо, если преступлением одного [Адама] смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа. Посему, как преступлением одного *всем* человекам осуждение, так правдою одного *всем* человекам оправдание к жизни. Ибо, как непослушанием одного человека сделались *многие* [все] грешными, так и послушанием одного сделаются праведными *многие* [все]» (5:17-19)⁸⁶⁰. Та же параллель, без ограничения, более кратко представлена в другом месте (1 Кор. 15:21): «Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых»; в иной форме эта мысль встречается также в уже цитировавшихся Рим. 11:32 и Гал. 3:22.

Эти отрывки содержат, вкратце, теодицею Павла. Они рассеивают сумрак девятой главы Римлян. Они исключают все ограничения из замысла Бога и отвергают намерение свести его к определенному классу людей. Они не учат, что все люди на самом деле будут спасены — ведь многие отвергают предложение Бога и умирают без покаяния, — однако Бог искренне *желает* спасения всем и на самом деле *предоставляет* его всем. Тот, кто спасен, спасен по благодати, а тот, кто погибает, погибает по собственной вине, из-за неверия.

доктор Эрроусмит, — обречены на гибель, которую навлекает на них их грех, а не Бог». См. Mitchell, *Minutes of the Westminster Assembly*, pp. 152 sqq.; Schaff, *Creeds*, I. 770 sq.

⁸⁵⁹ *Das ganze Summarium und der herrliche Schlussstein des ganzen bisherigen Brieftheils* (Вейсс в шестом издании комментария Мейера на Римлян, с. 555). Годе: «Это как последняя точка, подводящая итог всему предыдущему; в этих последних словах заключен весь замысел Бога, наброски которого предлагались ранее». Фраза *ἵνα τοὺς πάντας* (иудеи и язычники) говорит не о насильственном навязывании всем помилования, но о всеобщности Божьего замысла и намерения. Мейер видит в этом отрывке финальный экзегетический аргумент против *decretum reprobationis*.

⁸⁶⁰ К сожалению, в Авторизованном переводе ослабляется сила параллели в пятой главе Римлян, так как переводчики не обращают внимания на определенный артикль перед *πολλοί*. «Многие» в оригинале противопоставлены «одному» и выступают как эквивалент слова «все»; в переводе же это выглядит как противопоставление «немногим». В Пересмотренном переводе 1881 г. эта ошибка исправлена.

Предложение спасения

Остается большая трудность, связанная с тем, что спасение в этом мире предлагается явно, насколько мы знаем, лишь части человечества и подавляющее большинство людей отправляется в мир иной, ничего не зная об историческом Христе.

Но Бог дал каждому человеку свет разума и совести (Рим. 1:19; 2:14,15). Божественный Логос «просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1:9). Бог никогда не остается без свидетелей (Деян. 14:17). Он поступает со Своими созданиями в зависимости от их способностей и возможностей, в зависимости от того, один у них талант, пять или десять (Мф. 25:15 и далее). Он «нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деян. 10:35).

Разве не можем мы тогда лелеять милосердную надежду, если не некоторую веру в то, что Бог безграничной любви и справедливости примет в Свое небесное царство всех, кто умирает в невинном неведении христианского откровения, но в состоянии готовности и предрасположенности к Евангелию, так что они с благодарностью приняли бы его, если бы оно было им предложено? Корнилий был в таком состоянии до того, как Петр вошел в его дом, и он — представитель множества, которое мы не можем сосчитать. Мы не можем знать о тайном служении Божьего Духа, Который действует где, когда и как пожелает.

Конечно же, это момент, в котором строгость старой ортодоксии, будь она католической, лютеранской или кальвинистической, должна смягчиться. И кальвинистическая система с большей готовностью принимает такое расширение спасенных, нежели ортодоксия, основанная на системе церкви и таинств.

Любовь Бога ко всем людям

Учение о том, что Богу угодно всеобщее спасение и что Он заботится о нем, присутствует во многих отрывках, которые не допускают другого толкования, а следовательно, решают проблему. В герменевтике существует правило: малоизвестные отрывки следует истолковывать в свете понятных, а не наоборот. Вот эти «понятные» отрывки.

«Я не хочу смерти умирающего, говорит Господь; но обратитесь, и живите!» (Иез. 18:32,23; 33:11). «И когда Я вознесен буду от земли, *всех* привлеку к Себе» (Ин. 12:32). «Так возлюбил Бог *мир* (то есть всё человечество), что отдал Сына Своего Единородного, дабы *всякий*, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16). «Спаситель наш Бог хочет, чтобы *все люди* спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2:4)⁸⁶¹. «Явилась благодать Божия, спасительная для *всех человеков*» (Тит. 2:11). «Господь... долготерпит нас, *не желая*, чтобы кто погиб, но чтобы *все* пришли к покаянию» (2 Пет. 3:9)⁸⁶². «Он [Иисус Христос] есть умиловивление за грехи наши, и не только за наши, *но и за [грехи] всего мира*» (1 Ин. 2:2). Невозможно в нескольких словах более ясно сформулировать учение о всеобщем искуплении⁸⁶³.

⁸⁶¹ Кальвин объясняет «все люди» как относящееся ко всем классам общества и ко всем положениям (*de hominum generibus, non singulis personis*). См. его комментарий на 1 Тим. 2:4 и его проповедь по этому отрывку. Но апостол подчеркивает «все люди», говоря о молитве «за всех человеков» в стихе 1, и здесь это выражение не может восприниматься ограниченно.

⁸⁶² Кальвин произвольно объясняет этот отрывок как относящийся к *voluntas Dei quae nobis in evangelio patefit*, а не к *de arcano Dei consilio quo destinati sunt reprobi in suum exitium*.

⁸⁶³ Кальвин понимает *totus mundus* (весь мир) в этом отрывке как *tota ecclesia* (вся церковь)! Но

К этим отрывкам следует прибавить призывы Бога покаяться и плач Христа над жителями Иерусалима, которые «не захотели» прийти к Нему (Мф. 23:37). Эти призывы неискренни и бессмысленны, если Бог не хочет, чтобы все люди спаслись, или же если у людей отсутствует способность выбирать между послушанием и непослушанием Ему. То же самое следует из повеления Христа проповедовать Евангелие всему творению (Мк. 16:15) и учить все народы (Мф. 28:19).

Невозможно ограничить эти отрывки каким-то конкретным классом людей, не совершая насилия над грамматикой и контекстом.

Единственный выход при таком ограниченном понимании — провести различие между *явленной* волей Бога, которая объявляет о Его желании спасти *всех* людей, и *тайной* волей Бога, согласно которой будут спасены лишь *некоторые* люди⁸⁶⁴. Августин и Лютер проводили это разграничение. Кальвин использует его для объяснения 2 Пет. 3:9 и тех отрывков Ветхого Завета, в которых говорится о «раскаянии» и «изменении мнений» неизменного Бога.

Но при таком разграничении ниспровергается та самая система, которую теоретики собирались поддержать. Противоречие между намерением и выражением губительно для правдивости, которая составляет основу человеческой морали и которая должна быть одним из основных качеств Бога. Человек, который говорит не то, что думает, — это, попросту говоря, лицемер и обманщик. И делу здесь никак не помогают неоднократные уверения Кальвина в том, будто существуют не две воли Бога, а только два способа ее описания, которые различаются лишь по причине слабости нашего понимания. Не устраняет трудность и то, что Кальвин призывает нас полагаться на явленную волю Бога и не рассуждать о Его тайной воле.

Величайшие, глубочайшие и самые утешительные слова в Библии — «Бог есть любовь», и величайший факт в мировой истории — проявление этой любви в Личности и служении Христа. Эти слова и факты — квинтэссенция и суть Евангелия, единственное прочное основание христианского богословия. Высшая власть Бога признается не только христианами, но также иудеями и мусульманами, а вот любовь Бога явлена лишь в христианской религии. Это глубочайшая сущность Бога, ключ ко всем Его путям и делам. Это центральная истина, которая проливает свет на все прочие истины.⁸⁶⁵

это так же невозможно, как ограничивать «мир» в Иоанна 3:16 одними лишь «избранными». Однако он приводит и более подходящее объяснение: Христос умер *sufficienter pro toto mundo, sed pro electis tantum efficaciter*.

⁸⁶⁴ Это разграничение именовали по-разному: *voluntas revelata* и *voluntas arcana*; или же *voluntas signi* и *voluntas beneplaciti* (εὐδοκίας); *voluntas universalis* и *voluntas specialis: verbum externum* и *verbum internum*. В доказательство часто цитируют Вт. 29:29, где, однако, говорится лишь о разнице, но не о противоречии между тайным и тем, что Бог явил.

⁸⁶⁵ (В рассуждениях человека, стремящегося устранить в своем сознании противоречие между Божьим избранием и возможностью совершать неудобные Богу поступки (то есть собственной свободой выбора), не может не отразиться ограниченный характер человеческой логики, который с той же очевидностью проявляется, например, в вопросе: «Может ли Бог создать камень, который Он не сможет поднять?». Мы называем этот вопрос логическим парадоксом, однако в нем как нельзя лучше явлен разрыв между действительностью и логическими рассуждениями, которые, в отличие от Божьего Слова, могут не соответствовать реальности, несмотря на все старания человека. Эта ограниченность логики проявляется в бытовых и научных спорах, и она тем более заметна, когда дело доходит до истин, связанных с Божьим откровением. Библейское повествование со всей очевидностью показывает, что Божье избрание производится не ради самого избрания. В нем раскрывается характер Бога, и одновременно оно служит выполнению Божьих целей, но эти цели далеко не всегда ясны человеку. Так, например, ветхозаветным евреям было понятно, что они — избранный народ, но никакое логическое увязывание и выстраивание известных им частей Божьего откровения не привело бы их к мысли, что Бог принесет в жертву Сам Себя и позволит язычникам также стать частью

§115. Теория Кальвина о таинствах

Inst., кн. IV, гл. XIV — XIX.

После учения о предопределении Кальвин больше всего внимания уделял учению о таинствах. Здесь он был оригинален и занимал промежуточное положение между Лютером и Цвингли. Его теория таинств вошла во все реформатские вероисповедания в большей степени, чем его взгляды о предопределении.

Кальвин принимает определение Августина о том, что таинства — «зримый знак незримой благодати», но улучшает его, подчеркивая запечатляющий характер таинства, в соответствии с Рим. 4:11, и необходимость веры как условия принятия благотворного действия обряда. «Это, — говорит он, — внешний знак, которым

Божьего наследия и завета с еще большими благословениями, чем они. Пойдя путем логики, иудеи пришли бы, скорее, к прямо противоположным выводам, поскольку в законах человеческой логики и философии отражаются отношения сотворенного Богом мира, а не законы, по которым действует Сам Бог. Так и избранности ко спасению, фактически провозглашаемой в Новом Завете, недостаточно, чтобы выстроенная человеком логически непротиворечивая система, предопределяющая людей к вечному наказанию еще до их сотворения, могла называться Божьим путем и однозначно отражала грядущие Божьи планы. Все такие логические конструкции будут существовать лишь в голове человека, хотя они и могут при этом в той или иной мере содействовать христианскому служению, поскольку логическая согласованность толкования библейских текстов не может не оказывать влияния на разум и существенно укрепляет веру, если эта вера в человеке уже есть.

У людей, по полученным от Бога природным способностям, нет возможности объективным образом установить, где в земной жизни пролегает граница между вмешательством Бога (в частности, Божьим избранием) и участием человеческой воли, которая может идти наперекор Богу. Человек вынужден полагаться в этом вопросе лишь на прямые утверждения Божьего откровения, которое, с одной стороны, высоко оценивает готовность самого человека следовать за Богом и полагаться на Бога, а с другой, ставит Божью способность достигать поставленных целей несравненно выше любых человеческих намерений. Это как раз тот случай, когда погрешность наших логических рассуждений очень велика и имеет смысл вовремя остановиться. Именно так пришлось поступить, например, богословам IV века при разработке догмата о триединстве Бога, хотя единичность Бога при неразлучном и неслиянном единстве трех Его сорванных друг другу ипостасей сомнительна с точки зрения формальной, земной логики. И если при богословском осмыслении Божьего Слова человек будет принимать за точку отсчета не Христа, Его слова и Его служение, а, например, какие-то главы из Послания к римлянам или любую другую часть Писания, то он легко может нарушить границы, установленные Христом, и далеко отойти от смысла, который вкладывали в свои послания апостолы.

К этой же группе истины, входящих за доступные нам границы познания, относится вопрос, теряет человек спасение или нет, если он несколько раз приходит в церковь и оставляет ее. Святость и спасение — это качества живых отношений с Богом, а не выигрышный лотерейный билет или неизываемая собственность. Догмат о невозможности потерять спасение, подобно всякому иному утверждению Бога или человека, имеет свои рамки действия (как, например, имеет соответствующие рамки утверждение апостола: «всё могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»). И, поставив избранность в центр учения о спасении, мы можем лишить смысла многие поучения и притчи Христа и прийти к выводам, которые нельзя назвать иначе как «ужасными». В соответствии с полученными от Бога возможностями, человек в своих духовных или научных изысканиях может узнавать качества вещей, явлений и субъектов (в том числе себя самого) лишь единственным способом — видя, каким образом они проявляют себя во взаимодействии с другими вещами, явлениями и субъектами. И когда логика заставляет нас решать, избран ли и получит ли спасение неоднократно отпадающий и вновь возвращающийся в церковь человек, мы неизбежно вынуждены рассуждать, опираясь лишь на явленную нам внешнюю часть этого процесса, тогда как Бог видит не внешнюю, эмоциональную или поведенческую сторону такого человека, как мы, а его существо и выносит решение о спасении, опираясь на признаки, далеко не всегда понятные человеку (даже если мы и упрощенно называем их избранием, отражая лишь одну из сторон действительности).

Божьи пути становятся ясны нам, только когда мы прошли по ним до конца, и любые попытки выстроить логически непротиворечивое, но хотя бы немного выходящее за рамки Писания представление о Божьих поступках и намерениях могут показать лишь то, каким было бы небо, если бы его сотворил человек. — Ю.Ц.}

Господь запечатляет в нашей совести обетования Своего благоволения к нам, чтобы подкрепить нашу слабую веру или дать нам свидетельство благодати, при том что мы являем Ему свое благочестие». Тайнство еще более выразительно, чем слово. Это Божья печать удостоверения, которая подкрепляет и усиливает нашу веру. «Верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9:24). Для того чтобы быть эффективными, таинства должны сопровождаться действием Духа, этим внутренним Учителем, силой Которого пропитываются наши сердца и направляются наши чувства. Без влияния Духа таинства производят на наши умы не большее воздействие, чем сияние солнца производит на слепые глаза или звук голоса — на глухие уши. Если семя падает на камень, оно умирает. Если же оно падает на возделанное поле, оно дает обильный урожай.

Считая вредной и суеверной, Кальвин решительно выступал против схоластической теории *opus operatum*, гласящей, что таинства оправдывают и наделяют благодатью сами по себе, если только мы не препятствуем этому воздействию, тяжко греша. Тайнство без веры сбивает с толку ум, который начинает уповать на предметы, воспринимаемые органами чувств, а не на Самого Бога, и это губительно для истинного благочестия.

Кальвин соглашается с Августином во мнении, что знак и предмет таинства не связаны неразрывно и что таинство оказывает нужное воздействие только на избранных. Он цитирует слова Августина: «Кусок хлеба, который Господь дал Иуде, был ядовит; не потому, что Иуда получил негодный предмет, а потому, что, будучи грешником, он принял хороший предмет грешным образом». Но эти слова не следует понимать как заявление, что добродетель и истина таинства зависят от состояния или выбора того, кто принимает его. Символ, освященный словом Господа, есть на самом деле то, чем объявляется, и он сохраняет свою силу, хотя и не дает никаких благ грешному и нечестивому человеку. Августин удачно разрешил эту проблему в нескольких словах: «Если вы принимаете символ по плоти, он не перестает быть духовным; но для вас он не таков». Таинства подобны слову Бога; и то и другое предлагает нам Христа и Его небесную благодать, но они бесполезны при отсутствии веры.

Кальвин подробно обсуждает семь таинств Римской церкви, учение о пресуществлении и мессу, но здесь будет достаточно сформулировать его взгляды на крещение и вечерю Господню, единственные таинства, которые Христос учредил непосредственно для постоянного соблюдения в церкви.

§116. Крещение

Inst., IV, chs. XV–XVI. Также его *Brieve instruction, pour armer tous bons fideles contre les erreurs de la secte commune des Anabaptistes*, Geneva, 1544, 2^e ed. 1545; латинский перевод Nicolas des Gallars. В *Opera*, VII. 45 sqq. Этот трактат написан против фанатичного крыла анабаптистов по просьбе пасторов Невштателя. Его более ранний трактат «О сие души» также был направлен против анабаптистов. См. выше, §77. Жена Кальвина была вдовой обращенного анабаптиста.

Крещение, говорит Кальвин, — это таинство омовения и возрождения, а евхаристия — таинство искупления и очищения. Христос «пришел водой и кровью» (1 Ин. 5:6), то есть чтобы очистить и искупить. Дух, третий и главный свидетель, подтверждает и гарантирует свидетельство воды и крови, то есть крещения и евхаристии (1 Ин. 5:8)⁸⁶⁶. «Эта возвышенная тайна была поразительно

⁸⁶⁶ Кальвин ограничивается (IV, ch. XIV, §22) подлинными словами о трех свидетелях в этом отрывке и справедливо не обращает внимания на интерполяцию *textus receptus*, которая опущена в Пересмотренном переводе.

явлена на кресте, когда кровь и вода вытекли из бока Христа, что Августин справедливо называет «источником наших таинств».

I. Кальвин определяет крещение как «знак посвящения, посредством которого мы допускаемся в сообщество церкви, чтобы, будучи включены в тело Христа, мы могли быть причислены к детям Бога».

II. Вера получает три блага от этого таинства.

1. Оно заверяет нас, как правильно скрепленный документ, что все наши грехи изглажены и никогда не будут нам больше вменены (Еф. 5:26; Тит. 3:5; 1 Пет. 3:21). Это гораздо больше, чем знак нашей веры перед людьми, подобный флагу, который носят воины. Оно необходимо «для отпущения грехов», прошлых и будущих. Когда мы крестимся, мы омыаемся и очищаемся на всю жизнь. «Если мы согрешили, мы должны вспомнить о своем крещении и думать о нем, чтобы всегда быть уверенными и не сомневаться в отпущении своих грехов».

2. Крещение указывает на наше умерщвление во Христе и нашу новую жизнь в Нем. Все, кто принял крещение с верой, ощущают результат смерти Христа и силу Его воскресения, то есть могут жить обновленной жизнью (Рим. 6:3,4,11).

3. Крещение дает нам «определенное свидетельство того, что мы не только причастны к жизни и смерти Христа, но и настолько едины с Ним, что разделяем с Ним все блага» (Гал. 3:26,27).

Однако, хотя крещение удаляет вину и наказание за наследственный и фактический грех, оно не уничтожает нашей человеческой греховности, которая постоянно творит дела плоти и которая не будет полностью уничтожена, пока не завершится эта жизнь. Тем временем мы должны держаться за Божье обетование при крещении, мужественно сражаться с грехом и искушением и стремиться к полной победе.

III. По вопросу о ценности крещения, совершённого недостойными служителями, Кальвин полностью соглашается с Августином против взглядов донатистов, которые делали силу таинства зависящей от морального характера служителя. Он относит доводы Августина к анабаптистам своего времени, которые отрицали ценность католического крещения из-за идолопоклонства и разврата папской церкви. «Мы достаточно укрепим себя против этого безумия, если будем помнить, что мы крестимся не во имя какого-то человека, но во имя Отца, Сына и Святого Духа. Следовательно, крещение не от человека, а от Бога, кто бы его ни осуществлял». Папские священники «крестят нас не в общину собственного невежества или святотатства, а в веру Иисуса Христа, потому что призывают не собственное имя, а имя Бога и крестят Его именем. Так как это крещение от Бога, в нем, конечно же, содержится обещание отпущения грехов, умерщвления плоти, духовного возрождения и части во Христе. Для иудеев не было вредно то, что обрезание им совершали нечестивые священники-отступники. От этого знак не становился бесполезным и не возникало необходимости повторить его, а достаточно было лишь вернуться к истоку заповеди... Когда Езекия и Иосия собирали весь Израиль, отвернувшийся от Бога, они никого не призывали ко второму обрезанию».

Он спорит с анабаптистами также исходя из того факта, что апостолы, которые получили крещение от Иоанна, не крестились повторно. «И каких рек хватило бы для нас, чтобы неоднократно смывать повторяющиеся грехи, которые ежедневно исправляются милостью Господней?»⁸⁶⁷.

⁸⁶⁷ В этих отрывках (IV, ch. XV, §§16-17) представлены аргументы против решения Генеральной

IV. Он выступает за простоту обряда и против театрального использования заклинаний, свечей, плевков, соли и «прочих глупостей», которые были введены еще в древности. «Эта театральная помпезность отвлекает взгляд и притупляет мысли невежественных». Простой обряд, введенный Христом, сопровождался исповедью веры, молитвами и благодарениями; он выдвигается на первый план, свободный от наносных добавлений. Кальвин не одобряет древний обычай крещения мирянами в случае угрозы смерти. Бог может возродить ребенка и без крещения.

V. О способе крещения в то время споров не велось. Кальвин признавал силу филологического и исторического довода в пользу погружения, но считал, что обливание и окропление не менее действенны, и оставлял место для христианской свободы, в зависимости от обычаев разных стран⁸⁶⁸. Погружение тогда преобладало в Англии и продолжало преобладать до правления Елизаветы, которая сама крестилась посредством погружения.

VI. Однако, хотя Кальвин наполовину был согласен с баптистами относительно способа крещения, он решительно отстаивал крещение детей и посвятил ему целую главу⁸⁶⁹. В качестве доводов он приводит обрезание, которое было символом крещения; природу завета, который касался потомства благочестивых родителей; отношение Христа к детям как к принадлежащим царству небесному, то есть пригодным для принятия знака и печати членства в нем; слова Петра, адресованные обращенным в день Пятидесятницы, которые привыкли к обрезанию детей: «Вам принадлежит обетование и детям вашим» (Деян. 2:39); слова Павла о том, что дети освящаются их родителями (1 Кор. 7:14) и т. д. Он опровергает подробно возражения анабаптистов, с особым упоминанием о Сервете, который соглашался с ним по этому вопросу.

Кальвин считает, что крещение детей ведет к двойному благу: оно подтверждает для благочестивых родителей обещание Бога о милости к их детям и усиливает их чувство ответственности за их воспитание; а также оно включает детей в тело церкви и действует на них как мощный стимул хранить верность обету крещения.

ассамблеи пресвитериан старой школы в Цинциннати (1845), которая, подавляющим большинством голосов, объявила римско-католическое крещение недействительным, а тем самым практически исключило из церкви и объявило некрещеными большую часть христианского мира, в том числе основателей протестантских церквей, которые были крещены в католических общинах, как апостолы были обрезаны в синагоге. Но доктор Чарльз Ходж из Принстона и Генри Б. Смит из Нью-Йорка — два ведущих пресвитерианских богослова того времени — решительно протестовали против такого неестественного решения; когда же, в Объединенной ассамблее, также в Цинциннати, в 1885 г., была сделана попытка пересмотреть это решение, подавляющее большинство было против него. Кальвин не говорил, что Римская церковь — это не церковь. «Когда мы отказываемся, — говорит он (*Inst.*, IV, ch. II, §12), — уступать папистам [исключительно] звание церкви, без определений и ограничений, мы не отрицаем, что среди них есть церкви... Я утверждаю, что церкви есть, и, как Бог чудесным образом сохранил остаток Своего народа, так остаются и некоторые признаки церкви, особенно те, которые не могут уничтожиться ни коварством дьявола, ни хитростью человека».

⁸⁶⁸ IV, ch. XV, 19: *Caeterum mergaturne totus qui tingitur, idque ter an semel, an infusa tantum aqua aspergatur, minimum refert: sed id pro regionum diversitate ecclesiis liberum esse debet. Quanquam et ipsum BAPTIZANDI verbum MERGERE significat, et mergendi ritum veteri ecclesiae observatum fuisse constat.* См. выше, §87, примечание. Лютер утверждал по сути то же самое, но более решительно склонялся в пользу погружения, которое он предписывает в своем *Taufbuechlein*, 1523. См. т. VII, §45, 102.

⁸⁶⁹ Ch. XVI, 1-32.

§117. Вечеря Господня. Цюрихское согласие

- I. *Inst.* IV, chs. XVII-XVIII. См. первое издание, сар. IV, в *Opera*, I. 118 sqq. — *Petit traicté de la sainte cène de nostre Seigneur Jesus-Christ. Auquel est démontré la vraye institution, profit et utilité d'icelle*, Genève, 1541, 1542, 1549. *Opera*, V. 429-460. Латинские перевод — Nicholas des Gallars: *Libellus de Coena Domini, a Ioanne Calvino pridem Gallica lingua scriptus, nunc vero in Latinum sermonem conversus*, Gen., 1545. Также переведено на английский. Примечательно умеренный труд. — Два катехизиса Кальвина. — *Consensio mutua in re sacramentaria Tigurinae Ecclesiae et D. Calvini ministri Genevensis Ecclesiae jam nunc ab ipsis auctoribus edita* (обычно называется *Consensus Tigurinus*), одновременно вышла в Женеве и Цюрихе, 1551; французское издание *L'accord passé, etc.*, Gen., 1551. В *Opera*, VII. 689-748. Латинский текст также в Niemeyer, *Collectio Conf*, pp. 191-217. Немецкий перевод (*Die Züricher Uebereinkunft*) в Bickel, *Bekennnisschriften der evang. reform. Kirche*, pp. 173-181. См. также переписку Кальвина с Буллингером, Фарелем и т. д., насчет Согласия. — Poleмические труды Кальвина против Иоахима Вестфалиа, а именно: *Defensio sanae et orthodoxae doctrinae de sacramentis*, Geneva, 1554, Zürich, 1555; *Secunda Defensio... contra Westphali calumnias*, Gen., 1556; *Ultima Admonitio ad Westphalum*, Gen., 1557. В *Opera*, IX. 1-120, 137-252. Более поздняя его книга против Тилемана Гесгузия, *Dilucida Explicatio sanae doctrinae de vera participatione carnis et sanguinis Christi in sacra Coena, ad discutiendas Heshusii nebulas*, Gen., 1561. В *Opera*, IX. 457-524 (в амстердамском издании — tom. IX. 648-723). Клебиц из Гейдельберга, Беза и Пьер Бокен также принимали участие в споре с Гесгузием.
- II. Сравнительное описание взглядов Лютера, Цвингли и Кальвина на евхаристию см. в т. VII, §111; также *Creeeds of Christendom*, I. 455 sqq.; 471 sqq. Учение Кальвина было полностью описано в EBRARD, *Dogma v. heil. Abendmahl*, II. 402-525, и в NEVIN, *Mystical Presence*, Philad., 1846, pp. 54-67; также в «*Mercersburg Review*», September, 1850, pp. 421-548 (против доктора Ходжа в «*Princeton Review*», 1848). См. также §§132-134 далее; HENRY, P. I, ch. XIII; STÄHELIN, II. 189 sqq.

В споре о евхаристии, который свирепствовал в эпоху Реформации и был основной причиной раскола в ее рядах, Кальвин последовательно, от начала и до конца, занимал позицию посредника и миротворца между лютеранами и цвинглианами, между Виттенбергом и Цюрихом.

Путь для срединной теории был проложен Швабским вероисповеданием (или вероисповеданием четырех городов), составленным Мартином Буцером, прирожденным защитником компромисса, во время Аугсбургского рейхстага (1530)⁸⁷⁰, и Виттенбергским соглашением (1536), которое в течение некоторого времени удовлетворяло лютеран, но было отвергнуто швейцарцами.

Кальвин опубликовал суть своей теории в первом издании «Наставлений» (1536), более полно — во втором издании (1539), потом в специальном трактате, написанном в Страсбурге. Он отстаивал ее в разных публикациях и держался ее с обычной для себя твердостью. Она была принята реформатскими церквями и никогда не отвергалась Лютером; напротив, говорят, что он с уважением отзывался о трактате Кальвина *De Coena Domini*, латинская копия которого попала к нему в 1545 г., за год до его смерти⁸⁷¹.

Кальвин подошел к теме, остро ощущая тайну жизненного союза Христа с верующим, которая явлена в евхаристии. «Я призываю моих читателей, — говорит он в последнем издании «Наставлений», — подняться выше, чем я могу привести их; ибо, что касается меня, то, когда я пишу на эту тему, я стараюсь

⁸⁷⁰ Ch. XVIII. См. т. VII, §121.

⁸⁷¹ См. т. VII, §121. Но Лютер никогда не отказывался от своей неприязни к Цвингли; в одном из последних писем, где он описывает себя как *infelicissimus omnium hominum*, он говорит: «Блажен тот муж, который не ходит на совет *сакраментариев*, не стоит на пути *цвинглиан*, не сидит рядом с *цюрихцами*». De Wette, V. 778.

сказать всё, но понимаю, что сказал слишком мало в сравнении с ее превосходством. И хотя умственные представления совершеннее, чем выражения языка, величие темы таково, что сам разум подавлен и потрясен ею. Следовательно, мне остается только выразить свое восхищение перед тайной, которую разум не способен ясно понять, а язык выразить»⁸⁷².

Он хотел сочетать спиритуализм Цвингли с реализмом Лютера и избежать ошибок обоих. И он преуспел, насколько позволяет эта проблема. Он согласился с Цвингли в переносном толковании слов учреждения, которое сейчас одобряют лучшие протестантские толкователи, и отверг идею телесного присутствия и орального участия в ходе пресуществления или восуществления, которая предполагает либо чудо, либо вездесущие тела Христа. Но он не удовлетворился теорией чистого воспоминания или символа и основное внимание уделял активному общению с вечно живым Христом. В частных письмах он высказывал мнение, что Цвингли так старался опровергнуть суеверие о плотском присутствии, что начал отрицать или затуманивать подлинную эффективность таинства⁸⁷³. Он признавал тайну реального присутствия и причащения, но понимал их в духовном и динамическом плане. Он ограничивал причастие телом и кровью Христа, которые принимаются верующими, потому что вера — единственное средство общения со Христом; Лютер же распространял его на всех участников, но только с противоположным эффектом.

Вот краткое изложение взглядов Кальвина, отраженных в последнем издании «Наставлений» (1559):

«Приняв нас в Свою семью посредством крещения, Бог старается поддерживать и питать нас, пока мы живы, и дает нам залог Своих благодатных намерений в таинстве святого причастия. Это духовный пир, на котором Христос являет Себя как хлеб жизни, чтобы питать наши души истинным и благословенным бессмертием. Хлеб и вино представляют для нас незримое питание, которое мы получаем от тела и крови Христа. Они явлены как символ и образ, приспособлены к нашим слабым возможностям, подтверждены с помощью зримых знаков и залогов, которые понятны простым умам. Это мистическое благословение, таким образом, призвано заверить нас, что тело Господне некогда было принесено в жертву за нас, которой теперь мы можем питаться, и что Его кровь, некогда пролитая за нас, теперь стала нашим постоянным питьем. «Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье» (Ин. 6:55). «Мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его» (Еф. 5:30). «Тайна сия велика» (ст. 32), ею можно восхищаться, но ее трудно описать. Наши души питаются плотью и кровью Хри-

⁸⁷² Inst. IV, ch. XVII. 7.

⁸⁷³ Он писал из Страсбурга 19 мая 1539 г. к Андре Зебеде, служителю из Орба: *Nihil fuisse asperitatis in Zwinglii doctrina, tibi minime concedo. Siquidem videre promptum est, ut nimium occupatus in evertenda carnalis praesentiae superstitione, veram communicationis vim ut simul disjecerit, aut certe obscurarit.* Herminjard, V. 318. В том же письме он характеризует взгляды Цвингли как *falsa et pernicioso*. В письме к Фарелю от 27 февраля 1540 г. он не одобряет чрезмерное восхваление Цвингли Зебеде и говорит, что предпочитает Лютера: *Nam si inter se comparantur, scis ipse, quanto intervallo Lutherus excellat.* Но он не имел намерения порочить память Цвингли. Herminjard, V. 191. Ришару дю Буа он пишет из Страсбурга, 1540 (*ibid.* VI. 425), явно указывая на Цвингли и Эколампадия, что ему никогда не нравились взгляды тех, кто в *evertenda localis praesentiae superstitione nimis occupati, verae praesentiae virtutem vel elevabant extenuando, vel subticendo ex hominum memoria quodammodo debebant. Sed est aliquid medium*, и т. д. В письме к Вире (3 сентября 1542 г., в *Opera*, XI. 438) он замечает, что никогда не читал все труды Цвингли и надеется, что к концу своей жизни он понял то, что сначала не понимал: «я помню, каким мирским было его учение о таинствах в ранних произведениях (*quam profana sit ejus de sacramentis doctrina*)».

ста, подобно тому как наша телесная жизнь питается и сохраняется хлебом и вином. В противном случае знак был бы неуместен. Преломление хлеба действительно символично, но значимо: ибо Бог не обманщик, который давал бы нам пустые знамения. Символ тела уверяет нас в даре незримой сущности, так что, получая знак, мы получаем и саму вещь. Означаемое явлено и предлагается всем, кто приходит на духовный пир, но с пользой его поглощают только те, кто принимает его с истинной верой и благодарностью».

Кальвин подчеркивает сверхъестественное участие Святого Духа в причастии. Лютер и Цвингли не говорили о нем. Дух возвышает наши сердца от земли к небесам, как при всяком акте поклонения (*sursum corda*), и низводит животворящую силу возвышенного Икупителя с небес, объединяя то, что, по нашим несовершенным представлениям, разделено пространственно⁸⁷⁴. Средство причастия — вера. Кальвин, вероятно, подкреплял свое мнение древними литургиями Восточной церкви, в которых была особая молитва призвания Святого Духа при освящении даров причастия⁸⁷⁵.

Он цитирует несколько отрывков из Августина в подтверждение реального духовного присутствия. Ратрамн в IX, а Беренгар в XI веке также ссылались на Августина, выступав против сторонников плотского присутствия и причащения⁸⁷⁶.

Когда Лютер вновь завел спор о евхаристии, яростно атакуя на цвинглиан (1545), которые защищали своего реформатора-мученика в резком ответе, Кальвин был недоволен обеими сторонами и старался привести их к примирению⁸⁷⁷. Он переписывался с Буллингером (Меланхтоном швейцарской церкви) и, по его приглашению, отправился в Цюрих вместе с Фарелем (май 1549 г.). Последовали деликатные переговоры, которые обе стороны вели с восхищающей искренностью, умеренностью, мудростью и терпением. Результатом стало Цюрихское согласие, в котором Кальвин излагает свое учение, насколько это возможно, в согласии с учением Цвингли. Этот документ был опубликован в 1551 г. и принят всеми реформатскими кантонами, кроме Берна, которому очень не нравилась суровость Кальвина. Он был принят благосклонно и во Франции, Англии, некоторых областях Германии. Меланхтон заявил Лаватеру (зятю Буллингера), что впервые понял швейцарцев и больше не будет выступать против них; но он вычеркнул ту фразу Согласия, которая ограничивала эффективность таинства избранными.

Хотя согласие принесло мир в швейцарские церкви и удовлетворило сторонников Меланхтона, Вестфаль и Гесгуй, которые превосходили Лютера в плане рвения и насилия, стали выступать против него, омрачая последние годы жизни Меланхтона и Кальвина. Мы поговорим об этом споре в следующей главе.

Кальвинистическая теория евхаристии была принята всеми реформатскими конфессиями. Она решительно утверждается в Гейдельбергском катехизисе (1563), главном вероисповедании германской и голландской реформатской церкви⁸⁷⁸. Но среди пресвитериан, конгрегационалистов и баптистов оно в основном уступило место цвинглианскому взгляду, который более прост и понятен, хотя и ослабляет мистическую составляющую святого причастия.

⁸⁷⁴ См. отрывки, цитируемые в т. VII, §111.

⁸⁷⁵ ἐπίκλησις πνεύματος ἁγίου. В латинских литургиях сила освящения приписывается Христовым словам учреждения. См. т. III, §97.

⁸⁷⁶ См. т. IV, §§127, 129. Кальвин упоминает о споре Беренгара.

⁸⁷⁷ См. его письмо к Буллингеру, цитируемое в т. VII, §109.

⁸⁷⁸ Вопросы 76, 78, 79. См. Вестминстерское вероисповедание, гл. XXIX, 7, и Вестминстерский большой катехизис, в. 170.

ГЛАВА XV

БОГОСЛОВСКИЕ СПОРЫ

§118. Кальвин как участник споров

Кальвин принимал участие в нескольких спорах, в основном по поводу учения о предопределении. Он явно превосходил своих оппонентов в плане учености и умения рассуждать. Он никогда не терялся в споре. Он обладал также опасным даром остроумия, иронии и сарказма, а не более желательным в дискуссиях даром безвредного юмора, который смягчает горечь спора и облегчает бремя ежедневных трудов. Как Давид в его псалмах проклятия, он считал врагов своего учения врагами Бога. «Даже пес лает, — писал он королеве Наваррской, — когда нападают на его хозяина; как я могу молчать, когда нападают на честь моего Господа?»⁸⁷⁹ К своим оппонентам — Пигию, Бользеку, Кастеллиону и Сервету — он относился с высокомерным презрением и называл их *nebulones*⁸⁸⁰, *nugatores*, *canes*, *porci*, *bestiae*. Эти эпитеты подобны сорнякам среди его чистого и изящного слога. Но их свободно использовали древние отцы церкви, кроме Златоуста и Августина, говоря о еретиках; они встречаются даже в Писании, хотя и не по отношению к определенным личностям⁸⁸¹. В его век в них не видели ничего неуместного. Беза говорит, что «выражения, недостойные доброго человека, никогда не выходили из уст Кальвина». Вкусы XVI века сильно отличались от вкусов XIX века. В полемических трудах протестантов и католиков встречается множество яростных переходов на личности и грубых оскорблений. Лютер геркулесовой дубиной замахивался на Тецеля, Экка, Эмсера, Кохлея, Генриха VIII, герцога Генриха Брюнsvикского и даже на сакраментариев. Однако и тогда существовали благородные исключения, такие как Меланхтон и Буллингер. Неукротимый нрав — движущая сила истории; ничто великое не может быть совершено без энтузиазма; моральное негодование при виде зла неотделимо от преданности добру; и ненависть — обратная сторона любви. Но нрав следует контролировать с помощью разума, а истину следует говорить с любовью, никого не злословить и ко всем быть милосердным. Гневные выражения и ругательства всегда вредят благому делу, а сдержанность и умеренность укрепляют его. Недомолвки порождают равнодушие, а крайности вызывают оппозицию.

⁸⁷⁹ Это характерное выражение он повторял не раз; например, в труде о необходимости реформ в церкви, в *Opera*, VI. 503: *Canis, si quam suo domino violentiam inferri viderit, protinus latrabit: nos tot sacrilegiis violari sacrum Dei nomen taciti aspiceremus? Et ubi esset illud: Opprobria exprobandum tibi ceciderunt super me* (Ps. 69:9)?» И еще раз, в той же книге (fol. 507), с добавлением, что пес предпочитает рисковать своей жизнью, но не хранить молчание.

⁸⁸⁰ Относя эпитет *nebulo* к Кастеллиону, он переводит его на французский как *un brouillon*, что обозначает человека беспокойного и беспорядочного (не мерзавца). Швейцер переводит это как *Wirrkopf* (I. 212).

⁸⁸¹ Ис. 56:10; Мф. 7:6; Флп. 3:2; Отк. 22:15.

§119. Кальвин и Пигий

I. ALBERTUS PIGHIUS: *De libero hominis arbitrio et divina gratia libri decem*. Coloniae, 1542, mense Augusto. Посвящено кардиналу Садолету. Он написал также *Assertio hierarchiae ecclesiasticae*, полную защиту Римской церкви, посвященную папе Павлу III, 1538.

CALVIN: *Defensio sanae et orthodoxae doctrinae de servitute et liberatione humani arbitrii adversus calumnias Alberti Pighii Campensis*. С предисловием, адресованным Меланхтону. Geneva, 1543. В *Opera*, VI. 225-404. (Amsterdam ed., t. VIII, 116 sqq.) То же на французском — Geneva, 1560.

II. BAYLE: ст. *Pighius* в его «Dict. hist.» — HENRY, II. 285 sqq. (англ. перев. I. 492 sqq.). — DYER (1850), pp. 158-165. — SCHWEIZER: *Die protest. Centraldogmen* (1854), I. 180-200. Весьма удовлетворительно. — WERNER (католик): *Geschichte der apologetischen und polemischen Literatur der christl. Theologie* (1865), IV. 272 sq., 298. Поверхностный труд. — STÄHELIN, II. 281-287. — Вступление к *Opera*, VI, pp. XXIII-XXV.

Как Эразм атаковал учение Лютера о рабстве человеческой воли и вызвал сокрушительный ответ Лютера, так и Альберт Пигий нападал на Лютера, а в основном на Кальвина в связи с этой серьезной проблемой.

Пигий (или Пигт) из Кампена в Голландии, учившийся в Лувене и Кельне и ученик папы Адриана VI, последователем которого он выступал в Риме, был ученым и красноречивым богословом, выполнял разные миссии для Климента VII и Павла III. Возможно, он видел Кальвина на встречах в Вормсе и Ратисбоне. Он умер в должности каноника и архидиакона Утрехта 26 декабря 1542 г., через несколько месяцев после публикации его книги против Кальвина и других реформаторов. Беза называет его первым софистом того времени, который надеялся, одержав победу над Кальвином, получить шпалочку кардинала. Но Беза неправ, когда судит о намерениях Пигия, не имея доказательств. То, что Пигий удалился в Утрехт, не говорит о наличии подобных амбиций⁸⁸².

Пигий представляет догмат о рабстве человеческой воли и об абсолютной необходимости всего происходящего как кардинальное заблуждение Реформации и обвиняет ее в том, что она ведет к полному моральному равнодушию. Он написал десять книг против нее. В первых шести книгах он отстаивает учение о свободе воли, а в последних четырех обсуждает Божью благодать, предведение, предопределение и провидение, приводит отрывки из Писания на эти темы. Он учит полупелагианской теории с несколькими пелагианскими чертами и объявляет, что «наши дела имеют заслугу перед Богом». После того как Тридентский синод более тщательно рассмотрел учение об оправдании, защищая его от полупелагианства, испанская инквизиция поместила книгу Пигия *De libero arbitrio* и его трактат *De peccato originali* в индекс запрещенных книг, а кардинал Бона советовал читать их с осторожностью, так как в них не всегда представлено истинно ортодоксальное учение. Пигий, не стеснясь, скопировал, но сообщая об этом, несколько страниц из «Наставлений» Кальвина там, где это было ему на руку. Кальвин называет его плагатором и говорит: «По какому праву он публикует эти разделы как собственные, я не знаю, если только он, как враг, не претендует на право грабить меня».

⁸⁸² Анри пишет (II. 289), что Пигий принял доводы Кальвина, но он умер (в декабре 1542 г.) до того, как ответ Кальвина был опубликован (в феврале 1543 г.). Эта история основана на словах Краканторпа, который утверждает в своей *Defensio Ecclesiae Anglicanae*, что Пигий прочел «Наставления» Кальвина, чтобы их опровергнуть, но стал кальвинистом в одном из главных артикулов веры (он не говорит, в каком именно). Эта история давно уже опровергнута Герде-сием, *Hist. Evang. Renovati*, III. §60. См. также Dyer, p. 160.

Доводы Пигия против учения о рабстве человеческой воли таковы: оно противоречит здравому смыслу; оно не соответствует признанной свободе воли в гражданских и светских вопросах; оно губит всю нравственность и дисциплину, превращает людей в животных и чудовищ, делает Бога творцом греха и превращает Его справедливость в жестокость, а мудрость — в безумие. Пигий считает эту ересь происходящей от гностиков и Симона Волхва, которых Лютер превзошел в своей нечестивости.

Ответ Кальвина был написан примерно за два месяца, но с перерывами. Кальвин чувствовал весомость возражений, но всегда бросался на жерло пушки. Он допускает, вскользь, что Лютер часто использовал гиперболы, чтобы привлечь внимание. Он допускает также *liberum arbitrium* в том смысле, что человек действует добровольно и согласно внутреннему импульсу⁸⁸³. Но он отрицает, что человек, без помощи Святого Духа, способен выбрать духовное благо, и цитирует Римлянам 6:17; 7:14,23. «Человек обладает *arbitrium spontaneum*, так что он охотно и по собственному выбору творит зло, без принуждения извне, а следовательно, виновен. Но вследствие природной греховности его воля так подчинена греху, что он всегда выбирает зло. Поэтому непринужденность и порабощение могут сосуществовать. *Voluntas — spontanea*, но не *libera*; она не *coacta*, но *serva*». Здесь он предвосхищает искусственное разграничение между природной способностью и моральной неспособностью — разграничение, которое практически бесполезно. Что касается учения ранней церкви, то он не мог отрицать, что отцы, особенно Ориген, превозносят свободу воли; но он мог сослаться на Августина в его поздних произведениях, где тот отказывался от своей прежней защиты свободы. Возражение, что порабощенность воли сводит на нет любые призывы к покаянию, имело бы смысл, если бы Бог не делал их действенными с помощью Своего Духа.

Ответ Кальвина Пигию более осторожен и сдержан, чем ответ Лютера Эразму, и более церковен, чем трактат Цвингли о провидении. Защищая себя, Кальвин защищал всё, что было общим для протестантского учения, в оппозиции преобладавшему тогда в Римской церкви пелагианству. Он оказал благоприятное впечатление на Тридентский собор, который решительно осудил пелагианство и полупелагианство как ересь⁸⁸⁴.

Кальвин посвятил свою книгу Меланхтону, как другу, который был с ним согласен и посоветовал ему выступить против Пигия, если тот нападет на Реформацию. Но Меланхтон, который ранее отстаивал аналогичную позицию, в то время уже изменил свои взгляды на свободу воли — в основном потому, что чувствовал: ее отрицание сделает Бога творцом греха и уничтожит моральную ответственность человека⁸⁸⁵. Он был достаточно компетентен, чтобы оценить логические доводы в пользу необходимости, но был более подвержен воздействию этических и практических соображений. В ответе на посвящение Кальвина, 11 мая 1543 г., он благодарит за сделанный ему комплимент, но скромно и деликатно намекает на свое несогласие и выражает желание, чтобы протестанты объединились для защиты своих самых важных учений, славных своей простотой и практической полезностью. «Я хотел бы, — говорит он, — чтобы ты обратил свое красноречие на украшение этих актуальных тем, укрепляя наших друзей, устра-

⁸⁸³ *Sponte et libenter, interiore electionis motu.*

⁸⁸⁴ См. замечания Швейцера о значении этого спора, *l. c.*, I. 198.

⁸⁸⁵ Соответствующие изменения сделаны в изданиях его *Loci Theologici* (1525, 1535, 1544, 1548). См. выше, §113.

шая наших врагов и ободряя слабых; ибо кто в наши дни отличается более впечатляющим или более великолепным стилем ведения диспутов?.. Я пишу это письмо не для того, чтобы указывать тебе, столь ученому человеку и столь опытному в делах благочестия. Я убежден, что написанное мною соответствует и твоим чувствам, хотя и менее тонко и менее пригодно для использования»⁸⁸⁶.

Кальвин собирался ответить на вторую часть труда Пигия, но узнал, что тот недавно умер, а потому не захотел «оскорблять мертвого пса»(!) и занялся «другими делами»⁸⁸⁷. Но девять лет спустя он, по сути, ответил Пигию в своем *Consensus Genevensis* (1552), которое можно считать второй частью опровержения Пигия, хотя оно и было обусловлено спором с Бользеком.

§120. Антипапские труды.

Критика Тридентского собора. 1547

- I. Большая часть антипапских трудов Кальвина есть в *Opera*, tom. VI (в амстердамском издании — tom. IX, 37-90; 99-335, 409-485). Английский перевод в vols. I и II, *Tracts relating the Reformation by John Calvin, translated from the original Latin by Henry Beveridge, Esq.* Edinburgh (Calvin Translation Society), 1844 и 1851.
- II. *Acta Synodi Tridentinae elim antidoto*. В *Opera*, VII. 305-506. См. также Schweizer, I. 239-249; Dyer, p. 229 sq.; Stähelin, II. 255 sqq.

Кальвин написал много антипапских трудов. Среди них первое место занимает его ответ кардиналу Садолегу (1540) и его просьба о необходимости реформации, обращенная к императору Карлу V (1544). Они превосходят в плане таланта и силы все похожие труды XVI века. Мы уже достаточно говорили о них в предыдущих разделах⁸⁸⁸. Я хочу добавить только мужественное завершение просьбы к императору:

Как бы то ни было, мы никогда не будем раскаиваться, что начали это и что дошли до нынешнего положения. Святой Дух — верный и безошибочный свидетель нашего учения. Я утверждаю, что мы знаем вечную истину Бога, которую проповедуем. Нам хочется, как и должно быть, чтобы наше служение оказалось благотворно для мира; но произвести это воздействие способен лишь Бог, а не мы сами. Если, в качестве наказания, те, кому мы желаем добра, либо неблагодарны, либо упрямы, а успех кажется недоступным и всё идет плохо, я скажу то, что подобает говорить христианину, и все, кто придерживается святой веры, согласятся со мной: мы умрем, но и в смерти будем победителями, не только потому, что несомненно перейдем к лучшей жизни, а потому, что знаем, что наша кровь станет семенем для распространения Божьей истины, которой люди сейчас пренебрегают.

После этих книг по важности стоит его критика Тридентского собора, опубликованная в ноябре 1547 г.

Тридентский собор, который должен был устранить несогласия в западном христианском мире, собрался после долгой отсрочки 13 декабря 1545 г. Потом он

⁸⁸⁶ *Et quidem scio, haec cum tuis congruere, sed sunt παρῳτέρα, et ad usum accommodata*. Он ссылается также на слова Василия: *μόνον θέλησον, καὶ θεὸς προαιπάτα*. Calvin, *Opera*, XI. 539-542. Письма Меланхтона обычно усыпаны греческими словами и выражениями.

⁸⁸⁷ *Cons. Genev.: Paulo post librum editum, moritur Pighius. Ergo ne cani mortuo insultarem, ad alias lucubrationes me converti*. Он характеризует Пигия как *homo phrenetica plane audacia praeditus*, потому что тот пытался защитить свободу человека и ниспровергнуть тайный промысел Бога, посредством которого Он одних избирает ко спасению, а других к вечной гибели (*alios aeterno exitio destinat*). Оскорбления Кальвина в адрес покойного врага не оправдываются и тем, что святой Иероним сказал намного ранее о своем бывшем друге Руфине: «Теперь этот скорпион лежит в земле!» Среди богословов, вовлеченных в полемику, милосердие встречалось очень редко.

⁸⁸⁸ См. §91, 99-101.

был распущен, созван снова и наконец завершился 4 декабря 1563 г., за несколько месяцев до смерти Кальвина. На четвертом, пятом и шестом заседаниях (1546) он решил животрепещущие проблемы правила веры, первородного греха и оправдания в пользу существовавшей католической системы и против взглядов реформаторов. Собор избежал плохо скрытого пелагианства и полупелагианства Экка, Пигия и других предыдущих защитников Рима и сформулировал свои положения с большой осторожностью и тщательностью, однако он решительно осудил протестантские учения о превосходстве Библии, о рабстве человеческой воли и об оправдании одной лишь верой.

Кальвин первым выступил против этих решений. Он подверг их тщательной критике. Он допускает, во вступлении, что собор мог бы быть весьма полезен и восстановить мир в христианском мире, если бы он был воистину вселенским, беспристрастным и свободным. Но Кальвин отрицает, что Тридентский собор обладал этими важными качествами. Греческая и евангельская церкви вообще не были на нем представлены. Это был чисто римско-католический собор, и он находился под контролем папы, который сам был главным преступником и был более склонен сохранить злоупотребления, чем упразднить их. Участники собора, которых было всего около сорока, в основном итальянцы, не отличались ученостью или благочестием, но были группой вздорных монахов и канонистов, подпевал папы. На деле они просто соглашались с живым оракулом Ватикана, а свои постановления издавали как внушенные им Святым Духом. «Как только вырабатывается некое положение, — говорит Кальвин, — в Рим посылаются курьеры и молят о прощении и мире у ног своего идола. Святейший отец передает всё, что привезли курьеры, своим частным советникам для рассмотрения. Советники урезают это, добавляют и изменяют, как хотят. Курьеры возвращаются, назначается *sederunt*. Секретарь зачитывает то, против чего никто не осмеливается возражать, и ослы трясут ушами в знак согласия. Посмотрите на оракула, который навязывает религиозные обязанности всему миру... Декреты собора имеют не больше веса, чем крики аукционера».

Кальвин разбирает постановления с характерным для него полемическим талантом. Сначала он формулирует их словами собора, а потом возражает. Он обличает ошибки Вулгаты, ставившей собор вровень с оригинальным еврейским и греческим текстом, отстаивает превосходство Писания и учение об оправдании верой.

Кальвин писал этот труд два или три месяца и постоянно прерывался, в то время как Хемницу понадобилось десять лет для завершения своего труда. Кальвин передал рукопись Фарелю, который был от нее в восторге. Он выпустил также французское издание, в более популярной форме.

Кохлей подготовил, с немалой долей личного ожесточения, опровержение Кальвина (1548), и ему ответили Де Галлар⁸⁸⁹ и Беза, который причисляет Кохлея к чудовищам животного царства⁸⁹⁰.

После завершения Тридентского собора Мартин Хемниц, ведущий богослов лютеранской церкви после смерти Меланхтона, написал свой более тщательный труд, *Examen Concilii Tridentini* (1565 — 1573; второе издание — 1585), который в течение долгого времени был стандартным пособием в споре с Римом.

⁸⁸⁹ *Apologia Calvini contra Cochlaeum*.

⁸⁹⁰ *Brevis et utilis zoographia Joh. Cochlaei*, 1549. Репринт в Baum, Beza, I. 357-363.

§121. *Против немецкого интерима. 1549*

Interim Adultero-Germanum: Cui adjecta est vera Christianae pacificationis et ecclesiae reformatae ratio, per JOANNEM CALVINUM. Cavete a fermento Phariseorum, 1549. Opera, VII. 541-674. — Репринт вышел в Германии, были сделаны также переводы на французский (1549) и итальянский (1561). См. HENRY, II. 369 sqq.; III. BEILAGE, 211 sq.; DYER, 232 sq.

Об интериме см. истории Германии: RANKE (V. 25 sqq.) и JANSSEN (III. 625 sqq.), также монографию LUDWIG PASTOR (католик): *Die kirchlichen Reunionsbestrebungen während der Regierung Karls V. Freiburg*, 1879, pp. 357 sqq.

Трактат Кальвина о ложном немецком интериме тесно связан с его критикой Тридентского собора. Нанеся поражение Шмалькальденской лиге, император навязал протестантам Германии компромиссное вероисповедание, которое должно было использоваться до окончательного решения вселенского собора. Оно было составлено двумя католическими епископами, Пфлутом (эразмианцем) и Гельдингом, с помощью Иоганна Агриколы, капеллана у электора Иоахима II Бранденбургского. Агрикола был тщеславным, амбициозным и ненадежным человеком, некогда секретарем и сотрапезником Лютера, но отошел от него и Меланхтона во время антиномианского спора. Подозревали, что он был подкуплен католиками⁸⁹¹.

Соглашение было представлено Аугсбургскому рейхстагу и получило название Аугсбургского интерима. Интерим был провозглашен императором 15 мая 1548 г., вместе со страстным призывом ему следовать. Он содержал всю римско-католическую систему учения и дисциплины, но в мягкой и примиренческой форме, без явного осуждения протестантских взглядов. Учение об оправдании было сформулировано в основном в соответствии с решениями Тридентского собора. Семь таинств, пресуществление, месса, молитвы святым, авторитет папы, все важные церемонии — всё было сохранено. Единственной уступкой протестантам было причащение мирян чашей и разрешение для женатых священников оставить себе жен. Всё это соответствовало взглядам императора, который, как замечает Ранке, хотел поддерживать католическую иерархию как основу своей власти, но в то же время помириться с протестантами. Очевидно, что принятие такого вероисповедания было практическим поражением дела Реформации и могло закончиться полной победой папства.

Протестанты с большим негодованием восприняли интерим. Он был отвергнут в Гессене, Саксонском герцогстве и северных городах, особенно в Магдебурге, который стал центром непримиримых лютеран под руководством Флация. В Южной Германии интерим активно насаждался испанскими солдатами. Более четырехсот пасторов Швабии и окрестностей Рейна были изгнаны за то, что отказались принять интерим, и странствовали вместе со своими семьями в бедности и нищете. Среди них был Бренц, реформатор Вюртемберга, который бежал в Базель, где получил утешительное письмо от Кальвина (5 ноября 1548 г.). Мартин Бucer, ревностно желавший христианского союза, не хотел идти на компромисс в ущерб совести и бежал из Страсбурга в Англию, где был назначен профессором богословия в Кембриджском университете.

Под страхом смерти было запрещено писать труды против интерима. Но из «Божьей канцелярии» в Магдебурге было предпринято более тридцати атак на него. Буллингер и Кальвин были одними из таких авторов.

⁸⁹¹ Император подарил ему пятьдесят крон; король Фердинанд — пятьсот талеров. Janssen, III. 625. См. также G. Kawerau (специалист по истории лютеранской Реформации), *Johann Agriкола von Eisleben*, Berlin, 1881.

Кальвин опубликовал заявление императора и текст интерима полностью, а потом привел причины, по которым интерим не мог принести мир в церковь. Он начинает с цитаты из Илария по поводу арианского спора: «Драгоценно воистину имя мира, и справедлива идея единства, но кто сомневается, что единственный мир церкви — тот, который от Христа?» Этим ключевым положением он указывает на подлинные пути примирения христианского мира.

Электор Саксонии Мориц, оказавшийся между двух огней — своих лютеранских подданных и императора, — изменил Аугсбургский интерим с помощью Меланхтона и других богословов из Виттенберга и заменил его Лейпцигским интеримом 22 декабря 1548 г. В этом документе основные артикулы веры более осторожно сформулированы, так что допустимо их евангельское истолкование, но римские церемонии сохранены как *adiaphora*, то есть как второстепенные вопросы, которые не мешают совести и не угрожают спасению. В результате начался адиафористический спор между строгими и умеренными лютеранами. Меланхтон во время этого испытания оказался в самом трудном положении. Искренне желая спасти протестантизм от внутреннего краха, а Саксонию — от вторжения и опустошения императорскими войсками, он уступил давлению придворных и принял Лейпцигский интерим в надежде на лучшие времена. За это его строго критиковал Флаций, его бывший ученик, осудивший его как изменника. Когда Кальвин услышал эту новость, он написал искреннее письмо с братскими упреками Меланхтону и напомнил ему о непоколебимой твердости Павла перед иерусалимским собором в вопросе об обрезании⁸⁹².

Протестантизм в Германии оказался на грани краха, но был спасен изменой электора Морица. Этот хитрый, эгоистичный политик, мастер в ведении споров, сначала предал протестантов, помогая императору победить Шмалькальденскую лигу, за что получил свой электорат; а потом он взбунтовался против императора и изгнал его и тридентских отцов из Тироля (1551). Он умер в 1553 г. от смертельной раны, полученной в победоносной битве против старого друга, Альбрехта Бранденбургского⁸⁹³.

Конечным результатом поражения императора был Аугсбургский мирный договор (1555), вследствие которого лютеране впервые получили легальный статус в империи, хотя и с некоторыми ограничениями. Так завершается период лютеранской Реформации.

§122. Против поклонения реликвиям. 1543

Advertissement tres-utile du grand profit qui reviendroit la Chrestienté, s'il se faisoit inventaire de tous les corps saintz et reliques, qui sont tant en Italia qu'en France Allemagne, Espagne, et autres Royaumes et Pays. Gen., 1543, 1544, 1551, 1563, 1579, 1599. Репринт в *Opera*, VI. 405-452. Латинское издание — Nicolaus Gallasius (des Gallars) было опубликовано в Женеве, 1548. Вышел также на английском (*A very profitable treatise*, etc.), London, 1561, и в двух переводах на немецкий (Jakob Eysenberg из Виттенберга, 1557, etc., и

⁸⁹² Письмо от 18 июля 1550 г., цит. в §90. Дайер решительно защищает Меланхтона в адиафористическом споре и делает следующее замечание (р. 240): «Каким может быть будущий союз протестантской церкви, если эти раздоры будут продолжаться? Глупая и скандальная, мы даже сказали бы, детская ссора из-за незначительных церемоний раскалывает протестантов на фракции в тот момент, когда им явно угрожает опасность! С такими чувствами есть ли надежда на более спокойное время, когда мы сможем решить более серьезные вопросы, связанные с действительно важными моментами учения?»

⁸⁹³ Описание характера Морица см. в Ranke, *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation*, vol. V, 160 sqq. (6th ed. 1881).

J. Fischart, 1584 или 1583, под заглавием *Der heilig Brothkorb der h. Römischen Reliquien*). См. Henry, II. 333, III, Appendix, 204-206. Новый перевод на английский — Beveridge в *Calvin's Tracts relating to the Reformation*, Edinb., 1844, pp. 289-341.

В том же году, когда Кальвин отвечал Пигию, он выпустил на французском языке трактат о реликвиях, который неоднократно издавался и переводился. Это было самое популярное и эффективное из антипапских произведений. Он свободно использовал в нем насмешку и сарказм, что напоминает нам о Вольтере, но дух труда совершенно иной. Кальвин начинает со следующих вдумчивых замечаний, которые лучше всего характеризуют его книгу:

Августин в своей книге под заглавием «О труде монахов» жалуется на неких странствующих обманщиков, которые, уже в его время, занимались подлой и гнусной торговлей, нося мощи мучеников с места на место, и добавляет: «Если это вообще мощи мучеников». Говоря так, Августин намекает на наличие, уже в его время, злоупотреблений и подделок, когда невежественный народ обманом вынуждали верить, будто кости, собранные тут и там, — это останки святых. Хотя обман существовал уже так давно, не может быть сомнений, что за долгий период, прошедший с того времени, он стал еще больше, особенно потому, что мир с тех пор сильно разбратился и не переставал ухудшаться, пока не достиг тех границ, которые мы наблюдаем сейчас.

Но первым злоупотреблением и началом зла было то, что призванный искать Христа в Его Слове, в таинствах и в духовных влияниях мир по собственному произволу начал цепляться за Его одежду, плащи, пеленки — таким образом забывая о главном и хватаясь за второстепенное. Тот же курс наблюдался и в отношении апостолов, мучеников и других святых. Ибо когда полагалось усердно размышлять над их жизнью и стараться им подражать, люди стремились созерцать и собирать, как если бы это было сокровище, их кости, одежду, пояса, плащи и подобные предметы.

Я понимаю, что тут присутствует нечто вроде благочестивого рвения, что реликвии Христа должны быть почитаемы, как Он Сам, и что они помогают помнить о Нем. То же касается и святых. Однако следует обратить внимание на сказанное Павлом, а именно: что любое поклонение, выдуманное человеком, основано всего лишь на его собственном мнении, то есть даже если оно и похоже на мудрость, на самом деле это суета и безумие.

Кроме того, любые преимущества, какие могут отсюда проистекать, следует сопоставить с опасностью. С одной стороны, обладание реликвиями приносит мало пользы или польза эта поверхностна и несерьезна, а с другой, очень трудно, если не невозможно, не впасть в идолопоклонство. Ибо люди не могут смотреть на реликвии и при этом обращаться с ними без подобострастия, а со временем они начинают оказывать им почести, которые подобают одному лишь Христу. Короче говоря, жажда реликвий никогда не свободна от суеверия, и даже хуже, она родственна идолопоклонству, которым обычно и сопровождается.

Все признают без возражений, что Бог забрал тело Моисея от людей, ибо не хотел, чтобы иудейский народ начал ему поклоняться. Но то, что было сделано для одного, должно быть распространено на всех, ибо эта причина разумна во всех случаях. Не будем говорить даже о святых, а посмотрим, что Павел сказал о самом Христе. Павел заявляет, что после воскресения Христа он уже больше не знал Его по плоти, имея в виду, что всё плотское, принадлежавшее Христу, должно быть забыто и отвергнуто, чтобы мы могли посвятить все свои силы поиску и обладанию Им в духе. А потому когда люди говорят, сколь хорошо обладать реликвией от Христа и Его святых, — то что это, как не поиск пустого плаща, скрывающего глупое желание, у которого нет обоснований? И даже если нам кажется, будто у нас есть веские причины, должны ли мы этого требовать, видя, сколь неприемлемым апостол Павел считает такое отношение для жизни Святого Духа?

Изложим общее содержание трактата.

Стремление хранить реликвии, которое сначала было лишь неразумным любопытством, выродилось в отвратительное идолопоклонство. Большая часть реликвий — подделки. Если бы они все были настоящими, у каждого апостола

было бы более четырех тел, а у каждого святого — по два или по три. Рука святого Антония, которой поклонялись в Женеве, когда ее вынули из раки, оказалась костью вола. Тело Христа не могло остаться на земле, однако монахи из Шарру заявляют, что они якобы владеют не только Его зубами и волосами, но даже и крайней плотью, отрезанной у Него при обрезании. Но крайнюю плоть Христа выставляют напоказ и в Латеранской церкви в Риме. Кровь Христа, которая якобы была собрана Никодимом в платок или чашу, демонстрируют в Рошели, Мантуе, Риме и многих других местах. Ясли, в которые Он был положен после рождения, Его колыбель, рубашка, сшитая Ему матерью, столб, на который Он опирался во время диспута в храме, кувшины, воду из которых Он превратил в вино, гвозди и части креста показывают в Риме, Равенне, Пизе, Клуни, Анжере и других местах.

Стол последней вечери находится в Риме, в Латеранской церкви Св. Иоанна; часть хлеба — в церкви Св. Спасителя в Испании; нож, которым был разрезан пасхальный агненок, — в Трире⁸⁹⁴. Но насколько вообще вероятно то, что стол был найден на семьсот или восемьсот лет позже? Кроме того, столы в то время были не такими, как сейчас, и люди возлежали во время еды. Фрагменты креста, найденного святой Еленой, разбросаны по многим церквям Италии, Франции, Испании и т. д. Ими можно было бы нагрузить целый корабль, а нести такой крест смогло бы только триста человек, но никак не один. Однако нам говорят, что, оказывается, от него можно отрезать фрагменты, а он при этом не становится меньше! Утверждают, что эти фрагменты принесли ангелы или что они упали с небес. В Пуатье говорят, что их часть креста была украдена служанкой Елены и привезена во Францию. Еще больше противоречий связано с тремя гвоздями креста: один из них был вставлен в корону Константина, два других — в узду его лошади, согласно Феодориту, или же один хранился у самой Елены, по словам Амвросия. Но теперь есть два гвоздя в Риме, один в Сиене, один в Милане, один в Карпантре, один в Венеции, один в Кельне, один в Трире, два в Париже, один в Бурже и т. д. И все эти притязания на обладание истинным гвоздем стоят одно другого, потому что все гвозди — поддельные. Также в нескольких экземплярах существуют копье воина, терновый венец, пурпурная одежда, бесшовный хитон и плат Вероники (об обладании им заявляют не менее шести городов). Кусок рыбы, которую Петр предложил воскресшему Спасителю на морском берегу, должно быть, был очень хорошо посолен, если продержался полторы тысячи лет! Но, без шуток, возможно ли, чтобы апостолы хранили как реликвию то, что приготовили себе на ужин?

Кальвин не менее эффективно разоблачает абсурдность и нечестивость чудотворных изображений Христа, реликвий в виде волос и молока Девы Марии, хранимых во многих местах, ее гребней, ее одежды и вещей, ее дома, который ангелы перенесли через море в Лорето, обуви святого Иосифа, сандалий святого Иоанна, головы Иоанна Крестителя, фрагменты которой якобы хранятся на Родосе, на Мальте, в Лукке, в Невере, в Амьене, в Безансоне и в Нуайоне, его пальцев, один из которых показывают в Безансоне, другой в Тулузе, третий в Лионе, четвертый в Бурже, пятый во Флоренции. В Авиньоне есть меч, которым был обезглавлен Иоанн, в Экс-ла-Шапеле — льняная ткань, подложенная под него добрым палачом, а в Риме — его пояс и жертвенник, у которого он молился

⁸⁹⁴ Священный плащ до сих пор находится в Трире, и в 1891 г. ему поклонялось много верующих паломников!

в пустыне. Странно, добавляет Кальвин, что его не изображают еще и совершающим мессу.

Трактат оканчивается таким замечанием: «Реликвии столь перепутаны и перемешаны, что невозможно поклоняться мощам мученика, не рискуя поклоняться при этом мощам какого-нибудь вора или грабителя или, может быть, костям пса, коня, осла или... А потому пусть всякий остерегается такого риска! Отныне ни один человек не сможет оправдываться невежеством».

§123. Сорбонские статьи и возражение на них. 1544

Articuli a facultate s. theol. Parisiensi determinati super materiis fidei nostra e hodie controversis. Cum Antidoto (1543), 1544. *Opera*, VII. 1-44. Французское издание вышло в том же году. Английский перевод — Beveridge, в *Calvin's Tracts*, I. 72-122.

Богословский факультет Парижского университета опубликовал 10 марта 1542 г., в двадцати пяти статьях, свод из самых неприемлемых учений Римской Католической церкви, обязательных, с санкции короля Франции, для всех кандидатов на сан священника⁸⁹⁵.

Кальвин переиздал эти статьи и сопроводил каждую сначала иронической защитой, а потом возражением, основанным на Писании. Такое *reductio ad absurdum* должно было произвести в Париже большее впечатление, чем серьезное и здравое опровержение. Вот образец.

Статья VI. о жертвоприношении мессы

Жертвоприношение мессы, согласно учреждению Христа, приносится за живых и мертвых.

Доказательство. Так как Христос говорит: «Творите сие». Творить — значит приносить жертву, согласно отрывку из Вергилия: «Когда я делаю это (приношу жертву) с тельцом, а не с урожаем, ты сам приходишь»⁸⁹⁶. По поводу значения этого см. Макробия. Но когда лютеране смеются над этой тонкостью, будто Христос говорил с апостолами на простом еврейском или сирийском языке, а евангелисты писали на греческом, отвечайте, что принятый латинский перевод более весок. И хорошо известно, что значение Писания следует искать на основании решения церкви. Важность же жертвы за живых и мертвых мы доказали на опыте. Ибо много видений было явлено разным святым монахам во сне, в которых им сообщалось, что посредством мессы души избавляются от чистилища. Святой Григорий освободил душу Траяна из адских областей⁸⁹⁷.

Возражение на статью VI

Христос велит: «Примите и ешьте» (Мф. 26:26; Мк. 14:22; 1 Кор. 11:24), а не «принесите в жертву». Так что жертвоприношение не соответствует учреждению Христа, но противоречит ему. Кроме того, из Писания очевидно, что Христос Сам приносит Себя в жертву; как говорит апостол, одной жертвой Он навеки сделал совершенными тех, кто освящен (Евр. 10:14). «Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею» (9:26). После освящения «не оста-

⁸⁹⁵ Bulaeus, *Historia Univ. Paris.*, VI. 384, также французский текст в *Opera*, vol. VII, Proleg., pp. ix-xii.

⁸⁹⁶ *Hoc facite. Facere autem est sacrificare, iuxta illud Vergilii: Quum faciam vitulâ pro frugibus, ipse venito* (Verg. E. III. 77).

⁸⁹⁷ Речь идет о средневековой легенде, отраженной в «Божественной комедии» Данте (Чистилище, X. 75; Рай, XX. 109-111): император Траян, почти через пятьсот лет после смерти, был выкопан из земли, и душа его была отправлена из ада на небеса посредством молитв папы Григория I, который узнал, что он был справедливым императором, хотя и преследовал христиан. Но папа был наказан за свою пристрастность к язычнику, и ангел предупредил его никогда больше не просить о подобном. Траян — единственный язычник в Дантовом рае.

ется более жертвы за грехи» (10:26). Для этого Он и был священником по чину Мелхиседека, у которого нет преемников или коллег (Евр. 5:6; 7:21).

Следовательно, Христос оказывается лишен чести священника, когда право жертвоприношения передается другим. Ни один человек не должен претендовать на эту честь, если не призван Богом, свидетельствует апостол. И мы читаем, что никто не был к этому призван, кроме Христа. А с другой стороны, поскольку обещание относится только к принимающим причастие, какое отношение к нему имеют мертвые?

§124. Кальвин и никодимиты. 1544

CALVIN: *Petit traité montrant que c'est que doit faire un homme fidele, cognoissant la verité de l'Evangile quand il est entre les papistes, 1543. Excuse de Iehan Calvin a Messieurs les Nicodémistes, sur la complainte qu'il font de so trop grand rigueur. Excusatio ad Pseudo-Nicodemitas.*) 1544. Включено в трактаты *De vitandis superstitionibus quae cum sincera fidei confessione pugnant*. Genevae, 1549, 1550, 1551. Этот сборник содержит также мнения Меланхтона, Буцера и Пьетро Мартири по вопросам, поднятым никодимитами. Репринт в *Opera*, VI. 537-644. Немецкий перевод — Herborn, 1588; английский — R. Golding, London, 1548. См. библиографические заметки в HENRY, III; Beilage, 208 sq.; Proleg. к *Opera*, VI, pp. xxx-xxxiv; *La France Protest.*, III. 584 sq. DYER, 187 sq. STÄHELIN, I. 542 sqq.

Большая практическая трудность возникла у протестантов Франции, которым постоянно угрожали гонения. Они не могли ни эмигрировать массово, ни жить в мире у себя дома, не скрывая или не отрекаясь от своих убеждений. Многие были протестантами в душе, но внешне приспособлялись к Католической церкви. Они оправдывали свое поведение примером Никодима, иудейского начальника, который пришел к Иисусу ночью.

Поэтому Кальвин называл их «никодимитами», но с той разницей, что Никодим похоронил лишь тело Христа, умастив его благовониями, а они хоронили Его душу и тело, Его божественную и человеческую природу, причем без почестей. Никодим похоронил Христа вместе с мертвыми, а никодимиты бросают Его в землю после того, как Он воскрес. Никодим после смерти Христа проявил в сто раз больше смелости, чем все никодимиты после Его воскресения. Кальвин обращался к ним с альтернативой Или: «Долго ли вам хромать на оба колена? если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте» (3 Цар. 18:21). Он посоветовал им либо покинуть свою страну и отправиться в место, где есть свобода, либо освободиться прямо дома от идолопоклонства, даже рискуя жизнью. Слава Бога должна быть нам дороже, чем эта преходящая жизнь, которая есть лишь тень.

Кальвин различал несколько классов никодимитов: во-первых, ложные проповедники Евангелия, которые переняли некоторые евангельские учения (вероятно, он имел в виду Жерара ле Ру, или Русселя, которому Маргарита Наваррская дала сан епископа Олеронского); далее, мирские люди, придворные и светские дамы, которые привыкли к лести и терпеть не могли строгие нравы; далее, ученые и образованные люди, которые любили свободу и надеялись на улучшения посредством распространения образования и разума; наконец, торговцы и горожане, которые не хотели прерывать свои занятия. Но он был далек от того, чтобы отказываться от них как от братьев по причине их слабости. Поскольку им угрожала опасность, они больше заслуживали прощения, если отпадут, нежели он, живущий в относительной безопасности.

Никодимиты обвиняли Кальвина в чрезмерной суровости. «Долой этого Кальвина! Он просто безжалостен! Он хочет обречь нас на нищету и привести на костер. Пусть он радуется собственной судьбе и оставит нас в покое! Или пусть

приедет к нам и покажет, как себя вести! Он напоминает командира армии, который призывает солдат в атаку, а сам остается вне опасности». На это обвинение Кальвин ответил (по сути): «Если вы сравниваете меня с командиром, вы не должны обвинять меня в том, что я выполняю свой долг. Вопрос не в том, что бы я делал в вашем положении, а в том, каковы сейчас обязанности ваши и мои. Если моя жизнь отличается от моего учения, то горе мне. Бог свидетель, что сердце мое истекает кровью, когда я слышу о ваших искушениях и опасностях, и что я не перестаю со слезами молиться о том, чтобы вы были избавлены. Я не всегда осуждаю людей, когда осуждаю положение вещей. Я не стану хвалиться большей смелостью, но это не моя вина, если мне не более часто угрожает опасность. Я не защищен от выстрелов врага. Сегодня я в безопасности, но не знаю, что будет завтра. Я готов к любым событиям, и я надеюсь, что Бог дарует мне благодать прославить Его моей кровью так же, как языком и пером. Я отдал бы жизнь не с большим огорчением, чем пишу сейчас эти слова».

Французским протестантам казалось, что Лютер и Меланхтон придерживаются более мягких и практичных взглядов по этому вопросу, и они просили Кальвина поехать в Саксонию для личной встречи с ними. Он отказался из-за нехватки времени, потому что для путешествия из Женевы в Виттенберг и обратно требовалось не менее сорока дней. К тому же ему не хватало средств. «Даже в лучшие моменты, — писал он неизвестному другу во Францию⁸⁹⁸, — моего дохода едва хватает на траты, и из-за нужды, с которой я борюсь в последние два года, мне пришлось влезть в долги». Он добавил, что «время неподходящее для бесед с Лютером, он едва успел отойти от пылких споров». Таким образом, Кальвин упустил единственную возможность лично пообщаться с Лютером, который умер год спустя. Мы не знаем, была бы эта встреча удовлетворительной. Старый герой тогда был недоволен состоянием мира и церкви и хотел покинуть этот мир.

Но Кальвин убедил одного молодого человека, достаточно ученого, совершить путешествие вместо него. Он дал ему буквальный латинский перевод своих трактатов против никодимитов, вместе с письмами к Лютеру и Меланхтону (20 января 1545 г.), и попросил стать посредником в меру сил. Письмо к Лютеру очень уважительное и скромное. Объяснив ситуацию и прося Лютера изучить ее и изложить мнение в нескольких словах, Кальвин так завершает свое единственное послание к немецкому реформатору:

Мне не хотелось бы беспокоить вас среди стольких важных и многочисленных занятий, но ваше чувство справедливости таково, что вы не подумаете, будто я сделал это без необходимости; поэтому я верю, что вы меня простите. Если бы я сам приехал к вам, я хотя бы несколько часов смог наслаждаться вашим обществом; я бы предпочел, и так было бы гораздо лучше, обсудить лично не только этот вопрос, но и многие другие; но если это не дано нам на земле, надеюсь, вскоре это произойдет в царстве Божьем. Прощайте, славнейший господин, самый выдающийся служитель Христа, мой вечно уважаемый отец. Да руководит и направляет вас в Своем Духе Сам Господь, чтобы вы устояли до конца ради общего блага и блага Его Церкви.

Лютер был еще так взволнован от последнего спора со швейцарцами о евхаристии и так подозрителен, что Меланхтон счел неуместным показывать ему материалы⁸⁹⁹.

Я не показывал твое письмо доктору Мартину, — ответил он Кальвину 17 апреля 1545 г., — потому что он ко многому относится с подозрением и не любит, чтобы его ответы на вопросы, которые ты ему задаешь, передавались потом из уст в уста...

⁸⁹⁸ Bonnet (I. 418, note) считает, что это был Луи де Шемен или Франсуа Даниэль.

⁸⁹⁹ *Opera*, XII. 61.

Сейчас я жду изгнания и других скорбей. Прощай! В день, когда три тысячи восемьсот сорок шесть лет назад Ной вошел в ковчег, посредством чего Бог дал свидетельство, что никогда не оставит Свою Церковь, даже когда она колеблется под ударами волн великого моря.

Но Меланхтон высказал свое собственное мнение. Оно, вместе с мнениями Буцера и Пьетро Мартири, а также с заключением Кальвина, было опубликовано в приложении к трактатам об избежании суеверий в Женеве в 1549 г.⁹⁰⁰ Меланхтон, по сути, соглашался с Кальвином. Он утверждает, что обязанность христианина — поклоняться одному лишь Богу (Мф. 4:10), избегать идолов (1 Ин. 5:21) и открыто исповедовать Христа перед людьми (Мф. 10:33). Но он придерживался более мягких взглядов касательно участия в обрядах. Буцер и Пьетро Мартири согласились с этим мнением. Последний ссылается на поведение первых учеников, которые хотя и поклонялись в частных домах, но продолжали ходить в храм, пока он не был разрушен.

Теперь мы рассмотрим споры Кальвина с протестантскими оппонентами.

§125. Кальвин и Бользек

- I. *Actes du procès intenté par Calvin et les autres ministres de Genève a Jérôme Bolsec de Paris* (1551). Напечатано по регистру совета достопочтенных и по архивам Женевы в *Opera*, VIII. 141-248. — Calvin: *De aeterna Dei Praedestinatione*, etc., обычно называется *Consensus Genevensis* (1552) — в основном выдержка из соответствующих разделов его «Наставлений»; репринт в *Opera*, VIII. 249-366. Это вторая часть его ответа Пигию («мертвому псу», как он его называет), но написанная в связи с процессом Бользека, имя которого он не упоминает из презрения. — Послание Кальвина к Либерте (Фабри из Невшателя), январь 1552 г., в *Opera*, XIV. 278 sq. — Послания швейцарских церквей по делу Бользека, репринт в vol. VIII, 229 sqq. — BEZA: *Vita Calv.* ad ann. 1551.
- II. HIEROSME HERMES BOLSEC, *docteur Médecin a Lyon: Histoire de la vie, moeurs, actes, doctrine, constance et mort de Jean Calvin, jadis ministre de Genève, Lyon, 1577; Rééditée avec une introduction, des extraits de la vie de Th. de Bèze, par le même, et des notes a l'appuipar M. LOUIS-FRANÇOIS CHASTEL, magistrat.* Lyon, 1875 (xxxii, 328). О характере и разных изданиях этой книги см. *La France Protest.*, II. 755 sqq.
- III. BAYLE: «Bolsec» в его «*Diction. historique et critique*». — F. TRECHSEL: *Die Protest. Antitritarier* (Heidelberg, 1844). Bd. I. 185-189, 276-284. — HENRY, III. 44 sqq., также второе *Beilage* к vol. III, где приводятся документы (а именно, обвинения служителей Женевы, защита Бользека, его поэма, написанная в тюрьме, мнения церквей Берна и Цюриха, — всего этого нет в английском издании, II. 130 sqq.). — AUDIN (поддерживает Бользека), ch. XXXIX. — DYER, 265-283. — *SCHWEIZER: *Centraldogmen*, I. 205-238. — STÄHELIN, I. 411-414; II. 287-292. — **La France Prot.*, sub «Bolsec», tom. II. 745-776 (второе издание). Против этой статьи, *Lettre d'un protestant Genevois aux lecteurs de la France Protestante*, Genève, 1880. В защиту этой статьи, HENRI L. BORDIER: *L'école historique de Jérôme Bolsec, pour servir de supplement a l'article Bolsec de la France Protestante*, Paris (Fischbacher), 1880.

Жером Эрме Бользек, родом из Парижа, был монахом-кармелитом, но покинул Римскую церковь около 1545 г. и, спасаясь, бежал к герцогине Феррары, которая приняла его ко двору в качестве ведающего раздачей милостыни. Там он женился и научился профессии врача, чтобы зарабатывать на жизнь. С тех пор он называл себя «доктором медицины». Он нажил себе врагов из-за своего несдержанного характера и поведения и был изгнан герцогиней за какой-то обман (так сообщает Беза).

В 1550 г. он поселился в Женеве вместе со своей женой и слугой и практиковал врачебное дело. Но при этом он включился в богословские споры и начал

⁹⁰⁰ *Opera*, VI. 617-644.

ставить под сомнение учение Кальвина о предопределении. Он осудил Бога Кальвина как лицемера и лжеца, покровителя преступников, который хуже сатаны. 8 марта 1551 г. совет достопочтенных призвал его к себе, Кальвин лично увещевал его, но безуспешно. После повторного нарушения Бользек предстал перед консисторией и открыто выступил перед пятнадцатью служителями и другими компетентными лицами. Он признал, что некоторое количество людей избрано Богом ко спасению, но отрицал предопределение к гибели. При более тщательном рассмотрении вопроса он распространил избрание на все человечество, утверждая, что благодать, необходимая для спасения, в равной мере предлагается всем, так что причина, по которой одни принимают ее, а другие отвергают, заключается в свободе воли, которой наделены все люди. В то же время он не признавал заслуги людей. В глазах Кальвина это было логическим противоречием и нелепостью, ибо Кальвин говорил, что «если некоторые были избраны, отсюда несомненно следует, что другие не были избраны и оставлены на погибель. Если мы не признаём, что те, кто приходит ко Христу, привлечены Отцом посредством особого воздействия Святого Духа на избранных, отсюда следует либо что все должны быть избраны без разбора, либо что избрание зависит от заслуги отдельного человека».

16 октября 1551 г. Бользек посетил религиозную конференцию, которая каждую пятницу проходила в соборе Св. Петра. Жан де Сент-Андре проповедовал по Иоанна 8:47 о предопределении и сделал из этого текста вывод, что те, кто не от Бога, сопротивляются Ему до конца, потому что Бог дарует благодать послушания только избранным. Бользек внезапно перебил говорящего и заявил, что люди спасаются не потому, что избраны, но избраны потому, что имеют веру. Он осудил как ложное и нечестивое представление о том, что Бог решает судьбу человека до его рождения, предопределяя одних ко греху и наказанию, а других к добродетели и вечному блаженству. Он осыпал клириков оскорблениями и предупредил народ, чтобы они не давали сбивать себя с истинного пути.

Когда он закончил, Кальвин, который незамеченным вошел в церковь, подошел к нему и засыпал его, как сообщает Беза, доводами и цитатами из Писания и Августина, так что «всем стало стыдно за дерзкого монаха, кроме самого монаха». Фарель, который также присутствовал там, обратился к собранию. Лейтенант полиции задержал Бользека за оскорбление служителей и за нарушение общественного спокойствия.

В тот же день служители составили семнадцать статей против Бользека и представили их совету, прося призвать Бользека к ответу. Бользек, в свою очередь, задал Кальвину несколько вопросов и категорически попросил ответа на них (25 октября). Он утверждал, что Меланхтон, Буллингер и Бренц разделяют его мнение.

Консистория попросила совет проконсультироваться со швейцарскими церквями, прежде чем вынести решение. Соответственно, совет отправил список заблуждений Бользека в Цюрих, Берн и Базель. Их было пять:

1. Не вера зависит от избрания, но избрание от веры.
2. Это оскорбление Бога — говорить, что Он предопределяет некоторых на слепоту, потому что Ему так угодно.
3. Бог ведет к Себе все разумные существа и покидает только тех, кто часто Ему сопротивлялся.
4. Божья благодать — всеобщая, и одни люди предопределены ко спасению не больше, чем другие.

5. Когда святой Павел говорит (Еф. 1:5), что Бог избрал нас через Христа, он имеет в виду не избрание ко спасению, но избрание к ученичеству и апостольству.

В то же время Кальвин и его коллеги написали к швейцарским церквям циркулярное письмо, в котором о Бользек говорилась в оскорбительных и пренебрежительных выражениях и его обвиняли в обмане, мошенничестве и несдержанности. Беза также написал в Лозанну к Буллингеру.

Ответы швейцарских церквей весьма не понравились Кальвину, хотя в целом решение было в его пользу. Из них видна разница во взглядах немецкой и французской Швейцарии на Божий промысел и на свободу воли. Они согласились с учением о свободном избрании ко спасению, но уклонились от признания непостижимой тайны абсолютного и вечного осуждения, которая была самым важным пунктом спора.

Служители Цюриха защищали Цвингли от обвинения Бользека в том, что в своем труде о провидении тот объявил Бога творцом греха, и ссылались на другие труды, в которых Цвингли объяснял грех извращенностью человеческой воли. Буллингер, в частном письме к Кальвину, говорил ему о необходимости умеренности и мягкости. «Поверь мне, — пишет он, — многим не нравится то, что ты пишешь о предопределении в своих “Наставлениях”, и они делают из этого тот же вывод, который Бользек сделал из книги Цвингли о провидении». Из-за этого возникло временное отчуждение между Кальвином и Буллингером. Только десять лет спустя Буллингер решительно принял кальвинистское учение, но и тогда он не уделял большого внимания осуждению⁹⁰¹.

Миконий от имени церкви Базеля ответил уклончиво и в основном говорил о том, что было общего в верованиях Кальвина и Бользека.

Ответ служителей Берна предвосхищал современный дух терпимости. Они хвалили ревностное отношение к истине и единству, но подчеркивали, что не менее важны милосердие и терпение. Добрый Пастырь, говорили они, заботится о заблудших овцах. Проще вернуть человека на путь истинный кротостью, чем заставить его сделать это суровостью. Что же касается ужасного учения о Божьем предопределении, они напоминали Кальвину, как трудно принять его всем добрым людям, уповающим на тексты Писания о всеобщей благодати и благодати Бога.

Следствием этих посланий был более мягкий суд над Бользеком. Он был пожизненно изгнан с территорий Женевы за подстрекательство к бунту и пелагианство, и его угрожали высечь, если он вернется. Решение суда было объявлено 23 декабря 1551 г., под звук трубы⁹⁰².

Бользек удалился в Тонон, в Берне, но вызвал беспорядки и там и тоже был изгнан (1555). Он уехал во Францию и хотел вновь получить допуск в реформатскую церковь, но в конечном итоге вернулся в католическую общину⁹⁰³. На национальном синоде в Лионе его причисляют к смещенным служителям и называют «презренным лжецом» и «отступником» (1563). Он жил близ Лиона и в Отуне и умер в Аннеси около 1584 г. Через тринадцать лет после смерти Кальвина он предпринял подлую и трусливую попытку отомстить, опубликовав книжку «Жизнь Кальвина», намного больше повредившую ему самому, чем Кальвину.

⁹⁰¹ О взглядах Буллингера см. выше, §54, а также Schweizer, I. 225, 255 sqq.

⁹⁰² Беза: *Senatus... illum tum ut seditiosum, tum ut mere Pelagianum XXIII. Dec. publice damnatum urbe expulit, fustuariam poenam minatus, si vel in urbe vel in urbis territorio esset deprehensus.* Архивы совета достопочтенных в *Annal.* 498: *Me Ierosme fut bannià son de trompe des terres de Genève.*

⁹⁰³ По словам Безы, Бользек бросил свою жену и позволил ей стать блудницей в кантоне Отуна.

За ней последовала хула на Безу, в 1582 г. Эти книги давно были бы забыты, если бы не рвение противников Кальвина⁹⁰⁴.

В обстоятельствах спора с Бользеком был написан трактат Кальвина «О вечном Божьем предопределении», который он посвятил синдикам и совету Женевы под именем *Consensus Genevensis*, или «Согласие женеvских пасторов», 1 января 1552 г. Но он не был одобрен другими швейцарскими церквями.

Беза замечает о результатах разногласий: «Посредством этого спора сатана добился лишь того, что данный догмат христианской религии, о котором до тех пор говорили меньше всего, стал ясен и прозрачен для всех, кто не был склонен спорить».

Из-за ссоры с Бользеком прервалась дружба между Кальвином и Жаком де Бургонем, сэром де Фале-э-Бредам, потомком герцогов Бургундии, который вместе со своей супругой Йолундой де Бредерод, происходившей от древних графов Голландии, поселился в Женеве в 1548 г. и некоторое время жил в доме Кальвина, по его приглашению, пока жена Кальвина еще была жива. Его повар, Николай, был секретарем Кальвина. Кальвин проявлял большой интерес к де Фале, утешал его, когда его имущество было конфисковано Карлом V, при дворе которого он воспитывался, и защищал его от клеветы перед императором⁹⁰⁵. Он также посвятил ему свой комментарий на 1 Коринфянам. Его дружеская переписка с де Фале, с 1543 по 1552 гг., до сих пор сохранилась и позволяет увидеть его в выгодном свете⁹⁰⁶. Но де Фале не мог разобраться в тайнах богословия и не симпатизировал строгости женевской дисциплины. Он был потрясен тем, как обошлись с Бользеком; он чувствовал себя обязанным Бользеку как врачу, вылечившему одну из его служанок от опухоли. Он ходатайствовал за него перед городскими властями Женевы и Берна. Он писал Буллингеру: «Я вынужден со слезами наблюдать и слушать эту трагедию Кальвина». Он просил Буллингера объединиться с Кальвином ради поддержания мира в церкви.

Де Фале покинул Женеву после изгнания Бользека и отправился в Берн, где умерла его жена (1557) и он вступил в брак повторно. Бейль утверждает, но без оснований, что из отвращения к несогласиям среди протестантов де Фале вернулся в Католическую церковь⁹⁰⁷.

Даже Меланхтону не понравилось поведение Кальвина в этом злосчастном деле, но отчуждение между ними было временным и поверхностным. На основании не вполне достоверной информации, полученной от Лелия Социна, Меланхтон был склонен упрекать женеvца в чрезмерном рвении, с которым тот защищал «стоическое учение о необходимости», как он его называл; цюрихцев же он

⁹⁰⁴ Бейль говорит в свое время: «Бользек был бы давным-давно забыт, если бы не прославился некоторыми сатирическими произведениями [то есть нападками на Безу и Кальвина], которые монахи и миссионеры цитируют по сей день». В недавнее время Галиффы и Оден выступили в защиту Бользека, но их опроверг Анри Л. Бордые в *La France Protestante*, II. 766 sqq., и в *L'ecole historique de Jérôme Bolsec*, Paris, 1880. Швейцер (I. 207) называет эти пасквили *ersonnene Verleumdungen, wie rechtschaffene Katholiken laengst zugeben, anderen aber gut genug zum Wiederabdrucken*.

⁹⁰⁵ *Apologia illustris D. Jacobi a Burgundia Fallesii Bredanique domini, qua apud Imperatoriam Majestatem inustas sibi criminationes diluit fideique suae confessionem edit.* В *Opera*, X. Pt. I. 269-294.

⁹⁰⁶ Она была опубликована в Амстердаме отдельным томом в 1774 г., репринт есть также в *Opera* и в сборнике Бонне. См. о дружбе Кальвина с де Фале в Henry, III. 64-69; Stähelin, II. 293-302.

⁹⁰⁷ Бользек, в биографии Кальвина, помимо прочей хулы, выдумывает историю о том, что настоящей причиной отъезда де Фале из Женевы было покушение Кальвина на целомудрие его жены!

хвалил за большую умеренность. Меланхтон говорил об этом в своих частных письмах⁹⁰⁸. Социн сослался на мнение Меланхтона в письме к Кальвину, и Кальвин в своем ответе не опровергает его полностью. Но в целом Меланхтон, как и Буллингер, был больше на стороне Кальвина, и в более серьезном деле Сервета оба, несомненно, поддерживали его, хотя сейчас протестанты в основном его осуждают.

§126. Кальвин и Кастеллион

I. Основной труд КАСТЕЛЛИОНА — это его *Biblia sacra latina* (Basil., 1551, 1554, 1555, 1556, 1572; Новый Завет — Amst., 1683, Leipz., 1760, Halle, 1776). Французский перевод имеет меньшее значение. Он также защищался от критики Безы (*Defensio suarum translationum Bibliorum*, Basil., 1562). После казни Сервета, в 1553 г., Кастеллион написал несколько буклетов, анонимных или под псевдонимом, против Кальвина и против преследования еретиков, на которые ответили Кальвин и Беза (см. ниже). Его взгляды на предопределение и рабство воли лучше всего изложены в его четырех *Dialogi de praedestinatione, de electione, de libero arbitrio, de fide*, которые были опубликованы после его смерти в Базеле, 1578, 1613, 1619, на английском — 1679. См. хронологический список его многочисленных трудов в *La France Protestante*, vol. IV, 126-141. Передо мной лежит редкий том (из библиотеки Семинарии Союза), *Sebastiani Castellionis Dialogi IV*, напечатанный в Гауде, Голландия, анно 1613. Он содержит четыре вышеупомянутых диалога (pp. 1-225), защиту Кастеллиона против *Adv. Nebulonem* Кальвина, его аннотации к девятой главе Римлян и несколько других трактатов.

CALVIN: *Brevis Responsio ad diluendas nebulonis cuiusdam calumnias quibus doctrinam de aeterna Dei praedestinatione foedare conatus est*, Gen. (1554), 1557. В *Opera*, IX. 253-266. Безымянный *nebulo* (во французском переводе — *le broullion*) — это Кастеллион. *Calumniae nebulonis cuiusdam adversus doctrinam Joh. Calvini de occulta Dei providentia. Johannis Calvini ad easdem responsio*, Gen., 1558. В *Opera*, IX. 269-318. В этой книге возражения Кастеллиона против системы предопределения Кальвина изложены в двадцати четырех тезисах, с защитой, на которую Кальвин потом отвечает. В первом тезисе Кальвин обвиняется в том, что учит: *Deus maximam mundi partem nudo puroque voluntatis suae arbitrio creavit ad perditionem*. Thes. V: *Nullum adulterium, furtum, homicidium committitur, quin Dei voluntas intercedat*.

BEZA: *Ad Seb. Castellionis calumnias, quibus unicum salutis nostrae fundamentum, i.e. aeternam Dei praedestinationem evertere nititur, responsio*, Gen., 1558. В *Tractat. theol.* I. 337-423 (2^d ed. Geneva, 1582).

II. BAYLE: *Castalion* в его «Dict. Hist. et crit.» — JOH. C. FÜSSLIN: *Lebensgeschichte Seb. Castellio's*. Frankf. and Leipzig, 1776. — F. TRECHSEL: *Die protest. Antitrinitarier*, vol. I (1839), pp. 208-214. — C. RICH. BRENNER: *Essai sur la vie et les écrits de Séb. Chatillon*, 1853. — HENRY: II. 383 sqq.; III. 88 sqq.; Beilage, 28-42. — *ALEX. SCHWEIZER: *Centraldogmen*, I. 310-356; также *Sebastian Castellio als Bekämpfer der Calvinischen Praedestinationslehre*, в BAUR, «Theol. Jahrbücher», 1851. — STÄHELIN, I. 377-381; II. 302-308. — JACOB MAENLY: *Seb. Castellio, ein biographischer Versuch*, Basel, 1862. — JULES BONNET: *Séb. Chatillon ou la tolérance au XVIe siècle*, в «Bulletin de la Société de l'hist. du protest. français», Nos. XVI-XVII, 1867-1868. — EM. BROSSOUX: *Séb. Chasteillon*, Strasbourg, 1867. — B. RIGGENBACH, в Herzog², III. 160 sqq. — LUTTEROTH: *Castallion* в Lichtenberger, II. 672-677. — *LA FRANCE PROTESTANTE (2^d ed.): *Chateillon*, tom. IV. 122-142. — *FERD. BUISSON: *Sébastien Castellion*, Paris, 1892, 2 vols.

⁹⁰⁸ Он писал Каспару Певцеру, своему зятю, 1 февраля 1552 г.: *Lelius mihi scribit, tanta esse Genevae certamina de Stoica necessitate, ut carceri inclusus sit quidam [Bolsec] a Zenone [Calvino] dissentiens. O rem miseram! Doctrina salutaris obscuratur peregrinis disputationibus*. Меланхтон, *Opera* (Corp. Ref.), vol. VII, 932. Другу Камерарию он писал в тот же день, 1 февраля 1552 г. (VII. 930): *Hic Polonus a Lelio accepit literas... Ac vide seculi furores, certamina Allobroga [Genevensia] de Stoica necessitate tanta sunt, ut carceri inclusus sit quidam, qui a Zenone dissentit. Lelius narrat, se κορυφαίω cuidam [Calvino] scripsisse, ne tam vehementer pugnet. Et mitiores sunt Tigurini*.

Кастеллион превосходил Бользека как ученый и человек. Он жил в мире с Кальвином, пока различие во взглядах на предопределение, свободу воли, Песнь песней, сошествие в ад и религиозную терпимость не сделало их злейшими врагами. В пылу споров они оба забыли о достоинстве и умеренности христианского ученого.

Себастьян Кастеллион, или Касталио, родился в Шатильоне, Савойя, в 1515 г., через шесть лет после Кальвина, в бедной и верующей семье⁹⁰⁹. Он усердно учился и приобрел классическое и библейское образование. Он обладал редким даром изучения языков, овладел латынью, греческим и еврейским. В 1540 г. он преподавал греческий в Лионе и обучал трех знатных лиц. Там он выпустил учебник библейской истории под заглавием *Dialogi sacri*, который выдержал несколько изданий на латыни и французском с 1540 по 1731 г. Написал эпическую поэму на латыни о пророчествах Ионы, а на греческом — об Иоанне Крестителе (она очень понравилась Меланхтону), сделал два перевода Пятикнижия, стараясь представить Моисея как владеющего всеми науками и искусствами, а также перевод Псалтири и других поэтических разделов Ветхого Завета.

Эти труды стали подготовкой к полному переводу Библии на латынь, который он начал в Женеве в 1542 г. и закончил в Базеле в 1551 г. Перевод был посвящен королю Эдуарду VI Английскому и часто переиздавался с различными улучшениями. Кастеллион показал несколько фрагментов рукописи Кальвину, который не одобрил его слог. Его задачей было представить Библию на классической латыни, в духе поздних гуманистов и педантичного цистеронианства кардинала Бембо. Он заменял библейские термины классическими, например, писал *lotio* вместо *baptismus*, *genius* вместо *angelus*, *respublica* вместо *ecclesia*, *collegium* вместо *synagoge*, *senatus* вместо *prebyterium*, *furiosi* вместо *daemoniaci*. Он жертвовал содержанием ради слога, исключал гебраизмы и ослаблял реалистическую силу, простоту и величие библейских авторов. Кальвин и Беза строго критиковали его перевод как попытку секуляризировать и осквернить священную книгу, но достоинства перевода отмечали такие компетентные судьи, как Меланхтон и Ришар Симон. Кастеллион выпустил также французский перевод Библии с примечаниями (1555), но его французский был не так чист и изящен, как латынь, и его строго критиковал Беза. Перевел фрагменты из Гомера, Ксенофонта, «Диалоги» Окино и два мистических труда, *Theologia Germanica* (1557) и, в последний год жизни, *Imitatio Christi* Фомы Кемпийского — *e latino in latinum*, то есть с монашеской латыни на классическую, опустив, однако, четвертую книгу.

Кастеллион был филологом и критиком, оратором и поэтом, но не богословом. Он не был способен возвыситься до взглядов и миссии Кальвина. Его полемические трактаты полны горечи. Мистические и скептические тенденции у него сочетаются друг с другом⁹¹⁰. Он сам был анахронизмом — рационалистом до рационализма, защитником религиозной терпимости в век нетерпимости.

Кастеллион познакомился с Кальвином в Страсбурге и жил с ним в одном доме (1540). Кальвин оценил его талант, ученость и литературные труды и, по

⁹⁰⁹ По-французски его звали *Bastien de Chatillon* или *Chateillon*. Он, не без тщеславия, принял классическое имя *Castalio*, с намеком на источник у подножия горы Парнас. Обычно его имя писали как *Castellio*. О его происхождении точно ничего не известно. Он был либо французом, либо савойцем. Его причисляли к либеральным антикальвинистическим итальянцам и обвиняли в том, что он творил на искаженном диалекте французского языка. См. Bayle, *l. c.*, и Schweizer, *I*. 311.

⁹¹⁰ Штагелин (II. 303) называет его *ein rationalistischer Gefühlstheologe mit ausgeprägt aesthetischem Anstrich*.

возвращении в Женеvu, устроил так, чтобы Кастеллиона пригласили в латинскую школу с зарплатой в четыреста пятьдесят флоринов (ноябрь 1541 г.) вместо старого учителя Матурена Кордьера. Сначала Кальвин относился к Кастеллиону с добротой и терпением. В 1542 г., когда свирепствовала чума, Кастеллион предложил отправиться в больницу в качестве проповедника, но либо его посчитали непригодным, потому что он не был служителем, либо он передумал, когда жребий пал на него⁹¹¹.

В начале 1544 г. Кастеллион высказал свое несогласие с некоторыми богословскими мнениями Кальвина, особенно с учением о предопределении. Ему не нравилась строгая дисциплина и власть одного человека. Он предвосхитил рационалистическое мнение о Песни песней и описывал ее как непристойную эротическую поэму, которую следует вычеркнуть из канона⁹¹². Он также возражал против фразы о сошествии Христа в ад в Апостольском символе веры, или, скорее, против фигурального истолкования ее Кальвином как заместительного предвкушения вечного страдания Христа на кресте⁹¹³. По этим причинам Кальвин был против его рукоположения, но рекомендовал повысить ему жалование, хотя совет отказался это делать, сославшись на то, что Кастеллиону следовало бы лучше поддерживать дисциплину в школе⁹¹⁴. Кальвин также с уважением отзывался о Кастеллионе публично, когда тот хотел покинуть Женеvu, и дал ему рекомендательные письма к своим друзьям. Кастеллион отправился в Лозанну, но скоро вернулся в Женеvu. В апреле 1544 г. он попросил совет сохранить за ним должность в течение апреля, мая и июня, на что совет согласился⁹¹⁵.

При публичном обсуждении текста Писания во время еженедельного собрания, на котором присутствовало около шестидесяти человек, 30 мая 1544 г., Кастеллион хвалил святого Павла и сопоставил с ним служителей Женеvы, причем не в пользу последних, обвиняя их в пьянстве, нечистоте и нетерпимости. Кальвин слушал молча, но жаловался синдикам на его поведение⁹¹⁶. Кастеллион предстал перед советом, который, терпеливо его выслушав, счел его виновным в хуле и изгнал из города⁹¹⁷.

Он отправился в Базель, где еще оставался вольный дух Эразма. Несколько лет прожил в большой бедности, до 1553 г., когда получил место профессора греческого языка в университете. Этот университет был центром оппозиции кальвинизму. Там собралось несколько итальянских скептиков. Ф. Отоман писал Буллингеру: «Здесь о Кальвине отзываются не лучше, чем в Париже. Если

⁹¹¹ Последнее объяснение предлагает Беза, *Vita Calv. в Annal., Opera*, XXI. 134.

⁹¹² *Carmen obscenum et lascivum, quo Salomo impudicos suos amores descripserit*. См. *Reg. du Conseil*, 28 января 1544, в *Annal.* 329.

⁹¹³ Кальвин в своем катехизисе объясняет *descensus ad inferos* как указание на *dolores mortis* (Деян. 2:24) или *horribiles angustias*, которые Христос претерпел на кресте ради избранных. Это неисторическое толкование попало и в Гейдельбергский катехизис, вопрос 44: «Христос, мой Господь, Своей невыразимой тоской, страданиями и ужасом, которые Он претерпел в Своей душе на кресте и перед этим, искупил меня от страданий и мучений ада». Подлинный же смысл фразы состоит в том, что сошествие было событием, произошедшим между смертью и воскресением Христа. См. 1 Пет. 3:19; 4:6; Еф. 4:9.

⁹¹⁴ См. *Reg. du Conseil*, 14 января 1544 г., цит. в *Annal.* 328.

⁹¹⁵ *Reg. du Conseil*, 12 апреля 1544 г., в *Annal.* 333.

⁹¹⁶ 31 мая, *Annal.* 336.

⁹¹⁷ Так сообщает Беза: *ex urbe excedere jussus est*; но Кастеллион, похоже, оставался в Женеvе до 14 июля. См. *Reg. du Conseil*, в *Annal.* 340.

кто-то хочет оскорбить другого, то называет его кальвинистом. На него самым несправедливым и несдержанным образом нападают со всех сторон»⁹¹⁸.

Летом 1554 г. женецам пришло анонимное письмо с ужасными обвинениями против Кальвина, и у Кальвина возникли подозрения, что письмо написал Кастеллион. Кальвин жаловался на это антисту Зульцеру из Базеля. Но Кастеллион отрицал свое авторство перед советом Базеля. Примерно в то же время появился анонимный трактат против Кальвина, в котором были собраны все самые категоричные его высказывания о предопределении. Трактат этот был послан в Париж для публикации, чтобы французские протестанты, борющиеся за свое существование, потеряли веру в реформатора (1555). Кальвин и Беза ответили с великим негодованием и горечью. Они обзывали автора псом, лжецом, искажающим Писание, бродягой, богохульником. Кальвин, по не особенно достоверным сведениям, даже обвинил автора в воровстве. Кастеллион, защищаясь, сообщает нам, что он вынужден содержать большую семью и собирает хворост по берегам Рейна для обогрева и приготовления пищи, а вместе с тем работает до полуночи над завершением своего перевода Писания. По сути, он отвечает на упреки и эпитеты Кальвина: «Не подобает такому ученому человеку, как вы, который учит многих других, унижать такой прекрасный ум такими глупыми и нелепыми обвинениями».

Кастеллион вызвал подозрение совета Базеля, когда перевел «Диалоги» Окино, где высказывались мнения в пользу унитаризма и полигамии (1563). Он защищался, говоря, что выступает не в качестве судьи, а только в качестве переводчика и переводит, чтобы содержать свою семью. Его предупредили, чтобы он перестал вмешиваться в богословские споры и занимался филологией.

Он умер в нищете 29 декабря 1563 г., в возрасте всего сорока восьми лет, и оставил четырех сыновей и четырех дочерей от двух жен. Кальвин воспринял его смерть как Божий суд, но несколько месяцев спустя умер и сам. Даже мягкий Буллингер выразил удовольствие в связи с тем, что человек, переведивший опасные книги Окино, покинул сей мир⁹¹⁹. Трое польских социниан, которые проезжали через Базель, были более милосердными, чем ортодоксы, и поставили Кастеллиону памятник в монастыре, рядом с собором. Фауст Социн издал его труды посмертно. Младший из его детей, Фредерик Кастеллион, приобрел некоторую известность как филолог, оратор, музыкант и поэт и был назначен профессором греческого языка, а потом ораторского искусства в Базеле.

Кастеллион не оставил после себя школы, но его труды оказали заметное влияние на развитие социнианских и арминианских мнений. Он выступил против кальвинизма с теми же аргументами, что Пигий и Бользек, и обвинил его в разрушении фундамента морали и в выставлении Бога тираном и лицемером. По сути, он согласился с пелагианством и подготовил путь для социнианства.

Он также не соглашался с Кальвином по поводу гонений. Поскольку самого его преследовали, он был одним из немногих защитников религиозной терпимости вопреки преобладавшим в тот век учениям и практике. В этом плане он также симпатизировал унитариям. После казни Сервета и оправдания ее Кальвином вышла, под ложным именем Мартина Беллия, книга против религиозных гонений, и ее приписывали Кастеллиону⁹²⁰. Он отрицал свое авторство. Однако

⁹¹⁸ Trechsel, *Antitrinitarier*, I. 219; Stähelin, II. 304.

⁹¹⁹ Он писал Дзанки в Кьявенну 17 марта 1564 г.: *Optime factum, quod Basileae mortuus est Castellio*. Цит. в Trechsel, I. 214, по коллекции Зимлера в Цюрихе.

⁹²⁰ *De haereticis an sint persequendi, et omnino quomodo sit cum eis agendum, doctorum virorum tum veterum tum recentiorum sententiae. Liber hoc tam turbulento tempore pernecessarius s. Magdeburgi*,

он внес вклад в ее создание, под именем Василия (Себастьяна) Монфортия (Кастеллиона). Кто скрывался под псевдонимом Мартин Беллий, то есть кем был редактор, написавший вступительное посвящение герцогу Кристоферу Вюртембергскому (покровителю Вергерия), осталось неизвестным. Эта книга — сборник мнений разных авторов, которые выступали против смертной казни еретиков. Кальвин и Беза были в негодовании. Они справедливо считали, что книга создана тайной компанией итальянских «академиков» — Лелием Социном, Курионом и Кастеллионом. Они также подозревали, что настоящим местом публикации был не Магдебург, а Базель, типография итальянского беженца Пьетро Перны.

Кастеллион написал также в период войн с гугенотами во Франции (1562) трактат, в котором отстаивал религиозную свободу как единственное средство против религиозных войн⁹²¹.

§127. Кальвинизм и унитаризм. Итальянские беженцы

См. также §§38-40.

I. CALVIN: *Ad questiones Georgii Blandatrae responsum* (1558); *Responsum ad Fratres Polonos quomodo mediator sit Christus ad refutandum Stancari errorem* (1560); *Impietas Valentini Gentilis detecta et palam traducta qui Christum non sine sacrilega blasphemia Deum esse entium esse fingit* (1561); *Brevis admonitio ad Fratres Polonos ne triplicem in Deo essentiam pro tribus personis imaginando tres sibi Deos fabricent* (1563); *Epistola Jo. Calv. quo fidem Admonitionis ab eo nuper editae apud Polonos confirmat* (1563). Все в *Opera*, том. IX, 321 sqq. Переписка Кальвина с Лелием Социном и другими итальянцами, см. ниже. О споре с Серветом см. в следующей главе.

Социнианские трактаты собраны в *Bibliotheca fratrum Polonorum quos Unitarios vocant*, Irenopolis (Amsterdam), 1656 sqq., 8 vols, 11 томов. Она содержит труды Социна-младшего и его последователей (Шлихтинга, Крелла и т. д.).

II. TRECHSEL: *Die Protestantischen Antitrinitarier*, Heidelberg, 1839, 1844, 2 vols. В первом томе говорится в основном о Сервете, во втором — об итальянских антитринитариях. — ОТТО ФОСК: *Der Socinianismus*, Kiel, 1847. (Первая часть — история, вторая, более ценная — система социнианства). — SCHWEIZER: *Die Protest. Centraldogmen* (Zürich, 1854), vol. I. 293 sqq. — HENRY, III. 276 sqq. — DYER, 446 sqq. — STÄHELIN, II. 319 sqq. — L. COLIGNY: *L'Antitrinitarianism a Genève au temps de Calvin*. Genève, 1873. — HARNACK: *Dogmengeschichte*, III (1890), 653-691. См. также SAND: *Bibliotheca Antitrinitariorum*, 1684.

Итальянские протестанты, которые были вынуждены бежать от инквизиции, искали убежища в Швейцарии и организовали общины, под руководством местных пасторов, в Граубюндене, Цюрихе и Женеве. Некоторое их количество собралось также в Базеле, и там они были связаны с Кастеллионом и почитателями Эразма⁹²².

Итальянская церковь была организована в Женеве в 1542 г. и реорганизована в 1551 г., под руководством Галеаццо Карацчоли, маркиза Вико. Ее главными пасторами были Раньоне, граф Мартиненго (он умер в 1557 г.) и Бальбани.

per Georg. Rausch, 1554, *mensis martio*, 173 pp., octavo. Я копирую название книги (которой я не видел) с *La France Prot.*, IV. 130. Автор этой статьи и Баум приписывают книгу Кастеллиону, но Швейцер (I. 315 sq.) доказывает, что Кастеллион написал лишь часть ее. См. также Buisson, I. c., I. 358 sqq., II. 1 sqq.

⁹²¹ *Conseil a la France désolée, auquel est montrée la cause de la guerre présente et le remède qui y pourroit être mis, et principalement est avisé si on doit forcer les consciences*. Автор статьи в *La France Prot.*, IV. 135-138, приводит большие фрагменты из этого чрезвычайно редкого трактата. См. также Buisson, II. 225 sqq.

⁹²² Henry, II. 422; Schweizer, I. 293.

Среди 279 беженцев, которые получили право гражданства в этом городе в один день 1558 г., было 200 французов, 50 англичан, 25 итальянцев и 4 испанца.

Потомки беженцев постепенно смешивались с местным населением. Некоторые из лучших родов Женева, Цюриха и Базеля до сих пор носят имя и чтут память своих иностранных предков. В долинах Поскьяво и Брегалья в Граубюндене до сих пор существует несколько итальянских протестантских общин⁹²³.

Итальянские протестанты в основном были образованными людьми, которые пришли к Реформации через Возрождение или получили первый толчок в ее направлении, читая труды Лютера, Цвингли и Кальвина. Мы должны различать среди них две группы, в зависимости от влияния религиозных или интеллектуальных мотивов. Те, кто пережил суровую моральную борьбу за спокойствие совести, стали строгими кальвинистами. А те, кто желал свободы мысли и освобождения от ига абсолютного символа веры, больше симпатизировали Эразму, чем Лютеру и Кальвину, и были склонны к унитаризму и пелагианству. Дзанки предупреждал Буллингера, чтобы тот не хвалил итальянцев за здоровое учение, пока не убедится в том, каковы их взгляды на Бога и первородный грех. Те же самые национальные характеристики сохраняются среди романских рас и по сей день. Если итальянцы, французы или испанцы перестают быть католиками, они склонны к скептицизму и агностицизму. Они редко останавливаются на полпути.

Самым способным, ученым и достойным представителем ортодоксального кальвинизма среди обращенных итальянцев был Пьетро Мартири (Петр Мученик) Вермилли из Флоренции (1500 — 1562), который стал профессором в Страсбурге (1543), потом в Оксфорде (1547) и наконец в Цюрихе (1555), и его младший друг, Джеронимо Дзанки (1516 — 1590), который трудился сначала в Граубюндене, потом был профессором в Страсбурге (1553) и Гейдельберге (1568). Кальвин сделал несколько неудачных попыток призвать обоих нести служение в итальянской общине Женева⁹²⁴.

Скептиков и антитринитариев среди итальянских ученых было больше. Кальвин уместно называл их «скептическими академиками». Они собирались в основном в Базеле, где дышали атмосферой эразмианского гуманизма. Они доставляли швейцарским церквям немало неприятностей, нападали на католическое учение о Троице, которое превращали в троебожие, то есть в савеллианство, на ортодоксальную христологию, говорящую о двух природах в одной личности, и на кальвинистические учения о полной греховности и божественном предопределении, которые обвиняли как ведущие к безнравственности. Они сомневались в правомерности крещения младенцев и отрицали реальное присутствие Христа в евхаристии. Они ненавидели церковную дисциплину. Они восхищались Серветом и не одобряли его сожжение. Они выступали за такую религиозную терпимость, которая угрожала всеобщей неразберихой.

К этой группе относятся два Социна — дядя и племянник, — Курион, Окино (в поздние годы), Ренато, Грибальдо, Биандрата, Альчати и Джентиле. Кастеллиона также причисляют к этим итальянским скептикам. Он усердно поддерживал

⁹²³ Об итальянских беженцах в Граубюндене и Цюрихе см. выше, §§38, 39 и 40; также Trechsel, *l. c.*, II, 64 sqq.

⁹²⁴ См. выше, §39-40; также C. Schmidt, *Peter Martyr Vermigli. Leben und ausgewählte Schriften*, Elberfeld, 1858 (p. 296). Вергерий, бывший епископ Капо д'Истрии и папский нунций, также причисляется к ортодоксальным итальянцам, но у него не было определенного мнения, и он не был богословом в строгом смысле слова. См. выше, §38. Э. Тремеллий, обращенный иудей из Феррары (1510 — 1580), один из самых ученых ориенталистов, был кальвинистом.

их антикальвинизм и перевел с итальянского на латынь рукописи последних книг Окино.

Таким образом, семена нового и еретического типа протестантизма в изобилии сеялись итальянскими беженцами на почве швейцарских церквей, которые приняли их с открытым сердцем и с искренним гостеприимством.

Фаусто Социни (1539 — 1604) сформулировал вольные гетеродоксальные мнения этой школы скептиков, создал богословскую систему и организовал церковную общину в Польше, где всегда царила терпимость, пока реакция иезуитов не вынудила их покинуть эту страну. Польша была северным домом итальянского Возрождения. Итальянские архитекторы построили великие церкви и дворцы в Кракове, Варшаве и других городах и придали им итальянский облик. Фауст Социн провел некоторое время в Лионе, Цюрихе (где он собирал бумаги своего дяди) и в Базеле, но трудился в основном в Польше и приобрел большое влияние на высшие классы общества своими утонченными манерами, любезностью и браком с дочерью знатного человека. Но один раз на него напали фанатичные студенты и священники в Кракове, протаскивали его по улицам и уничтожили его библиотеку. Он сносил гонения философски. Его труды были опубликованы его племянником, Вишоватым, в первых двух томах *Bibliotheca fratrum Polonorum* (1656).

Мы не станем здесь рассказывать полную историю социнианства. Рассмотрим только его начальное движение в Швейцарии и его отношения с Кальвином. Но несколько общих замечаний облегчат понимание.

Социнианство, как система богословия, существенно повлияло на богословие ортодоксального протестантизма на европейском континенте в XVII — XVIII веках, и его преемниками стали современные унитарии, оказавшие сильное влияние на мышление и литературу Англии и Америки в XIX веке. Социнианство образует крайнее левое крыло протестантизма, это антипод кальвинизма. Социниане признавали, что кальвинизм — единственная логическая система, основанная на идее всеобщей греховности и абсолютного предуждения и предопределения, но они отрицали эти предпосылки и учили моральной способности, свободе воли и, как ни странно, ограниченности божественного предуждения. Бог предуждает и предопределяет только необходимое будущее, но не всё, и нечто зависит от свободной воли человека. Таким образом, эти две системы прямо противоположны в плане богословия и антропологии.

Однако между ними есть некоторое интеллектуальное и моральное сходство, как и между лютеранством и рационализмом. Примечательно, что современный унитаризм вырос в кальвинистических (пресвитерианских и индипендентских) церквях Женевы, Франции, Голландии, Англии и Новой Англии, в то время как рационализм в основном сформировался в лютеранской Германии. Но реакция присутствует и в этих странах.

Итальянские и польские социниане в основном занимали те же позиции, что английские и американские унитарии. Они в равной мере были против католичества и кальвинизма; они претендовали на интеллектуальную свободу несогласия и свободу исследования как свое право; они возвышали этический дух христианства над догмами и ревностно относились к большей свободе образования. Но они не согласны в одном важном моменте. У социниан была богословская система и катехизис, а современные унитарии отказываются ограничивать себя определенным символом веры и независимы в плане церковной политики. Они допускают больше свободы для новых течений как в сторону рационализма и

гуманитаризма, так и в противоположном направлении, в сторону супернатурализма и тринитаризма.

Кальвина в начале его служения обвинял в арианстве некий шарлатан от богословия (Кароли), потому что Кальвин возражал против фраз об осуждении в псевдо-Афанасьевском символе веры и однажды выразил неблагоприятное мнение о Никейском символе⁹²⁵. Но несогласие Кальвина было связано только со схоластической, или метафизической, терминологией⁹²⁶, а не с самим учением; что же касается Божественности Христа и Святого Духа, он самым категорическим образом на них настаивал.

Влиянием Кальвина и Буллингера в основном объясняется то, что унитаризм, который начал подрывать устои ортодоксии и беспокоить церкви, был изгнан из Швейцарии. Ему был нанесен смертельный удар, когда казнили Сервета, который был испанцем, но самым способным и самым опасным антитринитарием. Случай Сервета будет рассмотрен в отдельной главе.

§128. Кальвин и Лелий Социн

F. TRECHSEL (пастор в Вехингене, близ Берна): *Die protest. Antitrinitarier vor Faustus Socinus nach den Quellen und Urkunden geschichtlich dargestellt*. Heidelberg, 1839, 1844. Первая часть этого ученого труда, отчасти основанного на рукописных источниках, посвящена Михаилу Сервету и его предшественникам; вторая — Лелию Социну и симпатизировавшим ему современникам. Третий раздел, vol. II, 137-201, а также документы в приложении, pp. 431-459, рассказывают о Лелии Социне. — HENRY, II. 484 sqq.; III. 440, Beilage, 128. — DYER, 251 (очень кратко).

Лелий Социн, или Лелио Социни, из Сиены (1525 — 1562), сын выдающегося профессора права, был хорошо образован и увлечен движением за реформы с ранней юности. Он добровольно отошел от Римской церкви в 1546 г., пожертвовав домом и состоянием. Он перебрался в Къявенну в 1547 г., путешествовал по Швейцарии, Франции, Англии, Германии и Польше, вел жизнь независимого исследователя, без определенной должности, и существовал на значительные средства своего отца. Он изучал греческий, еврейский и арабский вместе с Пелликаном и Библиандером в Цюрихе и с Фостером в Виттенберге, чтобы достичь «истока Божьего закона», Библии. Его вторым домом стал Цюрих, и он умер там в расцвете сил, оставив свои незрелые сомнения и резкие мнения в наследство своему более одаренному и более знаменитому племяннику, который придал им ясные очертания и форму.

Лелий был образованным, проницательным, вежливым, любезным и уверенным в себе. Это был деловой человек, более пригодный к занятиям правом или дипломатией, нежели богословием. По характеру он был скептиком, Фомой неверующим. Он искренне пытался найти истину, был слишком независим, чтобы слепо подчиняться авторитетам, но слишком набожен, чтобы впасть в неверие. Его скептицизм побудил его усомниться сначала в католическом, а потом в протестантском учении и постепенно распространился на учения о воскресении, предопределении, первородном грехе, Троице, искуплении и таинствах. Однако Лелий продолжал поддерживать уважительные отношения с реформаторами и общаться с

⁹²⁵ Как о *carmen cantillando magis aptum, quam confessionis formula*. В его трактате *De vera Ecclesiae reformatione*. См. §82.

⁹²⁶ С *οὐσία, ὑπόστασις, πρόσωπον*, *essentia, substantia, persona* и другими терминами никейской эпохи.

верующими Цюриха, хотя и считал, что Цюрихское согласие (*Consensus Tigurinus*) уделяет слишком большое внимание тайнствам. Он пользовался доверием Буллингера и Меланхтона, которые относились к нему с отеческой добротой, но считали, что он больше подходит для светского призвания, чем для служения в церкви. На Кальвина его таланты и характер также произвели благоприятное впечатление, но ему не понравилось чрезмерное «любопытство» Лелия⁹²⁷.

Лелий Социн прибыл в Женеву в 1548 или 1549 г., ища наставлений величайшего богослова той эпохи. Он рассказал Кальвину о своих сомнениях с кротостью ученика. Вскоре после этого он написал ему письмо из Цюриха, спрашивая совета по вопросам, законно ли для протестанта вступать в брак с католиком, действительно ли католическое крещение и как можно объяснить учение о телесном воскресении.

Кальвин ответил в подробном письме (26 июня 1549 г.)⁹²⁸, что брак с католиками он осуждает, что католическое крещение действительно и эффективно и к нему следует прибегать, когда другое невозможно, потому что римская община хотя и развращена, но все же сохраняет признаки истинной церкви, как и отдельные избранные ее представители, а также потому, что крещение — не папское изобретение, а Божье постановление и Божий дар тому, кто исполняет свои обещания; что же касается способа воскресения и отношения Кальвина к изменяющимся состояниям нашего смертного тела, то данный вопрос скорее любопытен, чем необходим.

Еще не получив этот ответ, Социн снова написал Кальвину из Базеля (25 июля 1549 г.) на те же темы, особенно о воскресении, которое весьма беспокоило его⁹²⁹. На это Кальвин опять ответил (декабрь 1549 г.), предостерегая Лелия от опасностей его скептического склада ума⁹³⁰.

Этот упрек не обескуражил Социна и не поколебал его уважения к Кальвину. Во время проблем с Бользеком, когда Социн был в Виттенберге, он изложил Кальвину свои сомнения насчет предопределения и свободы воли и сослался на свидетельство Меланхтона, которому он рассказал о грубом обращении с Бользеком. Кальвин ответил коротко, не без некоторой горечи⁹³¹.

Социн посетил Женеву во второй раз в 1554 г., после возвращения из путешествия по Италии, прежде чем окончательно обосноваться в Цюрихе. Похоже, тогда он был еще в дружественных отношениях с Кальвином и Караччоли⁹³². Вскоре после этого он адресовал Кальвину четыре вопроса со своими возражениями против учения о заместительной жертве. Кальвин ответил ему подробно, с вескими доводами, в июне 1555 г.⁹³³

⁹²⁷ *Inexplicabilis curiositas*, — как он говорит об этом, и добавляет: *Utinam non simul accederet phrenetica quaedam protervia*. Письмо к Буллингеру от 7 августа 1554 г. (*Opera*, XV. 208).

⁹²⁸ *Ep.* 1212 в *Opera*, VIII. 307-311. Сохранились все четыре письма Кальвина к старшему Социну и одно письмо Социна к Кальвину.

⁹²⁹ *Opera*, XIII. 337 sq.

⁹³⁰ *Ep.* 1323 в *Opera*, XIII. 484-487.

⁹³¹ *Opera*, XIV. 228. Ответ Кальвина, который хранится в Женевской библиотеке, не датирован. Бонне, который впервые опубликовал его (II. 315), относит его к концу 1551 г., но, вероятно, он был написан в начале 1552 г. См. послание Меланхтона от 1 февраля 1552 г., в котором он упоминает сообщение Лелия об отношении к Бользеку, цит. в §125, сноска.

⁹³² Судя по постскрипту из его письма к Буллингеру, Женева, 19 апреля 1554 г., в Trechsel, II. 437.

⁹³³ *Responsio ad aliquot Laelii Socini Senensis quaestiones*, напечатано среди его *Consilia theologica*, в *Opera*, vol. X, 160-165. См. также т. XV, 642.

Но Социн не был удовлетворен. Его скептицизм распространился также на учение о таинствах и Троице. Сначала он сомневался в том, что Святой Дух — личность, потом — в вечной Божественности Христа. Он не одобрил казнь Сервета и выступал за терпимость.

Различные жалобы на Социна достигли Буллингера. Кальвин попросил его ограничить неутомящее любопытство скептика. Вергерий, который был тогда в Тюбингене, Залуц из Кура и другие служители предупреждали его. Буллингер настаивал на частном расследовании, в дружелюбном духе, и удовлетворился устным и письменным заявлением Социна (15 июля 1555 г.), в котором тот полностью соглашался с Писанием и Апостольским символом веры, осуждал учения анабаптистов и Сервета и обещал не учить заблуждениям, но жить в спокойном уединении. Буллингер защищал его от дальнейших нападений.

Социн перестал беспокоить реформаторов вопросами. Он посвятил себя общине беженцев в Локарно и поставил Окино их пастором, но оказывал на него дурное влияние. Вооружившись рекомендациями, он совершил еще одно путешествие в Италию, через Германию и Польшу, чтобы вернуть свое имущество, конфискованное инквизицией. Кальвин дал ему письмо к князю Радзивиллу Польскому, от июня 1558 г.⁹³⁴ Но Социн не добился того, чего хотел, и вернулся в Цюрих в августе 1559 г. Последние несколько лет своей краткой жизни он провел в покое и уединении. Его племянник несколько раз навещал его и почитал его как просвещенного Богом человека, которому он обязан своими самыми плодотворными идеями.

Личные отношения Кальвина и Социна-старшего представляют собой любопытную смесь взаимной привязанности и неприязни, как и две системы, представителями которых они являются⁹³⁵.

Младший Социн, собственно основатель системы, носящей его имя, не вступал в личный контакт с Кальвином и трудился среди рассеянных унитариев и анабаптистов Польши.

Кальвин живо интересовался распространением Реформации в Польше и написал несколько писем королю, князю Радзивиллу и представителям польской знати. Когда в королевстве распространились произведения Сервета и антиунитарные мнения, он предупреждал польских братьев в одном из своих последних трудов об опасности этой ереси.

§129. *Бернардино Окино. 1487 — 1565*

См. также §40. ОСИНО, *Sermons, Tragedy, Catechism, Labyrinths, and Dialogues*. Его трудов сохранилось очень мало; одно из лучших собраний — в библиотеке Вольфенбюттеля; много отрывков приводится в Schelhorn, Trechsel, Schweizer, Benrath. Полный список есть в монографии Бенрата (Appendix II, 374-382). Его послания (на итальянском и

⁹³⁴ Ер. 2876 в *Opera*, XVII. 181 sq. Henry, III. Beilage, 128 sq., впервые публикует это письмо, но неправильно датирует его июнем 1553 г. Лелий отправился в свое последнее путешествие в Италию не раньше 1558 г.

⁹³⁵ Trechsel, II. 166, так описывает их личные отношения: *So manche Erfahrung von Calvin's Schroffheit Lelio sowohl an sich selbst als an andern gemacht hatte, so war doch nichts im Stande, sein achtungsvolles Zutrauen zu dem ausserordentlichen Manne zu schwächen. Gerade wie ein Pol den entgegengesetzten anzieht, so wurde Lelio's negative Natur von der positiven Calvin's unaufhörlich angezogen, so konnte der Mann des Zweifels aus einer Art von Instinkt nicht umhin, bei dem Felsenmann des Glaubens, der mit beispielloser Kühnheit und Consequenz die Tiefen der Gottheit erforschte, gleichsam seine Ergänzung zu suchen, ohne dass die totale Divergenz beider Naturen eine Uebereinstimmung des Denkens und der Ansichten jemals erwarten liess.*

латыни) — *ibid.* Appendix I, 337-373. Окино часто упоминается в переписке Кальвина и Буллингера.

ZACCARIA BOVERIO (католик) в хронике ордена капуцинов, 1630 (неточен и враждебен). BAYLE, «Dict.» — SCHELHORN: *Ergötzlichkeiten aus der Kirchenhistorie*, Ulm and Leipzig, 1764, vol. III (с некоторыми документами на латыни и итальянском). — TRECHSEL: *Antitrinitarier*, II, 202-270. — SCHWEIZER: *Centraldogmen*, I, 297-309. — CESARE CANTU (католик): *Gli Eretici d'Italia*, Turin, 1565 — 1567, 3 vols. — BÜCHSENSCHÜTZ: *Vie et écrits de B. O.*, Strasbourg, 1872. — *KARL BENRATH: *Bernardino Ochino von Siena. Ein Beitrag zur Geschichte der Reformation*, Leipzig, 1875 (384 pp.; 2^d ed. 1892; перевод Helen Zimmern, предисловие William Arthur, London, 1876, 304 pp.; переписка Окино не включена). — См. также C. SCHMIDT, его *Peter Martyr Vermigli* (1858), pp. 21 sqq., и статью в *Herzog*², X, 680-683. (Эта статья неудовлетворительна, автор явно не был знаком с трудом Бенрата, хотя он и упоминается в списке литературы).

*Мне всё будет легко в Иисусе Христе,
в Котором я живу и надеюсь умереть.*

(Из письма Окино к собору в Сиене
от 5 сентября 1540 г.; в монографии Бенрата).

Монах-капуцин

Бернардино Окино⁹³⁶ — один из самых поразительных и живописных характеров среди итальянских протестантов периода Реформации. Он был гениальным оратором и монахом-святым, который, как метеор, сверкнул на небе Италии, но потом затерялся в облаке скептицизма на далеком севере.

Окино напоминает нам трех прочих красноречивых монахов: Савонаролу, который был сожжен на костре во Флоренции; Гавацци, который стал кальвинистом и мирно умер в Риме; и отца Гиацинта, который покинул орден кармелитов и кафедру Нотр-Дама в Париже, но не вступил в протестантскую церковь.

Родился в славном тосканском городе Сиена, который украшен мраморным готическим собором и где родилось шесть пап, пятьдесят кардиналов и ряд канонизированных святых, в том числе знаменитая Екатерина Сиенская; но также и протестантские еретики, такие как Лелио и Фаусто Социны. Вступил в орден францисканцев, а потом в строгий орден капуцинов, незадолго до того (1525), основанный Фра Маттео Басси. Надеялся попасть на небеса благодаря самоотречению и добрым делам. Превзошел своих братьев в способностях и учености⁹³⁷, хотя образование его не было совершенным (он не знал языков, на которых написан оригинал Библии). Дважды избирался генералом-викарием ордена. Многие чтили его как святого за его строгий аскетизм и умерщвление плоти. Виттория Колонна, самая одаренная женщина Италии, и герцогиня Феррары Рената были среди его пылких почитателей. Папа Павел III хотел сделать его кардиналом⁹³⁸.

Окино как оратор

Окино был самым популярным проповедником Италии в свое время. Такого оратора не появлялось со смерти Савонаролы в 1498 г. В период проповедей во

⁹³⁶ Также писалось как *Occhino*, на латыни *Ocellus*.

⁹³⁷ Boverius (ad ann. 1535): *Bernardinus divinis et humanis literas non mediocriter imbutus*.

⁹³⁸ Sand, Seckendorf, C. Schmidt (в *Herzog*) говорят, что папа сделал Окино своим исповедником, но это ничем не подтверждается и по своей сути маловероятно. См. Benrath, 33 sq. (немецкое издание).

время великого поста его звали повсюду, и везде — в Сиене, Неаполе, Риме, Флоренции, Венеции — он привлекал толпы людей, слушавших его, как пророка, посланного Богом.

Судя по его печатным проповедям, нам трудно понять чрезмерные восхваления его современников. Но хороших проповедников в Италии было мало, да и воздействие проповеди зависит не только от содержания, но и от манеры преподнесения. Мы должны принимать во внимание магнетизм его личности, силу драматического изложения, живые жесты, славу его монашеской святости, его изможденное лицо, его сияющие глаза, его рост и впечатление от фигуры. На портрете в издании его «Девяти проповедей», опубликованном в Венеции в 1539 г., он изображен таким, каким был в то время: типичный монах-капуцин, со склоненной головой, обращенным ввысь взором, глубоко запавшими глазами, орлиным носом, полуоткрытым ртом, бритой головой, бородой, достигающей груди.

Кардинал Садолет сравнивал его с древними ораторами. Один из его слушателей в Неаполе сказал: «Этот человек даже камни мог бы заставить плакать»⁹³⁹.

Кардинал Бембо⁹⁴⁰ позвал его на великий пост в Венецию через Витторию Колонна и писал ей (23 февраля 1539 г.): «Я слушал его весь великий пост с таким удовольствием, что не могу нахвалиться. Я никогда не слышал более полезных и назидательных проповедей, чем его, и я уже не удивляюсь тому, что вы так его цените. Он проповедует в гораздо более христианской манере, чем другие проповедники, с большим искренним чувством и любовью, изрекает возвышенные и возвышающие мысли. Все в восторге от него». Несколько месяцев спустя (4 апреля 1539 г.) он писал той же даме: «Нашего Фра Бернардино тут буквально обожают. Нет человека, который не прославлял бы его до небес. Как глубоко проникают его речи, как возвышенны и утешительны его слова!» Он просил Окино есть мясо и не предаваться чрезмерному аскетизму, чтобы это не повредило его здоровью.

Даже Пьетро Аретино, самый фривольный и безнравственный поэт того времени, был поверхностно обращен, на краткое время, от проповеди Окино и писал Павлу III (21 апреля 1539 г.): «Бембо тысячу душ направил в рай, когда пригласил в Венецию Фра Бернардино, скромность которого равна его добродетели. Я сам начал верить в призывы, которые исходят из уст этого апостольского монаха».

Кардинал Коммендоне, позже епископ Амелии, враг Окино, описывает его так: «Всё связанное с Окино способствовало тому, чтобы поклонение толпы превосходило возможные границы: слава его красноречия, его располагающие, приятные манеры, его лета, его образ жизни, грубая одежда капуцина, длинная борода, доходящая до груди, седые волосы, бледное и худое лицо, вид телесной немощи, и наконец, репутация святого. Где бы он ни говорил, собирались толпы. Не было такой церкви, которая могла бы вместить множество его слушателей. Мужчины и женщины стекались отовсюду. Когда он отправлялся в другое место, толпа следовала за ним, чтобы слушать его. Его уважал не только простой народ, но и князья и короли. Куда бы он ни приходил, ему оказывали гостеприимство. Его встречали по прибытии и провожали по отбытии, причем самые известные

⁹³⁹ *Predicava con ispirito grande che faceva piagnere i sassi*. Некоторые ошибочно приписывают это высказывание Россо императору Карлу V, который слушал Окино в Неаполе. Benrath, 24, note.

⁹⁴⁰ Он был историографом Венеции, но вскоре после этого Павел III сделал его кардиналом (24 марта 1539 г.).

люди. Он умел руководить желанием слушать его и уважением, которое к нему проявляли. Подчиняясь уставу своего ордена, он путешествовал только пешком. Его никогда не видели едущим верхом, хотя здоровье у него было слабое, а возраст немолодой. Даже когда Окино был в гостях у знати — а он не всегда мог отказаться от этой чести, — великолепие дворцов, одежды и украшений не могло соблазнить его отказаться от его образа жизни. Когда его приглашали к столу, он ел только одно очень простое блюдо и пил немного вина. Если для него готовили мягкое ложе, он просил разрешения лечь на более привычном для него месте, расстилал свой плащ на земле и ложился отдыхать. Вследствие всего этого его невероятно уважали по всей Италии».

Обращение в протестантизм

Окино было уже больше пятидесяти, когда он начал терять веру в Римскую церковь. Первые следы перемен видны в его «Девяти проповедях» и «Семи диалогах», которые были опубликованы в Венеции в 1539 и 1541 гг. Возможно, он испытал нечто похожее на переживания Лютера в монастыре в Эрфурте, только не так глубоко и продолжительно. Напрасная монашеская борьба за праведность привела его к отчаянию и неверию в собственные силы, и он обрел покой, признав оправдание верой через заслугу Христа. Пока он был монахом, как он нам сообщает, он делал больше, чем необходимо, — читал мессы, произносил *Pater Noster* и *Ave Maria*, читал псалмы и молитвы, исповедовался в грехах раз или два в день, постился и умерщвлял плоть. Но постепенно он пришел к убеждению, что Христос полностью искупил избранных и завоевал для них рай, что монашеские обеты необязательны и даже безнравственны и что Римская церковь, сколь бы она ни была великолепна внешне, прогнила и выглядит скверной в глазах Бога.

В переходный период на него большое влияние оказали личные встречи с Жаном де Вальдесом и Пьетро Мартири. Вальдес, испанский дворянин, который жил в Риме и Неаполе, был евангельским мистиком и настоящим автором замечательной книги «О благе смерти Христа» (которая вышла в Венеции в 1540 г.). Раньше ее приписывали Аонио Палеарио (другу Окино), и она была широко распространена в Италии, пока ее не запретили и не сожгли публично в Неаполе в 1553 г.

В период великого поста 1542 г. Окино произнес в Венеции свой последний цикл проповедей. Папские агенты пристально следили за ним и доложили о некоторых его выражениях как еретических. Ему запретили проповедовать и вызвали в Рим.

Караффа убедил папу Павла III прибегнуть к насильственным мерам для подавления протестантской ереси. В Риме Петр победил Симона-волхва, патриарха всех еретиков; и в Риме же преемник Петра должен победить всех преемников архиеретика. Буллой *Licet ab initio* 21 июля 1542 г. была учреждена римская инквизиция под руководством шести кардиналов, с полным правом арестовывать и бросать в тюрьму людей, подозреваемых в ереси, и конфисковывать их имущество. А знаменитый генерал капуцинов должен был стать первой жертвой инквизиции.

Окино отправился в Рим в августе. Проезжая через Болонью, он встретился с благородным кардиналом Контарини, который в предыдущие годы встречался с Меланхтоном и Кальвином в Ратисбоне и был подозреваем в склонности к лютеранскому учению об оправдании и к умеренным реформам. Кардинал был бо-

лен и вскоре умер (24 августа). Беседа была короткой, но Окино понял, что в Риме у него нет шансов. Он продолжил путь во Флоренцию, встретился с Пьетро Мартири, находившимся в похожем положении, и получил предупреждение об опасности, ждавшей обоих. Он почувствовал, что должен выбирать между Римом и Христом, между молчанием и смертью и что бегство — единственное спасение. Он решил спасти свою жизнь, чтобы принести еще пользу, хотя ему было уже пятьдесят шесть лет, он был сед и ослаблен монашескими аскетическими упражнениями. Если я останусь в Италии, сказал он, мне запечатают уста, а если я уеду, я смогу, своими трудами, продолжить служение истине с некоторой надеждой на успех.

Он доказал делом искренность своего обращения в протестантизм. Он рисковал всем, покидая папство. Как у оратора, у него не было перспектив в чужой стране, где говорили на другом языке⁹⁴¹.

Окино в Швейцарии

В августе 1542 г. он покинул Флоренцию. Пьетро Мартири последовал за ним два дня спустя. Асканио Колонна, брат Виттории и его друг, дал ему слугу и лошадь⁹⁴². В Ферраре герцогиня Рене снабдила его одеждой, другими необходимыми вещами и, вероятно, также письмом к своему другу Кальвину. Согласно Боверию, хронисту капуцинов, который оплакивает его отступничество как великое бедствие для ордена, его сопровождали три мирянина из Флоренции.

Он последовал через Граубюнден в Цюрих и оставался там два дня. Его тепло принял Буллингер, который рассказывает о нем в письме к Вадриану (19 декабря 1542 г.) как об уважаемом человеке, знаменитом своей святой жизнью и красноречием.

Он прибыл в Женеву примерно в сентябре 1542 г. и оставался там три года. Проповедовал в небольшой итальянской общине, но главным образом посвятил себя литературным трудам, в которых обращался к жителям своей родной страны. На него произвело сильное впечатление моральное и религиозное процветание Женевы, подобного которому он никогда раньше не видел, и он благосклонно отзывался о нем в одной из своих итальянских проповедей⁹⁴³.

«В Женеве, где я сейчас живу, — писал он в октябре 1542 г., — прекрасные христиане ежедневно проповедуют чистое слово Божье. Священное Писание постоянно читают и открыто обсуждают, и каждый имеет право говорить о том, что подсказывает ему Святой Дух, как, по свидетельству Павла, было в ранней церкви. Каждый день проходит публичное богослужение. Каждое воскресенье — катехетическое наставление молодых, простых и невежественных. Ругательства и клятвы, скверна, святотатство, прелюбодеяние и нечестивая жизнь, преобладающие во многих местах, где я жил, тут неизвестны. Не существует сводников и блудниц. Люди не знают, что такое румяна, и одеваются просто. В азартные игры играть не принято. Благотворительность так развита, что нищим не надо попрошайничать. Люди наставляют друг друга по-братски, как предписывает Христос.

⁹⁴¹ Караффа, возродивший инквизицию, объяснял его обращение корыстными побуждениями, но бездоказательно. Об этой хуле см. Benrath, pp. 170 sq. Оден (ch. XLV), руководствуясь своим воображением, говорит, что Окино, искушаемый бесом сомнения и гордости, бежал в Женеву с молодой девушкой, которую обольстил!

⁹⁴² Позже Колонна послали ему с гонцом средства для проживания в Швейцарии, как мы узнаём из письма Буллингера.

⁹⁴³ Цит. на итальянском в Trechsel, II. 203, на немецком — в Benrath, p. 169.

В городе нет судебных преследований, нет никакой симонии, убийств, раздоров, но лишь мир и милосердие. С другой стороны, там нет органов, звона колоколов, зрелищных песнопений, горящих свечей и светильников, реликвий, изображений, статуй, балдахин, великолепных одеяний, нет фарса и бездушных церемоний. Церкви совершенно свободны от идолопоклонства»⁹⁴⁴.

В Женеве Окино изложил оправдание своего бегства, в письме к Джироламо Муцио (от 7 апреля 1543 г.). В послании к городским властям Сиены он излагает свое полное вероисповедание, основанное главным образом на восьмой главе Послания к римлянам (3 ноября 1543 г.). Он опубликовал, практически один за другим, семь томов проповедей и богословских очерков на итальянском языке⁹⁴⁵.

Он говорит в предисловии к этим проповедям: «Теперь, моя дорогая Италия, я больше не могу говорить с тобой из уст в уста, но я буду писать для тебя на твоём языке, чтобы все могли понять меня. Мое утешение — в желании Христа, чтобы я, забыв обо всех земных соображениях, думал только об истине. И так как оправдание грешника Христом есть начало жизни христианина, давайте начнем с этого, во имя нашего Господа Иисуса Христа». Его проповеди евангельские, в них присутствуют мистические тенденции, чего нам и следовало бы ждать от ученика Вальдеса. Большое внимание он уделяет жизненному союзу души со Христом в вере и любви. Он учит безвозмездному спасению через исключительную заслугу Христа и кальвинистическому учению о высшем избрании, но без негативного упоминания об осуждении. Он написал также популярный комментарий-переложение на его любимое Послание к римлянам (1545), который был переведен на латынь и немецкий. Позже он опубликовал проповеди на Послание к галатам, которые были напечатаны в Аугсбурге (1546).

Он был в хороших отношениях с Кальвином, который не доверял итальянцам, но, после тщательного изучения, благоприятно оценил «выдающуюся ученость и образцовую жизнь» Окино⁹⁴⁶. В письме к Вире (сентябрь 1542 г.) он впервые упоминает об Окино как о почтенном беженце, который жил в Женеве за свой счет и мог бы быть весьма полезен, если бы изучил французский⁹⁴⁷. В послании к Меланхтону (14 февраля 1543 г.) он называет Окино «выдающимся и замечательным человеком, который своим отъездом вызвал немало волнения в Италии»⁹⁴⁸. Два года спустя (15 августа 1545 г.) Кальвин хвалил Окино Миконию из Базеля как «заслужившего большое уважение повсюду»⁹⁴⁹.

Окино общался в Базеле с Кастеллионом и поручил ему перевести свои труды с итальянского. Возможно, из-за этой связи поколебалась его вера в кальвинистические представления о предопределении и о свободе воли.

⁹⁴⁴ *Le chiese sono purgatissime da ogni idolatria*. Это свидетельство подтверждают Вергерий, Фарель, Нокс и другие. См. §110.

⁹⁴⁵ *Prediche*, Geneva, 1542 — 1544, несколько изданий, также на латыни, французском, немецком и английском. См. Benrath, pp. 374 sq., и краткое изложение содержания, pp. 175 sqq.

⁹⁴⁶ Кальвин писал Пелликану 19 апреля 1543 г.: *Quoniam Italicis plerisque ingeniis non multum fido... contuli cum eo diligenter... Hoc testimonium pio et sancto viro visum est... Est enim praestanti et ingenio et doctrina et sanctitate*. *Opera*, XI. 528.

⁹⁴⁷ *Opera*, XI. 447 sq. См. также письмо к Вире, октябрь 1542 г., *ibid.* 458: *Bernardus noster miris machinis impetitus est, ut nobis abduceretur: constanter tamen perstat*.

⁹⁴⁸ *Magnum et praeclarum virum, qui suo discessu non parum Italiam commovit*. *Opera*, XI. 517.

⁹⁴⁹ *Bern. Senensis, vir nuper in Italia magni nominis, dignus certe qui habeatur ubique in pretio*. *Opera*, XII. 135. Бенрат (192) неправильно датирует это письмо, viz. 1542, — вероятно, это опечатка.

Окино в Германии

В течение некоторого времени он трудился как проповедник и писатель в Страсбурге, где встретил своего старого друга Пьетро Мартири, и в Аугсбурге, где получал от городского совета регулярное жалование в двести гульденов как проповедник для иностранцев. Это было его первое постоянное место жительства после того, как он покинул Италию. В Аугсбурге он жил со своим шурином и сестрой. Похоже, он женился в это время, если не раньше⁹⁵⁰.

Окино в Англии

После победы над Шмалькальденской лигой император Карл V совершил триумфальный въезд в Аугсбург 23 января 1547 г. и потребовал выдачи монаха-отступника, мощный голос которого он слышал с кафедры в Неаполе за одиннадцать лет до того. Городские власти посоветовали Окино бежать ночью. И он бежал в Цюрих, где случайно встретился с Кальвином, прибывшим в тот же день. Из Цюриха он отправился в Базель.

Здесь он получил, в 1547 г., приглашение в Англию от архиепископа Кранмера, которому нужна была помощь иностранцев в распространении Реформации при благосклонном к ней короле Эдуарде VI. Одновременно он позвал и Пьетро Мартири, служившего тогда профессором в Страсбурге, преподавать богословие в Оксфорде, а два года спустя пригласил Буцера и Фагия из Страсбурга, которые отказались подписать аугсбургский интерим, на места профессоров Кембриджа (1549). Окино и Пьетро Мартири совершили путешествие вместе, в сопровождении английского рыцаря, который позаботился об организации и расходах.

Окино шесть лет работал в Лондоне, с 1547 по 1554 г. Вероятно, это были самые счастливые годы его беспокойной жизни. Он проповедовал среди итальянских торговцев и беженцев и писал труды на благо Реформации. Его семья последовала за ним. Окино был доверенным лицом Кранмера (который назначил его каноником Кентерберии, хотя он никогда там не жил) и получал немалое жалование из личной казны короля.

Его главным трудом в этот период была богословская драма против папства под заглавием «Трагедия или диалог о несправедливой узурпаторской власти епископа Римского», со льстивым посвящением Эдуарду VI. Он соглашается с реформаторами в том, что папа — предсказанный антихрист, усевшийся в храме Божьем, и прослеживает, в цикле из девяти бесед, с недюжинным драматическим талантом, но без владения достоверной исторической информацией, постепенные изменения папства от Бонифация III и императора Фоки (607 г.) до его падения в Англии при Генрихе VIII и Эдуарде VI⁹⁵¹.

Окино снова в Швейцарии

После восшествия на престол королевы Марии Окино пришлось бежать, и он во второй раз приехал в Женеву. Он прибыл туда на следующий день после сожжения Сервета (28 октября 1553 г.), которое не одобрял, но не потерял уважения к Кальвину и называл его, в письме от 4 декабря 1555 г., первым богословом и украшением эпохи⁹⁵².

⁹⁵⁰ Benrath, p. 194. Мы ничего не знаем о его жене и детях, даже имен. Старый монах был не очень пригоден для счастливой семейной жизни.

⁹⁵¹ Книга переведена с латыни на английский доктором Джоном Поннетом, позже епископом Винчестера, и опубликована в Лондоне в 1549 г. Бенрат приводит ее краткое содержание (pp. 215 sqq.).

Окино принял приглашение в Цюрих в качестве пастора итальянской общины. Там он свободно общался с Пьетро Мартири, но еще больше, похоже, с Лелием Социном, который также был родом из Сиены и который своими скептическими мнениями оказал влияние на ход его мыслей.

Написал катехизис для своей общины (опубликован в Базеле в 1561 г.), в форме диалога между *Illuminato* (катехуменом) и *Ministro*. Объясняет обычные пять частей — десять заповедей (которые занимают половину книги), Апостольский символ веры, молитву Господню, крещение и вечерю Господню, с молитвами в приложении.

Его последними трудами были «Лабиринты» (1561) и «Тридцать диалогов» (1563), переведенные Кастеллионом на латынь и опубликованные итальянским печатником в Базеле. В этих книгах Окино исследует учения о предопределении, свободе воли, Троице и моногамии, делая это в либерально-латитудинаристском и скептическом духе, из-за чего еретические взгляды заметны в рассуждениях сильнее, чем ортодоксальные.

Самым сомнительным является его диалог о многоженстве (Dial. XXI), в котором он, похоже, опирался на пример патриархов и царей Ветхого Завета. Моногамию он не очень отстаивал, хотя и говорил, что это единственная нравственная форма брака⁹⁵³. Тема была весьма популярна в то время, в особенности в связи с двоеженством Филиппа Гессенского и с постыдным потворством ему лютеранских реформаторов. Диалог в защиту полигамии появился в 1541 г. под вымышленным именем «Гульдрик Необул», в интересах Филиппа Гессенского. Из этого диалога Окино взял несколько наиболее сильных своих доводов⁹⁵⁴. Этим и объясняются его теоретические заблуждения. Без сомнения, у него не было личных побуждений, потому что тогда ему шел семьдесят седьмой год и он был вдовцом с четырьмя детьми⁹⁵⁵. А моральный облик Окино всегда был безупречен, как свидетельствует его община и Буллингер.

Конец

Диалог о полигамии стал причиной безжалостного смещения и изгнания старика из Цюриха, по решению совета, в декабре 1563 г. Он напрасно протестовал, что его неправильно поняли, и просил разрешения остаться в городе хотя бы на время холодной зимы, со своими четырьмя детьми. Ему велели покинуть город в три недели. Даже мягкий Буллингер не защищал его. Он отправился в Базель, но власти этого города были еще более нетерпимы, чем клир, и не позволили ему остаться там на зиму. Кастеллион, переводчик скандальных книг, также был призван к ответу, но вскоре предстал перед высшим судом (23 декабря). Печатник Перна, продавший уже все экземпляры его книги, тоже слышал в свой адрес угрозы, но, похоже, избежал наказания.

⁹⁵² *Seculi nostri decus*. Benrath, 364 sq.

⁹⁵³ Я узнал из Шельгорна (III. 2152), что этот диалог вышел в переводе на английский, сделанном неким «добрым человеком», в Лондоне в 1657 г.

⁹⁵⁴ Соответствие двух книг было доказано в Schelhorn, I. c., III. 2140 sqq., I. 631 sqq. Буцера подозревали в том, что он скрывается за именем Необула, но Буцер отрицал это. См. Schelhorn, I. 634.

⁹⁵⁵ Его жена погибла вследствие несчастного случая незадолго до того, как были опубликованы «Диалоги». Benrath, p. 307.

Окино нашел временное убежище в Нюрнберге и оттуда, защищаясь, обратил несдержанную критику в адрес Цюриха, на которую ответили все служители этого города⁹⁵⁶.

Вынужденный покинуть Нюрнберг, он направил усталые стопы в Польшу, и ему разрешили проповедовать перед своими соотечественниками в Кракове. Но кардинал Осий и папский нунций осудили его как атеиста и вынудили короля выпустить закон, согласно которому все иностранцы, не являющиеся католиками, должны были изгоняться из Польши (6 августа 1564 г.).

Окино отправился в последнее путешествие. В Пинчове он потерял трех детей из-за чумы, о четвертом мы ничего не знаем. Сам он выжил, но через несколько недель снова заболел, и его долгая жизнь завершилась в конце декабря 1564 г. в Шлакау, в Моравии. Он стал жертвой своих скептических измышлений и нетерпимости своего века. Последние дни его жизни покрыты мраком. Ни памятника, ни таблички не было поставлено на его могиле. Какой печальный контраст между восходом, расцветом и закатом его общественной жизни!

Распространился ложный слух, будто бы перед поездкой в Польшу он встретился в Шафхаузене с кардиналом Лотарингии, возвращавшимся с Тридентского собора, и намеревался перечислить двадцать четыре заблуждения реформатской церкви. А кардинал якобы отказался от такой траты времени со словами: «Хватит и четырех». Этот слух исследовали, но его достоверность не смогли установить. Сам Окино отрицал это, и одно из его последних известных высказываний гласит: «Я хочу быть не сторонником Буллингера, не кальвинистом, не папистом, а просто христианином»⁹⁵⁷.

Его скептические взгляды на личность Христа и искупление привели к волнениям и чуть ли не к расколу в итальянской общине Цюриха. Нового пастора не стали выбирать, община слилась с немецким населением, и антиринитарные влияния исчезли.

§130. Целий Секунд Курион. 1503 — 1569

Труды и переписка Куриона. — TRECHSEL, I. 215 sqq., WAGEMANN в Herzog², III. 396-400 (со списком литературы).

Челио Секундо Курионе, или Курион, был младшим из двадцати трех детей пьемонтского дворянина. Изучал историю и право в Турине. Познакомился с произведениями Лютера, Цвингли и Меланхтона через монаха-августинца и ревностно трудился для распространения протестантских учений в Павии, Падуе, Венеции, Ферраре и Лукке. Едва избежал смерти на костре и бежал в Швейцарию с рекомендательными письмами от герцогини Ренаты, дружившей с Кальвином. Получил пост профессора риторики в Лозанне (1543 — 1547), а потом в Базеле. Был тестем Занкия. Привлекал студентов из-за границы, отказался от нескольких приглашений, поддерживал живую переписку со своими соотечественниками и реформаторами, написал ряд богословских и художественных трудов. Был на стороне латитудинариев, поэтому утратил доверие Кальвина и Буллингера, но сохранил влияние в Базеле и стал потомком нескольких знаменитых семейств богословов в этом городе (Буксторфов, Цвингеров, Веренфельсов, Фреев).

⁹⁵⁶ *Spongia adversus aspergines Bernardini Ochini, etc.*, в Hottinger, *Historia Eccles. N. Ti.*, и в Schelhorn, III. 2157-2194.

⁹⁵⁷ Из письма Книбба к Буллингеру, Пасха 1564 г., в собрании Зимлера в Цюрихе. Trechsel, II. 265; Benrath, 315.

Курион симпатизировал благосклонному отношению Цвингли к благородным язычникам и полагал, что они не менее угодны Богу, чем благочестивые израильтяне. Вергерий, который сначала был другом Куриона, обвинил его в пелагианской ереси и учении о том, что люди могут спастись без знания о Христе, хотя и не без Христа⁹⁵⁸.

Курион надеялся также, что царство небесное намного больше царства сатаны и что количество спасенных будет превосходить количество погибших⁹⁵⁹.

Такую позицию не одобряли Пьетро Мартири, Дзанки, Буллингер, Бренц, Иоганн Ласко и все ортодоксальные протестанты того времени, считая ее парадоксальной и тяготеющей к универсализму. Но современные кальвинисты идут дальше, чем Курион, по крайней мере в том, что касается спасения большинства⁹⁶⁰.

§131. *Итальянские антитринитари в Женеве. Грибальдо, Биандрата, Альчати, Джентиле*

См. список литературы в §127, также SANDIUS: *Bibliotheca antitrinitaria*. Trechsel (I. 277-390) остается лучшим авторитетом в том, что касается первых антитринитариев в Швейцарии, и приводит большие выдержки из источников. ФОСК (I. 134) говорит о них лишь несколько слов. — См. также HEBERLE: *G. Blandrata*, в «*Tübinger Zeitschrift für Theologie*», 1840, No. IV. DORNER: *Hist. of Christology*, German ed., II. 656 sqq.

Антитринитарная закваска проникла в итальянскую общину Женевы во время и после суда над Серветом, но была подавлена совместными действиями швейцарских церквей. Это была последняя глава антитринитаризма в истории Швейцарии.

Несколько итальянских беженцев осудили казнь Сервета, переняли его взгляды и пытались улучшить их, но намного уступали ему в таланте и оригинальности.

Они распространяли памфлеты о Кальвине и обсуждали свои мнения на еженедельных собраниях итальянской общины, где свободно могли задаваться вопросы и вестись дискуссии.

1. МАТТЕО ГРИБАЛЬДО, известный профессор юриспруденции из Падуи, купил поместье Фарж на территории Берна, недалеко от Женевы, и каждый год проводил там какое-то время. Он посещал итальянские собрания, когда приезжал в город. Во время суда над Серветом он открыто выражал свое неодобрение тем, что за религиозные мнения наказывают гражданские власти, и заявлял, что каждый имеет право верить в то, во что ему хочется. Сначала он скрывал свое мнение об учении Сервета и говорил о нем только близким друзьям. После допроса в совете ему было велено покинуть город, так как его подозревали в еретических мнениях о Троице (1559). Эти мнения были грубыми и неразработанными. Он колебался между двоебожием или троебожием и арианством. Он мог воспринимать Отца и Сына только как две отдельные личности или сущности, из которых одна порождает, а другая порождена; одна посылает, а другая послана. Он

⁹⁵⁸ *Absque Christi cognitionis, licet non sine Christo, aliquos salutem adipisci*. Письмо Вергерия к Буллингеру (Тюбинген, 6 сентября 1554 г.), цит. в Trechsel, I. 217. Вергерий обвинил Куриона перед швейцарскими церквями. См. его письма к Амербаху в Trechsel, II. 463-465.

⁹⁵⁹ *De amplitudine beati regni Dei dialogi II*. Опубликовано в Поскьяво, Граубюнден, 1554 г.

⁹⁶⁰ Доктор Чарльз Ходж (*Syst. Theol.*, III. 879 sq.) говорит: «У нас есть причины полагать, как мы уже отмечали в первом томе этого труда и часто упоминаем в других местах, что количество погибших в конечном итоге будет очень незначительным в сравнении с общим количеством спасенных».

сравнивал их отношения с отношениями Павла и Аполлоса, которые были двумя отдельными личностями, но объединенными абстрактной идеей апостольства.

До изгнания из Женевы он, под влиянием Вергерия, получил пост профессора права в тюбингенском университете. Проезжая через Цюрих, он посетил Буллингера и жаловался на поведение Кальвина. Он заслужил уважение студентов Тюбингена, и герцог Кристофер Вюртембергский часто консультировался с ним по важным вопросам.

Но слухи о его ереси достигли Тюбингена, и в Женеву были посланы запросы. Кальвин предупредил своего старого учителя Мельхиора Вольмара, что следует остерегаться Грибальдо, а Беза встревожил Вергерия неблагоприятными отзывами. Вергерий сообщил герцогу об обвинениях.

Грибальдо предстал перед академическим сенатом в присутствии герцога, и его заставили дать ответ на вопрос, согласен ли он с Афанасьевским символом веры и с эдиктом Феодосия I о Троице и католической вере. Грибальдо попросил три недели на размышления, но бежал в свое поместье в Фарже, где продолжала жить его семья.

Там его арестовали городские власти Берна, по требованию герцога Вюртембергского, в сентябре 1557 г. Его бумаги были конфискованы, и было обнаружено, что в них есть изложение антитринитаристской и других ересей. Ему велели отречься от своих заблуждений в рукописном вероисповедании, после чего его изгнали с территории Берна. Но потом он обещал, что не будет нарушать спокойствие, и на следующий год ему позволили вернуться, ради его семерых детей. Он умер от чумы, которая разразилась в Швейцарии в 1564 г. и унесла около тридцати восьми тысяч человек на территории Берна, семь тысяч в Базеле и тысячу четыреста человек в Куре. Это было трудное время для реформатской церкви, потому что между 1564 и 1566 гг. умерло несколько ее вождей, таких как Кальвин, Фарель, Библиандер, Борхаус, Блаурер, Фабриций и Салут⁹⁶¹.

2. Джорджо Биандрата (или Бландрата), образованный врач из благородного семейства из Салуццо в Пьемонте (родился около 1515 г.), бежал от инквизиции в Женеву в 1557 г. По сути он был согласен с Грибальдо, но был более тонким и осторожным. Он называл Кальвина своим уважаемым отцом и советовался с ним по богословским вопросам. Он казался удовлетворенным, но возвращался вновь и вновь с новыми сомнениями. Кальвин, у которого была масса трудов и забот, терпеливо слушал этого скептика и проводил с ним часы. Он также отвечал ему письменно⁹⁶². Наконец Кальвин отказался от дальнейших дискуссий как от бесполезных. Кальвин писал Лизманну: «Он пытался обмануть меня, как змей, но Бог дал мне силы противостоять его хитрости».

Дух сомнения все больше и больше распространялся в итальянской общине. Одним из главных сторонников Биандраты был Джанпаоло Альчати, пьемонтец, который служил в армии и не особо привык выбирать выражения.

Мартиненго, достойный итальянский пастор, незадолго до своей смерти просил Кальвина позаботиться о его небольшой пастве и уничтожить опасную ересь. Соответственно, 18 мая 1558 г. состоялось собрание итальянской общины в присутствии Кальвина и двух членов совета. Кальвин, от имени совета, призвал недовольных высказаться и заверил их, что они не будут наказаны. Биандрата возразил против некоторых заявлений Кальвина, но его быстро убедили в том,

⁹⁶¹ Trechsel, II. 356.

⁹⁶² *Ad questiones Blandratae responsum*, 1558. См. список литературы в §127.

что он неправ. Альчати зашел настолько далеко, что объявил: ортодоксы «поклоняются трем бесам, которые хуже, чем все идола папства». После трехчасовой дискуссии было решено, что все члены общины должны подписать вероисповедание, в котором говорится о Божественности Христа и Святого Духа и отражено сущностное единство Троицы.

Шесть членов общины сначала отказались подписывать, но потом уступили, похоже, кроме Биандраты и Альчати. Они чувствовали, что в Женеве небезопасно, и отправились в Берн. Там они нашли поддержку в лице Цуркиндена, секретаря города, который начал вести яростные споры с Кальвином.

Биандрата направился в Польшу, добился доверия князя Радзивилла, распространял свои унитаристские воззрения и защищался перед синодом в Пинчове (1561). В 1563 г. он принял приглашение князя Иоганна Сигизмунда Трансильванского стать его врачом и обратил в свои взгляды его и многих других, но был обвинен Фаустом Социном в том, что в последние годы поддерживал иезуитов из корыстных побуждений. Может быть, в старости, устав от богословских споров, он впал в скептицизм, как и Окино. Предание гласит, что его ограбил и убил его собственный племянник, после 1585 г.

3. Мир итальянской общины снова был нарушен Джованни Валенти Джентиле (Гентилисом) из Калабрии, школьным учителем, обладавшим определенной ученостью и проницательностью, которого привлекла в Женеву слава Кальвина, но который вскоре проникся чувствами Грибальдо и Биандраты. Он был одним из шести членов, которые сначала отказались подписывать итальянское вероисповедание. Вскоре после отъезда Биандраты и Альчати он стал открыто исповедовать их взгляды — как он говорил, по требованию совести. Он обвинял ортодоксальное учение о Троице в том, что, по сути, оно учит чегырем ипостасям, поскольку добавляет некую общую божественную сущность к сущностям Отца, Сына и Духа, и говорил, что Отец был единственной божественной сущностью, *essentiator*. Обе эти идеи он взял у Сервета. Сын — только образ и отражение Отца.

Джентиле был брошен в тюрьму в июле 1557 г. по приказу совета, обвинившего его в нарушении вероисповедания, которое он подписал. Он повторил свои мнения и просил служителей и совет защитить его от тирании Кальвина, но служители отказали ему в этом. Наконец он на нескольких языках написал свою апологию против Кальвина, которого всегда уважал как великого человека, но отказывался вторить его взглядам. Совет спросил мнения пяти юристов, которые постановили, что по законам империи (*De summa Trinitate et fide catholica et de hereticis*) Джентиле заслуживает смерти на костре. Но совет приговорил его к более мягкой форме наказания, мечом (15 августа). Похоже, что в данном случае была учтена рекомендация Кальвина, которой пренебрегли в случае с Серветом.

Из страха перед смертью Джентиле взял назад свои обвинения против ортодоксального учения и подписал краткое вероисповедание, в котором говорилось о единосущии трех ипостасей и о равенстве, единстве и вечности Сына и Святого Духа наряду с Отцом. Смертельный приговор был отменен, но, ввиду нарушения им клятвы, а также из-за ереси и ложных обвинений против церкви Женевы, городские власти приговорили его к *amende honorable*, то есть он должен был в одной рубашке, с непокрытой головой и босиком, с горящим факелом в руке, на коленях попросить прощения у судей, собственноручно сжечь свои труды и пройти по главным улицам города под звуки трубы. Приговор был приведен в исполнение 2 сентября. Он подчинился с удивительной готовностью, радуясь тому, что

так дешево отделался и избежал смерти. Он также обещал не покидать город без разрешения.

Но как только его отпустили, он тут же бежал и присоединился к своим друзьям Грибальдо и Альчати в Фарже. Вскоре после этого он некоторое время провел в Лионе. Он изучал труды доникейских отцов церкви, которые подтверждали его субординационизм, и написал книгу (*Antidota*) в защиту своих взглядов и против главы о Троице в «Наставлениях» Кальвина. Он заявлял, что ортодоксальные термины *единосущие*, *ипостась*, *Троица*, *единство* — мирские и чудовищные, они делают туманным истинное учение о едином Боге. Он также критиковал учение о двух природах Христа и о передаче божественных атрибутов как досужие вымыслы, которые следует изгнать из церкви. У Оригена он позаимствовал различие между изначальным Богом (*αὐτοθεός*), то есть Отцом, и «производным», или «вторичным» Богом (*θεός, δευτερόθεος, ἐτερόθεος*) — то есть Сыном. Отец есть единственный Бог, в строгом смысле слова — *essentiator*; Сын есть *essentiat*, и Он подчинен. Джентиле самым неуважительным и страстным образом говорил об ортодоксальных взглядах. Кальвин опроверг его доводы в отдельной книге (1561).

Джентиле вызвал подозрение у католических властей Лиона, и его посадили в тюрьму, но через пятьдесят дней освободили, после заявления о том, что его труды направлены против кальвинизма, а не против ортодоксии.

Однако и во Франции Джентиле не чувствовал себя в безопасности, так что летом 1553 г. принял, вместе с Альчати, приглашение Биандраты приехать в Польшу.

После королевского эдикта, изгонявшего всех антитринитариев, он вернулся в Швейцарию, был задержан властями Берна, осужден в ересь, обмане и в уклонении от ответа и обезглавлен в сентябре 1566 г. По пути на место казни он заявил, что умирает как мученик ради всевышнего Бога и обвинил служителей, которые сопровождали его, в савеллианстве. Смертельный удар он принял твердо, среди увещаний клира и молитв народа о том, чтобы Бог его помиловал. Бенедикт Ареций, богослов из Берна, в следующем году опубликовал акты процесса с опровержением возражений Джентиле против ортодоксального учения.

Все одобрили казнь Джентиле. Не слышалось ни протестов, ни жалоб, разве что слабое возражение Базеля. Кальвин умер больше чем два года назад, — и вот теперь город Берн, который выступал против доктринальной и дисциплинарной строгости Кальвина, сам осудил на смерть еретика, менее одаренного и опасного, чем Сервет. Джентиле косвенно признал, что учитель ложной религии заслуживает смерти, но считал собственные взгляды истинными и соответствующими Писанию⁹⁶³.

Смерть Джентиле была концом истории антитринитаризма в Швейцарии. В том же году было опубликовано и принято в реформатских кантонах строго ортодоксальное Второе Гельветическое вероисповедание Буллингера.

§132. Споры о евхаристии. Кальвин и Вестфаль

1. Источники приведены в §117. См. особенно Calvin, *Opera*, vol. IX, 1-252, и *Prolegomena*, pp. i-xxiv. Переписка между Буллингером, Ласко, Фарелем, Вире и Кальвином, по поводу спора, в его *Opera*, vols. XV-XVI. Письма Меланхтона этого периода в *Corpus Reform.*, vols. VII-IX. Труды Вестфалья цитируются ниже.

⁹⁶³ См. об этой последней главе истории Джентиле в Trechsel, II. 355-380.

- П. PLANCK (нейтрален): *Geschichte des Protest. Lehrbegriff's* (Leipzig, 1799), vol. V, part II, 1-137. — EBRARD (реформатская церковь): *Das Dogma vom heil. Abendmahl*, II. 525-744. — NEVIN (реформатская церковь), в «*Mercersburg Review*», 1850, pp. 486-510. — MÖNCKEBERG (лютеранин): *Joachim Westphal und Joh. Calvin*, 1865. — WAGENMANN в *Herzog*², XVII. 1-6. HENRY, III. 298-357. — DYER, 401-412. — STÄHELIN, II. 112 sqq., 189 sqq. — GIESELER, III. Part II, 280 sqq. — DORNER: *Geschichte der protest. Theol.*, 400 sqq. — SCHAFF, *Creeds*, I. 279 sqq.

Спор о таинствах между Лютером и Цвингли был явно разрешен, когда срединная теория Кальвина, Буллингера и Меланхтона нашла выражение в Цюрихском согласии 1549 г. (для Швейцарии), а еще раньше — в Виттенбергском согласии 1536 г. и в мирном переложении Меланхтоном десятой статьи Измененного Аугсбургского вероисповедания 1540 г. (для Германии). Новые нападения Лютера на швейцарцев в 1544 г. были единичным явлением, которое не поддержал ни один из его последователей, а Кальвин, из уважения к Лютеру, хранил молчание.

Но в 1522 г. Вестфалем был начат второй спор о таинствах, в интересах «высокой» лютеранской теории, и постепенно он распространился по всей Германии и Швейцарии.

Мы вполне можем вместе с Кальвином «оплакивать» (см. его послание к Шаллингу, март 1557 г.), что те, кто исповедовал то же Евангелие Христа, не соглашались относительно последней вечери, которая должна была стать основным связующим звеном между ними⁹⁶⁴.

Спор между Вестфалем и Кальвином касался не факта реального присутствия, признанного Кальвином во всех его предыдущих произведениях на эту тему, а второстепенных вопросов, о способе присутствия, о вездесущии тела Христа и о воздействии таинства на недостойных причащающихся — принимают они истинное тело и кровь Христа или же только хлеб и вино, к своему осуждению. Кальвин ясно заявляет о разногласиях в предисловии к своей «Второй защите»:

То, что я написал почтительно о законном использовании, достоинстве и эффективности таинств, даже сам он [Вестфаль] не отрицает. Для меня не имеет значения, насколько умелым и ученым образом он отстаивает свое мнение. Для меня достаточно того, что враг хвалит меня за благочестие. Мы продолжаем спорить по трем вопросам.

Во-первых, он настаивает на том, что хлеб вечери по сути (*substantialiter*) есть тело Христа. Во-вторых, чтобы Христос мог явить Свое присутствие верующим, он настаивает, что Его тело безгранично (*immensum*) и существует повсюду, а не в определенном месте (*ubique esse, extra locum*). В-третьих, он настаивает на том, что слова Христа нельзя воспринимать фигурально, каким бы ни было это фигуральное толкование. Ему кажется столь важным строго придерживаться слов, что он скорее предпочтет, чтобы мир содрогнулся, нежели допустит иное толкование.

Мы утверждаем, что тело и кровь Христа воистину предлагаются (*vere offeri*) нам во время вечери, чтобы дать жизнь нашим душам; и мы объясняем, без двусмысленности, что наши души укрепляются этим духовным питанием (*spirituali alimento*), которое предлагается нам во время вечери, подобно тому как наши тела подкрепляются хлебом насущным. Поэтому мы утверждаем, что на вечере совершается истинное причащение (*vera participatio*) к телу и крови Христа. Если вы будете спорить касательно слова «сущность», то мы скажем, что Христос, от сущности Своего тела, вдыхает жизнь в наши души; или, точнее, вдыхает Свою собственную жизнь в нас (*propriam in nos vitam diffundere*), но при этом не происходит никакой передачи сущности⁹⁶⁵.

⁹⁶⁴ *Dolendum est quum nos pauci numero idem profiteamur evangelium, sacrae coenae occasione, quam praecipuum inter nos unitatis vinculum esse decebat, in varios sententias distrahi. Sed hoc longe atrocius, non minus hostiliter configere quam si nihil esset nobis eum Christo commune. Opera*, XVI, 429. Планк, беспристрастный лютеранский историк, называет спор о таинствах *die aergerlichste aller Streitigkeiten* (l. c., V. I, p. 1).

Швейцарцы в этом споре приводили более веские доводы и проявили более христианский дух. Результат был губительным для лютеранства. Палатинат, отчасти также Гессен, Бремен, Ангальт, а позже и правящая династия Пруссии перешли на сторону реформатской церкви. Позже в протестантской Германии существовали две отдельные и независимые конфессии, лютеранская и реформатская, которые были формально признаны Вестфальским договором на основе равноправия перед законом. Лютеранская церковь понесла бы еще большие потери, если бы Меланхтон открыто признал свое согласие с Кальвином. Но магнетическая сила имени и личности Лютера и его великого дела спасла его учение о евхаристии и о вездесущности тела Христа, которое в конечном итоге было сформулировано и закреплено в Формуле согласия (1577).

Иоахим Вестфаль (1510 — 1574), строгий лютеранский служитель, позже — суперинтендант Гамбурга, который унаследовал нетерпимость и яростный нрав, но не гений и не великодушные Лютера, написал, без побуждений извне, трактат против «Цюрихского согласия», против Кальвина и Пьетро Мартири, в 1522 г. Опосредованно он целил в филиппистов (меланхтониан), которые соглашались с кальвинистической теорией евхаристии, хотя открыто этого не признавали, и которых по этой причине позже называли криптокальвинистами. Раньше он уже критиковал Меланхтона, своего учителя и благодетеля, и сравнивал его поведение в споре об интериме с поклонением Аарона золотому тельцу⁹⁶⁶. Он учил, что само тело Христа по сути было в хлебе, что оно вездесуще, хотя и не расположено в определенном месте (*extra locum*), и что Иуда принимал его так же, как и Петр. Он не делал разграничений между Кальвином и Цвингли. Он считал «сакраментариями» и еретиками всех, кто отрицает *телесное* присутствие, *оральное* причащение и *буквальное* пережёвывание тела Христа при помощи зубов, в том числе неверующими. Он обвиняет таких людей в том, что они придерживаются не менее чем двадцати восьми противоречащих мнений о словах учреждения, и цитирует отрывки из Карлштадта, Цвингли, Эколампадия, Буцера, Ласко, Буллингера, Пьетро Мартири, Швенкфельда, а в основном — Кальвина. Но почти все эти мнения по сути одинаковы, а мнение Карлштадта никогда не признавалось ни одной церковью и ни одним реформатским богословом⁹⁶⁷. Он говорил о том, что они нечестивым образом искажают Писание, и даже об их «сатанинских богохульствах». Он заявил, что их мнения следует опровергать жезлом властей, а не пером⁹⁶⁸.

Так как на первое нападение швейцарцы не обратили внимания, он написал второй, более крупный трактат в 1553 г., в котором отстаивал лютеранскую точку зрения, в основном по 1 Коринфянам 11:29,30, и призывал лютеран сопротивляться распространению цвинглианской, или, как она теперь называется, кальвинистической ереси⁹⁶⁹.

⁹⁶⁵ *Opera*, IX. 47.

⁹⁶⁶ *Historia vituli aurei Aaronis Exod. 32 ad nostra tempora et controversias accommodata*, Magdeburg, 1549.

⁹⁶⁷ См. примечания страсбургских издателей в vol. IX. Proleg., p. x. На самом деле, есть только две реформатские теории евхаристии — цвинглианская и кальвинистическая, и последняя отражена во всех реформатских символах веры. Некий лютеранский полемист XVII века последовательно доказал, к своему собственному удовлетворению, что «проклятые еретики-кальвинисты имеют шестьсот шестьдесят шесть общих положений с турками!»

⁹⁶⁸ *Farrago confusaneorum et inter se dissidentium opinionum de Coena Domini ex Sacramentarium libris congesta*. Magdeburg, 1552 (небольшой памфлет, с предисловием).

⁹⁶⁹ *Recta fides de Coena Domini*, Magdeburg, 1553. За ним последовали *Collectanea sententiarum*

О стиле и вкусе его полемики можно догадаться, если сказать, что Буллингера он называет «цюрихским быком», Кальвина — «жневским тельцом», а Ласко — «польским медведем».

Примерно в то же время, осенью и зимой 1553 г., Иоанн Ласко, польский дворянин, друг Кальвина и служитель реформатской общины иностранцев в Лондоне, бежал вместе со ста семейдесятью пятью протестантами от преследований Марии Кровавой и искал убежища на датских и немецких берегах. Но, несмотря на холодную зиму, им отказали даже во временном крове в Гельсингфорсе, Копенгагене, Росток, Любеке и Гамбурге (наконец, они нашли его в Восточной Фрисландии). Вестфаль осудил этих благородных людей как мучеников дьявола, настраивал против них народ и прославлял бесчеловечную жестокость к ним как проявление веры⁹⁷⁰.

Такое поведение побудило швейцарцев к самозащите. Буллингер отстаивал ортодоксию служителей Цюриха со свойственной ему умеренностью. Кальвин узнал об обращении с беженцами из письма Пьетро Мартири, который тогда был в Страсбурге, в мае 1554 г., и из-под его пера вышли три резких памфлета. Сначала он пожелал выступить с общим опровержением от имени всех швейцарских церквей и послал беглый набросок текста Буллингеру. Но Цюрих, Базель и Берн сочли его слишком резким и отказались подписать. Он поправил черновик и опубликовал его под собственным именем, с названием «Защита здорового и ортодоксального учения о таинствах, как оно изложено в Цюрихском согласии» (Женева, 1555). Кальвин отнесся к Вестфалю с пренебрежением и даже не называл его имени. Вестфаль ответил трактатом в три раза больше, жалуюсь на недостойное обращение, отрицая намерение нарушать мир церкви и повторяя свои обвинения против сакраментариев⁹⁷¹. Кальвин, после некоторых колебаний, подготовил «Вторую защиту», теперь открыто направленную *contra Westphali calumnias*, и опубликовал ее, с обращением к церквям Германии в предисловии, в январе 1556 г. Вестфаль ответил двумя произведениями, одно из которых было против Кальвина, а второе против Ласко, и послал письма в ведущие города Северной Германии, призывая их вместе с ортодоксальными лютеранами выступить против Цюрихского согласия. Он получил двадцать пять ответов и опубликовал их в Магдебурге в 1557 г. Он также заново издал ранние мнения Меланхтона о реальном присутствии (Гамбург, 1557). В ответ на все эти нападки Кальвин выпустил свое «Последнее увещание к Вестфалю» (1557). Вестфаль продолжал спорить, но Кальвин хранил молчание и предоставил дело Безе.

Помимо этих основных участников, в сражении приняли участие еще несколько человек: с лютеранской стороны — Тиман, Шнепф, Альбер, Галл, Иу-

Aurelii Augustini de Coena Domini, Ratisbon, 1555 (предисловие датировано сентябрем 1554 г.), и *Fides Cyrilli de praesentia corporis et sanguinis Christi*, Frankfurt, 1555.

⁹⁷⁰ Полный рассказ см. в труде человека, сопровождавшего Ласко: Joh. Utenhoven, *Simplex et fidelis narratio*, etc. Basil., 1560. О духе этой редкой книги можно судить по ее финальным словам (цитируются Далтоном, который изучал краковский экземпляр): «В заключение, все благочестивые, давайте помолимся во имя Христа о том, чтобы не держать злобы на тех, кто преследовал нас в наших скорбях, и не призывать на них огонь небесный, как сделали Иаков и Иоанн, когда им отказали в гостеприимстве, но скорее молиться о них, чтобы они покаялись и были спасены». См. отрывки в Planck, *l. c.*, 36 sqq., и H. Dalton, *Johannes a Lasco* (Gotha, 1881), 427 sqq. Менкберг пытается оправдать Вестфаля, но безуспешно. Дорнер говорит (*l. c.*, 401, note): *Westphal wird zum Selbstankläger in der Vorrede zu der Collectanea aus Augustin, rühmt die That der Unbarmherzigkeit als eine gute That, und stellt Nebuchadnezzar als Vorbild für solche Fälle auf*.

⁹⁷¹ *Adversus cujusdam Sacramentarii falsam criminationem justa defensio*, Frankfurt, 1555.

декс, Бренц, Андреа и т. д.; с реформатской — Ласко, Окино, Полан, Библиандер и Беза.

Кальвин с негодованием упрекнул оппонентов в «грубом и варварском оскорблении» гонимых верующих и охарактеризовал ультралютеран как людей, которые предпочли бы заключить мир с турками и папистами, но только не со швейцарскими христианами. Он называл их «обезьянами Лютера». Он достойно опроверг неправильные толкования и возражения против своего учения о реальном духовном присутствии Христа и о причащении животворным воздействием Его тела на небесах, которое верующий получает силой Святого Духа.

Он мог бы защитить свое учение еще более эффективно, если бы сдержал гнев и последовал братскому совету Буллингера и даже Фареля, которые призывали его не подражать оппонентам, говорить только об учении и не переходить на личности. Но он писал Фарелю (в августе 1557 г.): «Что касается Вестфали и прочих, мне было трудно сдерживаться и следовать твоему совету. Ты называешь “братьями” тех, кто, если бы мы назвали их так, не только не согласились бы, но и подвергли бы нас оскорблениям. Смешно бы мы выглядели, если бы называли братьями тех, кто смотрит на нас как на худших из еретиков»⁹⁷².

§133. Кальвин и Аугсбургское вероисповедание. Позиция Меланхтона во втором споре о евхаристии

См. HENRY, III. 335-339 и Beilage, pp. 102-110; труды об Аугсбургском вероисповедании и биографии Меланхтона.

В ходе этого спора обе стороны часто ссылались на Аугсбургское вероисповедание и Меланхтона. И обе стороны были правы и неправы, потому что существуют два издания вероисповедания, в которых представлены более ранняя и более поздняя теория его автора о вечере Господней. Оригинальное Аугсбургское вероисповедание 1530 г., в десятой статье, учит лютеровской доктрине о реальном присутствии так ясно и решительно, что даже католические оппоненты не возражали против нее⁹⁷³. Но, со времени Виттенбергского соглашения 1536 г. и даже раньше⁹⁷⁴, Меланхтон начал менять свое мнение о реальном присутствии, как и о предопределении и свободе воли; в первом он приблизился к Кальвину, а во втором отошел от него. Вторая перемена воплотилась в Измененном вероисповедании 1540 г., которое не обладало официальной силой, однако он имел право сделать это как автор документа, убежденный, что изменение отражает общие чувства, потому что сам Лютер смягчился в противодействии швейцарцам, когда подписал Виттенбергское согласие⁹⁷⁵. Измененное вероисповедание использовалось в переговорах с католиками на встречах в Вормсе и Ратисбоне в 1541 г., а также на более поздних встречах в 1546 и 1557 гг. Оно было напечатано (с заглавием и предисловием *Invariata*) в первом сборнике символов веры лютеранской

⁹⁷² Opera, XVI. 552.

⁹⁷³ В *Catholica Refutatio Augustanae Confessionis* докторов Экка, Фабера и Кохлея говорится: *Decimus articulus* [Аугсбургского вероисповедания] *in verbis nihil offendit si modo credant* [имеются в виду лютеране, подписавшие его], *sub qualibet specie integrum Christum esse*.

⁹⁷⁴ См. его письма к Шнепфу, Агриколе и Бренцу, 1534 и 1535 гг.; Matthes, *Leben Melanchthons*, p. 349; C. Schmidt, *Philipp Melanchthon*, pp. 680 sqq.

⁹⁷⁵ Лютер не возражал против этой поправки. Когда он вновь, еще более яростно, чем прежде, обрушился на швейцарцев в своем «Кратком вероисповедании о священном таинстве» (1544), Меланхтон, в письме к Буллингеру, справедливо назвал эту книгу *atrocissimum scriptum*. См. т. VII, §109.

церкви (*Corpus Doctrinae Philippicum*) в 1559 г. Оно было явно одобрено лютеранскими князьями на конвенции в Наумбурге в 1561 г., после смерти Меланхтона, как улучшенный вариант и подлинное толкование вероисповедания, и меланхтониане и реформаты придерживались его даже и после принятия Книги согласия (1580).

Приводим текст двух изданий.

Издание 1530 г.

De Coena Domini docent, quod corpus et sanguis Christi VERE ADSINT [в немецком тексте добавлено: *unter der Gestalt des Brots und Weins*], *et DISTRIBUTUR vescentibus in Coena Domini, ET IMPROBANT SECUS DOCENTES*. [В немецком тексте: *Derhalben wird auch die Gegenlehre verworfen.*]

«Касательно вечери Господней они учат, что тело и кровь Христа *воистину присутствуют* [под видом хлеба и вина] и *раздаются* тем, кто принимает вечерю Господню. *И они не одобряют тех, кто учит другому*». [В немецком тексте: *Противоположное учение отвергается.*]

Издание 1540 г.

De Coena Domini docent, quod CUM PANE ET VINO VERE EXHIBEANTUR corpus et sanguis Christi vescentibus in Coena Domini.

«Касательно вечери Господней они учат, что *с хлебом и вином воистину причащаются* тела и крови Христа те, кто принимает вечерю Господню». [О неодобрении несогласных ничего не сказано.]

Кальвин ссылаясь именно на этот пересмотренный вариант документа и на его тогда еще жившего автора.

В отношении Аугсбургского вероисповедания, — говорит он в «Последнем увещании Вестфалья», — я отвечаю, что, как оно было опубликовано в Ратисбоне (1541), оно не содержит ни слова против нашего учения⁹⁷⁶. Если по поводу его значения и есть какие-либо сомнения, то не может существовать более компетентного толкователя, чем его автор, которому все благочестивые и ученые люди с готовностью воздадут должное. К нему я смело взываю; и Вестфаль со своей подлой болтовней оказывается повержен... Если Иоахим хочет раз и навсегда избавить себя от неприятностей и положить конец спору, достаточно одного слова в его поддержку из уст Филиппа. Это вполне возможно, и путешествие не так уж сложно. Почему бы не посетить того, согласием которого он так высокомерно хвалится и с которым он, возможно, общался? Если окажется, что я слишком резко упоминал имя Филиппа, я готов принять любой упрек.

Отрывок, который цитирует Вестфаль, не мой, чтобы опровергать его, и я не считаю, что во время первого столкновения, до того, как проблема была ясно и понятно определена, невоспитанные могли бы требовать такого опровержения от того, кто изменил свое мнение. Трудно устанавливать закон для творческих людей, чтобы, применяя свой талант и ученость, они никогда не меняли мнения в течение своей жизни. Без сомнения, всякий, кто скажет, что Филипп за сорок лет труда не изменял мнения, причиняет вред лично ему и всей церкви.

Я скажу одну только вещь, и, если надо будет, повторю тысячу раз: в этом вопросе Филиппа нельзя отделить от меня, как нельзя отделить от самого себя⁹⁷⁷. Так как он боится грома, которым могут разразиться несдержанные люди (те из вас, кто знаком с громами Лютера, понимают, что я имею в виду), он не всегда высказывался так открыто, как мне хотелось бы, но нет причины, по которой Вестфаль, делаящий вид, что не имеет этого в виду, мог бы косвенно обвинять его в том, что он склонился на нашу сторону только после того, как Лютер умер. Ибо когда мы, больше семнадцати лет назад, беседовали об этом учении во время нашей первой встречи, не потребовалось менять ни слова⁹⁷⁸. Я не забуду также упомянуть о Гаспаре Круцигере, который,

⁹⁷⁶ *De Confessione Augustana sic respondeo, verbum in ea, qualis Ratisponae edita fuit, non exstare doctrinae nostrae contrarium. Opera*, IX. 148. См. также его письмо к Шаллингу в Ратисбон, март 1557 г., цит. в §88, сноски (*Opera*, XVI. 430).

⁹⁷⁷ *Solum quod dixi et quidem centies si opus sit, confirmo, non magis a me Philippum quam a propriis visceribus in hac causa posse divelli. Opera*, IX. 149.

⁹⁷⁸ Он имеет в виду встречу во Франкфурте, которая состоялась в 1539 г., за семь лет до смерти Лютера и за пять лет до его последней книги против сакраментариев. См. выше, §90.

в силу своих превосходных талантов и учености, был, после Филиппа, первым во мнении Лютера, намного выше всех остальных. Он так охотно принял то, с чем сейчас воюет Вестфаль, что невозможно представить никого более согласного с нашим мнением.

Но если есть еще какие-то сомнения насчет Филиппа, разве не достаточно, что я предлагаю молчать и ждать его ответа, уверенный, что он выведет на чистую воду обманщика, который скрывается под уважаемым именем замечательного человека?

Кальвин неоднократно призывал Меланхтона открыто выразить свои взгляды на предмет спора. В письме от 5 марта 1555 г., поблагодарив его за одобрение осуждения Сервета, он говорит: «Относительно “хлебопоклонения” (*περὶ τῆς ἁρτολατρείας*), твое самое сокровенное мнение давно уже мне известно, и ты даже не скрывал его в своем письме. Но твоя медлительность меня огорчает, потому что безумие тех, кто стремится, как ты видишь, разрушить церковь, не только продолжается, но день ото дня усиливается». Меланхтон ответил 12 мая 1555 г.: «Я решил ответить просто и недвусмысленно; я считаю, что обязан сделать это для Бога и церкви, и в том возрасте, которого я достиг, я уже не боюсь изгнания и прочих опасностей». 23 августа того же года Кальвин выразил свою благодарность и писал: «Я прошу тебя высказаться как можно скорее, ты сам признал это своим долгом перед Богом и церковью». Он добавляет, с излишней суровостью: «Если это предупреждение, подобно крику петуха, не разбудит тебя, все справедливо воскликнут, что ты лентяй. Прощай, многоуважаемый господин, которого я чту от всего сердца». В другом письме, от 3 августа 1557 г., он жалуется на молчание Меланхтона в течение трех лет и извиняется за строгость своего предыдущего письма, но опять призывает его выступить, как подобает мужчине, и опровергнуть обвинение в робости. «Я не думаю, — пишет он, — что тебе надо напоминать многословно, сколь необходимо для тебя поспешить стереть это пятно со своей репутации». Он предлагает, чтобы Меланхтон призвал лютеранских князей созвать мирную конференцию обеих сторон в Страсбурге, Тюбингене, Гейдельберге или Франкфурте, и посетил эту конференцию лично, в сопровождении нескольких благочестивых, праведных и умеренных людей. «Если ты отнесешь к таковым меня, — заключает он, — то никакая, даже самая насущная, необходимость не помешает мне посчитать это своим главным делом; перед тем как Господь объединит нас в небесном царстве, я смог бы еще раз насладиться на земле самой приятной беседой с тобой и почувствовать некоторое облегчение в моей печали, оплакав вместе с тобой зло, против которого мы не можем бороться». В последнем сохранившемся письме к Меланхтону, от 19 ноября 1558 г., Кальвин еще раз упоминает о евхаристическом споре, но очень кротко, и заверяет его, что никогда не позволит, чтобы что-либо отвратило его мысли «от той святой дружбы и уважения, в котором я поклялся тебе... Что бы ни случилось, давай питать искреннюю братскую привязанность друг к другу, узы которой не расторгнут никакие козни сатаны».

Для репутации Меланхтона было бы лучше, если бы вместо того, чтобы одобрять казнь Сервета, он открыто поддержал Кальвина в споре с Вестфалем. Но он устал от *rabies theologorum* и отказался принимать активное участие в яростной борьбе с «хлебопоклонением», как он называл представления тех, кто не удовлетворялся *символическим* присутствием тела Христа в таинстве, но настаивал на его присутствии в самом хлебе. Он знал, с какими людьми ему приходится иметь дело. Он знал, что саксонский двор, из соображений чести, не позволит открыто

отойти от лютеранского учения. Осторожность, робость и уважение к памяти Лютера — вот причины его молчания. Он понимал свою природную слабость и признавался в ней в письме к Кристоферу фон Карловицу в 1548 г.: «Может быть, от природы у меня несколько рабские наклонности, я и раньше был склонен к чрезмерному раболепию, а Лютер чаще следовал порывам своего темперамента и был несдержан, без оглядки на соображения собственного достоинства и общего блага».

Однако в частной переписке Меланхтон не скрывал своих настоящих чувств, своего несогласия с «хлебопоклонением» и с учением о вездесущности тела Христа. Его последние высказывания на эту тему были ответом на вопрос электора Фридриха III из Палатината, который пытался примирить партии во время горячего спора о евхаристии в Гейдельберге. Меланхтон предостерегал от схоластических тонкостей и советовал отстаивать умеренность, мир, библейскую простоту и слова Павла о том, что «хлеб, который преломляем, есть *приобщение* Тела Христова» (1 Кор. 10:16), а не «преображенное Тело», не «сущность Тела» и не «истинное Тело». Он дал этот совет 1 ноября 1559 г. Несколько месяцев спустя он умер (19 апреля 1560 г.).

В результате электор сместил вождей обеих партий, Гесгузия и Клебица, призвал выдающихся иностранных богословов в университет и доверил Захарии Урсину (ученику Меланхтона) и Каспару Олевianу (ученику Кальвина) составить Гейдельбергский, или Палатинатский катехизис, который был опубликован 19 января 1563 г. Он и стал основным символом веры немецкого и голландского ответвлений реформатской церкви. В нем ясно и решительно выражена кальвинистическо-меланхтоновская теория о духовном реальном присутствии и излагается учение об избрании, но нет ни слова об осуждении. В обоих отношениях это лучшее отражение гения и окончательной доктринальной позиции Меланхтона, который сам был родом из Палатината.

ПРИМЕЧАНИЕ

ПОСЛЕДНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ МЕЛАНХТОНА О ЕВХАРИСТИИ

Письмо к Кальвину от 14 октября 1554 г. Меланхтон одобряет казнь Сервета и продолжает: *Quod in proximis literas me hortaris, ut reprimam ineruditos clamores illorum, qui renovant certamen περί ἀρτολατρείας scito, quosdam praecipue odio mei eam disputationem movere, ut habeant plausibilem causam ad me opprimendum*. Он выражает надежду обсудить эту тему с ним еще раз перед смертью (Меланхтон, *Opera* в *Corp. Reform.* VIII. 362 sq.).

Гарденбергу (пастору из Бремена, которого преследовали за то, что он был против учения о вездесущности) он писал 9 мая 1557 г. (*ibid.* IX. 154): *Crescit, ut vides, non modo certamen, sed etiam rabies in scriptoribus, qui ἀρτολατρείαν stabiliunt*.

Письмо к Мордейзену, советнику электора Саксонии, от 15 ноября 1557 г. (*ibid.* IX. 374): *Si mihi concederis, ut in alia loco vivam, respondebo illis indoctis sycophantis et vere et graviter, et dicam utilia ecclesiae*.

Об одном из его последних изречений сообщает Певцер (Peucer), его зять, *ex arcanis sermonibus Dom. Philippi*, в рукописи от 3 января 1561 г. (vol. IX. 1088-1090). Здесь Меланхтон заявляет о реальном присутствии, но отказывается определять его способ и отрицает вездесущие тела Христа. Он признает также фигуральный смысл слов учреждения, который так упорно отрицал Лютер. *Consideranda est*, — говорит он, — *interpretatio verborum Christi, quae ab aliis κατὰ τὸ ῥητόν, ab aliis κατὰ τρόπον accipiuntur. Nec sunt plures interpretationes quam duae. Posterior Pauli est sine omni dubio, qui vocat κοινωνίαν corporis panem, et aperte testatur, οὐκ ἐξιστάται τῆς φύσεως τὰ ὁρώμενα σύμβολα. ERGO NECESSE EST ADMITTI τρόπον. Cum hac consentit vetustas Graeca et Latina. Graeci σύμβολα ἀντίτυπα, Latini 'signa' et 'figuras' vocant res externas et in usu corpus et sanguinem, ut discernant hunc sacrum et mysticum cibum a profano, et admoneant Ecclesiam de re signata, quae vere exhibetur et applicatur credentibus, et dicunt esse symbola τοῦ ὄντως σώματος, contra Entychem, ut sciat Ecclesia,*

non esse inania symbola aut notas tantum professionis, sed symbola rerum praesentium Christi vere praesentis et efficacis et impetientis atque applicantis credentibus promissa beneficia.

Из *Judicium de controversia coenae Domini ad illustr. Principem ac D. D. Fridericum, Comitem Palatinum Rheni, Electorem*, 1 ноября 1559 г. (IX. 960 sqq.): *Non difficile, sed periculosum est respondere. Dicam tamen, quae nunc de controversia illius loci monere possum: et oro Filium Dei, ut et consilia et eventus gubernet. Non dubium est de controversia Coenae igitur certamina et bella in toto orbe terrarum secutura esse: quia mundus dat poenas idololatriae, et aliorum peccatorum. Ideo petamus, ut Filius Dei nos doceat et gubernet. Cum autem ubique multi sint infirmi, et nondum instituti in doctrina Ecclesia, imo confirmati in erroribus: necesse est initio habere rationem infirmorum.*

Probo igitur consilium Illustrissimi Electoris, quod rixantibus utrinque mandavit silentium ne distractio fiat in tenera Ecclesia, et infirmi turbentur in illo loco, et vicinia: et optarim rixatores in utraque parte abesse. Secundo, remotis contentiosis, prodest reliquos de una forma verborum convenire. Et in hac controversia optimum esset retinere verba Pauli: ‘Panis quem frangimus, κοινωνία ἐστὶ τοῦ σώματος.’ Et copiose de fructu coenae dicendum est, ut invitentur homines ad amorem hujus pignoris, et crebrum usum. Et vocabulum κοινωνία declarandum est.

Non Dicit [Paulus], mutari naturam panis, at Papistae dicunt: non dicit, ut BREMENSES, panem esse substantiale corpus Christi. Non dicit, ut HESHUSIUS, panem esse verum corpus Christi: sed esse κοινωνία, id est, hoc, quo fit consociatio cum corpore Christi: quae fit in usu, et quidem non sine cogitatione, ut cum mures panem rodunt...

Sed hanc veram et simplicem doctrinam de fructu, nominant quidam cothurnos: et postulant dici, an sit corpus in pane, aut speciebus panis? Quasi vero Sacramentum propter panem et illam Papiisticam adorationem institutum sit. Postea fingunt, quomodo includant pani: alii conversionem em, alii transubstantiationem, alii ubi ubi excogitarunt. Haec portentosa omnia ignota sunt eruditae vetustati...

Ac maneo in hac sententia: Contentiones utrinque prohibendas esse, et forma verborum una et simili utendum esse. Si quibus haec non placent, nec volunt ad communionem accedere, his permittatur, ut suo iudicio utantur, modo non fiant distractiones in populo.

Oro autem filium Dei, Dominum nostrum Jesum Christum sedentem ad dextram aeterni patris, et colligentem aeternam Ecclesiam voce Evangelii, ut nos doceat, gubernet, et protegat. Opta etiam, ut aliquando in pia Synodo de omnibus contraversiis harum temporum deliberetur.

§134. Кальвин и Гесгюзий

- I. HESHUSIUS: *De Praesentia Corporis Christi in Coena Domini contra Sacramentarios*. Написано в 1569 г., впервые опубликовано в Йене, 1560 (также в Магдебурге и Нюрнберге, 1561). *Defensio verae et sacrae confessionis de vera Praesentia Corporis Christi in Coena Domini adversus calumnias Calvinii, Boquini, Bezae, et Clebitii*. Magdeburg, 1562.
- II. CALVINUS: *Dilucida Explicatio sanae Doctrinae de vera Participatione Carnis et Sanguinis Christi in Sacra Coena ad discutiendas Heshusii nebulas*. Genevae, 1561. Также на французском, *Opera*, IX. 457-524. См. также Proleg., xli-xliii. — Беза написал два трактата против Гесгюзия: *Κρεοφαγία*, etc., и *Abstersio calumniarum quibus Calvinus aspersus est ab Heshusio*. Gen., 1561. Бокен и Клебиц также выступали против него.
- III. J. G. LEUCKFELD: *Historia Heshusiana*. Quedlinburg, 1716. — T. H. WILKENS: *Tilemann Heshusen, ein Streittheologe der Lutherskirche*. Leipzig, 1860. — C. SCHMIDT: *Philipp Melancthon*. Elberfeld, 1861, pp. 639 sqq. — HACKENSCHMIDT, статья «Heshusen» в Herzog², VI. 75-79. HENRY, III. 339-344, Beilage, 221. См. также PLANCK, НЕРРЕ, G. FRANK, а также многочисленные труды о Реформации в Палатинате и истории Гейдельбергского катехизиса (перечень в SCHAFF, *Creeds of Christendom*, I. 529-531).

Тилеман Гесгюзий (по-немецки Гесгус или Гессгузен) родился в 1527 г. в Нидервезеле, в герцогстве Клевском, и умер в Гельмштадте в 1588 г. Это был один из наиболее энергичных и упорных защитников схоластической ортодоксии, который старался быть большим Лютером, чем Лютер, и большим папой, чем папа⁹⁷⁹. Гесгюзий отождествлял благочестие с ортодоксией, а ортодоксию — с не-

⁹⁷⁹ Другими вождями антимеланхтонианского ультралютеранства были Амсдорф (ум. в 1565), Вестфаль (ум. в 1574), Флаций (ум. в 1575), Иудекс (ум. в 1574), Йиман (ум. в 1557), Галл (ум. в 1570) и Виганд (ум. в 1587). Главными учениками Меланхтона были Эбер (ум. в 1569), Круцигер (ум. в 1548) и его сын (ум. в 1575), Камерарий (ум. в 1574), Певцер, Крелл, Пецель, Пфедфингер, Гарденберг, Майор, Мений. Одной из благороднейших черт Лютера было его

уместной кон-ин-субстанциацией⁹⁸⁰, или «хлебопоклонением», как говорил Меланхтон. Он занимал важные посты в Госсларе, Росток, Гейдельберге, Бремене, Магдебурге, Цвайбрюкене, Йене и Пруссии, но характер у него был беспокойный, и он везде затевал раздоры, свободно пользовался правом отлучения и сам был не менее семи раз смещен с должности и изгнан. Он ссорился и со своими друзьями, Флацием, Вигандом и Хемницем. Но хотя он упорно отстаивал буквальное поглощение тела Христа неверующими, а не только верующими, он не был согласен с грубым и отвратительным представлением Вестфалья о жевании тела Христа зубами и ограничивался *manducatio oralis*. Он отвергал также учение о вездесущности и считал неправильным его включение в Формулу согласия⁹⁸¹.

Гесгузий изначально был учеником и сотрапезником Меланхтона и соглашался с его умеренными мнениями, но, как и Вестфаль с Флацием, он превратился в неблагодарного врага своего благодетеля. Меланхтон рекомендовал его в качестве профессора в Гейдельберг и в качестве общего суперинтенданта лютеранской церкви в Палатинате на Рейне (1558). Здесь Гесгузий впервые выступил как защитник строгого лютеранского учения о сущностном присутствии и стал критиковать «сакраментариев» в книге «О присутствии тела Христова на вечере Господней». Гесгузий ссорился со своими коллегами, особенно с диаконом Клебицем, который был меланхтонианином, но не менее яростным и сварливым. Гесгузий даже пытался отобрать у него чашу причастия у алтаря. Он отлучил его от церкви, потому что тот в схоластической формулировке лютеранского учения о реальном присутствии не хотел признавать *in* и *sub*, а признавал только *cum* (*pane et vino*). Электор Фридрих III, прозванный Благочестивым, восстановил мир, сместив как Гесгузия, так и Клебица (16 сентября 1559 г.), с одобрения Меланхтона. Позже он приказал подготовить Гейдельбергский катехизис и ввел реформатскую церковь в Палатинате, в 1563 г.⁹⁸²

С другой стороны, лютеранский клир Вюртемберга, под руководством Бренца, на синоде в Штутгарте придал доктрине о вездесущности тела Христа (которой учил Лютер, но которую отвергал Меланхтон) авторитет символа веры для Вюртемберга (19 декабря 1559 г.)⁹⁸³.

Кальвин получил книгу Гесгузия от Буллингера, который посоветовал ему ответить на аргументы, но не переходить на личности⁹⁸⁴. Кальвин некоторое время колебался и писал Олевияну (ноябрь 1560 г.): «Болтовня этого пустослова слишком нелепа, чтобы вызвать у меня гнев, и я еще не решил, отвечать ли ему,

уважение к Меланхтону до конца жизни, несмотря на явные расхождения во мнениях. Его узко мыслящие последователи были полностью лишены такого великодушия. См. Dörner, *Geschichte der protest. Theologie*, pp. 330 sqq.

⁹⁸⁰ Я составил это слово из лютеранской формулы: *cum, in* и *sub pane et vino*. Термин «восуществление», или «консубстанциация», лютеранами отвергается как обозначающий импанацію, то есть содержащий пространственное ограничение.

⁹⁸¹ Планк и Геппе отрицательно характеризуют его, обвиняют в непомерных амбициях и жадности. По словам Геппе, он был *einer der widerwärtigsten lutherischen Pfaffen seiner Zeit*. Гакеншмидт судит о нем более мягко и считает последовательным защитником тенденции, в которой не проводится разграничений между религией и богословием, церковными властями и силами правопорядка. В страсбургском издании (*Opera*, IX. Prol., p. xii) он назван *vir imperiosus et φιλοεὐκράτορ*. Буллингер сравнил его с гомеровским Терситом, который был презираем за непристойное поведение.

⁹⁸² См. §133.

⁹⁸³ Planck, vol. V, part II, 383 sqq.

⁹⁸⁴ Он писал: *Oro, si statuisti respondere, respondeas ad argumenta, diligenter preterita persona illa Thersitis homerici.*

потому что я так устал от многочисленных памфлетов и, конечно же, не считаю, что его безумие стоит многих дней труда. Но я составил краткий анализ этого спора, который, возможно, вскоре будет опубликован». Это был один из последних его полемических памфлетов, он вышел в 1561 г.

В начале ответа Кальвин самым трогательным образом упоминает своего покойного друга Меланхтона, о чем мы говорили уже в другой связи⁹⁸⁵. Какой контраст между этой благородной данью нерушимой дружбе и подлой неблагодарностью Гесгузия, который самым яростным образом порочил память Меланхтона сразу же после его смерти⁹⁸⁶!

Кальвин повторяет и доказывает несколько положений, которые уже затрагивались во время спора с Вестфалем, и опровергает доводы Гесгузия на основании Писания и отцов церкви с присущей ему интеллектуальной силой и ученостью, приправляя их остроумием. Он сравнивает Гесгузия с обезьяной в пурпуре и с ослом в львиной шкуре. Вот основные места:

Гесгузий оплакивает наступающую эпоху варварства, как будто возможно большее варварство, чем то, которое защищает он сам и его друзья. Разве нужны другие доказательства? Достаточно посмотреть, как неистово он порочит и критикует своего учителя, Филиппа Меланхтона, память которого ему следовало бы чтить... Такова благочестивая благодарность этого ученого не только к учителю, которому он обязан теми скудными знаниями, что он приобрел, но и к человеку, которого так ценила вся церковь...

Хотя он и делает из этого показуху, на самом деле он всего лишь вспоминает старые безумия и вольности Вестфали и его друзей. Он высокопарно рассуждает о всемогуществе Бога, о вере в Его слово и о подчинении человеческого разума в выражениях, вычитанных, должно быть, из других источников, среди которых, похоже, есть и мой труд. У меня нет сомнений, что, судя по его детской напыщенности, он представляет себя сочетающим черты Меланхтона и Лютера. У одного он неумело заимствует цветы, а пыл другого, который не может воспроизвести, заменяет пустым звуком...

Вестфаль смело утверждает, что тело Христова жуют зубами, и в подтверждение цитирует признание Беренгара, приведенное у Грациана. Это не нравится Гесгузию, который настаивает, что причастие принимается орально, но к нему не прикасаются зубами, и вообще он не одобряет мысль о таком грубом поглощении...

Гесгузий утверждает, что если тело Христа находится на небесах, то его нет в вечере и что вместо него мы имеем лишь символ. Как будто бы вечера для истинных верующих в Бога — это не небесное действие и не средство, которое возвышает их над миром. Но что это значит для Гесгузия, который не только остается на земле, но и засовывает нос как можно глубже в грязь? Павел учит, что при крещении мы облекаемся во Христа (Гал. 3:27). Будет ли Гесгузий спорить, что такого не может быть, потому что Христос остается на небесах? Когда Павел говорил это, он не имел в виду, что Христос должен сойти с небес, потому что он знал: Христос объединяется с нами иначе, и Его кровь присутствует в очищении наших душ не меньше, чем вода в очищении наших тел... Такого же рода и его возражение о том, что причастие телом не истинно, если оно происходит символически; как будто бы настоящий символ не есть проявление реальности.

Некоторые подозрительно относятся к термину *вера*, как будто бы он опровергает реальность и действительность. Но мы должны смотреть на это иначе: единственный способ объединиться со Христом для нас — это возвысить наши умы над миром. Соответственно, узы нашего союза со Христом — это вера, которая возвышает нас и бросает свой якорь в небесах, так что вместо подчинения Христа нашему жалкому разуму мы ищем Его в высотах Его славы.

Отсюда вытекает лучший метод решить спор, о котором я говорю: только ли верующие принимают Христа или все без исключения, кому предлагаются дары

⁹⁸⁵ См. §90.

⁹⁸⁶ *Responsio ad praejudicium Philippi Melancthonis*, 1560.

хлеба и вина? Вот ясное и правильное решение: Христос предлагает Свое тело и кровь всем вообще, но поскольку неверующие заграждают вход для Его щедрости, они не получают предлагаемое. Отсюда не следует делать вывод, что когда они отвергают дар, они либо делают бесполезной благодать Христа, либо в какой-то степени лишают таинство эффективности. Вечера, от их неблагодарности, не меняет своей природы, как и хлеб, являющийся залогом, который был дан Христом, не оскверняется и не становится обычным хлебом, но продолжает воистину свидетельствовать о причащении плотью и кровью Христа.

Таковы выводы Кальвина в последнем изложении темы о таинстве. Потом он передал право спора Безе, который ответил на «Защиту» Гесгузия двумя едкими и учеными трактатами.

Спор о евхаристии, начатый Вестфалем и Клебицем, велся в разных районах Германии с невероятным фанатизмом, страстями и суевериями. В Бремене Иоганн Тиман учил плотскому присутствию и настаивал на вездесущии тела Христа как на доказанной догме (1555); Альберт Гарденберг, друг Меланхтона, выступал против этого и был изгнан (1560), но впоследствии наступила реакция и Бремен стал оплотом реформатского исповедания в Северной Германии.

§135. Кальвин и астрологи

CALVIN: *Advertissement contre l'astrologie qu'on appelle justiciare: et autres curiosités qui régissent aujourd'hui dans le monde*. Genève, 1549 (56 pp.). Французский текст есть также в *Opera*, vol. VII, 509-542. *Admonitio adversus astrologiam quam judicariam vocant; aliasque praeterea curiositates nonnullas, quae hodie in universam fere orbem grassantur*, 1549. Автор латинского перевода — Fr. Hottman, сэр де Вилльер, в то время бывший секретарем Кальвина, который диктовал ему на французском. Репринт латинского текста есть в амстердамском издании, vol. IX, 500-509. Английский перевод: *An Admonition against Astrology, Judiciall and other curiosities that reign now in the world*, автор Goddred Gylby, вышел в Лондоне без даты, упоминается в HENRY, III. Beil. 212. См. также HENRY, II. 391 sq.

Ясный, четкий и независимый ум Кальвина опережал грубые суеверия его века. Он написал предостережение против астрологических прогнозов⁹⁸⁷ и предсказаний, основанных на представлении о том, что характер и судьба человека зависят от расположения звезд. Эта псевдонаука — которая из Вавилона⁹⁸⁸ проникла в Древний Рим, а из языческого Рима в христианскую церковь — процветала особенно сильно в Италии и во Франции в то самое время, когда все остальные суеверия были сокрушены. Несколько пап эпохи Возрождения — Сикст IV, Юлий II, Лев X, Павел III — увлекались ею, но Пико делла Мирандола написал книгу против нее. Король Франциск I прогнал своего врача, потому что тот был недостаточно искусен в этой науке. Герцогиня Рената Феррарская даже в последние годы жизни советовалась с астрологом Люком Гуариком. При дворе Екатерины Медичи это и другие магические искусства использовались настолько активно, что пришлось вмешаться государству и церкви.

Но наиболее примечателен тот факт, что даже столь просвещенный ученый, как Меланхтон, с тревогой наблюдал за звездами, якобы влияющими на события в жизни людей. Лелий Социн не знал, на что больше уповает Меланхтон, на звезды или на их Творца и Управителя⁹⁸⁹. В этом отношении Лютер, несмотря на

⁹⁸⁷ *Astrologia judiciaria* как отличная от *astrologia naturalis*, или просто *astrologia*.

⁹⁸⁸ И потому термины *Chaldaei*, *mathematici* и *astrologi* были синонимами.

⁹⁸⁹ Он писал Буллингеру из Виттенберга 20 августа 1550 г.: *Omnes ab uno Melanchthone [pendent]*.

твердую веру в колдовство и личные встречи с дьяволом, был более продвинутым, чем его ученый друг, и опровергал меланхтоновские подсчеты о рождении Цицерона фактом из Писания: Иса и Иаков родились в один час. Однако Лютер считал кометы, или «звезды-блудницы», как он их называл, признаками Божьего гнева или делами дьявола. Цвингли воспринял комету Галлея, которая появилась на небе за несколько недель до трагедии в Каппеле, как предзнаменование войны и собственной смерти. Независимый еретик Сервет верил в астрологию, практиковал ее и написал труд в ее защиту (*Apologetica Disceptatio pro Astrologia*).

Кальвину не было свойственно подобное. Он осуждал попытки открыть то, что сокрыто Богом, и искать Его вне Его явленной воли, считал такие попытки нечестивым самомнением и сатанинским обольщением. Он считал полезным и правильным хорошо изучать законы движения небесных тел⁹⁹⁰. Истинная астрономия прославляет мудрость и величие Бога, тогда как астрология нарушает моральный закон. Бог — Владыка над Своими дарами, Он ничем не ограничен в природе. Он предопределил всё Своим вечным промыслом. Иногда в одном сражении погибает шестьдесят тысяч человек, но значит ли это, что все они родились под одной звездой? Действительно, солнце светит над землей, а тепло и холод, дождь и бури исходят от небес, но греховность человека исходит из его собственной воли. Астрологи ссылались на первую главу Книги Бытия и на пророка Иеремию, который называет звезды *знамениями*, но Кальвин в ответ цитирует Ис. 44:25: «...делает ничтожными знамения лжепророков». В заключение он опровергает теорию и практику астрологии целиком как не просто поверхностную и бесполезную, но даже как губительную⁹⁹¹.

В том же трактате он высмеивает алхимиков и мимоходом демонстрирует неплохую осведомленность в области светских наук.

Кальвин опровергал также наивные рассуждения псевдо-Дионисия о небесной иерархии как «простую болтовню», добавляя, что автор этой книги, санкционированной авторитетом Фомы Аквината и Данте, говорит словно человек, сошедший с небес и рассказывающий о том, что он видел собственными глазами, в то время как Павел, который был восхищен на третье небо, считает, что человек не должен рассказывать тайны, подобные тем, которые он видел и слышал⁹⁹².

Кальвин облегчил бы себе задачу, если бы принял гелиоцентрическую систему Коперника, которая была известна в его время, хотя только как гипотеза⁹⁹³.

qui Astrologiae judiciarum fuit addictus, et unus ille ab astris magis, an ab astrorum conditore ac domino pendeat, ignoro. Цит. в Trechsel, *Antitriton*. II. 164, note 4.

⁹⁹⁰ См. *Inst.*, I, ch. V, §2, 5, где он уважительно отзывается об астрономии.

⁹⁹¹ *Curiositas non modo supervacanea et ad nullam rem utilis, verum etiam exitiosa.*

⁹⁹² *Inst.* Bk. I, ch. XIV, §4.

⁹⁹³ Коперник закончил свой труд «Об обращениях небесных сфер» (*De Orbium coelestium Revolutionibus*) в 1530 г. и посвятил его папе, но книга была опубликована только в 1543 г. Осандером из Нюрнберга, которому он отдал рукопись и который объявил в предисловии, что речь в книге идет лишь о гипотезе. Он получил экземпляр книги на своем смертном одре во Фромборке, на границе Пруссии и Польши. Вероятно, он был верующим человеком, и ему часто приписывают молитву, высеченную на его надгробии: «Я не прошу благодати, дарованной Павлу, и не прошу о той, что была дана Петру. Даруй мне только милость, которая была дарована разбойнику на кресте» (*non parem Pauli gratiam requiro...* и т. д.). Но эта надпись взята из поэмы Энея Сильвия *De Passione Domini*, и на памятнике Копернику в Торуне ее поместил доктор Мельхиор Пирнезий (1589). Коперник изображен со сложенными руками перед распятием. См. труд Prowe о Копернике и Luthardt в «Theol. Literaturblatt», April 22, 1892 (p. 188).

Но в этом отношении Кальвин не опережал свою эпоху, как и все прочие богословы. Он верил, что «все небеса вращаются вокруг земли», и объявлял высокомерием выступать против власти Бога, Который в первой главе Бытия обозначил отношения солнца и луны с землей. Лютер с презрением отзывается об этом астрономе, который хотел перевернуть всё в науке астрономии и в Священном Писании, ведь Иисус Навин в Писании повелел остановиться солнцу, а не земле. Меланхтон осудил его систему в трактате «Элементы физики», опубликованном через шесть лет после смерти Коперника; он говорил, что этой системе противоречит то, что мы наблюдаем: небеса совершают оборот вокруг земли за двадцать четыре часа; он также цитирует отрывки из Псалтири и Екклесиаста, где говорится, что земля стоит на месте, а солнце вращается вокруг нее. Он предлагает принять строгие меры, чтобы остановить распространение такого нечестивого учения, как теория Коперника.

Но мы должны помнить, что теории Коперника сопротивлялись философы и богословы всех школ почти сто лет, утверждая, что она противоречит тому, что говорят нам органы чувств, и геоцентрическому учению Библии. Когда в конце XVI века Галилео Галилей (1564 — 1642) стал сторонником теории Коперника и со своим примитивным телескопом открыл спутники Юпитера и фазы Венеры, его осудили как еретика, он предстал перед римской инквизицией и Беллармин, официальный богослов папства, велел ему отречься от заблуждений и учить тому, что земля — неподвижный центр вселенной (26 февраля 1616 г.). Конгрегация индекса, под руководством папы Павла V, приняла постановление о том, что «учение о двойном движении земли вокруг своей оси и вокруг солнца ложно и полностью противоречит Священному Писанию», а также осудила труды Коперника, Кеплера и Галилея, в которых говорилось о вращении земли. Труды эти оставались в Index Purgatorius до времен Бенедикта XIV. Даже после победы системы Коперника в научном мире находились уважаемые богословы, такие как Джон Оуэн и Джон Весли, которые считали, что она не соответствует их представлениям о богодухновенности, и отвергали ее как обманчивую и надуманную гипотезу, соблазняющую к неверию.

E pur si muove. Но все-таки земля вертится!

Между наукой и Библией не может быть противоречия, потому что Библия — не учебник по астрономии, геологии или по какой-то другой естественной науке. Это книга о религии. Она учит отношениям мира и человека с Богом. А когда она говорит о небесных телах, то использует основанный на человеческих ощущениях, понятный человеку язык, не высказываясь ни за, ни против конкретных научных теорий.

ГЛАВА XVI

СЕРВЕТ: ЕГО ЖИЗНЬ, ВЗГЛЯДЫ,
СУД НАД НИМ И ЕГО КАЗНЬ

§136. Литература о Сервете

I. БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ МИГЕЛЯ СЕРВЕТА

DE TRINITATIS ERRORIBUS LIBRI SEPTEM. PER MICHAELEM SERUETO, ALIAS REUES AB ARAGONIA HISPANUM. ANNO MDXXXI. Книга была напечатана в Гагенау, в Эльзасе, но без указания места и типографии. 120 страниц.

Dialogorum de Trinitate Libri duo. De iusticia regni Christi, Capitula quatuor. Per Michaellem Serveto, alias Reves, ab Aragonia Hispanum. Anno MDXXXII. Также напечатана в Гагенау. Завершается словами: *Perdat Dominus omnes ecclesiae tyrannos. Amen. Finis.*

Эти две книги (у меня есть издание их обеих в одном томе) были в пересмотренном виде включены в *Restitutio*.

Этот труд был напечатан во Вьенне, в Дофине, за счет автора, который указал на последней странице свои инициалы M. S. V. — то есть *Michael Servetus Villanovanus*. В нем 734 страницы ин-октаво: 1) семь книг о Троице (издание 1531 г. пересмотрено); 2) три книги о вере и праведности в Царстве Христа (пересмотрено); 3) четыре книги о возрождении и царстве антихриста; 4) тридцать посланий к Кальвину; 5) шестьдесят признаков правления антихриста; 6) апология Меланхтону и его коллегам о тайне Троицы и дисциплине в прежние времена.

Была напечатана тысяча (некоторые говорят, что восемьсот) экземпляров, и почти все они были сожжены или уничтожены иным образом. Сохранилось четыре или пять: один был послан Серветом Кальвину через Фреллона; один был конфискован в Лионе для нужд инквизиции; третий был передан для расследования швейцарским церквям и советам; четвертый Кальвин послал Буллингеру; пятый Кальвин дал Колладону, одному из судей Сервета, в нем подчеркнуты сомнительные места; может быть, это тот же экземпляр, что и четвертый. Кастеллион (1554) жаловался, что не может достать ни одного экземпляра.

В настоящее время известно о существовании только двух экземпляров оригинального издания. Один хранится в Национальной библиотеке Парижа (копия Колладона), другой — в Императорской библиотеке Вены. Уиллис приводит интересную историю этих экземпляров (pp. 535-541; см. также его примечание, p. 196). Оден говорит, что пользовался копией с аннотациями, на титульном листе которой стояло имя Колладона, а поля были обгоревшими; он не знал, как эта книга была спасена. Эта копия попала в руки доктора Ричарда Мида, выдающегося врача из Лондона, который сделал в начале книги примечание на латыни: *Fuit hic liber D. Colladon qui ipse nomen suum adscripsit. Ille vero simul cum Calvino inter iudices sedebat qui auctorem Servetum flammis damnarunt. Ipse indicem in fine confecit. Et porro in ipso opere lineis ductis hic et illic notavit verba quibus ejus blasphemias et errores coargueret. Hoc exemplar unicum quantum scire licet flammis servatum restat: omnia enim quae reperire poterat auctoritate sua ut comburentur curavit Calvinus* (цит. по Одену). Должно быть, именно эта копия сейчас находится в Париже. Доктор Мид начал переиздание труда в 1723 г., но процесс был остановлен, а книги сожжены по приказу Гибсона, епископа Лондона.

В 1790 г. эта книга, как феникс, воскресла из пепла в виде точного репринта, страница за страницей, строка за строкой, так что это издание можно отличить от первого лишь по дате публикации, очень мелко указанной внизу последней страницы — 1790 (а не 1791, как говорят Трешсель, Штагелин, Уиллис и другие). Репринт был сделан с оригинала в Венской библиотеке, по указанию Ч. Т. Мурра (см. его *Adnotationes ad Bibliothecas Hallerianas, cum variis ad scripta Michaelis Serveti pertinentibus*, Erlangen, 1805, цит. у Уиллиса). Должно быть, тираж был небольшим, поскольку копии весьма редки. У моего друга, преподобного Сэмюэля М. Джексона, есть экземпляр, который я использовал. [Две страницы из которого, первая и последняя, приведены в факсимиле английского издания истории Шаффа].

Немецкий перевод *Restitutio* сделал доктор BERNHARD SPIESS: *Michael Servets Wiederherstellung des Christenthums zum ersten Mal überetzt*. Erster Bd., Wiesbaden (Limbarth), 1892 (323 pp.). Второй том еще не вышел. В предисловии сказано: *An Begeisterung für Christus und an biblischem Purismus ist Servet den meisten Theologen unserer Tage weit überlegen [?]; von eigentlichen Laesterungen ist nichts bei ihm zu entdecken*. Доктор Шписс, как и доктор Толлин, одновременно и защищает Сервета, и восхищается Кальвином. Он перевел первое издание его «Наставлений» (1536) на немецкий (Wiesbaden, 1887).

О географических и медицинских трудах Сервета будет говориться в следующих разделах.

II. КАЛЬВИНИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

CALVIN: *Defensio orthodoxae fidei de sacra trinitate contra prodigiosos errores Michaelis Serveti Hispani, ubi ostenditur haereticos jure gladii coercendos esse*, etc., написано в 1554 г., в *Opera*, VIII. (Brunsw., 1870), 453-644. В том же томе приводится тридцать посланий Сервета к Кальвину, 645-720, а также *Actes du procès de Mich. Servet*, 721-872. См. также переписку Кальвина за 1553 г. в vol. XIV, 68 sqq. (*Defensio* в амстердамском издании — vol. IX, 510-567.) Кальвин несколько раз упоминает о Сервете после его смерти, в последнем издании «Наставлений» (I, III, §10, 22; II, IX, §3, 10; IV, XVI, 29, 31), в своем *Responsio ad Balduini Convitia* (1562), *Opera*, IX. 575, и в комментарии на Иоанна 1:1 (написанном в 1554 г.): *Servetus, superbissimus ex gente Hispanica nebulo*.

Беза приводит краткий рассказ в своей *Calvini Vita*, ad a. 1553 — 1554, где говорит: «Сервет был справедливо наказан в Женеве, не как сектант, но как чудовище, состоящее из сплошного неверия и ужасных богохульств, которыми, в речах и произведениях, он в течение тридцати лет заражал небеса и землю». Беза считает, что Сервет сделал сатанинское предсказание на титульной странице своей книги: «Великая война произошла на небесах, Михаил и его ангелы сражаются вместе с драконом (а не против него)». Он также написал подробную апологию смертной казни еретиков в своем трактате *De haereticis a civili magistratu puniendis, adversus Martini Bellii* [псевдоним] *farraginem et novorum academicorum sectam*. Geneva (Oliva Rob. Stephani), 1554; 2^d ed. 1592; фр. перев., 1560. См. Нерре, Беза, p. 38 sq.

III. АНТИКАЛЬВИНИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

BOLSEC, в своей *Histoire de la vie... de Jean Calvin* (1577), chs. III-IV, обсуждает суд над Серветом в духе враждебности как к Кальвину, так и к Сервету. Он представляет католическую точку зрения. Он называет Сервета «очень высокомерным и нахальным», «чудовищным еретиком», который заслуживал уничтожения. «Мне хотелось бы, — говорит он (p. 25), — чтобы все подобные люди были уничтожены и чтобы церковь и наш Господь очистились от этой скверны». Его более терпимый редактор, Л. Ф. Шастель, протестует против такого пожелания, ссылаясь на Лк. 9:55.

IV. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

The Acts of the process of Servetus at Vienne были опубликованы аббатом D'ARTIGNY, Paris, 1749 (tom II, *des Nouveaux Memoires*). — *The Acts of the process at Geneva*, впервые опубликованы: J. H. ALBERT RILLIET: *Relation du procès criminel intenté a Genève en 1553 contre Michel Servet, rédigée d'après les documents originaux*. Genève, 1844. Репринт в *Opera*, vol. VIII. — Английский перевод, с примечаниями и дополнениями — W. K. TWEEDIE: *Calvin and Servetus*. Edinburgh, 1846. Немецкий перевод — BRUNNEMANN (см. ниже).

V. СОВРЕМЕННЫЕ ТРУДЫ

- *L. MOSHEIM, знаменитый лютеранский историк церкви (1694 — 1755), провел первое беспристрастное исследование спора, связанного с Серветом, и сделал вывод в пользу Сервета, в двух монографиях, *Geschichte des berühmten Spanischen Arztes Michael Serveto*, Helmstedt, 1748, quarto (второй том его *Ketzergeschichte*); и *Neue Nachrichten von Serveto*, 1750. Сначала он доверил материалы своему ученику (HENR. AV. ALLWOERDEN), который выпустил *Historia Michaelis Serveti*, Helmstadii, 1727 (238 pp., с хорошим портретом Сервета и изображением его казни), но так как эту книгу строго критиковал Арман де ла Шапель, пастор французской общины в Гааге, Мосгейм написал свой первый труд на основании копий актов суда над Серветом в Женеве (которые подтвердились после публикации оригинальных документов в 1844 г.), а второй — на основании документов суда во Вене, предоставленных ему одним французским церковным деятелем. См. также HENRY, III. 102 sq.; DYER, 540 sq.
- В XIX веке Сервета много обсуждали биографы Кальвина: HENRY (vol. III, 107 sqq., сокращенный вариант в переводе Стеббинга, vol. II); AUDIN (chs. XL-XLI); DYER (chs. IX-X, pp. 296-367); STÄHELIN (I. 422 sqq.; II. 309 sqq.); AMÉDÉE ROGET, в его *Histoire du peuple de Genève* (vol. IV, 1877, где приводится история за 1553 — 1555 гг.). Анри, Штагелин и Роже оправдывают Кальвина, но не соглашаются с его нетерпимостью; Дайер старается быть беспристрастным; Оден, как и Бользек, осуждает и Кальвина, и Сервета.
- *F. TRECHSEL: *Michael Servet und seine Vorgaenger*, Heidelberg, 1839 (первая часть его *Die protest. Antitrinitarier*). В основном он опирается на труды Сервета и на акты суда из архивов Берна, которые совпадают с женевскими, опубликованными позже Рилье. Это академический и беспристрастный труд, проникнутый глубоким уважением к Кальвину. См. также его ценную статью в первом издании Herzog, vol. XIV, 286-301.
- *W. K. TWEEDIE: *Calvin and Servetus*, London, 1846.
- EMILE SAISSSET: *Michael Servet, I. Doctrine philosophique et religieuse de M. S.; II. Le procès et la mort de M. S.* В «Revue des deux Mondes», 1848, и в его «Mélanges d'histoire», 1859, pp. 117-227. Сэссе первым поставил Сервета на подобающее ему место среди ученых и пантеистов. Он называет его «богословом, философом, пантеистом, неожиданным предтечей Малебранша, Спинозы, Шлейермахера и Штрауса».
- J. S. PORTER (унитарий): *Servetus and Calvin*, 1854.
- KARL BRUNNEMANN: *M. Serv., eine aktenmaessige Darstellung des 1553 in Genf gegen ihn geführten Kriminal-processes*, Berlin, 1865. (На основании Рилье).
- *HENRI TOLLIN (богослов, доктор медицины, служитель французской реформатской церкви Магдебурга): I. *Charakterbild Michael Servets*. Berlin, 1876, 48 pp. octavo (перев. на фр. — Mme. Picheral-Dardier, Paris, 1879); II. *Das Lehrsystem Michael Servets, genetisch dargestellt*, Gütersloh, 1876 — 1878, 3 vols. (также много менее значительных трактатов; см. ниже).
- *R. WILLIS (доктор медицины): *Servetus and Calvin*. London, 1877 (641 pp.), с хорошим портретом Сервета и уродливым портретом Кальвина. Более благосклонен к первому.
- MARCELINO MENENDEZ PELAYO (католик): *Historia de las Heterodoxos Espanjoles*. Madrid, 1877. Tom. II, 249-313.
- DON PEDRO GONZALES DE VELASCO: *Miguel Serveto*. Madrid, 1880 (23 pp.). Он поставил статую Сервета в портике Антропологического института в Мадриде.
- Профессор, доктор A. V. D. LINDE: *Michael Servet, een Brandoffer der Gereformeerde Inquisitie*. Groningen, 1891 (326 pp.). Враждебен к Кальвину, как видно из заглавия; также строго критикует Толлина, но ценный труд благодаря ссылкам на литературу, распределенным по главам.
- (Статьи из энциклопедий: CHARLES DARDIER, в Lichtenberger, «Encycl. des Sciences religieuses», vol. XI, pp. 570-582 (Paris, 1881); в LAROUSSE, «Grand Dictionnaire universel», vol. XIV, 621-623; ALEX. GORDON, в «Encycl. Brit.», XXI, 684-686; BERNH. RIGGENBACH, в Herzog², XIV. 153-161).

Богословие Сервета подвергается критическому анализу в HEBERLE: *M. Servets Trinitaetslehre und Christologie*, в «Tübinger Zeitschrift», 1840; BAUR: *Die christl. Lehre v. d. Dreieinigkeit und Menschwerdung Gottes* (Tübingen, 1843), III. 54-103; DORNER: *Lehre v. d. Person Christi* (Berlin, 1853), II. 613, 629, 649-660; PUNJER: *De M. Serveti doctrina*, Jena, 1876.

Трагедия Сервета была драматически представлена в Max Ring (*Die Genfer*, 1850), José Echegaray (1880) и Albert Hamann (1881).

В последнее время проблему Сервета обсуждают более тщательно, чем любую другую тему, связанную с Реформацией.

Величайший специалист по Сервету — это его защитник доктор Толлин, пастор гугенотской церкви Германии, называющий себя «кальвинистом по рождению и решительным защитником терпимости от природы». Он начал изучать Сервета из интереса к Кальвину и написал целую библиотеку трудов о Сервете, около сорока книг и трактатов, обо всех гранях его личности и взглядов: его богословии, антропологии, сотериологии, сатанологии, антихристологии, отношениях с реформаторами (Лютером, Буцером, Меланхтоном) и Фомой Аквином, — а также о его медицинских и географических трудах. Он любезно предоставил мне полный список, и я упомяну наиболее важные из этих трудов в соответствующих разделах.

Доктор Толлин утверждает, что Сервета не поняли все его оппоненты — католики, кальвинисты и лютеране, даже социниане и другие унитаристские симпатизирующие. Он считает, что даже Кальвин его не понял, хотя понимал лучше, чем другие современники. Толлин превращает Сервета в настоящего героя, равного Кальвину по части гения, в первооткрывателя кровообращения, основателя сравнительной географии (предтечу Риттера), пионера современной христологии, которая, вместо того чтобы начинать с предсуществования Логоса, восходит от созерцания Иисуса-человека до признания Иисуса Христа Мессией, Сыном Божьим, и наконец, Богом. Но он перестарался и приписывает Сервету некоторые собственные идеи, хотя Сервет, как и Кальвин, должен изучаться и восприниматься в контексте XVI, а не XIX века.

После Толлина самое благоприятное мнение о Сервете составил профессор Гарнак, преемник Неандера в Берлине. Не вдаваясь в анализ взглядов Сервета, он считает, что в нем «сочеталось все лучшее, что было в XVI веке, за исключением евангельской Реформации», и описывает его так: *Servet ist gleich bedeutend als empirischer Forscher, als kritischer Denker, als speculativer Philosoph und als christlicher Reformator im besten Sinn des Worts. Es ist eine Paradoxie der Geschichte, dass Spanien — das Land, welches von den Ideen der neuen Zeit im 16 Jahrhundert am wenigsten berührt gewesen ist — diesen einzigen Mann hervorgebracht hat* (*Dogmengeschichte*, Bd. III, 661).

§137. Кальвин и Сервет

Мы подошли к мрачной главе в истории Кальвина, которая бросает тень на его светлое имя и справедливо делает его уязвимым для обвинений в нетерпимости и гонениях, характерных для всей его эпохи.

По представлениям большей части христианского мира, одного только сожжения Сервета и *decretum horribile* достаточно для того, чтобы осудить Кальвина и его богословие, но этого все-таки мало, чтобы подорвать прочный фундамент его редких добродетелей и долговечных заслуг. История знает лишь одну безупречную личность — Спасителя грешников. Человеческое величие и чистота запятнаны скверной, что устраняет всякую обоснованность идолопоклонства. Крупные предметы отбрасывают большую тень, и великие добродетели часто сочетаются с великими пороками.

Кальвин и Сервет — какой контраст! Это были люди, которых больше всего злословили в XVI веке, однако они были прямо противоположны друг другу по духу, учению и целям: реформатор и разрушитель, защитник ортодоксии и архиеретик, мастер созидания и мастер уничтожения, вступившие в смертельную схватку, чтобы победить или погибнуть. Оба обладали блестящим умом и ученостью, оба были заклятыми врагами римского антихриста, оба жаждали возрождения изначального христианства, но придерживались противоположных взглядов на то, что такое христианство.

Они были одного возраста, в равной мере быстро созрели, в равной мере были смелы и независимы, полагались на интеллект и духовные силы. Первый, в возрасте двадцати семи лет, создал одну из лучших систем богословия и защиты христианской веры, а второй, когда ему было немногим больше двадцати, попытался опровергнуть фундаментальное учение ортодоксального христианства. Оба умерли в расцвете сил, один естественной, другой насильственной смертью.

Труды Кальвина есть в каждой богословской библиотеке, а книги Сервета — величайшая редкость. Кальвин оставил после себя процветающие церкви, и его влияние ощущается по сей день во всем протестантском мире, а Сервет пронесся, как метеор, не оставив ни секты, ни ученика, однако он до сих пор красноречиво осуждает с высоты своего погребального костра преступность и безумство религиозных гонений, в результате чего один протестантский богослов в недавнее время даже идеализировал его как пророческого предтечу современного христоцентрического богословия.

Кальвин считал, что божественное провидение призвало его очистить церковь от всякой скверны и вернуть ее к христианству Христа. Он воспринимал Сервета как слугу антихриста, который хочет погубить христианство. Сервет также был уверен в своем божественном призвании и даже отождествлял себя с архангелом Михаилом в его апокалиптической битве против римского дракона и «женевского Симона-волхва».

Загадочная сила притяжения и отторжения свела этих интеллектуальных гигантов вместе в драме Реформации. Сервет, словно вдохновляемый бесовской силой, привлекал к себе внимание Кальвина, которого считал папой ортодоксального протестантизма и собирался обратить или сместить. В Париже он призвал только что покинувшего Римскую церковь Кальвина устроить диспут о Троице, но сам не явился в назначенное место в назначенное время⁹⁹⁴. Сервет засыпал его письмами из Вьенны, а в конце концов неосмотрительно отправился в Женеву и попал на костер, обессмертив свое имя⁹⁹⁵.

Суждения историков об этих замечательных личностях сильно изменились. Лучшие люди XVI и XVII века одобряли поведение Кальвина в трагедии Сервета⁹⁹⁶, а в XIX веке все его осуждают. Епископ Боссюэ мог заявлять, что все христиане с радостью согласились бы со справедливостью смертной казни упорствующих еретиков, губителей душ. А сто лет спустя великий историк Гиббон выражал противоположное общественное мнение, говоря: «Одна казнь Сервета возмущает меня больше, чем все аутодафе Испании и Португалии»⁹⁹⁷.

⁹⁹⁴ См. выше, §76. Беза так рассказывает об этом эпизоде: «Вскоре после того Кальвин вернулся [из Ангулема, в 1534 г.] в Париж, словно привлеченный туда рукой самого Бога, ибо нечестивый Сервет уже тогда распространял свой еретический яд, выступая против святой Троицы в этом городе. Сервет говорил, что ничего не жаждет так сильно, как вступить в спор с Кальвином, который долго ждал Сервета в назначенном для встречи месте в назначенное время, рискуя собственной жизнью, потому что тогда ему необходимо было скрываться от гнева своих противников. Кальвин так и не смог встретиться с Серветом, которому не хватило смелости даже предстать перед своим оппонентом».

⁹⁹⁵ «Если когда-либо несчастный фанатик кидался в огонь, это был Мигель Сервет». Coleridge, *Table-Talk*.

⁹⁹⁶ См. мнения ниже, в §134.

⁹⁹⁷ В примечании к гл. LIV его труда *Decline and Fall of the R. E.* (Smith's ed. V. 552). Он указывает три причины своего возмущения: 1) рвение Кальвина питалось его личным озлоблением и, возможно, завистью [?]; 2) эта жестокость не могла быть оправдана предложением угрозы для церкви или государства; 3) Кальвин нарушил золотое правило, не поступать с другими так, как ты не хочешь, чтобы поступили с тобой. Предубеждение Гиббона против кальвинизма

Было бы нелепо сравнивать Кальвина с Торквемадой⁹⁹⁸. Но следует признать, что сожжение Сервета — типичный случай протестантского гонения, и Кальвин становится ответственным за прецедент, которым оправдывались многие другие случаи. Гонения заслуживают более строгого осуждения в протестантизме, чем в католичестве, потому что они нелогичны. Протестантизм должен быть основан на свободе совести и свободе поклонения.

С точки зрения современного христианина и цивилизации, сожжение Сервета нельзя оправдать. Даже те биографы, которые восхищаются Кальвином, жалуются на его поведение в этой трагедии и не одобряют его. Этот эпизод омрачил его славу и прославил Сервета как мученика.

Но если мы подумаем о поведении Кальвина в контексте взглядов XVI века, мы вынуждены будем прийти к выводу, что он действовал исключительно из чувства долга, в соответствии с общественным законом и обычаями своей эпохи, которая оправдывала смертную казнь за ересь и богохульство и осуждала терпимость как равнодушие к истине. Даже Сервет признавал тот принцип, от которого пострадал, ибо он говорил, что неисправимое упорство и злоба заслуживают смерти перед Богом и людьми⁹⁹⁹.

Нетерпимость Кальвина стала его несчастьем. Это было ошибкой ума, но не сердца, и его можно извинить, хотя и не оправдать, духом той эпохи¹⁰⁰⁰.

Кальвин никогда не изменял своих взглядов и не жалел о своем обращении с Серветом. Через девять лет после казни Сервета он защищал себя, отвечая на упреки Бодуэна (1562): «Сервет был наказан за свою ересь, но произошло ли это по моему желанию? Без сомнений, его погубило его высокомерие и его неверие. И в чем же мое преступление, если наш совет, по моей просьбе, да, но в соответствии с мнением нескольких церквей, покарал его за скверное богохульство? Пусть Бодуэн оскорбляет меня сколько хочет, потому что, как говорит Меланхтон, потомство должно быть мне благодарно, ведь я очистил церковь от такого опасного чудовища»¹⁰⁰¹.

В одном отношении Кальвин опережал свое время — когда просил совет Женевы, хотя и безуспешно, смягчить наказание и заменить костер мечом.

видно из слов: «Многие здравые христиане скорее согласились бы с тем, что облатка — это Бог, нежели с тем, что Бог — жестокий и капризный тиран» (р. 551).

⁹⁹⁸ Джеймс Мартино утверждает, что «за восемнадцать лет служения кардинал Томас Торквемада сжег живьем, как подсчитано, восемь тысяч восемьсот жертв и девяносто тысяч наказал другими способами, не за нарушение законов нравственности или преступления перед обществом, а за их взгляды о религии, которые должен судить только Бог, но никак не папа; или же за то, что они были иудеями и не хотели отречься; или же за то, что они на дыбе отказывались признаваться в том, чего никогда не делали». *The Seat of Authority in Religion*, 1890, p. 156; см. также Llorente, *Histoire Critique de l'Inquisition*, IV. 251 sq.

⁹⁹⁹ *Hoc crimen est morte simpliciter dignum, et apud Deum et apud homines*. В двадцать седьмом письме к Кальвину (*Christianismi Restitutio*, p. 656). Он говорит здесь о наказании Анании и Сапфиры, которые были *incorrigibiles, in malitia obstinati*. Кальвин же относит эти слова к самому Сервету и обвиняет его в непоследовательности. *Opera*, VIII. 462.

¹⁰⁰⁰ Сейчас беспристрастные историки это признают. Мишле (XI. 96) называет это пятно на биографии Кальвина «преступлением скорее эпохи, чем самого человека».

¹⁰⁰¹ *Responsio ad Balduini Convicia*, *Opera*, IX. 575: *Iustus quidem ille poenas dedit: sed an meo arbitrio? Certe arrogantia non minus quam impietas perdidit hominem. Sed quodnam meum crimen, si Senatus noster mea hortatu, ex plurium tamen ecclesiarum sententia, execrables blasphemias ultus est? Vituperet me sane hac in parte Franciscus Balduinus, modo Philippi Melancthonis iudicio posteritas mihi gratitudinem debeat, quia tam exitiali monstro ecclesiam purgaverim. Senatum etiam nostrum, sub cuius ditione aliquando vixit, perstringat ingratus hospes: modo idem Philippus scripto publice edito testetur dignum esse exemplum quod imitentur omnes christiani principes*.

Воздадим должное его сравнительной умеренности в тот полуварварский век, когда не только многих еретиков, но и невинных женщин жестоко пытали и сжигали, как ведьм. Давайте будем также помнить, что Кальвину пришлось иметь дело не просто с ересью, а с ужасным богохульством. Если он ошибся, если он неправильно понял взгляды Сервета, это была ошибка суждения, которую разделяли все католики и протестанты того времени. Не надо забывать и о том, что Сервет был уличен во лжи, осыпал Кальвина оскорблениями¹⁰⁰² и поддерживал либертинов, заклятых врагов Кальвина, которые в то время пользовались влиянием в совете Женевы и хотели сместить его.

Возражают, что в Женеве не было закона, который оправдал бы наказание Сервета, поскольку каноническое право было упразднено Реформацией в 1535 г. Однако закон Моисея не был упразднен, и он даже строго насаждался, а главным доводом Кальвина было положение из закона Моисея против богохульства.

Но, с другой стороны, мы должны честно признать, что некоторыеотягчающие обстоятельства не позволяют нам согласовать поведение Кальвина с принципами справедливости и гуманности. За семь лет до смерти Сервета Кальвин заявил о своей решимости не падать Сервета, если тот прибудет в Женеву. Он писал Фарелю (13 февраля 1546 г.): «Сервет недавно написал мне и приложил к своему письму целый том своих бредовых фантазий, хвастаясь, что я увижу там нечто поразительное и неслыханное. Он предлагает пойти еще дальше, если мне будет угодно. Но я не стану обещать ему безопасность; если он придет и моей власти хватит на то, я никогда не позволю ему уехать живым»¹⁰⁰³. Этому замыслу вполне соответствовал бы и его донос о книге Сервета католической инквизиции Лиона. Кальвин организовал арест Сервета, когда тот приехал в Женеву. Кальвин проявил личную неприязнь к нему во время суда. Сервет был чужаком в Женеве и не совершал преступлений в этом городе. Кальвин мог позволить ему тихо уехать или просто изгнать его с территории Женевы, как в случае с Бользекком. Это было бы достаточным наказанием. Если бы Кальвин посоветовал изгнание, а не обезглавливание, это спасло бы его от упреков потомства, которое никогда не забудет и не простит сожжение Сервета.

В интересах беспристрастной истории мы должны осудить и нетерпимость победителя, а не только заблуждения жертвы, и признать за обоими верность своим убеждениям. Ересь — это заблуждение, нетерпимость — грех, а гонения — преступление.

§138. Нетерпимость католиков

См. т. VII, §§11-12, и SCHAFF: *The Progress of Religious Liberty as shown in the History of Toleration Acts*. New York, 1889.

Здесь будет уместно вспомнить основные факты, касающиеся религиозной терпимости и нетерпимости, которая придает делу Сервета основной интерес и

¹⁰⁰² Он назвал его на суде *Simon Magus, impostor, sycophanta, nebulo, perfidus, impudens, ridiculus mus, cacodaemon, homicida* и т. д.

¹⁰⁰³ *Servetus nuper ad me scripsit ac litteris adjunxit longum volumen suorum deliriorum, cum Thraonica jactantia, me stupenda et hactenus inaudita visurum. Si mihi placeat, huc se venturum recipit. Sed nolo fidem meam interponere. NAM SI VENERIT, MODO VALEAT MEA AUCTORITAS, VIVUM EXIRE NUNQUAM PATIAR*». *Opera*, VIII. 283; Henry, III. Beil. 65-67; Bonnet-Constable, II. 17. Гроций нашел это письмо в Париже, его подлинность сначала опровергалась, но теперь признается большинством. Существует точная копия его в Женеве.

важность для истории. Богословские взгляды Сервета имели намного меньше последствий, чем его связь с историей гонений, ставших причиной его смерти.

Гонения и войны составляют дьявольскую страницу в человеческой истории, но провидение превращает их в условие для проявления героизма и для развития гражданской и религиозной свободы. Без гонений не было бы мучеников. У каждой церкви, да и у каждой истины, и у каждого доброго дела, есть свои мученики, которые выдержали испытание огнем и пожертвовали комфортом и самой жизнью ради своих священных убеждений. Кровь мучеников — семя терпимости, терпимость — семя свободы, а свобода — самый драгоценный дар Бога каждому из людей, сотворенных по Его образу и искупленных Христом.

Из всех видов гонений религиозные гонения хуже всего, потому что совершаются во имя Бога. Они нарушают священное право совести и вызывают наиболее сильные и глубокие страдания. Гонения с помощью слова и пера, которые порождаются ненавистью, завистью и коварством человеческого сердца или же узостью мышления и ошибочным стремлением к защите истины, не исчезнут вплоть до последних времен. А вот гонения огнем и мечом противоречат духу гуманности и христианства и несовместимы с современной цивилизацией. Гражданские преступления против государства заслуживают наказаний в виде штрафа, заключения, конфискации, ссылки и казни, в зависимости от степени вины. Духовные преступления против церкви должны судиться духовно и наказываться увещаниями, смещением и отлучением с целью исправления и возрождения преступника. Таков закон Христа. Светские наказания за ересь — логичное следствие союза церкви и государства. Они ослабевают, когда этот союз распадается. Религия, вводимая законом, должна быть защищаемая по закону. Поэтому, например, Конституция Соединенных Штатов, обеспечивая полную религиозную свободу, запрещает Конгрессу учреждать законом какую-либо религию или церковь¹⁰⁰⁴. Эти моменты неразделимы. Официальная церковь должна, защищаясь, преследовать еретиков, а свободная церковь не может преследовать. Однако и в официальной церкви есть место для христианской доброты и милосердия, как и в свободной остается место для нетерпимости и фанатизма. Доникийские отцы церкви столь же ревностно защищали ортодоксию и ненавидели ересь, как следовавшие за ними никейские и посленикийские отцы, средневековые папы, схоласты и реформаторы, — но ограничивались духовными наказаниями за ересь. В Соединенных Штатах Америки религиозные гонения невозможны не потому, что там никто не ревнует о защите истины и не испытывает ненависти и нетерпимости, а потому, что там нет союза между церковью и государством.

Теория религиозных гонений была взята из закона Моисея, который предписывает карать смертью идолопоклонство и богохульство. «Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен»¹⁰⁰⁵. «Хулитель имени Господня должен умереть, камнями побьет его все общество: пришлец ли, туземец ли станет хулить имя Господне, предан будет смерти»¹⁰⁰⁶.

Теократия Моисея в ее национальном и временном проявлении была заменена царством Христа, которое «не от мира сего». И путаница между Ветхим и Новым Заветами, между законом Моисея и Евангелием Христа стала причиной многих зол в церкви.

¹⁰⁰⁴ В первой поправке к Конституции сказано: «Конгресс не должен принимать законов об учреждении религии или запрещать ее свободное отправление».

¹⁰⁰⁵ Исх. 22:20; см. также Вт. 13:5-15; 17:2-5 и т. д.

¹⁰⁰⁶ Лев. 24:16; см. также 3 Цар. 21:10,13.

В Новом Завете нет ни намека на поддержку учения о гонениях. Всё учение и пример Христа и апостолов прямо противоположны гонениям. Христос и апостолы терпели гонения, но никого не преследовали. Их оружие было духовным, а не плотским. Они отдавали Богу Богово, а кесарю кесарево. Единственное место, которое святой Августин мог процитировать в поддержку принуждения, — это переосмысленное им «убеди придти» (Лк. 14:23), которое при буквальном прочтении могло бы учить прямо противоположному — то есть принудительному спасению. Святой Фома Аквинат не цитирует ни одного отрывка из Нового Завета в поддержку нетерпимости, но пытается превратно истолковать те места, которые рекомендуют терпимость (Мф. 13:29,30; 1 Кор. 11:19; 2 Тим. 2:24). Церковь не забывала об учении Христа никогда, и даже в самые мрачные века гонений придерживалась принципа: *Ecclesia non sitit sanguinem*, — но при этом делала своим исполнителем наказания государство.

В первые три века церковь не обладала ни властью, ни желанием устраивать гонения. Иустин Мученик, Тертуллиан и Лактанций были первыми защитниками свободы совести. Эдикт о веротерпимости Константина (313) предвосхитил современную теорию о праве каждого человека выбирать веру и поклоняться в соответствии со своими убеждениями. Но тогда оставался всего один шаг до союза империи с церковью, в котором церковь обрела положение и власть прежней языческой государственной религии.

Эра гонений внутри церкви началась с Первого Вселенского собора, созванного Константином. Этот собор — первый пример официального принятия символа веры и первый пример осуждения тех, кто откажется его подписывать. Арий и два соглашавшихся с ним египетских епископа были изгнаны в Иллирию. Во время яростных арианских споров, которые сотрясали империю между первым и вторым вселенскими соборами (325 — 381), обе партии, приходя к власти, поочередно преследовали друг друга, наказывая тюрьмой, смещением и изгнанием. Ариане были так же нетерпимы, как и ортодоксы. Эта практика легла в основание теории и общественного закона о гонениях.

Смертная казнь за ересь была учреждена Феодосием Великим после окончательной победы Никейского символа веры на Втором Вселенском соборе. За время своего правления (379 — 395) Феодосий принял не менее пятнадцати строгих эдиктов против еретиков, особенно тех, кто не был согласен с учением о Троице. Их лишали права публичного поклонения, смещали с гражданских должностей, иногда казнили¹⁰⁰⁷. Его соперник и коллега Максим окончательно воплотил теорию в жизнь и первым пролил кровь еретиков, осудив склонного к манихейству испанского епископа Присциллиана и шестерых его сторонников на пытки и казнь от меча.

Лучшие чувства церкви отразились в протестах Амвросия Медиоланского и Мартина Турского, которые выступили против такой жестокости. Но общество одобрило ее. Иероним выступает за смертную казнь еретиков на основании Вт. 13:6-10. Великий Августин, который сам девять лет был еретиком-манихеем, оправдывал насильственные меры против донатистов, противоречившие его благородным чувствам: «Ничто не побеждает, кроме истины, и победа истины есть

¹⁰⁰⁷ См. кодексы Феодосия и Юстиниана, разделы: *De summa Trinitate*, *De Catholica Fide*, *De Haereticis*, *De Apostatis*. Общие выводы см. в Gibbon, ch. XXVII (vol. III, 197 sqq.), и Milman, *Latin Christianity*, bk. III, ch. V (I. 512 sqq.). Гиббон говорит: «Феодосий считал каждого еретика бунтовщиком против высших властей неба и земли, и каждая из этих властей могла распоряжаться душой и телом виновного».

любовь»¹⁰⁰⁸. Он же, отец христианской церкви, управлявший ее мышлением в течение многих веков и заложивший основу для богословия реформаторов, считал спасенными всех некрещенных детей, хотя Христос явно включил их в царство небесное. Лев I, величайший из ранних пап, выступал за смертную казнь еретиков и одобрял казнь Присциллиана. Фома Аквинат, учитель богословия средних веков, авторитетно поддержал учение о гонениях и доказал на основании Ветхого Завета и разума, что еретики — преступники хуже, чем разбойники, и городские власти должны осуждать их на смерть¹⁰⁰⁹. Ересь считалась величайшим грехом, хуже чем убийство, потому что она губила душу. Она заняла место идолопоклонства Ветхого Завета.

Кодекс Феодосия был дополнен кодексом Юстиниана (527 — 534). Кодекс Юстиниана был принят Священной Римской империей и стал основой законодательства христианской Европы. Рим правил миром с помощью закона и креста дольше, чем с помощью меча. Каноническое право также обрекает на сожжение тех, кто признан виновным в ереси¹⁰¹⁰. Этот закон был повсеместно принят в континентальной Европе в XIII веке¹⁰¹¹. Англия в своей изоляции была более независима, она построила общество на основаниях общего права. Но Генрих IV и его парламент изобрели кровавый закон *de haeretico comburendo*, согласно которому Уильям Сотре, приходской священник, был публично сожжен в Смитфилде (26 февраля 1401 г.) за то, что отрицал учение о пресуществлении, а кости Виклифа были сожжены епископом Флемингом из Линкольна (в 1428 г.). Закон оставался в силе до 1677 г., когда он был формально упразднен.

На этом юридическом и богословском основании средневековая церковь запятнала свои анналы кровью армии еретиков, которая больше, чем армия христианских мучеников в языческом Риме. Достаточно только упомянуть крестовые походы против альбигойцев и вальденсов, санкционированные Иннокентием III, одним из лучших и величайших пап; все пытки и аутодафе испанской инквизиции, которые отмечались как религиозные праздники; пятьдесят тысяч или более протестантов, которые были казнены в правление герцога Альбы в Нидерландах (1567 — 1573); несколько сотен мучеников, сожженных в Смитфилде в правление Марии Кровавой; неоднократные преследования невинных вальденсов во Франции и Пьемонте, вызывающих к небесам об отпущении.

И здесь нет смысла сваливать ответственность на гражданское правительство. Папа Григорий XIII не только организовал в честь бойни Варфоломеевской ночи *Te Deum* в церквях Рима, но и выпустил, как более осмысленное и вечное свидетельство торжества, медаль в честь «уничтожения гугенотов» с изображением ангела гнева. Французские епископы, под руководством великого Боссюэ, славили Людовика XIV как нового Константина, нового Феодосия, нового Карла Великого, нового истребителя еретиков за то, что он отменил Нантский эдикт, и за его печально известные набеги на гугенотов.

¹⁰⁰⁸ См. т. III.

¹⁰⁰⁹ *Summa Theol. Secunda Secundae*, Quest. XI (*de haeresi*), Art. 3. Migne ed. Tom. III. 107.

¹⁰¹⁰ См. Boehmer, *Inst. Juris Canonici*, 1747, lib. V, tit. 7, §10.

¹⁰¹¹ Friedberg, *Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts*, 2^d ed. 1884, p. 221: *Im XIII Jahrhundert erfolgt ueberall die rechtliche staatliche Feststellung der Todesstrafe und Vermoegensconfiscation für Ketzerei, und die Kirche hat diese staatlichen Strafen nicht nur gebilligt, sondern auch verlangt, und die weltliche Obrigkeit, die sie nicht verhaenge, selbst mit der Strafe der Ketzerei bedroht.*

Среди самых выдающихся случаев преследований можно упомянуть сожжение Гуса (1415) и Иеронима Пражского (1416) по приказу Констанцкого собора, сожжение Савонаролы во Флоренции (1498), сожжение трех английских реформаторов в Оксфорде (1556), Аонио Палеарио в Риме (1570) и Джордано Бруно (1600) в том же городе и на том же месте, где либералы Италии воздвигли памятник в его честь (1889). Сервет был осужден на смерть на костре и символически сожжен римско-католическим судом еще до того, как попал в руки Кальвина.

Ныне Римская церковь утратила свою власть, а в значительной мере и желание преследовать огнем и мечом. Некоторые из ее высших чинов откровенно отрекаются от принципа гонений, особенно в Америке, где они наслаждаются всеми благами религиозной свободы¹⁰¹². Но римская курия никогда официально не отрекалась от теории, на которой основана практика гонений. Напротив, несколько пап после Реформации поддерживали ее. Папа Климент VIII осудил Нантский эдикт о терпимости: «Самое проклятое дело из всех возможных — свобода совести для всех; это худшая вещь в мире». Папа Иннокентий X «осудил, отверг и отменил» статьи о терпимости из Вестфальского договора 1648 г., и его преемники даже протестовали против этого, хотя и безрезультатно. Папа Пий IX в Силлабусе 1864 г. открыто осудил, наряду с другими заблуждениями эпохи, учение о религиозной терпимости и свободе¹⁰¹³, а именно этот папа был объявлен официально непогрешимым по Ватиканскому декрету 1870 г., равно как все его предшественники (несмотря на доказывающий противоположное пример Гонория I) и преемники на престоле святого Петра. Лев XIII применял учение Силлабуса умеренно и осторожно¹⁰¹⁴.

§139. Протестантская нетерпимость. Осуждение Сервета реформаторами

Реформаторы унаследовали учение о гонениях у своей матери-церкви и практиковали их в той мере, в какой обладали властью. Они боролись с нетерпимостью с помощью нетерпимости. Они в благоприятную сторону отличались от своих противников в том, что касалось размаха гонений, но не в том, что касалось принципа нетерпимости. Они свергли тиранию папства и открыли путь для развития религиозной свободы, но отрицали право других на ту свободу, которой пользовались сами. Протестантские правительства в Германии и Швейцарии, насколько это было в их власти, лишали католиков всех религиозных и гражданских прав, овладевали их церквями, монастырями и прочим имуществом. Они изгоняли, бросали в тюрьму, топили, обезглавливали, вешали и сжигали анаба-

¹⁰¹² Среди них — кардинал Гиббонс из Балтимора, который говорит (*The Faith of our Fathers*, Balto., 1890, 36th ed., p. 284 sq.): «Я не оправдываю испанскую инквизицию, и мне не хочется хвалить или извинять крайности, в которые впадал в то время суд. Я от всей души не принимаю и осуждаю всякое насилие, несправедливость и гонения, в которых могла быть виновна испанская инквизиция. И, выступая против принуждения в вопросах веры, я выражаю не только свои собственные чувства, но и чувства каждого католика, священника или мирянина в нашей стране. Наши предки-католики в течение последних трехсот лет столько пострадали в борьбе за свободу совести, что осудили бы нас, если бы мы стали защитниками и сторонниками гонений. Мы опозорили бы своих предков, если бы начали попира́ть принцип свободы, бывший для них дороже жизни».

¹⁰¹³ *Syllabus Errorum*, §III. 15; VI. 55; X. 78.

¹⁰¹⁴ См. его энциклики от 1 ноября 1885 г. (*Immortale Dei*) и от 20 июня 1888 г. (*Libertas praestantissimum naturae donum*). Они есть в последнем издании Schaff, *Creeds of Christendom*, II. 555-602.

птистов, антитринитариев, швенкфельдиан и других несогласных. В Саксонии, Швеции, Норвегии и Дании не допускалось никакого публичного поклонения, кроме лютеранского. Дортский синод сместил и изгнал всех арминиянских служителей и учителей. Уголовный кодекс королевы Елизаветы и последующие акты о единоверии были нацелены на полное истребление всех несогласных, будь то паписты или протестанты, и для англичанина было преступлением не являться членом епископальной церкви. Когда пуритане пришли к власти, они сместили за несоответствие две тысячи служителей. А представители епископальной церкви отплатили им той же монетой, когда вернулись к власти. «Реформаторы, — говорит Гиббон с саркастической суровостью, — стремились стать преемниками тех самых тиранов, которых сместили. Они с такой же суровостью насаждали свои символы веры и исповедания. Они утверждали, что городские власти имеют право наказывать еретиков смертью. Природа тигра оставалась той же, хотя он постепенно лишался клыков и когтей»¹⁰¹⁵.

Протестантские гонения нарушают фундаментальный принцип Реформации. У протестантизма нет иного права на существование, кроме свободы совести.

Как объяснить столь вопиющую непоследовательность? У всего есть причина. Протестантские гонения были необходимы для самозащиты и борьбы за выживание. Времена не созрели для терпимости. Юные церкви не выстояли бы. Сначала эти церкви должны были консолидироваться и укрепиться, чтобы бороться с окружающими врагами. Всеобщая терпимость в то время привела бы ко всеобщей путанице и нарушению общественного порядка. От анархии до абсолютного деспотизма — один шаг. Раскол протестантизма на два соперничающих лагеря, лютеранский и реформатский, ослабил его, а дальнейшие расколы в этих лагерях погубили бы реформацию и облегчили бы победу католичество, которое стало бы еще более деспотичным, чем раньше. Всё это не оправдывает принципа, но объясняет практику нетерпимости.

Реформаторы, протестантские князья и городские власти, по сути, соглашались в нетерпимом отношении как к католикам, так и к протестантским несогласным — по крайней мере, в том, что касалось их заключения в тюрьму, смещения и изгнания. Разной была только степень строгости. Все они верили, что папство — это антихристианство, а месса — идолопоклонство; что ересь — грех перед Богом и обществом; что отрицание Троицы и Божественности Христа — величайшая из ересей, которая заслуживает казни по законам империи и вечной кары по Афанасьевскому символу веры (с его тремя проклятиями); и что гражданское правительство обязано защищать как вторую половину Десятословия, так и первую, спасая честь Бога от богохульства. Они стремились проявить свое ортодоксальное рвение, строго относясь к ереси. Они не сомневались в том, что сами они ортодоксальны, согласно единственному истинному стандарту ортодоксии — Слову Божьему в Священном Писании. Что касается учений о Троице и воплощении, они полностью соглашались с католическими оппонентами и выступали против заблуждений Сервета, который отрицал эти догмы с неведомой ранее смелостью и пренебрежением.

Давайте посмотрим, какими были чувства ведущих реформаторов, в особенности в том, что касалось дела Сервета. Они полностью оправдывают Кальвина в той мере, в какой он вообще может быть оправдан.

¹⁰¹⁵ *Decline and Fall*, гл. LIV. Однако следует помнить, что самой нетерпимой формой нетерпимости была нетерпимость неверующих, которая проявилась в терроре во время Французской революции.

Лютер

Лютер, герой Вормса, защитник священных прав совести, на словах был самым неистовым, а на практике — наименее нетерпимым из реформаторов. Он был ближе всего к католицизму в плане осуждения ереси, но ближе всего к гению протестантизма в защите религиозной свободы. Он опирался на средневековое благочестие, однако был мощным пророком современности. В ранний период, до 1529 г., он выражал самые благородные мнения в поддержку религиозной свободы. «Вера — свободная вещь, — говорил он, — ее нельзя навязывать». «Если еретиков надо казнить, то палач должен быть самым ортодоксальным богословом». «Ересь — вещь духовная, ее не уничтожить железом, не сжечь огнем и не утопить в воде»¹⁰¹⁶. «Сжигать еретиков противно воле Святого Духа»¹⁰¹⁷. «Лжеучителей не стоит подвергать смерти; достаточно их изгонять»¹⁰¹⁸.

Но в последующие годы он стал менее либеральным и более нетерпимым к католикам, еретикам и иудеям. Он призывал городские власти запретить любые проповеди анабаптистов, которых он всех без исключения осудил как лжепророков и глашатаев дьявола, и требовал их изгнания¹⁰¹⁹. Он не протестовал, когда на Шпейерском рейхстаге в 1529 г. был принят жестокий декрет, согласно которому анабаптистов следовало казнить огнем и мечом, без внимания к полу и даже без предварительного слушания дела духовными судьями¹⁰²⁰. Электор Саксонии считал своим долгом воплощать в жизнь это решение и подверг смерти ряд анабаптистов в своих владениях. Его сосед, Филипп Гессенский, который был более либералом, чем другие князья Германии того времени, не хотел поднимать меч

¹⁰¹⁶ В его книге *Von weltlicher Obrigkeit wie weit man ihr Gehorsam schuldig sei* (1523), в *Werke*, XXII. 90: *Ketzerei kann man nimmermehr mit Gewalt wehren, es gehoert ein ander Griff dazu, und ist hie ein ander Streit und Handel, denn mit dem Schwert. Gottes Wortsoll hie streiten; wenn das nicht ausreicht, so wird's wohl unausgerichtet bleiben von weltlicher Gewalt, ob sie gleich die Welt mit Blut füellet. Ketzerei ist ein geistlich Ding, das kann man mit keinem Eisen hauen, mit keinem Feuer verbrennen, mit keinem Wasser ertraenken. Es ist aber allein das Wort Gottes da, das thut's, wie Paulus sagt 2 Cor. 10:4, 5: 'Unsere Waffen sind nicht fleischlich, sondern maechtig in Gott'*.

¹⁰¹⁷ Conclus. LXXX. в *Resol. de Indulgentiis*, 1518. Это один из тезисов, которые парижская Сорбонна осудила в 1521 г.

¹⁰¹⁸ Его последнее либеральное высказывание на эту тему — в письме к Линку, 1528 г.: *Nulla modo possum admittre, falsos doctores occidi: satis est eos relegari. Briefe*, III. 347 sq. (De Wette ed.). В том же году он написал книгу *Von der Wiedertaufe an zwei Pfarrherrn* (Erl. ed., vol. XXVI), в которой немилосердно отзывается об учениях баптистов, но в то же время сожалеет о жестоким отношении к ним, говоря: *Es ist nicht recht und mir wahrlich leid, dass man solche elende Leute so jaemmerlich ermordet, verbrennet und graeulich umbringet; man sollte ja einen jeglichen lassen glauben, was er wolt; glaubt er unrecht, so hat er genug Strafen an dem ewigen Feuer in der Hoellen. Warum will man sie denn auch noch zeitlich martern, so ferne sie allein im Glauben irren und nicht auch daneben aufruehrerisch sind oder sonst der Obrigkeit widerstreben! Lieber Gott, wie bald ist's geschehen, dass einer irre wird und dem Teufel in Stricke faellt? Mit der Schrift und Gottes Wort sollt man ihnen wehren und widerstehen, mit Feuer wird man wenig ausrichten*. Я цитировал этот и другие отрывки в т. VII, §11, но не мог не упомянуть о них и в этой связи.

¹⁰¹⁹ *Von den Schleichern und Winkelpredigern*, адресовано Эбергарду фон дер Таннену из Вартбурга, 1531. *Werke*, XXXI. 214 sqq.

¹⁰²⁰ *Dass alle und jede Widertauffer und Widergetaufte, Mann und Weibspersonen verstaendigs Alters vom natürlichen Leben zum Tode mit Feuer, Schwert oder dergleichen nach Gelegenheit der Personen ohne vorgehende der geistlichen Richter Inquisition gerichtet oder gebracht werden*. Это был тот же рейхстаг, на котором лютеранские протестанты выступали против решения большинства (после чего их и стали называть «протестантами»); однако эти протестанты согласились с жестоким указом против анабаптистов, а также с нетерпимым отношением к цвинглианам, — кроме ландграфа Гессенского, который протестовал и против нетерпимости.

против тех, кто верит во что-то другое¹⁰²¹. А вот богословы Виттенберга, когда электор Иоганн Фридрих советовался с ними около 1540 или 1541 г., выступили за смертную казнь анабаптистов, согласно законам империи. Лютер одобрил это от собственного имени и добавил, что жестоко наказывать их мечом, но будет еще более жестоким, если им удастся осквернить служение Слову и подавить истинное учение в попытках уничтожить царства этого мира¹⁰²².

Если понимать эти слова буквально, то Лютера следует причислить к сторонникам смертной казни еретиков. Но он разграничивал два класса анабаптистов — подстрекателей к бунту, то есть революционеров, и просто фанатиков. Первых следует подвергать казни, последних — изгонять¹⁰²³. В письме от 20 ноября 1538 г. он настоятельно просит Филиппа Гессенского изгнать с его земли анабаптистов — которых называет детьми дьявола, но ничего не говорит об использовании меча¹⁰²⁴. Так что надо воздать должное его либеральной конструктивности¹⁰²⁵.

Однако это разграничение не всегда строго соблюдалось, и в сознании судей фанатики легко превращались в бунтовщиков, особенно после крайностей Мюнстера в 1535 г., о которых распространялись сильно преувеличенные слухи и которые стали предлогом для наказания многих невинных мужчин и женщин¹⁰²⁶. Вся история анабаптистского движения в XVI веке должна быть переписана и освобождена от богословской ненависти (*odium theologicum*).

¹⁰²¹ В 1540 г. он хвалился тем, что не казнил ни одного анабаптиста за их взгляды, в то время как в других немецких землях количество таких мучеников к 1530 г. достигло примерно двух тысяч. *Wir koennen in unseren Gewissen nicht finden*, — сказал он своему электору, — *jemanden des Glaubens halben, wo wir nicht sonst genugsam Ursache der Verwirkung haben moegen, mit dem Schwert richten zu lassen. Denn so es die Meinung haben sollte, müssten wir keinen Juden noch Papisten, die Christum am hoechsten blasphemiren, bei uns dulden und sie dergestalt richten lassen*. G. L. Schmidt, *Justus Menius, der Reformator Thüringens* (Gotha, 1867), vol. I, 144. См. также *Corpus Reform.*, IX. 757.

¹⁰²² Он написал под решением виттенбергских богословов: «*PLACET MIHI MARTINO LUTHERO. Wiewol es crudele anzusehen, dass man sie mit dem Schwert strafft, so ist doch crudelius, dass sie ministerium verbi damniren und keine gewisse Lehre treiben, und rechte Lehre unterdrücken, und dazu regna mundi zerstoeren wollen*. Последняя фраза относится к хилиастическим взглядам многих анабаптистов, которые были осуждены в Аугсбургском вероисповедании. Зидеман, в шестом томе *De Wette*, «*Correspondence of Luther*», p. 291. Он относит этот документ к 1541 г. См. также *Corp. Ref.*, IV. 737-740.

¹⁰²³ *Anabaptistae occidendi. D. dixit. Duplices sunt. Quidam aperte seditiose docent contra magistratus; eos jure occidit elector. Reliqui habent fanaticas opiniones, ii plerumque relegantur*. G. Loesche, *Analecta Lutherana et Melanchthoniana. Tischreden Luthers und Aussprüche Melanchthons*, Gotha, 1892, p. 137.

¹⁰²⁴ *Es ist nicht allein mein Bedenken, sondern auch demüthiges Bitten, E. F. G. wollten sie [die Wiedertaeufer] ernstlich des Landes verweisen, denn est ist gleichwol des Teufels Samen*, etc. Luther, *Briefe, Sendschreiben und Bedenken*, vol. VI, Joh. Karl Seidemann (Berlin, 1856), p. 216.

¹⁰²⁵ Вот вывод моего друга, доктора Кестлина из Галле, выдающегося биографа Лютера. В ответе на мое письмо, 12 марта 1892 г., он так сообщает мне свое обдуманное мнение: *Nirgends, auch nicht in seiner spaeteren Zeit, that Luther Aeusserungen, in welchen er den Grundsatz des damaligen allgemeinen Rechts (auch der Carolina), dass z. B. Bestreitung der Trinitaetslehre oder andere bloss dogmatische Irrlehre schon als solche mit dem Tod bestraft werden sollte, sich angeeignet hatte. So weit wir sehen, hat er darin doch immer sehr von Calvin und auch von Melanchthon, ja von allen anderen Hauptlehrern der Reformation sich unterschieden. Insbesondere beschaenkt er sich, z. B. einem Antitrinitatier wie Joh. Campan gegenüber ('filium Satanae, adversarium Dei, quem plus etiam quam Arius blasphematur'), doch auf den Wunsch, dass die Obrigkeit 'tales furias non vocatas' nicht zulassen moege. Briefe v. De Wette IV. 321. Auch die schaeerfsten Ausserungen der Tischreden (cf. auch die Colloquien ed. Bindseil) gehen nie weiter, soweit sie dogmatische Irrlehren betreffen*.

¹⁰²⁶ См. L. Keller: *Geschichte der Wiedertaeufer und ihres Reichs zu Münster*, Münster, 1880, и его *Die Reformation*, p. 451, где он говорит о новых источниках, обнаруженных после 1880 г.

Что касается Сервета, то Лютер знал только его первый труд против Троицы, который назвал в своих «Беседах» (1532) «ужасно скверной книгой»¹⁰²⁷. К счастью для своей репутации, Лютер не говорил, что одобряет казнь Сервета, и мы должны отдать должное его молчанию.

Его отношение к иудеям изменилось к худшему с годами. В 1523 г. он решительно протестовал против жестоких гонений на иудеев, но в 1543 г. уже советовал изгонять их с христианских территорий, сжигать их книги, синагоги и частные дома, в которых они хулят Спасителя и святую Деву. Он повторил этот совет в своей последней проповеди, произнесенной в Эйслебене за несколько дней до смерти¹⁰²⁸.

Меланхтон

Высказывания Меланхтона на эту болезненную тему намного хуже, чем у Лютера. Они имеют еще большее значение потому, что Меланхтон был самым мягким и кротким из реформаторов. Но нам следует помнить, что его высказывания на тему принадлежат к более поздней дате, через несколько лет после смерти Лютера. Он считал, что закон Моисея против идолопоклонства и богохульства так же обязателен для христианских государств, как и десять заповедей, и должен также распространяться на ереси¹⁰²⁹. Поэтому он полностью и неоднократно оправдывал политику Кальвина и совета Женевы и даже называл их образцами для подражания! В письме к Кальвину от 14 октября 1554 г., почти через год после сожжения Сервета, он писал:

Уважаемый и дорогой брат мой, я прочитал твою книгу, в которой ты ясно опроверг ужасные богохульства Сервета, и я благодарю Сына Божьего, Который является *βραβεύτης* (тот, кто дает венец победителя) в этой твоей схватке. Церковь также обязана благодарить тебя сейчас, и потомство обязано тебе. Я полностью разделяю твое мнение. Я утверждаю также, что городские власти имеют право наказывать, после справедливого суда, такого богохульника¹⁰³⁰.

Год спустя Меланхтон писал Буллингеру, 20 августа 1555 г.:

Уважаемый и дорогой брат, я прочитал твой ответ на богохульства Сервета и ободряю твое благочестие и взгляды. Я также считаю, что женевский сенат поступил совершенно правильно, уничтожив этого упряма, который не прекращал богохульствовать. Удивляюсь тем, кто не одобряет этой строгой меры¹⁰³¹.

¹⁰²⁷ *Ein graulich boes Buch*. Когда Меланхтон сообщил ему, что мнения Сервета нашли признание в Италии, он заметил, что «Италия полна губительных мнений, и если такие заблуждения, как у Сервета, попадут туда, начнется невероятная скверна» (*horribiles abominationes ibi ori-turas*). Bindseil, *Martini Lutheri Colloquia*, tom. I, 376. См. также Tollin, *M. Luther und M. Servet*, Berlin, 1875, и *M. Servet und Martin Butzer* (или *Servet und die oberlaendischen Reformatoren*, Berlin, 1880, vol. I, 105 sq.). Толлин пытается доказать в обеих книгах, на основании туманного отрывка из письма Сервета к Эколампадию, что Сервет сопровождал Буцера в качестве секретаря в сентябре 1530 г. из Аугсбурга в Кобург, чтобы увидеть Лютера. Но ни Буцер, ни Лютер об этом не упоминают.

¹⁰²⁸ Erlangen ed., vol. XXII, 558 sq.

¹⁰²⁹ *Corpus Reformatorum*, vol. VIII, 520. Среди ересей, достойных казни, он упоминает *deliramenta Samosatani* и *Manichaei*.

¹⁰³⁰ *Corpus Reformat.*, vol. VIII, 362 (также в Calvin, *Opera*, XV. 268 sq.): *Reverende vir et carissime frater: Legi scriptum tuum, in quo refutasti luculenter horrendas Serveti blasphemias: ac Filio Dei gratias ago, qui fuit βραβεύτης huius tui agonis. Tibi quoque ecclesia et nunc et ad posterum gratitudinem debet et debebit. Tuo iudicio prorsus assentior. Affirmo etiam vestros magistratus juste fecisse, quod hominem blasphemum, re ordine iudicata, interfecerunt*. (Остальная часть письма — это ответ на просьбу Кальвина определить свои взгляды в спорах о предопределении и евхаристии. Меланхтон отказался делать это из осторожности, но наметнул на свое несогласие с плотской теорией реального присутствия, назвав его *ἀρτολατρία*, и выразил надежду на то, что сможет еще побеседовать с Кальвином, *antequam ex hoc mortali carcere mens discedat*.)

Три года спустя, 10 апреля 1557 г., Меланхтон вскользь (при рассмотрении случая Теобальда Тамера, который вернулся в Католическую церковь) снова упомянул о казни Сервета и назвал ее «благочестивым и памятным примером для потомства»¹⁰³².

Безоговорочное одобрение смертной казни за ересь и одобрение двоеженства Филиппа Гессенского — два темных пятна на светлом имени этого великого и доброго человека. Но это ошибки в рассуждении. Кальвин нашел великое утешение в поддержке, которую получил от главного богословского представителя лютеранской церкви¹⁰³³.

Мартин Буцер

Буцер, который занимает третье по значимости место среди реформаторов Германии, был мягким и мирным по характеру. Он воздерживался от преследования анабаптистов в Страсбурге. Он был лично знаком с Серветом и сначала относился к нему по-доброму, но после публикации отверг его труд о Троице в своих лекциях как «очень вредную книгу»¹⁰³⁴. Он даже объявил с кафедры или на лекции, что Сервет заслуживает того, чтобы его выпотрошили и разорвали на куски¹⁰³⁵. Отсюда мы можем сделать вывод, что он полностью одобрил бы казнь, если бы дожил до 1553 г.

Швейцарские церкви

Швейцарские реформаторы могли бы повести себя благоразумнее Германии, но этого не произошло. Они советовали или одобряли изгнание католиков из реформатских кантонов и строгие меры против анабаптистов и антитринитариев. Шесть анабаптистов (жестокая ирония!) были утоплены в реке Лиммат в Цюрихе по приказу правительства (между 1527 и 1532 гг.)¹⁰³⁶. Другие кантоны также применяли крайние меры против анабаптистов. Цвингли, самый либеральный из реформаторов, не возражал против их наказания и советовал насильственно

¹⁰³¹ *Corpus Reform.*, VIII. 523. Поблагодарив Буллингера за ряд книг, он добавляет: *Legi etiam quae de Serveti blasphemii respondistis, et pietatem ac judicia vestra probo. Judico etiam Senatam Genevensem recte fecisse quod hominem pertinacem et non omissum blasphemias sustulit. Ac miratus sum, esse [aliquos], qui severitatem illam improbant. Mitto de ea quaestione breves pagellas, sed tamen sententiae nostrae testes.* Это касается консилиума о праве гражданских властей наказывать еретиков (1555).

¹⁰³² *Commonefactio de Thammero*, vol. IX, 133: *Dedit vero et Genevensis Reipublicae Magistratas ante annos quatuor punitaе insanabilis blasphemiae adversus Filium Dei, sublato Serveto Arragone pium et memorabile ad omnem posteritatem exemplum.*

¹⁰³³ Он писал Меланхтону 5 марта 1555 г.: «Твое письмо, многоуважаемый господин, принято мною с благодарностью не только потому, что всё исходящее от тебя мне дорого и что ты заверяешь меня в своей привязанности, которую испытываешь ко мне с нашей первой встречи и которая осталась неизменной, но прежде всего потому, что я нахожу там прекрасное восхваление, где ты одобряешь мое рвение в уничтожении нечестивого Сервета. Отсюда я делаю вывод, что тебя не оскорбили мои искренние высказывания». Он ссылается на Меланхтона в ответе на упреки Бодуэна, 1562 г. См. выше, §137.

¹⁰³⁴ Он писал об этом Амвросию Блаурепу 29 декабря 1531 г.: *Pestilentissimum illum de Trinitate librum novi, proh dolor, et hic in publicis praelectionibus nostris confutavi.*

¹⁰³⁵ *Dignum esse, qui avulsis visceribus discerperetur.* Так сообщает Кальвин 8 сентября 1553 г. Это подтверждается письмом профессора Фрехта из Тюбингена к Капитону от 9 ноября 1538 г. См. Tollin, *Michael Servet und Martin Butzer*, в «Magazin für die Lit. des Auslandes», Berlin, 1876, *Servet und die oberlaendischen Reformatoren*, Bd. I (*Michael Servet und Martin Butzer*), Berlin, 1880, pp. 232 sqq. Толлин полагает, что Буцер имел в виду книгу, а не лично Сервета, однако у книг нет viscera.

¹⁰³⁶ См. выше, §26.

внедрять протестантизм на нейтральных территориях и в Лесных кантонах. Окино был изгнан из Цюриха и Базеля (1563).

Что касается дела Сервета, то церкви и городские власти Цюриха, Шафхаузена, Базеля и Берна, с которыми консультировались во время суда, единодушно осудили заблуждения Сервета и рекомендовали наказать его, хотя и не говорили о способе наказания¹⁰³⁷.

Буллингер писал Кальвину, что Бог послал совету Женевы самую благоприятную возможность отомстить за истину, очистить ее от помоев ереси и почтить Бога, борясь с богохульством. Во Втором Гельветическом вероисповедании (гл. XXX) он учит, что обязанность городских властей — использовать меч против богохульников. Шафхаузен полностью согласился с Цюрихом. Даже власти Базеля, который стал центром итальянских скептиков и врагов Кальвина, посоветовали, чтобы Сервета, которого Эколампадий определил как самого опасного человека, лишили возможности причинять вред церкви, если все попытки обратиться к нему не увенчаются успехом. Шесть лет спустя совет Базеля, с согласия клира и университета, приказал выкопать из земли и сжечь тело Давида Йориса, анабаптиста-хилиаста, который жил там под ложным именем (и умер 25 августа 1556 г.). Сожжены были также, в присутствии большой толпы, его изображение и книги (1559)¹⁰³⁸.

Берн, который призывал к умеренности в деле Бользека за два года до того, судил Сервета более строго, поскольку он «позволял себе сомневаться во всех основных положениях нашей веры», и выразил пожелание, чтобы Женевский совет проявил осмотрительность и силу, избавляя церковь от такой «чумы». Через тринадцать лет после смерти Сервета совет Берна казнил мечом Валентино Джентиле (10 сентября 1566 г.) за заблуждения, похожие, но менее опасные, чем заблуждения Сервета, и почти никто не выступал против этого приговора¹⁰³⁹.

Реформаторы французской Швейцарии пошли еще дальше, чем реформаторы немецкой Швейцарии. Фарель выступал за смерть еретиков на костре и боялся, что Кальвин, когда советует более мягкие наказания, руководствуется дружескими чувствами к своему самому злейшему врагу. Беза написал труд в оправдание казни Сервета, которого называет «чудовищным сочетанием нечестивости и ужасного богохульства»¹⁰⁴⁰. Пьетро Мартири называет Сервета «истинным сыном дьявола», «губительные и презренные учения» и «нестерпимые богохульства» которого заслужили сурового суда городских властей¹⁰⁴¹.

Кранмер

Английские реформаторы не отставали от континентальных в плане нетерпимости. За несколько лет до казни Сервета архиепископ Кранмер убеждал нерешительного молодого короля Эдуарда VI подписать смертный приговор двум анабаптистам — женщине по имени Джоан Бочер из Кента и иностранцу из Голлан-

¹⁰³⁷ Суждения городских властей и служителей Цюриха, Шафхаузена, Базеля и Берна есть в Calvin, *Opera*, VIII. 808-823 (на немецком и латыни). Мнение пасторов Цюриха, датированное 2 октября 1553 г., также включено в Calvin, *Defensio*, *ibid.*, fol. 555-558.

¹⁰³⁸ См. Nippold, *Ueber Leben, Lehre und Sekte des David Joris*, в «Zeitschrift für historische Theologie», 1863, No. I, 1864, No. IV.

¹⁰³⁹ См. выше, §131.

¹⁰⁴⁰ *Monstrum ex mera impietate horrendisque blasphemii conflatum. Vita Calv.* (Annal. XXI. 148).

¹⁰⁴¹ См. текст полностью в Trechsel, *Zusaetze* к т. I.

дии Георгу ван Паре. Первая была сожжена 2 мая 1550 г., второй — 6 апреля 1551 г.

Единственными защитниками терпимости в XVI веке были анабаптисты и антитринитарии, которые сами страдали от гонений. И нам остается только по достоинству оценить их способность к милости.

Постепенная победа терпимости и свободы

Нетерпимость продолжала царить до конца XVII века. В течение XVIII века ее устои постепенно подрывались и уничтожались совместными силами протестантских несогласных (анабаптистов, социниан, арминиан, квакеров, пресвитериан, индепендентов, англиканских латитудинариев), а также философов, таких как Бейль, Гроций, Локк, Лейбниц. Не следует забывать также о Вольтере и Фридрихе Великом, которые были неверующими, но искренне и весьма influentially отстаивали принцип религиозной терпимости, а также о Франклине, Джефферсоне и Мэдисоне в Америке. Протестантская Голландия и протестантская Англия возглавили юридический процесс признания принципов гражданской и религиозной свободы, а Конституция Соединенных Штатов дополнила теорию, сделав все христианские деноминации равными перед законом и гарантировав им всю полноту равноправия.

Рука об руку с развитием терпимости шли движения за реформу тюрем, за упразднение пыток и жестоких наказаний, за отмену работорговли и самого рабовладения, за улучшение положения бедных и обездоленных и тому подобные филантропические движения, которые являются поздним, но истинным плодом христианского духа.

§140. Ранние годы Сервета

Мы знаем о происхождении и юности Сервета из заявлений, которые он делал на судах: католическом, во Вьенне, в апреле 1553 г., и кальвинистском, в Женеве, в августе того же года. Сведения эти скудны и непоследовательны — либо из-за плохой памяти, либо из-за нежелания говорить правду. В Женеве он не мог обмануть судей, потому что Кальвин хорошо знал его историю. Поэтому я предпочитаю верить более позднему свидетельству¹⁰⁴².

МИГЕЛЬ СЕРВЕТО, более известный под латинизированной формой своего имени, СЕРВЕТ, также называемый РЕВЕСОМ¹⁰⁴³, родился в Вилья-Нуэва, или Вилланова, в Арагоне (отсюда *Villanovanus*), в 1509 г., в один год с Кальвином, своим великим противником¹⁰⁴⁴. Он сообщил суду Женевы, что происходит из древнего

¹⁰⁴² A. v. d. Linde, p. 3 sq., приводит противоречивые высказывания Сервета в параллельных столбцах.

¹⁰⁴³ В заглавии его первой книги. *Reves* — это сокращенная анаграмма от *Serveto*. Другие считают, что это девичья фамилия его матери. Но мы ничего не знаем о его семье. Форма «Сервед» никогда не встречается у его современников и вообще не встречается до 1597 г., но ее использовали несколько современных авторов, таких как Герцог, Герики, Газе, Дорнер, Гарнак.

¹⁰⁴⁴ Место и дата рождения спорны. На суде во Вьенне он говорил, что родился в Туделе, в древнем испанском королевстве Наварра, и что ему сорок два года, то есть родиться он должен был в 1511 г. На суде в Женеве он назвал себя «арагонским испанцем из Виллановы» и сказал, что ему сорок четыре года. Это подтверждает имя автора на титульной странице его первой книги (*Per Michaellem Serveto, alias Reves ab Aragonia Hispanum*, подпись в конце его *Restitutio*, M. S. V. [Villanovanus], и имя Villeneuve, под которым он был известен во Франции. См. также Willis и v. d. Linde. Но Толлин склоняется к Туделе и 1511 г. См. его *Servet's Kindheit und Jugend*, в Kahnis, «Zeitschrift für Hist. Theol.», 1875.

и благородного испанского рода и что отец его по профессии был юристом и нотариусом.

Предположение, что Сервет был иудейского или мавританского происхождения, представляет собой необоснованный вывод из того, что он был знаком с еврейским языком и с Кораном.

Он был худым и хрупким телесно, но обладал развитым, пытливым, проницательным, независимым умом, склонным к мистицизму и фанатизму. Похоже, он получил образование при доминиканском монастыре и в университете Сарагосы и собирался стать клириком.

Отец послал его в знаменитую школу права в Тулузе, где он два или три года изучал юриспруденцию. Тулузский университет был строго ортодоксален и остерегался лютеранской ереси, но именно там Сервет впервые увидел полный текст Библии, как Лютер в Эрфуртском университете.

Библия стала его наставником. Он полностью принял протестантский принцип превосходства и высшего авторитета Писания, но подчинил его спекулятивным фантазиям и в борьбе против католической традиции дошел до больших крайностей, чем реформаторы. Он отвергал экуменическую ортодоксию, в то время как они отвергали лишь средневековую схоластическую ортодоксию. Для его мистического ума было характерно основывать свои рассуждения на Апокалипсисе, в то время как более здравый и вдумчивый Кальвин никогда не писал комментариев к этой книге.

Сервет заявил в своем первом труде, что Библия — источник всей философии и науки и что ее надо прочесть тысячу раз¹⁰⁴⁵. Он называл ее Божьим даром, сошедшим с небес¹⁰⁴⁶. По значимости после Библии он ставил доникейских отцов церкви, потому что их учение было более простым и менее определенным. Он свободно цитирует их в своей первой книге.

Мы не знаем, оказали ли на него влияние труды реформаторов, а если оказали, то в какой степени. Возможно, он читал отдельные трактаты Лютера, которые были рано переведены на испанский, но их он не цитирует¹⁰⁴⁷.

Затем Сервет работал у Хуана Кинтаны, францисканца, исповедника императора Карла V. Похоже, он был при дворе во время коронации императора папой Климентом VII в Болонье (1529) и во время поездки в 1530 г. на Аугсбургский рейхстаг, который знаменует целую эпоху в истории лютеранской Реформации¹⁰⁴⁸. В Аугсбурге он мог встречать Меланхтона и других лютеран, но был слишком молод и неизвестен, чтобы привлечь много внимания.

Осенью 1530 г. он ушел от Кинтаны. Причин мы не знаем. Возможно, его подозревали в ереси.

Мы не знаем, как произошло его обращение и переживал ли он в какой-либо период жизни моральную борьбу, подобную той, через которую прошли реформаторы. Он никогда не был протестантом, ни лютеранином, ни реформатом, но вел

¹⁰⁴⁵ *Omnem philosophiam et scientiam ego in Biblia reperio... Lege obsecro millies Bibliam. (De Trinitatis Erroribus, fol. 78b, 79.)*

¹⁰⁴⁶ *Datus est de coelo liber ut in eo Deum investigemus, adjuvante ad hoc fide quae non est ille crudus sophistarum assensus, sed motus cordis, sicut dicit Scriptura, corde creditur. (Ibid., f. 107b.)*
Figmenta sunt imaginaria quae Scripturae limites transgrediuntur. (Ibid., f. 81b.)

¹⁰⁴⁷ Толлин считает, что он читал труды Лютера, Меланхтона и Буцера и что особое влияние на него оказал Эразм.

¹⁰⁴⁸ См. Tollin, *Die Beichtvaeter Kaiser Karls V.*, три кратких статьи в «Magazin für die Lit. des Auslandes», 1874, и *Servet auf dem Reichstag zu Augsburg*, в Thelemann, «Evang. Reform. Kirchenzeitung», 1876, No. 1724.

радикальную войну против любой ортодоксии. Молодой человек двадцати одного или двадцати двух лет, он смело и дерзко стал прокладывать независимый путь, как реформатор Реформации. Социнианского общества еще не существовало, но и там он не чувствовал бы себя как дома и его бы там не терпели. Номинально он оставался в Католической церкви и без колебаний исполнял ее обряды. Он жил один, умер один и оставил после себя просто влияние, но не школу и не секту.

Из Германии Сервет отправился в Швейцарию и провел некоторое время в Базеле. Там он впервые изложил свои мысли о Троице и Божественности Христа.

Он осыпал Эколампадия беседами и письмами, стараясь его обратить, но Эколампадий был поражен и испуган. Он сообщил своим друзьям, Буцери, Цвингли и Буллингеру, который был в Базеле в октябре 1530 г., что с недавних пор его беспокоит пылкий испанец, отрицающий божественную Троицу и вечную Божественность нашего Спасителя. Цвингли посоветовал ему попытаться убедить Сервета в его заблуждении и благими и здравыми доводами вернуть его к истине. Эколампадий сказал, что не может произвести впечатления на высокомерного, дерзкого и сварливого человека. Цвингли ответил: «Воистину, это нетерпимая вещь для церкви Божьей. Сделай всё возможное, чтобы предотвратить распространение такого ужасного богохульства». Цвингли никогда не держал в руках саму вызывающую возражения книгу.

Сервет старался обратить Эколампадия в свое путаное вероисповедание, но Эколампадия не убедили его объяснения, и он призвал его «исповедовать Сына Божьего, соравного и совечного Отцу» — в противном случае он не будет считать его христианином.

§141. Книга против святой Троицы

Сервет был слишком тщеславным и упрямым, чтобы прислушаться к совету Эколампадия. В начале 1531 г. он нашел издателя для своей книги о «Заблуждениях Троицы», Конрада Кенига, у которого были лавки в Базеле и Страсбурге и который послал рукопись Сецерию, печатнику в Гагенау, в Эльзасе. Сервет поехал туда, чтобы вычитать гранки. Он также посетил Буцера и Капитона в Страсбурге, которые приняли его вежливо и по-доброму и пытались обратить его, но безуспешно.

В июле 1531 г. книга вышла под именем автора и продавалась в Страсбурге, Франкфурте и Базеле, но никто не знал, где и кем она была издана. Подозрения пали на Базель.

Эта книга — очень оригинальный и весьма примечательный для такого молодого автора трактат о Троице и воплощении, опровергающий традиционные и екуменические верования. Стиль груб и туманен, его не сравнить со стилем Кальвина, который в том же возрасте и в ранних произведениях уже был мастером ясного, методичного и убедительного изложения на изящной и сильной латыни. Сервет был знаком с Библией, доникейскими отцами церкви (Тертуллианом и Иринеем) и схоластическим богословием. У него было много новых, но плохо обработанных идей, которые он разбрасывал, как горящие головешки. Позже, в своем последнем труде, он воспроизвел этот первый труд, но изменил его форму. Вот общее содержание семи книг о Троице.

В первой книге он говорит об историческом Иисусе из Назарета и доказывает, во-первых, что этот человек есть Иисус Христос; во-вторых, что Он есть Сын Божий; и в-третьих, что Он есть Бог¹⁰⁴⁹. Он начинает с человеческой природы —

в противовес тем, которые начинают с Логоса и, как он считает, утрачивают в результате истинного Христа. В этом отношении он предвосхищает социнианскую и современную гуманитарную христологию, но не в рационалистическом плане, ибо он утверждает особое пребывание Бога во Христе (в чем-то напоминая Шлейермахера) и обожествление Христа после Его вознесения (как социниане)¹⁰⁵⁰. Он отвергает тождественность Логоса Сыну Божьему и учение о наделении божественными качествами. Он проводит различие между еврейскими именами Бога: *Яхве* означает исключительно единого и вечного Бога, а *Elohim*, *El* или *Adonai* — имена Бога, но также ангелов, пророков и царей (Ин. 10:34-36)¹⁰⁵¹. В прологе Иоанна говорится о том, что было, а не о том, что есть. Везде в Библии говорится о человеке Христе. Святой Дух, согласно еврейскому *ruach* и греческому *pneuma*, значит «ветер» или «дыхание», и в Библии это слово обозначает то Самого Бога, то ангела, то дух человека, то божественный импульс.

Далее он опровергает тексты, доказывающие учение о Троице, 1 Ин. 5:7 (он принимает этот стих как подлинный, хотя Эразм не включил его в первое издание); Ин. 10:30; 14:11; Рим. 11:36. Основные места, формулу крещения (Мф. 28:19) и апостольское благословение (2 Кор. 13:14), где упоминаются вместе Отец, Сын и Дух, он понимает как говорящие не о трех личностях, а о трех размещениях (диспозициях) Бога.

Во второй книге он говорит о Логосе, о личности Христа и о Духе Божьем и в основном объясняет вступление к четвертому Евангелию. Логос — это не метафизическое существо, но провозвестник, голос Бога и свет миру¹⁰⁵². Логос — это размещение Бога или наделенность Богом, как понимают Тертуллиан и Ириней¹⁰⁵³. До воплощения Логос был Самим Богом, изрекающим Свое слово, а после воплощения Логос — это Иисус Христос, Который являет нам Бога¹⁰⁵⁴. Всё, что Бог раньше делал через Слово, Христос делает во плоти. Бог дал Ему царство и силу искупить и привлечь всё к Себе.

Третья книга — объяснение отношений Христа и божественного Логоса.

В четвертой книге обсуждаются божественные диспозиции или проявления. Бог является в Сыне и в Духе. На место трех ортодоксальных ипостасей постав-

¹⁰⁴⁹ *Primo, hic est Jesus Christus. Secundo, hic est filius Dei. Tertio, hic est Deus* (p. 1a).

¹⁰⁵⁰ *Secundum carnem homo est, et spiritu est Deus, quia quod natum est de spiritu, spiritus est, et spiritus est deus. Et ita Esaiae 9. Puer natus est nobis, vocabitur nomen eius deus fortis. Vi de clare et dei nomen et fortitudinem nato puero attributam, cui data est omnis potestas in coelo et in terra. Et Thomas Iohannis 20 eum appellat, Deus meus, Dominus meus. Et Rom. nono CHRISTUS dicitur in omnibus laudandus et benedicendus. Multisque aliis locis eius divinitas ostenditur, quia exaltatus est, ut acciperet divinitatem, et nomen super omne nomen. 10a.*

¹⁰⁵¹ *Notes differentiam inter יהוה proprium Dei nomen, et אלהים ארני et alia similia Deo attributa. Et quod Thomas Iohannis 20. non Iehovah, sed Elohim et Adonai de CHRISTO dixerit, infra probabo. 14a. Similiter et אלהים de angelis et hominibus fortibus dicitur, Psal. 88 et Iob 41. 14b. Он отождествляет Христа с Элохимом, а не с Яхве.*

¹⁰⁵² *Λόγος non philosophicam illam rem, sed oraculum, vocem, sermonem, eloquium Dei sonat. Usurpatur enim a verbo levgo quod est dico. 47a.*

¹⁰⁵³ *Per sacramentum Verbi intelligit quandam in Deo dispositionem seu dispensationem, qua placitum est ei arcanum voluntatis suae nobis revelare. Et hoc Tertullianus οὐκονομία, et Irenaeus dispositionem soepissime appellant. 48a.*

¹⁰⁵⁴ *Verbum in Deo proferente, est ipsemet Deus loquens. Post prolationem est ipsa caro, seu Verbum Dei, antequam sermo ille caro fieret, intelligebatur ipsum Dei oraculum intra nubis caliginem nondum manifestatum, quia Deus erat ille sermo. Et postquam Verbum homo factum est, per Verbum intelligimus ipsum CHRISTUM, qui est Verbum Dei, et vox Dei, nam, quasi vox, est ex ore Dei prolatus. 48a, b. Он подкрепляет свое мнение, опираясь на Отк. 19:13: τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ὁ λόγος τοῦ Θεοῦ {«Имя Ему: "Слово Божие"»}.*

лены два божественных проявления. Положение Отца неясно. Он представлен то как Сам Бог, то как диспозиция и ипостась. Ортодоксальная христология о двух природах в одной личности полностью отвергается. У Бога нет природы (*natura*, от *nasci* {поскольку Он не рожден}), и личность — это не смесь двух природ или вещей, а единство.

Пятая книга — бесполезные спекулятивные толкования еврейских имен Бога. Лютеранское учение об оправдании критикуется, поскольку направлено на то, чтобы сделать человека ленивым и равнодушным к добрым делам.

В шестой книге Христос представлен как единственный источник истинного знания о Боге, Который непостижим Сам по Себе, но явлен в личности Сына. Тот, кто видит Сына, видит Отца.

В седьмой, последней книге дается ответ на возражения и содержатся новые нападки на учение о Троице, насаждаемое светской властью папы. Сервет, вероятно, верил в вымысел о Константиновом даре.

Неудивительно, что эта книга оскорбила чувства и католиков, и протестантов и показалась им богохульной. Сервет называет тринитариев тритеистами и атеистами¹⁰⁵⁵. Он задает бесцеремонные вопросы — есть ли у Бога духовная жена или же Он бесполой¹⁰⁵⁶? Он называет трех богов из учения тринитариев дьявольским обманом, а в более поздних произведениях — трехголовым чудовищем¹⁰⁵⁷.

Цвингли и Эколампадий умерли через несколько месяцев после публикации его книги, но успели осудить ее содержание. Об отношении к ней Лютера и Буцера мы уже говорили. Меланхтон понял трудности, связанные с тринитаристскими и христологическими взглядами, и предвидел будущие споры. Он выражает свое мнение в письме к своему ученому другу Камерарию (датировано 5 февраля 1533 г.):

Ты спрашиваешь меня, что я думаю о Сервете? Я считаю, что он действительно спорит логично и утонченно, но ему не хватает глубины. Им владеет, как мне кажется, запутанное воображение, и его мысли не столь зрелы, как те вопросы, которые он обсуждает. Он явно говорит глупости, когда речь заходит об оправдании. *Περὶ τῆς τριάδος* [на тему Троицы], ты знаешь, я всегда боялся, что однажды возникнут серьезные трудности. Благой Бог! К каким трагедиям могут привести эти вопросы: *εἰ ἐστὶν ὑπόστασις ὁ λόγος* [является ли Логос ипостасью]? *εἰ ἐστὶν ὑπόστασις τὸ πνεῦμα*, [является ли Святой Дух ипостасью]? Что касается меня, то я в первую очередь обращаюсь к тем местам Писания, которые велят нам звать на Христа, то есть воздавать Ему божественные почести, и считаю их несущими утешение¹⁰⁵⁸.

¹⁰⁵⁵ *Tritheitae... Athei, hoc est sine Deo*. 21b.

¹⁰⁵⁶ *Debuissent dicere quod habebat [Deus] uxorem quandam spiritualement, vel quod solus ipse masculo-foemineus aut Hermaphroditus, simul erat pater et mater*. 39b. Это напоминает рассуждения мусульман о том, что у Бога нет жены, а потому Он не может иметь и сына. Сервет одобряет возражения турок: *Nec mirum, si Turci nos asinarios vocant, postquam nos Deum vocare asinum non erubescimus*. 12a.

¹⁰⁵⁷ Последнее выражение я не смог найти в труде *De Trinitatis Erroribus*, но оно есть в письмах Сервета к Кальвину и в письме к Пупену, где он говорит: *Pro uno Deo habetis tricipitem cerberum*. Calvin, *Opera*, VIII. 750. Это стало главным основанием для его обвинения в богохульстве на женевском суде. «Бог, поделенный на три части... — это дьявол с тремя головами, подобный Церберу, которого древние поэты называли адским псом, чудовищем». *Ibid.*, 728, Art. IX. Толлин в своей статье *Der Verfasser de Trinitatis Erroribus* («Jahrbücher für protest. Theologie», 1891, p. 414) считает, что эти оскорбительные фразы заимствованы у католического полемиста Кохлея, который в своем *Lutherus septiceps*, 1529, говорит: *Quid ad haec Janus Bifrons? Quid Geryon Triceps? Quid Cerberus trifaux? fabulae sunt poetarum et jocosa figmenta*. Кохлей сравнивал этих мифических существ с семиголовым Лютером, который превзошел чудовищность их всех.

¹⁰⁵⁸ Он добавляет, на греческом, что все любопытствующие попытки разобраться в сущности и

На Регенсбургском рейхстаге (1532) Кохлей обратил внимание Кинтаны на книгу Сервета, которая там продавалась, и Кинтана тут же принял меры для ее запрета. Император запретил ее, и книга вскоре пропала.

В 1532 г. Сервет выпустил два диалога о Троице и трактат об оправдании. В предисловии он отказался от всего, что написал в предыдущем труде, но не как от ложного, а как от наивного представления¹⁰⁵⁹. Он отверг лютеранское учение об оправдании, а также лютеранские и цвинглианские взгляды на таинство. Он завершил книгу проклятием в адрес «всех тиранов церкви»¹⁰⁶⁰.

§142. Сервет как географ

Когда реформаторы Швейцарии и Германии отвергли Сервета, он отправился во Францию и принял имя Мишель де Вильнев. Его настоящие имя и его возмущительные книги исчезли из поля зрения, пока двадцать лет спустя не появились вновь во Вьенне и Женеве. Он посвятил себя изучению математики, географии, астрологии и медицины.

В 1534 г. он приехал в Париж и вызвал на диспут молодого Кальвина, но сам не явился в назначенный час.

Некоторое время он провел в Лионе, работая корректором и редактором у знаменитых печатников Мельхиора и Каспара Трешселей. Он издал через них в 1535 г. прекрасную «Географию» Птолемея, подписавшись именем *Villanovanus*, с предисловием, в котором он хвалит сам себя и которое завершает пожеланием, чтобы «никто не смел недооценивать труд, который хотя и доставлял удовольствие сам по себе, но был затрачен для согласования нашего текста с текстом предыдущих изданий, — разве что это окажется какой-нибудь насупленный Зол, который не может смотреть спокойно на усердные труды других». Второе, улучшенное издание вышло в 1541 г.¹⁰⁶¹

Открытия Колумба и его последователей стали мощным побуждающим мотивом географических исследований, и в результате появилось несколько изданий трудов Птолемея, знаменитого александрийского географа и астронома II века¹⁰⁶². Изда-

различиях Божьих ипостасей не приносят пользы. *Opera*, ed. Bretschneider, II. 630, и его письмо Бренцу, июль 1533 г., II. 660. Также Tollin, *Ph. Melancthon und M. Servet*, Berlin, 1876.

¹⁰⁵⁹ *Quae nuper contra receptam de Trinitate sententiam, septem libris, scripsi, omnia nunc, candide lector, retracto. Non quia falsa sint, sed quia imperfecta, et tamquam a parvulo parvuli scripta... Quod autem ita barbarus, confusus et incorrectus, prior liber prodierit, imperitiae meae et typographi incuriae adscribendus est.*

¹⁰⁶⁰ *Perdat Dominus omnes ecclesiae tyrannos. Amen.*

¹⁰⁶¹ Вот полное заглавие второго издания, обнаруженного мною (вместе с копией первого) в библиотеке Американского географического общества в Нью-Йорке: «Claudii PTOLEMAE ALEXANDRINI *Geographicae Enarrationis, Libri Octo. Ex Bilibaldi Pircke ymheri translatione, sed ad Graeca et prisca exemplaria Michaelae Villanouano | secundò recogniti, et locis innumeris denuò castigati. Adiecta insuper ab eodem scho | lia, quibus et difficilis ille Primus Liber nunc primum explicatur, et exoleta Urbium | nomina ad nostri seculi morem exponuntur. Quinquaginta illae quoque cum ueterum tum | recentium Tabulae adnectantur, variisque incolentium ritus et mores explicantur...* Prostant Lugduni apud Hugonem a Porta. | MDXLI» fol. Посвящено *Amplissimo illustrissimoque ac reverendissimo D. Dno Petro Palmerio, Archiepiscopo et Comiti Viennensi Michael Villanouanus Medicus G. D.* Датировано «Viennae pridie Cal. Martii, MDXLI». На последней странице стоит печать Каспара Трешселя, Вьенн, 1541. Текст сопровождается пятьюдесятью картами. Уиллис (pp. 86 sqq.) приводит жатый перевод выборочных отрывков, которые я использовал и сопоставил с оригиналом. Толлин представляет Сервета как предтечу Карла Риттера в области сравнительной географии, *Michael Servet als Geograph*, 1875 (pp. 182).

¹⁰⁶² Издания выходили в Риме, Болонье, Страсбурге (1523 и 1525), Базеле (1533, с предисловием

ние Вильнева основано на издании Пиркгеймера из Нюрнберга, которое вышло в Страсбурге в 1525 г., с пятьюдесятью картами, но в него внесены заметные улучшения, и оно прославило своего автора. Это примечательный труд, особенно если принять во внимание, что Сервету тогда было всего двадцать шесть лет. Год спустя Кальвин поразил мир не менее гениальным и гораздо более важным и длительным по влиянию трудом — «Наставлениями в христианской вере».

Самые интересные особенности издания Вильнева — его описания стран и народов. Вот отрывки, позволяющие составить представление о нем, причем некоторые относятся к истории церкви того времени.

Испанец — беспокойного нрава, достаточно понимающий, но ему не хватает образования, или же оно несовершенно, так что ученого испанца скорее встретишь в другой стране, нежели в Испании¹⁰⁶³. Недостаточно информированный, он думает, что у него полно сведений, и он всегда претендует на обладание большими знаниями, чем обладает на самом деле. Он посвящает себя обширным проектам, которые не реализует; в спорах много внимания уделяет мелочам и софистике. Учителя в школах и университетах страны обычно предпочитают говорить на испанском, а не на латыни; народ в целом не любит литературу и мало пишет книг, в основном книги выписывают из Франции... У народа есть много варварских обычаев и представлений, почерпнутых у их древних мавританских захватчиков и собратьев... У женщин есть обычай, который сочли бы варварским во Франции, — прокалывать уши и вдевать в них золотые кольца, часто усыпанные драгоценными камнями. Они красят свои лица белилами и румянами — красной и белой краской — и ходят на каблуках высотой в фут-полтора, так что кажется, будто они палят над землей. Народ очень умерен в еде, женщины никогда не пьют вино... Испанцы известны как самый суеверный в мире народ в религиозных представлениях, но они храбры на поле боя, с редким терпением сносят лишения и трудности, а их путешествия и открытия прославили их по всей земле.

Англия чудесно населена, и живут в ней долгожители. Они высокие, со светлой кожей и голубыми глазами. Они храбрые воины и прекрасные лучники...

Народ Шотландии темпераментен, склонен к мести и яростен в гневе; они доблестны на войне и терпеливо несут холод, голод и усталость. Они привлекательны, их одежда и язык похожи на ирландские; их туники окрашены в желтый цвет, ноги обнажены, они носят сандалии. В основном они питаются рыбой и мясом. Это не очень религиозный народ...

Итальянцы каждый день произносят самые ужасные клятвы и проклятия. Они презирают весь остальной мир и называют другие народы варварами, но сами были добычей то французов, то испанцев, то немцев...¹⁰⁶⁴

Германия заросла густыми лесами и обезображена ужасными болотами. Ее климат невыносимо жарок летом и очень холоден зимой... Обычно считается, что в Венгрии разводят волов, в Баварии — свиней, во Франконии выращивают лук, турнепс и лакрицу, Швабия славится блудницами, Богемия — еретиками, Швейцария — мясниками, Вестфалия — мошенниками, вся страна — обжорами и пьяницами... Но немцы — религиозный народ; их не просто переубедить в том, что они думают, и не просто привести к согласию в случае раскола; каждый смело и упорно отстаивает ересь, которую принял¹⁰⁶⁵.

Эразма; 1546), Венеции (1558). Последнее и лучшее греко-латинское издание Птолемея было подготовлено Карлом Мюллером, Париж 1883 и далее.

¹⁰⁶³ *Ut alibi potius quam in ipsa Hispania Hispanum doctum invenias.*

¹⁰⁶⁴ *Irrident Neapolitani Calabros, Calabri Appulos, hos autem omnes Romani, Romanos Het rusci, quos et alii vicissim irridunt: quin et mortales caeteros omnes irridunt Itali, contemnunt et barbaros appellant: cum sint ipsi tamen nunc Hispanis, nunc Gallis, nunc Germanis praeda expositi... Italia in universum magis adhuc superstitiosa gens quam pugnatur. Superba Roma, gentium imperio viduata, sedes facta summi pontificis.*

¹⁰⁶⁵ *Sunt enim Germani in Dei cultum propensi, semel tamen imbutas opiniones non facile deserunt, nec in schismate queunt ad concordiam reduci, sed haeresim quisque suam valide tue tur.*

Этот неблагоприятный отзыв о Германии, отчасти заимствованный у Тацита, во втором издании сильно изменен и сокращен — там уже упоминается «приятная страна с умеренным климатом». О швабах он говорит как об исключительно одаренных людях¹⁰⁶⁶. Опущены также упоминания о невежестве и суеверии испанцев, его родного народа.

Самая интересная часть этого географического труда, в связи с ее богословским значением, — описание Палестины. В первом издании Сервет заявлял, что «когда кто-то говорит о великолепии ее земли, это пустая похвальба и неправда; опыт торговцев и путешественников, которые посетили ее, показал, что она негостеприимна, бесплодна и совершенно непривлекательна. Так что эта земля, может, и была обещана, но в наше время она многого не обещает». Во втором издании он опускает этот фрагмент из уважения к архиепископу Палмье. Но на суде над Серветом текст использовали как часть обвинения, ибо он явно противоречит рассказу Моисея о земле, «где течет молоко и мед».

§143. Сервет как врач, ученый и астролог

Достав необходимые средства, Сервет вернулся в Париж в 1536 г. и получил степени магистра и доктора медицины. Он прославился как великий врач. Медицинский мир делился на две школы: галенистов, которые следовали за Гиппократом и Галеном, и авероистов, которые следовали за Аверроэсом и Авиценной. Сервет был учеником Шампье и присоединился к греческой школе, но был внимателен и к арабским теориям.

В 1537 г. он опубликовал ученый трактат о сиропах и их использовании в медицине. Это его самая популярная книга. Она переиздавалась четыре раза за десять лет¹⁰⁶⁷.

Он открыл легочный круг кровообращения, то есть течение крови из правого желудочка сердца в левый через легкие, легочную артерию и вену. Он опубликовал об этом труд, но не отдельный, а как часть своего богословского рассуждения о духе жизни, «Восстановление христианства» (*Restitutio*). Открытие Серветом кровообращения было уничтожено вместе с этой книгой, и почти через сто лет Уильям Гарвей (1578 — 1658), независимо от Сервета, сделал то же открытие¹⁰⁶⁸.

Сервет читал в университете лекции по географии и астрологии и пользовался большой популярностью, но вызывал также зависть и недовольство коллег, к которым относился с высокомерной гордостью и пренебрежением.

Он написал «Апологетическую диссертацию об астрологии»¹⁰⁶⁹ и резко нападал на врачей как на невежд, которые, в свою очередь, именовали его самозванцем и шарлатаном. Сенат университета выступил на стороне врачей, и Париж-

¹⁰⁶⁶ *Suabia, ingenio singulari praedita, praestantissima Germaniae a Plutarcho dicta.*

¹⁰⁶⁷ *Syroporum universa Ratio ad Galeni censuram diligenter exposita*, etc. Parisiis ex officina Simonis Colinaei, 1537; Venetiis, 1545, 1548, Lugduni, 1546, 1547. См. также Willis, ch. XI. 111 sq.; v. d. Linde, pp. 53 sqq. (полное заглавие на с. 54).

¹⁰⁶⁸ *Restit. Christ.*, bk. V, p. 170. См. G. Sismond, *The unnoticed Theories of Servetus*, London, 1826; Flourens, *Histoire de la decouverte de la circulation du sang*, Paris, 1854; sec. ed. 1857; Tollin, *Die Entdeckung des Blutkreislaufs durch Michael Servet*, Jena, 1876 (также его *Kritische Bemerkungen über Harvey und seine Vorgaenger*, 1882); Willis (доктор медицины), pp. 210 sqq.; v. d. Linde, pp. 123 sqq. Вероятно, Гарвей никогда не видел *Restitutio*, так что честь открытия принадлежит ему так же, как и Колумбу, который не знал о путешествиях древних скандинавов в Северную Америку.

¹⁰⁶⁹ Репринт в Берлине, 1880.

ский парламент запретил ему читать лекции по астрологии и пророчествовать по звездам (1538)¹⁰⁷⁰.

Он перебрался из Парижа в Шарлье, небольшой городок близ Лиона, и практиковал медицину два или три года.

На тридцатом году жизни он подумал, что, по примеру Христа, должен повторно креститься, поскольку его предыдущее крещение не имеет ценности. Он отрицал аналогию с обрезанием. Иудеи, говорил он, делали младенцам обрезание, но крестили только взрослых. Так поступал Иоанн Креститель. Так и Христос, Который был обрезан на восьмой день, но был крещен, когда начал публичное служение. Обещание дается только верующим, а у младенцев нет веры. Крещение — начало рождения свыше, вступление в царство небесное. Он написал два письма Кальвину на эту тему, призывая его последовать своему примеру¹⁰⁷¹.

Высокомерие сделало его столь непопулярным, что ему пришлось покинуть Шарлье¹⁰⁷².

§144. Сервет во Вьенне. Его примечания к Библии

Затем Вильнев обосновался во Вьенне, в Дофине, и работал там в качестве врача под покровительством Пьера Палмье — одного из его бывших слушателей в Париже и покровителя ученых, который был назначен архиепископом этой епархии. Жил во дворце архиепископа и зарабатывал на жизнь медицинской практикой. Провел во Вьенне тринадцать лет, с 1540 по 1553 г., и, вероятно, это были самые счастливые годы его беспокойной жизни. Он жил в католической вере и был в хороших отношениях с высшим клиром. Никто не подозревал в нем еретика и ничего не знал о его связи с книгой про «Заблуждение Троицы».

Досуг он посвящал своим любимым литературным и богословским исследованиям, печатал книги в Лионе. Мы уже упоминали о втором издании его «Птолемее», которое он посвятил Палмье, с хвалебным вступлением.

Год спустя (1542) он выпустил новое изящное издание латинской Библии Сантеса Паньини, ученого доминиканского монаха, ученика Савонаролы, но врага реформатской религии¹⁰⁷³. Он сопровождал издание пояснительными примечаниями, стараясь представить «древний исторический смысл Писания, которым до сих пор пренебрегали». Он предвосхитил современных толкователей, заменяя аллегорический метод типологическим и объявляя ветхозаветные пророчества имеющими непосредственное отношение к своей эпохе, но одновременно указывающими на будущее, на Христа. Так, он относит псалмы 2, 8, 21 и 109 к Давиду как прообразу Христа. Маловероятно, чтобы он научился этому методу у Кальвина, и, без сомнения, Кальвин не научился этому у него. Но Сервет идет дальше, чем Кальвин, и предвосхищает рационалистическое толкование Исаии, относя «раба Яхве» к Киру как помазаннику Господа. Рим поместил его комментарий в

¹⁰⁷⁰ V. d. Linde, pp. 65 sqq. В этом отношении Сервет отставал от Кальвина, который смело критиковал астрологию как суеверие (см. выше, §135). Но, как ни странно, даже в наши дни *Vox Stellarum* регулярно издается в Англии и пользуется вниманием у тысяч читателей. Willis, p. 125.

¹⁰⁷¹ Ер. XV-XVI *ad Calv.*, в *Christianismi Restitutio*, pp. 613-619.

¹⁰⁷² Бользек (p. 18 sq.) сообщает, что Сервет был «вынужден уехать из Шарлье из-за безумств, которые творил».

¹⁰⁷³ Первое издание Паньини вышло в Лионе в 1528 г. Перевод Ветхого Завета демонстрирует хорошее знание еврейского языка. Его активно использовали протестанты, например, Робер Оливетан в своем французском переводе.

Индекс запрещенных книг (1559). Кальвин использовал этот текст для обвинения Сервета на суде и, не зная о том, что текст был дословно скопирован из другого издания без указания на это, заявил, что Сервет ловко выжал из издателя пятьсот ливров в уплату за пустые измышления и нечестивые безумства, которыми он напшиговал практически каждую страницу своей книги¹⁰⁷⁴.

§145. Переписка Сервета с Кальвином и Пупеном

Когда Сервет готовил во Вьенне свой последний труд, он начал переписываться с Кальвином через Жана Фреллона, ученого издателя из Лиона, личного друга обоих¹⁰⁷⁵. Сервет послал Кальвину копию своей книги, когда она была закончена, и сообщил, что тот найдет в ней «прекрасные вещи, о которых никто раньше не слышал»¹⁰⁷⁶. Он также задал ему три вопроса: 1) Является ли человек Иисус Христос Сыном Бога, и каким образом? 2) Пребывает ли царство Божье в человеке? Когда человек вступает в него? И когда он рождается свыше? 3) Предполагает ли христианское крещение веру, как вечера Господня, и с какой целью оба эти таинства были учреждены в Новом Завете¹⁰⁷⁷?

Похоже, Кальвину некогда было читать всю рукопись, но он вежливо ответил на вопросы: 1) Христос есть Сын Божий, как по Своей божественной природе, существовавшей вечно, так и по Своей человеческой природе, в которой Мудрость Бога стала плотью; 2) царство Божье начинается в человеке, когда он рождается свыше, но процесс возрождения не происходит моментально, а продолжается до самой смерти; 3) вера необходима для крещения, но в таком же личном плане, как в вечере Господней, ибо, судя по примеру обрезания, обетование было дано и детям верующих. Крещение и вечера Господня связаны друг с другом, как обрезание и пасха. Он просит искать подробности в его книгах, но выражает готовность дать дальнейшие объяснения в случае необходимости¹⁰⁷⁸.

Сервет не был удовлетворен ответом и написал, что Кальвин сделал из одного два или три Сына Божьих; что Мудрость Бога, о которой говорил Соломон, была аллегорической и безличной; что возрождение происходит в момент крещения водой и духом, но не в момент крещения младенцев. Он отрицал соответствие крещения обрезанию. Он задал Кальвину пять новых богословских вопросов и попросил его прочесть четвертую главу, о крещении, в рукописи *Restitutio*, которую он ему послал¹⁰⁷⁹.

¹⁰⁷⁴ Уиллис (р. 142) обвиняет Сервета в плагиате, поскольку его издание — это буквальный репринт издания Мельхиора Новезиана из Кельна (1541), хотя Сервет в предисловии заявляет, что во многих местах сам исправлял текст.

¹⁰⁷⁵ Фреллон обращался к Сервету как к редактору и переводчику и, вероятно, был протестантом, судя по его дружеским отношениям с Кальвином. Но Анри (III. 129) полагает, что он был католиком. Анри (III. 129) считает, что переписка между ними началась уже в 1540 г.

¹⁰⁷⁶ См. письмо Кальвина к Фарелю, цит. в §137.

¹⁰⁷⁷ Кальвин отвечает на эти вопросы в *Refutatio Errorum Mich. Serveti, Opera*, VIII. 482-484. Сервет опускает их в *Restitutio*.

¹⁰⁷⁸ *Sed quia mihi videor omnibus objectis alibi satisfacisse, fusiorem explicationem inde peti melim. Si quid deest, paratus sum adjicere, si fuero admonitus. Opera*, VIII. 484.

¹⁰⁷⁹ *Rogo te per Deum, postquam pollicitus es te paratum reliqua adjicere, si fueris admonitus, doce me primo quae est vera fides, et qualiter illa a spiritu regenerationis vivificetur. Secundo, an sine promissione possit quis justificari. Tertio, qualis sit internus homo, non ex sanguinibus genitus, sed ex Deo. Quarto, quis est homo ille qui a Christo alitur in coena, an vere, an imaginarie. Quinto, quae sit gratia adventus Christi. Annon eousque regnavit mors? annon patres omnes fuerunt antea in inferno? Demum te precor, ne graveris iterum legere quartum librum de Baptismo* (в печатном

В ответ на эти возражения Кальвин написал новое, более длинное письмо¹⁰⁸⁰. Он опять предложил предоставить новые объяснения, хотя у него не было времени писать для Сервета целую книгу и все эти темы обсуждались уже в его «Наставлениях»¹⁰⁸¹.

Пока Кальвин не пытался никак оскорбить Сервета. Напротив, мы восхищаемся его терпением и умеренностью: он столько драгоценного личного времени тратил на вопросы незнакомого бунтовщика и явного оппонента. Сервет продолжал осыпать Кальвина письмами и вернул ему копию его «Наставлений» с множеством критических замечаний. «Вряд ли там есть страница, — говорит Кальвин, — не оскверненная его блевотиной»¹⁰⁸².

Кальвин послал окончательный ответ на вопросы Сервета, который до нас не дошел, а также письмо на французском к Фреллону, которое сохранилось¹⁰⁸³. Письмо датировано 13 февраля 1546 г., подписано известным его псевдонимом Шарль Деспевиль, и в нем говорится:

Господин Жан, когда мне перед отъездом принесли твое последнее письмо, у меня не было времени ответить на него. После возвращения я воспользовался первым же свободным моментом, чтобы удовлетворить твое желание. Я не особо надеялся оказаться полезным такому человеку, при том что он так настроен. Но я попробую еще раз, вдруг есть какой-то способ вернуть ему разум, чтобы Бог подействовал на него и он стал другим человеком. Так как он писал мне в таком гордом духе, я был вынужден отвечать резко, нежели хотел, собираясь немного сбить с него спесь¹⁰⁸⁴. Я не мог поступить иначе. Ибо, уверяю тебя, он больше всего должен учиться кротости. Она может быть дарована ему благодатью Божьей, не иначе. Но мы тоже должны помогать. Если Бог пошлет ему и нам столько благодати, что мой ответ будет ему на пользу, у меня будут причины радоваться. Но если он будет упорствовать в том же духе, что и прежде, ты просто потеряешь свое время, уговаривая меня отвечать ему, ведь у меня есть другие дела, которые меня волнуют, и я не хочу больше заниматься этим вопросом, полагая, что таким образом сатана отвлекает меня от более полезных работ. Поэтому прошу тебя удовлетвориться тем, что я уже сделал, если не увидишь возможности для других действий.

Фреллон послал письмо Вильневу с особым посланником, приложив записку, в которой он обращается к нему как к «дорогому брату и другу»¹⁰⁸⁵.

В тот же день Кальвин написал знаменитое письмо Фарелю, которое мы уже цитировали. Он пришел к твердому убеждению, что Сервет — неисправимый и опасный еретик, который заслуживает смерти¹⁰⁸⁶. Но Кальвин ничего не делал,

экземпляре *Restitutio* она называется *De Regeneratione superna, et de regno Antichristi*, pp. 355-576). *Nam videris eum nondum legisse. Deus misereatur nostri. Amen. Opera*, VIII. 486.

¹⁰⁸⁰ VIII. 487-495.

¹⁰⁸¹ *Quod me rogas tibi de aliis quoque capitibus respondeam, id facerem, Si possem breviter. Neque enim satis divino quid proprie desideres. Magis autem sum occupatus quam ut tibi uni vacet libros integros scribere. Deinde nihil quaeris quod non reperias in mea Institutione, si illinc petere libeat. Quanquam labori non parcerem, si mihi notus esset scopus quo tendis.* P. 494.

¹⁰⁸² *Quosunque meos libros nancisci potuit, non destitit insulsis conviciis farcire, ut nullam paginam a suo vomitu puram relinqueret.* P. 481. См. французский текст в пятом примечании.

¹⁰⁸³ Письмо Кальвина к Жану Фреллону и письмо Фреллона к Сервету, оба на французском, попали в судебные архивы архиепископа Вьенна и впервые были напечатаны аббатом д'Артиньи, 1749 (*Nouveaux Mémoires d'histoire*, том II, 70), и независимо от него, с копии оригинала — Mosheim, Helmstadt, 1750 (в его *Neue Nachrichten von Mich. Serveto*, pp. 89, 90). Репринт есть в Henry, III. 132, и в Calvin, *Opera*, VIII. 833 sq.

¹⁰⁸⁴ *Je luy ay bien voulu rabattre un petit de son orgueil, parlant a luy plus durement que ma coustume ne porte.*

¹⁰⁸⁵ На конверте было написано: *A mon bon frere et amy maistre Michel Villanovanus Docteur en Medicine soyt donnée ceste presente a Vienne.*

¹⁰⁸⁶ См. §137. Бользек говорит о похожем письме к Вире, из которого цитирует отрывок: *Servetus*

чтобы призвать Сервета в Женеву, как тот желал, и оставил его в покое. В 1548 г. он писал Вире, что не хочет больше иметь ничего общего с этим упрямым еретиком, который больше не вынудит его отвечать на письма¹⁰⁸⁷.

Сервет продолжал беспокоить Кальвина и опубликовал в своей *Restitutio* не менее тридцати писем к нему, но без дат и без ответов Кальвина¹⁰⁸⁸. Они написаны в высокомерном и самодостаточном духе. Он пишет величайшему богослову той эпохи не как ученик и даже не как равный, но как стоящий выше него. В первом из этих опубликованных посланий он обвиняет Кальвина в том, что тот придерживается нелепых, запутанных и противоречивых представлений о Христе как Сыне Бога, о Логосе и о Троице. Во втором письме он говорит: «Вы делаете так, что у Бога целых три Сына: человеческая природа для вас сын, божественная природа — сын, и Христос в целом — сын... Такое троебожие — трехглавая иллюзия Дракона, которая легко проникает в труды софистов в наш век антихриста. Разве не читали вы о духе змея, духе зверя, духе лжепророков, трех духах? Тот, кто признает Троицу зверя, одержим тремя бесовскими духами. Эти три духа разжигают войну против непорочного Агнца, Иисуса Христа (Отк. 16). Ложны все невидимые боги тринитариев, подобно тому как ложны боги вавилонян. Прощайте»¹⁰⁸⁹. Третье письмо он начинает с часто повторяемого предупреждения (*saepius te monui*): не надо считать Бога невозможным трехголовым чудовищем. Еще в одном послании он называет Кальвина отступником и богохульником (*improbis et blasphemus*), потому что тот хулит добрые дела. Он обвиняет его в непонимании истинной природы веры, оправдания, возрождения, крещения и царства небесного.

Таковы подлинные образцы высокомерного, раздражительного и даже оскорбительного тона его писем. Наконец, сам Сервет порвал переписку с Кальвином, который, похоже, давно уже перестал отвечать ему, но теперь обратился к его коллегам. Сервет написал три послания Авелю Пупену, который был служителем в Женеве с 1543 по 1556 г., когда умер. Послание сохранилось и было уликой на суде¹⁰⁹⁰. Оно не датировано, но, должно быть, написано в 1548 г. или позже. Сервет обвиняет реформатских христиан Женевы в том, что у них есть Евангелие без Бога, без истинной веры, без добрых дел и что вместо истинного Бога они поклоняются трехглавому Церберу. «Ваша вера во Христа, — продолжает он, — это лишь притворство, которое ничего не значит; ваш человек —

cupit huc venire, sed a me accessit. Ego autem nunquam committam, ut fidem meam eotenus obstrictam habeat. Iam enim constitutum habeo, si veniat, nunquam pati, ut salvus exeat. Но такого письма не нашли. Может быть, имеется в виду то же самое письмо к Фарелю, которое сначала могло быть послано Вире, поскольку Фарель был тогда в Меце (Henry, III. 133). Бользек утверждает также (р. 21), что Кальвин сообщил о ереси Сервета кардиналу де Турнону, однако кардинал только посмеялся над тем, что один еретик обвиняет другого.

¹⁰⁸⁷ *A me nihil posthac extorquebit.* См. Henry, II. 460; III. 134.

¹⁰⁸⁸ *Restit.*, pp. 577-664; репринт в Calvin, *Opera*, VIII. 645-714, по изданию Chr. Theoph. de Murr; разночтения парижского издания указаны на полях. Рукописи не сохранились.

¹⁰⁸⁹ *Draconis fuit haec triceps illusio, quae in sophistas facile irrepsit, instante regno Antichristi. An non legisti ibi spiritum draconis, spiritum bestiae, et spiritum pseudoprophetae tres spiritus? Tres sunt vere daemoniorum spiritus, a quibus occupantentur, qui bestiae trinitatem agnoscunt. Orbem hi tres spiritus concitant contra agnum immaculatum Iesum Christum, filium Dei, Apo. 16. Falsi ergo sunt trinitariorum invisibiles dii, adeo falsi, sicut dii Babyloniorum: cum praesertim dii illi in Babylone colantur. Vale. Restit.*, pp. 680, 581.

¹⁰⁹⁰ Оно не подписано, но видно, что Сервет писал его собственноручно, и он признал это. Анри приводит факсимиле в конце третьего тома своего труда, из архивов Женевы. Репринт есть в *Opera*, VIII. 750 sq. «Каждая строка этого письма, — справедливо замечает Дайер (р. 309), — проникнута пылким фанатичным воображением автора, а также ненавистью к Кальвину и женевской церкви».

неподвижное бревно, а ваш Бог — сказочное чудовище, порабащающее волю. Вы отвергаете рождение свыше при крещении и закрываете для людей царство небесное. Горе вам, горе, горе!»¹⁰⁹¹

Сервет завершает это примечательное письмо предсказанием, что готов умереть за свое дело и стать подобным своему Учителю¹⁰⁹².

§146. «Восстановление христианства»

Во время пребывания во Вьенне Сервет готовил свой главный богословский труд, под названием «Восстановление христианства». Должно быть, в рукописи он завершил основную его часть уже к 1546 г., за семь лет до публикации, потому что в этом году, как мы уже говорили, он послал копию Кальвину, а потом пытался получить ее обратно, чтобы сделать некоторые изменения, но Кальвин отправил ее Вире в Лозанну, где она и осталась. Позже она была использована на суде, и совет Женевы велел сжечь ее на костре, вместе с печатным томом¹⁰⁹³.

Гордое заглавие говорит о претенциозном и радикальном характере книги. Вероятно, оно было выбрано как намек на «Наставления в христианской вере» Кальвина (Institutio). Выступая против великого реформатора, Сервет объявил себя «восстановителем». Еврейский девиз на титульной странице взят из Дан. 12:1: «И восстанет в то время Михаил, князь великий»; греческий девиз — из Отк. 12:7: «И произошла на небе война», после чего в Откровении написано: «Михаил и ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную».

Совпадение имени автора с именем архангела не случайно. Сервет представлял, что великая битва с антихристом уже близка или даже началась, а он — один из воинов Михаила, если не сам Михаил¹⁰⁹⁴.

¹⁰⁹¹ *Evangelium vestrum est sine uno Deo, sine fide vera, sine bonis operibus. Pro uno Deo habetis tricipitem cerberum, pro fide vera habetis fatale somnium, et opera bona dicitis esse inanes picturas. Christi fides est vobis merus fucus, nihil efficiens; homo est vobis iners truncus, et Deus est vobis servi arbitrii chimaera. Regenerationem ex aqua coelestem non agnoscitis, sed velut fabulam habetis. Regnum caelorum clauditis ante homines, ut rem imaginariam a nobis excludendo. Vae vobis, vae, vae!*

¹⁰⁹² *Mihi ob eam rem moriendum esse certo scio, sed non propterea animo deficior, ut fiam discipulum similis praeceptoris. Hoc doleo, quod per vos non licuit mihi emendare locos aliquot in scriptis meis, quae sunt apud Calvinum. Vale, et a me non amplius literas exspecta. Super custodiam meam stabo, contemplantur, et video quid sit dicturus. Nam veniet, certe veniet, et non tardabit.*

¹⁰⁹³ На суде в Женеве, 17 августа 1553 г., Сервет сказал, что послал копию Кальвину за шесть лет до того, чтобы узнать его мнение (*il y a environ six ans, pour en avoir son jugement*). Opera, VIII. 734. Кальвин сообщил Фарелю 13 февраля 1546 г., что Сервет прислал ему целый том бреда — должно быть, это и было *Restitutio*.

Барон Ф. де Шиклер, президент Общества истории французского протестантизма, сообщил мне (3 июня 1892 г.), что у библиотеки этого общества (52 rue des Saint Pères, Paris) есть рукописная копия *Restitutio*, выполненная с большой точностью, как он считает, в 1613 г., с копии, которая в то время хранилась в библиотеке Касселя. Но, похоже, она была переписана с печатного издания, потому что на первой странице указано: *Hic liber erat in octavo (ut loquuntur) impressus, et paginas continebat 734* [количество печатных страниц]. *Pertinebat ad Mauricii illustratissimi Hessiae principis ac Dom. bibliothecam quae Casellis est, urbe illius regio- nis metropoli et principis sede.*

¹⁰⁹⁴ В первом диалоге о Троице между Петром и Михаилом Петр говорит: *En adest, Servetus est, quem ego quaerebam. Restit.*, p. 199. Это прямое заявление об авторстве, о котором ничего не сказано на титульной странице, а на последней присутствует лишь намек в виде инициалов «M. S. V.».

«Восстановление христианства» было объявлением войны. Женщина в двенадцатой главе Откровения, по мнению автора, представляет истинную церковь; ее дитя, которое спасает Бог, — христианскую веру; красный дракон с семью головами и рогами — папа Римский, антихрист, предсказанный Даниилом, Павлом и Иоанном. Во времена Константина и Никейского собора, разделившего одного Бога на три части, дракон начал изгонять истинную церковь в пустыню и сохранял власть в течение 1260 пророческих дней или лет, но теперь его царству приходит конец.

Сервет полагал, что Бог дал ему поручение низвергнуть тиранию папского и протестантского антихриста и возродить христианство в первоизданной чистоте. «Задача, которую мы предприняли, — говорит он в предисловии, — возвышенна и велика, проста для восприятия и ясна для доказательства; мы хотим, чтобы все познали Бога в откровении Его Слова и общении Его Духа, которые содержатся в одном лишь Христе, через Которого единственно мы можем ясно осознать, как Божественность Слова и Духа могут быть усвоены человеком... Сейчас мы увидим Бога, Которого не видели раньше, Его лицо будет явлено и воссияет внутри нас, если мы откроем дверь и впустим Его. Пора открыть дверь и впустить свет, без которого человек не может прочесть Священное Писание, познать Бога или стать христианином». Далее он кратко перечисляет темы, которые рассматривает, и завершает предисловие молитвой:

О Христос Иисус, Сын Божий, Который был дан нам с небес, Который в Себе зримо явил Бога, открой Себя рабу Своему, чтобы такое великое явление могло быть правильно понято. Даруй мне сейчас, умоляющему Тебя, Своего благого Духа и Свое действенное Слово; направь мой разум и мое перо, чтобы я мог провозгласить славу Богу и выразить искреннюю веру в Тебя. Это Твое дело, и некий божественный импульс побудил меня говорить о Твоей славе от Отца и о славе Твоего Духа. Ранее я уже начинал говорить о них и теперь должен сделать это снова; настало время довершить дело истины и явить ее всем благочестивым на основании самого несомненного факта и явных знамений времени. Ты учил нас, что светильник не следует прятать. Горе мне, если я не буду проповедовать Евангелие. Это общее дело всех христиан, которое касается всех нас.

Сервет переслал рукопись базельскому издателю Маррину, который отказался от нее в письме от 9 апреля 1552 г., потому что в то время в том городе публиковать ее было небезопасно. Тогда Сервет договорился с Балтазаром Арнулле, книготорговцем и издателем из Вьенны, и Гильомом Геру, его шурином и управляющим типографии, который бежал из Женевы из-за безнравственного поведения. Он заверил их, что заблуждений в его книге нет, а напротив, она написана против учений Лютера, Кальвина, Меланхтона и других еретиков. Он согласился удалить свое и их имена, а также указание на место публикации с титульного листа. Он взял расходы по публикации на себя и заранее уплатил им сто золотых. Никто во Франции не знал, что его настоящее имя — Сервет и что он автор труда «О заблуждениях Троицы».

«Восстановление» было тайно напечатано в небольшом доме, в стороне от типографии, за три или четыре месяца, и было готово к 3 января 1553 г. Сервет сам был корректором, но в издании есть несколько опечаток. Тысячу экземпляров книги поместили в тюки, по сто книг в каждом. Пять тюков было послано Пьеру Мартену, печатнику из Лиона, чтобы переслать их морем в Геную и Венецию; еще одна партия отправилась к Жакобу Бесте, книготорговцу из Шатильона, а третья — во Франкфурт. Кальвин получил один или более экземпляров, вероятно, от своего друга Фреллона из Лиона¹⁰⁹⁵.

Первая часть «Восстановления» — это пересмотренное и расширенное переиздание семи книг «О заблуждениях Троицы». Семь книг сжаты в пять; за ними следуют два диалога о Троице между Михаилом и Петром, которые заняли место шестой и седьмой книг первого издания. Остальная часть «Восстановления», почти две трети тома (стр. 287-734), — новая. Здесь есть три книги о вере и праведности в царстве Христовом (287-354), четыре книги о рождении свыше и правлении антихриста (355-576), тридцать посланий к Кальвину (577-664), шестьдесят признаков антихриста (664-670) и апология к Меланхтону о тайне Троицы и древней дисциплине (671-734). Кальвин и Меланхтон — два живших тогда реформатора, на которых Сервет нападает как на представителей ортодоксального протестантизма¹⁰⁹⁶.

§147. Богословская система Сервета

CALVIN, в его *Refutatio Errorum Mich. Serveti, Opera*, vol. VIII, 501-644; здесь представлены учения Сервета на основании его трудов, в тридцати восьми статьях, ответы Сервета, опровержение ответов и полное исследование всей системы. — H. TOLLIN: *Das Lehrsystem Michael Servet's genetisch dargestellt*. Gütersloh, 1878, 3 vols. octavo. Самое полное изложение богословских взглядов Сервета.

Кальвин и Толлин представляют две противоположные крайности в плане доктринальной и личной оценки Сервета: Кальвин исключительно полемичен, он считает *Restitutio* бредом (*volumen deliriorum*) и хаотическим скоплением богохульств (*prodigiosum blasphemiarum chaos*); а Толлин апологетичен и хвалит Сервета, восхищаясь тем, как он предвосхищает христоцентрическое богословие; но ни один из них не точен в историчности оценки.

TRECHSEL (I. 119-144) — его рассказ краток, но беспристрастен. — BAUR, в его *History of the Doctrine of the Trinity and the Incarnation* (Tübingen, 1843, 3 vols.), посвящает, со свойственной ему критической хваткой и спекулятивной пронизательностью, пятьдесят страниц взглядам Сервета на Бога и Христа (I. 54-103). DORNER, в своей великой *History of the Doctrine of the Person of Christ* (Berlin, 1853), тщательно, но довольно кратко обсуждает его христологию (II. 649-656). Тот и другой признают силу доводов Сервета против двух природ халкидонского христианства и сравнивают его христологию с христологией Аполлинария.

Прежде чем мы перейдем к суду над ересью, мы должны связно изложить взгляды Сервета, как они отражены в его последнем и самом разработанном труде.

Его современникам *Restitutio* показалось запутанной смесью из савеллианской, самосатской, арианской, аполлинарианской и пелагианской ереси с добавлением анабаптистских заблуждений и неоплатонических, пантеистических выводов. Лучшие из судей — Кальвин, Сэссе, Трешсель, Баур, Дорнер, Гарнак — нашли корень его системы в пантеизме. Толлин же отрицает его пантеизм, но допускает пантеистическую окраску некоторых его выражений. Он выделяет в богословии Сервета не менее пяти разных этапов развития, пока оно не достигло полной зрелости, и характеризует его как «интенсивный, экстенсивный и про-тенсивный панхристизм, или “христоцентризм”»¹⁰⁹⁷.

¹⁰⁹⁵ Эти факты выяснились во время суда во Вьенне. О нескольких сохранившихся экземплярах оригинального издания *Restitutio* см. выше, §136.

¹⁰⁹⁶ Цвингли, Эколампадий, Капитон, Лютер и Буцер уже умерли (в указанном порядке) к 1552 г.

¹⁰⁹⁷ Он называет ее *Christocentrik*, III. Preface, xiii. *Was den Servet zum Servet machte*, — говорит он, — *ist seine Lehre von Christo*. См. также II. 151-159. Он полагает, что Сервет писал семь книг о «Заблуждениях Троицы» в разное время: книги I и II — в Тулузе в 1528 г., будучи еще семнадцатилетним (!) студентом; книги III и IV — в Базеле в 1531 г.; последние три книги — в Страсбурге; два диалога о Троице представляют четвертый, а «Восстановление» — пятый этап развития его богословия.

Сервет был мистиком-теософом и хриstopантеистом. Он был далек от скептицизма и рационализма, но был очень сильно убежден в абсолютной истине христианской веры. Он считал Библию непогрешимым источником истины и принимал традиционный канон без споров. В этом он соглашался с евангельским протестантизмом, но отличался от него, как и от католичества, принципами и целями. Он утверждал, что стоит выше обеих партий как восстановитель изначально христианства, исключающего заблуждения и сочетающего в себе истины католических и протестантских символов веры.

Евангельская Реформация, вдохновленная учением апостола Павла и Августина, была прежде всего практическим движением. Она была основана на глубоко ощущении греха и благодати, в противовес преобладавшему пелагианству, и указывала людям непосредственно на Христа как единственный и достаточный источник прощения и мира для мятущейся совести; но она сохраняла все статьи Апостольского символа веры, в первую очередь учения о Троице и воплощении. Однако следует отметить, что Меланхтон в первом издании своих *Loci* (1521) не говорит об этих тайнах, считая их скорее объектом поклонения, чем рассуждений¹⁰⁹⁸, а Кальвин в споре с Кароли без большого уважения отзывался о никейской и афанасьевской терминологии, которая почерпнута, скорее, из греческой философии, а не из Библии.

Сервет, руководствуясь Библией, стремился совершить более радикальную революцию, чем реформаторы. Он начал с нового учения о Боге и Христе, подрывая сам фундамент католического символа веры. Три самые выдающиеся *негативные* особенности его системы — три отрицания: отрицание ортодоксального догмата о Троице, выдвинутого в Никейском символе веры; отрицание ортодоксальной христологии, сформулированной вселенским собором в Халкидоне; и отрицание крещения детей, которое практиковали все, кроме анабаптистов. Он считал, что из этих трех источников исходит всё зло и разврат в церкви. Первые два отрицания стали основой для теоретической, а третье — основой для практической революции, совершить которую, как он считал, его призвало провидение, побудив написать этот анонимный труд.

И эти три отрицания, казавшиеся шокирующим богохульством, но не задуманные как таковое, привели к тому, что все ортодоксальные христиане того времени, как протестанты, так и католики, посчитали его чудовищем, и последовало его двойное осуждение, сначала во Вьенне, а потом в Женеве. В этом его современники, особенно Кальвин и Меланхтон, понимали его правильно. Но оригинальность *позитивных* особенностей, которыми он заменил никейскую и халкидонскую ортодоксию, не была оценена; современникам показалось, что он просто повторяет старые и давно осужденные ереси.

Антитринитарии были и до Сервета, и не только в доникейский период, но и в XVI веке, особенно среди анабаптистов — например, Хетцер, Денк, Кампан, Мельхиор Гоффман, Рид, Мартини, Давид Йорис¹⁰⁹⁹. Но он собрал их спорадические идеи в последовательную и оригинальную систему, дал им теоретическое обоснование¹¹⁰⁰.

¹⁰⁹⁸ В изданиях после 1543 г. он обсуждал учение о Троице и личности Христа, выступая против Сервета. См. Baug, III. 19 sqq., и Dörner, II. 613 sqq.

¹⁰⁹⁹ Об их мнениях см. Trechsel, I. 13-55, а также великие труды Баура и Дорнера, упоминаемые выше.

¹¹⁰⁰ Баур (l. c., III. 54) говорит: *Die in den genannten Irrlehrern oder Schwarmgeistern, wie Luther sie treffend nannte, gleich Feuerfunken ausgestreuten und bald da bald dort an einen entzündbaren*

1. Христология

Сервет начинает свое «Восстановление», как и свою первую книгу против Троицы, с учения о Христе. От человеческой природы исторического Иисуса из Назарета он восходит к Его мессианству и божественному сыновству, а от них — к Его Божественности¹¹⁰¹. И именно таков, мы могли бы сказать, путь синоптических евангелий, в отличие от общепринятого ортодоксального метода, который, как и пролог к четвертому Евангелию, нисходит от Божественности к человеческой природе через акт воплощения второй ипостаси Троицы. В этом отношении Сервет предвосхищает современную христологию. Иисус, по мнению Сервета, зачат не первой ипостасью Бога, а сущностью единого неразделимого Бога. Он рожден, по плоти, от девы Марии, которую осенил Святой Дух (Мф. 1:18,20,23; Лк. 1:32,35). Задача Евангелия — привести людей к вере в то, что Иисус есть Христос, Сын Божий (см. Ин. 20:31)¹¹⁰². Но термин «Сын Божий» в Писании всегда относится к человеку Иисусу, и никогда — к Логосу¹¹⁰³. Он — единственный настоящий и истинный Сын Бога, рожденный от сущности Бога, а мы — сыновья по усыновлению, актом благодати. Мы становимся детьми Бога в вере (Ин. 1:12; Гал. 3:26; Рим. 8:23; Еф. 1:5). Более того, Он — воистину и на самом деле Бог. Вся сущность Бога явлена в Нем; Бог пребывает в Нем телесно¹¹⁰⁴.

Сервет до последнего вздоха поклонялся Иисусу как Сыну вечного Бога, но он считал Его *вечным* Сыном Бога только в идеальном и пантеистическом смысле, в котором весь мир находился в сознании Бога от вечности и постигал Его в божественной мудрости (Софии) и Божьем Слове (Логосе).

Сервет выступал против халкидонского дуализма природ Христа и говорил (как Аполлинарий) об органическом единстве личности Христа, но делал Его полностью человеческой личностью (в то время как Аполлинарий заменял человеческий дух Божьим Логосом, делая Христа человеком только наполовину). Он обвиняет схоластов и ортодоксальных богословов, которых называет софистами и противниками истины, в том, что они говорят о двух сыновьях Бога: одном — незримом и вечном, а другом — видимом и смертном. Они отрицают, говорит он, что Иисус есть воистину человек, когда учат, что Он обладает двумя различными природами с наделением соответствующими качествами (*communicatio idiomatum*)¹¹⁰⁵. Христос не обладает двумя природами. Он не существовал лично в веч-

Stoff sich ansehnenden Ideen erhielten erst in dem Spanier Michael Servet, welchen der Zug seines Geistes demselben Kreise zuführte, eine festere Consistenz und Haltung. Diess ist es, was Servet seine historische Bedeutung gibt. Er wurde der Mittelpunkt, in welchem jene vereinzelt, noch formlosen Elemente sich zur Einheit zusammenschlossen und durch die Energie seines Geistes sich zu einer in sich zusammenhängenden Theorie ausbildeten.

¹¹⁰¹ *Ipse homo Iesus est ostium et via, a quo et merito exordium sumam... Pronomine ad sensum demonstrante ipsum hominem, verberibus caesum et flagellatum, concedam haec tria simpliciter vera esse. Primo, hic est Iesus Christus. Secundo, hic est filius Dei. Tertio, hic est Deus. Rest., p. 5.*

¹¹⁰² *Semper dixi, et dico, et dicam, esse omnia scripta, ut credamus, hunc Iesum esse filium Dei. Rest., 293.*

¹¹⁰³ *Ne unus quidem dari potest in scripturis locus, in quo ponatur vox filius quae non accipiatur pro homine filio. Rest., 689.*

¹¹⁰⁴ *Christus est Deus. Dicitur vere Deus, substantialiter Deus, cum in eo sit deitas corporaliter (p. 14).* Он цитирует в доказательство Ис. 9:6; 45:3; Ин. 20:28; Рим. 9:5; Флп. 2:5-11.

¹¹⁰⁵ *Negant, hominem esse hominem et concedunt, Deum esse asinum... Ad eundem modum concedunt fieri posse, ut Deus sit asinus, et spiritus sanctus sit mulus, sustentans mulum (p. 15).* Такие же мирские и оскорбительные сравнения присутствуют в его первой книге, как и у средневековых схоластов, которые, объясняя отношения Троицы, прибегали к примеру лошади, осла и рождающегося от связи между ними мула (*in mulo equus et asinus; in spiritu pater et filius*). Они

ности, как вторая ипостась; Его личность начинается с Его зачатия и рождения. Но этот человек Иисус в то же время единосущен Богу (*ὁμοούσιος*). Как муж и жена становятся единой плотью в своем ребенке, так Бог и человек едины во Христе¹¹⁰⁶. Плоть Христа небесна и рождена от самой сущности Бога¹¹⁰⁷. Обоже- ствляя плоть Христа, он делал материальным Бога, уничтожал истинную чело- вечность Христа и терялся в пучине пантеистического мистицизма.

2. Богословие

Фундаментальным учением Сервета было абсолютное единство, простота и неделимость божественной сущности, в противовес Троице, или трем ипостасям ортодоксального богословия¹¹⁰⁸. В этом отношении Сервет един с иудеями и му- сульманами и одобрительно цитирует Коран. Он яростно нападает на Афанасия, Иларию, Августина, Иоанна Дамаскина, Петра Ломбардского и других защитни- ков учения о Троице¹¹⁰⁹. В свою поддержку он ссылается на доникейских отцов церкви, особенно на Иустина, Климента Александрийского, Иринея и Тертулли- ана. Всех тринитариев он называет «тритеистами» и «атеистами»¹¹¹⁰. У них нет одного абсолютного Бога, а есть трехчастный, сборный, составной, то есть невоз- можный, немислимый, вовсе не Бог. Они поклоняются трем бесовским идо- лам — трехголовому чудовищу, которое подобно Церберу из греческой мифоло- гии¹¹¹¹. Один из их богов вечен, другой был зачат, а третий исходит. Один умер, а два других не умирали. Почему Дух не рожден, а Сын не исходит? Разделяя абстрактную Троицу на три отдельные ипостаси, они получают в результате це- лых четырех богов. Талмуд и Коран, считает он, правы в том, что выступают против такой нелепости и богохульства.

Сервет подробно рассмотрел различные тексты из теории Троицы, которые ис- пользовали отцы церкви и схоласты (такие как Быт. 18:2; Исх. 3:6; Пс. 2:7; 109:1; Ис. 7:14; Ин. 1:1; 3:13; 8:58; 10:18; 14:10; Кол. 1:15; 2:9; 1 Пет. 3:19; Евр. 1:2).

Однако в конечном счете он сам учил чему-то вроде Троицы, но только заменял «ипостаси» и «личности» на «диспозиции», «диспенсаии», «экономии». Другими словами, он верил, как и Савеллий, в тройственность откровения или проявления, а не в триединство сущности. Во время суда в Женеве он даже допустил наличие трех

также задавали нелепые вопросы — почему Бог не стал еще ослом или огурцом, а не только человеком, и какое влияние оказало бы приращение на собаку или мышь. От поклонения до оскорбления, как и от великого до смешного, один шаг.

¹¹⁰⁶ *Deus et homo unum sunt in Christo, quo vir et uxor unum sunt in una filii carne... Magnum est mysterium, quod caro illa fit Deo homusios [homousios], in unam hypostasim ei connexa. Ita Deus coaluit cum humana natura, ut illum extolleret filium sibi hominem generando... Deus et homo unum in ipso sunt. Rest., 269.*

¹¹⁰⁷ *Caro ipsa Christi est coelestis de substantia Dei genita. Rest., 74; см. также 48, 50, 72, 77.*

¹¹⁰⁸ Толлин (*Thomas Aquinas, der Lehrer Servet's*, в Hilgenfeld, «Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie», 1892) пытается показать, что Сервет лишь до конца последовательно шел путем Фомы Аквината, который доказывал простоту Божьей сущности, опираясь на доводы разума, а Триединство — опираясь лишь на веру церкви.

¹¹⁰⁹ Он называет Афанасия и Августина поклонниками зверя и образов (*Athanasium imaginum cultorem cum caractere bestiae*, p. 702; также p. 398). Вероятно, он путал Первый Никейский собор (325), где присутствовал Афанасий, со Вторым Никейским (787), который санкциони- ровал поклонение изображениям. Кальвин строго осуждает Сервета, который считал себя *tem- porum omnium censor*, за эту историческую ошибку (*Opera*, VIII. 591 sq.).

¹¹¹⁰ *Veri ergo hi sunt tritoitae [tritheitae], et veri sunt athei, qui Deum unum non habent, nisi tripar- titum et aggregativum. Rest., 30; также 34.*

¹¹¹¹ *Rest., 59, 119, etc.* Об этих выражениях, которые шокировали благочестивых христиан, см. выше, §141.

ипостасей и вечность личности Христа, но «личность» он понимал в исходном смысле — как личину, маску актера на сцене, а не в ортодоксальном смысле реальной личности, которая обладает собственной жизнью в божественной сущности от вечности и была явлена во времени в человеке Иисусе¹¹¹².

Сервет различал — вместе с Платоном, Филоном, неоплатониками и некоторыми греческими отцами церкви — идеальный, незримый, несотворенный, вечный мир и мир реальный, зримый, сотворенный, смертный. В Боге, говорит он, от вечности есть идеи и формы всех вещей: они называются «Мудростью» или «Логосом», «Словом» (Ин. 1:1). Он отождествляет идеальный мир с «Книгой Божьей», где все записано до того, как произойдет (Вт. 32:32; Пс. 138:16; Отк. 5:1), а также с животными и четырьмя колесами, полными очей, в видении Иезекииля (1:5; 10:12). Глаза Бога — живые источники, в которых отражается всё, великое и малое, даже волосы у нас на голове (Мф. 10:30), но в особенности избранные, имена которых занесены в особую книгу.

Слово, или Мудрость Бога, говорит он, было тем семенем, из которого родился Христос, и рождение Христа — образец для каждого рождения¹¹¹³. Слово может быть также названо душой Христа, которая содержит в себе идеи всех вещей. Во Христе была жизнь, и жизнь была светом миру (Ин. 1:4 и далее). Здесь он рассуждает о природе света и небесных тел и демонстрирует свое знание еврейского языка. Он различает три неба: два материальных, из воды и воздуха, о которых говорил Моисей в рассказе о сотворении¹¹¹⁴, и третье — духовное небо огня, небо небес, куда был восхищен Павел (2 Кор. 12:2), где пребывают Бог и Христос и которое дает великолепие ангелам. Христос явил нам истинное небо, которое не было известно иудеям.

Все вещи едины в Боге, в Котором они пребывают¹¹¹⁵. И существует одно фундаментальное основание, или принцип и глава всех вещей, — это Иисус Христос, наш Господь¹¹¹⁶.

¹¹¹² В последнем ответе Кальвину (*Opera*, VIII. 536) он говорит: *Mentiris. Trinitatem ego voco, et doceo, verissimam trinitatem... Reale discrimen tollo, non personale... Realem in Deo distinctionem ego repudio*. Кальвин в своих «Наставлениях» (I, ch. XIII, §22) так пишет о Троице Сервета: «Слово Троица Сервету столь неприятно и даже ненавистно, что он называет всех тринитариев, как он выражается, атеистами. Я не стану повторять его неуместные и нечестивые доводы, но суть его рассуждений такова: когда говорят, что природа Бога существует в трех ипостасях, то Бога представляют как состоящего из трех частей и эта триада чисто воображаемая, противоречащая единству Бога. Но в то же время он утверждает, что эти личности — некие внешние идеи, которые не имеют реального существования в Боге, а являются образным представлением о Боге в той или иной форме; и что в начале в Боге не было разграничений, поскольку Слово было едино с Духом, но после Христа появился Бог от Бога, а потом из Него эманировал еще один Бог, Дух. Иногда он подкрепляет свои неподобающие высказывания аллегориями, например, когда говорит, что вечное Слово Бога было Духом Христа с Богом и отражением Его образа и что Дух был тенью Бога, — однако потом он уничтожает Божественность обоих, утверждая, что, согласно способу наделения Божественностью, и в Сыне, и в Духе есть лишь часть Бога, и точно так же, когда этот самый Дух проникает в нас, и даже в дерево и в камни, то Он остается частью Бога».

¹¹¹³ *Verbum ipsum Dei quod erat semen generationis Christi... Ipsa Christi generatio sit aliorum generationum omnium specimen et prototypus... Vere fuit in Deo substantiata semen Christi, et in eo rerum omnium seminales rationes, et exemplares formae*. *Rest.*, p. 146.

¹¹¹⁴ דְּבָרִים, двойственное число. *Duos coelos ad literam accipimus aërium et aqueum* (p. 157). Он считает еврейское слово образованным из דָּשׁ и דָּשׁ эквивалентом «вод» (p. 155); на самом же деле оно происходит от דָּשׁ, быть высоким, возвышаться.

¹¹¹⁵ *Omnia sunt unum in Deo, in quo uno consistunt*. *Rest.*, 161.

¹¹¹⁶ *Unicum est principium, unica verbi lux, lux omniformis, et caput omnium, Iesus Christus dominus noster, principium creaturarum Dei*. *Rest.*, 162.

В пятой книге Сервет обсуждает учение о Святом Духе. Он отождествляет Его со Словом, от которого Он отличается только формой существования. Бог, образно выражаясь, есть Отец Духа, и Он же — Отец Мудрости и Слова. Дух — это не третья метафизическая личность, но Дух Самого Бога. Принять Святого Духа — значит принять помазание Божье. Пребывание Духа в нас — это пребывание Бога (1 Кор. 3:16; 6:19; 2 Кор. 6:16; Еф. 2:22). Тот, кто лжет Святому Духу, лжет Богу (Деян. 5:4). Дух — это форма Божьего существования. Он также назван Духом Христа и Духом Сына (Гал. 4:6; Рим. 8:9; 1 Пет. 1:11). Человеческий дух — искра Божьего Духа, образ Мудрости Божьей, сотворенный, но подобный. Бог вдыхает Свой Дух в человека при рождении и еще раз — при рождении свыше.

В связи с этой темой Сервет изучает вопрос жизненного духа человека и подробно описывает систему кровообращения, которую, как мы уже отмечали, он открыл первым¹¹¹⁷. Он изучал богословие как врач и хирург и изучал медицину как богослов.

Он говорит также об исхождении Духа, которое считает не метафизическим и вечным процессом, а историческим проявлением, зависящим от собственно служения. Поэтому он расходится как с греческой, так и с латинской теорией, но несправедливо обвиняет греков (которые говорят об исхождении Духа лишь от одного Отца, но о ниспослании от Отца и Сына) в том, что они ошиблись, отвергнув *Filioque*. Дух, говорит он, исходит от Отца и Сына, и от Отца Он исходит через Сына, Который есть собственно источник Духа. Но он считает, что такое исхождение началось в день Пятидесятницы. В Ветхом Завете Святой Дух не был известен, что он доказывает с помощью Ин. 7:39 и Деян. 19:2 (но этому противоречат такие места, как Пс. 50:12-15; 1 Цар. 10:6; 16:13; Ис. 11:2; 61:1; 1 Пет. 1:11). Дух в Ветхом Завете — это лишь дух рабства и страха, а не дух усыновления и любви (Рим. 8:15; Гал. 4:6). Христос называет нас друзьями и братьями (Ин. 15:15; 20:17). Иудеи знали только об освящении плоти и о внешних вещах, но не о духе. Помазание, которое мы получаем от Христа, есть помазание Духа (2 Кор. 1:21; 1 Ин. 2:20, 27). Святой Дух становится нашим после рождения свыше. Мы обожествляемся, или разделяем божественную природу Христа.

3. Христопантеизм

Предпосылки и выводы в рассуждениях Сервета пантеистичны. Он воспринимает Бога как всеобъемлющую сущность. «Всё — едино, а одно — есть всё, потому что все вещи едины в Боге и Бог — суть всех вещей»¹¹¹⁸. «Как Слово Бога по сути есть человек, так и Дух Бога по сути есть дух человека. Силой воскресения все примитивные элементы тела и духа обновляются, прославляются и становятся бессмертными, и всё это передается нам от Христа при крещении и вечере Господней. Святой Дух есть дыхание из уст Христа (Ин. 20:22). Как Бог вдыхает в человека душу с воздухом, так и Христос вдыхает в Своих учеников Святого Духа с воздухом... Божественное в камне есть камень, в золоте — золото, в дереве — дерево, в соответствии с исходными идеями всех вещей. И еще более совершенным образом, божественное в человеке есть человек, а в духе — дух»¹¹¹⁹. «Бог

¹¹¹⁷ Rest., 169: *Ut vero totam animae et spiritus rationem habeas, lector, divinam hic philosophiam adjungam, quam facile intelligis, si in anatome fueris exercitatus*, etc. См. выше, §143.

¹¹¹⁸ *Ultimo ex praemissis comprobatur vetus illa sententia, omnia esse unum, quia omnia sunt unum in Deo, in quo uno consistunt*. Rest., 161.

¹¹¹⁹ *Deitas in lapide est lapis, in auro est aurum, in ligno lignum, secundum proprias ideas. Excellentiore*

пребывает в Духе, и Бог есть Дух. Бог пребывает в огне, и Бог есть огонь; Бог пребывает в свете, и Бог есть свет; Бог пребывает в разуме, и Он есть сам разум». В одном из писем к Кальвину он говорит: «Содержа в Себе сущность вселенной, Бог везде и во всём, так что Он являет нам Себя как огонь, как цветок, как камень». Бог всегда пребывает в процессе превращения¹¹²⁰. Зло и добро включены в Его сущность. Он цитирует Ис. 45:7: «Я образу свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это». Зло отличается от добра только направленностью.

Когда Кальвин обвинил Сервета в пантеизме, тот сформулировал свое мнение заново такими словами: «Бог пребывает во всём по сути, присутствию и силе, и Сам поддерживает всё»¹¹²¹. Кальвин согласился с этим, но отрицал присутствие сущности Бога во всем творении, даже, как он позже заявлял перед судьями, в полу, на котором они стоят, и в бесах¹¹²². В своем последнем ответе Кальвину Сервет говорит: «Вы с Симоном-волхвом загоняете Бога в угол, а я говорю, что Он во всем; все существа держатся в Боге»¹¹²³.

Он часто с одобрением ссылается на Платона и неоплатоников (Плотина, Ямвлиха, Прокла, Порфирия)¹¹²⁴.

Однако его взгляды отличаются от банального пантеизма. Он заменяет космопантеизм *христопантеизмом*. Он не говорит: «Этот мир — великий Бог». Он говорит: «Христос — великий Бог»¹¹²⁵. Однако под Христом он понимает только идеального Христа, ибо отрицает вечность реального Христа.

4. Антропология и сотериология¹¹²⁶

Кальвин называл Сервета пелагианином, но это так лишь с некоторыми ограничениями. Сервет отрицал абсолютное предопределение и рабство человеческой воли, которому сначала учили все реформаторы. Он признавал грехопадение Адама вследствие дьявольского искушения и признавал также наследственный грех (который Пелагий отрицал), но не наследственную вину. Наследственный грех — всего лишь болезнь, за которую ребенок не отвечает. (Так считал и Цвингли). А вины нет без знания добра и зла¹¹²⁷. Настоящее преступление невозможно

iterum modo, deitas in homine est homo, in spiritu est spiritus: sicut adjectio hominis in Deo est Deus, et adjectio spiritus hominis in eo est spiritus sanctus. Rest., 182.

¹¹²⁰ *Semper est Deus in fieri.*

¹¹²¹ *Calv. Opera*, VIII. 518, art. XXXIV.

¹¹²² *Ibid.* 550: *Sed hinc non sequitur in omnibus creaturis substantialem esse deitatem. Multo minus, quod ipse coram iudicibus confessus est, pavimentum, quod pedibus calcamus, deitatis esse particeps, et in diabolis omnia deorum esse plena.* В своих «Наставлениях» (I. I, ch. 13, §22) Кальвин называет путаницу Сына Божьего и Духа со всем творением «самым отвратительным» (*omnium maxime execrandum*) из мнений Сервета.

¹¹²³ *Cum Simone Mago tu Deum in angulo recludis: ego eum dico esse omnia in omnibus. Entia omnia dico in Deo sustineri.* Из его оскорбительных примечаний к статьям Кальвина, написанных в тюрьме. *Opera*, VIII. 548.

¹¹²⁴ С той же целью он цитирует Филона, Плутарха, Парменида, Гермеса Трисмегиста, Зороастра, иудейских раввинов Авен-Езру и Моисея Египетского.

¹¹²⁵ *Mundum Zoroaster et Trismegistus dixerunt, esse magnum Deum. Nos Christum dicimus esse magnum Deum, mundi dominum, et omnipotentem... Iesus Christus, factor mundi, fuit et est in Deo substantialiter, verius quam mundus, et per ipsum mundus secundario in Deo consistit. Rest., 213. Unicum est principium, unica verbi lux, lux omniformis, et caput omnium, Iesus Christus dominus noster, principium creaturarum Dei. P. 162.*

¹¹²⁶ См. об этом книгу *De Regenerationis superna, et de regno Antichristi*, в *Restit.*, pp. 355 sqq.

¹¹²⁷ *Nullum est penitus nec in coelesti, nec in terrestri iustitia, crimen, sine scientia boni et mali: quanquam sine ea sint nunc infantium animae sub tenebras in infernum deductae. Rest., 387.*

до наступления зрелого, ответственного возраста, то есть примерно до двенадцати лет¹¹²⁸. Он делает этот вывод из таких мест, как Исх. 30:14; 38:26; Чис. 14:29; 32:11; Вт. 1:39.

Змей вошел в человеческую плоть и овладел ею. В плоти есть жало — закон членов, антагонистичный закону Бога. Но это не приносит осуждения младенцам и не отнимается при крещении (как считали католики), потому что такое есть и в святых, и конфликт между духом и змеем продолжается всю жизнь¹¹²⁹. Но Христос предлагает всем Свою помощь, даже младенцам и их ангелам¹¹³⁰.

В греховном состоянии человек все равно обладает свободой воли, разумом и совестью, которые связывают его с Божьей благодатью. Человек остается образом Бога. Поэтому и наказывают убийц, которые покушаются на Божье величие в человеке (Быт. 9:6). Каждый человек просвещен Логосом (Ин. 1:17). Мы все — божественного происхождения (Деян. 17:29). Учение о рабстве человеческой воли — большая ошибка (*magna fallacia*), ибо превращает Божью благодать в чисто механическую. Оно делает людей праздными, пренебрегающими молитвой, постом и милостыней. Бог свободен Сам и дает свободу каждому человеку, и Его благодать действует в человеке свободно. А наша нечестивость превращает дар свободы в рабство¹¹³¹. Реформаторы хулят Бога своим учением о полной греховности и пренебрежением к добрым делам. Все истинные философы и богословы учат тому, что божественность присутствует в человеке и что душа — одной сущности с Богом¹¹³².

Что касается предопределения, то, строго говоря, для Бога нет ни раньше, ни потом. Он не подчинен времени. Но Он справедлив и милостив ко всем творениям, а особенно к малому стаду избранных¹¹³³. Он не осуждает никого, кто не осуждает себя сам.

Сервет отвергал также учение о формальном оправдании одной лишь верой как вредное для освящения. Он утверждал, что человек оправдывается верой и добрыми делами и ссылаясь на вторую главу Иакова и на послушание Авраама. Здесь он больше симпатизировал католической теории. Оправдание — не объявление человека невиновным, а эффективное воздействие, которое преображает человека и делает его праведным. Любовь больше, чем вера и знание, потому что Бог есть любовь. Она включает в себя все добрые дела, которые облачают, хранят

¹¹²⁸ *Circa vicesimum annum incipit vera peccatorum remissio, sicut tunc incipiunt vera, et actualia secundae mortis peccata... 363. Peccatum mortale non committitur ante vicesimum annum, sicut nec crimen corporali iustitia capitale. 363 sq.*

¹¹²⁹ *Rest., 366: Quamvis autem universae carni intrusus nunc sit serpens, et originalem habeat etiam in carne infantum nidum: hoc tamen nec infantes illos damnat, nec tollitur per baptismum, cum sanctis etiam insit. Nec abjiciuntur carnis sordes in baptismo, nec tollitur lex membrorum, nec angelus Satanae. Perpetuo in nobis ipsis duos habemus pugnantes principes, Deum in spiritu et serpentem in carne.* Он называет первородный грех *serpentis occupatio, inhabitatio et potestas, ab ipso Adam ducens originem*.

¹¹³⁰ *Rest., 369: Adventus Christi omnia innovavit, et omnibus opem tulit, etiam parvulis, et eorum angelis. Coelestia, terrestria, et infernalina, adventum Christi senserunt, et per eum sunt immutata.*

¹¹³¹ *Rest., 568: Impietas nostra facit arbitrium ex libero servum.*

¹¹³² *634 sq.: Philosophi veri, ac etiam theologi affirmant, esse menti hominis insitam divinitatem esseque animam Deo ὁμοούσιον, consubstantialem.*

¹¹³³ *Rest., 321: Concludendum est igitur, veram Dei in omnes suas creaturas esse justitiam et misericordiam: at in pusillum gregem suum, solum sibi peculiariter praedestinatum, insignem gratiae sublimitatem.* Меланхтон писал Камерарию, что Сервет *de justificatione manifeste delirat*, но Толлин (III. 194) утверждает, что Сервет дополняет односторонний взгляд реформаторов. См. также Henry, III. 267-272.

и укрепляют веру и увеличивают похвалу будущей славы. Тот, кто любит, лучше того, кто верит¹¹³⁴.

5. Таинства¹¹³⁵

Сервет признает только два таинства, в этом соглашаясь с протестантами, но оба их он понимал своеобразно.

а) Относительно таинства КРЕЩЕНИЯ он учил, как и Католическая церковь, рождению свыше при крещении, но отвергал, вместе с анабаптистами, крещение младенцев.

Крещение необходимо для спасения. Посредством крещения мы получаем отпущение грехов, становимся христианами и вступаем в царство небесное как священники и цари, силой Святого Духа, Который освящает воду¹¹³⁶. Это смерть ветхого человека и рождение нового. Крещением мы облакаемся во Христа и начинаем в Нем новую жизнь¹¹³⁷.

Но крещению должна предшествовать проповедь Евангелия, просвещение Духа и покаяние, которое есть, согласно проповеди Иоанна Крестителя и Христа, обязательное условие для вступления в царство Божье. Поэтому, делает вывод Сервет, никто не может креститься, пока не достиг сознательного возраста. По закону Моисея священники не получали помазание до тридцатого года (Чис. 4:3). Иосифу было тридцать, когда он возшел из темницы к престолу (Быт. 41:46). Согласно раввинистическому преданию, Адам был сотворен человеком в возрасте тридцати лет. Христос крестился в Иордане, когда Ему было тридцать (Лк. 3:21-23), и это образец истинного христианского крещения¹¹³⁸. Он был обрезан в детстве, но плотское обрезание — это символ духовного обрезания сердца, а не водного крещения¹¹³⁹. Обрезание применялось к настоящим детям, которые еще не совершали реальных грехов, а крещение предназначено для духовных детей — то есть ответственных людей, которые с детским духом начинают новую жизнь.

б) Сервет отвергал КРЕЩЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ как не соответствующее этому взгляду и нелепое. Он называл его дьявольским учением, изобретением папства, полным извращением христианства¹¹⁴⁰. Он находил в нем вторую по важности причину развращенности церкви. Первой было учение о Троице.

¹¹³⁴ См. главу *De Charitate, quid fides efficiat, quid charitas, et opera*, pp. 342 sqq., и письма к Кальвину, где Сервет приводит три причины полезности добрых дел; также письмо к Пупену, где он обвиняет церковь Женевы в том, что у нее есть Евангелие без добрых дел.

¹¹³⁵ *De Circumcisione vera, eum reliquis Christi et Antichristi mysteriis*, в *Rest.*, 411 sqq., и *De Baptismi efficacia*, 483 sqq.

¹¹³⁶ *Baptismo vere adest spiritus... Per operationem spiritus habet baptismus eam efficaciam, ut vere dicamus, baptismum nos salvare, ad Tit. 3 et I Pet. 3. Per solam enim fidem sine baptismo non complentur omnia salutis Christi mysteria. Baptismus nos salvat et lavat, sicut panis coenae corpore Christi nos cibet, interno mysterio. Rest.*, 497.

¹¹³⁷ *Rest.*, 484 sq.

¹¹³⁸ *Mysterium magnum est. Triginta annorum Christus baptismum accepit, exemplum nobis datus, ac nos ita docens, ante eam aetatem non esse quem satis aptum ad mysteria regni coelorum* (p. 412).

¹¹³⁹ *Circumcisio illa carnalis fuit typus secundae circumcisionis spiritualis, quae per Christum fit, Roma. 2. et Colossen. 2. Rest.*, 411.

¹¹⁴⁰ *Paedobaptismus esse dico detestandam abominationem, spiritus sancti extinctionem, ecclesiae Dei desolationem, totius professionis Christianae confusionem, innovationis, per Christum factae, abolitionem, ac totius ejus regni conculcationem. Rest.*, 576. Толлин (III. 136), конечно же, ошибается, когда утверждает, что взгляды Сервета на крещение младенцев были экзотическим расхождением, чуждым для его системы. Они неотделимы от нее, это один из его основных догматов.

Как и своей оппозицией учению о Троице, он весьма оскорбил и католиков, и протестантов, страстно выступив против крещения младенцев. В этом вопросе он пошел дальше многих фанатичных анабаптистов, но он не принадлежал к их сообществу и отвергал их революционные взгляды о невозможности подчинения правительству и занятия гражданских и военных постов.

Дети не могут быть священниками, а ведь при крещении мы становимся именно священниками. У них нет веры. Они не могут покаяться и не могут вступить в завет. Более того, им не нужно омовение рождения свыше для отпущения грехов, потому что они на самом деле еще не грешили.

Однако дети не погибают, если умирают некрещеными. Грех Адама был искуплен одной лишь заслугой Христа. Дети не попадают в ряды церкви на земле. Если им суждено умереть, то они попадают в шеол. Но Христос воскресит их в день воскресения и спасет на небесах. В Писании не осуждаются измаильтяне, ниневитяне и другие язычники. Христос дает благословение некрещеным детям. Как может милостивый Господь, Который принял на Себя грехи виновного мира, осудить тех, кто не совершал никакого преступления¹¹⁴¹?

Сервет соглашался с Цвингли, с анабаптистами и со Вторым Шотландским исповеданием, осуждая жестокое учение католиков, согласно которому все некрещенные дети, в том числе дети христианских родителей, не попадают в царство небесное.

в) В учении о вечере Господней Сервет отличается от католиков, лютеран, цвинглиан и, как ни странно, приближается к учению своего величайшего антагониста Кальвина¹¹⁴². Крещение и вечера Господня представляют рождение и питание нового человека. В первом мы получаем дух Христа, а во втором мы принимаем тело Христа, но духовным и мистическим образом. Крещение разжигает и укрепляет веру, а евхаристия укрепляет любовь и все больше объединяет нас со Христом. Пренебрегая этим таинством, духовный человек начинает голодать и умирает. Небесный человек нуждается в небесной пище, которая питает его к жизни вечной (Ин. 6:53)¹¹⁴³.

¹¹⁴¹ *Parvulis, non baptizatis, data est a Christo benedictio. Clementissimus ille et misericors dominus, qui impiorum peccata gratis sustulit, quomodo eos, qui impietatem non commiserunt, tam rigide damnaret?* Р. 357. Таковы благородные и воистину христианские чувства Сервета, которые способны пристыдить его ортодоксальных оппонентов. Кальвин, однако, не говорил, что водное крещение — обязательное условие спасения, и оставлял открытым вопрос о всеобщем спасении детей по их избранию свыше.

¹¹⁴² *De Coena Domini, Rest.*, 502 sqq. Толлин пишет: (III. 136): *In keiner Lehre Servet's zeigt sich so sehr als in der Abendmahlslehre sein vermittelnder Standpunkt. Tritt er doch wieder als Schiedsrichter auf zwischen dem magisch-materialistischen Katholicismus und dem quakerischen Spiritismus, zwischen Realismus und Idealismus, zwischen lutherischer Mystik und zwingli'scher Rationalistik.* Он полагает, что Сервет предвосхищает евхаристическое учение Буцера и Кальвина, но Буцер изложил его в вероисповедании Четырех Городов в 1530 г., когда еще не знал Сервета, а Кальвин — в своем трактате *De Coena* в 1540 г.

¹¹⁴³ *Baptismus et coena Domini sunt vita et fomentum ipsius fidei: sunt vita, fomentum, et nutrimentum interni hominis, per fidem ex Deo geniti. Per praedicationem evangelii plantatur fides, quod nec sine operatione spiritus fieri potest... Per coenam Domini, quae baptismum consequitur, nutritur, adolescit et incrementa vitae suscipit, ille in baptismo genitus novus homo. Magis et magis tunc in dies in nobis Christus formatur, et nos magis et magis in unum Christi corpus cum aliis membris aedificamur per charitatem... Charitatis symbolum est coena... Ita se habet coena ad charitatem, sicut baptismus ad fidem. Cana igitur et charitate neglectis, recedit a nobis Christus, arescit fides, evanescit spiritus, fame contabescit et moritur homo Christianus.* *Rest.*, 501 sq.

Сервет различает три ложные теории о вечере Господней и называет их сторонников *transubstantiatores* (католики), *impanatores* (лютеране) и *tropistae* (цвинглиане)¹¹⁴⁴.

Против первых двух теорий, которые едины в том, что учат плотскому присутствию и поглощению тела и крови Христа всеми причащающимися, Сервет говорит, что духовная пища не может быть принята устами и желудком, а только духовными органами веры и любви. Он ссылается, как и Цвингли, на Иоанна 6:63, где находит ключ к пониманию слов учреждения и загадочной речи о поедании плоти и питье крови Христа.

Наиболее сурово Сервет атакует папское учение о пресуществлении, или преобразовании даров, потому что по этому учению хлеб превращается в не-хлеб и оно заставляет верить, будто бы тело Христа могут есть даже дикие звери, псы и мыши. Сервет называет эту догму сатанинской, чудовищной, изобретением бесов¹¹⁴⁵.

С «тропистами» он соглашается в том, что хлеб и вино — символы, но возражает против идеи об отсутствии Христа, Который на небесах. Это символы реально присутствующего, а не отсутствующего Христа¹¹⁴⁶. Он есть живая глава, связывающая все члены. Голова, отсеченная от тела, чудовищна. Отрицать реальное присутствие Христа — значит уничтожить Его правление¹¹⁴⁷. Христос пришел к нам, чтобы жить с нами вечно. Он лишил нас только Своего видимого присутствия до дня суда, однако обещал быть с нами незримо, но не менее реально, до конца этого мира¹¹⁴⁸.

6. Царство Христа и правление антихриста¹¹⁴⁹

Мы уже упоминали про апокалиптические домыслы Сервета. Он не мог найти царство Божье, или *царство небесное*, о котором так часто говорится в евангелиях (в то время как Христос только дважды говорит о *церкви*), в какой-либо церковной организации своего времени. Истинная церковь процветала в первые три века, но потом бежала в пустыню, преследуемая драконом. Там для нее есть место, подготовленное Богом, и она пробудет там «тысячу двести шестьдесят пророческих дней» — или лет (Отк. 12:6), то есть с 325 по 1585 г.

Правление антихриста, с его развратом и скверной, началось с трех одновременных событий: с первого вселенского собора в Никее (325), который расколол одного Бога на трех идолов, с объединения церкви и государства при Константине, когда царь стал монахом, и с учреждения папства при Сильвестре, когда епископ стал царем¹¹⁵⁰. К тому же периоду он относит и начало общей практики

¹¹⁴⁴ Толлин изобретает три соответствующих немецких термина: *Umsubstanzler, Einbroter, Figürler*.

¹¹⁴⁵ Он говорит в этой связи (р. 510): *Papistica omnia dogmata esse doctrinas daemoniorum et meras illusiones, 2 Thess. 2 et 1 Tim. 4.*

¹¹⁴⁶ *Non enim absentis rei sunt haec symbola, ut in umbris legis, sed est visibile signum rei in visibilis, et externum symbolum rei internae. Rest., 507 sq.*

¹¹⁴⁷ *An non monstrum erit, Christum vocari caput, si suis membris non jungitur? Res mortua est corpus totum, si ab eo caput separet. Pernitiosus admodum est error, et ipsissima regni Christi destructio, negare praesentiam ejus in nobis. Rest., 508.*

¹¹⁴⁸ *Non dixit, non ero vobiscum; sed, non videbitis me, et ego vobiscum sum. Rest., 609.*

¹¹⁴⁹ *De fide et justitia regni Christi. Rest., 287 sqq. Signa sexaginta Regni Christi et Antichristi et revelatio eius jam nunc praesens, 664-670. См. также выше, §146.*

¹¹⁵⁰ *Quamvis post Christum mox coepit Antichristi mysterium: vere tamen emicuit et stabilitum est regnum tempore Sylvestri et Constantini. Quo tempore est mox oecumenico concilio a nobis ereptus filius Dei, fugata ecclesia, et abominationes omnes legibus decretae. Hinc transierunt tempus et tempora et dimidium temporis, anni mille ducenti sexaginta. Rest., 666.*

крещения младенцев с ее губительными последствиями. С того времени настоящих христиан везде преследовали и не позволяли им собираться вместе. Они были рассеяны, как овцы в пустыне.

Сервет полностью соглашался с реформаторами в противостоянии папству как антихристианской власти, но пошел намного дальше и был не лучшего мнения о протестантских церквях. Он называл Римскую церковь «самым зверским из зверей и самой бесстыжей из блудниц»¹¹⁵¹.

Он находит не менее шестидесяти признаков или знамений правления антихриста в эсхатологических речах Христа, у Даниила (гл. 7 и 12), у Павла (2 Фес. 2:3,4; 1 Тим. 4:1), а особенно в Апокалипсисе (гл. 13 — 18).

Но теперь его правление подходит к концу. Битва Михаила с антихристом уже началась на небесах и на земле, и автор «Восстановления» дует в трубу войны, которая закончится победой Христа и истинной церкви. Сервет мог бы дожить до наступления тысячелетнего царства (в 1585 г.), но ожидал, что падет в битве и примет участие в первом воскресении.

Он завершает свою эсхатологическую главу о правлении антихриста такими словами: «Тот, кто воистину верит, что папа — антихрист, будет также воистину верить, что папистская троица, детское крещение и другие тайнства папства — учения бесовские. О Христос Иисус, Ты — Сын Бога, милосердный Избавитель, Который так часто избавлял Свой народ от горестей! Избавь же несчастных грешников из этого вавилонского плена антихриста, от его лицемерия, его тираннии и идолопоклонства. Аминь»¹¹⁵².

7. Эсхатология

Кальвин и совет Женевы обвиняли Сервета в том, что он отрицал бессмертие души. Это была ересь, за которую следовало казнить. Этьен Доле был казнен на площади Мобер в Париже 2 августа 1546 г. за такие взгляды¹¹⁵³. Но Сервет отрицал эти обвинения. Он учил, что душа смертна, что она заслуживает смерти по причине греха, но что Христос наделяет ее новой жизнью в благодати¹¹⁵⁴. Христос принес с Собой бессмертие (2 Тим. 1:10; 1 Пет. 1:21-25). Похоже, что Сервет учил обусловленному бессмертию всех верующих. Однако он утверждал, что все души усопших попадают в мрачный шеол, чтобы пройти некое очищение перед судом. Это и есть крещение кровью и огнем, в отличие от крещения водой и духом (1 Кор. 3:11-15). Добрые и злые в смерти разделены. Те, кто умирает, не родившись свыше через Христа, лишены надежды. Праведные продолжают освящаться. Они молятся за нас (он приводит шесть доводов в поддержку этого и цитирует Зах. 1:12,13; Лк. 15:10; 16:27,28; 1 Кор. 13:18), но нам не надо молить-

¹¹⁵¹ Rest., 462 sq.: *O bestiam bestiarum sceleratissimam, meretricum impudentissimam... Papa est Deus, in papatu est trinitas, draconis bestiae et pseudoprophetae. Trinitatem papisticam faciunt tres realiter distincti spiritus, qui Ioanni dicuntur tres immundi spiritus ranarum, multis rationibus. Quia sunt de abyssi aquis immundis, sicut ranae*, etc. См. также его объяснения пророческих мест, pp. 393 sqq., 666 sqq.

¹¹⁵² *Libera nos miseros ab hac Babylonica Antichristi captivitate, ab hypocrisi ejus, tyrannide, et idololatria. Amen.* Rest., 670.

¹¹⁵³ Он перевел слова Платона: *Σὺ γὰρ οὐκ ἔσῃ*, — «после смерти ты будешь ничем» вместо «потому что тебя больше не будет», как желала Сорбонна. Толлин, III. 288, упоминает этот факт и ссылается на *Reg. fac. Theol. Paris.*, MM. 248, в государственном архиве Парижа.

¹¹⁵⁴ *Christus reparator animas nostras reddidit immortales, et vitalem eorum spiritum incorruptibilem.* Rest., 551. Он различал душу и дух, согласно троичному делению Платона. После смерти тела душа — всего лишь тень.

ся за них, потому что они не нуждаются в наших молитвах и в Библии нет предписаний на сей счет¹¹⁵⁵.

За правлением папы, или антихриста, последует тысячелетнее правление Христа на земле (Отк. 20:4-7). Потом произойдет первое воскресение.

Сервет был хилиастом, но не в плотском иудейском смысле. Он обвиняет Меланхтона за то, что тот высмеивал, вместе с папской сворой, и всех хилиастов, которые верили в славное правление Христа на земле, обещанное согласно Книге Откровения и учению школы святого Иоанна¹¹⁵⁶.

За тысячелетним царством последуют общее воскресение и суд. Люди будут воскресать в расцвете жизни — в возрасте тридцати лет — в год возрождения посредством крещения, когда Христос был крещен и начал общественное служение¹¹⁵⁷. «Тогда ты, — обращается он к Филиппу Меланхтону, который, после Кальвина, был его величайшим врагом, — всеми своими органами увидишь, почувствуешь, вкусишь и услышишь самого Бога. Если ты в это не веришь, то ты не веришь в воскресение плоти и телесное преобразование твоих органов»¹¹⁵⁸.

После всеобщего суда Христос уступит Свое правление Посредника, вместе со всей Своей славой, Отцу и Бог будет всем во всем (Деян. 3:21; 1 Кор. 15:24-28).

§148. Суд над Серветом и его осуждение во Вьенне

См. D'ARTIGNY в *Nouveaux Memoires d'histoire*, etc.; MOSHEIM, *Neue Nachrichten*, etc.; CALVIN, *Opera*, VIII. 833-856.

Вскоре после публикации «Восстановления» этот факт стал известен католическим властям Лиона через Гильома Трие (родом из Лиона и обращенного из католичества, который жил в то время в Женеве). Он переписывался со своим кузеном в Лионе, по имени Арней, ревностным католиком, который старался вернуть Гильома обратно в католическую веру и упрекал женеvскую церковь в недостатке дисциплины. 26 февраля 1553 г. Гильом написал Арнею, что в Женеве порок и богохульство наказываются, тогда как во Франции терпят опасного еретика, который заслуживает быть сожженным как католиками, так и протестантами, который хулил святую Троицу, называл Иисуса Христа идолом, а крещение младенцев — дьявольским изобретением. И Гильом указал на Мигеля Сервета, который сейчас называет себя Вильневом и работает врачом во Вьенне. В подтверждение он послал первую страницу «Восстановления» и назвал имя печатника, Балтазара Арнулле из Вьенны¹¹⁵⁹.

¹¹⁵⁵ *Rest.*, 718.

¹¹⁵⁶ *Quamquam tu cum vulgo papistico seniores illos omnes, et apostolicos viros, ut chilistas rideas. Rest.*, 719.

¹¹⁵⁷ *Dies baptismi assimilatur diei resurrectionis. Rest.*, 413.

¹¹⁵⁸ *Deum ipsum tu beatus corporeis his omnibus tuis sensibus videbis, tanges, gustabis, olfacies et audies. Si hoc non credis, non credis carnis resurrectionem et corporeum tuorum organorum futuram glorificationem. Rest.*, 718.

¹¹⁵⁹ *C'est un Espagnol Portugallois nommé Michael Servetus de son propre nom, mais il se nomme Villeneuve a présent, faisant le Médecin. Il a demeuré quelque temps a Lyon, maintenant il se tient a Vienne, où le livre dont je parle a été imprimé par un quidam qui a là dressé imprimerie, nommé Balthazard Arnoullet. Et afin que vous ne pensiez que je en parle a crédit, je vous envoie la première feuille pour enseigne.* Похоже, он послал титульный лист, указатель и, может быть, несколько страниц, что не доказывало ни авторства Вильнева, ни его тождественности Сервету. Три письма Трие опубликованы на французском в D'Artigny (p. 79 sq.), Mosheim (p. 90) и Calvin, *Opera*, VIII. 835-838, 840-844.

Это письмо и последовавшие за ним еще два письма Трие выглядят так, словно они были продиктованы или внушены Кальвином. Сервет считал Кальвина виновным¹¹⁶⁰, но Кальвин отрицал это обвинение как клевету¹¹⁶¹. В то же время Кальвин говорит об этом достаточно легкомысленно и считает, что не было бы бесчестным донести на столь опасного еретика властям. Он также честно признаёт, что устроил арест Сервета в Женеве¹¹⁶². Однако он не видел никакой принципиальной разницы в том, чтобы сделать одно и то же во Вьенне или в Женеве. Он просто отрицает, что стал причиной папского суда и письма Трие, но не отрицает, что снабдил суд уликами, о чем доподлинно известно, так как суд использовал письма Сервета к Кальвину в качестве *pieces justificatives*. Нет сомнений в том, что Трие, который характеризует себя как сравнительно необразованного человека, получил сведения о Сервете и о его книге от Кальвина или от коллег Кальвина либо в личном разговоре, либо из обвинений с кафедры. Мы не должны обвинять Кальвина в *непосредственном* доносе на Сервета, но не можем не считать его косвенно виновным в предъявлении этого обвинения¹¹⁶³.

Косвенное участие Кальвина в первом и прямое участие во втором аресте Сервета не могут быть оправданы. Они вызваны неподобающей страстью по защите ортодоксии.

Арней передал сведения из письма католическим властям. Дело дошло до кардинала Турнона — на тот момент архиепископа Лиона, жестокого гонителя протестантов, и Матфия Ори, опытного инквизитора, которого римский престол направил во Францию. Они сразу же начали расследование.

Вильнева призвали на гражданский суд Вьенна 16 марта. Он заставил судей ждать себя два часа (в течение этого времени, должно быть, он уничтожал все подозрительные бумаги) и предстал перед ними без тени смущения. Он заявил, что долго жил во Вьенне, часто общался с церковными деятелями, никогда не подозревался в ереси и всегда избегал неприятностей. В его доме был устроен обыск, но ничего, что позволило бы обвинить его, не нашли. На следующий день

¹¹⁶⁰ Так думали также Бользек и человек под псевдонимом Мартин Беллий. Это мнение повторяют аббат д'Артиньи, Валлас, Уиллис и фон дер Линде, который обвиняет Кальвина в том, что тот сознательно и бесчестно предал Сервета. Но доказать такое невозможно, и к тому же это предполагало бы откровенный обман, на который Кальвин не был способен.

¹¹⁶¹ Он называет его *futilis calumnia* и считает, что оскорбительно было бы предполагать, будто он ведет дружескую переписку с папскими властями. *Unde mihi tanta cum papae satellitio repente familiaritas? unde etiam tanta gratia? Refut. error Mich. Serv.*, в *Opera*, VIII. 479.

¹¹⁶² *Nec sane dissimulo, mea opera consilioque jure in carcerem fuisse conjectum!* *Ibid.*, VIII. 461.

¹¹⁶³ По мнению Трешселя, тот факт, что Кальвин выступил инициатором письма Трие, не может быть доказан, но, возможно, Кальвин подтолкнул Трие своими случайными и непреднамеренными замечаниями. *Wenn auch Calvin*, — говорит он (I. 144), — *wahrscheinlich durch gelegentliche und unabsichtliche Aeusserungen zur Entdeckung Servets Anlass gab, so ist es doch durchaus unerwiesen, dass er Trie's Brief provocirt oder gar dictirt habe*. А Дайер, который недружелюбен по отношению к Кальвину, исследовал вопрос, выносит такое суждение: «Аббат Д'Артиньи идет дальше, чем позволяют свидетельства, когда утверждает, будто письмо Трие было написано под диктовку Кальвина, и называет его письмом Кальвина, отправленным от имени Трие. Может быть, Трие и писал письмо без ведома Кальвина, но сам Кальвин дает почву всем подозрениям на этот счет. Мы не можем доказать, что Кальвин сделал первый шаг для передачи Сервета в руки католической инквизиции, но то, что мы сейчас расскажем, позволит понять, что он, по крайней мере, способствовал этому и одобрял это» (р. 314). Каннингем старается освободить Кальвина от обвинения в соучастии, тогда как занимающий противоположную позицию Таллох однозначно осуждает Кальвина и считает его поведение, если найдутся доказательства (этот вопрос он оставляет открытым), «одним из мрачайших примеров предательства» (*The Reformers*, pp. 323 sqq.). Явное риторическое преувеличение.

обыскали типографию Арнулле, тоже безрезультатно. По возвращении из путешествия Арнулле тоже призвали на суд, но он заявил, что ничего не знает.

Тогда инквизитор Ори попросил Арнея получить дополнительные доказательства от своего кузена в Женеве. Трие переслал ему, 26 марта, несколько рукописных посланий Сервета, которые, как он говорит, он с трудом достал у Кальвина (который должен был бы отказаться отдавать их вообще). Он добавил несколько страниц из «Наставлений» Кальвина с заметками Сервета на полях, по поводу крещения младенцев. Ори, еще не удовлетворенный, послал в Женеву особого гонца, чтобы достать рукопись «Восстановления» и доказательства того, что Вильнев был Серветом, а издавал книгу Арнулле. Трие ответил сразу же, в конце марта, что рукопись «Восстановления» находилась в Лозанне пару лет (с Вире), что Сервета изгнали из церквей Германии (Базеля и Страсбурга) двадцать четыре года тому назад и что печатали книгу Арнулле и Геру, и он знает об этом из достоверного источника, который не станет называть (возможно, Фреллон из Лиона).

Кардинал Лиона и архиепископ Вьенна, посоветовавшись с инквизитором Ори и другими церковными деятелями, отдали 4 апреля приказ арестовать Вильнева и Арнулле. Их поместили в отдельные помещения дворца Делфиналь. Вильневу разрешили держать слугу и видаться с друзьями. Ори поспешил во Вьенн и прибыл туда на следующее утро.

После обеда Вильнев принес присягу на Священном Писании, и ему задали вопросы об имени, возрасте и биографии. Он отвечал заведомую ложь, чтобы сбить с толку судей и не позволить узнать в себе еретика Сервета. Он не упомянул о своем пребывании в Тулузе, где он был известен под настоящим именем, что можно было доказать из университетских книг. Он отрицал, что писал какие-либо книги, кроме как по медицине и географии, хотя часто выступал корректором. Когда ему показали заметки на полях «Наставлений» Кальвина, о крещении младенцев, он признал себя автором этих заметок, но добавил, что просто записывал свои мысли без цели спорить с кем-либо и что полностью подчиняется своей святой матери-церкви, от учения которой никогда не хотел отходить.

Во время второго слушания, 6 апреля, ему показали несколько его посланий к Кальвину. Он заявил, со слезами на глазах, что эти письма были им написаны, когда он был в Германии, около двадцати пяти лет назад, когда в этой стране была напечатана книга некоего Сервета, испанца, но из какой области Испании, он не знает! В Париже он слышал, что о господине Кальвине говорили как об ученом человеке, а потому он начал переписываться с ним из любопытства, но просил держать его письма в тайне и воспринимать их как личные замечания¹¹⁶⁴. Как следовало из его показаний, Кальвин подозревал в нем Сервета, на что он ответил: я не Сервет, но буду продолжать писать от имени Сервета, для продолжения дискуссии. Наконец они вышли из себя, стали сердиться друг на друга, оскорблять друг друга и прервали переписку около десяти лет назад. Сервет протестовал перед Богом и судьями, что не собирался создавать новые догмы или учить чему-либо против церкви или христианской религии. Похожую ложь он говорил и тогда, когда ему показывали другие письма.

Наконец, Сервет решил бежать, возможно, с помощью друзей, одолжив через своего слугу триста крон у приора монастыря Сен-Пьер. 7 апреля в четыре часа

¹¹⁶⁴ *Sub sigillo secreti et comme fraternelles [sic] corrections*. Однако сам он опубликовал в *Restitutio*, как мы уже говорили, тридцать своих писем к Кальвину без разрешения Кальвина.

утра он надел ночную рубашку поверх одежды, и, в ночном колпаке, притворяясь, что ему надо выйти по нужде, получил от ничего не подозревавшего стражника ключ от сада. Он спрыгнул с крыши и бежал через двор и по мосту через Рейн. На шее у него была золотая цепь стоимостью двадцать крон, на пальцах шесть золотых колец и много денег в карманах.

О его бегстве стало известно через два часа. Пробили тревогу, закрыли ворота, соседние дома обыскиали, но безуспешно.

Однако расследование продолжалось. Было найдено достаточно доказательств того, что «Восстановление» было напечатано во Вьенне; были найдены выдержки из него, доказывающие, что книга содержит ереси. Гражданский суд, не дожидаясь решения духовного суда (которое было принято только шесть месяцев спустя), объявил Сервета 17 июня виновным в ереси, в нарушении королевских законов и в бегстве из королевской тюрьмы. Его приговорили к уплате дофину тысячи ливров (*livres tournois*), после чего его должны были привезти в телеге по главным улицам города, вместе с его книгами, на рыночную площадь и сжечь там живьем на медленном огне¹¹⁶⁵.

В тот же день он был сожжен символически, вместе с пятью тюками его книг, которые были переданы Меррену¹¹⁶⁶ в Лион и возвращены во Вьенн.

Имущество беглеца было конфисковано. Своей медицинской практикой и литературными трудами он заработал четыре тысячи крон. Король подарил их сыну месье де Монжирона, командующего армией Дофине, который был главным судьей¹¹⁶⁷.

Арулле оправдали. Ему удалось доказать, что Геру обманул его, а Геру, похоже, спасся бегством. Он позаботился о том, чтобы оставшиеся во Франции экземпляры еретической книги были уничтожены. Стефан, знаменитый издатель, который был в Женеве в 1552 г., пожертвовал экземплярами, которые у него были. А те, что были посланы во Франкфурт, были сожжены по требованию Кальвина.

23 декабря, через два месяца после символической казни Сервета, его признал виновным церковный суд Вьенна¹¹⁶⁸.

§149. Бегство Сервета в Женеву и его арест

RILLIET: *Relation du procès*, etc., цит. выше, §135. (Перевод Tweedie — в его *Calvin and Servetus*, pp. 62 sqq.) *Opera*, VIII. 725-856.

Избежав одной смертельной опасности, Сервет, в «роковом безумии», как называет это Кальвин, устремился к другой¹¹⁶⁹. Намеревался ли он обрести в Женеве славу мученика, как, похоже, намекает в письме к Пупену? Но ведь он только что избежал именно этого во Франции. Или же он хотел лично встретиться с Кальвином, которого искал в Париже в 1534 г. и во Вьенне в 1546 г.? Но

¹¹⁶⁵ *Estre bruslé tout vif petit-feu, tellement que son corps soit mis en cendre*. Полностью приговор есть в Calvin, *Opera*, VIII. 784-787. О нем сообщили женевскому совету как об основании для выдачи преступника.

¹¹⁶⁶ {В §146 Шафф называет его Пьером Мартеном.}

¹¹⁶⁷ См. письмо Монжирона к совету Женевы в *Opera*, VIII. 791, и в Rilliet-Tweedie, p. 156.

¹¹⁶⁸ Calvin, *Opera*, VIII. 851-856 (копия с d'Artigny, II. 123, и Mosheim, *Neue Nachrichten*, etc., p. 100 sq.). Там Villanovanus осуждается как *maximus haereticus*, а его *scripta* как *erronea, nefanda, impia, sacrilega, et plusquam haeretica*.

¹¹⁶⁹ *Nescio quid dicam, nisi fatali vesania fuisse correptum ut se praecipitem jaceret*. Calvin. См. Henry, III. 151.

вряд ли у него могло возникнуть такое желание после публикации его оскорбительных посланий и подозрения в том, что Кальвин донес на него. Может быть, он просто был в Женеве проездом и направлялся в Италию? Но в таком случае ему не надо было задерживаться на целые недели, он мог поехать через Савойю или плыть морем. Или же он надеялся сместить «женевского папу» с помощью его врагов, которые тогда обладали политической властью в республике¹¹⁷⁰?

Он оставался во Франции около трех месяцев. Сначала он намеревался, как и заявил на суде, поехать в Испанию, но посчитал, что такое путешествие небезопасно, и подумал о Неаполе, где надеялся работать врачом среди многочисленных испанцев, живших там. Он без труда мог бы сделать это, взяв себе другое имя.

И он поехал через Женеву. Он прибыл туда после середины июля 1553 г., один и пешком, оставив лошадь на французской границе. Он поселился в «Розе», маленькой гостинице на берегу озера. Его одежда и манеры, золотая цепь и золотые кольца привлекли к себе внимание. Когда хозяин спросил его, женат ли он, он ответил, как легкомысленный кавалер, что кругом достаточно женщин и без женитьбы¹¹⁷¹. Этот фривольный ответ вызвал подозрение в безнравственности и использовался на суде, хотя и несправедливо, потому что после перелома он не был способен на супружеские отношения и разврат¹¹⁷².

Он оставался там около месяца, а потом пожелал отправиться в Цюрих. Он попросил своего хозяина нанять лодку, чтобы проплыть по озеру на восток.

Но перед отъездом в воскресенье, 13 августа, он посетил церковь. Его узнал и арестовал офицер полиции, от имени совета¹¹⁷³.

Кальвин нес ответственность за этот арест, как он сам открыто и неоднократно признавал¹¹⁷⁴. Это была роковая ошибка. Сервет был чужеземцем и не совершал в Женеве никаких преступлений. Кальвин должен был позволить ему спокойно продолжить путь. Почему он поступил иначе? Конечно, не из личной злобы и не из эгоистичных побуждений, ибо так он только усугубил бы сложность своего положения и рисковал потерпеть поражение в борьбе с либертинами, которые тогда стояли у власти. Это было заблуждение. Он был под ложным

¹¹⁷⁰ Уиллис (р. 284) полагает, что враги Кальвина удерживали его, потому что надеялись извлечь из этого политические преимущества. Уиллис делает такой вывод из факта, что окна комнаты Сервета были заколочены гвоздями. Как будто бы он не мог выйти через двери! Более того, заколочены были не окна его комнаты в гостинице, как говорит Уиллис, а окна помещения, где он был под арестом уже после начала суда, чтобы он не мог общаться с внешним миром. См. Rilliet-Tweedie, p. 154.

¹¹⁷¹ *On trouve bien assez de femmes sans se marrier*. См. Trechsel, I. 306.

¹¹⁷² Он заявил 23 августа, что является импотентом вследствие перелома. *Opera*, VIII. 769.

¹¹⁷³ Вот выдержка из регистра совета достопочтенных от 13 августа (в *Opera*, VIII. 725): «М. Сервет был узнан несколькими братьями (*par quelques frères*), и было признано благом посадить его в тюрьму, чтобы он не мог больше осквернять мир своими богохульствами и ересями, ибо известно, что он совершенно неисправим и безнадежен (*du tout incorrigible et desesperé*)».

¹¹⁷⁴ В своем *Refutatio*, *Opera*, VIII. 461, 725, и в письмах к Фарелю (20 августа) и Зульцеру (8 сентября 1553 г.). «Сервет, — писал он Зульцеру в Базель во время суда, — каким-то образом бежал из тюрьмы и бродил по Италии почти четыре месяца. Наконец, в недобрый час, он прибыл в такое место, где, по моему требованию, один из синдиков велел посадить его в тюрьму, и я не скрываю, что считал своим долгом, раз уж я мог так сделать, призвать к ответу этого самого упрямого и неуправляемого человека, чтобы его зараза не распространялась дальше. Мы видим, какое высокомерное безбожие развивается повсюду, так что новые заблуждения появляются все время; мы видим, как пассивны те, кого Бог вооружил мечом для защиты славы Своего имени». Упоминание о четырехмесячном блуждании по Италии (*per Italiam erravit fere quatuor menses*, то есть с 7 апреля по конец июля) — ошибка. На суде Сервет отрицал, что был в Италии в то время, а в Венеции — вообще когда-либо.

впечатлением, что Сервет только что приехал из Венеции — центра итальянских гуманистов и скептиков, чтобы распространять свои заблуждения в Женеве, и считал своим долгом обезвредить такого опасного человека, либо приведя его к покаянию, либо заслуженно наказав. И он решил победить или проиграть, защищая чистоту учения и дисциплины. Рилье оправдывает этот арест как необходимую меру самозащиты. «Под страхом сложения полномочий, — говорит Рилье, — Кальвин должен был сделать всё, чтобы не потерпеть рядом с собой в Женеве человека, которого он считал величайшим врагом Реформации, и критическая ситуация, которую он наблюдал в лоне республики, была еще одной причиной устранить, по возможности, новый источник раздоров, которым могло бы стать пребывание Сервета... Безнаказанно терпеть Сервета в Женеве для Кальвина значило бы самому отправиться в изгнание... У него не было выбора. Человек, которого по обвинению Кальвина арестовали, судили и приговорили к костру во Франции, не должен был найти убежище в городе, из которого исходили обвинения»¹¹⁷⁵.

§150. Положение политических партий в Женеве в 1553 г.

Положение Кальвина в Женеве в то время было очень критическим. В 1553 г. он находился в самом центре борьбы за церковную дисциплину против патриотов и либертинов, которые получили временное влияние на правительство. Ами Перрен, вождь патриотической партии, был тогда капитаном-генералом и главным синдиком, а некоторые из его родственников и друзей — членами малого совета двадцати пяти¹¹⁷⁶. Во время суда над Серветом совет поддерживал Филибера Бертелье в борьбе против отлучения консисторией и пытался взять церковную дисциплину в свои руки. Иностранцев обезвреживали, отнимая у них оружие. Реформатору угрожали насилием. Его повсюду приветствовали как «еретика» и оскорбляли на улицах. Беза говорит: «В 1553 г. злоба подстрекателей, которая всё усиливалась, стала столь яростной, что церковь и государство были в очень опасном положении... Казалось, всё в государстве готово для осуществления планов заговорщиков, потому что все были подчинены их власти». А Кальвин, в конце года, писал другу: «Четыре года составляются разговоры с тем, чтобы низвергнуть эту церковь, которая уже очень слаба... Два года нашей жизни прошли так, как если бы мы жили среди заклятых врагов Евангелия».

Враждебность совета к Кальвину и его дисциплине продолжалась и после казни Сервета, еще почти два года. Кальвин просил помощи у Буллингера и церкви Цюриха, чтобы они поддержали его в этой борьбе¹¹⁷⁷. Он писал Амвросию Блауреру 6 февраля 1554 г.: «Эти несколько последних лет некие лица не переставали при всякой возможности создавать для нас новые проблемы. Они не обращали внимания на наши отлучения и перепробовали все безумства. Везде шла борьба с применением насилия, потому что и в сенате, и среди народа страсти соперничающих партий были так накалены, что постоянно существовала опасность мятежа»¹¹⁷⁸.

¹¹⁷⁵ Перевод в Tweedie, p. 87.

¹¹⁷⁶ Перне де Фосс, Гаспар Фавр, Клод Вандель, Пьер Вандель и Батист Септ. См. *Opera*, VIII. 737, note 6.

¹¹⁷⁷ Письма от 26 ноября и 30 декабря 1553 г., в Bonnet-Constable, II. 422-430.

¹¹⁷⁸ *Ibid.*, III. 17. См. также его письмо от 15 октября 1554 г., цит. в §108, и его письмо к Иоганну Вольфу из Цюриха от 26 декабря 1554 г.

Мы не знаем, понимал ли Сервет, как обстоят дела, но он не мог прибыть в момент более благоприятный для него и более неблагоприятный для Кальвина. Среди либертинов и патриотов были люди, которые ненавидели иго Кальвина еще сильнее, чем иго папы, и Сервет имел среди них естественных сторонников, которые, в свою очередь, с радостью использовали бы его в политических целях. Этот факт воодушевлял его, и потому он столь презрительно относился к Кальвину на суде и осыпал его оскорблениями.

Таким образом, в конечном итоге за приговор несет ответственность совет Женевы, который, возможно, поступил бы иначе, если бы на него не оказывало сильного влияния мнение швейцарских церквей и правительства Берна. Кальвин вел богословскую часть суда, но не влиял непосредственно на результаты. Его теория гласила, что церковь должна осуждать еретика богословски, а приговор и наказание — исключительная функция государства, и одна из самых священных обязанностей государства — наказывать за нападки на величие Бога.

«С того момента как Сервет был уличен в ереси, — говорит Кальвин, — я не произнес ни слова о его наказании, чему все честные люди могут быть свидетелями, и я призываю подтвердить это даже обличителей, если могут»¹¹⁷⁹. Кальвин сделал лишь одно: выразил желание, чтобы казнь Сервета была более гуманной¹¹⁸⁰. И эти гуманные чувства — почти единственная добрая вещь, которую можно упомянуть к его чести во время этого пресловутого суда.

§151. Первый суд в Женеве

Сервета держали в заключении рядом с церковью Св. Петра, в древней резиденции епископов Женевы, которая была превращена в тюрьму. Его личное имущество состояло из девятиста семи крон, золотой цепи стоимостью около двадцати крон и шести золотых колец (с крупной бирюзой, с белым сапфиром, с бриллиантом, с рубином, с крупным изумрудом из Перу и коралловая печатка). Эти ценности были переданы Пьеру Тиссо, а после процесса пожертвованы больнице. Заключенному разрешили пользоваться бумагой и пером, а также книгами, которые он мог заказать за свой счет в Женеве или Лионе. Кальвин одолжил ему Игнатия, Поликарпа, Тертуллиана и Ириней. Но, согласно постановлениям 1543 г., ему отказали в возможности советоваться, что противоречило закону равноправия и стало одной из худших особенностей этого суда. Обычным в таких случаях пыткам его не подвергали.

Законы Женевы требовали, чтобы обвинитель сидел с тюрьме вместе с обвиняемым, в результате чего, если обвинения оказывались ложными, обвинитель подвергался наказанию вместо обвиняемого. В роли обвинителя здесь выступал Николя де ла Фонтен, француз, исследователь богословия и личный секретарь Кальвина. И обвинитель, и обвиняемый были иностранцами. Другой закон требовал, чтобы малый совет допрашивал каждого заключенного в течение суток после его ареста. Интересы Николя де ла Фонтена на суде защищал Жермен Колладон, также француз и способный юрист, который бежал из религиозных соображений и помогал Кальвину составлять новую женевскую конституцию.

¹¹⁷⁹ *Opera*, VIII. 461: *Ex quo convictus est, me nullum de poena verbum fecisse, non solum boni omnes viri mihi testes erunt sed malis etiam concedo ut proferant si quid habent*. Сервет жаловался на жестокое обращение в тюрьме, но за это отвечали только совет и тюремщик.

¹¹⁸⁰ В письме к Фарелю, 20 августа 1553 г.: *Spero capitale saltem iudicium fore; poenae vero atrocitatem remitti cupio*.

Суд начался 15 августа и продолжался, с перерывами, больше двух месяцев. Он велся на французском языке во дворце епископа согласно предписаниям закона, в присутствии малого совета, городского глашатая, лорда-лейтенанта и нескольких горожан, которые имели право заседать на уголовных процессах, но не принимали участия в суде. Среди них был Бертелье, заклятый враг Кальвина.

Сервет ответил на первые вопросы, о своем имени, возрасте и биографии, более правдиво, чем перед католическим судом, и по ходу дела обвинил Кальвина в том, что тот передал его суду во Вьенне. Он сказал, что если его и не сожгли там живьем, то так получилось совсем не благодаря Кальвину.

Обвинение, которое представил Николя де ла Фонтен, состояло из тридцати восьми статей, написанных Кальвином (как он сам нам сообщает) и подкрепленных ссылками на книги Сервета, особенно на «Восстановление христианства», — как рукописный экземпляр, который Сервет послал Кальвину ранее, так и печатный¹¹⁸¹.

Основные обвинения гласили, что Сервет обнаружил еретические мнения и хулу на Троицу, на личность Христа и на крещение младенцев. Сервет давал уклончивые или ортодоксальные ответы. Он признал, что верит в троичную личность, но понимает слово «личность» не так, как другие авторы того времени, и ссылаясь на первых учителей церкви и учеников апостолов¹¹⁸². Сначала он отрицал, что называл Троицу тремя бесами и Цербером¹¹⁸³, однако он называл их так неоднократно и потом признался. Он говорил, что верит в Иисуса Христа как Сына Божьего по Его Божественности и человеческой природе; что плоть Христа сошла с небес и от сущности Бога; но как вещество она исходила от девы Марии. Он отрицал приписываемое ему мнение о том, что душа смертна. Он признал, что называл крещение младенцев «дьявольским изобретением и адской ложью, губительной для христианства». Это было опасное признание, ибо говорящих так анабаптистов подозревали в мятеже и революционных мнениях.

Его обвинили также в том, что он «хулил, в лице господина Кальвина, учения Евангелия и женевской церкви». На это он ответил, что раньше писал против Кальвина, защищаясь, но хотел не оскорбить его, а только показать его ошибки и заблуждения и что он готов доказать их на основании Писания и здравого смысла перед всем собранием.

Это было смелое заявление. Кальвин был готов принять вызов, но совет отказался, поскольку боялся потерять контроль над ситуацией, сделав решение суда зависящим от общественного мнения. А друзья Сервета рисковали увидеть, как он проиграет публичные дебаты. Но в своем согласии Кальвин, похоже, выразил личную неприязнь, и позже эти фрагменты заседания были осмотрительно удалены из протоколов.

На следующий день, 16 августа, Бертелье, в то время страдавший от отлучения консисторией, открыто выступил в защиту Сервета и имел с Колладоном бурный спор, которого нет в официальных записях, — там только пробелы и

¹¹⁸¹ Статьи приведены полностью в Rilliet и в *Opera*, VIII. 727-731. Кальвин упоминает сорок статей в письме к Фарелю (20 августа), но потом они были сведены к тридцати восьми.

¹¹⁸² *Respond quil croit en lessence divine en troys personnes et quil na point dogmatise en celle sorte. Vray est quil prent le nom de personne aultrement que les modernes ne le prennent et quil le prent comment les premiers docteurs de leglise et disciples des apotres lont prys*. *Opera*, VIII. 738. Я сохранил древнее написание.

¹¹⁸³ *Interrogé sil entend que la Trinité soit troys diables et soit troys [un] Cerberus, respond que non, et quil ne la point dict en ceste sorte et quil ne le veult point maintenir*. См. также отрывок из его письма Пупену, которое позже использовалось как доказательство и было им признано: *Pro uno Deo habetis tricipitem Cerberum*.

краткие упоминания: «Дальше они не продолжали, но сделали перерыв до сегодняшнего полудня».

В четверг, 17 августа, Кальвин сам предстал перед советом как истинный обвинитель, и вновь сделал это 21 августа¹¹⁸⁴. Он также выступил против своего соперника письменно. Сервет не мог сравниться с Кальвином ни в учености, ни в силе доводов, но он показал себя весьма талантливым и сильным.

Он с презрением отверг неуклюжее обвинение в том, что в своем «Птолеме» он противоречил авторитетным словам Моисея, когда описывал Палестину как неплодородную страну (каковой она действительно была тогда, да и остается сейчас). Он потер губы и сказал: «Давайте продолжать; тут никакой ошибки нет».

На обвинение в том, что в своих примечаниях к латинской Библии Сервет истолковал раба Божьего в пятьдесят третьей главе Исаии как царя Кира, а не как Спасителя, он сказал, что различает два значения пророчества: буквальное, историческое, которое относится к Киру, и мистическое, основное, которое относится ко Христу. Сервет цитировал Николая Лиранского, но Кальвин показал, что он заблуждается, и заявил, что Сервет дерзко цитирует книги, которые не изучал.

По поводу того, что Сервет называл Троицу «Цербером» и «грёзами Августина», а тринитариев — «атеистами», он сказал, что имел в виду не истинную Троицу, в которую сам он верит, а ложную Троицу его оппонентов; и что древнейшие учителя, до Никейского собора, не учили о Троице и не использовали это слово. Среди таковых он упомянул Игнатия, Поликарпа, Климента Римского, Иринея, Тертуллиана и Климента Александрийского. Кальвин возразил, цитируя Иустина Мученика, Тертуллиана и Оригена. Тут он несправедливо обвинил Сервета в полном незнании греческого языка, так как того смутила греческая цитата из Иустина Мученика и он попросил перевод на латынь¹¹⁸⁵.

По поводу отношения божественной сущности к сущности творений Сервет заявил, что «всё творение единосущно Богу и что Бог есть во всем сущем». Кальвин спросил его: «Несчастный, если человек попирает пол ногами и заявляет, что попирает твоего Бога, не страшно ли тебе, что так оскверняют Всевышнего на небесах?» На это Сервет ответил: «Я не сомневаюсь, что эта скамья, этот шкаф и всё, что ты можешь мне показать, — той же сути, что и Бог». Когда ему возразили, что в таком случае и дьявол должен быть той же сути, что и Бог, он рассмеялся и сказал: «А вы в этом сомневаетесь? Я считаю несомненным то, что все вещи есть часть и частица Бога и что природа вещей единосуща Божьему Духу»¹¹⁸⁶.

Результат этого первого заседания был неблагоприятным для обвиняемого, но не решающим.

Кальвин прибег к своей возможности проповедовать, желая помешать попыткам либертинской партии спасти Сервета.

§152. Второй суд в Женеве

После предварительного слушания дело было передано генеральному прокурору Клоду Ригу, в соответствии с уголовным кодексом 1543 г. Началась вторая

¹¹⁸⁴ Об этом и последующем заседании Кальвин рассказывает в своей «Защите», которая более подробна, чем официальный отчет. *Opera*, VIII. 743 sqq.

¹¹⁸⁵ В своем *Refutatio* Кальвин говорит: «Он мог читать по-гречески не лучше, чем ребенок, который еще только учит алфавит». *Opera*, VIII. 498.

¹¹⁸⁶ *Opera*, VIII. 496: *Ex traduce Dei orta* (или *une partie et portion de Dieu*) *esse omnia, et rerum naturam esse substantialem Dei spiritum*.

часть суда. Обвиняемого снова допрашивали, подготовили новое обвинение из тридцати статей, в которых о его реальных ересьх говорилось меньше, чем об опасной практической тенденции и о его упорстве в их распространении¹¹⁸⁷.

Совет также написал судьям Вьенна, чтобы они сообщили о подробностях обвинений, выдвинутых там.

Сервет защищался перед советом 23 августа, с наивностью и явной откровенностью отвечая на новые обвинения, уже во вздорности и аморальности. Последнее он опроверг, ссылаясь на физическую болезнь, которая не позволяла ему поддаваться искушениям. Он всегда изучал Писание и старался вести христианский образ жизни. Он не думал, что его книга нарушит покой христианского мира, но хотел распространять истину. Он отрицал, что прибыл в Женеву с коварными целями. Он просто проезжал через нее по пути в Цюрих и Неаполь.

В то же время он подготовил письменную петицию к совету, которая была получена 24 августа. Он потребовал снятия обвинения по нескольким причинам, которые были достаточно вескими: до времен Константина в христианской церкви не судили за ересь гражданским судом; он не нарушил никаких законов ни в Женеве, ни в другом месте; он не подстрекал к мятежу и не вызывал беспорядков; его книги посвящены абстрактным проблемам и адресованы ученым людям; он не говорил на эти темы ни с кем, кроме Эколампация, Буцера и Капитона; и он даже осуждал анабаптистов, которые бунтовали против властей и выступали за общее имущество. Если же его не отпустят, то он требует помощи адвоката, знакомого с законами и обычаями этой страны. Что было вполне разумным требованием¹¹⁸⁸.

Прокурор подготовил второе опровержение доводов Сервета, который изучал право в Тулузе. Он заявил, что первые христианские императоры взяли на себя обязанность распознавания ересей и суда над ними и что их законы и конституции осуждали антитринитариев и богохульников на смерть. Он обвинил Сервета в ложности его заявлений о том, будто он выступал против анабаптистов и в последние тридцать лет никому не рассказывал о своем учении. В адвокате ему отказали, поскольку это было запрещено уголовными законами (1543) и в Сервете «не было видно даже йоты невиновности, на которую мог бы сослаться адвокат». Но как раз это и требовалось доказать на суде!

Новое заседание интересно несколькими моментами. Сервет заявил о своей вере в то, что Реформация пойдет намного дальше, чем собирались Лютер и Кальвин, и что новое всегда сначала отвергают, а потом принимают. На нелепое обвинение в использовании Корана он ответил, что цитировал его во славу Христа, что в Коране много хорошего и что даже в грешной книге можно найти положительные мысли.

В последний день августа малый совет получил ответ из Вьенна. Комендант королевского дворца этого города прибыл в Женеву, передал копию смертного приговора Вильнева и попросил отправить самого Вильнева во Францию, чтобы приговор, осуществленный там символически, а также по отношению к книгам, мог быть приведен в исполнение и по отношению к самому человеку. Совет отказался выдать Сервета по причине аналогичных обвинений против него в Женеве, но обещал поступить по справедливости. Сам обвиняемый, которого во Вьенне мог ждать только костер, предпочитал быть судимым в Женеве, где у него оста-

¹¹⁸⁷ *Articles du procureur-général в Opera*, VIII. 763-766.

¹¹⁸⁸ *Opera*, VIII. 797.

валась надежда на оправдание или на менее строгое наказание. По ходу дела Сервет объяснил свое обыкновение посещать мессы во Вьенне примером Павла, посещавшего храм, как прочие иудеи, но признался, что, поступая так, согрешал из страха перед смертью¹¹⁸⁹.

Сообщением из Вьенна, вероятно, подогрелась ревность совета к ортодоксии. Им не хотелось отставать от Римской церкви в этом отношении. Но исход дела был еще неясен.

Сервет снова столкнулся с Кальвином на совете 1 сентября. В тот же день Филиберу Бертелье, несмотря на решительные протесты Кальвина, было позволено принимать причастие. Таким образом было аннулировано отлучение консилии и совет взял на себя право решать вопросы церковной дисциплины.

Через несколько часов расследование было возобновлено в тюрьме. Перрен и Бертелье присутствовали как судьи и поддерживали Сервета в устных дебатах с Кальвином, но, похоже, безуспешно, хотя они прибегли к письменной дискуссии, в которой Сервет лучше мог защитить себя и которая могла усложнить и так критическое положение Кальвина. Кроме того, они намеревались посоветоваться с церквями Швейцарии, которые в случае Бользека оказались более терпимыми, чем Кальвин. Сервет требовал этого. Кальвину это не нравилось, но он открыто не возражал.

Совет, не вступая в дискуссию, решил, что Кальвин должен выписать из книг Сервета, на латыни, спорные моменты дословно; Сервет должен написать свои ответы и оправдания, тоже на латыни; после чего Кальвин должен ответить ему; и эти документы будут переданы швейцарским церквям для обсуждения. Всё это было справедливо и беспристрастно¹¹⁹⁰.

В тот же день Кальвин выписал из книг Сервета тридцать восемь положений со ссылками, но без комментариев.

Потом, с поразительной энергией переходя от одного врага к другому, он предстал перед малым советом 2 сентября, чтобы протестовать самым решительным образом против защиты ими Бертелье, который на следующий день хотел подойти к причастию и с помощью городских властей заставить Кальвина дать ему тело и кровь Христа. Кальвин заявил перед советом, что скорее умрет, чем поступит против совести. Совет не уступил, но решил тайно порекомендовать Бертелье не подходить пока к таинству. Кальвин, не зная об этом тайном совете и решив победить или умереть, 3 сентября объявил с кафедры Св. Петра о своем решении отказывать отлученному в священных дарах, даже с риском для своей жизни. Бертелье не осмелился подойти к причастию, и Кальвин одержал моральную победу над советом¹¹⁹¹.

Тем временем Сервет, за двадцать четыре часа, подготовил письменную защиту, как велел ему совет, против тридцати восьми статей Кальвина. Она была одновременно апологетической и откровенно-агрессивной, ясной, четкой, страстной и злобной. Он с презрением отзывался о вмешательстве Кальвина в суд, обвинял его в высокомерии и в составлении символов веры на манер докторов Сорбонны, без доказательств из Писания¹¹⁹². Он утверждал, что Кальвин либо

¹¹⁸⁹ *Opera*, VIII. 789: *Et puyz après a confessé quil avait pechéen ce, mais que cestoit par crainte de la mort.*

¹¹⁹⁰ *Opera*, VIII. 796. Латинский текст этих трех документов есть в Calvin, *Refutatio Errorum*, ibid., 501-553.

¹¹⁹¹ См. выше, §109.

¹¹⁹² VIII. 607: *Eam sibi jam auctoritatem arrogat Calvinus, ut instar magistrorum Sorbonicorum*

неправильно его понял, либо коварно исказил смысл его слов. Он цитирует Тертуллиана, Иринея и псевдо-Климента в поддержку своих взглядов. Он называет Кальвина учеником Симона-волхва, преступным обвинителем и убийцей¹¹⁹³. Он смеется над тем, что такой человек называет себя ортодоксальным служителем церкви.

Кальвин ответил через два дня документом в двадцать три страницы ин-фолио, который подписали все четырнадцать служителей Женевы¹¹⁹⁴. На цитаты Сервета из отцов церкви он отвечал другими цитатами, фрагментами Писания и вескими доводами, после чего обвинил Сервета в намерении «исказить религию в целом»¹¹⁹⁵.

Эти три документа, содержащие суть доктринальных разногласий, были представлены малому совету во вторник 5 сентября.

15 сентября Сервет обратился к совету с просьбой, в которой нападал на Кальвина как на своего гонителя, жаловался на свое плачевное положение в тюрьме и на нехватку необходимой одежды, а также требовал адвоката и перевода дела в большой совет двухсот, в котором, как он полагал, большинство выступит на его стороне¹¹⁹⁶. Как полагает Рилье, это, должно быть, предложили ему Перрен и Бертелье через тюремщика, Клода де Женева, который был членом либертинской партии.

В тот же день малый совет приказал позаботиться об одежде заключенного (это было сделано не сразу, из-за халатности) и послал ему три документа с разрешением в последний раз ответить Кальвину, но ничего не сделал для перевода дела в большой совет, поскольку не желал отказываться от собственной власти.

Сервет тут же подготовил ответ, дав пояснительные примечания на полях и между строк документа Кальвина и его служителей. Эти комментарии полны самых грубых оскорблений и похожи на бред сумасшедшего. Он вновь и вновь называет Кальвина лжецом¹¹⁹⁷, самозванцем, несчастным злодеем (*nebulo pessimus*), лицемером, учеником Симона-волхва и т. д. Вот образцы: «Ты отрицаешь, что ты убийца? Я докажу это твоими поступками. Ты не осмелишься отрицать, что ты — Симон-волхв. Что касается меня, то я твердо защищаю доброе дело и не боюсь смерти... Ты работаешь с софистическими доводами, без Писания... Ты сам не понимаешь того, что говоришь. Ты завываешь, как слепой в пустыне... Ты лжешь, ты лжешь, ты лжешь, ты невежественный клеветник... Ты безумен, когда преследуешь кого-то до смерти... Я хотел бы, чтобы вся твоя магия осталась в чреве твоей матери... Я хотел бы свободно перечислить твои заблуждения. Кальвин считает, что тот, кто не Симон-волхв, тот пелагианин. Все в христианском мире осуждены Кальвином, даже апостолы, их ученики, древние учителя

articulos scribat, et quidvis pro sua libidine damnet, nullam penitus ex sacris [de l'écriture sainte] adducens rationem.

¹¹⁹³ VIII. 515: *Simonis Magi discipulus... accuator criminalis, et homicida.*

¹¹⁹⁴ Calvinus, Poupinus, Gallasius, Bernardus, Bourgoinus, Malisianus, Calvetus, Pyrerius, Copus, Baldinus, J. a Sancto Andrea, Faber, Macarius, Colladonus.

¹¹⁹⁵ *Ut luce sanae doctrinae, exstincta totam religionem everteret.*

¹¹⁹⁶ *Opera*, VIII. 797, и Rilliet-Tweedie, p. 182.

¹¹⁹⁷ *Mentiris* встречается почти в каждой фразе. Он наивно извиняется за то, что пишет на самом документе Кальвина, потому что многие слова, такие как *mentiris*, в противном случае не были бы поняты; и он надеется, что Кальвин не обидится, потому что если он не прибегнет к такому методу, возникнет путаница.

церкви и все прочие. Потому что никто полностью не упразднял свободу воли, кроме Симона-волхва. Ты лжешь, ты лжешь, ты лжешь, ты несчастный злодей».

Сервет завершает замечанием о том, что «его учение вызвало только шум и не было опровергнуто никакими доводами и авторитетами», и подписывается как человек, находящийся под защитой Христа¹¹⁹⁸.

Он послал эти заметки совету 18 сентября. Их показали Кальвину, но тот не считал необходимым отвечать. В данном случае молчание было красноречивее слов.

Таким образом, спор между двумя богословами был завершен, и суд стал делом протестантской Швейцарии, которая вскоре выступила в качестве судьи.

§153. Мнение швейцарских церквей. Презрительное отношение Сервета

19 сентября малый совет, в соответствии с решением, принятым четвертого числа, передал дело Сервета городским властям и пасторам реформатских церквей Берна, Цюриха, Шафхаузена и Базеля.

Два дня спустя Жакмоц Жерноц, как официальный посланник, был отправлен в путь с циркулярным письмом и документами, а именно — текстом богословского спора между Кальвином и Серветом, копией «Восстановления христианства» и трудами Тертуллиана и Иринея, основных авторитетов из отцов церкви, которые цитировались обеими сторонами.

От результата этой миссии должен был зависеть исход дела Сервета. Сам Сервет желал именно такого поворота событий, похоже, надеясь на победу или хотя бы на спасение от смертной казни. 22 августа он выразил желание быть изгнанным из Женевы, но 22 сентября уже просил совет судить Кальвина и вручил ему список статей, по которым Кальвина следовало бы допросить. Тем самым он признал право гражданских властей на решение религиозных вопросов, которое раньше отрицал, и был готов пожертвовать своей жизнью, если его противника постигнет та же участь¹¹⁹⁹. Среди четырех «великих и неоспоримых» причин, по которым Кальвина полагалось осудить, он упоминал тот факт, что Кальвин желал «притеснить истину Иисуса Христа и следовать учениям Симона-волхва, против всех учителей, которых когда-либо имела церковь». Сервет заявил в своей петиции, что Кальвин, как волхв, должен быть уничтожен, а имущество Кальвина должно быть конфисковано и отдано ему, Сервету, в качестве компенсации за то, что он потерял из-за Кальвина. «Сместить Кальвина с должности, — говорит Рилье, — изгнать его из Женевы, отомстить — вот цели, к которым стремился Сервет».

Но совет не обратил внимания на его просьбу.

10 октября Сервет послал совету еще одно письмо, умоляя их, из любви ко Христу, отнестись к нему по справедливости, в которой они не отказали бы и турку, и жаловался, что ничего не было сделано для его утешения, как было обещано, но что он был еще несчастнее, чем когда-либо. Эта просьба возымела

¹¹⁹⁸ *Michael Servetus subscribit solus hic quidem, sed qui Christum habet protectorem certissimum.* С рукописи в Opera, VIII. 553, note.

¹¹⁹⁹ *Je demand que mon faulx accusateur soyt puni poena talionis; et que soyt detenu prisonier comme moy, jusques ce que la cause soyt definie pour mort de luy au de moy ou aultre poine.* Петиция заканчивается словами: *Je vous demande justice, messeigneurs, justice, justice, justice.* Opera, VIII. 805.

некоторое действие. Лорд-синдик Дарлод и государственный секретарь Клод Ро-зе навестили его в тюрьме и принесли ему одежду.

18 октября посланник вернулся и принес ответы от четырех церквей. Они были переведены на французский и изучены городскими властями. Мы уже знаем их содержание¹²⁰⁰. Церкви единодушно осудили богословские учения Сервета и засвидетельствовали свое уважение и привязанность к Кальвину и его коллегам. Даже Берн, который был в не очень хороших отношениях с Кальвином и за два года до того советовал проявить терпимость в деле Бользека, воспринял Сервета как весьма более опасного еретика и советовал уничтожить эту «язву». Но ни одна из церквей не предложила в явном виде смертную казнь. Они оставили государству право назначать способ наказания. Галлер, пастор из Берна, однако, писал Буллингеру в Цюрих, что если бы Сервет попал в руки бернского правосудия, он, без сомнения, был бы осужден на сожжение.

§154. *Осуждение Сервета*

23 октября совет собрался для подробного изучения ответов церквей, но не мог прийти к решению в связи с отсутствием нескольких членов, в особенности Перрена, главного синдика, который сказался больным. Сервет не смог вызвать симпатии у народа и повредил своему делу своим упрямым и презрительным поведением. Либертины, которые хотели использовать его как орудие для достижения политических целей, были разочарованы и уstraшены советом Берна, у которого они искали защиты от ненавистного им режима Кальвина.

На заседании совета в полном составе, 26 числа, куда членов призвали силой данной ими клятвы, судьба обвиняемого была решена, но только после бурных обсуждений. Ами Перрен председательствовал и совершил последнюю попытку спасти Сервета. Сначала он настаивал на его оправдании, что стало бы эквивалентом изгнания Кальвина и окончательной победы кальвиновских оппонентов. Но Перрена освистали, и он предложил другой вариант: чтобы Сервета, в соответствии с его собственным пожеланием, передали совету двухсот. Но это предложение также было отвергнуто. Перреном руководили, скорее, политические страсти, нежели симпатия к ереси или любовь к терпимости, у которой в тот век было очень мало защитников. Когда он понял, что большинство членов совета склоняется к смертному приговору, он ушел из здания сената с несколькими другими людьми.

Совет не колебался, когда принимал решение: необходимо было учитывать единодушное мнение церквей, тот ужас, который испытывало общество перед ересью и богохульством, а также законы империи, на которые ссылались обвинение. Решение было единогласным. Отвергли даже предложение Кальвина заменить костер мечом, и папская практика аутодафе восторжествовала, хотя и без шутовского религиозного праздника.

Судьи перечислили преступления Сервета: он называл святую Троицу чудовищем с тремя головами, хулил Сына Божьего, отрицал крещение детей как изображение дьявола и колдовство и нападал на христианскую веру; упомянули о том, что он был осужден и символически сожжен во Вьенне, а во время пребывания в Женеве упорствовал в своих подлых и презренных заблуждениях, называя всех истинных христиан тритеистами, атеистами, волхвами, и не обращал внимания

¹²⁰⁰ См. выше, §139, а также Calvin, *Opera*, VIII. 806 sq.

на все наставления и увещевания с коварным и извращенным упорством. После чего был вынесен ужасный приговор:

Мы постановили, чтобы ты, Мигель Сервет, был скован и отведен на площадь Шампель, там был привязан к столбу и сожжен живьем вместе с твоей книгой, как написанной от руки, так и напечатанной, пока твое тело не превратится в прах; так ты закончишь свою жизнь в назидание другим желающим совершить подобное.

И мы приказываем нашему лейтенанту проследить за тем, чтобы приговор был приведен в исполнение¹²⁰¹.

Рилье, который опубликовал для истории официальный доклад о суде и не выражал особой симпатии к Кальвину, замечает, что приговор «ужасен в нашем представлении, но вполне соответствует закону». Давайте поблагодарим Бога за то, что эти нехристианские и варварские законы навсегда отменены!

Кальвин кратко сообщил Фарелю 26 октября о результатах суда. Он пишет: «Прибыл посланник от швейцарских церквей. Они единодушно объявили¹²⁰², что Сервет вернулся к тем нечестивым заблуждениям, которыми сатана уже тревожил церковь, и что он — чудовище, которое не следует терпеть. Базель осуждает его. Цюрихцы самые пылкие из всех... Шафхаузен с ними соглашается. К письму из Берна приложено послание от сената, в котором они немало нас воодушевляют. Комедиант Цезарь [так он саркастически называл Перрена] три дня притворялся больным, но наконец отправился на совет, намереваясь освободить этого негодяя [Сервета] от наказания. Он не постеснялся попросить, чтобы дело Сервета передали совету двухсот. Но Сервет был единогласно осужден. Завтра его казнят. Мы пытались изменить характер казни, но тщетно. Почему мы не преуспели в этом, я расскажу тебе при личной встрече».

Это письмо Фарель получил по пути в Женеву, куда он прибыл в тот же день, своевременно, чтобы услышать о приговоре. Он приехал по просьбе Кальвина, чтобы выполнить обязанности пастора при осужденном, чего не мог бы сделать ни один из пасторов Женевы.

§155. Казнь Сервета. 27 октября 1553 г.

FAREL, письмо к Амбросию Блауреру, декабрь 1553 г., хранится в библиотеке Санкт-Галлена, копия в *Thesaurus Hottingerianus* городской библиотеки Цюриха; там говорится о последних часах жизни и о казни Сервета. См. HENRY, vol. III. Beilage, pp. 72-75. CALVIN, в начале своей «Защиты», *Opera*, VIII. 460, рассказывает о собственной последней беседе с Серветом в тюрьме в день его смерти.

Когда Сервет, на следующее утро, услышал о неожиданном смертном приговоре, он был в ужасе и вел себя как сумасшедший. Он стонал и кричал по-испански: «Помилуйте, помилуйте!»

Почтенный старик Фарель навестил Сервета в тюрьме в семь утра и оставался с ним до конца. Фарель пытался убедить Сервета в его заблуждениях. Сервет попросил Фареля привести хотя бы одно место Писания, где Христос был бы назван «Сыном Божиим» до Его воплощения. Фарель не смог ему ответить. Сервет побеседовал и с Кальвином, о чем последний рассказывает. Сервет, обычно гордый, смиренно попросил у него прощения. Кальвин заявил, что никогда не ссорился с ним из личных побуждений. «Шестнадцать лет назад, — сказал он, —

¹²⁰¹ *Opera*, VIII. 827-830. См. также Rilliet и Henry (III, Beilage, pp. 75 sqq.). Это стандартная судебная формулировка, как и во Вьенне.

¹²⁰² *Uno consensu pronunciant omnes*, etc. *Opera*, XIV. 657.

я был готов в Париже обратить тебя к нашему Господу. Но ты тогда уже бежал от света. Я не переставал увещевать тебя в письмах, но все напрасно. Ты обрушивал на меня невесть сколько ярости и гнева. Что же до прочего, я тебя прощаю. Лучше проси о милости Бога, Которого ты хулил». Это обращение возымело не больше эффекта, чем призывы Фареля, и Кальвин покинул помещение, как он говорит, слушаясь приказа святого Павла (Тит. 3:10,11) — удалиться от еретика, который сам себя осуждает. Сервет стал столь же кротким и смиренным, сколь смелым и высокомерным был, но от своих взглядов не отказался.

В одиннадцать часов 27 октября Сервета повели из тюрьмы к воротам городской ратуши, и он выслушал приговор, зачитанный с балкона лордом-синдиком Дарлодом. Когда он услышал последние слова, он упал на колени и воскликнул: «Меч! Смилуйтесь! Не костер! Или душа моя погибнет в отчаянии». Он протестовал, что если согрешил, то по неведению. Фарель поднял его на ноги и сказал: «Исповедуйся в твоём преступлении, и Бог помилует твою душу». Сервет ответил: «Я невиновен; я не заслужил смерти». Потом он стал бить себя в грудь, прося у Бога прощения, исповедуя Христа как своего Спасителя и прося Бога простить всех его обвинителей¹²⁰³.

Во время краткого пути на место казни Фарель снова попытался добиться исповеди, но Сервет молчал. Он проявил смелость и упорство мученика в эти последние ужасные мгновения.

Шампель — небольшой холм к югу от Женевы, с приятным видом на райски прекрасный пейзаж¹²⁰⁴. Там был подготовлен погребальный костер, засыпанный осенними листьями, опавшими с дубов. Лорд-лейтенант и верховой глашатай, в официальных облачениях, прибыли вместе с осужденным и старым пастором. За ними следовала небольшая процессия зрителей. Фарель призвал Сервета попросить народ помолиться о нем и помолиться вместе с народом. Сервет промолчал. Палач приковал его железными цепями к столбу среди связок хвороста, надел ему на голову венок из листьев, смазанный серой, и привязал к боку написанную Серветом книгу. При виде горящего факела Сервет начал пронзительно молиться о пощаде на своем родном языке. Зрители отпрянули назад. Скоро пламя добралось до него и уничтожило его смертную оболочку на сорок четвертом году его полной событий жизни. В последние мгновения люди слышали, что он молился, в дыму и агонии, громким голосом: «Иисус Христос, Сын вечного Бога, помилуй меня!»¹²⁰⁵

С его стороны эти слова были одновременно признанием веры и заблуждения. Фарель говорит, что им не удалось заставить Сервета признать, что Христос — вечный Сын Бога.

¹²⁰³ *Ut Deus accusatoribus esset propitius*. Farel. Без сомнения, христианский поступок. Henry (III. 191) признает, что в последние часы жизни Сервет проявил благородство по отношению к врагам.

¹²⁰⁴ Сейчас там стоит красивая вилла, есть сады и виноградники. Дорога из города до Шампеля, по которой приятно совершить получасовую прогулку, называется «Путем философов», и говорят, что именно на ней Арминий, ученик Безы, начал размышлять о тайнах предопределения и свободы воли, обессмертивших его имя. Так пишет Анри в своей краткой биографии Кальвина (р. 346) и в своем более подробном труде (III. 198, note 1).

¹²⁰⁵ Фарель не упоминает об этом, как и о других более или менее апокрифических обстоятельствах (Рилье также об этом не говорит) — например, о том, что палач не знал своего дела и навалил в костер зеленые листья дуба; что многие подбрасывали хворост в медленно разгорающийся костер и что Сервет страдал почти полчаса. См. анонимную книгу *Historia de Morte Serveti*, которая приписывается некоему женевицу, врагу Кальвина. Henry, III. 200 sq.

Трагедия завершилась, когда часы на церкви Св. Петра пробили полдень. Народ спокойно разошелся по домам. Фарель сразу же вернулся в Невшатель, даже не зайдя к Кальвину. Тема была слишком болезненной, чтобы обсуждать ее.

Совесть и благочестие того века оправдывали казнь и не оставляли места для сострадания. Но двести лет спустя выдающийся ученый и служитель из Женевы выразил чувства своих сограждан, сказав: «Да будет угодно Богу, чтобы мы загасили этот погребальный костер своими слезами!»¹²⁰⁶ А доктор Анри, биограф Кальвина, относящийся к нему в восхищении, рисует в своем воображении картину того, как беспристрастные христианские судьи девятнадцатого века, собравшись в Шампеле, объявили бы о Кальвине: «Невиновен», а о Сервете — «Виновен, но есть смягчающие обстоятельства»¹²⁰⁷.

На костре Шампеля подверглась сожжению не только ересь Сервета, но и нетерпимость Кальвина.

§156. Характер Сервета

Сервет — богослов, философ, географ, врач, ученый и астролог — стал одним из самых примечательных людей в истории ересей. Он был среднего роста, худой и бледный, как и Кальвин. Глаза его светились умом, а их выражение было печальным и фанатичным. Из-за физического недостатка он никогда не был женат. Похоже, у него никогда не было близких друзей, он всегда держался особняком.

Его умственные дарования и достижения велики. Они позволяют поставить его выше еретиков той эпохи и почти на один уровень с реформаторами¹²⁰⁸. Его открытия обессмертили его имя в истории науки. Он знал латынь, еврейский и греческий (хотя Кальвин и отказывал ему в знании греческого), а также испанский, французский, итальянский, хорошо был знаком с Библией, ранними отцами церкви и схоластами. Он обладал оригинальным, теоретическим и проникающим складом ума, цепкой памятью, остроумием, живым воображением, пылкой любовью к знаниям и неутомимым трудолюбием. Он предвосхитил ведущие учения социализма и унитаризма, но смешал их с мистическими и пантеистическими рассуждениями, которые его современники не понимали. Он был весьма оригинален, но ему не хватало практического здравого смысла. Ему не хватало уравновешенности и здравости. Он был склонен к фанатизму. Его эксцентричный гений был на грани безумия. Ибо

Природа гения к безумию близка,
И грань меж ними призрачно тонка.¹²⁰⁹

¹²⁰⁶ Jean Senebier (родился в Женеве, 1742; умер в 1809), *Hist. litter. de Genève* (Gen. 1786, 3 vols.), I. 215: *Il seroit a souhaiter que nos larmes eussent pu éteindre le bûcher de cet infortuné*. Цит. в Henry, III. 207.

¹²⁰⁷ *Leben Joh. Calvin's*, III. 209 sq.

¹²⁰⁸ Мосгейм сравнивает его с Кальвином в плане умственных способностей, но называет его метод «образцом путаницы». Штагелин (I. 428) тоже считает, что в плане умственных дарований Сервет был равен (*ebenbürtig*) величайшим людям того великого века, в том числе Кальвину, но что ему не доставало одного качества реформатора — морального характера. Толлин ставит его в один ряд с Кальвином и Лютером. Но это преувеличения, которые история опровергает. О подлинном величии человека судят по его плодам.

¹²⁰⁹ {Джон Драйден, «Авессалом и Ахитофел», перевод наш. — Ю.Ц.}.

Стиль его трудов часто туманен, неряшлив, обрывист, расплывчат, у него много повторений. Он нагромождает доводы в таком количестве, что они перестают действовать. Он приводит восемь доказательств того, что святые на небесах молятся за нас; десять аргументов, показывающих, что Меланхтон и его друзья — волхвы, ослепленные дьяволом; двадцать доказательств против крещения младенцев; двадцать пять — в пользу необходимости веры для крещения; шестьдесят признаков апокалиптического зверя и царства антихриста¹²¹⁰.

В плане мышления и стиля он был противоположностью ясного, уравновешенного, методичного, логичного и здравого Кальвина, который никогда не заставляет читателя усомниться в том, что именно он имеет в виду.

Моральный характер Сервета был чист, он не был виновен в аморальности, в которой его сначала подозревали враги из-за того, что в общественном мнении ересь обычно тесно связана с развратностью. Но он был тщеславным, гордым, презрительным, склочным, мстительным, несдержанным в речах, лживым и жадным. Он с неоправданной яростью оскорблял и папство, и протестантов. В течение многих лет он следовал католическим обрядам, которые презирал как идолопоклонство. Он оправдывал свое посещение мессы примером Павла, который ходил в храм (Деян. 21:26), но позже, в Женеве, признал, что согрешил из страха смерти. Он под присягой скрывал или отрицал факты, которые потом ему пришлось признать¹²¹¹. Во Вьенне он пытался ложью спасти себя от опасности и бежал; в Женеве он оскорблял своего противника и пытался, с помощью либертинов из совета, погубить его.

Самые суровые из обвинений, выдвинутых против него, — в богохульстве. Буллингер сказал одному поляку, что даже если бы сам сатана вышел из ада, он не смог бы более богохульно говорить о Троице, чем этот испанец; а Пьетро Мартири, который присутствовал там, согласился и сказал, что такого живого сына дьявола нельзя терпеть нигде. Даже сегодня мы не можем читать без содрогания некоторые его высказывания о святой Троице. Сервет без уважения и внимания относился к самым святым чувствам и убеждениям тех, кто думал не так, как он. Но с обеих сторон было непонимание. Он не собирался хулить истинного Бога, в Которого сам верил, а только ложных и воображаемых богов, какими он считал ипостаси Отца, Сына и Святого Духа, Которые для всех ортодоксальных христиан были единственным, вечным, благословенным Богом.

Он действовал из фанатичного убеждения в том, что Провидение призвало его преобразовать церковь и возродить христианскую религию. Он считал себя мудрее всех отцов церкви, схоластов и реформаторов. Свои иллюзии он подпитывал вымышленными толкованиями последней и самой непонятной книги Библии.

Кальвин и Фарель видели в его нежелании каяться только упрямство неистового еретика и богохульника. Но мы должны признать и твердость его убеждений. Он простил своих врагов, он просил прощения даже у Кальвина. Почему бы нам не простить его? Он обладал сильной верой. Мы должны уважать его ревностную преданность Писанию и личности Христа. Судя по молитвам и восклицаниям в его книге, судя по его мольбе о милости перед смертью, он действительно поклонялся Иисусу Христу как своему Господу и Спасителю¹²¹².

¹²¹⁰ *Restit.*, pp. 564, 570, 586, 664, 700, 718.

¹²¹¹ Толлин (*Charakterbild*, p. 38) защищает Сервета, говоря, что его противоречивые высказывания объясняются плохой памятью, и сравнивает их с разночтениями в рассказе четырех евангелий!

¹²¹² *Rest.*, p. 356: *O Christe Jesu, domine Deus noster, adesto, veni, vide, et pugna pro nobis*. P. 576:

§157. Кальвин выступает за смертную казнь еретиков

Как мы уже убедились, общественность, католическая и протестантская, одобряла традиционное учение о том, что упорствующих еретиков следует устранять посредством казни, и это мнение оставалось неизменным до конца XVII века.

Но были и исключения. Подобно тому как в случае с казнью испанских прициллиан в IV веке дух христианства и гуманности с негодованием и ужасом восклицал устами святого Амвросия Медиоланского и святого Мартина Турского, так и в XVI веке нашлось немало людей, протестовавших против сожжения Сервета. Большинство из них — Лелий Социн, Ренато, Курион, Биандрата, Альчати, Грибальдо, Джентиле, Окино и Каstellион — были итальянскими беженцами и свободными мыслителями, которые более или менее симпатизировали еретическим мнениям Сервета. В особенности активны были три профессора Базельского университета — Борхаус (Целларий), Курион и Каstellион, — которых в Женеве считали последователями Сервета. По той же причине на стороне Сервета были некоторые анабаптисты, такие как Давид Йорис, живший в то время в Базеле под именем Иоганна фон Брука. Против Кальвина выпускали анонимные труды, в прозе и стихах. Его осуждали как нового папу и инквизитора, а Женеву, до тех пор бывшую приютом религиозной свободы, — как новый Рим¹²¹³. Из пепла в Шампеле родилась сотня Серветов, но они не достигли высот оригинала и не понимали теоретических рассуждений Сервета, на котором истощились продуктивные силы антиринитариев¹²¹⁴.

Не только несогласные и потенциальные враги, но и, как признает Беза, некоторые ортодоксальные и благочестивые люди и друзья Кальвина были недовольны суровостью наказания и боялись, не без причины, что католики используют эту казнь как повод для жестоких преследований протестантов во Франции и других местах.

В подобных обстоятельствах Кальвин считал себя обязанным оправдать свое поведение и опровергнуть заблуждения Сервета. Буллингер призвал его сделать это. Кальвин за несколько месяцев написал труд и опубликовал его на латыни и на французском языке в начале 1554 г.¹²¹⁵ Труд носил официальный характер и был подписан всеми пятнадцатью служителями Женевы¹²¹⁶.

O pater omnipotens, pater misericordiae, eripe nos miseros ab his tenebris mortis, per nomen filii tui Jesu Christi domini nostri. O fili Dei, Jesu Christe, qui pro nobis mortuus es, ne moremur, succurre, ne moriamur, etc. См. также молитву в начале его книги, которая цитируется выше, в §146.

¹²¹³ Сицилиец Камилло Ренато написал длинную поэму, *De injusto Serveti incendio*, которая приводится в Trechsel, I. 321-28, на основании текста из собрания Зимлера в Цюрихе. Несколько поэм вышло из-под пера итальянских беженцев в Граубюндене.

¹²¹⁴ Об этих поздних антиринитариях см. в предыдущей главе. Они были деистами, а Сервет — пантеистом. Трешсель говорит (I. 269): *In Servet schien sich die produktive Kraft des Antitrinitarianismus erschöpft zu haben. Von der Höhe der Genialität und speculativer Weltbetrachtung sank er zu der Stufe des trivialen ohnmaechtigen Zweifels hinunter, und die jugendliche Frische und Fülle, die sich in den Ideen des spanischen Arztes offenbarte, wich einem altklugen, verstaendelnden, halbaufgeklärten Wesen, das sich in einer Fluth von subjektiven Meinungen ohne Halt und innere Bedeutung zu erkennen gab. Nicht wenig wurde der kirchlichen Parthei und Calvin an ihrer Spitze durch die geistige Bedeutungslosigkeit ihrer Gegner der Kampf und Widerstand erleichtert, und doch dauerte er noch dreizehn Jahre und endigte mit einer aehnlichen gewaltigen Katastrophe, wie diejenige, mit welcher er begonnen hatte.* Он имеет в виду казнь Джентиле в Берне в 1566 г.

¹²¹⁵ Цуркинден в Берне получил копию 10 февраля 1554 г.; Зудльцер в Базеле — 26 февраля.

¹²¹⁶ *Defensio orthodoxae fidei de sacra Trinitate, contra prodigiosos errores Michaelis Serveti Hispani:*

Беза помогал Кальвину в споре и опроверг памфлет Беллия с большим умением и красноречием¹²¹⁷.

Труд Кальвина против Сервета полностью удовлетворил Меланхтона. Это самое сильное опровержение заблуждений оппонента из созданных в тот век, но оно не свободно от жестокого отношения к тому, кто смиренно попросил прощения и был отправлен к Божьему престолу суда посредством насильственной смерти. Невозможно без боли читать следующие строки: «Если же кто станет говорить, будто бы несправедливо подвергать смерти еретиков и богохульников, то он сознательно и добровольно разделяет их вину. Так решили не человеческие власти; это говорит Бог и предписывает как вечный закон для Своей церкви. Не напрасно убивает Он все человеческие привязанности, которые смягчают наши сердца, не напрасно Он велит прекратиться отеческой любви и всем добрым чувствам между братьями, родственниками и друзьями; одним словом, Он чуть ли не лишает людей их природы, чтобы ничто не мешало их святому рвению. Такая суровость затем и существует, чтобы мы знали: мы бесчестим Бога, если не ставим подобающее Ему благочестие выше всех человеческих обязанностей, и если мы хотим утвердить Его славу, то гуманность должна быть практически изгнана из нашей памяти».

Заявление Кальвина о праве и обязанности христианских городских властей наказывать еретиков смертью связано с его теократической теорией и верой в непоколебимый авторитет закона Моисея. Его доводы основаны преимущественно на иудейских законах против идолопоклонства и богохульства, а также на примере благочестивых царей Израиля. Но его аргументы из Нового Завета неудачны. Он соглашается с Августином в толковании притчи: «Убеди прийти» (Лк. 14:23)¹²¹⁸. Но это повеление убедить может относиться лишь к моральной, а никак не к физической силе, и оно еще может предполагать принудительное спасение человека, но никак не его уничтожение. Позже этой же притчей злоупотребляли французские епископы, чтобы оправдать мерзкие нападения Людовика XIV на гугенотов. Кальвин, в связи с обязанностями городских властей, цитирует места об использовании меча против злодеев (Рим. 13:4); об изгнании торговцев из храма (Мф. 21:12); о суде над Ананией и Сапфирой (Деян. 5:1 и далее); о поражении Елимы слепотой (Деян. 13:11); о предании сатане Именей и Александра (1 Тим. 1:20). На возражения он отвечает с помощью притчей о плевелах и о неводе (Мф. 13:30, 49) и мудрого совета Гамалиила (Деян. 5:34). Но он не учитывает те места, которые противоречат его теории, — например, где Христос

ubi ostenditur haereticos jure gladii coercendos esse, et nominatim de homine hoc tam impio juste et merito sumptum Genevae fuisse supplicium. Per JOHANNEM CALVINUM. Oliva Roberti Stephani (261 стр.). Цитируется также под заглавием: Fidelis Expositio errorum Mich. Serveti et brevis eorundem Refutatio, etc., или просто как Refutatio Errorum M. S. Французское издание озаглавлено: Declaration pour maintenir la vraye foy que tiennent tous Chrétiens de la Trinité des personnes en un seul Dieu. Par JEAN CALVIN. Contre les erreurs détestables de Michel Servet, Espagnol. Où il est aussi monstré, qu'il est licite de punir les heretiques; et qu'a bon droict ce meschant a esté executé par justice en la ville de Genève (356 стр.). Труд также упоминается под другими заглавиями — Defensio, Refutatio, Declaration. См. библиографию в Calvin, Opera, VIII. Proleg., xxix-xxxiii.

¹²¹⁷ См. следующий раздел.

¹²¹⁸ В своем комментарии к этому отрывку (*Harm. Evang.*, pars. II. 43, Tholuck ed.) Кальвин говорит: *Non improbo, quod Augustinus hoc testimonio saepius contra Donatistas usus est, ut probaret, non principum edictis ad veri Dei cultum et fidei unitatem licite cogi prae fractos et rebelles: quia, etsi voluntaria est fides, videmus tamen, iis mediis utiliter domari eorum pervicaciam, qui non nisi coacti parent.*

упрекает Иоанна и Иакова в желании вызвать огонь с небес (Лк. 9:54), а Петра — в том, что он взялся за меч (Мф. 26:52); где Христос заявляет, что царство Его не от мира сего (Ин. 18:36) и что общий дух и цель Его служения — спасать, а не умерщвлять.

В своих юношеских трудах о Сенеке и предыдущих изданиях «Наставлений» Кальвин был склонен к более благородным чувствам терпимости¹²¹⁹, как и Августин в своих произведениях против манихеев, среди которых сам он прожил девять лет. Но оба изменили свои взгляды в худшую сторону, ревнуя о защите ортодоксии.

«Защита» Кальвина не полностью удовлетворила даже некоторых из его лучших друзей. Цуркинден, государственный секретарь Берна, писал ему 10 февраля 1554 г.: «Я хотел бы, чтобы первая часть твоей книги, о праве городских властей использовать меч для принуждения еретиков, вышла не от твоего имени, а от имени твоего совета, чтобы они сами оправдывали свои действия. Я не понимаю, как ты можешь обрести расположение разумных людей, если первым взялся за формальное рассмотрение темы, которая ненавистна почти для всех»¹²²⁰. Буллингер более мягко возражает в послании от 26 марта 1554 г.: «Я боюсь только, что твоя книга не будет принята многими простодушными людьми, даже если они преданы тебе и истине, потому что она кратка и туманна, а проблема запутана. Да и твой слог довольно сложен, особенно в этом труде». Кальвин в ответ написал 29 апреля 1554 г.: «Я понимаю, что был в этом трактате более краток, чем обычно. Но если я преданно и честно защитил истинное учение, это достаточная компенсация за все мои проблемы. Хотя пыл и справедливость, свойственные тебе, как и твоя любовь ко мне, побуждают тебя благосклонно обо мне судить, есть и другие, кто резко нападает на меня как на защитника жестокости и ужасов, ведь я критикую не просто покойного, а того, кто погиб от моей руки. Некоторые, даже не настроенные против меня, желают, чтобы я никогда не затрагивал темы наказания еретиков, и говорят, что другие в такой ситуации промолчали бы, дабы избежать ненависти к себе. Однако хорошо, что у меня есть ты, разделяющий мою вину, если таковая тут есть; ведь это ты посоветовал мне сделать это и убедил меня. Так что готовься к схватке»¹²²¹.

§158. Мольба о религиозной свободе. Кастеллион и Беза

См. §126, особенно FERD. BUISSON, *Sébastien Castellion*. Paris (Hachette et Cie), 1892. 2 vols. 8vo (I. 358-413; II. 1-28).

Через месяц после того, как Кальвин выступил в защиту смертной казни еретиков, в Базеле вышла книга в защиту религиозной свободы, посвященная герцогу Кристоферу Вюртембергскому¹²²². Она была издана под именем МАРТИНА

¹²¹⁹ См. Henry, II. 121-124; III. 224.

¹²²⁰ *Ego non video gratiam aliquam te inire posse apud sedati animi homines, quod primus omnium ex professo fere hoc argumentum tractandum susceperis, omnibus ferme invisum*. Bibl. Gen. Cod. 114. Trechsel, I. 269; Opera, XV. 22.

¹²²¹ *Alii me durius exagitant, quod saevitiae et atrocitatis sim magister, quod mortum hominem, qui manibus meis periit, calamo proscindam. Sunt etiam quidam non malevoli, qui argumentum illud nunquam me attigisse cuperent, de haereticis puniendis. Dicunt enim alios omnes, ut invidiam fugerent, data opera tacuisse. Sed bene se habet, quod te habes culpae socium, si quae tamen culpa est, quia mihi auctor et hortator fuisti. Vide igitur, ut te ad certamen compares*. Henry, III. 236; Beilage, p. 87; Opera, XV. 124.

¹²²² *De haereticis, an sint persequendi, et omnino quomodo sit cum eis agendum multorum tum veterum tum recentiorum sententiae. Liber hoc tam turbulento tempore pernecessarius*. Magdeburgi [оши-

Беллия, настоящее имя которого так и не установлено точно. Может, это был Мартин Борхаус из Штутгарта (1499 — 1564), профессор еврейского языка в Базельском университете, известный под именем Целлария, в честь его первого протектора Симона Целлария (которого не надо путать с Михаилом Целларием из Аугсбурга). Он учился в Гейдельберге и Виттенберге, сначала был среди проповедников Цвикау, потом был связан с Карлштадтом (который также окончил свои дни на посту профессора в Базеле)¹²²³. Местом издания книги назван Магдебург, оплот ортодоксальных лютеран в противовес имперской тирании. Французское издание появилось якобы в Руане, но, вероятно, было напечатано в Лионе, где брат Кастеллиона занимался книгопечатанием¹²²⁴.

Кальвин сразу же заподозрил, кто настоящие авторы, и написал Буллингеру 28 марта 1554 г.: «В Базеле подпольно была напечатана книга под ложными именами, в которой Кастеллион и Курион пытаются доказать, что еретиков не следует карать мечом. Пусть пасторы церкви, хотя и с опозданием, постараются предотвратить распространение зла»¹²²⁵. Несколько дней спустя Беза писал Буллингеру о той же самой книге и выражал мнение, что указанный Магдебург — это один из городов на Рейне [Базель] и что настоящим автором был Кастеллион, считавший самые важные артикулы веры ненужными и бесполезными и ставивший Библию в один ряд с этикой Аристотеля¹²²⁶.

Но Кастеллион написал лишь часть книги. Он взял псевдоним Базилия (= Себастьян) Монфортия (= Кастеллион)¹²²⁷.

Основу труда составляет сборник свидетельств в пользу религиозной терпимости, взятых из произведений Лютера (его книги *Von weltlicher Obrigkeit*, 1523), Бренца (который утверждает, что ересь, поскольку она принадлежит к интеллектуальной сфере, следует наказывать только Словом Божиим), Эразма, Себастьяна Франка, нескольких отцов церкви (Лактанция, Златоуста, Иеронима и Августина, из его антиманихейских трудов), Отто Брунсфельда (ум. в Берне в 1534 г.), Урбана Регия (лютеранский богослов, ум. в 1541 г.), Конрада Пелликана (профессор еврейского языка в Цюрихе, ум. в 1556 г.), Каспара Гедиона, Кристофа Гоффмана, Георга Клейнберга (псевдоним) и даже из Кальвина (первое издание его «Наставлений»). Вероятно, этот сборник был составлен Курионом.

Эпilog написан Кастеллионом, и это самая важная часть труда. Он рассматривает разные отрывки из Библии и отцов церкви, на которые ссылаются борцы за и против терпимости. Он указывает на существование множества сект, кото-

бочное название Базеля] *per Georgium Rausch, anno Domini 1554, mense Martio* (173 pp., 8vo). В предисловии имя редактора написано как MARTINUS BELLIIUS (по-французски — MARTIN BELLIE), что было истолковано современниками как «война войне», или «война тем, кто берется за меч». Buisson, I. 358. Экземпляр, который принадлежал Бонифацию Амербаху, сейчас хранится в университетской библиотеке Базеля (II. 15).

¹²²³ См. Riggensbach в Herzog², III. 166, и Buisson, II. 10 sq.

¹²²⁴ *Traicté des hérétiques, savoir si on les doit persécuter, et comme on se doit conduire avec eux, selon l'advis, opinion, et sentence de plusieurs auteurs tant anciens que modernes: grandement nécessaire en ce temps plein de troubles, et tris utile tous, et principalement aux Princes et Magistrats, pour cognoistre quel est leur office en une chose tant difficile et périlleuse*. Rouen, Pierre Freneau, 1554 (139 pp., 8vo). Я копирую заглавие из Buisson, I. 358. Он приводит полный анализ этой книги и выдержки из нее (pp. 360 sqq.). Это очень редкое издание.

¹²²⁵ *Opera*, XV. 96.

¹²²⁶ *Opera*, XV. 97.

¹²²⁷ Как показал Швейцер, см. выше, §126. Сам Бюиссон не читал Швейцера, но приходит к тому же выводу (I. 404): «BASILE — весьма приемлемый эквивалент имени SÉBASTIAN, а MONTFORT передает идею, весьма близкую к CASTELLUM, или CHATILLON».

рые не соглашались по поводу толкования Писания, и делает вывод, что если исходить из принципов его оппонентов, то эти секты следует уничтожить все, кроме одной. Он справедливо обвиняет святого Августина в непоследовательности в отношении донатистов, за которую, как он утверждает, Августин был наказан вторжением вандалов ариан. Львы обратились против того, кто спустил их с цепи. Вследствие гонений на место открытых еретиков встают христиане-лицемеры. Гонение вызывает встречные гонения, как случилось в Англии после возвышения королевы Марии, вследствие чего английские протестанты бежали в Швейцарию. В заключение он приводит аллегорическую картину путешествия сквозь века и показывает результаты борьбы между силой и свободой, между нетерпимостью и милосердием, предоставляя читателю право решать, которая из двух этих армий — армия Иисуса Христа.

Кастеллион предвосхищает Бейля и Вольтера или, скорее, баптистов и квакеров. Он был защитником религиозной свободы в XVI веке. Он защищал ее во имя Евангелия и Реформации. Не случайно это свидетельство прозвучало в швейцарском городе Базеле, на родине Эразма¹²²⁸.

Но вожди швейцарской Реформации в Женеве и Цюрихе оказались в состоянии увидеть в этой защите религиозной свободы лишь самую опасную ересь, которая откроет дверь всевозможным заблуждениям и свергнет церковь Христова в непреодолимую путаницу.

Теодор Беза, верный помощник Кальвина, выступил против анонимных скептиков Базеля и стал отстаивать право и обязанность христианских властей наказывать за ересь. Его труд вышел в сентябре 1554 г., то есть через пять месяцев после книги Мартина Беллия. Это был первый богословский трактат, опубликованный Безой (ему было тогда тридцать пять лет)¹²²⁹.

Книга делится на полемическую и апологетическую части. В первой Беза пытается опровергнуть принцип терпимости, во второй защищает позицию Женеви. Он утверждает, что терпимость к заблуждениям — это равнодушие к истине, а оно губит всякий порядок и дисциплину в церкви. Даже насильственное единство папства намного лучше, чем анархия. А ересь хуже, чем убийство, потому что губит душу. Духовная власть не имеет ничего общего с мирскими наказаниями, но гражданское правительство, которое служит Богу, имеет право и обязано следить за тем, чтобы Бог был уважаем в обществе. Беза ссылается на законы Моисея и на борьбу царей Асы и Иосии с богохульниками и лжепророками. Все христианские правители должны наказывать упорствующих еретиков. Вселенские соборы (с 325 по 787 г.) созывались императорами для наказания преступников. Тот, кто отрицает право гражданских властей сдерживать и наказывать опасные заблуждения в публичном поклонении, подрывает авторитет Библии. Беза цитирует в подтверждение отрывки из Лютера, Меланхтона, Урбана Регия, Бренца, Буцера, Капитона, Буллингера, Мускула и женевской церкви. Он завершает таким выводом: «Обязанность гражданских властей — руководствоваться тремя следующими правилами: 1) Оно должно строго держаться собствен-

¹²²⁸ Мишле (*Renaissance*) пишет: «Бедный печатник Себастьян Шатильон заповедал нам на будущее великий закон терпимости». Бюиссон выбрал эту фразу в качестве эпиграфа к своему труду. Он называет Кастеллиона (II. 268) «первым из современных протестантов».

¹²²⁹ Трактат назывался *De haereticis a civili magistratu puniendis libellus, adversus Martini Bellii farraginem et novorum Academicorum sectam, THEODORO BEZAE VEZELIO auctore*. Oliva Roberti Stephanii, MDLIII (271 pp., 8vo). Репринт — в его *Tractationes Theologicae*, 2^a ed., 1582, pp. 85-169. Николя Колладон выпустил перевод на французский: *Traité de l'autorité du magistrat en la punition des hérétiques*, etc., 1560. Buisson, II. 19.

ной сферы и не пытаться определить ересь; на это имеет право только церковь. 2) Оно не должно судить по личностям, по преимуществам и по обстоятельствам, но думать только о чести Бога. 3) Оно должно действовать лишь после спокойного и тщательного исследования ереси и зрелого обдумывания всех фактов и выбирать такое наказание, которое лучше всего послужит к чести Бога, а также к миру и единству церкви».

Эта теория, которая мало чем отличается от папской теории нетерпимости, кроме вопросов определения ереси и способа и степени наказания, была в течение долгого времени принята в реформатских церквях, и мало кто не соглашался с нею, но, к счастью, в церкви Женевы после сожжения Сервета не было больше случаев смертной казни за ересь.

Зло, которое сотворили Кальвин и Беза, похоронено с их телами, а великое благо, которое они создали, живет вечно. Доктор Уиллис, решительный защитник Сервета, делает такую оговорку: «Однако Кальвина следует считать настоящим глашатаем современной свободы. Он считал, что невежество несовместимо с существованием народа одновременно и верующего, и свободного, а потому строил рядом с церковью школу и делал образование доступным для всех. Он не забывал и о высшей культуре»¹²³⁰.

---

¹²³⁰ *Servetus and Calvin*, p. 614. См. ниже, §161.

ГЛАВА XVII

КАЛЬВИН ЗА ГРАНИЦЕЙ

CALVIN, переписка в его *Opera*, vols. X — XX. — HENRY, III. 395-549 (Calvin, *Wirksamkeit nach aussen*). — STÄHELIN, I. 505-588; II. 5 sqq.

§159. Католический дух Кальвина

КАЛЬВИН был французом по рождению и по образованию, швейцарцем по делу своей жизни и космополитом по духу и целям.

Церковь Божья была его домом, а эта церковь не знает национальных и языковых границ. Мир был его приходом. Оставив папство, он оставался католиком в лучшем смысле этого слова, молился и трудился за единство всех верующих. Как и его друг Меланхтон, он глубоко сожалел о расколах в протестантизме. Для того чтобы их исцелить, он был готов пересечь десять морей. Так он писал, отвечая архиепископу Кранмеру, который пригласил его (20 марта 1552 г.), вместе с Меланхтоном и Буллингером, на встречу в Ламбетском дворце с целью создания общего символа веры для реформатских церквей¹²³¹. Выразив свое желание сделать церковь всеобщей, Кальвин продолжает (14 октября 1552 г.):

Я действительно хочу, чтобы ученые и обладающие авторитетом мужи из разных церквей собрались где-нибудь и, тщательно обсудив разные артикулы веры, создали, единодушным согласием, определенный свод учения для потомства. Но раскол между разными церквями — одно из главных зол века сего, а потому мы вряд ли сможем создать мирное человеческое общество, не говоря уже о святой общине членов Христовых: они хотя и говорят о вере, но далеко не все в ней искренни. И если клир равнодушен, чем должен быть, то вина в основном лежит на руководителях, которые либо занимаются мирскими делами и вообще пренебрегают благополучием церкви, да и самой религии, либо удовлетворяются тем, что их собственная страна живет в мире, и не заботятся об остальных; а потому члены тела Христова разрознены.

Что касается меня, то если бы я считал себя полезным, я был бы готов пересечь десять морей с этой целью. И даже если бы речь шла только о помощи Англии, то и это было бы достаточным поводом для меня. Более того, я считаю, что мне не подобает роптать ни против каких трудов и беспокойств, если речь пойдет о соглашении между учеными людьми, которое будет подкрепляться весом их авторитета, основываться на Писании и иметь своей целью объединение разрозненных церквей. Но моя незначительность позволяет мне думать, что я там не нужен. Я буду возносить молитвы о том, чтобы это сделали другие. Меланхтон так далек от меня, что письма к нему идут долго. Буллингер, должно быть, уже вам ответил. Я хотел бы только, чтобы моя способность послужить этому делу была не меньшей, чем мое желание¹²³².

¹²³¹ См. приглашение Кранмера в Calvin, *Opera*, XIV. 306.

¹²³² *Quantum ad me attinet, si quis mei usus fore videbitur, ne decem quidem maria, si opus sit, ob eam rem trajicere pigeat. Si de juvando tantum Angliae regno ageretur, jam mihi ea satis legitima ratio foret. Nunc cum quaeratur gravis et ad Scripturae normam probe compositus doctorum hominum consensus, quo ecclesiae procul alioqui dissitae inter se coalescant, nullis vel laboribus vel molestiis parcere fas mihi esse arbitror. Verum tenuitatem meam facturam spero, ut mihi parcatur. Si votis prosequar, quod ab aliis susceptum erit, partibus meis defunctus ero. D. PHILIPPUS longius obest, quam ut ultro citroque commear brevis tempore literae queant. D. BULLINGERUS*

Этот благородный проект так и не был осуществлен. Его отложили на неопределенный срок из-за смерти Эдуарда VI и мученичества Кранмера, но он продолжает жить в виде *pium desiderium*. В противовес механическому и насильственному единообразию Кальвин был сторонником духовного единства с разнообразием деноминаций, то есть одного стада в разных загонах с одним пастырем¹²³³. Эта идея в наше время была перенята Евангельским союзом, Всеангликанским союзом, Всепресвитерианским союзом, Общей методистской конференцией, христианскими ассоциациями молодежи, обществами христианского благочестия и тому подобными добровольными организациями, которые объединяют христиан из разных церквей и разных народов для общения и сотрудничества, не вмешиваясь в их отдельные организации и не затрагивая деноминационных предпочтений.

Памятник католическому¹²³⁴ духу Кальвина — его переписка, которая занимает десять томов ин-кварти в последнем издании его трудов (471 письмо). Он оставил Безе собрание рукописей, разрешив печатать из них то, что будет способствовать назиданию Божьей церкви. Соответственно, Беза составил в Женеве в 1575 г. первый сборник писем Кальвина через одиннадцать лет после его смерти. Этот сборник несколько раз переиздавался и обогащался посланиями, обнаруженными в разных библиотеках Либе, Мосгеймом, Бретшнейдером, Кротте, Жюлем Бонне, Генри, Ройссом и Герминьярдом.

Ни один богослов не оставил после себя такой обширной, талантливой и интересной переписки. В своих посланиях Кальвин обсуждает самые серьезные проблемы религии. Он дает советы как преданный пастырь, утешает страдающих братьев, изливает свое сердце друзьям, решает трудные политические проблемы как мудрый государственный деятель, разбираясь в отношениях маленькой республики с Берном, Савойей и Францией. Он переписывался со всеми жившими тогда реформаторами: Меланхтоном, Буцером, Буллингером, Фарелем, Вире, Кранмером, Ноксом, Безой, Пьетро Мартири, Иоанном из Ласко; с венценосными особами: королевой Маргаритой Наваррской, с герцогиней Рене Феррарской, с королем Сигизмундом Августом Польским, с электором Отто Генрихом из Пфальца, с герцогом Кристофером Вюртембергским; с государственными деятелями и политиками — такими как герцог Сомерсет, протектор Англии, князь Радзивилл Польский, адмирал Колиньи из Франции; с городскими властями Цюриха, Берна, Базеля, Санкт-Галлена и Франкфурта; а также со скромными исповедниками и мучениками, которым он направлял утешительные послания в темницу.

tibi forte jam rescriptis. Mihi utinam par studii ardori suppeteret facultas! См. *Opera*, XIV. 312 sqq.; Cranmer, *Works* (Parker Soc. ed.), vol. II, pp. 430-433.

¹²³³ Ин. 10:16, *μία ποιμνὴ* (но не *αὐλή*), *εἰς ποιμνὴν* {одно стадо, но не один загон, один двор}. В английском переводе, вслед за латинской Вульгатой, стоит ошибочное (*one fold*), «один загон», что предполагает римскую идею одной внешней организации, подобной папству.

¹²³⁴ {Как и в предыдущих томах русского издания Шаффа, мы используем слово «католический» не только в узком значении, по отношению к одной из церквей христианского мира и к папству в частности, но также в его общецерковном христианском значении «вселенский», «соборный» (из исходного греческого значения «общий», «целый»), так что католичность духа — это качество служителя, подчиняющегося прежде всего не Римскому епископу, а Христу (как и было у Игнатия Антиохийского, который ввел в обиход сочетание «католическая церковь»). В английском языке в обоих случаях используется одно и то же прилагательное *catholic*, с тем различием, что при обозначении римо-католических понятий и явлений оно пишется с прописной буквы. Мы не использовали (а точнее, почти не использовали) пришедшее из церковнославянской традиции написание «кафолический» в желании побольше отделиться от «католичества» и не считали необходимым вообще избегать слова «католический», меняя его в соответствующих случаях на «христианский».)

§160. Женева как убежище протестантов разных стран

Кальвин придал Женеве космополитический характер, который она сохраняет по сей день. Благодаря ему она стала, как уже говорилось, столицей реформатских церквей. Ее называли протестантским Римом. Филипп II Испанский писал французскому королю: «Женева — источник всех бед для Франции, убежище всех еретиков, самый ужасный враг Рима. Я готов в любое время со всеми силами моего королевства способствовать ее уничтожению». В XVI веке этот город действительно был тем, чем с XVII века, но в гораздо более крупном масштабе, стала Северная Америка. Это было убежище преследуемых исповедников евангельской веры, вне зависимости от национальности, нерушимая моральная крепость, возведенная на граните Библии¹²³⁵.

Цюрих, Базель и Страсбург были единственными местами того времени, которые можно сравнить с Женевой в плане горячего гостеприимства к пришельцам.

В начале XVI века в городе Женеве жило 12.000 человек, в 1543 г. — не более 13.000, но за семь лет с 1543 по 1550 г. население увеличилось до 20.000 (по 1000 человек в год). Этот прирост в основном был вызван постоянным притоком гонимых протестантов из Франции, Италии и Англии. Некоторые приезжали также из Испании и Голландии¹²³⁶. Большинство из них были образованными людьми, многие занимали выдающееся общественное положение, как Кордьер, Колладон, Этьен (Стефан), Маро, Окино, Карачколи, Нокс, Уиттингем. Они приносили жертвы во имя веры и удостоились почестей исповедников в духе мучеников. Существовали специальные общины итальянцев и англичан, которым в городе предоставили подходящие места для поклонения. Кальвин с большим гостеприимством относился к беженцам. Он обеспечил им права гражданства, насколько это было возможно. Некоторые даже были избраны в большой совет. Оскорбление приезжего из-за его религиозных принципов наказывалось так же, как оскорбление благовестника. Милости и привилегии, которые даровались иностранцам, вызывали зависть и ревность у коренных жителей Женевы, которые были против того, чтобы приезжим давали права граждан и разрешали носить оружие. Этот дух местничества причинил Кальвину много неприятностей.

Маленькую республику Женеву постоянно угрожали поглотить Савойя, Франция и Испания, которые ненавидели ее как оплот ереси. В те критические времена она сохранила свободу и независимость в значительной степени благодаря мудрости и твердости Кальвина. Он также сопротивлялся неоднократным попыткам Берна вмешаться в учение и дисциплину церкви.

Женева — чудесная страница в истории современности. «Она включает в себя элиту трех народов, сплавленную в единое целое духом одного человека, и продолжает существовать среди злейших врагов без внешней поддержки, просто за счет своей моральной силы. У нее нет ни больших территорий, ни армии, ни сокровищ, ни материальных ресурсов. И она держится до сих пор — этот город духа, выстроенный из христианского стоицизма на скале предопределения».

¹²³⁵ Мишле (*Histoire de France*, vol. X, 414) называет кальвинистскую Женеву «городом духа, выстроенным из христианского стоицизма на скале предопределения», а также «кузницей святых и мучеников, сумрачным горнилом, в котором ковали избранников смерти» (vol. XI, 93).

¹²³⁶ За восемь лет, в правление Генриха II, в Женеве поселились тысяча четыреста французских семей (Gaberel, *Histoire de l'Église de Genève*, I. 346; Michelet, X. 414).

§161. Женевская академия. Высшая школа реформатского богословия

- I. CALVIN: *Leges Academiae Genevensis*, или *L'Ordre du Collège de Genève*, впервые опубликовано на латыни и французском. Geneva, 1559. Переиздания — CHARLES LE FORT (профессор права в Женеве, в честь трехсотлетия со дня основания академии), 5 июня 1859 г., и в *Opera*, X. 65-90.
- II. BERTHAULT: *Mathurin Cordier. L'enseignement chez les premiers Calvinistes*. Paris, 1876 (85 pp.). — MASSEBIEAU: *Les colloques scolaires du seizième siècle et leurs auteurs*. Paris, 1878. — AMIEL et BOUVIER: *L'enseignement supérieur à Genève depuis la fondation de l'académie jusqu'à 1876*. Gen., 1878. См. также HENRY, III. 386 sqq.; STÄHELIN, II. 487-498; GABEREL, II. 109 sqq.; BUISSON: *Séb. Castellion* (Paris, 1892), I. 121-151.

Одним из самых важных институтов Женевы, укрепивших реформатскую религию в ней самой и распространивших ее за границу, была академия, основанная Кальвином. Зная о том, что невежество католических священников — источник многих суеверий и злоупотреблений, Кальвин усердно трудился, желая дать образование своим служителям и всему народу, и обеспечил для него лучших учителей, таких как Кордьер, Соньер, Кастеллион и Беза.

В Женеве с 1428 г. был коллеж, названный в честь своего основателя College Versonnex, для обучения клира. Но он пришел в упадок и был реорганизован после возвращения Кальвина в 1541 г. Образование было бесплатным. Чтобы избежать переполнения и сделать образование доступным для молодежи, в каждом из четырех кварталов города было открыто по начальной школе. Сначала с учеников брали небольшую плату, но после 1571 г. совет отменил ее, по просьбе Безы. В результате школы стало посещать гораздо большее количество учеников. Иногда Кальвина называют основателем системы народного образования.

Кальвин хотел создать полноценный университет с четырьмя факультетами, но из-за недостатка средств небольшая республика не могла себе этого позволить; поэтому он ограничился академией. Он сам ходил по домам, собирая средства, и собрал 10.024 золотых гульдена — очень большая сумма для того времени. Несколько иностранцев, живших в Женеве, щедро жертвовали на это дело: Карачоли дал 2954 гульдена, Пьер Орсер — 312; Матье де ла Рош — 260. Один из женевцев, Бонивар, старый защитник свободы, завещал учебному заведению всё свое состояние¹²³⁷. Совет построил подходящее здание. Кальвин составил программу обучения и академический устав, которые, после внимательного изучения, были единодушно одобрены.

Академия была торжественно освящена 5 июня 1559 г., в церкви Св. Петра, в присутствии всего совета, служителей и шестисот студентов. Кальвин попросил Бога благословить учебное заведение, которое было навсегда посвящено науке и религии, и сделал несколько кратких и веских замечаний на французском. Мишель Розе, государственный секретарь, прочел вероисповедание и уставы учебного заведения. Теодор Беза был объявлен ректором и произнес инаугурационную речь на латыни. Кальвин завершил собрание молитвой. Десять способных и опытных профессоров должны были отвечать за преподавание грамматики, логики, математики, физики, музыки и древних языков. Сам Кальвин собирался продолжать свои богословские лекции вместе с Безой.

В уставе, который был зачитан, большое внимание уделяется изучению французской и латинской литературы. Среди латинских авторов, которых следовало

¹²³⁷ Senebier, *Hist. lit.*, I. 48 sq.; Henry, III. 386.

изучать, были Цезарь, Ливий, Цицерон, Вергилий и Овидий; среди греческих — Геродот, Ксенофонт, Гомер, Демосфен, Плутарх и Платон. Была и кафедра еврейского языка, которую занял Шевалье, ученик Ватабля и бывший преподаватель королевы Елизаветы. Учителя и ученики должны были подписать Апостольский символ веры и вероисповедание, в котором, однако, мудро было опущено любимое Кальвином учение о предопределении и которое было упразднено впоследствии, в 1576 г., чтобы в академию могли допускаться «паписты и лютеране». Ежедневные занятия начинались и заканчивались молитвой.

Эта школа пользовалась невероятным успехом. Не менее девятисот молодых людей почти из всех стран Европы в первый же год записались в нее для постоянного обучения, и почти столько же, в основном беженцы из Франции и Англии, посещали богословские лекции Кальвина, чтобы потом работать благовестниками и учителями в родных странах. Среди них был и Джон Нокс, великий реформатор Шотландии.

Академия продолжала процветать, с некоторыми перерывами. Она привлекала студентов со всех концов протестантской Европы, а среди ее преподавателей были такие люди, как Казобон, Шпангейм, Отоман, Франциск и Альфонс Турретенны, Леклерк, Пикте де Соссюр и Шарль Бонне. Это была главная колыбель протестантских служителей и учителей для Франции и главная школа реформатского богословия и литературы в течение более чем двухсот лет. Диплом этой академии в Голландии был равнозначен диплому любого из университетов. Город Амстердам отправил туда Арминия, учиться у Безы (1582), который дал ему хорошие рекомендации, еще не зная, что тот станет вождем мощной реакции против кальвинизма.

В 1859 г. в Женеве отметили трехсотлетие академии.

Евангельские труды академии возобновило и успешно продолжает в духе Кальвина Евангельское общество и Свободная богословская семинария Женевы, среди первых учителей которой был Мерль д'Обинье, выдающийся историк Реформации.

§162. Влияние Кальвина на реформатские церкви континентальной Европы

Моральное влияние Кальвина распространилось на все реформатские церкви, а также на ряд народов: швейцарцев, французов, немцев, поляков, богемцев, венгров, голландцев, англичан, шотландцев и американцев. Его религиозное влияние на англосаксонские народы обоих континентов больше, чем влияние на них какого бы то ни было англоязычного деятеля, и сохраняется по сей день¹²³⁸.

¹²³⁸ Интересно прочесть мнение о влиянии Кальвина, высказанное одной высокопоставленной дамой, которая вращалась в лучшем обществе в Англии и на континенте. Баронесса Бунзен, муж которой был прусским послом в Италии, Швейцарии и Англии, пишет в одном из своих писем (19 августа 1865 г.): «Зимой я читала биографию Кальвина, составленную Бунгенером, и это очень тяжелая книга, но она производит сильное впечатление, так как в ней описана моральная сила, почти не имеющая себе равных... Заслуги Кальвина принадлежат ему одному, он стал созидательным инструментом силы для Англии, Шотландии, Соединенных Штатов Америки, не говоря уже о протестантах Франции, которые были разбросаны по другим странам, чтобы сеять доброе семя везде, куда они бежали, так как им не позволяли этого делать в собственной стране».

Кальвин и Франция

Кальвин никогда не въезжал во Францию с тех пор, как поселился в Женеве (хотя он даже не был гражданином Женевской республики до 1559 г.), но его сердце продолжало принадлежать Франции. После того как он написал красноречивое письмо Франциску I, посвятив ему свои «Наставления», он с живейшим интересом следил за протестантским движением в этой стране. Он был главой французской Реформации и давал ей советы на каждом шагу. Его пригласили в качестве пастора в первую протестантскую церковь Парижа, но он отказался. Он дал гугенотам их символ веры и форму управления. Галликанское вероисповедание 1559 г., также называемое Ла-Рошельским, было, в первом наброске, его произведением, а его ученик Антуан де ла Рош Шандье (также называемый Садеелом) придал ему его нынешнюю, расширенную форму, в которой оно было представлено Безой Карлу IX на коллоквиуме в Пуасси (1561) и подписано синодом в Ла-Рошели (1571), королевой Жанной д'Альбре Наваррской, ее сыном принцем Генрихом Наваррским (Генрихом IV), принцем Конде, принцем Людовиком (графом Нассау), адмиралом Колиньи, Шатильоном, несколькими представителями знати и всеми присутствовавшими проповедниками¹²³⁹.

История французского протестантизма вплоть до 1564 г. в основном связана с именем Кальвина. Он призвал швейцарские кантоны и князей Шмалькальденской лиги ходатайствовать за преследуемых гугенотов. Он посылал гонцов и письма утешения заключенным. Один из его биографов говорит: «Уважение, с которым упоминалось его имя, безграничное доверие к его личности, энтузиазм учеников, которые спешили к нему или приходили от него, превосходит привычный человеческий опыт. Собрания просили у него проповедников, князя и знать спрашивали совета при политических затруднениях, сомневающиеся просили наставления, гонимые — защиты, мученики — увещевания и ободрения, чтобы радостно принять страдания и смерть. Как отец следит за своими детьми, так Кальвин с любящей заботой следил за всеми многочисленными ответвлениями церкви и старался быть для великого множества своих братьев во Франции тем же, чем был для своей маленькой республики»¹²⁴⁰.

Католические авторы объявляют Кальвина виновным в гражданских войнах во Франции, как Лютера считают ответственным за Крестьянскую войну и Тридцатилетнюю войну. Но реформаторы проповедовали реформу слова и духа, а не революцию меча. Главной причиной религиозных войн XVI — XVII века была нетерпимость папства. Боссюэ обвиняет Кальвина за участие в Амбуазском договоре, который был политическим переворотом с целью передать власть Гизу (1560). Кальвин действительно знал об этом заговоре, но предостерегал против него сначала частным образом, а потом публично и был против насильственных мер. Он говорил: «Первая капля крови, которую мы прольем, повлечет за собой целые потоки. Пусть мы лучше сто раз погибнем, чем навлечем такой позор на имя христианства и дело Евангелия»¹²⁴¹. Позже, когда оборонительная война стала неизбежной, он неохотно дал свое согласие, но протестовал против любых крайностей¹²⁴².

¹²³⁹ Schaff, *Creeeds of Christendom*, vol. I, 490-501.

¹²⁴⁰ Stähelin, I. 607.

¹²⁴¹ См. письма в Bonnet, II. 382-391; его письмо Буллингеру от 11 мая 1560 г.; Basnage, *Hist. de la Religion des Égl. réf.* II. 192-200; Henry, III, 546 sqq.; Dyer, 478 sqq.; Stähelin, I. 615-619.

¹²⁴² Stähelin, I. 626 sqq.

Кальвин не дожидаясь того, чтобы оплакивать ужасную бойню Варфоломеевской ночи и порадоваться Нантскому эдикту, но дух его был с «церковью в пустыне», символом которой стал горящий куст (Исх. 3:2), и каждый гугенот, покидавший Францию из-за своей веры, нес с собой в новое место жительства в Швейцарии, Бранденбурге, Голландии, Англии или Америке великое уважение к имени Жана Кальвина.

Кальвин и вальденсы

Вальденсы — единственная средневековая секта, сохранившаяся по сей день, поскольку она развивалась вместе с Реформацией и держалась Библии как своего символа веры¹²⁴³. В 1530 г. вальденсы направили делегацию из двух своих пасторов к Эколампадию в Базель, к Буцеру и Капитону в Страсбург и к Бертольдусу Галлеру в Берн, желая узнать о принципах протестантизма, и объединились с протестантами¹²⁴⁴. Они славились трудолюбием, добродетелью и простым, практическим благочестием, но их ересь привлекла внимание властей. Их обвинили перед парламентом в Эксе, и главы семейств были приговорены к смерти в ноябре 1540 г. Исполнение этого ужасного приговора было отложено до выяснения желания короля. В феврале 1541 г. Франциск даровал им прощение прошлых грехов, но потребовал покаяться в течение трех месяцев. Они остались верны своей вере. И 28 апреля 1545 г. была устроена злодейская бойня этих невинных под руководством барона д'Оппеда, военного губернатора Прованса, и кардинала Турнона, фанатичного и кровожадного архиепископа Лионского. Их основные города, Мериндол и Кабриер, а также двадцать восемь деревень были разрушены, женщины подвергнуты насилию, около четырех тысяч человек перебито.

Большое количество вальденсов спаслось бегством. Благородный и гуманный епископ Садолет из Карпантры принял их и ходатайствовал за них перед королем. Четыре тысячи прибыли в Женеву. Кальвин устроил для них сбор средств, дал им жилье и работу на строительстве укреплений и пытался уговорить швейцарские кантоны ходатайствовать перед королем Франциском за тех вальденсов, что остались во Франции. Он ездил с этой целью в Берн, Цюрих и Аарау. Он даже хотел поехать в Париж, но ему помешала болезнь. Кантоны действительно написали королю, в самых решительных выражениях, но король упрекнул их за то, что они вмешиваются не в свое дело. Вире посетил французский двор с рекомендациями от швейцарских кантонов и Шмалькальденской лиги, но также без результата¹²⁴⁵.

С тех пор между вальденсами и французской Швейцарией существовали братские отношения, и многие из самых активных вальденских пасторов получили образование в Женеве и Лозанне. Вальденское вероисповедание 1655 г. — кальвинистическое и основано на Галликанском вероисповедании 1559 г.¹²⁴⁶ После многочисленных гонений в горных областях Пьемонта, где поселились вальденсы, они в 1848 г. добились свободы и с того времени, а особенно с 1870 г., стали

¹²⁴³ Родственное вальденсам богемское братство теперь существует под новым именем, моравское братство (*Unitas Fratrum, Brüdergemeinde*).

¹²⁴⁴ *Creeds of Christendom*, I. 565 sqq. См. также доклад о беседах Кальвина в Страсбурге с Матфеем Червенкой, богемцем, касательно богемского братства в Gindely, *Quellen zur Gesch. der böhmischen Brüder*, Wien, 1859, p. 68, цит. в *Annal. Calv.* XXI. 260 sqq. Кальвин в то время возражал вальденсам, что они верят в заслуги и не оставляют места для учения об оправдании верой во Христа.

¹²⁴⁵ Baum, *Beza*, I. 240 sqq.; Stähelin, I. 609-512; Dyer, 193-198.

¹²⁴⁶ *Creeds of Christendom*, III. 767-770 (на французском и английском).

ревностными евангельскими христианами, подданными единого королевства Италии. У них есть даже церковь в Риме и процветающий богословский коллеж во Флоренции.

Кальвин в Германии

Кальвин три года трудился в Германии и работал в тесной связи с лютеранской церковью. Он сильно уважал Лютера, несмотря на его недостатки. Был близким другом Меланхтона. Посетил три коллоквиума лютеранских и католических богословов. Однажды он подписал Аугсбургское вероисповедание (1541), как понятное, объясненное и улучшенное его автором. Он следил за развитием Реформации в Германии шаг за шагом, с живейшим интересом, что видно из его переписки и разных произведений.

Он трудился не для отдельно взятой реформатской церкви Германии, но для свободного союза швейцарских и лютеранских церквей. Однако фанатизм таких людей, как Флаций, Вестфаль и Гесгузий вызвал реакцию и привел большее количество умеренных, или меланхтонианских лютеран в реформатскую общину.

Реформатская церковь в электорском Палатинате была результатом совместных меланхтонианских и кальвинистических влияний на благочестивого электора Фридриха III. Гейдельбергский катехизис — совместная работа Урсулина, ученика Меланхтона, и Олевияна, ученика Кальвина. Он появился в 1563 г., через три года после смерти Меланхтона и за год до смерти Кальвина, и стал ведущим символом веры Палатината и реформатских церквей в Германии и Голландии¹²⁴⁷. В нем лучше всего отражены взгляды Кальвина на вечерю Господню и на избрание, но мудро опущено упоминание о вечном промысле осуждения; в этом плане он следует собственному катехизису Кальвина. Известный первый вопрос драгоценен, в нем представлена светлая и утешительная сторона учения об избрании:

Каково твое единственное утешение в жизни и в смерти?

Что я, телом и душой, в жизни и смерти, принадлежу не себе, а моему верному Спасителю Иисусу Христу, Который Своей драгоценной кровью полностью искупил все мои грехи и освободил меня от власти дьявола, и Он так хранит меня, что без воли моего Отца на небесах с моей головы не упадет и волос, — дабы всё совместно действовало для моего спасения. Так что Он, через Своего Святого Духа, убеждает меня в вечной жизни и помогает мне от всего сердца желать и быть готовым жить для Него.

Влияние кальвинизма и пресвитерианского церковного управления распространилось, косвенным образом, также на лютеранские церкви и было, в свою очередь, модифицировано лютеранством.

Иоганн Сигизмунд, электор Бранденбургский и предок королей Пруссии и императоров Германии, принял кальвинистскую веру в умеренной форме (1613)¹²⁴⁸. Фридрих Вильгельм, «великий электор», собственно основатель прусской монархии, обеспечил юридическое признание реформатской церкви Вестфальским договором (1648) и ответил на отмену Нантского эдикта (1685), гостеприимно пригласив гонимых гугенотов в свою страну, где они поселились в больших количествах. Король Фридрих Вильгельм III учредил, к трехсотлетию Реформации (1817), Евангельский союз лютеранских и реформатских церквей Пруссии. И среди главных сторонников такого союза был Шлейермахер, сын служителя-кальвиниста, ученик моравских братьев, реформатор немецкого бого-

¹²⁴⁷ См. Schaff, *Creeds of Christendom*, vol. I, pp. 529 sqq.

¹²⁴⁸ *Creeds of Christendom*, I. 555 sqq.

словия, который сам был следствием смешения лютеранских и реформатских тенденций, оказавшегося явным преимуществом в сравнении с узостью следования одной конфессии.

Мы можем добавить, что хотя строгое учение Кальвина о предопределении в его дуалистической форме никогда не удовлетворяло немецкий ум, его учение о таинствах получило большое распространение в немецкой церкви и, похоже, стало прочной основой для создания удовлетворительной теории о тайне реально-го духовного присутствия и плодах Христа в вечере Господней.

Кальвин и Голландия

Нидерланды сначала переняли Реформацию у Германии, а потом — у Швейцарии и Франции. Кальвинистов было там больше, чем лютеран и анабаптистов, и реформатская церковь стала государственной религией Голландии.

Два монаха-августинца были сожжены за ересь в Брюсселе в 1523 г., и Лютер прославил их волнующим гимном как первых евангельских мучеников. Это был первый признак ужасных гонений, которые свирепствовали в правления Карла V и Филиппа II и в конечном итоге привели к национальной независимости и гражданской и религиозной свободе. В течение этой памятной борьбы, которая продолжалась восемьдесят лет, испанцы по религиозным причинам подвергли смерти больше протестантов, чем римские императоры — христианских мучеников за первые три века существования христианства. Вильгельм Оранский, герой войны и либеральный кальвинист, был убит неизвестным фанатиком (1584)¹²⁴⁹. Его второй сын, Морис, строгий кальвинист (ум. в 1625 г.), продолжил и завершил борьбу (1609). Ужасные варварства, которые совершались по отношению к мужчинам, женщинам и нерожденным детям, особенно в правление кровожадного герцога Альбы, в 1567 — 1573 гг., почти невероятны. Мы цитируем классическую историю Мотли: «Выдающиеся авторитеты подсчитали, что сто тысяч нидерландцев были сожжены, удушены, обезглавлены или похоронены живьем во исполнение эдикта Карла V за то, что они читали Писание, не использовали изображения или смеялись над буквальным присутствием тела и крови Христа в причастии; в любом случае, их было не менее пятидесяти тысяч. Венецианский посол Навигеро писал, что количество жертв только в провинциях Голландии и Фрисландии составляло около тридцати тысяч, и это еще в 1546 г., за десять лет до отречения и за пять лет до принятия ужасного эдикта 1550 г.»¹²⁵⁰. О правлении герцога Альбы Мотли пишет: «Говорят, когда он покидал Нидерланды, то хвалился, что за период своего правления отправил на казнь восемнадцать тысяч шестьсот жителей провинций. Количество тех, кто погиб в сражениях, при осадах, от голода и в боях, осталось неподсчитанным... Выполнив военное предприятие, ему доверенное [в Португалии], он заболел лихорадкой, после которой был столь изможден, что мог питаться лишь молоком из женской груди. Таким

¹²⁴⁹ Мотли (*The Rise of the Dutch Republic*, III. 617) так характеризует Вильгельма Оранского, голландского Вашингтона: «Он был прежде всего верующим человеком. Вера в Бога поддерживала и утешала его в самые мрачные часы. Уповая на благость и мудрость Всемогущего, он смотрел в лицо опасности с постоянной улыбкой и выносил непрестанные труды и испытания со спокойствием, которое казалось нечеловеческим. Его душа была полна благочестия, и он терпимо относился к заблуждениям. Искренне и сознательно пришедший в реформатскую церковь, он был готов даровать свободу поклонения католикам, с одной стороны, и анабаптистам, с другой, потому что ему неприятно было насильственно обращать людей в реформатскую веру».

¹²⁵⁰ J. L. Motley, *The Rise of the Dutch Republic*, vol. I, p. 114.

было второе детство человека, который почти в буквальном смысле слова пил кровь в течение семидесяти лет. Он умер 12 декабря 1582 г.»¹²⁵¹.

Библия, вместе с Бельгийским вероисповеданием и Гейдельбергским катехизисом, была духовным наставником протестантов и внушала им ту героическую смелость, которая победила деспотизм Испании и возвысила Голландию до ее высокого политического, торгового и литературного положения¹²⁵².

Бельгийское вероисповедание 1561 г. было подготовлено Гвидо де Бре и рассмотрено Франциском Юнием, учеником Кальвина. Оно стало признанным символом веры реформатских церквей Голландии и Бельгии.

В начале XVII века возникло арминиаство как неизбежная и здоровая реакция против схоластического кальвинизма, но оно потерпело поражение на Дортском синоде 1619 г., который принял пять канонів о безусловном предопределении, ограниченном искуплении, полной греховности, непреодолимой благодати и устоянии святых. Голландская реформатская церковь в Соединенных Штатах до сих пор придерживается Дортских канонів. Но арминиаство, хотя временно оно и было изгнано, смогло вернуться в Голландию после смерти Мориса и постепенно проникло в национальную церковь. Оно вошло и в Английскую церковь при Стюартах. Новую силу арминиаство обрело благодаря великому методистскому пробуждению, которое сделало его способом обращения и миссионерства в обоих полушариях и самым выдающимся соперником кальвинизма в англо-американских церквях. После смерти Кальвина в протестантских церквях не появлялось более великого человека, отличавшегося большим самоотречением и более плодотворным апостольским служением, нежели Джон Весли, приходом которого был весь мир. Но при этом в широчайшем англо-американском пробуждении ему помогал Джордж Уайтфилд, который был кальвинистом и подлинным благовестником.

Кальвинизм ставит акцент на высшей власти Бога и на безвозмездной благодати, тогда как арминиаство — на человеческой ответственности. Кальвинизм ограничивает спасительную благодать верующими, а арминиаство распространяет ее на всех людей при условии веры. Оба правы в том, что утверждают, и оба неправы в том, что отрицают. Если одна важная истина провозглашается ценой пренебрежения другой столь же важной истины, она становится заблуждением и теряет свою власть над совестью.

Библия предоставляет нам богословие более человеческое, чем кальвинизм, более божественное, чем арминиаство, и более христианское, чем кальвинизм и арминиаство по отдельности¹²⁵³.

¹²⁵¹ *Ibid.*, vol. II, 497. См. описание жестокостей Альбы и страданий протестантов во время его террора на стр. 503 sq., см. также B. ter Haar, *History of the Reformation* (перев. на немецкий с голландского), II. 86 sqq., 127 sqq.

¹²⁵² Мотли, который был унитарием, воздал должное практическому влиянию кальвинизма на Голландию и другие страны: «Учение о предопределении, осознание того, что они — избранные воины Христа, вдохновляло этих пуритан, которые основали общины в Англии, Голландии и Америке с пренебрежением к трудностям, опасностям и смерти, что позволило им совершить почти что невозможное. Никакие неуклюжие выражения, никакая неприглядная суровость поведения не может, разве что для грубых умов, оправдать насмешки над этим энтузиазмом, который на обоих берегах океана бесстрашно боролся с тиранией и приветствовал смерть на поле боя, на эшафоте или на дыбе с полным присутствием духа. Первые пуритане, по крайней мере, верили. Сама сила их веры делала их — хотя они того и не осознавали из-за своего положения — великими орудиями, с помощью которых широчайшую свободу предстояло обрести всему человечеству». *History of the United Netherlands*, vol. IV, 548.

¹²⁵³ См. *Creeds of Christendom*, I. 602 sqq., 508 sqq.

§163. Влияние Кальвина на Великобританию

Кальвин и церковь Англии

Кальвин впервые упоминает об английской Реформации в письме к Фарелю от 15 марта 1539 г., где высказывает следующее суждение о Генрихе VIII: «Король только наполовину мудр. Он запрещает, под страхом строгого наказания и лишения места, вступать в брак священникам и епископам; он сохраняет ежедневные мессы; он хочет, чтобы семь таинств остались, как были. Таким образом он искалечил и истерзал Евангелие, и церковь осталась, как и была, полна игрушек и забав. Он не хочет, чтобы Писание распространялось в королевстве на языке простого народа, а недавно он принял указ, запрещающий народу читать Библию. Невдалека он сжег достойного и ученого человека [Джона Ламберта] за то, что тот отрицал плотское присутствие Христа в хлебе. Но хотя наши друзья и сурово страдают от жестокостей подобного рода, они не прекращают присматривать за состоянием его королевства».

После возвышения Эдуарда VI Кальвин начал оказывать непосредственное влияние на англиканскую Реформацию. Он обратился с длинным письмом к протектору Сомерсету 22 октября 1548 г. и посоветовал ему ввести назидательные проповеди и строгую дисциплину, упразднить вопиющие злоупотребления, составить символ веры и катехизис для детей. К большей части его советов прислушались. Примечательно, что в этом письме, как и в письме королю Польши, Кальвин не возражает против епископальной формы управления и литургии. По просьбе архиепископа Кранмера он также писал письма Эдуарду VI и посвятил ему свой комментарий на Исаию. Он посылал их с личным гонцом, который был представлен королю через герцога Сомерсета. Его переписку с Кранмером мы уже упоминали¹²⁵⁴. Так как составить общий символ веры для всех реформатских церквей представлялось нереальным, он призвал архиепископа составить символ веры для Церкви Англии.

Статьи английского символа веры появились впервые в 1553 г., а при королеве Елизавете, в 1563 г., из сорока одной были сокращены до тридцати девяти. В них видно влияние Аугсбургского вероисповедания в том, что касается учений о Троице, об оправдании и о церкви, а также влияние Кальвина в учениях о евхаристии и предопределении, которые, однако, изложены с мудростью и умеренностью (Art. XVII), без упоминания о гибели и осуждении¹²⁵⁵.

В правление королевы Марии многие ведущие протестанты бежали в Женеву, а потом приобрели высокое положение в церкви при королеве Елизавете. В их числе оказались переводчики Женевской Библии, которая многим обязана Кальвину и Безе и продолжала оставаться самым популярным английским переводом до середины XVII века, когда ее вытеснил перевод 1611 г.

В правление королевы Елизаветы богословское влияние Кальвина было очень велико, и оно продолжалось до времени архиепископа Лауда. Его «Наставления» были переведены вскоре после появления последнего издания, и перевод переиздавался шесть раз при жизни переводчика. Они были учебником в университетах и обладали таким же авторитетом, как «Сентенции» Петра Ломбардского и *Summa* Фомы Аквината в средние века. Мы уже упоминали отзывы «благоразумного» Хукера и епископа Сандерсона о Кальвине¹²⁵⁶. Хейлин, поклонник и

¹²⁵⁴ §159.¹²⁵⁵ *Creeeds of Christendom*, vol. I, 613 sqq.; 633 sqq.

биограф архиепископа Лауда, говорит, что «книга Кальвина “Наставления” стала фундаментом, на котором молодые богословы того времени строили свои исследования». Хардвик, говоря о завершающем этапе елизаветинского периода, утверждает, что «в течение почти тридцати лет самые крайние мнения Кальвина, в том числе его теория об осуждении, преобладали почти в каждом городе и приходе»¹²⁵⁷.

Девять Ламбетских статей 1595 г. и Ирландские статьи архиепископа Ашера 1615 г. содержат самую категорическую формулировку кальвинистического учения о безусловном избрании и осуждении, но они потеряли авторитет при поздних Стюартах¹²⁵⁸.

Однако Кальвин всегда сохранял ведущее положение как комментатор среди ученых англиканской церкви. Его влияние возродилось в евангельской партии, а его ощущение абсолютной зависимости от Божьей благодати как содействующее утешению и укреплению веры нашло классическое выражение в некоторых лучших гимнах на английском языке, особенно в гимне Топлейди «Благодатная скала мне спасение дает».

Кальвин и церковь Шотландии

Еще более сильным и длительным было влияние Кальвина на Шотландию. Оно распространилось на дисциплину и церковную политику, а не только на учение.

Пресвитерианская церковь Шотландии, под единым правлением Христа, — дочь реформатской церкви Женевы, но она переросла свою мать в плане размеров и важности. В целом это самая процветающая реформатская церковь Европы, и ни одна другая деноминация не превосходит ее по интеллекту, либеральности и ревностному распространению христианства в стране и за рубежом.

Герой шотландской Реформации смиренно сидел у ног Кальвина, хотя и был на четыре года старше его, и он стал еще большим кальвинистом, чем сам Кальвин. Джон Нокс, самый шотландский из всех шотландцев, как Лютер был самым немецким из всех немцев, в правление Марии Кровавой пять лет провел в изгнании (1554 — 1559), в основном в Женеве, и обнаружил там «самую совершенную школу Христа, существовавшую со времен апостолов»¹²⁵⁹. По этому образцу он и стал организовывать шотландский народ с непоколебимой смелостью и энергией, *per fervidum ingenium Scotorum*, выводя его из тьмы средневекового полуварварства на свет современной цивилизации. Имя Нокса, после Лютера, Цвингли и Кальвина, — величайшее в истории протестантской Реформации¹²⁶⁰.

А в XVII веке шотландское пресвитерианство и английское пуританство совместно провели вторую, более радикальную реформу и сформулировали строгие принципы пуританского кальвинизма в учении, дисциплине и поклонении. С тех пор Вестминстерские статьи 1647 г. управляли пресвитерианами, а отчасти также конгрегационалистами, или индипендентами, и регулярными баптистскими церквями Британской империи и Соединенных Штатов с теми модификациями и адаптациями, которых требовало развитие богословия и церковной жизни¹²⁶¹.

¹²⁵⁶ См. выше, §68.

¹²⁵⁷ *A History of the Articles of Religion* (1859), p. 167.

¹²⁵⁸ См. выше, §113, а также *Creeds of Christendom*, I. 658 sqq.

¹²⁵⁹ См. выше, §110.

¹²⁶⁰ *Creeds of Christendom*, I. 669-685, и список литературы, там приведенный.

¹²⁶¹ *Ibid.*, I. 685-813.

ГЛАВА XVIII

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЭПИЗОДЫ
ЖИЗНИ КАЛЬВИНА

§164. Последние дни жизни и смерть Кальвина

Кальвин трудился в Женеве двадцать три года после своего второго приезда — то есть с сентября 1541 г. по 27 мая 1564 г.¹²⁶² Потом Бог призвал его к Себе, в расцвете сил и полезности, при полном владении умственными способностями. После себя Кальвин оставил способного и достойного преемника, образцовую реформатскую церковь, основанную на законе Моисея и Евангелии Христа, процветающую академию, ставшую колыбелью евангельских проповедников Швейцарии и Франции, которая существует по сей день, и библиотеку книг, им самим написанных, которые до сих пор, по истечении более трехсот лет, обладают живой и действенной силой¹²⁶³.

Он продолжал трудиться до последнего года жизни — писал, проповедовал, читал лекции, посещал заседания консистории и совета достопочтенных пасторов, принимал и увещевал приезжих со всех концов протестантского мира и переписывался со всеми. Он делал всё это, несмотря на свои физические немощи, головные боли, астму, диспепсию, лихорадку, мочевого песок и подагру, которые истощали силы его хрупкого тела, но не могли сломить его мощного духа.

Когда он не мог ходить, он приказывал, чтобы его носили в церковь в кресле. 6 февраля 1564 г. он произнес свою последнюю проповедь. На Пасху, 2 апреля, его в последний раз принесли в церковь и он принял причастие из рук Безы.

25 апреля он составил завещание. Это весьма показательный документ, полный смирения и благодарности Богу, с признанием собственной ничтожности, полный веры в безвозмездное избрание по благодати и в великую заслугу Христа с желанием забыть обо всех спорах и ждать единства и мира на небесах¹²⁶⁴.

(Лютер, пренебрегая всеми формами закона, начинает свое завещание словами: «Я хорошо известен на небесах, на земле и в аду», — а завершает: «Так написал нотариус Божий и свидетель Его Евангелия доктор Мартин Лютер».)

26 апреля Кальвин пожелал еще раз увидеть четырех синдигов и всех членов малого совета в городской ратуше, но сенаторы, из заботы о его здоровье, пришли к нему домой. 27 апреля они прошествовали к его дому в торжественном молчании. Когда они встали вокруг него, он собрался с силами и обратился к ним как

¹²⁶² В том же году (1564) умер Микеланджело и родились Шекспир и Галилей. Если добавить два года первого пребывания, с 1536 по 1538, то Кальвин провел в Женеве двадцать пять лет.

¹²⁶³ Он прожил, как говорит шотландский богослов, «немногим меньше пятидесяти пяти лет, но успел вместить в это время труд столетий». Tweedie, *l. c.*, p. 57.

¹²⁶⁴ Beza, *Vita*, в *Opera*, XXI, pp. 162 sqq. (на латыни); Henry, III. p. 171 (на французском); перевод см. в следующем разделе.

патриарх, с речью, в которой благодарил их за доброту и верность, просил прощения за вспышки неистовства и гнева и призывал их хранить чистое учение и дисциплину Христа. Он тронул их до слез¹²⁶⁵. Похожим образом, 28 апреля, он обратился ко всем служителям Женевы, которых пригласил к себе домой, со словами торжественного увещевания и сердечной привязанности. Он попросил у них прощения за свои ошибки и поблагодарил за верную помощь. Он пожал каждому руки. «Они ушли, — говорит Беза, — с тяжестью на сердце и со слезами на глазах»¹²⁶⁶.

Это были возвышенные сцены, достойные описания очевидцев и кисти художника¹²⁶⁷.

19 мая, за два дня до причастия на Пятидесятницу, Кальвин пригласил служителей Женевы к себе домой и попросил перенести себя из спальни в соседнюю гостиную. Здесь он сказал собравшимся слова, которые опечалили их: «В последний раз я сию с вами за столом». Потом он произнес молитву, немного поел и общался с ними так оживленно, как это было возможно в его положении. Когда трапеза была почти закончена, он попросил перенести его обратно в спальню и сказал, прощаясь, с улыбкой на лице: «Эта стена не помешает мне быть с вами в духе, даже если меня не будет с вами телесно».

После этого он уже не вставал с постели, но продолжал диктовать своему секретарю.

Фарель, которому тогда шел уже восьмидесятый год, приехал из Невшателя, чтобы попрощаться с ним, хотя Кальвин написал ему не беспокоиться. Фарель хотел бы умереть вместо Кальвина. Через десять дней после смерти Кальвина он писал Фабри (6 июня 1564 г.): «О, почему я не оказался на его месте, а он мог бы быть еще много лет здоров, служа церкви нашего Господа Иисуса Христа! Благодарю Его за Его чрезвычайную благодать, за то, что Он позволил мне встретиться с этим человеком и удержать его, против его воли, в Женеве, где он трудился и достиг большего, чем можно выразить словами. Тогда я воздействовал на него именем Бога, чтобы он взял на себя бремя, которое казалось ему хуже смерти, а он тогда просил меня, во имя Бога, сжаться над ним и позволить служить Богу так, как подобает его характеру. Но когда он признал волю Бога, он пожертвовал собственной волей и совершил больше, чем от него ждали, и не только превзошел других, но и себя. Какое славное поприще он совершил!»

Последние дни Кальвин провел в почти что непрестанной молитве и произнесении утешительных цитат из Писания, в основном из Псалтири. Иногда он страдал от невыносимой боли. Часто слышали, как он восклицает: «Я тоскую, как голубь» (Ис. 38:14); «Я стал нем, не открываю уст моих; потому что Ты соделал это» (Пс. 38:10). «Ты изъязвляешь меня, о Господь, но я рад тому, что это Твоя рука». Его голос был слабым от астмы, но глаза светились ярко, а ум был ясным и рассудительным до конца. Он принимал всех, кто хотел его видеть, но просил молиться, а не говорить с ним.

В день смерти он говорил с меньшим трудом. Он спокойно заснул на заходе солнца, около восьми часов, и почил в Господе. «Я оставил его, — пишет Беза, — незадолго до этого, и когда слуги позвали меня, тут же поспешил к нему с одним

¹²⁶⁵ См., помимо рассказа Безы, запись в *Rég. du Conseil*, 27 апреля, *Annal.* XXI. 815.

¹²⁶⁶ См. *Discours d'adieu aux membres du Petit Conseil*, и *Discours d'adieu aux ministres*, в его *Opera*, tom. IX, 887-890, в Beza, *Vita*, и в приложении к Bonnet, *French Letters*, tom. II, 573. См. также Henry, III. 582 sqq.; Stähelin, II. 462-468. Перевод см. в следующем разделе.

¹²⁶⁷ Горнунг изобразил Кальвина на смертном одре, обращающегося к сенаторам.

из братьев. Мы обнаружили, что он уже умер, и очень спокойно, без содрогания рук или ног, не издав даже глубокого вздоха. Он оставался в сознании и мог говорить до последнего. Он больше был похож на спящего, чем на мертвого»¹²⁶⁸.

Он прожил пятьдесят четыре года, десять месяцев и семнадцать дней.

«Так, — заключает Беза, его ученик и друг, — удалился на небеса в момент захода солнца самый яркий светоч, светильник церкви. На следующую ночь и день весь город охватила неописуемая скорбь и плач, потому что республика потеряла своего самого мудрого гражданина, церковь — преданного пастыря, академия — несравненного учителя, и все оплакивали кончину своего общего отца и лучшего утешителя, после Бога. Множество горожан устремилось к его смертному одру, их невозможно было оттащить от его тела. Среди них было несколько иностранцев, таких как выдающийся посол английской королевы во Франции, который прибыл в Женеву, чтобы познакомиться с известным человеком, и теперь желал увидеть его тело. Сначала пускали всех, но так как любопытство стало чрезмерным и могло дать повод для хулы врагов»¹²⁶⁹, его друзья на следующее утро, в день Господень, посчитали лучшим завернуть его тело в саван и положить в деревянный гроб, по обычаю. В два часа дня тело было отнесено на общественное кладбище Плен-Пале (*Planum Palatium*), в сопровождении старейшин, пасторов, профессоров, учителей и почти всего города, искренне скорбящего»¹²⁷⁰.

Кальвин категорически запретил всяческую помпезность на своих похоронах и установку памятника на могиле. Он хотел быть похоронен как Моисей, вне досягаемости идолопоклонников. Это соответствовало его богословию, которое смиряет человека и возвышает Бога.

Но Беза написал подходящую эпитафию на латыни и на французском, которую назвал *Parentalia* (т. е. жертвоприношение на похоронах отца):

Вернется ли в прах благородный Кальвин,
У которого мы все учились добродетели;
Неужели жизнь так несправедлива, что у него,
Величайшей угрозы рушащегося Рима, ужаса грешников,
Могила будет так мала
И на ней не будет видно его имени?

¹²⁶⁸ Запись в регистре совета Женевы под датой *Samedi, Mai 27, 1564*, о смерти Кальвина, такова: *Ce iourd'huy environ huit heures du soir le sp. Ian Calvin est allé a Dieu, sain et entier, graces a Dieu, de sens et entendement*. Под датой *Lundi, Mai 29*, объявляется о том, что место Кальвина займет Беза: *De Beze succède a la place de Calvin. Il aura la charge quil avoit outre ce quil a faire les leçons. Arreste quon luy baille le gage quavoit M. Calvin. Et au reste quand se viendra ceans quon se contente quil soit assis au banc dabas et quon luy presente la maison dudit Sr. Calvin sil y veult aller*. Calvin, *Opera*, XXI. 815.

¹²⁶⁹ Не говорится, какой именно хулы; впервые хулить Кальвина начал Бользек пятнадцать лет спустя (см. примечание далее). Франциск Юний, выступая против Беллармина, говорит, что он был в Женеве, когда умер Кальвин, но не видел, не слышал, не знал, не думал и даже не воображал себе тех богохульств и проклятий, которые Кальвин, по словам папистов, якобы произносил на смертном одре.

¹²⁷⁰ *Pomeridiana vero secundo, sequentibus funus patriciis, una cum pastoribus professioribusque scholae omnibus totaque paene civitate non sine uberibus lacrymis prosequente elatus est, communique coemeterio, quod Planum Palatium vocant, nulla penitus extraordinaria pompa nulloque addito cippo (sic enim mandarant) conditus, cui propterea, his versiculis parentavi*. Далее идет его *Parentalia* и описание характера и привычек Кальвина. Во французской биографии, которая датирована 19 августа 1564 г., Беза говорит, что Кальвин был похоронен, «как он приказал, на общественном кладбище Плен-Пале, без помпезностей и шума, где он и покоится сегодня в ожидании воскресения, которому он нас научил и в которое неотступно верил». Он завершает обе биографии списком трудов Кальвина. *Opera*, XXI. 47-50.

Блаженная кротость, которая была с Кальвином,
Пока он был жив, остается с ним и после смерти.
О счастливая могила, полная благодати!
Счастлив тот мрамор, на котором покоятся его останки!¹²⁷¹

На трехсотлетие Реформации в Женеве, в 1835 г., была изготовлена великолепная юбилейная медаль, на одной стороне которой — изображение Кальвина, его имя и даты рождения и смерти, а на другой — кафедра Кальвина со стихом: «Он, как бы видя Невидимого, был тверд» (Евр. 11:27), а по кругу надпись: «Немощный телом, могучий духом, победитель по вере, реформатор церкви, пастор и защитник Женевы»¹²⁷².

К трехсотлетию смерти Кальвина (1864) его друзья в Женеве с помощью других стран воздвигли «Зал Реформации» — благородное здание, основанное на принципах Евангельского союза и посвященное проповеди чистого Евангелия и защите всякого доброго дела.

Но реформатские церкви обоих полушарий — памятник Кальвину более прочный, чем мрамор.

Цвингли, из реформаторов, умер первым (1531), в расцвете лет, на поле боя, со словами: «Они могут уничтожить тело, но не душу». Звезда швейцарской Реформации закатилась вместе с ним, но только для того, чтобы снова взойти.

Потом последовал Лютер (1546). Он тоже умер далеко от дома, в Эйслебене, своем родном городе, недовольный беспорядками, творившимися в то время, уставший от мира и жизни, но прочно держащийся за веру в Евангелие — повторяя драгоценные слова: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего едиnorodного», — и текстом тридцатого псалма вверяя свой дух в руки верного Бога, Который уже искупил его.

Меланхтон покинул сей мир, находясь в собственном доме (1560), как и Кальвин. Его последней и великой скорбью были несогласия в церкви, из-за которых он был готов пролить столько же слез, сколько воды в Эльбе. Он хотел умереть, чтобы избавиться сначала от всех грехов, а затем — «от злобы богословов». Он нашел великое утешение в пятьдесят третьей главе Исаии, а также в первой и семнадцатой главах Иоанна. Когда его зять (Певцер) спросил его, хочет ли он чего-нибудь, он ответил: «Только небес».

Джон Нокс, Кальвин Шотландии, «который никогда не боялся лица человека», пережил своего друга на восемь лет (1572 г.) и нашел свое последнее утеше-

¹²⁷¹ В его латинской *Vita*:

*Romae ruentis terror ille maximus,
Quem mortuum lugent boni, horrescunt mali,
Ipsa a quo potuit virtutem discere virtus,
Cur adeo exiguo ignotoque in cespite clausus
Calvinus lateat, rogas?
Calvinum adsidue comitata modestia vivum,
Hoc tumulo manibus condidit ipsa suis.
O te beatum cespitem tanto hospite!
O cui invidere cuncta possint marmora!*

Помимо этого, существуют одна еврейская, десять греческих, две латинских и три французских *Epitaphia* в *Calvinum scripta*, в Beza, *Poemata*, 1597, и в Calvin, *Opera*, vol. XXI, 169, 173-178. Три французских сонета написаны Шандье, учеником Кальвина.

¹²⁷² Аверс: *Johannes Calvinus Natus Novioduni, 1509. Mortuus Genevae, 1564*. Реверс: *Il tint ferme comme s'il eust veu celui qui est invisible* (Евр. 11:27). *Genev. Jubil Ann., 1835*. Надпись: *Corpore fractus: Animo potens: Fide victor: Ecclesiae Reformatior: Geneva Pastor et Tutamen*. См. Henry, III. 592.

ние также в псалмах, в пятьдесят третьей главе Исаии и в первосвященнической молитве нашего Спасителя.

Божье провидение, которое руководит движением истории, возвысило реформаторам достойных преемников, преданно сохранивших и продолживших их дело. Буллингер продолжил дело Цвингли, Меланхтон — дело Лютера, Беза — дело Кальвина и Мелвилл — дело Нокса.

Исключительная епископальная власть, которой Кальвин обладал благодаря его чрезвычайным талантам и властному характеру, находилась в его руках постоянно, но прекратила существование с его смертью. Беза был избран его преемником 29 мая 1564 г. и оставался *modérateur* церковных дел Женевы сроком только на один год¹²⁷³. Но каждый год его переизбирали вплоть до 1580 г., когда он почувствовал себя неспособным нести бремя обязанностей. Однако он хотел по-прежнему переписываться с другими церквями. Он делил свое неустанное внимание между Швейцарией и Францией и оказывал влияние на развитие Реформации в обеих странах. Он увидел, как принц-гугенот Генрих IV вззошел на престол Франции. Он жаловался на его отход от евангельской веры, но радовался Нантскому эдикту, сделавшему протестантизм законным, и хранил, как последний из благородного поколения реформаторов, идеи Реформации до начала XVII века. Его богословием знаменует переход от широкого кальвинизма Кальвина к узкому, схоластическому и супралапсарианскому кальвинизму следующего поколения, который вызвал реакцию арминианства не только в Голландии и Англии, но также во Франции и Женеве.

ПРИМЕЧАНИЕ

ХУЛА

Печально видеть, с какой поистине сектантской злобой и коварством изобретается клевета о состоянии реформаторов на их смертном одре. Фанатичные католики выставили героическую смерть Цвингли как Божий суд и сочинили мифы о том, будто Эколампаций покончил с собой и был унесен бесом, что Лютер повесился на своем платке на столбике кровати и издавал ужасное зловоние, а Кальвин умер в отчаянии.

Миф о самоубийстве Лютера был сознательно и злобно повторен священником-ультрамонтанином (Майунке, редактор «Германии» из Берлина) и вызвал оживленные споры в 1890 г. Однако следует добавить, что ученые и честные католики с негодованием протестовали против этой хулы (см. мою статью *Did Luther commit Suicide?* в «Magazine of Christian Literature», New York, December, 1890).

Что касается Кальвина, вполне вероятно, что его тело, страдавшее от многих болезней, быстро начало разлагаться, из-за чего к нему перестали допускать посторонних и что могло стать причиной «клеветы», на которую туманно намекает Беза. И только по прошествии пятнадцати лет после смерти Кальвина Бользек, монах-отступник, заявил, будто в юности Кальвин предавался постыдному пороку (см. выше, §69), и распространял слух, будто Кальвин умер от ужасной болезни — его сожрали черви, — как, собственно, Бог и должен наказывать Своих врагов. Он добавляет, что Кальвин призывал дьявола и проклинал свои исследования и произведения. (*Il mourut invoquant les diables... Même il maudissait l'heure qu'il avait jamais étudié et écrit*). Но всё это не подкрепляется авторитетными свидетельствами ни живых, ни мертвых.

Оден (*Life of Calvin*, p. 632, английский перевод) повторяет этот позорный вымысел с некоторыми изменениями и драматическими украшениями, якобы на основании свидетельства одного неизвестного студента, который, по его словам, проник в комнату, поднял черную ткань, закрывавшую лицо Кальвина, и сообщил: *Calvinus in desperation furians vitam obiit turpissimo et faedissimo morbo quem Deus rebellibus et maledictis comminatus est, prius excruciatum et consumptum, quod ego verissime attestari audeo, qui funestum et tragicum illius exitum et exitum his meis oculis prae sens aspexi. Joann. Harennius, apud Pet. Cutzenum!*

¹²⁷³ Он сам предложил это в обращении к совету достопочтенных пасторов и профессоров 2 июня 1564 г. *Annales*, в *Opera*, XXI. 816.

И мы с сожалением сообщаем, что католический архиепископ доктор Спалдинг, в труде которого о Реформации не видно никаких признаков знакомства с произведениями Кальвина или Безы, повторяет клевету Бользека и Одена и заявляет американским читателям, что Кальвин был «настоящим Нероном» и «чудовищем нечестивым и скверным»! (См. выше, §110).

Однако всей жизни и произведений Кальвина, его завещания и прощального обращения к сенаторам и служителям Женевы, а также подробного рассказа о его смерти, сделанного его другом Безой, который был с ним до последних мгновений, — всего этого должно быть достаточно, чтобы убедить в истинном положении дел даже самых недоверчивых, если только они не ослеплены фанатизмом неисцелимо.

§165. *Завещание Кальвина и его прощальные обращения*

Завещание Кальвина, 25 апреля 1564 г.

В BEZA, *Vita Calv.*, на французском и латыни; в *Opera*, XX. 298, XXI. 162. Анри приводит французский текст, III, Beilage, 171 sqq. Английский перевод — Henry Beveridge, Edinburgh, 1844.

Во имя Бога, аминь. 25 апреля в год Господа нашего 1564-й, я, Петр Шенела, гражданин и нотариус Женевы, свидетельствую и объявляю, что я был призван этим замечательным человеком, Жаном Кальвином, служителем Слова Божьего в сей церкви Женевы и гражданином сего государства, который, будучи болен телесно, но в здравом уме, сказал мне, что намерен составить завещание, и объяснил свою последнюю волю, и просил меня принять ее и записать, как он продиктует мне устно. Так я и сделал тотчас, записывая слова, которые ему угодно было продиктовать. Заявляю, что я ничего не добавлял и не убирал из его слов, но следовал тому, что он сам диктовал.

«Во имя Господа, аминь. Я, Жан Кальвин, служитель Слова Божьего в сей церкви Женевы, будучи удручен и подавлен разными болезнями, которые побуждают меня считать, что Господу Богу угодно скоро призвать меня из мира сего, решил составить завещание и передать мою последнюю волю писменно так: Прежде всего, я благодарю Бога, что Он смилостивился надо мною, что Он сотворил меня и поместил в этот мир, и не только избавил меня от мрака идолопоклонства, в который я был погружен, но и вывел меня на свет Своего Евангелия, и наделил меня учением о спасении, которого я совершенно недостоин, и не только. С тем же милосердием и благодатью, добром и милостью Он терпел мои заблуждения и грехи, из-за которых я заслуживал изгнания и уничтожения, но Он проявил ко мне такую милость и доброту, что Ему угодно было использовать меня для проповеди и распространения истины Его Евангелия. Я свидетельствую и заявляю, что остаток своей жизни я намерен провести в той же вере и религии, которую Он передал мне в Своем Евангелии, и что у меня нет другой защиты и надежды на спасение, кроме Его благодатного усыновления, от которого единственно зависит мое спасение. Всей душой я принимаю милость, которую Он оказал мне через Иисуса Христа, искупившего мои грехи заслугой Своей смерти и страданий, чтобы Он мог забыть о моих преступлениях и ошибках и изгладить их из Своей памяти. Я свидетельствую и заявляю также, что умоляю Его, чтобы Ему было угодно очистить и омыть меня кровью, которую мой Всевышний Искупитель пролил за грехи человечества, чтобы под Его сенью я мог стоять на суде. Я заявляю также, что, по мере благодати и благости Господа ко мне, я старался, в своих проповедях, а также в произведениях и комментариях, проповедовать Его Слово ясно и целомудренно и преданно толковать Его священное Писание. Я также свидетельствую и заявляю, что во всех спорах и диспутах, которые я вел с врагами Евангелия, я не обманывал, не использовал греховных и софистических уловок, но действовал искренне и честно, защищая истину. Но, к несчастью, мой пыл и рвение (если они действительно достойны такого названия) были такими необходимыми и недержанными, что, признаюсь, я много раз не был способен подобающим образом нести свое служение, и если бы Он, в Своей безграничной доброте, не помогал мне, всё это рвение было бы напрасным и тщетным. Я даже признаю, что если бы это благо не помогало мне, тогда те умственные дарования, которыми Господь наделил меня, на Его суде сделали бы меня еще более виновным в грехе и скверне. По всем этим причинам я свидетельствую и заявляю, что я верю в единственный залог моего спасения, а именно: что Бог есть Отец милости, что Он проявит Себя как Отец по отношению ко мне, признающему себя несчастным грешником. Что до прочего, то я желаю, чтобы, когда я отойду в лучший мир, мое тело предали земле (согласно обычаям, которые используются в этой церкви и этом городе), где оно и будет до дня воскресения. Что до того скудного наследства, которое Бог мне даровал и которым я желаю распорядиться в этом завещании, то я назначаю Антония Кальвина, моего дорогого брата, моим наследником, но лишь почетным, и отдаю ему серебряный кубок, который я получил в подарок от Варания и которым, как я надеюсь, он удовле-

творится. Всё остальное наследство я оставляю ему на попечение, прося, чтобы после своей смерти он оставил его своим детям. Школе мальчиков я завещаю десять золотых монет; столько же бедным странникам; столько же Иоанне, дочери Шарля Константа. Самуилу и Иоанну, сыновьям моего брата, я завещаю, после его смерти, каждому по четыреста золотых монет; Анне, Сюзанне и Доротее, его дочерям, по триста золотых монет каждой; Давиду, их брату, с вниманием к его юношескому легкомыслию и расточительству, я оставляю только двадцать пять золотых монет. Это составляет всё имущество, которое Господь мне даровал, насколько я могу подсчитать, оценив как мою библиотеку и движимое имущество, так и всю домашнюю утварь и все мои средства в целом. Но если там окажется сумма больше, то я хочу, чтобы остаток разделили пропорционально между всеми сыновьями и дочерьми моего брата, не исключая Давида, если, благостью Божьей, он вернется к хорошему поведению. Но такой остаток, полагаю, будет невелик, особенно после уплаты моих долгов, которую я доверяю моему вышеозначенному брату, уповаю на его веру и добрую волю. По этой причине я и назначаю его душеприказчиком и, вместе с моим выдающимся другом Лоренсом Норманом, предоставляю им право составить опись моего имущества, без необходимости следовать строго формальным нормам закона. Я поручаю им также продать мое движимое имущество, чтобы они обратили его в деньги, и исполнить мою описанную выше волю, которую я, Жан Кальвин, объяснил и продиктовал 25 апреля 1564 г.»¹²⁷⁴

После того как я, вышеупомянутый нотариус, записал вышеупомянутое завещание, вышеупомянутый Жан Кальвин тут же подтвердил его, собственноручно подписав. На следующий день, 26 апреля того же года, сей выдающийся человек, Кальвин, послал за мной, а также за Теодором Безой, Раймоном Шове, Мишелем Копом, Луи Енохом, Николя Колладоном и Жаком Бордезом, служителями и проповедниками Слова Божьего в церкви Женевы, а также за выдающимся Генри Скримгером, профессором искусств, все они жители Женевы, и в присутствии всех их засвидетельствовал и объявил, что продиктовал мне этот документ в той форме, которая зафиксирована выше; в то же время он велел мне прочитать его им, собравшимся для этой цели. Так я и сделал вслух, ясным голосом. После того как документ был прочитан, он засвидетельствовал, что это его завещание, которое он желает ратифицировать. Во свидетельство и подтверждение сего он попросил их всех подписать данный документ собственноручно. Это было тут же сделано, в вышеуказанный день и месяц, в Женеве, на улице, которую обычно называют улицей Каноников и где живет вышеуказанное лицо. С верой и свидетельствуя об истинности всего, что здесь написано, подписываю документ своей рукой и закрепляю его печатью нашего магистрата.

ПЕТР ШЕНЕЛА

Прощание Кальвина с синдиками и сенаторами Женевы,

27 апреля 1564 г.

Из BEZA, *Vita Calvini*. Латинский текст в *Opera*, XXI. 164 sqq. Французский текст в vol. IX, 887-890. См. также *Rég. du Conseil*, fol. 38, в *Annales*, XXI. 815. Перевод Henry Beveridge, Esq., «The Calvin Translation Society», 1844 (Calvin's Tracts, vol. I, lxxxix-xciii).

Когда завещание было готово, Кальвин сообщил четырем синдикам и всем сенаторам, что, прежде чем уйти из жизни, он желает еще раз обратиться к ним всем в доме сената, куда, как он надеялся, его могли принести на следующий день. Сенаторы ответили, что лучше они придут к нему, и просили, чтобы он заботился о своем здоровье. На следующий день, когда весь сенат пришел к нему в полном составе, после взаимных приветствий и после того, как он попросил у них прощения за то, что им пришлось прийти к нему, в то время как он должен был прийти к ним, а также сказал, что давно уже хотел с ними побеседовать, но откладывал до того момента, когда будет уверен полностью в исходе своей болезни, он сказал:

«Почтенные господа, я благодарю вас от души за то, что вы проявили столько уважения к человеку, который ничего подобного не заслуживает, и часто терпеливо сносили мои многочисленные немощи. Я всегда считал это доказательством вашего исключительного расположения ко мне. И хотя при исполнении своих обязанностей я был вынужден сражаться в разных битвах и сносить разные оскорбления, так как через подобное приходится пройти каждому человеку, даже лучшему, я знаю и признаю, что ничто из этого не было вашей виной; я искренне прошу вас: если в чем-то я вел себя не так, как должен был, объясняйте это недостатком способностей, а не желания, ибо я правдиво могу сказать, что искренне изучал интересы вашей республики. Хотя я не до конца выпол-

¹²⁷⁴ Часть мебели Кальвина принадлежала Республике Женевы, о чем свидетельствует перечень, сохранившийся в архивах. Его книги после смерти были приобретены советом. Несмотря на бедность, он не избежал обвинения в скупости. См. ниже, §166.

нял свои обязанности, я всегда, насколько мог, стремился к общему благу, и если бы не видел, что Господь, со Своей стороны, делает мои труды полезными, я спокойно позволил бы сместить себя. Я прошу вас, снова и снова, чтобы вы простили меня за то, что я так мало сделал в общественной и частной жизни в сравнении с тем, что должен был сделать. Я также признаю, что обязан вам и в другом отношении, а именно, что вы терпеливо сносили гнев, который часто доводил меня до крайностей; я верю, что Бог простил мне и эти грехи. Что же касается учения, которое я преподнес вам, то я заявляю: Слово Божье, доверенному мне, я учил не поспешно и не неуверенно, но ясно и искренне; я прекрасно знал, что в противном случае мне угрожал бы гнев Бога, а потому хотел быть уверен, что мои труды учителя Ему угодны. Я говорю об этом перед Богом и перед вами всеми с еще большим желанием, потому что у меня нет сомнений, что сатана, в соответствии с его прихотями, будет возбуждать разных праздных и вздорных людей, чтобы извращать чистое учение, которое вы слышали от меня».

Далее он говорил о великом благословении, которое Господь даровал им. «Я, — сказал он, — лучший свидетель того, от сколь многих и сколь великих опасностей вас избавила рука Всемогущего Бога. Кроме того, вы видите, каково ваше сегодняшнее положение. Поэтому, в процветании или трудностях, я молю вас, всегда помните, что Он единственный возвышает королей и государств и потому желает, чтобы люди поклонялись Ему. Помните, как Давид заявил, что пал, когда наслаждался полным миром, и он бы не поднялся снова, если бы Бог, в Его исключительной благодати, не протянул руку, чтобы помочь ему. Что же говорить о нас, таких незначительных смертных, если подобное случилось с человеком таким сильным и могущественным? Вам нужно большое смирение ума, чтобы вы ходили осторожно, всегда ставили перед собой Бога и уповали только на Его защиту; уверен, что вы часто чувствовали уже, как, Его помощью, вы становитесь сильными, даже если ваша безопасность висит, казалось бы, на волоске. Поэтому, если вам дано процветание, прошу вас, остерегайтесь надменности грешников и смиренно благодарите Бога. И если вас постигнет беда, если смерть будет окружать вас со всех сторон, уповайте на Того, Кто воскрешает даже мертвых. Вспомните о том, что Бог испытывает вас, чтобы вы всё больше и больше учились чтить Его одного. И если вы хотите, чтобы эта республика оставалась сильной, особенно остерегайтесь осквернения того священного престола, на который Он поместил вас. Ибо Он один — всемогущий Бог, Царь царей и Господь господствующих. Он дает почетные места тем, кто чтит Его, но Он низвергает тех, кто Им пренебрегает. Поклоняйтесь Ему, согласно Его заповедям; изучайте их лучше и лучше, потому что мы всегда далеки от выполнения своего долга. Я знаю склонности и характер каждого из вас, и я знаю, что вам нужны увещания. Даже среди тех, кто преуспел, нет такого, кто был бы совершенен. Пусть каждый исследует себя и, поняв, чего ему не хватает, просит об этом Господа. Мы видим, сколько скверны в советниках этого мира. Одни из них холодны, другие пренебрегают общественным благом, занимаясь частными делами, третьи предаются своим личным страстям, четвертые не используют прекрасные Божьи дары, пятые упрямо кичатся и, по непомерной самоуверенности, настаивают на том, чтобы другие поддерживали их мнение. Я призываю стариков не завидовать молодым братьям, которых Бог, в благодати Своей, одарил лучшими дарами. Молодых же призываю вести себя скромно, держаться подалше от высокомерия. Пусть никто не доставляет беспокойства ближнему, но избегает обмана и горечи, которые, при управлении республикой, многих увели с истинного пути. Всего этого вы будете избегать, если каждый будет держаться в своей собственной сфере и каждый будет с верой заниматься тем, что поручено ему. При решении общественных дел нет места для пристрастности или ненависти. Давайте не будем искажать справедливость хитростью. Пусть никто, своими советами, не мешает исполнению законов. Пусть никто не отходит от понимания добра и зла. Если кто-то искушаем грешными чувствами, помогите ему сопротивляться им, почитая Того, от Кого он получил свой пост, и умоляя о помощи Его Святого Духа.

Наконец, я еще раз прошу вас простить мои слабости, которые я признаю и исповедую перед Богом и Его ангелами, а также перед вами, многууважаемые господа».

Сказав это и помолившись перед Всемогущим Богом о том, чтобы Он еще больше увенчал их Своими дарами и наставил в Своем Святом Духе, а также о безопасности всей республики, он протянул каждому правую руку и оставил их в скорби и слезах, как будто они прощались с общим родственником.

Прощание Кальвина со служителями Женевы, 28 апреля 1564 г.

Из BEZA, *Vita Calvini*. Латинский текст в *Opera*, XXI. 166 sq. Перевод — Henry Beveridge, «The Calvin Translation Society», Edinburgh, 1844 (I. xciii), с латинского текста. Есть и другой рассказ, на французском, служителя Жана Пино, датированный 1 мая, который более полон в том, что касается гонений на Кальвина и его признаний в своих слабостях, которые всегда не нравились ему и за которые он просил прощения. Там также есть благодарственные упоминания о Фареле, Вире и Безе и недовольное упоминание о Берне,

который всегда больше боялся, чем любил Кальвина. В *Opera*, vol. IX, 891, 892, также в *Letters of John Calvin*, JULES BONNET, перевод Gilchrist, vol. IV, 372-377.

28 апреля, когда все мы, служители Женевы, пришли к нему по его просьбе, он сказал:

«Братья, после того как я умру, продолжайте трудиться и не падайте духом. Господь спасет республику и церковь от угроз врага. Думайте снова и снова о своих обязанностях перед этой церковью, куда поместил вас Господь, и пусть ничто не позволит вам покинуть ее. Конечно, для тех, кто устал, легким выходом будет побег, но они обнаружат на собственном опыте, что Господа не обмануть. Когда я впервые приехал в этот город, Евангелие в нем действительно проповедовали, но все дела были запутаны, как если бы христианская вера заключалась только в уничтожении изображений. И здесь было немало грешников, от которых я сильно пострадал, но Господь, Бог наш, поддержал меня, от природы вовсе не смелого (я говорю правду), и я не поддался на их провокации. Позже я вернулся из Страсбурга, подчиняясь своему призванию, но неохотно, потому что думал, что не смогу принести пользы. Я не знал, что решил Господь, и видел перед собой только ряд великих трудностей. Но, приступив к работе, я наконец понял, что Господь благословил мои труды. Вы тоже упорствуйте в труде и поддерживайте установленный порядок; в то же время старайтесь держать людей в послушании учению, потому что тут есть несколько грешников и смутьянов. Сейчас ситуация более или менее улажена, но вы будете виноваты перед Богом, если они смогут вас победить. Я уверяю вас, братья, что меня объединяли с вами узы искренней и настоящей привязанности, и я продолжал испытывать к вам эти чувства сейчас, когда вас покидаю. Если во время этой болезни я в чем-то был неправ перед вами, я прошу у вас прощения и от души благодарю вас, что, пока я болел, вы несли возложенное на вас бремя».

Сказав это, он всем нам пожал руки. Мы, со скорбью в сердцах и увлажненными глазами, покинули его.

Беза из скромности опускает такое упоминание Кальвина о себе самом: «Что до нашего внутреннего порядка, то пусть господин Беза займет мое место. Не огорчайте его, потому что это дело великое и трудное, это тяжкое бремя для него. Старайтесь его поддерживать. Я знаю, что у него есть желание и что он сделает всё, что сможет». Рассказ Пино, в *Calv. Opera*, IX. 894.

§166. Личный характер и привычки Кальвина

Кальвин — один из характеров, которые вызывают уважение и восхищение, но не любовь и не допускают фамильярного обращения, однако оказываются лучше при более близком знакомстве. Чем лучше мы его знаем, тем больше восхищаемся и уважаем. Те, кто судит о нем самом по его поведению в случае с Серветом и о его богословии по его *decretum horribile*, видят пятна на солнце, но не само солнце. Даже принимая во внимание все его ошибки, его следует считать одним из величайших и лучших людей, которых Бог возвысил в истории христианства.

Компетентные судьи разных символов веры и школ называли его «богословом» *par excellence*, «Аристотелем Реформации», «Фомой Аквинатом реформатской церкви», «Ликургом христианской демократии», «женевским папой». Как руководителя церкви, его сравнивали с Григорием VII и Иннокентием III. Даже скептический Ренан, который совершенно не соглашался с богословием Кальвина, называет его «самым христианским человеком его века». Такое сочетание теоретического и практического превосходства не имеет себе равных в истории. Но Кальвин также был нетерпимым инквизитором и гонителем, и его руки были запятнаны кровью еретиков¹²⁷⁵. Соедините все эти качества вместе — и вы получите целого Кальвина. Пропустите что-то — и вы проявите к нему несправедливость. Он всегда будет вызывать восхищение и даже уважение, но никогда не сможет быть популярен среди масс. Паломничеств к его могиле не будет. Четырехсотлетие со дня его рождения, в 1909 г., вряд ли будут отмечать с таким энтузиазмом, как юбилей Лютера в 1883 г. и Цвингли — в 1884 г. Но то влияние,

¹²⁷⁵ Если верить не вполне правдоподобному Бодуэну, враги Кальвина в Женеве даже придумали поговорку: «Лучше быть с Безой в аду, чем с Кальвином на небесах».

которое он оказал на швейцарский, французский, голландский и особенно англосаксонский народ в Великобритании и Америке, никогда не будет изглажено¹²⁷⁶.

Телесная оболочка Кальвина, как и апостола Павла, была слабой. Она едва выдерживала его могучий дух. Он был среднего роста, худой, бледный, изможденный, слабого здоровья. У него были точеные черты лица, красивый рот, заостренная борода, черные волосы, длинный нос, высокий лоб и горящий взгляд, сохранявший свой блеск до последнего момента. Казалось, что весь он состоит из костей и нервов. После смерти, как утверждает Беза, он был похож на спящего. Властный интеллект светился в его хрупком теле. Существует несколько его портретов. Лучший — это картина маслом в библиотеке Женевского университета, на которой он представлен в одежде наставника и с таким видом, словно учит кого-то, с приоткрытым ртом, одна рука на Библии, другая поднята¹²⁷⁷.

Он называл себя робким и нерешительным от природы, но его смелость возрастала в момент опасности, а его сила совершенствовалась в слабости. Он принадеждал к тому типу людей, которые боятся опасности на расстоянии, но бесстрашны в ее присутствии. В конфликте с либертинами он не уступил ни на йоту и не раз рисковал жизнью. Он был простым, любил порядок и был методичен в своих привычках и вкусах, очень опрятно одевался, бывал несдержан в проявлениях чувств, но отличался чрезмерным воздержанием. Много лет он ел только один раз в день и спать себе позволял тоже очень мало.

Интеллектуальные дарования Кальвина были высшего порядка и подчинялись строгой дисциплине. У него была цепкая память, быстрое восприятие. Он отличался проницательностью, вдумчивостью, здравым суждением, прекрасно владел языком. Он был знаком с классической культурой Возрождения, но не перенял ее педантизма и моральной слабости. Он подчинил ее богословию и благочестию. Он не может сравниться с Августином и Лютером в плане творческого гения и рождения новых идей, но превзошел их обоих и всех своих современников как ученый, как автор с отточенным и красноречивым слогом, как систематик и логик, как организатор и учредитель дисциплины. Мы бы сказали, что его таланты были на грани гениальности. Он мыслил по образцу Павла, а не Иоанна. Ему не был свойствен мистицизм и полеты воображения. Он никогда не забывал ничего, что относилось к сфере его обязанностей. Он узнавал даже людей, которых видел только раз и много лет назад. Он говорил так же, как писал, — ясно,

¹²⁷⁶ См. собрание замечательных отзывов в §68. Я добавлю только еще два отзыва, доктора Баура и доктора Мёлера, великих историков, которые были коллегами и антагонистами и придерживались противоположных символов веры в одном из самых важных богословских споров XIX века. Протестант Баур, в своей *Kirchengeschichte* (IV. 374), называет Кальвина человеком *von seltener Gelehrsamkeit, feiner, vielseitiger Bildung, scharfem, durchdringendem Geiste, kräftigem, aber strengem Charakter, vollkommen würdig, den übrigen Häuptern der Reformation zur Seite zu stehen, an Schärfe des Geistes zum Theil ihnen noch überlegen*. Католик Мёлер, автор *Symbolik*, которая стала в свое время сенсацией, говорит в опубликованной посмертно *Kirchengeschichte* (III. 189): *Calvin besass sehr viel Scharfsinn und eine ausnehmende Beredtsamkeit, und war weit gelehrter als alle übrigen Reformatoren, so dass Lehren, die bei einem andern abschleudlich gewesen wären, aus seinem Munde wohl klingen*, — но добавляет: *Zu bedauern aber ist, dass eine so grosse geistige Kraft im Dienste des Irrthums war*.

¹²⁷⁷ Господин Теофил Дюфур, библиотекарь, заверял меня в 1886 г., что это самый правдивый портрет. Профессор Диодати, бывший библиотекарь, писал доктору Анри (III. P. I. Preface, p. vii): «Что касается портрета, который можно увидеть в нашей библиотеке, то его всегда считали подлинным и правдивым. Наши художники согласны с тем, что он относится к эпохе Кальвина и написан замечательно. Часто его приписывают Гольбейну, но это мнение не подтверждено. Можно только сказать, что манера похожа. Если изучить его внимательно, возникает ощущение близости к натуре».

точно, с чистотой и силой, одинаково хорошо на латыни и на французском. Он не написал ни единой бессмысленной строки. Его суждения всегда были ясны, здравы и так точны, что, как замечает Беза, часто казались пророчествами. Его советы всегда были разумными и полезными. Его красноречие было воспламенной логикой. Но он не умел приводить красочные примеры — которые перед народной аудиторией нередко оказываются более эффективными, чем логические аргументы.

Его моральный и религиозный характер был основан на страхе Божьем, который есть «начало мудрости». Строгий к другим, он был больше всего строг к самому себе. Он напоминал еврейского пророка. Его можно было бы назвать христианским Илией. Его символом была рука, приносящая в жертву Богу пылающее сердце. На совет Женевы произвело впечатление «величие» его характера¹²⁷⁸. Это замечание помогает понять, как он смог победить своих многочисленных врагов в Женеве, которые легко могли сокрушить его в любое время. Его постоянной и единственной целью было прославить Бога и провести реформы в церкви. В его глазах один лишь Бог был велик, а человек был лишь скользкой тенью. По его словам, человек должен быть ничем, чтобы Бог во Христе мог быть всем. Он всегда руководствовался обостренным чувством долга, даже когда наказывал Сервета. В предисловии к последнему изданию своих «Наставлений» (1559) он говорит: «У меня есть свидетельство моей собственной совести, ангелов и самого Бога, что с тех пор как я принял должность учителя в церкви, у меня не было других целей, кроме как принести церкви пользу, сохраняя чистое учение благочестия; однако я полагаю, что никого не хулили и не клеветали больше, чем меня»¹²⁷⁹.

Богатства и почести не волновали его. Он был выше грязной наживы и мирских амбиций. Его единственной амбицией было чистое и святое желание слу-

¹²⁷⁸ *Dieu lui avait imprimé un caractère d'une si grande majesté. Registres*, 8 июня 1564 г. Grenus, *Fragments Biographiques*.

¹²⁷⁹ Он отвечает на клевету в письме к Кристоферу Пиперу, 18 октября 1555 г. (*Opera*, XV. 825 sq.), из которого я цитирую следующий отрывок: «Когда я слышу, что повсюду меня так нелепо порочат, у меня не такие железные нервы, чтобы мне не было больно. Но для меня немалым утешением служит то, что и вы, и многие другие слуги Христа и благочестивые верующие в Бога сочувствуете мне в моих неприятностях... Зачем мне беспокоить честных людей, ревностно защищая свою репутацию? Если бы очень было надо, я защитил бы себя перед ними. Но бесстыдная хула, которую обрушивают на меня эти злодеи, настолько необоснованна и глупа, что никакой защиты с моей стороны не требуется. Тогда хулителю могли бы сказать, что я придаю себе слишком большое значение, и смеялись бы над тем, что я чересчур волнуюсь из-за своей репутации. Один пример такой лжи — непомерная сумма денег, вами упомянутая. Все знают, как бедно я живу в своем доме. Все видят, что я не трачу деньги на великолепные одежды. Где же это спрятанное сокровище? Но они открыто говорят, что я граблю бедных. Это обвинение столь же ложно и необоснованно, и даже самые заядлые клеветники будут вынуждены признать это. Я никогда не присваивал себе ни фартинга из средств, которые милосердные люди жертвовали на бедных. Примерно восемь лет назад один высокопоставленный человек [Давид де Бюантон, беженец; см. письмо Кальвина к Вире, 17 августа 1545 г., *Opera*, XII. 139] умер в моем доме. Он хранил у меня около двух тысяч крон, не требуя никакой расписки. Когда я понял, что его жизнь в опасности, я отказался от ответственности за них, несмотря на то, что он хотел доверить мне распоряжение этими деньгами. Однако я посоветовал отправить восемьсот крон в Страсбург на нужды беженцев. По моему совету он выбрал доверенных людей для распределения остальной суммы. Когда он захотел сделать меня одним из них, на что другие не возражали, я отказался. Но я вижу, что плетут мои враги. Они судят обо мне по себе и убеждены, что я граблю, когда у меня появляется такая возможность. Но если при жизни я не избегаю обвинений в богатстве, после моей смерти всё выяснится». См. его завещание, §165. Однако Бользек (гл. XI) бессовестно повторяет и преувеличивает клевету о присвоении двух тысяч крон. См. примечания редактора в *Opera*, XV. 825, 826.

жить Богу как можно лучше. Он упорно отказывался от повышения жалования, а часто и от подарков всякого рода, если это был не дар для бедных и беженцев, которые всегда оставались ему дороги и которым он помогал и за свой счет. Он оставил после себя только двести пятьдесят золотых крон, или, если включить сюда стоимость его мебели и библиотеки, около трехсот крон, которые он завещал своему младшему брату Антуану и его детям, кроме десяти крон, выделенных на школы, десяти — на больницу для бедных беженцев и десяти — для дочери кузена. Когда кардинал Садолет проезжал через Женеву переодетым (около 1547 г.), он был удивлен, увидев, что реформатор живет в простом доме, а не в епископском дворце с массой слуг и сам открывает дверь¹²⁸⁰. Когда папа Пий IV услышал о его смерти, он воздал ему должное: «Сила этого еретика была в том, что деньги не имели над ним ни малейшей власти. Если бы у меня были такие слуги, мои владения простирались бы от моря до моря». В этом отношении все реформаторы были истинными преемниками апостолов. Они были бедны, но многих обогатили.

У Кальвина присутствовали недостатки, которые отчасти были тенью его добродетелей. Он был страстным, быстрым на гнев, придирчивым, нетерпеливым в спорах, слишком строгим и мрачным, и не без некоторой мстительности. Он признавался в письме к Буцеру и на смертном одре, что ему трудно было укротить «дикого зверя в гневе», и смиренно просил прощения за эту слабость. Он поблагодарил сенаторов за терпение, с которым они сносили его «чрезмерную горячность». Его нетерпимость объяснялась твердостью убеждений и ревностной защитой истины. Печальной кульминацией этого качества стала трагедия Сервета, которую следует оплакивать и осуждать, хотя ее и оправдывали законы и общественное мнение того времени. Терпимость — это добродетель современная.

Кальвин часто использовал презрительные и немилосердные выражения, когда выступал против своих оппонентов в полемических произведениях, и мы не можем оправдывать его. Но он никогда не опускался до грубых и вульгарных оскорблений, как многие его современники¹²⁸¹.

Его часто обвиняли в холодности и недостатке семейных и общественных привязанностей, но это несправедливо. Глава о его браке и семейной жизни, его письма о смерти жены и единственного ребенка доказывают обратное¹²⁸². Это обвинение — ошибочный вывод из его мрачного учения о вечном осуждении, но это учение и ему самому было отвратительно, иначе он не назвал бы его «ужасным промыслом». Опыт показывает, что и в наше время строжайший кальвинизм нередко соседствует с нежным и кротким нравом верующего. Кальвин был строг, вел себя с достоинством и определенной замкнутостью, держа незнакомцев на почтительном расстоянии, но, как замечает Беза, в обществе он был приветлив и терпимо относился к тем порокам, причина которых — природная слабость человека. Он обращался со своими друзьями как с равными, вежливо и откровенно, но и с нежной добротой. Все они свидетельствуют об этом, и они были верны и преданы ему, как он им. Французские мученики писали ему благодарственные письма за то, что он поддержал их, помогая сносить страдания и муки терпеливо и с самоотречением¹²⁸³. «Он приобрел, — говорит Гизо, — пре-

¹²⁸⁰ Об этом случае рассказывают Дрелинкур, Бунгенер и другие, в Женеве в это верят.

¹²⁸¹ См. выше, §118.

¹²⁸² См. выше, §92.

¹²⁸³ Мишле (XI. 95): «Мученики в свой последний день утешались тем, что писали Кальвину. Они не хотели уходить из жизни, не поблагодарив человека, слова которого привели их к смерти. Их письма, полные уважения, благородные и нежные, вызывают слезы».

данную любовь лучших людей и уважение всех, даже не пытаясь угодить им». «Он обладал, — утверждает Твиди, — тайной и необъяснимой способностью привязывать людей к себе, и ничто, кроме греха и смерти, не могло расторгнуть эти узы. Люди хранили каждое слово, сошедшее с его уст».

Среди самых преданных его друзей были лучшие люди той эпохи, разные по характеру и склонностям, такие как Фарель, Вире, Беза, Буцер, Гриней, Буллингер, Нокс, Меланхтон, королева Маргарита и герцогиня Рене. Его обширная переписка — благородный памятник его сердцу и интеллекту и достаточное опровержение всей клеветы. Как нежны его упоминания о покойном друге Меланхтоне, несмотря на разницу во мнениях о предопределении и свободе воли: «Я обращаюсь к тебе, живущему теперь со Христом в лоне Божьем, где ты ждешь нас, чтобы мы присоединились к тебе в священном покое. Уставший от трудов и угнетаемый проблемами, ты дружески клал голову мне на грудь и сотню раз говорил: “Хотел бы я умереть на этой груди!” А я с тех пор тысячу раз желал, чтобы это произошло и мы были вместе». Сколь благородны его слова, обращенные к Буллингеру после того, как Лютер совершил последнее яростное нападение на цвинглиан и цюрихцев (1544)! Он просит Буллингера не забывать, «какой великий человек Лютер и какими чрезвычайными дарами он обладает». А как трогательно его прощальное письмо к старому другу Фарелю (2 мая 1564 г.): «Прощай, мой лучший и самый верный брат! Так как Богу угодно, чтобы ты пережил меня в этом мире, помни о нашей дружбе, плоды которой ждут нас на небесах, ибо она была полезна для церкви Божьей. Молись неустанно обо мне. Мне трудно дышать, и каждое мгновение может быть последним. Достаточно того, что я живу и умираю для Христа, Который есть награда Своих последователей в жизни и в смерти. Еще раз прощай, ты и братья».

Также Кальвина несправедливо обвиняли в бесчувственности по отношению к красоте природы и искусства. Действительно, мы напрасно будем искать у него описаний того земного рая, в котором он жил, — прекрасных берегов озера Леман, журчания Роны, величественных снежных вершин Шамуни. Но ведь и в трудах других реформаторов тоже нет таких упоминаний, и красоту Швейцарии должным образом оценили лишь в конце XVIII века, когда Галлер, Гете и Шиллер обратили на нее внимание. Кальвин, тем не менее, живо ощущал удивительность творения и не раз говорил об этом. «Не будем пренебрегать, — пишет он, — благочестивым восхищением перед делами Бога, которые видны повсюду в этом прекрасном театре мира». Он указывает, что «Бог чудесным образом украсил небеса и землю всем возможным изобилием, разнообразием и красотой, подобно большому и великолепному дворцу, изысканно и богато обставленному, а в человеке явил вершину Своих дел, наделив его дивной красотой, многочисленными и великими привилегиями»¹²⁸⁴.

У него был вкус к музыке и поэзии, как и у Лютера и Цвингли. Он ввел, в Страсбурге и Женеве, пение общины, которое характеризовал как «прекрасный способ воспламенить сердца и заставить их пылать в молитве». С тех пор общее пение стало в реформатских церквях одной из самых важных частей богослуже-

¹²⁸⁴ *Institutes*, bk. I, ch. XIV, 20. Вся эта глава о сотворении проникнута восхищением перед красотой и упорядоченностью Божьей вселенной. «Если бы я хотел, — говорит он (21), — полностью осветить эту тему, я мог бы продолжать бесконечно, поскольку чудес Божьей власти, памятников Божьей благодати и доказательств Божьей премудрости ничуть не меньше, чем творений в этом мире, и не меньше, чем отличий между ними, больших и малых».

ния. Он сочинил также несколько поэтических переложений псалмов и нежный гимн к Спасителю, служению и славе Которого была посвящена вся его жизнь.

ПРИМЕЧАНИЕ

Гимн *Salutation a Iésus Christ* Кальвина был обнаружен Феликсом Бове из Невшателя в старом женевском молитвеннике 1545 г. (литургии Кальвина) и опубликован, вместе с одиннадцатью другими стихами (в основном переводами псалмов) страсбургскими издателями трудов Кальвина в 1867 г. (См. т. VI, 233, и Prolegg., XVIII sq.). В этом гимне видна поэтическая жилка, а также пыл и преданность верующего, которых трудно было бы ждать от столь сурового логика и полемиста. Немецкий перевод сделал доктор Э. Штагелин из Базеля, английский — миссис Генри Б. Смит из Нью-Йорка, и они опубликованы в Schaff, *Christ in Song*, 1868 («I greet Thee, who my sure Redeemer art». New York ed., p. 678; London ed., p. 549). Мы приведем тут оригинал на старофранцузском:

*Ie te salue, mon certain Redempteur,
Ma vraye franc' et mon seul Salvateur,
Qui tant de labeur,
D'ennuys et de douleur
As enduré pour moy:
Oste de noz cueurs
Toutes vaines langueurs,
Fol soucy et esmoy.*

*Tu es le Roy misericordieux;
Puissant par tout et regnant en tous lieux;
Vueille donc regner
En nous, et dominer
Sur nous entierement,
Nous illuminer,
Ravyr et nous mener
A ton haut Firmament.*

*Tu es la vie par laquelle vivons,
Toute sustanc' et toute fore' avons:
Donne nous confort
Contre la dure mort,
Que ne la craignons point,
Et sans desconfort
La passons d'un cueur fort
Quand ce viendra au point.*

*Tu es la vraye et parfaite douceur,
Sans amertume, despit ne rigueur:
Fay nous savourer,
Aymer et adorer,
Ta tresdouce bonté;
Fay nous desirer,
Et tousiours demeurer
En ta douce unité.*

*Nostre esperanc' en autre n'est qu'en toy,
Sur ta promesse est fondée nostre foy:
Vueilles augmenter,
Ayder et conforter
Nostre espoir tellement,
Que bien surmonter
Nous puissions, et porter
Tout mal patiemment.*

*A toy cryons comme povres banys,
 Enfans d'Eve pleins de maux infinis:
 A toy souspirons,
 Gémissons et plorons,
 En la vallée de plours;
 Pardon requerons
 Et salut desirons,
 Nous confessans pecheurs.*

*Or avant donq, nostre Mediateur,
 Nostre advocat et propiciateur,
 Tourne tes doux yeux
 Icy en ces bas lieux,
 Et nous vueille monstrier
 Le haut Dieu des Dieux,
 Et aveq toy 'és cieux
 Nous faire tous entrer.*

*O debonnair', o pitoyabl' et doux,
 Des ames saintes amyabl' espoux,
 Seigneur Iesus Christ,
 Encontre L'antechrist
 Remply de cruauté,
 Donne nous L'esprit
 De suyvir ton escript
 En vraye verité.*

ГЛАВА XIX

ТЕОДОР БЕЗА

Источники: БЕЗА, переписка, в основном неопубликованная, но многие письма приведены в *Beilagen zu: BAUM, Theodor Beza* (см. ниже), и в HERMINJARD, *Correspondance des réformateurs dans les pays de langue française* (vols. VI sqq.); и его опубликованные труды (список из 90 наименований приведен в статье «Bèze, Théodore de», в Haag, *La France Protestante*, 2^d ed. Bordier, vol. II, cols. 620-540). Самые важные из них — его *Vita J. Calvini*, лучшее издание в Calvin, *Opera*, XXI, и его *Tractationes theologicae* (1582). Он также внес большой вклад в *Histoire ecclésiastique des églises réformées au royaume de France*, лучшее издание — Baum, Cunitz, Rodolphe Reuss (сын Эдуарда Ройсса, издателя Кальвина), Paris, 1883 — 1889. 3 vols.

ANTOINE DE LA FAYE: *De vita et obitu Th. Bezae*, Geneva, 1606. — FRIEDRICH CHRISTOPH SCHLOSSER: *Leben des Theodor de Beza und des Peter Martyr Vermili*, Heidelberg, 1809. — *JOHANN WILHELM BAUM: *Theodor Beza nach handschriftlichen Quellen dargestellt*, Leipzig, I. Theil, 1848, Beilagen, bks. I-II, II Theil, 1861, *Anhang die Beilagen enthaltend*, 1862 (к сожалению, этот мастерски написанный труд освещает период только до 1663 г.). — *HEINRICH HERRE: *Theodor Beza. Leben und ausgewählte Schriften*, Elberfeld, 1861 (содержит всю его биографию, но по стилю уступает Бауму). — Статья *Beza*, автор BORDIER в *La France Protestante*.

JEROME BOLSEC: *Histoire de la vie, moeurs, doctrine, et déportements de Theodore de Bèze*, Paris, 1682; переиздано анонимным католиком в Женеве, 1836, вместе с биографией Кальвина Бользека, для противодействия эффекту празднования трехсотлетия Реформации. Не имеет исторической ценности, злобная книжка, подобна так называемой «Жизни Кальвина». Вот пример: «Беза в течение всей своей юности был дебоширом, развратником, содомитом, прелюбодеем и обольстителем замужних женщин [Бользек в другом месте убеждает, что Клодина Денос была замужем, когда Беза обольстил ее], вором, обманщиком, убийцей собственных родителей, предателем, хвастуном, причиной и подстрекателем многочисленных убийств, войн, вторжений, поджогов городов, дворцов и домов, разграбления храмов и бесчисленного множества прочих бедствий и злодеяний» (ed. 1835, p. 188).

Многое можно понять из упоминаний о Безе в HENRY M. BAIRD, *Rise of the Huguenots* (New York, 1879), и *Huguenots and Henry of Navarre* (1886), также см. статью «Bèze, Theodore de», в Haag, *La France Protestante*, упомянутую выше. См. также CUNNINGHAM: *The Reformers*, Edinburgh, 1862; «Calvin and Beza», pp. 345-413 (о богословии и спорах).

§167. Жизнь Безы до его обращения

История швейцарской Реформации была бы неполной без рассказа о верном друге и преемнике Кальвина Теодоре Безе, который продолжал дело Кальвина в Женеве и во Франции до начала XVII века.

В древнем герцогстве Бургундии есть селение Везелей, и однажды в нем состоялось великое собрание. В 1146 г. Людовик VII прибыл туда со своими вассалами, и Бернар проповедовал там об их долге освободить святой гроб от неверных столь убедительно, что король и его рыцари тут же поклялись стать крестоносцами. Сорок четыре года спустя (1190), на том же месте, Филипп Август Французский и Ричард Львиное Сердце Английский дали схожий обет в схожих обстоятельствах.

Это селение расположено вокруг замка, в котором в 1519 г. жил богач Пьер де Без¹²⁸⁵, бейлиф графства, потомок одного из самых гордых родов в герцогстве. Его жена, Мари Бурдело, была любима и знаменита за ее ум и милосердие. У них уже было два сына и четыре дочери, когда 24 июня 1519 г. в семье родился еще один сын, прославивший их имя до конца времен. Его окрестили Теодором. Так что будущий реформатор был знатного происхождения, которое признавалось многими годами позже, когда он молил за протестантскую веру перед королями, князьями, представителями знати.

Но провидение позаботилось не только о его происхождении, готовя его к роли, которую ему суждено было сыграть. Ему было дано хорошее образование. Его мать умерла, когда ему не исполнилось еще трех лет, но он стал чужим в доме своего отца, потому что один из его дядьев, Николя де Без, сеньор Сетта и Шалонны, советник при Парижском парламенте, взял его с собой в Париж и так полюбил, что усыновил, а когда пришло время, поручил его образование лучшим учителям, которых мог позволить при своих средствах и влиянии. Мальчик был умным не по годам, и дядя радовался его успехам. Однажды за столом он развлекал гостя из Орлеана, который был членом королевского совета. Заговорили о будущем Теодора, и друг посоветовал обратиться к Мельхиору Вольмару, знаменитому учителю греческого языка в Орлеане (который учил также Кальвина), как к лучшему наставнику для мальчика. Дядя прислушался к совету и отправил Теодора в Орлеан, обеспечив ему проживание при семье Вольмара. Это было в 1528 г., когда Теодору было всего девять лет. С Вольмаром он жил до 1535 г. сначала в Орлеане, а потом в Бурже и, без сомнения, многому у него научился. Часть этих знаний была вовсе не такой, как хотелось его отцу или его дяде Клодию, аббату цистерцианского монастыря Фруамон в епархии Бове, который, после смерти брата Николя, 29 ноября 1532 г., взял на себя благочестивую обязанность надзирать за обучением мальчика — ибо Вольмар, как и многие здравомыслящие ученые того времени, порвал с Римской церковью и придерживался новых идей, почерпнутых у Лютера, которые начали распространяться во Франции. Именно приверженность этим идеям побудила его бежать в Германию в 1535 г. В результате будущий реформатор в самые юные и восприимчивые годы уже усвоил учение об оправдании верой в праведность Христа, услышал многое о скверне в церкви и был свидетелем попыток этой церкви подвергнуть смерти тех, кто не был согласен с ее учением.

Ни отец, ни дядя, ни сам Теодор не желали, чтобы он стал защитником новых взглядов. Его ждала карьера юриста — поприще, на котором отличился сам дядя Николя. Для этого Теодор был послан в Орлеанский университет. Хотя он был очень молод, он привлек к себе внимание. Он поступил на немецкий факультет — студенты в университетах делились на группы в зависимости от их происхождения, а Бургундия считалась областью Германии — и быстро стал любим всеми. Но он не только общался с другими студентами. Он усердно учился и 11 августа 1539 г. получил степень лиценциата в области права.

Для дальнейшего образования Беза, которому было теперь двадцать лет, был в Париж и продолжил изучать право, как хотел его отец, но его собственное нежелание было сильным и непобедимым, так что в конце концов он обратил на свою сторону дядю и отец разрешил ему заниматься литературой, что впоследст-

¹²⁸⁵ *Besze* — таким было изначальное написание, судя по подписи Безы. На современном французском фамилия пишется как *Bèze*, на английском и немецком — *Beza*, это латинская форма.

вии очень пригодились реформатской церкви. Однако о последующей карьере он пока не думал. Благодаря влиянию дяди Клодия он получил два бенефиция, которые приносили ему неплохой доход. После смерти своего брата в 1541 г. он получил наследство. У него были знакомства и связи, он был ученым, остроумцем, поэтом, симпатичным, любезным, вращался в лучшем парижском обществе и был одним из признанных лидеров¹²⁸⁶.

Он сам признавал, что не избегал скверны, но решительно отрицал, что тяжко грешил¹²⁸⁷. В 1544 г. в присутствии двух друзей, Лорена де Норманди и Жана Креспена, выдающихся юристов, он заключил союз с Клодиной Деносс¹²⁸⁸, дочерью бюргера, и объявил, что когда обстоятельства будут благоприятными, он женится на ней публично. Причиной тайного брака было его желание сохранить бенефиции. Но он действительно был привязан к этой женщине, верен ей, а она ему, и в их отношениях не было ничего такого, чтобы серьезно скомпрометировать его. Тот факт, что они счастливо прожили вместе сорок лет, означает, что они руководствовались искренним чувством, а не случайной прихотью. В 1548 г. он опубликовал свой знаменитый сборник стихов — *Juvenilia*. Это позволило ему стать в ряд с первыми поэтами того времени, писавшими на латыни. Его засыпали комплиментами. Он посвятил свою книгу Вольмару. Ему и в голову не приходило, что кто-нибудь впоследствии станет упрекать его за эти стихотворения — в любом случае, никак не по моральным причинам, однако именно так и случилось. Придиры стали читать между строк то, чего он не собирался вкладывать в свои стихи, и выдумывали преступления, в которых он не был виновен даже в мыслях¹²⁸⁹. Его стихи использовали и в борьбе против протестантизма. Так как он стал вождем реформатской церкви, вольнодумцы и приверженцы старой веры выдвинули против него обвинение, будто в дни своей мирской и роскошной жизни он говорил на их языке и был таким же нечестивым язычником, как и они.

Книга только вышла из печати, а восхваления только начинались, когда Беза серьезно заболел. Отрезвленный близостью смерти, он почувствовал утрусения совести — поскольку пользовался церковными бенефициями, словно верный сын церкви, тогда как на самом деле, в сердце, он был протестантом; поскольку трусливо скрывал свои настоящие мнения; поскольку не сдержал обещание, которое дал женщине, на которой тайно женился за четыре года до того; да и в целом потому, что вся его личная и общественная жизнь его не устраивала. Он вспомнил наставления Вольмара. Этот мир показался ему пустым. Его восхваления и почести ничего не значили. Он услышал призывание к более возвышенной, чистой и благородной жизни и подчинился ему. Хотя он только начал выздоравливать, он покинул отца и родину, богатства и почести, вместе с Клодиной Деносс бежал из города своих триумфов и испытаний, пересек границу Швейцарии¹²⁹⁰ и 23 октября 1548 г. прибыл в Женеву. Без сомнения, он поехал туда,

¹²⁸⁶ Иезуит Мембур, заклятый враг, в своей *Histoire du Calvinisme* (Paris, 1682, 18mo, p. 217), так описывал его в то время: «Хорошо сложенный, высокого роста, с очень приятным лицом, видом утонченным и нежным, с манерами светского человека, благодаря которым его уважала знать и особенно дамы, и последнее его не огорчало. Невозможно отрицать, что он был очень привлекателен, приятен, непринужден, мил и вежлив. Ум его был воспитан на художественной литературе, в первую очередь на поэзии. Он прекрасно говорил на французском и латыни, также знал немного из области философии и права, которые изучал в Орлеане».

¹²⁸⁷ Baum, I. 60-63.

¹²⁸⁸ Старое написание — Desnosze.

¹²⁸⁹ Например, персонажей, упоминаемых там, они восприняли как реальных, в то время как эти персонажи вымышленные.

потому что там жил его близкий друг Жан Креспен, один из свидетелей на его тайном браке, также бежавший по религиозным причинам, — и там жил Жан Кальвин.

Поэт Возрождения, блестящий, остроумный и свободный, Беза, вступив в реформатскую церковь, стал одним из главных ее деятелей и одним из вождей протестантизма¹²⁹¹.

§168. Беза в Лозанне. Петиции к немецким князьям

После того как Беза поприветствовал Кальвина, он первым делом сочетался церковным браком с Клодиной Деносс. Потом он стал искать занятие, которым мог бы зарабатывать себе на жизнь. Он хотел было заняться книгопечатанием вместе с Креспеном, но, вернувшись из поездки в Тюбинген к Вольмару, послушался уговоров Пьера Вире, который пригласил его, когда он проезжал через Лозанну, 6 ноября 1549 г., стать профессором греческого языка в тамошней академии¹²⁹², где оказался весьма полезен и пользовался большим влиянием. Он проявил свое рвение и знание Библии, читая публичные лекции по Посланию к римлянам и по посланиям Петра. Он продолжал оставаться поэтом и деятелем Возрождения, но только в религиозном и необычном смысле (если понимать возрождение как рождение свыше), продолжил перевод псалмов, начатый Клеманом Маро, и опубликовал драму, построенную по классической схеме, о жертвоприношении Авраама¹²⁹³. Все эти произведения были на французском языке.

В Лозанне Беза заболел чумой. Кальвин писал об этом Фарелю 15 июня 1551 г. и так отзывался о характере Безы: «Я не был бы человеком, если бы не отвечал любовью тому, кто любит меня как брата и уважает как отца. Но меня еще больше волнует утрата, которую понесет церковь, если в расцвете сил его вдруг заберет смерть, потому что я вижу в нем человека, чей живой дух, благородные, честные манеры и открытость мышления сделали его дорогим для всех праведников. Но я надеюсь, что он вернется к нам в ответ на наши молитвы».

Лозанна тогда была подчинена Берну. Поэтому она особо была заинтересована в союзе Берна с Женевой, и когда он был возобновлен в 1557 г., после годового перерыва, Беза посчитал это очень своевременным. Весной 1557 г. начались гонения на соседних вальденсов, и, уполномоченные немецким клиром и с особого разрешения Берна, Беза и Фарель начали совершать поездки по всей Швейцарии и к протестантским князьям Германии в интересах гонимых. Они хотели призвать протестантов объединиться и обратиться с ходатайством к королю Франции. Тогда Безе было тридцать восемь лет, и он восемь из них успешно проработал преподавателем и проповедником. Таким образом, он был зрелым человеком со сформировавшейся репутацией. Но выбор его в качестве посла был еще более удачным благодаря его аристократическим манерам и знакомству с придворной жизнью. Он охотно принял поручение, так как оно подходило ему. Беза отпра-

¹²⁹⁰ Он путешествовал под именем Тибо де Мэ. Так у Нерре, стр. 20.

¹²⁹¹ Покинув Францию по причине протестантских убеждений, он был приговорен к смерти парламентом Парижа, и вся его собственность была конфискована государством (31 мая 1550 г.). Особым королевским указом его имущество вернули ему в 1564 г., хотя в то время он и возглавлял реформатскую церковь Франции. См. Baum, I. 66 sq.

¹²⁹² Его коллегой на кафедре латинского языка был выдающийся Франсуа Отман (по-латыни Отоман), который позже основал школу права в Женеве.

¹²⁹³ Ее разыгрывали студенты академии Лозанны и других учебных заведений, и она была переведена на несколько языков.

вился в первое из своих многочисленных путешествий, которые оказались уникальными и бесценными для французского протестантизма.

Два эти делегата производили благоприятное впечатление везде. Они особенно понравились лютеранам, хотя те сначала с настороженностью отнеслись к двум поклонникам и последователям Кальвина. Но когда Беза и Фарель вернулись, радуясь тому, что выполнили свой замысел и протестантские князья и кантоны объединятся и будут просить французского короля за преследуемых вальденсов, — увы! — их призвали к ответу за то, что в Геппингене 14 мая 1557 г. они сформулировали свое учение о евхаристии в выражениях, отражающих моменты, по которым существовало согласие, и умалчивающих о пунктах, по которым возникали разногласия¹²⁹⁴. Но такое их решение служило интересам мира. И они правильно рассудили, что было бы позором обречь свое христианское предприятие на провал из-за пустых споров. Но *odium theologicum* вынудил соратников, остававшихся дома, обвинить их в предательстве истины! Однако Кальвин выступил в защиту Безы, и споры быстро утихли.

Почти сразу же стало видно, как мало пострадала от этого репутация Безы вообще и, по крайней мере, в глазах могущественного Кальвина.

Вечером 4 сентября 1557 г. триста или четыреста протестантов Парижа, спойно собравшихся на улице Сен-Жак для совершения вечера Господней, были схвачены толпой и, с оскорблениями и побоями, отведены в тюрьму. Их судьба взволновала протестантов всего мира, и Беза с несколькими товарищами опять был послан в протестантские кантоны, чтобы просить у них помощи, как раньше. Так как князья быстрее обещали, чем выполняли обещания, он был послан туда и на следующий год. Но Генрих II обращал мало внимания на прошения протестантских государств.

§169. Беза в Женеве

В 1558 г. в Женеве было учреждено высшее учебное заведение, и Безу позвали туда, по предложению Кальвина, в качестве преподавателя греческого языка. К сожалению Вире и его коллег, он согласился. Он принял это решение по разным соображениям. Главным из них было его желание избежать неприятностей, возникших из-за введения Вире женевской церковной дисциплины, которое привело к ссоре с Берном, патроном Женевы, и из-за недопониманий, вызванных его попытками заключить союз между протестантами. А может, еще больше он руководствовался желанием работать рядом с Кальвином, которого он так уважал и учение которого он решительно и искренне отстаивал. Он был с почетом отпущен в Женеву и получил рекомендации для женевских братьев. Когда 5 июня 1559 г. открылась академия, он стал ее ректором. Так, на сороковом году жизни, он поселился там, где ему было суждено жить до конца и заниматься делом своей жизни. С тех пор он постоянно трудился вместе с Кальвином, и хотя он часто совершал дальние путешествия, Женеве всегда была в его сердце.

По совету Кальвина Беза получил гражданство Женевы, а вскоре после этого (17 марта 1559 г.) стал пастором одной из городских церквей¹²⁹⁵. Каждая новая должность только усиливала его рвение и демонстрировала его новые способности. Академия и община процветали под его неусыпной заботой, и Кальвин счи-

¹²⁹⁴ См. текст в Ваум, I. 405-409.

¹²⁹⁵ Пьер Вире последовал за ним в Женеву 13 января 1559 г. и был одним из его коллег-служителей.

тал своего нового соратника просто бесценным. Потом вновь пригодились его дипломатические способности. Анн дю Бург, президент Парижского парламента, смело объявил о своей протестантской вере перед Генрихом II и был арестован. Когда Кальвин узнал о случившемся, он отправил Безу к электору Палатината Фридриху III, чтобы вовлечь в это дело могущественного князя. В результате электор пригласил Дю Бурга преподавать право в его университете в Гейдельберге. Но это ни к чему не привело. Дю Бург был осужден и казнен 23 декабря 1559 г.

Вскоре после возвращения Беза опять был послан с поручением, 20 июля 1560 г. Но на этот раз ситуация была совсем иная. Принц Конде, лишенный власти Гизами, бежал в Нерак. Он хотел привлечь на сторону протестантов своего брата, Антуана де Бурбон-Вандома, короля Наваррского. Кальвин уже, письмом, произвел некоторое впечатление на этого нерешительного и слабого короля, но Конде посоветовал брату послать за Безой, который своим красноречием и придворными манерами просто очаровал короля, заявившего, что больше не станет слушать мессу и сделает всё, чтобы помочь протестантизму. Однако рвение его было недолгим. Как только прибыл его брат, кардинал де Бурбон, он и его королева, Жанна д'Альбре, позже искренне обратившаяся в протестантизм, отравились слушать мессу в монастырь Кордельер в Нераке. Беза, видя, что Антуан не устоит и вернется под знамена католической партии, тихо покинул его 17 октября и, после многих опасностей, вернулся в Женеву в начале ноября. Путешествие заняло три недели, и по большей части он проделал его по ночам¹²⁹⁶.

§170. Беза на диспуте в Пуасси

Теперь все французские реформаторы считали Безу выдающимся оратором и следующим после Кальвина богословом. Он достиг такого положения, оказав много полезных услуг. Поэтому когда королева-мать Екатерина пожелала провести диспут между французскими прелатами и самыми учеными протестантскими служителями, парижские пасторы, при поддержке принца Конде, адмирала Колиньи и короля Наваррского, умоляли Безу приехать и доверили ему бразды правления. Сначала он отказался. Но когда его стали звать снова, более настойчиво, он отправился в путь и 22 августа 1561 г. опять был в Париже, впервые после своего поспешного бегства в октябре 1548 г., тринадцать лет назад. Предварительное слушание состоялось в знаменитом замке Сен-Жермен-ан-Лэ, на Сене, в нескольких милях от Парижа. Беза явился туда 23 августа. Вечером того же дня его позвали в апартаменты короля Наваррского и, в присутствии королев-матери и других высокопоставленных лиц, он участвовал в первом обсуждении с кардиналом Лорреном. Темой спора было пресуществление. Кардинал не мог сравниться с Безой и, после слабой защиты, уступил, сказав, что разногласия не должны мешать примирению. Во вторник 9 сентября 1561 г. участники диспута собрались в трапезной женского монастыря в Пуасси, примерно в трех милях от города¹²⁹⁷. Вскоре стало очевидно, что настоящих дебатов не будет. У католической партии были все преимущества, и они вели себя как судьи¹²⁹⁸.

¹²⁹⁶ Baum, II. 122. К сожалению, рассказ Безы об этом утрачен.

¹²⁹⁷ Baum, II. 168-419, Нерре, 104-148, Baird (*Rise of the Huguenots*), I. 493-577, приводят полные, точные и интересные рассказы о знаменитом диспуте в Пуасси, к которым мы и отсылаем читателя. Здесь мы расскажем об этом очень кратко.

¹²⁹⁸ Были отвергнуты совершенно справедливые требования протестантов, чтобы епископы не бы-

Было сразу понятно, что решение будет в пользу католической партии, какими бы ни были доводы. Но Беза и его соратники участвовали в дебатах и смело защищали свои позиции. Первым делом они встали на колени и Беза помолился, начав свою молитву с исповеди грехов, которая использовалась в женевской литургии Кальвина. Потом он сообщил собранию о вопросах, по которым они были согласны и не согласны, и его внимательно слушали, пока он не заявил, что тело Христово так же далеко от хлеба евхаристии, как небеса от земли. Тогда прелаты разразились криками: «*Blasphemavit! blasphemavit!*» («Он богохульствовал!») — и поднялся шум. Беза ответил на это замечанием о духовном присутствии Христа в евхаристии, которое должно было успокоить всех, но шум не позволял его услышать. Однако королева-мать настояла на том, чтобы Безу выслушали, и он договорил до конца. Гугеноты решили, что одержана победа, но католики распространили слух о том, что противники были с легкостью побиты. Прелаты попросили изложить им доводы письменно и только 6 сентября ответили на них. Выступал кардинал Лоррен. Протестантам не дали права голоса, хотя они были готовы ответить тут же.

24 сентября состоялась третья встреча, но уже в маленькой комнате аббатисы, а не в большой трапезной. Четвертое заседание было 26 сентября. Диспут превращался в беспорядочные споры, и его совершенная бесполезность была всем очевидна. Королева-мать, правда, тешила себя надеждой на возможное соглашение и серьезно старалась его добиться, но напрасно. Ее устремления показали, насколько расплывчатыми были ее собственные религиозные представления.

Беза оставался в Сен-Жермене до начала ноября¹²⁹⁹, а потом, утомленный и столкнувшийся с угрозой серьезно заболеть, он искал отдыха в Париже. Здесь его посетил старший сводный брат, и он получил впечатляющее и нежное письмо от своего отца, который узнал, каких почестей добился его сын, простил его за упорство в ереси и выразил желание его видеть. Беза поехал в Везелей, но по пути встретил курьера с сообщением о том, что он нужен протестантам немедленно, чтобы помочь им справиться с кризисом, так как во всех областях Франции начались акты насилия. И Беза, который всегда подчинял личную жизнь общественным обязанностям, вернулся в Париж. Больше у него не появлялось возможности навестить своего отца¹³⁰⁰.

§171. Беза как советник у гугенотов

20 декабря было созвано собрание знати, в том числе представителей от каждого из парламентов, князей и членов совета, чтобы принять какое-нибудь хотя бы временное решение в связи с религиозными вопросами. Но собралось оно только в январе 1562 г. И 17 января был принят знаменитый закон, известный как «январский эдикт», признавший за гугенотами отдельные права, главным из

ли одновременно судьями и участниками спора, чтобы вопросы решались только на основании Слова Божьего на языках оригинала и чтобы постановления считались принятыми, только если они подписаны секретарями обеих сторон. Протестантские служители, которых было двенадцать, все — выдающиеся люди, были отделены загородкой от прелатов и придворных, как преступники в суде.

¹²⁹⁹ Его поездка продлилась дольше, чем предполагалось, из-за просьб короля Наваррского, Конде и Колиньи. Нерре, 161.

¹³⁰⁰ См. трогательный рассказ об этих событиях в Нерре, 158-61.

которых было право собираться для поклонения днем и за городскими стенами¹³⁰¹. Отобранные у них церкви им не вернули и запретили строить другие.

Беза посоветовал протестантам согласиться с эдиктом, хотя эдикт не давал им так уж много прав, и они послушались.

27 января 1562 г. он опять был в Сен-Жермене по приказу Екатерины, чтобы спорить с католическими богословами об использовании образов и поклонении святым. Как и раньше, протестанты и католики не приходили к согласию, и беседа не привела ни к чему, разве что показала, что мнения протестантов обоснованны. Однако они продолжали надеяться на мир, пока новость о том, что 1 марта герцог Гиз перебил сотни беззащитных протестантов в Васси, где они мирно молились в амбаре, не вызвала всеобщее сильное негодование. Двор тогда находился в Монсо, и Беза явился туда в качестве депутата от протестантов Парижа, чтобы требовать от короля Наваррского наказания за это вопиющее нарушение январского эдикта. Королева-мать выслушала просьбу милостиво и обещала посодействовать, но король ответил резко и возложил всю вину на протестантов, которые, как он заявил, спровоцировали нападение, бросаясь камнями в герцога Гиза. «Тогда, — сказал Беза, — он должен был наказать только тех, кто бросал камни». И добавил памятную фразу: «Сир, подлинный удел церкви Божьей, от имени которой я говорю, — сносить удары, а не наносить их. Но соблаговолите помнить и о том, что одна наковальня может пережить много молотов»¹³⁰².

Началась гражданская война, в которой Конде были на одной стороне, а Гизы на другой. И Беза, против своего желания, оказался в нее вовлечен.

В разгар борьбы, 25 апреля, в Орлеане состоялся третий синод реформатской церкви. Беза был там, и на улицах пели псалмы в его переводе.

20 мая 1562 г. принц Конде дал памятный ответ на петицию Гизов, в которой говорилось, что король Карл примет активные меры, чтобы уничтожить ересь в своих владениях. На самом деле этот ответ был делом Безы и шедевром логики и красноречия¹³⁰³.

Необходимость найти союзников побудила Конде послать Безу в Германию и Швейцарию. Сначала Беза поехал в Страсбург, потом в Базель, и наконец, в пятницу, 4 сентября, прибыл в Женеву. Какой оживленной должна была стать беседа между ним и Кальвином! Как радовались многие его друзья вновь приветствовать вождя французского протестантизма!

Беза вернулся к прежнему образу жизни. Прошли две недели, и он только начал спокойно осуществлять свои планы, связанные с академией и церквями Женевы. Но прибыл верховой гонец от д'Андело, брата Колиньи, и посол от немецких князей, сообщившие о первых столкновениях во Франции. Сначала Беза хотел остаться дома. Он не думал, что его присутствие среди гугенотских войск необходимо, но Кальвин призвал его ехать. Он поехал и следующие семь месяцев провел с гугенотской армией. Он был казначеем и занимался раздачей милостыни. Он был с Конде во время битвы в Дрё 19 декабря 1562 г., когда Конде был взят в плен. Безу упрекали в том, что он принял активное участие в сраже-

¹³⁰¹ Baird, I. 576 sq.

¹³⁰² *Sire, c'est a la vérité a l'Eglise de Dieu, au nom de laquelle je parle, d'endurer les coups, et non pas d'en donner. Mais aussi vous plaira-t-il vous souvenir que c'est une enclume qui a usé beaucoup de marteaux.* Цит. в Baird, II. 28; см. также Baum, II. 567.

¹³⁰³ Баум говорит (II. 642), что его с уверенностью можно причислить к самым красноречивым трудам на французском языке. И Бэрд (II. 61) соглашается с этим мнением.

нии. Действительно, Беза скакал в первых рядах, но отрицал, что наносил кому-либо удары. Он был в гражданской одежде. Потом он отправился в Нормандию вместе с Колиньи. Ожидавшаяся помощь от Англии не пришла, и было решено послать его в Лондон. Беза так устал от военной жизни, что твердо намеревался из Лондона сразу вернуться в Женеву. Но мирный договор от 12 марта 1563 г., по которому был освобожден Конде, привел к концу военных действий, и Безе не пришлось ехать в Англию.

Этот неожиданный поворот событий был вызван печальным происшествием. 18 февраля 1563 г. герцог Гиз был убит бедным фанатиком-гугенотом, который под пытками обвинил Безу в том, что тот подстрекал его к этому, обещая ему рай и высокое место среди святых, если его казнят за его поступок¹³⁰⁴. Позже сам человек, который возвел эту клевету, отрицал ее, но Беза посчитал себя обязанным ответить на нее официально. Он призвал всех в свидетели, что никогда не предлагал принимать против покойного герцога какие-либо меры, кроме законных. Что же касается обещания, он сказал, что слишком хорошо знает Библию, чтобы обещать кому-либо рай в награду за какие-либо дела¹³⁰⁵.

Когда наступил мир, Беза смог вернуться домой. Но на сердце у него было печально, потому что дела во Франции были весьма неудовлетворительны. Однако, оставшись там, он ничего бы не добился, так что, выслушав благодарности и похвалу гугенотских лидеров за свои бесценные услуги на поле боя, в лагере, в зале совета и на богослужебных собраниях, окруженный командирами гугенотской армии, проповедниками и знатью, Беза, под возгласы и вздохи, покинул Орлеан во вторник, 30 марта 1563 г. В воскресенье перед этим он прочитал последнюю проповедь, в которой выразил свое разочарование в связи с мирным договором, принесшим гугенотам так мало пользы¹³⁰⁶.

На обратном пути он проехал через Везелей. Его отец уже умер, но, должно быть, воспоминания детства делали это место дорогим для него. Здесь он узнал, что его жена в безопасности, в Страсбурге, вместе с тещей Конде. Прежде чем двигаться дальше, он приехал к ней, и вместе они отправились домой, куда прибыли 5 мая 1563 г.¹³⁰⁷

Когда они были в пути, то знали, что постоянно подвергаются опасности, однако они не знали, что враги подстерегают их в Нидерландах. Но на самом деле ситуация развивалась именно так. В июне того года в Брюсселе прошел слух, что Беза поссорился с Кальвином и не вернется в Женеву. Маргарита Пармская, тогда бывшая регентшей Нидерландов, захотела совершить нечто замечательное и приказала, если Беза въедет в ее владения, взять его живым или мертвым, а

¹³⁰⁴ Baum, II. 711; Baird, II. 105.

¹³⁰⁵ Baum, II. 714, 716.

¹³⁰⁶ Baird, II. 118.

¹³⁰⁷ Баум говорит о его служении во Франции: «Он отсутствовал двадцать два месяца. Это были самые утомительные и самые опасные, но и самые плодотворные месяцы в его жизни. В это время он, смело и с достоинством, ученым и проницательным образом, с силой убеждения и покоряющим красноречием, проповедовал Евангелие и прославлял имя Христа перед князьями и королями. Как мы подробно описали в своем труде, посреди неустанной борьбы с неразумными или слабовольными друзьями, окруженный коварными и могущественными врагами, часто самым дерзновенным образом рискуя жизнью, он стал одним из величайших вождей, помогших реформатской церкви Франции добиться свободы совести, которая была меньшей, чем могла бы быть, но все-таки гарантировалась законом». Этими словами Баум (II. 731) завершает свой авторитетный, но, увы, незаконченный труд о Безе.

тому, кто делает это, обещала тысячу флоринов. Но Беза, напротив, отправился в Женеву самой короткой дорогой¹³⁰⁸.

§172. Беза как преемник Кальвина, до 1586 г.

Безу тепло принял Кальвин, который был уже на пороге смерти. Не было другого человека, совету которого великий реформатор мог бы так доверять. По мере приближения момента своей кончины он всё больше и больше полагался на Безу. Их дружба была основана на уважении и привязанности и никогда не прекращалась. Их отношения напоминали отношения Цвингли и Буллингера и были весьма полезны для церкви.

Конечно, Беза прекрасно понимал, что должен занять место Кальвина, так что год, который он провел с Кальвином перед его смертью, был годом подготовки к новым обязанностям. Наконец Кальвин умер. Беза руководил похоронами, а вскоре после этого написал ставшую классической биографию своего покровителя, друга и предшественника. Городской совет выбрал его преемником Кальвина. Совет достопочтенных (так называлось сообщество пресвитеров Женевы) избрал его своим руководителем, и он оставался на этом посту до 1580 г., когда вынудил их разрешить ему удалиться. Так что он продолжал руководить делами города и церкви, как это делал Кальвин. Он проповедовал и читал лекции студентам. Он принимал беженцев из Франции и посетителей из других стран. Он давал советы и высказывал свое мнение по множеству проблем, которые возникали ежедневно. Он вел обширную переписку. И время от времени ему приходилось принимать участие в спорах и опровергать «еретиков», таких как Окино и Кастеллион, или же лютеран, таких как Андреа и Зельнекер.

Руководство страной не могло попасть в лучшие руки, потому что Беза, хотя он и не был таким выдающимся богословом и гением, как Кальвин, лучше него знал придворную жизнь и имел лучшие манеры. Он прекрасно подходил для роли хозяина, принимающего протестантских ученых и учеников, которые стекались в Женеву отовсюду. Так что богословская школа Женевы при нем стала самой знаменитой в мире, а маленький республиканский город стал практически столицей протестантизма континентальной Европы.

Он был постоянно занят общественными делами и нес свое бремя отважно и с верой, когда ему неожиданно пришлось решать деликатную проблему частного характера. В 1568 г. в Женеве разразилась чума, унесшая его сводного брата Николя¹³⁰⁹, который стал преемником его отца на посту бейлифа Везелея, стал гугенотом и приехал в Женеву как беженец вместе со своей женой Перреттой Триболе, когда Везелей попал в руки католиков. Он пробыл в городе всего несколько дней и умер. Беза посчитал необходимым отправиться в Бургундию, чтобы посмотреть, не может ли он спасти хотя бы часть наследства для двух своих племянников. Это путешествие повлекло за собой массу проблем, однако завершилось успешно.

В 1571 г., после перерыва в восемь лет, он опять был вызван во Францию, на этот раз Колиньи и молодым принцем Беарнским, для посещения седьмого национального синода реформатской церкви Франции, в Ла-Рошели. Совет достопочтенных не хотел с ним расставаться, но уступил после вмешательства синдиков

¹³⁰⁸ Baird, II. 388. В прокламации регентши Беза описывался как «человек среднего роста, с седой бородой средней длины и лицом вытянутым и широким».

¹³⁰⁹ Некоторые называют его Пьером.

республики. Самому Безе не хотелось ехать. Он отказывался от предыдущих приглашений, но кризис требовал авторитетно выразить взгляды швейцарских церквей по поводу предлагаемых реформ церковной дисциплины, так что он поехал. Синод заседал со 2 по 17 апреля. Беза был выбран председателем. Было составлено пересмотренное вероисповедание, был дан решительный ответ на устремления светских властей к большему контролю. По пути обратно в Женеву он принял участие и в другом синоде, в Ниме, в частности, опроверг противников установленной дисциплины.

В Варфоломеевскую ночь, в воскресенье 24 августа 1572 г., в Париже было перебито очень много протестантов, и в течение последующего дня подобные ужасы продолжались в разных районах Франции¹³¹⁰. 1 сентября первая группа беженцев, многие из которых были ранены, появилась в Женеве. Был объявлен день поста и молитвы, и Беза призывал своих швейцарских слушателей неуклонно оказывать всю необходимую помощь пострадавшим братьям. В Женеве было собрано четыре тысячи ливров и оказывалась помощь толпе страдальцев¹³¹¹.

В 1574 г. Беза встретился с Генрихом Конде в Страсбурге, а потом вел переговоры, закончившиеся тем, что Иоанн Казимир пришел гугенотам на помощь со своей армией.

Но городские власти не всегда считали советы Безы осмотрительными. Они больше боялись риска, который навлекал на себя город, поддерживая гугенотов. Так, в декабре 1574 г. Беза поддержал военный поход на Макон и Шалон, а городские власти дипломатично, но твердо вызвали его и сообщили, что он не должен поступать столь неосторожно¹³¹².

26 ноября 1580 г. мирный договор во Флексе на некоторое время прекратил вражду во Франции. Беза проявил смелость и верность, написав протестантскому правителю королю Генриху Наваррскому письмо, в котором откровенно сообщал, что сам король и его двор нуждаются в реформировании. Уважение к реформатору доказывается тем, что король благосклонно принял упрек, хотя, со свойственным ему легкомыслием, реформ не проводил¹³¹³.

§173. Беседы Безы с лютеранами

Ожесточенные богословские споры лютеран и реформатов давно уже были проблемой. В молодости Беза уже нажил себе неприятности, пытаясь свести разногласия к минимуму, но в старости предпринял еще одну попытку. Граф Фридрих Вюртембергский, лютеранин, но сторонник примирения, созвал конференцию в Монбельяре (или Мемпельгарде), городе в своих владениях, где было много беженцев-гугенотов, с которыми лютеране не хотели брататься. Граф надеялся, что дискуссия с участием вождей той и другой сторон поможет решить проблему. Так что он позвал Безу, лучшего защитника кальвинизма. 21 марта 1586 г. конференция началась. На ней было затронуто много вопросов, но она ни к чему не привела. Беза продемонстрировал похвальную склонность к примирению, но Андреа, вождь лютеран, в духе Лютера на знаменитой Марбургской

¹³¹⁰ Общее количество убитых исчисляется примерно равным тридцати тысячам человек. См. монографию Henri Bordier: *La Saint-Barthélemy et la critique moderne*. Genève et Paris, 1879.

¹³¹¹ Нерре, 248. Baird (II. 554-557) ярко описывает, как в Женеве принимали беженцев, и доказывает, что этим город навлек на себя месть Карла IX.

¹³¹² Baird, *The Huguenots and Henry of Navarre*, I. 50.

¹³¹³ Baird, *ibid.*, I. 213 sq.

встрече с Цвингли (1529), отказался пожать Безе руку, когда они прощались (29 марта)¹³¹⁴.

Недовольный результатами встречи, Беза покинул Монбельяр другой дорогой, чтобы навестить немецкие дворы, снова призвав их потребовать от Франции, чтобы та восстановила права поклонения для гугенотов. Мирный договор во Флексе действовал недолго, и страна опять жила среди ужасов гражданской войны.

За конференцией в Монбельяре последовала бернская встреча 15 — 18 апреля 1588 г., на которой лютеранскую и кальвинистскую стороны представляли, соответственно, Самуил Губер, пастор Бургдорфа, близ Берна, отъявленный полемист, и Беза. Это было последнее появление Безы на публичном диспуте, и герой стольких словесных битв вновь одержал победу. Фактически, победа была более решающей, чем обычно, так как бернский совет обвинил Губера в том, что тот неправильно понимает Безу и кальвинизм в целом.

Беза покинул Женеву в печали, потому что его верная и любимая жена только что умерла, а когда он вернулся, то нашел общественные дела в критическом положении. Городские власти из-за состояния городской казны старались как можно больше экономить. Они убрали из академии двух профессоров и собирались сократить еще кого-нибудь. Беза знал, что эти крайние меры, скорее всего, повредят системе образования, так что он, несмотря на старость и слабость, начал читать полный курс богословия и, не получая жалования за эти дополнительные обязанности, выполнял их более двух лет, пока не закончился кризис.

§174. Беза и Генрих IV

За свою долгую жизнь Беза пережил немного радостей, если не говорить о постоянных радостях веры, и много скорбей. Он беспокоился о положении реформатской церкви во Франции, которое обычно было плохим. Он возлагал большие надежды на возвышение Генриха Наваррского (1589), потому что тот был протестантом. Но в начале лета 1593 г. до Женевы дошла весть, что король, который очень легкомысленно относился к вопросам религии и морали, в интересах мира и национального процветания решил отречься от протестантской веры. Это было крахом всех надежд! Беза был очень расстроен и обратился к монарху в письме, сообщая о вечных последствиях того шага, который собирался сделать король¹³¹⁵. Но он был уверен, что Генрих сможет освободиться от влияния своих собственных и их общих врагов и не совершит роковой ошибки. Однако еще до получения письма от Безы король выполнил намеченное. В церкви древнего аббатства в Сен-Дени утром в воскресенье 25 июля 1593 г. король Генрих Наваррский, сын Жанны д'Альбре, единственный гугенот, когда-либо восходивший на престол Франции, отрекся от своей веры и торжественно поклялся защищать римскую католическую и апостольскую веру.

Беза был очень огорчен этим отступничеством. Но когда он узнал, что Генрих оказывал много милостей бывшим собратьям по вере, а особенно когда в 1598 г. Генрих выпустил Нантский эдикт, который поставил протестантов Франции почти в равные условия с католиками, то стал с большей надеждой смотреть на короля. В 1599 г. король, в ходе войны против Карла Эммануила, приблизился к

¹³¹⁴ Нерре, 287. Андреа не хотел приветствовать Безу как брата по вере, однако предложил пожать ему руку в знак любви, как всякому другому человеку — но женевский реформатор сразу же отказался от такого снисхождения. Baird, *ibid.*, I. 401.

¹³¹⁵ См. письмо в Нерре, 294-299.

Женева. Город воспринял это событие как возможность получить от короля обещание о защите, особенно против герцога Савойского, который выстроил форт Святой Екатерины прямо напротив Женевы. Для этого город послал делегацию во главе с Безой, и беседа между монархом и реформатором была уважительной с обеих сторон. Король охотно дал обещание, и на следующий год форт был разрушен. Он также приезжал в Женеву и был там гостеприимно принят.

§175. Последние дни Безы

Жизнь Безы приближалась к концу. Годы стали для него серьезным бременем. Постепенно он лишался сил. Он частично утратил слух. Память стала такой плохой, что остались только воспоминания о прошлом, в то время как недавние события не запоминались. В течение шестидесяти пяти лет он был невероятно крепок и почти никогда не болел, а теперь вдруг ослаб. И тогда он разумно начал отказываться от обязанностей, которые так долго выполнял. В 1586 г. он перестал читать ежедневные проповеди и до 1600 г. проповедовал только по воскресеньям. В 1598 г. он перестал преподавать в академии и продал свою библиотеку, отдав часть вырученных средств, которые оказались немалыми, жене, а часть — бедным. В 1600 г. он совершил последнее публичное выступление в академии и прочитал последнюю проповедь — единственную проповедь, произнесенную в XVII веке реформатором XVI века¹³¹⁶.

Иногда прежние силы возвращались к нему. Например, когда он ответил на нелепый слух о том, что он уступил уговорам Франциска Сальского и поехал в Рим. Факты же были такими: Франциск приехал в Женеву в 1597 г., чтобы обратиться к Безе. Ему было тридцать лет, он был очень ревностным, талантливым и во многих других случаях добивался успеха. Но старый реформатор не уступил ему, хотя и вежливо выслушал. Истощив свои доводы, священник подумал, что сработает аргумент денег, и предложил Безе от имени папы ежегодное жалование в четыре тысячи золотых крон — в два раза больше, чем стоимость всего его личного имущества! Это было кульминацией разговора, и Беза попросился с ним, ответил вежливым, но саркастическим и решительным упреком: «Ступайте, сир. Я слишком стар и глух, чтобы расслышать такие слова»¹³¹⁷.

Однако откуда-то пошли слухи, что Беза якобы уступил. Говорили, что Беза и многие другие бывшие женевские протестанты едут в Рим, чтобы перейти на сторону папы. Говорили даже, по какой дороге они поедут, и однажды вечером в середине сентября 1597 г. верующие Сиены ждали у ворот своего города, чтобы поприветствовать великого человека! Но он почему-то не приехал. Говорили даже, что Беза умер, но перед смертью примирился с церковью и принял елеосвящение.

Когда друзья Безы слушали эти рассказы, они только улыбались. Но Беза решил, что ему надо убедительно доказать два факта: во-первых, что он не умер, и во-вторых, что он остается протестантом строжайшей кальвинистической школы. Так что, в своей прежней манере, он опроверг ложь с помощью едкой эпиграммы.

¹³¹⁶ Нерре, 307. (Это утверждение Шаффа довольно спорно, поскольку исторический век, как и человеческий, заканчивается не тогда, когда начинается сотый год, а тогда, когда исполняется сто полных лет и начинается сто первый год. То есть проповедь была прочитана еще в XVI веке.)

¹³¹⁷ *Ibid.*, 314.

Когда в 1600 г. Франциск хотел устроить публичный диспут с женевцами, Беза, зная, как бесполезны подобные диспуты, запретил его. И тогда разнеслись слухи о том, что реформаторы боятся столкнуться со своими оппонентами!

Былой поэтический талант вернулся к нему, когда Женеву посетил король Генрих IV, о чем мы уже упоминали. Это была поэма из шести строф, *Ad inclytum Franciae et Navarrae regem Henricum IV* («Знаменитому королю Франции и Наварры Генриху IV»). «Это была его последняя, лебединая песня»¹³¹⁸.

Утомленный опасной и полной волнений жизнью, Беза давно уже ждал вечного покоя. Он совершил свое поприще, сохранил веру и готов был принять свой венец. Он умер в воскресенье 13 октября 1605 г.

В завещании¹³¹⁹ Беза приказал похоронить себя на общественном кладбище Плен-Пале, где был похоронен Кальвин, рядом с останками своей жены. Но поскольку савайцы угрожали увезти его тело в Рим, то по приказу городских властей он был похоронен в часовне собора Св. Петра в Женеве.

Из шести великих реформаторов континентальной Европы — Лютера, Меланхтона, Цвингли, Буллингера, Кальвина и Безы — Беза был самым утонченным и соответствовал самым высоким требованиям своей эпохи. Он был энергичен и не всегда мягок, но он был способен беседовать с придворными, шутить с остроумцами, проявлять классические знания, не уступая лучшим ученым эпохи. Однако это были для него лишь средства, которые он ценил, так как они помогали ему добиться цели, а его великой целью было сохранение реформатской церкви Женевы и Франции.

Его общественная жизнь была необычной. Как апостол Павел, он мог бы сказать: «Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратьями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквях» (2 Кор. 11:26-28). Воистину, это было блестящее служение разностороннего человека. Под его бдительным руководством Женева наслаждалась миром и процветанием, академия развивалась и ее студенты повсюду проповедовали Слово. Он также созидал реформатскую церковь Франции. В лице своего ученика и друга Кальвин воскрес и в некоторых отношениях стал смелее.

Приятно узнать и о семейной жизни Безы. Такие люди, как он, редко счастливы в семье. Но Беза сорок лет провел в любви и верности с женой своей юности. У них не было детей, но его отеческие чувства проявились в усыновлении племянницы его жены, Женевьевы Деносс, которую он очень тщательно воспитывал, а также в отеческой заботе о детях его брата. Может быть, на домашний характер этого человека указывает то, что через год после смерти жены (1589), по совету друзей, он женился на Катрин дель Пиано, вдове одного женевца. Он также удочерил ее внучку. Вероятно, он не бедствовал. Во всяком случае, судя по завещанию, его имущество было немалым.

¹³¹⁸ Нерре, 310.

¹³¹⁹ Полностью приведено в переводе на немецкий в Нерре, 304-306.

§176. Произведения Безы

Имя Безы всегда будет самым почетным образом связано с библейской ученостью. Для многих исследователей эта ученость — единственная причина помнить о нем. Каждый, кто что-нибудь знает об унциальных рукописях греческого Нового Завета, слышал про *Codex Bezae*, а тот, кто знает историю печатного текста Нового Завета, слышал об изданиях Безы и его переводе на латынь с примечаниями. Кодекс Безы, известный как D в списке унциальных рукописей, а также как *Codex Cantabrigiensis*, — это рукопись Евангелий и Деяний, изначально — также соборных посланий, которая относится к VI веку¹³²⁰. Писал этот кодекс, похоже, галл, не знающий греческого. Беза достал его в монастыре Св. Ириней, в Лионе, когда город был разграблен бароном Адрецом в 1562 г., но не использовал его в своем издании греческого Нового Завета, потому что рукопись сильно отличается от других, подкрепленных древними латинскими и сирийскими текстами. Он подарил рукопись Кембриджскому университету в 1581 г., и сейчас ее можно видеть там в библиотеке среди величайших сокровищ.

Беза владел также унциальной рукописью посланий Павла, также VI века. Как он нашел ее, неизвестно. Он говорит только (предисловие к третьему изданию его Нового Завета, 1582), что она была обнаружена в Клермоне, рядом с Бове, Франция. Возможно, это еще один военный трофей. После его смерти она была продана и наконец попала в Королевскую (ныне Национальную) библиотеку Парижа, где и находится сейчас¹³²¹. Ее Беза использовал. Эти рукописи хранились вместе с очень древним переводом на латынь.

Беза заслуживает особого упоминания среди выдающихся издателей греческого Нового Завета. Он выпустил четыре издания греческого текста Стефана, ин-фолио: 1565, 1582, 1589, с латинским переводом, латинской Вульгатой и примечаниями. Он также выпустил несколько изданий ин-октаво с латинским переводом и краткими примечаниями на полях (1565, 1567, 1580, 1590, 1604)¹³²².

Для английских исследователей Библии особый интерес представляет тесная связь Безы с Авторизованным переводом. Те, кто готовил пересмотренное издание Перевода короля Иакова, не только пользовались изданиями Безы, но и его латинскими переводами с примечаниями. Но до того времени он уже повлиял на авторов Женевского перевода (1557 и 1560), а этот перевод неизбежно повлиял на Авторизованный. Без сомнения, Беза был лучшим европейским толкователем конца XVI века, так что влияние его латинского перевода и примечаний в целом было благотворным. Но следует признать также, что он ответственен за многие неправильные прочтения и толкования Авторизованного перевода¹³²³.

¹³²⁰ Очень подробное описание приведено в Scrivener, *Introduction to the Criticism of the New Testament*, 3^d ed., 120-127; см. также Gregory, *Prolegomena in N. T. Tischendorfianum ed. viii maior*, 369-374; Schaff, *Companion to the Greek Testament*, 122-124.

¹³²¹ Более подробное описание см. в Scrivener, *ibid.*, 163-166; Gregory, *ibid.*, 419-422.

¹³²² Schaff, *ibid.*, 237-238, и его же трактат *Revision of the N. T.*, p. 28 sq.

¹³²³ Покойный Эзра Аббот, исследователь Библии, по просьбе доктора Шаффа очень тщательно сопоставил разные издания Безы и Авторизованный перевод и обнаружил, что «Авторизованный перевод следует тексту Безы 1589 г. против Стефана, 1550 г., примерно в девяноста случаях и идет со Стефаном против Безы примерно в сорока, а примерно в тридцати — сорока случаях, когда наблюдаются отклонения незначительного характера, он отходит от того и другого». Schaff: *The Revision of the English Version of the New Testament*, New York, 1873 (Introduct., p. xxviii). См. также Farrar, *History of Interpretation*, p. 342, note 3.

Беза был главным богословом реформатской церкви после Кальвина. Кано-ник Каннингем¹³²⁴ указывает на ту роль, которую Беза сыграл в переходе от оригинального кальвинизма к его схоластической форме, жесткой и механической, и тем самым неосознанно подготовил путь для арминианства — великой реакции против кальвинизма, поскольку Арминий учился в Женевской академии при Безе. Беза представил в форме таблицы любопытную богословскую схему и опубликовал ее в своих *Tractationes* (о них ниже), а также в комментарии *Summa totius Christianismi sive description et distributio causarum salutis electorum et exilii reprobatorum, ex sacris literis collecta et explicata* (стр. 170 и далее). Геппе приводит репринт этой таблицы.

Главный труд, изданный Безой, хотя и не подписанный им, — его знаменитая и бесценная *Histoire ecclesiastique des Églises Réformées au royaume de France*, изначально выпешдая в Антверпене в 1580 г., 3 тома ин-октаво. Лучшие ее издания — Баума (ум. в 1881), Куница (ум. в 1886) и Родольфа Ройсса, Париж, 1883 — 1889, 3 тома. Ученые прекрасно знают, что в первые четыре тома в основном вошли выдержки из трудов современников, особенно из «Истории мучеников» Креспена и из «Истории Французского государства», приписываемой Ренье де ла Плансе, но без указания источников. В издании, о котором мы говорим, этот недостаток исправлен. Похоже, Беза получал документы из всех частей Франции в ответ на запрос синода к церквям изложить свою историю для потомства и составлял их вместе, добавляя автобиографический материал, но при этом ему помогали и другие люди, а потому он скромно не указал своего имени как автора книги.

«Жизнь Кальвина» Безы была написана на французском и тут же переведена на латынь им самим (Женева, 1565). Это ценный, точный и полный симпатии портрет великого реформатора, написанный человеком, который близко знал и сильно уважал его. В предыдущих главах нашей истории мы постоянно его использовали. Это лучшая из биографий реформаторов того периода.

Беза выпустил также сборник под заглавием *Tractationes theologicae* (Geneva, 1570, 2^d ed. 1582, 3 vols. folio). Туда вошли его главные очерки, в том числе *De haereticis a civili magistratu puniendis, adversus M. Bellium* (I. 85-169), который мы уже анализировали. Первая часть была перепечатана в 1658 г. под новым заглавием: *Opuscula, in quibus pleraque Christianae religionis dogmata adversus haereses nostris temporibus renovatas solide ex verbo Dei defenduntur*.

В 1573 г. Беза опубликовал интересный том переписки по богословским вопросам, *Epistolarum Theologicarum*. Он включил туда письма к разным лицам, датированные с 1556 по 1572 г. Сборник напечатан мелким курсивом и был так популярен, что уже в 1597 г. в Ганновере вышло третье издание. Но в рукописях существует гораздо больше посланий, чем вошло в сборник.

В 1577 г. Беза выпустил *Lex Dei, moralis, ceremonialis, et politica, ex libris Moysis excerpta, et in certas classes distributa*. Это просто классификация законов Пятикнижия, без примечаний и комментариев, очевидно, выпущенная с верой в то, что закон Моисея по-прежнему обязателен для исполнения.

В 1581 г. Беза, вместе с Дано и Сальнаром, выпустил *Harmonia Confessionum Fidei*, которая должна была способствовать единству христиан евангельских церквей¹³²⁵.

¹³²⁴ См. его *Reformers* (pp. 345-413), упомянутую в начале главы.

¹³²⁵ Schaff, *Creeeds*, I. 354; II. 193 sqq.

Мы уже упоминали о том, что Беза был поэтом. Его *Poëmata*, Paris, 1548, обычно называемая *Juvenilia*, состоит из эпиграмм, эпитафий, элегий и буколик. Они классические по стилю и эротические по чувствам, но не такие порочные, как пытается заставить нас думать Бользек. Его «Жертвоприношение Авраама», о котором мы уже упоминали, было написано на французском (Женева, 1550) и переведено на итальянский (Флоренция, 1571), на английский (Лондон, 1577) и на латынь (Женева, 1597). Оно было вновь издано вместе с *Poëmata* в Женеве в 1597 г. Более важен его перевод псалмов, которым он довершил то, что начал Клеман Маро. Перевод был сделан по просьбе Кальвина, публиковался частями и был закончен в Женеве в 1560 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРА О РЕФОРМАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

См. список литературы в §58; и Schaff, *Creeds of Christendom*, vol. I, 490 sq.

Лучшие библиотеки по истории протестантизма во Франции находятся в Париже (Société de l'histoire du Protestantisme français, 54 rue des Saint-Pères), в Женеве, Цюрихе, Базеле и Страсбурге. Самые важные труды — в библиотеке Богословской семинарии Союза в Нью-Йорке.

I. ИСТОРИЯ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЦЕРКВИ ВО ФРАНЦИИ

*A. L. HERMINJARD: *Correspondance des Réformateurs dans les pays de langue française*. Genève and Paris, 1866 — 1886. 7 vols. С 1512 по 1542. Продолжение следует.

*Переписка Кальвина с 1528 г. до его смерти в 1564 г., в его *Opera*, vols. X-XX.

[*THEODORE BEZA]: *Histoire ecclésiastique des églises réformées au royaume de France*, от начала Реформации до первой гражданской войны (1521 — 1563). Anvers, 1580, 3 vols.; Toulouse, 1882, 2 vols.; лучшее издание — Baum, Cunitz, Rodolphe Reuss, с обширными комментариями и библиографическими примечаниями. Paris (Fischbacher), 1883 — 1889, 3 vols. Часть *Les Classiques du Protestantisme français, XVIe, XVIIe, et XVIIIe siècles*, выпущено под покровительством Société de l'histoire du Protestantisme français.

Раньше этот труд приписывали Безе, но на самом деле он — компиляция из нескольких анонимных авторов, которые работали под руководством Безы. Некоторые фрагменты дословно позаимствованы из «Матирологии» Креспена. Сенебьер считает, что первая часть была подготовлена Безой, а остальные две — под его руководством. См. Soldan, I. 88; Нерре, *Theod. Beza*, p. 382 sq.; *La France Prot.* (2^d ed.), II. 535; и особенно *notice bibliographique*, etc., Ройсса в третьем томе издания Баума.

*JEAN CRESPIN (друг Безы и издатель из Женевы, ум. в 1572 г.): *Livre des martyrs (Acta Martyrum)*, depuis le temps de Wiclif et de Jean Hus jusqu'à présent, 1554. Латинское издание: *Acta Martyrum*, или *Actiones et Monumenta Martyrum*, etc. 1st ed. 1556. Расширенное издание — Genève, 1619, 2 vols. fol.; Amsterd., 1684. Несколько французских, латинских, голландских, английских и немецких изданий. См. Polenz, *Gesch. des franz. Calvinismus*, I. 723-735, и *La France Protest.*, IV. 885-910. Самое позднее и лучшее издание озаглавлено *Histoire des martyrs persecutez et mis à mort pour la vérité de l'Évangile depuis le temps des apostres jusqu'à présent* (1619), Toulouse, 1889. 3 vols. 8vo. С примечаниями, и т. д., автор M. Lelièvre.

FLORIMOND DE RAEMOND (католик): *L'histoire de la naissance, progrès et decadence de l'herésie de ce siècle*. Paris, 1610.

LOUIS MAIMBOURG (иезуитский историк и полемист, 1620 — 1686): *Histoire du calvinisme*. Paris, 2^d ed., 1682, 2 vols. 12mo. Он представляет кальвинизм как прямую дорогу к атеизму. По его мнению (I. 110), учение Кальвина «разрушает представления о Боге, то есть ведет прямой дорогой к атеизму».

PETER JURIEU (протестантский историк и полемист, 1637 — 1713): *Histoire du Calvinisme et celle du Papisme mises en parallèle, ou apologie pour les réformateurs, pour la réformation, et pour les réformez*. Rotterdam, 1683. 3 vols. Ответ Мембуру. Он писал также против Боссюэ.

PIERRE BAYLE (скептик): *Critique générale de l'histoire du calvinisme*. Rotterdam, 1684.

Епископ BOSSUET: *Histoire des variations des églises protestantes*. Paris, 1688. 2 vols. Несколько изданий и переводов, но труд не исторический, а полемический и пристрастный. Самый талантливый французский труд против протестантизма. Доводы в основном связаны с расколами и изменениями внутри него.

- *ELIE BENOIT (1640 — 1728): *Histoire de l'Édit de Nantes*. Delft, 1693 — 1695. 5 vols. 4to.
Переведена на английский и голландский. Первый том — до смерти Генриха IV в 1610 г.; тома II, III и IV — до 1683 г.; т. V — до 1688 г.
- SERRANUS (JEAN DE SERRES, историограф Франции, 1540 — 1598): *Commentarii de statu religionis et reipublicae in regno Galliae*, 1571 — 1580 (пять частей).
- THEOD. AGRIPPA D'AUBIGNÉ (ALBINAUS), гугенот на службе Генриха IV; умер в Женеве в 1630 г.): *Histoire universelle* (с 1550 до конца XVI века). Maillé, 1616 — 1620. 3 vols. Amsterd. (Geneva), 1626, 2 vols. Также в его *Oeuvres complètes*, Paris, 1873.
- PHILIPPE DU PLESSIS-MORNAY: *Mémoires*. Paris, 1624 — 1625, 2 vols. 4to; Amsterd., 1651. *Mémoires et Lettres*. Paris, 1824. 12 vols. Морне — самый успешный и влиятельный знатный протестант своего века, плодовитый автор, воин, дипломат и государственный деятель, который жил при шести режимах, от Генриха II до Людовика XIII. — Мадам Du PLESSIS-MORNAY: *Mémoires et Correspondance*. Paris, 1868. 2 vols. О жизни ее мужа.
- JEAN AYMON (ум. в 1712 г.): *Tous les synodes nationaux des églises réformées de France*. La Haye, 1710. 2 vols. 4to.
- *JOHN QUICK (ученый нонконформист, умер в 1706 г.): *Synodicon in Gallia reformata; or the Acts, Decisions, and Canons of the National Councils of the Reformed Churches in France*. London, 1692. 2 vols. fol. (с историей церкви до 1685 г.). Более точен, чем Эмон.
- E. A. LAVAL: *Compendious History of the Reformation in France... to the Repealing of the Edict of Nantes*. London, 1737 — 1741. 7 vols. 8vo.
- W. S. BROWNING: *A History of the Huguenots*. 1829 — 1839. 3 vols. 8vo. Репринт в Филадельфии (Lea & Blanchard), 1845.
- EDWARD SMEDLEY (ум. в 1836 г.): *History of the Reformed Religion in France*. London, 1832 — 1834. 3 vols. 12mo. Репринт — New York (Harper & Bros.).
- CHARLES COQUEREL (1797 — 1851): *Histoire des églises du Désert chez les Protestants de France depuis la fin du règne de Louis XIV jusqu'à la révolution française*. Paris, 1841. 2 vols. 8vo. New ed. 1857.
- N. PEYRAT: *Histoire des pasteurs du Désert*. Paris, 1842. 2 vols. 8vo.
- GUILL. DE FÉLICE (профессор в Монтобане, умер в 1871 г.): *Histoire des protestants de France*. Toulouse, 1851; с дополнением F. Bonifas, 1874. Английский перевод Lobdell, 1851. Его же: *Histoire des synodes nationaux des églises réformées de France*. Paris, 1864.
- C. DRION: *Histoire chronologique de l'église protestante de France jusqu'à la Révocation*. Paris, 1855. 2 vols. 12mo.
- *W. G. SOLDAN: *Geschichte des Protestantismus in Frankreich bis zum Tode Karl's IX*. Leipzig, 1855. 2 vols. *Frankreich und die Bartholomäusnacht*, 1854. Его же, перевод Charles Schmidt: *La France et la St. Barthélemy*. Paris, 1855. 147 pp.
- E. STÄHELIN: *Der Uebertritt Heinrich's IV. Basel*, 1856. (Переход Генриха IV в католичество был продиктован политическими и патриотическими соображениями: он хотел сохранить трон, дать мир Франции и свободу гугенотам).
- *G. VON POLENZ: *Geschichte des französischen Calvinismus bis zur Nationalversammlung i. J. 1789, zum Theil aus handschriftl. Quellen*. Gotha, 1857 — 1869. 5 vols. 8vo.
- *EUGENE and ÉMILE HAAG (братья): *La France protestante*. Paris, 1856 sqq. 10 vols.; второе, пересмотренное издание, выпущено под руководством Société de l'histoire du Protestantisme français и Анри Бордье, Paris (Sandoz et Fischbacher), 1877 sqq. Биографии известных гугенотов в алфавитном порядке. Очень важный труд. Пока (до 1888 г.) 6 томов. (Шестой том заканчивается на Гаспарене.)
- E. CASTEL: *Les Huguenots et la Constitution de l'église réformée de France en 1559*. Paris and Geneva, 1859. 16mo.
- J. M. DARGAUD: *La Liberté religieuse en France*. Paris, 1859. 4 vols. 8vo.
- H. DE TRIQUETI: *Les premiers jours du Protestantisme en France depuis son origine jusqu'au premier synode national de 1559*. Paris, 1859. 16mo (302 pp.). Популярный труд.
- HENRI LUTTEROTH: *La Réformation en France pendant sa première période*. Paris, 1859. 8vo (233 pp.).
- *MERLED'AUBIGNÉ: *Histoire de la Réformation en Europe au temps de Calvin*. Paris, 1862 — 1878. Английский перевод — William L. R. Cates. London (Longmans, Green, & Co.), 1863 — 1878. 8 vols. (Переиздано Carters, New York). Этот великий труд освещает период до 1542 г. и охватывает Реформацию во французской Швейцарии, Франции, Англии, Шотландии и Испании. Автор хотел довести его до смерти Кальвина, 1564 г., но умер (1872), не закончив его.
- H. WHITE: *Massacre of St. Bartholomew*. London, 1868. 8vo. New York, 1868.

- F. PUAUX: *Histoire de la Reformation française*. Paris, 1868. 7 vols. 12^m.
- W. M. BLACKBURN: *Admiral Coligny and the Rise of the Huguenots*. Philadelphia, 1869. 2 vols. 8vo.
- ADOLPHE SCHAEFFER: *Les Huguenots du seizième siècle*. Paris, 1870 (331 pp.).
- *W. HENLEY JERVIS: *A History of the Church of France, from the Concordat of Bologna, a. d. 1516, to the Revolution*. London, 1872. 2 vols. 8vo, pp. xxiv, 476, xi, 452.
- FELIX BOVET: *Histoire du psautier des églises réformées*. Neuchâtel, 1872.
- *O. DOUEN: *Clément-Marot et le Psautier Huguenot*. Paris, 1878 sq. 2 vols. (à l'imprimerie nationale). Очень важный труд об истории поклонения французской реформатской церкви, с историей Маро и его отношений с Кальвином. Второй том содержит *les harmonistes du Psautier*, обсуждение влияния Реформации на музыку, псалмы Гудимеля и французскую библиографию о Псалтири.
- O. DOUEN: *Les premiers pasteurs du Désert (1685 — 1700) d'après des documents pour la plupart inédits*. Paris (Grassart), 1879. 2 vols. 8vo.
- *HENRI BORDIER: *La Saint-Barthélemy et la critique moderne*. Genève and Paris, 1879 (116 pp., с иллюстрациями).
- JULES DELABORDE: *Gaspar de Coligny, Amiral de France*. Paris (Fischbacher), 1879. 3 vols.
- *HENRY M. BAIRD (профессор университета Нью-Йорка): *History of the Rise of the Huguenots of France (1515 — 1574)*. New York, 1879. 2 vols. 8vo. *The Huguenots and Henry of Navarre (1574 — 1610)*. New York, 1886. 2 vols. 8vo. *The Edict of Nantes and its Recall*. В «Commemoration of the Bi-centenary of the Revocation of the Edict of Nantes» (Oct. 22, 1885), издании Американского общества гугенотов. New York, 1886.
- E. MUHLENBECK: *Claude Rouget. Une église Calviniste au XVIme siècle (1551 — 1581). Histoire de la communauté réformée de Ste-Marie-aux-Mines (Alsace)*. Paris and Strasbourg, 1881 (515 pp.). 8vo.
- H. BAUMGARTEN: *Vor der Bartholomäusnacht*. Strassburg, 1882 (263 pp.).
- Барон KERVYN DE LETTENHOVE: *Les Huguenots et les Gueux (1560 — 1585)*. Bruges, 1883 — 1885. 6 vols. Содержит современную историю Нидерландов. Очень пристрастная книга.
- EUGÈNE BERSIER (реформатский пастор из Парижа, умер в 1889 г.): *Coligny avant les guerres de religion*. Paris, 1884.
- ERNEST GAULLIEUR (сотрудник архива из города Бордо): *Histoire de la réformation à Bordeaux et dans le ressort du parlement de Guyenne*. Bordeaux and Paris, 1884 sqq. Первый том освещает период 1523 — 1563.
- THEO. SCHOTT: *Die Aughebung des Ediktes von Nantes im Oktober, 1685*. Halle, 1885. 8vo.
- [LÉON PILATTE]: *Édits, Déclarations et Arrêts concernant la religion prétendue réformée, 1662 — 1751, précédés de l'Édit de Nantes*. Paris, 1885.
- *L. AGUESSE (ум. в 1862): *Histoire de l'établissement du Protestantisme en France contenant l'histoire politique et religieuse de la nation depuis François Ier jusqu'à l'édit de Nantes*. Paris, 1886. 4 vols. Труд, изданный посмертно после двадцати лет работы, издали его Charles Menetrier и Mme. Menetrier, née Aguesse.
- *EDMOND HUGUES: *Antoine Court. Histoire de la restauration du Protestantisme en France*, Paris, 4th ed. revised, 1875, 2 vols. — *Les Synodes du Désert. Actes et règlements des synodes nationaux et provinciaux tenus au désert de France de l'an 1715 à l'an 1793*. Paris (Fischbacher), 1885 — 1886. 3 vols. Дополнение к первому тому — 1887 г.
- N. WEISS (библиотекарь и редактор Бюллетеня истории французского протестантизма): *La chambre ardente, étude sur la liberté de conscience en France sous François Ier et Henri II (1540 — 1550) suivie d'environ 500 arrêts inédits, rendus par le parlement de Paris de Mai 1547 à Mars 1550*. Paris, 1889 (432 pp.). 8vo.
- PHILIP SCHAFF: *History of the Edict of Nantes*. Речь перед Американским обществом гугенотов, 21 марта 1889 г. New York, 1890.
- *CHARLES DARDIER: *Paul Rabaut: Ses lettres à Antoine Court (1739 — 1755)*, Paris, 1884, 2 vols.; и *Ses Lettres à Divers (1744 — 1794), avec préface, notes et pièces justificatives*. Paris, 1892. 2 vols.
- **Bulletin historique et littéraire*. Ежемесячное издание, которое публикует Société de l'histoire du Protantisme français. Paris (54 rue des Saints-Pères), 1853 sqq. (39e année, 1890). Содержит исторические исследования и важные документы XVI, XVII и XVIII века.

II. ОБЩАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

FRANCISCUS BELCARIUS PEGULIO (BEAUCAIRE DE PEGUILLON, епископ Меца): *Rerum Gallicarum Commentarii ab anno 1461 ad annum 1580*. Lugd., 1625 fol. 1026 pp. Решительный анти-кальвинист.

Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France, в Pantheon littéraire, J. A. Buchon. Paris, 1836 — 1838. 8 vols.

Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France, Petitot, Michaud, and Poujoulat. 1re serie, tom. VI. Paris, 1839.

*THUANUS (JACQUES AUGUSTE DE THOU, 1553 — 1617): *Historiarum sui temporis libri 138*, 1546 — 1607 (несколько изданий, в 5, 7 и 16 томов). Автор умеренный католик, был свидетелем Варфоломеевской ночи и помогал в подготовке Нантского эдикта. Его история была помещена в Index Expurg. 1609, но пережила папский приговор.

LACRETELLE: *Histoire de France pendant les guerres de religion*. Paris, 1814 — 1816. 4 vols.

SIMONDE DE SISMONDI: *Histoire des Français*. Par. 1821 — 1844. 31 vols. 8vo (с vol. XVI).

*JULES MICHELET (1798 — 1876): *Histoire de France*. 1833 — 1862 (новое издание 1879). 14 vols. (Vols. IX, *La Renaissance*; X, *La Réforme*; XI, *Les Guerres de Religion*).

Сэр JAMES STEPHEN: *Lectures on the History of France*. 1857, 3^d ed. 2 vols.

*LEOP. V. RANKE: *Französische Geschichte namentlich im 16 und 17 Jahrh.* Stuttgart and Tübingen, 1852 — 1868; 3^d ed. 1877. 6 vols. (Часть переведена на английский, London, 1852. 2 vols.)

*HENRI MARTIN: *Histoire de France depuis les temps les plus reculés jusqu'en 1789*. Paris, 1837; 4th ed. 1854 — 1878. 17 vols. (vols. VIII-X).

*BORDIER and CHARTON: *Histoire de France*. Paris, 1858, 1872; новое издание 1881. 2 тома с многочисленными иллюстрациями. Очень точные сведения о протестантской Реформации.

III. ИСТОРИЯ ГУГЕНОТСКИХ БЕЖЕНЦЕВ

CHARLES WEISS (профессор в лицее Бонапарта, умер в 1881 г.): *Histoire des réfugiés Protestants de France depuis la revocation de l'édit de Nantes jusqu'à nos jours*. Paris, 1853. 2 vols. Английский перевод — W. H. Herbert. London and New York, 1854. 2 vols.

SAMUEL SMILES: *The Huguenots, their Settlements, Churches, and Industries in England and Ireland*. London, 1867 (Am. ed. with Appendix by G. P. Disosway, New York, 1867).

W. H. FOOTE (пастор пресвитерианской церкви в Ромни, Западная Вирджиния): *The Huguenots; or, Reformed French Church; their principles delineated; their characters illustrated; their sufferings and successes recorded. In three parts. I. The Huguenot in France, at home. II. The Huguenot dispersed in Europe. III. The Huguenot at home in America*. With an Appendix. Richmond, 1870, pp. xx, 627.

DAVID C. A. AGNEW (из Независимой церкви Шотландии): *Protestant Exiles from France in the Reign of Louis XIV; or, the Huguenot Refugees and their Descendants in Great Britain and Ireland*. 2^d ed. (исправленное и расширенное), 1871 — 1874. 3 vols. 3^d ed. (переработанное и сильно расширенное), история франкоговорящих беженцев в указанных королевствах. London and Edinburgh, 1886. 2 vols., pp. 457, 548.

R. LANE POOLE: *A History of the Huguenots of the Dispersion at the Recall of the Edict of Nantes*. London, 1880.

CHARLES W. BAIRD (брат Henry M. B.): *History of the Huguenot Emigration to America*. New York, 1885. 2 vols.

Барон F. DE SCHICKLER (президент Общества истории французского протестантизма): *Les églises du refuge en Angleterre*. Paris, 1892. 3 vols. (pp. 431, 536, 432).

HENRY TOLLIN (служитель гугенотской церкви в Магдебурге): *Geschichte des hugenottischen Refuges in Deutschland; Geschichte der französischen Colonieen der Provinz Sachsen*, Halle, 1892; *Geschichte der französischen Colonie von Magdeburg*. Magdeburg, 1893. 3 vols.

Geschichtsbblätter des Deutschen Hugenotten-Vereins. Magdeburg, 1892 sq. (Десять номеров, до 1893 г.) Исторические очерки о гугенотских церквях в Германии.

The Proceedings of the HUGUENOT SOCIETY OF LONDON, выпущено три тома ин-октаво (1885 — 1892), которые содержат много важных исторических документов. Публикации того же общества в шести томах ин-кварто выходили до 1891 г. В томе VI есть доклады венецианских послов из Франции, 1560 — 1563.

Bulletin de la Commission de l'Histoire des Églises Wallonnes. The Hague. Вышло пять томов 8vo (1885 — 1892). Содержит много статей по истории французского протестантизма.

Публикации HUGUENOT SOCIETY OF AMERICA. New York, 1886 sqq.

Lichtenberger, *Encyclopédie des Sciences Religieuses* (13 vols.), содержит много хороших статей о французском протестантизме, особенно vol. V, 186-191.

Указатель имен

- Аарау 128,493
 Ааргау 13,73,87,90,130,134,155
 Аббот, Эзра 528
 Абунданций 94
 Аванш 158
 Август 92
 Августин 28,30,35,51,57,67-69,138,167-169,172,185,187,189,203,212,217,243,283,288,290,304,327,329-330,335-338,340-342,345-346,348-349,355,358,361-364,368-369,371,376,382,428,452,454,471,482-485,508
 Авентин 83
 Аверроэс 444
 Авиньон 43,178,377
 Авиценна 444
 Агрикола 410
 Адам, Микаэль 51
 Адда 107
 Адлишвейлер 135
 Адрец 528
 Адриан VI 28,31,65,104,256,370
 Азимо 94
 Алансон 157
 Александр, Уильям Лэндсей 189
 Александр IV 292
 Александр VI 256
 Александр Саландроний 95
 Алеманния 15,87
 Алкуин 207
 Аллен, Джон 213
 Альба 429,495-496
 Альбан 141
 Альбер, Матфей 63,409
 Альберт Прусский 100,103,124,137
 Альбертини, Иоганн Баптист фон 93,99
 Альбрехт Бранденбургский 375
 Альбул 92
 Альдин 85
 Альдус 42
 Алькала 330
 Альпы 92-93,106,124
 Альчати, Андреа 197
 Альчати, Джанпаоло 390,404-406,481
 Амадис Галльский 307
 Амальфи 195
 Амвросий 30,138,203,305,336-337,377,428,481
 Амелия 396
 Амербах, Бонифаций 85-86,403,483
 Амиро, Мозе 177,358
 Амо, Пьер 309,311-312,319
 Амсдорф 203,263,337,414
 Амьен 377
 Ангальт 408
 Ангронь 158
 Ангулем 207-208,424
 д'Андело 521
 Андреа, Валентин 104,170,323,410,523-525
 Андреа, Якоб 323
 Анжер 377
 Анжест, Шарль де 194,199
 Аннеси 149,160,383
 Анри, Поль 150,173-174,182,199-200,249,264,302,370,422,446,448,478-479,504,508
 Ансельм Кентерберийский 221
 Ансийон, Фредерик 179
 Антверпен 529
 Антоний 377
 Аоста 221
 Аполлинарий 451,453
 Аппенцелль 13,57,60,62,87,90,114,128,130,155
 Арагон 437
 д'Аранд, Мишель 157,233
 Аретино, Пьетро 396
 Арений, Бенедикт 406
 Аристид 69,124
 Аристотель 37,199,211,216,330,336,484
 Арканзас 130
 Арминий 181,478,491,529
 Аридт, Иоганн 323
 Арней 464-465
 Арнулле, Балтазар 450,463,465-466
 Аррас 280
 д'Артиньи 447,464
 Асканьо Колонна 398
 Аспер, Ганс 37
 Аугсбург 79,110,118-119,144,399-400,434,438,484
 Аул Геллий 330
 Ауссергоден 90
 Афанасий 104,454
 Афина 30
 Аффельтен 23
 Ашбах 88
 Ашер 351,498
 Аэбли, Ганс 83
 Аэнарий 89
 Баар 114,126,128
 Бавария 57,73,443
 Бавьер 93
 Баден 45,72-76,80-82,90,154
 Базель 13-16,18,20-21,25-27,31,35,37-38,44-47,50-51,53,57,62,73-75,77-87,89,95,97-100,103,109,111,113-114,124,126,128,130,140-144,150,155,157,172,183,188-189,204-205,209-211,221-222,224-225,227,229-230,272-275,277-279,303,308,328-330,350,374,382-383,385-391,393,399-402,404,406,409,436,439,442,450-451,465,467,475,477,481,483-485,488-489,493,512,521,531
 Байрон 154
 Бакстер, Ричард 186,355
 Балар 291,298
 Балтимор 75,323,430
 Бальбани 389
 Бальбул, Ноткер 88
 Банкрофт, Джордж 6,170,189,325
 Баретта, Паула 107
 Барлоу 137
 Басса, Антон 107
 Баттлер 227
 Баум 147,184,236,388,514,521-522,529,531
 Баур 24,33,60,62,64,113,212,451-452,508
 Беарн 163,208
 Беверидж, Генри 255,336
 Бедрот, Якоб 239,244,273
 Без, Николя де 515
 Без, Пьер де 515
 Беза, Теодор 6,8,16-17,19,78,88,103,131,136,144,148-150,152,156,163,167,169,174-175,186,188,194-195,197-198,200,202,205-208,210,220-222,226,229-230,239,253,263,266,274,277-278,280-281,293,302,310,313,315,317,319-320,330,344-345,357,366,369-370,373,381-389,404,409-410,414,417,421,424,436,468,478,481-482,484-486,488,490-492,497,499-501,503-511,514-531
 Безансон 153,158,253,377
 Бейель, Вернер 134
 Бейль, Пьер 150,177,210,384,437,485
 Бекер 244
 Беккария 109
 Беллармин 419,501
 Белле, Дю 316
 Беллий, Мартин 388-389,464,482,484-485
 Беллинзона 108
 Бембо 171,253,386,396
 Бемер 92,101
 Бенгель 328
 Бенедетто де Мантова 101
 Бенедикт XIV 419
 Бензигер 129
 Бенно 130
 Бенрат 101,394-395,399-400
 Бербенно 108
 Бергамо 103
 Бергер 114
 Беренгар 368,416
 Берильи 163

- Берн** 13, 15, 18, 25, 35, 37, 42-44, 57, 62, 72-76, 78, 80, 82, 87-88, 90, 93, 103, 111-115, 120-121, 126, 128-130, 135, 143-144, 147, 152-155, 158-161, 163, 198, 222, 227-230, 233, 236, 254, 269-274, 276, 279, 291, 296, 303, 311, 316, 319, 321, 350, 368, 381-384, 392, 403-406, 409, 422, 436, 469, 475-477, 481, 483-484, 488-489, 493, 506, 517-518, 525
- Бернар Клервоский** 256, 336, 514
- Бернар, Жак** 271, 276, 298, 302
- Бернардино из Сиены** 248
- Бернегг** 91
- Берри** 202
- Берсьер, Эжен** 171
- Бертелье, Филибер** 153-154, 196, 309, 311, 318-321, 468, 470, 473-474
- Берто** 204
- Бесте, Жакоб** 450
- Бехтольд** 20
- Биандрата** 390, 404-406, 481
- Библиандер, Теодор** 50-51, 135, 137, 139, 329, 392, 404, 410
- Биверони, Якоб** 98
- Биенн** 158
- Билликан** 63, 80
- Биль** 13, 16, 31, 112, 114, 143-144, 158
- Бирш-Пфайффер, Шарлотта** 132
- Бифрун (Биверони)** 98
- Блазий** 95-97
- Бланше, Пьер** 277-278
- Бланшроз, Клод** 163
- Блаурер, Амвросий** 322, 435, 468, 477
- Блаурер, Дительм** 89
- Блаурер, Томас** 62, 65, 76, 110, 139, 205, 239, 404
- Блаурук, Георг** 56, 58-60, 62, 95
- Блондель, Давид** 104
- Блумер** 83
- Блунтшли** 115, 120, 128
- Бове, Феликс** 266, 512, 515, 528
- Боверий** 398
- Богемия** 17, 103, 112, 125, 144, 443
- Бодуэн, Франсуа** 265, 280, 425, 435, 507
- Бокеи, Пьер** 366, 414
- Боккаччо** 207
- Болонья** 78, 197, 397, 438, 442
- Бользек, Жером Эрме** 6, 148-150, 173-174, 178, 193, 196, 201, 220, 302, 308-309, 313, 319, 324, 339, 349-350, 352, 369, 372, 381-384, 386, 388, 393, 422, 426, 436, 445, 447, 464, 473, 476, 501, 503-504, 509, 514, 530
- Бом, Пьер де ла** 153, 253, 261, 270
- Бомберг** 329
- Бомон, де** 159
- Бонивар, Франсуа** 153-154, 164-165, 227, 275, 308, 316, 319, 490
- Бонифаций III** 400
- Бонифаций VIII** 297
- Бонмон** 275
- Бонн** 152, 310, 312, 317
- Бонне, Жюль** 101, 150, 205, 220, 261, 263-265, 384, 393, 488
- Бонне, Шарль** 491
- Бордез, Жак** 505
- Бордые, Анри Л.** 384, 532
- Бормио** 91, 93-94, 100, 106, 155
- Борromeo, Карл** 106
- Борхаус** 404, 481, 484
- Босстард, Маркс** 59
- Боссюэ** 118, 171, 177, 190, 211, 424, 429, 492, 531
- Бочер, Джоан** 436
- Бранденбург** 109, 493
- Бре, Гвидо де** 496
- Брегалля** 92, 99-100, 103, 390
- Бредерод, Йолунда де** 384
- Бредли, Иоганн (Паникул)** 56
- Брейтингер, Иоганн Якоб** 20, 51, 139
- Бремгартен** 37, 113, 121, 128-129, 134-135
- Бремен** 408, 415, 417
- Бренц** 80, 105, 244, 337, 374, 382, 403, 410, 415, 441, 484-485
- Бретшнейдер** 488
- Бриджпорт** 150
- Брисонне, Гильом** 157, 237
- Британия** 94
- Брутгбах, Ганс** 59
- Брузио** 94, 107
- Брук, Иоганн фон** 481
- Брукс, Филлипс** 34
- Бруннен** 5, 14, 126
- Бруннер, Фридолин** 28, 86
- Бруно, Джордано** 430
- Брунсфельд, Отто** 484
- Брюнсвик** 147
- Брюссель** 127, 495, 522
- Буа, Мишель дю** 210, 272, 367
- Бугенгаген** 63
- Буксторф, Иоганн** 142
- Буллинггер, Иоганн Генрих** 16-18, 20-22, 24, 28-29, 31, 36-37, 42, 47, 51, 53, 60-62, 64-65, 67, 74, 89, 95, 97-99, 103-105, 109, 113, 115, 119, 121-125, 130, 133-140, 142-144, 167, 189, 209, 227, 230, 233, 236, 240, 289, 321, 329, 341, 366, 368-369, 374, 382-385, 387-388, 390, 392-395, 398, 401-404, 406-410, 415, 417, 420, 434, 436, 439, 468, 476, 480-481, 483-485, 487-488, 492, 503, 511, 523, 527
- Бунгенер, Феликс** 6, 180, 324, 491, 510
- Бунзен** 491
- Буньян** 355
- Буоль** 93
- Бурбон** 519
- Бурбон-Вандом, Антуан де** 519
- Бург, Анн дю** 519
- Бургауэр** 76
- Бургдорф** 525
- Бургонь, Жак де** 384
- Бургуин** 264
- Бургундия** 5, 316, 384, 514-515, 523
- Бурдело, Мари** 515
- Бурж** 196-198, 200, 202, 330, 377, 515
- Буркхард, Франц** 243
- Бурраж** 62
- Бусс** 85
- Буцер, Мартин** 29, 65, 75-76, 82, 110, 136, 141, 143, 158, 175, 194, 201, 203, 205, 209-211, 225, 231-233, 239-241, 243-246, 262, 268, 272-274, 277, 285, 329, 366, 374, 379, 381, 400-401, 408, 423, 434-435, 438-439, 441, 451, 460, 472, 485, 488, 493, 510-511
- Бэрд** 521
- Бюзантон, Давид де** 509
- Бюиссон** 484-485
- Бюр, Иделетт де** 263-265
- Бюхель** 60
- Вагнер** 60
- Ваденшвейль** 46, 56, 130
- Вадан** 25, 27, 44, 46, 50, 55, 65, 87-88, 97-98, 121, 398
- Вайнер** 328
- Вакернагель** 61
- Валанген** 13, 153, 158
- Вале** 155, 158
- Валерий Максим** 26
- Валерий Филарх** 104
- Валлас** 464
- Валленштадт** 25
- Валлис** 13, 93, 112, 114, 130
- Валтеллина** 91, 93-94, 100, 103, 106-108, 120, 130, 140, 155
- Валуа, Маргарита** 157
- Валь-Ришер** 150
- Вальдес, Хуан де** 101, 397, 399
- Вальдшут** 58, 62
- Ван Остерзее** 343
- Вандель, Клод** 468
- Вандель, Пьер** 148, 311, 318-319, 468
- Вартбург** 89, 299, 432
- Варшава** 391
- Василий** 372
- Вассеркирхе** 30, 132-133
- Васси** 521
- Ватабль** 491
- Ватикан** 126, 325, 373
- Ватт, Иоахим** 26, 76, 88, 121
- Ватцерол** 93

- Вебер** 105, 296
Везелей 514, 520, 522-523
Везен 25, 128
Вейлимдорф 24
Веймар 246
Вейнсберг 78-79
Вейсс 357, 359
Вейцсакер 104
Великобритания 18, 170
Вельтлин (Валтеллина) 100
Венгрия 17, 88, 112, 144, 443
Венделин 234
Венеция 28, 107, 329, 396, 450
Вергерий 95, 99-105, 109, 321, 389-390, 394, 399, 403-404
Вергилий 199, 330, 378, 491
Верль 314
Вермильи 105, 390
Вернли, Петр 314
Весли 202, 352, 419, 496
Вестфалия 443
Вестфаль 137, 173-174, 252, 366, 368, 406-412, 414-417, 494
Веттинген 121
Вехинген 392
Виганд 337, 414-415
Виклиф 131, 288, 429
Вико 389
Викосопрано 103
Вилланова 437
Вилльер 417
Вильгельм I 130, 233
Вильгельм Баварский 63
Вильгельм Оранский 495
Вильдхауз 25-26
Вильнев, Мишель де (Сервет) 442-443, 445, 447, 463-465, 472
Вилья-Нуэва 437
Вине 190
Винкелрид, Арнольд фон 155
Винсент, Евстахий 274
Вирджиния 534
Вире, Пьер 152, 154, 156, 160, 162-164, 166, 203, 224-225, 229, 244, 254-255, 261, 263, 265, 271, 273, 276-279, 281, 298, 302, 310, 313-318, 367, 399, 406, 447-449, 465, 488, 493, 506, 509, 511, 517-518
Вириц 109, 133
Висс, Г. фон 6-7, 19, 50, 83
Витикон 42, 56
Виттенбах, Томас 16, 26, 37, 78
Виттенберг 20, 35, 43, 55, 80, 89, 101, 127, 138, 158, 166, 181, 232-233, 243, 248, 250-251, 261, 299, 304, 366, 375, 380, 392-393, 417, 433, 484
Виттория Колонна 220, 395-396
Виченца 279
Вишер 77
Во 131, 155, 298
Воленберг, Г. 328
Вольмар, Мельхиор 197, 404, 515-517
Вольтер 178, 321, 376, 437, 485
Вольф, Иоганн 468
Вольфенбюттель 394
Вольфлин, Генрих 25
Вормс 56, 93, 100-101, 167, 239-240, 242, 246, 261, 271-273, 370, 410, 432
Ворчестер 325
Вуд, Бэзил 186
Вуллемин 21
Вьенн 15, 253, 420, 422, 424, 437, 442, 445-447, 449-450, 452, 463-466, 470, 472-473, 476-477, 480
Вюртемберг 51, 75, 82, 90, 103, 105, 244, 295, 323, 374, 415
Вюртембергское княжество 78
Гаага 422
Габерель 227, 314, 316
Габсбурги 14, 61, 108, 117
Гавацци 395
Гаген 198
Гагенау 241, 246, 420, 439
Гагенбах, Карл 36, 56, 79, 82, 92, 113, 134, 142, 183
Газе 437
Гаис 90
Гакеншмидт 415
Гален 444
Галилей, Галилео 419, 499
Галиффы 6, 147-150, 174, 196, 275, 308-309, 311, 315, 317, 319, 384
Галл 409, 414
Галлам 13, 188
Галлей 121, 418
Галлер, Бертольд 18, 21, 24, 43, 65, 73, 75-76, 90, 148, 158, 476, 493, 511
Галлиций, Филипп 95-98, 100, 103, 105
Гамалиил 482
Гамбург 24, 408-409
Гамильтон, Уильям 187
Ганновер 529
Гап 156-157, 162
Гарвей, Уильям 444
Гарда 102
Гарденберг, Альберт 413-414, 417
Гарнак 131, 169, 423, 437, 451
Гартманн 96
Гаспарен 532
Гастер 128-129
Гауда 385
Гауссер, Людвиг 170, 183
Гаффтер 108
Гвалтер, Рудольф 42, 46, 136-139
Гегенвальд 45
Гедион, Каспар 16, 65, 78, 110, 232-233, 239, 244, 273, 484
Гедли 26
Геер, Якоб 28, 84
Гейдельберг 21, 78, 106, 140, 152, 175, 183, 327, 332, 366, 390, 412-413, 415, 484, 519
Гейсшпослер 140
Гелдли, Георг 122
Гельдинг 374
Гельдра 263
Гельмих 181
Гельмштадт 414
Гельсингфорс 409
Генг 56
Генгштенберг 102
Геннегау 311
Генри, Мэтью 6-7, 296, 328, 488
Генрих II Французский 136, 163, 489, 518-519, 532
Генрих IV 154, 207, 429, 492, 503, 527, 532
Генрих VIII 136, 150, 198, 204, 207, 246, 294, 369, 400, 497
Генрих Брюнсвикский 369
Генрих Наваррский 492, 524-525
Гентилис (Джентиле) 405
Генуя 450
Георгенкирхе 104
Геппе 415, 529
Гепшинген 518
Геракл 69
Герборн 140
Гервасий 278, 302, 319
Гердер 323
Гердес 101, 181
Гердесий 370
Герике 437
Герисау (Аппенцель) 60, 90
Германн 110, 262
Германнсбург 322
Гермес Трисмегист 457
Герминьярд 6, 151, 173, 196, 198, 488
Гернлер, Лукас 77, 142
Геродот 14, 83, 491
Герольдсек, Дипольд фон 129
Геррлингер 24, 341
Геру, Гильом 450, 465-466
Герхард, Иоганн 182
Герц 63
Герцог, Ганс 62, 199, 437
Гесгузий, Тилеман 252, 366, 368, 413-417, 494
Гесс, И. Я. 82, 133
Гесс, Саломон 50, 88, 173
Гессгузен (Гесгузий) 414
Гессен 15, 120, 243, 374, 408
Гесснер 136, 139

- Гете 34, 83, 130, 171, 511
 Гетцингер 87
 Гефеле 7
 Гиббон 424, 428, 431
 Гиббонс 430
 Гибсон 421
 Гиз 220, 492, 521-522
 Гизелер 312, 324
 Гизо, Ф. Пьер Гильом 179, 199, 220, 510
 Гизы 519, 521
 Гильдебранд 58, 169, 174, 293, 297
 Гиппократ 444
 Гирцель 50
 Глайт 60
 Глареан 25, 27, 37, 65, 81, 83-86, 88
 Гларус 13-14, 25-30, 36, 83-86, 90, 93, 111, 113-115, 128-130, 155, 329
 Глостер 136
 Гогенланденберг, Гуго фон 15
 Годе, Фредерик 7
 Гойссер, Мета 124
 Голландия 6, 13, 170, 496
 Гольбейн 508
 Гомар 344
 Гомберг 43
 Гомер 26, 37, 317, 386, 491
 Гонорий I 430
 Горавиц 88
 Горащий 37, 199, 330
 Горнунг 500
 Госслар 415
 Гота 140
 Готтингер, Клаус 21, 45-46, 56
 Готтшалк 337
 Гофмейстер, Себастьян 44, 90, 96, 148
 Гоффман, Кристоф 484
 Гоффман, Мельхиор 452
 Гранвелла 243
 Грансон 14, 130, 155, 158
 Граубюнден 13, 91-100, 103, 105-109, 111, 114, 120, 125, 130, 144, 155, 389-390, 398, 403, 481
 Грациан 416
 Гребель, Конрад 54, 56, 58, 60-62, 89, 158
 Грей, Джейн 136
 Гренестон, Маттиас де 277
 Греню 147
 Грибальдо, Маттео 390, 403-406, 481
 Григорий I 336, 378
 Григорий VII 58, 507
 Григорий XIII 429
 Григорий Назианзин 168
 Григорий Нисский 71
 Гриджони 93
 Гринаус, Симон 81
 Гриндал 136
 Гриней 143, 209, 225, 229-230, 273, 328-331, 511
 Гроппер, Иоганн 243-244
 Гроссмонстер 35, 43, 47-48, 50, 56, 133, 135, 139-140
 Гроций 347, 426, 437
 Грюнвальд 61
 Грютли 5, 14, 21, 83
 Грюэ 302, 308, 313-316
 Гуарик, Люк 417
 Губель 128
 Губер 525
 Гуго Капет 154
 Гудимель, Клод 236, 239, 533
 Гулаз 275
 Гулер, Иоганн 96-97
 Гундвиль 90
 Гундесгаген 77
 Гуртер, Фридрих фон 90
 Гус 103, 288, 430
 Гут 54, 60
 Гутер 76
 Гуттен, Ульрих фон 27, 65, 75, 88
 Гюбмайер, Балтазар 54, 56-59, 62
 Гюг, Безансон 154
 Д'Аламбер 178
 Давос 93
 Дайер 6-7, 186, 208, 271, 302, 375, 422, 448, 464
 Далтон 409
 Дане, Пьер 198
 Даниэль, Франсуа 196-200, 211, 222, 318, 380
 Дания 136
 Данте 131, 346, 353, 378, 418
 Дантон 324
 Дарем 20, 203
 Дарлод 476, 478
 Де Галлар 373
 Де Жюсси 154
 Де Отмон 231
 Де Порта 91, 100
 Де Рив 161
 Де Ту 213
 Де-ла-Марш 195
 Де-Монтань 195
 Дебрецин 144
 Дезде 194, 205
 Делфиналь 465
 Дельзберг 78
 Дельфино 103
 Демосфен 26, 216, 491
 Денк, Ганс 56-57, 452
 Деносс, Женеви́ева 527
 Деносс, Клодина 514, 516-517
 Деперсан 207
 Деспевиль, Шарль 231, 447
 Дефер, Клод 235
 Деций 278
 Джексон, Сэмюэль Маколей 8, 421
 Джентиле, Джованни Валенти 308, 314, 390, 405-406, 436, 481
 Джефферсон 437
 Джуэлли 136, 175, 189
 Дзанки, Иероним 105, 109, 175, 388, 390, 403
 Диоген Лаэрт 199, 330
 Диодати 173, 508
 Дисентис 92-93
 Дистель 177, 327, 330
 Доддридж 348
 Доле, Этьен 462
 Доллингер 7, 151, 282
 Домлешг 97
 Домодоссоло 108
 Донн, Джон 185
 Дориг, Иоганн 90
 Дорнер, И. 183, 199, 409, 437, 451-452
 Дорфманн (Командер) 95
 Драйден, Джон 479
 Дрё 521
 Дрезден 23
 Дрелинкур, Шарль 176, 196, 510
 Дроги 163
 Друз 92
 Дублин 351
 Думерг 235
 Дунай 62
 Дуно 109
 Дунс Скот 31
 Дззу, Эмоз 275
 Дювель 243
 Дюрер 38
 Дюруи 303
 Дюфур, Теофил 126, 151, 222, 272, 315, 508
 Дюшмен, Николя 197-198
 Евгения 130
 Екатерина Медичи 417
 Екатерина Сиенская 395
 Елизавета Английская 59, 103, 136, 203, 294, 351, 365, 431, 491, 497
 Енох, Луи 505
 Жан де Сент-Андре 382
 Жане, Поль 303
 Жанна д'Альбре Наваррская 163, 492, 519, 525
 Жене́в, Клод де 474
 Женен, М. 208
 Жерар 157
 Жерноц, Жакмоц 475
 Жерсон 78
 Жонвийер 149
 Жюсси, Жанна де 160, 165
 Залат 20, 60, 122-123, 134
 Залуц 394
 Зальцманн 95
 Замбра 106
 Занкий 402
 Заттлер 60
 Зебеде, Андре 367

- Зекендорф 101
 Зельнекер 523
 Землер 330
 Зибер, Людвиг 86
 Зидеман 433
 Зикинген, Франц фон 79
 Зимлер, Иоганн Якоб 6, 19-20, 77, 133, 136-137, 140, 227, 247, 388, 402, 481
 Золер 130, 274
 Золотурн (Золер) 13, 112, 114, 129-130, 153, 155, 274
 Зороастр 457
 Зульцер 388, 467, 481
 Зюс 97
 Иакопо Садолето 253
 Иверден 158
 Игнатий 469, 471
 Иероним 30-31, 295, 327, 329-330, 336-337, 372, 428, 484
 Иероним Пражский 430
 Изелин 14
 Иланц 92-93, 96, 115, 133
 Иларий 336, 375, 454
 Иллирия 428
 Ингольштадт 242
 Индиана 130
 Инн 92
 Иннергоден 90
 Иннокентий III 90, 293, 429, 507
 Иннокентий X 430
 Иоанн Дамаскин 454
 Иоанн Златоуст 30, 35-36, 82, 305, 320, 327-328, 330, 332, 336, 369, 484
 Иоанн из Ласко 488
 Иоанн Казимир 524
 Иоахим II 374
 Иоганн Агрикола 280, 374
 Иоганн Сигизмунд Трансильванский 405, 494
 Иоганн Фридрих 433
 Ирней 439-440, 454, 469, 471, 474-475
 Ирландия 6
 Испания 467
 Иссель 311
 Иувальта 93
 Иудекс 410, 414
 Иустин Мученик 26, 71, 119, 213, 428, 454, 471
 Йена 20, 89, 414-415
 Йенах, Георг 108
 Йиман 414
 Йонер, Вольфганг 134
 Йорис, Давид 436, 452, 481
 Кабриер 253, 493
 Каверау 82
 Казер, Леонгард 55
 Казобон 213, 491
 Кайзер, Якоб (Шлоссер) 111, 113
 Калабреза, Франческо 100
 Калабрия 405
 Калликст 19
 Кальвин, Жан 5-8, 13, 16-19, 24, 34, 50-53, 62, 66-70, 78, 88, 101-103, 105, 110, 119, 131, 136-137, 139, 141, 143, 145, 147-156, 158-159, 161-164, 166-215, 220-236, 260-266, 268-285, 287, 289-325, 327-353, 355-358, 360-366, 368-395, 397-400, 402-413, 415-426, 430-431, 434-439, 441-443, 445-452, 454-455, 457, 459-460, 462-512, 514-515, 517-523, 527, 529-533
 Калькутта 186
 Кальпурин 207
 Камбре 193
 Камерарий 249, 385, 414, 441, 458
 Камерон 358
 Кампан 452
 Кампедджи 101
 Кампелл, Ульрих 91, 94-95, 97-98, 100
 Кампен 370
 Кампшульте 6-7, 150-151, 184, 194, 196, 199-201, 211, 235, 241, 261, 270-271, 274, 277, 292, 296
 Каннингем, Уильям 187-188, 464, 529
 Капитон, Вольфганг 16, 31, 42, 62, 65, 75, 77-78, 82, 110, 143, 158, 209, 225, 232-233, 239-241, 244, 272-273, 435, 439, 451, 472, 485, 493
 Капо д'Истрия 101, 390
 Каппель 51, 73, 77, 86, 89, 111-115, 121-125, 127-128, 134-135, 418
 Капфиг 303
 Караффа 104, 183, 397-398
 Караччоли, Галеаццо 389, 393, 489-490
 Карл I 170
 Карл III Савойский 153
 Карл V 65, 69, 117-119, 127, 142, 155, 221, 241, 262, 270, 285, 289, 372, 384, 396, 400, 438, 495
 Карл IX 492, 524
 Карл Великий 48, 133, 429
 Карл Смелый 14, 155
 Карл Эммануил 525
 Карловиц, Кристофер фон 413
 Карлштадт 45, 56-57, 64, 124, 141, 408, 484
 Кароли, Петер 163, 224-225, 240, 262, 392, 452
 Каролинум 50-51, 135
 Карпантра 252-253, 377, 493
 Карпфис, Генрих 62
 Картрайт 203
 Каспан 106
 Каспар 133
 Кассель 449
 Кастално 386
 Кастеллион, Себастьян 173, 188, 278, 308, 313, 339, 345, 347, 349, 352, 369, 385-390, 399, 401, 420, 481, 484-485, 490, 523
 Катилина 319
 Катон 69
 Каузлер 100
 Кахнис 184
 Квентин 311-312
 Квинтиллиан 199, 330
 Кебл 203, 327
 Кейм 62
 Келлер 62, 82
 Кельн 7, 85, 149, 243, 312, 370, 377, 446
 Кембридж 101, 203, 233, 351, 400
 Кениг, Конрад 439
 Кенигсберг 100
 Кент 436
 Кентерберн 400
 Кеплер 419
 Кесселлий 89
 Кесслер, Иоганн 20, 60, 87-89
 Кестлин, Ю. 24, 433
 Кинд 94, 99
 Кинтана, Хуан 438, 442
 Киприан 168, 203, 278, 283-284, 288, 294, 306, 327, 336
 Кирилл Александрийский 82
 Кирхгофер, Мельхиор 90
 Кларер, Вальтер 90
 Клаузен 62
 Клебиц 366, 413-415, 417
 Клевен 93, 100
 Клейн 209
 Клейнберг, Георг 484
 Клермон 528
 Климент VII 101, 117, 253, 370, 438
 Климент VIII 134, 430
 Климент Александрийский 71, 454, 471
 Климент Римский 471
 Кло 208
 Клод 244
 Клюни 377
 Книбб 402
 Кнонау, Ганс Мейер фон 42
 Кобург 434
 Ковен, Жерар 193, 197
 Ковен, Элуа 194
 Кокс 136-137
 Колиней 330
 Колиньи 195, 488, 492, 519-523
 Колладон, Жермен 292, 309, 420-421, 469-470
 Колладон, Николя 149, 195, 198, 202, 205, 210, 220-222, 265, 274, 292, 485, 489, 505
 Колпин 50
 Колумб 442, 444
 Колумбан 15, 87
 Кольб, Франциск 75
 Кольде 82

- Командер** 65, 95-98, 103
Комба, Эмиль 100
Комин 179
Коммендоне 396
Комо 94-95
Компар, Валентин 48, 65
Конде 492, 519-522, 524
Коннан 197
Коннектикут 150
Констан, Шарль 505
Константин 377, 428-429, 450, 461, 472
Константинополь 7
Констанц 15-16, 26, 29, 31, 37-38, 40-41, 45-46, 52, 62, 72, 76, 88-90, 103, 110, 112, 114, 134, 158
Констебл 266
Контарини, кардинал 101, 243, 253, 397
Контарини, Диана 101
Коп, Вильгельм 205
Коп, Николя 173, 205, 209
Коп, Мишель 505
Копенгаген 409
Коперник 418-419
Коппин 311
Корвин 25
Кордат 195
Кордьер, Матурен 195, 224, 269, 387, 489-490
Корнелий 7, 54, 58, 62-63, 150-151, 282
Корнель 315
Корнилий 119, 360
Кох 60
Кохлей 101, 110, 242, 369, 373, 410, 441-442
Краканторп 370
Краков 109, 391, 402
Крамер 302
Кранах 37
Кранмер 19, 131, 136, 295, 400, 436, 487-488, 497
Краффт 304
Кредл 389, 414
Креспен, Жан 516-517, 529, 531
Кристен 76
Кристоф Фабри 234
Кристофер Вюртембергский 100, 103-104, 389, 404, 483, 488
Кришна 82
Кройцнах 79
Кромвель 112, 114, 170
Кротте 488
Крузий 104
Круцигер, Гаспар 261, 411, 414
Ксенофонт 386, 491
Кумберленд 347
Куниц 147, 184, 205
Кур 15, 31, 45-46, 56, 60, 84, 91-100, 108, 394, 404
Курион 389-390, 402-403, 481, 484
Курионе, Целлий Секунд 136, 402
Куро 204-205, 209, 224, 226, 229, 232
Курфирстен 25
Курций 199
Куспиниан 25, 88
Кутельер, Франсуа 160
Кьявенна 91, 93-94, 100, 103, 105-106, 108, 130, 155, 388, 392
Кэмпбелл, Дуглас 6
Кэндиш, Роберт С. 348
Кюрте, Жан-Ами 322
Кюсснахт 46
Ла-Рошель 144, 377, 492, 523
Лаватер 122, 139, 368
Лаго Мадджоре 108
Лакруа, Поль 171, 325
Лакстанций 85, 428, 484
Ламберт, монах-францисканец 43, 233, 275, 497
Ламберт де Нигромонте 104
Лангвиз 97
Лангмантель 60
Лангр 253
Ларусс, Пьер 171
Ласко, Джон 203, 403, 406, 408-410, 488
Латимер 19
Лауд 497-498
Лев I 429
Лев X 15, 27, 38, 150, 153, 195, 253, 256, 305, 417
Лев XIII 430
Левассер 196-197
Леге 322
Лееман 139
Лейбниц 437
Лейпциг 47, 72-73, 242-243, 248, 288
Леклерк 491
Лекультр 199
Леман 223, 511
Лемуэн 157
Лентуло, Сципион 106
Ленуар 263
Леон Юд 20-21, 24, 26, 29, 33, 42, 46, 49-51, 53, 65-67, 129, 135, 143
Леонгарди 98
Леопольд Австрийский 154
Лестордер, Жан 263
Лефевр (Жак Лефевр д'Этапль, Фабер Стапуленсис) 157-158, 197, 200, 208, 233
Лефранк 193, 196-198, 200
Либе 488
Либерте 234, 261, 381
Ливий 26, 199, 330, 491
Лизманн 404
Ликсург 324-325, 507
Лиммат 35, 62, 435
Линдау 110
Линде, фон дер 464
Линк 432
Линкольн 429
Лингтал 83
Линц 63
Линьер 202
Лион 150, 163, 239, 253, 261, 307, 316, 322, 377, 383, 386, 391, 406, 420, 426, 442, 445-446, 450, 463-466, 469, 484, 528
Лландафф 94
Лозанна 15, 35, 75, 152, 154, 158-159, 162-163, 211, 224, 226, 229-230, 236, 240, 253, 273, 276, 278, 281, 303, 383, 387, 402, 449, 465, 493, 517
Лойола, Игнатий 174, 180, 195
Локарно 13, 100, 108-109, 136, 161, 394
Локк 323, 437
Ломбардия 88
Лоренс 186
Лорети (Глареан) 27
Лорето 377
Лорити, Генрих 85
Лоррен 519-520
Лотарингия 161-162, 209, 221, 233, 402
Луа 163
Лувен 370
Лувр 206
Лугано 108
Луи Каппель 142
Луканий, Марциан 207
Лукиан 26
Лукка 105-106, 377, 402
Лупул (Вольфлин) 25
Льеж 263
Любек 409
Людовик VII 514
Людовик XI 14, 155
Людовик XII 220
Людовик XIII 532
Людовик XIV 207, 233, 429, 482
Людовик Немецкий 35
Люллен, Жан 148, 229, 269-270
Люнебург 242
Лютер, Мартин 5, 7, 16-20, 24-28, 30-35, 37-38, 42-43, 45, 48, 50-51, 55-56, 59, 61, 63-67, 74-75, 78-80, 82, 85, 89-90, 101, 104-105, 110, 112, 115, 117-118, 121, 124, 127, 131-132, 134, 137-138, 140-141, 143, 150, 153, 155-158, 161, 163, 166-167, 169, 171-172, 174-175, 177-180, 183, 186-190, 193-194, 196, 201-203, 212, 215, 220, 226, 233, 235, 237-238, 240-242, 245-247, 249-250, 256, 261, 263-264, 280, 283, 287-288, 296, 299, 304, 315, 327, 329-330, 333-335, 337, 340-341, 361-362, 365-371, 374, 380, 390, 397, 402, 407-408, 410-419, 423, 432-434, 438, 441, 450-451, 472, 479, 484-485, 492, 494-495, 498-499, 502-503, 507-508, 511, 515, 524, 527
Люцерн 13, 35, 41, 112, 126, 130, 154-155
Люцернское озеро 14-15, 72
Люций 96

- Магдебург 250, 374, 389, 409, 414-415, 422, 484, 534
 Мадрид 422
 Майенфельд 91-92, 95
 Майнард, святой 130
 Майнард, Агостино 105
 Майнц 242
 Майор 414
 Майунке 503
 Мак-Гилл, Джон 323
 Мак-Кри 92-93, 101, 106
 Макиавелли 256
 Макон 524
 Макробий 199, 378
 Максимилиан 25, 85, 88, 103
 Маланс 95
 Малекбранш 422
 Малерб 244, 266
 Малле 147
 Мальта 377
 Манс 164
 Мантуя 101, 377
 Мануэль, Николас 73, 75
 Манхэттен 325
 Манц, Феликс 56, 59-62
 Мар, Анри де ла 271, 276, 298, 319
 Марат 324
 Марбах 105, 235
 Марбург 16-17, 32-33, 43, 63-64, 66, 73, 79-80, 89, 116-117, 124, 132, 140, 167
 Маргарет Стюарт 161
 Маргарита Ангулемская (Наваррская) 200, 207, 312, 379, 488, 511
 Маргарита Пармская 522
 Мариньяно 27, 30, 113
 Мария Кровавая 429, 497
 Марк-Моннье 171, 324-325
 Маркур 163, 271
 Марлора 210
 Маро, Клеман 238-239, 308, 325, 489, 517, 530, 533
 Маррин 450
 Мартен, Бон Луи
 Анри 180
 Мартен, Пьер 450
 Мартин V 134
 Мартин Турский 428, 481
 Мартиненго 389, 404
 Мартини 452
 Марино, Джеймс 425
 Массачусетс 34, 325
 Массон, Петр 158, 205, 242, 310
 Маунт-Вернон 190
 Мегандер, Гаспар 50, 65, 76, 143, 236
 Мейер, Конрад Фердинанд 108, 132
 Мейер, Себастьян 44, 75, 90
 Мейер, Якоб 109, 130, 136, 143, 357, 359
 Мейли, Иоганн 25
 Мейо, Оттавиано 106
 Меланхтон, Филипп 18, 24, 27, 32, 45-46, 50-51, 66-69, 75, 78, 80, 101, 105, 110, 121, 131, 134, 136, 138-139, 141, 167-169, 172-174, 181-182, 188, 199, 202, 205, 208, 239-253, 261, 268, 271, 273-274, 279, 295, 328-329, 341, 348, 368-375, 379-382, 384-386, 393, 397, 399, 402, 406-417, 419-420, 423, 425, 434-435, 438, 441, 450-452, 458, 463, 480, 482, 485, 487-488, 494, 502-503, 511, 527
 Мелвилл 192, 503
 Мелер 287, 508
 Меллинген 128-129
 Мельян 196
 Мембур, П. 149, 516, 531
 Мемминген 110
 Мемпельгард 158, 524
 Мений 414
 Менкберг 409
 Мерикофер 24, 29, 41, 117, 123, 136
 Мериндол 253, 493
 Меркс, А. 327
 Мерль 152
 Меррен 466
 Мец 161-162, 209, 447, 533
 Мид, Ричард 421
 Мизокко 109
 Микеланджело 499
 Миконий, Освальд 26-27, 29, 31-32, 35-36, 41-42, 50, 65, 81, 90, 122-123, 129, 135, 140-143, 148, 158, 225, 239, 277, 279, 308, 383, 399
 Милан 37, 93-94, 107, 197, 377
 Миланское герцогство 93
 Мимар 163
 Минье, Франсуа Огюст
 Мари 149-150, 179
 Мирабо 324
 Мишле, Жюль 34, 118, 165, 179, 193, 206, 223, 425, 485, 489, 510
 Мишо 163
 Мо 157-158, 196, 230, 237, 239
 Мобер 462
 Модена 253
 Мозеллан 243
 Молар 164
 Моллис 85-86
 Моммор 194, 199
 Монатон 269
 Монбельяр (Мемпельгард) 158, 524-525
 Монжирон 466
 Монмартр 207
 Моннар 21
 Моно, Адольф 171
 Монпелье 163
 Монсо 521
 Монтень 179, 293
 Монтескье 178, 189
 Монтобан 152, 232, 532
 Моцфортгий, Василий (Себастьян) 389, 484
 Мор, Кнрадин фон 91, 93-94
 Морат 130
 Морбеньо 107
 Моргартен 14, 154
 Мордейзен 413
 Морель, Георг 158
 Морж 159
 Мориц 250-251, 375
 Морлан 271
 Морле 236
 Морне 532
 Мороне 243
 Мосгам, Роберт 239, 242
 Мосгейм, Иоганн
 Лоренс 7, 181, 422, 479, 488
 Мотли 495-496
 Моуди, Дуайт Лайман 204
 Мохоx 8
 Музей, Маурус 236
 Муральто, Марино 109
 Мурнер, Томас 72, 74
 Мурр, Ч. Т. 421
 Муртен (Морат) 14, 158
 Мускул 485
 Муссо 120
 Муцио, Джироламо 399
 Мэ, Тибо де 516
 Мэгре Великолепный 118, 316
 Мэгре, Эме 319
 Мэдисон 437
 Мюзо, Морле де 236
 Мюллер, Георг 121
 Мюллер, Иоганн фон 14, 83, 90, 181
 Мюллер, Карл 442
 Мюльберг 127
 Мюльхаузен 13, 112-114, 141, 143-144
 Мюнстер 60, 81, 92, 158, 206, 209, 330, 433
 Мюнхен 7, 282
 Мюнцер, Томас 56-57, 61
 Мюра 158
 Наварра 157, 437
 Навигеро 495
 Навиль, Адриан 275
 Нанси 14, 155
 Наполеон III 130
 Нассау 492
 Наттер 132
 Наумбург 203, 243, 411
 Нафельс 14, 86, 155
 Неандер 8, 22, 131, 142, 150, 423
 Неаполь 106
 Невер 377
 Невшатель 7, 13, 53, 131, 144, 148, 152-153, 155, 158, 161-163, 194, 208, 221-222, 224, 230, 235-236, 241, 270, 272, 274, 276, 281, 298, 322, 363, 381, 479, 500, 512
 Незен 28

- Неман 122
 Необул, Гульдрик 401
 Нерак 208, 312, 519
 Нерон 199, 324, 504
 Нигер 232-233
 Нидда 243
 Нидервезель 414
 Нидерланды 170, 210, 495
 Низар 171
 Никей 461
 Николай II 58
 Николай Лиранский 471
 Николай Флюсский 5
 Ним 163, 524
 Нишпольд 75
 Ницерон 100
 Новара 27
 Новезиан 446
 Нозей 242
 Нойгоф 172
 Нойдеттельшау 322
 Нокс, Джон 19, 131, 161, 169, 187, 192, 202, 322, 399, 488-489, 491, 498, 502-503, 511
 Норман, Лоренс 505, 516
 Нормандия 244, 266, 522
 Нортфилд 204
 Ноткер 89
 Нотр-Дам 206, 395
 Ноуэлл 226
 Нуайон 149-151, 176, 192-194, 196, 198-199, 201, 207, 221, 319, 324, 377
 Нума Помпилий 69
 Ньютон, Джон 348
 Нюрнберг 38, 80, 109, 402, 414, 418, 443
 Обераммергау 5
 Обергальбштейн 92
 Оберланд 92
 Оберлин 322
 д'Обинье, Мерль 6-7, 38, 116, 154, 164, 200, 210, 221, 223, 226, 246, 261, 264, 274-275, 296, 324, 491
 Овидий 199, 330, 491
 Оден 6, 150, 153, 174, 196, 201, 265, 309, 313, 315-316, 319, 323-324, 384, 398, 421-422, 503-504
 Озиа, Филипп 277
 Окино, Бернардино 100, 109, 136, 138, 386, 388, 390-391, 394-402, 405, 410, 436, 481, 489, 523
 Оксфорд 203, 390, 400, 430
 Олевиян 19, 413, 415, 494
 Оливетан, Робер 158-159, 173, 194, 200-201, 208, 224, 331, 445
 д'Оппед 493
 Орб 158-159, 162-164, 229, 367
 Орелли 109
 Ори, Матфий 464-465
 Ориген 30, 71, 119, 169, 332, 337, 371, 406, 471
 Орлеан 196-198, 200-201, 208-209, 515-516, 521-522
 Орсьер, Пьер 490
 Ортец 163
 Осиндер Нюрнбергский 63, 418
 Осий, кардинал 402
 Отман, Франсуа (Ототман) 517
 Отмар 88-89
 Ототман (Отман, Ф.) 387, 491
 Отто Генрих 488
 Отун 383
 Оуэн, Джон 355, 419
 Павел III 101, 163, 207, 243, 253, 270, 370, 395-397, 417
 Павел IV 86, 104
 Павел V 419
 Павия 27, 402
 Падрут 239
 Падуя 102, 197, 402-403
 Палатинат 6, 106, 110, 136, 144, 189, 408, 413-415, 494, 519
 Палеарио, Аонио 101, 397, 430
 Палеарио Сиенский 101
 Паллавичини 101, 103, 105
 Палмье, Пьер 444-445
 Паникул (Бредли) 56
 Паньини, Сантес 445
 Паран, Никола 235
 Паре, Георг ван 437
 Парей, Д. 332
 Паркхерст 136
 Парменид 457
 Парнас 386
 Партридж 227
 Паскье, Этьен 176
 Пассау 55, 239, 242
 Пасселый, Карол 207
 Певцер, Каспар 385, 413-414, 502
 Педрот (Бедрот) 239
 Пелагий 346, 457
 Пеларг 242
 Пелликан, Конрад 16, 50-51, 109, 135-136, 157, 329-330, 392, 399, 484
 Пенн, Вильям 325
 Перна, Пьетро 389, 401
 Перрен, Ами 148, 159, 270, 272, 275, 307, 309, 311, 314-316, 318-321, 468, 473-474, 476-477
 Пертам 270, 275
 Песталоцци 109, 134
 Петр Амьенский 193
 Петр Ломбардский 185, 202, 454, 497
 Петр Стелла 197
 Пецель 414
 Пиано, Катрин дель 527
 Пигт (Пигий) 370
 Пигий, Альберт 173, 248, 339, 349-350, 352, 369-373, 376, 381, 388
 Пиза 377
 Пий II 29
 Пий IV 510
 Пий IX 130, 430
 Пикардия 176, 193
 Пико делла Мирандола 26, 417
 Пимпинелли 101
 Пиндар 26, 69
 Пино, Жан 506-507
 Пинчов 402, 405
 Пиперен, Кристофер 509
 Пирктеймер 38, 65, 80, 443
 Пирнезий, Мельхиор 418
 Писторий 243-244
 Планк 407, 415
 Плансе, Ренье де ла 529
 Планта 93, 106, 108
 Платер, Томас 140
 Платон 37, 69, 216, 330, 336, 455, 457, 462, 491
 Плен-Пале 166, 501, 527
 Плимут 325
 Плиний 26, 199, 330
 Плотин 457
 Плуденц 239
 Плутарх 26, 199, 330, 336, 457, 491
 Поке 311-312
 Пол, Винсент де 275
 Полан 410
 Полибий 330
 Поликарп 469, 471
 Польша 88, 100, 103, 109, 144, 391-392, 394, 402, 405-406, 418
 Поннет, Джон 400
 Понт-Л'Евек 195, 202, 207
 Понтан 243
 Понтизелла 96, 99
 Понтрезина 103
 Порраль, Ами 228-229, 270, 275, 291
 Портер, Франсуа 178
 Португалия 495
 Порфирий 457
 Поскьяво 92, 94, 98, 100, 103, 107, 390, 403
 Поул, Реджинальд 101
 Праттигау 92-93
 Прегельль 100
 Прентисс, Джордж Л. 339, 348
 Принстон 151, 347-348, 364
 Присциллиан 428-429
 Прованс 493
 Прокл 457
 Пруденций 139
 Пруссия 17, 100, 103, 110, 124, 130, 153, 182, 295, 408, 415, 418, 494
 псевдо-Дионисий 418
 псевдо-Климент 474
 Птолемей 442, 445, 471
 Пуасси 103, 492, 519
 Пуатье 208, 377
 Пупен, Авель 314, 316, 441, 448, 459, 466, 470
 Пуччи 31, 65

- Пушлав (Поскьяво) 100
 Пфальц 19, 488
 Пфафферс 38
 Пфеффингер 414
 Пфистеры 78
 Пфлут, Юлий 241-244, 374
 Пьемонт 19, 105, 158-159, 404, 429, 493
 Пьетро Мартири (Вермильи) 109, 135-137, 139, 175, 203, 379, 381, 390, 397-398, 400-401, 403, 408-409, 436, 480, 488
 Пэи-де-Во 158, 162
 Рабле, Франсуа 171, 207
 Равенна 377
 Рагац 38
 Радзивилл Польский 394, 405, 488
 Раньоне 389
 Раппершвилль 26, 128-129
 Ратисбон 242, 266, 271, 370, 397, 410-411
 Ратрамн 137, 368
 Ребли, Вильгельм 42, 54, 56, 58, 61
 Ревес (Сервет) 437
 Ревильо 147
 Регенсбург 73, 101, 167, 240-242, 244, 246-247, 261, 274
 Регий, Урбан 63, 119, 484-485
 Рейн 13, 57, 60, 78, 90, 92, 96, 188, 232, 278, 312, 374, 388, 415, 466, 484
 Рейнхарт, Анна 29, 42
 Рейтлинген 110
 Рейхлин 36, 78, 85, 88, 329
 Ремон, Флоримон де 176, 195, 197, 208, 210-211, 233, 263, 303
 Ренап, Беат 22, 31, 37, 65, 81
 Ренап, Эрнест 31, 180, 182, 220, 507
 Рената Феррарская 220, 395, 402, 417
 Ренато, Камилло 100, 390, 481
 Рене (Рената Феррарская) 180, 220, 398, 488, 511
 Ретлинген 63
 Реттинг 50
 Реция 91-92, 95, 97
 Рива 102, 230
 Ригель, Венделин 234, 240
 Риги 124
 Риго, Клод 471
 Рид 452
 Ридли 19
 Рилье 422, 468, 474-475, 477-478
 Риттер, Карл 90, 423, 442
 Ричард Львиное Сердце 514
 Ричмонд 323
 Ришарде, Клод 229, 270
 Ришбур, Луи де 244, 266
 Робер, Пьер 194
 Робеспьер 324
 Робустелли, Якоб 106-107
 Роган, Анри де 108
 Родос 377
 Роже, Амеде 274, 296, 303, 319, 422
 Розе, Клод 228, 230, 275, 278, 291, 476
 Розе, Мишель 490
 Розенблатт, Виллибранда 82
 Ройзнер 61
 Ройсс, Родольф 147, 172, 184, 196, 205, 235, 327, 331, 488, 529, 531
 Ройсс, Эдуард 514
 Ройш 7
 Роллен 195
 Ромни 534
 Рона 13, 159, 165, 229, 314, 318, 322, 511
 Ронко, Лодовико 109
 Россо 396
 Росток 409, 415
 Ротвейль 13, 197
 Роттенбург 7
 Рочестер 54
 Рош 490
 Ру, Жерар ле 379
 Руан 192, 266, 484
 Руши 193
 Руска, Николаус 106-107
 Руссель, Жерар 157, 204, 208, 233, 237, 239, 379
 Руссо, Жан-Жак 171, 178-179, 293, 321
 Руфин 372
 Рухат 7
 Руша 314
 Савеллий 454
 Савойская область 131
 Савойя 15, 28, 154, 161, 180, 228, 253, 270, 311, 315, 386, 467, 488-489
 Савонарола 256, 395, 430, 445
 Савьон 278
 Садеел (Шандье) 492
 Садолет (Иакопо Садолето) 167, 173, 192, 200, 240, 245, 253-254, 256, 259-261, 269-271, 284, 299, 336, 370, 372, 396, 493, 510
 Саксония 375, 380
 Салис, Антон фон 93, 107-108
 Салис, Геркулес фон 105-106
 Саллюстий 37
 Салуц (Филипп Галлиций) 97, 404
 Салуццо 404
 Сальнар 529
 Самаден 98, 103, 108
 Самсон, Бернардин (Бернгард) 30-31, 37-38, 134
 Сандерсон 185, 497
 Санкт-Галлен (Сен-Галлен) 15, 20, 25, 44-47, 57, 60, 75-76, 87-90, 94, 111, 113-114, 117, 119-121, 129-130, 143-144, 155, 477, 488
 Санкт-Люция 99
 Санкт-Томасштитф 147
 Санкт-Якоб 155
 Сансеверино 101
 Сантис 60
 Сарагоса 438
 Сарганс 83, 114, 120
 Сардиния 108
 Сарнен 14
 Сарпи 101
 Саут 355
 Севелен 94
 Селисберг 14
 Семпах 14, 155
 Сен-Бернар 221
 Сен-Блез 158
 Сен-Виктор 153
 Сен-Готард 37
 Сен-Дени 525
 Сен-Жак 518
 Сен-Жерве 161
 Сен-Жермен-ан-Лэ 519-521
 Сен-Жюльен 160
 Сен-Клер 161
 Сен-Клод 154
 Сен-Мартен-де-Мартвиль 194-195
 Сен-Пьер 161, 465
 Сен-Элуа 199
 Сенарклей, Клод де 250
 Сенебьер 531
 Сенека 26, 37, 69, 173, 193, 199, 209-210, 330, 336, 341, 483
 Сент-Илер, Росс 303
 Сент-Луис 189
 Сент-Эндрюс 188
 Сентис 25
 Септ, Батист 270, 468
 Сервет, Мигель 7, 62, 138, 148, 150, 152, 161, 174, 179, 208, 252, 291, 302, 308-309, 313-314, 318, 320, 324, 352, 365, 369, 385, 388-390, 392, 394, 400, 403, 405-406, 412-413, 418, 420-427, 430-431, 434-439, 441-482, 486, 507, 509-510
 Сетт 515
 Сецерий 439
 Сиалкот 8
 Сигизмунд Август Польский 295, 488
 Сикст 100-102, 104
 Сикст IV 417
 Сильвестр 461
 Симон, Ришар 177, 330, 386
 Ситтен 15
 Ситтер 60
 Скалигер, Иосиф 168, 175
 Скандинавия 18
 Сканфс 94
 Скаррон 323
 Скирофорион 30
 Скотт, Томас 348
 Скримгер, Генри 505

- Слейдан 241
 Смит, Генри Б. 189, 339, 348, 364, 512
 Смитфилд 429
 Сократ 69, 119, 124
 Сом, Конрад 115, 117
 Сомерсет 295, 488, 497
 Сомий 110
 Сомпор 358
 Сондрио 106-108
 Сошьер 158-159, 161, 224, 227, 269, 273, 490
 Сорбонна 157-159, 163, 173, 192, 201, 204-205, 207, 211, 224, 293, 432, 462, 473
 Соссюр, Пикте де 491
 Сотре, Уильям 429
 Социн, Леллий 100, 138, 384-385, 389, 392-394, 401, 417, 481
 Социн, Фауст 100, 388-389, 391, 394, 405
 Спалдинг 75, 319, 323-324, 504
 Спарта 13
 Сперджен 355
 Спiera, Франческо 101-102
 Спиноза 422
 Стадиан, Франциск 248
 Стеббинг 6, 315, 422
 Стейнах 87
 Стефан, Робер 293, 330, 466, 489, 528
 Стефан Форгей 206
 Стордер, Жан 263
 Страйн 312
 Страсбург 23, 42, 62-63, 74-75, 77, 105, 109-110, 112, 114, 138, 143, 147-149, 152, 158, 161, 172, 175, 189, 194, 201, 205-206, 209, 215, 221, 226, 230-247, 253, 261-262, 266, 271-275, 278, 282, 285, 303, 315, 328-329, 339, 350, 357, 366-367, 374, 386, 390, 400, 409, 412, 435, 439, 442-443, 451, 465, 489, 493, 507, 509, 511, 521-522, 524, 531
 Стриклер 84
 Стэнли, Дин 33
 Спюарт, Роберт 8
 Сципион 69
 Сайу 171
 Сэндис 136
 Сэссе 303, 422, 451
 Сюц 91
 Таддео Дуно 109
 Таллоч, Джон 170, 188, 464
 Тамер, Теобальд 435
 Таннен, Эбергард фон дер 432
 Таулер 32, 167
 Тацит 14, 26, 90, 444
 Твестен 182
 Твиди 511
 Твисс 344
 Тезей 27
 Тейникон 128
 Телль, Вильгельм 5, 14, 21, 83
 Тельо 106-107
 Теофраст 121
 Теренций 199, 330
 Терсит 415
 Тертуллиан 85, 119, 336, 428, 439-440, 454, 469, 471, 474-475
 Тессей 69
 Тессин 100
 Тецель 37, 369
 Тилле, Луи дю 206, 208-209, 220-222, 230-231, 234
 Тилле, Жан дю 230
 Тиман, Иоганн 409, 417
 Тирабоски 101
 Тирано 100, 106
 Тириано 100
 Тироль 62-63, 95, 375
 Тиссо, Пьер 469
 Тихоний 288
 Тичино 92, 100, 108, 130, 155
 Тоггенбург 25, 30, 87, 89-90, 117, 119-120, 128-129
 Тойфен 90
 Толлин 421-423, 434-435, 437-438, 441-442, 451, 454, 458-462, 479-480
 Толук 8, 149, 182, 328, 330
 Тонон 229, 383
 Топлейди 348, 352, 498
 Торвальдсен 16
 Торквемада, Томас 425
 Торунь 418
 Траверс, Иоганн 95-97
 Траверси 193
 Трапперо, Луи 277
 Траян 378
 Тревизо 279
 Трегер 76
 Трелллий, Э. 226, 390
 Трешсели, Мельхиор и Каспар 442
 Трешсель, Фридрих 7, 77, 150, 182, 421, 451, 464, 481
 Триболе, Перретта 523
 Тридент 102-103
 Трие, Гильом 463-465
 Триест 101
 Трир 377
 Троген 90
 Трунс 93
 Ту, Жак Огюст де 176
 Туан 176
 Тудела 437
 Тузис 106, 108
 Тулуза 177, 242, 377, 438, 451, 465, 472
 Тургау 13, 25, 56, 87, 90, 119, 129-130, 155
 Турий, Павел 212
 Турин 253, 402
 Турнероль 193
 Турнон 253, 447, 464, 493
 Турретен, Жан Альфонс 142, 178, 334, 491
 Туэ 94
 Тюбинген 7, 21, 78, 102-104, 109, 150, 197, 248, 329, 394, 403-404, 412, 435, 517
 Уайт, Х. 116
 Уайтгейкер 351
 Уайтфилд, Джордж 156, 352, 355, 496
 Уиллис 421, 442, 446, 464, 467, 486
 Уильсон 186
 Уиттифт 351
 Уиттингем 203, 293, 489
 Улиман, Вольфганг 59, 62
 Ульм 110, 115, 117, 271
 Ульрих Вюртембергский 65, 117, 158
 Унтервальден 5, 13, 35, 45, 112, 123, 130, 154
 Уорфилд 348
 Урбан Регий 65
 Ури 5, 13, 35, 48, 112, 130, 154
 Урсин, Гильом 19, 158, 494
 Урсин, Захария 413
 Устери, Мартин 24, 29-30, 34, 123
 Утенгейм, Кристоф фон 78
 Утингер 29, 48
 Утрехт 370
 Уэльс 94
 Фабер Стапуленсис (Жак Лефевр д'Этаппль) 25, 38, 45, 65, 72, 74-75, 101, 110, 137-138, 157, 208, 410
 Фабри 161-163, 234, 311, 381, 500
 Фабриций 96-97, 139, 404
 Фавр, Гаспар 468
 Фавр, Франсуа 148, 311, 315-316
 Фавр, Э. 275
 Фагий 65, 203, 233, 400
 Фале 384
 Фале-э-Бредам, де 384
 Фарель, Гильом 65, 90, 139, 141, 152, 154-164, 166-167, 179, 186, 189, 194, 201, 203-205, 209, 222-230, 232-236, 238-247, 254-255, 261-262, 264, 270-278, 281, 298, 309-310, 315-318, 322, 366-368, 373, 382, 399, 404, 406, 410, 426, 436, 446-447, 449, 467, 469-470, 477-480, 488, 497, 500, 506, 511, 517-518
 Фарж 403-404, 406
 Фарнезе, Александр 207
 Фаррар, Фредерик У. 186, 327
 Фелис, Поль де 198
 Феодорит 82, 377
 Феодосий I Великий 305, 404, 428-429
 Фергюсон, Вильям 150
 Фердинанд Австрийский 112, 127, 374
 Фердинанд и Изабелла 292

- Фере, Клавдий** 205, 235, 244, 266
Фермопилы 14, 155
Ферне 321
Феррара 180, 196, 220, 308, 324, 381, 390, 395, 398, 402
Фессалоника 305
Фец 107
Фик 147
Филипп, Жан 148, 229, 253, 270
Филипп II 183, 489, 495
Филипп Август Французский 514
Филипп Гессенский 63, 65-67, 110, 117, 136, 144, 246, 401, 432-433, 435
Филон 455, 457
Финслер 23, 132
Фишер, Джордж П. 190
Фишинген 25
Фламиньо 101
Флаций, Матфей 250, 337, 374-375, 414-415, 494
Флаш 95
Флекс 524-525
Флеминг 429
Флоренция 8, 99, 131, 324, 377, 390, 395-396, 398, 430, 494, 530
Флорилло, Симоне 106
Флуги, Иоганн 106
Фока 400
Фокингер 123, 132
Фокс, Джон 136, 141
Фольмар 197, 200, 330
Фома Аквинат 168-169, 172, 187, 211, 335, 418, 423, 428-429, 454, 497, 507
Фома Кемпийский 51, 386
Фонтен, Николя де ла 469-470
Фонтенбло 205
Форарльберг 239
Форж, Этьен де ла 198, 206
Фосс, Перне де 468
Фостер 392
Фра Бернардино 396
Фра Джованни 104
Фра Маттео Басси 395
Франекер 140
Франк, Себастьян 484
Франклин, Альфред 149, 275, 437
Франкония 443
Франкфурт 137, 236, 241, 246, 411-412, 439, 450, 466, 488
Франц Иосиф Австрийский 130
Франциск I 34, 50, 65, 101, 117-119, 134, 142, 157, 200, 207, 211, 213, 221, 241, 253, 262, 287, 324, 417, 492-493
Франциск II 136
Франциск Сальский 154, 180, 526
Фраунмюнстер 35, 48, 123, 133
Фредерик 152
Фрейбург (Фрибур) 13, 81, 85-86, 112, 128, 130, 153-155, 159, 210, 291, 314
Фрейбург-на-Брезгау 154
Фреллон, Жан 420, 446-447, 450, 465
Френевиль 275
Фрехт 435
Фриденсбург 101
Фридрих I Прусский 153
Фридрих II 314
Фридрих III 106, 144, 413, 415, 494, 519
Фридрих Барбаросса 95
Фридрих Великий 437
Фридрих Вильгельм, электор 136, 494
Фридрих Вильгельм III 494
Фридрих Вильгельм IV Прусский 130
Фридрих Вюртембергский 524
Фридрих Саксонский 299
Фрисландия 409, 495
Фрицше, О. Ф. 19, 51, 86
Фробений 16, 65, 79
Фроман, Антуан 152, 159-160, 162-166, 201
Фромборк 418
Фрошауэр 40, 50, 139
Фруамон 515
Фугтингер (Фокингер) 123
Фукидид 37
Фукингер (Фокингер) 123
Фульда 38
Функ 150
Фюрбити, Ги 159-160
Фюрст, Лоренц 62
Хайдеггер, Иоганн Генрих 142
Хардвик 498
Хармс 322
Хаттон 351
Хейлин 497
Хемниц, Мартин 373, 415
Херрик, Дж. Дж. 190
Хетцер, Людвиг 46, 56-57, 60, 62, 452
Хитциг 50
Ходж, Чарльз 339, 348, 364, 366, 403
Холл, Роберт 355
Хоув 355
Христиан Датский 136
Хукер, Ричард 185, 189, 203-204, 327, 351, 497
Хупер 136
Хэер, Джулиус Чарльз 186
Цазий 65, 78
Цвайбрюкен 415
Цвик, Иоганн 62
Цвиккау 55, 484
Цвингли, Ульрих 5-6, 13-18, 20-38, 40-70, 72-86, 88-90, 95-96, 110-127, 129-142, 153, 156, 158-159, 166-167, 169, 183, 187, 189, 193-194, 199, 202, 213, 215, 226, 236, 240, 244-245, 263, 280, 289, 329, 341, 348-349, 362, 366-368, 371, 383, 390, 402-403, 407-408, 418, 435, 439, 441, 451, 457, 460-461, 498, 502-503, 507, 511, 523, 525, 527
Цезарь 26
Целл, Маттиас 232, 247
Целларий, Михаил (Келлер) 82, 110, 481, 484
Целларий, Симон 484
Цельт 25, 88
Цепорин 50
Цизальпинская республика 94, 155
Цинг, Франц 113
Цинк, Франциск 31-32
Цинцендорф 202
Цинциннати 129, 364
Цицерон 26, 199, 216, 330, 336, 418, 491
Цолликон 56-57, 138
Цофинген 90
Цуг 13, 62, 112-113, 123, 128-130, 154-155
Цуз 97
Цумикон 59
Цуркинден 405, 481, 483
Цюрих 6-7, 13-16, 18-19, 21-32, 34-38, 40, 42-43, 46-47, 50-53, 56-57, 59, 62, 65, 67, 72-75, 77, 79-80, 82-83, 85-90, 93, 95-96, 99-100, 103, 108-109, 111-115, 117-118, 120-123, 126-130, 132-140, 142-144, 153, 155, 157-158, 161, 166, 189, 209, 222, 227, 230, 232, 245, 247, 272-274, 278, 303, 321, 329, 350, 366, 368, 381-383, 398, 400-402, 404, 409, 435-436, 467-468, 472, 475-477, 481, 484-485, 488-489, 493, 531
Чалмерс 188, 355
Чарнер 93
Червенка, Матфей 493
Чикаго 129
Чуди, Валентин 28, 84
Чуди, Эгидий 14, 28, 83, 85
Шад, Йорг 59
Шаллинг, Мартин 240, 407, 411
Шалон 524
Шалонна 515
Шампель 477-479, 481
Шамперо, Эме 276, 298, 302
Шампион, Антуан 154
Шампье 444
Шамуа, Франсуа 254
Шамуни 511
Шамфф 94
Шандье, Антуан де ла Рош (Садсел) 492, 502
Шанфоран 158
Шапель, Арман де ла 422

- Шапоньер 147
 Шапоруж, Ами де 229, 269-270
 Шаппелер 46
 Шапон 308
 Шаранса 108
 Шарантон 149
 Шарлье 445
 Шарру 377
 Шастель, Л. Ф. 149, 421
 Шатильон 386, 450
 Шатильон, Оде де 195, 492
 Шатильон, Себастьян 485
 Шафхаузен 13, 44-46, 50, 53, 60, 87, 90, 96, 114, 128, 130, 140, 143-144, 148, 155, 158, 402, 436, 475, 477
 Швабия 88, 374, 443
 Шванден 86
 Шварцвальд 91
 Швейцер, А. 19, 22-24, 29, 34, 132, 369, 371, 384, 388, 484
 Швенкфельд 54, 60, 95, 124, 408
 Швиц 5, 13, 30, 35, 83, 89, 111-113, 130, 154
 Шевалье 491
 Шедд, Дж. Т. 339, 343, 348
 Шекспир 499
 Шельгорн 401
 Шемен, Луи де 380
 Шенбруннер, Ганс 123
 Шенела, Петр 504-505
 Шенк 135
 Шердинг 55
 Шеффилд 8
 Шиклер, Ф. де 449
 Шилдс 347
 Шиллер, Фридрих 14, 34, 83, 511
 Шимер 60-61
 Шиндлер, Иоганн 86
 Шиннер 15, 31
 Ширкс 99
 Шлакау 402
 Шлаттер 60
 Шлейермахер 99, 169, 182, 422, 440, 494
 Шлихтинг 389
 Шлоссер (Якоб Кайзер) 111, 113
 Шмидт, Конрад 46, 113, 164
 Шнепф 409-410
 Шове, Раймон 505
 Шойхцер 139
 Шонер (Шимер) 61
 Шотландия 190
 Шотт 100, 104
 Шпалатин 79
 Шпангейм 491
 Шпейер 53, 63, 285
 Шпеклин 235
 Шпенглер, Иоганн 89
 Шпенер 19, 323
 Шписс 421
 Шпрехер, Теофил 91-93
 Штагелин 6, 23-24, 150, 182, 199-200, 233, 261, 274, 296, 386, 421-422, 479, 512
 Штадельгофен 45
 Шталь, Фридрих Юлий 304
 Штанс 5
 Штауниц 32, 167
 Штейнли, Мартин 46
 Штейнмец 60
 Штейнталь 322
 Штенкфельд (Швенкфельд) 124
 Штраус, Д. Ф. 53, 422
 Штрикер 235
 Штумпф, Симон 56, 139
 Штурм, Иоганн 175, 232-233, 236, 239, 241, 273
 Штурм, Якоб 114
 Штутгарт 24, 100, 236, 415, 484
 Шультесс 50
 Шульцер 254
 Шуртаннер, Иоганн 90
 Эбер 414
 Эбернбург 79
 Эбли 113, 115
 Эбрард 29
 Эгидий Гунний 332
 Эгли 22, 41, 62, 88
 Эгль 158
 Эдвардс, Джонатан 339, 355
 Эдинбург 187
 Эдуард VI 59, 136, 203, 386, 400, 436, 488, 497
 Эйер, Джон 101
 Эйнцидельн 25, 28-31, 35, 37, 51, 83, 129-130, 140, 166, 329
 Эйслебен 101, 434, 502
 Эйхгорн 91
 Экк 25, 45, 65, 72-75, 101, 110, 118, 241-244, 334, 369, 373, 410
 Эколампадий 16, 18, 21, 24, 27, 44, 62, 65, 69, 73-82, 85, 124, 131, 140-141, 156-158, 161, 167, 189, 211, 244, 329, 367, 408, 434, 436, 439, 441, 451, 472, 493, 503
 Экс 493
 Экс-ла-Шапель 377
 Элиотт 227
 Элмер 28
 Эльба 127, 502
 Эльзас 51, 162, 232-233, 420, 439
 Эмерита 94
 Эмзер 63, 65
 Эммерих 134
 Эммонс 344
 Эмон 532
 Эмсер 369
 Энгадин 91-95, 97, 100, 103, 107-108
 Энгельберг 83
 Эндерлин 107
 Эндрюс, Ланселот 185
 Эней Сильвий 29, 418
 Эписгейм 63
 д'Эпевиль, Шарль 207
 Эпименид 330
 Эшлтон 189
 Эразм Роттердамский 16, 26-27, 30-32, 41, 50, 59, 65, 73, 77-82, 85-86, 88, 119, 131, 137, 140, 158, 161, 167, 199, 210-211, 249, 253, 256, 292-293, 329-330, 337, 370-371, 387, 389-390, 438, 440, 442, 484-485
 Эрихсон 172, 238
 Эрланген 23, 304
 Эрлен 239
 Эрроусмит 358
 Эрфурт 397
 Эсслингер 124
 Этенбах 41, 45
 Этрурия 92
 Эттерлин Люцернский 14
 д'Этуаль, Пьер 197
 Этьен 293, 330, 489
 Эхсли 24
 Эшер 6, 19, 24, 114
 Ювенал 250
 Юлий II 15, 27, 417
 Юлий Цезарь 41
 Юний, Франциск 496, 501
 Юстиниан 197, 428-429
 Ямвлих 457
 Янг 101
 Янссен 23, 28-29, 48, 117

Тематический указатель

- decretum horribile** 213, 348, 357, 423, 507
- opus operatum** 363
- августинианство** 69, 212-213, 335, 337-338, 341, 343, 355
- августинцы** 62, 105, 143, 224, 495
- аверроисты** 444
- адиафористический спор** 251, 375
- аколуфы** 202
- аллегоризация** 329
- анабаптисты** 24, 46, 51-65, 69, 80, 89-90, 95, 97, 100, 118, 133, 135, 138, 141, 173, 201, 206, 209, 224, 235, 262-263, 284, 287-288, 304, 315, 348, 363-365, 394, 430, 432-433, 435-437, 451-452, 459-460, 470, 472, 481, 495
- антиномизм** 19, 280, 312, 374
- антисты** 87
- антиринитари** 173, 280, 389-390, 403, 406, 431, 435, 437, 452, 472, 481
- аполлинаризм** 451
- арианство** 109, 163, 224, 375, 403, 428, 451, 485
- арминнианство** 69, 71, 137, 140, 168-170, 181, 338, 341, 344, 348, 352, 355, 431, 437, 496, 503, 529
- артикулянты** 270
- астрология** 173, 417-418, 442, 444-445
- баптисты** 348
- бегарды** 312
- бейлифы** 93, 108-109, 153, 515
- бенедиктинцы** 30
- богемские братья** 103, 493
- бreviarii** 129
- «бриджевская Библия»** 293
- вальденсы** 19, 54, 82, 108, 136, 157-159, 161, 253, 429, 493, 517-518
- Варфоломеевская ночь** 106-107, 239, 429, 493, 524, 534
- вездесущие** 367, 407-408, 413, 415, 417
- весианство** 348
- вечеря Господня** 17, 27, 43, 58, 60, 63-65, 69, 79, 104, 110, 117, 137, 141, 143-144, 167, 172-173, 208, 214, 226, 233, 240, 245, 249, 257, 277-278, 289, 301, 305, 363, 401, 410-411, 415, 446, 456, 460-461, 494-495, 518
- возложение рук** 203, 300
- Возрождение** 8, 32, 34, 167, 171, 198-199, 203, 207, 220-221, 253, 270, 328, 339, 347-348, 363-364, 390-391, 417, 420, 423, 427, 446, 448, 463, 508, 517
- всуществование** 110, 367, 415
- Вульгата** 329, 338, 373, 488, 528
- гадес** 70
- галенисты** 444
- гиллермены** 270, 298
- гимнология** 60-61
- гуленоты** 6, 19, 68, 100, 108-109, 136, 150, 153-154, 159, 163, 170, 179, 189, 206, 220, 238, 291, 325, 389, 423, 429, 482, 492-494, 503, 520-525, 532-534
- двойное предопределение** 331, 340, 344
- демократия** 6, 14, 53, 87, 91, 93, 98, 103, 110, 169, 183, 190, 290, 294, 303, 325, 507
- Десятословие** 173
- детокрещенцы** 58
- диспенсации** 454
- диспут**
- баденский 74-75
  - бернский 525
  - лейпцигский 45, 74
  - марбургский 33-34, 43, 63, 67, 78, 80, 524
  - цюрихский 56
- диссентеры** 238
- договор**
- Амбуазский 492
  - в Аугсбурге 375
  - Вестфальский 110, 114, 408, 430, 494
  - в Иланце 115
  - в Кьявенне 108
  - во Флексе 525
- «Додекахордон»** 86
- донатисты** 57, 288, 304, 336, 364, 428, 485
- Дортский канон** 350, 496
- дуалистический партикуляризм** 359
- евииониты** 196
- единосущие** 405-406, 454, 471
- епископалы** 355
- иезуиты** 104-106, 126, 140, 177, 185, 195, 207, 391, 405, 516, 531
- измаильяне** 460
- импанация** 244, 415
- индепенденты** 228, 295, 391, 437, 498
- инквизиция** 97, 100-102, 106-107, 207, 220-221, 302, 370, 389, 394, 397-398, 404, 419-420, 426, 429-430, 464
- интерим** 374-375, 400, 408
- инфралапсарианство** 137, 339, 343-344, 350
- ипостаси** 454
- ирвингиане** 131
- исповедание**
- Аугсбургское 17, 58, 101, 105, 110, 118, 144, 240, 247, 288, 348, 407, 410-411, 433, 494, 497
  - I Базельское 81, 141-143
  - II Базельское 143
  - Бельгийское 335, 343, 350, 496
  - Бранденбургское 350
  - вальденское 493
  - Вестминстерское 70, 228, 289, 335, 339, 343-344, 347, 350-351, 353, 368
  - Вюртембергское 105
  - Галликанское 172
  - I Гельветическое 51, 142-144, 209, 350
  - II Гельветическое 98, 110, 137, 139, 142-143, 289, 335, 350, 406, 436
  - Ла-Рошельское 492
  - Тетраполитанское 110, 232, 366, 460
  - Французское 350
  - Швабское 366
  - Шотландское 70, 289, 350
- II Шотландское** 348, 460
- исхождение Духа** 456
- Капшельская война** 83, 134
- Капшельский мир** 16, 116
- Капшельское аббатство** 124
- катехизис**
- Большой 225, 350
  - Вестминстерский 226, 368
  - Гейдельбергский 110, 144, 181, 226, 350, 368, 387, 413-415, 494, 496
  - Ноуэлла 226
  - Палатинатский 413
- квакеры** 338, 348, 437
- квиеитисты** 292
- ковенантеры** 19, 68, 170, 238
- кодекс Юстиниана** 429
- колдовство** 308-309, 418, 476
- Комплутенская полиглотта** 329-330
- кон-ин-субстанциация** 415
- конгрегационалисты** 6, 17, 55, 96, 170, 228, 295-296, 339, 355, 368, 498
- Константинов дар** 441
- контрреформация** 73, 89, 104, 106, 125, 127, 193, 207
- космопантеизм** 457
- крещение** 45, 49, 54-61, 63-65, 68, 70, 114, 119, 141, 161, 168, 170, 173, 202, 214, 227, 235, 238, 247, 257, 286, 288-289, 301, 315, 341, 346-348, 363-365, 367, 390, 393, 401, 416, 440, 445-446, 448-449, 452, 456, 458-460, 462-463, 465, 470, 476, 480
- детей** 56, 63, 348, 365, 452, 476
- криптокальвинисты** 408
- ладинский язык** 92
- латитудинарии** 84, 402, 437

- либертины 173, 228, 280, 303, 308-309, 311-314, 317-319, 321, 323, 426, 467-469, 471, 474, 476, 480, 508
- Мазаринская библиотека** 149
- манихеи 311, 336-337, 428, 483
- маринские беженцы 225
- масореты 142, 334
- меланхтониане 408, 411
- меннониты 54
- методисты 338
- молинисты 292
- моравские братья 58, 493
- моральная неспособность 341, 371
- неоплатонизм 455
- нетерпимость 18, 32, 96, 101, 109, 124, 142, 178, 228, 249, 283, 325, 386-387, 402, 408, 422-423, 425-428, 430-432, 436-437, 479, 485-486, 492, 510
- никодимиты 379-380
- оправдание верой 18, 32, 66, 101, 157, 212, 243, 335, 340, 373, 397, 493, 515
- отлучение 56, 81, 141, 163, 226-228, 235, 242, 301, 303, 305-306, 320-321, 415, 427, 468, 470, 473
- пантеизм 68-69, 346, 356, 451, 456-457
- панхристизм 451
- педобаптисты 58-59, 63
- пелагианство 69, 119, 149, 280, 335, 337, 349, 355, 370-371, 373, 383, 388, 390, 403, 451-452, 457, 474
- первородный грех 27, 68-69, 73, 119, 243, 346, 373, 390, 392, 458
- перикопы 35
- погружение 59-60, 219, 238, 365
- полигамия 388, 401
- полублаженство 346
- полупапизм 55
- полупелагианство 27, 69, 137, 335, 337, 341, 355, 370-371, 373
- предведение 67
- предестинарии 340-341, 346
- предопределение 17-18, 26-27, 67-68, 105, 137, 144, 163, 167, 173-174, 215, 219, 226, 246, 248-249, 290, 331, 337-345, 348-356, 362, 369-370, 382-388, 390-393, 399, 401, 410, 434, 457-458, 478, 489, 491, 495-497, 511
- предузнание 337, 391
- предызбрание 67, 184, 215
- пресвитерианство 295, 348, 355, 391, 437, 498
- пресвитериат 203
- присциллиане 481
- протоевангелие 333
- психопанния 173
- пуриτανство 6, 17, 114, 170, 190, 296, 307, 498
- раввинистическое предание 459
- радикализм 55, 206, 228, 287
- рационализм 33, 64, 99, 132, 169, 298, 386-387, 391, 440, 445, 452
- рейхстаг
- в Аугсбурге 65, 83, 101, 110, 117-118, 144, 233, 366, 374, 438
- в Вормсе 78, 261, 287
- в Иланце 96
- в Регенсбурге 240, 242, 246, 442
- в Шпейере 53, 63, 432
- в Штансе 5
- в Эйзидельне 83
- религиозная свобода 6, 18, 55, 63, 92, 96, 108, 115, 117, 125, 131, 136, 150, 154, 171, 183, 304, 325, 339, 389, 427, 430, 432, 437, 481, 483, 485, 495
- реликвии 47-48, 87, 92, 155, 157, 161, 173, 227, 237, 376-378, 399
- респонсория 49
- ретороманский язык 92, 97-98
- романизм 163, 171, 200
- руманнский диалект 92
- савеллианство 390, 406, 451
- сакраментария 249, 366, 369, 408-409, 411, 415
- самосатская ересь 451
- сатанология 423
- свобода воли 167, 173, 248-249, 253, 340, 343, 345, 347, 355, 370-371, 382-383, 386, 391, 393, 399, 401, 410, 458, 475, 478, 511
- священство верующих 18, 87, 169, 203, 237, 297
- Силлабус 430
- символ веры
- Апостольский 75-76, 81, 97, 139, 164, 214, 236-237, 283, 288, 340, 387, 394, 401, 452, 491
- Афанасьевский 224, 404, 431
- Никейский 340, 392, 428, 452
- псевдо-Афанасьевский 392
- Халкидонский 94
- симония 399
- синергизм 69, 246, 341, 355
- синод
- в Берне 77, 158
- в Гомберге 43
- в Дебрецине 144
- в Дорте 140, 431, 496
- в Ла-Рошелли 144, 492, 523
- Ламбетский 351
- в Лионе 383
- в Лозанне 224, 229-230
- в Милане 15
- в Ниме 524
- в Оранже 337
- в Пинчове 405
- в Санкт-Галлене 117
- в Тоггенбурге 117
- Тридентский 370
- во Фрауэнфельде 117
- в Шанфоране 158
- в Штутгарте 415
- Сицилийская вечеря 106
- собор
- в Базеле 16, 211
- Ватиканский 7, 104
- в Дублине 351
- I Константинопольский 428
- в Констанце 16, 430
- в Мантуе 101
- в Милане 94
- I Никейский 428, 450, 454, 461, 471
- II Никейский 454
- в Регенсбурге 73
- Тридентский 29, 89, 103-105, 107, 143, 164, 173, 202, 253, 371-374, 402
- в Халкидоне 452
- в Цюрихе 65
- согласие
- Виттенбергское 137, 141, 143, 233, 366, 407, 410
- Гельветическая формула 77, 142, 334, 350
- Женевское 142, 144, 249
- Лютеранская формула 170
- Цюрихское 142, 144, 161, 368, 393, 407-409
- сотериология 66
- социнианство 69, 100, 106, 169, 173, 332, 388-389, 391, 423, 437, 440, 479
- спасение детей 71, 131, 151, 339, 347-348, 460
- спиритуалы 311
- старокатолики 104, 131
- статьи
- Вестминстерские 498
- Ирландские 170, 350-351, 498
- Ламбетские 170, 350-351, 498
- Сорбонские 378
- Тридцать девять 170, 298, 351, 497
- Шмалькальденские 295
- сублассарианство 343
- субординационизм 406
- суперинтенданты 87, 295
- супернатурализм 66, 392
- супралапсарианство 68-69, 341, 343-345, 356-358, 503
- терпимость 33-34, 57, 64, 84, 111, 115, 125, 128-129, 138, 148, 170, 178, 198-199, 213, 228, 309, 383, 386, 388, 390-391, 394, 423, 425-428, 430-431, 437, 476, 483-485, 510
- тринитария 392, 454
- троебожие 390
- трописты 461
- тюбингенская школа 33, 212
- ультралютеранство 410, 414
- ультрамонтанство 503
- ультрапротестантизм 55

- универсализм 356, 358-359, 403
- унитарии 95, 100, 138, 388, 391, 394, 405, 423, 496
- устояние 76, 218, 340, 345, 349, 351-352
- фатализм 68-69, 246, 346, 356
- филипписты 408
- халкидонская христология 94
- хилиазм 433, 436, 463
- хлебопоклонение 412-413, 415
- христократия 169
- хриstopантеизм 452, 456-457
- цезарепапизм 53
- целибат 15-16, 29, 43, 95-96, 141, 157, 306
- цистерцианцы 112, 134, 515
- цицеронианство 386
- чума 38, 42, 65, 97, 135, 139-140, 144, 235, 239, 244, 246, 251, 263, 266, 278, 308-309, 387, 402, 404, 436, 517, 523
- швенкфельдианство 61, 431
- шеол 70, 460, 462
- Шмалькальденская война 112, 250
- Шмалькальденская лига 110, 117, 127, 241, 374-375, 400, 492-493
- эдикт
  - Вормский 15
  - Нантский 148, 153, 176, 429-430, 493-494, 503, 525, 534
- о веротерпимости, Константина Великого 428
- Феодосия I 404
- «январский» 520
- экзорцизм 45, 49, 202, 238, 247
- эманации 455
- эразмианство 374
- эрастианство 298
- эсхатология 69-70, 213, 339, 462
- янсенисты 355

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	9

Книга II ШВЕЙЦАРСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ

ГЛАВА I ВВЕДЕНИЕ

§1. Швейцария до Реформации	13
§2. Швейцарская Реформация	15
§3. Дух швейцарской Реформации в сравнении с немецкой	17
§4. Литература о швейцарской Реформации	19

ГЛАВА II ПОДГОТОВКА ЦВИНГЛИ

§5. Литература о Цвингли	22
§6. Рождение и образование Цвингли	25
§7. Цвингли в Гларусе	26
§8. Цвингли в Эйнзидельне	30
§9. Цвингли и Лютер	32

ГЛАВА III РЕФОРМАЦИЯ В ЦЮРИХЕ. 1519 — 1526

§10. Цвингли приглашен в Цюрих	35
§11. Общественная деятельность и частные исследования Цвингли	36
§12. Цвингли и торговля индульгенциями	37
§13. Цвингли во время чумы	38
§14. Открытый разрыв. Спор о постах. 1522	40
§15. Прошение об упразднении celibата клириков. Брак Цвингли	41
§16. Цвингли и Ламберт Авиньонский	43
§17. Шестьдесят семь тезисов	43

§18. Публичный диспут	44
§19. Упразднение римско-католического поклонения. 1524	47
§20. Совершение вечери Господней у реформаторов	48
§21. Другие церкви. Богословская школа. Каролинум. Система богословия	49
§22. Перевод Библии. Леон Юд	50
§23. Церковь и государство	52
§24. Конфликт Цвингли с радикализмом	53
§25. Спор о крещении	58
§26. Гонения на анабаптистов	61
§27. Спор о евхаристии. Цвингли и Лютер	63
§28. Труды Цвингли	65
§29. Богословие Цвингли	66

ГЛАВА IV

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕФОРМАЦИИ В ШВЕЙЦАРИИ

§30. Швейцарский рейхстаг и Баденская встреча. 1526	72
§31. Реформация в Берне	74
§32. Реформация в Базеле. Эколампадий	77
§33. Реформация в Гларусе. Чуди. Глареан	83
§34. Реформация в Санкт-Галлене, Тоггенбурге и Аппенцелле. Ватт и Кесслер	87
§35. Реформация в Шафхаузене. Гофмейстер	90
§36. Граубюнден (Гриджони)	91
§37. Реформация в Граубюндене. Командер. Галлиций. Кампелл	94
§38. Реформация в итальянских долинах Граубюндена. Вергерий	99
§39. Протестантизм в Кьявенне и Валтеллине и его подавление. Бойня в Валтеллине. Георг Йенах	105
§40. Община Локарно	108
§41. Цвинглианство в Германии	109

ГЛАВА V

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА МЕЖДУ КАТОЛИЧЕСКИМИ И РЕФОРМАТСКИМИ КАНТОНАМИ

§42. Первая Каппельская война. 1529	111
§43. Первый Каппельский мир. Июнь 1529 г.	114
§44. Между войнами. Политические планы Цвингли	116
§45. Последние богословские труды Цвингли. Его вероисповедание	117
§46. Вторая Каппельская война. 1531	119
§47. Смерть Цвингли	122
§48. Размышления о катастрофе в Каппеле	124
§49. Второй Каппельский мир. Ноябрь 1531 г.	127
§50. Католическая реакция	129
§51. Сравнение сил среди конфессий Швейцарии	130
§52. Возрождение Цвингли	131

ГЛАВА VI

ПЕРИОД КОНСОЛИДАЦИИ

§53. Литература	133
§54. Генрих Буллинггер	134
§55. Антист Брейтингер	139
§56. Освальд Миконий, антист Базеля	140
§57. Гельветические вероисповедания	142

Книга III

РЕФОРМАЦИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ, ИЛИ КАЛЬВИНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ГЛАВА VII

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ РАБОТА. 1526 — 1536

§58. Литература о Кальвине и Реформации во французской Швейцарии	147
§59. Положение французской Швейцарии до Реформации	152
§60. Гильом Фарель	155
§61. Фарель в Женеве. Первый акт Реформации. 1535	159
§62. Последние труды Фареля	161
§63. Пьер Вире и Реформация в Лозанне	162
§64. Антуан Фроман	164

ГЛАВА VIII

ЖАН КАЛЬВИН И ЕГО ТРУДЫ

§65. Жан Кальвин в сравнении с реформаторами старшего поколения	166
§66. Место Кальвина в истории	168
§67. Литературные труды Кальвина	172
§68. Дань памяти Кальвину	174

ГЛАВА IX

ИЗ ФРАНЦИИ В ШВЕЙЦАРИЮ

§69. Юность и воспитание Кальвина	192
§70. Кальвин как студент французских университетов. 1528 — 1533	196
§71. Кальвин как гуманист. Комментарий к Сенеке	199
§72. Обращение Кальвина. 1532	200
§73. Призвание Кальвина	201
§74. Открытый разрыв. Академическая речь. 1533	204
§75. Гонения на протестантов в Париже. 1534	205

§76. <i>Кальвин как странствующий благовестник. 1533 — 1536</i>	207
§77. <i>«Сон души». 1534</i>	209
§78. <i>Кальвин в Базеле. 1535 — 1536</i>	209
§79. <i>«Наставления в христианской вере»</i>	210
§80. <i>Из Базеля в Феррару. Герцогиня Рене</i>	220

ГЛАВА X

ПЕРВОЕ ПРЕБЫВАНИЕ И ТРУДЫ КАЛЬВИНА В ЖЕНЕВЕ. 1536 — 1538

§81. <i>Приезд и пребывание Кальвина в Женеве</i>	222
§82. <i>Первые труды и испытания</i>	223
§83. <i>Реформаторы вводят порядок и дисциплину</i>	225
§84. <i>Изгнание реформаторов. 1538</i>	228

ГЛАВА XI

КАЛЬВИН В ГЕРМАНИИ. 1538 — 1541

§85. <i>Кальвин в Страсбурге</i>	232
§86. <i>Церковь беженцев в Страсбурге</i>	234
§87. <i>Литургия Кальвина</i>	236
§88. <i>Кальвин как учитель богословия и автор</i>	239
§89. <i>Кальвин на встречах во Франкфурте, в Вормсе и Регенсбурге</i>	240
§90. <i>Кальвин и Меланхтон</i>	244
§91. <i>Кальвин и Садолет. Оправдание Реформации</i>	252
§92. <i>Брак Кальвина и его семейная жизнь</i>	261

ГЛАВА XII

ВТОРОЕ ПРЕБЫВАНИЕ И ТРУДЫ КАЛЬВИНА В ЖЕНЕВЕ. 1541 — 1564

§93. <i>Женева после изгнания реформаторов</i>	269
§94. <i>Призвание Кальвина в Женеву</i>	271
§95. <i>Возвращение Кальвина в Женеву. 1541</i>	274
§96. <i>Первый год после возвращения</i>	276
§97. <i>Обзор деятельности Кальвина</i>	280

ГЛАВА XIII

КОНСТИТУЦИЯ И ДИСЦИПЛИНА В ЖЕНЕВСКОЙ ЦЕРКВИ

§98. <i>Литература</i>	282
§99. <i>Представления Кальвина о Святой Католической церкви</i>	282
§100. <i>Видимая и невидимая церковь</i>	288
§101. <i>Гражданское управление</i>	290
§102. <i>Отличительные особенности церковной политики Кальвина</i>	293

§103. Церковь и государство	296
§104. Церковные правила	298
§105. Совет достопочтенных и консистория	302
§106. Теория Кальвина о дисциплине	303
§107. Дисциплина в Женеве	307
§108. Борьба Кальвина с патриотами и либертинами	309
§109. Вожди либертинов и их наказание: Грюэ, Перрен, Амо, Вандель, Бертелье	313
§110. Возрожденная Женева. Свидетельства древние и новые	321

ГЛАВА XIV

БОГОСЛОВИЕ КАЛЬВИНА

§111. Комментарии Кальвина	327
§112. Система кальвинизма	335
§113. Предопределение	339
§114. Исследование кальвинизма	353
§115. Теория Кальвина о таинствах	362
§116. Крещение	363
§117. Вечера Господня. Цюрихское согласие	366

ГЛАВА XV

БОГОСЛОВСКИЕ СПОРЫ

§118. Кальвин как участник споров	369
§119. Кальвин и Пигий	370
§120. Антипапские труды. Критика Тридентского собора. 1547	372
§121. Против немецкого интерима. 1549	374
§122. Против поклонения реликвиям. 1543	375
§123. Сорбоннские статьи и возражение на них. 1544	378
§124. Кальвин и никодимиты. 1544	379
§125. Кальвин и Бользек	381
§126. Кальвин и Кастеллион	385
§127. Кальвинизм и унитаризм. Итальянские беженцы	389
§128. Кальвин и Лелей Социн	392
§129. Бернардино Окино. 1487 — 1565	394
§130. Целий Секунд Курион. 1503 — 1569	402
§131. Итальянские антитринитарии в Женеве. Грибальдо, Биандрата, Альчати, Джентиле	403
§132. Споры о евхаристии. Кальвин и Вестфаль	406
§133. Кальвин и Аугсбургское вероисповедание. Позиция Меланхтона во втором споре о евхаристии	410
§134. Кальвин и Гесгузий	414
§135. Кальвин и астрологи	417

ГЛАВА XVI

**СЕРВЕТ: ЕГО ЖИЗНЬ, ВЗГЛЯДЫ,
СУД НАД НИМ И ЕГО КАЗНЬ**

§136. Литература о Сервете	420
§137. Кальвин и Сервет	423
§138. Нетерпимость католиков	426
§139. Протестантская нетерпимость. Осуждение Сервета реформаторами	430
§140. Ранние годы Сервета	437
§141. Книга против святой Троицы	439
§142. Сервет как географ	442
§143. Сервет как врач, ученый и астролог	444
§144. Сервет во Вьенне. Его примечания к Библии	445
§145. Переписка Сервета с Кальвином и Пупеном	446
§146. «Восстановление христианства»	449
§147. Богословская система Сервета	451
§148. Суд над Серветом и его осуждение во Вьенне	463
§149. Бегство Сервета в Женеву и его арест	466
§150. Положение политических партий в Женеве в 1553 г.	468
§151. Первый суд в Женеве	469
§152. Второй суд в Женеве	471
§153. Мнение швейцарских церквей. Презрительное отношение Сервета	475
§154. Осуждение Сервета	476
§155. Казнь Сервета. 27 октября 1553 г.	477
§156. Характер Сервета	479
§157. Кальвин выступает за смертную казнь еретиков	481
§158. Мольба о религиозной свободе. Каstellлион и Беза	483

ГЛАВА XVII

КАЛЬВИН ЗА ГРАНИЦЕЙ

§159. Католический дух Кальвина	487
§160. Женеве как убежище протестантов разных стран	489
§161. Женевская академия. Высшая школа реформатского богословия	490
§162. Влияние Кальвина на реформатские церкви континентальной Европы	491
§163. Влияние Кальвина на Великобританию	497

ГЛАВА XVIII

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЭПИЗОДЫ ЖИЗНИ КАЛЬВИНА

§164. Последние дни жизни и смерть Кальвина	499
§165. Завещание Кальвина и его прощальные обращения	504
§166. Личный характер и привычки Кальвина	507

ГЛАВА XIX

ТЕОДОР БЕЗА

§167. Жизнь Безы до его обращения	514
§168. Беза в Лозанне. Петиции к немецким князьям	517
§169. Беза в Женеве	518
§170. Беза на диспуте в Пуасси	519
§171. Беза как советник у гугенотов	520
§172. Беза как преемник Кальвина, до 1586 г.	523
§173. Беседы Безы с лютеранами	524
§174. Беза и Генрих IV	525
§175. Последние дни Безы	526
§176. Произведения Безы	528
ПРИЛОЖЕНИЕ	531